

ПРОИСХОЖДЕНИЕ
КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО
И
ОСЕТИНСКОГО НАРОДОВ

НАЛЬЧИК - 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

ГЛАВА I. ВЕЛИКАЯ СТЕПЬ

Тяжелая пята идеологии. Рождение теории. Великая степь в эпоху бронзы. Железный век в Азии. Хунну. Скифы. Сарматы. Завоевание Европы. Фактам вопреки. Дикая история. Пастухи-дипломаты. Чудотворец Баян. Авары и византийцы. Крушение каганата.

ГЛАВА II. ОПАЛЬНЫЕ НАРОДЫ

Болгары. Хазары. Печенеги. Кочевники-моржи. Половцы. Летучие люди. «Темные века». Кочевники-мореходы. По земле и по карте. Сумбур вместо музыки. Семь веков военной демократии. С высоты птичьего полета. Рабы на тронах. О работах Л. Н. Гумилева. Во власти образа.

ГЛАВА III. СКИФО-САРМАТЫ

О глоссарии В. И. Абаева. Моря и реки. Города и местности. Этнонимы. Цари, вожди, полководцы. Термины. Тюркские имена. Иранские имена. Неясные имена. Иноземцы с иранскими именами. О работе Г. И. Дремина. Этнонимы и топонимы. Имена. Термины и выражения. Правдивый Геродот.

ГЛАВА IV. АЛАНЫ

Этнонимы. Аланские имена. Имена асов в Монголии. Имена венгерских алан. Иоанн Цец. Зеленчукская надпись. Эти неугомонные аланы. Осетины и финно-угры. О статье Ю. Немета. Ясы, ясони, куны. Хорезмийцы. Осетины и славяне. Осетины и евреи. Осетины и тюрки. Арабизмы в осетинском.

ГЛАВА V. КАВКАЗ

Терра инкогнита. Осетины и грузины. Картвелизмы в осетинском. Осетины и мингрелы. Осетины и сваны. Осетины и абхазы. Неведомые знакомцы. Осетины и ногайцы. Осетины и кабардинцы. Осетины и вайнахи. Выводы.

ГЛАВА VI. КАМЕНЬ ПРЕТКНОВЕНИЯ

О топонимии Балкарии и Карачая. Топонимы и гидронимы. Три термина. Горы и равнина. Чудесные обмены. Схождения в лексике. Научная сессия 1959 года. Научная сессия 1966 года. Гагкаев против Абаева.

ГЛАВА VII. ЭТНОНИМИЧЕСКАЯ ДИВЕРСИЯ

Парадоксальные кипчаки. Предания иранистов. Эти упорные тюрки. На Баксане и Чегеме. Камень в озере. Неправильные асы. Беспамятные соседи. В свете истины.

ГЛАВА VIII. ИСТОРИЯ В СЛОВЕ

Язык и история. Ландшафт. Флора. Фауна. Птицы. Хищные зубры Кавказа. Земледелие. Пища. Одежда. Поселения и жилища. Утварь. Металлы. Торговля. Забывчивые пастухи. Коневоды. Неправильные термины. Список Цховребова. Тамги. Культура. Военная терминология. Социальные термины. Религия. О плодах просвещения.

ГЛАВА IX. ОСЕТИНСКИЙ ЭПОС

Об истоках Нартиады. Неопознаваемые песни. Нарты и монголы. Спор об имени. О содружестве певцов. Рождение эпоса. Происхождение термина «нарт». Начало эпоса. Моря и их обитатели. Гидронимы. Горы. Страны. Баргун. Нарты и вайнахи. Равнины. Каджи. Другие этнонимы. Нарты и тюрки.

ГЛАВА X. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ГЕРОЕВ

Родоначальники нартов. Урызмаг и Шатана. Аца и Ацамаз. Песнь о князе

Ачее. Хамыц. Имя для героя. Великий змей. Смерть Батраза. Тенгрианцы и язычники. Ос-Багатар. Созырыко (Сослан). Рождение Сосурука. Похищение огня. Балсаг (Ойнон). Тотрадз. Сырдон. Сайнаг-алдар. Сыбалци. Уаргон и Сауай. Челахсертаг. Бедзенаг и Арахцау.

ГЛАВА XI. ОТ БОСПОРА ДО КИТАЯ

Кафтысар. Маргудз. Великаны и чудовища. «Сухское побоище». «Хатиагский язык». Термины и выражения. Немного об искусстве.

ГЛАВА XII. НОВЫЕ ВРЕМЕНА

«Анахронизмы». Заговор хронистов. Ленивая история. Шкала. Новая Хронология. Революция. «Новые хронологи» – о тюрках. Прародина. Великая тайна археологов. «Автохтоны». «Пришельцы».

ГЛАВА XIII. ОТ ДУНАЯ ДО КУБАНИ

Касты. Народы и касты. Потоп. Первоимперия. Скифия. Катакомбники и киммерийцы. Война в Киммерии. Чинты и синды. Тулонцы и кибиты.

ГЛАВА XIV. ДРУГАЯ ИСТОРИЯ ТЮРКОВ

Этнонимы. Рождение Тюркского каганата. Хазария? О салтово-маяцкой культуре. Великое расселение тюрков. На юг. На восток. Японцы и тюрки. Аланы на Пиренеях (приложение). Гунны и Рим.

ГЛАВА XV. РАСПАД ВЕЛИКОГО КАГАНАТА

Маздакиты. Хорезм. Эмигранты. Тюркюты и Хорезм. Переворот. Восстание аваров. Новый каганат. Хазария и Русь. Авары и османы. Чингисхан. Барсил Карачай. Тауасстан. Конец века воинов.

ГЛАВА XVI. О РЕЛИГИИ ОСЕТИН

О культе семи богов. Пропавшие богини. Христианство? Пантеон. Святой Георгий. Свидетельства. Язычество. Дуализм.

ГЛАВА XVII. АВТОХТОНЫ

Народ. Государство. Нузал. О «царских» фамилиях. Три рода. Три золотых предмета. Сословия. Сословный вопрос. Потомки таубиев. Аталычество. Именник осетинских феодалов. О чем поведали цифры.

ГЛАВА XVIII. ПАМЯТЬ ЗЕМЛИ

Субстрат. О самоназваниях осетин. Римляне в Осетии. Монголы в Осетии. Тюрки в Осетии. Осетино-тюркские фамилии.

ГЛАВА XIX. ВСТРЕЧА НА ГРЕБНЕ ГОР

Иронцы и дигорцы. Странная история дигорцев. Дигорцы и тюрки. Карачаево-балкаро-дигорские лексические схождения. Дигоро-тюркские фамилии. Тагаурцы. Туальцы. О топонимах Южной Осетии. О склепах. Русско-осетинские отношения. Исход из Ирана. ТАБЛИЦА

ПОСЛЕСЛОВИЕ

*Памяти
Ахмата Байрамкулова,
Исмаила Мизиева,
Арсена Кубанова,*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга вышла в 2010 г. (Нальчик), к сожалению, с большими сокращениями. Предлагаем вниманию читателей первоначальный текст монографии, с незначительными стилистическими поправками.

Кавказоведам давно было ясно, что этногенез карачаево-балкарцев и этногенез осетин представляют собой два взаимосвязанных процесса; эта связь оказалась настолько неразрывной, что автору пришлось назвать свою книгу «Происхождение карачаево-балкарского и осетинского народов». Если какие-то два разноязычных этноса на Кавказе можно назвать братскими, то, в первую очередь, осетин и карачаево-балкарцев - так много общего в их языке и культуре. Но, к сожалению, именно это общее и стало причиной тянувшейся почти пять десятков лет дискуссии, предметом которой является этническая история.

Ныне большинство специалистов считает, что осетинский народ сформировался в результате смешения древних кочевников восточноевропейских степей (скифов и аланов) с какими-то местными «кавказоязычными» племенами (потомками создателей кобанской археологической культуры), что проблема его происхождения давно разрешена и осталось только найти ответы на некоторые частные вопросы. Детальным исследованием этногенеза карачаево-балкарцев академическая наука почти не занималась, в середине XX в. раз и навсегда решив, что их тюркоязычные предки (то ли болгары, то ли кипчаки), неизвестно когда пришедшие откуда-то из Азии, неизвестно когда и как ассимилировали живших на территории нынешних Балкарии и Карачая ираноязычных алан-осетин; в результате их смешения и возник народ, населяющий территорию по обе стороны от Эльбруса. Но в середине 60-х годов XX в. некоторые карачаево-балкарские исследователи стали утверждать, что среди скифо-сарматских племен в Восточной Европе (и их соплеменников в Азии – саков, массагетов и др.) были тюркоязычные племена, одним из которых являлись аланы (первым высказал такое мнение проф. У. Б. Алиев, в 1959 г.).

Их утверждения были восприняты академической наукой как не имеющие никаких оснований, а работы, в которых приводилось огромное количество аргументов и фактов, отнесены к разряду антинаучных. Более того, против этих авторов выдвигались весьма жесткие (и, на наш взгляд, весьма странные) обвинения в поиске великих и престижных предков, желании присвоить чужую историю, фальсификации, и т. п.; получалось, что других причин и оснований отвергать признанную всеми теорию (причем без всякой надежды на успех) у них нет и быть не может. В результате, вместо дружественного диалога и сотрудничества осетинских и карачаево-балкарских ученых, благодаря чему можно было прийти к успешному разрешению проблемы, началась и продолжается невнятная полемика.

Тема, раскрытию которой посвящена наша работа, не представляется нам самой востребованной (такой период, кажется, уже прошел). Книга появилась, с одной стороны, как результат 40 лет поисков и размышлений об этногенезе тюрков, и, в частности, карачаево-балкарцев, а с другой - как попытка (пусть и очень запоздалая) на конкретном материале объяснить и специалистам, и широкому читателю, почему многие карачаево-балкарские исследователи (в их числе и автор этих строк) пришли к выводам, которые у наших оппонентов, к сожалению, получили столь негативную оценку. В той ситуации, в

которой оказались исследователи этногенеза карачаево-балкарского и осетинского народов, наилучшим выходом нам представляется спокойная и всесторонняя проверка существующих точек зрения в столкновении с логикой фактов и аргументов. **Следует обратиться именно к фактам, а не только к мнениям тех или иных ученых**, многим из которых сотни данных, причем лежащих буквально на поверхности, были неизвестны. Поэтому автор ставил перед собой две задачи: привести максимальное количество данных, относящихся к теме, и сделать логически вытекающие из них выводы, какими бы неожиданными они ни оказались.

Иной читатель может, пожалуй, поставить мне в вину, что я иногда прибегаю к иронии (которая, как известно, хороша только в определенной мере). Могу сказать следующее. Любое исследование представляет собой попытку дать ответ на какие-то вопросы и поставить новые, подтвердить или опровергнуть. Я прекрасно понимаю, что за каждой книгой, статьей, научным отчетом стоит труд большого количества людей, заслуживающих глубокого уважения. Но, читая работы многих авторов, посвященные этнической истории тюрков, карачаево-балкарцев и осетин, можно убедиться, что огромное количество фактов ими попросту игнорировалось, или получало уклончивые, уводящие в сторону, а часто и алогичные объяснения и интерпретации. Нам не оставалось ничего другого, как показывать, к каким следствиям приводят толкования, предположения и утверждения, ко многим из которых серьезно относиться невозможно (т. е. заниматься тем, о чем говорится в турецкой поговорке: «Один умник бросил в озеро камень, а другой пытался его оттуда вытащить»). Иронические вопросы и замечания в этой книге вызваны не чрезмерным количеством желчи в моем организме, а сознательными и очевидными нарушениями объективности, логики и требований здравого смысла, которые встречаются в тех или иных работах.

В книге использованы, в основном, материалы языка, фольклора, археологии и религии; анализа нарративных источников в ней почти нет, за исключением сведений из «Истории» Геродота. Тем не менее, задуманная нами монография постепенно превратилась в толстый том – в первую очередь, по той причине, что в ней много обширных и прямых цитат из работ многих исследователей. Но иного выхода не было; это, как мы полагаем, полезно и для тех читателей, которые не имеют времени или возможности самостоятельно сопоставлять различные точки зрения. К сожалению, из-за превышения объема почти все главы книги подверглись значительному сокращению.

Круг затронутых в книге тем и вопросов весьма обширен, поэтому повторы некоторых сведений и выводов были необходимы и оставлены в тексте намеренно. Если в тексте встретятся идеи и концепции, уже высказанные другими исследователями, без ссылок на их работы, это вызвано простым незнанием; мы заранее просим у этих авторов извинения и беспрекословно признаем их приоритет. Надеемся также, что будущие оппоненты не унизятся до обвинений автора в желании «присвоить чужую историю», «поиске великих предков», «стремлении обосновать исконность», неуважении к народу (или к народам), а постараются объективно рассмотреть выдвинутые им доводы.

Значение некоторых слов, аббревиатур и выражений, которые наиболее часто встретятся в книге:

Каноническая версия история – система представлений о прошлом человечества, выработанная позитивистской наукой и утвердившаяся в ней в XIX-XX вв.

Академисты – ученые, верующие в правильность канонической версии истории и развивающие установленные ею положения.

Иранисты – сторонники теории, согласно которой скифо-сармато-саки, древние насельники Великой степи, были ираноязычными кочевниками; **ирановеды** – специалисты по истории, культуре и языкам иранских народов.

РОС – «Русско-осетинский словарь». М., 1970.

ОРС – «Осетинско-русский словарь». Орджоникидзе, 1970.

ИЭСОЯ – В. И. Абаев. «Историко-этимологический словарь осетинского языка», в 4 томах, М.-Л., 1958-1989.

Во многих случаях (но, разумеется, не во всех) определение «тюркский (ое)» одновременно означает и «карачаево-балкарский (ое)», что ясно по контексту.

ГЛАВА I. ВЕЛИКАЯ СТЕПЬ

ТЯЖЕЛАЯ ПЯТА ИДЕОЛОГИИ

Читая работы по истории, можно прийти к странному заключению: среди многообразных фобий есть и тюркофобия, но ее почему-то нет ни в бытовом плане, ни в искусстве, ни в литературе, ни в религии – только в науке истории. В чем же дело? Начав играть ведущую роль в мировом цивилизационном процессе, и размышляя о причинах своих успехов, европейцы, конечно же, пришли к выводу, что их средневековые предки стали успешно развивать науки и искусства, укреплять государства, армии, церковь и пр., потому что опирались на великое наследие Греции и Рима. Где-то на периферии сего процесса находились отсталые угро-финны, восточные славяне и турки. Но вот же досада – в хрониках говорилось, что гунны и авары, печенег и турки, как и славяне, часто побеждали славных европейцев, и что весь континент трепетал перед их «кочевыми ордами». (Со славянами западные историки кое-как еще мирились – все-таки христиане; но уже Гегель называл их народами «неисторическими»).

Всюду, куда приходили европейские армии, они добивались успеха (отдельные поражения не в счет), но туркам они неизменно проигрывали. Пятьсот лет ничего не могли поделать с гуннами, аварами, болгарами. Крестоносное рыцарство всей Европы разбили сельджуки и мамлюки. Арабы и берберы, которых возглавляли турки (добровольцы-кардаши, «братья»), несмотря на предательство местных царьков, выбросили из Северной Африки армии поздних крестоносцев (испанцев, португальцев, венецианцев). На Средиземном и Черном морях три столетия господствовал турецкий флот, созданный вчерашними «кочевниками». И не европейцы осаждали Стамбул, а османы – Вену. Бесславно закончилась и попытка Наполеона Бонапарта отобрать у турков Палестину. Следовало найти всему этому какое-то объяснение, приемлемое для ущемленного самолюбия.

Любые империи и династии в своем начале обязательно прибегают к одному и тому же приему – стиранию памяти о своих предшественниках, время господства которых объявляется периодом мрака, жестокости и отсталости, который надо забыть как можно скорее; решая временные задачи, идеологи стараются выставить новую империю «вечной». Разумеется, всячески старались принизить и роль соседей, а, тем более, противоборствующих держав. Историческая наука (в нынешнем понимании термина) родилась и развивалась в Западной Европе, долгое время находившейся в противостоянии с тюркским миром, а затем и в зависимости от Османской империи, наследницы Византии. Современный автор отмечает, что до известной степени «негативный образ турок и Османской империи коренился в европейской традиции, формировавшейся в XVI-XVIII вв.» (Шнирельман, с. 435).

Много тюркоязычных народов вошло в состав России; негативный образ «главного врага» перенесли и на них. При Петре I началось строительство Российской империи – с помощью европейских государств, кровно заинтересованных в том, чтобы столкнуть ее с Блистательной Портой и скинуть с себя зависимость от нее. Следует учесть, что Россия до

1720 г. (как и Польша) продолжала платить дань сильнейшему наследнику Золотой Орды – Крымскому ханству (так называемые «поминки»), большая часть которой пересылалась в Стамбул; и только за пять лет до смерти Петра султан согласился снять с нее это бремя, в обмен на участие русских войск в войне Турции против Ирана (но царь нарушил свое обещание и вернул армию с пол-пути).

Тогда и понадобилась история, которая отвечала бы целям имперских идеологов, т. е. как можно более древняя и славная. И царь обратил внимание на древних насельников Северного Причерноморья и Кавказа – скифов. Согласно сказанию, которое приводит Геродот, нашествию скифов, двигавшихся с востока, подверглись родственные им и по языку, и по культуре, и по образу жизни (животноводы, номады-всадники) киммерийцы. Их цари предложили вступить в битву с захватчиками, но народ предпочел отступление в Малую Азию, пройдя туда по берегу Черного моря. Скифы же, как пишет Геродот, преследуя отступающих, сбились с дороги, прошли в Закавказье через Дарьяльское ущелье и двадцать восемь лет (некоторые современные авторы увеличивают этот срок до ста) бесчинствовали на Ближнем Востоке, дойдя в своих походах до Египта, вступая в разные коалиции и активно участвуя в столкновениях различных государств. Мидийский царь Киаксар пригласил скифских вождей на пир, где их и перебили. Оставшись без руководства, скифы вернулись в причерноморские степи.

Позже эти племена, господствующее положение среди которых занимали так называемые «царские», успешно отразили нашествие войск персидского царя Дария. Это произвело такое впечатление на соседние народы, что скифов долгое время считали непобедимыми. Наивысшего расцвета Скифская держава, располагавшаяся в Северном Причерноморье, достигла при царе Атее. При нем чеканилась монета, велась активная завоевательная политика, расширялась и торговля, в частности с греческими колониями в Крыму. Активность Скифии на западе привела к конфликту с Македонией, быстро набиравшей силу в годы правления Филиппа Македонского, отца знаменитого Александра. На берегу Дуная произошла большая битва, в которой скифы потерпели поражение, а престарелый Атей, которому в то время было уже 90 лет, погиб. Но подчинить Скифию македонцы не смогли – скифы разгромили их в другом сражении. Позже страну захватили надвинувшиеся из-за Дона сарматы, среди которых наиболее мощным племенем были аланы (асы).

«До начала XVIII в. в литературе полностью господствовало верное представление о том, что предками тюрков были скифы». Например, первый русский профессиональный историк Андрей Лызлов (вторая половина XVII в.), автор трактата «Скифийская история», считал скифов «татарами» (т. е. тюрками), как и европейские ученые, на труды которых он опирался. «Перелом в представлениях о потомках скифов произошел в начале XVIII в., когда по просьбе Петра I европейские ученые стали разрабатывать историю славян. Петру I эти исследования были нужны не ради чисто научного интереса, а ради укрепления международного престижа России, которую он всеми силами преобразовывал в империю. Ему необходимо было подкрепить силу своей армии и флота еще и древностью знаменитых предков. В 1708 году Петр I указал: «Под скифами я разумею славянские племена, прежде чем стало известным название славян!». Это было руководство к действию, и усилий не пожалели. Потребовалось принизить роль тюркских народов в истории Восточной Европы, уничтожить следы их культуры. По всем степям Восточной Европы на курганах стояли десятки тысяч каменных изваяний, изображавших длинноусых воинов; и уже во времена Петра I были созданы бригады, которым поручалось уничтожение статуй, которых было много, и эти работники разбивали головы изваяний (Сибегатуллин, с. 15).

Те же тенденции в российской науке продолжались и усиливались на протяжении

XVIII и в начале XIX вв., когда усилиями академиков-немцев, а затем и кружка Н. М. Карамзина создавался государственный миф о тысячелетнем русском государстве. Превратить скифо-сарматов, древних насельников Восточной Европы, в славян не получалось – слишком бросалось в глаза несоответствие этнических культур (такие попытки, как ни удивительно, предпринимаются и сейчас). Выход нашли в самом конце XVIII в., когда европейские ученые на службе империи обратили внимание на ираноязычных осетин. Ян Потоцкий и Юлиус Клапрот сразу же возвели их происхождение к скифам и аланам (и они же писали, что асами осетины называют карачаево-балкарцев). Позже в Осетии записали обряды и нартские сказания, в которых многое напоминало о быте и нравах скифов. Тут-то соколы идеологии и взвились орлами; затем нашлись эпиграфические надписи из Причерноморья, с иранскими именами – и так возникла гипотеза, утверждающая ираноязычие скифо-сарматских племен от Дуная до Алтая, единственными потомками которых якобы являются малочисленные (в отличие от тюркских народов России) осетины; ученым оставалось только соответствовать и развивать.

РОЖДЕНИЕ ТЕОРИИ

Научная литература, посвященная истории и культуре скифо-сарматских племен, необъятна – и потому, что о них повествует в одной из глав своей «Истории» Геродот, и потому, что их упоминает множество других древних авторов; осталось и немало зримых следов их исторического бытия – курганные захоронения, городища, каменные изваяния, огромное количество разнообразных предметов, найденных во время раскопок, и т. д. Ныне в самом начале почти всех специальных и неспециальных исследований, в примечаниях и комментариях, как и в популярных изданиях, говорится примерно одно и то же: всю Великую степь от Дуная до Алтая занимали в древности многочисленные ираноязычные кочевые племена, единственными прямыми потомками которых являются нынешние осетины.

«Об этнической принадлежности скифов и сарматов выдвигалось несколько теорий: иранская, монгольская, тюркская, славянская, кельтская, кавказская. Из этих теорий только иранская обставлена солидной научной аргументацией. Остальные представляют хрупкие сооружения из более или менее произвольных догадок и натянутых сопоставлений и в настоящее время не имеют ни одного сколько-нибудь авторитетного сторонника». «Перекрестное сопоставление исторических сведений из грузинских, армянских, византийских, латинских, арабских, русских (летописных) источников не оставляло сомнения в том, что под названием осов (осетин), асов, ясов, языгов, алан скрывался один и тот же народ» (В. И. Абаев. «Осетинский язык и фольклор», 1949 г.).

«Конференция ИИМК АН СССР 1952 г. по вопросам скифо-сарматской археологии подвела итог всему ранее сделанному в науке о скифах». «Дальнейшее развитие получила на конференции точка зрения об иранской принадлежности скифского языка, к которой склонялись еще в XIX в. такие видные ученые, как Мюллерхоф. Окончательное утверждение этой точки зрения – крупное достижение советских лингвистов. Большая заслуга здесь принадлежит В. И. Абаеву» (А. И. Мелюкова. «Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время», серия «Археология СССР»).

«...осетинский народ, по мнению крупнейших западных исследователей, представляет собой своеобразный этнический осколок, в языке и культуре которого проглядывают важнейшие характеристики раскинувшегося некогда от Скифии до Индии и границ Китая могущественного конгломерата северо-иранских (по И. М. Оранскому – восточно-иранских, скифских) племен» (АИК, с. 19).

Историография проблемы происхождения осетинского народа достаточно подробно и ясно изложена в книге известного источниковеда Ю. С. Гаглоева «Аланы и вопросы этногенеза осетин», к которой мы и отсылаем читателя. Впервые (в самом конце XVIII в.) гипотезу аланского происхождения осетин выдвинул польский писатель, ученый и путешественник Ян Потоцкий (автор знаменитого романа «Рукопись, найденная в Сарагосе»). Позже эта точка зрения (как и мнение об ираноязычии скифов и алан) была поддержана Клапротом, Мюлленхофом, Миллером, Кулаковским, Фасмером, Згустой, Гимбутас, Неметом, Мункачи, Дюмезилем, Литвинским, Бейли, и многими другими знаменитыми, известными и малоизвестными специалистами, как и всей мировой наукой.

В XIX в. ученые постепенно увеличивали список «скифо-сарматских» слов, в основном имен, находя им объяснения на основе осетинского, древнеиранского, согдийского, персидского, авестийского и других иранских языков, а также и древнеиндийского. Часть этих имен сохранилась в письменных источниках, но больше было обнаруженных на надгробных плитах и принадлежавших, как стали считать исследователи, варварам, жителям греческих городов-колоний. Если имя не греческое и находит приемлемое (и даже неприемлемое) объяснение на основе иранских языков – значит, оно скифское или сарматское; такова была точка зрения лингвистов-этимологов.

Возражения некоторых ученых, например, проф. Г. Юргевича, что это еще ни о чем не говорит, так как в этих городах проживало много ираноязычных выходцев из Средней Азии, Ирана и Малой Азии – торговцев, солдат и ремесленников (персов, хорезмийцев, евреев и т. д.), в расчет не принимались. Кроме того, хорошо известно, что на волне археологического бума во второй половине XIX века в Одессе действовало несколько мастерских, поточным методом изготавливая «скифо-сарматские» ювелирные изделия и надгробья с надписями – это было весьма прибыльным занятием.

Количество научных работ, в которых признавалось или доказывалось мнение об иранстве скифо-сарматских племен, постепенно возрастало. Вскоре гипотеза приобрела вид теории, а к середине XX в. стала общепризнанной и неприкосновенной; возражать против нее, не рискуя испортить свою научную репутацию, никто не осмеливался. Но, вполне возможно, что она так и осталась бы всего лишь одной из многих, если бы не появление, не побоюсь этого слова, личности феноменальной – Василия Ивановича Абаева (в моих глазах он уже несколько десятилетий остается человеком-загадкой). Лучший ученик Н. Я. Марра, наделенный трудолюбием и талантом. Когда началась борьба с «марризмом», проявил большое мужество, не приняв участия в кампании осуждения своего учителя и так же стойко выдержал нападки, направленные против него, как «марриста». Говорят, в поданном И. В. Сталину и составленном в алфавитном порядке списке научных деятелей, подлежащих аресту, его фамилия шла первой. Однако великий диктатор не только вычеркнул ее из списка, но и велел перевести В. И. Абаева из Ленинграда в Москву на более высокую должность (заместителем директора института) – как полагают, потому, что Сталину понравились его работы. Возможно, и так. Но нельзя исключать и другое: Сталин (по отцу – осетин) просто решил поощрить талантливого соплеменника.

В. И. Абаев обладал огромной научной эрудицией, прекрасно владел пером, знал несколько языков, переводил «Авесту». Автор множества работ по языкознанию, литературоведению и фольклористике, и четырехтомного «Историко-этимологического словаря осетинского языка». Ученые, которые заложили основы теории иранства скифо-сарматских племен (язык и культуру которых, по их мнению, сохранили осетины), будучи людьми со стороны, не могли вполне уверенно оперировать всеми имеющимися материалами. Поэтому именно от В. И. Абаева зависело, выживет она или нет. Являясь ирановедом высокого уровня, специалистом по древним языкам, прекрасно зная

осетинский язык и культуру, как и всю имеющуюся литературу по теме, он мог поддержать эту теорию - или опровергнуть.

В. И. Абаев избрал первое, и сделал все, что было в его силах, для утверждения мнения о ее соответствии требованиям строгой науки, встретив полное сочувствие и поддержку в академических кругах - как в СССР, так и за рубежом. Но ирония судьбы заключается в том, что именно он (невольно, конечно) выявил огромное количество фактов, полностью опровергающих принадлежность скифо-сарматских племен к иранскому миру и происхождение от них современных осетин. Сам В. И. Абаев об этом ничего не сказал, а другие иранисты ничего не заметили. Или не читали его труды. Или не пожелали сделать обобщения и выводы.

Скифо-сарматские имена и этнонимы и их объяснения на основе иранских языков свел вместе еще Макс Фасмер (1923 г.); наиболее удачные из них были собраны и дополнены В. И. Абаевым в его известной работе «Скифо-аланские этюды» (1949 г.), которая и стала считаться одним из основных доказательств ираноязычности этих народов. Интересно, что в этом списке есть множество имен, принадлежавших неизвестно кому, а также – имена правителей тюрков, грузин, и т. д., и отсутствуют многие имена и термины, принадлежность которых скифам удостоверена Геродотом и другими античными авторами; но никто не обратил внимания на это немаловажное обстоятельство (как и на прочие). Только недавно этот пробел восполнила работа Г. И. Дремина (см. ниже).

Но перед историками, которые постарались обосновать гипотезу, утверждающую иранство скифо-сарматских племен, встала и другая проблема: если скифо-сармато-саки были ираноязычными, то откуда и когда в средневековой Европе появились тюрки (гунны, авары, половцы, печенеги и пр., и пр.), принявшие активное участие во многих великих и малых событиях на континенте? Ученые справились и с этой задачей: они подвергли тюрков научной опале и сослали начало их истории подальше на восток, так далеко, что даже сами не знали (и не знают до сих пор), куда, а затем им пришлось сочинять и внедрять в сознание научных работников и рядовых читателей теорию о поочередном приходе тюркских племен из Центральной Азии, на протяжении 1000 лет.

Первыми на правобережье Волги появляются гунны, и с их появлением весь «могущественный конгломерат» североиранцев на всем пространстве Великой степи внезапно исчезает. «В 80-е годы в официальное советское издание – учебник «Истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в.» было включено следующее концептуальное положение: «Прежнее индоевропейское ираноязычное население степей (скифы, сарматы, саки и др.) было отеснено и утратило самобытность. Из огромного массива этих племен уцелели только таджики и осетины. Наибольшая заслуга в том, что такой вывод стал достоянием советской науки, принадлежит патриарху отечественной иранистики В. И. Абаеву» (АИК, с. 19).

Но при этом нет ни одной научной работы, посвященной исследованию столь грандиозного события; сарматологи и тюркологи кратко говорят о том, что это случилось – и больше к данному вопросу не возвращаются: как бы подразумевается, что североиранцы были ассимилированы тюрками. Нигде в мире, ни в какой другой части света не отмечено ничего подобного этому необъяснимому и полному исчезновению сотен тысяч (или даже нескольких миллионов) человек, занимавших громадную территорию. Вот как, например, видится история «североиранских кочевников» одному из крупных представителей академической науки, археологу В. А. Кузнецову: «Осетинский народ, его история и культура – явление уникальное в истории нашего отечества. Осетины и маленькое горное племя ягнобцев в теснинах Памира представляют собой чудом сохранившиеся осколки некогда огромного массива племен, говоривших на различных

языках и диалектах североиранской языковой семьи и вошедших в древние письменные источники под именами скифов, савроматов, сарматов, саков, массагетов и т. д. Этот ныне исчезнувший мир северных иранцев, иногда именуемый туранским (а обитаемая ими территория – Туран), **занимал в течение примерно полутора тысяч лет огромное пространство равнин и степей от Окса и Яксарта на востоке до Дуная на западе** (выделено нами. – М. Дж.) и включал в себя как оседло-земледельческие, так и кочевые племена. Он создал яркую и самобытную культуру и внес свой вклад в культурное развитие человечества. Древнее иранство безраздельно господствовало в степях Евразии до эпохи «Великого переселения народов», начавшейся в III в. н. э. движением германского племени готов в степи Северного Причерноморья и Крым. Гуннское нашествие, обрушившееся на этот раз с востока в конце IV в., и следовавшие за гуннами новые волны пришедших в движение азиатских кочевников разметали иранцев. Началась эпоха господства кочевников тюркоязычных – гуннов, аваров, болгар, хазар, печенегов, половцев. Земли древних иранцев неуклонно сокращались подобно шагреновой коже, их остатки были оттеснены на периферию, к горным хребтам и труднодоступным ущельям» (Кузнецов, 1993, с. 3).

Описания этих событий в работах медиевистов одинаковы, вплоть до полной неотличимости. Настораживает в них и обилие поэтизмов – верный признак отсутствия у ясных представлений о ходе событий (в данном случае – «осколки», «обрушившееся», «волны», «разметали», «подобно шагреновой коже»).

Предполагаемый историками тотальный процесс тюркизации многочисленных североиранских племен Северной Евразии, начавшийся после тотального же исхода тюрков с Дальнего Востока почему-то не коснулся только одного из сарматских племен – аланов. Причем в академических трудах говорится, что аланы жили вместе с гуннами, болгарами, половцами, участвовали в их походах и т. п., каким-то образом сохраняя свой иранский язык; но выяснить причины их особой сопротивляемости процессу тюркизации никто не пытался. Сумев ассимилировать на весьма обширной территории от Сунжи до Лабы местное население, аланы создали на Кавказе сильное государство, сыгравшее видную роль в истории не только этого региона. Кавказские аланы (асы) были весьма активны на международной арене, участвуя в конфликтах Византии, Ирана, Хазарии, Грузии, Армении. В конце первого тысячелетия, в результате контактов с византийцами, они приняли христианство. Наибольшего могущества Алания достигла в годы правления царя Дургулея Великого.

Успешное развитие этого государства было прервано «татаро-монголами», столкнувшимися во время своего первого (разведывательного, как считается) похода на Кавказ с объединенными силами алан и кипчаков. По рассказу арабского историка Ибн-ал-Асира, первый день сражения закончился безрезультатно. Татаро-монголы пошли на хитрость: ночью они прислали богатые дары кипчакам, и, упирая на родство с ними, предложили покинуть поле боя. Кипчаки ушли в свои кочевья, а оставшиеся без союзников аланы потерпели поражение. Затем монголы напали на половцев, разбили и ограбили их. Кипчаки, которые жили вдали, услышав об этом разгроме, бежали – кто в плавни, кто в страну русских, кто в горы. По мнению многих историков, речь идет о горах Кавказа; после ухода монголов эти воины-кипчаки ассимилировали в горах часть алано-осетин, чем и положили начало этногенезу карачаево-балкарцев.

Татаро-монголы дотла разорили равнинную часть Алании, вошедшей позже в состав новой державы – Золотой Орды. Через полтора столетия страну постигло другое бедствие – нашествие войск среднеазиатского эмира Тамерлана. И, если татаро-монголы ограничились только временной оккупацией предгорий Алании, то воины Тимура основательно прочесали и ее ущелья – от Карачая до Дигории. Опустевшую равнинную

часть страны спустя некоторое время заняли кабардинцы, продвинувшиеся из Причерноморья на восток. Так, по мнению науки, сложилась, в основных чертах, современная этническая карта западной части Северного Кавказа.

ВЕЛИКАЯ СТЕПЬ В ЭПОХУ БРОНЗЫ

Прежде чем перейти к основной теме, нам следует рассказать о том, какой предстала этническая история тюркских народов в результате принятия академической наукой решения, согласно которому их прародина находилась где-то на Дальнем Востоке. Сделаем краткий обзор археологических культур бронзового века на всем пространстве Великой степи, начиная с древнеямной (по книге Д. А. Авдусина «Основы археологии»). Эта культурно-историческая общность (КИО) занимала огромную территорию – от Южного Приаралья до Балкано-Дунайской области. Насчитывают 9 ее вариантов. Ямникам же принадлежат древнейшие на территории СССР курганы, имелись поселения, некоторые были большими и укрепленными. «Оборонительные сооружения Михайловки состояли из каменных стен высотой до трех метров и рвов. Внутри ограды стояли глинобитные дома на каменном цоколе, но известны и полуземлянки».

«Местная металлургия подтверждается находками металлургических молотов и, что особенно важно, сопел, говорящих о существовании на поселении плавильных горнов». Датируются поселения концом III – началом II тыс. до н. э. Хозяйство было скотоводческо-земледельческим. «Эпоха древнеямной общности положила начало широкому освоению степной полосы, что стало возможным с развитием скотоводства. Степь открывала возможности общения человеческих коллективов и широкого распространения всех культурных явлений».

Одновременно с древнеямной, во второй половине III тысячелетия до н. э., на юге возникает майкопская культура (названная по кургану, раскопанному в г. Майкопе). Она занимала территорию от Прикубанья до Дагестана и представлена курганами с большими могильными ямами и поселениями. На позднем этапе под курганами возводились дольмены из огромных каменных плит. В хозяйстве майкопцев сочетались скотоводство и земледелие. Выплавлялись предметы из мышьяковистой бронзы. Очень богатым оказался инвентарь Майкопского кургана – золотые бляшки, серебряные трубки, золотые и серебряные сосуды, некоторые с изображениями, медные инструменты и оружие. Курган считается погребением родового вождя.

На рубеже III и II тыс. до н. э. майкопскую культуру сменяет северокавказская, занимая территорию от Черного моря до Кабардино-Балкарии. Хозяйство – скотоводческо-земледельческое. В XI в. до н. э. возникла кобанская культура (генетически связанная с северокавказской), занимающая территорию Чечено-Ингушетии, Северной Осетии и Кабардино-Балкарии. Просуществовала она 6-7 столетий, заходя и в железный век. «Металлургия кобанской бронзы – одна из лучших на территории СССР. К концу существования этой культуры некоторые бронзовые предметы инкрустированы новым дорогим металлом – железом. Главным занятием было овцеводство. Для верховой езды широко использовалась лошадь» (Авдусин, с. 102-108).

Затем древних ямников стала теснить иная культурно-историческая общность – катакомбная (2000-1600 гг. до н. э.). Вопрос о ее происхождении неясен; вполне может оказаться, что это просто смена обряда погребения в результате изменения религиозных представлений и характера производства. Есть скотоводство и земледелие, строятся поселения. Налажено литейное производство, много металлических изделий. В следующие полтысячелетия в Поволжье развивается еще одна КИО – срубная. Срубники проникают далеко на запад, перейдя низовья Днепра и Буга, на севере они доходят до

Камы, на юге до Азовского моря. Их жилища – полуземлянки, внутри укрепленные бревнами, достигали значительных размеров, до 150 кв. м. Особенно важно, что металлургия развивается успешно. «Степные племена получают теперь металл не с Кавказа (как племена катакомбников. – М. Дж.), а с Урала, из Средней Азии, Казахстана». Вместо мышьяковистой бронзы появляется медно-оловянистая. Происходит специализация бронзолитейщиков. Полагают, что срубники происходят от поздних древнеямников. Есть основания думать, «что между срубной и скифской культурами нет принципиальной грани. Не исключено, что потомки срубных племен стали местной основой последующей скифской культуры».

Следовательно, социально-экономическое развитие населения восточно-европейских степей шло последовательно, обширные торговые и культурные связи у него были еще 3-4 тыс. лет назад – от Казахстана до Балкан. От древнеямной производят и абашевскую культуру, три варианта которой занимали территорию от Дона до Южного Приуралья (вторая половина II тыс. до н. э.). Она изучена в основном по курганам. У абашевских племен существовала металлургия. Преобладало скотоводство, меньше было развито земледелие.

Сейминско-турбинская культура (вторая четверть II тыс. до н. э.) названа по могильнику у ст. Сейма близ г. Горького, простиралась до Омска. Считают, что сейминско-турбинские племена были коневодческими, найденные «предметы вооружения свидетельствуют о воинском характере погребений». Металлургия высокоразвитая, близкая к алтайской. В сейминско-турбинских могильниках выделяют несколько абашевских погребений, что позволяет Д. А. Авдусину сделать провидческое предположение: «...очевидно, абашевцам было разрешено хоронить своих мертвых на этих кладбищах, чего не разрешалось другим племенам» (Авдусин, с. 136).

Крайне интересно то, что сообщается о судьбе сеймино-турбинцев, «центром происхождения которых называют Саяны и Алтай, откуда они стремительно несколькими группами двинулись на запад». (Далее речь идет словно бы о гуннах, спустя полтора тысячелетия точно так же стремительно мчавшихся, но в обраную сторону - к Уралу и Волге). «За сравнительно короткий срок был пройден путь в 4000 км (откуда это известно? – М. Дж.), чему, как думают, способствовало использование коня как верхового животного. Продвижение было вооруженным, местное население относилось к пришельцам как к ненавистным врагам». «Только с абашевскими племенами у сейминцев, как сказано выше, сложились добрососедские, может быть, даже союзнические отношения». (Считается, что гунны, прискакав с Селенги на Урал, тоже подружились с местными угро-финскими племенами).

«Преодолев Уральские горы, сейминско-турбинские племена вторглись в среду местных племен, но просуществовали недолго: период их активности укладывается в одно-два столетия. Видимо, пришельцы были немногочисленными. Часть воинов, вероятно, погибла в боях, остальная часть была ассимилирована. Уже вскоре (? – М. Дж.) после их исчезновения по всей Северной Евразии начинается отливка копий, кельтов, чеканов и других вещей сеймино-турбинских типов. На востоке ареала появляются изогнутые ножи-кинжалы с фигурными навершиями. Сходные формы оружия распространяются до Китая» (Авдусин, с. 136).

Но почему эти вещи не распространились до Атлантики, если «сеймино-турбинцы» шли на запад? Получается, что люди двигались в одну сторону, а предметы, созданные их потомками – в другую. Так, может быть, и сеймино-турбинцы не мчались сломя голову 4000 км, а двигались с запада на восток, медленно и спокойно, как и все переселенцы?

Одновременно со срубниками развивалась андроновская КИО, распространяясь от Урала до Енисея и от тайги до Тянь-Шаня и Средней Азии. В поймах рек располагались

поселения. Имелись крупные жилища, как наземные, так и полуземляночные. Основа хозяйства – скотоводство. И, самое важное: «Андроновская металлургия основывалась на рудных месторождениях Урала, Средней Азии, Казахстана, Алтая. На огромных пространствах от Енисея до Днепра металл однообразен. Андроновцы были племенами металлургов, использовавшими ряд рудников, в том числе Еленовский в Казахстане. На востоке территории, занятой андроновскими племенами, располагались крупнейшие оловянные рудники, откуда на запад шли медно-оловянные бронзы. Для добычи руды применялись глубокие подземные выработки. Добывалось и золото».

(Выражение «племена металлургов» мы ни понять, ни принять не можем, поскольку в нашем представлении развитие металлургии неразрывно связано с возникновением и деятельностью государства, как, скажем, и письменность; только государство способно организовать опасный труд по добыче и переработке металлов – превратить в рудокопов рабов, преступников и пленников, организовать обучение мастеров и т. д.). Андроновцы проникают далеко на юг, где в дельте Аму-Дарьи находят поселения одного из вариантов их культуры – тазабагьябской. Скотоводство сохраняется, но есть и поливное земледелие. Тазабаябцы, пришедшие с севера, ассимилировали шедших с юга суярганцев, основным занятием которых было земледелие. На восток от андроновцев, в верховьях Енисея и степях Алтая, складывается еще одна археологическая культура бронзового века – афанасьевская. Преобладало скотоводство, разводились все основные виды животных, в том числе и лошади. Развивалась цветная металлургия, известны места выработок медной руды. Имеются серебряные и золотые вещи, под Минусинском найден железный браслет из метеоритного железа.

Все перечисленные культуры имели сходство между собой как в погребальном обряде, так и в конструкциях жилищ, керамике, бронзовых изделиях, в способах хозяйствования. Концом II – началом I тысячелетия датируется время карасукской культуры (по реке Карасук под Абаканом). Главным их занятием являлось скотоводство, в основном разведение овец. Найдено большое количество карасукских бронзовых предметов. Было и земледелие.

ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК В АЗИИ

Все эти археологические культуры Великой Степи, которые являлись то ли ответвлениями одной культуры (вероятно, древнеямной), то ли сменяли и вытесняли друг друга, были созданы европеоидными племенами, и только в карасукскую эпоху (может быть, и раньше) началось их смешение с монголоидами, расселившимися с востока. Карасукцев считают потомками андроновцев и афанасьевцев, уже имевшими монголоидную примесь. Общность культур, созданных ими, сказывается и в железном веке: «Культуры скифо-сибирского типа складываются в VIII-VII вв. до н. э. в степной полосе от Дуная до Китая и характеризуются сходным хозяйством – кочевым скотоводством, с переходом к которому эти отличные друг от друга, непохожие племена приобрели многие общие черты, свойственные кочевым общинам независимо от места их обитания, особенностей хозяйственной и социальной жизни. Их жилищами часто служили легкие переносные шатры или целые вереницы крытых повозок» (Авдусин, с. 183). Но трудно верить утверждениям археологов, что у этносов, знавших земледелие, скотоводство, добычу металлов, возводивших огромные курганы, изготавливавших прекрасные образцы оружия и орудий, тысячелетиями сохранялся родовой строй

Из текста неясно, прогрессировали эти племена, или, наоборот, деградировали. Неясно также, какими чертами отличались эти прежде неизвестно чем непохожие племена, да еще и независимо от места обитания, хозяйства и социальной жизни. Жили оседло, знали

земледелие, металлургию и скотоводство, и как раз тогда, когда весь мир стал осваивать железо, вдруг стали кочевниками. Можно было бы подумать, что произошла узкая специализация: одни продолжали плавить металл, другие сеять зерно, третьи стали пастухами. Но об этом ничего не сказано - все вдруг и разом превратились в кочевников. «В перекочевках племена часто встречались, что обуславливало обмен культурными достижениями». В Казахстане на грани перехода к железу возникают курганы Тагискена. В древнейших из них (IX-VIII вв. до н. э.), были захоронены, как сказано, родовые вожди; под курганами находились мавзолеи из сырцового кирпича, с прилегающими погребальными постройками для приближенных и родственников, и богатым инвентарем (сколько же человек насчитывалось в этих родах и какие такие приближенные были у их вождей?). Предметы и оружие орнаментированы в зверином стиле.

В Северном Казахстане распространилась Тасмолинская культура, также представленная курганами. Население находилось на стадии военной демократии, занималось кочевым скотоводством. Тасмолинцев считают потомками андроновцев; как и тагискенцы, они были европеоидами. К югу от Сырдарьи жили массагеты, тоже кочевники-скотоводы, о которых Геродот писал, что они по одежде и образу жизни похожи на скифов. В Амударьинском кладе (Таджикистан) было найдено несколько пластинок с однотипными изображениями человека, «будто бы сошедшим с кульобской вазы»: «Человек бородат, на нем рубаха, колпак, пояс и меч скифского типа». Металлургия развивалась в Южной Туркмении. В середине I тыс. до н. э. в Средней Азии возникают города и первые государства – Хорезм, Согд, Бактрия, Маргиана, Парфия (Авдусин, с. 214-216).

Существенный прогресс достигается и в саяно-алтайском регионе, где еще в VIII в. до н. э. возникает и пять сотен лет развивается тагарская культура, близкая скифской «по формам хозяйства, что отразилось в сходстве многих вещей, и в искусстве» (с чего бы это?). Много бронзовых вещей, состав металла становится лучше. Развивается земледелие, причем пахотное. Было развито прядение и ткачество. Тагарцы умели делать срубные жилища. По своему облику они были европеоидами, потомками афанасьевцев. Ими сооружались огромные курганы, например, Салбык – высотой в 11 метров и поперечником в полкилометра. «В нем погребен старик-вождь («царь») с убитыми рабами». «Под курганной насыпью открылось огромное сооружение из каменных глыб; ограда имела размеры 70x70 м при высоте до 6 м. Некоторые плиты для ограды были привезены с берегов Енисея за 75 км». «За огромные размеры и пышный погребальный обряд курганы Салбыкской долины называют царскими. Они свидетельствуют о далеко зашедшем обособлении племенной верхушки».

Всем археологам мира известен курган Аржан в Туве, в котором под каменной насыпью найдена сложная система срубов. В кургане были похоронены «межплеменной вождь», а также сопровождавшие его в мир иной жена, приближенные и кони. От центра расходилось 70 радиальных срубов. Всего погребено 17 человек и более 160 коней. Пол нескольких камер был выстлан соболиными шкурками. «Жертвенных коней больше только в одном из скифских курганов, возле Ульского аула на Кубани, где их около 500. Но ни в одном скифском кургане не было столь большого числа сопровождавших покойника лиц». В Аржанском кургане было много и дорогих вещей. (Но какому роду-племени было бы под силу возвести такие сооружения?).

Еще один район развития скифо-сибирской культуры – Горный Алтай. В Пазырыкских курганах под мощными насыпями находились срубы, увешанные войлочными коврами с изображениями птиц и зверей. В условиях вечной мерзлоты сохранилась и одежда – полотняные рубахи, меховая верхняя одежда, сапожки, пояса, шапки – и все было украшено золотым шитьем и нашивками. Есть зеркала и музыкальные инструменты. В

каждом кургане – от 15 до 20 погребений лошадей, близких среднеазиатской породе. Все снаряжение украшено аппликациями и золотыми нашивками, некоторые попоны сделаны из привозных иранских тканей.

Объяснение всей этой роскоши дается очень странное: «Вероятно, на погребение вождя собирались приношения от отдельных родов или патриархальных семей. Пазырыкские курганы свидетельствуют о значительном накоплении богатств у родовых вождей скотоводческих племен Алтая» (Авдусин, с. 178-185). Откуда у «родовых вождей» и «патриархальных семей» могли появиться такие богатства, каких, вероятно, не было у многих властителей государств? Может быть, следует говорить о царствах и царях? Отметим несоответствие: в глубокой древности племена, населявшие Алтай, выглядят весьма развитыми, их вожди утопают в роскоши, а через тысячу лет из того же региона в Европу приходят племена, которые, если верить современным историкам, жили родовым строем и ни о какой роскоши и понятия не имели (см. ниже).

Но пусть даже так, имелись у родовых вождей немалые богатства, строили эти племена огромные и сложно устроенные курганы и пр. И тут вмешались хунну (по мнению историков – предки европейских гуннов; кажется, впервые эту мысль выдвинул французский ученый Дегинь, в XVIII в.), исконные земли и «укрепленные и неукрепленные ремесленно-хлебопашеские поселения» которых лежали в Центральной Азии; племена их были частью оседлые, частью кочевники-коневоды. «Хунну в Азии в отличие от гуннов в Европе считались наиболее культурными среди всех кочевников. В их культуре содержатся основы предметных комплексов всех средневековых кочевых народов». Хунну «покорили тюркоязычные племена гяньгуней», напали на Китай, а затем вторглись и в Южную Сибирь, из-за чего прервался процесс классообразования у тагарцев. Часть тагарцев хунну выселили на север, а на их место поселили гяньгуней. «Антропологический облик тагарцев, смешавшихся с гяньгунями, становится монголоидным (нередкий пример ясновидения ученых. – М. Дж.). Социальный строй хунну развивается от родоплеменного до военной демократии». «Культура хунну имеет скифо-сарматский облик».

Тут возникает целый ряд вопросов. Как и зачем хунну переселили только часть тагарцев, зачем водворили вместо них загадочных гяньгуней и откуда известно, что они были тюркоязычными? И кто такие сами хунну – тюрки, тунгусы, маньчжуры, монголы? И когда их культура успела приобрести скифо-сарматский облик – те ведь жили за тридевять земель, далеко на западе? В результате смешения с тагарцами? А какой облик культура хунну имела до этого?

Потом часть хунну, разбитых китайцами, отступила в Среднюю Азию, но там их также постигли неудачи. Под натиском племен тоба они ушли к Приаралью, где смешались с аборигенами, в результате чего возник новый народ – гунны. С них, по мнению специалистов, и начинается история тюркских народов в Европе. «Гунны кочевали в степях, а во второй половине IV в. их основная масса двинулась из Приуралья на запад. В ходе передвижений эти племена менялись этнически, менялась и их материальная культура» (Авдусин, с. 178-188). Такому зрению и прозрению остается только позавидовать, поскольку нигде и никем эти передвижения, смешения и изменения описаны не были.

С I по V вв. н. э. на Енисее сложилась Таштыкская культура. Население было смешанным, встречались и монголоиды, и европеоиды. Хозяйство – скотоводческо-земледельческое. Все виды оружия и орудий сделаны из железа. Много привозных предметов. Стали возникать первые государства. «Тюрки Центральной Азии и Алтая появились в VII в. (неужто материализовались из воздуха? – М. Дж.). С ними распространилась так называемая руническая письменность». Они создали Тюркский

каганат, центр которого находился в Монголии. Государство имело торговые, культурные и экономические связи с Византией, Ираном и Китаем, контролировало Великий шелковый путь на огромном протяжении. Основу экономики каганата составляли скотоводство и пашенное земледелие. «Производство железа засвидетельствовано как большим количеством находимых железных изделий, так и раскопанными домницами». Некоторые представители знати владели несколькими тысячами коней. (Так, может быть, громадные курганы - Салбык, Аржан и др. сооружали не мифические родовые старейшины, а древние тюрки и их соплеменники, уже в эпоху каганата?).

После падения в середине VIII в. Тюркской державы ведущая роль в Южной Сибири перешла к государству уйгуров, хозяйство которого в основном базировалось на плужном земледелии. Одновременно с Тюркским каганатом на Енисее сложилось государство кыргызов (VI-XIII вв.). «В восьмом веке на Верхнем Енисее возникают крупные городские центры с монументальной застройкой». «Государство кыргызов пало в XIII в. под ударами монголов. Страна была разорена и в своем развитии отброшена назад. В XV в. на Саяно-Алтайском нагорье жило сравнительно малочисленное население в мелких феодальных улусах». Получается, что монголы создали мировую империю, после скорого крушения которой ни один народ в этом регионе о своем государстве уже не помышлял.

ХУННУ

Остановимся на истории хунну в Азии, какой она представлена в академической науке. Известный археолог А. П. Смирнов, опираясь на сведения китайских летописей, пишет: «Мощное объединение кочевых племен, обитавших на территории Северного Китая и Монголии и известных под именем хунну, издавна (с IX в. до н. э.) тревожило Китайскую империю. Хунну (гунны) были скотоводами-кочевниками, не имевшими «ни городов, ни оседлости, ни письменности» (ср. с тем, что говорил о них Д. А. Авдусин). «Начиная с владетелей, все питаются мясом домашнего скота, одеваются кожами его, прикрываются шерстяным и меховым одеянием. Сильные едят жирное и лучшее, устаревшие питаются остатками после них. Молодых и крепких уважают, устаревших и слабых мало почитают», - так писали китайские летописцы о своих северных соседях».

Следовательно, речь идет о весьма примитивном народе, находящемся чуть ли не на уровне пещерных людей, но почему-то сумевшем создать «мощное объединение». На основе чего? «Кочевого скотоводства»? Не имея ни централизованного руководства, ни столицы, ни письменности, не вынуждаясь к объединению ничем, никакими социально-экономическими причинами, однако уже с IX в. до н. э. способное тревожить пределы Китайской империи. Затем сообщается: «Но у каждого уже был определенный участок земли. «Могущие владеть луком все поступают в латную конницу...». Зачем **каждому** кочевнику свой участок земли и откуда у дикарей, одетых в шкуры, взялась латная конница?

Автор то ли совершенно не обращал внимания на время, то ли считал хунну абсолютно неспособными к развитию. Начав с утверждения, что уже в IX в. до н. э. (т. е. еще до легендарного основания Рима) этот народ воюет с Китайской империей, историк говорит, что социальный строй хунну нисколько не прогрессировал на протяжении семи веков! «На рубеже нашей эры хунну находились на стадии разложения родо-племенного строя, когда родо-племенные отношения прикрывали уже нарождавшиеся в хуннской среде классовые противоречия. Ко II в. до н. э. эти противоречия стали столь заметны, что хуннская племенная аристократия вынуждена была признать необходимость единой крепкой центральной власти. Власть была захвачена сильным, умным и деятельным Модэ. Молодая держава Модэ стала опасным и грозным противником всех сопредельных

с нею стран и народов. История хунну этого времени – это ряд сокрушительных нашествий на соседей и особенно на наиболее богатого из них – Китай. Немало сил и золота пришлось истратить Поднебесной империи, прежде чем она смогла справиться с мощным напором северных «варваров» (История СССР, с. 322-333).

Удивительно и то, что А. П. Смирнов говорил далее: «Среди массы рядовых могил под едва заметными холмиками попадаются огромные курганы, сложенные из камней. Эти богатые курганы принадлежат хуннской знати и ханам (шаньюям). Наиболее известен могильник Ноин-ула, расположенный в Монголии, недалеко от Улан-Батора». «Имущественная дифференциация хунну, судя по могильникам, настолько выразительна, что неизбежно наводит на мысль о далеко зашедшей классовой дифференциации. Однако у них, как и у большинства кочевых народов (скифов, массагетов и др.) очень долго сохранялись внешние родовые формы общественных отношений. Хунну широко пользовались трудом рабов-военнопленных (правда, только в домашнем хозяйстве). Многие из захваченных в далеких походах военнопленных становились зависимыми от богатей земледельцами и ремесленниками».

Каким образом государство и царская власть, далеко зашедшая классовая дифференциация, рабовладение, ремесло и земледелие могли совмещаться с «внешними формами» родовых отношений, археолог почему-то не объясняет. И чем же закончилась история этой «скотоводческо-охотничьей» державы? «В середине I в. до н. э. государство хунну распалось на две части – северную и южную. Южные хунну остались на месте, а северные постепенно отошли на запад – в Семиречье». Почему они покинули родные места и отправились так далеко, автор не говорит. «Там часть из них и осела, образовав небольшое владение Юебань, остальные двинулись в Приуралье» (История СССР, с. 334).

Где обитали в предписменные времена предки современных тюрков, никому не известно. Одни исследователи утверждают, что в нынешней Монголии, другие указывают на Алтай, третьи – на Северный Китай. По мнению Л. Н. Гумилева, на южной окраине пустыни Гоби жили племена хяньюнь и хунюй, которые под натиском китайской империи Чжоу перешли на север и слились «с аборигенами, имевшими уже развитую и богатую культуру», именуемую в науке «культурой плиточных могил». Имя этого народа не сохранилось, но «...нет сомнений в том, – писал ученый, – что этот этнос, наряду с переселенцами с юга, был компонентом этноса хунну, или хуннов, относящихся к палеосибирскому типу монголоидной расы». Почему загадочные хяньюнь и хунюй должны считаться наиболее ранними тюрками – неизвестно; вероятно, потому, что назначить на эту роль на Дальнем Востоке больше некого.

Официальная наука считает, что громадную территорию Великой степи в древности населяли так называемые североиранские кочевые племена – усуни, массагеты, саки, сарматы, скифы, аланы и пр. На юге от них располагались древние государства, созданные иранцами же, но оседлыми – согдийцами, хорезмийцами, персами; одним словом, существовал огромный иранский мир от Байкала до Дуная и от Урала до Персидского залива. Хунну, выходит, жили между двумя массивами – иранским и китайским, испытывая сильное влияние могучих соседей (Гумилев, 1993, с. 85).

На первых порах хунну подчинились сяньбийцам (древним монголам); позже с запада пришли ираноязычные согдийцы (юечжи) и обложили хунну данью. Затем у них появился великий вождь Модэ, при котором хунну разгромили монголов, отвоевали у китайцев Ордос, оттеснили согдийцев и покорили саянских динлинов и кипчаков. Родилась мощная держава Хунну (во II веке до н. э.). Но все это – только предположения, так как, по словам самого же Л. Н. Гумилева, «связная история народов Великой Степи может быть изложена начиная с III в. до н. э., когда безымянные племена Монголии были объединены хуннами, а полулегендарные скифы Причерноморья сменены сарматами».

Часть хунну, разбитых сяньбийцами (протомонголами), подчинилась китайцам, часть слилась с победителями, третьи «смешались на Алтае с кипчаками и образовали этнос куманов-половцев». Четвертые, самые неукротимые и отважные, ушли на запад и достигли Волги и Нижнего Дона, войдя в соприкосновение с аланами. Тут начинаются чудеса, как и в работах всех академистов, посвященных истории кочевников. Сначала Л. Н. Гумилев никому не известным способом и неизвестно на основании чего вычислил, что ушло не более 20-30 тысяч воинов, не взяв с собой ни стариков, ни женщин, ни детей. За три года эти хунну прошли 2600 км, по 26 км ежедневно, учитывая зигзаги – вдвое больше. Почему они не могли остановиться до самого Урала или даже Волги, автор не говорит. Затем историк превращается не то в ясновидца, не то в очевидца: «К тому же приходилось вести арьергардные бои, в которых и погибли семьи уцелевших воинов. И уж, конечно, мертвых не хоронили, т. к. на пути следования хуннов «останков палеосибирского типа почти нигде найдено не было, за исключением Алтая». Тогда позвольте спросить – о чем речь? Откуда историкам известно, какими путями хунну продвигались именно к Уралу?

На запад, по мнению Л. Н. Гумилева, ушли «пассионарные хунны, дорожившие такими абстрактными понятиями, как «независимость», «гордость подвигами предков», «свобода». Покинуть беззащитных отцов, матерей и детишек на произвол судьбы – это и есть гордость и любовь к свободе? И если пассионарность определяется ученым как способность рисковать и жертвовать жизнью во имя идей и идеалов, то разве она не должна была внушать этим хуннам отвагу и решимость сражаться насмерть? Получается, что самые смелые и самоотверженные бойцы бежали, не останавливаясь, до самого Приуралья. Кроме того, 20-30 тысяч конных воинов – это, по тем временам, войско не просто большое, а огромное; сколько же «пассионарных» бойцов было у сяньбийцев? И почему всю эту скачку с погоней спокойно наблюдали «североиранцы, исконные обитатели Великой степи»? Почему они так легко пропустили пришельцев?

Допустим, что все происходило по Л. Н. Гумилеву: хунну – это тюрки из Центральной Азии, которые бежали на запад после поражения в 155 году, через три года достигли Дона, а через два-три века завоевали Европу. Но где следы их продвижения к Уралу и Волге? Их нет. Поэтому Л. Н. Гумилев и те исследователи, которые выводят гуннов из Азии, вынуждены опираться на предположения: хунну шли ускоренным маршем по 50 км в день, мертвых не хоронили – некогда, поскольку злые сяньбийцы гнались за ними по пятам не сто и не двести, а 5000 км. (Надо же было так озлобиться!).

Сочиняя сию славную эпопею со скачками и погонями, специалисты не обращали никакого внимания ни на факты, ни на здравый смысл; степень загипнотизированности ученых своими фантазиями вызывает остолбенение. Например, по Л. Н. Гумилеву, гуннские воины бежали из Центральной Азии от сяньбийцев (протомонголов), целых три года не слезая с коней: «Хунны, спасшиеся от стрел и мечей сяньбийцев, оказались почти без женщин. Ведь редкая хуннка могла вынести 1000 дней в седле без отдыха» («Тысячелетие вокруг Каспия». М., 1993). У меня просто нет слов. А не-хуннка смогла бы? А смогли бы три года без отдыха скакать мужчины-хунны? А как выдержали бы такую скачку их лошади? Конечно, у хуннов могли быть превосходные кони, но 5000 км многовато и для автомобиля. Остается думать, что великий ученый никогда в жизни не садился на коня и даже не видел коней, кроме как в кино.

По мнению, Л. Н. Гумилева, аланы встретили пришельцев недружелюбно, зато хунны подружились с предками хантов и манси – народом сибир. Откуда известно об этом? Ниоткуда. «Прямых сведений о хунно-сибирских контактах нет (как и косвенных. – М. Дж.), что само по себе говорит об отсутствии больших войн». Неужели за ближайшим пригорком сидели какие-то ушлые хронисты, следя за каждым шагом хуннов и сибиров,

чтобы, как начнутся боевые действия, классическим слогом тут же описать их на пергаменте? Но, увы, «не бысть ничего»; стало быть, заключает Гумилев, царили мир и дружба народов. У хуннов женщин не было, пришлось им жениться на сибирках. Через двести лет, в результате этого смешения появился новый этнос, который ученые называют гуннами, чтобы отличать их от дальневосточных хунну.

Пустившись в беспочвенные предположения, приходится продолжать. Хунну подружились с сибирями, и не поладили с аланами? Почему? Ответа на этот вопрос нет. Точно так же неизвестно, подружились хунну с сибирями на целых 2 века или на более короткий период, или никаких контактов между ними не было; тогда уж лучше было бы сказать: не знаем, чем громоздить одно предположение на другое. Но Л. Н. Гумилев считал свои, абсолютно ни на чем не основанные, построения достаточными для опровержения выводов Отто Менчен-Хелфена, который сомневался в тождестве языка хунну и гуннов, справедливо указывая на невозможность доказать их переход с Селенги на Волгу и отмечая несходство искусства тех и других (Гумилев, 1993, с. 100).

Прав Михаил Жванецкий: «Когда нельзя, но очень хочется, то можно». Следование ложным теориям и концепциям обрекает даже выдающихся ученых обходиться предположениями и насиловать факты, неизбежно впадая при этом в неразрешимые противоречия. Итак, хунны, поженившись на сибирках, стали превращаться на Урале в новый и весьма страшный народ, готовясь форсировать Волгу, перекроить этническую карту всей Европы и прославиться в истории под именем гуннов.

СКИФЫ

Древнейшими обитателями Восточного Причерноморья считаются киммерийцы, затем главенство перешло к их родичам – причерноморским скифам, уступившим его, в свою очередь, сарматам, обитателям Подонья и Поволжья. Для характеристики быта и хозяйства скифо-сармато-сакских племен приведем данные из работы А. И. Мелюковой (в указанном выше томе серии «Археология СССР»). Скифо-сарматы поначалу вели пастушеский, кочевой образ жизни. Вся масса их племен и родов, по мнению ученых, в тот период круглый год находилась в непрерывном движении (так называемое «таборное кочевание»), не имея даже постоянных кладбищ. «Необходимые продукты питания и ремесленного труда они получали от соседей, главным образом военным путем, поскольку постоянно находились в состоянии войны-нашествия», - уверенно пишет автор. Кто были эти богатые и развитые соседи, постоянно снабжавшие продуктами питания и ремесленными изделиями шайки бродячих скифов-грабителей - неизвестно. Неизвестно, как мог целый народ всю жизнь пребывать в «состоянии войны-нашествия». Неизвестно, почему эти соседи были такими малодушными.

Как думали античные авторы (которым ученые верят безоговорочно), скифы жили в кибитках, крытых войлоком и запряженных волами. Затем историки все же позволили скифам поумнеть, и заметить, пусть и с большим запозданием, что климат в Причерноморье весьма суровый; они перешли ко второй стадии кочевания, и у них появились границы кочевков и родовые кладбища. Изменилась и тактика ведения войн – на незлобивых соседей скифы уже не нападали «всей массой», а отправляли в набеги за пропитанием только отряды воинов. Началось и земледелие – но только у тех скифов, которые граничили с греческими городами-колониями.

Часть года они проводили в поселках, а вторую, оставив свои семьи, пасли скот, который и являлся основным их богатством; в первую очередь - лошади, затем овцы и крупный рогатый скот. Кони были двух пород – сравнительно низкорослые, но быстрые и выносливые степные лошади, и узкомордые, тонконогие, близкие к ахал-текинским

скакунам (эта великолепная порода почему-то сохранилась у туркменов, но не у иранцев). Заготовку кормов на зиму европейские кочевники не производили (удивительное до невероятия утверждение: чем же тогда их скот питался в это время года - впадал в зимнюю спячку?). «Скифы должны были иметь большие табуны лошадей, иначе нельзя объяснить наличие обширных гекатомб в ранних курганах Предкавказья, а также употребление частей конских туш в качестве заупокойной пищи. В рационе питания скифских кочевников, судя по свидетельствам античных авторов, большое место занимали не только мясо, но и продукты, изготовленные из кобыльего молока – кумыс и сыр-иппака».

Считается, что «все скифы были конными стрелками», т. е. воинами. Но тогда непонятно, кто занимался пастьбой скота, гонял его на водопой, доил коров и овец, делал сыр, сбивал масло, обрабатывал шкуры, мастерил повозки и колеса для них (которые, наверняка, часто ломались), добывал и обрабатывал металл, и пр., и пр. Разделение труда и специализация, вероятно, существовали уже во времена первобытные (шаманы, охотники, собиратели, умельцы), здесь же речь идет о народе, стоящем на предгосударственной ступени развития, а умение ездить на коне никого еще воином не делает и не делало.

До возникновения Каменского городища (в низовьях Днепра) основную массу оружия и других металлических изделий скифы, по мнению А. И. Мелюковой, получали от сородичей, жителей лесостепной полосы. Но затем у степных скифов начинается бурный рост именно металлургии, они снабжают себя всем необходимым сами, причем мастера умеют обогащать руду, отделяя ее от пустой породы. Развиваются и домашние промыслы. Уже в раннескифское время кузнецы лесостепи умели изготавливать сталь и знали несколько способов производства металлических изделий; развивалась у них и обработка цветных металлов. Большинство бронзовых предметов изготовлено при помощи литья. Сложной техникой и технологией пользовались при производстве изделий из кожи, в ткачестве (шерсть, лен, конопля). Сеяли пшеницу, рожь, просо, ячмень, гречиху, овес, бобовые – горох, чечевицу, нут, кормовые бобы. Урожай убирали серпами или косами (а вот сено почему-то не косили – если верить академистам). Зерно хранили в ямах и в больших глиняных сосудах.

Еще до появления в Северном Причерноморье греческих колоний скифы торговали с греками, привозившими вино, глиняную посуду, металлические изделия, позже и предметы вооружения. В свою очередь Скифия снабжала Грецию зерном (которое, надо полагать, растили конные стрелки, в перерывах между сражениями), а также пушниной, медом, воском, рыбой, шкурами, скотом, рабами. Описывая реку Борисфен (Днепр), Геродот, например, говорит: «...вдоль него тянется превосходная пахотная земля или растет очень высокая трава, там, где почва не засеивается». Обратим внимание, что в эпоху железа уровень экономического развития населения Великой степи на западе и на востоке был одинаковый.

Скифия занимала обширную территорию, и Геродот имел о ней весьма ясное представление, описывая ее климат, реки, животный мир, обычаи скифов, их историю и административное устройство. Уже в легенде о Колаксае, сыне скифского первоцаря Таргитая, говорилось, что он разделил всю обширную страну на три области. Весь народ состоял из скифов царских, скифов-кочевников, скифов-земледельцев и скифов-пахарей (скорее всего, речь идет о четырех сословиях, а повтор (земледельцы и пахари) вызван лингвистическим недоразумением. У скифов были святилища, своя религия и царский некрополь.

Цитируем из книги «Основы археологии» Д. А. Авдусина, в которой изложена, разумеется, академическая точка зрения: «...в самом конце V в. до н. э. появляются

укрепленные поселения, среди которых выделяется своими размерами (1200 га) Каменское городище, расположенное в степной Скифии на нижнем Днепре около современного Никополя». «Оно быстро развивалось и уже в IV в. до н. э. стало важным ремесленным и торговым центром. Его исследователи предполагают, что там была столица Скифии». «Этот металлургический центр степной Скифии снабжал ее значительную часть железными изделиями. Скифы уже в полной мере освоили производство черного металла».

Речь явно идет о развитом и сильном государстве; но у историков иная логика: «Представлены там и другие виды производств: косторезное, гончарное, ткацкое, но уровня ремесла достигли далеко не все из них (? – М.Дж.). Некоторые домашние промыслы переросли в общинные ремесла, совместимые с родовым строем». Зачем «родовым кочевникам» были нужны столица и металлургический центр, понять трудно, как и то, о чем сообщает автор далее. «Не только на Каменском городище, но и в лесостепных поселениях VII-VI вв. до н. э. прослежена обработка железа и бронзы. Железо получали сыродутным способом, но уже существовали специальные печи для цементации. Набор кузнечных инструментов лишь немного уступал средневековому. Имелись молоты и молотки, клещи и пружинные щипцы, зубила, пробойники, напильники. Пилы были редки. Было развито и литье бронзы, причем сфера ее применения постепенно менялась: бронза уже использовалась не для изготовления оружия (исключение составляют наконечники стрел), а для производства украшений и литья котлов. Цветного металла в Скифии не было, и он поступал туда из разных внешних источников».

«На Каменском городище имеются две линии укреплений: внешняя и внутренняя. Внутреннюю часть археологи называют акрополем, по аналогии с соответствующим делением греческих городов. На акрополе прослежены остатки каменных жилищ скифской знати. Рядовые жилища представляли собой главным образом наземные дома столбовой конструкции, но встречаются и полуземлянки. Каменское городище было не единственным скифским городом. Центрами городского типа были также Елизаветовское городище, расположенное в дельте Дона, и поселение у Белозерского лимана под Херсоном. Они существовали в IV-III вв. до н. э.» (Авдусин, с. 151-153).

Скифы были хорошими металлургами и мастерами уже за пять веков до нашей эры, и их кузнечные инструменты почти не уступали средневековым, т. е. эти кочевники-горожане опередили свое время веков на десять. Причем они «освоили производство черного металла в полной мере». Сюда кто-то, как-то и откуда-то (скорее всего, из Казахстана) привозит медь и олово, необходимые для производства бронзы. Существует развитая технология, есть и торговля, причем не только мелочная. Уже и укрепленная столица у скифов была, и каменные жилища, и каменные скульптуры, и несколько больших городов, и производство и обработка металла, и земледелие, и скотоводство, и ремесла, и некрополь, и цари, и столица - а строй оставался родовым. Но, в таком случае, кто и как, например, добывал железо и уголь? Работа в древних шахтах и копях, вероятно, была очень опасной и добровольно в них никто не полез бы; для добычи руды и производства металла нужны специалисты и организация труда рабов и преступников.

Площадь столицы весьма велика – 12 кв. км. Допустим, каждый дом занимал (с огородом) 200 кв. м; на этой площади располагалось бы не менее 60 000 жилищ (чтобы не вычитать из общей площади мастерские, рынки и пр.). Но, для страховки, уменьшим это число вдвое – 30 000. И если в каждом из этих домов жило в среднем, скажем, 5 душ, то и тогда численность населения одной только скифской столицы по тогдашним меркам окажется огромной – 150 000 чел. (в городе Париже даже в XV в. жило всего 40 тыс. чел.). И нужно было обеспечить этих людей работой и пропитанием - иначе зачем они сидели

бы в одном месте? И нас уверяют, что в этом крупнейшем городе мира обитали «таборные кочевники», жившие родовым строем!

«Сравнительно позднее появление у скифов поселений объясняется в первую очередь господствовавшим в их хозяйстве кочевым скотоводством. Огромные стада требовали частой смены пастбищ, поэтому стоянки скифов были короткими». «Со скотоводством связаны и их домашние промыслы: обработка кож, мехов, кости, а также обработка дерева, из которого делались многие предметы обихода кочевников, в первую очередь повозки» (Авдусин, с. 153). Как это понимать? Кто же тогда жил и трудился в городах, в мастерских и в кузницах, строил дома? Разве не скифы? Или они только собирали дань с трудолюбивых и необычайно трусливых горожан (неведомого происхождения), посмеиваясь в бороду: «Ну, ребята, вы трудитесь, куйте железо, пока горячо. А мы к вам будем наезжать, дань-ясак собирать. А жить будем в повозках, привычным родовым строем, на свежем воздухе». И горожане покорно склоняли свои тонкие выи перед «дикими кочевниками». Почему же тогда скифы при царе Атее долго бились с жителями придунайского города Истрия и его союзниками? И что значит «сравнительно позднее появление у скифов поселений»? В то время таких городов по всему миру – раз-два и обчелся. В сравнении с кем «позднее»? И неужели такой огромный город появился сразу? Разве ему не должно было предшествовать появление небольшого поселка или поселков?

Но, кроме того, эти удивительные «родовые кочевники» совершают дальние походы на Ближний Восток, доходят до Египта, сражаясь с ассирийцами, мидянами, персами; создают особый «звериный стиль» в искусстве, имеют свое оружие, тактику войны, религию, обряды, традиции и т. д. «Имея в виду переднеазиатские походы скифов, можно утверждать, что уже в то время (VII-VI вв. до н. э. - М. Дж.) у них существовала военная демократия – заря государственности. Поэтому некоторые археологи относят возникновение скифского государства к VI в. до н. э. Другие же считают, что скифские племена были объединены лишь царем Атеем, который, кстати, начал и чеканку монеты, что является несомненным признаком существования государственности. Это произошло в IV в. до н. э.» (Авдусин, 1989. с. 161) – т. е. тогда же, когда возникали города-государства в Элладе и в Италии.

Напомним, что государственность у германцев, славян, галлов и пр. появилась только тысячу лет спустя (если верить академистам)! У Геродота говорится о начальниках областей в Скифии, о пышных похоронах царей, о своеобразной переписи населения; археологи пишут о богатствах, которые до сих пор иногда обнаруживают в царских курганах, достигавших огромных размеров (неужели их возводили таборные кочевники?) и пр. и пр. Разве не о государстве идет речь? И разве оно совместимо с родовым строем?

САРМАТЫ

На восток от Скифии, от Дона до Приуралья простирались земли родственных скифам савроматов (сарматов), а территорию нынешнего Казахстана и часть Средней Азии занимали многочисленные племена саков, массагетов, усуней и др., по мнению большинства исследователей, «североиранские» - и по языку, и по культуре, весьма однородной на всем гигантском пространстве Великой степи. Основу хозяйства у савроматов, конечно же, составляло кочевое скотоводство, что и отмечается. Они были, как считается, еще более ревностными идейными приверженцами родового строя, чем скифы, причем у них долго сохранялся матриархат. Но воевали, говорится в книге Д. А. Авдусина, мужчины, «в основном». Почему мужчины, доминируя в хозяйственной и военной деятельности, отдали власть женщинам, академическая наука не объясняет.

«Ко II в. до н. э. основная масса сарматов переходит Дон и вторгается в Скифию, медленно, но неуклонно занимая скифские кочевья. Большая часть Скифии была превращена при этом в пустыню, население поголовно истреблялось. Там же, где скифы уцелели, они смешались с сарматами. Таким образом, сарматы сменили скифов, и их территория простиралась от реки Тобол до Дуная»; племенные союзы их возглавлялись аланами, роксоланами, сираками и пр. Погребения сарматских царей по богатству инвентаря немногим уступали скифским (Авдусин, с. 165-166). Отчего сарматы так озлобились, что не просто подчинили себе соседей и родственников, а поголовно истребили несчастных скифов, автор не говорит. Они заняли Скифию, а затем из их среды на рубеже н. э. выделилось наиболее мощное племя – аланы (асы).

А. П. Смирнов пишет: «К востоку от Дона, древнего Танаиса, возник еще один племенной союз, состоявший из местных племен и возглавленный аланами. Большую научную ценность представляют богатые курганы начала I тысячелетия н. э., принадлежащие аланской знати. Под ними были открыты роскошные погребения-катакомбы». «Об экономических и культурных связях с соседними государствами и странами – Римской империей, причерноморскими греческими городами, Средней Азией – говорит большое количество обнаруженных в могилах привозных вещей (особенно монет), а также вещей, изготовленных местными мастерами под влиянием римских и восточных образцов» (История СССР, с. 322; с. 321).

Вопросы о первоначальной территории расселения и происхождении аланов остаются в академической науке предметом дискуссий. Некоторые ученые считают их выходцами из Средней Азии. «Однако большинство современных исследователей видят в аланах сарматских выходцев из племен аорсского объединения в Северном Прикаспии. Что не исключает участия массагетских групп в их этногенезе» (ИНСКДВ, с. 85). По третьей версии (нашей), аланы – это второе название барсиллов (басиллов); Геродот, описывая скифов, выделяет среди них «царских скифов», правящее племя. Скорее всего, название «царские» (греческое *басилеос*) – это неправильное осмысление тюркского этнонима *барсиль* «народ барса», изменившегося в *басиль*.

Нужные изделия из металла скифы изготовляли сами. Сарматы не делали и этого, на них трудились «лесостепные оседлые соседи, изготовлявшие кузнечные, бронзолитейные, кожаные и деревянные вещи» (Авдусин, с. 167). Чем же тогда занимался простой сарматский люд? Подразумевается – неукоснительным насилием и грабежом (такой нехорошей психологией академики наделили и всех других «кочевников», особенно тюрков). Но затем вдруг оказывается, что сарматы не были таким уж пропащим племенем. Они каким-то образом «сарматизировали» население греческих городов Причерноморья и Боспорское царство превратилось в Греко-Сарматское. Они же составили основную массу населения в городе Танаисе, в устье Дона. «В окрестностях этого города и в Прикубанье существовали сарматские земледельческие поселения» (Авдусин, с. 168). Стало быть, сгоряча разгромив и вырезав более цивилизованных и трудолюбивых скифов, сарматы опомнились, взяли себя в руки, и под благотворным влиянием культурных греков занялись созидательным трудом. Но не тут-то было.

ЗАВОЕВАНИЕ ЕВРОПЫ

Естественные и гуманитарные науки имеют между собой мало общего – слишком разные объекты исследования. С другой стороны, если речь идет о науке, историк обязан опираться на факты, логику и излагать свою точку зрения как можно более точно и конкретно. Однако при чтении многих и многих трудов, посвященных истории кочевников, создается впечатление, что они написаны поэтами или писателями, которые

восполняли нехватку сведений плодами своего воображения (иногда весьма буйного). О том, почему и когда гунны пришли в Причерноморье, ничего не известно. Одни академики говорят - «хлынули», другие – «обрушились», и т. п.; по их представлениям, это было подобие стихийного бедствия. Но, поскольку никаких доказательств прихода гуннов из-за Волги нет, более хитроумные авторы придумывают иные объяснения, точно так же ничем не подкрепленные: «В конце I – середине II в. часть их появилась в Средней Азии и Приуралье. Приблизительно в это время отдельные группы гуннов стали проникать в Восточную Европу и на Северный Кавказ». Некоторое удревнение времени прихода гуннов, как и утверждение об их постепенной инфильтрации в местную этническую среду, приняты для того, чтобы объяснить их упоминания в древних источниках, задолго до V в. н. э. (Фавстос Бузанд, Птолемей и др.). «Однако подавляющая часть гуннских племен оставалась к востоку от Поволжья. Массовое вторжение гуннов в Восточную Европу и на Кавказ началось в 70-х годах IV в.» (ИНСКДВ, с. 93).

Интересно, кто и как подсчитал количество гуннов по ту и эту сторону Волги именно в данный период? Но пусть так. И чем же занялись эти завоеватели, оказавшись на берегах Волги, Дона и Днепра? Может быть, стали обживать новые земли, строить дома, пахать и сеять? Ничего подобного. Начало главы, написанной А. П. Смирновым для «Истории СССР» (в 12-ти томах) можно было бы назвать впечатляющим, если бы о том же и теми же словами не начинали рассказ о гуннском нашествии все другие авторы, прежние и последующие. Так что перед вами образец: «375 год открыл страшный период в истории Европы. Дикие орды гуннов вторглись в ее пределы, начав опустошительную войну, которая привела к упадку огромный край, заселенный племенами, стоявшими на высокой ступени общественного и культурного развития» (История СССР, с. 321).

Можно попытаться представить себе картину, которая носилась перед умственным взором автора, когда он писал эти взволнованные строки, наполненные болью за судьбу несчастной Европы. Жили себе, поживали тамошние племена «на высокой ступени», горя не знали, никого захватывать и поработать не собирались – вдруг, откуда ни возьмись, ворвались бесчисленные скопища озверелых всадников, которым страсть как хотелось убивать, разрушать и грабить. Никаких других целей и желаний у них быть не могло, как и ничего другого они делать не умели. Были у этих гуннов папы и мамы, дети, сестры, дедушки и бабушки, и чем они занимались, когда их сыновья, братья и мужья зверски расправлялись с кроткими земледельцами, о том наука молчит: если и были, то гунны на них никакого внимания не обращали – воевать надо.

Речь идет о Восточной Европе. Гунны живут племенами и родами, их соседи – тоже. Почему-то одни – это дикие орды, а другие – «на высокой ступени» культурного и общественного развития. Но в конфликтах гунны-дикари почему-то побеждают. Наверное, их противники денно и нощно думали только об общественном и культурном развитии, о войне и защите родины совершенно не помышляя. Несмотря на то, что звероподобные «кочевники», только и мечтавшие о грабежах и насилиях, находились в двух шагах от них. Но каким образом такая масса могла скопиться незаметно от соседей?

Аммиан Марцеллин (IV в. н. э.) располагал страну алан за рекой Танаисом (Доном): «За ней тянутся бесконечные степи Скифии, населенные аланами, получившими свое название от гор, они мало-помалу постоянными победами изнурили соседние народы и распространили на них название своей народности, подобно персам». Побив алан в Подонье, гунны «бросились на Крымский полуостров» (ну, точь-в-точь, как волк на овцу), - и конечно, уничтожили все мелкие города, как и столицу – Пантикапей.

«Именно гунны, - пишет Аммиан, - вторгнувшись в земли тех аланов, которые сопредельны с гревтунгами и обыкновенно называются танаитами, многих перебили и ограбили, а остальных присоединили к себе по условиям мирного договора; при их

содействии они с большой уверенностью внезапным натиском ворвались в обширные и плодородные владения Эрменриха (правителя готов. – М. Дж.), царя весьма воинственного, многочисленными и разнообразными подвигами храбрости наведшего страх на соседние народы». Следовательно, гунны вступили в союз с аланами, единственным, по мнению историков, ираноязычным племенем, уцелевшим в Восточной Европе и почему-то, как пишет Аммиан, «во всем похожим на гуннов». Более того, выясняется, что после смерти Германариха с храбрыми готами отчаянно сражаются вовсе не пришельцы с востока, а как раз аланы: «...Витимир (новый король готов. – М. Дж.) несколько времени сопротивлялся аланам, полагаясь на других гуннов, которых он деньгами привлек на свою сторону, но после многих поражений потерял жизнь в битве, подавленный силой оружия», - пишет Марцеллин.

Случайно уцелевшее население алчные пришельцы обложили данью (неслыханный случай в практике средневековья). Было немало и других народов и племен, которых они изобидели. Короче говоря, гунны вели себя, как и положено классическим «злым татаровьям». Но затем выясняется, что дикие кочевники, не знавшие ни дисциплины, ни строя, мчавшиеся в бой толпами, вовсе не были такими уж примитивными. «Захватив степные пространства Северного Причерноморья, - продолжает А. П. Смирнов, - гунны некоторое время оставались там, кочуя и собирая дань с уцелевшего после погрома местного населения. Гунны, по-видимому, были в курсе всех политических событий того времени (читали газеты, не иначе. – М. Дж.). Во всяком случае, воспользовавшись тем, что византийский император Феодосий I перевел большие воинские подразделения из азиатских провинций в европейскую часть империи, гунны по Дербентскому проходу ворвались в Закавказье, прошли в Сирию и Малую Азию и разгромили там ряд городов». «Одновременно гуннские орды, продолжая продвижение в Европе, вступили в пределы Римской империи» (История СССР, с. 325).

Не знаешь, смеяться или плакать. Скопища пастухов, неизвестно по какой причине собравшиеся в мощный военный кулак и неизвестно какой силой удерживаемые вместе, покинув свои семьи и стада, носятся по огромным пространствам – от Кавказа до Сирии и Дуная, и никто ничего с ними поделать не может, громят всех подряд, невзирая на лица. При этом они находятся в курсе всех политических событий. Но кто и как сумел так быстро известить гуннов о том, что Феодосий перевел свои войска в Европу? Или они имели генеральный штаб, хорошо налаженную разведку и свою резидентуру в Константинополе? Откуда «дикие орды» узнали о намерениях и действиях императора, жившего на другой стороне Черного моря? А если кто-то и сообщил им о них, то неужели все эти бедовые чабаны сидели толпой у юрты своего вождя, чтобы, используя момент, немедленно помчаться в Закавказье? И как они узнали, куда следует наносить удар – имели карты? Каким образом они составили себе представление о взаиморасположении огромных регионов, если только вчера пришли в Европу? Зачем все это нужно было пастухам – пишет же великий сарматолог, что гунны продолжали жить «кочуя и собирая дань»? Откуда у них взялся такой империалистический запал?

Как бы там ни было, униматься гунны не хотели. Устроив форменный разгром всем встречным и поперечным в Восточной Европе и в Малой Азии, они захватили Паннонию, несмотря на противодействие византийцев и готов, и создали там мощный каганат. Очень хотелось бы понять, как такие примитивные племена могли дойти до Рейна, почему их никто не остановил и почему они громили европейские войска, а не наоборот. Историки, вероятно, полагают, что эти регулярные армии состояли не из грубых и закаленных в боях солдат, а из интеллигентных и кротких гуманистов в очках: увидев перед собой толпу злобных чумазных дикарей, они робели и пускались наутек.

Но в чем же, по мнению А. П. Смирнова, заключалась причина непобедимости «диких» гуннов? Оказывается, они имели мощные луки, и тактику (которая не менялась у «кочевников» на протяжении 15 веков!). Гунны действовали издалека, осыпая противника роем стрел, изматывая его. «Так они добивались полного утомления блокированного врага. Они умели заманить противника в засаду и, окружив, уничтожали» (История СССР, с. 326). И опять остается только руками развести. Неужели гунны воевали с круглыми идиотами, неспособными усвоить жестокие уроки войны? Да нет, им противостояли лучшие полководцы и армии мира (чего стоил один Флавий Аэций, кстати, в молодости долгое время проживший среди гуннов). И неужели им нечего было противопоставить закоренелой тактике «кочевников», неустойчивых стрелков?

Но пусть так получалось в открытом поле. Как же тогда гунны брали города – неужели день и ночь обстреливая их толстые стены из луков? Они умели устраивать засады – а остальные, что, не умели? Почему мощные луки были изобретены дикими гуннами, а не более развитыми соседями? Если бы я стал утверждать, что ружье изобрели лопари или бедуины, а западноевропейцы этого сделать вовремя не смогли, читатель подумал бы, что я не в своем уме. Никогда – ни до гуннов, ни после – «дикари» в войнах с регулярными войсками не побеждали, тем более не могли они захватывать города и целые страны. Гунны, славяне, германцы, венгры, галлы и другие «варвары» были такими же народами, как и современные им греки и римляне, ничуть не глупее. (Слава Богу, что людей, понимающих такие простые истины, становится все больше).

По словам историков-академистов, изобретательные вояки-гунны, стихийные политики и победители целых государств отличались, кроме прочих своих пороков, еще и полнейшей неспособностью к социальному развитию, где бы они не находились. «Такими же консервативными, как военное дело, были и общественные отношения гуннов, которые, судя по сообщениям византийских писателей, мало изменились со времен Модэ. Это по-прежнему была военно-демократическая держава (?! – М. Дж.), мощь которой зависела исключительно от удачных и неудачных грабительских набегов на соседние цивилизованные страны» (История СССР, с. 326).

Модэ – правитель племен сюнну (якобы предков гуннов, в Монголии), жил в конце III в. до н. э. Хунну-сюнну, которые совершали успешные набеги на Китай уже с IX в. до н. э., тоже, надо полагать, жили при военной демократии. Но А. П. Смирнов говорит о гуннах V в. н. э., живущих в Европе уже не первое столетие. Прошло 14 веков, а гунны упрямо держатся за свои старинные порядки. И держава у них особая – военно-демократическая (что сие означает, археолог не сказал); ее идею, принесенную их предками из Центральной Азии на Урал, они лелеяли несколько веков. И чем больше «военные демократы» грабили своих соседей, тем мощнее становились. Почему прочие царства-государства им это позволяли, никто не знает. Если верить тому, что пишут академики, никаким производительным трудом (и созиданием вообще) гунны не занимались – все от мала до велика жили грабежом. Ни в одной научной работе нет упоминаний о трудящихся гуннах; примерно то же самое мыслят ученые и обо всех остальных тюрках Средневековья.

Подобные «объединения племен», по словам А. П. Смирнова, возникали и после распада Гуннской державы. Однако, пишет он, ни одно из них «не достигло могущества и значения гуннской конфедерации» (разучились, значит, грабить, потеряли квалификацию). «Но они полностью сохраняли паразитический характер ее экономики и грабительскую сущность ее политики» (История СССР, с. 326). О ком идет речь? О народах и племенах? Но разве они могут иметь «паразитическую экономику»? Нет, нам вместо истории народа преподносят историю скопища бандитов, чего-то вроде пиратской республики, только не на Ямайке, а в центре Европы, почему-то именуя ее

«конфедерацией». Очень забавно утверждение археолога о «грабительской сущности политики» Гуннского государства и его наследников. Мы должны думать, что сущность политики остальных стран была совсем иной – благотворительной. Их правители встречали рассвет, размышляя, какой бы соседний народ осчастливить, захватив его территорию и ограбив дочиста. Несчастные гунны, конечно же, ничем не отличались от своих современников и были виновны только в том, что разбивали армии европейцев. Но, с легкой руки целых полчищ авторов, имя гуннов стало нарицательным, в значении «дикий, злой грабитель и разрушитель». Стоило кому-нибудь из специалистов коснуться их истории, как в его голове немедленно срабатывал какой-то механизм, диктуя ему набившие оскомину фразы о зверствах и дикости «кочевников».

ФАКТАМ ВОПРОКИ

Перед читателем, в сжатом виде, прошла гуннская эпопея, на разные лады перепеваемая в бесчисленных трудах академических историков-мифотворцев. Ее появление было вызвано не только странными представлениями о «кочевниках» и их психологии, но и полным игнорированием имеющихся в письменных источниках сведений, как и данных археологии. Чтобы обрести твердую почву под ногами, нам следует ответить на два вопроса. Правомерно ли отождествление дальневосточных сюнну (хунну) и европейских гуннов? Имел ли место исход этих сюнну с Селенги на Урал?

Приведем несколько цитат из самого что ни на есть академического труда – «Степи Евразии в эпоху средневековья», 1981 г. (серия «Археология СССР, в 20 томах). Автор раздела – археолог А. К. Амброз говорит (ряд слов и строк в тексте выделен нами): «**По созвучию** с гораздо более древними хунну европейские гунны (хуны, хунны) **считаются** их частью, ушедшей на запад, **возможно**, после поражения в 155 г. **Предполагают**, что на новом месте небольшая группа гуннов обросла местными кочевниками и постепенно усилилась. Более чем **через 200 лет после ухода** с востока они вторглись в Европу» (Степи Евразии..., с. 10).

По крайней мере, здесь определенно сказано, что европейских гуннов считают потомками азиатских хунну только из-за созвучия этнонимов. Но самые выдающиеся лингвисты читают их имя не как *хунну*, а как *сюнну* (см. ниже). Остальное в тексте А. К. Амброза – только предположения: «считаются», «возможно», «предполагают»... Кроме того, кто и как вычислил, что гунны набирались сил перед решающим броском на запад именно 200 лет, а не 50 или 100? Может быть, ученые опираются на более сильное подспорье, скажем, на детальный анализ археологических находок?

«К сожалению, **материал по кочевникам IV в. еще очень невелик и археологам пока не удалось выявить за Доном и Волгой такой группы степных древностей, которая была бы преемственно связана с азиатскими хунну I-II вв. или с европейскими гуннами V в.** Культура последних зафиксирована в уже сложившемся виде и представляет своеобразный сплав самых разнородных элементов, отразивших участие в ее создании многих народов, покоренных гуннами в Восточной и Центральной Европе. **Азиатские элементы в ней немногочисленны** (конструкция седел, любовь к чешуйчатому орнаменту, **имитирующему перья**, узорные бронзовые котлы). Прочие кочевнические элементы, представленные в этой культуре, были до гуннов известны и у европейских степняков, но в меньшей степени или в других сочетаниях» (Степи Евразии..., с. 11).

Очень интересно. За Доном и Волгой нет древностей, которые можно было бы связать с дальневосточными хунну. Европейские гунны своей культуры почему-то не имеют, а пользуются неким сплавом из культур других народов (как и хунну на дальнем Востоке).

Азиатских элементов в ней мало. Не странно ли, что этих элементов нет за Доном или даже за Волгой, но они есть в далекой Европе, причем еще до пришествия гуннов? И кто может доказать, что эти элементы пришли именно из Азии, а не наоборот?

Рассмотрев оседлые культуры Центральной Азии, «весьма далекие по своему облику от гуннских или даже древнетюркских древностей», А. К. Амброз пишет: **«Отдельные элементы в культуре кенкольского типа в Киргизии, имеющие некоторое сходство с европейскими времени господства гуннов, синхронны им или даже более поздние и не пригодны для изучения пути гуннов на запад. На современном этапе исследования археологии кочевников лучше изученные памятники их западной группы во многом служат ключом к пониманию находок в Азии (особенно до полной публикации последних, нередко очень ярких, как в Киргизии). С запада и приходится начать рассмотрение, несмотря на то, что истоки всех этих народов и культур были далеко на востоке»** (выделено нами. – М. Дж.) - (Степи Евразии..., с. 11).

То, что древности западных гуннов не имеют аналогов на Дальнем Востоке, а являются более ранними или синхронными азиатским находкам, и что европейские находки служат ключом для понимания находок в Азии – неважно. Заранее решено, что гунны шли с востока на запад, стало быть, надо искать подтверждение именно этой гипотезе. А если факты противоречат ей, тем хуже для фактов. Тем не менее, имея в руках единственный «аргумент» - сомнительное сходство этнонимов (сюнну и гунн), ученые смело повествуют о грандиозном исходе «кочевников» из Центральной Азии!

Но, слава Богу, есть еще на свете прямодушные и здравомыслящие специалисты. Пользуясь сведениями древних летописцев, данными археологии и выводами лингвистов, С. С. Миняев в своей книге «Исчезнувшие народы» (М., Наука, 1990) пришел к обоснованному выводу, что азиатские хунну не имели никакого отношения к европейским гуннам, что это совершенно разные народы. Китайцы называли своих северных врагов не хунну, а сюнну. Спасаясь от китайских войск, в Среднюю Азию сумел уйти только небольшой отряд в 3 тысячи человек. При столкновении с высланным им вдогонку отрядом 1500 сюнну были убиты, 1200 человек попало в плен.

Возникает вопрос: каким образом оставшиеся в живых 300 воинов (которые у Л. Н. Гумилева размножились до 20 000) смогли не только сохраниться в окружении иноязычных и многочисленных соседей, но и превратиться в могучий этнос? И где доказательства такого превращения? С. С. Миняев пишет: «...западнее Саяно-Алтайского нагорья нет ни одного раннего памятника сюнну»; да и письменные источники сообщают о сюнну в Центральной Азии вплоть до V в. н. э., когда гунны уже целое столетие обитали в Европе. Вывод исследователя правомерен: «Историческая судьба сюнну связана в раннем средневековье с Центральной Азией» (Миняев, с. 124).

Связь между сюнну и гуннами отрицали и многие известные ученые – Абель-Ремюза, Альтхайм, Хауссиг. Объясняя термины языка сюнну, зафиксированные в китайских хрониках, американский синолог Э. Дж. Пул्लиблэнк пришел к выводу, что они говорили на языке, относящемся к енисейской семье, а не на одном из тюркских или хотя бы монгольских языков. Г. Дёрфер, один из крупнейших авторитетов в тюркологии, прямо писал: **«...можно с уверенностью сказать, что язык сюнну не был ни тюркским, ни монгольским»**. Это отмечалось и другими исследователями. «Согласно Э. Пул्लиблэнку, подвергнутому обоснованной критике гипотезу об «алтайской» принадлежности «нуклеарного» хуннского языка, язык хуннов принадлежал к палеоенисейской языковой группе. Г. Дёрфер, рассмотревший все существующие гипотезы языковой атрибуции хуннов, пришел к выводу, что хуннский язык не принадлежит ни к одной из известных языковых семей и входил в некую полностью вымершую и очень древнюю языковую группу» (ВТДРС, с. 564).

Уже Помпоний Мела (I в. н. э.) упоминает среди известных ему в Европе народов неких турков, а Клавдий Птолемей (II в. н. э.) говорит, что хуны живут между племенами бастернов и роксоланов; у него же впервые появляется тюркское название Урала – *Даик* (от *Джаик*, *Яик*); сам он ни на Урале, ни поблизости от него не был. В канонической версии истории роксоланы считаются одним из «североиранских» племен Восточной Европы; их название объясняют с осетинского как «светлые аланы» (*рохс алан*). Когда же эти хуны успели стать их соседями, если в то время их триста беглецов-прародителей еще обретались в Средней Азии или на Урале? На самом деле *росколайни* – это финское название германцев-скандинавов (*алайни* – «народ»), предков шведов (что было известно еще В. В. Татищеву, в XVIII в.).

ДИКАЯ ИСТОРИЯ

Итак, гунны сформировались на Урале в сильный и многочисленный народ, готовый к исполнению своей исторической миссии – сокрушению всех народов и государств, которые подвернутся им под горячую руку. «В 372 г. огромные орды азиатских тюркоязычных кочевников – гуннов форсировали Волгу и вторглись в земли алан». «Разгромив алан-танаитов и присоединив их к себе «по условиям мирного договора» в качестве подчиненных им союзников, разбив вестготов, гунны двинулись на запад, вовлекая в это движение алан, готов и другие племена и народы». Видите, как все легко и просто: «огромные орды», которых форсирование Волги и войны с аланами и готами нисколько не утомили, зачем-то еще и двинулись на запад, прихватив с собой и покоренных (в неутолимой жажде грабежей и убийств).

«Так в конце IV в. началась эпоха «великого переселения народов», открывшая новую страницу в истории Европы и оставившая в ней глубокий след. Одновременно кончилось время многовекового и безраздельного господства ираноязычных кочевников – киммерийцев, скифов, сарматов, алан – в степях Северного Причерноморья, на смену им пришли бесчисленные тюркские племена и народы, хлынувшие из глубин Азии» (Кузнецов, 1984, с. 32-33). Извините, но как-то уж слишком резко кончилось время господства «ираноязычных кочевников» - их что, ветром сдуло? И откуда взялись «бесчисленные тюркские племена» и зачем они «хлынули» на запад (это ведь люди были, а не половодье)? Или Дальний Восток производил народы и племена поточным методом, как на фабрике?

Постановив, что скифы, сарматы и саки говорили на «североиранских наречиях», ученые легко перекинули мостик от них к предшествующему населению степей (в бронзовом веке), и решили, что те тоже были иранцами (или индоиранцами, или индоевропейцами), которые жили здесь на протяжении 2-3 тысяч лет. Учитывая это, а также количество археологических культур эпохи бронзы и раннего железа на пространстве от Волги до Алтая, мы приходим к выводу, что вся эта территория была давно освоена и плотно заселена «североиранцами» (саками, усунями, массагетами и др.).

Трудно себе представить, какой мощью обладали бы эти воинственные племена, развитые во всех отношениях и говорившие на одном языке. Но тогда нет ответа на вопрос: каким образом гунны беспрепятственно прошли через их земли, а не были истреблены в войне или не были ассимилированы? Или как раз перед этим «североиранцы» вымерли от какой-то страшной эпидемии? Но никто из исследователей о таком бедствии пока не говорил. Или все происходило не так, а имела место тюркизация населения? Но неужели вся эта масса воинственных и сильных племен только и ждала момента, чтобы сменить свою речь на тюркскую? Почему же после великих «татаро-монгольских» завоеваний, тщательно спланированных и успешных, население евразийских степей так и осталось тюркоязычным? Все это, особенно трехлетний марш-

бросок сюнну-хунну напрямик с Селенги на Волгу, совершенно невероятно и является одним из бесчисленных научных мифов.

Тогда допустим, что гуннов было мало, они каким-то образом просочились сквозь «ираноязычных кочевников» и нашли прибежище у гостеприимных угро-финнов. Но в таком случае непонятно, почему гуннам не встретилось в Восточной Европе ни одно ираноязычное племя, кроме аланов. И никакие «североиранцы» не мешали двигаться на запад и другим дальневосточным тюркам-непоседам, двинувшимся в путь вслед за гуннами – аварам, печенегам, хазарам, половцам и пр., и пр. Объяснить, почему и как с IV в. н. э. ираноязычное население, десятками веков укоренявшееся в степи, вдруг исчезло и появилось тюркское, академическая наука не может, а допустить, что тюрки населяли ее изначально и никто никуда не исчезал, не желает.

Какая сила была способна не то что ассимилировать или уничтожить, но хотя бы потеснить «огромный массив» и «могущественный конгломерат» «североиранцев», от которого остался малочисленный народ, зажатый в теснинах Кавказа (осетины)? Как и куда, причем вдруг, в одночасье, могла исчезнуть одна из величайших в мире этническая общность, связанная единством происхождения, языком, культурой, образом жизни, религией, торговлей? Все «североиранцы» от Алтая до Волги стали тюрками? Нет, ученые этого не говорят. Тюрки их всех перебили? Нет, никто так не утверждает. Всех «североиранцев» вытеснили? Но вытесненные появились бы в Иране и в Европе раньше захватчиков, и там началось бы форменное северо-иранское столпотворение. Что же с ними случилось? Неизвестно. Исчезают – и все. Почему ни один специалист-кочевниковед не взялся за написание архи-важного научного исследования под названием «Причины исчезновения с лица земли североиранского кочевого конгломерата»?

Для сравнения - пример другого грандиозного нашествия: заселения Америки европейцами. Несмотря на жестокость белых переселенцев и их полное превосходство в численности, организованности и вооружении, индейцы сохранились и на севере, и в центре, и на юге материка. Не говорит наука и о том, почему «древние иранские кочевые племена», якобы обитавшие в Великой степи 2-3 тысячелетия, никогда и никуда друг друга не вытесняли, и на запад нисколько не стремились. Наверное, «североиранцы»-домоседы очень любили родные места и были очень добрые, не в пример злым и непоседливым тюркам, ни за что не желавшим остановиться где-то в Казахстане, в Западной Сибири, в Приуралье, нет – «Даешь Европу!».

Стоит отметить еще одну «странность», возникшую в науке истории по вине специалистов-идеологов, всеми силами старавшихся отпихнуть историю ранних тюрков (роль которых в европейских событиях была «чрезмерно» велика) куда-нибудь подальше на восток. Все остальные народы Азии преспокойно живут на своих местах, занимаясь своими азиатскими делами – китайцы, маньчжуры, эвенки, японцы, тибетцы, индийцы... И только одни тюрки, якобы вытесняемые с исконных территорий то китайцами, то протомонголами, то засухой, то своими же тюрками, то в поисках новых пастбищ, то в жажде приключений и захватов, а чаще всего неизвестно зачем, племя за племенем мчатся на запад и юго-запад, быстро заполонив Восточную Европу, Среднюю Азию и Иран, создают там государства, захватывают территории, ассимилируют аборигенов и пр., и пр.

Почему им нельзя было заняться тем же самым у себя, на обширных пространствах Азии, используя достижения афанасьевцев, андроновцев, тагарцев и прочих создателей древних археологических культур? Чего им не сиделось в местах, которые ничуть не хуже – на Алтае, в Туве, Хакасии, Минусинской котловине, Казахстане, Урале и т. д. – огромные пространства, богатые водой, рыбой, зверьем, пастбищами, лесом, металлами? Какая неведомая сила влекла их в неведомую даль, преодолевая огромные трудности, из

просторной Азии в густонаселенную и гористую Европу, о которой они не имели никакого понятия?

Специалисты по «кочевым культурам» и лже-историям «могучих кочевых империй» не хотят думать и о других вопросах. В бронзовом веке металлургией занималось множество племен Евразии, от Кавказа до Алтая. В более позднее время металлургией занимаются скифы и савроматы, древние тагарцы на Енисее, пазырыкцы на Алтае, создатели таштыкской культуры на Среднем Енисее, тасмолинцы в Казахстане, тюркюты и древние кыргызы. Откуда же взялись бесчисленные тюркские племена Восточной Европы, все эти гунны, авары, болгары, печенеги, половцы и пр., ни об одном из которых наука не говорит, что они плавил железо или хотя бы медь? Что с ними случилось, что отвратило их от столь нужного, полезного и необходимого дела?

(Кстати говоря, в 1960 г. появилась монография С. С. Черникова «Восточный Казахстан в эпоху бронзы». «В ней, на основе археологического материала, он отнес к прототюркам племена носителей известной андроновской культуры, которых ранее «постановили» считать иранцами» (Лайпанов, Хатуев, Шаманов, с. 6). А если создатели всех перечисленных археологических культур Азии не имели к этим пришельцам-тюркам никакого отношения, то куда они вдруг провалились со всеми своими достижениями? Неужели гунны (коих было 300 человек), во время бегства на Урал перерезали всех их потомков? И где, в таком случае, жили предки этих тюрков в бронзовом и начале железного века и чем занимались? Кто их снабжал оружием, орудиями труда, и т. п.?

Историк может чего-то и о чем-то не знать в своей области или неверно истолковать те или иные данные. Гораздо хуже, если он и не желает знать и вдумываться. В учебниках истории на протяжении многих лет создавался и успешно внедрялся в умы читателей негативный образ тюркских «кочевых» народов – жестоких завоевателей и разрушителей, ничего не создававших и не имевших никакой оригинальной культуры. Конечно, говорилось и о тех разрушениях, грабежах и насилиях, которые творили и другие народы; вместе с тем, в учебниках повествовалось и о подвигах героев, о достижениях культуры, ученых и мудрецах, поэтах и пр. Но у тюркских народов, обитавших в Европе в Средние века, если судить по книгам, в которых дети черпают первые представления об истории, не было ни поэтов, ни мудрецов, ни героев, ни государственных деятелей, они представлены **однородной массой**, несущей в себе только энергию разрушения. Даже великая Османская империя упоминалась в российских учебниках истории только в качестве агрессора, и ни в каком ином.

ПАСТУХИ-ДИПЛОМАТЫ

Какими же были грозные воители-гунны, если рассматривать исторические сведения о них, отринув академический морок? Ни одна научная книга или статья об их истории не обходится без цитат из книги Аммиана Марцеллина (середина IV в. н. э.). Вот его знаменитое описание: «Племя гуннов, о котором мало знают древние памятники, живет за Меотийскими болотами (Азовским морем. – М. Дж.) у Ледовитого океана и превосходит всякую меру дикости. При самом рождении делаются на щеках ребенка глубокие надрезы острым оружием для того, чтобы рост выступающих в свое время волос притуплялся образующими морщины рубцами, и таким образом они стареют безбородыми и лишенными всякой красоты, подобно евнухам; все они отличаются плотными и крепкими членами, толстыми затылками и вообще столь чудовищным и страшным видом, что можно принять их за двуногих зверей или уподобить сваям, которые грубо вытесываются при постройке мостов. При столь неприятном человеческом облике они так дики, что не употребляют ни огня, ни приготовленной пищи, а питаются корнями полевых трав и

полусырым мясом всякого скота, которое кладут между своими бедрами и лошадиными спинами и скоро нагревают парением».

Нетрудно понять, что это просто грубая агитка или рассказы досужих людей, знавших о гуннах понаслышке и напуганных вестями об их продвижении к границам империи (но доверчивые ученые принимают сию басню за описание «монголоидного» облика гуннов). Особенно забавно сообщение о том, что гунны питаются корнями трав и не знают употребления огня. И мы должны верить, что это скопище австралопитеков каким-то образом могло не только побеждать всех соседей, но и увлекать их в дальние походы? Описание зверообразной внешности гуннов и их чрезмерной дикости, скорее всего, – просто вставка какого-то более позднего переписчика, мыслившего на уровне знаменитого Матфея Парижского, который пугал обывателей Европы рассказами о татарах, любимым лакомством которых якобы являлась жареная человечина.

Что касается странного «способа» приготовления мяса, то, если бы гунны к нему прибегли, их лошади и они сами неминуемо покрылись бы тяжелыми язвами. Аммиан не знал, что гунны возили с собой в походах сушеное подсолненное мясо, которое весит очень мало, долго не портится, легко и быстро поджаривается; его можно есть и сырым. И, конечно же, лица своих детей гунны вряд ли старались обезобразить шрамами. Информатором историка явно был человек, слабо владевший тюркской речью; вероятно, он перепутал *кес* (*кис, киши, киши, кеш*) «человек», *кес* «резать, надрезать, отрезать» - и *кёсе* «безбородый».

Приведем другой пример. Терпя поражения от аваров и выплачивая им дань, византийцы, конечно же, сочиняли о них всякие небылицы – по разным причинам. Например, автор VI в. Евагрий в своей «Церковной истории» рассказывает, что Юстин II послал против «кочевников» фракийца Тиверия, который «чуть было не попал в плен, так как его воины, по словам Евагрия, не могли вынести даже внешнего вида аваров» (Чичуров, с. 89). Тиверию нужно было хоть как-то оправдаться перед императором за свое поражение, вот он, вероятно, и наплел первое, что пришло в голову.

А вот у Марцеллина и описание алан: «Почти все аланы высоки ростом и красивы, с умеренно белокурыми волосами; они страшны сдержанно-грозным взглядом своих очей, очень подвижны вследствие легкости вооружения и **во всем похожи на гуннов**, только с более мягким и более культурным образом жизни». Как ни страшны были гунны грекам, все же казаться им двуногими зверями или напоминать сваи они не могли бы. Иначе непонятно, почему Аммиан, перечислив десятки разных племен, отметил близость гуннов именно к красавцам-аланам, а не к другим племенам (о которых он повествует на той же странице). Если в описании образа жизни двух племен у Марцеллина гуннов и алан поменять местами, ничего не изменится. Отчего же и когда успела появиться такая близость и почему? Ни в одной академической работе объяснения этому нам найти не удалось. А. П. Смирнов, например, ограничивается следующим наблюдением: «В IV в. н. э. аланы еще были кочевниками. Аммиан Марцеллин в своей характеристике аланов почти не делает различия между ними и гуннами» (История СССР, с. 327). О том, почему так, археолог не сообщил. Остается в силе замечание И. М. Мизиева: «Аммиан говорит, что аланы во всем похожи на гуннов; следовательно, имеются в виду и их языки. А если не так, почему он об этом не сказал?». Действительно, Аммиан отмечает между ними только одно различие – большую «мягкость и культурность» образа жизни алан.

Но выясняется, что не только облик гуннов был таким же, как у «ираноязычных кочевников». К середине V в. они живут в своем государстве, постепенно растворяясь в массе покоренных племен. «О степени ассимиляции гуннов свидетельствует то обстоятельство, что в Европе гуннские памятники до сих пор почти не выделяются среди других, одновременных им. Очевидно, их культура за период пребывания в европейских

степях стала близка сармато-аланской». Да нет, совсем неочевидно. Потому что на предыдущей странице автор (А. П. Смирнов) с полным доверием цитировал слова Аммиана Марцеллина о том, что гунны имели чудовищный и страшный вид, питались кореньями и полусырым мясом, одевались в шкуры или холщевые рубахи (неужели прочие народы ходили в это время в парче и шелках?), не знали хлебопашества и пр. О какой «культуре гуннов», которая стала близка сарматской, может идти речь, если у них, получается, ее не было вообще? О том, что гунны и аланы - две части одного и того же европейского народа, говорили на одном языке и обладали одной и той же культурой, А. П. Смирнов и помыслить не мог. Или не хотел.

«Сохранились прелюбопытнейшие византийские источники, упоминающие, что некий Кардутсат, епископ Арранский, проповедовавший среди гуннов христианство, перевел несколько книг (наверняка библейских) на *гуннский* язык. Без существования гуннской письменности сделать такое решительно невозможно. А историк VI в. Прокопий Кесарийский делает многозначительную оговорку: «...большинство гуннов были совершенно неграмотны». Но это означает, что меньшинство грамотным все же было! К слову, в Российской империи перед революцией *большинство* населения тоже было неграмотным – что вовсе не означает, будто в России не было письменности...» (Бушков, 2007, с. 141).

Приведем и другие примеры парадоксальности «кочевников». В 440 г. гунны обвинили епископа города Маргуса (в устье реки Моравы Сербской) в том, «что он перешел на их сторону Дуная и ограбил могилы гуннских царей». Когда же эти «кочевники» успели создать царский некрополь на Дунае, если академическая наука утверждает, что история гуннов в Европе длилась весьма недолго, и что сразу же после смерти Аттилы (в 453 г.) его государство рассыпалось в прах, а сами гунны исчезли? Не идет ли речь о народе, жившем в Придунавье с давних времен – о скифах и сарматах, как греки и римляне называли гунно-хазаро-аваро-аланов и других тюрков?

Известный историк-медиевист Г. В. Вернадский пишет, что византийский император, опасаясь осады Константинополя, в 443 г. запросил мира и согласился выплатить гуннам «задолженность в дани, достигавшей 6000 фунтов золота». «В следующем году Аттила отстранил от власти своего брата Бледа и стал высшим правителем гуннских орд от Кавказа до Дуная. Гуннское ханство, таким образом, стало **наиболее могущественным государством своего времени** (выд. нами. – М. Дж.), а двор Аттилы - центром международной политики и интриг. Среди помощников хана были аланы, греки, германцы и римляне». «Его штаб вырос в настоящий город, защищенный деревянными стенами». «Близ дворца его главной жены и домов его адъютантов находились на некотором расстоянии кладовые и другие вспомогательные сооружения, среди которых была и каменная баня» (Вернадский, с. 158).

Битые китайцами и сяньбийцами беглецы, превратившись на Урале в «союз племен», прибывают в Европу и тут же, за два десятка лет (по Вернадскому, гунны обосновались на Дунае в 420 году) создают сильнейшую империю Евразии, столица которой становится центром международной политики! Не слишком ли быстрый прогресс? Может быть, гунны находились в Европе давно или даже изначально? Могучая Византия с ее регулярными войсками и флотом платит дань – и кому? Кочевым племенам, переживающим «стадию распада первобытнообщинных отношений»! Тогда почему главы латиноамериканских государств в XIX в. не собирались, скажем, в хижине какого-нибудь вождя воинственных индейских племен? Почему не заискивали перед ним и не выплачивали ему дань? Или в Южной Америке просто не нашлось своего Аттилы?

Как могли толпы пастухов-гуннов, живших родовым строем, не знавших дисциплины, не имевших идеологии, неизвестно как и откуда получавшие подкрепления, пройти от

Волги до Восточной Франции (а после страшной битвы на Каталаунских полях, не уступив римлянам и их союзникам, собирались еще и захватить Рим)? Но историки-сказочники уверяют нас именно в этом! Кстати говоря, творцы древнегерманских саг и эпоса о Нибелунгах, которых ученые как раз и могут считать сказочниками, говорили о гуннах совершенно другое, изображая их как воинов-рыцарей, а их вождя Аттилу – как великого государя; они же сохранили правильное произношение его имени – *Атли* (ср. кар.-балк. имя *Атлы* – «всадник» или «именитый, знаменитый»).

*Изображение Аттилы в «Космографии» Себастьяна Мюнстера (1560).
Из книги Г. В. Носовского и А. Т. Фоменко «Славянское завоевание мира» (М., 2009).*

Далее Г. В. Вернадский говорит о посольстве византийцев, в составе которого находился дипломат и шпион Приск Панийский, давший описание гуннов: «Во время своего путешествия из Константинополя до штаба Аттилы Приск встретил многих греков, прежде бывших пленными, а теперь наслаждавшихся полной свободой. Они сообщили Приску, что жизнь в царстве Аттилы легче, чем в Римской империи. Им особенно нравилось отсутствие налогов». И каково же объяснение историка? «В то время как население империи страдало от вымогательств и злоупотребления сборщиков налогов, Аттила вовсе не собирал налогов со своих подданных. У него не было нужды заботиться о налогах, поскольку казна была всегда полна трофеями войны и византийской данью» (Вернадский, с. 159). Нам предлагают поверить, что хан Аттила был Робин Гудом на троне – отнимал у богатых византийцев золото и раздавал своим беднякам. Думаю, на всех его подданных никакого золота не хватило бы; кроме того, население каганата не могло пребывать в бездействии, ничего не делая и не производя. Вероятно, определенную часть народа (например, воинов) освобождали от уплаты налогов, но вряд ли всех.

Как мы помним, А. П. Смирнов видел причину могущества гуннов в их тактике и тугих луках; на этом вопросе останавливался и Г. В. Вернадский: «**Гуннская армия** (выд. нами. – М. Дж.) была страшной силой. Ее основное звено, как и в случае с другими кочевыми народами, состояло из кавалерии. Как кавалеристы гунны и их вассалы аланы не знали себе равных». Но разве у других народов не было конницы? Почему же она у них не становилась «страшной силой»? Далее следуют еще более удивительные утверждения: «Но оказывается, что гунны, как позднее монголы, были хорошо осведомлены о военной инженерии. У них были приспособления для проламывания даже сильных каменных стен римских крепостей». Цитируя отрывок из книги Аммиана Марцеллина, в котором

говорится, что гунны питаются сырым мясом и кореньями, Г. В. Вернадский по этому поводу не сказал ни слова. Но пройти мимо ненаучного факта знакомства «кочевников» с военной инженерией, не дав ему академического объяснения, автор не мог: «Возможно, что гунны первыми познакомились с осадной техникой в Китае» (Вернадский, с. 159).

Познакомились гунны с «китайской техникой», скажем, в I-II вв. до н. э., а потом убежали на Урал, где довольно сильно одичали, но продолжали помнить о старинных механизмах, надеясь когда-нибудь их применить. Случай подвернулся только через 200 лет; собираясь обрушиться на Европу, «кочевники» вытащили древние чертежи из тайников и по ним стали строить «осадную технику». Чувствуя надуманность своего предположения, Г. В. Вернадский тут же выдвигает другие: «Также возможно, что после соглашения Аттилы с Йиздагардом (440 г.) последний мог послать ему несколько персидских инженеров. И без сомнения, когда гунны проникли через римскую фортификационную линию по Дунаю, они должны были получить полные познания о римских военно-инженерных приспособлениях. Римские инженеры, пленные и дезертиры, могли наниматься для постройки осадных машин для хана» (Вернадский, с. 159).

Это удивительно: если у персов и римлян были и инженеры, и фортификационные линии, и пехота, и конница, и флот, то каким образом гунны, не имевшие ничего, кроме пастушеской кавалерии, могли одолевать их – ведь пленные инженеры и машины могли появиться у них только потом, после победы? Впрочем, академистов-мифотворцев реальность и ее законы интересуют мало; с этим надо просто смириться, принять как факт.

При хане Аттиле гунны дошли до Галлии, где в 451 г. столкнулись в битве на Каталаунских полях (возле города Шалон) с римлянами во главе с полководцем Аэцием, на сторону которого стали аланы и готы, получившие от Рима большие наделы и превратившиеся к тому времени в богатых землевладельцев. Одни историки считают, что победили римляне, другие – что гунны. Битва была исключительно кровопролитной. Стоит заметить, однако, что «разбитые» гунны вскоре двинулись в Италию, взяли несколько городов и собирались идти на Рим. Но произошла встреча Аттилы с римским первосвященником Львом; о чем они говорили, никому неизвестно. После беседы грозный хан приказал повернуть коней и возвратился в Венгрию, где вскоре умер (возможно, был отравлен). Государство его, как пишут академики, распалось, а гунны частью растворились среди окружающих народов, частью ушли обратно на восток, в степи Поднепровья и Приазовья.

Ну, а что же случилось с прежним, «ираноязычным» населением Сарматии? Несколько строк из академического издания: «Господство сарматов в южнорусских степях продолжалось вплоть до IV в. н. э., когда значительная часть сарматского населения была увлечена гуннами на запад. Оставшуюся часть сарматов позднее ассимилировали (в два счета. – М. Дж.) различные тюркские племена, а также, возможно, и восточные славяне. Одно из самых крупных сарматских подразделений – аланы, обитавшие на Дону и в Предкавказье, – и после гуннского нашествия осталось на Кавказе. Они составили один из основных компонентов при сложении осетинской народности» (История СССР, с. 229). Этот текст словно передан автором по телеграфу, прямиком из IV в. н. э.

По А. П. Смирнову, значительная часть аланов ушла вместе с гуннами в Европу. Другая часть осталась на прежних местах, занимаясь не только скотоводством, но и земледелием, и «продвинувшись несколько под нажимом новых кочевых орд на юг – в горы Кавказа». «Византия всячески старалась держать западных аланов в сфере своего влияния. Очень рано (в V-VI вв. н. э.) у них была основана греческая епископия, и среди аланов распространилась христианская религия. Византийские послы привозили аланским

вождям подарки и золото, а византийские купцы поддерживали с аланами интенсивную торговлю». Сложилась блестящая и устойчивая аланская культура, просуществовавшая в Предкавказье вплоть до татаро-монгольского нашествия (История СССР, с. 328).

Итак, аланский этнос после нашествия гуннов распался на несколько частей. Одна часть осталась в Крыму и в Подонье, другая на Кавказе, третья заняла, вместе с готами, отдельные территории в Северной Италии и Галлии, откуда вместе с вандалами и готами перешла на Пиренейский полуостров. Там возникла область Каталания, нынешняя автономная провинция в Испании (столица – Барселона). Вандалы и аланы продвинулись и далее, в Северную Африку, где ими было создано государство, впоследствии разгромленное византийцами.

ЧУДОТВОРЕЦ БАЯН

Но на этом бедствия европейских земледельцев не закончились. После ухода гуннов в Причерноморье, пишет Г. В. Вернадский, «их место в Монголии было занято другим кочевым народом», известном под китайским названием жень-жень (жуан-жуан, гяньгюнь; тех самых, которых Л. Н. Гумилев посчитал первым в истории тюркоязычным этносом), создателем большого государства. Против него восстали тюрки, населявшие Алтай, и разгромили жень-женей, часть которых, «включавшая в себя смешанные кланы тюрков, монголов и, возможно, маньчжуров (откуда все это известно? – М. Дж.), ринулась на запад» (непременно «ринулась», сломя голову и закусив удила). «Именно эта ветвь жень-жень с присоединившимися кланами стала известна на западе под названием аваров; они называются обрами в русских летописях. Аварская армия первоначально насчитывала около двадцати тысяч всадников; ее вел хан Байан» (Вернадский, с. 194). Значит, у аваров все-таки была армия, а не орда? Но почему авары дважды «сменили» именно гуннов – один раз в Монголии, а второй раз – в Венгрии? И третье: если в аварской армии было 20 тыс. воинов, то все племя должно было насчитывать не менее 100 000 человек. Интересно, чем они питались на долгом пути от Монголии до Дона?

Другой известный специалист о загадочных жуань-жуанях умалчивает и предпочитает обходиться туманными формулировками. «Происхождение аварского племенного союза связано с бурными событиями этой эпохи, с перемещением значительных групп кочевого населения из Центральной и Средней Азии. Состав объединения был сложен, так как двигавшиеся с востока авары присоединили к себе по пути многие племена». «В момент появления в Европе аварская орда включала и тюркские, и монгольские, и угрофинские племена» (Чичуров, с. 58). Следует заметить, что все здесь сказанное – сплошные предположения, поскольку никто из современников за маршрутом продвижения авар из Азии не следил и на кинокамеру его не снимал, перепись населения не проводил и археологически их путь ничем не отмечен; никто не оставил нам и описания национального состава аварской орды.

В канонической версии истории гунны и сменившие их в Европе авары считаются разными народами. Поэтому академисты запросто разоблачают подслеповатых средневековых ученых, современников авар, которые так не думали. Феофан Исповедник пишет о событиях начала VII в.: «Хосров послал Сарвароса с остальным его войском на Константинополь, для того, чтобы он заключил союз западных гуннов (значит, были еще и восточные? – М. Дж.), которых называют аварами, с булгарами, славянами и гепидами». Комментатор же сообщает: «Отождествление аваров с гуннами характерно не только для византийских авторов (Феофана, Симокатты, Малалы), но и для западных, в частности Павла Диакона» (Чичуров, с. 98).

Пусть даже так, поверим, что авары не были соплеменниками гуннов, а просто ступали след в след за ними. Они должны были застать в Европе остатки многочисленных «североиранских» племен – скифов, сарматов и прочих, недобитых гуннами. Ничего подобного – они встречают других тюрков, неизвестно когда прокравшихся туда неизвестно откуда. «Перейдя Волгу, авары напали прежде всего на кочевавших по азово-каспийским степям болгар». «Болгары были подчинены. Однако власть аваров над этими восточными территориями была непродолжительной. Продвинувшись на запад и втянувшись в события на Дунае, авары потеряли возможность контролировать приазовские степи» (История СССР, с. 329).

Напомним, что в путь «аварская орда» тронулась после 552 г. И тут начинаются новые кудеса: беглецы из Азии вдруг превращаются в дипломатов и чудо-богатырей. «К началу 558 г. аварская орда достигла рубежей Северного Кавказа и вступила в контакт с аланами», через которых начались переговоры с византийским правительством; в то время гунно-болгары «сильно нажимали на Константинополь» и грекам нужны были союзники. В столицу империи прибыл аварский посол, которого приняли с почестями (Вернадский, с. 193). Но зачем авары подались на Дунай, вместо того, чтобы сидеть на шее у подчиненных им болгар, которые, в свою очередь, вместе с гуннами «нажимали» на византийцев?

Конечно, авары – кочевники (да еще и беглые), которые далеко отстали от европейцев, как восточных, так и западных. Но наглости этим парадоксальным пастухам было не занимать. Вновь цитируем А. П. Смирнова: «В 558 г. н. э. аварское посольство, возглавляемое Кандихом, прибыло в Византию. Кандих обратился к императору с надменной и дерзкой речью, переданной нам историком Менаандром, лично присутствовавшим на приеме: «К тебе приходит,- сказал Кандих,- самый великий и сильный из народов – племя аварское неодолимо; оно способно легко отразить и истребить противников. И потому полезно будет тебе принять аваров в союзники и приобрести себе в них отличных защитников; но они только в таком случае будут в дружеских отношениях с Римскою державою, если будут получать от тебя драгоценные подарки и деньги ежегодно и будут поселены тобою на плодородной земле» (История СССР, с. 329).

Выше А. П. Смирнов писал, что авары появились в Восточной Европе в середине VI в. н. э. Следовательно, заявившись из глубин Азии, эти примитивные кочевники, уже знающие, что такое деньги и, вероятно, наслышанные о могуществе Империи, немедленно снаряжают посольство в Царьград и ставят перед гордым императором, «земным солнцем», вопрос ребром: плати нам дань, или твоей державе придется худо. Ну, думает читатель, сейчас будут громы и молнии, зарвавшихся чабанских послов с треском вышвырнут из дворца и отсекут им буйные головы. Ничуть не бывало: «Император Юстиниан не смог противиться вымогательству аваров, поскольку в это время Византия находилась под угрозой вторжения одного из болгарских причерноморских племен – кутургуров». Благодаря аварам вторжение не состоялось» (История СССР, с. 329).

Подумайте сами – кто же тогда хозяин в доме? Могучая, культурная, развитая, давным-давно принявшая христианство, централизованная, имеющая города и колонии, регулярную армию и сильный флот, успешно отразившая (чуть позже) натиск великого Арабского халифата, торгующая со всем светом Византия – или два тюркских племени, состоящие из неграмотных пастухов и таких же неграмотных вождей, но которые оспаривают друг у друга право взимать дань – и с кого? – с сильнейшего и крупнейшего государства мира! Причем авары хотят получить и «плодородные земли» – сразу сообразили, значит, что на Балканах нужно заниматься земледелием. (Через шесть веков

после них половцы на Днепре так до этого и не додумались – если верить нашим мудрецам).

Но, может быть, согласие Юстиниана платить дань было просто уловкой - чтобы столкнуть аваров с болгарами? Нет, это не так: болгары, опасаясь нападения авар, отступают от границ Византии. В 559 г. авары громят сабиров на Северном Кавказе, а в 560 г. – кутригуров, тех самых, что угрожали столице ромеев. В 561 г. они появились в Добрудже, подчинили хорватов и дулебов, затем, «ринувшись в Паннонию», побили германцев-гепидов, в 566 г. разбили антов в Бессарабии, и хан Баян создает на Дунае Аварский каганат (Вернадский, с. 194-195).

Вот же какое талантливое и энергичное было племя; другим для создания государств нужны были века поступательного развития на обжитой территории, но аварам – лет десять или еще меньше, причем на землях, расположенных в тысячах километров от их родины! И вся эта эпопея, как уверяют академисты, совершилась под руководством одного человека, хана Баяна, который привел с Алтая ветвь разбитого племени и дал ей власть над Европой – в течение всего лишь 14 лет! Конечно же, такого быть не могло. Это очередной эпизод странной истории тюрков, как она представлена в канонической версии: пока некое племя сидело в азиатской глухомани, на задворках Китая, оно ничего из себя не представляло, но стоило ему появиться в Европе, как тут же начиналось его превращение в притеснителя всех европейцев и создателя империи (многие другие положения академической истории также имеют в основе миф о превращениях). Отбросив начало истории тюрков далеко на восток, историкам пришлось сочинять сказки о необъяснимых успехах вчерашних пришельцев в создании «военно-демократических держав». Но, конечно же, государства в Европе ими создавались постепенно, поскольку они являлись автохтонами этого континента.

АВАРЫ И ВИЗАНТИЙЦЫ

Чем же занялись авары на новых местах? А. П. Смирнов пишет: «Несмотря на огромные суммы, которые выплачивала империя каганату (почему так, археолог не говорит. – М. Дж.), весь конец VI в. н. э. был ознаменован опустошительными вторжениями аварских полчищ в Византию. Паразитическая сущность Аварского каганата в этот период его наивысшего расцвета проявляется особенно ярко» (История СССР, с. 330). Знаменитому археологу возразить в данном случае трудно, почти невозможно. И как только не ублажали аваров добрые византийцы – и дань платили, и подарки посылали, и уговаривали – нет, ни в какую. Будем воевать и точка, «не можем без того быть». «Пастушеское племя» под пером археолога к тому же успело превратиться в «полчища». Почему это не произошло в Азии, автор не говорит.

Но, проявляя свою паразитическую сущность (о чем трудящиеся народы Европы не догадывались), авары предприняли еще и нечто неслыханное в мировой практике: «Помимо грабежей и вымогательств, источниками его (каганата. – М. Дж.) доходов были контроль за важнейшими торговыми путями, захваченными аварами, и огромные подати, собираемые с покоренных земледельческих народов, в частности славян» (История СССР, с. 330). Очень историчный подход. Все остальные государства ничего подобного, конечно же, не делали. И контролировать торговые пути они не стремились. И подати с покоренных народов собирали очень умеренные.

Римляне и византийцы были, конечно, похуже, чем славяне и германцы, но все равно хорошие. Потому что трудолюбивые и культурные. Правда, несчастных готов, поселившихся на территории империи, ее добродетельные чиновники своими поборами довели до того, что они подняли грандиозное восстание. И ходили эти культурные народы без штанов, пока не научились носить их у диких гунно-авар. И делать хорошие луки. И скотоводству, в том числе и коневодству. И делать стремена. И полихромному стилю в ювелирном деле. И сменили неудобные, тяжелые мечи на изогнутые сабли. И византийский посол Приск Панийский, приехав в ставку Атилы, дивился гуннской деревянной архитектуре, и чистоте в домах. И гунны ели на пиру из золотой и серебряной посуды. И т. д. и т. п.

Сведения Феофилакта Симокатты восполняют то, что было поведано Менандром. Авары, которых Симокатта именует то скифами, то гуннами, давно живущие на Дунае, в год воцарения Маврикия (582 г.) взяли для начала город Сирмий. Византийцы, якобы из природного миролюбия, «словно судьи какого-либо состязания, преподнесли варварам в качестве славных даров за блестящий подвиг 80 000 золотых и обязались каждый год через купцов вносить эту сумму серебром и разноцветными одеждами». Симокатта подчеркивает, что условия для ромеев «были самые унижительные».

Но это было еще не все. Аварский каган, услышав о том, что у императора в зверинце есть удивительные звери, «просил императора дать ему возможность увидеть их. Император старался возможно скорее удовлетворить его желание и послал к нему из слонов, которых он держал у себя, самое красивое животное, чтобы тот мог полюбоваться. Едва взглянув на этого слона, детище Индии, каган тотчас же прекратил зрелище и приказал вернуть животное вновь кесарю». Затем этот капризный каган потребовал, чтобы кесарь приказал изготовить и прислать ему золотое ложе, но и этот подарок отослал обратно (по мнению Симокатты, из наглости), выдвинув новое требование - платить ежегодно не 80, а 100 тыс. монет. Император отказал, и началась война мировой империи с «кочевым пастушеским племенем», якобы прибывшим из Азии полвека назад. Авары взяли 4 города. Греки прислали посла с просьбой о мире; но дипломат необдуманно взял неправильный тон и стал поучать и обличать кагана. Тот пришел в ярость и отправил византийца домой. Приехал другой, с просьбой прислать в столицу империи аварского посла, чтобы вручить ему недостающие 20 тыс. монет.

Наступил мир, но на империю обрушились новые враги, которых, как считал Симокатта, подбили на это недостойное дело авары. «Они подослали племя славян, и огромное пространство римских земель было опустошено. Славяне дошли до так называемых «Длинных стен», прорвавшись через которые, «на глазах у всех произвели страшную резню». (Стало быть, не одни тюрки были опустошителями и грабителями; славян, наверное, испортило общение с аварами). Спас положение один из полководцев, который неожиданно напал на славян и «подверг варваров сильному избиению». Тут в столицу прибыл аварский посол Таргитий, «с тем, чтобы получить от ромеев ежегодную денежную дань, которая в силу договора каждый год собиралась здесь для кагана». Теперь уже пришел в ярость император, и сослал Таргития на остров Халкитиду. Авары начали военные действия и захватили много городов, в их числе семь крупных.

Очередной мир вновь нарушили византийцы, вторгнувшись на территорию аваров. Их посол приехал к греческому полководцу. Вот отрывок из его речи, обращенной к самому императору: «Грешишь ты, кесарь, тайно замышляя незаконную войну. Не царское это предприятие, недостойное императора намерение – разбойничий план, явно проклятое народом действие. Или сложи прекрасный царский венец, или не позорь достоинства своего высокого звания. Вы научили варваров низости. Мы не знали бы нарушения клятв, если бы в вас не нашли учителей лжи. Никогда во время войны не желали вы покоя, никогда очи мира не видели вас отказавшимися от битв».

Симокатта, испытывая глубокую личную неприязнь к аварам (это – вне всякого сомнения), не мог придумать для их посла такую речь, весьма странную в устах неграмотного кочевника. Но он сохранил в своей «Истории» и другое (о чем историки-академисты в своих трудах не сообщают): «С наступлением весны у ромеев начался голод. В канун великого христианского праздника, когда они праздновали страсти и воскресение бога-спасителя, а голод все сильнее терзал ромеев, по некоему чудесному промыслу каган отправил к ромеям послов. С его стороны последовало достойное предложение прекратить у ромеев голод». «Каган предоставил голодающим ромеям целые повозки продовольствия. Такое проявление человеколюбия со стороны варваров вплоть до нашего времени считается одним из самых чудесных дел». Сам каган попросил прислать ему пряностей, и был доволен, когда получил их. «Поэтому он не вел никаких военных действий, пока у ромеев не окончился всеобщий великий праздник».

Более того, каган попытался заключить мир. Византийцы же, полагая, что сила на их стороне, продолжили войну, но успеха не добились, несмотря на то, что в лагере авар началась эпидемия, погибло и несколько сыновей кагана. Пришлось императору вновь посылать посольство к аварскому повелителю, бывшему вне себя от горя. Симокатта пишет: «Каган не раз говорил буквально следующее: «Пусть бог будет судьей между Маврикием и каганом, между аварами и ромеями». Он обвинял императора в том, что он нарушил мир. И эти слова не были совсем несправедливыми. Действительно, ромеи, нарушив мир и завязав войну, подверглись вышеуказанным несчастьям». Византийцы заплатили еще 20 тыс. монет и мир был заключен.

Императоры год за годом платят аварам огромную дань и безропотно выполняют капризы кагана. Его войско разбивает регулярные армии и берет десяток укрепленных городов. Аварский посол обвиняет императора в том, что тот позорит свое высокое звание. Это – кочевники-пастухи? У византийцев, нарушивших мир, начинается голод. Идет война. И кто же помогает грекам? Нет, не миролюбивые соседи-земледельцы, а именно аварское «паразитическое государство». Одно из двух: либо Византия в тот период была довольно слабой, либо Гунно-Аварский каганат являлся сильнейшим государством тогдашнего мира.

КРУШЕНИЕ КАГАНАТА

Звериный оскал чабанского кочевого империализма окончательно проявился позже: «В этот год авары решили нанести Византийской империи сокрушительный удар, поработить народы, входившие в состав этого государства (! – М. Дж.), и захватить богатейший город средневекового мира – Константинополь. Этим грандиозным захватническим планам не дано было свершиться. Под Константинополем авары были наголову разбиты доведенными до отчаяния защитниками города» (История СССР, с. 330). Похоже, советский автор (А. П. Смирнов) даже злорадствовал по поводу поражения аваров в битве, произошедшей давным-давно, в 626 г. – уж очень экспрессивную лексику употребил. Странно, что великий археолог не считал византийцев поработителями. Или все народы, находившиеся под властью Восточной империи, сами пошли под ее ярмо? Странно, что он ничего не сказал об участии в этой осаде славянского флота (захватнические планы, с целью поработить свободные народы демократической империи Византии вынашивали не только авары). Странно, что пастушеское племя пожелало завоевать всю империю – зачем?

В «Бревиарии» византийского патриарха Никифора повествуется, что авары в союзе со славянами в 626 году предприняли поход на Византию, действуя на суше, а славяне на море. «Авары,- пишет Никифор, - соорудили осадные машины: а это были такие устройства – деревянные башни и черепахи». Речь идет о «ранних» аварах, живших за два века до франко-аварских войн конца VIII – начала IX вв. Но закосневшие в родовом строе и кочевом образе жизни чабаны осаждают крупнейший город мира и уже умеют делать осадные машины, а византиец Никифор объясняет своим читателям-грекам, что это за устройства. Откуда же авары их раздобыли? Кроткие византийцы сожгли осадные машины аваров и корабли славян «греческим огнем», так что, по словам Никифора, море стало багряным от крови. Если авары были такими кровопийцами, почему славяне дважды поддержали их, а не греков? (Есть подозрение, что русские летописи, в которых сообщается об измывательствах авар над славянами, были отредактированы византийскими специалистами, еще при Владимире Мономахе, мать которого была гречанкой).

Кстати, изобретательностью в создании военной техники отличались не только западные тюрки, но и их юго-восточные собратья, гунны-савиры, жившие, по сообщению Прокопия Кесарийского, как раз в это же время у Кавказских гор: «Прокопий с изумлением констатирует, что «эти варвары» придумали легкий закрытый таран для осадных работ, ранее неизвестный даже византийским инженерам, и рассказывает об их укреплении, сооруженном на холме и обведенном по периметру холма стеной» (Плетнева, 1986, с. 15). Таким образом, в VI в. можно констатировать расцвет военно-инженерной мысли кочевников-чабанов (ведущих при этом сугубо паразитический образ жизни) от Дуная до Кавказа.

Жили авары, имея кагана (императора), якобы по старинке, родовым строем. Причем историки уверенно пишут, что этот строй несколько не эволюционировал, а, наоборот, деградировал (куда и к чему, интересно?). Отметим и другое. Вы когда-нибудь видели хоть одно исследование типа «История Аварского каганата»? Я – нет. И ведь не в Центральной Африке или Австралии это государство находилось, его история – неотъемлемая часть истории европейской.

Эти скотоводы-угнетатели каким-то образом ухитрились 20 лет воевать с Франкским королевством, сильнейшим государством Запада, пока франки не заключили союз с болгарами и не предприняли совместный поход, который закончился «полным разгромом центральной кольцеобразной крепости аваров, причем была захвачена богатая добыча»

(История Средних веков, т. 1, с. 122). Скажите на милость, зачем скотоводам центральная и остальные, не-центральные, крепости? Что это за кочевники такие, для борьбы с которыми понадобилось объединить силы франков с силами южнославянских княжеств? Каким образом, оставаясь кочевым народом, авары сумели на протяжении двух с половиной веков в самом центре Европы не только сохранять свое, независимое государство, но и заставили окружающие народы и государства платить себе дань? Неужели благодаря мощи пастушеских полчищ?

«Силы аваров были сломлены, их держава, так долго наводившая ужас на соседей, распалась» (История Средних веков, т. 1, с. 122). Значит, все-таки у них была держава, т. е. организованное и централизованное государство. Наверное, военно-демократическое. Интересно, как оно управлялось без бюрократического аппарата, сбора налогов, содержания регулярной армии – кругом-то, между прочим, не ягнята жили, а очень даже хищные соседи, например, те же византийцы и франки. Как авары ухитрялись притеснять всех, не будучи притесняемы сами и ни с кем не вступая в союзы, не заключая договоров, т. е. обходясь без дипломатии?

«С отпадением основных союзников (т. е. славян, которых А. П. Смирнов тремя строками выше именует «порабощенными народами». – М. Дж.) стало невозможно проводить прежнюю захватническую политику. У паразитического государства не было средств к существованию. Прекращением завоеваний в несколько лет привело к распаду и гибели огромное, наводившее ужас на соседей государство» (История СССР, с. 330).

В 803 г. авары подверглись нападению с двух сторон: франков с запада, а болгар – с востока. «Война закончилась полным уничтожением Аварского каганата, его владения были поделены между франками и булгарами». Последние «стали в какой-то степени наследниками аваров». Болгарская знать стала носить одежды в аварском стиле; «...хан Крум спрашивал совета у аварских пленников относительно законодательства» (Вернадский, с. 304). Стало быть, эти люди разбирались в юриспруденции? Почему же повелитель болгар не порасспросил византийцев, великих юристов? Или ему хотелось иметь особое, военно-демократическое законодательство?

ГЛАВА II. ОПАЛЬНЫЕ НАРОДЫ

БОЛГАРЫ

Убедительного ответа на вопрос об изначальной территории болгар наука не дает (где-то в Средней Азии). Но читаем в солидном издании: «Вдоль северо-западного побережья Черного моря, по соседству с аланами, сообщает Прокопий Кесарийский, «осели многие племена гуннов». Занимаемая ими территория от Черного моря до Меотского озера и р. Танаис (Дон) называется Евлисией и населена варварами, которые «в древности назывались киммерийцами, теперь же зовутся утигурами» (ИНСКДВ, с. 97). Но как же так? Почему почтенный Прокопий отождествляет древнейших обитателей Причерноморья, известных еще Гомеру, с тюрками-болгарами, пришедшими сюда, как говорит наука, незадолго до времен Прокопия? Нет-нет, пугаются академики, историк перепутал, это анахронизм; византийцы привыкли всех, кто жил на той территории, именовать киммерийцами (или скифами) и за сотни лет знакомства с номадами так и не смогли отказаться от этой вредной привычки.

Но современник Прокопия, Иоанн Малала, допускает более худший «анахронизм»: «...о войске Ахилла у него сказано, что оно состояло из тех, кого «тогда называли мирмидонами, а теперь называют булгарами» (Чичуров, с. 81). В хронике сирийского историка Мар-Абас-Котины, сохранившейся в книге средневекового армянского

летописца Мовсеса Хоренаци «История Армении», говорится о проникновении болгар с Северного Кавказа в Закавказье. Первое переселение их произошло во времена царя Аршака, сына Вагаршака, в конце II века до н. э. В хронике грузинского летописца Леонти Мровели сообщается о нашествии хазар на Грузию задолго до начала нашей эры. И таких упоминаний в источниках очень много. Конечно же, наука очень легко объявляла их анахронизмами или объясняла случайным созвучием этнонимов.

«В V в. сложился союз тюркоязычных племен, которые со временем стали называться «болгарами». Основной территорией расселения их было Северное Причерноморье и Восточное Приазовье вплоть до р. Кубани. Отдельные группы болгар проживали и на территории Дагестана. За Каспийскими воротами, говорится в сирийской хронике Захария Ритора, составленной в середине VI в., живут болгары «со своим языком, народ языческий и варварский» (ИНСКДВ, с. 96). «В конце V в. н. э. одна из болгарских орд появилась на Дунае по приглашению императора Зенона, искавшего союзников в борьбе с готскими отрядами. После этого болгары уже не сходят со страниц многочисленных исторических трудов, писавшихся в ту бурную эпоху» (История СССР, с. 331).

Известны два союза гуннских племен, возглавляемые болгарами – утигурами и кутригурами, которых византийская дипломатия ставила друг с другом, в результате чего они дошли до полного самоистребления (ИНСКДВ, с. 96) - если верить византийским же авторам. Но тут вмешались очередные кочевники, тюркюты (или, как принято их называть в науке, «древние тюрки» или «синие (голубые) тюрки», правильно: «небесные»). Согласно Л. Н. Гумилеву, в предгорьях Монгольского Алтая жили потомки хунну, оставшихся после ухода на запад своих «пассионарных» собратьев и говорившие на тюркском языке. В V в. к ним явилась монгольская дружина некоего Ашина, наделила их именем «тюрк» и стала правящим кланом.

Разросшись в большой народ, тюркюты победили всех соседей, создали на территории Монголии государство и приступили к завоеваниям. В 555 г. они подчинили изрядную часть Средней Азии, достигли Аральского моря и три года воевали с племенами вар и хуни. Тюркюты вышли к Волге, гоня перед собой «осколки племен вар и хуни – около 20 тыс. человек, слившихся затем в единый народ – авар» (в которых Г. В. Вернадский видел часть жень-женей). Заметим, что основным занятием азиатских племен академическая наука считает преследование побежденных, бегущих прямо на запад: то сянбийцы годами гонятся за хунну, то тюрки годами преследуют вар и хуни. Волгу тюркюты тогда переходить не стали, но позже дошли до Крыма и Кавказа, Боспор был взят ими в 576 г.

Наука утверждает, что центр Тюркского каганата находился в Монголии. Но каким образом тюркюты могли контролировать громадную территорию Казахстана, Средней Азии и Кавказа? Как собирали дань и доставляли ее домой? Откуда к ним, во время войн с византийцами за Крым, прибывали подкрепления? Кто заботился о семьях воинов, годами находившимся в походах? Каким образом вообще поддерживалась связь между частями каганата? Как набирались войска? Не находился ли этот самый центр империи где-то на Дону или на Волге? Таков неполный список вопросов, отвечать на которые академики не хотят. И даже ставить их не желают.

«К 80-м годам VI в. н. э. все болгарские племена были подчинены тюркам. В борьбе против поработителей началось сплочение болгарских племен, приведшее к созданию большого и сильного союза. Во главе этого союза стал князь Органа». «Наибольшего могущества достиг союз при преемнике Органы – князе Кубрате. Кубрат успешно завершил начатое Органой дело освобождения болгар из-под власти Тюркского каганата. В 30-40-х годах VII в. н. э. под контролем болгар находились земли Восточного и Северного Приазовья, нижнего течения Дона и Прикубанья. Под покровительством болгар вновь возродились к жизни многие древние города Таманского полуострова. Эти

города стали центрами международной торговли и различных ремесел. Крупнейшими из них были Таматарха (древняя Гермонасса) и Фанагория, ставшая, по-видимому, столицей болгарской державы» (История СССР, с. 321).

Казалось бы, все замечательно – расцвет торговли, ремесел, возрождение городов под эгидой болгар. Беда была в том, что тюрки никак не могли избыть свой основной национальный порок, выявленный (причем сотни лет спустя) проницательными историками-этнопсихологами: «Со смертью Кубрата распалось и созданное им государство. Причины гибели Великой Болгарии кроются в том, что она за несколько десятилетий своего существования не успела создать ни прочной экономической базы, ни культурного единства. Болгарский союз Кубрата был типичным кочевым паразитическим образованием, кончившим так, как кончали все подобные объединения» (История СССР, с. 321). Автор в одном абзаце говорит о государстве, державе, союзе, объединении и паразитическом образовании. Неужели это все одно и то же?

Государство и подвластное население было поделено между сыновьями Кубрата. «Батбай возглавил кубанских болгар, а Аспарух встал во главе орды, кочевавшей в низовьях Кубани, на Ставропольской возвышенности. Ослабленные разделом, обе орды не смогли устоять против новой, возникшей в Прикавказье силы – консолидации племен, возглавленной хазарами. Особенно сильное поражение хазары нанесли соседней с ними орде Аспаруха. Разгромленные и обессиленные болгары во главе с Аспарухом прошли все Северное Причерноморье и, наконец, остановились на границе Византийской империи, в дельте Дуная» (История СССР, с. 322). Итак, побежденные болгары разошлись – «кто на Каму, кто на Дунай, кто в Венгрию, а кто даже в Италию» (Гумилев, 1993, с. 22-34).

Далее, по славной и неизбывной традиции академической науки, начинаются описания чудес. «Разгромленные и обессиленные» болгары Аспаруха, отступая под натиском хазар, приходят на Дунай. «Разбив войско императора Константина IV Погоната в 679 г. н. э., болгары заняли Добруджу». Затем беглые кочевники совершили и более масштабное деяние: «Сплоченность болгар, военная организация и железная дисциплина обусловили подчинение болгарам славянских племен, живших на занятой болгарами территории. Подчинение произошло сравнительно мирно, никаких сведений о борьбе или военных столкновениях болгар со славянами не сохранилось». «Аспарух, поддержанный болгарской и, по-видимому, частично местной славянской знатью, возглавил новое раннефеодальное государство» (История СССР, с. 332).

Чтобы выставить тюрков средневековья дикими или полудикими ордами, совершенно чуждыми цивилизации, историкам-идеологам понадобилось выдумать теорию о поочередном приходе народов и племен из глубин Азии (в эту выдумку поверил даже гениальный Н. В. Гоголь, назвав Азию «народовержущим вулканом»). Только, мол, какой-нибудь тюркский народ в южных степях начинал переходить к феодализму и набираться культуры у разумных и добрых соседей, и пр., как на него обрушивались очередные дикие орды, и все шло прахом. Скифы в незапамятные времена вытеснили из этих мест киммерийцев. Потом скифов перебили или поглотили сарматы, в свою очередь, уничтоженные или вытесненные гуннами. Однако и те здесь не задержались и ушли на Дунай, а вместо них откуда-то появились «новые киммерийцы» - болгары.

Их подчинили авары, но потом ушли на Дунай. Вместо них появились тюркюты, вновь подчинили несчастных болгар, но потом вернулись в Азию. Потом пришли хазары, еще раз подчинили одну часть болгар, остальных вытеснили на Дунай и Волгу. Потом кавказские болгары вместе с хазарами куда-то сгинули и появились печенеги, но пришли половцы и прогнали их на запад. Туда же ушли торки. Половцев, в свою очередь, то ли вытеснили, то ли смешались с ними «татаро-монголы», а вслед за ними «возникли» ногайцы. Что это за проклятое место и почему здесь творилась такая чехарда, никто из

академистов, «развивающих» абсурдную каноническую версию истории, не ведает и ведать не желает.

ХАЗАРЫ

«Преемником Тюркского каганата явилось новое государство - Хазарский каганат, объединивший кочевые и полукочевые племена Северного Кавказа, Приазовья и донских степей. Эта молодая держава, возникшая в середине VII в. н. э., не только смогла противостоять арабам, но, закалившись и окрепнув в борьбе с ним, создала самобытную культуру» (История СССР, с. 336). О Хазарском государстве мы подробнее скажем ниже; кратко остановимся лишь на нескольких моментах.

В хронике Феофана Исповедника сказано: «Хазары – великий народ, вышедший из Берсилии». В отрывке из «Истории» сирийского автора Иоанна Эфесского говорится, что в царствование византийского императора Маврикия из внутренней Скифии вышли три брата со своими родами. «Один из них, Булгар, прошел к границам Римской империи, два других заняли страну алан, называемую Берсилия». «В легенде о трех братьях названы имена двух из них – Булгар и Хазар. Имя третьего можно, видимо, связать с названием страны, занятой хазарами. Барсилы или басылы, неоднократно упоминаются в «Истории Армении» у Моисея Хоренского и у Моисея Каганкатваци в «Истории агван». Один раз они объединены с хазарами. «Хазары и басылы, соединившись, прошли через ворота Чора и подвергли Армению грабежу и разорению» (Плетнева, 1986, с. 15).

Считается, что хазары пришли откуда-то из-за Волги, из Азии; но древние авторы почему-то об этом не говорят. Кроме того, болгары и хазары представлены двумя народами-братьями. Если третьего брата в легенде звали Берсил (Барсил), то это изначальное название алан, имеющее значение «народ барсов» (*барс иль, барс эль*); *алан* – замена табуированного названия тотема, от *ала анг* «пятнистый зверь». Почему же болгары и хазары вдруг оказываются братьями ираноязычных алан?

С. А. Плетнева пишет: «Оно (государство Хазария. – М. Дж.) представляло собой обширную федерацию различных, в основном тюркоязычных племен, подчиненных верховной власти хазарского царя (кагана). Крупнейшими из них, не считая самих хазар, были болгары, савиры, барсилы и отчасти аланы. Племена эти за все время существования каганата сохраняли внутреннюю самостоятельность, управлялись своими князьями и беками (это одно и то же. – М. Дж.), вели войны, заключали сепаратные союзы. Тем не менее небольшому союзу хазарских племен, кочевавшему в VI-VII вв. по территории нынешнего Дагестана, удалось организовать крепкое ядро, силой объединившее вокруг себя соседние, по-видимому, значительно менее активные в политическом отношении союзы» (История СССР, с. 438).

Затем выясняется, что выделить собственно хазар из массы других племен нет никакой возможности. С. А. Плетнева отмечает, что «трудов, в которых упоминаются хазары, довольно много, однако сведения о хазарах, как правило, отрывочны и нередко крайне туманны» (Плетнева, 1986, с. 13). Хазары сокрушили державу Кубрата и часть болгар вошла в состав Хазарии. Но: «Оставшиеся в Приазовье и в Подонье болгары были наиболее крупной этнической группой, входившей в каганат, а территория, по которой они кочевали, примерно в четыре раза превосходила размерами земли самих хазар» (История СССР, с. 438). «Надо сказать, что этническое имя «хазар» при описаниях событий, связанных с народами, обитавшими в этих степях, встречается на страницах историко-этнографических сочинений восточных и византийских авторов значительно реже, чем этническое имя «савиры». Византийские же писатели первой половины VI в.

почти не упоминают хазар. В качестве реальной военной силы они рассматривают только савир», - пишет С. А. Плетнева.

Рассказывая о войнах персидского шаха Кавада с северными варварами, византийские авторы иногда именуют их гуннами или гуннами-савирами. Пленники, захваченные солдатами Хосрова Ануширвана (сына Кавада) и поселенные им в районе Кабалы (Азербайджан), в источниках также названы савирами. Прокопий Кесарийский: «Савиры являются гуннским племенем, живут около Кавказских гор, племя это очень многочисленное, разделенное, как полагается, на много самостоятельных колен» (Плетнева, 1986, с. 15).

Что же все это означает? Болгары занимают территорию в 4 раза большую, чем хазарская, а в сообщениях о действиях хазар фигурируют гунны-савиры. Но точно так же часто в источниках гуннами именуют и болгар. Все дело в том, что этноним *хазар*, вероятно, произведен на основе народной этимологии. *Гун*, *кун* означает «лебедь, лебединый»; но в других диалектах ему может соответствовать *къаз* «гусь, лебедь»; при калькированном переводе, с добавлением *ар*, *эр* «человек, мужчина» и возникло новое наименование одного из гуннских племен (савиров, саваров, аваров, суваров, каваров) – *къазар*, *хазар*. Т. е. хазары-савиры, болгары, аланы и гунны – это части одного и того же народа, с незапамятных времен жившего в Восточной Европе. Отсюда же и Лебедия – славянская калька названия страны гуннов-кунманов (вероятно, между Волгой и Доном).

Далее все происходит по известной схеме. Паразитизм, как черта национального характера и способ существования, был присущ средневековым тюркам изначально, и рано или поздно у них проявлялся. Гунны и авары, например, сохраняли эту прискорбную особенность от самого начала своей истории до самого ее конца. Хазары, правда, в отличие от них, сначала вроде бы трудились и создавали. Но от себя не уйдешь, и к середине X в., как пишет С. А. Плетнева, «Хазария превращалась в типичное паразитирующее государство». Отчего и почему хазары пришли к такому печальному финалу, она не говорит; но предпосылки вроде были очень хорошие: «Большое государственное образование с прочной экономической базой, яркой культурой, сильной центральной властью, сумевшей сплотить вокруг себя разноэтничные народные массы, развалилось. От него осталось маленькое паразитическое ханство, тормозившее развитие экономики в соседних странах, мешавшее их торговле с Востоком» (Плетнева, 1986, с. 70). И это пишет не рядовой научный работник, а великий археолог, автор выдающихся трудов. Очень хотелось бы знать, в каких еще регионах происходили подобные метаморфозы и какие народы отличались такими же отрицательными наклонностями, дабы не оставлять тюрков в гордом одиночестве. Или это примеры уникальные? И хотелось бы взглянуть на психологический портрет их антиподов, столь же выразительно начертанный академическим стилем.

Как видим, историки оставались верны себе, вплоть до употребляемых ими для «кочевых государств» определений, даже в канун XXI в. Приведем еще один блестящий образец академического подхода. В своей статье о средневековых городах Нижнего Поволжья Г. А. Федоров-Давыдов привел немало количество фактов, свидетельствующих о том, что Золотая Орда была сильным и развитым во всех отношениях государством. Например, всего только в трех городищах было собрано 10,5 тыс. монет; такое их обилие, по словам автора, «не имеет аналогии в средневековой археологии». Автор делает вывод: «Золотордынские города были мощными центрами культуры и производства», но тут спохватывается: «Они базировались на силе Золотордынского государства – грабительского, паразитического и реакционного, на эксплуатации покоренных народов. Не связанные с местными традициями экономического развития, эти города оказались вновь захлестнутыми кочевой стихией,

как только это государство распалось, - в XV в. Золотоордынские города с их блестящим, но недолгим подъемом именно поэтому оказались историческим «пустоцветом», не давшим в степях продолжения своей культуре» (Федоров-Давыдов, с. 93). Думаю, комментарии излишни.

ПЕЧЕНЕГИ

Иной читатель может подумать, что автор обуюн нестерпимой жаждой возвеличения истории тюрков и крепко обижается на историков, эту жажду своими писаниями не утоляющими, а потому и пишет нечто среднее между научным исследованием и памфлетом. Но когда он дочитает книгу, то поймет, что комплексом неполноценности (ни в какой форме) автор не страдает. И никаких новостей не измышляет, добросовестно приводя цитаты из работ разных именитых исследователей. Те вопросы, которые мы задаем, могли бы поставить многие, которых, как и меня, угнетает, что академики-мифотворцы даже не вдумываются в смысл того, что пишут, и не мыслят живых людей именно как людей, совершенно не видя их за стереотипами, терминами и ярлыками, из чего следует катастрофическое размножение лжи.

Еще одним отличным и смешным образцом того, в каком свете представляет академическая наука средневековых тюрков, коренных жителей Европы, служит история печенегов и половцев.

Взгляните на эти даты:

Тюркский каганат 545 - 639 гг.

Аварский каганат 571 – 803 гг.

Болгарское царство 675 – 864 гг. (в этом году болгары приняли христианство и последние остатки тюркской знати были истреблены).

Хазарский каганат 626 – 965 гг.

На пространстве от Алтая до Дуная в течении 420 лет существуют несколько мощных тюркских государств, пусть даже (по мнению историков) они представляли собой «примитивные военные деспотии», как, например, Великий Тюркский каганат: «Держава была основана копьем и держалась на копье; «солью земли» были воины, и только очень энергичные ханы умели держать в руках эту силу, грозную не только для врагов, но и для них самих» (Гумилев, 1993, с. 201). Если огромные и сложно устроенные, с богатым инвентарем, курганы типа Салбык, Аржан, Пазырык и др., считать, подобно академистам, местами упокоений никому не ведомых родовых вождей, а не царей великого государства, и забыть о рунической письменности тюрков, как и о многом другом, то, конечно, Тюркский каганат был «примитивной деспотией». Непонятна и другая мысль историка: если эта держава была основана копьем, то при помощи чего создавались другие государства средневековья? Неужели плуга и бороны? И в каких еще державах государственная власть держалась сама по себе, не опираясь на армию?

Считать ли все эти государства примитивными или развитыми, факт их существования остается фактом. Уже в бронзовом веке и в начале железного по всей Северной Евразии многие народы занимались металлургией, земледелием и скотоводством, возводили огромные и сложно устроенные курганы, жили в укрепленных поселениях и пр. Тогда откуда, из какого медвежьего угла появлялись «таборные кочевники-тюрки», не знавшие и не желавшие знать, по уверениям ученых, ничего, кроме скотоводства и родового строя? Разве они не находились в составе Тюркского или Хазарского каганатов?

Константин Багрянородный (908-959) в своей книге «Об управлении империей», написанной в назидание сыну, говорит: «Да будет известно, что пачинакиты сначала имели место своего обитания на реке Атил, а также на реке Геих, будучи соседями и

хазар, и так называемых узов. Однако пятьдесят лет назад упомянутые узы, вступив в соглашение с хазарами и пойдя войною на пачинакитов, одолели их и изгнали из собственной их страны, и владеют ею вплоть до нынешних времен так называемые узы. Пачинакиты же, обратясь в бегство, бродили, выискивая место для своего поселения. Достигнув земли, которой они обладают и ныне, обнаружив на ней турок (так автор именует венгров. – М. Дж.), победив их в войне и вытеснив, они изгнали их, поселились здесь и владеют этой страной, как сказано, вплоть до сего дня уже в течение пятидесяти пяти лет» (Константин Багрянородный, с. 153).

Казалось бы, у византийского автора все сказано ясно и определенно: печенеги жили как на правом берегу Волги (Атил), севернее хазар, так и на левом, где их южными соседями были узы. Разбитые союзниками, они подались с Волги на запад, вытеснили венгров и заняли территорию вплоть до Дуная, где и вступили в соприкосновение с империей. Но авторы комментариев, 15 выдающихся ученых, опираясь на работы других специалистов и сведения «Анонимной записки» (фрагменты которой сохранились в трудах Ибн Русте и Гардизи), пишут: «Междуречье Атила и Геиха как места расселения печенегов идентифицируется с междуречьем Волги – Урала – Эмбы». И, далее: «Согласно отрывку «Анонимной записки», край печенегов лежал на расстоянии 17 дней пути от Гурганджа (совр. Куня-Ургенч в Туркменской ССР), имея соседями на востоке – кипчаков, на юго-западе – хазар и на западе – славян. Сама область печенегов занимала пространство в 30 дней пути». «Данные «Анонимной записки» о соседстве печенегов с хазарами на юго-западе и славянами на западе подтверждают известия Константина о Волге (Атиле) как первоначальном западном рубеже кочевий печенегов» (Багрянородный, с. 388).

Но византийский автор не говорит о том, что Волга была западным рубежом кочевий печенегов; он просто сообщает, что они жили на обоих реках – Волге и Урале. Приняв точку зрения специалистов, мы должны сделать вывод, что ранняя история печенегов весьма иррациональна. Во-первых, неясна причина заключения союза между хазарами и узями. Если печенеги жили только на левом берегу Волги («азиатском»), то ничем не могли мешать хазарам, а если только на правом – то не соприкасались бы с узями, которым Волго-Уральское междуречье принадлежало бы безраздельно; но печенеги мешали и тем, и другим. Цель союза хазар и узов, таким образом, заключалась в том, чтобы вытеснить заволжских печенегов на север или на восток, а правобережных – на север или далеко на запад.

Если же верить комментаторам, не могущим допустить крамольной мысли о давнем пребывании печенегов в Восточной Европе, получается, что победители (хазары и узы) добились обратного – чрезвычайного усиления печенегов и расширения их территории. Судите сами: «В конце IX в. часть печенегов перешла Волгу, их кочевья продвинулись на запад и оказались пограничными хазарам и роменской группировке славян». Разбитые союзниками, они перешли Волгу, вторглись на территорию Хазарского каганата и изгнали его подданных (венгров). Так что же, хазары боролись за то, чтобы оказаться непосредственными соседями опасных печенегов?

Далее комментаторы пишут: «Известие о переселении печенегов в результате войн с гузами и хазарами на территорию мадьяр («турок») сопоставимо с сообщениями арабо-персидских географов X в. ал-Истахри и Ибн Хаукала, согласно которым печенеги завоевали земли «между хазарами и Румом» (Византией), отрезав эти земли от владений русов». «Археологически места обитания печенегов определены в обширном пространстве от Дона до Прута, где они столкнулись с мадьярами, византийцами и молодым Древнерусским государством», - пишет комментатор (Багрянородный, с. 389).

Получается, что в результате своего поражения печенеги ничего не потеряли, а, наоборот, приобрели – говорится же, что их область занимала пространство в 30 дней пути! Посмотрите на карту и прикиньте, куда можно доехать за месяц, двигаясь от реки Прут на восток. (Но Константин говорит, что Пачинакия начинается от «понизовья реки Дунай»). Речь, вероятно, идет о периоде усиления хазар, когда правобережные печенеги ушли со Средней Волги на запад. Но не смогли уйти печенеги левобережные (так ли просто «перейти Волгу?»), о чем Константин знает: «...когда пачинакиты были изгнаны из своей страны, некоторые из них по своему желанию и решению остались на месте, живут вместе с так называемыми узами и поныне находятся среди них» (Багрянородный, с. 157).

За пятьдесят лет пребывания (с конца IX в. до середины X в.) в Причерноморье беглые печенеги каким-то образом сумели добиться невероятных успехов. В регионе существуют Хазарская держава (пусть и ослабленная) и Древнерусское государство; весьма сильны и аланы. На западе Дунайская Болгария именно во времена Константина достигла зенита своего могущества: царь Симеон занял Адрианополь и даже принял титул «василевс ромеев и болгар»; на Дунае уже освоились и окрепли венгры («турки»). Но Г. Г. Литаврин, переводчик книги Константина, отмечает: «Что касается северного региона, то здесь Константин, как это уже отмечалось в историографии, делает основную ставку на союзных империи («друзей») печенегов» (Багрянородный, с. 29).

Что же император советует своему сыну? «Я полагаю всегда весьма полезным для василевса ромеев желать мира с народом пачинакитов, заключать с ними дружественные соглашения и договоры»; «...пока василевс ромеев находится в мире с пачинакитами, ни росы, ни турки не могут нападать на державу ромеев по закону войны, а также не могут требовать у ромеев за мир великих и чрезмерных денег и вещей, опасаясь, что василевс употребит силу этого народа против них, когда они выступят на ромеев».

И, далее: «Пачинакиты, связанные дружбой с василевсом и побуждаемые его грамотами и дарами, могут легко нападать на землю росов и турок, уводить в рабство их жен и детей и разорять их землю». «Знай, что и булгарам более страшным казался бы василевс ромеев и мог бы понуждать их к спокойствию, находясь в мире с пачинакитами, поскольку и с этими булгарами соседят названные пачинакиты и, когда пожелают, либо ради собственной корысти, либо в угоду василевсу ромеев, могут легко выступать против Булгарии и, благодаря своему подавляющему большинству и силе, одолевая тех и побеждая» (Багрянородный, с. 37-41). Наверное, император знал, что говорил. Повелитель великой державы почему-то боится всех – булгар, венгров, росов, алан, хазар; единственная защита от них – печенеги, которых он и советует всячески ублажать дарами (фактически данью; лучше платить одному, чем всем). Так кто же властвует в регионе? Неужели изгнанники из-за Волги, кочевое племя, живущее родовым строем?

Но это еще не все. Каковы были отношения печенегов с греками, в частности, с жителями города Херсон, опорной базы византийцев? Константин пишет: «(Знай), что и другой народ из тех же пачинакитов находится рядом с областью Херсона. Они и торгуют с херсонитами, и исполняют поручения как их, так и василевса и в Росии, и в Хазарии, и в Зихии, и во всех тамошних краях, получая, разумеется, от херсонитов заранее согласованную плату, соответственно важности поручения и своим трудам, как то: влаттии, прандии, харерии (пурпур и шелковые ткани. – М. Дж.), пояса, перец, алые кожи парфянские и другие предметы, требуемые ими». «Ведь, будучи свободными и как бы самостоятельными, эти самые пачинакиты никогда и никакой услуги не совершают без платы» (Багрянородный, с. 41). Но ученым-академистам сообщения Константина не указ, они обо всем знают лучше: в их работах печенеги были и остаются «родовыми таборными кочевниками».

КОЧЕВНИКИ-МОРЖИ

Очерк С. А. Плетневой «Половецкая земля» - яркий пример того, к каким странным утверждениям приводят (даже великих ученых) предвзятость и оперирование стереотипными понятиями и представлениями. «Складывавшаяся в монгольских, среднеазиатских или алтайских степях, различные этнические и племенные кочевнические объединения волнами набегали на широкий степной берег Черного моря». Вот-вот, - не люди, а какая-то стихия, таившаяся за Уралом, - «этнические и племенные объединения»: складывалась в степях, накапливалась и устремлялась на запад, без цели и смысла. В очередной волне в Восточную Европу «хлынули» печенеги. Что же они там сделали? «Экономика и культура полукочевых народов, входивших в состав Хазарского каганата и заселявших донские степи и лесостепи, были полностью уничтожены».

А как же иначе? Уж если разрушать, так до последнего бревнышка – стихия ведь, «ураган», «волна»! Полные кочевники уничтожили полукочевников (ну, прямо как сарматы скифов; заметим, однако, что Константин Багрянородный ни о чем подобном не говорит). Нет, чтобы обложить население налогом, поселиться в мощных крепостях, в теплых домах, торговать, жить-поживать и добра наживать. Сами печенеги об этом не догадались, а подсказать было некому.

По мнению С. А. Плетневой, русские князья походов вглубь степей против очередных агрессивных пришельцев не организовывали. «Даже окончательный разгром печенегов в 1036 г. Ярославом произошел под стенами Киева, во время наступления печенегов на Русь». Объяснение дано замечательное: у печенегов не было постоянных кочевков. «Для них характерен был первый, наиболее архаичный способ кочевания – таборный, как назвал его С. И. Руденко. При этом способе кочевания народ кочует круглый год, передвигаясь по степи и летом и зимой. При таком образе жизни они были практически неуловимы, и поэтому походы в степь теряли смысл» («Злато слово», с. 377). Вот почему, по мысли археолога, бедному Ярославу пришлось дожидаться, пока печенеги сами не полезут на рожон.

Л. Н. Гумилев придавал в своих исследованиях исключительное значение данным климатологии и географии. В одной из своих работ он писал о Великой степи: «Она четко делится Алтаем, Сауrom, Тарбагатаем и западным Тянь-Шанем на две непохожие друг друга части. Восточная часть Великой степи называется Внутренней Азией, в ней расположены Монголия, Джунгария и Восточный Туркестан». «Западная часть Великой степи включает не только нынешний Казахстан, но и степи Причерноморья». Но климат в двух частях степей различен. На востоке снега зимой выпадает мало, и стада могут, разгребая его, кормиться сухой травой. «На западе же степи толщина снежного покрова превышает 30 см. Более того, во время оттепелей снег часто образует очень прочный наст, и тогда скот гибнет от бескормицы. В связи с этим скотоводы вынуждены летом гонять скот на горные пастбища – джейляу, а на зиму – заготавливать сено. Вспомним, что обитавшие в Причерноморье половцы имели постоянные зимовья и потому находились в зависимости от древнерусских князей, ибо, скованные в передвижении, они не могли уклониться от ударов регулярных войск» (Гумилев, 1993, с. 91).

Печенеги жили в тех же условиях, что и «более поздние» половцы. Климат не изменился, ландшафт был тот же, но первые кочевали круглый год, а вот вторые почему-то этого делать не смогли. Мы должны думать, что у неуловимых печенегов скот обладал прямо-таки чугунными копытами и легко добывал корм из-под глубокого снега и льда. Сами печенеги холода тоже не боялись, и круглый год скитались по степям, ночуя «под издранными шатрами» или в кибитках. У половцев таких чудесных пород скота, видимо,

не было, пришлось им бросить любезное их сердцу таборное кочевание и заняться сенокосением, лишившись неувовимости.

Но то у Л. Н. Гумилева, (который, кстати, тоже полагал, что с дружинами русских князей воевали задорные пастухи). У С. А. Плетневой о сенокосении у половцев, а тем более у печенегов, нет ни слова, как и о климате и вообще о природных условиях: и печенеги, и половцы, и другие «моавитяне» живут как бы на театральной сцене, под светом научных юпитеров. Конечно, если называть вещи своими, ненаучными, именами, все это - весьма развесистая клюква. Если зимой скоту питаться подножным кормом невозможно, надо заготавливать сено. Сено надо где-то хранить – не возить же его за собой: нужны кошары. Скот нужно гонять на водопой. Значит, стога старались ставить возле рек, там же и помещения для них - ведь если стадо останется зимой в открытой степи и случится буран, все поголовье, до последней овцы, падет, а следом погибнет от голода и народ – гуманитарной помощи в ту пору не было. (Помнится случай в Калмыкии в начале 80-х годов XX в.: фермы отремонтировать не успели, и за две-три ночи более ста тысяч овец пало).

Хотелось бы спросить: где жили печенеги, якобы кочуя по степи «таборным способом», и зимой, и летом? В кибитках? Но ведь они должны были страдать от стужи точно так же, как и прочие представители рода человеческого. У них были и дети, и старики, и женщины, в том числе и беременные. Неужто всю ночь тряслись от холода, стуча зубами (печку в кибитке не растопишь)? Пришли печенеги на территорию Хазарии, где были и торговля, и крепости, и поселения, и дома, и отопительные устройства, но жить в таком безобразии не захотели. Не-е, говорят, на морозе лучше спится. (Пусть кто-нибудь из тех, кто так думает, попробует переночевать посреди донской степи в кибитке, скажем, в январе; полагаю, прояснение в его уму наступит очень быстро). Но где печенеги брали воду для приготовления пищи? Ага, всем табором кочевали строго по берегу. Или снег топили. А на чем – дров-то нет! Или заготавливали кизяк и возили с собой? Или, завидев лесок, бежали за дровишками? Разведут посреди стана костер, погреются, пищу сварят – и в кибитку. А если метель, буран? Сидели голодными. Скот должен воду пить? Пусть лижет снег. Трава нужна или сено? Ничего, пусть потерпит месяца четыре. Или как?

В доказательство непроходимой глупости морозоустойчивых, как тюлени, печенегов С. А. Плетнева добавляет, что в южнорусских степях неизвестно ни одно их становище или даже могильник, что якобы подтверждает «полное отсутствие хотя бы сезонной оседлости у печенегов». То же самое торки – из-за таборного кочевания не оставили никаких археологических памятников. «Они буквально прошли по нашим степям». До чего доехала археология! Она уже перекопала всю степь от Волги до Дуная. Она точно знает, где могильник хазарский, где болгарский, аланский или торческий, где было становище половцев, а где – гузов или печенегов. Интересно, везде ли наблюдается столь отрадная картина? Например, могут ли проникающие, быстрые разумом специалисты отличить могильники гепидов и херусков от могильников герулов и вандалов?

Константин Багрянородный, вероятно, один из самых осведомленных людей того времени, говорит о печенегах, как мы видели выше, совсем иное. Добавим и другие сведения. Эти «таборные кочевники», оказывается, имели четкое административное деление своей страны. Вся Пачинакия, пишет император, делится на восемь фем (областей), с великими архонтами во главе, и перечисляет названия этих областей. (Не так давно последний генсек КПСС не мог вспомнить название союзной республики Таджикистан, и называл ее Таджикией). Восемь фем делятся на сорок частей (районов) и во главе каждой также стоят архонты более низкого разряда. Знает ромейский кесарь и

правила передачи власти у печенегов. Это – таборные кочевники? Что же тогда называется государством?

Но С. А. Плетнева дает такой, исчерпывающе краткий, комментарий: «Четкое разделение территории степного Причерноморья между «коленами» или ордами печенегов, о котором так подробно писал в середине X в. Константин Багрянородный, очевидно (? – М. Дж.), не мешало печенегам вести внутри каждой территории таборное кочевание. Впрочем, территория каждого из «колен» достигала в поперечнике примерно 200-300 км». Это – наука? Извините, не согласен, это гораздо выше – ясновидение; благодаря ему сведения Константина (в которых нет ни орд, ни колен, ни измеренных кем-то территорий «колен»), очевидно, нисколько не мешают ученым считать государственный народ «таборными кочевниками».

Почему печенеги были обречены круглый год бродить внутри своих областей, С. А. Плетнева не объясняет. Выше она же пишет, что в период военной демократии, когда земли еще не были поделены между феодалами и общинниками, границы кочевий только намечались и часто менялись «в зависимости от военной силы и способностей возглавлявших их ханов» (Злато слово, с. 374-376). Но как еще должны были несчастные печенеги поделить территорию своей страны, чтобы археологи остались довольны – ведь сам император никаких изъянов в ее административном устройстве не отмечает?

ПОЛОВЦЫ

Половцы, как уверяют «кочевниковеды», это те, кого в арабских источниках называли кипчаками, а в европейских - куманами (чему никаких доказательств нет). Б. А. Рыбаков пишет: «Активной роли в истории Сибири и Центральной Азии кипчаки не играли. Однако с конца XI в. кочевые племена урало-алтайских степей пришли в движение. Источники ничего не говорят нам о каких-либо внешних причинах, побудивших сибирских кочевников к новому (после гуннов – второму) наступлению на Запад». Т. е., о причинах предполагаемого продвижения половцев из Сибири ничего не известно, поэтому приходится предполагать и далее: по-видимому, у них произошли социально-экономические изменения и нарастало имущественное расслоение; наверное, им понадобились пастбища; наверное, аристократия и нищающие массы стремились к военным походам, чтобы обеспечить себя землей, добычей и рабами (История СССР, с. 454). Тружеников среди этого народа, конечно же, не было.

Н. С. Борисов, автор предисловия к работе С. А. Плетневой, пишет о половцах, применяя образ уже не волны, а другого стихийного явления: «В начале II тысячелетия нашей эры они обитали в верхнем течении Иртыша и в северо-западных районах современного Казахстана. Оттуда внезапно, словно подхваченные неведомым ураганом (а как же иначе! – М. Дж.), они в X-XI вв. устремились на запад (за каким бесом? – М. Дж.). Их передовые отряды, рассеивая и уничтожая прежних хозяев причерноморских степей печенегов и торков, уже к середине XI в. дошли до Прута и Дуная. Половцы быстро освоились на новом месте и стали грозной военно-политической силой. Их стремительные набеги наводили ужас на соседние земледельческие народы» (многим ли эта лироэпическая повесть отличается от живописаний Евстафия?).

Одним словом, половцы потеснили гузов (торков), те потеснили печенегов. По мнению мировой науки, чем восточнее жил народ, тем он был сильнее; ни разу не сказано, что хоть одно племя, возмечтавшее приобрести себе пастбища и рабов в Европе (ближе пастбищ не имелось?), было отогнано от Волги обратно, на восток. Почему так, вполне понятно: поселив многочисленные тюркские племена на Дальнем Востоке, историкам пришлось их по-одному возвращать на запад, так как в источниках говорилось об их

активном участии в европейских событиях. Хотя бы предположить, что все они изначально жили в Европе, академистам не хочется. Напомним, что в Европе существовали Гуннский каганат, Аварский каганат, Хазария, Великая Болгария, Печенегия, Дунайская Болгария, Волжская Болгария, Золотая Орда – и все они были созданы пришельцами-тюрками в невероятно короткие сроки (остается думать, что именно с этой целью они и мчались в Европу, «словно подхваченные ураганом»).

«Рассеянные и уничтоженные» печенеги почему-то продолжали жить в степях и дальше. И, например, Челубей, соперник богатыря Александра Пересвета в поединке перед Куликовской битвой, был именно печенегом. И почему-то свирепые расправы русских князей с русскими же городами и весями никто уничтожением народа не считает. И почему и как половцы стали грозной военно-политической силой только на Дону, на новом месте, а на Иртыше стать таковой не могли – неизвестно, историки об этом ничего не говорят.

Романтическое описание продвижения половцев на запад у Н.С. Борисова – образцово-показательное. Впереди стремительно скачут воины. За ними, слегка отставая – женщины, старики, старухи и дети, погоня несущихся галопом овец, не знающих ни усталости, ни голода, ни жажды – некогда, надо поскорее перебраться через Волгу. Добрались до Днепра, и передовые отряды, без усталости носясь по степи, рубят налево и направо перепуганных печенегов (Злато слово, с. 380), между прочим, давно освоившихся на этих местах и знающих каждый бугорок. И было их никак не меньше, чем половцев, а как раз наоборот, и в воинственности печенеги им не уступали. И, другое. Средневековые тюркские племена, конечно, воевали друг с другом, но чтобы они старались уничтожить всех соперников или разорить их дотла – крайне сомнительно. Произошла битва. Одно племя победило, побежденные влились в состав победителей. Один язык, одна культура, история, религия, территория – никаких помех. То же самое происходило везде. Поэтому, сдается нам, что ураган бушевал не на Иртыше и не в Казахстане, а в головах тех историков, которые сочинили и поддерживают такую глупую историю.

Половцы, если верить С. А. Плетневой, изгнав печенегов и торков, начали свою жизнь в Восточной Европе с таборного кочевания (интересно, что они делали до той поры?), т. е. были такими же морозостойкими олухами и никакого внимания на климат не обращали; кроме того, они также были неуловимыми и даже невидимыми: «Характерно, что в степях не найдено ни одного половецкого могильника XI в.» (неужели потом кто-то обнаружил могильники с указаниями дат захоронений и национальности погребенных? – М. Дж.). Поэтому русские князья никогда не знали, откуда приходят половцы на Русь и не могли ответить ударом на удар; но так как в большинстве случаев они нападали на Поднепровье или западные страны, то «можно допустить, что ходили половцы не с далеких донских берегов, а из прилегающих к Руси приднепровских степей» (Злато слово, с. 381).

Следовательно, древнерусские князья были редкостными остолопами: не смогли понять – за целый век! – откуда приходят на Русь печенеги. Сменившие их половцы нападали, как догадалась С. А. Плетнева, из «прилегающих к Руси приднепровских степей» (то есть находились буквально в двух шагах!), брали добычу и уходили обратно, а русские воины, глядя им вслед, только дивились и вздыхали: «Вот бы узнать, куда они уходят, и откуда потом приходят снова! Неуловимый народ!». Археолог фактически говорит, что русские князья два столетия ждали, пока половцы не уgomонятся и не osядут на земле. Смею думать, что эти древние феодалы были ничуть не глупее современных академиков и докторов наук, а уж в умении вести войны и отражать набеги превосходили их на голову, это совершенно точно. И если не совершали походы в степь, то, наверное, не потому, что не могли догадаться о том, о чем догадалась 900 лет спустя С. А. Плетнева. Просто русские княжества были в тот период слабы, их час еще не пробил.

В Восточной Европе на раннем этапе ее истории столкнулись четыре силы – угро-финны, славяне, тюрки и германцы. Поначалу, вероятно, побеждали германцы, тесня славян все дальше на северо-восток; те, в свою очередь, постепенно ассимилировали и сдвигали в том же направлении угро-финнов, от огромного массива которых остались эсты, а на юге венгры. Затем, господствуя в степях, возобладали тюрки. Они разбили готов и оттеснили их на запад и на север. Победили же, в конце концов, славяне, ассимилировав множество угро-финских племен и вытеснив германцев. Тюрки продержались дольше – последнее их государство на этой территории, Крымское ханство – было присоединено к России в конце XVIII в.

В XIII в., сами разбитые «татаро-монголами», половцы частично рассеялись по Северному Кавказу (положив начало кумыкам, карачаево-балкарцам и крымским татарам), некоторые ушли в Венгрию (куны), а другие вошли в состав ногайцев, крымских, астраханских и казанских татар – основного населения Золотой Орды, а также приняли участие в этногенезе казахов, узбеков и башкир. Такова, в самом общем виде, точка зрения официальной науки.

«ЛЕТУЧИЕ ЛЮДИ»

Есть весьма неумное, но распространенное псевдо-научное положение (которое считал таковым еще Артур де Гобино), согласно которому формы и способы хозяйствования диктовались людям природными условиями. Сказывают, например, что жили в Подонье и Поднепровье древнеямники и срубники, потом киммерийцы и скифо-сарматы («североиранцы») – пасли скот, доили кобыл, сеяли хлеб, добывали металл, делали войлок, кочевали в кибитках и устанавливали на курганах каменные статуи. Потом, тысячу лет спустя, туда пришли тюрки и стали, под диктовку природы, делать то же самое, но от металлургии и земледелия почему-то отказались.

После них в степи стали расселяться украинцы, русские и молдаване. Но они почему-то не кочевали и из всех перечисленных занятий, якобы предписываемых степью, выбрали себе только земледелие. Чем плохи, скажем, войлок и кумыс? Прекрасные вещи. Но несвойственно это было славянам – и все! А вот вам обратный пример – залезли тюрки-якуты под Полярный круг, перемешались с аборигенами (эвенками и эвенками), и нет бы им заниматься только охотой и оленеводством, а они продолжали и коней разводить, и кумыс пить (как и сейчас). И это не единственные примеры жестокости народов: гос.наука велит им делать одно, а они упорно делают другое.

Так сколько же, по мнению «кочевниковедов», половцы могли жить, не понимая, какой в Подонье и Приднепровье климат? Очень долго, с прогрессом и переходом к скифо-сарматским занятиям дело у них обстояло из рук вон плохо. «На протяжении почти двухсот лет, – пишет С. А. Плетнева, – половцы, кочующие в южнорусских степях, прошли путь от первой стадии кочевания ко второй, а кое-где они перешли даже на полуоседлый – третий способ кочевания». Родовой строй у них отмирал и зарождался феодализм. И все это происходило «под непосредственным воздействием сильного и цивилизованного земледельческого соседа – Руси» (Злато слово, с. 395). Чтобы набраться уму-разуму и понять, что зимы в Восточной Европе весьма холодные, что в кибитках, неровен час, можно и замерзнуть, а в буран – лишиться всего скота, половцам понадобилось два столетия. Успешно сражаться с профессиональными дружинами русских князей они могли, но до феодализма так и не добрались. Если верить ученым, половцы, вне всякого сомнения, несмотря на всю свою стойкость и храбрость, были самые глупые люди в мире.

Любые соседи воздействуют друг на друга, и влияние Руси на Половецкую землю, конечно, имело место. Но имело место и обратное. Чтение первоисточников приводит к выводу, что тюркские ханства ничуть не отставали в своем развитии от других стран. О каком родовом строе может идти речь, если печенегов и половцев, скажем, с самого начала их контактов с русскими, возглавляли ханы, а летописцы именуют их князьями? У хазар и гунно-аваров государство возглавляли каганы, т. е. императоры. К тому же контакты аваров, торков, печенегов, половцев с наиболее мощной (как нам внушают) силой в циркумпонтийском регионе – Византией – были более тесными, чем у германских и русских княжеств.

К тому же тюрки проживали на территории Хазарского каганата с его международными связями, торговлей, армией, системой крепостей и всем прочим. У половцев была продуманная система защиты границ (см. нашу работу «Другая повесть о походе Игоря»). Но историки учат доверчивых студиозусов, что печенеги, торки, половцы, гузы и другие ничего такого не знали, а перенимать у родичей и предшественников (или хотя бы у соседей) не хотели или не умели. Правители у них были, и мощные войска тоже, но строй все равно оставался родовым. В степи зимой было холодно, но домов «кочевники» не строили. Скот не мог пастись зимой из-за глубокого снега, но сена они не заготавливали. Это – наука?

Население Половецкой земли в самую пору ее расцвета составляло, по прикидкам Л. Н. Гумилева, не более 300 тыс. человек (а якобы уничтоженных ими печенегов было не менее 800 000!). И все они, за исключением стариков, детей, женщин и красных девок, как следует из ученых трудов, имели только два занятия – пасли скот, а на досуге грабили несчастных земледельцев (иногда приходилось и обороняться). При этом весь народ болтался по степи два столетия, занимаясь неизвестно чем. Но приведем нехитрый расчет.

Допустим, у половцев было 500 тыс. овец, 10 тыс. коней и 5 тыс. коров. Подсчитаем, сколько человек нужно для присмотра за этим поголовьем в горах (где пасти скот гораздо труднее, чем в степи), все время завышая цифры. Получится соответственно 2 тыс., 100 и 100. Итого – 2200 человек. Округлим до 3 тыс. человек. Пусть вместе с пастухами тем же делом, но в степи, занимаются их семьи, в каждой семеро ртов. Сколько получается – 21 тыс.? Позвольте спросить: что делали изо дня в день остальные 279 тысяч «кочевников»? Должно быть, лежали на боку, глаза по сторонам и размышляя, где и кого загубить завтра.

Вспомните, какая суматоха начиналась не так давно в колхозах, в сезон заготовки кормов, даже при наличии мощной техники. Как же выходили из положения древние скотоводы – нужны-то были не десятки, а сотни тонн сена, а для этого надо было работать не покладая рук. И не старики этим занимались (как наивно думал Л. Н. Гумилев), а весь народ от мала до велика. Повторим: стоило разразиться снежной бурей, и люди были обречены на голодную смерть – скот в таких условиях нужно держать в помещениях. Чтобы сохранить приплод, нужна защита от непогоды, иначе останешься без ягнят. Кто строил эти помещения? Наемные строители? Где их набрать, да и зачем? Из чего строили – ясно; саман, сырцовый кирпич – материал прочный и долговечный, с хорошей теплоизоляцией. Крыши – из камыша.

Но если скот содержался в помещении, кто-то должен задавать ему корм и гонять на водопой, доить и перерабатывать молоко, отделять больных животных от стада и пр. и пр. Значит, скотные дворы располагались недалеко от селений, а те – возле рек. Нужно количество саманных блоков изготовить несложно – были бы работники. Еще легче построить турлучное помещение: поставить стойки, соединить их плетеными стенами и обмазать глиной, смешав ее с соломой или сеном (кстати, «саман», «кирпич» и «турлук» – тюркские слова). Вероятно, в саманных домах и обитали скифы, аланы, хазары, печенеги,

тюрки, половцы и др. (сам делал такие блоки и сам жил в таком доме; по всему югу России подобных жилищ и хозяйственных строений - великое множество).

Скотоводство требует не меньше рабочих рук, чем земледелие. Осенью нужно резать скот и разделывать его, заготовить много солонины, вяленого и сушеного мяса (зимой животные, как ни странно, тощат). Где его вялили, солили и сушили «кочевники» – на кибитках? Возили по степям в бочках или огромными грудями? Вместе с дровами (или кизяком)? Коров, кобылиц и овец надо доить, сбивать масло, готовить из молока самые обычные напитки тюрок – айран и кумыс. Где их хранить (старые балкарцы и карачаевцы, кстати, воду пили редко – только айран; возможно, так же поступали их предки)? В кадушках и бочках.

Из остального молока делали сыр и творог. Куда их девать – сразу-то столько не съешь? Значит, возили с собой многие тонны сыра. Овец надо стричь. Часть шерсти можно продать грекам в Крыму. Что делать с остальной частью? Тоже возить с собой? Вы можете представить, какие обозы были бы, в таком случае, у этих «кочевников»? Шерсть надо мыть, чесать, вязать из нее теплые кофты, носки, платки. Надо обрабатывать шкуры и кожи, дубить, мять, изготавливать обувь и штаны, валять войлок, шить зимнюю одежду – шапки, шубы и полушубки. То же самое – с охотничьей добычей. Кто этим занимался? Кто шил одежду? Кто делал седла? Инструменты? Каркасы шатров, телеги, оружие, наконец? Или удобные, прочные и красивые кольчуги из роговых пластинок?

Почему в русских летописях говорится о половецких городах и крепостях – Сугров, Балин, Шарукань и пр.? Некоторые недоумевают – где же их руины? А откуда им быть? На их месте стоят современные города и села (кое-где и водохранилища). Причем материал для их строительства поначалу брали из развалин древних дворцов, храмов, башен, крепостей. От обычных же саманных домов после их разрушения через несколько лет не остается никаких следов – это же глина. Дерево и камыш сгорают или быстро гнивают.

Если печенеги, половцы и другие тюрки Восточной Европы иногда передвигали свои деревни с одного, засоренного, места на другое, то это вовсе не тот кочевой (и даже таборный) образ жизни, о котором так серьезно рассуждают ученые. В шатрах в теплое время года жили пастухи, и кочевали они же. Но случайные европейцы, не знавшие скотоводства как отдельной отрасли хозяйства, видя этих пастухов, полагали, что так живет весь народ. Н. М. Будаев в своей книге «Западные тюрки в странах Востока» задает вполне резонный (и естественный для тюрка) вопрос: «Почему несчастный греческий воин, задыхаясь и вздымая пыль, бежал пешком после Марафонской битвы 40 с лишним километров? Неужели для вестника победы не нашлось хотя бы одной захудалой лошаденки?». Вы скажете: «Так это же легенда!». И что с того? Почему бы по той же легенде этому гонцу не примчаться в Афины на лихом коне? Или не проскакать на нем хотя бы пол-пути?

Не думают историки и археологи и о других, не менее правомерных, вопросах. С. А. Плетнева пишет: «В бассейне Тора обнаружено огромное количество половецких изваяний XI - начала XIII в.». И далее: «Некоторые из них необычайны по тщательности отделки и художественному мастерству. Можно сказать, что именно здесь был один из основных центров половецкого каменного искусства» (Злато слово, с. 389).

Читайте и удивляйтесь: «Еще в XVII в. тысячи каменных изваяний стояли на древних курганах и вообще на всяких возвышенных, заметных издали участках степи (на водоразделах, при слиянии рек, на перекрестках дорог). Как правило, изваяния стояли по двое, а то и по пять-десять штук на каждом кургане. В период освоения русскими степи курганы начали распахивать, а «каменных баб» уничтожать или в лучшем случае свозить в крестьянские усадьбы для практических нужд, а в помещичьи – для украшения парков.

Уничтожение было столь активным, что русские ученые, обеспокоенные этим, сумели в конце XIX в. добиться от правительства страны охраны этих замечательных произведений степного искусства. Впрочем, к этому времени подавляющее большинство сохранившихся статуй было уже сосредоточено в музеях южных городов нашей страны. В результате из **десятков тысяч статуй** (выделено нами. – М. Дж.), поставленных когда-то на степные курганы, сейчас до нас дошло не более 1500» (из статьи С. А. Плетневой в книге «Степи Евразии в эпоху средневековья», серия «Археология СССР» в 20 томах).

Как много сказано, не правда ли? Если статуи ставили над погребениями знатных людей (воинов, вождей, царей и др.), а они не рождаются все вместе, в одно и то же время, то и подумайте, сколько веков нужно было прожить тюркам (а не одним только половцам) в Восточной Европе, чтобы установить на курганах десятки тысяч этих изваяний. Но как и когда «кочевники» успели их изготовить и установить? Неужели во время своих непрерывных разъездов и переездов по степям? Сидит на телеге половецкий Фидий-аксакал и неспешно обтесывает статую, а его помощники рыщут по степи в поисках подходящих камней – неужели так?

Действовали несколько центров ваяния, из них некоторые – основные. Стало быть, среди «кочевников» были оседлые скульпторы и каменотесы (кто-то же добывал камень). Было высокое мастерство. Кто-то кого-то должен был учить. Нужны были инструменты. Кто их делал? Кузнецы. На кибитке кузницу не повезешь. Были поселки мастеров. Нужны были телеги. Кто их мастерил? Чем косили сено? Где брали металл? Кто снабжал «кочевников» хлебом? Кто делал домашнюю утварь? Войлочные накидки и ковры? Одежду и обувь, наконец – Подонье и Поднепровье не Гавайские острова, набедренная повязка от холода не спасет.

Нет, не половцы и другие средневековые тюрки были примитивными «таборными кочевниками» – это реестровые ученые имеют о них примитивно-абстрактные представления (или просто наводят тень на плетень). Им не хочется опускаться на грешную землю и видеть живых людей и реальные условия их жизни, - только шахматные фигурки, которые можно передвигать по карте, как вздумается; но для этого необходимо превратить все в абстракцию: кочевники, пришли откуда-то, воевали и грабили, питались неизвестно как, ну и статуи на курганах устанавливали, женщин, детей и стариков у них не было, работой они не занимались - скот у них плодился сам по себе, сам выживал и находил корм; от бедности и скуки кочевники воевали, а потом куда-то испарились.

«ТЕМНЫЕ ВЕКА»

Напомню фразу Н. С. Борисова о половцах, цитированную выше: «Их стремительные набеги наводили ужас на соседние земледельческие народы». Кто такие эти пресловутые «земледельцы»? Терминология обманывает: когда историки говорят о «злых кочевниках», противопоставляя им народы оседлые, цивилизованные, они сами, а вслед за ними и читатели, представляют себе, что население «культурных» стран в детстве посещало школы, умело читать и писать, по вечерам слушало симфоническую музыку, а многие учились и в вузах. И, разумеется, яростных, неукротимых дикарей, которым были неведомы нормы морали, такие интеллигентные люди в бою побеждать не могли – не позволяло воспитание. В результате, точно так же, как за словом-ярлыком «кочевник» встает образ хищного всадника-воина с саблей в зубах, за словом-ярлыком «земледелец» кондовым ученым видится этакий добродушный Микула Селянинович, сеятель и хранитель. (Нужны именно такие ярлыки: непременно беззаботные, но злые «кочевники», даже не «скотоводы» - это все-таки труженики, историкам срывать их с мест и посылать неведомо куда и зачем сложнее).

Якобы жили-были некие мирные земледельцы, которые день и ночь ходили за сохой, сеяли и жали, все до единого. Ни вояк среди них не было, ни князей-государей, которым страсть как хотелось бы славы, богатства и большой власти, ни воинов, жадных до военной добычи. Напасть и ограбить кого-то – да Боже упаси! И если «земледельцы» и нападали на «земледельцев», убивали, грабили и жгли, это, конечно, никакого ужаса не вызывало – свои все-таки. «Кочевники» – все пастухи-бездельники, все воины и все до единого – грабители. И взять у них нечего. Зато с другой стороны – одни трудяги-крестьяне, и добра у них, нажитого трудовым потом – видимо-невидимо. Очень научно-конкретное представление. На самом деле богатой и грамотной была только небольшая часть населения «оседлых» государств, а все остальные ничем не отличались от простых «варваров», и рядовой грек-византиец был таким же человеком своего времени, как и, скажем, германцы или финны, «дикие жители лесов».

Несколько слов еще о двух стереотипах. Если вы внимательно прочитаете любой учебник истории средних веков для вузов, у вас волосы встанут дыбом. Потому что вся она, от начала до конца, предстает описанием сплошного и непрерывного кровопролития, а люди древности и средневековья выглядят скопищами убийц и насильников. Когда они успевали строить мосты, дороги, города и села, крепости и храмы, дворцы (например, большая часть памятников архитектуры во Франции построена именно в Средневековье), ваять статуи, слагать песни и сказки, пахать и сеять, убирать урожай и пр., и пр., совершенно непонятно, как и то, зачем они всем этим занимались – все равно ведь отберут, разрушат, сожгут. Мелкие стычки, набеги и конфликты, с небольшим количеством участников, о которых сообщается в летописях и хрониках, в трудах историков Нового времени превратились в побоища с тысячами и десятками тысяч жертв: в эпоху военной демократии, как и позже, все мужчины, способные носить оружие, якобы были воинами. На наш взгляд, этого не могло быть.

Во-первых, из-за малой плотности населения планеты: нет тесноты – нет и причин для серьезных конфликтов. Во-вторых, человек средневековья, как о том свидетельствуют искусство, литература и архитектура, вряд ли был таким агрессивным существом с больной психикой, каким его выставили буржуазные историки и идеологи, боровшиеся с «религиозно-феодальной» идеологией «темных веков». В-третьих, уровень развития производительных сил не позволял бы наладить изготовление оружия в количестве, потребном для вооружения крупных войсковых соединений; общество просто не могло позволить себе содержать большую армию, отвлекая от работы массу здоровых и сильных мужчин, да еще и тратить средства на их обучение военному делу. До появления крупных государств, развитой экономики (металлургии, торговли и пр.) и огнестрельного оружия ни широкомасштабных войн, ни большого количества жертв в битвах не могло быть.

Средневековье – эпоха четкого разделения обязанностей: имеют оружие и обучаются обращению с ним только воины, остальные работают, торгуют, молятся. Война являлась делом не всех, а только небольшой части общества – дружинников-профессионалов на службе у князей, которым не было никакого резона вооружать и обучать военному искусству всех своих соплеменников. Конечно, существовали отдельные рода и племена, сделавшие войну своей основной профессией, специальностью. Они нанимались на службу к владетелям, имевшим возможность оплачивать услуги наемников; но это не означает, что все мужчины этих племен становились дружинниками. У этих воинов были семьи, имущество, хозяйство, и кто-то должен был за ними присматривать.

Кроме того, военная служба, на которой человек часто рискует жизнью, диктует необходимость отбора людей, обладающих определенным психофизическим складом. Много ли толку будет от того, что вы раздадите оружие (весьма дорогое по тем временам) тысяче или двум тысячам людей, большинство которых не умеет или вовсе не способно

им пользоваться - я уж не говорю о том, что многие попросту испытывают непреодолимый ужас при мысли о том, что их могут ранить или убить? Разумеется, такое воинство разбежится еще до начала боя.

Переберите в памяти своих знакомых и подумайте о следующем: многие ли из них, очутись они все вместе в «темном средневековье», оказались бы способны, с мечом или копьем в руках, **столкнуться лицом к лицу** с каким-то противником, хотя бы однажды? Вряд ли. Почему же мы должны думать, что люди средневековья все до одного были храбрецами, удалыми молодцами? Стоит напомнить, что и в более поздние времена, когда власти ввели воинскую повинность, она считалась самой тяжелой из всех, сущим наказанием. Вопреки мнению академистов-мифотворцев, таких народов и племен, в которых каждый был воином, никогда и нигде не существовало – ни «земледельческих», ни даже «кочевых».

Если мы примем точку зрения официальной науки о нескончаемом шествии из Азии целой вереницы тюркских народов, стоявших на низкой стадии социально-экономического развития (ниже, чем у древних ямников!), нет ответов и на множество других вопросов. Должно быть соответствие между уровнем развития экономики, техники, вооружения, социального строя, идеологии, плотностью населения и организацией военного дела. Никогда более малочисленные и отсталые в социально-экономическом, военно-техническом и идеологическом отношении народы не могли притеснять более развитых соседей, долго противостоять им, побеждать или завоевывать обширные территории, а тем более - их удерживать. Так, отдельные набеги; схватили, что смогли - и обратно, в неприступные горы, леса и пустыни.

Но печенег и половцы успешно воевали со всеми соседями. Каким образом они побеждали войска соседних государств? За счет чего? Из академической истории вы этого не узнаете. Молчаливо подразумевается – за счет неслыханной свирепости, дикости и численного перевеса (но тут же пишется, что кочевников было ничтожно мало по сравнению с численностью оседлого населения; Л. Н. Гумилев, например, «подсчитал», что когда половцев было 300 тыс., то русских - 5 миллионов). Чему прикажете верить?

Те же половцы, разумеется, считаются более отсталыми, чем венгры, германцы или славяне. Но войны между ними почему-то всегда шли с переменным успехом. «Оседлые государства», понятное дело, выставляли профессиональные воинские дружины. Кто же им противостоял? Подразумевается (как и в других случаях) – пылкие воинственные пастухи: кликнет какой-нибудь хан, и тут же все чабаны достают из-под подушек доспехи, преисполняются ратного духа, собираются к юрте вождя, мгновенно организуются в полки и мчатся в бой. Имеют свои знамена, знают своих командиров. Например, каким образом в трехдневной битве на Каяле они одолели огромное войско князя Игоря? Разве просто так его брат Всеволод нахваливал своих воинов-курян?

Но историки внушают нам, что этих закаленных бойцов победила толпа злоющих, аки пардусы, пастухов, якобы обучавшихся военному делу во время облавных охот (охота и война – это очень разные вещи). Отчего же тогда Автор «Слова о полку Игореве» говорит о «великих железных полках половецких» - т. е. об одетых в доспехи и организованных в полки дружинниках? И это - родовой строй? (В кар.-балк. нартском эпосе, кстати, говорится, что доспехами были защищены не только воины, но и их кони). И кто обеспечивал их оружием и амуницией? В «Слове», например, сказано об импортном вооружении не тюрков, а русских воинов – сулицы и щиты польские, шлемы латинские.

Нет, не чабаны ходили буйной толпой в набеги и походы и не они штурмовали города. Это были дружины (*жыйын, аскер, чериу*) ханов, состоявшие из таких же профессионалов, как и дружины других государей. О них, воинах-батырах, занятых только войной, и повествует великий эпос карачаево-балкарского народа о нартах. А

большинство населения, как и в других странах, занималось своим повседневным и вековым делом – строило дома, вело хозяйство, сеяло хлеб, растило детей, рассказывало им сказки и пело песни, а часть его (а не весь народ, что и вовсе нелепо – десятки и сотни тысяч людей!) пасла отары и табуны.

КОЧЕВНИКИ-МОРЕХОДЫ

Одним из главных оснований академической позитивистской науки является древний миф о превращениях: неживое превратилось в живое, рыбы – в рептилий и пернатых, обезьяна – в человека и т. д. Кто и почему направлял этот гигантский процесс (в течении миллионов лет!) только в одном направлении, ученые не говорят – таковы, мол, извечные законы природы. То же мифологическое представление широко используется в исторической науке. Особенно много превращений отмечено в древней истории тюрков (неизменными у них были только кочевание, паразитический образ жизни, родовой строй и страсть к грабежу). Считается, например, что они от начала своей истории и до позднейших времен передвигались только по суше, на конях и телегах, и что море для них было стихией чуждой. Исключение составляли «поздние» турки-османы, имевшие сильнейший на Черном и Средиземном морях флот (он выходил и в Атлантику), но и этому факту ученые дали замечательное объяснение: не сами турки были моряками, а их подданные и наемники – греки, итальянцы, берберы и прочие. Нельзя было тюркам заниматься мореплаванием, кровь и кочевое прошлое им этого не позволяли.

Но заглянем чуть глубже. Что делали в Средние века, скажем, сельджуки (якобы начав свое продвижение на запад из Средней Азии то ли в конце X в., то ли в начале XI-го), такие же отъявленные «кочевники», как и их северные сородичи (гунны, авары, печенеги и прочие)? Они с ходу захватили Иран и в 1048-ом году вторглись в пределы Византийской империи. В 1055 году эти «пастушеские орды» берут одну из столиц мира – Багдад (орды – излюбленное словцо историков, когда они пишут о тюрках, означающее «дикие толпы и скопища всадников-чабанов, живущих «зверинским обычаем»). Затем они же завоевывают владения византийцев на Ближнем Востоке и в Малой Азии, а в 1071 году под руководством Алп-Арслана громят их в битве под Манцикертом и берут в плен императора Романа IV Диогена (История средних веков, с. 229). Это – пастухи-кочевники? Какими же никудашными воинами тогда надо считать византийцев, создателей великой империи, не сумевших справиться с толпами чабанов?

Чудеса на этом не заканчиваются. Племена кочевых барановодов и коневодов всего через 40 лет после появления в Малой Азии превращаются еще и в моряков! «В 1088 году Алексей Комнин был вновь разбит печенегами при Дристре, печенеги заняли Филиппополь, проникли во Фракию. Одновременно на востоке возобновили свое наступление турки-сельджуки во главе с эмиром Чахой, заключившим союз с печенегами. Располагая значительным флотом, Чаха укрепился на западном берегу Малой Азии, занял острова Лесбос и Хиос и готовился напасть на Константинополь с моря» (История Средних веков, с. 568).

Северные турки-«кочевники» дважды громят армию Алексея Комнина, одного из лучших византийских полководцев. Сельджуки, вчерашние пришельцы из пустынь Средней Азии, имеют «значительный флот» даже не на Черном море, а на Средиземном, захватывают два немаленьких острова и готовятся штурмовать столицу мира – Царьград, причем не с суши, а с моря! Не боясь ни сильного византийского флота, ни страшного для моряков всего мира «греческого огня» (что-то вроде напалма, тайной изготовления которого владели только греки). Да еще и в союзе с печенегами, которые находились недалеко – в Восточной Европе.

Что же тогда называется стратегией и международной дипломатией? Как и когда все это постигали «полудикие» пастухи? А самое главное - зачем это им было нужно? Вспомните, ценой каких усилий, с каким напряжением сил создавала Россия при Петре I небольшой флот на Балтике (с братской помощью немцев, голландцев и англичан - чтобы столкнуть лбами Россию с могучей Османской империей). Но это запросто удалось орде скотоводов, только что пришедшей из глубин Азии - если верить простодушным (или лукавым?) историкам. О чем идет речь - о науке?

Конечно же, сельджуки пришли не из Средней Азии, а из восточноевропейских степей, причем в незапамятные времена, и были коренным населением Малой Азии, до поры, до времени находясь в подданстве Византии. Когда пробил их час, они вступили в борьбу за власть в империи. Тогда же сельджуки и мамлюки - и это, на наш взгляд, один из величайших военных подвигов в истории - разгромили армии крестоносцев, лучших и храбрейших воинов Европы. И не в одном удачном сражении, а в десятках тяжелых битв.

В результате тысячелетнего исхода тюрков из Азии произошло и другое чудо: монголоиды-чабаны, коих, если верить историкам, было несметное множество, придя на запад, вдруг превратились в европеоидов (кроме ногайцев, которые пришли последними и такого счастья не удостоились). Как и почему, об этом жрецы и ясновидцы умалчивают, и описания этого непростого процесса не дают: превратились, и все. Но каменные изваяния тюрков, огромное количество которых было установлено на курганах в Восточной Европе, почему-то изображают европеоидов. «Старые китайские книги внешность тюрков оценивают однозначно: «голубые глаза и светлые волосы»; «они вообще рослые, с рыжими волосами, с румяным лицом и голубыми глазами. Черные волосы считались нехорошим признаком»; «их жители телом все высоки и велики, с красными волосами, с зелеными глазами». «Казахский ученый О. Исмагулов (1977 г.): «У истоков древнего населения Казахстана... находится хорошо отличаемый, ярко выраженный европеоидный тип без какой-либо монголоидной примеси» (Бушков, 2007, с. 158-161).

Ныне насчитывают от 30 до 40 народов, больших и малых, говорящих на языках тюркской группы и живущих на громадной территории от Босфора до Якутии и от Татарстана до Ирака. Точная численность неизвестна, обычно называют цифру от 150-ти до 200 миллионов человек. Подавляющее большинство тюрков относится к большой европеоидной расе (не менее 75 процентов), меньшинство - к малым переходным от европеоидной к монголоидной. «Чистых» монголоидов очень мало (не более 3-5 процентов). Но среднеобразованный житель Восточной или Западной Европы, скорее всего, представляет типичных тюрков (и средневековых, и современных) именно монголоидами, похожими на корейцев или вьетнамцев - такова сила стереотипа, внушенного литературой, кино и пр.

Даже многие ученые, которым, казалось бы, положено знать такие простейшие факты, думают (или делают вид, что думают) приблизительно так же. Или убеждены в том, что тюрки изначально были монголоидами, двигались откуда-то из Центральной Азии, усердно смешивались на западе с европеоидами, и, в результате, изменили свой антропологический тип до полной неузнаваемости, да еще и невероятно размножились. (Оставшиеся на востоке тюрки, выходит, сохранили монголоидность, но почему-то не плодились, как прежде, несмотря на прекрасные условия Алтая и Южной Сибири). Почему же тогда не считать древних семитов негроидами - живут же в Эфиопии несколько миллионов чернокожих людей, говорящих на семитских языках? Были негроидами, потом стали распространяться к северо-востоку, дошли до Сирии, Малой Азии и Ирака, смешались с европеоидами и побелели? Но так никто не утверждает; подобные чудеса, по решению науки, происходили только с тюрками.

Вот, например, сведения известного антрополога Л. В. Ошанина: «Монгольская складка (эпикантус) верхнего века среди настоящих монголоидов имеется в 80-90 %. Процент людей с этой складкой уменьшается с востока на запад, причем лучше держится у женщин, чем у мужчин. У киргизов она есть примерно у 85 % женщин и 50 % мужчин; у казахов ее имеют 35 % женщин и 22 % мужчин; у узбеков 18 % женщин, 13 % мужчин; у туркмен, считающихся биологически стопроцентными массагетами, - 10 % женщин и 6 % мужчин; у азербайджанцев лишь 2 % с эпикантусом, а у турок его практически нет» (цит. по: Мизиев, 1990, с. 42). Нет эпикантуса у кумыков, карачаево-балкарцев, гагаузов, караимов, большинства крымских и казанских татар и др. Так, может быть, тюрки-европеоиды двигались не с востока на запад, а, наоборот, с запада на восток, постепенно вытесняя местное монголоидное население или смешиваясь с ним?

СУМБУР ВМЕСТО МУЗЫКИ

Историкам следовало объяснить, каковы были образ жизни, культура и происхождение бесчисленных племен, нескончаемой вереницей шедших в Европу, как и назвать причины, по которым начался и продолжался целое тысячелетие этот неслыханный исход. Сказать, что наука с этими задачами справилась, мы не можем, о чем подробно было сказано выше. Но какими взглядами руководствовались историки, решая эту задачу? В качестве примера приведем классическо-академическо-стереотипное представление об истории «кочевников», сконцентрированное в нескольких предложениях: «Кочевническим народам была уготована особая историческая судьба: сложившаяся у них военно-племенная организация и подвижный образ жизни превратили их в мощную военную силу, постоянно угрожавшую цивилизации земледельческих народов. На протяжении всей древней и средневековой истории Центральная Азия насылала (? – М. Дж.) на государства Азии и Европы бесконечные орды воинственных и жестоких кочевников. Постоянные мелкие набеги сменялись страшными нашествиями, сокрушавшими могущественные государства и создававшими гигантские, но недолговечные империи. История знает несколько таких катастроф, совершенных кочевническими народами – такие как гуннское, арабское или монгольское завоевания» (Происхождение вещей, с. 23; под ред. Е. В. Смирницкой).

В этом механически гладко написанном тексте сказано следующее. В Европе и Азии жили цивилизованные, мирные и добрые народы, которые создавали не очень большие, но долговечные государства, которые никому не вредили и не угрожали, и военной мощью почему-то не обладали. Но в Центральной Азии обитали «бесконечные орды» диких, воинственных и жестоких кочевников, которые бродили по степям и, благодаря бродячему образу жизни, а также и военно-племенной организации, каким-то образом сумели стать «мощной военной силой». Потом кто-то и зачем-то предписал («уготовал судьбу») им быть постоянной угрозой цивилизации, и Центральная Азия «на протяжении всей древней и средневековой истории» стала посылать в мелкие набеги на земледельцев одну орду за другой. Но иногда она приказывала жестоким кочевникам совершать и страшные нашествия, которые каким-то образом сокрушали откуда-то взявшиеся у добрых земледельцев «могущественные империи» (наверное, маленькие и мирные), а взамен создавать другие - гигантские, но недолговечные.

Таковыми негативными деяниями отметились, например, гунны и монголы, а также арабы, которые в Центральной Азии никогда не жили и приплетены сюда для полного антуража (почему ни одна империя не была сокрушена «ираноязычными кочевниками», историки не говорят; или они были добрыми и не-воинственными?). Одним словом, судьба, уготованная кем-то «тюрко-монголам», предписала им время от времени

устраивать мировые катастрофы; такова была их историческая миссия. «Кочевники» бессознательно рассматриваются историками-академистами в виде какой-то неорганической стихии – бури, урагана или наводнения; количество авторов, бездумно повторяющих внушенные им нелепые представления, не поддается учету.

Но в этой же книге («Происхождение вещей») и на тех же страницах говорится и иное. «Долгое время была распространена точка зрения, что первыми стали приручать диких животных бродячие охотники. Однако современные ученые считают, что животноводство развивалось у оседлых земледельцев». Более того, поскольку «домашние животные с самого начала находились в личной собственности», возникновение скотоводства «повлияло на развитие права собственности». Скотом «платили за труд, уплачивали штрафы и брачный выкуп»; у древних римлян, например, «*pecunia*, «деньги», происходит от *рес*, «скот». «Животноводство повлияло и на развитие земледелия. Не говоря о том, что домашние животные явились постоянным источником удобрений, позволявшим обрабатывать одно поле, а не распахать через каждые два-три года новые участки, главный переворот в земледелии произвело применение тягловой силы животных и появление благодаря ей **пашенного земледелия**» (Происхождение вещей, с. 23). Но разве из этого не следует, что скотоводство и земледелие всегда были тесно связаны, что одно без другого невозможно? И разве не ясно, что люди не могут питаться только продуктами земледелия или только молоком, сыром и мясом?

История исследует процессы, происходившие в человеческих сообществах, обусловленные не только закономерностями общественного развития, но и законами пространства и времени. Следовательно, одна из главных задач ученого-специалиста заключается в том, чтобы как можно конкретнее ответить себе на вопрос, могло ли то или иное событие произойти в тех или иных конкретных условиях (как, почему и где). Но есть историки, которые, отрываясь от низкой и тяжелой реальности, принимают плоды своего слишком раскованного воображения за картину событий, некогда происходивших там и так, как это им представляется, не задаваясь вопросом о том, могло ли так быть, возможно ли. Для них реальные условия существования человеческих сообществ древности не имеют никакого значения – важнее соответствие написанного ими общепринятым теориям и воззрениям (т. е. получившим одобрение власть предержащих).

Отсюда и произвол в обращении с данными письменных источников, археологии, фольклора, языка и этнографии, как и в расположении событий и исторических лиц на хронологической шкале, из-за чего в истории того или иного города, народа, страны возникают ничем не объясняемые разрывы, объясняемые тем, что они якобы «пришли в упадок» и там ничего не происходило (на протяжении сотен лет!); одни процессы делятся, если верить историкам, по несколько столетий или даже тысячелетий, а другие, точно такие же, заканчиваются очень быстро, и т. д.

Что же потребовалось от историков последних двух столетий, чтобы сочинить совершенно дикую историю «степных кочевников»? Во-первых, не обращать никакого внимания на пространство и рельеф – «кочевники» носятся с места на место, как стаи птиц, и никакие расстояния и естественные преграды (реки, горы, пустыни и пр.) им не помеха. Во-вторых, не думать о суровом климате северных степей – чтобы это не мешало вещать о круглогодичном «таборном» способе кочевания степняков. В-третьих, полностью игнорируя время и законы общественного развития, выставить «кочевников» невероятно косными людьми: везде и всегда – в Центральной Азии, в Сибири, в Азии Средней или Малой, на Дону, в Причерноморье, на Кавказе, в Венгрии – они оставались ярыми приверженцами кочевой жизни и родового строя, ничему не учились и в их жизни ничего не менялось – на протяжении тысячелетий! В-четвертых, следовало дискредитировать государства, созданные «кочевниками», обозвав «паразитическими», и

изобрести их диких сородичей, которые, куда бы они ни приходили из своего таинственного не то гнезда, не то фабрики по производству народов на Дальнем Востоке, разрушали все до самого основания.

В-пятых, ни одно из этих племен не должно было заниматься созидательным трудом, при этом не испытывая никаких проблем с добыванием средств к жизни (попробуйте, например, найти хоть одну работу на тему «Социально-экономическое развитие Печенегии в XII-XIII вв.»), объясняя все это легкостью труда животноводов и кротостью «земледельцев», безропотно снабжавших злобных пастухов хлебом насущным. В-шестых, у «кочевников» не должно было иметься никакой идеологии, и даже более или менее развитой религии: если она и была, то весьма примитивная (ни в одном из многочисленных изданий, называемых «История религий», нет главы «Тенгрианство»); а если так, то не могло быть у «кочевников» и конфликтов на почве идеологии – только из-за пастбищ и угона скота.

В-седьмых, «кочевников» требовалось представить людьми, полностью лишенными простых человеческих чувств – родительских, сыновних, любви к своему народу, к отечеству (которого у них не могло быть, как говорится, «по определению» – родился в одном месте, вырос в другом, женился в третьем, и т. п.), и наделить их только двумя качествами – страстью к грабежам и беспрекословным послушанием своим безумным ханам, которые толпами вели их куда вздумается. В-восьмых, успехи «кочевников» в войнах с «государствами земледельцев» следовало объяснять их необычайной численностью, дикостью и нечеловеческой жестокостью. В-девятых, часто встречающиеся в нарративных источниках случаи упоминания тюрок не там и не тогда, где и когда находится им предписывает наука, следовало объявлять анахронизмами. В-десятых, большинство средневековых тюркских племен должно было исчезнуть, не оставив ни наследства, ни наследников. Полагаю, просвещенный читатель может сам продолжить этот перечень.

После подобных операций над историческими сведениями среда обитания тюрок-«кочевников» начала видаться исследователям-академистам только географической картой, по которой можно передвигать племена и народы в нужном направлении на любые расстояния и с любой скоростью, не обращая внимания на то, что все это противоречит здравому смыслу и законам природы. Придуманный романтической и сильно идеологизированной наукой непрерывный исход «кочевых племен» с Дальнего Востока в Европу, где они бесследно и беспричинно исчезали, академики-мифотворцы и называют историей средневековых тюрок (в эту же, извините, ахинею уверовали и в том же духе стали писать о своих предках и тюркские ученые).

В остальных странах и землях, несмотря на все необъяснимые провалы, все время что-то происходит, меняется – в экономике, культуре, религии, идеологии, архитектуре. В Великой степи, если верить «мировой науке», ничего подобного не было; говорится о городах, от которых остались «городища», о металлургии, о посевах – но все это как бы мимоходом; создается впечатление, что подобная деятельность никакого влияния на социальные процессы не оказывала, была чем-то случайным. Никакого прогресса в экономике, архитектуре, градостроительстве, военном деле. Никакой идеологической борьбы или соперничества религий (до момента принятия ислама в Волжской Булгарии и Золотой Орде). Государства возникали и сменяли друг друга, но все – «кочевые», «паразитические» и «эфемерные».

Если верить академикам-мифотворцам, главными процессами в истории народов, населявших Великую степь (от киммерийцев и скифов до ногайцев и калмыков) были только непрерывные перемещения этносов, скотоводство, их постоянные войны друг с другом и грабеж «земледельцев». И так они жили на протяжении многих веков, ничему не

учась, ничего не создавая и ничего в своем образе жизни менять не желая; переход от первобытной общины к феодализму занял у них несколько тысячелетий! Никакого объяснения такому странному застою академическая наука не дает; подразумевается, что такова была психология этих народов, исключительно косных, и что подобный образ жизни диктовался им природными условиями.

Усилиями нескольких поколений историков получился абсурд, который ученые замечать не хотели и не хотят: гунны, галопом промчавшись с Селенги до Урала, как нож сквозь масло проходят всю Северную Евразию, не обращая внимания ни на какие преграды, и Аттила строит в центре Европы мощный каганат, ставший, как пишет Г. И. Вернадский, центром международной дипломатии; авары, в 552 г. находившиеся на Алтае, рванув с места в карьер и добравшись до Дуная, в 571 году оказываются создателями сильнейшего на континенте государства; чабанские орды сельджуков, прийдя в Малую Азию в середине XI в., уже через сорок лет бесчинствуют на Средиземном море, а Чакан, один из их эмиров, имея сильный флот, собирается захватить Константинополь с моря; и т. д. В Восточной Европе тюркоязычные кочевники создали Хазарский каганат, который всемерно вредил всем соседям, пока окончательно не превратился в «паразитическое ханство» (такую же характеристику историки дают и всем прочим «кочевым империям», которые управлялись «с седла».

Но особенно наглядно нелепость академической истории «тюрков-кочевников» видна при анализе сотен и тысяч тюркизмов, вошедших в огромное количество языков народов на пространстве от Японии до Португалии и от Скандинавии до Египта. И нас хотят уверить, что эти слова были заимствованы из языка, на котором говорили толпы и орды кочевников-пастухов, не обращая внимания на то, что среди них имеется множество явно не-пастушеских терминов. Огромное количество данных говорит о том, что прародиной тюркских народов является Восточная Европа и что здесь происходили те же процессы, что и у соседей – славян, германцев и пр. Рано стали складываться у них и государства – Скифия, затем Тюркский каганат, Хазарский каганат, Гунно-Аварский каганат, Восточно-Тюркский каганат, Великая Болгария (на Кавказе), Волжская Болгария, Алания, Золотая Орда и др. У ортодокса, привыкшего думать, что между ними лежат огромные временные интервалы (ничем не заполняемые и не объясняемые), наши утверждения, конечно же, вызовут ироническую усмешку или негодование.

СЕМЬ ВЕКОВ ВОЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ

Что говорили историки в эпоху засилья коммунистической идеологии о кочевниках, например, о гуннах? Может быть, ученые-коммунисты даже сочувствовали им, как разрушителям эксплуататорских государств и освободителям народных масс от гнета рабовладельцев и феодалов? Но вот что писал в учебнике для исторических факультетов акад. Е. А. Косминский (в 1952 г.), проявляя тонкое понимание психологии средневековых народов: «Кочевые племена гуннов резко отличались по своему характеру от таких оседлых земледельческих племен, как рассмотренные выше племена кельтов, германцев и славян». Чем же и почему? И академик уверенно отвечает: «Кочевники-гунны находились на гораздо более низком уровне общественного развития, чем земледельческие «варварские» племена. В их жизни особенно большую роль играли война и грабеж. Кочевой образ жизни, постоянные набеги и вторжения на территории земледельческих племен и ожесточенная борьба с другими кочевниками воспитывали у гуннов страшную жестокость, стремление к всеобщему разрушению» (История средних веков, с. 50).

Племена гуннов находились на более низком уровне общественного развития, чем племена земледельцев-варваров, и в этом, по мнению академика, были повинны кочевание, очень вредное для нормального нравственного развития этносов; вероятно, академик даже не понимал, что скотоводство – это труд, и весьма нелегкий. Кочевой образ жизни обязательно, согласно его воззрениям, предполагал грабеж и войну, оказывая на характер гуннов гораздо более пагубное влияние, чем оседлость на характер племен прогрессивных, земледельческих, которые, неча греха таить, тоже воевали, и не только с отсталыми кочевниками, но и друг с другом. Следуя логике историка, можно прийти к заключению, что земледельцы от природы были настолько отходчивыми, что войны и грабежи не могли воспитать в них «страшную жестокость и стремление к всеобщему (!) разрушению». Ну, порубят германцы кельтов (или наоборот), потом придут домой и тут же превратятся в добряков-домоседов, мирно поливающих капусту в палисадничках. И все же академик погорячился, связав нравственный уровень народа со стадией его «общественного развития» и формой хозяйствования.

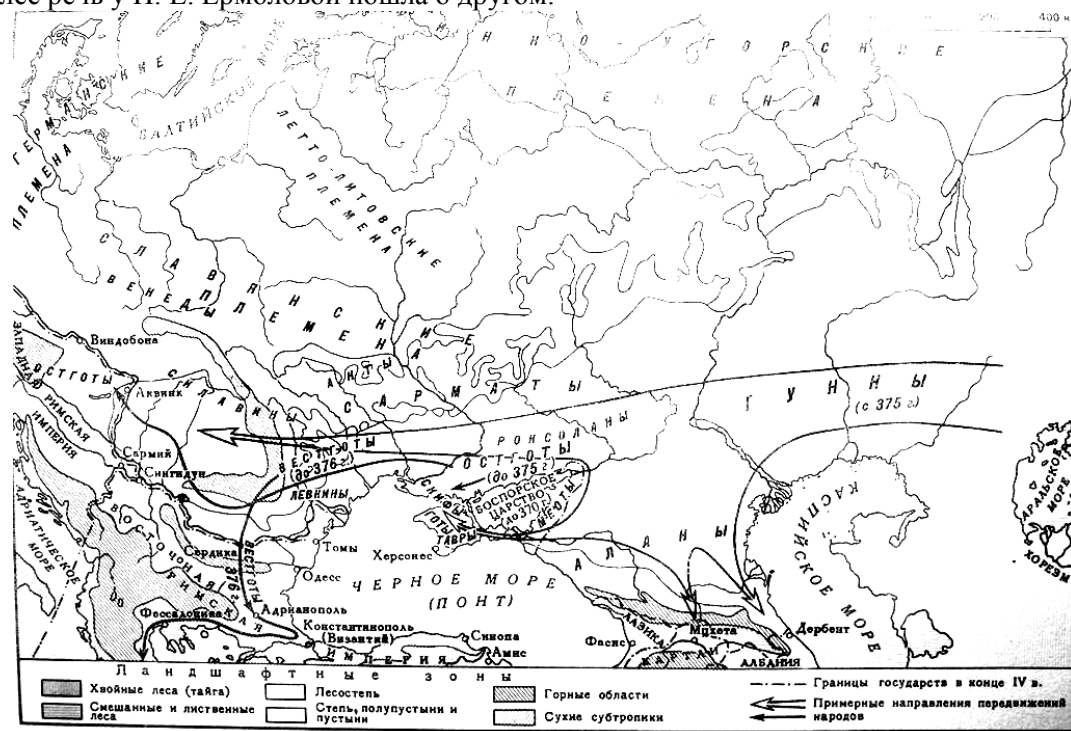
Разумеется, военная деятельность гуннов-скотоводов и европейцев-земледельцев имели разный характер и приводили к разным результатам: «Гуннское вторжение в Европу отрицательно сказалось на ее исторической судьбе. В то время как германцы и славяне своей борьбой с Римом способствовали падению рабовладельческой империи, гунны своими грабительскими походами задерживали развитие земледельческих племен (очевидно, рвавшихся в социализм. – М. Дж.), разрушали производительные силы, уничтожали производителей материальных благ. Целью кровавых походов гуннов был захват территории, получение дани, порабощение и ограбление оседлого населения. Об этом свидетельствуют многие современники гуннских завоеваний – китайские, римские, византийские писатели». «Гунны подвергали страшному угнетению многочисленные земледельческие племена, временно оказавшиеся под их властью» (История средних веков, с. 50). Академик, вероятно, полагал, что другие варвары шли войной на соседние страны с другими, исключительно благотворными целями – освобождение пролетариата и производительных сил. И если бы не гунны, то германцы и славяне вовремя уничтожили бы нехорошую рабовладельческую империю.

Да, конечно, наука в СССР была рабыней идеологии, и в 1952 году писать иначе было нельзя, потому как сам товарищ Сталин «сравнивал с ордами Аттилы гитлеровских злодеев, вытапывавших наши поля, сжигавших наши деревни и города, разрушавших наши промышленные предприятия и культурные учреждения, истреблявших сотни тысяч наших мирных людей» (История средних веков, с. 59). Но, может быть, хотя бы накануне «перестройки» ученые смотрели на историю кочевников по-другому, более трезво?

В статье И. Е. Ермоловой «Общественный строй гуннов последней четверти IV - начала V в.», опубликованной в 1984 г., речь идет о народе, история которого насчитывала к тому времени не менее 700 лет (если же считать, что гунны двести лет смешивались на Урале с угро-финнами, то им «исполнялось» бы лет 400) и который находился в Центральной Европе уже около полувека. Автор вполне правомерно выражает несогласие с Э. А. Томпсоном, по мнению которого гунны в конце IV в. находились на «нижней ступени пастушества»; Томпсон полагал, что знати у гуннов еще не было, а власть вождей держалась только на личном авторитете, да и то лишь во время войн, а в мирное время она вообще отсутствовала.

Более приемлемой И. Е. Ермолова считает точку зрения Я. Харматты, согласно которой племенная организация гуннов к тому времени вступила в стадию распада, однако сама исследовательница думает, что у них уже была «родовая аристократия», а выбор вождей «обуславливался не столько личными боевыми заслугами, сколько богатством и родовитостью»; кроме того, «порядок и полномочия народного собрания не

исключают наличия у гуннов стоящего над всеми вождя». Почему же? Здесь автор высказывает весьма здравое суждение: «Ведь не имей гунны единого руководства, направлявшего действия всех племен, едва ли их вторжение на запад имело бы такой быстрый и решительный успех». К сожалению, эта мысль никакого развития не получила, далее речь у И. Е. Ермоловой пошла о другом.

Восточная Европа в III-IV вв. н. э. (История СССР, в 12 томах. Т. 1, 1966).

Но, наверное, стоило задуматься над простейшими вопросами: «Является ли наличие единого руководства в лице вождя племен достаточной гарантией достижения «быстрого и решительного успеха»?». У государств и «племен», разбитых гуннами (аланы, готы и др.) были цари, а в Византии даже император, но это им почему-то не помогло. Стало быть, дело в чем-то другом? А. П. Смирнов пишет: «На рубеже нашей эры хунну находились на стадии разложения родо-племенного строя, когда родо-племенные отношения прикрывали уже нарождавшиеся в хуннской среде классовые противоречия. Ко II в. до н. э. эти противоречия стали столь заметны, что хуннская племенная аристократия вынуждена была признать необходимость единой крепкой центральной власти. Власть была захвачена сильным, умным и деятельным Модэ» (История СССР, с. 322-333).

Ср. это с выводами И. Е. Ермоловой: «Установление института наследственной власти у гуннов относится, вероятно, к 20-30-м годам V в.». «Таким образом, кочевые племена гуннов в последней четверти IV-начале V в. переживают стадию распада первобытнообщинных отношений (! – М. Дж.), которую можно назвать военной демократией; у них продолжается процесс консолидации и укрепления господствующего положения родо-племенной аристократии». Выходит, уже ко II веку до н. э. у «азиатских предков» гуннов была аристократия и центральная власть, но через шесть веков у их потомков ничего такого не наблюдается. Следовательно, их смешение с угро-финскими

племенами на Урале привело к регрессу. Но тогда каким образом они сумели победить аланов и готов, и почему Византия платила им дань?

Не желая задумываться над подобными глупыми вопросами, И. Е. Ермолова сообщает далее, что к концу описываемого ею периода вожди и старейшины «выражают интересы не только родоплеменной верхушки, но и всего народа, так как завоевательные походы не только увеличивают их богатство и влияние, но и сглаживают противоречия внутри гуннского общества за счет грабежа покоренных племен; война и организация для войны стали регулярными функциями народной жизни, в войско входят все боеспособные гунны» (Древнейшие государства на территории СССР, 1982, с. 229-238).

Казалось бы, давно пора привыкнуть к бесплотной ткани академических рассуждений, не имеющих ничего общего с реальностью – а все равно поразительно. О каком народе говорит И. Е. Ермолова, если, согласно ее заключению, никто из гуннов не работал и ничего не производил (в ее статье об общественном строе гуннов нет ни слова о его связи с экономикой), если и вожди, и масса были озабочены только одним – как бы получше организовать, чтобы успешно ограбить очередную жертву и тем самым избежать «внутренних противоречий»? Но тогда, как мы уже говорили, следует вести речь о скопище бандитов. Как и чем могла закончиться история такого нехорошего народа? Уже в V в. он рассеялся, растворился среди других, хороших; как сказано, гунны «бесследно исчезли с исторической арены» (История СССР, с. 326).

Однако есть и другое мнение. «Что же до «напрочь исчезнувших гуннов», то средневековые армянские историки преспокойно обнаруживают их в XIII в., в войске чингизиды Угедэя... Судя по всему, гунны чувствуют себя превосходно и вымирать вовсе не собираются» (Бушков, 2007, с. 141). Писатель А. А. Бушков явно не понимает академических тонкостей; но все специалисты, конечно же, сразу поняли, что речь идет об очередном случае анахронизма: тюркские народы и племена упоминаются в хрониках не тогда и не там гораздо чаще, чем другие этносы. Например, Якоб Рейтенфельс, изучив русские летописи, антинаучно сообщал, что в «1097 г. Коломанн, король венгерский, объявил русским войну, но был побежден Митсодемом, предводителем гуннов» (Бычков, с. 205). Книга Рейтенфельса вышла в 1680 г., в Падуге.

С ВЫСОТЫ ПТИЧЬЕГО ПОЛЕТА

Дотошный читатель вправе спросить: «Ну, хорошо, положение с освещением средневековой истории тюрков в российской и советской науке назвать удовлетворительным нельзя. Кому-то было досадно за «иго», кому-то хотелось посмотреть на соседей сверху вниз, кто-то писал под диктовку идеологов периода культа личности, кто-то уже по инерции. А как обстояло дело в странах буржуазной демократии, где с давних пор свирепствует свобода слова и мысли?». Конечно, ответить на этот вопрос с исчерпывающей полнотой никто не сможет, – слишком велик объем материала (не являясь специалистом в этой области – тем более); но можно, в качестве примера, рассмотреть какую-нибудь известную работу, в которой говорится об истории «кочевников». Обратимся к извлечениям из 12-томного труда «Постижение истории» (1934-1961) Арнольда Тойнби, одного из столпов европейской науки XX в.

Касаясь интересующей нас темы, английский историограф чаще всего употребляет термины «номады» и «кочевники» (евразийские). Причиной появления племен, которые вели кочевой образ жизни, Тойнби, обладая, как и многие его коллеги-академисты, спасительным даром ясновидения, считает наступление засухи в неких (не имеющих названия), прежде благодатных краях: «В первый приход засухи доземледельческие предки кочевников от охоты перешли к земледелию, превратив охоту в дополнительный и

вспомогательный промысел. А в период второго ритмического (? – М. Дж.) наступления засухи патриархи номадической цивилизации смело вернулись в степь и приспособились к жизни в таких условиях, в каких не могли бы существовать ни земледельцы, ни охотники. Засушливую степь мог освоить только пастух, но, чтобы выжить там и процветать, кочевник-пастух должен был постоянно совершенствовать свое мастерство, вырабатывать и развивать новые навыки, а также особые нравственные и интеллектуальные качества».

Это, конечно, очень интересно, особенно про предполагаемые изменения климата и мгновенные переходы населения степей от одного занятия к другому. Вначале у предков кочевников «земледелие дополняло охоту». Затем произошел первый «ритмический» приступ засухи, а когда положение стало лучше, население перешло к земледелию. Потом климат, по распоряжению Тойнби, резко изменился еще раз, и эти люди, «оказавшись в открытой степи», мгновенно охваченной засухой, полностью отказались от земледелия, как их смекалистые предки когда-то отказались от охоты, и стали заниматься скотоводством.

Откуда историку стало известно об этих изменениях климата и решительных сменах образа жизни, где и когда все это происходило, остается загадкой. Но если Тойнби прав, то предки этих «евразийских кочевников» - самые поразительные люди, каких видел свет. Были охотниками, потом стали земледельцами. Изменился климат – срочно изобрели скотоводство. Параллельно они вырабатывали у себя «особые нравственные и интеллектуальные качества». Интересно бы узнать, какие, и чем они отличались от качеств, которыми обладало все остальное человечество? (Коллега и современник Тойнби, советский академик Е. А. Косминский, как помнит читатель, тоже говорил об «особых качествах», которые вырабатывались у кочевников – страсти к разрушениям и страшной жестокости).

Историк утверждает, что «приручение животных есть искусство более трудное и высокое, чем domestикация растений» (в чем мы совершенно не уверены). И, далее: «Если земледelec производит продукцию, которую он может сразу же и потреблять (например, пшеницу? – М. Дж.), то кочевник, подобно промышленнику, тщательно перерабатывает сырой материал, который иначе не годится к употреблению». Конечно, тщательно; но не стоило ли историку подумать – как и когда? Попробуйте, скитаясь по степям, на ходу перерабатывать, хранить и перевозить молоко, кожи, мясо и т. д. Кроме того, стоит разразиться снежной бурей, и весь скот падет, вплоть до последнего ягненка. Стало быть, животных нужно было содержать в помещениях, гонять на водопой, кормить сеном и пр., о чем мистеру Тойнби не догадывался.

Однако человеку нужен и хлеб – а где его взять «кочевнику»? У земледельца, естественно, обменяв излишки своего производства на зерно. Но вот досада – зерно тоже придется возить с собой, да еще и хранить где-то, и перемалывать на примитивной зернотерке – мельницу-то с собой не прихватишь, а мука – продукт очень нежный, требующий бережного хранения. Или следует держаться поближе к оседлым земледельцам, пастырям злаков. Или самим заниматься и тем, и другим, и третьим. Но такие варианты у Тойнби не предусмотрены – это были бы уже просто скотоводы, а не кочевники.

Кабинетные люди не понимают очень простую вещь: одно только скотоводство, хоть кочевое, хоть не-кочевое, обеспечить весь народ ни работой, ни продуктами, ни оружием, ни средствами передвижения, ни всеми необходимыми продуктами питания не может. А ведь людям нужны еще и развлечения, и общение, у них есть родственники и друзья, и соплеменники, и, какая-никакая, но власть. Но английскому мэтру до всего этого и дела не было, логика надуманной теории «Вызова-и-Ответа» влекла его все дальше от

реальности. Согласно его схеме, степняки колебались не только в унисон с генеральной линией климата, но и «в соответствии с годовым циклом», «преодолевая немалые расстояния». «Круглый год кочевник должен искать корм для своего скота в суровой и скупой степи», кочуя «не только со своим стадом, но всей семьей, со всем своим имуществом». Поистине, эти бедные «северные кочевники» были самыми косными людьми в мире – если верить в тот образ жизни, который им приписали историки. Где древние скотоводы нашли бы корм для скота зимой, в заснеженной степи? Да и зачем они стали бы искать его, если степь была «суровой и скупой»? Или в ней имелись оазисы, в которых трава росла круглый год?

Далее он дает ответ на наш вопрос, заданный выше: «Кочевники не смогли бы одержать победу над степью, выжить в столь суровом естественном окружении, если бы не развили в себе интуицию, самообладание, физическую и нравственную выносливость». Это, вероятно, и есть те самые «особые нравственные и интеллектуальные качества», которые, по глубокой мысли Тойнби, непременно вырабатываются при кочевом образе жизни. Интересно, никто не интересовался у историка, благодаря чему те же качества развиваются и у других людей, «не-кочевников»? И если с тремя первыми свойствами все понятно, то, что такое «нравственная выносливость», я, например, не могу и представить. Более того, Тойнби делает абсолютно ни из чего не проистекающий вывод: «Неудивительно, что христианская церковь нашла в повседневной жизни номадической цивилизации символ высшего христианского идеала (образ «добротного пастыря»). Это просто поразительно: слова Иисуса Христа, который однажды образно назвал себя «добротным пастырем», приписаны христианской церкви, которая якобы нашла «символ высшего идеала» в повседневной жизни кочевников. Но в какой среде, в таком случае, Иисус нашел другие символы – ведь именовал же он себя еще и врачом, и виноградной лозой?

Предки кочевников, по мнению Тойнби, были весьма гибкими и фантастически изобретательными людьми, с изменением климата менявшими род занятий. Но вот кочевание оказало на их «нравственно выносливых» потомков пагубное влияние, почему-то навеки и необратимо лишив их чудесной способности к превращениям. Теперь, если они меняли образ жизни и переходили на оседлость, в душе они все равно оставались кочевниками. Т. е. от охоты и земледелия их гуттаперчевые предки отказывались очень легко, но от кочевых навыков отказаться почему-то не могли. Однако превращение все же происходило: «В том случае, когда засуха (вот же напасть! – М. Дж.) выталкивает кочевника за пределы степи и он становится «пастырем» местного «человеческого стада» (т. е. земледельцев, якобы кротких, как овцы. – М. Дж.), «новые пастыри скоро превращаются в трутней, которые живут эксплуатацией подчиненного населения».

Картина совершенно потрясающая. Как только (по заказу историка) начиналась очередная засуха, кочевники съедали свой скот и массами устремлялись на оседлых бедолаг, готовых подчиняться их воле, и начинали, по многолетней привычке, пасти уже людей (не могли они жить без этого). Земледельцы, не сумевшие вовремя выработать в себе «особые качества», безропотно соглашались (по приказу Тойнби) на роль стада, а завоеватели, еще вчера бродившие по степи, но каким-то чудом овладевшие навыками государственного строительства, спешно создавали «номадические империи» и превращались в трутней и кровопийц на шее у оседлого трудового народа.

Но благодаря чему им удавалось запросто одолевать земледельцев и ремесленников? Ответ Тойнби удивительно прост и удивительно нелеп – благодаря стойкости, выработанной в борьбе с природой и засухой: «Номадические империи могущественны, ибо силы, обретенной под действием стимула враждебного мира степи, хватает, как правило (? – М. Дж.), для завоевания оседлых народов». Следовательно, борьба с

враждебной природой делала людей сильными (а земледелие, наоборот – слабыми и обреченными). Почему степь представлялась мистеру Тойнби «враждебным миром», вполне понятно; но вряд ли она казалась такой самим степнякам и вряд ли они стремились «одержать победу» над ней.

Но вот что понять совершенно невозможно: борьба с «враждебным миром степи» должна была делать кочевников тружениками, способствовать обретению трудовых навыков и умений; однако, по мнению Тойнби, эта она почему-то делала из них воинов, потому они и побеждали земледельцев. В наиболее экстремальных условиях на Земле жили, наверное, не степные кочевники, а северные оленеводы - чукчи, эскимосы, ханты, манси, лопари. Почему же они не создали ни одной «рыболовецко-китобойной империи» ни у себя, ни на чужбине? А вот римляне и византийцы, закоренелые земледельцы-южане, взяли, да и покорили чуть ли не пол-мира, а потом «пасли» рабов и на протяжении столетий сосали кровь трудового люда ничуть не хуже самых лютых кочевников. Спрашивается, чего им не хватало – засухи-то у них не было (или изменений направлений циклонов, по Л. Н. Гумилеву). Ничего не сказал Тойнби и о том, вырабатывались у греков и римлян «особые качества» или нет, а если да, то что этому способствовало.

Но кочевники, как считал английский историк, подчинив оседлые народы, обладали силой только до поры, до времени. Паразитическая жизнь приводила бывших номадов, создателей могучих государств, к полному краху: «...номадические империи эфемерны, потому что с утратой стимула начинает исчезать и сила». «Особые качества, выработанные в условиях сурового физического окружения, неизбежно атрофируются в новых условиях, начинаются деградация и упадок»; этого момента и дожидались несчастные земледельцы. Прежде покорные подданные, «оправившись от шока, вызванного неожиданным, зачастую весьма грубым ударом» (! – М. Дж.) выходят «из летаргического оцепенения» и восстанавливают «свое нравственное самосознание» (вероятно, утраченное в результате шока, вызванного неинтеллигентными манерами кочевников-грубиянов).

Каков же результат? «Процессы эти рано или поздно приводят к тому, что незванные пастыри либо изгоняются, либо ассимилируются». Это и произошло, по уверению Тойнби, с аварами и гуннами в Европе. Авары, например, господствовали над славянами «по всей видимости, менее пятидесяти лет», что им самим «не принесло ничего хорошего». В чем заключалась эта нехорошость? По мысли Тойнби, угнетатели-кочевники, расслабившись, деградируют, а их «паства», хотя и находится в шоке и оцепенении, скоро восстанавливается, «поскольку она осталась на прежней почве и по-прежнему экономически продуктивной».

Одним словом, у «кочевников» было только два пути: или веками сражаться с враждебной степной природой, вырабатывая всякие там положительные качества, или, если раздражалась засуха, завоевать ближайших земледельцев, уселиться им на шею - и деградировать, что и произошло, например, с теми же аварами. «Когда славяне стали оказывать заметное влияние на православное христианство и западное христианство, авары влачили к этому времени жалкое существование на окраине венгерского выступа Евразийской степи, а через два столетия (! – М. Дж.) были и вовсе уничтожены Карлом Великим».

С чувством времени у корифея европейской историографии было совсем худо, как и с памятью на даты. Во-первых, в источниках ни о каком жалком существовании аваров ничего не сказано (захватив их казну, франки стали, как пишут хронисты, богатейшим народом Европы). Во-вторых, как можно было влачить его на протяжении 200 лет (!), находясь на одном из самых оживленных перекрестков континента, взимая огромную дань с Византии и нагоняя страх на всех соседей? В-третьих, разве жалкий народ

способен двадцать лет сражаться с такими противниками, как франки и южные славяне? В-четвертых, авары уничтожены не были, как и их государство (Карл Великий жестоко расправился и с язычниками-саксами, но ведь они никуда не исчезли); так и авары – по обычной практике того времени, они просто признали зависимость от Франкского королевства, да и то на некоторое время.

По ходу дела Тойнби подправляет и дополняет свою теорию, не обращая внимания ни на факты, ни на логику. Фундаментальным в его освещении истории кочевников остается одно положение: если народ однажды занялся «кочевым скотоводством» – все, пиши пропало, назад или вбок для него дороги нет. А вот и анализ причин «аварской гибели». «Авары и некоторые другие кочевники, - пишет Тойнби, - выходя из пустыни в области оседлого земледелия, пытались, правда, безуспешно, из пастухов переквалифицироваться в пастырей», - иными словами, пытались начать пасти людей. Но ничего не вышло. Арнольд Тойнби подсознательно (подозреваю, что не он один), вероятно, мыслил так: люди, которые пасли животных, должны были смотреть на побежденных иноплеменников, как на стада, которые «должно резать или стричь». Следуя такой аналогии, мы придем к выводу, что создатели земледельческих империй смотрели на покоренные ими народы, как на солому, которую после жатвы следует бросить в огонь».

И тут великого историка понесло на широкий простор еще одной аналогии, совершенно ни на чем, кроме интеллектуальной прихоти, не основанной. У кочевника-пастуха есть жвачные животные, которые кормят и одевают его, но есть еще и помощники – собаки, лошади и верблюды, «функции которых существенно отличаются от функции стада парнокопытных». Если в отношении предназначения собак утверждение Тойнби верно, то почему они попали в один ряд с лошадьми и верблюдами, совершенно непонятно. Конина и верблюжатина – такая же пища, как говядина или баранина. Из верблюжьей шерсти можно сделать теплые одеяла. Из копыт коней – прекрасные легкие кольчуги, и т. д. Сознательно или нет, но в своих дальнейших рассуждениях (видимо, не найдя для коней и верблюдов нужного места в развиваемой им аналогии), историк упоминает в качестве помощника кочевников только собаку.

Главная ошибка аваров состояла якобы в том, что они не попытались «обзавестись помощниками, через которых они могли бы управлять своими подданными по уже испытанной и привычной схеме». Т. е., чтобы их империя жила долго и счастливо, авары должны были нанять «овчарок» из местных жителей, обучив их пасти «стада людей» (словно это одно и то же). Получается, что авары пришли на Балканы толпой чабанов, не имея ни ханов, ни войск, никакого строя, но тут же сумели победить и германцев, и славян, и византийцев, заставили их платить дань и спешно создали свою империю! Если же к моменту прихода они все-таки представляли собой организованную силу, то как их владельцы пасли свой народ без «овчарок», сиречь помощников? Неужто в одиночку? И разве 250 лет существования Аварского каганата – это мало?

И другой вопрос: а что изменилось бы в судьбе авар, если, придя на Балканы, они вдруг догадались бы о такой спасительной мере? Ничего. Потому что выше Тойнби доказывал, что кочевников спасала от деградации только неустанная борьба с экстремальными природными условиями; иначе они непременно превращались в трутней, деградировали. Одним словом, «кочевники» выглядят не людьми, которые хоть изредка были способны мыслить и поступать сознательно, а просто некой безликой массой, игрушкой природы.

РАБЫ НА ТРОНАХ

По мнению Ибн-Хальдуна из Магриба, основателя науки социологии, средняя продолжительность жизни «кочевых империй» не превышала 120 лет. Арнольд Тойнби с этим мнением согласился, но вспомнил об исключениях. Вот-де, парфяне в I веке н. э. имели армию «из 50 000 воинов, среди которых только 400 были свободными»; у царя Сурена, который правил чуть раньше, в войске было 10 000 рабов. Благодаря такой внутренней политике, говорит историк, Парфянская империя просуществовала достаточно долго. Аббасиды в Багдадском халифате упрочили свою власть при помощи тюркских рабов; рабы-тюрки, именуясь царями, правили Делийским султанатом; тюрки-мамлюки, опять-таки рабы, сотни лет правили Египтом.

Но подумайте сами - могли ли цари быть рабами? И как можно считать рабами тысячи всадников-парфян, вооруженных самым современным на тот период оружием и сумевших разбить легионы Красса и Марка Антония? Какие такие рабские обязанности они исполняли? Какая сила способна была бы погнать их в битву, исход которой изначально ни для кого не ясен? Неужели те самые 400 человек? Так их всех очень быстро перебили бы. Почему бы этим воинам не обратить оружие против «рабовладельцев» и не обрести свободу (сила-то у них!)? Остается только руками развести. Если воинов или придворных называли «кул», то это тюркское слово означает не только «раб», но и «слуга»; ср. кар.-балк. *аскер кьуллукъ* «воинская служба» (но букв. – «воинское рабство»), *кьуллукъчу* «чиновник, служащий». Слово *къазакъ* в кар.-балк. яз. означает «рядовой воин» - и «раб» (в рабство-то обращали именно пленных воинов), но от него же происходит *къазауат* (от более древнего *къазагъат*) – «война, битва».

Тойнби даже не замечал, что полностью противоречил самому себе. Кочевники, по его схеме, бросив занятие кочевым скотоводством, должны были завоевать какую-нибудь приличную страну, набрать себе «овчарок» из местных жителей и править, с их помощью, как можно дольше. Но, вопреки историку, тюрки-мамлюки, например, сначала становятся «рабами» (т. е. просто наемниками) правителей оседлых египтян, воюют за них, гибнут в битвах, затем свергают своих владык и начинают править сами. Кто же здесь «овчарки» и кто – «пастыри»? Понять простую вещь, что вооруженное до зубов конное войско не может состоять из рабов, что мамлюки – это просто наемная гвардия, ни Тойнби, ни другие «канонические» историки не могут. Или не хотят.

Но можно вспомнить и о другом «исключении», находящемся в вопиющем противоречии с установками Тойнби – Османской империи, длительность существования и господство которой, как говорит историк, «над православным христианством была уникальной» - 400 лет (до 1774 г.), «не считая периода становления и распада» (итого – лет 600). Почему же турки-османы не превратились в трутней и не деградировали? Анализ причин их «уникальности» у Тойнби – нечто фантастическое. У него был предшественник, американский ученый А. Лайбер, выпустивший в 1913 г. «блестящее исследование» (Тойнби) оттоманской системы управления. Вот что писал американец: «Оттоманский правящий институт включал султана и его семью, придворных, чиновников, армию, состоящую из кавалерии и пехоты, которых готовили к службе в армии, при дворе и в правительстве. Эти люди владели пером, мечом и скипетром. Они выполняли все функции правительства, кроме функций правосудия, связанных с соблюдением Священного Закона. Наиболее характерной особенностью этого института было то, что его личный состав пополнялся в основном лицами, родившимися от христианских родителей».

По словам Лайбера, царская семья «могла справедливо считаться семьей рабов, потому что матери детей султана были рабынями; сам султан был сыном раба; его дочери выходили замуж за людей, которые носили титул визиря или паши, только пока это нравилось султану, тогда как титул «кул» или «раб» был постоянным». И опять остается

только недоумевать. Выходит, в Османской империи все было наоборот: рабы были царями. Остается написать, что «а цари – рабами», да только где их было взять в потребном количестве?

Да, в Османской империи происхождение из знатного рода ни во что не ставилось, и те же мамлюки Египта, выходцы из воинско-аристократической среды тюрок Северного Кавказа и Крыма, считали османских правителей деревенщиной, мужланами. Но эти простолюдины правили огромным государством, и османские визири и паши, именуя себя «кулами», имели в виду службу Богу и султану, а не свое происхождение или социальный статус. Если султан женился на какой-нибудь, не обязательно знатного происхождения, пленнице (а не на принцессе, как было заведено в Европе), это не означало, что его жена – рабыня. А если очень многие христиане в Османской империи совершали блестящую карьеру в политике или в армии, значит, они имели большие заслуги.

Но и Лайбер, и Тойнби буквально загипнотизированы простым словом *кѳул*. Американский ученый говорит: «Оттоманская система отбирала рабов и тщательно готовила из них управителей государства. Она брала мальчиков с пастбищ и от плуга и делала их супругами принцесс; она брала молодых людей, чьи предки веками носили христианское имя, и ставила их правителями великих магометанских государств, воспитывала из них солдат и генералов непобедимых армий, и они с восторгом сшибали крест и поднимали полумесяц».

В описании Лайбера эта система принимает черты некой мистической силы, наделенной разумом, которой, как в гипнотическом сне, повинуются десятки тысяч людей. Любой человек в Турции, независимо от своего происхождения и вероисповедания, мог добиться любых высот в политике, науке, армии и т. д. империи. Казалось бы, что здесь плохого? Ан нет: «Полностью игнорируя тот глубинный механизм, который называется человеческой природой, и те религиозные и социальные нормы, которые, кажется, диктуются самой жизнью, оттоманская система навсегда отнимала детей у родителей, лишала их семейной заботы, отказывала в праве на владение собственностью» и пр., и пр.

Но в чем же тогда уникальность этой системы? Разве в XVIII-XIX вв. русских крестьян не отдавали в солдатчину (на 25 лет), откуда они никогда не возвращались или возвращались инвалидами? Разве германские герцоги и короли не продавали своих солдат чужеземным владетелям, как пушечное мясо? Но этих солдат никто не делал ни правителями, ни генералами, не выдавал за них принцесс, и никакого восторга они не испытывали. Лайбер об этом почему-то не вспоминает (или это все-таки есть в его книге?). Сам Тойнби, полностью соглашаясь с американским ученым, отмечает: «Легко заметить, что сущность оттоманской системы заключалась в отборе и тщательной тренировке «овчарок», которые должны были держать в повиновении «стадо падишаха». Оттоманский общественный раб высшего уровня – это самая трудная, опасная, почетная и славная профессия, о которой только мог мечтать подданный падишаха». Выходит, подданные султанов мечтали о рабстве, но «общественном»!

Самое удивительное то, «что эти места предназначались лицам иноверческого происхождения». Свободных мусульман в этот круг не допускали, особенно выходцев из знатных семей. Но кто же тогда следил за работой всей системы? По Тойнби получается – только сами султаны, без опоры на какой-либо слой, сословие, класс: «Падишахи понимали, что если они однажды уступят и допустят этот свободнорожденный, а потому свободомыслящий элемент к власти, то возникнет острый конфликт между личностью и системой».

Очень странное это было государство, если верить Лайберу и Тойнби. Население – турки и другие мусульмане, много и христиан, но правили в нем люди не-турецкого и не-

мусульманского происхождения, да еще и рабы. Чьими же «овчарками» они тогда являлись и кто был их пастырем-хозяином, если власть принадлежала им же? (Иные авторы пишут, что турки являлись в этой империи национальным меньшинством, нецивилизованным крестьянством, а слово «турок» произносилось жителями городов с презрением; но разве в России слово «мужик», или «виллан» во Франции считались комплиментом?). Кто установил такую анти-национальную систему и почему турецкий народ с ней мирился?

«Ответ», который дает Тойнби, поразителен: «Создатели оттоманской рабской системы выработали средство, позволившее небольшой кучке кочевников, выброшенных из пределов родной степи и скитавшихся в чужой земле среди враждебного населения, не просто выжить, но и установить мир и порядок в этом чужом им обществе, входившем в фазу распада». Пришла в Малую Азию кучка беглых кочевников, среди которых были какие-то мудрецы; они придумали хитрую систему управления, и эта кучка бродяг навязала ее огромной стране – и не просто стране, а населению великой Византийской империи! Причем тюрки почему-то не собирались властвовать сами, нет, они стали учить государственному строительству людей из других этносов, которым зачем-то и передали всю власть. Надо ли говорить, что все это – лишь беспочвенные домыслы?

Далее Тойнби цитирует описание фламандским ученым и дипломатом Ожье Эселином Бусбеком (XVI в.) государственного управления Турции, в которой «...падишах брал в расчет только «деловые качества и природные задатки человека». «В Турции у каждого человека есть возможность выдвинуться. Высшие посты очень часто занимают детьми пастухов, и вместо того, чтобы стыдиться своего происхождения, они гордятся им и всячески это подчеркивают». «...турки получают награды, чины и административные посты как воздаяния за природные способности. Нечестные, ленивые и пассивные всегда останутся внизу, достойные лишь презрения. Вот почему туркам удалось не только стать правящей нацией, но и постоянно расширять свои границы». Это взгляд человека из другого мира, где все не так, что он и сознает: «у нас все зависит от рождения и все высокие посты распределяются только в связи с ним».

Бусбек явно симпатизирует туркам и даже восхищается ими (как и многие европейцы того времени); вот его описание военного лагеря Сулеймана Великолепного (1555 г.): «Что особенно поразило меня, так это выдержка и дисциплина. Никаких возгласов, шушуканья. Каждый был очень спокоен. Офицеры сидели...солдаты стояли. Самое примечательное зрелище – длинная шеренга янычар в несколько тысяч, которая, не шелохнувшись, стояла позади всех, и поскольку они были от меня на некотором расстоянии, то я некоторое время сомневался, люди это или статуи, пока наконец не догадался поприветствовать их. Они дружно поклонились в ответ на мое приветствие...».

Казалось бы, все это очень хорошо – сдержанные, занятые своим делом офицеры, дисциплинированные, ждущие приказов солдаты. Нет, это нехорошо, считает Тойнби, потому что опять видит за всем этим только то, что ему хочется увидеть: «Таковы были «овчарки», вышколенные оттоманскими «пастырями» (кто были эти пастыри и откуда взялись на голову туркам, Тойнби не говорит. – М. Дж.), чтобы удерживать в подчинении все православное христианство, а все западное христианство – в оцепенении» (Тойнби, с. 189-192). Но что сказал бы мэтр европейской и мировой историографии, если бы в турецком лагере царила неразбериха, стоял шум-гам, одним словом, сумятица и сутолока? Наверное, что-то вроде: «Азия-с! Порядку не знали». Все то же самое: не по хорошу мил, а по милу хорош. По мысли Тойнби, что бы ни делали тюрки, в чем бы ни добивались успехов – все было не то и не так. Потому что – кочевники. Не могли они перестать быть ими, хоть и перешли к оседлой и даже к городской жизни сотни лет назад. Так и думали денно и нощно, чем бы и как бы навредить христианским народам. А тем, в особенности

англичанам, уж так хотелось облагодетельствовать всех ближних и дальних, что мочи нет!

Кроме несомненных достоинств, у великого историка, когда он пишет о «кочевниках», можно отметить и такой же несомненный недостаток: его воображение было полностью оторвано от опыта и действовало в созданном его эрудицией виртуальном мире автономно. Я не стал интересоваться подробностями биографии английского ученого, но чтение его труда наводит на мысль о том, что он никогда не пас овец или коров, не ходил в ночное, не строил жилищ, не пахал землю и пр. Однако недостаток личного практического опыта мог не сказаться в такой степени, если бы он представлял людей, об истории которых он повествовал, именно как людей, живших в сложных условиях и мысливших не менее сложно, чем он сам. Причина такой аберрации зрения, наш взгляд, в следующем. Чем больше территория государства и чем оно многолюднее, тем выше возносятся его правители и тем меньше для них значат не только отдельные люди, но и целые народы и племена, судьба которых приносится в жертву «государственным интересам».

Работа ученого-следопыта трудна – это дело кропотливое и долгое. Неудивительно, что многих ученых одолевает соблазн оторваться от вязкой и низкой действительности, воспарить над грешной землей, разом увидеть все происходившее когда-то. И из историков-следопытов они, незаметно для себя, превращаются в поэтов-романтиков, а затем, соблазнившись властью над воображаемым миром, и в правителей истории, начиная распоряжаться судьбами древних этносов: выводы следуют не из фактов, добытых по крупицам, а под уже готовые выводы и надуманные аналогии и схемы подгоняются отобранные факты: не как могло быть, а как должно было быть.

Тойнби взирал на историю степных народов как бы с высоты птичьего полета и они виделись ему некими пятнами на фоне контурной географической карты, пятнами, обладавшими коллективным разумом (вроде пчелиных роев). Да и сама эта карта была воображаемой: просто пустыня, просто степь и пр., без названий и без особенностей, отличающих любую местность от всех прочих. Как сказал один китайский живописец, легко нарисовать дракона (которого никто не видел), но очень трудно нарисовать петуха. Мыслить об условиях живой реальности для Тойнби оказалось гораздо труднее, чем править в мире абстракций. Как и для другого историка, который жил в другой стране и в других условиях, но мыслил об истории «кочевников» точно так же.

О РАБОТАХ Л. Н. ГУМИЛЕВА

Сами создав для средневековых тюрок образ бродячих пастушеских орд, ужасно воинственных, отсталых и косных, европейские и российские историки стали недоумевать: почему развитые, цивилизованные и сильные государства не могли справиться с ними? Пришлось выдумывать новые мифы – о «кочевых империях», неимоверно быстро плодящихся полчищах, их мгновенных и беспричинных передвижениях, неслыханной свирепости, тугих луках, и т. п. Или историософские схемы, с упором на «особую психологию кочевников». Но позже историческая наука к тюркоязычным «кочевникам» слегка подобрела, в основном, усилиями Л. Н. Гумилева.

В своей известной книге «В поисках вымышленного царства» он пишет: «Неправильно думать, что в кочевом обществе невозможен технический прогресс. Кочевники вообще, а хунны и тюрки в частности, изобрели такие предметы, которые ныне вошли в обиход всего человечества как нечто неотъемлемое от человека. Такой вид одежды, как штаны, без которых современному европейцу невозможно представить себе мужской пол, изобретены кочевниками еще в глубокой древности. Стремя впервые появилось в

Центральной Азии между 200 и 400 гг. Первая кочевая повозка на деревянных обрубках сменилась сначала коляской на высоких колесах, а потом выюком, что позволило кочевникам форсировать горные, поросшие лесом хребты. Кочевниками были изобретены изогнутая сабля, вытеснившая тяжелый прямой меч, и усовершенствованный длинный составной лук, метавший стрелы на расстояние до 700 м. Наконец, круглая юрта в те времена считалась наиболее совершенным видом жилища. Не только в материальной культуре, но также и в духовной кочевники не отставали от оседлых соседей, хотя литература их была устной».

Да, конечно, не отставали, хотя никаких таких кочевников в европейских степях никогда не было – были народы, занимавшиеся не только земледелием, но и скотоводством. В Западной Европе издавались книги, а в Европе Восточной тюрки создавали великие эпосы, и пусть они не печатались на бумаге, что из того? Зато они запоминались и столетиями передавались из уст в уста. И если даже в конце XX в. карачаево-балкарские фольклористы с удивлением обнаруживали, что многие старые крестьяне преспокойно поют целые поэмы о нартах или историко-героические песни (иногда по несколько) строк в 300 или в 500, не видя в этом ничего удивительного, то разве это не культура? В ответ на наше удивление и восхищение мы слышали: «Да что там я? Был в нашем селении такой-то имярек, вот он действительно был знаток! Мог начать какую-нибудь из песен о нартах утром и закончить в полдень, и при этом не ошибиться ни в одном слове». Это и есть подлинно народная культура, поскольку в ее создании и развитии активно участвовал весь этнос, а не только его отдельные представители. Кто заставлял «простых» крестьян в XX в. помнить эти поэмы, сложенные их далекими предками, якобы «дикими кочевниками»? И кто может сказать, сколько их, хранителей великого наследия, погибло в годы выселения и геноцида (1943 – 1957), не успев передать потомкам то, что они знали, ценили, любили?

Я, как и многие читатели, с уважением отношусь к Л. Н. Гумилеву и с немалой пользой для себя читал его работы; некоторые его идеи, на мой взгляд, имеют большое значение для развития этнологии (типы взаимодействия соседствующих этносов, понятие об этническом ритме, о феномене этносов-химер, и др.). Но мне не раз казалось, что я читаю сочинения не столько историка, сколько писателя и этнопсихолога, и что произведения Гумилева напоминают известную книгу Джавахарлала Неру «Взгляд на всемирную историю» или даже романы Александра Дюма или Валентина Пикуля, а в чем-то и работы Георгия Гачева. Нет, не из-за свободного стиля изложения, а из-за того, что их автор слишком часто не считал нужным доказывать что-либо; это как бы свободный пересказ канонической версии истории, на основе «теории пассионарности», сопровождаемый комментариями этнопсихологического характера.

Абсолютно уверенный тон – было так-то и то-то. Абсолютно смелая датировка событий – это случилось в таком-то году весной (или осенью, или в таком-то месяце). В нужный для историка момент разражается засуха, или циклоны меняют направление, или море отступает от берегов, или повышается влажность. Так же постоянны и беспричинны передвижения народов и племен: эти пошли туда-то, а на их место пришли другие, а те сдвинули тех-то; огромным массам людей, если верить Л. Н. Гумилеву, ничего не стоило мгновенно сняться с места, откочевать за тридевять земель и так же мгновенно освоиться на новых местах. Главный движитель истории – «пассионарность», как у Маркса – «борьба классов», а у Тойнби – «Вызов-и-Ответ».

Если нужно, целые народы вдруг, по неизвестным причинам (в результате облучения из космоса), приобретают «пассионарность» (энергоизбыточность и способность идти на жертвы во имя идеалов), или, наоборот, теряют ее, или передают потомкам, или не передают. То какой-то народ, «превратившийся в реликт» и вроде бы полностью

«утративший энергоизбыточность», вдруг вновь проявляет прыть, и историк сообщает, что в этом народе «проснулась древняя доблесть предков». Не имея ни карт, ни плана, «полчища кочевников», неизвестно кем снабжаемые оружием и пропитанием, бросив родителей, жен, детей и хозяйство на произвол судьбы, пускаются в дальние походы - потому только, что это взбрело в голову какому-то полоумному хану. Одним словом, целые народы выглядят шайками разбойников, сколотившихся из разного сброда, изгоев, у которых не было ни привязанности к родине, ни семей, ни традиций, ни имущества - дай только саблей помахать в дальней стороне. Заметим, что этот великий ученый сделал все, что было в его силах, чтобы утвердить в умах читателей совершенно беспочвенную историю о тысячелетнем исходе тюркских этносов с Дальнего Востока, откуда-то они вылетали один за другим, как голуби из рукава фокусника, и тут же начинали создавать копьём и мечом «могучие кочевые империи, управлявшиеся с седла».

Что же собой представляет все немалое творческое наследие Л. Н. Гумилева? Ответить на этот вопрос можно, учитывая место и время создания его книг: это ситуация глубокого кризиса, в котором находятся государственные идеологии и их составная часть — каноническая версия истории. В СССР, где слишком долго существовала монополия на истину, а глупость, или ложь, или заблуждение нельзя было называть их именами, а следовало солидно обсуждать и уточнять, этот кризис, вероятно, ощущался (и ощущается) острее, чем в какой-либо другой стране. Но Л. Н. Гумилев, видимо, искренне верил, что мировая история, какой она представлена на страницах академических трудов, стоит на твердом основании и осталось только свести концы и начала, заполнить пустоты. Фактически это была последняя (после Арнольда Тойнби) серьезная попытка спасти каноническую версию истории от неминуемого краха.

Показательно, что большинство работ Л. Н. Гумилева посвящено «кочевым» народам Азии, история которых была изучена относительно слабо. Здесь, как на полигоне, можно было развернуться, ввести, в качестве объяснения причины активности или пассивности этносов в разные эпохи, новую теорию (пассионарности, применить эрудицию, внести коррективы в устоявшуюся схему; осмысливая то, что было сказано до него, ученый попытался по-новому определить роль и место степных народов в мировой истории. Иначе говоря, задачу себе Л. Н. Гумилев поставил грандиозную — увидеть всеобщую связь исторических событий на громадном пространстве Евразии (на протяжении нескольких эпох) и ясно изложить свое видение человеческим языком, избегая научного жаргона. Таким же грандиозным оказалось его поражение.

ВО ВЛАСТИ ОБРАЗА

В самом начале XXI в. австрийские археологи под руководством Франца Зауэра обнаружили возле Вены захоронения авар. Воспользуемся статьей Г. Костылева (из Интернет), точно и остроумно комментирующего интервью с археологом, опубликованное в газете. «Франц Зауэр не строит иллюзий насчет разбойничьих нравов кочевников: «Скорее всего, авары периодически нападали на славянские селения, насиловали женщин, громили дома, опустошали закрома — и убирались восвояси в свои деревни». А как же иначе? Очень похоже, что представления Франца Зауэра о тюрках не выходят за рамки того, что ему сообщили в школе.

Замечательны были, в своем роде, умозаключения австрийского археолога о предметах, найденных во время раскопок. «Тут просто не знаешь, чему удивиться в первую очередь, - пишет Г. Костылев. - Ну, во-первых, удивляет (это мягко говоря) логика исследователя. Получается, дело обстоит так: если в женском захоронении обнаружены два-три простеньких украшения, это — аварка, пусть даже и знатного, богатого рода.

Если же сложные, дорогой работы кольца, подвески и браслеты — рабыня-славянка. Как хотите, но это классический случай потери ориентации в причинно-следственных связях. Противоречие видно невооруженным глазом. Причем это касается и мужских захоронений; следуя логике Канонической Версии Истории, получается, что наличие в могиле лошади автоматически означает, что в ней похоронен кочевник, то есть чумазый дикарь из кибитки, пусть и бедняк. Если же коня нет — славянин-«земляная сошка», пусть и разбогатевший, несмотря на регулярное ограбление аvarами».

И далее: «К тому же сказано, что «авары беззастенчиво заимствовали... способы изготовления полезных вещей, украшения, узоры». Но ведь это автоматически означает оседлость хотя бы части авар, что несколькими строками ниже невзначай признает и сам магистр (Франц Зауэр. — М. Дж.), в запале проговорившись о «деревнях аваров», в которые они «убирались» после грабежей. И потом, почему именно авары заимствовали, скажем, у германцев, а не наоборот? Откуда известно, что именно культура (читай — узоры на пряжках) германцев первична и автохтонна, а авары занимались плагиатом («беззастенчивым»)? Что первично: курица или яйцо? Лавина вопросов стремительно нарастает. А самый главный, на который хотелось бы получить ответ лично от магистра Зауэра: разве заимствование технологий и элементов культур есть что-то чрезвычайно редкое в человеческой популяции?».

Добавим: неужто все другие народы, заимствуя у своих соседей «способы изготовления полезных вещей», стеснялись и краснели от стыда? «Заодно обнажается, - говорит Г. Костылев, - еще один вызывающий недоумение подводный камень современного «кочевниковедения», застарелый, покрытый благородной патиной стереотип, согласно которому «кочевник» - непременно первоклассный воин. Такое мнение по меньшей мере безосновательно. Будь «кочевник» хоть трижды конник, он всего лишь крестьянин-скотовод, не более того. Между арамом-пастухом и конным воином дистанция огромного размера, и преодоление ее требует регулярных и длительных тренировок в составе взвода-эскадрона-полка и т. д., на что у «кочевников» нет ни времени, ни физической возможности, в силу особенностей того же кочевого скотоводства. Воин эпохи меча, копьа и лука мог быть только профессионалом. А ватагу не в меру расшалившихся пастухов десяток таких дружинников расшвыряет буквально голыми руками». (Вот прекрасный образец трезвого и конкретного мышления, подлинно научного, а не прячущего за научным жаргоном стереотипные, ложные представления).

«Между тем все становится на свои места, - продолжает Г. Костылев, - если из уравнения вычеркнуть «кочевников». Лично я убежден, что кочевых народов в, так сказать, автономном варианте, вообще быть не может. На мой взгляд, так называемые «кочевники» — не более чем профессиональная группа, занимающаяся отгонным скотоводством. Несколько обособленная, как и положено цеху, со своей специфичной субкультурой. Естественный продукт развития производительных сил и производственных отношений. И не могут они, будучи звеном неразрывной цепочки этих отношений, позволить себе ссориться с оседлым крестьянином или ремесленником. Женятся, крестят детей, хоронят покойников — всё делают вместе. Иногда, естественно, дерутся, — почему же не подраться. Наличие богатых украшений в женской могиле говорит не о национальности, а о принадлежности к знати, а конь — о принадлежности покойного к воинскому сословию, а еще вернее, опять-таки к знати, что, в общем, не так уж далеко одно от другого».

Заключение, к которому приходит Г. Костылев, полностью правомерно: «Послушать магистра - он много лет имел дело с аvarами, не раз испытал на себе их жестокость и коварство и знает им подлинную цену. Стороннему человеку они, конечно, могут втереть очки, но магистр иллюзий не питает. «Знаю я этих аваров, - веско цедит он сквозь зубы. -

Обязательно нагадят порядочному человеку... А что вы хотели? Азия-с!». Какую историю может создать человек, мыслящий о древнем народе по готовым стереотипам и видящий в людях, о которых пишет, однородную темную массу?

Какими красками живописали «кочевников» уже средневековые авторы, покажем на одном примере. Византийский писатель Евстафий Солунский пишет о половцах: «Это летучие люди, и поэтому их нельзя поймать. Они не имеют ни городов, ни сел, оттого за ними следует зверство. Не таковы даже коршуны, плотоядный род и всем ненавистный; таковы разве грифы, которых благодетельная природа удалила в места необитаемые». Если половцы сражаются с греками – значит, «грифы», за которыми следует зверство.

Со времен Евстафия прошли сотни лет, но в представлениях европейских авторов ничего не изменилось. Археолог Франц Зауэр, все тем же тоном очевидца говорит: «Жестокость воинственных кочевников тоже давала им определенный перевес над местными вителями... Авары, почуяв запах крови, зверели и убивали всех поголовно. Такой кровавый способ ведения войны наводил ужас на Центральную и Восточную Европу».

Конечно, комментировать здесь нечего и незачем. Но вот пример, рядом с которым все действительные и вымышленные зверства «кочевников» меркнут и гаснут: «В 1018 году христианская Болгария была разгромлена христианской Византией с жестокостью, вызывающей ужас и сейчас, спустя много веков. Престарелый Василий Второй успел войти в историю со страшным прозвищем Болгаробойца. В решающем сражении армия императора захватила в плен 28 тысяч воинов (называют и другое число). Василий, это свидетельствуют византийские авторы, распорядился отсчитать половину, эти 14 тысяч ослепили. Им вырвали оба глаза. Остальных тоже ослепили. На один глаз. И тогда император разделил пленных на пары: слепой получил поводья – и отпустил по домам» («Как крещена была Русь». М., 1989).

ПО ЗЕМЛЕ И ПО КАРТЕ

Научное исследование невозможно без воображения, эрудиции, опыта и логики; для историка особенно важно еще и конкретное видение событий, о которых он повествует, важно представлять себе, как они могли происходить в тех или иных конкретных природно-климатических условиях, и, конечно, всегда помня, что речь идет о людях с их насущными потребностями и возможностями. Но многие научные работы, в которых говорится о выдуманном тысячелетнем исходе тюрков на запад, так и пестрят экспрессивными глаголами и сравнениями: ринулись, устремились, обрушились, словно несомые ураганом, нависли грозной тучей и пр. Квинтэссенцию их представлений дают четыре строки из стихотворения Павла Васильева:

*Замолкни и вслушайся в топот табунный:
По стертых дорогам, по травам сырым,
В разорванных шкурах бездомные гунны
Степной саранчой пролетают на Рим.*

При чтении этих трудов создается впечатление, что речь идет не о передвижениях сообществ живых людей, а о каких-то стихийных бедствиях. Или о биомассах. Не народы, а стаи перелетных птиц. Или косяки рыб, идущие на нерест. Нет, хуже. Потому что у птиц и рыб есть цель, пусть и неосознаваемая. У тюркских племен, якобы «набегавших волнами» на восточноевропейские степи, даже этого не было. Просто шли и шли. Или

цель у них была, но никому не известная. Или говорят, что в поисках лучших пастбищ (причем обязательно в Европе).

Но есть у историков и другой, не менее сногшибательный ответ: гузы теснили печенегов, печенеги теснили хазар и т. д. - словом, «эффект карточной колоды», работавший только в одну сторону: самые слабые племена, получается, обитали на крайнем западе. Из Европы же никто никого на восток не теснил. Воевать, конечно, воевали, но таких перемещений не было – до прихода гуннов, которые никак не могли угомониться и там. Плотность населения в средневековой Европе была (как и сейчас) гораздо выше, чем в Северо-Восточной Азии. Казалось бы, люди должны двигаться туда, где просторнее, но тюрки, племя за племенем, поступали наоборот. Кто-то гонит скот, кто-то присматривает за детьми; глядишь – уже за Волгой, прошел месяц – за Доном, за Днепром, за Дунаем... О том, как переводили через них стада, как старики, женщины и дети преодолевали огромные реки, как они переносили жару и холод, болезни, «кочевниковеды», по-видимому, стараются не думать.

Простейший расчет: допустим, некое тюркское племя, возмечтав переселиться с опустылевшего Дальнего Востока на берега Днепра (о котором это племя и слыхом не слыхивало), собрало свои пожитки и тронулось в путь. В этом племени было всего 3 тысячи семей, в каждой по 6-7 душ (в среднем), т. е. около 20 тыс. человек; женщины, дети и старики, вероятно, ехали бы на телегах (по бездорожью), мужчины верхом. У них был домашний скот – кони, овцы, может быть, и коровы. К сведению уважаемых «кочевниковедов»: если бы это мечтательное племя двигалось, вздымая пыль, по пять человек в ряд, колонна растянулась бы километров на десять-пятнадцать. Кроме того, ни овцы, ни коровы мчаться галопом не могут, они должны пастись; устают и кони. Подумайте сами, сколько времени понадобилось бы «кочевникам», чтобы пройти 6-7 тыс. километров – передвигаясь по земле, а не по географической карте.

Во второй половине XIX в., откликнувшись на просьбы безземельных осетинских крестьян, царская администрация предоставила им наделы в Кубанской области (в Карачае) и выдала каждой семье по 15 рублей подъемных (цена 30 овец). К концу августа 1870 года 149 семейств собрались в сел. Ардон, чтобы вместе отправиться в путь. Им предстояло проехать по равнине от силы километров пятьсот. «Таким было начало трудного пути в Лабу, по свидетельству участника этих событий П. Д. Гагиева. Люди брали с собой домашний скарб, погружали его в арбы, запряженные быками, сзади привязывали корову. Коз и овец гнали рядом». «Дорога шла через Дигорию, а оттуда по дорогам Карачаево-Черкесии. Принимая во внимание транспорт, которым располагали осетины для переезда и тогдашнее состояние дорог, легко можно себе представить, с какими невероятными трудностями сталкивались люди в пути. Особенно уставали дети и старики от изнурительной жары днем и холода ночью. А когда шли дожди, положение становилось еще более сложным. Не хватало еды и питья. Приходилось делать частые остановки для привалов и ночлегов».

«На дорогу переселенцы потратили около двух месяцев. Прибыли на место только в октябре. Холода здесь наступали рано. Поэтому, несмотря на усталость, переселенцам пришлось сразу же побеспокоиться о зимовке». «Место это расположено на левом берегу реки Кубань, там, где в нее впадает река Теберда». «Особенно тяжелым для переселенцев был первый год. Зима в этом году оказалась особенно морозной. Никакого запаса продуктов и одежды не было. В довершение ко всему начал падать скот: сказались трудности дальней дороги, резкое изменение климатических условий (? – М. Дж.), отсутствие корма. Хотя люди и получили относительно большие участки земли (по 15 десятин на мужскую душу), но из-за нехватки рабочего скота не успели вовремя их вспахать, посеять, а затем и убрать урожай» (Берозов, с. 151-153).

Это реальное описание реального события. Напомню, что осетины-переселенцы двигались на запад в начале осени 1870 года, по благодатным равнинам Северного Кавказа, где корма для скота было в изобилии, как и воды, причем двигались по дорогам. Всего-то и делов – проехать 500 километров, в абсолютно мирных условиях, имея на руках еще и деньги, почти налегке. И было переселенцев, если считать по пять-шесть человек в семье, не более 700 человек.

Читатель может возразить: «Так то ж горцы! Им трудно передвинуться и на сто километров. А вот для кочевников-степняков никакие расстояния помехой не были». Тогда приведем другой пример. Никто не сможет отказать средневековым калмыкам ни в мужестве и энергии, ни в знании степи и умении жить в ней. Продвигаясь на запад и отчаянно сражаясь по пути с казахами и узбеками, они заняли в начале XVII в. низовья Волги - по договоренности с русскими властями, которым калмыки понадобились в качестве наемной военной силы в войнах с крымцами и ногайцами. О том, что произошло потом, Н. А. Жуковская пишет: «В 1771 г. часть калмыцких тайшей, недовольная все усиливающимся гнетом со стороны пр-ва России, ушла в Джунгарию, уведя с собой около 125 тыс. калмыков. Большая часть их погибла в пути» («Народы России», с. 179).

Тогда каким образом средневековые тюрки, племя за племенем, могли запросто пересекать необъятные пространства (и не 500 км, а несколько тысяч) – от Монголии до Волги, Дона, Днепра, Дуная, без дорог, часто по безводью, рискуя быть уничтоженными или ограбленными местными «североиранскими племенами»? Или аборигены повсюду встречали их хлебом-солью, предоставляя жилища для ночлега? Или их старики, женщины и дети не страдали от холода и не знали усталости, голода и жажды (как и скот), в едином порыве устремляясь на запад? Но ученые уверяют нас именно в этом: что за 1300 лет до калмыков и за 1500 до осетин-переселенцев десятки тюркских племен и родов добирались из своей таинственной прародины на Дальнем Востоке до границ Европы, двигаясь подобно вихрю; средневековые кочевые племена скакали по огромным просторам Азии (во всех направлениях), буквально, как блохи (особенно если верить Л. Н. Гумилеву). Им ничего не стоило покинуть родину, привычную среду обитания и неизвестно зачем пуститься в странствия на 5-6 тысяч километров (это по карте, а по реальной земле - в несколько раз дальше).

Приведем еще один пример, уже из нашего времени. «Все советские газеты в конце августа 1935 года восторженно описывали «БЕСПРИМЕРНЫЙ ВО ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ» конный переход тридцати туркменских всадников в Москву из Ашхабада. Вот выписка из газеты «Известия». *«Почти четверть своего пути – тысячу километров – они прошли по безлюдной пустыне, по пескам и скалам, где нет ни дорог, ни растений».* «Природа испытывала стойкость людей и выносливость коней. Но всадники безостановочно шли вперед. Укладывали на целые километры дорогу саксаулом, который собирали в степи. Сбрасывали с собственных плеч халаты и укрывали ими лошадей. Отдавали последнюю воду из походных баклаг своим четвероногим друзьям». «Рыли колодцы, искали, когда иссякал фураж, дикорастущую люцерну, рвали ее руками, собирая ежедневно столько, чтобы конь был сыт».

И вот их встречают в Москве, в зале заседаний ЦК КПСС, для награждения. «Вызываются вслед за этими конниками те, кто обслуживал героический пробег, обеспечил его успех. Это врачи, снабженцы, шофер, седельных дел мастера, радист, фуражир и другие» - всего 17 человек. «Итак, у славных джигитов были в распоряжении точные географические карты, по которым они знали даже и без дорог, по какому направлению надо ехать до ближайшего населенного пункта, где можно найти пищу и кров для 47 человек и корм для их лошадей. Они имели компасы, чтобы не заблудиться,

приехать к нужному населенному пункту, если туда не было проторенной дороги. Они имели рацию».

«Тридцать туркменов, совершив «мировой рекорд» приехали верхами из-за Каспийского моря в Москву в три месяца без шести дней, в самое светлое и теплое время года – в июне, июле и августе, когда день продолжается в среднем более 18 часов, а темнота – менее 6 часов. Поэтому они уже не возвращаются на родину конным путем, считая это физически невозможным. Ведь даже если бы они и обратно ехали только три месяца, то не приехали бы домой ранее декабря. А с конца октября и в продолжение всего ноября земля была бы покрыта снегом, а перед этим был бы период осеннего ненастья и слякоти». Авторы книги, из которой мы привели эти цитаты, делают абсолютно верный вывод: «Там, где является возможность сомнения, опыт всегда решает дело. Но не достаточно ли только что описанного опыта?» (Валянский, Калюжный, 2001, с. 242-244).

Полагаю, достаточно – но, смотря для кого; многие авторы, наверное, еще долго будут красноречиво описывать «ураганные нашествия» гуннов, печенегов, татаро-монголов и пр. Потому что все творцы академической истории, описывающие «кочевников», страдают одним и тем же неискоренимым пороком романтиков: им очень скучно вглядываться, вдумываться, представлять реальные условия, в которых жили те, о ком они сочиняют свои труды. Оно и понятно – реальность не позволяет передвигать «бесчисленные племена и народы» (кто их считал?) по своему произволу на тысячи километров и в любых направлениях. Не хочется им думать и о других низменных обстоятельствах - бездорожье, грязи, безводье, дождях и морозах, когда людей мучают голод и жажда, могут вспыхнуть эпизоотии или заболеть дети, палит зной, досаждают комары и мухи, могут напасть разбойники и пр., и пр.; то ли дело – «хлынули», «обрушились», «несомые ураганом» и т. п. - одним словом, романтика дальних дорог и ветер странствий!

Как и все диктаторы, «отец народов» любил говорить афоризмами. Рассказывают, что в 20-е годы, накануне каких-то партийных выборов, кто-то из его приближенных высказал опасение, что их итоги могут оказаться не в его пользу. Но Сталин, который уже успел принять нужные меры, спокойно ответил: «Важно не то, как голосуют, а кто и как считает голоса». Сотни тысяч честных тружеников науки трудились на раскопках, искали в архивах неизвестные ранее исторические источники, корпели над их переводами, бились над дешифровками неведомых писем и т. д., и т. д. Оказалось то же самое: важно не то, какие сведения собраны и о чем они свидетельствуют, а кто и как их интерпретировал.

ГЛАВА III. СКИФО-САРМАТЫ

СКИФО-САРМАТСКИЙ ГЛОССАРИЙ В. И. АБАЕВА

Мы рассмотрели, к появлению какой, весьма странной истории тюркских народов привело принятие академической наукой теории о принадлежности скифо-сармато-сакских племен к иранскому миру. Но, может быть, у лингвистов имелись достаточно веские основания для такого вывода, как и доказательные аргументы?

Еще в начале XIX в. догадавшись, что скифо-сарматы, слава Богу, были иранцами, а не тюрками, некоторые европейские и российские ученые приступили к обоснованию гипотезы, стремясь объяснить на почве иранских языков имена из эпиграфики Северного Причерноморья и имена скифов, сармат и алан, известные из письменных источников. Одним из пионеров в этой области стал Карл Мюлленгоф. Надо заметить, что высказывались и другие мнения. Вот что говорил, в частности, Г. Юргевич: «Ведь кроме собственно скифов, греческие города привлекали своей промышленностью купцов из

других стран, между которыми, вероятно, персы и армяне играли не последнюю роль. К тому же завоевание значительной части Таврики полководцем Митридата Диофантом, основание им крепостей Евпатории и Ктенуса и подчинение затем власти Митридата Боспорского царства царем Перисадом должно было усилить в греческих городах число персов, армян, иберийцев и других азиатских народов» (Миллер, 1886, с. 234).

Критически отнесся к работам Мюлленгофа и Вс. Ф. Миллер, считая, что немецкий ученый, чрезмерно увлеченный «иранством» скифов, пытается открыть его в именах, которые не принадлежали им, поскольку в греческих городах, имевших обширные торговые связи с малоазиатским берегом и греческими островами и колониями, могли быть представители многих других племен. Он писал: «Наконец, в упрек Мюлленгофу можно поставить и то, что, он в своих выводах идет дальше того, что дают факты: так, лингвистический разбор некоторых «варварских» имен несомненно обнаруживает на территории, занятой греческими колониями, присутствие иранского языка; но отсюда еще слишком большой скачок к выводу, что понтийские скифы были иранцы. Иранские имена принадлежали, как видно из надписей, лицам, которые занимали должности стратигов и жрецов, приносили жертвы греческим богам, говорили по гречески, определяли наградные венцы и статуи хорошим патриотам и т. п., то есть, были вполне греческими гражданами и сохранили только от предков «варварские» имена» (Миллер, 1886, с. 236).

Отмечая, что многие имена и особенно теонимы не имеют объяснения на почве иранских языков, Миллер пишет: «Основывать решение вопроса о национальности припонтийских скифов героотовых времен исключительно на лингвистическом анализе нескольких собственных и притом не всегда ясных имен, как это делают Мюлленгоф и Штигель, кажется нам весьма рискованным, ввиду того, что всегда можно предположить в данном случае заимствование собственных имен от других народов»; к тому же скифы часто сталкивались с иранцами в Мидии и Малой Азии во время своих походов (Миллер, 1886, с. 278).

Означает ли это, что сам Миллер, доказывая, что скифо-сарматы были ираноязычны, избежал указанных им же, а также и других ошибок при объяснении варварских имен жителей греческих городов-колоний? Отнюдь. Вот нелестная оценка, которую дал своим предшественникам В. И. Абаев; говоря о необходимости учитывать культурное содержание ономастики, т. е. думать о том, как и почему людей могли нарекать теми или иными именами, он отмечал: «Насколько мы можем судить, прежние исследователи (Мюлленгоф, Юсти, Вс. Миллер и др.) при разъяснении скифских имен совершенно не считались с этой стороной дела и были озабочены только подбором сходных по звучанию слов, не задаваясь вопросом, мог ли данный народ в тех условиях давать такие имена. **Отсюда множество чрезвычайно искусственных сближений, основанных на произвольных и отвлеченных манипуляциях словами и понятиями, без учета эпохи, культурного уровня, путей мышления; не видно, чтобы у авторов явилась мысль о том, что собственные имена могут быть выражением определенного, исторически обусловленного жизненного уклада и мировоззрения**» (выд. нами. – М. Дж.) – (ОИЯ, с. 321). На наш взгляд, это очень серьезные обвинения; но тогда почему иранисты выдвигали и выдвигают труды Мюлленгофа и Миллера в качестве железного доказательства иранства скифо-сарматов?

В. И. Абаев, кстати говоря, ничего не сказал о том, почему эти выдающиеся ученые «были озабочены только подбором сходных по звучанию слов», манипулировали «словами и понятиями, без учета эпохи, культурного уровня, путей мышления» и т. д. Не хватало квалификации? Таланта? Или у них были какие-то «высокие» цели, ради достижения которых можно было пренебречь требованиями строгой науки? При этом сам В. И. Абаев наивно полагал, что на основе сведений «античных» авторов мы имеем

достаточно живую и полную картину «быта и общественного строя скифов, савроматов (сарматов), массагетов, алан». «Родоплеменной быт с пережитками матриархата (савроматы), военная демократия – вот как рисуется этот строй в переводе на современную терминологию. Это – примерно строй моргановских ирокезов» (ОИЯ, с. 321).

На самом деле, конечно же, мы не можем иметь достаточно полную картину быта и общественного строя скифо-сарматов. Хотя бы потому, что это глубокая древность. И потому, что ни один из античных авторов не жил среди скифов или сарматов и не ставил себе целью изучение их языка и культуры; большая часть сведений, которые они передают, получена из вторых и третьих рук. Эти авторы являлись людьми своего времени, и смотрели на скифо-сарматов глазами жителей другого, непохожего, мира, со всеми его пристрастиями и предрассудками.

Кроме того, если и индейцы, и скифо-сарматы снимали с убитых противников скальпы, это еще ни о чем не говорит. Скифами правили цари, их страна была разделена на области («околотки»), каждый из которых имел правителя, чеканили монету и пр. Следуя подобной логике, нужно считать, что ацтеки, жрецы которых сдирали кожу с людей, приносимых в жертву, и европейцы, арабы и иранцы, которые иногда применяли подобный способ казни, тоже должны были иметь типологически сходные имена. На ономастику влияют не только образ жизни или какие-то традиции, но и многие другие факторы (история, верования, эстетические воззрения и пр.).

Что касается эпиграфики, то она, во-первых, из-за сложности этнической атрибуции, никак не может служить доказательством ираноязычия скифо-сарматов, а во-вторых, варварские имена неизбежно искажались в греческой среде и на письме. Желание непременно сделать любое слово иранским, привело Макса Фасмера, например, к такому странному объяснению варварского имени из Пантикапея:

АСАРОС – др. иран. *А-САРА* - «безголовый».

Вы можете себе представить человека, который назвал бы своего сына «Безголовым»? Если да, то вам эту книгу читать незачем, вы и так все знаете.

Перейдем к анализу глоссария В. И. Абиева «Скифо-сарматские наречия» (в книге «Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки». М., 1979). Эту работу постоянно выдвигают в качестве несокрушимого доказательства иранства скифо-сарматских племен; но у меня есть сильнее и не лишнее оснований подозрение, что она мало кем рассматривалась критически, и что многие исследователи просто принимали выводы Абиева и Фасмера на веру. Трудно найти более запутанную структуру исследования, чем та, которую мы встречаем в этом глоссарии. Имена собственные, как удостоверенные античными авторами, так и эпиграфические, т. е. принадлежавшие неизвестно кому, относящиеся к разным векам, этнонимы, названия предметов и т. д. сгруппированы на основе усмотренных В. И. Абиевым в этих именах и выделенных иранских корней; они следуют в алфавитном порядке и вынесены в заголовки словарных статей, а затем уже рассматриваются как производные от этих корней; поэтому одни и те же имена встречаются по нескольку раз. Мы детально рассмотрим глоссарий, но не в том виде, в каком он написан автором, а путем перекомпоновки по разделам внеся в его структуру ясность. Авторы этимологий имен и терминов указаны; этимологии самого В. И. Абиева оставлены без указания. Каждая словарная статья из глоссария приводится полностью и сопровождается нашим комментарием.

Очень важны два замечания. **«Определение, чем и как бы оно ни было выражено, может в осетинском только предшествовать определяемому, но никак не следовать за ним»** (выд. нами. - М. Дж.). «Вставка между определением и определяемым других членов предложения невозможна. Если разбить фразу на две части – группу субъекта и

группу предиката – то в осетинском все, что конкретизует субъект (определения и пр.) ставится предпочтительно впереди субъекта, а все, что конкретизует предикат (дополнение, обстоятельства) – впереди предиката. Эта связанность порядка слов весьма явно отличает осетинский от древнеиранского, или русского, или латинского, или древнегреческого» (Абаев, 1949, с. 113-114).

Здесь нет необходимости излагать историческую фонетику тюрк. яз., но кое-что сказать нужно, чтобы дальнейшее было понятно.

1. В древности тюрк. слова оканчивались на согласные, т. е. закрытыми слогами. Например, если сейчас говорят *ташлы*, *ташты* «каменистый», то прежде было *ташлыкъ*, *таштык*.

2. При устойчивом корне тюрк. слова отличаются изменчивостью окончаний, в них часты замены: Р - З - С - З - Т - Д (*къагъыт* – *къагъыз* «бумага»).

3. В определенных позициях Н, НГ, Г, КЪ, ГЪ изменились в Б, В, У, Ж, Й. Например, в туркмен. яз. имеем архаичное *таг*, *даг* гора, в кумык. промежуточное *тав*, в кар.-балк. – *тау*. Слово *бай* «бог; богатый, богач» звучало как *бан*, *бакъ*, *бах*. *Къаура* «бурьян» произносилось *къанграк*, *къахракъ*; *байракъ* «знамя» – *бахракъ*.

4. Отсутствовал звук *Ы*, заменивший в некоторых позициях другие гласные – А, О, У, Э, сильно исказив чистое звучание многих слов – *алтын* вместо *алтун* (золото), *гылыу*, *гылдуу* вместо *галдуу* (крыса).

5. До сих пор сохраняется в начале некоторых слов чередование Б-М: *бийик* – *мийик* «высота, высокий», *биз* - *миз* «шило», *база* – *маза* «сила».

6. В кар.-балк. языке два диалекта - карачаево-баксано-чегемо-холамо-безенгийский (чокающе-джокающий) и черекский (цокающе-зокающий). Различий между ними в лексике очень мало; оба, судя по всему, сосуществуют с древнейших времен. В этногенезе карачаево-балкарцев, вероятно, участвовало и какое-то племя, от йокающего диалекта которого в языке остались немногочисленные следы.

7. Категория рода в тюркских языках отсутствует.

Примечание: мягкий знак, по правилам кар.-балк. орфографии, не употребляется. Но, чтобы иноязычный читатель мог верно читать приводимые термины, иногда приводятся произносительные варианты.

МОРЯ И РЕКИ

На основе др. перс. *ахшайна*, осет. *аехсин* «темносерый» (ср. кар.-балк. *акъсыл* «белесый, светлосерый», от *акъ* белый), в глоссарии дается следующая этимология греческого названия Черного моря:

«**Аксеинос** в названии Черного моря *Понтос Аксеинос* (Пиндар, Еврипид, Страбон) «синий Понт», переосмыслено впоследствии в греческое *Понтос Эуксеинос* «гостеприимный Понт»; это остроумное разъяснение принадлежит Фасмеру. Переименование *Аксеинос* в *Эуксеинос* было «магической антифразой»: иранское слово *ахшайна* «синий» в греческой передаче стало осмысляться как *аксеинос* «негостеприимный». Такое название звучало для греческих мореходов зловеще, и они переделали его в *эуксеинос* «гостеприимный».

- Объяснение действительно остроумное. Но Фасмер почему-то не учел, что в древности (и в течение долгого времени) мореплавание было каботажным, вдоль берега. Черное море четко отделяется от Средиземного проливами Босфор и Дарданеллы. Вопрос: неужели греки, впервые пройдя в него, сразу же поплыли к берегам Скифии, наобум (поскольку этого моря еще не знали, а карт и компаса тогда не было), там переняли у скифов его название, и с тем и воротились? Но Черное море достаточно

велико, и нет сомнения, что греками оно осваивалось постепенно. И что же, за все это время (до встречи со скифами) они не давали ему никакого названия? Все это очень и очень маловероятно. В древности иранцы жили не только в Иране, но и на южном, малоазийском берегу Черного моря, знали его раньше греков, и должны были иметь его название. Скорее всего, эллины переняли у них и переосмыслили на свой лад др. перс. *ахшайна* «синий». Поэтому оба греч. слова ближе к нему, чем к осет. *аехсин* (якобы происходящему от скифской формы термина).

«*Дану* авест. «река», ос. *дон* «вода», «река». В отличие от осет., где значения «вода» и «река» совпали в одном слове *дон* (из *дан*), в скифском для воды было другое слово, см. *ап*».

- На основе осет. *дон* «вода, река» иранисты объяснили названия чуть ли не всех крупнейших рек Восточной Европы, и Дуная впридачу. Понятна ирония И. М. Мизиева: «Почему же в таком случае «алано-осетины» не смогли дать название реке, на которой живут и посейчас, именуя ее по-тюркски – *Терч* (от *терк* «быстрая»?)). Кстати говоря, у Геродота, в его подробном описании Скифии никаких гидронимов с элементом *дон* не упоминается.

В других иранских языках этого слова нет, а в значении «река» употребляются *руд* и *дарье*. «Если бы в авестийском или каком-либо другом нескифском языке существовало нарицательное слово *дану* «река», оно всплыло бы в каком-нибудь из новоиранских языков. Между тем, повторяем, нигде, кроме осетинского, это слово не обнаружено». «В названиях рек нескифского Ирана мы встречаем только *аб* из *ап* (*Сурх-аб* и др.) или *руд* из *раута* (Абаев, 1990). Между тем в Авесте это слово есть: благодеяния богини Арти называются «длинными, как *дану*». В. И. Абаев справедливо замечает, что возможен перевод «длинные, как река», но «реки бывают и длинные, и короткие», поэтому следует думать, что речь идет о какой-то определенной реке, «которая представлялась автору самой длинной из существующих». Он приходит к выводу, что речь идет о Сыр-Дарье, «причем скифское нарицательное *дану* «река» было воспринято в авестийском как собственное имя этой именно реки». У некоторых греческих авторов, в их описании походов Александра Македонского в Средней Азии Яксарт (Сыр-Дарья) именуется, как и Дон, *Танаисом*. Причем Арриан, например, знал, что это две разные реки.

В. И. Абаев дает следующее объяснение: «Общепризнано, что греческое *Танаис* представляет неточную передачу скифского *дану* «река». Поскольку на берегах Сыр-Дарьи обитали те же скифы, вполне естественно, что название *Танаис* «неожиданно» всплывает не только в Южной России, но и в Средней Азии», «азиатские скифы называли Сыр-Дарью «рекой», так же, как как и их сородичи в Европе – реку Дон», потому и в Авесте благодеяния богини Арти сравниваются не с рекой вообще, а именно с Сыр-Дарьей, которая представлялась авестийским племенам длиннейшей из рек.

Отсюда же у В. И. Абаева и объяснение двух этнонимов, встречающихся в Авесте – *тура* и *данава*. «Если авестийское *данава* означало «Сыр-Дарья», то нет никакой необходимости отделять от него *данава*- «племенное название». Последнее только и могло значить «сыр-дарьинец», а в сочетании с *тура* «сыр-дарьинский тур», т. е. «сыр-дарьинский скиф». *Тура* выступает в этом сочетании как общее, родовое наименование «скиф», а *данава* – видовое, «сыр-дарьинец». Ср. в русском общее наименование *казаки* и видовое *донцы*, *кубанцы*, *терцы*. Сыр-Дарья (Яксарт) была, по Эратосфену, границей между саками и согдийцами». Отсюда же и другой важный вывод: борьба между Ираном и Тураном, ярко отразившаяся в идеологии зороастризма (и в «Шах-намэ» Фирдоуси), «была борьбой между оседлыми восточно-иранскими племенами, с одной стороны, и их кочевыми сородичами – скифами, с другой» (Абаев, 1990, с. 32-34).

Со всем сказанным можно было бы согласиться, но нет ответа на четыре важных

вопроса. Почему в Авесте употреблено скифское название реки, а не свое, обычное (иранское) *дарья*, тем более, что река и сейчас называется *Сыр-Дарья*? Почему она носит такое название? Что означает *сыр*? Почему ни в одном иранском языке, кроме осетинского, нет слова *дон* «река»?

На наш взгляд, здесь мы сталкиваемся с несколькими лингвистическими казусами. Ср. кар.-балк. *тунакы* «непрозрачный, мутный», *тунакы жер* «глухое, безлюдное место», «неотчетливый, глухой звук». Отсюда вывод: скифское (тюркское) *тунакы суу* «мутная река» закономерно изменилось в *тунак суу*, *танак суу*, *танай суу*, которое иранцы Средней Азии переделали в *дан аб* (*данав*), в котором вторая часть означает на иранских «вода, река», откуда и этноним, означающий, таким образом, «сыр-дарьинец». Но созвучное *тана* означает в кар.-балк. «тёлка», как и *сыйыр* во многих тюркских языках означает «корова». Впоследствии тюрки, вероятно, позабыв значение первой части гидронима, осмыслили название как *сыйыр*, а иранцы (возможно, в эпоху возвышения Хорезма), добавили к нему свой термин *дарья*, и это тюрко-иранское слово утвердилось, уже навсегда.

Но кто такие *тура*, с которыми иранцы вели нескончаемую и яростную борьбу? В Средней Азии в ту отдаленную эпоху столкнулись две волны расселявшихся по ее территории народов: с северо-запада, из-за Волги и Урала туда продвигались саки-скифы (тюрки), с юго-запада, из-за Памира – иранцы (предки нынешних таджиков). Кар.-балк. *туура* означает «открытый, видимый» (*туура жер* «открытое место»); иными словами, это слово означало людей, живущих в степи, на равнине, в открытой местности. Кроме того, тюркское *кес* (*киш*, *киши*, *кизи* и т. д.) означает и «человек; мужчина», и «рубить, рассекать, отрезать»; но и *туура* имеет второе значение – «рубить, резать, сечь». Кроме того, *тур* (*таврис*, *таурис* и пр.) во многих индоевропейских языках означает «бык, зубр»; но тюркский этноним *огуз* (из *ок кур* «племя») случайно совпал по звучанию с *огуз* «бык», что и могло стать причиной именованя скифов-тюрков в устах иранцев – *тура*.

Заметим также, что якуты (в самоназвании которых – *саха* - звучит имя среднеазиатских и казахстанских скифов - *сак*) именуют некоторые свои реки *Корко-дон*, *Чон-дон* и пр. Откуда это «осетинское» слово взялось в солнечной Якутии? Разумеется, иранисты объяснят сей неприятный факт очень просто: некие тюрки, вторгшись откуда-то с востока, тут же ассимилировали несчастных саков-иранцев в Казахстане, переняли у них слово «дон», заодно прихватили и их славное самоназвание, а потом подались в Сибирь, под Полярный круг. Объяснение не хуже и не лучше других, выдвигаемых ими.

Можно думать, что в каких-то древних тюрк. диалектах понятия «влага, вода, река» обозначались словом *там*, *дам*, *тан*, *дан*; ср. кар.-балк. *тенгиз* море, *тамгъа* пятно, *там* «капать», *тамыз* «накапать; плеснуть», *тамычы* «капля, капель», *тамакъ* «горло, глотка», отсюда и значение «устье» (место слияния нескольких рек на территории нынешней Кабардино-Балкарии так и называлось – *Бештамакъ*, букв. «пять горл»), *тамышдыр* – «дать теленку пососать сосцы коровы», *тансыкъ* (вероятно, от *тамсыкъ*) «стосковаться», «жаждать встречи с кем-либо» и др. Первичная форма со временем обрела множество вариантов – *там*, *тан*, *дам*, *дан*, *дон* и пр., один из которых, видимо, и заимствовали осетины.

Ср. также имя кар.-балк. языческой богини, «матери воды» *Даметтир*, *Дам-эттир* из *дан-эттир*, букв. «влаготворительница»; этим же словом именуется птица, обитающая возле рек – оляпка. (В. И. Абаев неосновательно возводил название бесчисленных водных духов осет. мифологии – *донбеттыр* – к *доны* «водный» + имя апостола Петра («водные петры»!): поскольку апостол был рыбаком, то у осетин его имя якобы стало ассоциироваться с водой и водными духами). Куда подевалось прежнее, «дохристианское» именование «водных петров», иранисты не говорят.

«**Танаис** «название реки Дон» (Геродот, Страбон), русск. *Дон*, (из Дан); от реки получила свое название греческая колония на ее берегу *Танаис* «Танаида» (Фасмер).

- Предпочтительнее этимология с тюрк.: *Тынай суу*, *Тынай ус* – «тихая река». Не потому ли донские казаки, потомки половцев-алан (!) называли эту реку «Тихий Дон»? Следует учесть, что в древности звука Ы в тюрк. яз. не было, он заменил в некоторых позициях звуки А, О, У, Э. Поэтому название Дона должно было звучать еще ближе к зафиксированной греками форме *Танаис*: ср. *Танай суу*, *Танай ус*. Плиний (в 6 кн.) пишет: «Самый Танаис скифы зовут Сином». Но в кар.-балк. яз. *сын* означает «покойный, неподвижный, застывший», арх. «покойник», откуда и *сын таи* «надгробный камень», букв. «камень покойника»; ср. также *сын къатыб* «застыв (на месте)».

«**Данаприс** «название реки Днепр» (Анонимный Перипл и др.), русск. *Днепр*, старосл. *Дънепръ*; разлагается на *дан* + *апр*, где вторая часть = осет. *арф* «глубокий»; *дан-апр* «глубокая река».

- Этимология, вполне достойная внимания. Но: «В синтаксисе современного осетинского языка есть железное правило: определение, чем бы оно ни было выражено – прилагательным, существительным, числительным, местоимением – ставится всегда впереди определяемого» (Абаев, ОИЯ, с. 351). Поэтому название реки должно было звучать, как *Апрдон* (как это и есть в Осетии – *Урсдон*, *Гизельдон* и др.). Правда, в этой же работе В. И. Абаев сделал оговорку, считая, что в древности вполне допускался и иной порядок слов. Судить о правомерности подобного допущения не беремся, но все же стоит подумать о следующем. По уверениям иранистов, «аланы-иранцы» жили на Кавказе уже 2000 лет тому назад или еще раньше; т. е. с тех времен, когда якобы допускался и «иной порядок слов». Почему же тогда в названиях рек Осетии таких нарушений норм языка нет? Или, прийдя на Кавказ, скифы и аланы сразу же постановили инверсию никогда не применять? Этот гидроним вполне может быть искажением тюрк. *Тынбар*, *Танбар* «тихо текущий, спокойно текущий».

«**Данастер, Данаструс, Данастрис** «название реки Днестр» (Аммиан Марцелин, Иордан, Константин Багрянородный), русск. *Днестр*, старослав. *Дънестръ*; разлагается на *дан* + *Истр* «река Истр»; ср. *Истрос* «старое (фракийское) название Дуная»; подобный перенос названия с одной реки на другую – обычное явление; ср. две Двины, два Буга и др.».

- Следовательно, приведенное выше название – от предполагаемого «ирано-скифского» *дан*, *дану*, *дон* «река» + фрак. названия Дуная - *Истр*, неведомо что означающего: «река Истр». Кто поведал это название античным и средневековым грекам? Фракийцы? Но зачем они стали бы добавлять название Дуная к названию другой реки? Если же греки слышали его от скифов или сарматов, то получается, что те узнали непонятное им название Дуная у фракийцев, перенесли его на другую реку и прибавили к нему, на всякий случай, свое слово «река», которое было тут же подхвачено Аммианом, Иорданом и другими древними писателями. Все это совершенно неправдоподобно.

Тюрк. *тыныс*, *тыныч*, *тынч*, *тың* означает «спокойная». Вторая часть *тер*, *тар*, *таркъ* в каких-то диалектах означала «вода, влага, река». Ср. в кар.-балк. *тара* «размывать (берег)», *таркъай* «сякнуть, мелеть», *тагы* «исток», *тарт* «выпить, тянуть, всасывать», *тер* «пот», *терен* «глубь, глубина, глубокий», *тирмен* «мельница». Вероятно, отсюда же *черек* - один из терминов, означающих «река» (другие – *балыкъ*, *кам*, *кум*, *къобан*, *суу*). На наш взгляд, название Днестра – тюркское и происходит от *Тыныс тер*; поскольку звука Ы еще не было – от *Танас тер* «спокойная река».

«**Турас, Турэс** «древнее название Днестра» (Геродот и др.), собств. «быстрая» (Фасмер).

- Неужто Днестр такой быстрый, что именно это отличает ее от других рек в регионе?

Может быть, логичнее произвести от кар.-балк. *Туура суу* «видная издалека», «лежащая на виду»? А если непременно требуется отражение ее быстроты, то чем хуже кар.-балк. *Тири-суу*, *Тири-ус* «быстрая река»?

«*Данубиос* (Аристотель, Птолемей, Страбон), *Данувиус* (Цезарь, Тацит, Плиний) «название реки Дунай».

- Что означает вторая часть гидронима, В. И. Абаев не сказал. Вероятно, и здесь подразумевается, что «скифское» слово «дану» присоединено к «би» или «бий», из другого языка. Но нигде в источниках Дунай не именуется «би». Учитывая, что Дунай является крупнейшей из рек Европы, вполне допустимо думать, что это тюрк. *дан би* «князь рек». Предложим и другое решение. В кар.-балк. мифологии и метафизике есть термин *долай*, означающий, согласно представлениям древних, бескрайний океан-реку, окружающую всю Вселенную. Огромный Дунай, впадающий в Черное море, мог, вместе с ним, представляться ранним скифам именно частью этого мирового океана-реки. *Долай* очень легко могло перейти в *Донай*, *Дунай*, откуда и более поздние варианты (*тол*, *дол* «полный»; *толкжун* «волна»).

«*Оуарданес* «река Кубань» (Птолемей) = *вару-дану* «широкая река»».

- Вполне приемлемая этимология. Но и в фонетическом, и в семантическом отношениях ближе кар.-балк. *огъары дан* «верхняя река», «река, (текущая) сверху», учитывая, что Кубань начинается с заснеженной вершины Эльбруса. (Ср. название реки в Кабардино-Балкарии – *Аргудан* – из кар.-балк. *аргъы дан* «пестрая река»; ср. одно из названий форели – *аргъы чабакъ* «пестрая рыба»).

«*Сагарис* (Овидий), *Сагариус* (Плиний) «река Березань», букв. «где находят (*ар*) оленей (*саг*)».

- Насколько такое объяснение находится в согласии с нормами словообразования в осет. яз., мы сказать не можем. Нет у нас уверенности и в том, что именно окрестности Березани отличались от прочих ближайших мест большим поголовьем оленей. Объяснение на основе кар.-балк.: *Сакъ-агъар-суу*, *Сакъ-агъар-ус* «медленно текущая река».

«*Наракон стома* «один из рукавов Дуная в его дельте» (Арриан и др.), *Наракустома* (Плиний), *Нарэкос* (Аполл. Род.) = ст. ос. *Наараг*, ос. *Нараг*, афган. *Нарай*, англ. *Нэрроу* «узкий, тесный» (Фасмер)».

- Вполне возможно. Но нет никаких оснований возводить гидроним именно к осет. слову; оно могло принадлежать любому племени, говорившему на одном из европейских языков. Возможно и другое: что это искаженное кар.-балк. слово *айрымкан*, *айрыкам* «остров» (букв. «развилка реки»), искаженному в *наракам* и что подразумевался не рукав Дуная, а вся дельта – «разветвленная река».

«*Пората* «река Прут по скифски» (Геродот), *Аланус флувиус* «Аланская река» на древних картах; судя по осет. *форд* получило нарицательное значение «большой реки»; в скифский язык попало, возможно, из какого-то другого языка, так как надежных иранских соответствий не видно».

- В ОРС написано не *форд*, а «*фурд* – 1) большая судоходная река; 2) море», что не так уж близко к *Пората*. В ИЭСОЯ В. И. Абаев говорит, к тому же, что это слово неясного происхождения и «надежных иранских соответствий не видно». Скорее всего, это просто общеевропейское слово (ср. «фьорд»). К тому же Прут не самая большая в регионе река, чтобы означать еще и «море». К тому же этот термин означает «море» и в чечен. яз., и по территории Чечни протекает река *Фортанга*. Предки осетин могли занять слово *форд* у соседей, тем более, что иранских соответствий ему нет. К тому же в одной из дореволюционных публикаций сказания о Маргудзе говорится: «Скоро они переправились через Фурд», «Маргудз ускакал вперед, оставив пивоварный котел на

берегу Фурда». Примечание известного собирателя осетинского фольклора Джантемира Шанаева: «Осетины называют *Фурдом* прежде всего нижнее течение рр. Терека и Малки. Потом, это название перенесено вообще на большую и тихо-текущую реку» (Сборник сведений о кавказских горцах, вып. 3, с. 22).

«**Ропша**» название реки в б. Орловской губ.; ср. др. инд. *лопаша*-, ос. *робас*, *ровас* «лиса»; другое название этой же реки «Лисичка» представляет русский перевод старого скифского названия; что скифские влияния доходили весьма далеко на север, подтверждается и другими топонимическими данными (Фасмер)».

- С последним утверждением можно согласиться, с тем, однако, существенным уточнением, что скифы – это тюрки. Кроме того, откуда известно, что в древнерусском зверек всегда именовался «лисой»? Может быть, древнерусский термин звучал близко к древнеинд. и осет., имея в корне *руд*, *рудый* «рыжий»? В таком случае, Лисичка – это перевод на русский с древнерусского (а не с иранского). Кроме того, в Восточной Европе жили иранцы-хорезмийцы и ираноязычные евреи (см. ниже). Кроме того, в тюрк. яз. слово *ас* входит в название мелких хищников (ласки, соболя, горностая).

«**Борустенэс** «древнее название Днепра» (Геродот, Птолемей, Страбон) = др. иран. *Вару-стана* «широкая область»; ср. название «Великий луг» в нижнем течении Днепра (Фасмер). Сюда же «печенежское» название Днепра *Барух* (Константин Багрянородный) = ос. *уаераех*, *урух* «широкий».

- Неудовлетворительно. Река – это река, а область и луг, будь они широкие или великие, остаются областью и лугом. Иное дело, если бы название означало «река в широкой области» или «луговая река» («текущая через луг»). Выше мы уже говорили о кар.-балк. слове *там*, *тан*, *тын*, *тым* и пр., означавшем «вода, влага, сок». *Буруш тан* (*дан*) – «бурлящая река», подразумевалось, видимо, то, что составляло особенность Днепра – наличие порогов.

Что касается печенежского названия реки (которое Абаев тюркским почему-то не считает), то оно не слишком схоже с осет. *урух*; это, видимо, вариант, образованный от того же корня *бур* «кружиться, вращаться, сгибаться, вращаться, вилять, бурлить». Или же оно означает просто «поток», от *бар* – «течь, струиться»; *барыкъ*, *барукъ* «поток» (ср. совр. *балыкъ* – «река; рыба»). О текущей воде в кар.-балк. говорится именно *бар*, букв. «идти, двигаться, течь»; *укъ* – аффикс. Кроме того, у Геродота речь явно идет о двух Борисфенах, один из которых находится на Северном Кавказе (речка *Бургъустан* возле Пятигорска). Печенежское *Барух*, это, скорее всего, слегка искаженное кар.-балк. *Балукъ* (совр. *балыкъ* река).

«**Пантиканэс** «название реки в Скифии» (Геродот, Скимн); по мнению Фасмера, это же название носил у скифов Киммерийский Боспор, т. е. Керченский пролив, откуда и *Пантикапайон*» (наше объяснение см. ниже).

ГОРОДА И МЕСТНОСТИ

«**Арта** из *ард* – одно из важнейших религиозных понятий иранского мира, «божество», «олицетворение света, правды», др.-перс. *арта*, авест. *аша*, ос. *ард* «клятва», первоначально «божество, которым клянутся». На основе этого термина В. И. Абаев дает следующее объяснение топонима:

«**Ардабда** «аланское название города Феодосии в Крыму» (Анонимный Перипл Понта Эвксинского V в.), в переводе на греческий означало *эптадеос*, «посвященный семи богам» = *Ард-авд*; ср. ос. *ард* и *авд* «семь» (Фасмер); о другом старом названии Феодосии, Кафа, см. под словом *капа* «рыба».

- Этимология убедительная. Вопрос только в том, аланское ли это слово (в

первоисточнике сказано, что город называется так «на аланском или таврском». Оно вполне может происходить и из какого-то другого иранского, например, хорезмийского или согдийского. Аланы могли называть этот город по-ирански, но это совершенно не означает, что имя ему дали они и на своем языке. Но Геродот говорит не о семи богах у «царских скифов», а о восьми, причем в их число входят и три богини, а средневековые авторы сообщают, что аланы поклонялись только солнцу. Кроме того, в осетинском пантеоне богов гораздо больше, но в языке нет своих слов, означающих «бог», «божество», «богиня» (см. ниже).

«**Пантикапайон** «Пантикапей», крупнейшая греческая колония, на месте нынешней Керчи; название разлагается на *панти* «путь» + *капа* «рыба»; «рыбный путь»; поскольку речь идет о Керченском проливе, трудно было бы подобрать более удачное название: пролив этот был путем массового хода рыбы, а Пантикапей едва ли не крупнейшим в древнем мире центром рыбного промысла».

- Хорошая, но все же несколько искусственная этимология. Кроме того, как пишет В. И. Абаев (см. в ИЭСОЯ), слово *каеф* «рыба» на почве иранских объяснения не имеет. Предложу другую этимологию: это греч.-тюрк. название: *понт* «море» + *капу*, *капы* «ворота» = «ворота моря» или «морские ворота».

«**Кафас, Кафа, Каффа** «название города Феодосии в Крыму в источниках X-XI вв.»; быть может = алан. *кафа* «рыба»; Фасмер производит от др. иран. *кауфа* «гора»: однако о сохранении дифтонга АУ в эту эпоху не может быть и речи: он перешел в О, У, и мы имели бы *Кофа, Куфа*, но не *Кафа*».

- Этимология Фасмера (др. иран. «гора») представляется более предпочтительной. Возможные этимологии с кар.-балк.: *кѣбакъ* «большое укрепленное поселение»; *кѣапхакъ* «косогор, покато место».

«**Дандакэ** место на юго-западном побережье Крыма (Птолемей, Аммиан Марцеллин) = староос. *дандак*, ос. *даентаг*, авест. *дантан* «зуб»; речь шла, надо думать, о каком-то зубовидном выступе или мысе (Фасмер)».

- Исключать такую вероятность, разумеется, нельзя; но объяснение Фасмера - всего лишь предположение. Кар.-балк. *дан тагы* (в свете сказанного выше о первой части) означает «исток реки».

«**Фускэ** «приморский город восточнее устья Днестра» (Птолемей), ныне «Сухой Лиман»; ос. *хуск* обозначает специально сухую бесплодную землю; Начальное Ф в греческом – народноэтимологическое приспособление: греч. *фускэ* «пузырь» (Фасмер)».

- Понятно, что прибавить нам нечего: могло быть так, а могло и по-другому. Остается вопрос: кто дал городу это название – скифо-сарматы или ираноязычные выходцы с юга и востока (персы, согдийцы, хорезмийцы, евреи)?

«**Кусайон** название местности в Крыму (Птолемей). От *кути* (предполагаемого в скифском слова «собака»), ос. *кудз*, ягноб. *кут*, русск. диал. *кутя*, *кутенок* «щенок».

- Вряд ли кто из иранистов сумеет объяснить, по какой причине эта неизвестная местность должна была называться именно «Собакой», а не, скажем, «Коровой» или «Котом». (Как тут не вспомнить Козьму Прутова: «Не совсем понимаю: почему многие называют судьбу индейкою, а не какою-либо другою, более на судьбу похожую птицею?»). Можно предположить, что топоним восходит к кар.-балк. *кѣучакъ* (*кѣушакъ*, *кѣуцакъ*, с закономерным переходом конечного *КЪ* в *Й*) – «обхват, объятья, охапка». Возможно, местность эта узкая и закрытая со всех сторон. Но, может быть, все это только гадание, и слово объяснялось совершенно с другого языка – подтвердить-то нечем. Безапелляционность – не самое лучшее, чему можно научиться у твердокаменных иранистов.

«**Роксанаке** «столица саков» (Ктесий) – ос. *рохс* «светлый» + суфф. *-ан* + суфф. *-ак*».

- Для чего сакам (среднеазиатским скифам) понадобилось снабжать слово «свет, светлый» двумя суффиксами, и что, в таком случае, означает иранское название их столицы, понять невозможно. Во многих языках есть тюрк. слово *рысхы, ырысхы* «имущество, имение», неосновательно считающееся арабизмом. В кар.-балк. *рыс, ырыс* – «табу, запрет, запретный, неприкосновенный; примета». Происходит от *рос, рус* + продуктивный аффикс *-хы*. Отсюда, видимо, и слегка искаженное название сакской столицы – *Рос къала(къ)* «запретный город» (или «приметный город, видный город»). Или это *ораз къалакъ, ёрюз къалакъ* «счастливый город».

«**Сарон**» название местности на Борисфене (Днепре) (Птолемей). От авест. *sarax-*, ос. *саер* «голова».

- Это, опять-таки, только гадание. Название, возможно, было дано евреями; ср. библейское *Сарон (Шарон)* – название равнины, простирающейся от Кармила до Иоппии.

«**Согдайя**» «город на юго-восточном берегу Крыма», *Судак* = ос. *Сугдаг* (Фасмер); название принесено, повидимому, скифами из Средней Азии, где была иранская область и народность того же названия, др. перс. *Сугуда, Согдиана*, среднеиран. *Согд*».

- С предположением Абаева можно согласиться, с той, однако, поправкой, что название принесено из Средней Азии не скифами, которые никогда оттуда и не приходили, а самими согдийцами, народом торговым, как и хорезмийцы. Им, а также персам с южного берега Черного моря, и иранским и среднеазиатским евреям принадлежит большинство из того относительно небольшого числа иранизмов, которые встречаются в топонимии и антропонимии Причерноморья. Тюрк. этимология: *Суг даг, Суу даг* «гора в воде».

«**Харадз**» «название местности в Крыму» (Птолемей). От авест. *хара*, ос. *хаераег*, перс. *хар* «осел».

- Для иранистов достаточно простого созвучия, чтобы уверенно объявить любое слово иранским; «мировая наука» ничего предосудительного в этом не видит. Почему топоним *Харадз* должен был означать «осел» (или, скажем, «ослиное»)? Потому, что похоже на иран. *хара, хаераг*. Умозаключение, конечно, неопровержимое. Кар.-балк. *къараза* – «бойница», «смотровая щель» (от *къара* «смотреть, глядеть»).

ЭТНОНИМЫ

«Названия многих скифских племен, по греческим источникам, оканчивались на *-та (-таи)*: савроматы (сарматы), массагеты, саудараты, тиригеты, яксматы, тиссагеты, сайты и др. Как правильно отметил Вс. Миллер, это окончание *-та* сближается с осетинским показателем множественности *тае*, на которое оканчиваются все осетинские родовые наименования» (Абаев, ОЯФ, с. 37). Допустим, все это верно. Но как быть с тюркскими и угро-финскими этнонимами, которые имели такие же окончания: *юрматы, талматы, меркиты, конграты, мангыты* и пр.? И другое – является ли аффикс показателя множественности *-та* иранским (в этом сомневался уже Вс. Ф. Миллер), или осетины позаимствовали его у другого, не-родственного им народа? Потому что в некоторых тюрк. яз. этот показатель звучит почти так же – *та, да, тар, дар* (или *лар, ла*): – *адам-дар* «люди», *ат-тар* «кони» и т. д.

«**Амадокои** – «скифское племя» (Гелланик по Стефану Визант.) = *ама-адака*, букв. «сыроеды», «едящие сырое» (Фасмер)».

- Род мог называться по тотему, племя – по окружающему ландшафту («горцы», «приречные» и т. п.), по образу жизни или просто «людьми», «настоящими людьми» и пр. С чем мы имеем дело в данном случае, не сказано. Но вряд ли хоть одно племя (или род) стало бы именовать себя «сыроедами» (Фасмер не говорит, какую пищу

(предположительно), пренебрегая вареным и жареным, эти скифы ели в сыром виде и почему; далее нам встретятся и другие «североиранцы»-гурманы). Или это кличка? Неизвестно, поэтому нет и никакой уверенности в том, что этноним объяснен Фасмером верно. Со своей стороны, ничуть не настаивая, выделим в этом слове тюрк. *окъ, ок* «род». Первая часть могла означать что угодно и начинаться не только с А, но и с согласного звука в слабой позиции, например, с придыхательного Х, или с Т, или с К и т. д., например, *тамата окъ* «старший род», при стяжении – *таматок* «старший род», «главный род».

«*Савроматаи* (Геродот) – *сарматаи* (Скимн), *сарматас* (Плиний и др.) «сарматы» м. б. = ос. *сау-арм-а-та* «смуглорукие».

- В. И. Абаев вставляет осторожное «м. б.». Нет, такого быть не может. Неужто сарматы отличались от прочих племен именно смуглостью рук, а не, скажем, лица или других частей тела? К тому же ни один античный автор не говорит о таком их странном признаке. Поэтому более убедительным нам представляется другое решение. Этноним *савроматаи* по-греч. означает «ящероглазые», «с глазами, как у ящерицы». Понятно, что это результат неправильного осмысления названия какого-то племени. Какого же? Гунны имели несколько наименований, в их числе – *гунногур* (*оногур*), *гунгар*, *хункур*, *гунгаркес* (*кес* – «человек», ср. *тюркеш*). Но *гургункёз* по кар.-балк. как раз и означает «ящероглазый». Ср. также один из печенежских этноним – *кангар*, *кунгар* (откуда, видимо, и более поздние *конграт*, *канглы*).

«*Арсуатаи* – племенное название из европейской Сарматии; м. б., от ос. *арс* «медведь», авест. *арэша*».

- Неубедительно, по фонетическим причинам. Своей этимологии у нас нет. Возможно, речь идет об угро-фин. племени, в первой части этнонима – *арши*.

«*Арий* – сарматское племя (Епифаний Кипр) – арийцы (Фасмер)».

- Это, скорее всего, название угро-фин. племени *ари* (откуда и название современного города – Арск), а не относящихся к незапамятной древности ариев.

«*Тореккадаи* «сарматское племя» (Птолемей); во второй части *ад-* «есть»; в первой иран. *тури* «кислое молоко» (?) (Фасмер); или ос. *тура* «суп» (?)».

- Так чем же все-таки столь усердно питались эти «древние североиранцы», что именно из-за своих гастрономических пристрастий получили (неизвестно от кого) то ли название, то ли кличку – супом или кислым молоком? И неужто именно это было главной чертой, отличавшей их от прочих «млекоедов и конеядов»? Оба странных этнонима (*амадокои*, *торекатаи*) объяснены Фасмером на основе авест. *ад* «кушать, есть». На наш взгляд, *торекатаи* – это слегка искаженный и всем известный этноним *тюркют* (см. ниже).

«*Палои* «скифское племя» (Диодор Сиц.). От *бала* «военная сила», «дружина», др. инд. *бала-*, ос. *бал*» (в осет. яз. – «группа; отряд; стая»).

- Что племя могло называть себя воинами или дружинниками, вполне возможно. Но заметим, что в осет. яз. почему-то нет своих слов, означающих «дружина, дружинник», а есть недавние заимствования из русск. – *дружинае* и *дружинник*. Наше объяснение: от тюрк. *бал* (от *бар* – «идти, течь, двигаться»), означавшего «жидкость, вода, река»; ср. *бал* «мед», *балчык* «слякоть, жидкая грязь; строительный раствор», *балата* «дубитель, запарка для дубления кожи», *балаууз* «древесный сок», *балык* «река»). *Бал окъ*, в таком случае, означало «приречный род», «приречные», т. е. это могла быть часть тех же *савиров* или *суваров* (*сув ар* – «речные люди»), у которой понятия «река» и «вода» передавались через *бал* (ср. *балгар*, *булгар*; *гар*, *ар* «человек, мужчина»).

«*Дандариои* (Гекатей, Страбон), *дандари* (Плиний) «название народа в области нижней Кубани и Меотиды», из *дан* + *дар* «державшие реку», т. е. владеющие приречной областью: ср. *Дандариум* «название стоянки на берегу Бугского лимана»; совпадение не

случайное: и Ю. Буг, и Кубань известны древним под одним и тем же названием *Гипанис*; можно думать, что название *Дандар* «рекодержцы», повторяющееся и на Кубани и у Ю. Буга, относилось к одному и тому же племени».

- Последнее предположение не лишено вероятия. Но если термин *дан*, *дон* – слово тюркское, то и значение этнонима будет другим: *дандар* – «находящиеся у реки», «живущие у реки». Сюда же – кар.-балк. фамилия *Дандараевы*. Представители разных частей народа часто дают друг другу прозвища; многие из них представляют собой старые племенные названия, в таком качестве уже не осознающиеся. Так, холамских балкарцев называли *дондур-ла* (мн. ч.).

«*Агарос* «скифский царь» (Диодор Сиц.), *агарои* «скифское племя» (Аппиан) = *а-гар* «бодрствующий»(?)».

- Знак вопроса, поставленный В. И. Абаевым, правомерен, поскольку его этимология весьма неубедительна. Если имя царя и могло означать «бодрствующий», то как быть с этнонимом? Или все это племя страдало хронической бессонницей? У карачаево-балкарцев по сей день нерушимо сохраняется категорический запрет убивать или ранить, или даже тревожить красивого и ловкого зверька – ласку (*агъаз*). Причина – полное совпадение ее названия с именем предков, племени *акъ ас* «белые асы» (при слитном произношении – *агъас*, *агъаз*; Рубрук упоминает аланское племя *аас*). Но чередование Р-З (ротацизм-зетацизм) в тюрк. яз. – явление, хорошо изученное. Название ласки известно у карачаево-балкарцев и в качестве имени собственного (и детского прозвища); на наш взгляд, оно и звучит в имени царя.

Что касается этнонима *агар*, то здесь, возможно, зафиксировано его древнее звучание (*ас* в тюрк. яз. означает «род» - *акъ ар*, *акъ ас* «белый род», скорее всего, в значении «господствующий»). *Аслыкъ* (устар.) в кар.-балк. – «национальность», букв. «асство». Ср. ногайск. и алтайск. племенное название: *тёрт ас* – «четырёхродовые». Но наиболее вероятно, что *агар* - это самое раннее упоминание народа, хорошо известного в истории Европы – аваров, части гуннов. В кар.-балк. нартском эпосе упоминается царь народа *ауар* (в кар.-балк. звука *В* нет). Неподалеку от горы Эльбрус находится плато, именуемое *Ауар Сырты* («нагорье аваров»). Известно, что в древности многие племена именовали себя «настоящими людьми», отличая себя от других, настоящими людьми в их глазах не являвшимися. Мы полагаем, что в древности существовал пратюрк. этноним-самоназвание *хакъ ар* (*хакар*, *хагар*) – «истинные люди, настоящие люди». Вариант этого именованья сохранился – *хакас*.

По мере роста численности пратюрков и их дробления на племена, появления диалектов и говоров, первоначальный этноним неизбежно должен был изменяться. Одна линия изменения: *хагар* – *хаджар* - *хазар*. Вторая линия: *хагар*, *хангар*, *къангар*, *кунгар*, *хунгар*, *кунграт* и т. д. (т. е. гунны и печенеги, известные под этим именем в источниках). Третья линия: *хагар* – *хабар* – *кабар* – *кавар*; или *сагар* – *сабар* – *абар* - *ауар*. Эта линия раздваивается: *савар* – *савир* - *сувар* – *сувас*.

«*Агауои* «скифское племя» (Гомер и др.) = *а-гау* - «не имеющий коров»; не потому ли Гомер (Илиада 13, 5) называет их «доителями кобылиц», что лошади заменяли для них крупный рогатый скот?».

- Нет, не потому. Крупного рогатого скота это скифское племя лишилось только по причине таких натянутых этимологий. И кобылиц скифы (как и их потомки) доили не потому, что не имели коров, а чтобы делать кумыс. И конину ели вовсе не потому, что у не разводили овец и быков (по мнению археологов, тягловыми животными у скифов издревле были быки, см. выше). *Агауои* – это слегка искаженное написание предыдущего этнонима – *агарои* (авары).

«*Массагетай* «скифское племя», «массагеты» (Геродот), может быть = стар. ос. *ман-*

саг-а-та «люди-олени» (*ману-сака*), ос. *саг* «олень». В борьбе с ними, по Геродоту, погиб персидский царь Кир; по Диону Кассию и Аммиану Марцеллину – ближайшие родичи алан; разлагаем на *ман-саг* + показатель множественности – *та*, букв. «люди-олени», (из *ману* + *сака*); *ману* «человек», «мужчина»; обычно связывают это племенное название с авест. *масья* – «рыба» (Фасмер); однако теперь известно, что для «рыбы» на всей восточноиран. почве (в скифском, аланском, сакском, согдийском) господствовало слово *капа*. (Но ср. то, что Абаев пишет в ИЭСОЯ, т. 1, с. 576: «Происхождение слова *капа* неясно»).

- Мы склонны думать, что этноним происходит от тюрк. *бас сакта* «главные саки», с закономерным переходом *Б* в *М*. В др. перс. источниках упоминаются *саки-хаумаварга*, т. е. «саки-любители хаомы», опьяняющего ритуального напитка, фактически – «пьяные саки». Это явная калька: в некоторых тюрк. и иран. яз. *мас* означает «пьяный». Добавим, что и этноним *кипчак*, *кифчак*, *кифсак* народно-этимологически также означает «пьяный сак» (*кеф сак*). Не исключено, что иран. *хаумаварга* – простое искажение (на основе ложного толкования) тюрк. этнонима, встречающегося в источниках – *хунневар*, т. е. «гунно-авары» (*вар-хун*, *вархониты*).

Но в казах. *масақь* – «стрела; колос»; в киргиз. *машакь* «колос»; анализируемый этноним, возможно, от *масақьты* – «лучник» (этноним *садагарии*, от тюрк. *садақь* + *ар*, *эр* «мужчина, человек», возможно, является синонимом названия массагетов). Кроме того, слово *машакь* (*машук*) в кар.-балк. – название высшего разряда тенгрианских жрецов (варианты – *мачакь*, *масақь*), от *баши акь* «белоголовый, седой». Часть массагетов (аланы) были племенем, на который возлагалась охрана общетюрк. святилища *Шамбалыкь*, *Аякьала*, *Шамкьала* («святой город», «святая крепость») в Пятигорье, прием паломников и проведение там религиозных обрядов при наступлении священного месяца *Тотур* (аналогично функциям племени курейшитов в доисламской Аравии; см. ниже).

«*Матукетай* «скифское племя» (Гекатей по Стефану Визант.) = от ос. *маетых*, авест. *мадаха* «саранча», + показатель множественности *-та*; вероятно, тотемическое название».

- Конечно, тотемические названия могут быть весьма причудливыми. Одни племена могли именовать себя львами, тиграми, оленями, но иные – по названиям совсем ничтожных тварей. Но убедительной эту этимологию считать трудно. Саранча – не самое распространенное, мягко говоря, насекомое в Сев. Причерноморье. Кузнечик же именуется в осет. яз. по-другому – *цырцыраг*.

В тюрк. яз. древний термин «человек» – *кес*, *кас*, *киш*, *киши* («барс», откуда и *киштик* «кот, кошка», т. е. «барсик»), и т. д. Конечное *С* в них часто переходит в *Т* (*кес* – *кет*, *гет*); отсюда многочисленные в древних этнонимах окончания *кас* (обратное – *сак*), *кет*, *кес*, *гес*, *гет* (кар.-балк. *кесим* – «я сам», *киши* «мужчина; человек») и пр. – *массак-гет*, *тура-гет*, и т. д. Поэтому мы полагаем, что название племени происходит от кар.-балк. *батьу* «низменность, низина, впадина» + *кет* (*кес*) = «низинные люди», «люди, живущие в низине». Кроме того, кар.-балк. *батагьа* означает «сход, собрание, сходка, отряд», т. е. в древности оно могло означать просто «народ, масса» или «группа, род».

«*Мюргетаи*, *мургетаи* «скифское племя» (Гекатей, по Стефану Визант.) = от авест. *марэга*, ос. *марг*, *мург* «птица» + показатель множественности *-та*; такое племенное название могло иметь тотемическое происхождение».

- Следовательно, по иран. этимологии – «птицы». Но спасительная отсылка к тотемизму не срабатывает и в этом случае. Потому что тотемические названия конкретны; но какая, в этом случае, птица имела в виду? Так можно предполагать существование в прошлом племен, чьи названия означали, например, «звери», «насекомые», «пресмыкающиеся» и т. п. Скорее всего, это упоминание известного в средневековой

истории Средней Азии племени меркитов, мекритов; в частности, воины-меркиты в конце XIV в. участвовали в рейдах войск Тамерлана по Алании. Упоминаются в Скифии по той причине, что степи Восточной Европы являлись прародиной и плацдармом тюрков при их распространении на запад, юг и восток.

«*Реуканалои* «сарматское племя» (Птолемей), метатеза из *реуканалои* «светлые аланы», параллельная скифская форма к названию *роксоланои* = *раука* «свет, светлый» (ср. авест. *раошах*, др. перс. *рауша*, ос. *рухс*) + *алан* (Фасмер).

- С легкой руки Фасмера по страницам научных работ вот уже несколько десятилетий разгуливает байка про «светлых алан». Но с какой стати они назывались бы именно «светлыми», а не, скажем, «белыми»? Где же их пара, «темные аланы»? И есть ли вообще какие-либо иранцы, именующие себя сходным образом? Как, например, есть *акъ-ногъаи* («белые ноги») и *къара-ногъаи* («черные») – по сторонам света. В кар.-балк., кстати, одно из значений слова *ала* «пятнистый, пестрый, алый, заря» - «светлый».

Ничто не мешало иранистам коверкать этнонимы на свой лад, лишь бы сделать их иранскими. Так *роксоланы* античных авторов они объясняют на основе осет., как *рухс алан* «светлые аланы», при полном отсутствии алан «тёмных»; «неправильное» название племени *дагъсас*, *дугъсас* (у арабских авторов), с тюркского легко объясняемое как *дагъ (с)ас* «горное племя» или *догъуз ас* «девятиродовые», «удачно» исправляется ими на *рухсас* «светлые асы». Читаем, например, у известного источниковеда и историка Ю. С. Гаглойти цитату из Ибн-Рустэ, в которой сообщается, что «аланы делятся на четыре племени. Почет и власть принадлежат племени Дахсас (исправленному Блейхштейнером на *Рухсас*. – М. Дж.), а царь аланов называется «багаир». Имя это принадлежит всякому, кто у них царем».

Комментарии историка исключительно интересны: «Термин Рухс-ас (светлые асы) представляет собой хорошую параллель названию одного из алано-сарматских племен – роксолан (светлых алан). Эпитет рухс-ас (светлый) употребляется, очевидно, и в том, и в другом случае в значении «благородный», на что определенно указывают слова Ибн-Рустэ о том, что почет и власть у алан принадлежит племени рухсас (но у автора-то было *дахсас*. – М. Дж.). Что же касается титула «багаир», то нетрудно догадаться, что он является арабской передачей осетинского имени *багатур* «храбрец», «богатырь». Этим именем, являющимся по своему происхождению монгольским или тюркским, которое зафиксировано в знаменитой Зеленчукской надписи под именем Пакатар, грузинские источники называют исключительно осетинских (овских) вождей *Ос-Багатар* на протяжении с V по XIV век» (Гаглойти, 1966, с. 131-132).

Как говорится, своя рука владыка. Не нравится иранистам *дахсас* – исправляют в *рухсас*. Хочется этих «светлых асов» сопоставить со «светлыми аланами» - сопоставляют, не обращая внимания на их локализацию. Указывая, что Ибн-Рустэ - автор начала X в., Ю. С. Гаглойти все же сильно сомневается, чьим словом является указанный у него титул аланских царей (и «осетинских» вождей, с V в.!) – «багаир», «багатур»: монгольским или тюркским? Или Гаглойти, вероятно, допускал, что титул является монгольским, затем его переняли тюрки и принесли на Кавказ, где он до того понравился «алано-осетинам», что они тут же выбросили свой, исконный термин (поэтому его никто не знает), и на протяжении целого тысячелетия титуловали своих вождей только по «тюрко-монгольски». Но еще В. В. Татищеву было известно, что *роск-алайни* - это финское именование шведов (т. е. варягов русских летописей), где *алайни* означает «народ». Первая часть этого слова (*роск, руск, руски*) из имени верхушки древнерусского общества стала именем народа. Михалон Литвин, хронист XVI века, кстати, приводил в своей работе роксоланскую (варяжскую, шведскую) поговорку о холмах Киева, «с которых видно далеко». Откуда он мог знать поговорку давным-давно до его времен бесследно

исчезнувшего «древнего ираноязычного» племени?

«**Саударатаи** «племенное название» (Ольвия) = ос. *саударата* форма мн. числа от осетинского *саудар* «носящий черное»; ср. ос. родовое название *Алдарата* от *алдар* и т. п.; стало быть *саударатаи* «носящие черную одежду», *меланхлойнои* (Фасмер)».

- Недостаток этой, внешне вполне убедительной, этимологии – неясность со словом *сау, шау*: является ли оно иран. (осет.)? В кар.-балк. яз. *сау* означает «цельный, без частей; здоровый», *шау* «черный; гибельный». Восходит к *сакъ, шакъ, шах*. Отсюда слова *шакъа* «чернила», выражение *кюню шау болду* букв. «его солнце почернело», название с. В. Балкария - *Шах Малкъар*, букв. «Черная Балкария», т. е. Большой Малкар (син. *Къара Малкъар*) и пр. Но если это слово иранское, то этноним может оказаться просто калькированным переводом тюркских этнонимов (на язык иранцев, проживавших в Причерноморье – хорезмийцев, согдийцев, ираноязычных евреев).

Например, *къаракъалпакъ* (ед. ч.) означает «черная шляпа» (тюркское племя Черных Клобуков, хорошо известное по древнерусским летописям); но легкая и закономерная метатеза *къаракъаплакъ* сильно меняет смысл этнонима – «носящие черное». (Кстати, Лукиан, в диалоге «Токсарис», говоря о скифах, делит их на «шляпоносцев» и простых; но в осет. яз. своего названия шляпы нет). Отсюда же украин. *капелюх* «шляпа, колпак». Ср. также кар.-балк. название простонародья – *къарахалкъ*, букв. «черный народ», созвучное *къаракъалкъан* «черношитные».

«**Сагадарес** «племя на Дунае» (имп. Юлиан) = *сака-дара* – ос. *саг-дар* «имеющий оленей»; возможно, сюда же (с метатезой) *садагариин* «народ, поселившийся после смерти Аттилы в Нижней Мезии» (Иордан)».

- Здесь явно читается название азиатских скифов – *сак, саха* + афф. мн. ч. *дар* (отсюда известный тюрк. этноним *чагъатай, сагъатай*). Или это вариант предыдущего этнонима – *саудар*. Или от *садакъ ар (эр)* «лучники». Или от *сатукер* «купец, торговец» (совр. кар.-балк. *саудюгер*). Что же касается иран. этимологии и владения оленями, то скифы на Дунае вряд ли занимались оленеводством. (Желая сделать скифо-тюрк. этноним *сак* иранским, иранисты постоянно и неосновательно приписывают скифам наклонность к этому занятию; следовало бы проанализировать «оленью» тему в глоссарии отдельно).

«**Сака** «олень», ос. *саг* «олень», собств. «ветвисторогий», «сохатый», от *сака* «ветвь, сук»; ср. др. инд. *сакха* «сук», перс. *сах* «сук», «рог», литовс. *сака* «сук», «ветвь», «олений рог», латыш. *шак* «вилы», русск. *соха, сохатый* «олень», ср. ос. *сагойнае* «вилы» при *саг* «олень»; отсюда тотемическое племенное название *сака* «скиф», «принадлежащий к тотему оленя».

«**Сакаи** «скифское племя» (Геродот), др. перс. *сака* «скиф» = «принадлежащий к тотему оленя»; ср. *закатаи* (вместо *сакатаи*?) племя в Азиатской Сарматии (Птолемей)».

- Да, тотемизм для иранистов оказался весьма кстати: по Великой степи разгуливали, по их мнению, племена «людей-олений», «людей-птиц», «людей-саранчи», вместе с «чернорукими», «сыроедами» и «супоедами». И хоть бы одно из них, «северо-иранское», сохранилось - нет, всех, кроме алан, ассимилировали, вытеснили или уничтожили тюрки, потом еще и присвоив все «иранские» самоназвания. Например, нахальные якуты своевольно наименовали себя «саха». Соседние народы Кавказа, в том числе и сами осетины, бездумно кличут асами, аланами, овсами, осами карачаево-балкарцев и кумыков. Угро-финны Поволжья называют су-асами (приречными асами) волжских татар и чувашей. И т. д., и т. п. Такие вот были помрачение и проруха на всем протяжении Северной Евразии. Но историческая наука вскрыла эти заблуждения и не дала «северо-иранцам» потонуть во мгле времен.

Название саков – это все же тюркское (и очень многозначное) слово, от основы *сакъ*: «охранять, быть настороже, сохранять, избирать, голова», и пр. От какого из них нужно

производить этноним, остается только гадать. Можно предположить также, что оно от обратного произношения древнего *кас* «человек». Ср., например, слово *суу* «вода, река», но в тех же значениях есть слово «ус» (скажем, река *Яман-ус*). Или диалектное *усаб* «жажда», вместо *суусаб* (в карач.-балк. яз). И, конечно, приведенное у Птолемея племенное название *закатаи* или *сакатаи* – это не что иное, как *чагатаи* (якобы по имени одного из сыновей Чингиз-хана). Добавим, что и окончание *тай* во многих этнонимах может оказаться усечением тюрк. *тайпа* (в кар.-балк. озн. «племя»), от *такъпа* «связка» или *талпа* «масса, толпа».

«**Фиссагетай** «савроматское племя» (Геродот), более старая форма *турсагетайе* (Валерий Флакк) = (из *тура-сака-та*) «туро-саки» или «быстрые олени». Ср. др. инд. *тура-*, перс., курд. *тур* «ярый».

- Осмелюсь возразить: все олени (кроме разве что больных) – животные весьма быстрые (уж не знаю, как там у них с яростью), и зваться таким странным именем этому племени было незачем (или есть еще и «медлительные олени»?). А если бы иранисты, для подтверждения своей этимологии, кроме перечисленных языков, обратились еще и к древнеполинезийскому или суахили, то, не исключено, основание их этимологии было бы еще прочнее. Кар.-балк. этимология: *тур* «быть, пребывать, стоять» + *сакъ* «настороже», + *гет*, *кет*, *кес* «человек»; «стоящие на страже, стражи». Возможно, это племя располагалось на одной из границ, и ему поручалась ее охрана.

«**Сиракои** «сираки, скифское племя в области нижней Кубани» (Страбон), ср. ос. *сираг* «идущий, танцующий плавно», «иноходец» (о лошади)» сюда же собственное имя из Ольвии *Сирахос*».

- Каково же, в таком случае, значение этнонима «сираки»? «Плавно ходящие»? «Плавно танцующие»? «Иноходцы»? И неужели отличительной чертой представителей этого племени была исключительно плавная, танцующая походка? Но сам же В. И. Абаев в ИЭСОЯ указал, что осет. *сираг* по происхождению – тюркское слово. Какое коварное тюркское племя во времена Страбона прокралось в Прикубанье, дало название скифскому племени, а потом спряталось до лучших времен? Конечно, ни «плавно танцующие», ни иноходцы или рысаки к этому этнониму не имеют никакого отношения. Сираки – это слегка усеченное название тюрк. племени *черкас*, *черкес*, *серкес*, *черукас*, *черкас* и пр. Казахи-черкесы благополучно живут в Западном Казахстане и сейчас. Термин происходит от *чериу кес* «войсковой человек, воин, дружинник». Или это, возможно, опять же тюрк. *сарык-кес* «рыжий человек» – может быть, прозвание половцев, отличавшихся светлым цветом волос, что и было переведено на древнерусский словом «половый», откуда и «половцы». Что касается имени *Сирахос*, то оно, скорее всего, принадлежало какому-то еврею (вспомните «Книгу премудрости Иисуса, сына Сирахова»).

Полагают, что сираки – это одна из частей ранних алан, вторая называлась *аорсами*; по мнению Вс. Ф. Миллера, от осет. *орс*, *урс* «белый». Допустим, это так. Известно, что средневековые тюрки использовали названия цветов спектра для обозначения сторон света (белый – восток, красный – запад, и т. п.), откуда и появлялись этнонимы, означавшие, скажем, «западные» или «восточные» имярек (ср. совр. *къараногай*, *акъногъай*, *сарыкюгуры* и пр.). Точно так же использовались цветовые обозначения для социальных групп – обычно эпитет «белый» прилагался к аристократии, а «черный» – к простонародью. Но в отношении ираноязычных народов нам о таком обыкновении ничего неизвестно. И если *аорсы* – это «белые», то где же «черные»? На наш взгляд, *аорс* – это греч. передача тюрк. этнонима *авар*, которое звучит как *ауар* (например, в кар.-балк. нартском эпосе герой Хмыч женится на дочери аварского хана (*ауар хан*). Поскольку *ас* в тюрк. яз. означало и означает «род, племя», то *аорс* есть искаженное стяжение из *ауар ас* «аварское племя».

«*Сарапарай* «фракийское племя» «головорезы» (Страбон: «сарапары звероподобны и неукротимы, живут в горах подобно скифам, отрубают головы и снимают черепа, что означает словом «сарапары»); название явно скифское, ср. ос. *саер-аеппар* «сбрасывающий головы» - «головорез».

- Хорошая, очень убедительная этимология. В. И. Абаев почему-то забыл указать, в каких краях обреталось это племя; его читатель может подумать, что если сарапары являлись частью фракийцев, то и жили во Фракии, в Подунавье; этноним явно иран., стало быть, речь идет об одном из колен «ираноязычных» скифов, сармат или алан.

Но в тексте Страбона сказано весьма определенно, что часть фракийцев, «называемая сарапарами, жила в Армении в соседстве с гуранями и мидийцами». «Сарапары звероподобны и неукротимы, живут в горах подобно скифам; отрубают головы и снимают черепа, что означает словом сарапары». Удивительно ли тогда, что племя (на каком бы языке оно ни говорило), живущее по соседству с Ираном, именовалось соседями по-ирански? Ю. С. Гаглойти, которому было надо снять это противоречие, подробно рассмотрев сведения о сарапарах, пишет: «Сарапары, конечно, ничего не имеют общего с фракийцами; об этом говорит как упоминание Плинием этого племенного названия (сарапарай) среди сако-массагетских племен Средней Азии, так и этимология этого наименования. Имя сарапар явно скифо-сарматское (! – М. Дж.). По осетински *саераеппар* означает «сбрасывающий головы», т. е. головорез (со ссылкой на В. И. Абаева. – М. Дж.). Из этого явствует, что сарапарами называли какое-то сарматское (скифское?) племя, проникшее в Закавказье».

Но в РОС (сост. В. И. Абаев) слово «головорез» почему-то переведено как *абыраег*, т. е. «абрек», с пометкой «разговорное». В противовес ему составители ОРС пишут иное: «*абыраег* – 1. абрек; разбойник; 2. уползший, поползший», а значение «головорез» почему-то опускают. Поэтому считать это слово древнеосетинским мы не можем. Однако Ю. С. Гаглойти, не обращая внимания на такие пустяки, продолжает: «Сарапаров под именем кефалотомов (греч. «головорез») знает и Плиний, который говорит, что между Диоскуриадой (Сébastополем) и Гераклеей живут ахейцы, марды, керкеты, за ними – серры и кефалотомы». Поскольку перечень племен Плиний ведет с юга на север, то трудно согласиться с Я. А. Манандяном в том, что это свидетельство Плиния относится к проникшим из Колхиды сиракам. Я. А. Манандян исходит из того, что рядом с сираками упоминаются кефалотомы, которые тождественны с сарапарами Страбона, живших в районах северо-западной Армении. Локализация кефалотомов (сарапаров) вместе с сираками (серры) за керкетами определенно указывает на районы Прикубанья, откуда сарапары вместе с сираками и могли проникнуть в районы северо-западной Армении» (Гаглойти, 1966, с. 95-96).

Ю. С. Гаглойти не замечает (или не желает замечать) сходства античного *сирак* и средневекового *черкес*, *шеркес*, названия сильного тюркского племени. Очень многие авторы XVIII-XIX вв., пытаясь дать объяснение второго этнонима, приходили к самому простому и неверному решению: якобы оно от иран. *сар* (*сер*, *чер*) «голова» + тюрк. *кес* «резать, отрезать» = «головорез» (ср. кар.-балк. *баишкес* «головорез»). Очевидно, Страбон и Плиний относятся к числу самых ранних авторов, которые знали эту ложную этимологию. Отсюда мы приходим к ясному выводу: и сарапары Страбона (в Армении) и Плиния (в Средней Азии), и кефалотомы Плиния (в Прикубанье), как и сираки (сиракесы, серкесы) – это средневековые тюрки-черкесы (т. е. западные казахи, касоги русских летописей), проникшие и в Заволжье, и в Закавказье. Ю. С. Гаглойти, вслед за другими исследователями, отмечает связанные с ними топонимы: Сиракenu в нижнем течении Куры (у Клавдия Птолемея) и древнеармян. область Ширак (Гаглойти, 1966, с. 96).

«*Хорсары* «скифское наименование персов» (Плиний); во второй части *сар* «голова»;

первая часть не ясна (вряд ли «солнце»); в целом название заставляет вспомнить позднейшее турецкое наименование персов *кызылбаши* - «красноголовые».

- Во-первых, *кызылбашами* называли азербайджанских тюрков, долго владевших Ираном, а не собственно иранцев. Во-вторых, скорее всего, *хорсары* - это тюркское (скифское) народно-этимологическое осмысление этнонима иранцев-хорезмийцев: *хораз ар*, *хораз эр* «петушиные люди, люди-петухи». Название Хорезма и его жителей (хорасмии) должно было ассоциироваться у тюрков с названиями петуха в своих диалектах (*хораз*, *кыттай*). Отсюда и страна *Китай* в средневековых источниках, которая не являлась той территорией, которую мы ныне называем так. Не из далекого нынешнего Китая (всеми именуемого в средневековье Чин), а из Хорезма и должен был начинаться Великий шелковый путь. Скорее всего, на торговле шелком это государство и поднялось.

«*Ургои* «сарматское племя» (Страбон), *урги*, букв. «волки», тотемическое название; ср. *сакаи* «саки», «скифы», букв. «олени»; форма *ург* представляет закономерный вариант формы *варг*».

- Ни о каких волках или оленях, на наш взгляд, здесь говорить незачем. Это или название известного племени *угры* (с метатезой), предков нынешних венгров, или искаженное тюрк. *огуз* (*огуз*), что означает «объединение родов», т. е. «племя», *окъ* + *кър*). Академическая история выводит происхождение многих народов буквально из пустоты: одни (угры, славяне, германцы, тюрки и пр. и пр.) возникли совсем недавно или таились неведомо где, неведомо чем занимаясь, но другие существовали давным-давно (скажем, греки и римляне). Конечно, это или заблуждение или обыкновенный обман. Предки современных народов сосуществовали в одном времени и «появились» вместе. Новые этносы возникали и позже, на основе смешения нескольких разноразличных племен или их частей; но вряд ли таких народов много.

«*Сайои* «сарматское племя» (Ольвия) вместо *ксайои* для передачи *хш* через *с*. От др. перс. *хшай* «блистать, сиять, властвовать».

- Никакой надобности исправлять античное написание этнонима нет. *Сай*, *чай* - одно из тюрк. слов, означающих «река, речной, приречный»; *сайокъ* «приречный род, племя». Возможно также, что это вторая часть современного этнонима *къара-чай* (в греч. яз. звука Ч не было). Но в кар.-балк. от корневого *сай* образуются слова, означающие «избирать, избранный, почитаемый» и др.; не исключено, что *сайои* (*сайокъ*) - название какого-то знатного рода.

ЦАРИ, ВОЖДЫ, ПОЛКОВОДЦЫ

Выше мы привели уничтожающую оценку, которую В. И. Абаев дал достижениям своих предшественников в объяснениях скифо-сарматской ономастики. В 1949 г. он пишет: «На одном примере можно иллюстрировать разницу между нашим подходом и подходом наших предшественников: на разъяснении имени скифского вождя и царя *Таксакис* (Геродот). Юсти и Вс. Миллер переводят его «Плотник» (др. инд. *таксака*). При этом даже не ставится вопрос, могли ли существовать у кочевников-скифов профессиональные плотники? Мы переводим «Быстрый Олень» (*Так-Сака*). Мы думаем, что «Плотник» - мало подходящее имя для вождя воинственного племени, снимающего скальпы с врагов. Ни один индейский вождь, насколько мы знаем, не назывался «Плотником»...» (ОЯФ, с. 202).

Считая объяснения скифо-сарматских имен, принадлежащие Фасмеру и ему самому, вполне удовлетворительными, в том же 1949 г. В. И. Абаев говорит об исследуемой им ономастике: «Бок о бок с чисто греческими именами пестрят повсюду имена

«варварские», скифские. Некоторые из последних своей близостью к осетинскому повергают в изумление. Кажется почти невероятным, что за 2000-2500 лет язык так мало изменился» (Абаев, ОЯФ, с. 39). Читая глоссарий, мы тоже изумлялись, но другому – множеству беспочвенных и натянутых объяснений варварских имен. Плотники у скифов, конечно же, были – иначе кто изготовлял хотя бы их повозки? Если же кто-то думает, что их мог смастерить любой чабан, пусть сам попробует сделать хотя бы ее простую модель. Но разница в подходах Абаева и его предшественников к объяснению скифских и не-скифских имен была им сильно преувеличена: все они любыми способами старались и стараются сделать их иранскими. И все они грешили против логики и законов языка: то голые предположения, выдаваемые за истину, то нарушение порядка слов (мол, в древности могли определяемое ставить впереди определения); если имя скифа в именительном падеже слишком уж несхоже с осет. словом, приводилась форма род. пад., и т. д.

«**Амага** «сарматская царица» - от *ама* «сильный, могучий», авест. *ама-* (в осетинском не сохранилось) (Фасмер).

- В кар.-балк. и в других тюрк. языках *эм* имеет два значения: «наиболее, самый» (*эм уллу* «самый большой», *эм кючлю* «самый сильный», и т. д.); союз «и; *наи-*». Но имя царицы, скорее всего, от кар.-балк. *аммака* – «матушка» (объяснение И. М. Мизиева); Екатерину II, например, придворные величали точно так же.

«**Ариантас** «имя скифского царя» (Геродот) = др. иран. *Ариавант* (Фасмер).

- Точный перевод в глоссарии не указан, поэтому остается гадать – то ли это «арийская победа» (*ван*), то ли авест. *аурвант* «быстрый, сильный, отважный, герой»; в ос. не сохранилось. Кар.-балк. *ариу ант* «прекрасная (чистая) клятва», или *ариу анг* «прекрасный (чистый) разумом». При этом царе, по Геродоту, скифы произвели «перепись» населения (каждый принес царю по кончечнику стрелы).

«**Арианейтес** «имя скифского царя» (Геродот) – др. иран. *Ариа-пайса* «имеющий арийский облик» (с др. перс. оформлением Д вместо С) (Фасмер).

- Будь скифы иранцами-арийцами, такой облик имели бы, наверное, слишком многие из них и незачем было бы подчеркивать его в имени царя. Тюрк. этимология проще: *Ариубет* «прекрасноликий».

«**Арифарнес** «имя царя племени *фатеис*» (Диодор Сиц.) – *Ариа-фарна* «носитель арийского фарна» (Фасмер). (Фарн – «небесная благодать, благоденствие», иранский культовый термин).

- Этимология убедительная. Но, во-первых, надо доказать, что фатеи были скифо-сарматским племенем; во-вторых, ариями называли себя насельники Ирана, а не причерноморских степей; в-третьих, ничто не мешает нам думать, что фатейский царь носил перс. имя, поскольку влияние персов, хорезмийцев, согдийцев и ираноязычных евреев в регионе в ту эпоху было сильным.

«**Картасис** «брат скифского царя» (время Александра Макед.) = *карт-ас* «меч асов».

- Очень интересно. Но, по нормам осет. яз., определение всегда стоит впереди, и это, во-первых; во-вторых, речь идет об имени брата царя, а «брат» в тюрк. яз. - *кярдаш*, *кярдаш* (неужто такой эрудированный лингвист, как В. И. Абаев, этого не знал?).

«**Ванадаспос** «царь сарматского племени языгов» (Дион Кассий) – др. иран. *Ванат-аспа* «победноконный», от *ван* «побеждать» (Фасмер).

- Весьма искусственное сращение («Конь победы»? «Побеждающий конь»?). Но и своего объяснения у меня нет; вероятно, имя сильно искажено.

«**Атеас** «скифский царь» (Плутарх, Страбон) – от *хатъя* «правдивый, истинный», авест. *хайдъя*, ос. *аес*, *аесаг* (из *асья-ка*) (Фасмер).

- *Атеас*, *Атей* - престарелый царь скифов, погибший в битве с войсками Филиппа

Македонского на Дунае (в IV в. до н. э.). По мнению Т. А. Гуриева, образ мудрого старца по имени *Аца* в осет. эпосе является отражением памяти об этом царе, что представляется несомненным. В кар.-балк. нартском эпосе сохранилась песня, в которой повествуется о сражении у какой-то реки и гибели в битве престарелого князя по имени *Ачей* (см. ниже). Имя перешло в разряд архаичных, но среди карачаево-балкарцев до сих пор есть люди, дедов или отцов которых звали *Ачей*. Оно происходит от *ачи* «сильный» (в греч. яз. шипящих не было, поэтому они писали имя через Т). Или это кар.-балк. *Атай*, *Атей* «батюшка».

«*Спарганейдес* «скифский царь» (Геродот), *Спарганисис* «массагет» (Геродот) = др. иран. *Спарга-найса* «подобный юной лозе» (?) (Фасмер).

- В. И. Абаев (или Фасмер) правомерно поставил знак вопроса. Сомневаемся и мы. Виноградарями скифы не были, да и уподобление «юной лозе» весьма искусственно. От кар.-балк. *оспаргъыбет* «с гордым лицом», «гордоликий»?

«*Таксакис* «скифский военачальник и царь» (Геродот) = ос. *Таех-саг*, др. иран. *така-сака* «быстрый олень». Авест. *така-*, ос. *таех* «быстрый», «стремительный», «напряженный», «сильный», ос. *таехун* «лететь».

- С «оленными» именами и этнонимами у иранистов все-таки явный перебор. Хотя бы для разнообразия, предложу производить имя царя от кар.-балк. *масха*, *тахса* «тайна, секрет, скрытый» + аффикс *-акъ*: «скрытный» (слово *масха* - от *таша* «скрытое, спрятанное», *тас* «утраченное, исчезнувшее»). Гораздо меньше повезло у жестокосердых иранистов другому скифу - бедолага получил от них совершенно фантастическое по своей несурзности объяснение своего имени:

«*Сакесфарес* «царь саков-скифов по ту сторону реки Бактер» (Полиен) = ос. *Саг-аефсаер* «имеющий оленью (*саг*) челюсть (*аефсаер*)».

- Конечно, встречаются имена весьма причудливые; хотелось бы, однако, чтобы кто-нибудь из иранистов объяснил, почему обладание «оленьей челюстью» могло казаться этим самым «скифам-иранцам» столь привлекательным, что они нарекли бы таким именем своего принца. Или это кличка (вот и спасительная соломинка)? Но мы думаем, что это тюрк. имя *Сакъ оспар* «в меру гордый». Или *Сакъ эси бар* «обладающий осторожным умом, здравомысл».

«*Медосаккос* «сарматский царь» (Полиен); во второй части *сак*, *саг* «олень», первая часть неясна; «мидийский олень»?

- Какими выдающимися качествами отличались мидийские олени от всех прочих, и почему эти качества заметили только сарматы, я не знаю. Поэтому полагаю, что здесь, возможно, кар.-балк. *умуту сакъ* «осторожный в намерениях».

«*Скунха* «скифский предводитель, взятый в плен Дарием Первым» (по Бехистунской надписи). Ср. ос. *скуаенхын*, прош. прич. *скунхт* «отличаться», «совершать подвиг».

- Вполне приемлемая этимология. Или это искаженное тюрк. *Сагъун-хан* (кар.-балк. *сагъын*) «известный хан, знаменитый хан».

«*Ликос* «один из скифских родоначальников, дед Анахарсиса» (Геродот); это имя представляет, по-видимому, перевод на греч. язык скифского имени, которое, судя по осет. *уархаг*, должно было звучать *Варка* «волк», ср. др. инд. *врка-*, авест. *вэрка* «волк», ос. *Уархаг* собств. имя в нартском эпосе осетин».

- И снова мы имеем дело не с этимологией, а с гаданием. Это тюрк. *элик*, *алик* «царь, правитель», с выпадением начального безударного гласного. Ср. название царского (жреческого) рода в кар.-балк. эпосе – *Аликлары* «Аликовы»), т. е. в эпосе речь идет о «царских скифах».

«*Олдакос* «династ времени Дандариев» (Плутарх) = ос. *уал-тах* (*упари-така*) «сверх-быстрый»?

- Мы тоже сомневаемся, поскольку ближе тюрк. *Уллу таг* «великая гора» (ср. одно из кар.-балк. названий Эльбруса – *Уллу тау*; также имя правителя Дунайской Болгарии – *Омуртаг* «вечная гора» и основное кар.-балк. название Эльбруса – *Минги тау* «вечная гора»).

«**Сатракэс** «царь скифов, живущих к северу от Согдианы» (Арриан) = *хсатрака* = ос. *Хсартат* «герой нартовских сказаний». От авест. *хиатра*, др. перс. *хиасса*, ос. *хсар* «власть, сила, доблесть, отвага», *хшай* – «блистать».

- Нельзя отрицать возможность того, что среднеазиатский тюрк-сак мог носить имя, перенятое у соседей-иранцев; перенимание имен – явление постоянное и, вероятно, древнее. Ср. также имя сына Бату-хана – *Сартак*, *Сартах*, и кар.-балк. *сарт* «мнение, намерение», *шарт* «признак, черта, свойство», также «четкий, ясный, открытый» + имяобраз. аффикс –*акь*; также возможно от *сатыр* «строй, ряд, шеренга» или это *чатыры акь* «имеющий белый (ханский) шатер».

«**Роксанэ** – *Роксана*, женское имя (Π) = авест. *раохина*, ос. *рохс* «свет, светлый» + суффикс –*ана* (Фасмер); иранское *Роксана* представляет, таким образом, точную параллель к славянскому имени *Светлана*; жена Александра Македонского, дочь Бактрийского князя, также называлась Роксаной.

- Несомненно. Но какое отношение бактрийская княжна имела к причерноморским скифам и сарматам? Женское имя из Пантикапея могло, скорее всего, принадлежать не скифянке, а дочери какого-то хорезмийского или согдийского купца, выходца из Средней Азии. Сюда же добавим более позднюю этимологию В. И. Абаева: «Имя царя крымских скифов *Скилурос* (I в. до н. э.) представляет, возможно, сложение *скил-уру* – «толстопятый» - (ИЭСОЯ, т. 3. с. 125). Вряд ли наследнику престола дали бы такое имя. Полагаем, что это кар.-балк. *Саукъалыр* (восстанавливается в *Сакъкъалур*) букв. «пребудет невредимым».

«**Сайтафарнэс** (Ольвия) «имя скифского (сарматского) предводителя» = *Сайта-фарна* «носитель фарна племени сайев»; ср. *сайои* «сарматское племя»; *сайта* – форма мн. числа от этого племенного названия *сай*. (Напомним, *фарн* – иранский термин, означающий «благодать, жизненная сила»).

- Объяснение весьма неуклюжее. Название племени – то же самое *сак* (в тюркских краткие звуки И и У появились поздно, см. выше). Слово *сак* в обратном чтении дает *кас* «человек» (варианты – *кес*, *кис*, *киш*, *кеш*, *киши*, *кизи* и т. д.). Тюрк. этимология имени - на основе *сый* (от *сай*) – «почет, уважение». *Сый табар*, *Сайтабар* «уважаемый, почтенный», букв. «тот, кто обретет почет».

«**Зарина** «царица саков-скифов» (Ктесий); ср. ос. женское имя *Заеринае*. От авест. *заранья*, ос. *заеринае* «золото, золотой».

- Этимология убедительная. Царица тюрк-саков носила иранское имя.

«**Мадис** (Страбон), *Мадузэ* (Геродот) «имя скифского царя», *Мадouc* (Т); авест *маду*, ос. *мыд* «мед».

- Не исключено. Два последних имени могли быть и тюркским *Бату* от *бат*, *баз* «уверенный, решительный» (чередование Б-М в тюрк. яз. закономерно). Или это кар.-балк. *Батий*, *Батый* «благословение, благословенный».

Мы рассмотрели объяснения имен знатных скифов на основе иранских языков. Хочется, с просветительскими целями, сообщить дотошным иранистам, что в осет. яз. почему-то нет своих слов, означающих «князь, княгиня, княжич, княжна, царь, царица, принц, принцесса». Есть заимствования из перс. – *паддах* «царь», араб. – *маеликк* «царь», тюрк. – *хан*, но нет никаких «североиранских» титулов. Почему же предки осетин, имея очень тесные связи с греками, фракийцами, грузинами или армянами, слово, означающее «царь», переняли не у них?

ТЕРМИНЫ

«*Санатпис* «винопийца» на скифском языке (Гесихий); в первой части *сана* «вино», для второй ср. др. индийск. *питу* «питье», *пита* «напившийся». «*Сана* «вино»; скифо-фракийское слово (в схолиях у Аполлония Родосского оно названо фракийским); ос. *саенае* «вино», кабард. *сана* «вино».

Тридцать лет спустя В. И. Абаев посвятил этому термину обширную словарную статью, в которой сказано: «Этимологически Уленбек, Шредер и Петерссон связывают скиф. *сана*, ос. *саен/саенае* с др.инд. *сана* «конопля», имея в виду, что вино было у скифов преемником другого хмельного напитка, изготавливавшегося из конопли. В этом случае *саен* и *гаен* «конопля» оказываются этимологически идентичными, но только первое оформлено по норме *сатэм*, а второе по норме *кентум*. – Скифское название вина распространилось по всему северо-западному Кавказу и отчасти Дагестану: убых. *санэ* «мед», шапс. *сана* «виноград» (сообщение Г. Ф. Турчанинова), каб. *сана* название какого-то хмельного напитка в фольклоре; в Дагестане – арчин. *шон*, анд. *зоно*, тинд. *зана*, кунад. *зана*, ботл. *зана*, капуч. *за*, хварш. *ша*» (ИЭСОЯ, т. 3, с. 68).

- Считать это объяснение убедительным нельзя, по целому ряду причин. Во-первых, сходство слов, обозначающих «вино» и «конопля» ни о чем не говорит; во-вторых, неизвестно, существовал ли у какого-то народа напиток из этого растения; в третьих, если он и существовал, его название не означало бы «конопля» (пусть и было бы производным от этого слова); в четвертых, в Дагестане термин имеется только у малочисленных этнических групп, обитателей гор; в-пятых, на северо-западном Кавказе «заниали» это слово у «северо-иранцев» не все адыги; в-шестых, они при этом почему-то «переосмыслили» простое значение термина: у убыхов это «мед», у шапсугов – «виноград», у кабардинцев – «неизвестный хмельной напиток».

Следуя объяснению иранистов, мы придем к абсурду: скифы делали из конопли некий напиток, который они тоже называли «коноплей», потом познакомились с вином, окрестили его тем же словом и поведали о нем предкам шапсугов, но те почему-то называли этим словом виноград, который в местах проживания шапсугов произрастает в изобилии, причем дикий; полагаем, да и убыхам незачем было заменять свое название меда «скифским названием вина». Полагаем, что происхождение термина остается неясным. Что касается слова *санатпис* «винопийца», то оно не обязательно должно было являться именно «скифско-индийским», а могло быть взято Гесихием из языка какого-либо европейского племени, жившего в Скифии или рядом с ней; ее территорию и состав населения греки долгое время представляли себе только приблизительно.

«*Оуатафарнес* «божество», надпись на амулете из Кубанской области = *ваша-фарна*, см. *ваш* «слово, как божество».

- Ниже В. И. Абаев указывает: «...в осетинском слово имело религиозный оттенок (как Логос в эллинистических культах); оно служит эпитетом христианских святых: *Уац-Илла* «св. Илья», *Уас-Керги* «св. Георгий». Ни предположительно осет. термин *уас*, *уаш*, ни эллинистический Логос здесь ни причем. *Уас* в осет. – это кар.-балк. *къаст*, *гаст* (изменяющихся в *гас*, *вас*, *уас*) «обет, святая клятва, священный»; *ауаз* – «голос» (*аууз* – «рот»). Отсюда и *ууаз* «проповедь», и кар.-балк. теонимы *Аш-Керги*, *Аш-Элия*, *Аш-Тотур*. Указанное имя из надписи легко объясняется с кар.-балк.: это слегка искаженное *Къууаты бар* «великолепие имеющий» - «великолепный».

«*Сакундакэ* «скифская одежда» (Гесихий) = *Сак-гун-дак*, ос. *Саг-гун-даг* «одежда из оленьей шерсти»; см. *сака* (ос. *саг*) «олень» и *таг*, *даг* «нить» в ос. названиях тканей *зал-даг* «шелк», *каттаг* (из *кентаг*) «полотно».

- Итак, мы еще раз вернулись к нашим оленям. Понимая, что иранская этимология термина, мягко говоря, неубедительна, В. И. Абаев (через несколько страниц) уточняет: «...одежда (*так*) из оленьей (*сак*) шкуры или шерсти (*гун*)». Но, вопреки хотению Абаева, шкура и шерсть были очень разными вещами даже в скифскую эпоху. И желательно бы знать, из чего же, по мнению иранистов, делали скифы эту самую «сакундаку». Читаем в глоссарии несколькими страницами ниже: «*Сакундакэ* «скифская одежда» (Гесихий) = ос. *сак-гун-даг* «одежда из оленьей шерсти» из *сак* (от *сака*) «олень» + *гун* (от *гауна*) «шерсть» + *таг, даг* «нить», «ткань».

Простите за гуннскую прямоту, но более нелепое объяснение придумать было трудно. Ни скифы, ни сарматы, по всем данным, оленеводами никогда не были. Откуда же они могли брать оленью шерсть, достаточную для производства одежды - неужели ловили и стригли диких оленей? Или убивали их в таком неимоверном количестве, что настриженной с них шерсти хватало для пряжи? Из оленьих шкур одежду, конечно, делать можно. Но где в этом слове осет. *дзарм* «шкура»? Или хотя бы *царм* «мех» (по Абаеву; но составители ОРС считали, что *царм* означает «кожа; шкура»; кто из них прав, судить не мне). К тому же в осетинском языке «шерсть», если верить РОС, составленному В. И. Абаевым, - *къуымбил*, а не *гун* (от кар.-балк. *жюн* «шерсть»), в дигорском диалекте – *цъопп*. Как это понимать, я не знаю.

Но ученый мир доверчив до изумления. Вот пример то ли гипнотического внушения, то ли исключительно некритичного подхода – в книге Т. Д. Равдоникас «Очерки истории одежды населения Северо-Западного Кавказа» (Л., Наука, 1990. Ответственный редактор В. П. Курылев, рецензенты В. П. Кобычев, Е. Н. Студенецкая - ученые компетентные и авторитетные): «Абаев, исходя из данных староосетинского языка (дигорского, более архаичного диалекта), считает, что *сак-гун-дак* обозначает не скифскую одежду, а одежду из оленьей шкуры, где *дак* обозначает шкуру». Здесь Т. Д. Равдоникас делает ссылку на с. 180 глоссария (в ОЯФ). Но на этой странице Абаев ни слова не говорит ни об одежде из оленьих шкур, ни о том, что *дак* означает в осет. «шкура», наоборот, еще раз повторяет, что речь идет о шерсти. Что в слове *сакундакэ* могла подразумеваться шкура, он говорит уже на стр. 184, да и то с сомнением «...из шкуры или шерсти». Но Т. Д. Равдоникас, видимо, чувствуя нелепость такой этимологии, пытается спасти положение, уверяя и себя, и читателей, что все правильно и нормально.

Заметим, что осет. язык относится к числу младописьменных, и о каком «староосетинском» говорили Абаев и Равдоникас, уяснить невозможно. Если же речь идет о дигорском диалекте, «более архаичном, чем иронский» (как уверяют иранисты), то он и есть диалект, а не «староосетинский язык». Но слепое доверие к этимологическим выкладкам известного лингвиста заставляет Т. Д. Равдоникас выстраивать логическую цепь из объяснений Абаева, пытаясь оправдать его объяснение упрямого, как пень, термина, привлекая другие данные: «Река Березань в то время носила название Оленной – *Сагарис* (буквальный перевод В. И. Абаева – «Там, где находят оленей»).

Далее следует ссылка на вывод В. И. Цалкина о широком распространении оленя в Северном Причерноморье и его важном промысловом значении. «Но раз были олени, должны быть и охотники на оленей, а может быть, и оленеводы». Нет слов – замечательно. Если были в Причерноморье дикие олени, то некоторые племена, возможно, специализировались именно в охоте на них. Возможно, они даже приручили их и стали разводить. Возможно, об этом говорит античный автор Юлий Солин: «У холощенных самцов рога никогда не растут, но и не опадают». Возможно, название племени *сагадарис* означает «имеющие оленей».

Читаем у Т. Д. Равдоникас далее: «Анализируя термин, Абаев показывает его бытование и перевоплощения в течение почти двух тысячелетий (! – М.Дж.): *сакундакэ*

«скифская одежда» (Гесихий); осет. *сак-гун-дак*: «одежда» - *так (дак)*, «из оленьей» - *сак*, «шкуры» (или шерсти?) *гун*. Но где у Абаева (см. выше) показано «бытование» термина «в течение почти двух тысячелетий»? И как Равдоникас дозналась, что *так* или *дак* означает в осет. яз. «шукура», если Абаев говорит, что оно означает «нить»? Но этнограф упорно продолжает домысливать: «Первоначально термин *дак* или *так* значил «одежда» и входил в состав названия одежды из оленьей шкуры, в дальнейшем из оленьей (?) шерсти (так как *гун* стало обозначать уже в новых условиях не шкуру, а шерсть). Наконец, при появлении ткацкого станка, *так* в осетинском языке начинает обозначать нить, из которой (в домашних условиях) ткался материал для одежды, и входит в состав названия материй, сотканых из нитей на ткацком станке (из конопляных нитей – *камтаг* (из *каентаг* «холст» от *кана* – «конопля»), из шелковых – *залтаг*)».

Вопросительный знак в тексте показывает, что Т. Д. Равдоникас, вероятно, все же одолевала сомнения. Понятное дело: якобы сначала слово *так (дак)* означало «одежда», потом «шерсть», а потом – только «нить». Что же, в таком случае, обозначалось словом «гун»? Но, запутавшись в трех соснах, известная исследовательница, тем не менее, торжественно заключает: «Таким образом, данные дигорского диалекта осетинского языка свидетельствуют о том, что у ираноязычных предков осетин бытовала наплечная одежда из оленьей шкуры, внешний облик которой (=покрой) длительное время (? – М. Дж.) определялся конфигурацией шкуры».

Откуда Равдоникас стало известно, что *сакундакэ* – это именно наплечная одежда, да еще и из оленьей шкуры? И почему «облик» этой одежды определялся не фигурой человека, а конфигурацией самой шкуры, да еще и «длительное время»? Зачем, в таком случае, называть это одеждой (тем более, что вначале речь шла об «оленьей шерсти»): разве не следовало прямо сказать, что скифы разгуливали, напялив на себя оленьи шкуры?

Но сомнения продолжали одолевать Т. Д. Равдоникас, загипнотизированную авторитетом великих лингвистов, и она сделала еще одно примечание: «По-видимому, в этом случае употреблялась шерсть не оленя, а другого животного (тогда зачем говорить об «оленьей шерсти»? – М. Дж.), так как, например, северяне не делают войлока из шерсти северного оленя и не прядут из нее пряжи (не додумались, бедолаги, не проверили. – М. Дж.), считая оленью шерсть непрочной» (Равдоникас, с. 126).

Нет слов – замечательно. С таким же успехом злосчастные скифы-«иранцы» могли пытаться изготовить пряжу из шерсти обыкновенных буренок, чтобы шить из них «наплечную одежду». Почему бы и нет? Ведь утверждал же Абаев, что в скифском языке слово *гау* означало одновременно и «корова», и «бык», а *гауна* – «шерсть» (ОЯФ, с. 166). Сходство налицо. Предложим иранистам еще одну версию, вполне в духе их писаний: скифами была выведена особая тонкорунная порода оленей (к несчастью, вымершая), что неопровержимо доказывается иран. этимологией слова «сакундакэ».

Кар.-балк. этимология гораздо проще. *Загун, сагун* (совр. *зауун, жауун*) – «дождь». *Сагундук, загундук, сагундак, загундак* – «дождевик, плащ» (совр. звучание – *зауунлукъ, жауунлукъ*).

«**Каннабис** «название конопли у скифов» (Геродот, Гесихий); скрещенное слово *кан* + *нис*, где каждая часть означала «конопля»; опираясь на ос. *каен*, мы думаем, что именно первая часть была чисто скифской, а вторая, возможно, финской».

- Возможно. Только вот зачем скифам (или Геродоту с Гесихием) было соединять два слова из разных языков – «конопля-конопля»? (Кар.-балк. название этого растения – *кендир, кендираш*).

«**Сапердес** «название рыбы у скифов» (Гесихий); мы исправляем в *капердес* и разлагаем на *каф-ерд* «светлая, блестящая рыба», ср. ос. *ирд* «светлый, блестящий».

- Исправление, может быть, и правомерное. Но и здесь, вопреки «железному правилу»

осет. языка, определяемое стоит впереди, так что следовало перевести «рыба светлая». Кроме того, слово *каеф* «рыба» иранским не является (см. в ИЭСОЯ) и когда оно вошло в осет. яз., неизвестно. Поэтому думаем, что это кар.-балк. *сапыртыш, сапыртыс (чабакъ)* – «(рыба) с желтоватой оболочкой». Ср. название форели – *сапыран чабакъ* «желтопятнистая рыба» (*сапыран* – «желтуха», от *сапыр, чапыр* – «сыпь, высыпание на коже»).

«**Карарюэс** «скифские дома» (Гесихий); ос. *хаедзар* побуждает исправить в *кадзарюэс*».

- Происхождение осет. слова *хаедзар* «дом» не было установлено ни тогда (в 1949 году), ни позже, о чем и писал Абаев в ИЭСОЯ (т. 4, с. 160). Если же принять кар.-балк. прочтение, исправлять Гесихия не понадобится. *Къора юй* – «крытый дом», с протетическим Р на стыке двух гласных. Ср. также *къора* «хлев, крытый загон». В казахском – то же самое. Или это *къорар юй* «передвижной дом», если речь шла о жилищах пастухов, шатрах.

«**Марха** «боевой клич сарматов» (Аммиан Марцеллин), ср. ос. *маргъа!* «бей! убивай! смерть!».

- Ср. также кар.-балк. *мара, марла* – «целиться, прицеливаться». Отсюда же *мараучу* «стрелок, охотник».

«**Сакайа** «скифский праздник» (Гесихий); вероятно, тотемический «олений» праздник».

- Следовательно, на манер древних «медвежьих праздников» у некоторых лесных племен, у скифов, по предположению Абаева, существовал праздник «олений». Но мы предположим другое: у скифов был период времени, в который запрещались военные действия – как, например, у греков во время проведения олимпиад (а это ведь было общенациональное празднество), как у доисламских арабов во время паломничества. *Сакъ ай* на кар.-балк. яз. как раз и означает «месяц бережения», «месяц осторожности» (у карачаево-балкарцев два священных месяца мира назывались *Тотур ай*, период от 25 февраля до 25 апреля). Обряд новогодних (в дни весеннего равноденствия) колядок наз. *озай* – от *уаз ай* «святой месяц».

«**Зирин** по Лукиану (диалог «Токсарис») на языке савроматов означал «выкуп»; речь шла очевидно о золоте; неточная передача вместо *зарин*, ос. *заерин(ае)* (Фасмер).

- Передача, видимо, действительно была неточной: «золото» в осетинском – *сызгъхрин*, а *заерин* означает «золотой» (например, *заерин быд* «золотая тесьма»). Но, скорее всего, слово *заерин* могло быть заимствовано савроматами из какого-то иранского языка, в котором и означало «золото», а не «золотой». Трудно согласиться с тем, что выкупом являлось только золото. Ближе кар.-балк. *заран* «убыток, ущерб» (считается арабизмом).

Мы рассмотрели здесь иранские этимологии тех имен и названий из глоссария, чья принадлежность скифо-сако-сарматам удостоверена в источниках (в основном). Итог для иранистов неутешительный: множество натяжек, нелепостей, несоответствий. Можно было этим и ограничиться – в конце концов, для определения этнической принадлежности древних племен необходимо привлекать весь комплекс данных, а этот комплекс неопровержимо свидетельствует в пользу тюркского происхождения скифов и аланов. Но в глоссарии В. И. Абаева содержится и другой ономастический материал, более обширный – варварские имена жителей причерноморских городов, языковедами причисленные к скифо-сарматским. Чтобы не утяжелять текст, дадим приведенный в глоссарии список сокращений мест, в которых были обнаружены имена: Г – Горгиппия, О – Ольвия, П – Пантикапей, Т – Танаида, Фн – Фанагория, Фд – Феодосия, Х – Херсонес.

СКИФО-ТЮРКСКИЕ ИМЕНА

Весьма оригинальна этимология варварского имени из Ольвии, принадлежащая В. И. Абаеву:

«**Уаргадакос** (О) = *варг-адак* букв. «волкоед».

- Согласитесь, не самой вкусной пищей питался бы этот бедолага, если бы его гастрономические наклонности соответствовали смыслу имени (или клички), которой его наградила великий ирановед. Кар.-балк. *Баргъадакъ* - «скороход».

«**Ирбис** род. пад. *Ирбидос* (Т) = ос. *илвид* «стриженный».

- Чем так нравилось бы скифам это имя-прозвище, нам угадать не дано. Но В. И. Абаев просто не мог не знать, что *ирбис* - одно из тюрко-монг. названий снежного барса, вошедшее и в русск. яз.

«**Асарос** (П) = др. иран. *а-сара* «безголовый» (Фасмер).

- Что бы это означало? Что ребенка нарекли «тупицей»? Но зачем? Наше объяснение гораздо милосерднее: тюрк. *ас* «род» + *ар*, *эр* «человек, мужчина»; у этого имени вполне ясный смысл – «человек рода, родовитый».

«**Далосакос** (Т) = авест. *адайри*, ос. *даелае* «внизу, под»; ос. *даел-ос-аег* «находящийся в подчинении у женщины» (?).

- Кто из иранистов сумеет объяснить, что имелось в виду и почему этому восточноевропейскому ирокезу-скальпоснимателю предрекали участь находиться в подчинении у женщины? Одно из значений кар.-балк. глагола *талаиш* – «стремиться, тянуться к чему-либо, стараться». С прибавлением аффикса *-акъ* = *Талаишакъ* «стремящийся», или, точнее, «рьяный, усердный» (в греч. яз. звука Ш не было). Ср. выражение *дуниягъа талаишхан* – «стремящийся жить не хуже других» (букв. «стремящийся к этому миру»).

«**Оссигасос** (Т), **Оусигасос** (О) = ос. *ос-игас* «имеющий здоровую жену» («здоровых жен»).

- Может быть, лучше тюрк. *ёсюк ас* «рослый ас» (или «высокородный»)? Ср. имя героя нартского эпоса *Батыраз*, из *батыр ас* «смелый ас» (или «из геройского рода»).

«**Сауагаскос** (Фн) может быть = ос. *саеу-игаес* «невредимый утром», параллель к употребительному осет. выражению *саеу-завд* «пораженный утром».

- Возможно и так. Но почему беднягу желали обезопасить только на утреннее время, а не на целые сутки, на год, или на всю жизнь? Или утро считалось у скифов самым опасным временем суток? Этимология на основе кар.-балк. яз. естественнее: *Сауагъач*, *Сауагъац* «здоровый телом», букв. «цельнотелый» (звук Ч или Ц передан через СК).

«**Алудагос** (О); такое имя могло означать «пивовар» или «пиволюб»; ср. ос. *алутон* «пиво как ритуальный напиток», грузин. (из аланского) *алуди*, *луди* «пиво»; восходит к древнегерман. *алут* «пиво»; (англ. *эль*); сюда же финск. *олут* «пиво», литов. *алус*, древнерусск. *олуй*.

- Тут Абаев вновь изменил своей установке давать именам скифов индейско-тотемические объяснения, наградив еще одного из них вполне мирным не то именем, не то прозвищем. Но обширность ареала распространения термина *алут* не позволяет уверенно считать имя *Алудагос* именно иранским. Скорее всего, это тюрк. *Ала даг* «светлая вершина, светлая гора».

«**Аспанданос** = *асп-андан* «стальноконный», «имеющий стальных коней».

- Тот, кто нарек бы младенца (или подростка) таким именем, явно опередил бы свое время на несколько веков, провидя появление автомашин и тракторов. Поверить в такую прозорливость скифо-сарматов, несмотря на все мое уважение к ним, я не могу. В тюрк. яз., в том числе и в кар.-балк., есть слово *асман*, *аспан* – «небо, небесный» (считается иранизмом; отсюда и название Османской империи, а не от имени турецкого князя.

Другое слово, *кёк* «синий, синь, небо, небесный» - отсюда народ *кёк-тюрк*, именуемый «голубыми тюрками»). *Аспан-дан* означает «с небес, небесный». Или это *аспан дам* «дар небес».

«Йаса(н)данакос (Т) = *Й-ас-андан-ак* «стальной ас»; см. *ас* «скифское племя», «аланы», «осетины».

- Крайне замечательное утверждение. Во-первых, асами осетины называют не себя, а балкарцев; вот уже два столетия ирановеды всего мира никак не могут объяснить этот факт и попросту делают вид, что его как бы и нет. Во-вторых, ставить знак равенства между асами-аланами и осетинами, мягко говоря, означает выдавать желаемое за действительное. В-третьих, если принять этимологию, предложенную Абаевым, то в переводе с осет. имя будет означать «стальной балкарец». В-четвертых, по нормам осет. языка, чтобы иметь значение «стальной ас», оно должно произноситься по-другому – *Анданасиаг*. С кар.-балк. этимология прозрачна: *асан*, *эсен* «здоровый, здоровый» + *тана*, *танакъ*, *танкы* «память, ум» = «здравомысл», «здравомысл».

«Ардарос (встречается многократно: Т, Г, П, Ф) (Фасмер); от ос. *аелдар*, *аердар* из *аерм-дар* (от *армадара*) «руководитель», в знач. «господин», «князь»; из аланского усвоено в венгерский (*аладар*) и монгольский (*алдар*).

- В это верится трудно. Венгры и монголы, скорее всего, заимствовали термин «алдар» у тюрков, как и осетины; тюрк. *алдар* означает «первый, передовой, находящийся впереди» (откуда, видимо, и имя *Эльдар*). (Устное примечание Р. Р. Тилова: римские авторы знали значение тюрк. титула *алдар*, отсюда и упоминание сарматских вождей, которых они именуют «приматус» - «первыми»).

«Ардаракос (Т, П, встречается несколько раз) = *ардар* + суффикс *-ак* (Фасмер).

- Что дает прибавление аффикса *ак* к слову *ардар* «руководитель», В. И. Абаев не сказал. Кар.-балк. *алдаракъ* – «тот, кто чуть впереди», «чуть опережающий (остальных)».

«Аспургос (Г и др.) др. иран. *Аспа-угра* «мощный конь» или «имеющий мощных коней» - ос. *аефсург*, *аефсорг* (из *астург*) «легендарная порода коней», может быть, сюда же *Афогас* (О), вместо *Афсорг*.

- Может быть и так. Но не исключено, что это тюрк. имя *Аспарух* «гордый, горделивый». Оно же явно звучит в следующем имени:

«Асфорузос = *Асфаруг*, еще одна форма имени *Аспарукъ*, *Аспарух*.

«Харадзенос (О) = *хар-ахсен* «темносерый осел» (др. иран. *хара*, ос. *хаераег* «осел»); такое имя могло не заключать ничего унижительного; ср. перс. *гур* «дикий осел» как украшающий эпитет царя (*Бахрам-гур*); давались подобные имена и с магическими целями, чтобы сделать ребенка непривлекательным для злых духов; такого происхождения, напр., осет. имя *Кудзаг* от *кудз* «собака».

- Неизвестно, считали скифы подобное имя «украшающим» или нет; к тому же, как писали древние авторы, ослы в Скифии не водились. К тому же, персы добавили к имени царя Бахрама название не домашнего животного (рабочей скотины), а дикого, вольного. Такой же пример есть и в Библии, но и там сравнение – с диким животным: «Измаил будет между людьми, как дикий осел...»). К тому же, по законам осет. яз. должно было быть *Ахсенхар*. Что касается карачаево-балкарцев, то в их речи сравнение с ослом, символом подлости, цинизма, низости, естественно, рассматривается, как оскорбление. Поэтому предложим другую этимологию: *Харадзен*, - от *Къара зан*, *Къара джан* «мощная душа», обычное тюрк. имя (ср. *Темиржан*, *Аслижан* и пр.).

«Бадагос (О) = ос. *бадаег* «сидящий» (до сих пор употребляется как собственное имя); сюда же *Бадакес* (О) (Фасмер).

- Вполне возможно. Но ср. кар.-балк. имя *Батокъ* (варианты *Батокъа*, *Батакъа*), от арх. *бат* «сила, сильный, крепкий, уверенный», откуда и слово *батыр* – «герой, витязь»; а

также *бата*, *батия* «благословение» (передача силы, благодати); благословенный». *Окъ* – «стрела; пуля; род; потомство». *Бат окъ* – «крепкая стрела». *Бадакес* = кар.-балк. *бата кес* – «благословенный муж», от *кес*, *киш*, *кис*, *киши* «мужчина, герой». Ср. также кар.-балк. фамилию *Бадах-лары*.

«*Сохубазос* (О); в первой части *сох* мы видим перестановку из *хос* «сухой»; ср. в дигорском диалекте осет. яз. *сухае* «сухой»; во второй части *базу* «рука» (Фасмер); имя может означать, стало быть, «сухорукий».

- Это, в таком случае, конечно же, не имя, а прозвище. Кар.-балк. этимология проще: *Суху бас* «резко шагающий», «решительно ступающий».

«*Сараксасос* (О) = ос. *саер-аехсаез* «шестиглавый», может быть, в смысле «имеющий шесть детей»; ср. осет. выражение «его голова стала шестью» в смысле «его семья достигла шести душ».

- Кар.-балк. *соруьсуз* – «неутомимый, неустающий», от *соруь* «утомление, усталость, бессилие» + аффикс отсутствия *суз*, *сыз*.

«*Юргбазос* (О); во второй части *базу* «рука, плечо»; первая неясна: «волчий» (*варка*)? «мощный» (*угра*)? (Фасмер). На другой странице Абаев пишет уже уверенно: *Юргбазос* = *варка-базу* «волкоплечий», «у кого в плечах волчья сила».

- Неубедительно. Скифо-иранцы могли бы найти (для уподобления) более «плечистого» зверя (если, конечно, у животных были бы плечи). Кроме того, вряд ли «волкоплечий» можно понимать в смысле, приписанном этому слову Абаевым – «у кого в плечах волчья сила». Кар.-балк. *кёрюк* «кузнечные меха»; *кёрюкбас* «раздувающий меха». т. е. «подмастерье в кузнице» (син. *кёрюкчю*). Начальный К, находясь в слабой позиции, плохо уловим в речи: *Ёрюкбас*, *Юрюкбас*, *Юргбас*.

«*Борус* (на вазах, Фасмер); ос. *бур* «желтый, рыжий, буланый», перс. *бор* «бурый»; ср. собств. имя *Борae-фаерныг* в нартовском эпосе.

- Прозываться Желтым или Буланым человеку как-то не к лицу (поэтому, видимо, Абаев добавил к указанным им выше примерам еще и значение «рыжий»). Но в ОРС указаны только два значения слова *бур* – «желтый, бурый». В тюрк. яз. *бор*, *мор* – «коричневый, светлокоричневый, желтоватый» и пр. Объяснение с тюрк. проще: *Бори*, *Бури* и т. д. – «волк».

«*Боракос* (Г); *Бор* «желтый, буланый, рыжий» + суффикс *-ак* (Фасмер).

- Что означает это имя после прибавления суффикса, нам неведомо. Неясно также, является ли слово *бор*, *бур* иранским, поскольку в тех же значениях употребляется в тюрк. яз. Ср. кар.-балк. имя *Баракъ* «путник, шествующий»; «любитель»; или это *борлакъ* «лоза» (откуда и фамилия *Борлакъ-лары*).

«*Бадзагос* (О) – «наделяющий» или «наделенный», от авест. *бахш* «наделять, быть наделенным».

- Не исключено. Но, может быть, это тюрк. *базакъ* «уверенный», от *база* «уверенность, сила, решимость».

«*Тхиагарос* (Т) (Фасмер); сочетание *тхи* в этом имени и в нескольких других представляет, по-видимому, попытку передать аффрикат Ч; имя происходит от ос. *цагар*, пехл. *чакар*, перс. *чакар* «раб».

- Не самое возвышенное имя было, если верить иранистам, у этого скифо-сармато-могиканина. В кар.-балк. дореформенном обществе *чагар* – одна из категорий крепостных крестьян. Но *чагъар* имеет другое значение – «цветущий, преуспевающий».

«*Сандарсиос* (Т) = ос. *саендар* «виновладелец»?

- Не исключено, если какой-то скиф (или сармат) подался в город Танаис и там стал кабатчиком, за что и получил от «кочевых» сородичей такое прозвище. Кар.-балк. *жандару*, *зандару* «эликсир бессмертия» (*жан дарман*) + афф. *цы*, *чы* = *зандарцы*,

жандарчы «изготовитель снадобий».

«**Дууарагос** (Б) = ос. *дуар* «дверь, ворота» + суффикс *-аг*; такое имя могло означать «привратник» (Фасмер).

- Напрасно Абаев иронизировал над своими предшественниками, усмотревшими в одном из скифских имен слово «плотник» - откуда, мол, плотники у свирепых скотоводов? По его и Фасмера воле оказалось, что среди скифо-сарматов кого только не было – и пивовары, и виновладельцы, и обладатели многих пашен, и даже привратники; такое разнообразие профессий апачам и чероки даже и не снилось. Осмелюсь подумать, однако, что это зоофорное имя: кар.-балк. *дуадакъ* «дрофа».

«**Госакос** (Т) – ав. *гаош*, ос. *хъусын*, *игосун* «слышать»; ос. *хосаег* «слышащий» (Фасмер); ср. ос. *Къусаг* имя одного из сыновей осетинского царя Алгуза (XIV в.).

- Вполне возможно. Кар.-балк. *къошакъ*, *къосакъ* «добавление, добавленный»; такое имя могли дать последнему ребенку в многодетной семье.

«**Годосауос** (Т) ос. *хуыды-сау* «чернодум».

- Если характер этого скифа соответствовал такому значению его имени (или прозвища), вряд ли кто-то произнес о покойном доброе слово на его похоронах, типа: «Покойся с миром, бедный Чернодум!». Кар.-балк. этимология гораздо снисходительнее: *Къуту сау* «чья жизненная сила велика (цельна)»; тюрк. *къут* - то же, что и иран. *фарн*.

«**Асарион** (Т) – от ос. *аерзае* из *аезаер*, авест. *хазанра* «тысяча» (Фасмер).

- Могло быть и такое имя. Или это имя, оформленное по-гречески, от названия тюрк. народа, хазар – *Хазарион* (если его мать, скажем, была хазаркой; в источниках такое имя встречается). Или от *ас ар*, *ас эр* «родовитый».

«**Хороатос** (Т) (Фасмер); авест. *хвар*, ос. *хор*, вторая часть = *вас*, ос. *уас*: «вестник солнца» (?).

- Сомнительно в фонетическом отношении. Ср. имя основателя Болгарского царства в Приазовье – *Кроват*, *Кубрат*, *Курбат*, *Короат* и т. д., кар.-балк. *хора ат* «чистокровный конь».

«**Хунарос** (О), очевидно в значении «одаренный» (Фасмер); авест. *хунара* «дар, способность».

- В том же значении употребляется слово *хунер* в кар.-балк. яз. Происхождение термина неясно.

«**Ханакэс** (П) – авест. *хван*, ос. *хоньин* «звать, приглашать»; ос. *хонаег* «приглашающий».

- Тюрк. *къонакъ* – «гость». Употребляется и в качестве имени собственного.

«**Карсос** (Г) (Фасмер).

«**Карзеис** (О) (Фасмер). Оба имени от авест. *кэрэса* «худой», др.инд. *криша*, ос. *карз* «резкий, строгий».

- Кар.-балк. *къаршии* «близкий, близко, стоящий напротив»; *къаршичы* «противиться, сопротивляться, выступать против».

«**Карсоасос** (О) = *карса-уас* = ос. *карз-уас* «резкий на слово», «чье слово грозно».

- Иран. происхождение осет. *карз* сомнительно. Кар.-балк. *кариши ас*, *къаришас* «близкого рода, родственник».

«**Касакос** (О), **Касагос** (О) = ос. *уаесаег* «смотрящий» (Фасмер).

- Разумеется, Фасмер, Абаев и другие этимологи не могли не услышать в этом имени тюрк. *къазакъ* «рядовой воин», ср. *къазау*, *къажау* (из *къазакъ*, *къажакъ*) «противоборство, противостояние»; от него, с присоединением аффикса *-ат* образовано всем известное слово *къазагъат* – *газават* – *къазауат* (считается арабизмом). Слышали, но не могли допустить тюркизм в свои «скифо-иранские» глоссарии. В кар.-балк. яз. *къазакъ* означает «рядовой воин; матерый (волк); одинокий, вольный; домашний раб» (в

рабов обращали пленных воинов; ср. русск. «казачок»). У карачаево-балкарцев и ногайцев есть и имя собств. – *Къзакъ*, и фамилия *Къзакълары*.

«*Каданакос* (Т); неточное написание вместо *Кадзанакос* (?). От ос. *Къаезаенаег* «заика».

- Опять прозвище, да и то благодаря замене звука. Скорее, кар.-балк. *къодана* «лен, льняной» - «белокурый». Или это *Къзамакъ*, *Къаджамакъ* «неустанный, упорный».

«*Осмаракос* (Т) – ос. *ос-мараег* «женоубийца» (Фасмер).

- Фонетическая близость безукоризненна. Но кого могли так назвать - скифского собрата Синей Бороды или рядового маньяка-женоненавистника - неизвестно. Скорее всего, это все то же кар.-балк. слово *оспар* (*осбар*, *осмар*) «гордая» + *ах* «душа».

«*Мардауос* (Т) (Фасмер), от того же ав. корня *мар*, ос. *марун* «убивать».

- Скорее кар.-балк. *марда* «мера».

«*Атамазас* (Г), *Аттамазос* (Г) = ос. собств. имя *Ацаемаез* (нартровский эпос); в первой части *вас* «слово» (с утратой В).

- Выделяя в этих именах корневое *маз*, *маза*, В. И. Абаев предполагал, что в скифском слово означало «большой, великий», добавляя: «авест. *маз* в осет. не засвидетельствовано». Итак, эпическое осет.-авест. имя, в котором Абаев видел значение «сильный в слове». В кар.-балк. эпосе этого нарта зовут *Ачемез*, от *Ачимаз* «неуязвимый» (магическое имя; ср. *Къоркъмаз* «неустрашимый», *Таймаз* «не отступающий» и пр.). Имя является у карачаево-балкарцев обычным испокон (есть и герой исторической песни с таким именем). *Маз*, стоящее в лексике иран. языков одиноко, в авест. яз., вероятно, попало из тюркского. Авестийский (зендский) не мог веками жить вне контактов с другими языками (древнейшая рукопись «Авесты» датируется XIII в.). Кар.-балк. примеры: *баз* «опора, уверенность», *маза-ллы* «огромный, могучий», *баз-ыкъ* «толстый, дородный» и др., *мажал*, *мазал* «наилучший». В казах. яз. *маза* – «сила, мощь».

«*Оспимазос* (О) может быть, из *Оспинбазос* = *Аспайна-базу* = ос. *Аефсаен-базыг* «железнодорожный».

- Вполне корректная этимология. Но странно, что в РОС сам же Абаев указывает: «рука - *къух*, *арм*», а в ОРС написано: «*базыг* – плечевая кость». Может быть, лучше тюрк. *Аспан-маза* «небесная сила» (ударение на последнем слоге)?

«*Мазис* (П) – авест. *маз* «большой, великий» (Фасмер).

- Да, но иранское ли это слово? В кар.-балк. оно есть («сила, мощь, огромный», как и в казах., а в осет. яз. его почему-то нет).

«*Мазайа* «женское имя» (Лукиан) (Фасмер).

- Семантика имени в глоссарии не раскрыта. Ср. кар.-балк. *маз ая* «сохраняющая (берегущая) силу».

«*Моугисагос* (О), с перестановкой частей = ос. *саг-мыгг-аг* «оленьей породы». Ос. *мыгае* «семя», *мыггаг* «порода», греч. *мукса*, лат. *мукус* «слизь».

- Что это за «семя оленей» или «оленья порода», Абаев, к сожалению, не объяснил. Кар.-балк. *монг* «богатство, обилие, изобилие» и т. д.; *сакъ*, как уже говорилось выше, имеет множество значений, одно из которых – «хранить, охранять, быть настороже». *Монгусакъ* - «чье богатство хранимо», т. е. в безопасности. Еще ближе *Менгисакъ* – «вечно бдительный».

«*Парспанакос* (О) с перестановкой частей = ос. *фаейнаег-фарс* «крепкобокий», букв. «у кого бока (*фарс*) как доски (*фаейнаег*)»; ср. по образованию англ. *айронсайд* «железнобокий».

- Поверить в эту этимологию мешают как перестановка частей, так и предполагаемая семантика. Аналогия с англ. словом была бы правомерной, если бы *фаейнаег-фарс* означало, например, «деревяннобокий». Или если бы привели бытующее ныне имя,

сходное по семантике. Поэтому думаем, что в первой части имени тюрк. *барс*, во второй – *балакъ* «свод стопы, стопа» (с переходом Б в П): букв. «барсоногий» (т. е. «ходящий легко, как барс»).

«*Данаразмакос, Данарасмакос* (Т) – по Миллеру = *дан-араз* «направляющий реку», но откуда *М?* – спрашивает Абаев, и предлагает свое объяснение: «= *Дан-Варазмак* «Донской Уаразмак», «Уаразмак с реки Дон», где *Варазмак* – собственное имя, образованное от *вараза* «кабан» и сохранившееся в нартском эпосе (*Уаераездеаг*).

- Обе этимологии, мягко говоря, сомнительны. Следовало бы спрашивать не о том, откуда взялся лишний звук *М*, а подумать, куда и зачем этот ирано-скифский предшественник строителей Беломорканала направлял бы какую-то реку (если бы это было ему под силу). Как и о том, кем мог быть «Донской Уаразмак» и чем он мог отличаться от других Уаразмаков. Скорее всего, данное имя от кар.-балк. *танг арасы* «середина утра» + обычный имяобразующий аффикс *макъ, мек*, т. е. «родившийся в середине утра».

«*Сакдеос* (Т) = др. иран. *сака-дайва* – стар. ос. *саг-деу* «демон-олень».

- Оставалось поведать, где и в каком «староосетинском» тексте было зафиксировано это мифологическое существо, и есть ли такие тексты вообще. Кар.-балк. *Сакъ деу* букв. «осторожно-сильный», т. е. «применяющий свою силу разумно». Или это слегка искаженное *Сан(ы)деу* «мощнотелый». Слово *деу* имеет значения «великан; могучий, мощный».

«*Садайос* (О) – ос. *саедае*, авест. *сатэм* «сто»; может быть, в значении «сотник».

- Трудно представить, что человека звали бы, скажем, Стопятьдесят или Двести. И неужели «скифо-иранцы» не могли прибавить к числительному какой-нибудь суффикс, чтобы получить, например, значение «сотник»? К тому же в осет. яз. нет ни одного слова, обозначающего какое-либо воинское звание (см. ОРС, РОС, ИЭСОЯ)? Кар.-балк. арх. *сата, сатан* (из *шат, шарт*) «ясный», *ай* «месяц, луна». Ср. имя главной героини нартского эпоса, лунной богини *Сатанай-бийче* «ясная луна» (*бийче* – «богиня; княгиня; госпожа; супруга, хозяйка дома»).

«*Согос* (Г, Т, П) – ос. *сог* в старом значении «огонь».

- Возможно. Кар.-балк. *сокъ* «бить, ударять; ткать полотно; играть на музыкальном инструменте». Или это *согъуш* «битва, бой». Ср. имя *Къазауат* «битва, война». Таким именем нарекали сыновей, родившихся во время войны.

«*Сиягос* – ос. *сиаг* «зябкий» (Фасмер).

- С чего бы человеку стали давать такое имя? Конечно, традиция наречения именем сложилась не сразу, вначале, вероятно, были просто клички, прозвища, и пр. Но если мы будем основываться только на этом, то впадем в полнейший произвол; в семантике имен все-таки должна быть какая-то логика. Кар.-балк. *сый* (от *сай*, из *сакъ, сан*) – «почет, почтение, уважение» + аффикс *-акъ* = «почтенный, уважаемый».

«*Созирсауос* = *созир-сау* «смуглый Созир», ср. ос. собств. имя *Созир*.

- Сравнили. Но что в осет. яз. означает «Созир» и почему Абаев нам это не сообщает? И почему этот Созир непременно должен быть смуглым? Или есть имена, означающие «Белолицый Созир», «Желтолицый Созир» и пр.? К тому же опять нарушен порядок частей, получается неестественное для осет. яз. «Созир смуглый». Может быть, это имя от кар.-балк. *сёзю сакъ* «осторожный в слове», т. е. «говорящий обдуманно»? Есть кар.-балк. имя *Созар* «долговязый, высокий», и фамилия *Созарукъ-лары*. Не исключено также, что имя могло принадлежать какому-нибудь адыгу.

«*Сауайосос* – в первой части ос. *сау* «черный»; вторая часть неясна.

- *Шауай* в кар.-балк. означает «торговец лошадьми». Так же зовут главного героя нартского эпоса – *Шауай* (в полной форме – *Къарашауай*), от *шаккай, шакан, шахан*

«сокол» (в нартские сказания этот герой вошел из древнего животного эпоса, в котором имел облик сокола; см. ниже). *Сауай+оз* означает, в таком случае, «обгоняющий соколов», «стремительный».

«**Табейс** «женское имя» (П); авест. *тап*, ос. *тавын* «греть».

- Присхождение слова *тап*, *тып*, *топ*, *дып* и пр., выяснить очень трудно, скорее всего, и невозможно. Ср. кар.-балк. слова с этим корнем: *тыпыр* «очаг»; *Тепена*, *Тыпана* «мать огня», богиня домашнего очага; *тапанча* «пистолет»; *дыф*, *дып* «сигнальный костер на дереве или на холме, горе», *топ* «пушка», *тыпыл* «теплый» и т. п. Сюда же – русск. *топить* (печь), *теплый*. Анализируемое же имя, возможно, от кар.-балк. *таб*, имеющего много значений, в том числе – «ладный» (*таб адам* – «ладный человек, хорошо сложенный»): *таб* + аффикс *ей* = «ладная» (*Табей*, *Табий*).

«**Бастакос** (Т) = ос. *баестаг* «местный, земляк»; сюда же *Бостагон* (П)?

- Вполне возможно. Но, по примеру иранистов, предложим кар.-балк. имя-прозвище: *маштакъ* «низкорослый; низкорослая лошадь; мерин» (учитывая чередование М-Б в тюрк. яз.; синон. *алаша* «мерин», букв. «низкий, низкорослый»). Имя бытовало и в недавнем прошлом, в форме *Маштай*.

Абродзеос (Т) = *авра-вача*, ос. *арв-уас* «носитель небесного уаса» (вести, слова).

- Может быть, лучше южно-тюрк. *арбаджи*, *арбачи* «возчик, возница» (с заменой отсутствующего в греч. ДЖ на ДЗ)?

Афяхос (Т) = *Афсах*, дальнейшее звуковое развитие имени *Аспак* (*Аспакос*); ср. ос. *аефсае* (из *аспа*) «кобыла».

- Утверждать, что кто-то из скифов звался Кобылой, мы не можем. Возможно, это тюрк. *аппакъ* «очень белый»; ср. кар.-балк. фамилию *Аппакъ-лары*.

«**Охоардзанес** (Т) = *ваху* (ир. «добро») + ос. *уарз* «любить»; «добролюб».

- Неясно, в таком случае, что означает слог *ан*. Точнее, на наш взгляд, кар.-балк. *Огъуразан*, *Огъураджан* «добрая душа».

«**Сарукъ** «женское имя» (П) = ос. *сар* «голова» + суффикс *ук* (Фасмер).

- Скорее, это кар.-балк. *Сарыука*, *Сарыкай* «белокурая».

«**Ходонакос** (Т) = ос. *Ходуйнаг* «достойный смеха» (Фасмер).

- Более чем странно: неужели этому скифу с рождения (или с юности) прочили такую участь? Может быть, имя от кар.-балк. *готон* «плуг» + аффикс *акъ* = «плугарь, пахарь»?

«**Досумоксардос** (Т), первая часть неясна; во второй – *хиатра* «сила, доблесть, отвага».

- Кар.-балк. *дос* «друг, приятель», *масарт* «людское скопище, множество людей, толпа»; *досу масарт* – «имеющий множество друзей».

«**Санагос** (О) = ос. *саенае*, кабард. *санэ* «вино» + суффикс *-аг*; значение такого имени могло быть «винолюб» или «винодел».

- К пивоварам, медоварам, хорошим ткачихам, чесальщикам и прочему пролетарскому элементу, а также к мелкому буржую-кабатчику теперь добавился еще и то ли поставщик, то ли потребитель зеленого змия. Кар.-балк. *Саны акъ*, слитное *Санакъ* «белотелый» (-ая).

«**Амартиакос** (Т); ср. ос. *амаедтаг* (из *амаерддаг*, от *а-марди-аг*) «жертва».

- Вполне возможно. Но вспомним имя правителя Дунайской Болгарии – *Омуртаг* («вечная гора»), вариант одного из кар.-балк. названий горы Эльбрус – *Минги Тау* (в том же значении).

«**Бидакес** (П) – ос. *уидаг* «корень», авест. *ваети* «лоза, ива».

- Гораздо ближе кар.-балк. *Бетакъ* «белолицый», закономерное стяжение от *Бети акъ*. Или это *бий даг* «божья гора».

«**Кафанагос** (О) – от ос. *каеф* «рыба», с наращением двух излюбленных в собственных именах суффиксов, *-ан* и *-аг*; соответствующее осет. *Каефонаг* не засвидетельствовано,

но звучит вполне естественно.

- Заверение Абаева в «естественном звучании» имени не убеждает, поскольку это вообще не аргумент - точно так же естественно оно может звучать для носителей доброй дюжины языков. И зачем было скифам к слову, означавшему «рыба», добавлять еще и два аффикса? Как меняется от этого смысл имени? К тому же, как уже говорилось, происхождение слова осет. *каеф* «рыба» неизвестно (Абаев, ИЭСОЯ, т. 1, с. 576). Кар.-балк. *Къабынакъ* «горячий, вспыльчивый» звучит не менее естественно.

«**Акасас** (Г) - *ае-гас* «здоровый, целый, невредимый», из др. иран. *а-кас*; из аланского это слово усвоено в венгерский: венг. *егесц* «целый, здоровый».

- Вполне возможно. Или это кар.-балк. имя собств. *Акаш*, может быть, от *акъ къаш* «белобровый» (детская кличка). Или *акъ ас*, букв. «белый род» («принадлежащий к знатному роду»); ср. одно из кар.-балк. именований узденей первой степени – *акъ ёзден*, или *акъсюек* (от *акъ сеок* «белый род») – «аристократ».

«**Абдаракос** (Т) = *ав-дарак* «дающий воду», «поющий водой»; ср. современное ос. *дон-дараег*, так называют того, кто поит лошадей, скот; другое, менее правдоподобное, толкование: ос. *авд-араг* «рождающий семерых» (Фасмер).

- Возможно. Слабость этой этимологии в том, что наличие в иран. яз. термина *ап*, *ав* «вода» только предполагается, на основе сходства с ос. *авг* «стекло», *арф* «глубина, глубокий» и *аев-деу* «демон (водяной)». Имя *Абдаракос*, скорее всего, кар.-балк. *атбаракъ* «лошадник, любитель коней».

«**Алексардос** (Фн) = *арья-хсатра* «носитель арийского *хсарты*» (доблести) (Фасмер); для первой части (*але*) ср. ос. *алае* в названии бога-кузнеца *Курд-алае-Уаргон* «кузнец аланский Варгон» (но *Варгон* означает «волкович» - М. Дж.).

-Этимология совершенно произвольная. Во-первых, отсутствует фонетическая близость. Во-вторых, *алае* (неизвестного значения) весьма далеко и от *арья*. В-третьих, Абаев подкрепляет этимологию Фасмера не тем именем бога-кузнеца, которое встречается в эпосе осетин (там его зовут *Курдалагон*), а своей реконструкцией (в одной из работ) этого имени (*Курд-Ала-Уаргон*), означающего, по его мнению, «кузнец аланский Волкович». В-пятых, имя осет. эпического кузнеца означает просто «кузнец Алагон» и происходит от имени героя кар.-балк. эпоса, старшего сына бога-кузнеца Золотого Дебета – *Алаугана* (*курд* в осет. яз. - «кузнец»). *Алауган* от *ала уанг* «пятнистый зверь», табуированного названия главного тотема карачаево-балкарцев – барса. *Элик*, *алик* тюрк. «царь», кар.-балк. *сарт* – «черта, признак; мнение, разумение»; имя *Алексард*, *Эликсарт* означает «подобный царю» (если, конечно, писец-резчик не ошибся в написании греч. имени *Александрос*).

«**Аспакос** (Т) из *Аспа-ка* (Фасмер); от ос. *аефса* «кобыла», авест. *аспа* «лошадь»; сюда же *Ишпакай* «скифский князь» в ассирийских источниках.

- Неясно. Но, следуя примеру Абаева, мы можем сказать, что имя «Ишпакай» звучит по-тюркски совершенно естественно. *Ас* тюрк. «род», *бакъ* «питать, лечить, надзирать, смотреть, присматривать»: «кормилец рода», или «глава рода»?

«**Багэс** (Г), сокращенная форма какого-то имени, содержащего *бага* «бог»: напр., *Багадата* «богоданный» и т. п. (Фасмер); сюда же, возможно, *Багиос* (Г). Перс. *бага*, авест. *бага*; в осет. не сохранилось.

- В кар.-балк. (и шире, в тюрк. яз.) слово *бай*, *бий* первоначально означало «бог, Господь, Всевышний» (ср. казахское восклицание «Ой, бай!»). Восходят к *бакъ*, *багъ*, *бах* «взирать, надзирать, опекать, питать, лечить». Ныне основное значение *бай* – «богатый, богач» (ср. эти же русские слова), *бий* – «князь, господин»; какое из них могло подразумеваться в имени *Баг*, остается только гадать («Лекарь»? «Опекун»? «Богач»?).

«**Горгосас** (Г) = *Гару-гауса* «тугоухий» (?) (Фасмер); авест. *гоуру*, др. инд. *гуру*

«тяжелый»; авест. *гаоша*, осет. *хъус* «ухо».

- Больше похоже на кличку, как и многие скифские и не-скифские имена в интерпретации иранистов. Кар.-балк. *Къоркъуусуз* «безопасный».

«**Омрасмакос** (Т) = др. иран. *хам-расма-ка* «стоящий в том же боевом ряду» (Фасмер).

- Тюрк. *ёмюр юзбек*, *омур узбек* «чей век (жизнь) не прервется».

«**Оходиакос, Оходзиакос** (Т) = ир. *ваху* «добрый» + *од* «душа» + суффикс *аг* «добродушный»?

- Не ближе ли кар.-балк. *ахы чууакъ* «чья душа светла (ясна)»? Или *Акъззиякъ*, *Акъзиякъ* «белощекий»?

Фиатакос (П) В. И. Абаев объясняет как осет. *фаетаег* «вождь». Возможно. Или это архаичное кар.-балк. *биядакъ* «плясун, танцор»; от *бия* «пляска, танец», сохранилось в некоторых тюрк. яз., например, в кумык.; а также в названии кар.-балк. воинственной пляски «*Аслан-бия*» («львиная пляска»).

Фосакос (Т) = ос. *фыс* «овца» + суффикс *-ак* (Фасмер).

- Может быть. Но какой семантический оттенок придает слову *фыс* «овца» суффикс *ак*? И кому принадлежало имя – мужчине или женщине? Может быть, это тюрк. *Пусакъ*, *Бусакъ* «тополь», «ясень»?

«**Оуарозбалакос** (Т) = авест. *вараза*, перс. *гураз* «кабан», в осет. яз. сохранилось только в собственных именах (например, *уаераз*); в первой части *вараз*, вторая часть неясна; м. б., к ос. *бал* «группа, стая»: *вараз-бал-ак* «принадлежащий к кабаньей стае».

- Стало быть, у «скифов-иранцев» считалось престижным принадлежать не только к «мидийским оленям», но и к «кабаньей стае». Но кабаны стаями не ходят, в группе бывают только один кабан, матка и поросята. Следовательно, если иранисты правы, в этом имени подразумевалось значение «кабаненок». Кар.-балк. *ёрюзбалакъ*, *орузбалакъ* «счастливая стопа», т. е. «идущий к счастью».

Имя из Ольвии, почти в таком же написании, Вс. Миллер объяснил по-другому: **Оуаразбалакос** – в первой части ос. *уарз* «любить», во второй ос. *бал* «военная дружина»: «любящий дружину» или «любимый дружиной» (заметим, что в осет. яз. нет термина, означающего «дружина»). Это, на наш взгляд, хорошая этимология; трудно сказать, почему Абаев не заметил полной идентичности двух имен и не применил объяснения Миллера в обоих случаях. Возможно, это объяснение понадобилось ему для этимологии другого имени:

«**Оуастабалос** (Т) – *Варзта-бала* «любимый дружиной».

- Вполне вероятно. Но для термина *бал* в ОРС указаны значения «группа, отряд, стая» (поэтому перевод должен быть другим – «любимый отрядом»); слов, означающих «дружина» и «дружинник», в осет. яз. нет. Кар.-балк. *Ораз-табар* «счастливый», букв. «счастье обретающий».

«**Оксардодзис** (Т) = ос. *аехсарт-уас* = «чье слово полно мужества».

«**Оксардосис** (Т) = стар. ос. *аехсарт-уас* «чья речь полна отваги».

- Ср. тюрк. *аскар дост*, *аскер дос* «боевой товарищ».

«**Багдохос** (Т) = *Бахта-ваху* «имеющий хороший удел», «счастливый» (Фасмер).

- Неубедительно в фонетическом отношении (вставка лишнего слога *-ва*). Кар.-балк. *байтокъ* (от *бакътокъ*) – «многоимущий». Ср. *бийтокъ* «полновластный», и фамилию *Бийтокъ-лары*.

«**Хондуакос** (Феод.) = ос. *хундуаг* «достойный приглашения».

- Интересно, но что имелось в виду? Кар.-балк. *кюн тиякъ*, *кун тиякъ* означает «солнечный луч».

«**Сфаробаис** (П); во второй части ос. *уай* «нестись» («несущийся наступаая») (?).

- Или «наступающий несясь»? Кар.-балк. *оспар* «гордый» + *бай* «богач», обычное

дополнение к тюрк. именам (*хан, бек* и пр.) = *Оспарбай*.

«**Сорхакос** (Т); *сурх* = суффикс *-ак*; ос. *сырх*, авест. *сухра*, перс. *сурх* «красный» (Фасмер).

- Вполне возможно. Несколько искусственная конструкция возможна и на основе кар.-балк. яз.; *зорхакъ* «сильный, силад»; ср. *кьоркьакъ* «трусливый, трус», *асхакъ* «хромой, хромец» и др. Но ближе кар.-балк. *сурх* «молния» и производное от него имя *Сурхай* (от более раннего *Сурхакъ*).

«**Аргодас** (П), **Арготас** (П) = ос. *аргуд* «освященный», «благословенный» (Фасмер).

- Имя *Аргот*, возможно, тюрк. *ар кьут, эр кьут (хот, хут)* «геройская душа». Ср. кар.-балк. имена собств. *Архот, Аухат*.

Забакос (Т), **Забациос** (Г) = ос. *саеуаег, заеуаег* «ходок» (Фасмер); ср. *Дзаеуаег* имя основателя Владикавказа, по-осет. называемого *Дзаеуаеджи гаеу* «селение Дзавага»; иную передачу того же имени мы видим в *Тхиабогос* (Т).

- Кар.-балк. *забакъ, жабакъ* (совр. *забыкъ, жабыкъ* – «укрытый», т. е. «безопасный»; отсюда фамилия *Забакъ-лары*).

«**Саумакос** скиф, убивший Боспорского царя Перисада, = ос. *саеумаг* «утренний».

- Если бы академисты привели пример бытования подобных имен у иранских народов («Вечерний» или, скажем, «Дневной»), это было бы наилучшим аргументом в пользу данной этимологии. Более вероятно, что этот скиф имел грозное тюрк. имя *Сармакъ* (*Сарумакъ, Сарубек, Сарыук* и т. п.) – «дракон».

«**Олкабас**, скиф» (Аппиан, Фронтин) = ос. *уаел-каф* (с озвончением Ф в Б) «повелитель рыб»; ср. *упари*, ос. *уал-* «сверху находящийся», «высший»; имя в целом можно сравнить с ос. *Каефти-саер* «Глава рыб», герой нартовских сказаний.

- Почему и зачем этого скифа наименовали бы «повелителем рыб», совершенно неясно (иное дело, если бы речь шла о каком-то морском божестве). К тому же, как пишет В. И. Абаев (см. в ИЭСОЯ), слово *каеф* «рыба» не-иранское, и мы не знаем, имелось оно у «древних североиранцев» или нет. Кар.-балк. *Алгъабас* «ступающий впереди». Или *Уллукаб* «имеющий хороший аппетит», букв. «крупноглот».

«**Орикос** «имя одного скифа» (Геродот) = от ос. *уаерикк*, перс. *бар* «ягненок».

- Вполне приемлемая этимология. Кар.-балк. *ёрюк, орик* «возвышенный».

«**Хорсамантис** «массагет, копьеносец Велизария» (Прокопий Кес.) = стар. ос. *хварз-амант*: «счастливый», «наделенный хорошим счастьем».

- Трудно сказать, чем отличается хорошее счастье от счастья нехорошего (да и бывает ли таковое?). Но следующее имя, скорее всего, полностью идентичное этому, В. И. Абаев почему-то переводит по другому:

«Сюда же: **Хорсоманос** «массагет, копьеносец Велизария» (Прокопий Кес.) = иран. *хварз-аман* «хорошо наставляющий».

- Вполне приемлемая этимология, вопрос только в том, является ли имя осет., или оно перс. или хорезмийск. Кроме того, обладатель его не обязательно должен был являться иранцем. Кроме того, кар.-балк. *хорсыман* означало бы «обладающий победой, победительный», от *хор* «сила, одоление», и аффикса обладания *сыман*; ср. *телисыман* «с придурью, придурковатый».

Итого – **88** имен.

ИРАНСКИЕ ИМЕНА

В Причерноморье, в Подонье и Поднепровье проживали, и в немалом числе, пришлые с юга ираноязычные хорезмийцы, согдийцы, евреи, а также армяне (многие из которых могли иметь иранские имена) и др.; это отразилось и в эпиграфике.

Абнезос (О) = *ав-ниуаз* «водопийца», ср. ос. *ниуазын* «пить» (Фасмер).
 - Странное объяснение. М. б., ближе перс. *абдест*, *абдез* «ритуальное омовение»?

Ардонагарос (Т) ос. *аегаер* «многий, чрезмерный, избыток»; ос. *аердун-аегаер* «многолучный, имеющий много луков».

Атасас (Т) ос. *ае-дас* «безопасный», из др. иран. *а-тарс* (Фасмер).

Гудигасос (Т) = ос. *гуд-игас* букв. «здравомысл».

Амемайос (О) = др. иран. *ама* «сильный, могучий» (в осет. не сохранилось) + др. иран. *майа* «искусство, ловкость» (Фасмер); сюда же *Амиомайос* (О) ? (Фасмер).

Амеспадос (О) = др. иран. *ама* + *спада* «войско» (Фасмер).

Анданакос (Т) (Фасмер) - ос. *аендон*, удмурт. *андан*, чечен. *ондун* «сталь»; у Марко Поло *анданик* «особый сорт стали»; происхождение не вполне ясно; может быть, из иран. *хан-дану* «сплав».

Город **Аргод** в Херсонесе Таврическом (Птолемей); ос. *аргуд* «освященный, благословенный»;
 может быть, сюда же **Аргуанасос** (О) = *аргауйнаг* «подлежащий благословению».

- В осет. *аргъонакъ* – «гончий пес»; тюркизм (см. в ИЭСОЯ).

Арнакес (Т) – от ос. *аернаег*, др. инд. *арана*, авест. *ауруна*, *рэна* «дикий». Имя встречается и в других иран. яз.

Ардимманос (Березань); от др. иран. *аришти-ману* «человек с копьем», «копьеносец».

Ходарсос (О) = ос. *хуаед-арс* «снабженный копьем», «копьеносец».

Ариарадес (П) = др. иран. *арья-ратха* (Фасмер).

Ариарамнес (П) = др. иран. *арья-рамна* (Фасмер).

Байораснос (Т) = др. иран. *байвар-аспа* «многоконный»: ср. ос. *беурае* «много» (Фасмер).

Байормайос (О) – др. иран. *байвар-майа* «многорадостный» (др. иран. *майа* «радость»).

Борофадзос (О) – вероятно, неточная передача старо-осет. *беурае-фсад* «имеющий много войска».

Омбеуарос (О) = *хум-беуар* «многопашенный», «имеющий много пашен»; ср. ос. *хум* «пашня».

Набадзос (Т) – др. иран. *нав-аза* «кормчий», «управляющий кораблем»; см. авест. *нав*, др. перс. *нав*, ос. *нау* «корабль» (Фасмер).

Банас (П) – ср. авест. *бану*, ос. *бон* «день, сила, мощь, богатство».

Брадакос (П) = *братака* «братец» (Фасмер); ср. авест. *брата*, ос. *аервад*, др. перс. *брата* «брат».

Тхиармакос (Т); ос. *царм*, авест. *чарэман* «кожа»; *царм* + *ак*, что могло означать «кожевник» (Фасмер).

Сауанон (Т) – ос. *цауаенон* «охотник» от того же корня *цаеу* «ходить».

Одатис «женское имя» = др. иран. *ху-дата* «хорошо сотворенная» (Фасмер); др. инд. *дха*, авест. *да* «создавать, творить».

Дадагос (О); ср. ос. *даедтаег* «дающий, щедрый» (Фасмер).

Фалдаранос (Т) = др. ир. *пари-дарана*, стар. ос. *фаелдаераен* «сокрушитель»?
 (*Фарна*, *фарн* – полурелигиозное иран. понятие «небесная благодать, благоденствие» и пр. На основе этого термина иранисты объяснили целый ряд имен).

Фарнес (П) (Фасмер); ср. ос. фамилию *Фаерниатае*.

Фарносардос (Т) = ос. *фарн-аехсарт* = др. иран. *фарна-хиатра* «чья доблесть полна фарна» (Фасмер).

Майфарнос (О) = ос. *маей-фарн* «носитель лунного фарна» (Фасмер).

Хофарнос (Т), **Кофарнос** (Т) = др. иран. *ху-фарна* «носитель хорошего фарна».

Эубарнакэс (Т) - эллинизация скифского *ху-фарнак* «носитель доброго фарна».
- Но возможно ли говорить о «плохом фарне» и «недобром фарне», если «фарн» озн. «благодарить»?

Фарнакес (многократно: П, Г, Т, Х);

Фарнагос (многократно О, Сев. Кавказ);

Фарнакион (П, Г) (Фасмер).

Питфарнакэс (Тирас), **Питофарнакэс** (Т) – ир. *пит-фарн-ак* «носитель отцовского фарна» (Фасмер).

Фарзеос (О) – «хлебосольный»; «хотя этимология не вполне очевидна, разительное совпадение с дигорским *фаерзеу* «угощение, хлебосольство, хлебосольный» дает право включить это имя в наш глоссарий; ср. ос. *зеу* «общественная работа (помочь) и сопровождающее ее угощение».

Хофразмос, Хофрасмос (Т) – может быть, метатеза из *Хорфразмос* = ос. *хор-фаезм* «подражающий солнцу», «подобный солнцу».

Феданакос (Т) = ос. *Фаедаен-аг* «кому суждено будущее».

Сеурагос (Фн) = ос. *саеу-раг* «утро, утренний».

Др. инд. *пратама*, авест. *фратама*, согд. *пртм* «первый»; в современном осет. *фиссаг* представляет новое образование от *финз* «нос» («носовой, передний»); в староосет. должно было быть другое, иран. слово для «первый» - *радам*.

Радамофуртос (Т) = *радам-фурт* = др. иран. *фрадама-путра* «первенец» (Фасмер).

Радамсатис «царь Боспора» = *радам-сад* = др. иран. *фратама-шияти* «первая радость» (Фасмер).

Радамейстос (Т, Ф) = *радам-мизд* = др. иран. *фратама-мизда* «получающий первую награду» (Фасмер).

Радамфон (О), вторая часть (*фон*) не ясна (Фасмер).

Флианос (О) = др. иран. *фриана* «любимый» (Фасмер).

Ос. *лиман*, др. инд. *преман* «друг». На этой основе Фасмером объяснен ряд имен: **Флиманакос, Флеймнагос** (О), **Лейманос** (Т, П), **Лимнакос** (Г).

Гаос (Т)? от авест. *гао* «бык», ос. *хъуг* (из *го-ка*) «корова».

Форгабакос (Т) = ос. *фыр-хауаег* «много потребляющий».

Эйскудиос (П) = ос. *йес-худи* «обладающий мыслью», букв. «у кого мысль (*хъуыди*) имеется (*йес*)».

Амбустос (Т) – *аем-бузт* «возвеличенный» (?); ср. ос. *а-буз-ун* «расти, увеличиваться».

Аморомарос (О) = *хамара-мар* «врагоубийца» (?); (Фасмер); др. перс. *хамара* «враг».

Афтаймакос (Т), **Афтеймакос** (Т) = ос. *авд*, авест. *хапта*; *хапта-ма-ка* = *аевдае-имаг* «седьмой»; скифское имя соответствует латин. *Септимус* (Фасмер).

Оустанос (Т, П) – др. иран. *ху-стана* «хорошо сложенный» (Фасмер).

Хомеуос (Т) = *ху* «хорошо» + ос. *меуае* «занятие, работа»; «искусный в работе».

Ходайнос (Т) = др. иран. *ху-дайна* «имеющий добрую веру» (Фасмер).

Хоросадос (Фасмер); вторая часть = др. иран. *хиата*, ос. *аехсад* «умытый»: «умытый солнцем».

Хоарофадиос (Т) вместо **Хоарсфадиос** (?); ср. ос. *хуарз-фаед* «имеющий хорошее потомство».

Йодесмагос (О) = *й-од-аесмаг*; ср. ос. *од* «душа, жизнь» и *аесмаг* «запах, дыхание» и выражение *од-аесмаг зи нае йес* «в нем нет дыхания жизни».

Кайнаксардос (О) = др. иран. *кайна-хиатра* – ос. *кенае-хсарт* «доблестный (*хсарт*) в мести (*кенае*)».

Ксартанос (О) = ос. *хсарт* + суффикс *ан* (ос. *он*) (Фасмер). Ср. *Ахсартан* имя нескольких царей Кахетии и Ширваншахов XI-XII вв.

Мадакос (Т); такое имя могло означать «медолюб» или «медовар».

Мазс (П) (Фасмер); авест. *мах*, ос. *маей(ае)* «луна, месяц».

Майосара «женское имя» (П) = ос. *Маей-саер* «луноглавая» (Фасмер).
- Вероятно, это распространенное в Средней Азии имя *Майсара*.

Стормаис (Т) = ос. *Стур-маей* «напоминающий большую (т. е. полную) луну» (?).

Меукос (Т); ос. *меуае* «действие, занятие, работа», др. инд. *мивати* «он двигает», латин. *мовере* «двигать».

Маммарос (П) из **Манмарос** = стар. ос. *ман-мар* «мужеубийца».

Маниагос (О) = стар. ос. *мани-аг* «кому суждено стать мужчиной»; новоосет. *лаег*, кавказского происхождения, в значении «человек, мужчина» вытеснило стар. ос. *ман*, которое удержалось только в значении «муж» (*мойнае*). (Ср. также имя согдийца, тюркютского посла в Византию – *Маниах*. – М. Дж.).

Мастас (П), **Мастоус** (Т, П, Г); авест. *маста*, перс. *маст* «опьянение, пьяный». Также – «гневный, ярый» (*масты*, в осет. яз.).

Мада (П) «женское имя» (Фасмер); авест. *мата*, ос. *мадае* «мать».

Фадзинамос (Т), **Фадинамос** (Т); авест. *нама*, ос. *ном* (из *нам*) «имя» + иран. *пати* «господин» = *пати-нама* (?) (Фасмер).
- Следовательно, получается «господское имя», или «имя господина»?

Намгенос (О) = стар. ос. *нам-гин* «именитый» (Фасмер).

Навакос (Т) – авест. *нава*, др. перс. *нава*, ос. *наеваег* «новый», до сих пор употребляется в Осетии как собств. имя (Фасмер); ср. также слав. *новак*, встречающееся и в качестве собств. имени.

Нихекос (Г) – ос. *ных* «лоб» + суффикс *-ак*; «лобастый» или «счастливый» (счастье, по осетинским понятиям, «написано на лбу»).

Фадияроадзос (Т) – вероятно, = ос. *Фаед-араз* «пролагающий след», «прокладывающий дорогу».

Сюда же: **Фандаразос** = ос. *Фаенд(аг)-араз* «устраивающий дорогу», «пролагающий путь» (Фасмер).

Фориас (Т) = др. иран. *пару-иав* – ос. *фыр-йаеу* «имеющий много проса» (Фасмер).

Форианос (Т) = ос. *фыр-йаеу* «имеющий избыток проса» (Фасмер).

Патайкос (Г) - ос. *фаетаег* «вождь», вероятно, от корня *пант*, *пад* «дорога», авест. *пад*, др. перс. *пад*.

Патеис (Т), **Патиас** (Т) (Фасмер) – авест. *паути*, др. инд. *пати* «господин».

Перакос (О) = ос. *пиреаг* «чесальщик» (?).

Пиданос (Тирас), **Фиданос** (Т, П) = ос. *фидон* «отцовский» (Фасмер).
Сюда же:

Пидос (Березань), **Пидеис** (О), **Фидас** (Т, П) (Фасмер).

Пурдайос – ос. *фырт*, авест. *путра*, др. инд. *путра* «сын» (Фасмер). От этого же слова образованы имена:

Пурдакэс (О) из ир. *пудрака* «сыночек», **Фуртас** (Т) (Фасмер).

Рапакэс = др. иран. *рапака* «тот, кто является опорой».

Раваиз (граффити) – др. иран. *рава*, ос. *раеуаег* «легкий, быстрый».

Рахойсакос (Т) = ос. *рахуай-саг* «пронзающий оленя».

Фарадос (О) – ос. *фае-рад*, *фе-рад* «получивший радость».

Стосаракос (Т) = вероятно, из *Сторсаракос* = ос. *стур-саер-ак* «большоголовый» (Фасмер).

Рассогос (Т) = ос. *раесуг* «чистый, прозрачный».

Соракос (П) = ос. *сораег* «преследователь» (Фасмер).

Саракос (Т) = *сар* ос. «голова» + суфф. *ак* (Фасмер).

Стауакос = ос. *стаеуаг* «славящий» (Фасмер).

Стуракос (Г), **Стуранос** (Т), **Сторанэ** (П) «женское имя»; авест. *стура*, ос. *стур* «большой» (Фасмер).

Сияуос (О) – ос. *сау*, авест. *сиява* «черный» (Фасмер).

Сияуакос (Т) – ир. *сиява* + *ка* (Фасмер). (Следовательно – «черненький»? – М. Дж.).

Сюда же **Сеуагос** (П), **Сауагос** (Фасмер).

Тускэс (О) – ср. англ. *туск* клык, ос. дигор. *тускъа* кабан, собств. «клыкастый» = «клыкастый, кабан».

Инсадазгос (О) = стар. ос. *инсаз-аг* «Вицентиус» (Фасмер); др. инд. *вимсати*, авест. *висаити*, стар. ос. *инсаедз*, ос. *иссаез*, *инсаег* «двадцать».

От общеиран. *хиатра* («доблесть, победа, сила» и пр.) производятся имена:

Ксартамос (О) = ос. *хсарт* + суффикс *-ама* (Фасмер).

Сатрабатес (ФН) = в первой части несомненно иран. *хиатра*; во второй *пати* «глава» (?) или *вача* «слово» (?).

Ксайорсадзес (П) – в первой части авест. *хшай* «сиять, блистать, властвовать»; вторая часть неясна (Фасмер).

Хоаргарос (Т) – в первой части авест. *хварэна*, ос. *хуар* «хлеб в зерне», «ячмень»; вторая часть неясна.

Хоуарсазос (О), ср. ос. *хуар* «ячмень» и *сазун* «садить (растения)» (Фасмер).

Ифагос (О) = ос. *аейафаг* «нагоняющий, достигающий» (Фасмер).

Изадагос (О), **Иездагос** (О) – авест. *иазата*, ос. *изаед* «божество, небесная сила»; имя оформлено суффиксом *-аг* (Фасмер).

Иездрадос (О) = ос. *изаед-радт* «данный богами» (Фасмер).

Зарандос (Т) = стар. ос. *заранд* «старый».

Итого – **102 имени**, имеющих, на наш взгляд, вполне удовлетворительную этимологию на почве иран. языков. Но что в них, объясняемых с помощью то древнеинд., то авест., то древнеиран., то осет., специфически скифо-сарматского? Едва ли пятая часть этих имен имеет «воинскую» семантику, с «коневодческой» - ни одного, что вполне понятно – большинство ираноязычных жителей греческих городов-колоний занималось, вероятно, торговлей и ремеслом. Отметим примечательный факт: в списке нет ни одного имени, которое было бы удостоверено античными авторами, как принадлежавшее скифу или сармату – это только эпиграфический материал. Данный результат – не наша заслуга; прошу поверить, что мы несколько не пытались получить его.

НЕЯСНЫЕ ИМЕНА

Ряд имен, неудовлетворительно объясненных Максом Фасмером и В. И. Абаевым на основе иран. языков, на наш взгляд, не имеют достаточно убедительного объяснения и на почве тюркских. Мы сочли нужным выделить их в отдельный список:

«Анахарсис «знаменитый скифский мудрец» (Геродот и др.) = *ана-хварти* «невредимый», ос. *ана-хуалц*. (Но в РОС, составленном самим же Абаевым, написано: «невредимый – *аенанаезиан, аенаехъыздард, саераегас*»).

- Из уважения к мудрецу, дадим краткую справку из работы Г. И. Дремина; см. ниже). **Анахарсис** (Anacharsis, Анахарсис) – скифский царевич, сын Гнура, внук Лика, правнук Спаргапифа, брат Савлия, дядя Иданфирса. Родился около 625 г. до н. э. Продолжительное время жил в Элладе. Был знаком с Солоном. Греки считали Анахарсиса одним из семи мудрецов. По возвращению в Скифию был убит своим братом Савлием.

Имя его, возможно, от кар.-балк. *ана харсы* «радость матери»; *харс/къарс* - «аплудисменты, хлопанье в ладоши», но в речи означает и «радость, ликование» (*харс*

къагъып айланады «он ходит, аплодируя», т. е. «он чему-либо, кому-либо радуется»). Допустимо и другое объяснение: *анагъа ырыс* – «запретный для матери». Матерью Анахарсиса была гречанка; за приверженность мудреца эллинским обычаям он и был убит. Возможно, еще в детстве его разлучили с матерью, и такое имя было дано ему по этой причине. Ср. также кар.-балк. фамилию *Анахай-лары*.

«**Амбустан** «языгское собств. имя» - от *аембуст* «возвеличенный» (?) из *хам-пус* (?) ср. русск. *пышный* и пр.

- Неуверенность в правомерности такого объяснения заставила В. И. Абаева поставить два вопросительных знака. В такой же неуверенности пребываем и мы. Стоит отметить наличие в имени перс. *бустан, бостан* «сад, цветник». У карачаево-балкарцев *Бостан* – мужское имя; есть и фамилия *Бостан-лары*.

«**Ходекиос** (Г) = ос. *ходаег* «смешной».

- Кто стал бы называть своего сына таким потешным именем? Почему не русское *ходок*? Потому, что русских (или славян) в «античное» время «не было»? Откуда же они потом взялись?

«**Абрагос** (О, встречается многократно) = ср. др. инд. *абхра* «облако», авест. *аура* «облако», ос. *арв* «небо» = *абр* + *аг* «небесный» (в осет. обычно с другим суффиксом: *аервон* «небесный»); сюда же, возможно, *Аброагос* и *Абродзеос* (Т); ос. *абаерэг* не имеет сюда никакого отношения, вопреки Вс. Миллеру.

- Кар.-балк. *обур ах* - «вещая душа».

«**Арсеуахос** (О), **Арсеоахос** (О), **Арсеохос** (О) – от ос. *арс*, авест. *арэша* «медведь» = *арса-ваху* «добрый медведь»; менее приемлемо видеть в первой части *арсан* «мужчина» ввиду отсутствия этого слова в осетинском.

- Стало быть, по Абаеву, если какого-то слова нет в осет. яз., то его, скорее всего, не было и в «скифском» (но исключений из этого «правила» в его глоссарии, мягко говоря, многовато). Признать этимологию убедительной мешает некоторая искусственность семантики. Кроме того, нарушена норма осет. яз.: определение стоит после определяемого.

«**Орофернес** = *аурва-фарна* (?) «небесная благодать» (Фасмер).

- Неясно.

«**Ардамон, Артамон** (О)? для второй части (*амон*) можно указать на ос. *амонд* «счастье», *амонун* «указывать, предугадывать». В первой части – авест. *атарс*, вин. п. *атрэм*, ос. *арт* «огонь».

- Какое значение получается из таких сопоставлений, Абаев не указывает.

«**Бензет** (П) «женское имя», зват. падеж; ос. *бинзае* «муха» встречается как женское имя» (Фасмер).

- Неясно.

Мандасос (Т) – может быть, = стар. ос. *ман-даес* «(имеющий силу) десяти мужей» или *децемвир*.

- Неясно. К тому же «сила» в «ново-осетинском» не *ман*, а *бон*.

«**Фодакос** (Т, ФН) = от ос. *фыд* «дурной, некрасивый», др. иран. *пута* «гнилой»; или ос. *фыдуаг* «шалун» (Фасмер).

- Неубедительно. Может быть, тюрк. *путакъ, бутакъ* «ветвь, отрасль»?

«**Форос** (Т) от ос. *фыр* «баран».

- Гадательно.

«**Асиагос** (О) – *асиаг* = ос. *аецаег*; сюда же, возможно, **Асиас** (Г), **Асиайос** (О). Авест. *хайтъя*, др. перс. *хашья*, ос. *аец, аецаег* (из *асья-ка*) «правдивый, истинный».

- Неубедительно в фонетическом отношении.

«**Камасарун** «женское имя» (П) = ос. *гом-саер* «с непокрытой головой».

- Неясно.

«**Кардиос** (Т, Ф); от авест. *карэта*, ос. *кард* «меч».

- Вполне вероятно. Ср. тюрк. имя *Къылыч* в том же значении. Но почему *Кардиос*, а не *Кардос*?

«**Спарафотос** (Т); ос. *аефсаерын*, авест. *спар* «наступать, напирать», русск. *спор*, др. сев. *спора* «попирать»; во второй части ос. *фат* «стрела»(?).

- Неясно, каково значение имени.

«**Иауакос** (Т) – «просо»; др. инд. *иава*, авест. *иава* «ячмень», ос. *йаеу* «просо».

- Вполне возможно. Но что означает имя – «просяной»?

«**Ардакдакос** (Т) – согд. *агдак* «завет», ос. *аегдау* «обычай»; *Ардакдакос* может означать «следующий арду (благодати) и обычаю».

- Неясно.

«**Амайакос** (Т), **Амейакос** (Т) = ос. *амайаег* «строитель» (Фасмер).

- Убедительно. Но обладатель имени мог быть и армянином по имени *Амаяк*.

«**Ардарискос** (Т) = *ардар* (из *армдар* «рукодержец» (князь, господин) + греческий суффикс – *искос* (Фасмер).

- О том, что слово *алдар* осет. не является и происходит от тюрк. *алдар* «первый, передний, находящийся впереди» (латин. *приматус*), мы уже говорили.

«**Оронтес** (О); авест. *аурвант* «быстрый, сильный, отважный»; в осет. не сохранилось. Имя встречается и в других иран. языках (Фасмер).

- Оно встречается и в Европе, например, знаменитого средневекового картографа Финеуса звали *Оронтиус*; это имя вовсе не обязано быть иранским.

«**Бораснос** (Т); первая часть = ос. *бур* «желтый», «буланый»; «имеющий буланых коней» (Фасмер).

- Не исключено.

«**Ардонастос** (Т) = ос. *Аердун-аст* «имеющий восемь луков».

«**Харастос** (Т), **Карастос** (О), **Карадзтос** (О) = *хар-аст* или *харак-аст* «имеющий восемь ослов»; число 8 имело в староосетинском особое значение; об этом говорит, между прочим, способ обозначения «девяти»: *фар-аст* букв. «за восьмью», «сверх восьми».

- Да, из этнографических трудов известно, что у так называемых примитивных народов определенное, часто и небольшое число, считалось предельным; за этим уже следовало просто понятие «много». Но скифы, судя по всему, эту стадию развития счета прошли давно, поэтому объяснение Абаева неосновательно. Если же принять его этимологию, неясно, как быть с прочими числами в «скифских» именах, к примеру, с «находящим шесть оленей»? Да и ослов скифы не имели, как единогласно утверждают «античные» авторы. Оба имени, вероятно, не-иранские и не-тюркские.

«**Багдасауос** (Т) = *Бахта-сиава* «имеющий черный удел».

- Вряд ли кто-то назывался таким мрачным именем. Скорее всего, это армянское *Багдасар*.

«**Дандаксардос** (Березань) = *дандак-сарт*, где вторая часть = ос. *сарт* «долото», «имеющий зубы, как долото»; можно также видеть во второй части иранское *хиатра* «власть, царство, сила» и пр. (Миллер, Фасмер). **Дандаксардос** (Березань) = *Данта-хиатра* «сильнозубый» (?), другое объяснение см. выше.

- Поразительная безвкусица, вызванная горячим желанием сделать еще одно имя иранским. Но дурной пример заразителен; почему бы и нам не предложить нечто в этом роде? Кар.-балк. *Тентек-сарт* - «неустойчивый во мнении». Чем это объяснение хуже?

«**Госон** (Х) – от авест. *гаоша*, ос. *хъус* «ухо» (Фасмер).

- Что означало это имя (просто «ухо», «лопоухий», или, скажем, «ушастый»), в глоссарии не сказано. Поэтому неубедительно.

«**Радагосос** (О) = др. иран. *фрада-гауша* «широкоухий» (?) (Фасмер).

- Мы ничего не имели бы против таких значений имен (фактически - прозвищ), если бы ономастический материал был представлен в глоссарии большей частью подобными антропонимами; но слишком много здесь имен, имевших, по мнению иранистов, гораздо более возвышенный характер («Победноконный», «Стальноконный», «Носитель арийского фарна», и пр.). Что такое «широкоухий», я понимаю отказываясь (или скифы табуировали название слона?). Если же имя, допустим, означало «хорошо слышащий», почему об этом ничего не сказано?

«**Гастеис, Гастес** (Г, П) «гость». Это слово в иранских не сохранилось; принимая во внимание исконную близость скифского к славянскому и европейскому миру, мы имеем досточное основание предполагать в нем существование слова *гасти* «гость» (ос. *узаег*).

- Предполагать, конечно, можно. Но все же более правыми кажутся те ученые, которые относят индоиранские и европейские языки к двум разным семьям, а близость их лексики и некоторых черт считают следствием каких-то, достаточно ранних и тесных контактов, смешения индоиранцев с европейцами. Обладатель имени мог быть и просто славянином, со славянским же именем. Карач.-балк. *къаст* - «обет, клятва, священный, обетованный».

«**Кефдос** (Г); суффикс неясен. От согд. *кап*, сак. *каба*, афг. *каб*, мунджан. *кап*, ос. *каеф* «рыба» (Позже Абаев пишет, что происхождение слова *каеф* неизвестно; см. в ИЭСОЯ).

- Неясна причина появления д. Карач.-балк. *кеф* «настроение, самочувствие; внешний вид; хмель, хмельной, пьяный».

«**Сородзос** (О) = др. иран. *сауа-рауча* «утренний свет»; ср. для второй части ос. *рудз* в *рудз-ынгае* «окно» (из «свет»); *сауа* «утро, утренний».

- Не исключено. Возможно также, что это древнерусское имя *Сураз* «ладный, видный». Славяне ничуть не моложе скифов или эллинов (вопреки упорному мнению академической науки).

«**Оуаходзакос** (О); др. инд. *вак*, *вачас*, авест. *вак*, *вачах*, ос. *уас* «слово, весть» = *Ваху-вача-ка* «доброе слово».

- Неубедительно с фонетической стороны. Судя по звучанию, имя, может быть, адыгское.

«**Фореранос** (Т) = *Пару-ариана* «многоарийский»? (Фасмер).

- Как понять такое имя? Или, скажем, его предполагаемую антонимическую пару – «малоарийский»? И нет ли где-нибудь в источниках имени, означавшего, предположим, «многоиндийский» или «многокитайский»?

«**Юргиос** (Т, П) – др. инд. *врка*, авест. *вэхрка* «волк».

- В осет. яз. это слово почему-то не сохранилось, его место заняло заимствованное из тюрк. *бирагъ*. Это, во-первых. Во-вторых, приведенные индо-иранизмы весьма далеки от *Юргиос*. В третьих, это может оказаться местной формой имени *Георгий* – *Гюргий*, *Юргий*, (*Юрий*). Кар.-балк. этимология – *юрге*, *юргю*, *юрдю* «клен».

«**Зеуакос** (Т) – «ленивый»; ос. *зеваг*; возможна связь с русским *зевать*, *зевака*.

- Обладатель этого нелестного имени (точнее, прозвища) мог быть и русским.

«**Зоурес** (Тирас) – авест. *зурах*, др. перс. *зура* «сила», «насилие».

- Те же значения имеет слово *зор* в кар.-балк. языке. Но происходит ли *Зоурес* именно от этого слова, сказать трудно. Может быть, это распространенное на Кавказе имя *Заур* (усеченная форма от кар.-балк. *Азнаур* «дружижник второго (после *батыров*) разряда»).

«**Дидумоксардос** (Т); в первой части греч. *Дидумос* (Фасмер).

- Кто и зачем стал бы сочинять такое «греко-иранское» имя? И как мы можем считать такое предположение чем-то вроде аргумента?

«**Одиардос** (Т); в первой части осет. *уд*, *од* «душа», в родительном падеже: *Одиард* «чья душа исполнена *арда*» (благодати).

- Кар.-балк., *ѣт* озн. «желчь» - и «смелость». *Ётюбар*, *Ётюбард* «имеющий желчь (смелость)».

«*Маисес* (Г) ср. авест. *маеша* «овца»; в осет. не отмечено (Фасмер).

- Женские имена в глоссарии Абаева отмечаются, но здесь указания нет. Тюрк. *май* означает «масло, масляный». Не исключено также, что это еврейск. *Мойзес* или армян. *Мовсес*, или *Масис* (арм. название Арарата).

«*Марсакос* (П) = ос. *Маерзаег* «считающий» (Фасмер).

- Предположительно, как и тюрк. *Барс*, *Марс* + аффикс *акъ*, или *окъ*; в последнем случае значение имени - «из рода барсов (алан)».

«*Радамасис* (П) = др. иран. *фратама* «первый» + *ас*: «первый среди асов».

- Похоже, имя действительно иранское. Но, конечно, асы-аланы здесь ни при чем (выше мы уже касались этого вопроса - на осет. яз. такое имя означало бы «первый среди балкарцев»). Поэтому нужна другая иран. этимология. Или это тюрк. *Алдамаз* «необманывающий, верный».

Амардастос (Т) = «избранный»; ос. *аем-аертас* (?); ср. ос. *аертасун* «отбирать, выбирать» (Фасмер).

- Неясно.

ИНОЗЕМЦЫ С ИРАНскими ИМЕНАМИ

Осталось рассмотреть иранские, по мнению В. И. Абаева, имена, принадлежавшие иноплеменникам. Правда, причин для помещения их в этом списке не было, поскольку нет никаких доказательств того, что они были заимствованы именно у «североиранцев». Политическое, военное и культурное влияние Ирана (как и Хорезма, и Согдианы) было достаточно сильным, чтобы иранские имена распространились далеко за его пределы, не говоря уже о соседних странах – Грузии, Армении, Азербайджане.

1. *Шарагас* имя питахша в Грузии II века н. э. (в надписи из Армази) – ос. *Саер-аегас* «невредимый», «с неврежденной головой».

- Вероятно, с меньшим успехом можно объяснить это имя и на основе древнеиран. или перс. Кар.-балк. *зарыкъ ас* «веселый (радушный) ас» или «из радужного рода».

2. *Саурмаг* «грузинский царь» - ос. *сау-арм* «смуглорукий» + суффикс *-аг*.

- Толкование произвольное, а имя, если принять этимологию Абаева, явно не-царское. Абаев цитирует Броссе, указавшего, что это «имя нескольких грузинских царей первых веков нашей эры». Интересно, чем бы оно их привлекало? Не есть ли оно (слегка деформированное) известное на Кавказе тюрк. имя *Заурбек*, от *азнаурбек* «глава дружинников»?

3. *Арсакес* (П, О) = ос. *арс* «медведь», авест. *арэша* = *аршака*, ос. *арсаег* в фамилии *Арсаегатае*; широко распространено в Иране и Армении; имя родоначальника парфянской династии Аршакидов.

4. *Беуразория* (Мцхет) «женское имя» = ос. *беура* «много» + основа глагола ос. *дзурын*, *дзорын* «говорить»; почтенная дама называлась «многоговоривой».

- Не исключено. Но *зор*, *зур* – «сила»; имя может означать и «многосилая».

5. *Ксе-Фарнугос* «имя иберского царя II в. н. э. (Армазская билингва); ср. ос. *фаернуг* «наделенный фарном», *Борae-фаернуг* «один из героев нартского эпоса»; для первой части имени иберского царя (*Ксе*) см. *хшай* (иран. «сиять, блистать, слава» и т. д.).

- Имя, конечно, иранское, но при чем здесь скифы и сарматы? В одном из кар.-балк. сказаний, кстати, рассказывается о заклятом враге нарттов - могущественном иноземном царе по имени *Кёсе-Бурунзук*, живущем где-то на юге, за горами. Непонятное тюркам *ксе* в эпосе превратилось в *кёсе* «безбородый; скопец», *фарнуг* – в *бурунзук* «остроносый».

6. **Радамистус** (Тацит), имя сына иберского царя Фарасмана; др. иран. *фратама-мизда* «получающий первую награду».

7. **Йодманган** «иберский сановник II в.» (Армазская билингва) = *и-од-манг-ан* букв. «тщедушный», совр. осет. *маенг-од*.

- Весьма странное для сановника имя.

8. **Спадагас** «царь санигов в Абхазии» (Страбон) = авест. *спад*, ос. *аефсад* «войско» (Фасмер).

- Может, тюрк. *аспан даг* «небесная гора»?

9. **Вахтанг** «грузинский царь V в. н. э.»; это имя многократно встречается и в последующее время; вероятно, из *варх-танг* = *варка-тану* «имеющий волчье тело»; ср. ос. *Уаерхтаенаег* «имя героя в нарттовском эпосе».

- Можно и возразить: имя царя переводится с кар.-балк. как «божий свет, рассвет», «божье утро» - *Бакъ танг*, *Бах танг*; да и волк обладает не таким уж завидно мощным телом (подробнее об этом имени см. ниже).

Можно ли было на основании объяснений ономастического материала, которые есть в глоссарии В. И. Абаева, прийти к выводу, что скифо-сарматы говорили на иранском языке, к которому и восходит осетинский? Нет, нельзя. По следующим причинам:

1. Подавляющее большинство имен, удовлетворительно этимологизируемых на иранской почве, объяснено Фасмером и Абаевым на основе древнеиран., авест., согд., древнеинд. языков. Остальные объяснения являются народноэтимологическими или голыми предположениями.

2. Скифы и аланы могли проживать в греческих городах Причерноморья, но вряд ли составляли значительную часть их населения. Античные авторы пишут, что скифы не любили своих соплеменников, слишком сблизившихся с греками.

3. Ираноязычные предки осетин никогда не жили ни в Причерноморье, ни в Крыму, ни в Подонье, ни в Придунавье; иранскую речь туда принесли выходцы из Малой Азии, Хорезма, Согда, Ирана – торговцы, ремесленники и солдаты. То, что в списке есть имена, этимологизируемые на основе осет. яз., объясняется его близостью к хорезмийскому и согдийскому (что неоднократно отмечалось ирановедами). Маленький штрих; Г. И. Дремин пишет: «По поводу слова *sugda* Абаев заметил, что оно, скорее всего, было принесено из Средней Азии, из области Согдианы. Фасмер производил это слово из др. перс. *suxta* «очищенный огнем». А это свидетельствует о том, что народ, использующий этот термин, входил в круг последователей Зороастра, которые верили в очищение огнем. Как известно, европейские скифы в круг таких последователей не входили» (см. ниже).

4. Большая часть ономастики, принадлежность которой скифам и аланам засвидетельствована древними авторами, находит объяснение на тюркской основе.

О РАБОТЕ Г. И. ДРЕМИНА

«Скифо-сарматские» наречия и «скифский» словарь В. И. Абаева»

KLADINA.NAROD.RU

В отличие от великого множества академистов, механически утверждающих, что в работе В. И. Абаева доказано ираноязычие скифо-сарматских племен, Г. И. Дремин эту работу изучил и сделал определенные выводы, оставаясь при этом, к сожалению, на позициях сторонников этого мнения. Приведем некоторые из его высказываний (курсивом – наши примечания).

«Самой заметной долей из всего объема, отобранного Абаевым материала, оказался

список из 284 имен «иранского» происхождения из причерноморских надписей. В общей сложности 87 имен из этого списка происходят из различных городов Боспорского царства, отдельную группу представляют 114 имен, засвидетельствованных в надписях Танаиса, и еще 83 имени принадлежат эпиграфическим памятникам Ольвии». «Еще одним источником, из которого Абаев черпал лексический материал для своих реконструкций, были произведения античных историков и писателей. Среди приблизительно сотни слов, позаимствованных из письменных источников, встречаются более полусотни имен царей, вождей и военачальников, около тридцати слов передают наименования племен, населявших скифо-сарматский мир, более двадцати слов сохранили различные географические названия».

Итого, из приблизительно 400 слов, рассмотренных Абаевым, три четверти взято из эпиграфики, т. е. этническая принадлежность этих имен никем и ничем не удостоверена; правомерность иранских объяснений других имен, этнонимов и топонимов более чем сомнительна.

«Видно, что лексический материал, на котором базирует свои построения Абаев, носит достаточно разнородный характер, однако тяготеет, в основном, к языку Авесты». «Ученые отмечают близость наиболее древних авестийских текстов древнеиндийскому языку Ригведы. Некоторые специалисты считают, что язык, на котором были сформулированы тексты Авесты, был распространен в Средней Азии и на части территории современных Ирана и Афганистана».

Но большинство исследователей говорит о том, что киммерийцы, скифы и сарматы были аборигенами Восточной Европы. Скифы и сарматы не имели, как много раз подчеркивал Абаев, никакого понятия о зороастризме, и осетинский язык близок не к зендскому, а к хорезмийскому. Чем тогда объяснить близость «скифо-сарматской» ономастики к авестийскому языку? Или «в североиранском» языке почему-то сохранялись именно те черты праиранского, которые сближали его с зендским?

Древнейший список Авесты датируется XIII веком н. э. и нет абсолютно никаких оснований думать, что ее текст на протяжении 25 веков каким-то чудесным образом сохранялся в головах жрецов в полной чистоте. Кроме того, использование авестийского и других иранских языков при объяснении скифской ономастики говорит о том, что многие имена принадлежали выходцам из Ирана и Малой Азии.

«Хотя В. И. Абаев неоднократно высказывал сожаление о скудности используемого им лексического материала и о том, что о языке скифов приходится судить только по собственным именам, но и тот материал, который может быть найден в письменных источниках – исторических произведениях Геродота, Страбона, Плиния и других древних авторов, им в значительной мере игнорировался. Ниже, в приложении «Скифская лексика по данным письменных источников» приведен перечень, содержащий около двух сотен слов (! – М. Дж.), происхождение которых античными авторами однозначно приписывалось скифам. Основу этого перечня составляет лексика припонтийской Скифии, почерпнутая из скифского рассказа Геродота. В этот перечень, однако, не включались слова сарматского или аланского происхождения. Перечень этот нисколько не претендует на полноту и, несомненно, легко может быть расширен при более углубленном изучении произведений античных авторов».

«Абаев использовал немногим более 30% от общего числа слов, содержащихся в этом перечне». «Как уже упоминалось выше, Абаев для своей реконструкции отбирал только такой словарный материал, который имел очевидное «иранское» происхождение. **Мы видим, что такой подход оставляет за бортом около 70% лексики, не имеющей «иранских» корней, но которая, несомненно, является скифской** (выделено нами. – М. Дж.). Так из семи имен скифского пантеона богов, Абаев ссылается только на имена бога

Папая и богини Табити. Из 60 имен скифских царей и знатных скифов, приведенных в перечне, он упоминает только 18 имен».

Почему же до появления статьи Г. И. Дремина факт игнорирования В. И. Абаевым 70 % документально засвидетельствованных скифских слов никем не был замечен? Разве не должны были ученые немедленно указать на это немаловажное обстоятельство? Точно таким же сокрытием неудобных фактов является отсутствие в работах иранистов списка аланских имен. Не потому ли, что обнаружится слишком большое число тюркизмов?

Ниже мы даем этимологический анализ имен, этнонимов и терминов, приведенных в списке Г. И. Дремина, сняв ссылки на литературу и те слова, которые рассмотрены выше.

Абарис – имя гиперборейского (скифского) мудреца. Древнегреческий поэт Пиндар (522-442 гг. до н. э.) считал Абариса скифом, жившим в конце VII – начале VI вв. до н. э. Скифом называл Абариса также софист Гимерий (315-386 гг. н. э.). Древнегреческий философ Гераклid Понтийский (388-310 гг. до н. э.) приписывал Абарису ряд теологических сочинений. В схолиях к «Государству» Платона есть замечание, что «Пифагор, между прочим, слушал гиперборея Абариса и мага Зарата».

- Возможно, это искаженное греками тюрк. *Акъбарыс*, *Акъбарс* «белый барс». Или это указание на его национальность – *авар*, *абар*.

Агафирс – легендарный сын Геракла и змееногой девы – дочери реки Борисфен. По скифской легенде от него произошли агафирсы.

Агафирсы – название народа, родственного скифам. «Северные части Скифии вверх по Истру граничат с агафирсами». Геродот IV 100, 104.

- Наиболее вероятно, что это именование упоминаемого многими авторами гуннского племени *акацир*, в переводе с цокающе-зокающего тюрк. диалектов – «лесные люди» (*агъац эр*); то же самое значение имеет название современной части волжских татар – *мишар*.

Акинак – короткий, железный скифский меч. Скорее всего, слово имеет скифское происхождение. Так, в согдийском и хорезмийском языках сохранилось слово *kynk* – меч.

- Сходство скифского термина с названием меча в двух древнеиранских языках вроде бы говорит о его иранском происхождении. Но принять предположение Г. И. Дремина мешает отсутствие указания о наличии этого слова в совр. иранских. Кроме того, в согд.-хорезм. термине содержится тюрк. *къын* «ножны». Скорее всего, скифское слово происходит от кар.-балк. *къакъ* «бить, ударять» + аффикс *накъ* = *къагъынакъ*; ср. сходное по образованию кар.-балк. *къагъанакъ* «новорожденный, дитя», синоним слова *бала*. Вполне возможно на основе междиалектного калькированного перевода возникновение другого названия оружия – *балаш*, *палаш*.

Акроса (Akrosas) – царь скифов в Добрудже. Во II в. до н. э. в гг. Томи и Одесс чеканил монету со своим именем.

- Возможно, от кар.-балк. *ахы ырыс* (восходит к *аху урус*) – «чья душа запретна, неприкосновенна (для порчи)», т. е. это имя-оберег.

Ализоны – народ, проживающий в Скифии. «Ведут скифский образ жизни, однако сеют и питаются хлебом, луком, чесноком, чечевицей и просом». Геродот IV 17, 52.

- Вариант – *алазоны*; от кар.-балк. *ала*, *алас* «пятнистый» + *анг* «зверь», т. е. это название тех же алан, чье самоназвание представляет собой замену табуированного названия тотемного животного – барса (*ала анг*).

Анаксирида – элемент одежды скифов-саков. Геродот сообщал, что «саки, они же скифы, имели на головах прямые остроконечные шапки, носили анаксириды, имели местные луки, кинжалы и топоры-сагарии».

- Неясно.

Антакеи – огромные бескостные рыбы рода белуги. По свидетельству Геродота, антакеи водились в Борисфене.

- Возможно сопоставление с кар.-балк. *къандагъай* «лось»; *къанндагъай балыкъ* - «рыба-лось». Ср. также русское *лосось*; в этимологическом словаре Макса Фасмера нет объяснения ни этому термину, ни слову «лось». Имеются аналогичные названия; например, сом называется *бугъа балыкъ*, букв. «бычья рыба, рыба-бык», дельфин – *суу тонгуз* «водная свинья».

Апи – богиня из скифского пантеона богов. Геродот отождествляет ее с греческой Геей. Имя Апи ассоциируется с тюркским «апай» – мать, матушка.

- Ассоциация полностью правомерна. Богиня Апи, по сообщению Геродота, аналог греч. богини Геи, считалась у скифов супругой Папая. Тюрк. *апи, апа, аба* и пр. означает «бабушка». Папай – имя верховного божества у скифов. Сохранилось в кар.-балк. языке и фольклоре: *баба* «дед, предок», *Бабай* «грозное существо, которым пугают детей»; *Панай* – имя небесного божества, к которому обращались с мольбой не насыпать град (в тексте заклинания). Сохранилось также в мифологии волжских татар и чувашей, в качестве имени небесного божества – *Панай, Панай тура* (Ахметьянов, с. 56).

Арар – река в Скифии, протекает через скифскую землю, впадает в р. Истр (Дунай). Геродот IV 48.

- От кар.-балк. *ара* «срединная»?

Арга – имя молодой гиперборейской женщины (скифянки), посетившей со своей подругой Опис храм Аполлона в Делосе. Геродот IV 35.

- Неясно. Возможно, кар.-балк. имя *Ариука* «красавица»?

Аргимпаса – богиня из скифского пантеона богов. Геродот отождествляет ее с греческой Афродитой Уранией. Просматривается связь с «аргиппеями».

- Возможно, сильно искаженное имя кар.-балк. богини *Тейри Анасы* «мать неба» (в кар.-балк. нартском эпосе; от более древнего *Тарги анасы, Тагри анасы*).

Аргиппеи – народ, родственник скифам. Геродот IV 23, 24.

- Самые отдаленные, по Геродоту, соседи скифов. Кар.-балк. *аргъы* - «поодаль, в отдалении»; *аргъытай* означает «отдаленный» (как *узапай* «удлиненный» от *узун* «длинный», *жассыпай* «уплощенный» - от *жассы* «плоский», и т. п.).

Арес – бог войны в скифском пантеоне богов. Единственному ему скифы ставили кумиры в виде меча, воткнутого в кучу хвороста. Геродот IV 59.

- Это единственное скифское божество, имени которого Геродот не приводит эллинской параллели – вероятно, по той причине, что и в скифском, и в греческом теоним звучал одинаково. Ср. имя кар.-балк. бога войны и ветра – *Эрирей*, но чаще в мифологических текстах употребляется краткая форма - *Эрей*. Теоним прозрачен – от *эр* «мужчина, герой» и *эрек, ирек* «меч» (отсюда арх. *ирейчи, эрейчи* «воин, меченосец»): «герой-меч».

Арима – у скифов значит единица. Так Геродот толкует название аримаспов (*арима* один, *спу* глаз. – М. Дж.).

- Кар.-балк. *айырма* - «особенный, уникальный», т. е. «единственный». Ср. другое числительное – *жыйырма* «двадцать».

Аримаспы (Ἀρμάστοι) – в геродотовской географии аримаспы располагались перед гиперборейями. Известны из сочинения Аристея Проконесского «Аримаспеи». Ельницкий увязывает аримаспов Геродота с *arīma* ассирийских источников.

- *Ас* в некоторых тюрк. яз. означало и означает «род, племя»; ср. подразделения ногайцев *торт ас* «четырёхродовые», *ети ас* «семиродовые», кар.-балк. *аслыкъ* «национальность» (букв. «асство»), *асыл* «родовитый, благородный» (от *аслы* «имеющий род, родовитый»). Этноним *аримасп* восходит, таким образом, к тюрк. *айырым аспы*,

айырым асты, айырым аслы) – «принадлежащие к особому роду» (жреческому?).

Спу – по-скифски означает «глаз». Так Геродот объясняет название племени *аримаспы* – одноглазые.

- О слове *арима* мы уже говорили выше. Разумеется, объяснение этнонима *аримаспы* в значении «одноглазые» является народной этимологией. Возможно, она возникла из-за сходства тюрк. окончания с тюрк. же *сени, зени, жени* «щель».

Аримы – это название киммерийского племени упоминается в гомеровском эпосе (Αρμιοίσι). Страбон локализовал их в Лидии. В ассирийских источниках XIII в. до н. э. упоминаются *arīma*, в более поздних урартских источниках – *ar-me*.

- Вполне вероятно, что это племя (или род) имело особый (кар.-балк. *айырма, айырым*) статус в киммерийском союзе племен.

Аримаз – скифский вожь, по имени которого названа Аримазова крепость (Αρμαζου πेत्रα) в Согдиане. О захвате этой крепости А. Македонским сообщают Полиен и Страбон.

- Одно из имен, ясно свидетельствующих о тюркоязычии скифов (в данном случае - их азиатских сородичей, саков): кар.-балк. *арымаз* - «неутомимый». Ср. другие кар.-балк. имена, сходные по образованию – *Ачимаз (Ачемез)* «неуязвимый», *Къоркъмаз* «неустрашимый», *Къайгъырмаз* «неунывающий» и т. д.

Аристагор – скифский царь или посланник царя. В 495 г. до н. э. вел переговоры со спартанским царем Клеоменом I о совместных боевых действиях против персов.

- Имя греческое.

Арих (Αριχος) – это имя читается на литых оболках и крупных дельфинах (монетах), выпущенных в Ольвии в 460-425 гг. до н. э. Алексеев Ю.А. высказывал мнение об идентичности имен Арих и Орик (Οριχος). Орик был сыном скифского царя Ариапифа и младшим братом Скила и Октомасада. Он мог быть скифским предводителем как раз во время выпуска монет с надписью Αριχος.

- Поскольку появление краткого звука *У* в тюрк. яз. – явление позднее (во всяком случае, в середине и в конце слова, где оно заменило во многих случаях *к, къ, г, гъ, нг*), слово *ариу* «чистый, красивый, истинный» звучало как *аракъ, арукъ, арыкъ* (откуда и *аракъы* «водка», *арыкъ* «худой, худощавый», т. е. как бы «очищенный», и пр.).

Арсаком – так в диалоге Лукиана «Токсарид или дружба» назван скифский вожь, возглавлявший скифское войско в битве с боспорцами, сарматами и аланами. Лукиан называет также соратников Арсакома – Лохант и Макент. Лукиан мог использовать подлинные скифские имена.

- Неясно.

Асхи – сок из плодов дерева «понтик». Г. А. Стратановский в комментариях к «Истории» Геродота замечает, что у современных башкир есть кушанье «ахша». Слово принадлежит народу, родственному скифам.

- Кар.-балк. *аш* означает «еда, пища, пищевой»; поэтому *ашхы* могло означать «относящийся к пище», «употребляемое с едой», т. е. «напиток».

Будины – народ, родственник скифам. Будины жили в лесной области нижнего Подонья.

- На наш взгляд, это или древнетюркское *будун* «народ» или один из вариантов именования тюрк. племени – печенегов (*бужене, беджене, бедене* и т. д.). Марийцы называют чувашей (*сув ас* «приречный род-племя») *ведене*. Есть герой по имени *Бёдене, Бёденек* и в кар.-балк. нартском эпосе (он пришелец и занимается рыболовством). Стоит напомнить и о термине *буд, бут, буз, боз* «серый, т. е. волк, волчий»; вторая часть – вероятно, слово *жыйын* «стая» (от более древнего *жигин*). Другое именование волка – *бори, бури, бёрю*. Род-племя, из которого происходил Чингисхан - *борджигин* «волчья

стая» (*бурдж-оглу* «сыны волка»; в русских летописях - половецкий род *бурчевичи*).

Бутир – что-то вроде сливок или сметаны у скифов. Поражает сходство скифского Бутир с немецким Butter – масло. Гиппократ, «О болезнях».

- Кар.-балк. поговорка *Бири буттур, бири хуттур* «Один – буттур, другой – хуттур» соответствует русской «Два сапога пара». Первое слово в другом контексте уже не употребляется, второе, *худур*, означает «месиво, бурда; раствор»; опускающаяся при взбивании на дно сосуда часть молока должна была представлять собой именно бурду, в отличие от *буттур* (сливок или масла).

Гиппака (иппака) – название сыра, изготовляемого скифами из кобыльего молока.

- Гиппократ: «Это похоже на то, что скифы делают из кобыльего молока: влив молоко в деревянные сосуды, они встряхивают их; взбалтываемое молоко пенится и разделяется, причем жир, который они называют бутиром, по своей легкости отделяется и поднимается вверх, а тяжелая и плотная часть оседает вниз; ее отделяют и сушат; когда она сгустится и высохнет, ее называют гиппакою; молочная сыворотка остается в середине». Табуированное название молока и молочных продуктов в кар.-балк. яз. – *акъ* «белое»; и сейчас можно услышать: «*Юйде акъ болмаса, жарамаз*» - «Нельзя, чтобы в доме не было белого», и т. п. *Гыпы* - «кефирные грибки», *гыпы акъ* – «кефир» (Гиппократ немного напутал).

Гнур – царь скифов Нижнего Побужья и Нижнего Поднепровья. Жил во второй половине VII-начале VI вв. до н. э. Отец Анахарсиса и Савлия.

- Возможно, это тюрк. *гюн* «солнечное» + *нур* «сияние». Второе слово, вопреки распространенному мнению, арабизмом не является.

Гелон – легендарный сын Геракла и змееногой девы – дочери реки Борисфен. Родоначальник племени гелонов.

Гелон – деревянный город гелонов. Сожжен персами во время похода Дария в Скифию. Остатки Гелона обнаружены у с. Бельск.

Гелоны – народ, проживающий во времена Геродота в земле будинов. Гелоны «занимаются земледелием, садоводством и едят хлеб». «Гелоны издревле были эллинами, говорят они частью на скифском языке, частью на эллинском» (Геродот).

- Поскольку гелоны были смешанным народом, можно предположить, что данный этноним представляет собой слегка искаженное кар.-балк. *къолан* «пёстрый». Или это *гылан* «зигзаг, искривленный» - неверный, на основе народной этимологии, перевод названия печенегов – *къангар*, понятого как *къынгыр* «кривой, искривленный»; шутовское прозвание безенгийских балкарцев (*бызынги* – от *базанакъ, баджанакъ*) - *къынгырла* «кривые» или *къонгурла* «бурые».

Коландакш (Коландак) – имя читается на чернолаковом килике начала IV в. до н. э. из Ольвии. Несомненна связь имени коландакш со скифским племенным названием сколоты.

- Причина, по которой Г. И. Дремин усматривает связь между этим именем и именованием скифов (сколоты), совершенно неясна. *Коландак*, скорее всего, от тюрк. *къолан даг* «пестрая гора», синонимичному *ала даг, ала тау*. Одно из из нескольких десятков кар.-балк. именовании горы Эльбрус.

Гойтосир – бог скифского пантеона. Геродот называет Гойтосира скифским Аполлоном.

- От тюрк. *кёй атасы, кюн атасы* «отец солнца»; в кар.-балк. мифологии имеется целый класс таких богов-отцов (как и богинь-матерей) – отец воды, отец огня и пр. Или это тюрк. *кёй таксыр* «господин солнца». В источниках встречается и другой вариант теонима – *Гонгосир* (у Оригена, III в. н. э.). Скорее всего, это кар.-балк. *къоргъазин, къонгазир* «зенит» = «солнце в зените» (от *кюн кёзюр*).

Герр – река в Скифии. В местности у реки Герр располагались скифские царские могильники. Геродот помещал эту реку в Приднепровье, а Птолемей – в Приазовье.

Геррос – местность в Скифии, около современного Никополя, там, где река Герр впадает в Днепр. В Герросе была скрыта главная скифская святыня – царский некрополь.

Герры – племя, согласно Геродоту, обитавшее в Скифии, в местности Геррос. Л. А. Ельницкий вслед за Kissling'ом считает, что герры – это самоназвание царских скифов.

- Название местности и реки вполне можно связать с тюрк. *кёр* «могила, могильный» и *гера* «слоистые скалы». Царский некрополь, возможно, находился вблизи днепровских порогов. Не исключено также, что речь идет о германском племени.

Гилея – местность в Скифии, близ устья Днестра, современное Полесье. В Гилее, видимо, располагался один из сакральных центров Скифии. Там Геракл познал деву-змею. Там был убит Анахарсис.

- Неясно, имеется ли связь с кар.-балк. *жилян* «змея», *гыланч* «извилистый, петляющий» и *ая* «священный, святой; беречь, хранить»), *айы* «святыня, реликвия» (человеку, который не хочет пожертвовать какой-либо вещью, говорят: «*Айымыды?*» - «Что это, святыня?»).

Гипанис – река в Скифии, совр. река Южный Буг.

- Читая Геродота и других древних авторов, писавших о Скифии, часто трудно понять, о каком регионе идет речь – о Северном Кавказе, Подонье или Поднепровье. Так, считают, что река Борисфен (Бористен) – это Днепр, но возле Пятигорска протекает речка, которую карачаево-балкарцы именуют *Бургъустан*, *Бургъусант* (см. ниже). Реку Гипанис комментаторы отождествляют и с Кубанью. *Гипанис* – вероятно, от кар.-балк. названия реки Кубань – *Къобан-суу*, *Къобан-ус*: *къобхан* «вздувающаяся», или «большая». Возможно и другое объяснение. Общеизвестно, что родиной кефирных грибков является верховье Кубани в Карачае; по этой причине местность и реку могли назвать *гыны анасы* «мать кефира».

Гипакирис – река в Скифии, совр. река Колончак.

- Возможно, от кар.-балк. *кыппа-кыырс* «очень скудная», т. е. маловодная.

Горит – футляр для лука и стрел у скифов.

- Неясно.

Διτυλας – под таким именем в одной из комедии Аристофана выведен скиф-полицейский (σκυθαί τοῖστοι).

- Неясно. От кар.-балк. *тутул* «пойманный, арестованный» (если этот скиф был из числа пленных, которых на чужбине сделали полицейскими)?

Дугдамме (Dugdamme, Тугдамме) – вождь киммерийцев, возглавлявший их в завоевательских походах в Малую Азию, отец Сандаксарта. Упоминается в ассирийских источниках как царь племени сака-угутум. Ельницкий Л. А. усматривает в этом родство киммерийцев с прикаспийскими саками. Имя киммерийское, однако, не исключена связь со скифами.

- От кар.-балк. *туз-дам*, где первое слово означает «соль», а второе «блюдо; smak; жертвенная пища, дар»; *туз-дамлы* означает «хлебосольный, гостеприимный». В мифологическом гимне о великой богине-матери природы *Ажам-бийче* говорится: *Анга иги дамла берилсинле* – «Пусть ей подносят отменные дары». Известно и другое имя – *Лигдамис*, считающееся вариантом *Тугдамме*; первая часть, *лик* – вероятно, тюрк. *элик*, или *царь, царский* + *дам* = «царский дар»? Или это *иги дам* «добрая жертва».

Ιγδαμπαῖς (Игдампай) – имя читается на чернофигурном килике 80 гг. V в. до н. э. из Ольвии. Ю. Г. Виноградов обращает внимание на близость этого имени скифскому топониму Εἰσαπταῖος (Геродот, IV, 59).

- Близость имени *Игдампай* скифскому топониму (названию святилища), скорее всего,

чисто фонетическая. *Иги* в кар.-балк. яз. имеет много значений, основным из которых являются «хороший, изрядный, отменный, добрый»; *дам* «блюдо; жертвенная пища»; *пай*, *бай* – продуктивный имяобразующий аффикс. Имя скифа (Игидампай) означало, таким образом, «приносящий добрые жертвы».

Евтимак (Εὐτιμαχος) – имя лучника с чернофигурного кратера Франсуа, изготовленного 570 г. до н. э. аттическим мастером Эрготимом и расписанного Клитием.

- Имя греческое.

Идантемис (Ιδανθεμις) – имя из надписи на сосудице первой половины VI в. до н. э. из Березани. Целиком надпись читается как: «Идантемису развратнику эта кружечка в подарок».

- Во второй части тюрк. *темиз* «чистый». В первой, возможно, *айдан*; *Айдантемиз*, вопреки репутации обладателя имени, означает «тот, кто светлее луны».

Идантирс (Ιδανθιρσος) – царь, возглавивший в 514 г. до н. э. борьбу скифов с персами. Вместе со Скопасисом и Токсакисом руководил объединенным войском скифов, савроматов, будинов и гелонов. Внук царя Гнура, сын Савлия, племянник Анахарсиса.

- Возможно, от *Айдан* + *тирс* «вид, облик; цвет» = букв. «более видный, чем луна», «затмевающий луну». Ср. выражение *бир тюрслю* «одного вида».

Антир – так Иордан называл царя скифов, воевавшего с Дарием. «Дарий – царь персов, сын Гистаспа, пожелал сочетаться браком с дочерью Антира, короля готов (читай: скифов)». Иордан. О происхождении и деяниях гетов.

- Так же звучит имя царя и у Амвросия Медиоланского. Это, вероятно, сокр. форма имени *Идантирс*.

Ишпакай (Išpakaī) – предводитель скифов в их походах в Азию. Известен из ассирийских источников. По сведениям Ельницкого, сестра Ишпакая – Шпако стала женой киммерийского царя Теушпы (Теиспа). Имена Ишпакай и Шпако происходит от скифск. *špaka* – собака, Фасмер же выводит его от авест. *Aspa* – лошадь.

Шпако – сестра Ишпакая. Оба имени происходят от скифского слова *spako* – собака. Шпако была женой киммерийского царя Теушпы, от их брака родился будущий царь персов Кир I.

- Как Л. А. Ельницкий, так и многие другие авторы считали *шпака* иран. словом, поскольку оно (в значении «собака») встречается в авест. яз. Но Макс Фасмер пишет: «Ир. происхождение слова *собака* маловероятно, скорее всего мы имеем здесь заимствование из тюрк. *кёбак* «собака». На наш взгляд, точно так же не является иранизмом и *шпака*, *спака*; это тюрк. *из (ыз) бакъ* «видящая след»; имя царя с присоединением аффикса *-ай* означает «следопыт».

Теушпа (Teuspa) – киммерийский царь. Теушпа в 668 г. основал династию Ахеменидов в Персии. Был женат на дочери скифского царя Ишпакая – Шпако; от их брака родился будущий царь персов Кир I. Был разгромлен ассирийским царем Асархаддоном при помощи скифов-наемников во главе с Партакту.

- Не является иранским и имя киммерийского вождя; это тюрк. *тауушпу*, *тауушлу* «знаменитый, прославленный»; или от *таууш* «звук, звучащий» + *бай*, *пай*, обычное приложение к тюрк. именам, как *хан*, *бек*, *бий* и др.

Канит, Kanites, Κανίτα – скифский царь, чьи владения находились в Добрудже, за Дунаем. В конце III – начале II в. до н. э. чеканил монеты со своим именем в Томи и в Одессе.

- От кар.-балк. *къан ит* «кровавый пес»? Или *къанат* «крыло»?

Катиары – скифский род, ведущий свое начало от Арпоксая – среднего сына легендарного Таргитая. Катиары наряду с авхатами, траспиями и паралатами входили в племя царских скифов – скелотов. Геродот IV 6.

- Ср. название южноазербайджанского племени – *каджар*, вариант этнонима *хазар*, восходящего к *хакъ ар, хагар* «истинные люди».

Кобос (Κωβος) – вождь киммерийского (скифского) племени треров.

- От кар.-балк. *кѹба, кѹма* «крупный, большой». Возможно, об этом киммерийском вожде идет речь и в кар.-балк. нартском эпосе, один из героев которого, Ачемез, сын князя Ачея, сражается с неким могучим витязем по имени *Кѹба* (*Кубу, Хубун*). Отметим сходство с именем сына хазарского царя, этнарха кавказских овсов – *Уобос* (упоминается в хронике Леонти Мровели).

Колос – четвероногое животное, обитавшее в Скифии. Это животное долгое время могло обходиться без воды. По величине занимало середину между оленем и бараном. Цветом белое и быстротой бега превосходящее названных животных.

- Неясно.

Лик – река в Скифии, протекает по земле фиссагетов, впадает в Меотиду. Совр. река Маныч.

- Возможно, от кар.-балк. *илгик* «петля, петляющая».

Лик (Λυκος) – скифский царь, сын Спаргапифа, отец Гнура, дед Анахарсиса и Савлия.

- Скорее всего, это не имя, а тюрк. титул *элик, алик, илик* «царь». Название одного из могучих родов в кар.-балк. нартском эпосе – *Алик-лары* «Аликовы» – несомненное отражение памяти о «царских скифах» Геродота.

Лохант – персонаж диалога Лукиана «Токсарид или дружба», соратник Арсакома – предводителя скифов во время их битвы с боспорцами, сарматами и аланами. Не исключено, что Лохант – подлинное скифское имя. Диалог Лукиана «Токсарид или дружба».

- Вариант этого имени – **Лонхат**. Неясно.

Мадий – сын Партатуа (Мадиес - сын Прототия), греческое написание этого имени – Μαδιυς или Μαδυς. Мадий получил власть после смерти Партатуа в 653 г. до н. э., его царствование обычно связывают с «28-ю годами господства скифов над Азией».

- Ср. кар.-балк. мужское имя *Бадий* (женск. *Бадина*), от арх. *бат* «сила, мощь» или от *батий, батия* «благословение; благословенный».

Макент – персонаж диалога Лукиана «Токсарид или дружба», соратник Арсакома – предводителя скифов во время их битвы с боспорцами, сарматами и аланами. Не исключено, что Макент – подлинное скифское имя. Лукиан, диалог «Токсарид или дружба».

- Неясно. Возможно, впрочем, что это не имя, а тюркский этноним - *мангыт, манкыт*. Ср. кар.-балк. фамилию *Макыт-лары*.

Марсагет – брат скифского царя (возможно брат Иданфирса). По сообщению Ктесия Книдского, Марсагет был взят в плен персами вместе с другими скифами перед началом скифской компании Дария.

- В первой части тюрк. *барс* + *игит* «джигит, герой, молодец» (в йокающих языках) – «герой-барс». Ср. распространенное кар.-балк. имя *Буззигит, Бузжигит, Бозжигит* (*боз* «серый» - табуированное название волка) + *жигит* = «герой-волк».

Ματασς (Матасий) – это имя читается в письме, написанном в 30-10 гг. VI в. до н. э. жителем Березани Ахиллодором. Ю. Г. Виноградов придерживается мнения, что это имя скифского происхождения. Из письма следует, что Матасий был владельцем построек и рабов.

- Неясно. Кар.-балк. имя *Ботаиш*?

Напарис – река, протекающая в Скифии, приток Истра. Геродот IV 48.

- Неясно.

Напит – крепость в Крыму, построенная скифами во II в. до н. э.

- Неясно.

Оар (Οαρος) – река, протекающая в Скифии. Современная река Сал. Птолемей применял это наименование к Волге.

- Возможно, от кар.-балк. *огъары* «верхняя»; или, если это была достаточно большая река, с медленным течением, ее могли назвать *ауур* «тяжелая, медленная». Или по названию народа – *ауар-ус* («аварская река»).

Эорпата (Οιорπата) – так скифы называли амазонок. «Скифы называют амазонок «эорпата», что по-эллински означает мужеубийцы; «эор» ведь означает муж, а «пата» – убивать». *Эор* – мужчина, муж по-скифски. Специалисты отмечают, что скифское эор оказывается поразительно похожим на тюркское ойор, эйр, эр – мужчина.

Ойорпата «скифское название амазонок» (Геродот) – обычно толкуется как *вира-патайях* «господствующие над мужами» (Фасмер); однако Геродот переводит «мужеубийцы»; мы думаем, что *ойорпата* ошибка вместо *ойромарта* = *вира-мар-та* «мужеубийцы» (Абаев, ОЯФ, с. 157). Неубедительно в отношении фонетики. От кар.-балк. *юйюрмез* «не создающая семью»?

Опия (Οπоя) – жена скифского царя Ариапифа, скифянка. Родила царю сына Орика. После смерти Ариапифа в 470 г. до н. э. была соправительницей вместе со старшим сыном Ариапифа – Скилом до достижения им совершеннолетия. Имя Опия созвучно имени Опис – гиперборейской молодой женщины, посещавшей храм Аполлона в Делосе.

- Неясно.

Опис – имя молодой гиперборейской женщины (скифянки), посещавшей со своей подругой Аргой храм Аполлона в Делосе.

- Неясно.

Палак (Palakos, Παλακος) – скифский царь, сын царя Скилура. Правил Крымской Скифией со столицей в Неаполе Скифском. Воевал с Херсонесом, в 107 г. до н. э. был убит в сражении с полководцем Митридата VI Диофантом.

- Возможно, от кар.-балк. *палах* «бедовый, отчаянный, дерзкий»; ср. *палах адам* «бедовый человек».

Палакион (Παλακιον) – так называлась крепость, построенная скифами в Крыму во II в. до н. э. Несомненна связь названия этой крепости с именем скифского царя Палака.

Паралаты – скифский род, произошедший от Колаксия – младшего сына Таргитая. М. И. Артамонов связывал паралатов с палами, о которых сообщал Диодор Сицилийский. М. И. Артамонов считал, что именно палы-паралаты пришли из Азии, в то время как сколоты были автохтонными жителями Причерноморья.

Палы (Παλος) – скифский род. М. И. Артамонов связывал палов с паралатами Геродота. Он считал, что именно палы-паралаты пришли из Азии, в то время, как сколоты были автохтонными жителями Причерноморья.

- Вполне вероятно, что это усеченное именование тюрк. народа *балгар*, *булгар*, *балар*, *палар* (от *балыкъ гар* «приречный человек»). Именование правившего в Скифии рода *паралат*, возможно, представляет собой искажение тюрк. *палар ас*, *балгар ат* «балгарский род» (в более поздних источниках – племя *барлас*; напомним, кстати, строки из «Шах-намэ» Фирдоуси: «...барласы на гнедых конях, // Плечистые аланы впереди...»); коней именно гнедой масти разводили карачаево-балкарцы, и кони именно такой масти наиболее часто упоминаются в их фольклоре). Соседями (и единоплеменниками, как и хазары-гунны) барласов были *барсилы* – от *барс иль* «народ барсов» (т. е. аланы). Салтово-маяцкая археологическая культура, как считается, была создана хазарами, аланами, болгарами (которых стали считать тремя разными народами).

Панасатор – сын царя скифов, Сагилла. Был послан отцом с большим войском на помощь амазонкам, когда те воевали с греками.

- Имя, вероятно, греческое.

Пантикап (Пантикапа, Παντικάπης) – река в Скифии, ср. пролив Пантикапей.

- Скорее всего, река получила свое название от греч.-тюрк. именованья Керченского пролива – *понт капу* «морские ворота». Скифы-тюрки, зная, что греки называют Черное море Понтом, добавили к греч. слову свое *капу* «ворота»; ср. кар.-балк. название Дербента – *Темир Капу* «железные ворота». Ср. также кар.-балк. *пунт* «волнения, бунт, мятеж».

Пардокас – под таким именем в комедии Аристофана выведен скиф, выполняющий функции полицейского (σκυθαί τοξοταί). Возможно, что имя придумано Аристофаном, однако, историк Бледиз заметил, что это имя должно читаться как Σπαρδοкас или Σπαρδοкас. Это имя тождественно латинскому Spartacus.

- Предположение Бледиза представляется вполне основательным. Кар.-балк. *барс окъ* (*барт окъ*) – «из рода барсов».

Партатуа – предводитель скифов, известен по ассирийским источникам. Пришел к власти после смерти Ишпакая в 673 г. до н. э. В 663 г. вступил в союз с Ассирией и взял в жены ассирийскую царевну. Отец Мадия (Мадиса), который после смерти Партатуа в 653 году стал скифским царем.

- Кар.-балк. *бар тут* + афф. *ай* = «вседержец, полновластный»; ср. имя балкарского князя, известное по русским документам XVII в. – *Артутай Айдаболов*; начальное *Б*, находясь в слабой позиции, выпало (или не было услышано писарем). В кар.-балк. нартском эпосе упоминается некий *Берматуу*, брат красавицы *Акъбилек*, муж которой купал коня, применяя такое же мыло, каким пользовался каджарский (иранский) шах.

Пеламида – рыба, род тунца, водилась в водах Меотиды.

- Неясно.

Плин – юноша из скифского царского рода. После изгнания из Скифии вместе с Сколопитом поселился в стране Каппадокии на берегах реки Термодонт. Там от них пошло племя амазонок.

- От кар.-балк. *билим* «знание»?

Сколопит (Scolopitus) – скифский юноша царского рода. Легенда передает, что царевичи Сколопит и Плин были изгнаны с родины, после чего вместе с последовавшими за ними скифами поселились у реки Термодонт, что в Малой Азии. Здесь они стали родоначальниками племени амазонок. Имя Сколопит, несомненно, связано с племенным названием скифов – сколоты.

- Скорее всего, это *схылтыбет* «имеющий аристократическую честь»; кар.-балк. *бет* «лицо; честь, совесть; достоинство» (у некоторых восточных тюрков – *бит*). Но есть и иное написание одного из имен: «*Плин (Хилинос)* и *Сколопит*, двое юношей, которые увели скифскую молодежь к реке Термодонту и на темискирскую равнину; принадлежали к царскому роду». «...по-скифски изгнанники называются «парфами». Язык у них – средний между скифским и мидийским, помесь того и другого» (Помпей Трог).

И. М. Мизиев отмечал, что если бы и мидийцы, и скифы говорили на иранском, язык парфов помесью быть не мог; поскольку мидийский являлся таковым однозначно, то скифский был другим – тюркским. Речь, на наш взгляд, идет о сельджуках и аланах (барсах, пардах, «сынах леопарда» – *барс улу*, *барсилы*, *басилы*), которых в ранний период истории греки именовали парфянами. Здесь и выявляется их связь и с легендами об амазонках, и с той частью тюрков, что ушла из своей прародины (Восточной Европы) на юг, в Закавказье и Малую Азию – предков современных восточно-анатолийских турков.

Скифы «Зопириона, полководца Александра Великого, точно так же уничтожили со всей армией» – как и Кира. «Сами они основали Парфянское и Бактрийское царства» (Помпей Трог, начало н. э.). Жившие на побережьях Черного и Средиземного морей греки, услышав о появлении на востоке грозного конного народа, название которого

переводится на греческий, как *пардгенос* «сыны леопарда», сблизили их именование со своим термином *партенос*, *парфенос* «дева, девственница», откуда и появился знаменитый миф о конном племени девушек, амазонок-мужененавистниц, исключительно свирепых и воинственных (ср. одно из названий алан – *алазоны*).

Тюрки (аланы и сельджуки) подчинили иранцев и смешались с ними, потому Помпей Трог и говорит, что язык парфов является помесью скифского и мидийского (до реформы, проведенной Мустафой Кемалем Ататюрком в 20-х годах XX в., турецкий язык был насыщен иранизмами). Сельджукские правители имели по два имени – тюркское и иранское; многие средневековые авторы именовали сельджуков то персами, то турками (например, Прокопий Кесарийский, VI в.). Что касается имени *Хилин*, то оно, возможно, от кар.-балк. *гылын* «сова».

Понтик – дерево, плоды которого аргиппеи употребляли в пищу. Слово принадлежит народу, родственному скифам.

- Неясно.

Портмеи – киммерийский город. Геродот писал, что граница между Европой и Азией проходит через Танаис, Меотиду и киммерийский город Портмеи.

- Неясно.

Савлий – царь скифов, правил Скифией в первой половине VI в. до н. э. Власть принял после смерти своего отца, Гнура. Убил своего старшего брата Анахарсиса, когда тот вернулся из Эллады. Савлию унаследовал Иданфирс, скифский царь, воевавший с Дарием.

- Тюрк. *саулу*, *савлу* - «обладающий здоровьем, здоровый».

Савмак (Σαυμακος) – скиф, занявший в 109 г. до н. э. престол Боспорского царства после убийства царя Перисада V. Царствование Савмака продолжалось два года, после чего он был пленен и увезен в столицу Понтийского царства полководцем Митридата VI Диофантом.

- От того же слова *сау* «живой, здоровый, невредимый, целый» + имяобразующий аффикс *макъ*?

Сагарий или **сагарис** (σαγαρις) – род сакского (скифского) топора или секиры. Геродот, описывая саков-прямошапочников, сообщает, что «саки, они же скифы, имели на головах прямые остроконечные шапки, они носили анаксириды, имели местные луки, кинжалы и топоры-сагарию».

- Возможно, от тюрк. *согъар* «бить, ударять, сечь»; ср. кар.-балк. *чага* «мотыга, тятка». Сакское слово, очевидно, родственно по происхождению русскому *секира*; фонетически и семантически близкие термины есть и в других славянских языках; ср. латин. *секюрис*, ассир. *шукурру*, др.еврейск. *шегор* (все – в значении «топор»). Макс Фасмер, приводя эти сведения, затрудняется, тем не менее, назвать исходную форму, как и в случае с русским «секу, сечь». Стоит сопоставить это слово и с тюрк. *кес* «резать, отрезать, рубить», в обратном чтении - (*сек*); ср. также русское *кусок* и кар.-балк. *кесек* «кусок, часть; малость; отрезок».

Сагилл – имя скифского царя, к которому, согласно преданию, обратились амазонки за помощью во время их войны с греками. Для помощи амазонкам Сагилл снарядил большое войско, поставив во главе его своего сына Панасагора.

- Кар.-балк. *сагъын* «упоминать»; *сагъынлы* «упоминаемый, известный»? Ср. обычное тюркское имя *Сагъынбай*.

Скунха (Skunxa) – вождь саков или массагетов. Был взят в плен персидским царем Дарием I. Бехистунская надпись сообщает: «я наголову разбил одну часть скифов, а другую захватил в плен. Вождя их по имени Скунха взяли в плен и привели ко мне...». Бехистунская надпись царя Дария I.

- Имя, вероятно, иранское (см. выше). Или от того же слова *сагъын* (ранняя форма *сагун*) «упоминать» + титул *хан*: «часто упоминаемый, знаменитый хан»?

Ассайои – племенное наименование. Стефан Византийский считал их скифами, а Птолемей – сарматами. Это имя перекликается с термином **Σαίοι** – сайи, упомянутым в декрете в честь Протогена из Ольвии.

- *Асайои* - от тюрк. именования *асов* (алан) – *ас-окъ* + греч. *ои*.

Сайи (Σαίοι) – Б. Н. Граков считал, что сайи – это самоназвание царских скифов, производя их имя из авестийского *хсауа* – сиять, властвовать. О сайях сообщает текст из ольвийского декрета в честь Протогена: «...и при том жреце, когда явились во множестве сайи за получением даров, а народ не мог их дать...»

- Авест. слово вряд ли имеет какое-либо отношение к этому этнониму. От *сай*, *сый* «честь, почесть, почет; святость» в кар.-балк. образуются такие слова, как *сайла* «выбирать, предпочитать, избирать», *сыйлы* «почетный; почитаемый; священный», *шайых*, *шыйых* «святой человек» и др. Поэтому следует согласиться с мнением Б. Н. Гракова о том, что это самоназвание царских скифов; оно реконструируется нами в *сайгъы* «избранные, почетные».

Саки (Σακαι) – персы называли саками как азиатских, так и европейских скифов. Акад. Н. Я. Марр считал, что слово *сак* означает потомство, род, племя.

- Имя древних саков до сих пор звучит в тюрк. этнонимах *саха* (якуты) и *сагайцы*; можно видеть в древнем *сак* и усеченную форму этнонима *къазах* (в русских летописях – *касог*). Само слово *сак* представляет собой обратную форму слова *кас*, *кес*, *кис*, *киш*, *киси*, *киши* «человек», восходящего к тотемическому *кеш*, *киш* «барс» (ср. кар.-балк. *кишитик* «кот» - «барсик»).

Sandaksatra (Шандакшатра) – сын вождя киммерийцев Дугдамме (Лигдамиса). Имя его упоминается в ассирийских клинописных документах в связи с событиями в Малой Азии.

- Неясно.

Санерг (Σανεργες) – Ельницкий Л. А. полагает, что это имя скифское.

- Возможно, это тюрк. *саны эрк*, слитное *санерк* «ловкий, резкий», букв. «чье тело свободно».

Саневн – по сообщению писателя V в. до н. э. Гелланика Митиленского, Саневн был скифским царем, и в его время изготовили первое железное оружие. Многие древние писатели связывали изготовление первых железных изделий с халибами, которых неправильно считали скифами.

- Кар.-балк. *саны эмен* (*эбен*), букв. «дуботелый», «чье тело, как дуб». Или, поскольку *сан* имеет и другие значения («часть тела; конечность») имя царя могло быть образовано от *саны* «чья рука» и *эбен* «умелая». Интересно и другое. По кар.-балк. эпосу, родоначальником нарттов, т. е., вероятно, их правящей династии, являлся пророк, первокузнец и рудознатец *Дебет*; в одной из нартских песен тело кузнеца сравнивается с дубом.

Σαράβαρα – так комедиограф первой половины IV в. до н. э. Антифан назвал скифские штаны. В своей комедии «Скифы» он указывал, что «все одеты в шаровары и хитоны». В связи с тем, что греки не знали штанов, можно предположить, что Антифан для обозначения подобной одежды использовал скифское слово.

- По Фасмеру, слово *шаровары* попало в русский яз. через тюрк. посредство из иран., в котором *шаравара* означает «штаны». Считать его скифским словом нельзя, поскольку греки с большей вероятностью могли заимствовать термин у персов; Антифан называет штаны, в которые были одеты персонажи его комедии, не скифским, а перс. словом. В кар.-балк. *шалбар* - «штаны».

Сарий – царь задунайских скифов. Во II в. до н. э. чеканил монету со своим именем в

греческих городах Томи и Одесс.

- Обычное у карачаево-балкарцев мужское имя *Сары* «светловолосый, рыжий». Ср. образованную от собств. имени фамилию *Сары-лары*, или *Сарыбаи-лары*, от *Сарыбаи* «светлоголовый».

Сиргис (Гиргис) – река в Скифии, приток Дона.

- Кар.-балк. *кирки-суу* (*кирли-суу*) «грязная (мутная) река»? Ср. *киркитай* «грязнуля».

Σκεβλῶας – под таким именем в одной из комедий Аристофана действует скиф-полицейский (σκυθαί τοξοταί). Это имя могло быть выдуманно Аристофаном, однако имя другого скифа-полицейского – Пардокас является искажением фракийского имени Σπαρδοκος (Спарток).

- Кар.-балк. *эсебли* «расчетливый, обдумывающий»?

Скил (Σκυλῆς) – сын и наследник скифского царя Ариапифа. В 470 г. до н. э. после смерти Ариапифа Скил стал царем Скифии. Скил проводил филэллинскую политику. Убит в 450 г. до н. э. заговорщиками, возглавляемыми его братом Октомасадом.

- Кар.-балк. *ызгъыл* «наследственность, наследующий» образовано по тому же типу, что и семантически сходные русские термины – от *ыз*, *из* «след»; ср. *ызы бла* «по следу», но *изле* «искать». Появление Ы в тюрк. яз. – явление позднее, поэтому ранней следует считать форму *изгил*; имя принца, таким образом, означало «наследник». Сюда же надо отнести и следующее имя (в тюрк. яз. категории рода нет).

Скилея – имя амазонки, изображенной на скифосе мастера Клития (570 г. до н. э.) Скилея – женская форма имени Скил. Две другие амазонки, изображенные на этой вазе, имеют имена *Телепилия* и *Ифито*.

Скилур (Skiluros, Σκίλουρος) – царь Малой Скифии. В 108 г. до н. э. в Крыму основал Неаполь Скифский. По преданию, оставил после себя 80 детей. Передал власть старшему сыну Палаку.

- Кар.-балк. *эскелир* «обретающий ум, память», ср. *эс табар* «обретающий отдых»; *эс* – «память, рассудок, ум, сознание» (другое объяснение см. выше).

Скифики – род обуви, это слово сохранилось в произведениях Лисия – аттического оратора V-IV вв. до н. э., а также в стихах Алкея: «...и подвязавши скифики...».

Скифины (Σκυθῖνος) – народ, живший в юго-восточном углу Черного моря, по соседству с халибами. О них сообщает Ксенофонт.

Скифы кочевые (Σκυθαί νομαδές) – иначе скифы европейские, жившие во времена Геродота в степях между Доном и Днепром. Скифы-кочевники господствовали над всеми прочими скифами. Вс.Ф. Миллер впервые указал на генетическую связь терминов «скифы» и «саки». Акад. Н. Я. Марр показал, что в яфетических языках основа *sak* закономерно переходит в основу *sku*: *sak sak-u-ta* *сак-υ-θα* *σκυ-θα* *σκυθαί*. Эллины времен Геродота скифами называли как европейских, так и азиатских кочевников. Геродот IV 1-7.

Скифы-русь (Σκυθαί τους Ρως) – этот этноним упоминается в схолиях, составленных византийским писателем Фемистием к сочинению Аристотеля «О небе». «Мы заселяем среднее пространство между арктическим поясом, близким к северному полюсу, и летним тропическим, причем скифы-русь и другие гиперборейские народы живут ближе к арктическому поясу...». В. Латышев цитирует этот отрывок по собранию сочинений Аристотеля, изданному Берлинской академией наук в 1836 г.

- Г. И. Дремин в начале своей статьи пишет: «Этническая принадлежность носителей лексики, восстановленной Абаевым, наиболее однозначно могла бы проявить себя в этнонимах, которыми пользовались для самоидентификации или для обозначения соседних народов. В словаре Абаева обнаруживаются только два подобных этнонима: *aryana* «арийский» и *as* «асы». Первый термин свидетельствует о принадлежности носителей абаевской лексики к широкому евроазиатскому кругу арийских племен, а

второй термин связывает их с аланами и с племенем роксаланов. Действительно, судя по свидетельству Ибн-Руста, роксаланов по-другому называли рухс-ас, что означало благородные (светлые) асы. Имя асов тесно связано с историей ранних алан, а происхождение асов – со скифо-азиатским или массагетским миром».

К сожалению, автор статьи ничего не знает о фактах, полностью опровергающих построения иранистов. Греческие авторы часто именовали своих северо-восточных соседей общим именем «скифы» - и тюрков (по преимуществу), и угро-финнов, и германцев. Так и в этом случае Фемистий говорит о скифах-русь; на наш взгляд, под этим названием подразумеваются выходцы из Скандинавии, средневековые шведы, которых финны, например, именовали *русколайни* (*олайни* – «народ»). Роксоланам (ревксиналам), очевидно, принявшим заметное участие в этногенезе русского народа (наряду со славянами и многочисленными финно-угорскими племенами, населявшими полосу лесов Восточной Европы), русские и обязаны своим странным этнонимом, по форме – прилагательным (изначальное *руски* + *е*); в какой-то период скандинавы-*руск-олайни*, вероятно, главенствовали в регионе, вместе со славянами, пришедшими с Балкан. Угро-финское население, подвергавшееся ассимиляции, видимо, не отличало славян от германцев, всех их называя *руск-олайни*. После победы славянского языка *олайни* выпало.

Асами осетины называют не себя, а балкарцев; но получается так, что единственный этноним *арияна* перевешивает факт отсутствия в словаре Абаева других этнонимов, в которых могла бы отразиться этническая принадлежность носителей «восстановленной» им речи. Исправлять имеющееся у Ибн-Русте написание *дугъсас* в *рухсас* незачем, это явно тюрк. *тогъуз ас* «девять родов, девятиродовые»; к роксоланам (роскалайни) они отношения не имели (возможно, были их соседями).

Сколоты – Геродот сообщает, что племена авхатов, катиаров, траспиев и паралатов – все вместе называются сколотами.

- Речь идет о правившем в Скифии народе, знатных потомках и наследниках первоцаря Таргитая. Правомерно сопоставление «сколоты, сколты» Геродота с кар.-балк. термином *схылты* (из *схолту*, *схулту*) «знатные, аристократы», букв. «наследственные».

Скопасис – вождь одного из воинских подразделений скифов, воевавших с Дарием I. В войско Скопасиса входили савроматы. Вел переговоры с ионийскими греками у моста через Истр.

- Кар.-балк. *ызгъабас* «идущий по следу», «следопыт».

Табити – богиня из скифского пантеона. Геродот ставит ей в соответствие греч. богиню Гестию.

- Кар.-балк. языке *топ*, *тып*, *тап*, *теп* означает «огонь, огненный». Ср. *дып*, *дыф* «сигнальный костер на дереве, холме или на горе», *тыпыр* «очаг», *топ* «пушка», *тапанча* «пистолет», имя богини огня *Тепена* (*тып ана* «мать огня»), имя пророка и первокузнеца (в эпосе) - *Дебет* (из *дып бет* «огнеполюс»). Поскольку, согласно Геродоту, *Табити* являлась у скифов богиней домашнего очага, вполне правомерно сопоставить ее имя с кар.-балк. женской божбой – *Тобады*, из *тоб иде*, *тоб ие* «хозяйка огня», синоним *Тепена*. Это слово (*тобады*) мужчины в своей речи никогда не употребляют, точно так же и женщины не употребляют мужскую божбу именем *Тейри* (за исключением холамских балкаров).

Таргитай (Ταργίταος) – мифический основоположник племени скифов. Согласно легенде, изложенной Геродотом, Таргитай был сыном Геракла от змееной богини, дочери реки Борисфен. Скифы, современники Геродота, считали, что Таргитай жил ровно за тысячу лет до вторжения Дария.

- Иранисты видят в имени *Таргитай* др.-иранск. *дарга-тава* «долгомощный». Но фонетически более близкое *Тейри тау* «Божья (или небесная) гора» - одно из кар.-балк.

названий Эльбруса (из более древнего *Тагри таг*, *Тарги тай*, *Тегри тау* и пр.), вершины, первой поднявшейся из вод всемирного потопа (по мифу). Кумык. название горы, стоящей возле Махачкалы – *Таркитау*. Со склонов Эльбруса стекают три крупные реки, вбирающие в себя все остальные водные потоки Сев. Кавказа – *Балыкъ* (Малка), *Кума* и *Къобан* (Кубань); все три названия – тюркские. По нашему мнению, Геродот в своем сочинении рассказывает эпонимическую легенду скифов, в которой под Таргитаем первоначально подразумевалась гора Эльбрус, а под тремя его сыновьями (Арпоксай, Липоксай, Колаксай) – эти три реки (подробнее см. ниже).

Танай – предводитель скифов во время их похода в Египет в 633 г. до н. э. По сообщению Помпея Трога, египетский фараон Псамметих I, предупрежденный о походе скифов, встретил их с дарами еще в Сирии и убедил их отказаться от похода.

- Кар.-балк. *таны* «узнать, ведать, быть знакомым» (с чем-либо, с кем-либо). Ср. *къара танымагъан* «не знающий грамоте»; *танабаиш* «мудрый», букв. «знающая голова» (из-за того, что созвучное *тана* означает «телок», слову придают значение «большеголовый», не обращая внимания на нелепость возникающего значения, ведь оно тогда должно пониматься как «телкоголовый»). Скифское имя *танай* (из *танакъ*, *танах*) объясняется как «мудрец» или «знаток». Следует обратить внимание на близость исходного слов с *танг* «свет, рассвет; большой, крупный» (ассоциация света с разумом, знанием).

Интересно, что Яков Рейтенфельс (книга которого вышла в Падуге в 1680 г.) отождествляет легендарного предка скифских царей Таргитая с неким Танаузием: «В 2147 году от сотворения мира Танаузий, или Таргитай, царь гетоскифов, сын Юпитера и дочери реки Борисфен, прогнал Везора, египетского царя, из Оказии до самого Нила, и хотя египетские болота помешали ему идти дальше, однако он в течение многих лет заставлял большую часть Азии платить ему дань. Сыновья этого Танаузия – Липоксайс, Арпоксайс и Калаксайс – разделили царство между собою, и во время их царствования, говорят, упали с неба золотые пылающие плуг, секира и чаша, которые впоследствии глубоко чтились у скифов» (цит. по: Бычков, 2009, с. 12).

Тануса (Tanusas) – скифский царь. Во II в. до н. э. выпускал монеты в Добрудже.

- Возможно, тюрк. *танузакъ* «познающий, набирающийся мудрости», от *таны* «знать, узнать»; ср. сходное по образованию кар.-балк. имя *Тогъузакъ* «девятый (сын)».

Тарандос – животное, похожее на оленя, из шкур которого, согласно сообщениям Гесихия и Филона Иудея, скифы шили одежду.

- Неясно.

Тевтармос – это скифское имя встречается у Ктесия.

- Кар.-балк. *тохтамаз* «неудержимый»?

Тевтар – имя скифа, который, согласно древнегреческому мифу, обучил Геракла стрельбе из скифского лука.

- Кар.-балк. *табатар* «ловко (правильно) стреляющий»? Ср. название пятизарядной винтовки *бешатар* «пятизарядная», букв. «пять (раз) стреляющая».

Тиарант – река в Скифии, приток Истра, в настоящее время – река Альт. По словам Геродота, Тиарант протекает через скифскую землю.

- Неясно.

Тимн (Τῆμνῆς) – представитель скифского царя в Ольвии. Встречался с Геродотом во время его путешествия в Скифию в 449-446 гг. до н. э. Именно Тимн мог сообщить Геродоту множество сведений о скифах, их войне с персами и об их обычаях. Возможно, что Тимн Геродота был каллипидом или ализоном.

- Другое прочтение – *Тюмнес*, *Тумнес*, что заставляет видеть в имени тюрк. *тумен*, *тюмен* «десять, десятый; десяти тысячное войско». Ср. обычное тюрк. имя *Аскер* «войско», и современную кар.-балк. фамилию *Тюмен-лары* (Туменовы) – вероятно, по

имени родоначальника. Возможно также, что обладатель этого имени был десятым ребенком в семье.

Тириты – миксэллины, жившие в Скифии близ устья реки Тирас (Днестр). Геродот IV 51.

- Вероятно, те же *тиргеты*, *тюрагеты*, *тирагеты* – тюркюты (см. выше).

Токсамис (Τοξάμις) – это имя наряду с именем Кимерий (κιμερίος) запечатлено на керамической вазе 570 г. до н. э. (кратер Франсуа). М. В. Скржинская считала, что вазописец изобразил героев скифских мифов, хорошо известных грекам в VI в. до н. э.

- Слегка искаженное тюрк. имя *Тохтамыш*, *Тохтамыш*, от общетюрк. *тохта* «стоять, останавливаться» + афф. *-мыш*, *-миш* = «стан, стоянка».

Токсарид – имя скифа в диалоге Лукиана «Токсарид или дружба».

Токсарис – скиф, долгое время живший в Элладе. Прославился там как великий лекарь и мудрец. Во время чумы Токсарис посоветовал афинянам поливать улицы прокисшим вином, чем спас Афины от эпидемии. За это греки удостоили его звания героя, и после его смерти установили на его могиле обелиск.

- Тюрк. *токъ сару* «большой дракон, змей»; или это *такъсыр*, *такъсур* «господин» (в казах. яз.). Ср. также кар.-балк. имя собств. *Тохтар* «сдержанный».

Треры (Τρηρες, Τραρες) – киммерийское племя. Страбон сообщает о вожде треров – Кобосе (κοβος). Л. А. Ельницкий высказывает предположение о генетическом родстве треров, скифов и траспиев-фракийцев.

- Многие факты наводят на мысль, что киммерийцы – это одно из названий тюрков-болгар; в частности, *кем эр*, *кам эр*, *кам ир* означает «приречный человек», как и *балыкъ эр*, *балыкъ ар*. В каждом тюрк. яз. имеется множество терминов в значении «вода, река, влага», *тир*, *тер* – одно из них. Ср. в кар.-балк.: *тер* пот, *терен* глубина, глубокий, *черек* (м. б., из *терек*), *термил* жаждать, изнывать, *тирмен* мельница (на реке). Таким образом, термин *тир*, *тер* означал «влага, вода, река, речной»: *тир эр* «приречный человек», «живущий у реки». Византийские авторы, кстати, прямо отождествляли болгар и киммерийцев.

Фагимасад – бог царских скифов. Геродот ставит ему в соответствие греческого Посейдона. Геродот IV, 59.

- Кар.-балк. *тагы* «исток, речка, ручей»; *тагы-м-атасы* означает «отец истоков», с протетическим гласным *М* между двумя гласными; т. е. речь идет о божестве, которое в кар.-балк. мифологии относится к классу «отцов» (творцов) природных явлений (см.: Джуртубаев, 1991).

Харасп (Charaspes) – царь скифов в Добрудже, за Дунаем. Харасп во II в. до н. э. чеканил монету в греческих городах Томи и Одессе.

- Возможно сопоставление с обычным кар.-балк. именем *Къараиш* «смуглый».

Хабей – так называлась крепость, построенная скифами в Крыму во II в. до н. э. А. Андреев. История Крыма, М.-2002 г.

- Неясно. Или от кар.-балк. *къабакъ* «ворота; укрепленное поселение»?

Пата – скифское слово, обозначающее «убивать» от слова *эорната* – убивающие мужей. Ср. из авест. *рада* – наследство, потомство.

- Неясно.

Эksamпей (Εξάμπεϊς) – местность в Скифии, лежащая между реками Борисфен и Гипанис. Там находился источник горькой воды. Название источника по-скифски Эksamпей, а на эллинском языке – Священные пути.

- По другому чтению – *Эksamпай*. Возможно, Геродот дал неверный перевод скифского топонима, состоящего из трех тюрк. слов: *ыз* «след, путь», *кам* «река, речной», *пай*, *бай* «божество, божественный, святыня». Таким образом, значение топонима – «святыня».

путеводной реки». Это тем более вероятно, что в Эксампае находилась одна из святынь скифов - громадный котел, отлитый из наконечников стрел.

Энареи (ἐναρῆες) – гадатели у скифов, женоподобные мужчины. Гадали с помощью ивовых прутьев и липовой мочалы. Геродот предположил, что энареи – это потомки тех скифов, которые, проявив кощунство, разграбили святилище Афродиты Урании в Сирии. Богиня наказала их, поразив навеки женским недугом.

- Термин производят от иранского *анарья* «не-мужчина»; но Геродот все же говорит о мужчинах, пусть и женоподобных. В кар.-балк. яз. имеется слово *киширий* «мужеподобная», от *киши* «мужчина, человек» и уподобительного аффикса *-рий*. Поскольку во многих тюрк. яз. *эне* означает «женщина», то и слово с обратным приведенному термину значением будет *энерий, энерей* – «женоподобный».

Эминак (Εμίνακος) – это имя читается на серебряных ольвийских монетах, датированных 40 гг. V в. до н. э.

- Кар.-балк. *эм ийнакъ* означает «самый любимый, налюбимый», «любимец».

Элий – это имя читается на монетах, которые скифские цари чеканили в задунайской Скифии, в Добрудже во II в. до н. э.

- От тюрк. *элик, алик, илик* «царь» (см. тюрк. этический кодекс XI в. «Благодатное знание»), откуда и кар.-балк. титулы *олий* «старший князь, правитель», *элмен* «управитель», нартский род *Алик-лары* «Царевы». Или кар.-балк. *элия* «молния».

ЭТНОНИМЫ И ТОПОНИМЫ

Мы прибавили к перечню и другие слова, пропущенные В. И. Абаевым, принадлежность которых скифам и сарматам также удостоверена древними авторами; сюда же включены объяснения и некоторых выражений, встречающихся в источниках. Анализируемая лексика приводится по известному своду В. В. Латышева «Известия древних писателей о Скифии и Кавказе», опубликованному в журнале «Вестник древней истории» (1947-1950 гг.).

«Абиев» – кочевых скифов, откуда происходит и Анахарсис; их-то поэт называет справедливейшими из всех, потому что они имеют общими детей и жен и все, кроме меча и чаши». Евстафий же говорит о них: «Они воздерживаются от употребления в пищу живых существ, питаюсь медом, молоком и сыром». О гипемолгах: «географ же (Страбон) рассказывает также, что они, предоставив землю земледельцам, сами живут в горах, назначивши им умеренную дань для удовлетворения ежедневных насущных потребностей жизни, а если те не дают дани, то воюют с ними» (Древние схолии к Гомеру).

- Неясно. Из этих сообщений можно сделать вывод, что *абиин* представляли собой некий жреческий род или племя. Ср. кар.-балк. *бий* «божество, божественный; господин; князь» (в первом значении слово синонимично *бай, пай*).

«Агавов-гиппемолгов/агавы» – имя народа; выдаивая кобылиц, они питались их молоком. Деметрий же слово *агауои* понимает в смысле «красивые». (Древние схолии к Гомеру).

- В основе, возможно, тюрк. табуированное название молока и молочных продуктов – *акъ* «белое»; если прочесть этноним как *агар*, получается значение «белый человек», т. е. «благородный». Ср. кар.-балк. именование аристократии – *акъ сюек*, букв. «белая кость» (на самом деле – *акъ сеок* «белый род»); или одно из именовании узденей первой степени – *акъ ёзден* «белый уздень», в отличие от *къара ёзден* «черный уздень» и *къара халкъ* «черный народ, простонародье» (но в переписи 1886 г. балкарские уздени первой степени именуются именно «черными», т. е. «большими» - *къарауздени*). Другое объяснение

этнонима *агауои* см. выше (*авар*).

«... от слова *халиб* (родительный падеж): *халиба* означает народ, ибо там была найдена медь (*халкос*)». Евстафий приводит вариант *алиба*. (Древние схолии к Гомеру).

- Несомненно, подобные сведения основаны на путаных переводах тюрк. терминов. Ср. греч. *халкос* «медь» и общетюрк. *халкъ* «народ; круг», *къалкъан* «щит», а также *жез* «медь», «латунь» и *жуз* «племенное объединение» (в казах., от *жюз*, *жюз* «сто, сотня; круг», откуда, скажем, и *жюзюк* «кольцо»).

Тавры, чтящие Артемиду – «туземный кочевой народ» (Никандр).

- Греч. *таврос* означает «бык». Скорее всего, этот этноним - калька с тюрк. термина *огуз*, от *огъур*, *окъ* + *къур* «объединение родов», т. е. «племя»; но *огуз* означает также «бык». Возможно и другое. Тюрк. *тав эр* – «горный человек, горец», *тав ер* – «горная местность». Древние авторы говорят о таврах именно как о горцах Крыма.

Артеми́с, богиня охоты у греков, сестра Аполлона, девственница; ее образ связан с культом Луны (как и Аполлон связан с Солнцем).

- Имя богини на основе греч. яз. не объясняется. На наш взгляд, ее образ заимствован у каких-то тюрк. племен (скорее всего у тавров-огузов, предков крымских татар); ср. кар.-балк. *эрти́мез* «недоступная для мужчин». Богиню, почитаемую в Крыму племенем тавров, греки именовали *Артеми́с тавропо́ла*; как пишет в комментариях Л. А. Ельницкий, этимология эпитета *тавропо́ла* была также неясна грекам уже в древности.

«Ритуал культа Артемиды, связанный с реминисценциями человеческих жертвоприношений, греки считали скифским по происхождению» (прим. к отрывкам из Флавия Филострата); «... обычай бичевания (молодых спартиатов. – М. Дж.) совершался в честь привезенной от скифов Артемиды» (Флавий Филострат). Ср. кар.-балк. *къамчи* «плеть, нагайка» и *камчи* «жрец определенного разряда». Тюркизмы представлены не только в сообщениях «античных» эллинов, но и в их мифологии, и топонимике (но это отдельная тема).

Согласно мифу, владыка богов Зевс влюбился в Ио, дочь Инаха, которую Гера, ревнивая жена Зевса, превратила в белую телку. Комментатор пишет: «*Боспор* значит буквально «переправа быка». Возникновение этого наименования древнегреческое предание связывает с легендой об Ио»: преследуемая злым оводом, насланным Герой, несчастная Ио переправилась через пролив Босфор. Странно, что и греки, и современные комментаторы не обращали внимания на то, что Ио была превращена в телку, а не в быка, и что поэтому связывать название пролива с этой легендой нет оснований. Зато оно легко объяснимо на основе тюрк. яз., в которых *богъаз* означает «пролив» (ср. общетюрк. *бугъа*, *богъа* «бык, бычий»). Добавим, что тюрк. *ийнек* «корова» до странности созвучно имени отца Ио – *Инах*. Так кто же тогда издревле жил на берегу Босфорского пролива?

Кроме того, название большого южнотюрк. племени – *огуз* - означает «бык, бычий» (на самом деле, от *окъ* *къур* «объединение родов, племя»). Здесь находим и простое объяснение другого мифа – о дочери критского царя по имени Пасифая, влюбившейся в быка и родившей от него чудовище, человека с бычачьей головой - Минотавра. Об одной из местностей на острове Крит Дионисий Византийский (II век н. э.) пишет: «К нему примыкает Скифское место; ибо говорят, что сюда пристал скиф (огуз. – М. Дж.), по имени Тавр, переселявшийся из своей страны; он, как говорят, приплыв в Крит, обесчестил Пасифаю, дочь Миноса; отсюда пошел миф и о ее любви к быку, и о ее порождении». Иными словами, название племени тавров («быков») в Крыму – калькированный перевод на греч. яз. тюрк. этнонима *огуз*.

Меланхлены, скифский народ (Гекатей Милетский).

- Греч. *меланхленои* означает «черноризцы», «носящие черное». Ср. тюрк. этноним

къаракъалтакъ, букв. «черношляпный»; но абсолютно сходное *къаракъаплакъ* означает «носящий черное»; в кар.-балк. *къапла* имеет значение «набросить, накинуть, нахлобучить». Тюркские племена продвигались из Европы на восток (а не наоборот, как говорит академическая наука); например, в легендах мюйтенов (майотов?), входящих в состав башкир, каракалпаков и узбеков, упоминаются Крым и Кавказ, как территории, по которым они скитались, прежде чем уйти к Аральскому морю.

Иссыны, эды, иамы, иседоны, катанны – скифские народы (Гекатей Милетский).

- Неясно.

Савроматои означает на греч. «ящероглазые». Разумеется, народа с такими глазами никогда не было и быть не могло, и здесь мы имеем дело лишь с калькированным переводом. Одно из названий гуннов-печенегов – *гунгар*, *хунгар*, *гунногур*, *гунгур* неотличимо для чужого уха от кар.-балк. *гургун* «ящерица, ящеринный», как и *кес* «человек» близко к *кёз* «глаз»; ср. *гунгуркес* «гуннский человек, из племени гуннов» - и *гургункёз* «ящероглазый». Неверно поняв гуннский этноним, греки создали свой этноним – *савроматои*, позднее превратившееся в *сарматои* (правда, последнее можно объяснить и как усеченное кар.-балк. *сырма тай(на)* «почетное племя», «племя, пользующееся почетом»). Таким образом, савроматы/сарматы – это греческое наименование гуннов, а войны савроматов (сарматов) со скифами, в которой первые вышли победителями – это войны гуннов-хазар с болгаро-аланами за господство в Восточной Европе.

Стефан Византийский (V в. н. э.) говорит об амазонках: «Назывались они также савропатидами, потому что растаптывали ящериц и ели их». Конечно, никаких амазонок (как племени) никогда не было и ящерицами они не питались. Это очередное калькирование - этноним *гунгуркес* «гуннский человек», услышанный чуть по-другому - *гургунёз* «давящие ящериц». Греч. *саврос* + тюрк. *бат*, *бас* «давить, мять, наступать на что-либо». Ср. также кар.-балк. *малта* «растаптывать», *бат-дыр* «топить; вдавливать».

«Басилиды ведут свое происхождение от Геркулеса и Ехидны (т. е. от богатыря, которого греки именовали «скифским Гераклом», и Ехидны, «змееногой богини»; см. выше. – М. Дж.); нравы у них царственные, оружием служат только стрелы». «Асиаки не знают, что значит воровать, а потому не стерегут своего имущества и не трогают чужого» (Помпоний Мела). Басилиды – «царские скифы» Геродота, считавшие прочих скифов своими рабами. Объяснение этнонима возникло, вероятно, в результате созвучия тюрк. *барсил* «народ барсов, алан», и греч. *басиле(ос)* «царь, правитель»; кроме того, *бас иль*, *баи иль* означает «главный народ» (ср. также топоним *Баишль* в Чегемском ущелье Балкарии). Сюда же – страна алан *Барсилия*, *Берсилия* средневековых арабских и византийских источников, «откуда вышел великий народ хазар» (Феофан). *Асиаки* – иранское произношение второго названия алан, *ас* (ср. название балкарцев в устах иронцев – *ассиаг*; к Помпонию Меле этноним, вероятно, дошел в хорезмийской или согдийской передаче).

«Затем другая река, **Хариент**, народ **салтии**, у древнейших называвшийся фтирофагами (вшеедами), и другой народ – **саны**; через область **суанов** с Кавказа течет река **Хоб**» (Гай Плиний Секунд, 1 век н.э.).

- Этимология гидронима *Хариент*, как и названия племени *салтии*, неясны. *Хоб*, вероятно, краткая форма древнего кар.-балк. названия Кубани – *Хоб-суу*, *Къоб-суу*, *Кёб-суу* «многоводная» (*кёб*, *коб* «много», *суу* «вода, река»); этот гидроним ясно читается в тексте знаменитой Зеленчукской надписи; ср. также карач.-балк. название верхней Кубани – *Уллу кам* «большая река» (ср. адыгское название Кубани – *Псыж* «Большая река»). Вероятно, от этого же названия реки идет и древнее именование карачаево-балкарцев в устах грузин – *овс*, *ос*, т. е. «кубанцы». Напомним и имя сына первоцаря хазар – *Уобос* (в хронике Леонти Мровели), и имя киммерийского вождя – *Кобос*.

По комментариям Л. А. Ельницкого (к своду, составленному В. В. Латышевым), фтирофагов («вшеедов») ученые локализуют в районе Питиунта (Пицунды). «Поскольку можно считать доказанным на основании комментария Штейна к Геродоту, что фтирофаги-гелоны считались раньше поедающими не вшей, а сосновые шишки», то «Страбоновы фтирофаги также должны трактоваться как «поедатели шишек»; «к числу этих племен должны быть отнесены и салтии, именуемые Плинием фтирофагами; наименование это, применительно к салтиям» переводят как «поедатели шишек», от «питус» - сосна, пиния».

Но, следуя смыслу слов, полагалось бы переводить греческое *φτειροφαγι* как «поедатели сосен». К тому же ни один народ на Кавказе сосновые шишки в пищу не употребляет (могут возразить – «может быть, во времена Геродота кто-то их и ел, а потом перестал»; против такого аргумента, разумеется, возразить нечего). И Геродот говорит не об обитателях сосновых рощ на Черноморском побережье, а совсем о другом народе, - живущем в степи: «Будины – коренные жители страны – кочевники. Это единственная народность в этой стране, которая питается сосновыми шишками».

По поводу странных гастрономических пристрастий степняков-будинов Г. А. Стратановский говорит: «Эта ошибка Геродота возникла, быть может, оттого, что в названии племени содержалось слово «белка», которая называлась на языке племени «поедатель сосновых шишек». «Белка» как имя племени встречается у алтайских народностей (ср. китайское название одного кочевого племени «тинг-линг», указывающее также на слово «белка») (Геродот, с. 611). (Очевидно, имеется в виду народ, именуемый в современной этнологии динлинами; но и в этом случае мы находим указание на тюрков, в языках которых «белка» - *тийин, тин, тыйын*).

Поскольку греч. «фтирофаги» означает «вшееды», а это нелепо, то ученые исправили слово на менее нелепое «фтейрофаги» - якобы «поедатели шишек» (правильно: «поедатели сосен»). На наш взгляд, ни белки, ни степное племя (чье название напоминало слово «белка»), якобы питавшееся шишками, ни насекомые-паразиты здесь совершенно ни при чем. Геродот говорит о будинах-печенеггах, *битджене* (от *буджигин* «волчья стая», другой вариант – *боржигин*); народная этимология (которой, очевидно, пользовался информатор «отца истории») усмотрела в этнониме *биджене* тюрк. слова *бит* «вошь» и *жене, жее* «кушать, есть» = «вшееды».

Гелоны – племя в Скифии, о котором Геродот сообщает противоречивые сведения. С одной стороны, он говорит об их деревянном городе: «Жители Гелона издревле были эллинами. После изгнания из торговых поселений они осели среди будинов. Говорят они частью на скифском языке, а частично на эллинском. Однако у будинов другой язык, чем у гелонов, образ их жизни также иной». В отличие от кочевников-будинов, гелоны «занимаются земледелием, садоводством и едят хлеб». Геродот пишет: «Будины – большое и многочисленное племя; у всех них светло-голубые глаза и рыжие волосы»; гелоны «по внешнему виду и цвету кожи» «вовсе не похожи на будинов».

Очевидно, что Геродот имел о гелонах весьма смутное представление. В четвертой книге своей «Истории» он же передает скифскую легенду, согласно которой Гелон был сыном «скифского Геракла» и «змееной богини», братом Скифа и Агафирса, т. е. происхождение гелонов возводилось к прародителям царских скифов. Да и город их находился в земле будинов. «Впрочем, - добавляет сам Геродот, - эллины и будинов зовут гелонами, хотя и неправильно». Отсюда можно сделать вывод, что гелоны были частью будинов, но смешанных с какими-то эллинами, которые, вероятно, и основали одноименный город. Напомним и слова Помпония Мелы: «Будины населяют деревянный город Гелоний».

Мы уже неоднократно говорили о том, что гунно-хазаро-печенеги (*беджене, биджене,*

базанак, ведене и т. д.) имели множество и других названий – кангар, кунгар, хунгар, кенгер, кенгерес, кунграт, канглы, и пр. До сих пор шуточной кличкой кар.-балк. племени бызынгы (от базангу) является кьонгурла «бурые» или кьынгырла «искривленные» - от второго названия печенегов (гуногур, кунгар, конгар, кангар и т. п.). От корня гыл, гул в кар.-балк. языке образуются слова со значением «кривой, искривленный» - гыланч «зигзаг, зигзагообразный», гулоч «клюшка, клюка», гылжа «кривой, искривленный» и т. п. Отсюда можно сделать вывод, что гелон – это кар.-балк. гылан, представляющее собой синоним названия кангар, кунгар, понятого как кьынгыр (восходит к кьунгур) – «кривой, искривленный».

Гениохи, народ - «гениох по-гречески, аурига (кучер) по-латыни» (схолии к Лукану).

- Народная этимология и случайные созвучия слов являются неистощимым источником появления самых диковинных воззрений и в наше просвещенное время, что уж там говорить о временах отдаленных. Отцом нарта Карашауая, главного героя кар.-балк. эпоса, является Алауган, старший сын Дебета, носящий барсовую шкуру. Но во многих сказаниях Карашауая называют *Генжокъ* улу «сын (или потомок) Генжока» (или *Генжоки*), в дореволюционных публикациях на русском языке – *Генжокаев Карашауай*. В чем причина? В том, что героическому эпосу о нартах предшествовал так называемый «животный эпос», герои которого мыслили, говорили и действовали, как люди, но имели облик тотемных животных, к которым и возводили свое происхождение различные рода и племена. На более поздней стадии развития фольклора образы этих героев были антропоморфизированы, сохраняя, в то же время, некоторые атрибуты своего прежнего облика. Герой Алауган, несомненно, некогда представлялся в виде наиболее почитаемого у предков карачаево-балкарцев зверя – барса, именование которого подверглось табуации, заменившись на *ала уанг* «пятнистое существо»; отсюда же известный этноним: *ала анг – аланг – алан* «пятнистый зверь».

Но черты прежнего облика героя обозначились и в его имени: *алауанг-жух – алауганжух* «имеющий морду барса, барсоликий»; это именование раздвоилось: одно превратилось в имя *Алауган*, без окончания, другое – в *Ганжух, Генжух, Генжокъ*. Поэтому мы видим в названии племени *гениохов* (генжохов) указание на алан (барсов, барсилов, базилов), одним из племен которых они, вероятно, и являлись. Сблизив этноним с греч. термином, греки и объяснили чужое слово как «кучер», а римляне перевели его на латин. (*аурига*), в том же значении. Заметим, что в списке 19 сыновей пророка и кузнеца Дебета, представляющем собой перечень племен, входивших в древний союз, старшим назван Алауган (эпоним алан), вторым – *Гуу* (от *гунн*), т. е. гунны.

Киммерийцев греки считали живущими в крошечной тьме. Ср., например, уже в «Одиссее» Гомера (перевод Н. Гнедича):

Скоро пришли мы к глубокотекущим водам Океана;
Там киммериян печальная область, покрытая вечно
Влажным туманом и мглой облаков; никогда не являет
Оку людей там лица лучезарного Гелиос, землю ль
Он покидает, всходя на звездами обильное небо,
С неба ль, звездами обильного, сходит, к земле обращаясь;
Ночь безотрадная там искони окружает живущих.

Но почему греки думали, что над землей киммерийцев никогда не светит Солнце? Мы уже приводили слова Иоанна Малалы: «болгары – это те, кого древние называли киммерийцами». Разобраться в сложностях этнонимии степей, гор и лесов Восточной

Европы, населенных огромным количеством племен и родов, грекам было не под силу, да и разные информаторы часто, как видим, давали авторам объяснения названий на основе народной этимологии, отсюда и сплошные лингвистические недоразумения.

Часть болгарских племен назывались *къара* «черные», т. е. «многочисленные, большие»; возможно, был и этноним *къара кимер* «черные киммерийцы»; значения слов *балгар*, *балкар* и *кемер* совершенно идентичны – «приречный человек» (*балукъ эр*, кем эр). Но абсолютно созвучное *къмюр* означает «уголь, угольный», а *къмюл* – «погружаться, тонуть, утонуть». *Къара* – «черный», *къарангы* «тьма, мгла». Если к этому добавить созвучие *гениох* (название племени) и *гюню йокъ* «не имеющий (не видящий) солнца», причина такого странного представления о Киммерии станет понятной.

Из пьесы римского драматурга Тита Макция Плавта (III в. до н. э.):

Сикофант: Прежде всего мы приплыли в Понт к Аравийской земле.

Хармид: Ого, разве и в Понте есть Аравия?

Сикофант: Есть: не та, где родится фимиа, а та, где растет полынь и куриная душица.

- Вне всякого сомнения, «Аравия в Понте», т. е. в Причерноморье, - не что иное, как Авария, страна тюркского народа авар (гуннов, вархунов, вархонитов). При той путанице в этнонимах и топонимах в эпоху, когда географических карт еще не было (как и СМИ, и различных НИИ), неудивительно, что герои пьесы Плавта называют ее «Аравией», антинаучно обнаруживая авар в III веке до н. э. у Черного моря, когда в тот период им положено было таиться где-то на Дальнем Востоке. Что касается травы «куриная душица», то это, возможно, неправильный перевод одного из кар.-балк. названий ковыля – *тауукътук* «куриное перо».

Но задолго до Плавта эту же страну в своей трагедии «Прикованный Прометей» упоминает Эсхил (526-456 гг. до н. э.); (*перевод В. В. Латышева*):

Ст. 427-440. Хор: Все смертные, которые обитают в ближайших местностях священной Азии, соболезнают твоим плачевным страданиям: и девы - обитательницы колхидской земли, бестрепетные в боях, и многолюдные племена скифов, обитающие на краю земли вокруг Майотийского озера, и воинственный цвет Аравии, - обитатели высокой крепости близ Кавказа, грозная рать, гремящая среди остроконечных копий».

Но почему поэт в числе сочувствующих страданиям Прометея упоминает арабов? Древние комментаторы нашли простой выход, считая, что «между Майотидою и Каспийским морем жили троглодиты, которые родом арабы» (Античные источники о Северном Кавказе, с. 13). Объяснять упоминание в этом тексте далекой Аравии тем, что географические представления Эсхила были весьма смутными, некорректно: обратим внимание, что поэт перечисляет народы и страны, расположенные недалеко от Кавказа, где и был, по мифу, прикован Прометей. Не следует считать исключением Аравию, «воинственный цвет» которой обитает именно возле Кавказа, да еще и в «высокой крепости». Речь идет об Аварии и аварах.

«Самый Танаис скифы зовут **Сином**, а Меотийское озеро – **Темарундой**, что значит на их языке «мать моря» (Плиний).

- Второе скифо-сарматское название реки Дон сопоставимо с кар.-балк. *синг* «впитываться» (о влаге), или, скорее, с *сим* «тихий, безмолвный» (откуда и *симсире* «притихнуть, обомлеть», *сын* «покойный, мертвый»), т. е. это синоним основного названия *Тынай-ус* «тихая река, спокойная река».

Каркинитида, город скифский (Гекатей Милетский).

- Ср. тюрк. *Къаракент* «большой город».

Кардес – скифский город (Гекатей Милетский).

- Неясно.

Темарунда – неясно.

Майотийское (Манготское, Мангытское, совр. Азовское) море карачаево-балкарцы называют *Азау тенгиз* (букв. «угловое (или «тупиковое») море» (ср. топоним *Азау тала* – название поляны в Баксанском ущелье, упирающейся в подножие Эльбруса); в эпосе встречается и другое название – *Кёк тенгиз* «Синее море».

ИМЕНА

Тоант (**Фоант**), сын Борисфена – царь тавров, «который, передвигая быстрые ноги подобно крыльям, получил такое имя за быстроту ног» (Еврипид).

- Возможно, что это искаженное тюрк. имя *Тоган* «сокол».

Абеак – царь сираков (Страбон).

- Неясно.

Гатал – сарматский царь (Полибий).

- Неясно.

Иандис – скифский царь (Флавий Арриан).

- Возможно, тюрк. *йангыз* «единственный»?

Собадак – скиф (Аппиан).

- Ср. кар.-балк. имя *Шабатук*, от *шабат* «суббота, субботний», т. е. «родившийся в субботу»; или *саут-саба* «оружие-доспехи», здесь *саба* + афф. *дук*, *дак*, *тук* «доспешный».

Давиет – отец скифского мудреца Анахарсиса (Лукиан из Самосаты). По Геродоту отцом Анахарсиса являлся *Гнур*.

- Правомерно сопоставление с именем тюрк. пророка, законодателя и искусного кузнеца-рудознатца – *Дебет*, *Девет*, *Деует*, фигурирующего в кар.-балк. нартском эпосе также и в качестве прародителя богатырей (у других тюрков – казахов, узбеков – искусный кузнец-оружейник, рудозналец и проповедник Дауд; под этим же именем и с теми же функциями пророка и кузнеца-оружейника он упоминается и в Св. Коране; из-за полной идентичности имен комментаторы путали и путают его с израильским царем Давидом, отцом Соломона, также упоминаемым в Коране, но никакого отношения ни к изготовлению оружия, ни к поискам руды не имеющим).

Имя происходит от *дылбет* «огнеоликий» или *дын эт* «разжигающий огонь»; в кар.-балк. тенгрианстве известен класс жрецов, именуемый *тыпчы*, *дыпчы*, букв. «огневик», это были люди, которые разжигали священный огонь во время проведения религиозных обрядов, в отличие, скажем, от *байчи* (*бахчи*), исполнявших песнопения, или главных жрецов – *машакъ*, от *баши акъ* «белоголовый, седоголовый»; ср. также *баши жакъ* (*жау*), букв. «намавленная голова». Причина того, что Лукиан именует Дебета отцом мудреца, вероятно, заключается в том, что пророк, возможно, являлся основателем древнейшего царского рода (Ашина? Дуло?), из которого происходил царевич Анахарсис, сын Гнура; *Дебет уду* означает и «потомок Дебета» (русск. *Дебетов*), и «сын Дебета».

Дандамис и **Амизок** – два скифа, два верных друга (в диалоге Лукиана «Токсарис»).

- Первое имя, возможно, от тюрк. *тангы темиз*, букв. «чье утро чистое», «утренняя свежесть»; другой вариант – *дамы темиз* «чья жертва чиста». *Амизок* можно сопоставить с именем аланского предводителя-богатыря II века н. э. (в одной из грузин. хроник) *Амбазук*, кар.-балк. «наидородный».

Белитт и **Баст** – два друга, скифы (Лукиан).

- Этимология первого имени затруднительна. *Басты*, *баслы* (башты, башлы) – тюрк. «головастый, умный».

Мариант – скиф, отец Арсакома (Лукиан).

- Неясно.

Мастира – аланка, жена боспорского царя Левканора (Лукиан).

- Неясно.

Сисин – скиф (Лукиан).

- Кар.-балк. *сыйсын* «обретет почет»; ср. аналогичное по образованию имя *Къайсын* «обретет жизнь» (или от *къалсын* «пусть останется (живет)»).

Абавх – скиф (Лукиан).

- Неясно.

Гиндан – скиф (Лукиан).

- Возможно, кар.-балк. *гиндан*, *гинан* «дышло». Имена подобного рода не должны казаться чем-то диковинным; ср., например, обычное у тюрков имя *Оракъ*, *Уракъ* «серп».

Тиргатао, меотиянка, жена синдского царя Гекатея (Полиен).

- Это, несомненно, одно из кар.-балк. названий Эльбруса – *Тейри тау* (*Тегритау*, *Тагритау*) «божья гора» или «небесная гора».

Кадуид – брат Анахарсиса (Диоген Лаэртский).

- Неясно.

Гесандр – царь языгов (Гай Валерий Флакк, 1 век н. э.).

- Возможно, от кар.-балк. *жасандыр* «наряжающий, украшающий, приводящий в порядок».

Зорсин – царь сираков (Корнелий Тацит, 1 век н. э.).

- *Зор* (считается иранизмом) в совр. кар.-балк. языке означает «сила; крест», *зорлук* «насилие»; *зорсан* означает «сильнотелый».

Сипил – «скифский царь, бежавший из соседней с Фракией Скифии» (Диодор Сицилийский).

- Ср. кар.-балк. *сибил*, *зибил* «волшебный, волшебство; невидимый»; одно из эпических сказаний называется «*Сибил нартла*» («Нарты-волшебники»); *сибил бёрк* «шапка-невидимка»; *сибильчи* – один из семи разрядов жрецов в кар.-балк. тенгрианстве; *Сибильчи* – имя одного из героев кар.-балк. нартского эпоса; *Шибиля* «бог молнии; молния; электричество, электрический»; у тюрков Сибири и Алтая *сибил*, *сибял* означает «одевание шамана».

Равсимод – савроматский царь (Зосим, V век).

- Неясно. Имя, возможно, германское.

Зизаис – сарматский царевич (Аммиан Марцеллин).

- Одно из многочисленных свидетельств наличия в скифо-сарматском языке зокающего диалекта (как и в кар.-балк. яз.); восходит к *зизак* (*жижак*, *жижик*) «маленький», *зюзек*, *жюжсек* «цыпленок»; *зизак*, *жижак*, *чичек*, *чечек* «цветок», ср. кар.-балк. фамилию *Зизай-лары* «Зизаевы».

Аммиан упоминает также несколько и других имен:

Румон – сарматский царь.

- Неясно.

Зинафр – сарматский царь.

- Кар.-балк. *ызынабур* «обращающий вспять (врагов)»?

Фрагилед – сарматский царь.

- Неясно.

Узафер – сарматский царь.

- Возможно, от кар.-балк. *озупбер* «дающий сверх меры, сверх-щедрый».

ТЕРМИНЫ И ВЫРАЖЕНИЯ

В произведениях античных авторов часто встречаются сведения о странных обычаях северных варваров и диких варваров с берегов Понта. Чаще всего это объясняется калькированием при переводах или неправильными истолкованиями скифо-сарматских (тюркских) терминов. Приведем пример: *эшек мия* «белена» (букв. «ослиная солодка») – *эшек мыйы* «ослиный мозг». Из-за сходства двух выражений народ думает, что зловредные люди готовили из сваренных и приготовленных особым образом ослиных мозгов зелье, отведав которого, человек сходил с ума.

Рог скифского осла, содержащий в себе некую жидкость (Филон Гераклеяский). Страбон также сообщает, что Александр Македонский был отравлен водою Стикса, поднесенной ему в таком сосуде.

- Как говорят все античные авторы, скифы ослов не разводили; и у этого животного никаких рогов быть не может. Имеет место обыкновенная путаница: в кар.-балк. яз. *ишек* – «годовалый баран» (из рогов таких баранов и вытачивали небольшие чарочки, иногда и с металлическими крышечками), но *эшек* – «осел, ишак»; ср.: *ишек мюйюз* «бараний рог» – *эшек мюйюз* «ослиный рог».

См. также сообщение Клавдия Элиана (II в. н. э.): «В скифской земле водятся рогатые ослы; их рога выдерживают аркадскую воду, так называемую стиксову». Речь, вероятно, идет о крепкой водке (тюркск. *аракъы*, *аракъа*), почему автор и говорит об «аркадской воде» (греки даже вино пили разбавленным).

Страбон (I в. н. э.) о жителях Северного Причерноморья: «Пойманная во льду рыба добывается путем выкапывания с помощью так называемой **«гангамы»**.

- Очевидно, это некое орудие, снабженное острием. Ср. тюрк. *канг*, *кан*, *кам* «река, речной» + *къама* «кинжал».

Кинара – колючее растение (Гекатей Милетский).

- Возможно, это тюрк. *чинар* «бук».

«Поп» (попос): скифы называют попами находящиеся у них кумирчики» (Элий Геродиан).

- Ср. общетюрк. *баба*, *боба* «дед; предок»; «кумирчики», вероятно, появились в ходе развития культа предков.

«Фавды»: роды скифские» (Гесихий).

- Ср. кар.-балк. *тапды*, *тафды* «родила», букв. «нашла, обрела, приобрела».

«Искусство спаивания и смешивания меди, по мнению Аристотеля, изобрел скиф **Лид**» (Плиний).

- Имя, возможно, искусственно произведено от славянского слова; ср. русск. «литье».

В реке Танаис «находят также камень, похожий на хрусталь и увенчанный короной наподобие человека. Когда умрет царь, туземцы производят выбор нового у реки; кто найдет такой камень, тот сейчас же избирается в цари и получает скипетр покойного» (Плутарх, со ссылкой на Ктесифонта и Аристубула).

- И снова мы встречаемся с очередным лингвистическим недоразумением: кар.-балк. *таж* «корона» – *таш* «камень», *хан* «правитель» – *кам* (вариант – *канг*) «река, речной»; *таб* означает не только «найти», но и «обрести, получить». Кар.-балк. *хан тажны табхан* «получивший ханскую корону» греки приняли за *кам ташины табхан* «нашедший речной камень». Ср. и другие созвучия: *бий* «князь, господин, княжеский» – *мияла* (*бияла*) «стекло, стеклянный», *сай* «мелководье», «мелководная речка» – *сайла* «избирать, выбирать, предпочитать», *сау* «живой» – *шау* «мертвый».

Фрикса: «В Танаисе растет трава, называемая на языке варваров Фрикса, что в переводе значит «злоненавистница», защищающая пасынков от злоумышленных мачех. Когда ее собирают, она холоднее снега, а когда на кого-нибудь злоумышляет мачеха, то трава вспыхивает пламенем» (Плутарх).

- Скорее всего, поверье возникло не в скифо-сарматской среде, а у танаисских греков и связано с мифом о брате и сестре, Фриксе и Гелле, которых золотой баран, спасая от мачехи, перенес в Колхиду по воздуху. Зато вполне объяснимо, почему эта трава якобы вспыхивала огнем. В кар.-балк. языке слово *от* имеет несколько значений, в том числе «огонь» и «трава, растение» (откуда, скажем, *отла* «пасться»), и входит в названия некоторых растений (например, *балхамий от* «бальзамная трава»). Ср. также кар.-балк. *къырау* (от *къар ау*) «иней» и *кырдык* (восходит к *кардак*) «трава, травяной покров», которое можно перевести и как «снежность», поскольку в нем ложно присутствует *къар* «снег, снежный».

В диалоге Лукиана «Токсарис, или дружба» говорится, что скифы считали Пилада и Ореста, похитивших статую Артемиды в Тавриде, святыми, и чтили их жертвоприношениями. «Поскольку они отличились в дружбе, то им дали название **Кораков**, что значит «божества – покровители дружбы» (Лукиан).

- Кар.-балк. *къоруу* (из *къорукъ*) - «защита, заступничество, покровительство»; *шайых*, *шыйых* «святой» происходит от *сай* «избирать», откуда и *сыйлы* (от *сайлы*) – «священный, святой» (созвучие с араб. *шейх* «глава племени, общины» является случайным). Скифское *шайых къорукъла* означало бы «святые заступники», Лукиан же называет их покровителями дружбы, скорее всего, из-за созвучия кар.-балк. слов *шайых* «святой» и *шуйёх* «друг, дружный».

«Клянись Ветром и Мечом» - скифская клятва. Скиф Токсарис говорит: «...когда мы клянемся Ветром и Мечом, то клянемся именно потому, что ветер есть причина жизни, а меч причиняет смерть» (Лукиан).

- Упоминание в одной клятве ветра и меча, ничего общего между собой не имеющих, неслучайно. *Эрирей* (*Эрей*) в кар.-балк. мифологии являлся богом войны и ветра; имя происходит от *эр* «мужчина, герой» и *эрек*, *ирек* «меч» (*ёрек* «вертикаль») – «герой-меч», которому и поклонялись средневековые тюрки (скифы и сарматы – т. е. болгары, гунны, аланы-асы). Понятия «воздух» и «ветер» передавались одним и тем же термином *жель*, а душа (жизнь) рассматривалась как некий воздушный сгусток (ср. кар.-балк. выражение *Жан деген – бир тылпыу* «Душа – это один выдох», букв. «пар»).

Кроме того, ср. *хауа* «воздух; климат» и *хай*, *къай* «жизнь, живой» (из *хакъ*), откуда такие слова, как *хау* «да, так», *хакъ* «истина; цена», *хайт* боевой клич, подбадривающий возглас, означающий «держись! крепись! живи!», и *Къайнар*, *Хай-нар* «Живое Солнце», образное именование Бога-Творца Тейри. Сюда же созвучие в йокающих тюрк. яз.: *ель* «ветер» - *эль* «умирать»; одно из кар.-балк. названий радуги – *жанкъылыч* - допускает разные переводы «пылающий меч; живой меч; меч жизни», но букв. перевод - «душа-меч» (душа считалась семикомпонентным отражением единого духа в живой плоти, подобно тому, как радуга есть семицветное отражение солнца в парах воды; см. в «Ёзден Адет»).

По сообщению Лукиана, скиф, который хотел отомстить своим обидчикам, но не имел для этого сил, делал следующее: резал быка, варил его мясо в котле (на площади), а сам садился на расстеленной рядом шкуре. Человек, в знак согласия помочь ему, съедал кусок мяса и наступал ногой на шкуру. Так, из людей, которых, вероятно, прельщала

возможность обогатиться добычей, составлялись отряды.

- Обычай, вероятно, возник на основе народной этимологии (как и многие другие кар.-балк. обычаи, обряды и поверья). *Тери* «шкура» - *терил* «соблазнить, уговорить, искушать, подбить» (в данном случае - на участие в отмщении), *тёре* «закон; обычай», *дерт* - «мечь». *Огуз*, *ёгюз* «бык» (из *ёкюр* «реветь, ревун») – *огъур*, *огуз* «соединение родов», т. е. племя, но и - «соединение стрел» (*окъ къур*). Чёк «сесть, присесть» - чёк «поминки» (когда на кладбище в карачаевском селении читается заупокойная молитва (*жаназы*), присутствующие садятся или опускаются на корточки).

Человека, не отомстившего кровнику (как и не сдержавшего слово или клятву), еще в недавнем прошлом считали как бы мертвым; заверяя, что он непременно исполнит то или иное дело, мужчина говорит: *Мен аны этмесем, ёлгенге санагъыз* «Если я не исполню это, считайте меня мертвым». Отсюда же и другое выражение – *антына ёлген* букв. «умерший для своей клятвы», т. е. «не исполнивший свою клятву». Сидящий на шкуре (*тери*) быка скиф до исполнения долга кровомщения (обычай – *тёре*) считал себя «мертвым», чтобы после этого «воскреснуть» (*тирил*). Таким образом, мы и здесь наблюдаем связь целой вереницы смыслов.

Скиф Токсарис в одноименном диалоге говорит Мнесиппу: «будем друзьями и кунаками» (Лукиан). К сожалению, у меня нет греч. текста, чтобы выяснить, какое слово употреблено в оригинале и почему оно переведено тюрк. *къонакъ*, *къунакъ* «гость».

«...мучимый голодом, он (скиф. – М. Дж.) требует пищи у коня, и последний предоставляет ему свои жилы и отдает господину все, что имеет – свою кровь» (Климент Александрийский).

- Нечто подобное сообщают и другие «античные» авторы. На самом деле, здесь опять-таки лингвистическое недоразумение. Кар.-балк. выражение *къанын ичгенди* «выпил его кровь» означает «измучать кого-либо», в данном случае – коня, что и было понято античными авторами буквально. Сюда же слово *алаша* «мерин», ложно раскладывающееся на *ал*, *аша* «бери, ешь». Ср. также *къантор* «яркерыжий», букв. «кроваво-гнедой», которое, слегка изменив в *къантер*, можно перевести еще и как «потеющий кровью»; *кёк ат* «серый конь», но букв. «небесный конь».

«... поедаящие своих отцов скифы» (Порфирий); нечто подобное говорят о скифах и некоторые другие авторы, см. например, у Помпония Мелы: «Скифское племя эседонов употребляет в пищу трупы умерших». Конечно, никакие скифы своих отцов никогда не ели, это очередное лингвистическое недоразумение, простое объяснение которого неопровержимо свидетельствует о тюркоязычности скифо-сарматских племен (в данном случае – эседонов, иседонов), обычной пищей которых была конина: кар.-балк. *атлары ашайдыла* «они едят своих коней» какие-то эллины поняли как *аталарын ашайдыла* «они едят своих отцов».

Официальная наука пребывает в непоколебимом убеждении, что авары «прибыли» на Балканы в VI веке откуда-то из Центральной Азии, но никак не объясняет, почему уже Евсевий Памфил (ум. в 340 г.) в своей «Церковной истории» упоминает их на Дунае. Сильно подводит непогрешимую академическую историю и Помпоний Мела (I в. н. э.), когда пишет: «Будины населяют деревянный город Гелоний. В близком соседстве с ними тиссагеты и турки живут в обширных лесах». Не в меру дотошный читатель волен думать, что хочет: то ли Евсевий и Мела без всякого дозволения науки жили не в том веке, то ли авары и турки заявили в Европу в неурочное время и просидели там 4 столетия, никем не замечаемые. Отметим любопытную деталь. «Когда во время пира варвары стали

восхвалять Аттилу, а мы – императора, Бигила сказал, что несправедливо сравнивать бога с человеком, разумея под человеком Аттилу, а под богом – Феодосия», - пишет византийский дипломат Приск Панийский, и когда? – в V в.! Ничто в его труде не говорит о том, что греки уже исповедуют христианство; мог ли христианин величать императора богом?

О скифском (гиперборейском) мудреце *Аварисе* (*Абарисе*), в чьем имени звучит имя *аваров* (части гуннов, гунневаров), многие греческие авторы пишут, что он путешествовал по Элладе верхом на «стреле Аполлона», проповедуя некое учение. Кар.-балк. *am* имеет несколько значений: «конь; имя; бросать, кидать», а также – «стрелять». В древности *am* (*as*) означало и «стрела», и «род»; неслучайно и *окъ* в кар.-балк. яз. имеет значения «стрела; пуля; род; потомок» (не потому ли скифский царь Ариант, желая узнать число своих подданных, повелел им принести именно по одному наконечнику стрелы?).

Отсюда и путаница – *Аварис*, конечно же, путешествовал верхом не на стреле (*am*), а на коне (*am*). Возникновению путаницы способствовали и другие созвучия в кар.-балк. языке: *окъ* «стрела» и *окъуу* «учение»; *кун*, *кюн* «солнце, солнечный» (Аполлон – соллярное божество) - *къон* «садиться (на коня)». *Танг* «свет, рассвет»; *танг атды* «рассвет наступил», но если ударение во втором слове перенести на первый слог, получится радикально иное значение: «рассвет – это конь». Аварис, вероятно, распространял религию *Тангри* – тенгрианство.

Синдская расщелина: скифское выражение, означающее «половой орган женщины» (Гесихий Александрийский).

- Очередное (пусть и неприличное) неопровержимое доказательство тюркоязычности скифов: кар.-балк. яз. *сийдик* «моча, мочева» (восходит к *синдик*) + *тешик* «дыра, щель, расщелина»; скифское *синдик тешик* «мочевая щель» греки поняли как «синдская расщелина».

«**Синдиди:** Скифия и публичная женщина». Гесихий неправильно отождествляет область Синдику со Скифией. Кроме того, этноним «синди» созвучен тюрк. слову, означающему «совокупился»; ср. также кар.-балк. *зийна*, *зыйна* (от *зинга*, *зинда*) «распутница, блудница, распутница» (бранное *зийнадан туугъан!* - «Рожденный распутницей!»). Из-за сходства слов карачаево-балкарцы еще в XIX в. бросали женщин, уличенных в прелюбодеянии (*зинда*, *зийна*) в глубокую яму-темницу (*зындан*, иранизм) и забрасывали камнями.

ПРАВДИВЫЙ ГЕРОДОТ

Не излагая историю скифов по Геродоту, будем следовать за его известиями (перевод Г. А. Стратановского). Большая часть скифо-кар.-балк. параллелей, приводимых ниже, была опубликована в предыдущих работах автора – «Древние верования балкарцев и карачаевцев», (1991), «Карачаево-балкарский героический эпос» (2004), «Душа Балкарии» (1996), «Тенгрианство и тюрки» (в книге «Ёзден Адет», 2006). Здесь мы даем лишь краткий пересказ. Начнем с легенды о происхождении скифов.

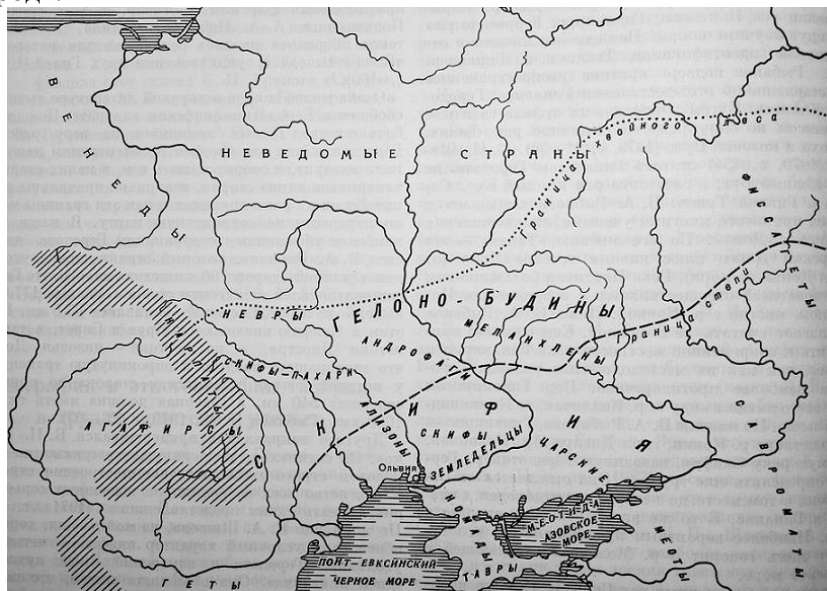
«Скифы говорят, что их народ моложе всех других и произошел следующим образом: в их земле, бывшей безлюдной пустыней, родился первый человек, по имени Таргитай; родителями этого Таргитая они называют, по моему мнению, неверно, Зевса и дочь реки Борисфена. Такого происхождения был, по их словам, Таргитай, а у него родились три сына: Липоксай, Арпоксай и младший, Колаксай. При них упали-де с неба на скифскую землю золотые предметы: плуг, ярмо, секира и чаша. Старший из братьев, первым увидев эти предметы, подошел ближе, желая их взять, но при его приближении золото

воспламенилось. По его удалении подошел второй, но с золотом повторилось то же самое. Таким образом золото, воспламеняясь, не допустило их к себе, но с приближением третьего брата, самого младшего, горение прекратилось, и он отнес к себе золото. Старшие братья, поняв значение этого чуда, передали младшему все царство».

По словам скифов, от времен Таргитая до нашествия на Скифию войск персидского царя Дария прошло не более тысячи лет. Если считать Таргитая первым царем Скифии, и (как в случае с датой гибели Атлантиды, которая воевала с Афинами, но якобы погибла за 9000 лет до времен Платона) уменьшить эту цифру в 10 раз, получится, что Скифскому государству ко времени нашествия 700-тысячного (!) войска Дария было сто лет.

Скифы сражались со многими народами древности – ассирийцами, мидянами, персами, македонянами и др. В надписи царя Ассархаддона говорится о царе страны *Иикуза* (по другому чтению – *Аикуза*, *Аскуза*); никто не сомневается в том, что речь идет о скифах. И. М. Мизиев сопоставлял это слово с названием тюрк. народа *ас-кизи* или *ас-киши*, что означает «асские люди», ставя его в связь с сообщением средневекового арабского историка Ибн-Саида: из народов Кавказа самым западным был народ коса (косоги русских летописей), далее к востоку жили аркеши (азкеши), абхазы и аланы. Другие авторы сопоставляют этноним с названием тюрк. племени *иш-огуз* – «внутренние огузы».

Перед нами вроде бы очевидное противоречие: скифы, тысячелетний народ, считают себя моложе всех. Но это результат народной этимологии. *Аш-куз* или *Яш-куз* на всех тюрк. яз. означает «молодое племя, молодой народ». *Куз* – вариант общетюрк. термина *кур*, *гур*, *гурт*, *кор*, *корт*, *курт*, *журт*, означающего «объединение, место обитания, поселение, народ, племя»; ср. другой термин – *эль*, в кар.-балк. озн. «село; страна; общество; народ». Восходит термин *кур*, *куз* к *окъ кѹр*, *окъ кѹз* – *огѹр*, *огуз* – «объединение родов». Ср. тюрк. этнонимы – *огузы*, *он-огуры*, *гузы*, *кутри-гуры*, *уй-гуры*, и др. (Чередование *р-з* в окончаниях тюркских слово – хорошо изученное явление). Но другой тюрк. термин, означающий «род» – *ас* (*ат*). Поэтому *аскуз*, *ашкуз* можно перевести так же – «объединение родов, племя, народ» (*ас-кѹр*). Можно предположить, что на вопрос Геродота о значении этнонима *Аикуз*, его информаторы ответили: «Молодой народ».

Распределение племен, названных Геродотом, на современной карте (по М. И. Артамонову; «Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время», М., 1989).

Макс Фасмер и В. И. Абаев попытались объяснить имена Таргитая и его сыновей на основе иран. языков. «Все три имени, - пишет В. И. Абаев, - заключают во второй части иранский корень *хшай*, означающий «сиять», «блистать», а также «властвовать», «повелевать». Первые части этих имен до сих пор не вполне ясны. Элемент *арп* в *Арпоксаис* мы сопоставляем со скифским названием Днепра в *Дан-арп* «Река Арп». *Арп* в свою очередь сопоставляется с осетинским *Арф* «глубокий». Итак *Арпо-ксаис* = *Апра-хшайа* могло означать «Владыка Днепра» или «Днепр-царь». «... имя младшего родоначальника скифов *Колаксаис* можно восстановить в *Хораксаис* = *Хвар-хшайа* «Солнце-царь».

«Если один из скифских родоначальников оказывается олицетворением солнца, а другой (*Арпоксаис*) – олицетворением Днепра, то выходит, что в легенде об этих братьях повторяется, в новых образах, уже известный нам миф о происхождении скифов от неба и воды, от Зевса и Днепра. Остается третий брат, *Липоксаис*, который тоже был, возможно, каким-нибудь мифологическим образом. К сожалению, здесь нельзя даже строить никаких предположений: элемент *липо* решительно не поддается объяснению...» (Абаев, ОЯФ, с. 243).

Этот «неправильный» элемент позже исправили на *рина* «гора», получилось *Рипоксай* «Гора-царь». Странно другое: «Иран. *хор*, контаминируясь с европ. *сол*, могло дать компромиссную форму *хол*, откуда имя одного из братьев-родоначальников скифов *Колаксаис* = *хол-а-хшайа* - «Владыка Солнца». Имена двух других братьев, *Липоксаис* и *Арпоксаис*, разъясняются соответственно как «Владыка Земли» и «Владыка Вод» (ИЭСОЯ, т. 4, с. 247). Каким образом «Гора-царь» превратился еще и во «Владыку Земли», и почему иран. *хор* непременно должно было контаминироваться с европейским *сол*, я выяснить не смог (в осет. «земля» - *заехх*).

Неведомо и другое: в 1949 году (см. в ОЯФ) В. И. Абаев считал, что *Дан-арп* «река глубокая» – это скифское название Днепра, а *Арпоксаис* «могло означать «Владыка Днепра» или «Днепр-царь». Каким образом, если в этом имени элемент *дан* отсутствует? *Арпоксаис*, если принять толкование Абаева, должно означать или «глубины царь» или «глубокий царь». Это, во-первых, а во-вторых, почему *Арпоксаис* из «олицетворения Днепра», каковым он считался в 1949 г., ровно через 40 лет вдруг превратился во «Владыку Вод»?

Имя мифологизированного родоначальника скифских царей – *Таргитай* – Макс Фасмер, довольно неуклюже, объяснил из иран. *дарга тава* - «долгомошный». Итак, в скифской легенде, по мнению иранистов, присутствуют три царя – «Глубина», «Солнце» и «Гора», якобы олицетворяющие трехчастное деление мира – вверху Солнце, внизу водная глубь, между ними – гора. Непонятно, правда, почему олицетворения столь великих объектов должны быть сыновьями Таргитая - «Долгомошного», сына скифского небесного божества и дочери реки Борисфен. Тогда уж точнее было бы именно его назвать Горой – между небом и водой-рекой. (Кстати, тюрк. *тау*, *тай* как раз и означает «гора» - *Ала Тау*, *Ал-тай* и т. д.; возле Махачкалы, в земле кумыков, высится гора *Тарки-тау*).

Приведем пример того, как истолковал эти лингвистические упражнения такой кропотливый исследователь, как Д. С. Раевский. «Имя *Арпоксаис*, по толкованию В. И. Абаева, в первой части имеет корень *арп*, сохранившийся также (без метатезы *пр* – *рп*) в древней форме ираноязычного названия Днепра – *Данаприс* («глубокая река») и отраженный в осетинском *арф* «глубокий». Имя «Арпоксай» трактуется, таким образом, как «владыка глубин». Тем же автором было предложено толкование имени *Колаксаис* как соответствующего иранскому *Хвар-хшайа* – «владыка солнца, Солнце-царь». Эта интерпретация была дополнена Э. А. Грантовским, предложившим интерпретацию имени

Липоксаис из *рипа* «гора» как *Рипа-хшайа* «Гора-царь» (ср. название Рипейских гор). Фонетическая правомочность такого толкования была признана В. И. Абаевым» (Раевский, 1977, с. 62-63).

«Таким образом, эти три имени: Солнце/Небо-царь, Гора-царь и Река/Море-царь (точнее, Глубь-царь) – отражают стройную систему, в основе которой, по словам Э. А. Грантовского, «лежит представление о трех космических плоскостях: верхней – небесной, символизировавшейся солнцем, средней – надземной и нижней – водной или подземной». И, далее: «Следует отметить, что совокупность этих трех зон и составляет тот телесный, видимый мир, персонификацией которого, согласно моему толкованию, является в скифской мифологии отец трех братьев – Таргитай. Мифические образы отца и трех его сыновей образуют, таким образом, стройную систему».

Д. С. Раевский, как и другие иранисты, вычитывает из мифа то, чего в нем нет. Почему имя персонификации телесного мира (Таргитая, порождения скифского Зевса и дочери Днепра-Борисфена) должно означать «долгомощный»? И почему три сына Таргитая должны быть составными частями его «долгомощности»? К тому же Таргитай отождествлялся с Гераклом, в котором вряд ли возможно признать «персонификацию телесного мира». «Такое триединое понимание телесного мира в скифской и, шире, в индоиранской мифологии объясняет, между прочим, почему символом этого мира служил именно образ водоплавающей птицы: это единственный представитель земной фауны, обладающий способностью передвигаться *во всех трех стихиях* – по суше, по воде и под водой и, наконец, по воздуху. Именно в этих четырех позициях представлены утки на ритоне из Карагодеуашха», - пишет Д. С. Раевский.

Действительно, изображение водоплавающей птицы часто встречается на предметах из скифских курганов. (Следовательно, Таргитай должен был отождествляться с ней, а не с Гераклом). Чтобы подтвердить свое мнение, Д. С. Раевский обращается к другому региону, весьма удаленному от Скифии: «Показательно, что и в «Атхарваведе» отражено представление о «тройном» или «утроенном» гусе». «Это скорее всего также связано с толкованием водоплавающей птицы как символа трех зон мироздания» (Раевский, 1977, с. 63). Толкование интересное, но ученый не объясняет, что это за странная птица - «утроенный гусь». На наш взгляд (совершенно дикий с академической точки зрения), речь идет о заимствовании из тюркской космологии : авторы этой веды перепутали *уч кьат* «три слоя (пласта, яруса)» и *уч кьаз* «три гуся»: «три яруса» мира превратились у них в «утроенного гуся». К тому же в языке осетин, «прямых потомков скифов», нет своих слов, означающих «утка, лебедь, гусь» (см. ниже) – они заимствованы из тюркского.

Имя *Таргитай* вернее будет производить (как и предлагали И. М. Мизиев, М. А. Хабичев, К. Т. Лайпанов) от тюрк. *тарги, тагри* - «небо, небесный», и *тай* - «сходить, нисходить, уходить» – «сошедший с неба», поскольку отцом Таргитая являлся скифский бог (Папай), которого Геродот сопоставляет с Зевсом. Но слово *тай* содержится и в термине *тайпа* – «племя» (откуда, например, выражение *тиши тайпа* - «женский род-племя»); поэтому возможное значение имени *Таргитай* - «небесного рода, небом рожденный». Кроме того, имя скифского первоцаря полностью соответствует имени посла тюрков-аваров к византийскому императору – *Таргитий* (у Феофилакта Симокатты). Почти такое же имя носила меотийская (майотийская, манготская) царица – *Тиргатао*. Одного из предков Чингисхана, согласно тюрк. легенде «Чингис-намэ», звали *Таргилтай*. Но никто еще не обнаружил ни «североиранца», ни просто иранца, ни хотя бы индуса с таким именем.

Цитируем Геродота: «Так вот, от Липоксаиса, как говорят, произошло скифское племя, называемое авхатами, от среднего брата – племя катиаров и траспиев, а от младшего из братьев – царя – племя паралатов. Все племена вместе называются скелотами, т. е.

царскими. Эллина же зовут их скифами. Так рассказывают скифы о происхождении своего народа. Они думают, впрочем, что со времен первого царя Таргитая до вторжения в их землю Дария прошло как раз только 1000 лет» (уменьшая цифру в 10 раз, приходим к выводу, что это было за сто лет до времен Геродота).

Согласно древним воззрениям карачаево-балкарцев (см. в «Ёзден Адет»), состав человека тройственен: дух, душа, плоть. Душа имеет семь сил-ипостасей (одна из них называется *ах*) и находится между многосоставной плотью (*сан*) и единым духом (*сюльдер*), который, вероятно, именовался и *ариу ах* - «прекрасный, чистый ах», при слитном произношении *аруах*, в праформе – *аруках*, позже *арубах*, *арувах*, *руах*; слово попало и в семитские языки. «Святой, священный» – *сыйлы*. В тюрк. языках в древности звука Ы не было, слово образовано от *сай*, от которого и сейчас образуются слова со значением «избранный, почитаемый», но и «святой» (с другим афф.) – *шайых* или более позднее *шыйых*. Но прежде не было и кратких звуков У и Й, поэтому *сай* восходит к древнему *сакъ*. Избранным, почитаемым (*сакъ*, *сай*) и должен был считаться глава племени, царь.

Арпоксай, *Арбахсай*, *Арубахсай*, или, по более позднему произношению, *Аруахсай*, таким образом, означает «духовный царь» - т. е. это родоначальник сословия жрецов. *Липоксай* – слегка искаженное *эльпек сай*, *ильпек сай* - «изобилия царь», «богатства царь», предок сословия крестьян, производителей материальных благ. *Колаксай* – от слова *къолай* (восходящего к *къолакъ*) «возможность, сила» - «силы царь», родоначальник воинов, обладающих военной властью.

Речь идет об идеологическом обосновании разделения функций отдельных племен или сословий в скифском обществе – жрецы; воины; скотоводы и земледельцы; четвертое – зависимое сословие, составившееся, вероятно, из обедневших членов третьего сословия. Возможно, поэтому Геродот и говорит о четырех (а не трех) племенах, произошедших от трех братьев. От Липоксая – *авхаты*. Термин этот в качестве личного имени сохранялся у карачаево-балкарцев до наших дней. Сейчас он стал архаизмом, но еще можно встретить людей с отчествами Аухатович или Аухатовна. От Арпоксая произошли *катиары* и *трапшии*, от младшего, Колаксая – *паралаты*. «Отец истории» немного напутал.

Слово *ас* в тюрк. яз. означает «род», от него образуется и слово *асыл* «благородный, родовитый»; вариант *ат*, *ад* (*адыл* от *адул* – «воспитанный, вежливый»). *Авхат*, *аухат* происходит от *анг ат*, *анхат* – «умный род» (*анг* – «ум, разумение, мышление»). Это род жреческий. В нартском эпосе – Аликовы (от *алик*, *элик* «царь, царский» (их другое именование – *Алаугановы* «барсовы»); исполнение обязанностей высших жрецов в древности было прерогативой аристократии). *Катиар* – несколько искаженное *къасты бар*, *къаты бар* «имеющие клятву, присягу», «давшие обет», в современном звучании – *къачы бар*, *къацы бар* (син. *антыбар*). Род воинов. В нартском эпосе – *Усхуртуклары*, возможно, от *боз къурт* «серый волк» + афф. укъ. (Уздени, представители свободного сословия в традиционном кар.-балк. обществе, обязанные участвовать в набегах и выходить по тревоге на защиту границ или селения, назывались *анты бар* «имеющие присягу, имеющие клятву»).

«*Паралатаи* «царствующая скифская династия» (Геродот); авест. *парадата* «предустановленный», «искони назначенный»; Л вместо Д либо ошибка, либо звуковой перебой, наблюдаемый в ряде иранских языков» (Фасмер). Но мы склонны думать, что *паралат* – от *барлы ат*, *барлы ас* «имущий род», позднее этот термин встречается в исторических источниках, как название тюрк. племени *барлас*. Это род собственников, владельцев полей и стад; во времена Геродота правящая династия, вероятно, была из них. Отсюда и третий мощный род-племя в кар.-балк. эпосе (*Боралары*; добавим, что возможна и другая этимология, см. ниже). *Трапшии* – от *тары сен* «просо сеющие, прососеи» – род

тружеников-земледельцев. В кар.-балк. эпосе это, вероятно, род *Индилары*. Авхаты должны были происходить от Арпоксая, брата-жреца, катиары от Колаксая-воина, паралаты и траспии – от Липоксая-богача.

Но этот сюжет, возможно, является вторичным наполнением (переосмыслением) легенды; ему предшествовал другой, более древний. Священная гора карачаево-балкарцев (и их предков – скифов и алан) – Эльбрус, имеет у них около шести десятков названий, одно из которых – *Тейри Тау* «божья гора» или «небесная гора». Старое звучание теонима – *Тенгри, Тегри, Тагри* + *тау* очень близко к имени скифского прародителя – *Таргитай*. С вершины Эльбруса стекают три реки, вбирающие в себя на своем пути все остальные потоки: Кубань (*Къобан*) – по левую сторону, Малка (*Балыкъ*) – по правую, и Кума (*Гум*) – по центру. Если мы вспомним, что тюрк. *сай, чай* означает «река», то нельзя исключить, что имена сыновей Таргитая – это названия трех больших рек Кавказа, рожденных великой горой. Иными словами, древняя топонимическая легенда о горе, породившей три реки, с течением времени стала осмысляться скифами в качестве объяснения происхождения царской династии и сословий. Но сама эта легенда восходит к мифу о сотворении мира: лебедь (или утка) нырнула на дно мирового океана и достала на поверхность землю, она стала расти и превратилась в гору *Минги Тау* («вечную гору»), *Тагри Тау* («божью гору»), с которой потекли три реки (см. нашу работу «Древние верования балкарцев и карачаевцев». Нальчик, 1991).

Следовательно, бог *Папай* (от кар.-балк. *папакъ, баппакъ* «селезень», может быть и «лебедь-самец») в новом осмыслении мифа имел сына *Таргитая* «Небесную гору» от богини-лебеди, *Гу-май-бийче, Умай-бийче*. «Дочь реки» появилась в рассказе нечаянно, в результате неправильного перевода кар.-балк. *къанкъаз* «лебедь», ложно понятого как *канг къаз, кам къаз* «дочь реки», «речная девушка». Речь в легенде идет, на наш взгляд, о кавказских скифах. Ср. также *хан къызы* (от *хан къазы*) – «дочь хана».

Оба этих объяснения, как нам кажется, заслуживают внимания. Не менее правомерно и третье; еще в 1995 г. М. З. Закиев увидел в окончаниях имен сыновей Таргитая тюркское *сой* «род» (цит. по: Лайпанов, 2007, с. 76). Оно восходит к *сок, сеок*, откуда, из-за случайного созвучия, одно из кар.-балк. именовании аристократии – *акъсюек* букв. «белая кость» (на самом деле – *акъсеок* «белый род»). Отсюда мы можем прийти к выводу, что *Липоксай* – это *эльпек сой, ильпек сой* «богатый род», *Арпоксай* – *аруах сой* «духовный род», *Колаксай* – *къолакъ сой* «сильный род».

«...общее же название всех их – сколоты, по имени одного царя; скифами называли их эллины». Речь идет, по Геродоту, о главенствующем в Скифии народе – так называемых «царских скифах»; это, по его словам, «благороднейшие и многочисленнейшие скифы, почитающие прочих скифов своими рабами». Приведем пояснения В. И. Абаева. «Элемент *скул, скол*, наличный в этих именах, был, по всей вероятности, каким-то важным термином до-иранского населения юга России. Проследивая изменения в составе «варварских» слов и названий от Геродота до II-III вв. н. э. можно констатировать, что иранский элемент усиливался постепенно, достигнув максимума к первым векам нашей эры» (ОЯФ, с. 243-244).

Но тогда следует говорить о том, что скифы говорили на «до-иранском» (точнее, не-иранском) языке, так как считается, что они «исчезают» как раз в то время, когда, по Абаеву, усиление «иранского элемента» достигло максимума, т. е. происходила смена языка. Заметить это противоречие иранисты не пожелали. «Не случайно, - продолжает В. И. Абаев, - что у самого раннего автора, Геродота, мы находим наибольший процент терминов и слов, не имеющих удовлетворительного иранского объяснения». «Были унаследованы какие-то до-иранские термины, к которым относился и *скол, скул*». «К числу необъясняемых терминов относится и слово «скиф». «Удачным кажется нам также

восстановление *скута* в *скул-та*, где *та* – показатель множественности (у Н. Я. Марра). В этом случае термин *скютаи* (из *скул-та*) оказывается разновидностью другого самоназвания скифов *сколотои*, о котором сообщает Геродот» (ОЯФ, с. 243-244).

Нет никакой необходимости предполагать ни до-иранское, ни иранское происхождение слова «сколотай». Возможно, древний грек несколько исказил звучание термина, могло быть и *сколты*. В любом случае, он находит себе простое и ясное объяснение с позиций кар.-балк. языка, в котором *схылты* означает «знатный, родовитый, аристократ». Оно восходит к *схулту*, от *ызгъыл* – «наследственность», «качество, полученное от предков» (*ыз, из* – «след»), плюс аффикс обладания *-ты*. В праформе это слово звучало как *асгулту*, *асхулту*. (О человеке, долго болевшем и умершем рано, говорят: *Не аман ызгъылы бар эди* – «Какая же плохая наследственность у него была»).

Еще одно значимое слово – *асыл* – «родовитый, благородный». Но в кар.-балк., как и в некоторых других тюрк. яз., термин *ас* (*ат*) и означал «род». До недавних времен карачаево-балкарцы, по словам старожилов, вместо нынешнего арабизма *миллет* «нация», употребляли слово *аслыкъ* – букв. «асство». Спрашивали, не к какому *миллет* принадлежит человек, а к какому *аслыкъ*, к какому роду-племени. Кар.-балк. *асыл* и русск. «родовитый» созданы по одной схеме – «имеющий род» («принадлежащий к роду»). Но правящее в стране племя и должно было называться *схолту*, *схулту* – «наследники» (Таргитая), «знатные, родовитые».

Почему Геродот называет господствующих скифов «царскими»? Если они просто приближенные царя, то это не племя, а правящий род, клан. Но разве остальные не подчинялись царю, не являлись «царскими»? Речь идет о лингвистическом недоразумении: этноним должен был содержать в себе (конечно, ложно) слово «царь». Такой этноним известен – *барсулы*, *барсилы*, *басилы*, что напоминало бы греку его родное слово *басилеос* «царь». Согласно средневековым источникам, хазары, великий народ, вышел из глубины страны алан – *Барсилиш*. Основной тотем предков карачаево-балкарцев – барс. *Барс эль* – «страна барсов» (кстати говоря, турецкий путешественник XVII в. Эвлия Челеби именовал «страной Барса» государство карачаево-балкарцев *Тауистан*; см. ниже). Этноним *барс улу* (ед. число) означает «сын барса, сын леопарда».

Теперь о золотых предметах, упавших с неба. На наш взгляд, язык и фольклор прямых потомков причерноморских скифов должны были сохранить память о столь ярком и важном мифологическом воззрении. Но никто из иранистов ничего подобного не обнаруживал (за исключением осетинской легенды, истолкованной ими вкривь и вкось; см. ниже). Зато в кар.-балк. яз. параллель находится прямо на поверхности, точнее, на небе. Созвездие Малой Медведицы называется *Мырытла* – от *мырыт* «сошник, лемех». Созвездие Ориона, конфигурация которого напоминает обоюдоострую секиру – *Гидала*. *Гида* – обоюдоострый боевой топор, верхнее лезвие у него меньше, чем нижнее. Созвездие Северной Короны – *Чёмючле* или *Чарала*, «чаша». Границы созвездий в народной астрономии разных этносов совпадают не всегда. Не совпадает с Весами и группа из шести звезд, которую карачаево-балкарцы называют *Боюнсала* – «ярмо». Названия созвездий имеют окончания мн. числа (*-ла, -ле*), показывая, что это название не одной звезды, а группы.

Геродот пишет далее: «Вышеупомянутое священное золото цари их очень ревностно охраняют и ежегодно чтут богатыми жертвами. Кто с этим священным золотом во время праздника заснет под открытым небом, тот, по словам скифов, уже не проживет и года; поэтому ему дается столько земли, сколько он сам объедет на коне в один день. Так как страна была обширна, то Колаксай разделил ее на три царства для своих сыновей». Откуда такое странное поверье и почему уснувшему при охране священного золота на празднике давалось именно столько земли? Дело в том, что каждое из этих созвездий

характерно для вида неба в определенное время года, кроме Малой Медведицы, созвездия околополярного, одинаково хорошо видимого круглый год. Орион (Секира) характерен для осеннего неба, Весы – для весеннего, а Северная Корона – для летнего. Следовательно, эти четыре созвездия символизировали годичный цикл, четыре времени года, как 4 золотых предмета были символами 4 сословий на земле: чаша – священный предмет жрецов, секира – воинов, плуг – крестьян-собственников, ярмо – зависимых тружеников (чтобы подогнать число предметов под трифункциональное деление древних индоевропейских обществ, иранисты неправомерно считают плуг и ярмо одним символом).

Образ коня в кар.-балк. мифологии и эпосе устойчиво связан с солнцем. Поэтому-то и считалось, что человек, уснувший при охране этих предметов, не проживет и года, и поэтому ему давалось столько земли, сколько он объедет на коне за день. Но что это было за празднество и когда его отмечали? Главных праздников в жизни доисламских карачаево-балкарцев было три, и все они связаны с важнейшими точками движения Солнца по небесной сфере. В дни летнего солнцестояния отмечали воинский праздник *Элии*, покровителя воинов, громовника (*элия* означает «молния»). В дни осеннего равноденствия – праздник в честь бога ветра и войны – *Эрирея*, *Эрея*. Очевидно, праздник был жреческим (поскольку справлялся осенью; к тому же *Эрирей* – бог-меч, ср. *эрейчи*, *ирейчи* «мечник»). В дни весеннего равноденствия отмечали наступление Нового года и великий национальный праздник *Голлу*, в честь умирающего и воскресающего солнечного божества, на который приходили без оружия, на котором отменялись все сословные различия, проводились состязания и т. п. Это было празднество карнавального типа, основанное на символическом понимании жизненного процесса, как круга, цикла – жизнь начиналась как бы сызнова с воскресением Голлу, всадника в белой или золотой шубе (или в кольчуге) и на белом коне, которое восходило в небеса победителем тьмы и холода.

Тогда же приносили в жертву специально откармливаемого в течение года черного быка, символ тьмы и зимних холодов. По тем же причинам не было праздника во время зимнего солнцестояния, когда божество-солнце умирало в схватке с тьмой (или считалось находящимся в плену), чтобы появиться в новой силе и славе в месяце *Тотур*, в марте. Отсюда же празднование «дня вставания нартов (из могил)» – *нарт кьопхан*, на самом деле – «вставания солнца», *нар*, из зимней могилы, и отмечавшиеся в те же дни поминки по предкам (нартам). У волжских татар праздник оживания светила назывался сходно – *нар дуган* «рождение солнца» – но отмечался в дни зимнего солнцестояния (см. в нашей работе «Древние верования балкарцев и карачаевцев»).

Следует думать, что все три кар.-балк. праздника первоначально посвящались только Голлу-Солнцу, отмечая важнейшие точки его небесной жизни и смерти, и лишь потом два других дня были «отданы» Элие и Эрирею. В древности слова в тюркских языках оканчивались закрытыми слогами. Поэтому теоним *Голлу* («мерцающий, огненный, пламенный») должен был произноситься по-другому – *Голлук* (как это сохраняется в некоторых языках (например, *ташлы*, *тасты* – *ташлыкъ*, *тастыкъ* «камень – каменистый»), т. е. речь идет о том же скифском обожествленном царе Колаксае (*Голлук-сай*) и празднике в его честь (в последний раз он отмечался, по рассказам старожил, в середине XIX века). Потому охранник священных предметов и не имел права уснуть – ведь Солнце воскресло, а человек уснул, т. е. как бы умер, это знак его близкой, в течение года, смерти. Он должен был, подобно самому Голлу, завершить свой цикл, получить столько земли, сколько сможет объехать на коне за день. Вероятно, был и миф о жизни и смерти небесно-земного царя (возможно, он сохранился).

Но причерноморские эллины рассказали Геродоту и другую легенду о происхождении скифов. По их словам, когда герой Геракл прибыл в Скифию, его застала вьюга, и он

заснул, закутавшись в шкуру льва, а проснувшись, обнаружил, что кони его пропали. Пустившись на поиски, в какой-то пещере он увидел странное существо, деву со змеиными ногами, которая сообщила ему, что кони находятся у нее, но она отдаст их только при условии, что богатырь вступит с нею в связь. Герой вынужден был согласиться. Существо родило от Геракла трех сыновей, родоначальников трех племен – Агафирса (Агатирса, Акацира), Гелона и Скифа. Уходя, Геракл велел полудеве-полузмее, когда сыновья вырастут, устроить испытание: кто из них сможет натянуть его лук и опоясаться его поясом с золотой чашей на пряжке, тот и должен был получить во владение эту страну, а другие из нее удалиться. Справился с заданием только Скиф. С тех пор его потомки носят на поясе чашу (поэтому на тюркских изваяниях батыры изображены с чашей или кубком в руках).

Анализ этого сказания занял бы слишком много времени и места. Отметим только важнейшее:

1. Кого из скифских героев Геродот именует Гераклом, неизвестно. Имя *Геракл* не поддается этимологии на материале греческого, неуверенно объясняют его как «слава Геры». Но ведь Гера, жена Зевса, всю жизнь допекала героя, ревнуя мужа к матери богатыря, Алкмене. Почему он должен был носить такое имя, странно близкое имени эпического героя южных тюрков – *Кер-оглу*, *Кер-огул*?

2. Мотив пропажи коней героя есть в кар.-балк. сказке (явно восходящей к эпосу) «Завистливые братья». Он находит их, но табун окружен змеями, которые соглашаются отдать его, только если он женится на девушке из их племени, и ему приходится вступить в брак с дочерью царя змей. *Алан* – «барс», но *йалан* (в йокающих яз.) – «змея» (совр. *ылан*). Герой скифского сказания вступил в брак с дочерью аланского царя.

3. Одним из самых популярных в нартском эпосе карачаево-балкарцев является сказание о женитьбе богатыря Алаугана (Алаугуна) на девушке-великанше, живущей в пещере. Их сын стал непобедимым героем по имени Карашауай. По одному из вариантов, отца великанши зовут *Кюсадакь* – «туголукий». Алауган носил барсовую шкуру, герой скифской легенды – львиную. Информатор Геродота вполне мог перепутать *алан тери* «барсова шкура», и *аслан тери* «львиная шкура».

4. Карачаево-балкарцы сохранили и миф о змееногой богине. Он был записан еще в 1974 году Божиевым Русланом и Жабеловым Тахиром, студентами, участниками фольклорной экспедиции, из уст Беппаева Моллы, жителя сел. Хушто-Сырт. Текст пролежал в архиве КБ ИГИ до 2003 года, пока Хаджиева Т. М. не опубликовала его в сборнике сказок. Миф так и назван – «*Тюбю – жилиян, баши – кьыз*» («Низ – змея, верх – девушка»), и перепечатан в книге «Карачаево-балкарские мифы» (Нальчик, 2008).

Все это – оставшиеся в кар.-балк. фольклоре отзвуки древней скифской легенды о знаменитой впоследствии в Западной Европе «чаше св. Грааля». Заметим, что, согласно всем легендам (в том числе и кар.-балк.), хранительницей волшебной золотой чаши является дева – *шам кьыз*, *ая кьыз* «святая дева»; так именовали девушек, живших в тенгрианских святилищах в качестве прислужниц, до определенного возраста; именования сохранились и в качестве имен собственных. *Жалын аякь* означает «пламенная чаша»; *жылан аякь* «змеиная чаша», но если произнести слитно – «змееногая». Но почему она – богиня? Кар.-балк. слово *бийче* имеет три значения: «богиня; княгиня; хозяйка дома, супруга», поэтому перепутать было немудрено.

Жалын аякь бийчеси – «хозяйка пламенной чаши».

Жыланаякь бийче – «змееногая богиня».

Герой скифской легенды вступил в связь не с уродом, имевшим «змеиные ноги», а с девушкой, хранительницей чаши, которая жила в святилище-пещере (народная этимология и информаторы Геродота немного напутали). Дети этого героя и девушки,

хранительницы священной чаши, вероятно, и стали основателями династии скифских царей. В честь прародительницы были названы несколько местностей на территории Карачая (о золотой чаше см. «Карачаево-балкарские мифы», Нальчик, 2008).

Но есть еще одна причина появления в мифе «змееногой богини». Согласно представлениям тюркских народов, власть даровалась каганам богиней *Умай* (*Гу-май*, прародительницей мира, чье имя означает «богиня-лебедь»): она подносила будущему властителю золотую чашу (*рог*). Но ее имя созвучно слову *гымма*, *гумма* «горный удавчик» (ср. угрозу: *Гымма гылдууну буугъанлай бууарма!* – «Задуш, как удавчик крысу!»). *Гумай аякъ* «чаша Гумай» созвучно *гумма аякъ* «змеиная чаша», при слитном произношении – «змееногая». Кроме того, в недавнем прошлом у карачаево-балкарцев бытовал ритуальный «*Бийче тепсеу*» («танец богини»), иллюстрировавший происхождение сословий: исполнительница, стоя на камне, подносила танцующим парам золотые, серебряные, медные и роговые чарочки. В сел. В. Балкария находится камень, который так и называется – *Бийче тепсеген таи* «Камень, на котором танцевала богиня», усеянный дырочками; когда историк-любитель А. Алишев залил их известью, выяснилось, что на камне изображена звездная карта центральной части небосвода. Вероятно, некогда одна из княгинь (поскольку *бийче* озн. и «княгиня», и «богиня») исполняла этот танец, стоя на этом камне.

Рассказывая о соседях скифов, Геродот говорит о некоем племени одноглазых людей, по-скифски именуемых *аримасны*; *арима* по-скифски «один, единица», а *спу* – «глаз». Кар.-балк. *айырма* означает «особенное», «отдельное», «отличное от других», т. е. вполне можно допустить, что единицу (единичное) скифы называли именно так. По тому же типу и с тем же аффиксом образовано, например, кар.-балк. *жыйырма* – «двадцать». Что такое *спу*, неясно. Вполне возможно также, что это самый древний рассказ о существах, называемых карачаево-балкарцами *алмосту*, *алмасты* (снежные люди, йети).

По рассказу Геродота, наиболее отдаленными от скифов являлись некие *аргиннеи*, с которыми скифы вели при помощи семи переводчиков. Кар.-балк. *аргынтай* (ед. число) означает «отдаленный, находящийся в отдалении».

Геродот перечисляет и имена восьми божеств, которым поклонялись скифы, называя им параллели в греческом пантеоне. Богиню домашнего очага и прародительницу царей скифы называли *Табити* (греч. *Гестия*). Кар.-балк. слово *таб*, *тып*, *дып*, *дыф* – «огонь». От него образованы, например, слова *тытыр* – «очаг», *дып* или *дыф* – «сигнальный костер на дереве», *тапанча* – «пистолет», и др. *Иди*, *иде*, *ие* – «хозяин, хозяйка» (в тюрк. яз. категории рода нет) = «хозяйка огня»; у нас нет сомнений в том, что это одно из именовании «змееногой девы», прародительницы скифских царей. Ее же имя до сих пор звучит в божбе балкарок и карачаевок – «*Тобады*, ...» (мужчины этого слова никогда не произносят). Сходно имя покровительницы домашнего очага – *Тепена*, *Тыпана* «мать огня». В кар.-балк. мифологии божества-отцы и богини-матери составляют отдельный класс в ее обширном пантеоне (см. нашу работу «Древние верования балкарцев и карачаевцев», Нальчик, 1991).

Скифы почитали Зевса, бога-громовержца, и Гею, богиню земли, называя их *Папай* и *Апи*. Фольклористом Х. Х. Малкондуевым был записан текст заговора, произносимого, чтобы оберечь огороды от градобития:

*Грубые сыновья Дыдай,
Ледяные камни Папая, -
Вы не бейте поля,
Не причиняйте вреда,
Бейте в горный хребет,
Он ледяной, и вы ледяные –*

Ударьте и разбейте его!

Дыдай – одно из имен матери ветра *Химики* (*Хамекки*), ветры считались ее сыновьями, живущими в пещере на краю земли. Грозное существо *Бабай*, которым иногда пугают детей, вероятно, тот же Папай-громовержец. Скифские цари считали себя потомками Таргитая, отцом же самого Таргитая был Папай. Геродот замечает: «Зевс вполне правильно, по моему мнению, зовется Папай». Почему историк подчеркивает правильность такого именованья? В тюрк. яз. *баба*, *бабай* означает «дед; предок», как и слово *туудукъ* означает «внук; потомок». Именованье предком божество, потомками которого скифские цари считали себя, разумеется, было правильно. *Папай* восходит к *папакъ*, ср. кар.-балк. *баппакъ* «селезень»; потому и популярны изображения селезня на скифских предметах.

Память об этом божестве сохранили и другие тюрки: чуваша называли бога грозы *Папай тура*, волжские татары – *Папай тэнгере*, оба в значении «бог-дед» (но почему-то никто из иранских народов его не помнит, а скифологи эти «ненаучные» факты принципиально не «замечают»). Богиня земли и супруга Папая – *Апи*. В большинстве тюрк. яз. *эбе*, *апа*, *апи*, *аба* означает «бабушка». Получается полное соответствие – супружеская чета богов-прародителей, дед и бабушка. Аполлона, солярное божество (образ которого в греческой мифологии заимствованный), скифы называли *Гойтосир*. На наш взгляд, это искаженное *Кёй атасы* – «отец солнца», при слитном произношении *Кёйтасы*, *Кёйтасыр* (*кюй* – «гореть, пылать»). Выше отмечалось, что в источниках встречается и другое скифское именование Аполлона – *Гонгосир*, которое мы сопоставили с кар.-балк. *кьоргъазин*, *кьонгазир* «солнце в зените». Третий вариант – *Кёй таксыр* «господин солнца» (термин *таксыр* сохранился в казахском).

Добавим другие созвучия: *кюй*, *кюу* – «песня-плач, причетъ», *куу* – «лебедь» (Аполлон, согласно греческим мифам, странствовал на упряжке из лебедей и почитался как покровитель искусств, в первую очередь музыки); отсюда и выражение «лебединая песнь». *Къанкъаз* – «лебедь, лебединый», *къанг*, *канг* – арх. «повозка» (потому у Рашид-ад-дина *къангар*, название печенегов, и производится от этого слова), *къаз* – «гусь, лебедь». Афродита Урания (Небесная) у скифов именовалась *Аргимпаса*. *Тагри*, *тарги*, *тегри*, *тенгри* – «небо, небесный, бог»; *анасы* – «мать». (*Т*)*Аргим анасы* – с протетическим *М* на стыке гласных – «мать неба». В кар.-балк. эпосе именно к ней является после вознесения на небо вождь нартвов Ёрюзмек; она названа там *Кёк Анасы* – «мать неба».

Посейдона, т. е. морского бога, скифы называли *Тагимасад*. Термины «небо» и «море» в тюрк. яз. почти идентичны: *тенгиз* (море) – *тенгир* (небо, небесный). Это вызвано представлениями древних тюрков о мире, как суше, со всех сторон окруженной мировым океаном (*долай*, *тенгиз*): море внизу (соленое) и мореверху (пресное, откуда и дожди). *Тагимасад* – искаженное «*Тагрим атасы*», «отец моря». Или: *Тагы-м-атасы* «отец истоков». Но Геродот говорит, что Посейдона чтут только царские скифы. Это может быть указанием на культ *Тенгира* (Тенгри), небесного бога, чье именование Геродот принял за *тенгиз* «море», думая, что скифы поклонялись морскому божеству.

И только скифскому богу войны Геродот не указывает соответствия и называет его, как и греческого бога – *Арей*. Вероятно, по той причине, что речь шла о божестве, имя которого у скифов звучало точно так же – *Арей*, *Эрей*. По нашему мнению, скифский *Арей* – это кар.-балк. бог ветра и войны *Эрирей* (от *эр ирек* «герой-меч»), которого в мифологических текстах, в краткой форме, часто именуют *Эрей* (или *Эрей Чонпа*). Теоним происходит от арх. названия меча – *эрек*, *эрей*, *ирей*, откуда и один из терминов, обозначающих дружинника, воина – *эрейчи*, *ирейчи*, букв. «мечник». В Черекском ущелье

Балкарии находится местность *Иричиле* (от *эрейчиле*) – «дружинники»; вероятно, когда-то там было место сбора и боевой подготовки молодых воинов.

Неслучайно в одном из диалогов Лукиана скиф Токсарис говорит: «Клянусь мечом и ветром...» - поскольку Эрей являлся богом ветра и войны, и олицетворялся в образе меча. Позже к нему же обращались с гимном при молотье (ассоциативная связь битвы и молотья отразилась, например, и в «Слове о полку Игоревом»: «*На Немиге снопы стелют на болони, веют душу от тела...*»). Культ Арея - не-греческого происхождения, и в олимпийской религии занимает второстепенное место; в Троянской войне Арей (Арес) участвует на стороне троянцев, а не ахейцев.

Скифская земля, отмечает Геродот, бедна лесом, поэтому скифы, вложив мясо в котлы, «зажигают кости животных и на них варят мясо; если котла не окажется, то вкладывают мясо в желудки животных, подливают воды и зажигают кости»; «таким образом, бык сам себя варит, а равно и все другие жертвенные животные». Точно такие же способы применяли и иногда применяют и сейчас карачаево-балкарские пастухи. Жертвоприношения божествам скифы совершали одинаковым способом: связывали животному ноги, потом душили веревочной петлей, поворачивая ее палкой, и валили на землю, а задушив, сдирали шкуру. Способ странный, но объяснение ему дать можно.

Древние относились к языку не менее, а более внимательно, чем мы, видя в нем дар богов. Понять смысл того или иного слова означало прочесть их волю, постичь их мудрость; разумеется, единственным способом такого постижения была народная этимология, породившая бесчисленное множество всяких поверий, обрядов и мифов. Этим и объясняется появление скифского способа жертвоприношения. Возможно, он имел весьма древнее происхождение, бытуя с тех времен, когда в жертву приносили и диких животных. *Буу*, от древнего *бук*, *бугъ*, означает не только «олень», но и «душить»; *бугъ*, *бугъа* – «бык», *бай* (от *бакъ*, *бах*) – «бог».

Описан у Геродота и обряд жертвоприношения богу войны, чьи святилища находились в каждом скифском околотке. Сооружался огромный курган из связок хвороста, а наверху устраивалась четырехугольная площадка, с водруженным на ней старинным железным мечом. Каждый год скифы привозили туда несколько возов хвороста (по другим переводам – колючего кустарника), так как от непогоды сооружение оседало. Этому мечу приносили в жертву рогатый скот и лошадей, а из числа пленников – каждого сотого мужчину, поливая меч его кровью. У убитых отрубали правые плечи с руками, бросали их в воздух и уходили. Кар.-балк. *жесир* – «пленник», *жюз эр* – «сто воинов».

Здесь приведен целый комплекс верований, память о которых сохранилась в языке, мифологии и фольклоре карачаево-балкарцев. Из колючего кустарника святилище сооружалось потому, что в кар.-балк. языке оно именуется *чууана* (из *чугана*; второе значение слова – «возвышенность»), но абсолютно созвучное *чыгъана* – «колючий кустарник», от более древнего *чугъана*. Но слово *чугана*, *чугъана* народно-этимологически раскладывается еще и на *чукъана* «кровоточащее острие». Кроме того, культ Эрирея имел, вероятно, и фаллический характер (рукоятям своих мечей скифы часто придавали сходство с фаллосом), поскольку *чук*, скажем, в кумык. языке, означает «фаллос»; по сей день у карачаево-балкарцев, как эвфемизм, иногда употребляется слово *къылыч* – «меч, сабля». Нынешнее *чюй* – «гвоздь», происходит от *чук* – «острие, острый»; (отсюда, например, и слово *чуукансакъал* – «остроробородый»). Если добавить, что *чѣк* означает «помятение предков; поклонение», картина станет достаточно ясной.

Почему скифы отрубали правые плечи жертв? Сюжетом древнего мифа карачаево-балкарцев о сотворении мира является жертвоприношение небесного быка (буйвола; см. ниже). Правая лопаточная кость этого черного быка (а еще раньше – оленя), олицетворения ночной тьмы, растерзанного при начале времен гигантским орлом

(солнцем), и стала сушей, на которой живут люди. С развитием мифологических воззрений произошло переосмысление, и жертвой, из тела которой был создан мир, стало представляться какое-то божество. Поэтому в кар.-балк. яз. радуга называется *тейри къылыч* - «небесный меч, божественный меч», или *жанкъылыч* - «меч жизни, пылающий меч, живой меч»; им была убита первожертва и им же все живые существа были разделены на два пола; одновременно этот семицветный меч является и образом человеческой души и ее семи частей.

Существует выражение, которое произносят при виде радуги: *Къылыч чыкъды – бий ёлдо* «Появился меч (радуга) – значит, бог умер» (записано в Карачае в начале XX в. венгерским ученым В. Прёле). Именно этим мечом, по представлениям предков карачаево-балкарцев, и расчленили тело божества, чтобы сотворить мир. Таким образом, холм-святилище (*чуана*) у скифов символизировал гору, на которой когда-то перво-орел терзал перво-быка. Но теперь старинный меч на вершине холма был символом первого, божественного меча, пленник же символизировал принесенное в жертву божество, а его отрубленное вместе с лопаткой плечо – ту же лопатку быка. Смысл скифского обряда заключался в том, что в самом начале года (а именно на новогоднем празднике в честь *Голлуксая* (Колакская), в дни весеннего равноденствия) совершался символический акт, повторялось то, что было в самом начале мира – пролитая кровь должна была дать жизнь всему живому (в мифе говорится, что после растерзания быка орлом начался кровавый дождь). Весенний обряд жертвоприношения быка бытовал в Балкарии и Карачае до конца XIX века (подробнее об этих параллелях см. в: Джуртубаев, 1991).

Лопатка - *жауурун, жауорун*, из *жанорун* - букв. «место души, место жизни» (подразумевалась и земля, суша). Отсюда же древний обычай тюрков, заимствованный многими другими народами, гадать по правой лопаточной кости жертвенного животного. Отсюда же обычай кар.-балк. воинов - после обряда посвящения наносить на правую лопатку юношей знак креста (меча). Об этом говорит, например, в эпосе будущий глава нартов Ёрюзмек. Завидев в ночной тьме горящие вдали костры, он не хочет объезжать их стороной, напомнив себе, что у него на правой лопатке крест и он дал клятву не отступить перед опасностью. Знак был выбран на тех же народно-этимологических основаниях: слово «крест» (*къач, жор*) присутствует в словах *къач* (присяга), *жортууул* (поход), *жора, чора* (воин), *жорукъ* (принцип), *жоралау* («посвящение», но. букв. «принятие креста»).

Согласно средневековой легенде, в роду Меровингов, королевской династии франков, настоящим Меровингом считался только ребенок, у которого при рождении под сердцем или между лопаток было красное родимое пятно в виде креста. Ср. тюрк. *жор* – «крест», *жюрек, жорек* – «сердце». Скорее всего, это переосмысленный отголосок тюрк. обряда, занесенного во Францию аланами. Мервей, основатель династии, был из какого-то пришлого племени, а его отцом считали морское существо, кентавра. Разумеется, мифические морские кентавры здесь ни при чем; Меровинги, возможно, являлись потомками Аттилы, повелителя Европы, - через его сына, которого звали *Тенгизих* «морской». К тому же имя грозного хана в древнегерманском эпосе, например, звучит как *Атли*, от тюрк. *атлы* «всадник, конник». Добавим, что гунны должны были исповедовать веру в Тенгри, *Тенгир-хана* «небесного царя». Ср. *тенгиз-хан* «морской царь». По прошествии времени иноплеменники легко могли понять *Атлы улу* «Атлыевич», обычное тюркское именование его сына Тенгизиха («морского»), как *ат улу* «сын коня». Поскольку аффикс обладания имеет несколько вариантов (*лы, ли, лу, лю*), точно в таком же значении можно было понять и имя самого Аттилы, если оно произносилось, как *Атлу*, ср. *ат улу* «сын коня».

Древние авторы писали, что гунны и аланы поклонялись «мечу Марса». Но с какой стати тюрки должны были почитать меч древнеримского бога войны? Здесь еще одно лингвистическое недоразумение. Мы уже несколько раз говорили, что главным тотемом карачаево-балкарцев являлся барс (по мифу, один из стражей луны – *албарс*). У алтайских тюрков-шорцев *ала парс* или *ала марс* («пятнистый барс», в отличие от полосатого *жолбарс*, тигра) – сказочное (т. е. тотемное) существо в образе кошачьего хищника, которое изображалось на рукоятке шаманского бубна. У киргизов термин *албарс* означает «булатный меч», так как на рукоятках таких мечей изображались барсы (Ахметьянов, с. 16). На рукоятке меча нарта Чюелди были изображены барс и лев (*алан, аслан, - ас-алан*). Такому мечу и поклонялись гунны и аланы. Древних авторов ввело в заблуждение сходство слов «Марс» – «барс».

Далее Геродот сообщает, что скифы снимали со своих врагов скальпы, очищали их и держали у себя в качестве утиральников. Весьма странное употребление. Кар.-балк. *жаулу́къ* «плат, платок», но и «вражда» – тоже *жаулу́къ* (от *жау* – «враг, противник»). Полотенце – *жам жаулу́къ* (букв. «волосатый, ворсистый платок»). Народная этимология соединила в одном семантическом поле несколько значений, что и породило сообщение о странном употреблении скальпов (это напутал сам Геродот или его информатор). Из кар.-балк. языка объясняется и распространенный в прошлом на Кавказе обычай: если женщина бросала между двумя кровниками или даже отрядами, готовыми вступить в бой, свой платок, схватка откладывалась; бросая наземь платок – *жаулу́къ*, она символически отбрасывала вражду – *жаулу́къ*.

Другие скифы, по сообщению Геродота, обтягивали свои колчаны кожей с правых рук убитых ими неприятелей. Слово «колчан» в русском заимствовано из тюрк. яз. (в казанско-татар. яз. – *кӱлчан, кӱлчан*). Но в термине содержится слово *кӱл* – «рука». Правая – *онг*, но это же слово означает «сила, мощь, возможность». Стало быть, скиф, обтягивая свой колчан кожей с правой руки врага, надеялся перенять его силу. *Кӱл жань* народно-этимологически можно перевести и как «душа руки», *кӱл жам* «ворс руки». Иногда, спилив верхнюю часть черепа врага, скифы обтягивали ее простой или позолоченной кожей, и употребляли вместо чаши. В кар.-балк. яз. черепная коробка называется *баш чирча* – букв. «чаша головы» (*чирча* – одна из разновидностей чаш). Но, скорее всего, ничего подобного скифы не делали; виной всему кальки и народные этимологии их слов.

Гадали скифы, раскладывая на земле ивовые прутья. В 1986 году почти такой же способ гадания был записан мной у знатока народного быта Непеева Л. И. из селения Эльбрус. Брали 9 или 12 прутьев кустарника, называемого *сити* (ср. термин *сибиль* «волшебный, невидимый, колдовской»), и гадатель, держа их в руке, предлагал вытянуть один из них, а потом, раскладывая их, произносил прорицание. Скифские гадатели применяли и другой способ: разрезали липовую кору на три полоски, и, то сплетая, то расплетая их, выносили прорицание. У карачаево-балкарцев гадали по шерстяной нити (*шинтагы*). Складывали ее несколько раз, образуя кольца, потом продевали в них конец нити, и дергали за оба конца. Смысл прорицания зависел от количества образовавшихся узелков, или их отсутствия, или нить осталась цела, или порвалась и т. п.

Гаданием у скифов занимались женоподобные мужчины, которые назывались *энареи*. «*Энареес* (Геродот), *анариес* (Гиппократ) «полумужчины, гермофродиты» (у скифов) = др. иран. *а-нар-иа* «не мужчина, лишенный мужества» (Фасмер). Но Геродот все же говорит о мужчинах, пусть и женоподобных. В кар.-балк. яз. есть слово *киширий* – «мужеподобная»; от *киши* – «мужчина» и уподобительного аффикса *-рий*. В большинстве тюрк. яз. *эне* означает «мать; женщина». *Эне-рий* как раз и является антонимически парным по отношению к первому термину (*киширий*) и означает «женоподобный».

Энареи утверждали, что искусство мантики было даровано им Афродитой. В кар.-балк. эпосе говорится, что гаданию людей научила лунная богиня Сатанай-бийче, «мать нартов», воплощение красоты и мудрости.

Как пишет Геродот, незадачливых гадателей, если они давали царю ложные пророчества, скифы сжигали на телегах, запряженных волами, завалив их хворостом и погоняя быков. Им связывали руки и затыкали рты, но некоторые все же ухитрялись спастись. Очень странный способ. И снова мы убеждаемся, как внимательно, в поисках мудрости, вслушивались древние в смысл слов родного языка. Кар.-балк. *обур* имеет несколько значений: «вещий, оборотень, шаман». *Арба, арбакъ* – «телега», *арбах, аруах* – «дух». *От* – арх. слово, означающее «бык», но его основное значение – «огонь».

Таким образом, обычай испытания прорицателей появился на основе толкования словосочетания *от арбах*, которое означает «огненный дух», «огненная повозка», и - «повозка, запряженная быками». Есть поговорка: *Обур кюймей танылмаз* - «Обур не распознается, пока не обгорит». У скифов это, вероятно, было не наказание, а испытание: сумеет гадатель спастись – значит, он настоящий прорицатель и колдун, человек сведущий и полезный; не сумеет – значит, он шарлатан, туда ему и дорога.

Скифские царские гробницы находились в местности Герры, до которых, как говорит Геродот, река Борисфен (Днепр) судоходна - в районе Днепровских порогов. Кар.-балк. *кёр* – «могила»; *гера* – «слоистые скалы». Место, таким образом, было выбрано неслучайно.

В знак траура по царю, пишет Геродот (вероятно, преувеличивая), скифы отрезали себе часть уха. Не в столь отдаленном прошлом карачаево-балкарцы в знак траура надрезали себе мочку уха («мочка» – *эн*, что также означает «метка, отметина, знак»). Отрадилось это и в фольклоре. Так поступает ногайский князь, нечаянно оказавшись виновником гибели своего двоюродного брата Азнаура Жанхотова (героя кар.-балк. средневековой песни). Герои другой старинной песни, два брата-набежника (Бекмурза и Кайсын Айдаболовы), попав в засаду и решив сражаться до конца, в знак траура друг по другу надрезают себе мочки ушей. Конечно, это было знаком скорби только по знатым особам (на всех покойников никаких мочек или ушей не хватило бы). Дело, вероятно, в том, что в слове *энчи, энци* «особый, особенный» ложно содержится *эн* «мочка», «метка», а также «снижаться, спускаться».

Вокруг царской могилы скифы устанавливали пятьдесят чучел коней, наполнив их мякиной. Худая, заморенная лошадь, кляча, называется в кар.-балк. яз. *салам алаша* - букв. «соломенный мерин». Вероятно, считалось, что закланные лошади на том свете будут покойному пищей (из такого воззрения возник сюжет одного из нартских сказаний). *Элли, эллик* «пятьдесят», *эль* «селение, народ, страна», *элик* «царь», *ёлюк* «мертвец, труп»; *салам* – «солома», «приветствие», «мир» - собственно, пожелание мира. Применив ребусное чтение, получаем текст обращения к покойнику: *эллик салам алаша* «пятьдесят соломенных лошадей», но эти же три слова, при другой разбивке: *Элик, салам ал, аша* – означают «Царь, прими с миром, ешь».

Один из скифских царей, по имени Ариант, желая узнать численность своих подданных, повелел каждому скифу принести по наконечнику стрелы. Когда подсчет закончили, царь захотел оставить по себе памятник. Груды бронзовых наконечников переплавили и отлили громадный котел вместимостью в 600 амфор (может быть, 60?), толщина его стенок равнялась шести пальцам. Котел установили возле источника с горькой водой, в местности *Экзампей*, что означало «Святые Пути». Почему же скифам было велено принести именно наконечники стрел, а не, скажем, камешки или деревяшки? Дело в том, что в кар.-балк. яз. слово *окъ* означает не только «стрела; пуля», но и «род; потомство».

Старики из Черекского ущелья рассказывают о гигантском котле, некогда стоявшем на усадьбе князей Абаевых, в селении Верхняя Балкария. Вот что говорил А. И. Османову (1913-1990, проживал в г. Нальчике) его дед Омар: «В давние времена возле скотного двора Абаевых стоял огромный медный котел. В нем содержались больные овцы, числом около десяти. Котел назывался *Тайпокъ къазан*. Его потом распилили для изготовления домашней утвари». Помещая в котел больных овец, видимо, полагали, что котел обладает какой-то исцеляющей силой. (Другие старожилы говорят, что котел в давние времена спрятали в горах и что он будет обнаружен перед самым концом света). Если мы допустим, что речь идет о другом, не-скифском котле, нет ответа на вопрос: какая была необходимость, при дороговизне металла в горах, тратить его на изготовление подобной громадины? Кроме того, котел вошел в поговорку. Ее вспоминают, когда хотят подчеркнуть величину какого-либо предмета: *Абайланы Тайпокъ къазанларыча - ичинде 9 (не да 12) къой аш ашай эдиле* - «Как Тайпок-казан Абаевых, в котором 9 (или 12) овец ели корм». (Оказалось, что поговорка была опубликована в сборнике пословиц и поговорок еще в 1963 году, но никто не обратил на нее внимания).

Название котла убедительно показывает, что речь шла именно о святыне скифов. *Тайпа* – «племя», *окъ* – «стрела»; когда слово обозначает собирательное множество, оно ставится в ед. числе. *Къазан* – «котел». Таким образом, *тайпокъ къазан* означает «котел из стрел племени». (Название предмета имеет и другой смысл: «котел племени-рода», т. е. это символ его единства; даже сейчас, если хотят сказать о семье или роде, говорят *бир къазанга къарагъанла* – букв. «присматривающие за одним котлом»). Если бы эта святыня не принадлежала предкам карачаево-балкарцев, ее название не переводилось бы с их языка так просто и в полном согласии с тем, что сообщал Геродот. Когда котел попал в Черекское ущелье, сказать невозможно. Но он и тогда должен был считаться реликвией – если учесть трудности, сопряженные с доставкой такой машины в труднодоступное верховье горной реки.

Что касается названия местности, означающей «Святые Пути», весьма вероятно, что Геродот его искажил; но по частям оно почти совпадает с тремя кар.-балк. словами, если читать как *Ызкампай*. *Ыз* – «след, тропа, путь»; *кам* – «река, речной», *пай, бай* – «бог, божественный, священный». Получается «бог путеводной реки» (ведущей к святилищу?). Или, если восстанавливать в *Иссикамбай* - «бог горячих вод». Речь, на наш взгляд, идет не о Южной Украине, а о районе Кавказских Минеральных вод (где и находится город Горячеводск; город Пятигорск имеет у карачаево-балкарцев два названия – *Бештау* и *Исси-суу* «горячие воды»). Греческие авторы часто путали природные объекты с территорий Кавказа и Украины, например, Кубань и Южный Буг именовали одинаково – Гипанис.

С полной несомненностью говорят о том, чьими предками являлись скифо-аланы, и другие факты. Например, можно поставить вопрос: «Если скифы действительно произвели такую «перепись» населения, то где это происходило?». Если есть хоть один народ в мире, заслуживающий звания эпического, то это именно гунны, соплеменники алан и киммерийцев-болгар; тюрк. *гун, кун, кюн* и означает «солнце, солнечный». В кар.-балк. эпосе скифо-гунно-алано-болгар именуют нартами, от *нар* «солнце» + афф. –*ты* = «солнечные, солнцевики», они являются сыновьями и внуками солярного божества – Золотого Дебета. Кар.-балк. название города Кисловодска – *Нарсана*; но *нарт сана* означает «пересчет нартов» (гуннов; звук *т*, находясь в слабой позиции, выпал).

Анализ четвертой главы «Истории» Геродота («Мельпомена»), одного из основных источников наших знаний о скифах, показывает, как много в ней сохранилось фактов, подтверждающих тюркоязычность этого народа. Ничего подобного приведенным

параллелям сарматологи в языке и культуре какого-либо иранского народа не выявили, несмотря на двухвековые усилия, и усердие, достойное лучшего применения.

ГЛАВА IV. АЛАНЫ

ЭТНОНИМЫ

«**Аланорсой** сарматское племя «аланорсы» (Птолемей, Страбон); вторая часть = ос. *орс* «белый»; стало быть аланорсы это «белые аланы»; ср. ос. *орс-туал-та* «белые туалыцы» название югоосетинского племени.

- В. И. Абаеву, чтобы хоть как-то объяснить тот или иной термин на основе осет. яз., постоянно приходилось нарушать его правило, которое он же называл «железным»: определение всегда стоит впереди определяемого. Именование части осетинского народа - *орс-туалта* «белые туалыцы» возникло, наверное, давно; почему же в этом случае правило выполняется, а в случае с *аланорсой* – нет? На наш взгляд, этноним *аланорсой* образован от кар.-балк. *алан* «аланское» + *окъ-сой* «племя-род» (*окъ* также означает «род, наследство»).

Одно из примечаний В. И. Абаева: «Мы не приводим здесь топонимических следов пребывания асов в Молдавии (город Йаси, Яссы, Аский торг), в Крыму (Бёюк Ас, Кючюк Ас, Темеш Ас и др.), так как они относятся, возможно, к более поздним эпохам» (Абаев, ОЯФ, с. 157). Конечно, к поздним – это же тюркские топонимы; окажись они иранскими, их возвели бы ко временам Адама и Евы.

Аланских этнонимов в глоссарии В. И. Абаева почти нет. Этот пробел восполнен в работе А. М. Байрамкулова «Правда об аланах» (Ставрополь, 1999), в которой приведен их список и объяснения этого автора (в скобках наши комментарии и дополнения). К сожалению, этот автор, как и многие другие, неверно считал термин *ас* этнонимом. На самом деле, оно означает «род», «племя», но понималось древними писателями в значении названия племени (как, скажем, слово *будун*, *бедене*, *беджене*, и пр., фигурирующие в качестве названия печенегов – *кангар*, *гунгар*, и пр.).

«**Аттаси** – назв. племени у Страбона (I в. н. э.).

- Возможно, от тотемического *ат асы* «племя коня».

«**Пасиан** – назв. племени у Страбона. Считается асским (аланским) племенем. Идентично с наименованием аланского подоплеменного объединения на Кавказе, которое является названием тюрко-болгаского царского рода и кар.-балк. княжеского рода».

- Добавим, что в грузинских летописях Балкария именуется *Басиани*.

«**Басил/барсил/баршили** – название аланского племени в Дагестане во II в. н. э. «...вероятно, образовано, как некоторые полагают, из тюрк. *барс* «барс» + *ил* из эл «народ», «государство». А. М. Байрамкулов привел целый ряд аргументов, показывающих, что барсилы были аланским племенем, в частности, сведения Моисея Хоренского. По мнению М. И. Артамонова, «несомненно, что савиры (сувары) и барсилы (берсула) относились к болгарским племенам».

«**Бурган** – назв. аланского племени к северу от Дербента, в VI в.».

- Это, скорее всего, те же *борганы*, *баргуны*, *бораганы*, *барагуны*, княжество которых упоминается и в позднейших источниках. Они стали частью кумыков и чеченцев. Этноним, вероятно, восходит к *абар-гун* «аварогунны», более древнему *вархун*, *вархониты* и пр.

«**Тулас** – назв. тюрк. племени на Северном Кавказе у Ибн-Даста (X в.). Имеет разночтение Таулас. Считают, что оно образовано из самоназвания карачаевцев и балкарцев *таулу* «горец» + *ас* «асы». Мы думаем, что этноним *таулас* имеет

генетическую связь с *таулас*, *тулас* Казахстана и Алтая. 1. По сведениям Рашид-ад-Дина в X в. на реке Селенге обитала древняя тюркская народность *тулас*, «происхождение которой, по причине их древности, в подробностях не известно». 2. В анонимном сочинении X в. «Худуд-ал-алам» приводится название горы Тулас около Алтая, а во время похода Тимура (XIV в.) в верховьях Иртыша отмечено название местности Тавлас/Таулас». Л. П. Потанин сообщал, что настоящее название алтайских телесов – *джити-ас* (т. е. «семь родов»). – М. Дж.).

«**Кулас** – название кочевого народа на Северном Кавказе в VI в. Приводится в перечне тюрк. народов Захарием Ритором. Вероятно из др.-т. *къл* «раб, невольник»; переносно «раб божий, человек» + *ас*. (Возможно и другое объяснение: *кулас* – искаженное *тулас*).

«**Туал** – название аланского племени на Северном Кавказе. Впервые оно приводится в «Армянской географии» VII в. Вероятно, это ни что иное, как самоназвание балкарцев и карачаевцев – *таулу* «горец», «балкарец», «карачаевец». Ныне так именуется часть осетин; но этноним не имеет объяснения ни на осет., ни на грузин. или вайнах. (См. ниже).

«**Азкеш** – название тюрк. племени, жившего в VIII в. рядом с абхазами. М. А. Хабишев считает, что это кар.-балк. название и образовано из *аз* «ясин» + *кеш*, от *киши* «человек», т. е. «ясский человек». (Это же племя упоминается Ибн-Хордадбеком (IX в.) в перечне тюрк. народов).

«**Аркеш** – другое название аланского племени азкеш. В азкеш/аркеш мы имеем соответствие р-з, которое является закономерным в тюрк. и монг. языках».

«**Азге** – название аланского племени в верхнем течении р. Шагваши – Белой (Адыгея) в самом начале XIX в. Они имели свой язык и носили шляпы. Азге, видимо, то же, что и азкеш «ас киши».

«**Кеш** – назв. аланского племени в Дагестане. О нем Я. Рейнегтс писал: «С давнего времени, должно быть, кази-кумук носит имя аланского племени Кеш, которое здесь проживало. Действительно, некоторые жители города Кумук сохраняют гордое воспоминание об этом и выводят свое начало от алан, от которых еще сохранились незначительные остатки на Западном Кавказе». (Следует учесть, что *кеш*, *киш* – арх. именование барса (синоним. *алан*), откуда и кар.-балк. *киштик* («барсик») «кот, кошка», а также «человек, мужчина»).

«**Алазон** – название племени у Геродота (IV) в Северном Причерноморье». По мнению С. К. Кенесбаева и Т. М. Джанузакова, этноним был образован от др.-тюрк. *ала* «гора» + монголо-тюрк. *зон* «народ», «племя». «Алазоны действительно были частью алан», о чем свидетельствует Дионисий Периегет. А. М. Байрамкулов уточняет, что первая часть этнонима – *алан*, с редукцией *Н*.

- Возможно, это один из сдвоенных этнонимов, встречающихся в произведениях античных авторов (кельт-иберы, тавро-скифы и пр.). Не исключено, что *алазон* – это слегка трансформированное *аланзан*, т. е. «алано-мингрел». Возможно, к этому слову восходит и название области Грузии – *Алазани*. Следует обратить внимание на кар.-балк. название мингрелов – *малгар*, странно близкое самоназванию черекских балкарцев – *малкъар*.

Языги – так назывались аланы в Паннонии в I в. н. э. и асы в Венгрии. «Из др.-т. *йазы* «степь, равнина» + *къ* – показатель множественности, часто встречающийся в родовых и племенных названиях тюрков в V-X вв. Слово *языг* тюркским считает и О. Сулейменов. Он пишет: «В дохристианской Руси функцию обобщающего имени кочевников несли слова – языги, язычники – т. е. степняки (от древнетюркского *йазык* – степь, равнина)».

- Кар.-балк. слово *жазыкъ* означает «бедный, несчастный»; не потому ли у «раннеантичных» авторов часто встречается упоминание о каких-то «бедных» скифах? Их

же эти авторы называют «справедливыми». Причина проста. В кар-балк. яз., например, слово *тюз* означает не только «равнина, степь», но и «прямой, верный, правильный, справедливый», ср. производное *тюзлюк* «справедливость».

«**Йаз-ок** – второе название асов в Венгрии в XIII-XVI вв. Это не венг. название, как считает Н. Г. Волкова, а тюрк. и означает «степное племя», где *йаз* из др.-т. *йазы* «степь, равнина», а *ок* «племя, род».

«**Алты аз** «шесть азов» – название древнетюрк. племени в Туве в V-VIII вв. Этими азами оставлена руническая надпись. Вот что пишет об этом Д. Д. Васильев: «Находка памятника герою племени *алты аз* в Центральной Туве на правом берегу Улуг-Хема позволяет предположить проникновение азов на северо-восток, далее установленной ранее границы и является первым достоверным свидетельством их тюркоязычности».

- Добавим, что название племени означает «шесть родов».

«**Кабъанас** – назв. тюрк. племени на Алтае в XIII в. Возможно, из *къапагъан* + *ас*, где *къапагъан* «могущественный, великий», титул каганов + *ас*».

«**Тубас** – назв. тюрк. племени на Енисее в XIII в. По всей вероятности, из *туб/тум* «черный» + *ас*. Чередование срединных *б/м* имеет место в тюрк. языках».

«**Туклас** – назв. племени, из которого была родом жена внука Джучи Ильтутмыш. Вероятно, из *тюклю ас* «волосатые асы».

- Такое именование могло появиться из-за того, что люди этого племени отращивали длинные волосы. Не исключено, впрочем, что это именование тотемическое: *тюклю ас* «род лисы».

«**Кютасси** – назв. племени в Абхазии в XVII в. По всей вероятности, из кар.-балк. *кютю* «прирученный (о животных), «мирный» + *асы*, т. е. «мирные асы».

- На наш взгляд, этимология А. М. Байрамкулова неубедительна.

«**Сатары** – название аланского племени на Балканском полуострове в V в.». «Вероятно, древнетюрк. племя *садыр* и аланское племя *сатар* были двумя частями тюркского народа». «Садыры жили на территории Казахстана» (продвинувшись туда позже).

«**Садагари** – назв. аланского племени на Балканском полуострове в VI в. (Иордан). Состоит из тюрк. *садакъ* «стрела» + *ар* «человек».

«**Садаги** – назв. аланского племени на Балканском полуострове в VI в.».

- Вероятно, сокращение предыдущего этнонима.

«**Сцир** – назв. аланского племени на Балканском полуострове в VI в.».

- Неясно.

«**Спал** – назв. аланского племени на Балканском полуострове в VI в.».

- Неясно.

«**Ол Ас** – назв. асов, живших в XIII в. в Крыму. Букв. «большие асы», от *оло*, *уллу* «большие» + *ас* «асы».

- Перевод А. М. Байрамкулова неверен: прав. «большой род».

«**Маскуты** – название аланского племени, жившего в Дагестане с начала н. э. до IX-X вв. Вероятно, этноним состоит из *масакъ*, *машакъ* «царь», «владыка» (кар.-балк. *машакъ* «царь», «владыка») + *ут*, *от* «род», т. е. «царский род». (Заметим, что кар.-балк. *машакъ* (*машук*) является также названием высшего разряда жрецов. *Маскут* – это, вероятно, форма известного этнонима *массагет*, из *машакъ* + *кет*, *гет*, *кес* «человек»; *массагеты* – «жреческие люди»; вероятно, из их среды и выдвигались жрецы).

«**Хатирлитбер** – родовое имя Астархана (тархана асов). М. И. Артамонов считает, что *хатир* – знатный род у хазар, а *литбер* – из тюрк. титула *элтебер* и идентично имени гуннского князя *Алп-Илитвера*».

«**Ахасарнакайан** – название аланского рода на Кавказе в XIII в. Как сообщил проф. М.

А. Хабицев, этноним, видимо, состоит из *ах* «белый» + *хасар* «хазарский» + *пакайан* «вельможа, барин».

- Этимология, на наш взгляд, слишком усложненная. Скорее всего, это тюрк. имя-титул основателя рода *Асхарбак*, *Ахсарбак*, *Аскербек* «военачальник» + армянское фамильное окончание *йан*, *ян*.

«**Едекки** – кар.-балк. название части древних алан, живших в конце XVIII вв. на южных склонах Главного Кавказского хребта между Абхазией и Карачаем. Эти аланы говорили на «особом диалекте старого кавказско-татарского языка» (Рейнегтс). Собственно кар.-балк. слово *этек* «край» + *ки* имяобразующий аффикс». «Таким образом, *едекки* – кар.-балк. слово и означает «окраинные», «находящиеся на окраине», что полностью соответствует их географическому положению по отношению к тем аланам, которые жили в Приэльбрусье». (Их потомков, вошедших в состав абазин, в более поздние времена именовали *эдекки-аланами*, *айтекки-аланами*; абазины как народ образовались при смешении приморских абхазов и части тюрков-алан, располагавшихся в крепостях на территории Абхазии, по причине чего абазин в русских источниках именовали по карачаево-балкарски – *алты-кесек абаза* «шестичастные абазины», названия этих частей также являются кар.-балк. – *Трам*, *Клыч*, *Бийберди*, *Кызылбек* и др.).

«**Гуаланы** – назв. союзников греков в X в. По мнению В. Г. Васильевского, это были аланы».

- Полагаем, что это соединение двух тюрк. этнонимов – *гунн* + *алан*.

«**Табаланы** – название племени в Дагестане в XII в. Ал-Гарнати табаланский язык приводит рядом с аланским. У некоторых авторов оно имеет вариант *таблан*. Авторы «Истории Чечено-Ингушетии» считают, что оно из тюрк. *тав* «гора, горный» + *алан*. Идентично этнониму *таулас* «горные асы, горские асы».

«**Апасиак** – название племени у Страбона. Считается названием аланского племени, образованным из иран. *аб* «вода» + *ас* – «асы, ясы».

- Неясно.

«**Ашидигор** – назв. племени на Северном Кавказе в VII в. Зафиксировано в «Армянской географии». «Считают, что оно образовано из *ас* «асы» + *дигор*.

- Скорее всего, из тюрк. *аст дюгер* «нижние дигорцы».

«**Буртас** – назв. племени на реке Буртасе (притоке Волги) в I тыс. н. э. «...некоторые авторы XX в. высказывают мнение о его иранском происхождении»; «из ос. *форм/фурт* «большая река или море» + *ас* «алан, ас». «По их мнению, буртасы перешли на тюркский язык после принятия ими мусульманства». Но «тюркоязычность их отмечена арабскими авторами Ибн Дастом, Эль-Балхи и Масуди». «...буртас, по мнению знатока тюркских языков проф. Сбоева, тюркское слово и означает «оседлый житель».

«**Куралас** – назв. тюркского племени в Средней Азии в XII-XIII вв.».

- Вероятно, из тюрк. *кѳурал* «организоваться, объединиться, обустроиться» и пр. – *ас* «род» = «объединение родов».

«**Акасы** – название аланского племени на Северо-Западном Кавказе. Об этом племени византийский автор второй половины XIII в. Георгий Пахимер писал, что «аланы или акасы» живут в высоких горах недалеко от черкесов и продолжают борьбу с татарами. По религии они были христианами. Акасы были отмечены и Рубруком, и упоминаются Витсеном. Из этого видно, что акасы жили на территории нынешней Карачаево-Черкесии. Об этом говорит и то, что в XIII в. эта часть территории алан была погранична с черкесами и что эта область высокогорна. Образовано от общетюрк. *акъ* «белый» + *ас* «асы», т. е. «белые асы».

«**Ачиасы** – другое название акасов. Витсен говорит, что акасы или ачиасы были христианами». (Возможно, от *ачы ас* – «сильные асы»).

«**Карас** – название ногойского рода. Существование акасов предполагает существование *карасов* – «черных асов» (АПКБНЯ, с. 78-85).

- Добавим всем известные этнонимы **чуваши, шупаши, сываши** – из *сув ас* «приречные асы», и **хакас** – из *акъ ас* «белые асы», с придыхательным *Х* в начале слова.

«**Кобаниши ас** – так называет себя часть караногайцев (Дагестан). Образовано из кар.-балк. *къобан* «река» + афф. *чы*»; «означает «асы, живущие у реки», «асы-речники».

- Скорее, «прикубанский род».

А. М. Байрамкулов, перечислив и другие ногойские этнонимы (**тар таулу ас, ас урув, дер гули ас, тарту уллу ас, тар таулу ас, шомишли ас, колтас, карас, канык ас**), приходит к заключению: «...ногойцы имели большую аланскую примесь». «А это означает, что если аланы были предками осетин, то в ногойском языке должно было быть большое количество осетинских слов». «Но в ногойском языке, насколько мне известно, до сих пор не обнаружены осетинские слова, фамилии и имена

То же самое – на востоке; не вдаваясь в объяснения, перечислим этнонимы, присутствующие в списке А. М. Байрамкулова: **андас, тогас, жаббас, бурас, каржас, карасарас** (Казахстан), **камас, таяс** (верховья Енисея); добавим самоназвание части хакасов – **чыстанг ас** «таежный род».

Хотелось бы увидеть список названий «североиранских» или хотя бы просто иранских родов и племен, в которых присутствует столь важный элемент; если бы отыскался единственный, в глазах «мировой науки» он сразу перевесил бы всю массу тюркских этнонимов.

Одним из доказательств, приводимых В. И. Абаяевым (как и другими иранистами) для подтверждения мнения об иранстве алан, является следующее: «Название Дарьяла у арабов *БАБ-АЛ-АЛАН* «врата алан»; *ДАРЬЯЛ* от перс. *ДАР-и-АЛАН* «аланские врата». И что же это означает? Только то, что этим проходом владели аланы. Их этнической атрибуции эти объяснения несколько не помогают.

А. М. Байрамкуловым было приведено огромное количество данных, свидетельствующих о тюркоязычности аланов-асов. Разумеется, мы не ставили себе целью перечислить их все; добавим только некоторые.

«**Дарин йол**. Это словосочетание записано из уст самого аланского царя Сародия. Записано в 568 году. Так называли одну из дорог, идущих из верховьев Кубани в Абхазию. Документ, в котором говорится о *Дарин йоле*, в начале XIX в. на русский язык перевели так: «В 528 году, при имп. Юстиниане, нашли было способ усмирить макронов посредством широких просек в лесах, служивших им для засад и завалов. Однако 40 лет спустя путь в страну Мидимианскую (Чечню) и Сванети был настолько опасен для путешественников, что Сародий, царь аланов, советовал Земарху, возвращавшемуся от Диза-Булла (хакана тюрков. – М. Дж.), ехать через Дарин йол». *Дарий* в кар.-балк. яз. озн. «шелк, шелковый», *йол, жол* – «путь, дорога». «Таким образом, *Дарин йол* означает «шелковая дорога». Сторонники ираноязычности алан непонятное им слово *дарин* оставили таким, каким оно зафиксировано, а *йол* заменили его русским переводом и поэтому-то эту дорогу называют «Даринская дорога», «Даринский путь». Стриттер и Вс. Миллер заменили его словом *атропод*». «Глубоко ошибочным является мнение некоторых авторов о том, что *Дарин йолом* назывался Дарьял. *Дарин йол* проходил через территорию апсиров», т. е. через Абхазию (Байрамкулов, с. 202).

«**Бик карачин**. Так называла своего церковного главу часть алан в Венгрии. Автор, который привел этот факт на немецком языке, пишет: «Служитель религии языгов *Бик* называется *карачин*» (слав. *крачин*). А. М. Байрамкулов указывает, что примечание в

скобках никак не комментировано, поэтому неясно, что означает термин, в каких славянских языках оно зафиксировано, каково его значение, и как оно попало в языгский. «В действительности оба они – тюрк. слова. *Бик* есть вар. др.-т. *бег* – «правитель, вождь, бек, князь». «*Карачин* же образовано из др.-т. и межтюрк. *къара* «смотреть, присматривать, наблюдать» + *чы* др.-т. и общетюрк. афф. деятеля» (ср. *балыкъчин* – «птица-рыболов»). «Слово *карачи* было у некоторых средневековых тюрк. народов названием части феодалов. Так, в казах. яз. *карачи* – титул советника хана, в Казани и в Крыму *къарачы* назывались выборщики хана» (Байрамкулов, с. 204). Объяснение логичное; известно, что вожди многих племен являлись и первосвященниками.

Коснемся еще одного аргумента, который считается сильным доказательством иранства алан. В «Армянской географии» VII в., составленной Ананием Ширакаци, при перечислении (с запада на восток) народов Северного Кавказа, говорится: «За Дигорами в области Ардоз Кавказских гор живут Аланы, откуда течет река Армна, которая, направляясь на север и пройдя бесконечные степи, соединяется с Атлем». Комментарий В. А. Кузнецова: «Все современные авторы единодушно признают верным мнение В. Ф. Миллера, отождествившего область Ардоз (по-осет. «поляна среди леса») с современной Владикавказской равниной», которая «заключена между Лесистым хребтом на юге и Сунженским хребтом на севере и, таким образом, почти целиком соответствует плоскостной части Северной Осетии». «Согласно «Армянской географии» эта территория была занята аланами, иначе называемыми «ардозцами» (ПОН, с. 53-54).

Но что сказано в словарях? Согласно и ОРС, и РОС *аердуз* означает «поляна, лужайка». То было в 1970 году. Но спустя три года вышел третий том ИЭСОЯ В. И. Абаева, в котором значение «лужайка» куда-то исчезло и это слово означает только «поляна», имея и вариант *рдуз*. Соглашаясь с толкованием В.Ф. Миллера, Абаев пишет: «В то время предгорья Северного Кавказа были покрыты лесами (в чем каждый желающий может убедиться. – М. Дж.), и свободная от них область могла называться Ардоз «поляной». – Восходит к иран. *драуша* и содержит ту же основу, что глагол *рдзун/аердозун* «холостить», «кастрировать»: «поляна» - это «выхолощенный», т. е. выкорчеванный участок среди леса. Такое толкование поддерживается выражением *гаед аердузын* «корчевать лес», а также тем, что отмечено употребление вместо *рдзын /аердозын* описательного оборота *аердуз каенын* «холостить», буквально «делать *а е р д у з*»: *аердуз каенуйнаг дзаеукъаи хузаен игъаелзаегъ аей* «он игрив, как козел, которого пора кастрировать». «Таким образом, тесная семантическая связь между *рдуз* и *рдзын* не вызывает сомнений» (ИЭСОЯ, т. 2, с. 402).

Да нет, вызывает. Во-первых, по словарю С. И. Ожегова, «поляна – луг, небольшое ровное пространство среди леса», а «лужайка – небольшой луг, полянка (преимущ. на опушке или посреди леса)». Т. е. эти термины на обозначение целой равнины никак не тянут, поэтому иранистам, чтобы подтвердить свою этимологию топонима Ардоз, следовало бы перевести осет. *аердуз*, *рдуз* другим словом. И неужели вся эта равнина появилась потому, что кто-то (предположительно) выкорчевал весь лес, а территория получила свое название потому, что до этого там была какая-то поляна? Но если и так, то в РОС написано: «корчевать – *бындзаефхаедтае ласын*», что на языке Абаева означает «извлекать пни (с корнями)», однако в ОРС написано, что *бындзаефхаедтае* означает «пни, корни», а «вырвать с корнем – *бындзаерай стонын*». По этим причинам признать иранскую этимологию Ардоз удовлетворительной мы не можем.

В кар.-балк. яз. есть глагол *арт* «чистить, очищать» (кору с дерева, поле от сорняков, землю от камней и т. д.), и *тюз*, *туз* «равнина, поле, плоскость; ровная местность», к которым, по нашему мнению, и восходит осет. *аердуз* «поляна, лужайка» - «очищенное

место»; что касается *аердозун* «холостить, кастрировать», то оно, скорее всего, от другого, осет. слова *аерд* (биол.) – «пол», о чем свидетельствует и слово *аердасын* «сбрить»; если мы последуем объяснению Абаева, придется признать, что и это действие (бритье) связано с понятием «холостить, кастрировать». Название *Ардоз*, зафиксированное «Армянской географией», скорее всего, действительно относилось к Владикавказской равнине, находящейся в самом центре региона, но имеет другое объяснение: это кар.-балк. *Ара тюз*, *Ара туз* «Срединная равнина», что полностью отвечает ее местоположению на фоне гряды Кавказских гор.

АЛАНСКИЕ ИМЕНА

Еще в 1949 году В. И. Абаев высказал мнение, что общая сводка аланских имен «была бы крайне интересной» (ОЯФ, с. 253), но в своем глоссарии привел только полтора десятка имен аланских царей и вождей. Другие осетиноведы, возможно, уже давно составили такой список, однако почему-то ни один из них его не опубликовал.

«*Сатиник*, имя аланской царевны (2 в.) по рассказу Моисея Хоренского; ср. ос. *Сатана*, имя героини нартского эпоса». Так пишет В. И. Абаев в 1949 году (ОЯФ). Ср. с тем, что пишет он же в 1979 г.: «Этимология не вполне ясна. Учитывая главенствующую роль Шатаны в эпосе, Бейли сближает с авест. *самар* «властитель» («властная женщина»). А. Биазров (в письме) думает о связи с перс. *сам* в *самгин* «любимый предмет» (Ягелло). В любом случае древность и аланская принадлежность имени, подтверждаемые Моисеем Хоренским, не вызывают сомнения» (ИЭСОЯ, т. 3. с. 39).

- Очень интересная логика. Осетины произносят *Шатана*, но почему-то пишут *Сатана*. Этимология обоих имен неясна, но, поскольку Сатиник была аланкой, то делается вывод, что речь идет об осетинской царевне (при том, что в РОС, составленном самим же Абаевым, слов, означающих «царевна» или хотя бы «княжна», не имеется). Однако, по мнению Эмиля Бенвениста, ничего иранского в именах главных героев осет. эпоса нет, в том числе и в имени *Шатана-Сатана*. В кар.-балк. мифологии *Сатанай* – богиня луны, и в эпосе ее именуют *бийче* «богиня»; имя означает «ясная луна» (*сатан ай*; поэтому во всех версиях Нартиады подчеркивается именно белизна тела этой героини). В древности звука *й* в середине и в конце тюрк. слов не было, и, например, *ай* «луна, месяц» восходит к *акъ* (букв. «белая»), а имя богини – к *Сатанакъ*, что в армянском и изменилось в *Сатиник*. Аланская царевна носила имя, данное ей в честь богини (случай не единственный).

«*Артахур хаварни тис хаварци*. Это выражение из аланской песни, сложенной каким-то армянским певцом в честь свадьбы аланской царевны Сатеник и царя Арташеса (II в.) и сохраненное Моисеем Хоренским. Объяснение выражения принадлежит М. А. Хабичеву, верно увидевшему в нем слегка искаженное кар.-балк. (черекский диалект) *Арт ахыр хапарны тиз, хапарцы*. – «Сложи, рассказчик, последнюю часть рассказа» (Байрамкулов, с. 295).

«*Абаба, Хабаба* аланка, мать римского императора Максимиана (Иордан), может быть искажено из *Хуваба* «хорошая ткачиха».

- Но в осет. языке «хорошая» - *хорз/хуарз*, а «ткачиха», как и «ткач», передается словом *уафаг*, *тынуафаг*. Поэтому А. М. Байрамкулов (приводя также родовое имя Абабы – *Халана*) видит в основе антропонима тюрк. *аба* «мать, матушка» + аффикс *-ба*, который встречается и в других именах - *Джауба*, *Тауба*, *Томпа* и т. д. Добавим, что это может быть слегка искаженным кар.-балк. именем *Абала*; первая часть неясна, вторая, *ала* – «заря». Или, скорее всего, от *акъ бала* «беленькая», букв. «белое дитя» или от *ах бала* «дитя души».

«Имя аланского царя V в. **Кандак** (Иордан), возможно = староос. *каендаг* «холст» («носящий холст»).

- «В ос. *каендак* «холст» не имеется, а есть *кетаен/гетен* «холст» и *каеттаг* «полотно». А. М. Байрамкулов поддерживает мнение М. А. Хабичева, согласно которому имя царя состоит из тюрк. *къан* «хан, повелитель» + афф. *дакъ*, и сопоставляет его с именами половецкого хана XII века – *Кондак*, и аварского посла (VI в.) – *Кандих*. (Байрамкулов, 1999, с. 178).

Кроме того, запрещая вождю одного «кочевого североиранского» племени носить имя, означающее «Плотник», сам же Абаев наделил вождя другого такого же племени именем, означающим даже не «холщевник, хамовник», а прямо «Холст». Но ни один предводитель команчей, «насколько нам известно», никогда не назывался ни «Холстом», ни даже «Ткачом». *Кандак* – возможно, слегка искаженное Иорданом тюрк. имя, которое носил и один из героев «Слова о полку Игореве» – хан *Кончак*, *Каншак* (совр. кар.-балк. имя *Къаншау*). *Къаны* + *шакъ* «имеющий сильную кровь», букв. «черную»; или «имеющий здоровую кровь» (*къаны сау*, от *къаны сакъ*). Одно из значений слова «черный» (*къара, шау*) – «сильный, мощный»; ср. выражение *къара къарыу* – «большая природная сила». Или имя царя – от *къаны чакъ* («бурлящая кровь»).

«**Гоар** «аланский предводитель V в. н. э., в Галлии» (Олимпиодор и др.) = *гоар* «добывающий скот»; см. *гау* «крупный рогатый скот». В основе *ар-* «находить», «добывать», «рождать», ос. *арун, иерун* (из *бар-* от *уар?*)».

«Считаем его именем гуннского божества молнии и грома *Гуар* «великий строитель; повелитель; творец, творящий» (со ссылкой на Сайидова. – М. Дж.). *Гоар* является первым компонентом имени тюркской принцессы XI в. *Гоар-Хатун*» (Байрамкулов, с. 184).

- Имя, скорее всего, от кар.-балк. *къууар* «прогоняющий, преследующий (врагов)». Ср. также *Гуннар, Гюннар* – формы слова *гиназ, гинал, гинар* «князь», букв. «солнечный человек», «его сиятельство».

«**Ардабуриос** «имя трех византийских полководцев аланского происхождения (Феофан Малала), вероятно ос. *Ард-беура* «наделенный многим *ард-ом*» (*ард, арта* – иранский культовый термин, «божество», «олицетворение света, правды», ос. *ард* «клятва», первоначально «божество, которым клянутся»).

- В. И. Абаев уточняет, что это родовое имя означает «носитель многого арда». Что такое «многий ард» (многобожный? многоклятвенный?), я понять не смог. «Из др.-тюрк. *ар* «рыжий, бурый» + *бури* «волк» (Байрамкулов, с. 186). Может быть, все же точнее тюрк. *Алдабар* – «идущий впереди, возглавляющий»? Или, скорее всего, это *ар, эр* «мужчина, герой, мужской, геройский» + *дебер* «почет, честь».

«**Адурбар** – имя аланского князя, XI в.». «Оно, вероятно, из др.-тюрк. *адыр* «различать, разбираться, понимать». *Бар* же есть др.-тюрк. слово, означающее «есть, иметь»; «наличный, весь» (Байрамкулов, с. 200).

- Имя означает, таким образом, «понимающий, понятливый, сметливый». Но, не исключено, что оно является вариантом написания того же *Ардабур*.

«**Аспарух** имя основателя болгарского государства на Балканах (нач. VI в.), тюрка, но носившего иранское (скифское) имя; во второй части – *рук*, др. иран. *раука, рауша*, «свет», «светлый», стало быть *Аспарук* означает «светлый конь» или имеющий «светлых коней»; ср. гр. *Левкиппос*; сюда же *Аспарукис*, питахш в Грузии II-III в.; армянское *Аспурак* представляет, надо думать, перестановку *Аспарук*; другую метатезу того же имени мы видим в имени грузинского царя III в. *Аспагур* из *Аспарук*».

- В основе этих имен лежит, по В. И. Абаеву, авест. слово *аспа* «лошадь», ос. *аефс* «кобыла». Но гораздо вероятнее, что у тюркского хана было тюрк. имя. *Аспарукъ*,

Аспарух – от кар.-балк. *оспар* – «гордый, горделивый, превосходящий», + имяобраз. аффикс -укъ (варианты: -акъ, -окъ, -ек, и т. д.). Примеры – *Бахсанукъ*, *Малкъарукъ*, *Темрукъ*, *Иналукъ*, *Гинадрукъ* и пр. Ср. также название одной из кар.-балк. пород лошадей – *къаспар*.

«**Аспар** «аланский вождь» (Иордан), от ос. *аефсарун*, авест. *спар*-, русск. *спор*, др. сев. *спора* «попирать».

«**Аспар** - имя или фамилия визант. полководца аланского происхождения (V в.). В. И. Абаев считает, что оно из иран. *спар* «напирать, наступать».

- Указывая, что Абаев не объясняет причину удаления начального гласного, А. М. Байрамкулов перечисляет ряд тюрк. имен и топонимов: *Аспар* - имя гуннского военачальника V века; *Есперик* – казах. имя собственное, *ашпар* – древнетюрк. племя, и т. д., приходя к совершенно верному выводу, что они от кар.-балк. *аспар* (*оспар*) – «гордый, надменный».

«**Распарганус** «король роксоланов и сарматов» (на двух надписях времени Адриана) = *фса-спара-ка-на* = ос. *ра-фсаер-аег-он*, ср. ос. *рафсаераег* «тот, кто наступает» и суффикс -он, употребительный в собственных именах; осет. фамилия *Ефсаераегтае* (Афсараговы) предполагает существование собственного имени *Ефсаераег* – из *Аспарак*, а также фамильного имени *Ефсаераегон* – из *Аспараган*.

- Объяснение В. И. Абаева очень длинно и невразумительно. Скорее всего, это просто *Аспарух-хан*, с добавлением начального Р.

«**Беоргус** (**Беоргор**) «аланский царь, вторгшийся в Италию в V в.» (Кассиодор, Иордан и др.) = др. иран. *Байвар-гау* «имеющий много крупного скота» (так в тексте. – М. Дж.) (Фасмер). «Сравнивают с ос. дигор. *бевра* «много» и *гор* (от *корун*) «просящий (у бога)»; *кордиат* – «божий дар» (Абаев)».

«Можно предположить, что оно из др.-т. *бег* «правитель, вождь, бек, князь» + др.-т. и междтюрк. *ор* «ров, яма, укрепление» или *бег* + *ур* «бить, ударять» (Байрамкулов, с. 184).

- На наш взгляд, это тюрк. *буйургъур* «повелевающий, властный».

«**Сангибанус** «аланский царь V в. в Галлии (Иордан) = *Санги-бан*, ос. *Цонги-бон* «имеющий мощь (бон) в руке (цонги)».

- А. М. Байрамкулов неубедительно объясняет это имя, как тюрк. «владыка, имеющий почет» (Байрамкулов, с. 181). Не исключено, что это кар.-балк. *зангы иман* «новая вера» (возможно, мальчик родился во время принятия аланами христианства (в Галлии или в Испании)).

«**Базук** «осетинский предводитель I-II в. н. э.» по грузинской хронике; *Базук* = от ос. авест. *базу*, ос. *базуг* «рука», «плечо».

«**Амбазук** «осетинский предводитель I-II в. н. э., брат *Базука*; ос. *базуг* «плечо», *Амбазук* = ос. *Амбазуг* «равноплечий».

- Но через 20 лет в осет. яз. слово *базыг* уже означало не «плечо», как утверждал Абаев, а «плечевая кость», «плечо – *уаехск*» (см. РОС и ОРС); в ИЭСОЯ *базыг*, *базуг* – «рука выше локтя», «плечевая кость». И что означает имя *Амбазуг* – «равноплечевая кость»? А если «равноплечий», то почему у Абаева же в РОС написано: «широкоплечий – *фаетаенуаехск*, *баезаерхыг*»? По этим причинам А. М. Байрамкулов считает верной этимологию, предложенную К. Т. Лайпановым и М. А. Хабичевым (и поддержанную И. М. Мизиевым): кар.-балк. *базыкъ* «большой, толстый, дородный, дюжий» и т. п.; *амбазук* – кар.-балк. *эм базыкъ* «наидородный, наигромадный» (в хронике говорится, что оба брата были богатырского телосложения). Восходят к др.-тюрк. *басгук* «громадный, массивный» (Байрамкулов, с. 180). Кроме того, в грузин. хронике говорится о двух братьях, предводителях овсов (совершивших поход в Закавказье), а они вовсе не идентичны осетинам, поскольку соседние горные грузины называют овсами-осами не их, а

карачаево-балкарцев. Интересно, что Приск Панийский (V в.), член византийского посольства к Аттиле, пишет о походе гуннов в Закавказье: «...до Мидийской области дошли Васих и Курсих, те самые, которые впоследствии приехали в Рим для заключения союза, мужи Царского Скифского рода и начальники многочисленного войска» (цит. по: Байчоров, с. 20).

«**Сарозс** (Феофан Византийский), **Саросиос**, **Сародиос** (Менандр) «аланский царь VI в.»; ср. ос. *саерой* «головастый».

- Г. Вернадский полагал, что *Саросий* из иран. *сар-и-ос* – «глава осов». А. М. Байрамкулов считает, что имя происходит от тюрк. *сарык* «желтый», поскольку этот цвет, как показал Н. А. Аристов, являлся у тюрков цветом царским, аристократическим. Все эти решения неприемлемы, поскольку, в первом случае, нужно доказать, что иранцы именовали асов-алан «осами», а во втором - по причинам фонетическим. Можно было согласиться с Абаевым, если бы он сказал, что подразумевается в осет. слове *сарой* «головастый»: «умный» или просто «большеголовый»? На наш взгляд, имя царя происходит от тюрк. *сарыча*, *сарыса*, *сарысак* «порода охотничьих соколов», откуда и русск. *сарыч* «вид коршуна» (Фасмер, т. 3, с. 564). Поскольку звука Ы в тюрк. яз. прежде не было, слово должно было звучать близко к греч. передаче имени – *саруса*, *саруча*, *сараса*.

«**Спадинес** «царь сарматского племени аорсов» (Страбон), от ос. *аефсад*, авест. *спада* «войско», + суффикс –*ин*.

- Следовательно, имя означало что-то вроде «войсковой (человек)», «воин». Вполне возможно. Но, поскольку аорсы могли общаться со славянами, то здесь, скорее, славян. *господин*, *осподин*.

«**Еохар** «аланский предводитель V в. (Житие св. Германа) = ос. *Йаеу-хуар* «просоед» (Фасмер).

- Чем только не кормили бедных скифо-сарматов и аланов упорные иранисты – то сырой пищей, то супом, то кислым молоком. Если верить Фасмеру, быть непривередливым в еде пожелали, при наречении именем, и этому предводителю – иначе зачем давать ему такое имя (все-таки он был принц, а не курица)? Лучше будем думать, что это тюрк. *яхар*, *жаухар* «жемчуг, жемчужина». Или кар.-балк. *джохар*, имеющее два значения - «разновидность клена», «шершавый, жесткий»; в йокающих языках это слово будет звучать близко к имени - *йохар*.

«**Зантукос** «языгский князь» (Дион Кассий) = «сын племени» (Фасмер), от авест. *занту* «племя».

- Но где в этом «авестийском» имени слово, означающее «сын»? Его нет. Да и трудноато представить себе, что княжича называли бы «сыном племени» (хорошо, что не «сыном полка»). Есть кар.-балк. имя *Жантуу*, *Зантуу* (с закономерным переходом конечного К в У) – от *зантук*, полной формы имени, ср. синонимичное *Жантууду*, *Зантууду*, букв. «душа родилась», или имя половецкого хана - *Кунтувдый*. Ср. также фамилию *Жантуу-лары*.

«**Иракас**, **Эракас** «имя главного переводчика алан» (начало III в. н. э.) = *ерак* из *айриака* (Фасмер).

- По мнению А. М. Байрамкулова, имя образовано от др.-тюрк. *ер* «мужчина, муж; герой» + афф. *ак*. Это мнение, на наш взгляд верное, но требует уточнения: кар.-балк. *эр ах* (*акъ*) - «геройская душа». Объяснение с тюрк.: от *эр* «герой, мужчина», и означает «мужественный» (или это *эрек*, *ирек* «меч», откуда и термин *эрейчи*, *ирейчи* «мечник», «воин», и теоним *Эрей*, *Эрирей* (бог войны и ветра в кар.-балк. пантеоне; *ёрек* – «вертикаль»). В пользу объяснения на почве тюрк. говорит и факт отсутствия в языке осетин, «потомков» алан, уже в III в. имевших у себя целый штат переводчиков, иран.

термина, означающего «переводчик», «переводить (с одного языка на другой)»; есть *тилмац*, заимствованное из кар.-балк. (*тилманч*, *тилманц*). Комментировать этот факт ни В. И. Абаев, ни другие иранисты почему-то не пожелали (см. в ИЭСОЯ). Подозреваю, что их ответы могли быть примерно такими: термин, конечно, был, но «аланы» его забыли; или: на Кавказ обрушился тюркский «этноязыковой потоп», в котором североиранские термины утонули, причем все. «Ничего неожиданного нет также в наличии у них (алан. – М. Дж.) монголо-тюркских имен: *Бадур*, *Багатар*, *Темырес*» (Абаев, ОЯФ, с. 43). Естественно, поскольку аланы-асы были тюрками.

Ниже мы приведем список других аланских имен из книги А. М. Байрамкулова «Правда об аланах» (Ставрополь, 1999). В некоторых случаях мы оставляем его текст или этимологию, в других даем только анализируемое имя, с нашими объяснениями.

«**Итаксис** - имя аланского царя в верховьях Кубани в VIII в. Маркварт сближал его с ирано-грузинским титулом *пйтиахши* – «наместник». Но это совершенно разные слова. Кроме того, Итаксис был самостоятельным царем, а не наместником. М. А. Хабичев полагает, что оно из тюрк. *ытыкъ* (др.тюрк. *ыдукъ*) – «почитаемый, уважаемый» + ас «ясин» (Байрамкулов, с. 177).

- Соглашаясь с объяснением А. М. Байрамкулова, хотел бы заметить, что и кар.-балк. название дня недели - воскресенье (*ыйыкъ кюн*), вероятно, восходит к этому же слову («почитаемый день»). Кроме того, окончание *ас* означает не «ясин», а «род»; *итакъ ас* «из уважаемого рода». Не исключено, что и следующее имя принадлежало тому же лицу (*Итазис* – *Итаксис*); место и время жизни обоих властителей совпадают. Что касается загадочного титула *пйтиахши* – это, скорее всего, иранское искажение тюрк. *битикчи* «секретарь, писец» (от *битик* «письмо, надпись»), впоследствии ставшее феодальным титулом; ср. европ. *граф*, от греч. *графос* «писать».

«**Итаз** – имя аланского царя в верховьях Кубани, VIII в. Связывают с осет. *идадз* «вдовец» (Абаев). Но в осет. *идадз* - «вдова», а «вдовец» - *идадз лаег*. «Вероятно, из др.-тюрк. *иди* «хозяин, владелец» + *аз* «ясин». «Ср. по структуре *Батыраз*, *Без*, *Темирез* и др., вторым компонентом которых является этноним *аз*» (Байрамкулов, с. 185).

- Полагаем, что оба решения неверны. *Итаз* – вариант кар.-балк. *этер* «деятельный, дееспособный», восходящего к *этез* (чередование *р-з* в окончаниях тюрк. слов – хорошо изученное явление); ср. совр. кар.-балк. фамилию *Этез-лары* (старики произносят фамилию по-другому – *Итез-лары*).

«**Итилис**, **Италис** – аланское имя, по греческим источникам». «...вероятно, от тюрк. названия Волги – *Итиль*, *Адиль* (Байрамкулов, с. 191).

«**Борена** – имя сестры аланского царя Дургулея, матери царицы Тамары, XI в. Связывают с *боринае* «русая, златокудрая» (Андроникашвили М. К.). Однако не приводятся ни историческая, ни современная параллели. Кроме того, в ос. «русая, златокудрая» не *боринае*, а *бур*, *бурхил*, *борхелае*».

- Этимология, предложенная А. М. Байрамкуловым (тюрк. *боран* «метель, буран») неубедительна, в силу понятных причин (впрочем, девочке могли дать такое имя, если она родилась во время снежной бури). Возможно, кар.-балк. *бёрю ана* «мать волков» (т. е. это пожелательное имя – «которая родит сыновей, подобных волкам»).

«**Лимачав**. У М. К. Андроникашвили это одно имя и образовано из ос. *ли маенчав* – «с приятной походкой». В действительности это имена двух аланок, *Лим* и *Ачав*, переселившихся в Грузию в XIII в.». «*Лим*, возможно, из др.-тюрк. китаизма *лим* «балка», «перекладина крыши», перен. «опора», а *Ачав* есть древний вариант к.-б. и. с. *Ачау*, которое из *ача* – «девочка, девушка» (Байрамкулов, с. 179). Ни первое, ни два других объяснения неприемлемы. Второе имя, *Ачау*, возможно, от кар.-балк. *ачыкъ* (восходит к

ачук, ачакъ) – «открытая, искренняя».

«*Сакур* – аланское имя на Кавказе, по грузинской летописи XIII в. Возводят к ос. *сохъхъыр* «одноглазый» (В. А. Кузнецов). Но *сокъур* – межтюрк. и монг. слово» (Байрамкулов, с. 181).

- Замечание верное, но вряд ли кто-нибудь стал бы нарекать человека таким именем; о том, что это было прозвище, указаний нет. Скорее всего, здесь искаженное тюрк. *сонкур, санкур, шанкар, шункар* и т. д. – «сокол, кречет».

«*Пареджан* – имя аланского мальчика, XIII в. По мнению М. К. Андроникашвили, оно от ос. *фаернзун* «наделенный фарном». Справедливо отвергая, по соображениям фонетического порядка, такое объяснение, А. М. Байрамкулов предлагает еще более неверное решение: от кар.-балк. *парий* «порода собак» + перс. *джан* «душа» (Байрамкулов, с. 182). Кроме невразумительной семантики, следует отметить также, что *джан* не перс., а тюрк. слово, имеющее значения «душа, жизнь; гореть, пылать»; душа мыслилась как начало огненное. Поэтому имя мальчика, скорее всего, от тюрк. *пара* «сиять, блеснуть» (откуда и слово «парча») + *джан* = «сияющая душа».

«*Ордуре/Урдуре* – имя аланского царя на Кавказе, XI в. По мнению М. К. Андроникашвили, оно от ос. *вирдурег* «подобный камню». Но в осет. «подобный» - *хуызаен*. По словам осетин-иронцев, «подобный камню» - *дуры хыжан, дуры хазаен*. «По всей вероятности, оно из др.-тюрк. *орду* – «ставка, резиденция хана, дворец» + *уры* др.-т. «сын, мальчик, юноша» (Байрамкулов, с. 182).

- Следовательно, значение имени – «сын дворца». Но более вероятно кар.-балк. *ёре тур* «стоящий прямо» (т. е. «гордый, открытый»); ср. сходное по образованию имя *Бектур* «твердо стоящий (на ногах)», «непоколебимый».

«*Урдур* – аланское имя на Кавказе. Из кар.-балк. *урдур* «заставь бить» или из *ур* «бить, ударять» + афф. *дур*» (Байрамкулов, с. 196). Неубедительно. Скорее, это предыдущее имя.

«*Узурабег* – имя алана на Кавказе, XI в. По мнению М. К. Андроникашвили, оно идентично ос. нартскому имени *Урузмаг*. Во-первых, имя *Урузмаг* имеется в нартских сказаниях и других народов. Во-вторых, это др.-тюрк. и. с. *Уруз-бег* («счастливый князь». – М. Дж.), с метатезой р/з и присоединением аффикса –а к компоненту *уруз* (Байрамкулов, с. 182). Или это тюрк. *урушбек* «военный предводитель».

«*Худан/Худдан* – имя аланского царя на Кавказе, XI в.». «По мнению М. К. Андроникашвили, от ос. *худан* «смеющийся». Но в осет. «смеющийся» - *худаег, худга*. Это «вариант др.-тюрк. и. с. *Къутан*, которое из др.-т. же *къут, хут* «счастье, благо, благодать» + др.-т. афф. –ан (Байрамкулов, с. 182).

«*Амбал* – имя алана, бывшего ключником Андрея Боголюбского. Сравнивают с ос. *амбал/анбал* «товарищ». «Но оно – распространенное имя у волжских болгар, и А. Б. Булатов считает имя ключника Андрея Боголюбского болгарским именем. Как известно, жена Андрея Боголюбского была болгаркой, и это тоже говорит в пользу болгарского происхождения этого имени. Его можно возвести и к кар.-балк. *амбал* «носильщик», которое, несомненно, из распространенного на Переднем Востоке *амбал* (из араб. *хамал*) – «рабочий». К нему возводил ос. *амбал/анбал* Моргенштерне» (Байрамкулов, с. 183).

- *Анбал*, ключник Андрея Боголюбского, был в числе участников убийства князя (1175 г.). Его имя может оказаться тюрк. *Ханбала* «царевич»; имен с элементами *бала* «дитя» и *хан* в тюрк. языках превеликое множество. Ср. также кар.-балк. *ангыбар, анбар* «понимающий, разумник», которое легко могло измениться в *анбал*. В. И. Абаев писал: «Это же имя с суффиксом –ан мы находим в надгробной надписи X в., найденной у реки Зеленчук, притока Кубани, т. е. в районе исторической Алании». (Об этой злополучной надписи и ее дешифровке на «древнеосетинском» мы скажем ниже). В. И. Абаев имеет в виду произвольно вычлененное им из весьма невразумительно прочитанного иранскими

текста «имя» – *Анбалан*.

«*Бурдухан* – имя дочери аланского царя Худана. По мнению М. К. Андроникашвили, оно от ос. *бурдаен* «неистовая», «буйная» + тюрк. *ханым* «госпожа». – М. Дж.). Не приводится ни историческая, ни современная параллель» (Байрамкулов, с. 183).

- Справедливо отмечая, что в осет. яз. слова «буйная, неистовая» переводятся не как *бурдаен*, а совершенно по-другому (возможно, что в основе этимологии у грузин. лингвиста лежит слово *бырдаен* «вьюга, метель, буран», в переносном значении), А. М. Байрамкулов предлагает несколько объяснений на основе древнетюрк. (от слова *бур* «благоухать», «поворачивать», «рыжий, желтый, бурый»), которые представляются неубедительными. На наш взгляд, имя происходит от кар.-балк. *бур* «повелевать, распоряжаться», производное *бурлу*, *бурду* «повелительная, властная», с закономерным стяжением в *бурлу*, *бурду* + *хан(ым)* = «властная госпожа». Ср. женское имя из огузского эпоса «Книга моего деда Коркута» - *Бурла-Хатун*.

«*Альда* – жена царя абасгов Георгия, XI в., аланка. «Осетинским считается только на том основании, что встречается в осетинском эпосе». «...это чисто тюрк. имя, образованное из др.-тюрк. *ал* «алый, ярко-красный, оранжевый» + *да* др.-тюрк. и междтюрк. афф. который создавал от именных и глагольных основ и. с.». Примеры – *Байда*, *Дауда* и др. (Байрамкулов, с. 184; с. 139).

- Не отрицая правомерности такой этимологии, предложим и другое объяснение. В кар.-балк. яз. *алда* – «обманывать», а также - «прельщать, привлекать (взгляд)»; ср. выражение *кѣз алдагъан* букв. «обманывающее (прельщающее) глаз»; *Алда* «прелестная, привлекательная». В. И. Абаев пишет: «*Альда*, жена царя абасгов Георгия (XI в.); византийские историки называют ее аланкой, а грузинская летопись – осетинкой (? – М. Дж.); ср. женское имя в ос. эпосе: *Эльда*, *Альдае*». Жена грузинского царя была аланкой. Но грузинские летописи вовсе не называли ее осетинкой, поскольку *ос*, *овс* в устах грузин являлось названием не иронцев (осетин), а карачаево-балкарцев, как пишет об этом сам же Абаев (см. ниже).

«*Алтун* – имя аланской принцессы на Кавказе, XI в.» (Байрамкулов, с. 191). Автор забыл дать значение имени: «золото, золотая».

«*Алтуку* – имя аланской принцессы, жены грузинского царя Давида V (XIII в.). Из др.-т. *ал* «алый, красный, светло-красный, оранжевый» + др.-т. *токъу* «пряжка, застежка у пояса» (Байрамкулов, с. 199).

- Возможно и другое объяснение: уменьш.-ласк. от *алтын* «золото, золотая» - *алтынку*, *алтынка*.

«*Урек Дургулели* – имя и фамилия известного аланского царя XI в., жившего в верховьях Кубани. Ср. *Урек-Тимур* – имя чагатаида». «Возможно, из др.-тюрк. и междтюрк. *юрек* «сердце». По мнению М. Джанашвили, *дургулели* образовано из названия местности *Дургулели* и означает «дургулец», «житель Дургуля». По М. К. Андроникашвили, *дорголели-ос*, *даргъун* – «длинноволосый», где *даргъ* «длинный, долгий» + *къун/гъун* «волос, шерсть, шерсть с одной овцы». «Трудно поверить, чтобы Дургулея Великого, которого еще именовали богатырем, называли «длинноволосым». Мы считаем мнение М. Джанашвили правильным, только это не грузинские слова, а тюркские и правильнее будет «из народа (племени) дургул» или «из селения Дургул» (Байрамкулов, с. 140).

- Поверить, что царя именовали «длинноволосым» или «длинношерстным», трудно. Заметим, что *жюрек* (в йокающих тюрк. яз. *урек*, *юрек*) «сердце» в кар.-балк. яз. означает также «смелый, отважный», ср. выражение *жюрек адам* «смелый человек». *Дургулели* – скорее всего, искаженное кар.-балк. *дюгерли* «дигорец»; царь, вероятно, происходил из этого тюркского племени, впоследствии ассимилированного иронцами и вошедшего в состав современных осетин. Есть и другой вариант: это имя может оказаться

отчеством (как и русские, карачаево-балкарцы в обращении (или в упоминании) часто используют не имя, а отчество: *Дургулель* – *Тогрул улу* «Тогрулович» или *Толгъур улу* «Толгурович».

«**Качир-укулэ/Качир-улэ** – имя и фамилия аланского князя XIII в. Здесь *Качир* – имя, *Укулэ* – фамилия». «*Качир* – в чагат. «мул» и название большой птицы; *укулэ*, вероятно, из *уку* – «сова» + *улы* – древний вариант тюрк. *улу* «его сын», т. е. Качир сын Уку» (Байрамкулов, с. 140).

- Излишне усложненное и неверное объяснение. Все дело в неправильной разбивке имени, верна другая: *Кечерукъ улу* – «Кечерукович», ср. совр. имя *Кечерукъ*, от *кечер* «прощающий, не помнящий зла» + афф. *укъ*. Или это *Къачир оглу* «Качирович», от имени *Къачир*, *Хачир*, *Адджир* «жеребец».

Буриберди и Бурикан (Буракан) – правители асов в Приэльбрусье, сражавшиеся с войсками Тимура. А. М. Байрамкулов считает их фамилией и именем одного и того же лица, производя первое от тюрк. *бури* «волк» и *берди* «дал»; *бура* – др.-т. *бугъра* «верблюд-производитель», *къан* – титул *хан* (Байрамкулов, с. 141).

- Следовательно – «Волком данный» из рода «Верблюд-ханов»; вряд ли можно считать это объяснение убедительным. Поскольку верование, согласно которому волк (пусть и тотемное животное) дарует детей, неизвестно, то первое имя, скорее всего, от кар.-балк. *буйрукъ* «повеление, распоряжение; судьба» (ср. выражение *буйругъу алай болур эди* «такова, навверное, была его судьба») + *берди* = *буйрукъберди*, с закономерным стяжением *буйюрберди*, *буриберди* «судьбою данный».

Бурикан – от *бури*, *бёрю* «волк, волчья» + *къан* «кровь».

«**Арабатис** – имя аланского военачальника, по византийским источникам. Сравнивают с ос. *арвад* «родич». «Не исключено, что оно из тюрк. *ара* «промежуток, середина» и форманта *бат* (Байрамкулов, с. 184).

- Объяснение с осет. представлялось бы более верным, но неясна причина появления второго звука *а*; кроме того, по данным РОС (сост. В. И. Абаев) слово *аервад* означает также «родственник, сородич, брат (неродной)», есть и производные – *аервадон* «братский», *аервадау* «братски»; но, согласно ОРС, термин *аервад* имеет только одно значение – «однофамилец», и производных, которые приводит В. И. Абаев, там почему-то нет. Может быть, аланское имя от кар.-балк. *араб ат* «арабский конь»?

«**Хаскарис** – имя алана на византийской службе, XII в. По мнению Вс. Миллера, оно из ос. *хас* «полный» + *кар* «сила». Но в ос. языке «полный» – *дзаг*, *йедзаг*, а «сила» – *къару*, *къарае*, заимствовано из кар.-балк. яз». «Кстати сказать, в ос. *кар* не «сила», а «возраст». Возможно, имя *Хаскарис* «от тюрк. *къаскъыр* «волк» (Байрамкулов, с. 186).

- Добавим, что последнее слово восходит к форме *къаскъар*.

«**Багъатыр, батыр**. Как известно, это тюрко-монг. титул и широко распространенное и. с. у тюрко-монг. народов. У алан встречается в течении 1000 лет, с IV по XIV в., в качестве титула и имени собственного». «В грузинской летописи встречается только в полной форме: Багатир, Бакатар, Багъатар» (Байрамкулов, с. 186).

«**Темир** «железо». Встречается (в источниках об аланах.- М. Дж.) три раза» (Байрамкулов, с. 187).

«**Осдемир** – аланское имя на Кавказе в XIV в. *Ос* – груз. название алан + *демир* «железо» (Байрамкулов, с. 187).

- Следовательно, «аланское железо». На наш взгляд, объяснение неверное. В данном случае это вариант кар.-балк. имени *Астемир*, где первая часть восходит к *хас* «чистый, истинный» (ср. выражение *мен хас къарачайлыма* «я истинный карачаевец»); имя означает «чистое железо». Или это кар.-балк. *юсю темир* «покрытый железом (броней)». Или *ёз темир* «весь из железа» (ср. имя *Оздемир*).

Ел – встречается 4 раза. От тюрк. *эль* «страна, село, народ» (Байрамкулов, с. 188).

«**Эллак** – имя алана, V в. Встречается и у гуннов (Иордан)». Из *эл* + афф. *ак* (Байрамкулов, с. 188).

Ростов – имя алана на византийской службе, на Кавказе, в VI в.». Из тюрк. *рос*, *роз*, *рус*, *оруз*, *урус*, *ураз*, *ёрюз* и т.д. – «счастье, счастливый» + *тау* «гора». «Ср. *Рустау* – название района и села около Дербента в XVIII в (Бутков)». «К.-б. историческое имя *Рыстау* является поздним вариантом аланского имени. Дело в том, что др.-тюрк. *оруз/руз* в современных тюрк. яз. имеет и форму *ырыс*, *рыс*» (Байрамкулов, с. 189).

- Значение имени, таким образом, ясно – «гора счастья»; очевидно, имелась в виду священная гора тюрков – Эльбрус.

«**Рослик** – имя аланского царя на Кавказе, XII в. Из *рос* + др.-т. афф. *лик*. Ср. по образованию и семантике др.-тюрк. и. с. *Къутлугъ*, которое из др.-т. *къут* «счастье, благополучие; удача, успех, счастливый удел» + *лугъ* – вариант того же аффикса» (Байрамкулов, с. 189).

- Скорее всего, это вариант написания следующего имени:

«**Росмикис** – имя алана, по греческим источникам. Из *рос*+*мик* – вар. др.-тюрк. *бег*, *бек*, *бик* – «князь, правитель, бек, господин». «Чередование начальных *б/м* закономерно в тюркских языках древних времен. Оно имеет место и в самом кар.-балк. языке» (Байрамкулов, с. 189).

- Ср. *биз* – *миз* «шило», *бийик* – *мийик* «высокий». Следует также сопоставить это имя с именем вождя нартов в кар.-балк. эпосе – *Ёрюзмек*.

«**Джадарос** – имя алана на Кавказе, в XII или в XIII в. Из к.-б. *джат* «лежать» + *да* – афф. + *рос*» (Байрамкулов, с. 189).

- Этимология неудовлетворительна в семантическом плане. Здесь, скорее, перс. *джандар* «стражник», или кар.-балк. *джандару* «эликсир бессмертия».

«**Къан** – «хан», «правитель». Встречается 4 раза» (Байрамкулов, с. 190).

«**Бабай** – имя сарматского (аланского) предводителя в Северном Причерноморье в V в. (Иордан)». «Несомненно, от древнетюрк. *бабай* «дедушка» (Байрамкулов, с. 190).

«**База Гунтигис** – имя племянника аланского царя Кандака, гота по отцу». «База – ср. с первым компонентом имени древнетюркского царя *Баса*». «Имя *База* в кар.-балк. антропонимии сохранено до сегодняшнего дня». «...*Гунтигис*, вероятно, из тюрк. *кюн*, *гюн* «солнце» + др.-т. *тег*, *тиг* «доходить, достигать» + *иш* – др.-т. аффикс, создававший абстрактные существительные от глаголов» (Байрамкулов, с. 191).

- Следует внести некоторые уточнения. *База* в кар.-балк. яз. имеет значения «решимость, решительный, волевой», ср. *ол ишге базады* «он решается на это дело», или, с обратным смыслом – *базмайды* «не решается». *Гун* «солнце; день», *тий* «освещать», *тийгич* «освещенный» = «освещенный солнцем».

«**Гунтрик** – другое имя Базы Гунтигиса. Ср. др.-тюрк. имя собственное *Кюни тирик* (Байрамкулов, с. 191).

- Толкование верное; *кун*, *кюн* «солнце; день», *тирик* (от *тирик*) «живой, бодрый, радостный» = «чьи дни радостны».

«**Ернак, Хернак** – имя алана в Северном Причерноморье, VI в. Это имя и сына Атили; К. Иностранцев считает его тюрк. словом, означающим «юноша» (Байрамкулов, с. 191).

- Или оно от тюрк. *эрен* «геройский, мужественный» + афф. *ак*.

«**Дуло** – имя аланского царя где-то на Дону, в VIII в. Ср. *Дулу-хан* – имена др.-т. ханов VI и VII вв. Вероятно, из др.-т. этнонима *дулу*, *тулу*. С. Ф. Миржанова считает, что название древнеболгар. династии *Дуло* и венг. антропоним *дула* восходят к др.-тюрк. *йула* «факел, светильник». Автор с ней солидарен» (Байрамкулов, с. 191).

- Сопоставления, на наш взгляд, правомерные. Добавим еще одну версию: в кар.-балк. яз. *тулу* означает и «родничок» (мягкое место на голове младенца), и «полюс» (крайняя верхняя точка объекта).

«**Тархан** – имя легендарного аланского богатыря. Из др.-т. титула *тархан*, который восходит к монг. *дархан* «кузнец», «вольный человек». «Ср. *Тархан* – имя древнебулгарского царя или вельможи» (Байрамкулов, с. 200).

- На наш взгляд, объяснение неверное и никакой необходимости прибегать к монгольскому нет: это вариант тюрк. имени-титула *тура хан, торе хан* – «высокий хан». Или кар.-балк. *дарган* «щедрый, щедрец».

«**Михей** – имя аланского старосты деревни около Дона, с которым разговаривал в 1246 г. Плано Карпини. Ср. *Бикей* – тюрк. и. с., зафиксированное Далем в XIX в. Из *мик* – вар. тюрк. *бик* «князь, бек, правитель» + афф. *ей* (Байракулов, с. 192).

- Ср. также кар.-балк. имя, в котором вместо *б* звучит *м* – *Мырзамек*.

«**Кула** – имя алана, воевавшего с Тимуром в Приэльбрусье». «Вероятно, из др.-тюрк. *кѳула* «буланый». Возможно, топоним в кар.-балк. нартских сказаниях *Кѳула тюз*, где *тюз* – «равнина», связан с этим именем» (Байрамкулов, с. 193).

- Автор забыл сказать, что кар.-балк. *кѳула* означает «большой, широкий».

- «**Индиабу** – имя аланского царя XIII в Приазовье. Ср. *Индиаву* – имя крымского князя, XV в.» (Байрамкулов, с. 192).

- Неясно.

«**Пулат** – имя аланского военачальника, воевавшего с Тимуром в Приэльбрусье». Из *болат, булат* «сталь, стальной». «По мнению В. И. Абаева, осет. и русск. (*болат, булат*. – М. Дж.) идут из тюркского» (Байрамкулов, с. 193).

«**Сослан** – аланское имя из грузинской хроники. Образовано из кар.-балк. *сос* – «гранит» + *улан* «сын», «мальчик». Поздним вариантом слова *сос* является *сослан таиш* «гранит». Поскольку *Сослан* и *Сосурук* («сын камня») являются именами одного и того же эпического героя, А. М. Байрамкулов заключает: «Кар.-балк. происхождение их подтверждается еще и тем, что во всех сказаниях *Сосурук* рождается «из камня, оплодотворенного пастухом» (Байрамкулов, с. 194).

- Ср. еще одно кар.-балк. слово – *состар* «валун; гранит». Наше объяснение этих имен см. ниже, в главе об антропонимии нартского эпоса осетин.

«**Таус** – имя аланского военачальника в Приэльбрусье, воевавшего с Тимуром. Ср. кар.-балк. и. с. *Таусо*, которое из *тау* «гора», «горный» + *асы*, вариант этнонима *ас* (Байрамкулов, с. 194).

- Обращаться к этнониму *ас* в данном случае излишне; мы имеем дело с закономерным сокращением: *тау* «горский» + *сой* «род» = *Таусо*. Ср. кар.-балк. фамилию *Табакъсой-лары* «поклоняющийся род», или турецкую – *Эрсой* «геройский род».

«**Цаман** – имя алана, преследовавшего аланского епископа в верховьях Кубани в начале XIII в. Именно означает «негодяй, плохой, скверный» и принадлежит к цокающему диалекту кар.-балк. языка». «Вероятно, Феодор (епископ. – М.Дж.) знал аланский язык или сам был аланом и поэтому своего преследователя и назвал *джаман*» (Байрамкулов, с. 194).

- О пребывании носителей цокающе-зокающего диалекта в верховьях Кубани свидетельствуют и топонимика, и Зеленчукская надпись (см. ниже). Что касается имени противника епископа Феодора, то в малкарском (черекском) диалекте предполагаемое в нем *джаман* звучало бы как *заман*. Мы думаем, что это было не имя, а профессия – *шаман, чаман* «жрец, шаман»; скорее всего, имело место столкновение двух служителей разных культов. *Чаман* в малкарском диалекте звучало бы как *цаман*.

«**Шоша** – имя аланского предводителя на Кавказе, в XIV в. Из кар.-балк. *шош* «тихий»

+ афф. *а*) (Байрамкулов, с. 195).

- Ср. кар.-балк. имена, в том же значении – *Шошай, Шошан*.

«*Аш* – имя аланского воина на Кавказе, XIV в. Из др.-т. *еш* «друг, приятель, сподвижник» (Байрамкулов, с. 196).

- Более вероятно от *яш* «молодой, молодец» (в йокающих языках), *джаиш*.

«*Яшко* – имя аланского князя на Днестре, XIII в. Это кар.-балк. и. с. *Джашко*, записанное со слов представителей йокающего диалекта. Из кар.-балк. *джаиш* «парень» + афф. *ко*)» (Байрамкулов, с. 195).

- Это уменьшительная форма предыдущего имени *Яш*.

«*Сатхис* – имя аланского торговца в Грузии, XIII в. Образовано от др.-тюрк. и межтюрк. *сат* «продавать» + *хыс* вариант др.-т. межтюрк. аффикса *гъыч, хыч*, который создавал сущ. от сущ. и глаголов». (Байрамкулов, с. 195).

- Имя означало, таким образом, «купец».

«*Кавций* – имя аланского военачальника, III в. Из др.-тюрк. *кавчы* «набрасываться, кидаться, нападать; предаваться гневу, раздражаться» (Байрамкулов, с. 195).

- Возможно и другое объяснение: кар.-балк. *камцы* «жрец определенного разряда» (черекский диалект), *камчы*.

«*Иджис* – имя аланского воина, XIII в. Из др.-тюрк. *идиз* «высокий» (Байрамкулов, с. 196).

- Или это кар.-балк. *эгиз* «близнец».

«*Чагатар* – имя аланского воина, по грузинской летописи. Из др.-тюрк. *чагъ, чакъ* «пора, время» + *атар* «рассветать, наступать» (о времени). Ср. *Тангатар* – ногайская фамилия и известное тюрк. и. с., туркм. *Дангатар* «наступает рассвет» (Байрамкулов, с. 196).

- Учитывая, что *чакъ* в тюрк. языках означает также «вспышка, вспыхивать; расцвет, расцветать», имя означает «наступающий рассвет».

«*Арпан* – имя венгерского алана. Из др.-тюрк. и межтюрк. *арпа* «ячмень» + афф. *н*. Ср. *Арпа-хан* – имя татаро-монг. хана» (Байрамкулов, с. 196).

- Более вероятно от кар.-балк. *тарпан* «скакун; конь, пасущийся на воле», с выпадением начального согласного. Оттуда же *Арфан* – кличка коня нарта Урузмага в осетинском эпосе.

«*Пародий* – имя аланского правителя на Кавказе, VI в. *Паро*, вероятно, из др.-т. *бару* «все» + *дий* др.-тюрк. афф., образывавший и и. с. (см. *Сародий*). Чередование начальных *б/п* имело место уже в др.-тюрк. языке» (Байрамкулов, с. 196).

- Семантика неясна, поэтому принять эту этимологию трудно. Может быть, *пара тай* «сияющая вершина (гора)»?

«*Коурситис* – аланское имя, по греческим источникам. Вероятно, из др.-тюрк. *куар, гоар* (см. и. с. *Гоар*) + др.-тюрк. и. с. *Сита* (Байрамкулов, с. 197).

- Неубедительно. Гораздо ближе кумык. *горсет, гёрсет* «указывать; показывать» (кар.-балк. *кёргюзт*).

«*Ферох* – имя аланского военачальника III в. Возможно, из др.-т. персизма *форр* «блеск, великолепие, пышность» (Байрамкулов, с. 197).

- Неясно. Вполне возможно, это *Берокъ*, стяжение тюрк. имени *Бёрюокъ* «волчьего рода», «волчье семя».

«*Хонахва* – имя аланского царя II в., по армянским источникам. Может быть, из тюрк. *къонакъ* «гость» + *ва*, вариант афф. *ба*)» (Байрамкулов, с. 197).

- Странно, что автор не заметил очевидную близость имени к кар.-балк. *къонакъбай* «гостеприимец»; ср. также совр. имена собств. *Къонакъбий* и *Къонакъ* «гость».

«*Хуанхуа* – имя аланского князя на Кавказе в начале н. э. Из кит. *хуан* «государь» + *хуа*

др.-т. китаизм «цветок».

«**Хуанху** – имя аланского царя на Кавказе во II в. н. э. Вс. Миллер считал, что *Хонахва* и *Хуанху* – одно и то же имя. Несомненно, *Хуанху* и *Хуанхуа* – одно и то же имя» (Байрамкулов, с. 197).

- Полагаем, что все три антропонима идентичны и представляют собой искажения кар.-балк. *конакъбай* «гостеприимец».

Возможно, оно же звучит и в другом антропониме: «**Хваихвай** – имя брата матери царя Дургулея» (Байрамкулов, с. 198).

«**Аишхен** – имя аланки, жены армянского царя Трдата. Вероятно, этноантропоним и фонетический вариант др.-т. и. с. *Аишъан*» (Байрамкулов, с. 197).

- Возможно, от кар.-балк. *ахишъан* «добрая душа», букв. «добрая кровь».

«**Аишхадар** – имя аланского царя на Кавказе, отца *Аишхен*. По всей вероятности, *Аишх* из *Аишхен* + *дар*»; далее автор приводит тюрк. имена с такими окончаниями – *Байдар*, *Эльдар* (Байрамкулов, с. 197).

- Объяснение весьма неубедительное. М. б., имя армянское. Или это кар.-балк. *ахишъ къадар* – «имеющий добрую судьбу». Или *аши къадар* «имеющий изобилие хлеба» («хлебосольный?»).

«**Бевка** – имя сарматского (аланского) предводителя в Северном Причерноморье, V в. (Иордан). Может быть, из др.-тюрк. *бег* «князь, вождь, бек» + афф. *ка*» (Байрамкулов, с. 197).

- Можно было бы думать, что это кар.-балк. имя *Бекка*, *Беккя* (ср. фамилию *Беккялары*), уменьш. от *бек* «сильный, волевой, крепкий; очень», но неясна причина появления *в*; может быть, вместо первого звука *к*.

«**Алановиамут** – фамилия аланского царя Кандака» (Байрамкулов, с. 198).

- В первой части «фамилии», возможно, кар.-балк. *Аланбий* «аланский князь», ср. аналогичные имена *Дюгербий*, *Малкъарбий*, и др.; вторая часть, *амут*, вероятно, *умут* – «надежда»; в таком случае имя означало бы «надежда аланских князей» (*Аланбийумут*). Ср. также кар.-балк. имена собств. мужск. – *Биямыт*, *Къыямыт*, *Къанамат* и др.

«**Респендиал** – имя аланского предводителя в Европе, V в. (Иордан)» (Байрамкулов, с. 198). Неясно.

«**Ахасарнакайан**, **Ахсарнакаяни** – название аланского рода, XIII в. А. М. Байрамкулов (ссылаясь на М. А. Хабичева) считает, что оно от тюрк. *ах* «белый» + *хасар* «хазарский» + *накайан* «вельможа» (Байрамкулов, с. 122).

- Не отрицая правомерности такого решения, предложим более простое: от тюрк. имени *Аскарбак*, *Аскарбек*, *Аскербек*, означающего «военачальник» + груз. фамильное окончание *йани*, *ани*.

«**Аруехйан** – назв. царского рода алан в начале V в. на Кавказе. А. В. Гадло, ссылаясь на армянского историка XI в. Моисея Каганкатваци, повторившего Моисея Хоренского, утверждает, что у последнего *арухейяны* названы *Аръявгъями* и что «в основе именования рода лежит иранское слово *аръяв-ар* «геройский, сильный». Оба утверждения ошибочны. Во-первых, *арухейяны* назван этот род и в «Истории Тарона» – истории армянской области Тарон, которая написана задолго до Моисея Каганкатваци. Во-вторых, А. В. Гадло не приводит ни историко-лексических, ни историко-этнонимических, ни историко-антропонимических его параллелей. В-третьих, не объясняет, куда делся звук *з*, и откуда взялось *ар*». По мнению А. М. Байрамкулова, из тюрк. *ар* «мужчина, герой» + *юе*, *уе* «название племени» + *хйан* «возможно, из «хан» (Байрамкулов, с. 110).

- На наш взгляд, это кар.-балк. *Ариукъан* «чистая кровь», имя родоначальника.

А. М. Байрамкулову принадлежат объяснения и некоторых имен, приведенных в работе А. Х. Кубанова.

«**Самбида** – имя аланского царя в Галлии, V в.». Из др.-т. *сан* «почет, уважение» + др.-тюрк. *би* «лезвие» + афф. *да* (Байрамкулов, с. 370).

- Неприемлемо по причине неясности семантики. Скорее, кар.-балк. *шам* «чистый, истинный, святой» + *бий* «князь» + афф. *да* = «истинный князь».

«**Гиркон** – имя аланского военачальника на византийской службе, IX в.». Из тюрк. *кир* «входить, вступать» + *кон*, вариант титула *хан* (Байрамкулов, с. 370).

- Неубедительно как со стороны семантики, так и фонетики. Возможно, это сокращение кар.-балк. *киркъонмаз* «чистый, аккуратный; честный», букв. «к кому грязь не пристает» (в прямом и перен. смысле). Или это известный тюрк. титул *гурхан*.

«**Гиуанос** – имя аланского царя на Кавказе, в первой половине I тысячелетия н. э. Происхождение не установлено» (Байрамкулов, с. 370).

- Скорее всего, от тюрк. *иги ян* «добрая душа, добродушный» (в йокающих языках). На *джан*, *ян* «душа» оканчивается огромное количество тюрк. имен.

«**Баракатра** – имя алана, жившего в Армении в V в., вероятно, от кар.-балк. арабизма *берекет* «изобилие» + кар.-балк. имяобразующий афф. *ра*»; аналогично по образованию имени *Байра* (Байрамкулов, с. 370).

- На наш взгляд, это искажение тюрк. *баракъ атлы* букв. «резвонный».

«**Шанух** – имя аланского царя на Кавказе, II в.» (Байрамкулов, с. 370).

- Имя персидское. Но ср. также тюрк. имя *Себук*, *Сабук* (например, отца знаменитого Махмуда Газневи звали *Себук-тегин*).

«**Барлаха** – имя аланского военачальника на Кавказе, II в. Полагаем, что оно от кар.-балк. *барлыкъ* «тот, кто поедет», «тот, кто пойдет» + афф. *а*, «или от тюркского *барлакъ* «целина» (Байрамкулов, с. 371).

- Скорее, от кар.-балк. *барлы* «имеющий все (что нужно); имущий, богатый» + титул *хан* = *Барлыхан*. Ср. также *борлакъ* «лоза» и кар.-балк. фамилию *Борлакъ-лары*.

«**Скуер** – имя аланина на Кавказе, II в. н. э.; не от др.-тюрк. и кар.-балк. ли *ески*, *эски* «старый» + *ер* «мужчина, муж, герой»? (Байрамкулов, с. 371). Неубедительно.

ИМЕНА АСОВ (АСУТ) В МОНГОЛИИ

По мнению иранистов, после разгрома Алании (в середине XIII в.), монголы увели с собой в Центральную Азию большой аланский отряд, который был использован ими при завоевании Китая. Приведем несколько имен, взятых В. И. Абаевым (ОЯФ) из работы А. И. Иванова «История монголов (*Юан-ши*) об асах-аланах». Христианский Восток., 2. вып. 3, 1914).

«**Матарша**, имя аланского (асского) предводителя, участника монгольских походов в Китай (XIII в.); ср. ос. имя *Матарса*, букв. «бесстрашный».

- Со звуковой стороны к этой этимологии претензий быть не может. Но А. М. Байрамкулов, указывая, что в осет. *ма* – отрицание «не» + *тарса* «бойся», т. е. значение имени – «не бойся», считает это объяснение неубедительным, (Байрамкулов, 1999, с. 185). Однако дело в другом: слова *матарса* нет ни в РОС, ни в ОРС, ни в ИЭСОЯ. Добавим, что в РОС (составитель В. И. Абаев), слово «бесстрашный» переведено тюрк. *хъаебатыр*.

Ср. с именем асутского предводителя кар.-балк. имя *Батырша* «бесстрашный», от *батыр* «витязь; смелый, храбрый» = афф. *ша*. Так, например, звали известного в народе музыканта – *Батырша Уянов*.

Илья (Е-ле, Е-ли-я)

Николай (Не-гу-лай)

Димитрий (Ди-ми-ди-р)

Соломон (Ши-ли-мынь)

В христианском характере этих имен сомневаться причин нет. Но при чем здесь аланы? По мнению иранистов, при том, что в «Юань-ши» (написанной на китайском яз.) говорится об *асут*, у них есть христианские имена, следовательно, речь идет о северокавказских асах-аланах. Иранисты почему-то не вспоминают о широком распространении несторианства в Центральной Азии, и о том, что рядом с монголами и по сей час живет древний тюрк. народ – *хакасы*, часть которых именуется *чыстангас*, т. е. «таежные асы». Данные о христианстве у осетин мы приведем ниже.

Бадур – вероятно, китайское искажение тюрк. *Батыр* «витязь; бесстрашный».

Ху-ду-те-му-р – кар.-балк. *Къуту-темир* «имеющий железную душу».

Коу-р-цзи ос. хорз, диг. *хуарз* «хороший» (этимология Абаева). Ср. кар.-балк. зоофорное имя *Кёжюрчюн*, *Кёжюрцюн* «голубь» или *Курча*, *Къурца* «стальной».

«А-да-чи, А-та-чи» «поразительным образом совпадает с именем последнего аланского царя в Португалии, разбитого вестготами: *Аддас (Атакс)*. Это совпадение тем более любопытно, что последнее имя относится к V в. н. э., в то время как первое (*Адачи*) – к XIV в., т. е. они отделены друг от друга промежутком в девять столетий» (Абаев, ОЯФ, с. 254-255). По мнению А. М. Байрамкулова, *Атачи* – от тюрк. *ата*, *ат* «стрелять» + афф. деятеля *чы*. «Ср. алтайск. *адачы* «долженствующий стрелять», кар.-балк. *атычу* «стрелок, стреляющий» (Байрамкулов, с. 195).

- Вполне приемлемая этимология, но возможно и другое объяснение. Трудно не увидеть в этом имени тюрк. слово *ата*, *ада* «отец», и аффикс деятеля *-чи*. Имя *Атачи* означает «воспитатель», того, кто заменяет воспитаннику отца; варианты – *атабек*, *атабаг*, *аталык*; первые два стали позже титулами правителей небольших княжеств в Малой Азии; от последнего – всем известный термин «аталычество». Второе значение «атачи» – «посвятитель, наставник», т. е. человек, который опекает юношей перед началом обряда посвящения. Ср. сходное по образованию слово *аначы* «повитуха». Имя аланского царя в Португалии, возможно, идентично имени *Атачи*, если звук Ч был передан через КС.

Осетиновед Т. А. Гуриев привлекает и другой источник. «В июле 1336 года из столицы далекой Монгольской империи к папе Римскому отправилось посольство, цели которого до сих пор вызывают различные предположения и догадки. Руководителем посольства, состоявшего из 16 человек, был алан Тогай/Токай». Они везли папе два письма, одно – от Токалмут-хана, другое – «от группы аланских князей, служивших в Восточной империи, в Китае». Хан просил папу молиться «за нас и наших верных слуг, аланов», его «христианских сыновей», а также – «прислать нам из Страны захода солнца лошадей и другие... ценные дары». (Очень странные просьбы, если не сказать большего).

Аланские же князья умоляли направить к ним «доброе, терпеливого и умного легата», вместо умершего восемь лет назад Иоанна Монте-Корвино (долго же они думали). Папа Римский ответил на письма и отправил к хану и его аланским князьям своего представителя, а также - подарки и «лошадей из страны захода Солнца» (Гуриев, 1991, с.116-120). Что это были за чудесные кони и нельзя ли было хану, якобы сидевшему в Пекине, найти таковых поближе, неизвестно. И интересно, как он себе представлял их доставку – галопом через всю Евразию? (Мы уже говорили, что Китай – это тюрк. название средневекового Хорезма, в определенный период распространившееся, вероятно, и на всю Среднюю Азию).

Т. А. Гуриев дает именам этих аланских князей следующие объяснения:

Футим Иуенс, поставленное первым, он сопоставляет с именем асутского вождя из китайской хроники «Юань-ши» («Истории монголов») – *Фод-ин*, считая его явно христианским именем, почему – неизвестно. *Иуенс* – титул, «министр».

Катицен, Катикен, Катичень Тунджи почему-то напоминает Гуриеву имя отца

асутского вождя *Шила-бадура* - **Нахайчань**; он предполагает, что это «исконно иранское имя», сравнивая с осет. *кадгин*, *кадджын* «славный, уважаемый, достойный», оговариваясь, что «это всего лишь предположение».

- Действительно, это так. Мы, со своей стороны, можем предположить, что это кар.-балк. *къатхан*, *къатхын* «закаленный». (*Тунджи* – «генерал»).

Гебога Эвензи Т. А. Гуриев сопоставляет с именем асута **Киоо-хуа** из «Юань-ши», этимология неясна. *Эвензи* – «темник, командир 10 000 солдат». В китайской хронике встречается имя *Емянди*.

- Предполагаю, что имя асутского темника образовано от кар.-балк. *гебох* «копье», от *кеб* «форма, формованное» и *окъ* «стрела; наконечник», т. е. копье с литым (а не кованым) наконечником. Вошло и в осет. яз.: *джебогъ* - «штык».

Иоаннес Йуккой – христианское имя *Иоанн*; вторая часть означает воинское звание, равнозначное европейскому «полковник». Из сказанного, по мнению Т. А. Гуриева, вытекает, что «в первой половине XIV века аланы в Китае сохраняли еще свои христианские и иранские имена», и что «в их именник стали проникать имена восточного происхождения».

Имя руководителя посольства – **Тогай, Токай** (по сей день бытующее у карачаево-балкарцев) Т. А. Гуриев рассматривать не стал. Кар.-балк. *тогъай* «круг; обруч; круглый, округлый; подразделение из 100 воинов», *токай* «полный, коренастый, плотный».

Но и В. И. Абаев и Т. А. Гуриев почему-то обошли вниманием ряд других имен «алан», бывших на службе монгольской империи. Их объяснения дает А. М. Байрамкулов.

«Арсылан - имя алана на монгольской службе (Юань-ши). Он был дедом Худу-Темура. Тюрк. *Арсылан* – «лев» (Байрамкулов, с. 192).

«Асан-чжень – имя алана на монгольской службе (Юань-ши). Он был сыном Арсылана». «Образовано из др.-тюрк. *есан* «здоровый, невредимый» + *чжень* (кит.) – «правдивый, честный» (Байрамкулов, с. 192).

- Скорее, это тюрк. *Асанджан*, *Эсенджан* «здоровая душа».

«Бай-чжу имя алана на монгольской службе (Юань-ши)». *Бай* – распространенный компонент тюрк. имен – «богатый, богач»; «*чжу* – вероятно, из бытовавшего в др.-тюрк. языке кит. *чжи* «название циклического знака» (Байрамкулов, с. 192).

- Автор не учел еще одно, самое древнее значение тюрк. *бай* – «бог, божий»; это тюркско-китайское имя переводится как «божий знак».

«Дудан – имя алана на монгольской службе (Юань-ши). Ср. *Дутан-батыр* – имя татарского сказочного богатыря. *Тудан* – монг. и. с. Вероятно, от *тут*, *дуд* «держать» + афф. *ан*» (Байрамкулов, с. 192).

- Кар.-балк. *тутхан* «державший, владеющий, держитель».

«Гюрджи – имя алана на монгольской службе. Ср. карач. фамилию *Гюрджюлери* «Гюрджиевы». Само слово *гюрджи*, вероятно, восходит к тюрк. *кюриши* «сосед» (Байрамкулов, с. 193).

- Этимология сомнительна; указанная карач. фамилия – от *гюрджю*, *гурджю* «грузин».

«Нахай-чань – имя аса на монгольской службе. *Нохай* – имя темника в Золотой Орде». «Из монг. *нохай* «собака» (Байрамкулов, с. 193).

- Этноним (и имя) *ногъай*, скорее всего, от тюрк. *ногъар*, *нокар*, *нукер*, *нѣгер* «воин, дружинник; спутник» (ср. именованья других тюрк. народов – *къазакъ* «рядовой воин», *чериукес*, *чирукас*, *черкес* «военный человек, дружинник» и др.).

«Чели – имя аса на монгольской службе (Юань-ши). Это гуннское имя (со ссылкой на И. Бичурина)» (Байрамкулов, с. 193).

- Неясно.

«Ичилидай – имя алана на монгольской службе (Юань-Ши). Ср. др.-тюрк. и. с.

Ильчигидай» (Байрамкулов, с. 196).

- Китайское искажение кар.-балк. *алчадакъ* «предводитель, вожак»?

«*Хурдута* – имя алана на монгольской службе (Юань-Ши). Может быть, из древнего варианта к.-б. *хуртда* «рябой» (Байрамкулов, с. 197).

- Неясно.

«*Юйваши Говас* – имя алана на монгольской службе (Юань-ши). *Юй-ваши* – из др.-тюрк. и межтюрк. *юй* «дом» + *баши* «глава» («глава дома»). *Говас*, вероятно, из монг. *гова* «олень» + *ас* «ясин» (Байрамкулов, с. 196).

- Толкование второй части имени неубедительно. М. б., это тюрк. *губаз* «купол»; в целом – «купол дома», поскольку кар.-балк *юй баши* означает «над домом».

«*Олосы* – первый компонент имени алана на монгольской службе – *Олосы Урус*. Возможно, из к.-б. *уллусу* «старший» (Байрамкулов, с. 197).

- Неубедительно, поскольку значение не увязано со второй частью имени (*урус*).

«*Баян* – имя одного из аланских командиров в монгольской армии, воевавшей против Китая. Оно может быть известным тюрк. собственным именем *Баян*, от *бай* «богач, богатый» + афф. *ан*» (Байрамкулов, с. 371).

- Вполне возможно. Кроме того, кар.-балк. *баян* (*баям*) означает «откровение» - от древнего значения слова *бай* (восходит к *бах*) «бог, божественный» + *анг* «сознание, мышление».

«*Елянди* – имя аса на монгольской службе (Юань-ши). Из *ел* + *янди* «победитель». «Имя *Янди* у ногайцев сохранено до сегодняшнего дня» (Байрамкулов, с. 188).

«*Ваймасы, Анфаны, Анфану, Бециба, Бецилян, Коуэрци, Есудар, Саньшан, Уаймазе, Чжелянбухуа, Юэлидамау, Фуделяйсы, Янбухуа* – имена аланских воинов на монгольской службе в XIII-XIV вв. (Байрамкулов, с. 198).

Мы использовали в наших объяснениях асутских имен кар.-балк. лексику; но, в отличие от иранистов, ни в какой увод монголами аланского полка или войска на Дальний Восток мы поверить не можем. Ни одному нормальному человеку не захочется, покинув родину и семью, весь свой привычный мир, отправляться по прихоти завоевателей за тридевять земель проливать за них кровь. Или аланы воспылали такой симпатией к завоевателям, что сами помчались биться неведомо за что, где и с кем? Или монголы их чем-то прельстили? Богатой добычей? Но вряд ли она дороже родины, семьи, братьев и сестер, отцов и матерей. При этом надо учесть, что эти люди имели оружие и коней (не могли же они идти пешком с Кавказа до Китая). Сколько же человек тогда было бы в монгольском конвое, который сопровождал их на протяжении нескольких тысяч верст? И зачем победоносным монголам, подчинившим за короткий срок чуть ли не полмира (если верить академической истории), нужны были такие хлопоты? К тому же этих людей надо было поить и кормить – а чем? Или на всем пути от Кавказа до Монголии располагались бивуаки, где им подавали горячую пищу?

Все это, конечно же, выдумки кабинетных ученых, опиравшихся на китайские переводы тюркских летописей и европейских хроник (привезенных в Китай миссионерами-католиками), в которых говорилось о событиях в других краях, далеко на западе (поскольку китайская письменность передает только смысл слов, а не их звучание, любая переведенная книга становилась полностью китайской). Реальные монголы, которых историки и писатели изобразили романтиками (их якобы обуревала мечта дойти до «последнего моря»), конечно же, никогда не ходили походами к берегам Адриатики и Иордана. И Чингисхан, конечно же, был не монгольским повелителем, а тюркским; при нем начались широкомасштабные завоевания, что видно по территории расселения современных тюрков. Государство, созданное им, называлось *Менгу эль* – «Вечный эль», откуда и этноним. Современные монголы – народ, сложившийся позже, при смешении

пришедших с запада тюрков-европеоидов и аборигенов-монголоидов.

Реальные аланы, если бы монголы вздумали их мобилизовать, при первой же возможности перебили бы охрану и ушли в родные горы, где никакие степняки их достать не смогли бы. Или их уничтожили бы при подавлении бунта. Поэтому на стороне «монголов» в Средней Азии («Китае») сражались вовсе не кавказские аланы, а какое-то местное тюркское племя, принявшее христианство (скорее всего, несторианство), чем и объясняются христианские имена асов. Потому «монголы» и называют своих наемников не «алан», а «асут»; может быть, это были предки современных хакасов (*акъ ас* – «белые асы», с придыхательным *Х* в начале; или от *хакъ ас* «истинные асы»), или кыргызы (от *къыркъ ас* – «сорокародовые»).

Стремление иранистов видеть в асах (и аланах), где бы они не располагались, «древних осетин», было так велико, что они часто и не вдумывались в то, пишут сами же. Например, проф. З. Н. Ванеев, приводя сведения об асах из хроники «Юань-ши» и нисколько не сомневаясь в том, что речь идет о северокавказских аланах, говорит: «По-видимому, аланы выступают здесь, перед монгольскими завоевателями, отдельными племенными группами, возглавляемыми своими вождями. Это подтверждает и Мариньоли (XIV в.), по словам которого у Чингиз-хана, первого царя татарского, состояло на службе семьдесят два аланских князя, когда этот бич божий отправился карать мир» (Ванеев, с. 146). Еще не начались завоевательные походы, Чингиз-хан, находясь в Монголии, и понятия не имеет о том, где находится Кавказ, но аланские (асские) князья в немалом числе уже находятся у него на службе! Неужели эти владетели сами отправились за тридевять земель и заранее предложили свои услуги грозному хану, о намерениях которого слышали по радио?

ИМЕНА ВЕНГЕРСКИХ АЛАН

А. М. Байрамкулов приводит также 23 имени венгерских асов, взятые из работы Гомбоcha, поделившего их на три группы: находящихся объяснение на почве осет. яз., неясных по происхождению, и тюркских. К первой группе относятся (с. 198-199):

Фурдух – из осет. *фырт* «сын» + афф. уг.

- Неясно, зачем нужен был аффикс, и что, в таком случае, означает это имя. В кар.-балк. *бурдух* имеет два значения – «скрученный прут» и «деталь саней». Имеет ли какое-либо отношение одно из них к имени *Фурдух*, сказать трудно.

Хурз – из осет. *хуарз* «хороший».

- Скорее, кар.-балк. *къуриц*, *къурч* «сталь, стальной».

Знаган – из осет. *знаг* «враг» + афф. он.

- Ни один человек в здравом уме не станет нарекать младенца таким именем. Возможно, это кар.-балк. *хазна къан* «особенная кровь» или «хорошая кровь» (кар.-балк. яз. *хазна* имеет несколько значений – «казна; сокровище; немало; особенный; хороший»; ср. выражение *хазна туююлдю* «неважный, некачественный», букв. «не *хазна*». Не исключено, что и кар.-балк. имя и воинское звание *Азнаур* восходят к *хазнак эр* «добрый муж» = *хазнакер* = *хазнакур* = *азнаур*). Или имя *Знаган* – слегка искаженной кар.-балк. *заныгъан*, *жаныгъан* «грозный».

Амбултан – Гомбоch исправил это имя в *Амбустан*, сопоставив его со «скифским» *Амбустос*. Неясно.

Мокзун – из осет. *магъз* «мозг» (? – М. Дж.).

Задук, Зудак – от осет. *сугъдагъ* «чистый, святой». Скорее, еврейское *цадок*, *цадик* «святой» (напомним о давнем присутствии хорезмийцев и евреев в Венгрии).

Захаран – из ос. *сахар* «город» + афф. он. Но, по мнению В. И. Абаева, слово *шахар*,

сахар не является ни иран., ни осет. На наш взгляд, оно от тюрк. *сакъ ара* «охраняемый центр». Значение имени, тем не менее, остается неясным.

Кескене, Кескени – из иран. *кешкен, кишкен* «узкий». Неубедительно; это, скорее, кар.-балк. *кечкен* (вариант – *кешкен*) – «прощающий, незлопамятный». Или, ср. казах. *кичкине* «младший, младшенький».

К именам с неясной семантикой Гомбоч относит следующие:

Зокан – возможно, от тюрк. *жакан, закан, шахан, чокан, чакан* и т. д. – «сокол».

Харет – неясно.

Губул – возможно, это кар.-балк. *хубол* «медвежонок», или *къубул* «застенчивый, стеснительный». Скорее, от первого.

Беезан – кар.-балк. *бийик зан* «высокая душа», или *бийиксан* «рослый, высокорослый».

Калхен – «...от др.-тюрк. и кар.-балк. *къалкъан* – «щит» (Байрамкулов, с. 304).

Магъар – возможно, от кар.-балк. *махар* «вид березы».

Хатхарх – неясно.

Бик – по мнению А. М. Байрамкулова, от тюрк. *бек, бик* «князь, господин».

Бондогаз – неясно.

Хивах – неясно.

Тюркскими Гомбоч считал следующие яские имена (к сожалению, А. М. Байрамкулов не приводит их значения):

Хамаз

Хакан – «император, царь».

Ивахон, Ивахун

Кевере, Кеуере

Сандор – от кар.-балк. *сындыр* (восходит к *сандур*) «ломать, сокрушать»?

Курман – кар.-балк. *къурман* «жертвоприношение», обычное у тюрков имя *Къурман*.

Думаю, теперь читателю понятно, почему иранисты не публиковали список аланских имен – среди них слишком много тюркских.

Итого, рассмотрено около 750 скифо-сармато-аланских имен (не считая имен асутов в Монголии), топонимов и гидронимов, упоминаемых в письменных источниках и эпиграфике. Из них:

Тюркских – около 470

Иранских – около 120

Прочих и неясных – около 160

Рассмотрены также несколько десятков терминов и выражений, зафиксированных античными авторами и представляющих собой лингвистические недоразумения и кальки; все они легко объясняются на основе кар.-балк. яз. Наши выводы, возможно, вызовут глубокое неудовольствие иранистов, которых крайне возмущает любое «покушение» на основы их «теории». Вот что, например, пишет Ю. С. Гаглойти о венгерском ученом, пришедшем при рассмотрении эпиграфики и скифо-сарматских имен совершенно не к тем выводам: «Исходя из диалектных различий иранских племен Причерноморья, Харматта заявляет, что не только простая идентичность языка сарматов, алан и современных осетин не является возможным предположением, но что между этими языками даже невозможно провести прямую генетическую связь. По его мнению, ни сарматский, ни аланский языки не могут просто рассматриваться как древнеосетинский».

И Ю. С. Гаглойти заключает: «Придавая решающее значение восточноиранским связям осетин, Харматта игнорирует связь осетин со скифо-сарматскими племенами Северного Кавказа и Причерноморья и не учитывает связей последних с ираноязычными

племенами Средней Азии. Поэтому решение вопроса происхождения осетин носит у него односторонний характер и не получает удовлетворительного разрешения» (Гаглойти, 1966, с. 50-51). Полагаю, что самому Ю. С. Гаглойти, как и другим иранистам, можно поставить в вину гораздо более тяжкий грех. Обязанные представить осетинскому народу его этническую историю, написанную на основе как можно более детально изученных данных, они не догадались подвергнуть всестороннему анализу даже осетинский язык и фольклор, что следовало сделать непременно и в первую очередь.

ИОАНН ЦЕЦ

Этот придворный византийский поэт-эрудит XII в. вставил в написанную им поэму «Теогония» несколько фраз на латинском, русском, еврейском, куманском, арабском, турецком и аланском языках, желая «похвастать своими познаниями перед своей высокопоставленной покровительницей Ириной, невесткой императора Мануэля Комнина» (Абаев, ОЯФ, с. 254). Впервые эти фразы (за исключением аланских) были рассмотрены И. Моравчиком. Аланский текст Цеца (местами испорченный) разъяснен В. И. Абаевым и считается ныне одним из важных доказательств ираноязычия алан:

ТАПАГГАС МЕСФИЛИ ХОЙНА КОРДИН (-----)

Перевод: *Добрый день, господин мой, повелительница, откуда ты?*

ТО ФАРНЕТЗН КИНДЗИ МЕСФИЛИ КАЙТЕФОУА (--) ОУГГЕ

Перевод: *Тебе не стыдно, госпожа моя?*

По В. И. Абаеву, текст содержит следующие осетинские слова:

ТАПАГГАС – ос. ДА БОН ХОРЗ (дигор. ХУАРЗ) «добрый день».

МЕСФИЛИ – Б. Мункачи сопоставил это слово с ос. МЕФСИН, из МАЕ АЕФСИН моя хозяйка (в согдийском термин АФСИН относился и к мужчине). Остальные слова Б. Мункачи не рассматривал.

Слово ХОЙНА Абаев исправляет в ХСИНАЕ, АЕХСИНАЕ «госпожа, владычица, повелительница».

КОРДИН - предположительно «откуда ты», Абаев «восстановил» в КУРДИГАЕЙ (но в словарях этого слова нет);

ЦАЕВИС (АЕ) «откуда (с какой стороны) идешь?».

Выражению «тебе не стыдно» вроде бы соответствует в аланской фразе *ФАРНЕТЗН*. В. И. Абаев приводит форму извинения в осетинском: когда в разговоре упоминается что-либо непристойное, говорят: *ФАРНДЗЫН УТ* «Будьте наделенными фарном» (но ни в РОС, ни в ОРС почему-то нет ни первого, ни второго слова, ни самого выражения). «Относительно –ЕТЗН ввиду неясности конечной буквы трудно сказать что-либо определенное» (Абаев, ОЯФ, с. 258). Слово КИНТЗИ сопоставляется с дигор. *КИНЗАЕ* «невестка», первоначально, вероятно, «молодуха». Последнее слово или слова, по мнению Абаева, оставлены Цецом без перевода; поэтому *КАЙТЕФОУА ОУГГЕ* неясно.

Сравним текст с его объяснением на основе осет. яз.:

Цец: ТАПАГГАС МЕСФИЛИ ХОЙНА КОРДИН (-----)

Перевод: *Добрый день, господин мой, повелительница, откуда ты?*

Абаев: ДА БОН ХОРЗ, МЕФСИН, ХСИНАЕ, КУРДИГАЕЙ (ЦАЕВИС (АЕ)?

Перевод: *Добрый день, мой хозяин, госпожа, откуда ты идешь?*

Как видим, в фонетическом отношении сходство весьма отдаленное; к тому же Абаев прибавил к тексту еще два слова. Значение приближено лучше, но непонятно, к кому обращается Цец – то ли к мужчине («господин»), то ли к женщине («повелительница»), то ли сразу к двум особам: тогда текст следовало разбить на два предложения, т. е. поставить после слова «хозяин» точку. Еще менее ясно последующее:

Цец: *ТО ФАРНЕТЗН КИНДЗИ МЕСФИЛИ КАЙТЕФОУА (--)* ОУГТЕ

Тебе не стыдно, госпожа моя?

Абаев: *ФАРНДЗЫН УТ КИНЗАЕ МЕФСИН (.....).*

Будьте наделенными фарном, молодуха, моя госпожа.

Ни одна из трех фраз не переведена до конца, а самое главное – нет связи между частями ни в греческом переводе, ни в переводе Абаева; особенно странно «Тебе не стыдно, госпожа моя?», обращенное к невестке императора, никак не отраженное в переводе на осетинский. **За что и почему ей должно быть стыдно** и как придворный поэт посмел так обращаться к своей царственной покровительнице?

И. М. Мизиевым было отмечено в тексте несколько кар.-балк. слов, явно отражающих черекский диалект (в котором вместо Ч, Ж, П употребляются Ц, З, Ф, а во многих позициях вместо Ё звучит О):

КОРДИН – *кордюнг* «увидела», *корюндюнг* «показалась, появилась».

КИНДЗИ – южнотюрк. *гянджи*, *генже* «молодая», кар.-балк. *гинжи*, *гинзи* «кукла».

КАЙТЕФ – кар.-балк. *къайтыф* «возвратившись, вернувшись»; от этого слова И. М. Мизиев отделил ошибочно написанное слитно с ним *оуа* и восстановил утраченный промежуточный слог (*ой*); в результате такой разбивки получилось кар.-балк. выражение, означающее упрек, укор: *ОУА-ОЙ, ЮЙЮНГЕ!* «Как же так?», «Ну, что ты (говоришь, делаешь)!», «И не стыдно тебе?» (букв. «Оуа-ой твоему дому!»). Таким образом, ОУА-ОЙ-ЮЙЮНГЕ соответствует ОУА (--) ОУГТЕ во фразе Цеца.

Попробуем подойти к тексту, учитывая эти и некоторые другие остоятельства. Самую большую загадку представляет собой слово МЕСФИЛИ; оно не похоже ни на предложенное Мункачи осет. МЕФСИН «моя хозяйка», ни на известные нам кар.-балк. слова. Вполне возможно, что здесь присутствует греч. ФИЛИ (*фил*, *филия* – «любить, любящий» и пр.); можно допустить также, что МЕСФИЛИ – слово из среднегреческого, означающее «любимая госпожа»; или это титул невестки императора, вставленный поэтом в аланскую фразу, понять которую поможет другая разбивка слов и строк.

ТАПАГГАС + слово из второй строки КАЙТЕФ можно сопоставить с кар.-балк. *тобагъа къайтыф* «покаявшись, раскаявшись», букв. «вернувшись к покаянию».

ХОЙ НАКОРДИН – кар.-балк. *къой* «оставь, брось» (и «овца»), и *накъырдангы* «свои шутки».

ТОФАР – кар.-балк. *тохар*, *тофар* «валух, кастрированный баран», *тохай* «валушок»; ср. также *тох-тох* возглас, которым погоняют валухов.

НЕТЗН – слитное произношение двух слов – *не* «что» и *этин* «мочь сделать», в устной речи – *нетсин* «что поделать, что сделать».

Сказанное заставляет думать, что первая часть второй строки (*То фарнетзн киндзи*) осталась без перевода и что слово КАЙТЕФ случайно переставлено из первой строки во вторую. Мы предлагаем несколько другое расположение слов и другой перевод трех (а не двух) фраз Цеца:

Цец: *ТАПАГГАС (КАЙТЕФ) МЕСФИЛИ ХОЙ НАКОРДИН (-----)*

Кар.-балк.: *ТОБАГЪА КЪАЙТЫФ, МЕСФИЛИ, КЪОЙ НАКЪЫРДАНГЫ.*

Раскаявшись, оставь свои шутки, госпожа.

Цец: *ТОФАР НЕТЗН КИНДЗИ МЕСФИЛИ*

Кар.-балк.: *ТОФАР НЕТСИН, КИНДЗИ МЕСФИЛИ?*

Что может валух, молодая госпожа?

Цец: *ОУА (--)* ОУГТЕ

Кар.-балк.: ОУА-ОЙ-ЮЙЮНГЕ?!

Как тебе не стыдно?! (Ну, что ты делаешь?!).

Борьба за императорский престол в Константинополе никогда не утихала. Письменные источники полны описаний заговоров, измен, кровавых переворотов, бунтов и восстаний. При византийском дворе было много евнухов; каждому из очередных владык, сумевших захватить власть, вероятно, было безопаснее опираться на евнухов, поскольку они не имели права воссесть на престоле. Многие из этих евнухов занимали самые ответственные посты и даже стояли во главе войска (напомним, например, о знаменитом Нарсесе, победителе готов). К их числу, вероятно, принадлежал и придворный поэт, чья покровительница Ирина, забавляя придворных, иногда, наверное, заигрывала с ним, как с полноценным мужчиной. Вряд ли она напоминала тургеневских барышень, - ее шутки, вероятно, были весьма грубоватыми, на что и жалуется Цец в трех аланских фразах, обретающих в толковании на основе кар.-балк. яз. связность и смысл: становится ясно, почему и за что Цец укоряет Ирину. Перестановка слов в этих фразах произошла, скорее всего, при переписывании (м. б. и многократном) поэмы. Можно отметить и игру кар.-балк. слов, использованную поэтом: употребив в первой фразе слово *къой*, означающее не только «оставь, брось, перестань», но и «овца», в следующем предложении он называет себя «валухом».

ЗЕЛЕНЧУКСКАЯ НАДПИСЬ

Эта надпись на каменной стеле была обнаружена Д. М. Струковым летом 1888 г. в Карачае, на правом берегу реки Б. Зеленчук, в 30 км от Нижнего Архыза. «Первое исследование и дешифровку Зеленчукской надписи выполнил В. Ф. Миллер, показавший ее аланское (древнеосетинское) происхождение. Чтение В. Ф. Миллера принято в науке; в дальнейшем в него были внесены некоторые уточнения, а Г. Ф. Турчанинов удачно обосновал датировку надписи 941 г. (В. Ф. Миллер датировал надпись XII в. – М. Дж.). В надписи перечисляются имена нескольких человек и четыре раза повторяется осетинское слово «фурт» - сын; первоначально плита лежала в ограде небольшого кладбища, где действительно было погребено несколько человек» (Кузнецов, 1984, с. 242). Следует уточнить, что в надписи значится не *фурт*, а *фоурт*, и что «сын» в осет. яз., если верить словарям, – *фырт*.

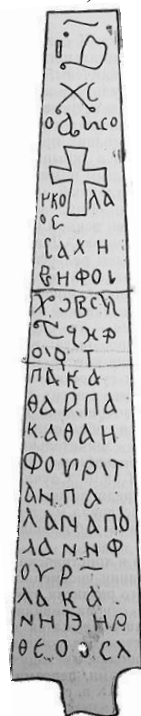
«Оценивая значение этой находки, В. Ф. Миллер писал: «Четыре раза явственно читающееся осетинское слово и два употребительных у осетин личных имени несомненно свидетельствуют о том, что перед нами древняя осетинская надпись, представляющая попытку выразить греческими буквами осетинские слова. Мало того, интерес памятника повышается местом его нахождения и христианской эмблемой. Он найден в местности, где указываются развалины поселения, и в недалеком расстоянии от обширных развалин древнего христианского города, который, судя по числу церквей, мог быть центром Аланской епархии (митрополии), упоминаемой византийскими писателями».

«В наше время версия В. Ф. Миллера блестяще подтвердилась: Нижне-Архызское городище X-XII вв. в ущелье Большого Зеленчука, которое имеет в виду В. Ф. Миллер, действительно можно считать центром Аланской епархии» (Кузнецов, 1984, с. 242).

Но с дешифровкой В. Ф. Миллера согласились не все исследователи. «Миллер внес в надпись плиты 8 дополнительных букв, которых на плите не было и без которых он не мог ее прочесть. Эти правки опубликовал А. Ж. Кафоев». «Напомним слова самого В. Ф. Миллера, отнюдь не уверенного в своей правоте: «Хотя имени Анбалан у осетин мы не можем указать, но звучит вполне по-осетински», «... чтение последних трех строк совершенно гадательно» (Мизиев, 1986, с. 111-112).

В. И. Абаев пишет: «Значение Зеленчукского памятника заключается в том, что: 1. это единственный обнаруженный до сих пор памятник древней (точнее, средневековой) осетинской письменности; 2. он найден на территории исторических алан и, следовательно, служит одним из подтверждений тождества осетин с аланами и пребывания осетин на Западном Кавказе; 3. это — памятник христианский, он свидетельствует о том, что осетины-аланы, жившие в X-XII вв. в Кубанской области, были христиане; 4. из этого памятника видно, что уже в ту эпоху были попытки создать осетинскую письменность, используя для этого греческие буквы» (Абаев, ОЯФ, с. 260).

Заявления эти весьма странные, особенно если учесть, что в осет. яз. в значении «буква» почему-то употребляется тюрк. слово *дамгъа*, означающее еще и «тавро»; нет в нем и слов, означающих «чернила» или «тушь», что никак не может свидетельствовать о существовании «древнеосетинской письменности» (не знать об этих фактах В. И. Абаев просто не мог).

Из книги В. А. Кузнецова «Очерки истории алан», 1984.

Далее В. И. Абаев дает прочтение Миллера, получившего в результате весьма невразумительный текст:

ОАТС НИКОЛАОС

САХЭРЭ ФОУРТ

Х... РЭ ФОУРТ

ПАКАТАР ПАКАТАН ФОУРТ

АНПАЛ АНАПАЛАНЭ ФОУРТ

ЛАКАНЭ ТЗЕРТЕ

ЛАКАНЭТЕ ЭРТЕ

Перевод:

ИС ХС

Иисус Христос

Святой (Николай)
Сахира сын
Х...а сын
Бакатар Бакатая сын
Анбал Анабала сын
Юноши памятник (?)
(Юноши Иры?)

Из развалин аланского города извлекли тогда каменный крест с «греческой надписью, на которой отчетливо читается дата 6521, т. е. 1018 г. н. э», поэтому и Миллер отнес надпись к XI в.

Сам В. И. Абаев читает надпись несколько по-другому:

1. И - С
2. Х – С
3. ОА...С
4. НИКОЛА
5. ОС
6. САХИ
7. РИФОУ(РТ) (но там буквы У нет. – М. Дж.)
8. Х.....
9. ...РИФ
10. ОУРТ
11. ПАКА
12. ТАРПА
13. КАТАЙ
14. ФОУРТ
15. АНПА
16. ЛАНАПА
17. ЛАНИФ
18. ОУРТ
19. ЛАКА
20. НИТЗИР (там не З, а Э)
21. ТЕ. ОТСЛ

Перевод:

Иисус Христос
Святой (?) Николай
Сахира сын Х...р
Х..ра сын Бакатар
Бакатара сын Анбала
Анбалана сын Лаг –
Их памятник. (Абаев, ОЯФ, с. 264).

Последние 4 буквы расшифровал, по просьбе В. И. Абаева, Г. Ф. Турчанинов: «Мне кажется, что буквы ОТСЛ могут обозначать только дату. Дата эта, как мне кажется, исчислена по солнечному кругу. При исчислении солнечного круга, как одной формы исчисления, слово «круг» обозначается кружком». Подставив числовые значения греческих букв и перемножив их, Турчанинов получил дату – 941 г. н. э., с чем и согласился Абаев (ОЯФ, с. 268). И. М. Мизиев вполне правомерно иронизировал по этому поводу: «Оказывается, что тот самый «малограмотный резчик письма», по словам Г. Ф. Турчанинова, взятым Абаевым за истину, «был хорошо знаком с буквенными обозначениями греческих цифр»; знал, что СЛ – это 230; знал, что счет надо вести по

солнечному кругу; знал, что этот круг равен 28 годам; знал, что от сотворения мира и до момента надписи прошло 230 солнечных кругов, а с начала последнего солнечного круга прошло 9 лет и пр.; не правда ли, завидные познания? И после всего этого Турчанинов высчитывает: $230 \times 28 + 9 = 6449$ г. от сотворения мира, или 941 г. от Р. Хр.» (Мизиев, 1986, с. 113).

В. И. Абасов пишет: «Итак, в погребении лежали: 1) сын Сахира 2) сын предыдущего Бакатар 3) сын Бакатара Анбалан и 4) сын Анбалана Лаг. Мы имеем, стало быть, дело с фамильным склепом». (В. Ф. Миллер, как уже говорилось выше, считал, что имеет дело с могильным камнем). Заключение: «Нет даже тени сомнения, что перед нами могильный памятник осетинский и христианский» (Абасов, ОЯФ, с. 262).

Другой вариант прочтения с осет. яз. предложил Б. А. Алборов: «Иисус Христос Николай Сахира сын Хо Бситира сын Анбал Анбалана сын юноши памятник 671 – 1063 г.». По мнению Г. Ф. Турчанинова, верной является дешифровка В. Ф. Миллера, но с уточнением: «Иисус Христос святой Николай Сахира сын Овса великого сын Бакатар...» (Мизиев, 1986, с. 112).

Итого, 4 варианта прочтения надписи с осетинского. Казалось бы, все ясно, и спорить не о чем (пусть много и разночтений). Однако все равно нашлись усомнившиеся в том, что это памятник могильный и что надпись сделана на «древнеосетинском» языке в X или в XII вв. Были попытки дешифровки с карачаево-балкарского, чеченского и кабардинского. Как же отнеслись иранисты к покушениям на одно из важных «доказательств» иранства алан и пребывания «древних осетин» на Зеленчуке?

Глава в книге В. А. Кузнецова и И. М. Чеченова называется «Борьба за письменность» и посвящена попыткам злых историков-мифотворцев других народов Кавказа доказать наличие письменности у их предков уже в очень отдаленные эпохи – престижно ведь! Здесь же дается превосходный анализ многогранной деятельности ленинградского филолога-миссионера Г. Ф. Турчанинова. Вначале он «прочитал» на абхазском надпись на каменной плитке из Майкопа. Абхазские и адыгские специалисты, разумеется, поспешили с ним согласиться. Затем он же дешифровал надписи на изобретенном им «ашуйском языке» III тыс. до н. э. – т. е. на абхазо-адыгском, заодно сочинив и страну Ашую на Северо-Западном Кавказе. Отсюда неутомимый просветитель перебрался в Осетию и «доказал», что салтово-маяцкие рунические надписи принадлежат не тюркам, а осетинам, как и граффити на металлических сосудах из Надь-Сент-Миклошского клада (Венгрия), а также прочитал в греческой надписи на бронзовом кресте, найденном В. А. Кузнецовым при раскопках в Зеленчукском храме, название страны Алания и города Ставрополиса, но был разоблачен Е. Ч. Скржинской.

Затем в книге Кузнецова и Чеченова следует подробный рассказ о дешифровках Зеленчукской надписи. «*Со времени Миллера Зеленчукская надпись вошла в научное обращение как памятник алано-осетинского письма*», – пишут Кузнецов и Чеченов, выделяя эти слова курсивом. Иначе говоря, на этом и следовало успокоиться. Надпись осетинская, датируется XI-XII вв. н. э., – чего вам еще? Но не тут-то было.

Первым на антиконституционную ревизию дешифровки Миллера покусился А. К. Кафоев, который прочитал надпись на кабардинском, и к тому же передатировал ее V в. Случилось это в 1963 году, ровно через 70 лет после появления работы Миллера. Не поверил ему Кафоев, а почему? Ясное дело – борьба за письменность, за престиж, как считают Кузнецов и Чеченов. Разве могут быть другие причины – Миллер-то был непогрешим! Затем, один за другим, надпись прочитали, но уже на карачаево-балкарском, математик М. Кудайев (1965), археолог И. М. Мизиев (1986), и рабочий А. Ж. Алишев (1988), причем их прочтение разнится друг от друга, а это, как считают наши авторы – нехорошо (но если разногласят четыре ираниста – это в порядке вещей). Не согласившись

с упомянутыми авторами, чеченский филолог Я. С. Вагапов прочитал надпись с позиций вайнахского, делая вывод, что вайнахи обитали на всей территории Алании, в том числе и в ущелье Большого Зеленчука.

«Итак, - пишут Кузнецов и Чеченов, - в северокавказской филологии определилась парадоксальная ситуация - один текст «легко» читается на четырех языках, принадлежащих к разным языковым группам: иранской, адыго-абхазской, тюркской, нахско-дагестанской. Разве это не свидетельство простора для «беспочвенных дилетантов»? Нет, отвечаем мы, не свидетельство. Разве полемика, столкновение взглядов и мнений не является одним из искони присущих науке способов выяснения истины? И почему авторы решили, что прочтение Миллера - единственно верное? А если он ошибся?

Но Кузнецов и Чеченов всех, кто не согласен с дешифровкой ясновидца Миллера, сразу же винят в «узко-национальном подходе», местном «патриотизме» и ущербности применяемых ими методов - никаких иных оснований, чтобы усомниться в ее верности, конечно, нет и быть не может. Если же кто-то считает, что надпись (с добавлением нескольких букв) в прочтении Миллера попросту нелепа – он, понятное дело, мифотворец и дилетант. В качестве третейского судьи авторы выставляют знатного иностранца, американского профессора Л. Згусту, «не подверженного кавказским пристрастиям», - видимо, в силу отдаленности США от нашего нехорошего региона, где кипят жаркие споры вокруг истории.

Кстати говоря, тот грех, который Кузнецов и Чеченов приписывают исследователям, читающим Зеленчукскую надпись на кар.-балк. (Кудаеву, Мизиеву и Алишеву) - разночтение и отсутствие единого мнения - присущ не только им. Как пишет Т. А. Гуриев, согласия не было и нет и в среде иранистов (Миллер, Абаев, Турчанинов, Алборов, Лавров, Бязров и другие); каждый из этих исследователей читал отдельные знаки по-своему (Т. А. Гуриев. Памятник особого рода: язык. Владикавказ, 1995, с. 18). Кудаев, Мизиев и Алишев разногласили тоже из-за отдельных знаков. Тогда почему читать злополучную надпись и спорить о ее точном смысле на осетинском можно, а на ином, даже на языке того народа, который населяет ущелье Большого Зеленчука - нет?

Нельзя, отвечают промолчавшие о спорах в родном стане Кузнецов и Чеченов, потому что сам великий Л. Згуста это запрещает; он объективный и беспристрастный, как марсианин, не то что сами кавказцы. Что же такого бесприммерно объективного он сказал в своей монографии о Зеленчукской надписи (1987 г.)? Во-первых, подтвердил датировку Миллера. Затем, тщательно, как считают авторы, проанализировал все четыре варианта дешифровки, присоединившись, но с некоторыми поправками (что наши авторы ему в вину почему-то не ставят) к мнению Миллера. Начало и конец надписи, по мнению Згусты, написаны по-гречески (обращение к Иисусу Христу и возвешение о победе Бога над смертью), а середина содержит осетинские имена четырех мужчин. Значит, тоже спорит: у Миллера о победе Бога над смертью не было ни слова.

Об остальных вариантах прочтения Згуста пишет:

А) «Невозможно считать вайнахское толкование убедительным».

Б) О том, что изрек Згуста по поводу дешифровки А. Ж. Кафоева, авторы умалчивают. Восстановим этот пробел с помощью Т. А. Гуриева, который сообщает следующее. Обнаружив в работе Кафоева много ошибок и натяжек в чтении греческих букв, в сегментации текста и пр., заокеанский правдолюбец и поборник истины сделал жесткий вывод: «...метод, при помощи которого А. Кафоев «прочитал» надпись, неудовлетворителен», - как и сама его интерпретация, естественно.

В) А вот что сказал Згуста по поводу «тюркско-балкарского» (правильно: карачаево-балкарского) прочтения: «...то небольшое, что я знаю о балкарском языке, заставляет удивляться, какими путями можно было интерпретировать надпись на этом языке»

(Кузнецов, Чеченов, с. 83).

Теперь уже остается удивляться нам. Как можно делать столь безапелляционный вывод, зная о том или ином языке лишь «немногое», т. е. имея о нем смутное представление? Вообразите, к какому высокому позорному столбу ученый мир пригвоздил бы, например, того же И. М. Мизиева, если бы он, немного зная о шведском языке, стал судить и рядить о верности прочтения на нем какой-нибудь рунической надписи. Поневоле вспомнишь мудрое предостережение Козьмы Пруткова: «... не зная законов языка ирокезского, можешь ли ты делать такое суждение по сему предмету, которое не было бы неосновательно и глупо?».

Как и многие иранисты, Ладислав Згуста, вероятно, имеет дар ясновидения, поскольку пишет: «Долину Архыза в эпоху создания надписи населяли осетины», под чем ставят свои подписи Кузнецов и Чеченов. Но так как они обладают еще более точными знаниями, чем даже сам вещий американец, то и осмеливаются поправить его: «Заметим только, что ираноязычные аланы не были единственным населением верховьев Кубани как региона - наряду с ними здесь, бесспорно, присутствовали тюркский пласт и иные этнические группы. Згуста конкретно и точно говорит только о долине Архыза» (Кузнецов, Чеченов, с. 83). Это совершенно изумительно: откуда Л. Згусте и его единомышленникам из Российской Федерации стало известно, что именно осетины населяли в таком маленьком районе маленькую долину Архыза - ни метра в сторону, а не скажем, тюрки или загадочные «иные этнические группы»? Причем населяли именно «в эпоху создания надписи»; учитывая то, что сами Кузнецов и Чеченов сказали о творчестве Г. Ф. Турчанинова, очень странно, что они верят его датировке.

Полемику вокруг Зеленчукской надписи после выхода в свет работы Л. Згусты Кузнецов и Чеченов считают завершенной, и, по их мнению, тот, кто-то претендует на новую научную дешифровку, должен непременно опровергнуть его «доводы». Но в этом отношении Кузнецов и Чеченов все же пессимисты. Они предвидят, что «местные школы, обуреваемые желанием подновить историю своих этносов», ни за что не уймутся (Кузнецов, Чеченов, с. 86). Конечно, после такого предупреждающего разоблачения невольно впадешь в страх и трепет, прежде чем примешься сокрушать несокрушимое (подобно почтмейстеру в пьесе Н. В. Гоголя «Ревизор», осмелившемуся распечатать письмо Хлестакова Тряпичкину).

Уточняя дешифровку М. Кудаява, И. М. Мизиев обратил внимание на следующие моменты:

1. Подобные памятники «на Северном Кавказе чрезвычайно редки, если не сказать – вообще единичны, а поэтому вряд ли стела могла быть обычным надгробием какого-то неизвестного юноши или юношей. «Но парадоксальность ситуации в том, что ни поиски самого Д. М. Струкова, ни осмотр местности Г. И. Куликовским (1892), ни археологические поиски В. М. Сысоева (1895-1898 гг.), ни осмотр местности Н. Я. Динником (1884), ни археологические изыскания Т. М. Минаевой, Х. О. Лайпанова (1939), ни поиски автора этих строк (1959, 1965 гг.), ни многократные поиски В. А. Кузнецова не привели к выявлению в этом районе никаких аланских захоронений вообще: ни коллективных, ни одиночных. Правдоподобно ли, чтобы «единственная алано-осетинская надпись» была бы оставлена в таком районе?».

2. Поскольку, по мнению И. М. Мизиева, «подобные письменные памятники народ никогда не доверяет исполнять несведущему человеку», обвинять резчика в малограмотности, как это делал Вс. Ф. Миллер, нет причин (на наш взгляд, не совсем так).

3. «...текст найден в районе, где письменные источники помещают асов и тюрко-болгар, где находится средневековое городище, именуемое карачаевцами *Эски-Журт* («Старая родина»). В этих же местах много рунических тюркских надписей».

Считая несколько не вполне отчетливых знаков в середине надписи тамгами (знаками) болгарских родов Дуло, Батбай, Адван, Суван, Мизиев предложил дешифровку на основе черекского (цокающе-зокающего) диалекта кар.-балк. языка; очень важно, что последние в надписи, загадочные для иранистов буквы ОТСЛ он читает, как *от зыл* «год быка»:

«Иисус Христос Оавг Николаос Сахириф ой Хобси Дуло Батбай Адван Суван ыйыф (обозначены тамгами) ос адван (т) пакатар пак ата йюртан паланап алан йюртлака интенрте от зл».

Затем Мизиев сопоставил эту надпись с кар.-балк. звучанием фразы:

«Иисус Христос явгу Николай цахырыф юй Хобсны (Дуло, Батбай, Адван, Суван) ыйыф ез Адван Бакатар Бек Ата Журтан бёлюнюп алан журтлагъа итинер де. Ёгюз зыл». Перевод: «Иисуса Христа наместника Николая призвав, от дома Хобса (Дуло, Батбай, Адван, Суван) объединения один сам адван (т) Бакатар бек от отцовского юрта (*ата юрт* – родина, отчизна) отделившись, в юрт аланов (степей, долин) стремится. Год Быка» (Мизиев, 1986, с. 115-116).

В дешифровке И. М. Мизиева многое правильно, но, к сожалению, не все. Нет никакой уверенности в том, что на плите присутствуют изображения родовых знаков, а не плохо вырезанные буквы; лишним является *«адван т»*. Загадочное *Хобс* исследователь считал близким к имени *Уобос*, имени сына хазарского царя (по грузинской летописи), что также ничем не подкреплено. Самое ценное в прочтении Мизиева – раскрытие значения смысла второй половины надписи, начиная от слова *пакатар*, и особенно последних четырех букв ОТСЛ, как даты (по тюркскому 12-летнему животному циклу), что наглядно показывает искусственность датировки Г. Ф. Турчанинова. Теперь можно прочесть надпись, ничего не вставляя в нее и не убавляя, и получить ясный текст, ни в чем не противоречащий синтаксическим нормам кар.-балк. яз., а не маловразумительный список неких юношей, которым тешат себя иранисты. Все дело заключается в неправильной разбивке текста.

Читатель может сравнить выписанные нами буквы с теми, что он видит на изображении надписи. Однако мы начнем с одного важного обстоятельства: почему-то ни один исследователь ничего не сказал о значении рисунка, помещенного в верхней части стелы рядом с греческой буквой *И*. Это было замечено А. Алишевым, историком-любителем из Нальчика, увидевшем в нем элемент ребусного письма: изображен кувшин, из которого льется вода; «вода» по кар.-балк. – *суу*, следовательно, вместе с первой буквой *И* (в верхнем углу) это означает *Исуу*, т. е. «Иисус». Очевидно, резчик действительно был не очень силен в письме и вначале попытался совместить буквенное письмо с ребусным. Читатель может заметить, что в верхней, начальной части текста буквы выполнены некачественно, неровно, в отличие от части нижней. Вполне возможно, что первого резчика заменили другим, более опытным и знающим, которому, начиная со слова *пакатарпак*, и принадлежит исполнение текста.

Теперь мы можем выписать весь текст надписи, в сопоставлении с кар.-балк. переводом, как он звучит в устной речи (черекский диалект); *Хоб-суу* «многоводная» – это Кубань; разумеется, имена Иисуса Христа и св. Николая ныне звучат несколько иначе – *Иса* и *Никкол*:

ИСУУ ХС АУС НКОЛ АОС – *Иисус Христос, святой Николай*
ИСА ХРИСТОС, АУС НИККОЛ (АОС)

САХИРИФ ОЙ – *призвав (их), узнай (о том, что)*
цахырыф, ойла – *призвав (их), узнай (о том, что)*

ХОБ-СУ ТАИФ О УРТ – *Хоб-суу переменила (русло), и то поселение,*
Коб-суу таиф, о зурт – *Коб-суу переменила (русло), и то поселение,*

ПАКАТАРПАКА ТАИФ - к *Пакатарпаку* склонясь,
Багъатырбекге таиф, – к (мнению) Багатырбека склонясь,

О УРТАН ПАЛАНАП – и, от того места отделившись,
о зурттан бёлюнюф, - и, от того места отделившись,

АЛАНИФ - направиться
алланыф – направиться

О УРТЛАКА ИНТЕИРДЕ – в те (дальние) места намерено уйти.
о зуртлагъа итинипди – в те (дальние) места намерено уйти.

ОТ СЛ – год Быка.

От зыл – год Быка.

Получился связный и ясный текст на черекском диалекте кар.-балк. языка, составленный в полном согласии с его синтаксическими нормами:

Исуу ХС, аус Николаос сахириф, ой: Хоб-су таиф, о урт, Пакатарпака таиф, о уртан паланап, аланиф, о уртлака интеир де. От сл.

Совр. текст:

Иса ХС, уас Никкол(ну) цахырыф, айт: Коб-суу таиф, ол зурт, Багъатырбекге таиф, ол зуртдан бёлюнюф, алланыф, ол зуртлагъа итинипди. От зыл.

Некоторые пояснения и примечания:

1. Следует отметить, что в речи карачаево-балкарцев роль деепричастий и деепричастных оборотов не просто велика – она огромна. Это же видим и здесь.

2. Отличия некоторых слов в надписи от кар.-балк. объясняются просто: резчик испытывал трудности с передачей на письме звука З (Ж), поэтому вместо *зурт* (*журт*) «место, местность; род» он пишет *урт*; последнее слово *зыл* «год» пишет как *сл*; не удваивает согласные; и, так как в греческом не было буквы для передачи Ы, мы видим *аланиф* – вместо *алланыф* «направиться»; вместо ГЪ ему приходится писать К – *уртлака* вместо *уртлагъа* (*зуртлагъа*).

3. Указательное местоимение *ол* «он; тот, те» перед другим словом, начинающимся с согласного, в устной речи часто употребляется без согласного: *о тийреде*, *о дунияда* «в той местности», «на том свете». Это мы и видим в надписи – *о (з)уртлака* «в те места».

4. Иранисты долго козыряли тем, что в надписи несколько раз повторяется осет. слово *фырт* «сын». Но если говорить о повторах, то мы видим не *фырт*, а *таифоурт* (дважды); и никто из них не потрудился объяснить, почему резчик не написал это слово как *фурт*, или *фирт*, или *форт*, но именно вырезал *фоурт*. На самом деле, *Ф* – это окончание деепричастий в черекском диалекте (вместо *н*, *б*).

Датировать надпись, разумеется, мы не можем – никакой опоры нет. Заметим одну деталь: никаких легенд о заселении Карачая, Баксанского, Чегемского, Холамского, Безенгийского ущелий никем не записано, но в XIX в. зафиксированы предания о заселении ущелья Черека. Речь в надписи идет об уходе с Зеленчука на восток предков нынешних обитателей Черекского ущелья (*малкъарцев*), носителей цокающе-зокающего диалекта. В надписи указана и причина переселения – разлив *Коб-Суу* («Большой реки», Кубани), что, вероятно, привело к большим бедствиям; указано и имя вождя, под предводительством которого совершился уход.

Возможно об этом и говорится в эпонимической легенде (опубликованной в 1911 г.):

«Однажды, это было очень давно, пробрался из плоскости в это ущелье один охотник по имени Малкар, человек неизвестного происхождения, и застал там на одной поляне поселок из нескольких дворов, жители которого называли себя «таулу» (в переводе – горец)... Малкару очень понравилась эта местность, и он решил навсегда остаться там, переселив туда и свой род. Старожилам это не особенно понравилось, поэтому Малкаровы поселились на другой поляне, и оба рода жили спокойно, размножаясь» (Азаматов, Хутуев, с. 92).

Разумеется, приход рода-племени на новые места представлен в легенде как приход одного человека по имени Малкар (этноним черекских балкарцев). Это болгаро-аланское племя, уйдя с Зеленчука, вероятно, пришло в Черекское ущелье не сразу, какое-то время проживая в предгорьях – в районе Кисловодска, в среднем течении Малки, в нижнем течении Черка. Интересно, что пришельцы застают в высокогорной Малкарской котловине племя, говорившее, очевидно, на тюркском языке, поскольку аборигены называли себя *таулу* «горцы».

Но если предки черекских балкарцев вначале жили в Западном Карачае, там могли остаться какие-то свидетельства их пребывания в этом районе. И они имеются. Как раз в этих местах отмечено несколько современных названий, которые не могут принадлежать карачаевцам, носителям другого диалекта (жокающе-чокающего). Это, например, и само название реки Зеленчук, от черекского *зыланчыкъ* «змейка» (по-карач. было бы *джыланчыкъ*), *Тамгъацик* «маленькое тавро» (по-карач. *тамгъачыкъ*), река *Закъзан* (по-карач. *Жакъжан*) и др. Название Кубани *Хоб-су* в надписи также ближе к малкарской форме – *коб-суу* (по-карач. – *кёб-суу*); как и дата – *от сл – от зыл* (по-карач. – *от джыл*).

ЭТИ НЕУГОМОННЫЕ АЛАНЫ

В 1949 году В. И. Абаев в ОЯФ пишет об аланах: «Вряд ли можно указать в истории другой народ (выделено нами. – М. Дж.), который в течение такого продолжительного времени был бы непрерывно одержим страстью к передвижениям и дальним походам. Не говоря о доисторическом их переселении в пределы Южной России и Северного Кавказа, уже на глазах истории аланы, помимо основной своей области на Дону и в Западном Кавказе, побывали крупными массами в следующих местах: в Армении и Мидии, вплоть до Каппадокии (походы I и II вв. н. э.), в Крыму (с III до XIV в.), на реке Прут и в области нижнего Дуная (с IV до XII вв. н. э.), в Паннонии (под именем языгов, в I в. н. э., под именем алан в IV-V в. н. э.), в Галлии, нынешней Франции, по среднему течению Луары (в совместном с вандалами походе в V в.), с вылазками в Италию (V в.), в Северной Африке (V в.), в Венгрии (последний раз в XIII в.), в Китае (в XIII-XIV вв.). Веские данные имеются и об участии алан в образовании туркменской народности. Были, возможно, и такие передвижения алан, о которых до нас не дошло никаких сведений» (Абаев, ОЯФ, с. 81).

(Примечание В. И. Абаева: «Развалины Алан-кала на юго-восточной окраине Усть-Урта и самоназвание «алан» у одного из туркменских племен» (ВДИ, 1941, № 1). Многие тюркские племена именовались и именуются асами (или так их называют соседи), имели или имеют в своем языке элемент *сак*: например, *кипчак*, *кыпшак*, *кипсак*, якуты именуют себя *саха*, ср. также этноним *казах*, есть на Алтае сагайцы, есть казанские татары и чуваша, которых их соседи-марийцы именуют *су-ас* («приречные асы»), но никто еще не обнаружил иранцев с именованиями *ас*, или *сак*, или *алан*. Вот и среди туркмен есть родоплеменная группа «алан», есть и развалины *Алан-къала* («аланская крепость, башня»), но при чем здесь иранцы?

По В. И. Абаеву, языковые факты говорят о контактах даже не алан, а именно осетин, с

венграми, славянами, булгарами, хазарами, с другими севернотюркскими племенами, с монголами. «По всем историческим данным ареной таких межплеменных встреч могли быть только те же смежные области юга России и Северного Кавказа. Это – тот единственный район, где могли перекреститься и действительно перекрещивались исторические пути всех перечисленных народов. Стало быть (? – М. Дж.), в период с V по XIV в. осетинское население продолжало существовать на этой территории» (Абаев, ОЯФ, с. 41). Так ли это?

Да, конечно, и скифы, и аланы – народы, в свое время очень активные на исторической арене. Но осетины к их передвижениям не имеют никакого отношения, иначе в их языке мы обнаружили бы другую картину прошлого, чем та, которая выясняется из работ самих же иранистов. Например, регион, который скифам, сарматам, аланам был известен очень хорошо, омывается пятью морями, но ни для одного из них в осет. яз. нет оригинального названия. Разумеется, оказавшись в ущельях Кавказа, народ мог забыть, скажем, название далекого Аральского моря; это не означает, однако, что он должен был забыть все.

В. И. Абаев, в отличие от многих его последователей, прекрасно понимал, что иранская лексика осет. яз. нисколько не отражает историю скифов и алан. Поэтому он делает оговорку: «...та часть алан, непосредственными потомками которых являются современные осетины, очень рано обосновалась в горах центрального и западного Кавказа и лишь частично (откуда это известно? – М. Дж.) принимала участие в дальнейших передвижениях и походах своих братьев, оставшихся на равнине» (Абаев, ОЯФ, с. 82).

Никаких доказательств ни раннего обоснования иранских предков осетин в горах, ни их «частичного участия» в передвижениях и походах своих братьев Абаев не привел, так что это была простая уловка. Если кто-то спросит, почему в осет. яз. нет следов контактов со славянами, фракийцами, венграми и прочими насельниками Европы, можно будет ответить: «Предки осетин давно осели на Кавказе, а с перечисленными народами контактировали другие аланы, растворившиеся в иноязычной среде». Можно было бы и согласиться с этим, но... Если верить академической науке, тюрки ассимилировали западных алан очень поздно, в XIV в., а до тех пор Алания, союзница Византии, была одним из крупнейших государственных образований в этом регионе, следовательно, «ираноязычные» аланы (а до них еще и скифы, и киммерийцы) должны были оказать на языки и культуру народов Кавказа, да и всего юга России, огромное влияние. Но следов этого влияния почему-то не обнаруживается.

ОСЕТИНЫ И ФИННО-УГРЫ

Если иранские предки осетин (скифо-аланы) пришли в Восточную Европу из Средней Азии через Урал и Волгу, как утверждал В. И. Абаев, то никак не могли бы не иметь контактов с предками нынешних финно-угорских народов. Поэтому он вознамерился обнаружить финно-угор. элементы в осет. языке, и осет. элементы в финно-угорских. Урожай на этой ниве оказался скудным:

Ос. *аерху* – удм. *иргон*, коми *ургон*, вогул. *аргинн* «медь». Но сравните тюрк. (кар.-балк.) *эритиу*, *эриген*, *эрик* «плавка, расплавленный, плавящийся».

Ос. *аевзист* – удм. *азвес*, коми-зырян. *езис*, венг. *езист* «серебро»; Ср. *жез*, *зез*, *йез*, в некоторых тюрк. яз. «медь», в других «латунь» (например, в кар.-балк.).

Ос. *заерин* – коми *зарни* «золото».

Финно-угор. *сад*, *сат* «сто» – по мнению В. И. Абаева, несомненное заимствование из какого-то арийского языка, возможно, из того, который был предком осетинского. Но это просто гадание.

Древнеарийск. *ватса*, дигор. *уаесс* – финск. *васа*, мордов. *ваза*, вогульск. *вози*, венг.

усцо «теленок» (ОЯФ, с. 33). Но откуда известно, что угрофинны заимствовали это слово у «ираноязычных предков дигорцев» (или наоборот), а не у «древних арийцев» или у хорезмийцев? Ср. также кар.-балк. *бузоу* «теленок» (от более древнего *бузон*).

Можно ли было считать сии 4 «схождения» (причем, как пишет автор, происхождение слова, означающего «серебро», неясно) доказательством долгих и постоянных контактов предков осетин с финно-уграми? Никак нет. Во-первых, схождения слишком мало. Во-вторых, неизвестно, с какими иранцами соседнили эти финно-угры, поскольку их предки в Заволжье и Приуралье некогда могли вступать в контакт с иранцами Средней Азии (хорезмийцами и согдийцами). Кроме того, эти слова могли попасть к финно-уграм не в результате прямых контактов, а через язык посредствующих племен. В-третьих, мы должны думать о взаимовлиянии. Допустим, все четыре термина заимствованы финно-уграми у предков осетин. Но почему же в осетинском нет никаких марийских, удмуртских или мордовских слов?

Обратимся к следующему козырю В. И. Абаева – осет. элементом в венгерском. Занимался венгерско-осетинскими лексическими параллелями Б. Мункачи. «В этих исследованиях Б. Мункачи установил в высшей степени интересный и для лингвиста, а еще больше для историка факт: в венгерском языке есть значительное число (ок. 30) осетинских слов». Как же они попали в венгерский? «Сами венгры тоже жили когда-то в области Урала. Их переселение в Европу произошло в исторические времена, в VI-VIII вв. н. э. По пути в Европу они осели на продолжительное время в южно-русских степях. Здесь они и могли войти в соседство с осетинами (аланами) и воспринять от них некоторые слова» (Абаев, ОЯФ, с. 33). Обратим внимание на то, что В. И. Абаев и здесь говорит не просто о каких-то других аланах, которые могли не иметь отношения к осетинам, но именно ставит знак равенства между ними. О том, какие венгерские слова вошли в осетинский, ирановед не сказал.

В. И. Абаев сопоставил венг. *АЛАДАР* (начальник сотни), также собств. имя, и осет. *АЕЛДАР* (якобы из *армдар* «руководитель, владетель, князь»). Термин в значениях «господин; слава» есть и в монгольских; по его мнению, он попал в них, разумеется, из «алано-осетинского»: «Впечатление, которое производила на соседей военная организация алан, способствовала проникновению этого слова в венгерский и монгольский», - пишет В. И. Абаев в другой работе (ИЭСОЯ, т. 1., с. 126). Повторим: неизвестно, что думали древние венгры, но на монголов эта организация вряд ли произвела бы впечатление, поскольку при столкновении разбиты были не монголы, а как раз аланы. Но в тюрк. яз. *алдар* означает «передовой, пред-водитель», «тот, кто впереди» (от *ал* «перед, передний, передовой» + *дар* показатель места), что лишает мнение об иран. происхождении слова всякой опоры; к тому же оно отсутствует в других иранских. Понятие славы присутствует в монг. *алдар*, поскольку в тюрк. слове налично понятие первенства, главенства.

Венг. *езюст* «серебро» – осет. *аевзист*; происхождение слова неясно, оно есть также в удмурт. и коми. (Без комментариев).

Газдаг «богатый» – *хаездыг* (*хаезныг*). Но осет. ли это слово? Вряд ли. Скорее всего, оно от араб. (или тюрк.) *хазна* – «богатство, сокровище».

Кард «меч; нож» – *кард* (есть в авест., перс. и в ряде «финно-угорских языков, что заставляет рассматривать это слово в более широком плане, чем осетино-венгерские отношения» (Абаев, ОЯФ, с. 251).

Кесцек «порода рыбы» – *каесаг* «рыба», «происхождение слова неясно; прослеживается и в других угорских языках, остяцком и вогульском» (ОЯФ, с. 251). Тогда зачем говорить о заимствовании? К тому же в осет. яз. это слово попало из грузинского, как выяснил сам Абаев; см. ниже.

Ресцег «пьяный» – *раесыг*. Позже В. И. Абаев признал, что надежной этимологии этого слова нет – ни на почве венгерского, ни на почве иранских. Пытались связать его с восстанавливаемым венг. корнем *ре* «жар, горячий», *рев* «приходить в восторг, терять рассудок» и пр. «Есть еще одна – впрочем, маловероятная – возможность: видеть в ос. *раесыг*, венг. *ресцег* перестановку из *сяряг* и связать их с тюрк. *эсерек* (кирг.), *ясярюк* «пьяный» (ИЭСОЯ, т. 2, с. 352). Почему это маловероятно, Абаев не сказал. Добавим и карач.-балк. *эсирик* «пьяный, опьяневший».

Тёлги «дуб» – ос. *тулдз, толдзае*. Но позже сам Абаев отметил, что происхождение этой «важной алано-венгерской изоглоссы остается спорным», так как нет надежного объяснения ни с позиций финноугорских языков, ни с позиций иранских (ИЭСОЯ, т. 3, с. 316). Зато вполне возможно объяснение на почве кар.-балк. языка: от *толу, толгъу* «полный, толстый»; какое дерево можно назвать так, если не дуб? От этого же слова, вероятно, имя *Толгъур* и фамилия *Толгъур-лары*.

Юстёк «длинные волосы у мужчины, чуб» – осет. *стыг, (ае)стыг* «клок волос, локон». В обоснование осет. происхождения слова автор приводит др. инд. *стука* «клок волос или шерсти; кудря; локон; челка у животных», ведийское *пртху-стука* «пышнокудрая» и др.; памир. *стуг* «длинные волосы», но происхождения слова не объясняет, довольствуясь этим перечислением (Абаев, ИЭСОЯ, т. 4, с. 156).

Это слово должно быть связано с термином «волосы» или хотя бы «шерсть». В осет. яз. ничего похожего нет, но в кар.-балк. яз. *устукку* «пучок волос, клочок волос (или шерсти)», раскладывается на *юз* «рвать, вырывать» и *тук, тук* «волос, волосы» + уменьш. аффикс *-ку*. Да и по звучанию кар.-балк. слово гораздо ближе к венгерскому, чем осетинское.

Не вызывают доверия и другие сближения, приводимые Абаевым:

Венг. *асцони* «женщина, дама» – ос. *аехсин, аехсинае*.

Егесц «весь, целый, невредимый» – *аегас*.

Юсцо «телка» – дигор. *уаесс* «теленка».

Ювег «стекло» – *авг*.

Верём «яма» – дигор. *уаерм*.

Следующие 8 параллелей представляются вполне обоснованными. Но и тут напрашивается тот же вопрос: из осетинского ли попали эти слова в венгерский? И основания для такого сомнения имеются (см. ниже).

Хид «мост» – осет. *хид*.

Мерёг «яд» – осет. *марг*. (ср. кар.-балк. *мырыкъ* «отвратительный, гнусный»).

Ми, мю «работа» – *ми, миуа*.

Равасц «хитрец, шельма» – *рувас* «лиса».

Рег «давно» – *раг* «давний, ранний».

Верт «щит» – *уарт*.

Зёлд «зеленый» – дигор. *заелдае* «молодая трава» (кар.-балк. *зылды* «дерн»).

Сцинег, синег «шнур» – *синаг* (Абаев, ОЯФ, с. 34)

В другой статье («Аланика») Абаев дал расширенный список «осетино-венгерских» схождения, но и здесь во многих случаях основания для таких сближений отсутствуют:

Легени «юноша, слуга, воин» – ос. *лаег* «мужчина», диг. *лаегуаен* «юноша»; «слово налично в кавказских языках; связь с венгерским сомнительна» (Абаев, ОЯФ, с. 251). Тогда зачем его указывать, тем более, что иранским оно не является (см. В ИЭСОЯ)?

Ез «вкус» – ос. *ад*. Что общего увидел В. И. Абаев в этих словах, сказать трудно. Кар.-балк. *ёс* – «питательность».

Газ «небольшой лес, поваленное дерево» – *гаед, гаедае* «лес, бревно, балка»; происхождение неясно. Венг. слово ближе к кар.-балк. *агъач, агъац* «лес; неплодовое

дерево; древесина».

Буз «запах» – ос. *буд, бод* «ладан». В кар.-балк. метафизике *бус* – одна из семи частей души человека, энергетический центр (то же самое представление, что и в учении йогов о системе чакр); в речи имеет значение «душа, дух». Поэтому, в сказках и в эпосе, людоед, учув спрятавшегося героя, восклицает: *Ас бус ийис!* – «Запах асского духа!».

Физет «платить» – *фид, фед* (но в словарях такого слова нет; есть другие – *фидаен, фиддон, фидинаг* «время платы, платеж, взнос» и др.).

Более основательны следующие сближения:

Мано «демон, бес» – *мон* в *далимон, далуймон* «нижний (т. е. преисподний) дух», «бес»; следует учесть, что более древней формой осет. слова должно было быть *ман* (Абаев, ОЯФ, с. 251).

Вендег «чужой, гость» – ос. *фаендаг* «дорога», *фаендаггон* «путник» (путник – гость).

Езер «тысяча» – *аердзае* «множество» (в эпосе). Но в РОС, составленном В. И. Абаевым, последнее слово, сохранившееся только в эпосе, уже означает «тысяча», а не «множество» (в ОРС: «аердзае *арх.* – тысяча»). Причем это числительное не выделено никакими знаками или примечанием, поэтому читатель будет думать, что оно всегда присутствовало в лексике в таком значении. С чего бы это? Абаеву нужно было максимально «иранизировать» осет. яз., поскольку в нем слово «тысяча» (*мин*) – заимствование из тюркского. Кроме того, получалось, что аланы в Венгрии сумели передать свое числительное другому народу, а сами на Кавказе его забыли и взамен приобрели тюрк. *мин*.

«Остальные соответствия, приводимые Мункачи и Шёльдом, представляются более или менее сомнительными», – писал В. И. Абаев (ОЯФ, с. 252). Итого – 11 параллелей, не вызывающих сомнения, и попавшие в венгер. из какого-то иран. яз. (скорее всего – из хорезмийского). Интересно, что по интересующему нас вопросу самое точное и трезвое заключение из анализа лингвистических данных мы находим не у осетиноведов, а у зарубежного ученого, по мнению которого, осетинский язык «не сохранил следов соприкосновения с другими народами, обитавшими в Центральной и Юго-Восточной Европе». «Мы знаем список осетинских слов, сохранившихся в венгерском языке, но ни одно венгерское слово не обнаружено в осетинском языке». Неужели предки венгров (как и других финно-угров) перенимали у осетин их лексику, ничего не давая взамен? И другой вывод французского лингвиста: «Таким образом, лексика осетинского языка не испытала влияния никакой другой цивилизации, ни иранской и ни неиранской, до поселения в нынешние места предков осетин» (Бенвенист, с. 138).

Попытки выявления осет.-венгер. схождений предпринимались и позже. Например, В. И. Абаевым была написана статья «К алано-венгерским связям», из которой Магометов А. Х. цитирует следующие строки: «Некоторые тюркские слова могли войти сперва в венгерский, а оттуда в аланский, или, наоборот, сперва в аланский, а оттуда в венгерский». Не смеем возразить, поскольку в мантике не сильны. Но какой вывод делает А. Х. Магометов, предваряя рассмотрение этнографических и лингвистических параллелей, сплошь носящих гадательный характер? Очень многозначительный: «Особо мне хочется остановиться на венгеро-аланских связях. Мы не ошибемся, если скажем, что это беспрецедентный в истории пример, когда связи между двумя различными по происхождению народами не прерывались свыше двух тысячелетий» (ИЭКНСЯ, с. 29).

Как и с помощью каких чудесных методов А. Х. Магометов сумел сделать такое открытие, мы даже представить не можем. Вероятно, автор полагал, что «ираноязычные скифо-сарматы» задолго до начала нашей эры активно контактировали с предками хантов, манси, удмуртов, марийцев и др. Венгерские племена ушли в 896 году на Дунай из Северного Причерноморья. «Спустя два с лишним века значительные массы алан,

теснимые татаро-монголами, совместно с половцами (куманами), в 1239 году пришли в Венгрию и поселились в центре страны в самой плодородной ее части». «Аланы (в Венгрии они известны под именем ясов) целые века оставались здесь обособленной группой и сохраняли свою этническую самобытность. В XVI–XVII вв. они восприняли венгерский язык, хотя сохранили многие остатки своего алано-осетинского языка». Далее, перечисляя названия некоторых населенных пунктов Венгрии, А. Х. Магометов говорит: «В каждом из этих названий присутствует слово «Яс» («Осетинское»). - (ИЭКНСЯ, с. 29).

Пришли аланы вместе с куманами-половцами в чужую страну, но среди куманов, которых было во много раз больше, почему-то не растворились (а вот на Кавказе, как вещают иранисты, кучка разгромленных половцев запросто тюркизировала большую часть алан, живших у себя, в ущельях Западной Алании). На этой (чужой) территории малочисленные венгерские ясы потеряли свой язык, но ухитрились назвать своим именем (*ас*, *яс*) добрых полтора десятка населенных пунктов; их соплеменники на Кавказе, имея свое государство, «сохранили аланскую речь и культуру», но сильно оплошали в области топонимии: за две тысячи лет своего пребывания здесь ни один населенный пункт своим именем не назвали и до самого конца XX в. не знали даже, как на их языке называются две самые высокие вершины Кавказа - Эльбрус и Казбек (см. ниже); хуже того, стали именовать асами тюркоязычных балкарцев. Очень занимательно.

В своем стремлении доказать влияние «ясов-осетин» на венгров иранисты подчас использовали очень странные аргументы. Например, А. Х. Магометов говорит о «ряде фактов», указывающих на «алано-осетинские займы в семейном быту и общественной жизни венгров». Один из примеров: «Достаточно сказать, что старшая женщина в семье у венгров пользовалась, да и сейчас пользуется особым уважением и властью, как и у осетин «афсин» («хозяйка») и, очевидно, не случайно названа аланским (? – М. Дж.) именем «асрони» (аесцон). Этот термин венгры употребляют в значении: «знатная женщина», «уважаемая» женщина», «хозяйка», «хозяйка дома», «сударыня», и «мадам» (ИЭКНСЯ, с. 31).

Вероятно, следует понимать так: если бы не благотворное влияние ясов, не видать бы венгерским хозяйкам почета, пришлось бы им жить в полном угнетении и пренебрежении. Но хотелось бы узнать, у каких народов старшие женщины не пользовались уважением, и кто держал их в черном теле, по причине отсутствия контактов с аланами? Непонятно и то, почему А. Х. Магометов посчитал слово *асрони* осетинским (никаких объяснений он не дает). Скорее всего, венгер. *асрони* от тюрк. *асыран* «хранямая, оберегаемая» или *асырагъан* «хранительница» - очага, например). Говоря о «североиранско»-угрофинских связях, иранисты, разумеется, полагают, что в древности и средневековье на юге и юго-востоке России обитали только «предки осетин», ни о каких других иранцах на этой территории не ведая или не помышляя. Почему влиять на угро-финнов не могли хорезмийцы, согдийцы и ираноязычные евреи, осетиноведы не говорят (подозреваю, что и нам они не поверят).

О СТАТЬЕ Ю. НЕМЕТА

Конечно, рассмотреть в одной книге все, что написано иранистами за два столетия, невозможно; но история венгерских ясов играет в их построениях настолько важную роль, что следует сказать о ней подробнее. Обратимся к работе Ю. Немета «Список слов на языке ясов, венгерских алан» (1958 год; издана в 1960 г. в Орджоникидзе, в переводе В. И. Абаева, с его уточнениями и комментариями). Список был обнаружен на оборотной стороне судебного документа (из архива фамилии Батиани) и датируется 1422 годом. Ю. Немец распознал в списке иран. слова, снабженные переводом на латин. и венгер. языки,

и, вместе со своими сотрудниками, дешифровал его, сопоставляя с дигорскими терминами. По его мнению, эти иранизмы можно определить, как яские (аланские). Приведем список в том виде, в каком он представлен у В. И. Абаева:

Ясс. *ацца* «дикая утка» - осет. *ацц, ацца*
бан «день» - *бон*
баса «похлебка» - *бас, баса*
цар(и)ф «масло» - *царв*
дан «вода» - *дон*
да «твой» - *да*
доц(е)га «дойная (корова)» - *доцга, доцга*
фит «мясо» - *фыд, фид*
фус «овца» - *фыс, фус*
гал «бык» - *гал*
гист «сыр» - ср. диг. *анхизт*
хеца(в) «хозяин» - *хицау, хецау*
хувар «просо» - *хор, хуар* (хлеб в зерне)
хувас «сено» - *хос, хуаса*
йайка «яйцо» - *айк, айка*
карбас «ячмень» - ирон. *карвадз*
каса «каша» - *кас, каса*
курайна «мельница» - *куырой, куройна*
манавона «пшеница» - *манау, манауа*
на «наш» - *нае*
одок «ложка» - *уидыг, уедуг*
оса (?) «женщина» - *ус, осас*
сака «коза» - ср. ирон. *саегуыт* (косуля)
сана «вино» - *саен, саенае*
уасс «теленки» - диг. *уасс*

Итого, 25 слов, имеющих вполне удовлетворительное объяснение на почве дигорского диалекта. Можно ли считать данный факт неопровержимым свидетельством того, что ясы в Венгрии являлись осколком аланского народа, говорившего на одном из иран. языков? Нет, нельзя; эти иранизмы принадлежат другому языку и другому народу. Даже в этом маленьком списке есть несколько фонетических несоответствий и неясных терминов: *ад еф, гуса, буха, капкен* (предположительно «рыба» или «икра»), В. И. Абаевым сопоставляемое с осет. *каеф* «рыба» (неизвестного происхождения). Не имеют соответствий в осет. яз. *забар* «овес», *хвнге* «свинья». Немаловажно и то, что средневековый писец нигде не отметил, что это именно ясский словарь; Немет посчитал его таковым только на том основании, что селение Чев, «упоминаемое в документе (о тяжбе семьи Батиани. – М. Дж.), граничило с Ясфалу («ясское селение»).

Кроме того, Ю. Немет обнаружил в списке и тюркизмы: *цуган* «чугунная (кастрюля)» – диг. *цигон, къаз* «гусь» - *хъаз, табакъ* «тарелка» - *таебаегъ*. К их числу следует добавить и другие: *орас* «буба» - диг. *уаерас, баех* «лошадь» - *баех, кевер* «хлеб» - *къабар* «ломать, хлеб»; последнее слово не от кабард. *гъавэхэр* «зерно», как правильно заметил В. И. Абаев, и не осет., а производное от кар.-балк. *къаб* «кусать; откусывать; закусывать, есть» («*Къабар затынг жокъмуду?*» - «Нет ли у тебя чего перекусить?»).

В. И. Абаев пишет: «Крайне любопытно яское *каса* «каша». Оно никак не может быть оригинальным аланским словом. Перед нами несомненное заимствование из русск. *каша*. А это говорит о том, что русские элементы стали проникать в осетинский не только в новое время, как часто думают, но с давних пор». Почему присутствие в «ясском»

словнике славянского «каша» нужно рассматривать как свидетельство давнего проникновения русских слов в осетинский язык, понять невозможно. Кроме того, этимология этого термина, присутствующего во многих славянских, на их почве весьма затруднительна; Макс Фасмер возводит его к *касъя*, родственного литов. *кості*, *кошию* «цежу», латыш. *каст* – то же. Но вряд ли каша является таким блюдом, которое надо цедить. Это одно из простейших кушаний, название которого, вероятно, восходит к тюрк. *хаиш*, *аиш* «еда, пища, кушанье».

В. И. Абаев опрометчиво не преминул отметить и другое: «В ясском, как и в осетинском, для быка и лошади имеем слова, усвоенные на Кавказе: *гал*, *баех*. Это обстоятельство очень важно. Оно говорит о том, что венгерские ясы XV века являются отпрысками не южнорусских или крымских алан, а алан с е в е р о - к а в к а з с к и х, в язык которых уже вошли элементы из кавказского субстрата».

Но, во-первых, *бах* – тюркское, а не «субстратное» слово; показательно, что В. И. Абаев, кроме указания на чечен. *бехи*, ингуш. *бакх* «жеребенок», никаких доказательств вайнахского происхождения этого термина не привел; нигде не говорит он и о том, что «субстрат» говорил на языке, близком к чечен. или ингуш. яз.; во-вторых, слово *гал*, *кал* (в значениях «бык, буйвол, корова») присутствует, как выяснил Абаев, в перс., азербайджан., дагестан. и картвел. яз. (ИЭСОЯ, т. 1, с. 506). Ср. также кар.-балк. *галгундур* «зубр-одинец». Чьим словом является *гал*, неясно, а потому и нет оснований думать, что в «ясский» оно проникло непременно из осет., а в него – из «кавказского субстрата». Возможно, это перс. слово, а «ясский» словарь отражает лексику другого иран. яз., близкого к осет. – хорезмийского, или языка ираноязычных евреев (*ясоникус*, «ясские (евреи)»), как их именовали венгры. Кроме того, если принять предположение В. И. Абаева, придется думать, что некие асы-алань (уже успевшие заимствовать на Кавказе *баех* «лошадь» и *галл* «бык»), вместо того, чтобы скрыться от монголов в родных горах, почему-то присоединились к «куманам-кипчакам» (которые покинули алан в решающий момент битвы) и вместе с ними подались в Венгрию (а их ущелья заселили кипчаки!).

Кстати говоря, «кочевники-тюрки» ухитрились насолить иранистам и в Венгрии. Некоторые «ясские» слова переведены писцом не латинскими терминами, а венгерскими, или тюрк. заимствованиями в венгерском. Так, встречается всем известное *боза*; это, как пишет Немет, «тюркское и венгерское название известного напитка, к которому куманы и, вероятно, их друзья ясы чувствовали большое пристрастие». Почему же название браги не-иранское?

Куманы, поселившиеся в Венгрии, считаются кочевниками-скотоводами; венгры к тому времени давно стали земледельцами; в отличие от упрямых куманов, ясы тоже быстро осели на земле. В седьмой строке словника встречается, однако, название сельскохозяйственной культуры, название которой в венгерском почему-то не свое, не герман., не славян. и даже, на худой конец, не иран.; Немет пишет (в примечании): «...венг. *арпа* «ячмень», заимствование из тюркского». И слово «яблоко», например, в венгер. тоже сугубо кочевническо-тюркское – *алма*. Но правильным ученым о таких нехороших примерах лучше не думать.

Отметим «странный» этнопсихологический факт. Где бы ни находились «ираноязычные алано-асы», единственные из «североиранцев», каким-то образом избежавшие тотальной тюркизации, они почему-то испытывали тяготение к тюркам и их языку, особенно к болгарам. Вот что, например, пишут два известных специалиста, говоря о том, что «вместе с аланами в низовьях Дона и Кубани были разгромлены хазарами древнеболгарские племена»: «Вместе с аланами болгары отошли частью на север, в пределы нынешней левобережной Украины, частью на юг, в предгорья Северного Кавказа. Трудно объяснить случайным совпадением тот факт, что в районе Салтово-

Зливки, и в Карачаево-Черкесии, и в некоторых других районах Северного Кавказа аланским памятникам в полном смысле слова сопутствуют памятники болгарские. При этом многие из них одновременны. Облик же материальной культуры обоих народов являет столько общих черт, что порой лишь характер погребальных сооружений, и в особенности палеоантропологический анализ костных остатков, позволяет определить принадлежность памятника аланам или болгарам».

И, далее, о населении верховьев Северского Донца: «Как известно, и в аланских, и в болгарских погребениях этого района представлена единая материальная культура». Чем же тогда они отличались? «Различны формы погребальных сооружений, а соответственно и антропологические типы погребенных в катакомбах и грунтовых могилах» (Федоров, Федоров, с. 58; с. 61). Интересно, каково количество черепов, на основании замеров которых были сделаны столь уверенные выводы о различии антропологических типов?

Следует упомянуть и еще об одном «аргументе», который приводят иранисты, пытаясь связать «ираноязычных» аланов Кавказа с ясами Венгрии. По сведениям персидского автора XI в. Гардизи, река Куба (Кубань) отделяла мадьяр от христианского народа «тулас»; его же упоминает ал-Бекри, как населяющего горы и занимающегося скотоводством и земледелием. По И. Маркварту и А. В. Гадло, этноним состоит из *тул-ас*, т. е. представляет собой название одного из аланских племен; элемент *дул* – имя аланского князя Дула (Дуло), о котором упоминает Джейхани. Иными словами, это «персонификация племени алан Дула, вблизи которого жили мадьяры». Отметим, что с таким объяснением соглашается и В. А. Кузнецов, из книги которого мы и приведем эти сведения (некогда он же считал, что *тулас* восточных авторов – это кар.-балк. самоназвание *таулу ас*).

По мнению В. А. Кузнецова, версия Маркварта-Гадло подтверждается и венгерским преданием, в котором упоминается повелитель алан *Дула*. Автор второй половины XIII в. Шимон Кезаи приводит ту же легенду. «Согласно последней, прародители – этнархи венгров Гунор и Могор охотились на оленя близ болот Меотиды (Азовское море), встретили здесь болгар и похитили их женщин и детей. Среди захваченных находились и две дочери аланского князя Дула. Аланки стали женами Гунора и Могора и от этих браков пошел венгерский народ» (Кузнецов, 1993, с. 101-102). Следовательно, по светлой мысли иранистов, своих предков венгры представили в виде трех персонификаций – Гунора, Могора и Дула (который представляет алан-асов). Что делали аланские княжны в охотничьих угодьях Гунора и Могора и почему находились в компании болгар, авторы не говорят. Кроме того, «легенда об охоте на оленя близ Меотиды восходит к тюркскому фольклору, она применительно к гуннам в VI в. зафиксирована Иорданом» (Кузнецов, 1993, с. 103).

Но тут возникает препятствие, которое иранисты, как всегда, обходят весьма непринужденно. «Известно, что основанная ханом Кубратом династия Дуло существовала и у болгар», – пишет В. А. Кузнецов. Но как же так, когда именно у болгар она и существовала! Решение предложил находчивый А. В. Гадло, «разделяющий предположение И. Маркварта о персонификации имени (? – М. Дж.) князя Дула в этнониме *дул-ас*» – с помощью других предположений: «род Дуло не обязательно мог быть представителем тюркского подразделения Дулу, он мог иметь корни в местной западно-кавказской среде, и, в частности, мог быть связан с одним из подразделений соседних оногурам-булгарам алан».

В подтверждение А. В. Гадло приводит «имя наиболее известного из сыновей Кубрата Аспаруха, которое имеет древнее ирано-кавказское происхождение», якобы означая в переводе «конь светлый». И. Эрдели отметил имя Дуло в сарматских надписях; фамилия *Дулата* «Дулаевы» существует у осетин, о чем В. И. Абаев не преминул сказать, что

«совпадение имени легендарного аланского князя с реальным осетинским фамильным именем весьма примечательно» (Кузнецов, 1993, с. 102-103). Одним словом, и здесь наблюдается нерушимая дружба алан с болгарами и гуннами, никак иранистами не объясняемая. Но, вопреки их устремлениям, приведенные сведения говорят о том, что аланы, гунны и болгары были одним тюркским народом, населявшим территорию от Приазовья до Кавказского хребта, и ни о чем более. Легенду можно понять в том смысле, что в этногенезе венгров приняли участие гунны (Гуннор) и алано-болгары (князь Дула).

Аммиан Марцеллин, перечислив десяток племен, отмечал, что «аланы во всем похожи на гуннов». Аланы находились в авангарде наступления гуннов на Европу и воевали с их противниками-готами более рьяно, чем сами гунны. Салтово-маяцкая археологическая культура создана, как считают ученые, болгарами и аланами (в одной книге довелось прочитать занятное объяснение специалиста: эти два разноязычных народа спланировала совместная борьба против хазарского ига; очень сильный культуротворческий стимул). На Центральном Кавказе какие-то тюрки (то ли болгары, то ли кипчаки) ассимилировали большую часть алан. В Крыму ясы-асы жили попеременно с тюрками.

И то же самое мы наблюдаем на Балканах. Юри Немет пишет: «Ясы в Венгрии вплоть до XIX в. образуют одну административную единицу с куманами (кипчаками, половцами); оба народа носят обычно общее наименование *яс-кунок*, т. е. «ясы-куманы». «Это можно объяснить, - продолжает Немет, - как результат старого тесного сообщества между двумя народами. Куманы пришли в Венгрию в 1239 г., убегая от нашествия монголов. Можно поэтому думать, что аланы появились в Венгрии преимущественно в составе куманского племенного союза. В пользу этого говорит и совместная жизнь куманов и алан в Южной России, на Кавказе и в Молдавии». (Следовательно, с болгарами аланы дружили против хазар, а с куманами – против «монголов»).

Ю. Немет приводит и другой факт. «В 1365 году король Людвиг I передает правителю Венгрии Николаю Конту взятых в плен алан с их семьями и имуществом, с разрешением поселить их в Венгрии. Мы можем, стало быть, предполагать, что отдельные группы алан могли попадать в Венгрию независимо от куманов». Конечно, могли; но где они поселялись? Немет говорит: «... везде, где имеются куманские поселения, мы можем встретить также яские поселения». Одним словом, совместное проживание и дружба народов длиною лет в 700. И невдомек специалистам, что ясы и куны – это две части одного народа, вроде гунневаров (гуннов и авар), а если кто-то и думал так, то помалкивал – ненаучно, да и вышестоящие коллеги за такое вольнодумство по головке не погладят.

По мнению Ю. Немета, правильную этимологию этнонима *ас* предложил петербургский профессор В. И. Ламанский, установив, «что ясы, которых мы находим в Венгрии в сообществе с куманами, тождественны с ясами-аланами, которых мы встречаем и в других местах в содружестве с куманами, и что венгерское название *йас* не может быть ничем другим, как хорошо известным русским (геср., славянским) названием алан: ясы. Последнее в свою очередь следует выводить из старого названия алан: *ас*».

Хорошо, пусть так; но откуда оно, это «старое» название? Немет продолжает: «Положения Ламанского представляются совершенно убедительными. Я. Мелих в 1912 г. в журнале *Magyar Nyelv* методически обосновал происхождение названия *jasz* из «арабско-тюркского» *as*. Начальный *J* возник, по его мнению, в славянском, и название проникло в венгерский через южнославянское посредство». И далее следует заключение: «Стало быть, вопрос о происхождении этнического названия *яс* и об этнической принадлежности ясов можно считать разъясненным». (В. И. Абаев в своем обширном комментарии к работе Ю. Немета о такой антииранской этимологии этнонима не сказал ни слова).

Читая эти комментарии, ничего кроме чувства недоумения, не испытываешь. На Кавказе «алано-осетины» «перенесли» свой этноним «ас» (не имеющий объяснения на почве иран. яз.) на балкарцев. Соседние народы осетин аланами или асами почему-то не называют, они перенесли эти названия на карачаево-балкарцев, тюрков. Но и на Балканах, если верить иранистам, было то же самое! *Асы* - второе название «ираноязычных алан», по происхождению почему-то «тюркско-арабское» (откуда взялись эти арабы и почему приняли участие в создании этнонима, неизвестно); затем название подхватили какие-то южные славяне, йотировали его и передали венграм; его тут же переняли русские, которые должны были знать алан гораздо раньше. Почему сами асы не могли именовать себя таким именем или почему венгры и русские не могли услышать этноним из уст самих алан, вряд ли известно и самому заядлому иранисту; и никто не вспомнил, что тюрк. *ас* означает «род, племя». Но пусть так; мы приведем и другие неправильные факты.

«В Венгрии известны семь местностей под названием *Еслар*, *Ослар* (из *Аслар* «асы»)). Предполагают, что в этих названиях скрывается имя ясов: *ас* – это тюркское название алан, а *лар* – тюркский показатель множественности; очевидно (? – М. Дж.), так называли ясов куманы», - пишет Ю. Немет. Почему же селения, в которых живут «ираноязычные» ясы, называются по-кумански? Наверное, подумает читатель, потому, что куманов было больше и они навязали бедным ясам-аланам свои топонимы. Но Ю. Немет тут же опровергает такой взгляд: «Однако следует отметить, что название *Еслар* в комитате *Сомоги* (на юг от озера Платтен) засвидетельствовано уже в 1229 году, т. е. до вторжения куманов (в 1239 году. – М. Дж.), и притом в форме *Азалар*». С точки зрения строгой академической науки такое преждевременное и предосудительное появление тюрк. названия у ясского селения в Венгрии следовало бы считать «этнической диверсией».

Кстати говоря, название религиозного и административного центра ясов - города Ясберень (известном с 1357 г. под названием Берень) также не избежало тюркской пагубы. «Д. А. Расовский под 1305 г. отмечает terra Berenz в Толнском комитате, где в названии Berenz видит этноним тюркского племени берендеев, перекочевавших в Венгрию из Руси. В таком случае можно было бы предполагать, что до появления ясов на месте Ясберени располагалось селище кочевников-берендеев». «В любом случае, название Ясберень, по-видимому, восходит в своей ранней основе к этнониму тюрк-берендеев, современное имя Ясберень город получил в 1533 г.» (Кузнецов, 1993, с. 137).

Хорошо, пусть так; но куда подевались преждевременные «кочевники-берендеи» - убежали? И если ясы появились в этих местах уже в середине XIII в., то почему дело с переименованием затянулось на 300 лет? Ср. это с другим высказыванием автора: «Как видно, с самого начала расселения в Венгрии ясы заняли свою нынешнюю территорию, получившую название Ясшаг»; и, далее: «Д. Немет отмечает, что «везде, где имеются куманские поселения, мы можем встретить также ясские поселения» (Кузнецов, 1993, с. 115; с. 117). Что за неразлучность такая? Или речь идет о двух племенах, говоривших на одном языке и имевших одну культуру?

Автор уже давно ничему в писаниях иранистов не удивляется; вот еще один пример. В. А. Кузнецов пишет о предводителе ясов в Венгрии по имени *Качар Огала*: «Характерно (! – М. Дж.), что вождь ясов носит явно тюркское имя. Благодаря Рашиду ад-Дину нам известно имя другого аланского вождя Качир-укуле, который около середины XIII в., т. е. одновременно (! – М. Дж.) с вождем Качар Огала в Венгрии, вместе с «эмиром» кипчаков (половцев. – В. К.) вел партизанскую борьбу против татаро-монголов в низовьях Волги и здесь погиб». Объяснение, которое великий археолог дает этому факту, не лучше и не хуже других, выдвигаемых иранистами: «В обоих случаях мы у аланских предводителей встречаем тюркские имена и подобные примеры не единичны – на фоне общего

сближения и союзничества алан и половцев заимствование тюркских имен аланами закономерно (со ссылкой на В. И. Абаева. – М. Дж.). С точки зрения филологической интересно, что два названных выше аланских предводителя носят одно имя, видимо, оно было популярно» (Кузнецов, 1993, с. 113). Это еще одно свидетельство дружбы двух народов, но хотелось бы знать, какие «алано-иранские» имена заимствовали половцы у своих союзников, в порядке обмена. И, может быть, эти «одновременные» вожди – половецкий и ясский – одно и то же лицо?

Но перейдем к выяснению территории, с которой вышли венгерские ясы. «Кем был основан крымский город Сугд – Судак? Были ли это среднеазиатские согдийцы – предприимчивые купцы, деятельность которых вдоль путей морской торговли В. В. Бартольд сравнивал с деятельностью прославленных купцов и мореходов-финикийцев, или это были сарматы, передвинувшиеся в Крым из приарало-прикаспийской области Янычай-Судэ? На этот вопрос мы не можем дать однозначный и обоснованный ответ. Ясно только то, что, как писал Ф. К. Брун, «Судак обязан своим существованием аланам, господствовавшим уже в то время над большей частью Таврического полуострова» (Кузнецов, 1984, с. 74). Пусть так, властвовали «ираноязычные аланы» над Крымом и благодаря им процветал город со среднеазиатским названием Сугд. Но что делать с такими, например, данными, которые приводит сам же В. А. Кузнецов: «В XIX в. у крымских татар существовал Асский джемаат (община), селение Ас, урочища Бюйюк-Асс и Кучук-Асс в Евпаторийском уезде, Тенеш-Асс, Терекли-Асс там же, Табулды-Асс и Асс-Джаракчи в Джанкойском уезде, по А. И. Маркевичу, «явно связанные с именем асов или алан» (Кузнецов, 1984, с. 85-86).

Коварству тюрков не было предела, где бы они не находились. На Кавказе кучка беглых кипчаков перетянула на себя этноним *ас* и заставила «алан-иранцев» полностью позабыть его (при этом иранисты без тени смущения пишут, что асами именовались именно аланы Центрального Кавказа); нет в Осетии и никаких топонимов с компонентом *ас*; зато тюркские топонимы есть не только в Северной, но и в Южной Осетии (о чем пишут сами осетиноведы). В Крыму и вовсе творились чудеса: сохранились топонимы и даже название общества, в которых использован этот этноним, но с тюрк. определениями (вероятно, для сокрытия его «североиранского» происхождения). Более того, в йокающем языке крымских татар сохранились еще и несвойственные ему кар.-балк. формы *Джанкой* и *Джаракчи*. В Венгрии почему-то случилось то же самое.

ЯСНИ, ЯСЫ И КУНЫ

Выше мы уже приводили слова А. Х. Магометова о том, что аланы пришли в Венгрию «значительной массой». Но данные, которые сообщаются в работе Ласло Сабо «Ясский этнос Венгрии и этнография ясской культуры» (ПИЭО), об этом не свидетельствуют – как раз напротив:

1. Выделение 12-14 селений в область Ясшаг принято в этнографической литературе; говоря о Ясшаге, венгерский этнограф делает поправку – «по Яскунскому округу» (т. е. «по Ясо-Куманскому»).

2. «Современные историки считают, что ясы поселились в Венгрии в 1239 г., или, вернее, после 1241 г. вместе с половцами (кунами). Непосредственных исторических доказательств для этого у нас нет».

3. Начиная с 1239 г., в грамотах сообщается только о кунах (половцах), ясы впервые упоминаются лишь в 1318 г. под именем «язоникус» (через 80 лет! – М. Дж.). Раньше исследователи считали их народами-братьями, но никто не говорил о том, что они не были равноправными. По всей вероятности, неравенством между ними объясняется тот

факт, что ясы упомянуты позже кунов (а не тем ли, что ясов было очень мало? – М. Дж.).

4. Ясы, как самостоятельный народ, впервые фигурируют в грамоте короля Карла IV. В ней говорится о 18 ясах, которые обращаются к королю от своего имени и от имени своих родственников с просьбой об освобождении их от власти сыновей Кеверге» (предводителя кунов-половцев).

Можно ли увидеть в этих сообщениях указание на «значительную массу алан», прибывших в Венгрию (как думал А. Х. Магомедов), пусть решит читатель. По нашему мнению, эти (ранние) ясы – группа ираноязычных евреев, державшихся вместе и несколько обособленно от кунов, с которыми они и пришли в Венгрию. Просьба 18 ясов об освобождении их от власти сыновей кунского хана Кеверге была, вероятно, вызвана их желанием перейти в разряд «королевских людей», под защиту государства, о чем и говорит Ласло Сабо. «В грамоте 1323 г. говорится о том, что сыновья Кеверге держали ясов в подчиненном положении». «Все грамоты, где упоминаются куны, сообщают о семи родах кунов, причем среди них нет сведений о ясах, тогда как несомненно, что последние уже обитали там и принимали участие в военных походах на стороне короля. О храбрости и мужестве ясов грамоты умалчивают, говоря только о подвигах кунов. Значит, ясы выступали под предводительством кунов». Вполне возможно. Или, вероятно, они в ту пору вообще не воевали, выполняя роль маркитантов, торговцев и ремесленников, к тому же их численность была небольшой.

Далее выясняется, что и отдельных поселений у этих ясов не было. «Названия семи кунских родов нам известны. Когда возникают кунские «секи» (административная единица) внутри округа, их тоже становится семь. Один из таких секов находился именно в центре расселения ясов – в Ясберене». **«То, что на территории Ясшага жили куны – несомненно, об этом свидетельствует топонимика»**. «Ясы, по-видимому, играли подчиненную роль, так как о них, как о какой-то значительной силе, в письменных источниках не говорится». «У короля Карла I в 1301 году единственной опорой против феодалов были куны». Ясы (асы), таким образом, – только малая часть кунов, ничем не отличавшаяся от них; среди кунов пребывала и небольшая группа крымских ираноязычных евреев (*ясони* – «яских»), прибывшая в Венгрию вместе с кунами и асами. Сходство именований двух различных групп часто приводило к путанице.

Весьма красноречивы и другие данные: «Венграм XIII в. показалось, что они приняли в свою страну один народ – кунов. Образ жизни, одежда ясов и кунов, вероятно, мало отличались между собой, но эти наблюдения были поверхностными и чисто внешними. Позже различия между ними проявлялись все больше и больше. Грамота 1323 г. подчеркивает различие между ясами и кунами, которое заключалось, прежде всего, в том, что ясы говорили на своем языке, хотя, наверное, понимали и язык кунов».

Почему же ясы потом начали фигурировать уже в роли самостоятельной силы? Очевидно, причина заключается в том, что много воинов-куманов на службе венгерского короля гибли в войнах и походах (кто и когда щадил наемников?); но ясы в военных действиях участия (на первых порах – а это целый век) не принимали, а потому их численность возрастала. Но эти «невнимательные» венгры, вопреки мнению Сабо, с определенного периода почему-то стали именовать ясов и кунов по-разному: «Весьма интересно, что ясы на территории Венгрии, начиная с 1350 г., в средневековых грамотах именуются и филистезями», т. е. «палестинцами».

Далее Сабо сообщает о работе Я. Мелиха (1912 г.): «Сами ясы таким именем, по Я. Мелиху, себя никогда не называли» (не странно ли – как и осетины на Кавказе); к сожалению, их самоназвание в статье не приводится. О том же писал в примечаниях к своей книге «Записки о Московии» (1549 г.) австрийский дипломат Сигизмунд Герберштейн: «В Венгрии обитают различные народы: половцы (*куманы*), которых они

(венгры) называют кунами, говорящие на языке, похожем на татарский; *филистени*, называемые ясами» и др. (Герберштейн, с. 251).

Сами ясы себя таким именем не называют; венгры именуют их филистелями; Герберштейн говорит о филистенах, только «называемых ясами»; но Ласло Сабо пишет: «...название ясов библейским именем филистеев можно объяснить отчасти язычеством самих ясов, отчасти антропологическим различием». Это весьма странное объяснение: разве венгры не могли назвать их по-другому, не «по-библейски»? И почему они не называли филистелями кунов, если те были еще более закоренелыми язычниками (как считают историки)? Сам же Сабо пишет далее: «Обращение кунов (и, по-видимому, ясов) в христианскую веру было не простым и длительным процессом. По мнению этнографа И. Дьерфи, куны на самом деле остались язычниками. Ясы даже в конце XV в. заключали браки по своему языческому обряду, хотя как будто бы все в это время уже были католиками». Но если и те, и другие долго оставались язычниками, то как понимать следующую фразу из работы Сабо: «Интересно, что этникон «филистей» относился только к ясам, кунов так не называли»? В самом конце работы он опять говорит, что «ясы стали христианами раньше, чем куны».

Очевидно, причина именования ясов филистелями была не в их язычестве, а в чем-то другом. В Крыму сохранилось древнее городище Чуфут-Кале (в переводе с тюркского - «Еврейская крепость»), в котором, по сведениям средневековых источников, жили асы. Здесь же были найдены надгробия, «содержащие имена Моисея Алани, сына Иосифа Алани, и Гошла Алани» (Кузнецов, 1984, с. 136), т. е. «аланских». *Ясони* (латинизированное *язоникус*) – это именование ираноязычных евреев, живших вместе с аланами в Крыму, Подонье и Приднестровье (как, скажем, иранские и бухарские евреи именовались «ирони», германские – «ашкенази», и т. д.) и занимавшихся торговлей и ремеслом. Мимоходом, но, разумеется, не в качестве аргумента, отметим, что известный венгерский писатель Ференц Мор был сыном меховщика, а дирижер Янош Ференчик – сыном медника; оба по происхождению – ясы. Это, возможно, говорит о том, что *ясони* являлись потомками хорезмийцев и евреев, которые, прибыв вместе с кунами в Венгрию, продолжали заниматься ремеслом и торговлей, в отличие от кунов, наемного войска венгерского короля и некоторых феодалов.

Венгры, разглядев различия между ираноязычными *ясони* (евреями) и кунами – как в антропологическом отношении, так и в характере, и в занятиях, стали потом именовать первых «палестинцами» (как, скажем, многие народы Европы называли цыган «египтянами», считая их выходцами с берегов Нила). Вероятно, к ним же присоединилась какая-то группа ираноязычных хорезмийцев-маздеистов, отделившись от массы своих соплеменников-мусульман (они прибыли в Венгрию гораздо раньше яских евреев; см. ниже). Кроме того, население «яских» поселений не было однородным даже в самые ранние времена. Ласло Сабо пишет: «В 1572 году на территории Ясшага существовало уже 1049 семей. Это объясняется тем, что из других областей равнины в Ясшаг пришло множество людей». По данным турецкой переписи 1550 года, пятая часть фамилий свидетельствует об их пришлом происхождении, например, кунском – куны жили в Ясшаге до 1550 года; 38 фамилий встречаются только в Ясшаге; Л. Фокете привел «еще 40 фамилий кунского происхождения, которые бытовали только в Ясшаге». Т. е. яские евреи-филистены и хорезмийцы смешивались еще и с кунами.

Иранисты уверенно говорят о том, что ни скифы, ни сарматы, ни аланы не испытали никакого влияния зороастризма. Не обнаружены его следы и в верованиях осетин (исследованных, на наш взгляд, весьма плохо, см. ниже). Объясняя название города Ардабды (Феодосия) в Крыму, В. И. Абаев пишет: «Скифский семибожный пантеон (но Геродот говорит о восьми богах и богинях, а не о семи. – М. Дж.) не имеет ничего общего

с зороастрийским; он унаследован независимо от последнего от дозороастрийских времен». «Дошедшие до нас сведения о религии скифов, массагетов, алан не включают даже намека на что-либо зороастрийское» (Абаев, 1990, с. 95; с. 93). Конечно, это так и есть, поскольку перечисленные народы были не иранцами, а тюрками.

Но это не относится к ясам, о причинах более раннего перехода которых в христианство Ласло Сабо пишет: «...они больше занимались земледелием и были более оседлыми, чем куны, ведь христианство – это религия земледельцев, людей оседлого образа жизни (но разве асы-аланы не были скотоводами? – М. Дж.). Пережитки кочевничества у кунов мешали восприятию христианства. Зороастрийское мировоззрение ясов резко отличалось от мировоззрения азиатских кочевников. Может быть, черты зороастризма также облегчали ясам переход к христианству» (ПИЭО, с. 100-113).

Это еще раз показывает, что речь идет об ираноязычных хорезмийцах (и евреях), а не об аланах-асах. Напомню о сообщении византийского хрониста XII в. Иоанна Киннама о том, что среди венгров даже и в это позднейшее время пребывала некая общность людей «одного вероисповедания с персами», что и присуще было хорезмийцам (до их обращения в течение VIII в. в мусульманство) – т. е. зороастризм (о чем писал археолог С. П. Толстов). Об именовании ясов в Венгрии говорит и В. А. Кузнецов: «В середине XIV в. этноним ясов в документах сменяется названием «филистеи» (*Philisteorum*), впервые упомянутом в латинском тексте грамоты короля Лайоша II 1357 г.». «Термин «филистеи» применительно к ясам сохраняется и в XV в., а город Яссы в нынешней Румынии, по венгерски именуемый *Jászvasar*, еще в 1711 г. носил название «*forum Philistinorum*». Причины данной этнонимической трансформации неясны, как и происхождение самого термина «филистеи».

И, далее: «Наиболее обоснованной кажется гипотеза Ф. Фодора, разделенная Л. Сабо: присвоенный венгерским ясам новый этноним «филистеи» происходит от имени библейского народа филистимлян, так как масса ясов придерживалась своих языческих верований, что и вызвало у окружающих их ортодоксальных христиан это название-прозвище. Во второй половине XVII в., при короле Леопольде (1657-1706), термин «филистеи» постепенно отходит, ясов начинают называть языгами, возможно, под влиянием их немецкого названия» (Кузнецов, 1993, с. 119-120).

Многолетнее изучение трудов ученых-иранистов привело автора этих строк к твердому убеждению, что с ними все время нужно держать ухо востро. Потому что несколькими страницами ниже В. А. Кузнецов, сообщая о находках христианских крестов-энколпионов (XIII в.) в местах расселения ясов, пишет: «Большое значение энколпионов из Недьсаллаша состоит также в том, что они подтверждают **наличие у ранних венгерских ясов восточно-православного христианства** (выделено нами. – М. Дж.). Хорошо известно, что аланы приняли христианство из рук византийских миссионеров в начале X в., следовательно, были православными. Восточнохристианской церкви принадлежали не только северокавказские, но и крымские аланы». «Вывод о православии ясов Недьсаллаша указывает на их именно восточноевропейское происхождение». Еще замечательнее другое: «В XV в. ясы приняли католичество, центром которого (равно и административно-культурным центром) становится город Ясберень». Из 30 ясских имен, упоминаемых в грамоте 1323 года, часть считается иранскими, часть тюркскими, но 10 – явно христианские (Деметрус, Паулус и т. д.) (Кузнецов, 1993, с. 129; с. 137).

И как же мы должны понимать, в свете этих данных, то, что говорилось выше в книге В. А. Кузнецова об этнониме «филистеи»? А вот как. Ранние ясы появились в Венгрии не то из Крыма, не то с Северного Кавказа, уже будучи православными христианами, и венгры называли их «ясами». Потом, спустя целое столетие (!), они почему-то разглядели в ясах-аланах язычников и нарекли их именем давным-давно исчезнувшего в Палестине

народа – филистимлян, лютых врагов и угнетателей древних евреев (неужто венгры рассматривали себя, как древних иудеев?); в XV в. ясы приняли католичество и у них появился даже религиозный центр – город Ясберень, но венгры все равно продолжали именовать их филистеями вплоть до XVIII в. Какой логике отвечают такие мнения, я решить не могу; скорее всего, никакой.

Известный этнограф Б. А. Калоев дважды побывал у венгерских ясов и кунов и написал большую статью о своем пребывании у них. «Куны, - пишет он, - являясь полукочевниками, занимались в основном скотоводством, которое и в дальнейшем оставалось их главным занятием, накладывая определенный отпечаток на весь их уклад жизни, их быт и культуру. Ясы, наоборот, и до этого были оседлыми, имели глубокие традиции во многих отраслях хозяйства, в том числе в земледелии».

Очередная странность: «ираноязычные аланы» что на Кавказе, что на Балканах так и норовили поскорее забыть о скотоводстве и заделаться земледельцами, рыболовами, торговцами. А вот турки упрямо продолжали пасти коней и овец, где бы ни оказались. Хотелось бы узнать, когда и где эти самые «ясы-аланы» (о которых иранисты пишут как об ираноязычных кочевниках-конниках), прибывшие в Венгрию с Дона и из Крыма, успели занять «глубокие традиции земледелия». Допустим, куны-кочевники были легки на подъем – взяли да и откочевали в Венгрию. Но зачем вместе с ними, побросав свои дома и пашни, потащились туда и земледельцы-ясы? «В целом же куны издавна славились в Венгрии разведением самой высококачественной породности крупного и мелкого рогатого скота и лошадей». Когда же ясы-аланы-конники, в отличие от ретроградных кунов, успели раздружиться со своими породами коней (как и их «сородичи» на Кавказе, осетины)? Далее сообщается: «Очень глубокие традиции имели у ясов рыболовство и пчеловодство», что не очень укрепляет нашу веру в то, что венгерские ясы являлись потомками скотоводов-алан.

Выше мы приводили мнение В. И. Абаева о том, что «венгерские ясы XV века являются отпрысками не южнорусских или крымских алан, а алан северокавказских, в язык которых уже вошли элементы из кавказского субстрата», и мнение В. А. Кузнецова об их пришествии в Венгрию из Крыма. Но Б. А. Калоев пишет: «В то же время в яских поселениях пока не обнаружены катакомбные могильники, присущие аланам Кавказа и Крыма. Находясь в другой этнической среде и условиях жизни, ясы, возможно, отказались от катакомб по примеру алан-осетин в горах Осетии (куда, надо полагать, ясы поехали из Венгрии за советом. – М. Дж.), восприняв погребальный обряд либо у прежних обитателей этих мест, либо у их соседей».

Это вполне возможно, потому что для иранистов возможно все. Еще задого до прибытия в Венгрию ясы-аланы почему-то перестали заниматься коневодством, заделались земледельцами, рыболовами и пчеловодами, а заодно, солидарно с сородичами-осетинами, предали забвению и обряд захоронения в катакомбах. Приняв в X в. православие, ясы пришли на Балканы вместе с язычниками-кунами, но венгры почему-то стали называть филистеями именно их, а не кунов. Потом они, находясь в христианской стране, о своем православии почему-то забыли, и пришлось их крестить повторно, уже в XV в., но уже по католическому обряду. Зато принесли на Балканы «кавказские» названия быка и лошади. Очень занимательная история.

Отмечая, что он постарался изучить кунов «на всей их огромной территории расселения» в Венгрии, Б. А. Калоев пишет: «Примечательно, что рассматриваемая территория весьма насыщена курганными захоронениями, ошибочно именуемыми «кунскими курганами». В действительности, как показали венгерские археологи, они являются в своем большинстве скифскими». Но кто, когда и по какой причине «ошибочно» наименовал эти курганы «кунскими», а не, скажем, «яскими»? Почему они

находятся именно на территории кунов? И почему у «кавказских алан-осетин» курган и холм (и тоже, вероятно, «ошибочно») именуются по-тюркски – *обау*? Почему подобные «ошибки», коим нет ни числа, ни счету, всегда в пользу мнения о тюркоязычности скифов и алан?». Ответов на такие неприличные вопросы, в статье этнографа, конечно же, не имеется, как и самих вопросов.

Не чуждается Б. А. Калоев в своей работе и психологизма: «Говоря о различии между кунами и ясами, наши хозяева утверждали, что первые отличаются твердым характером, вспыльчивостью, часто необдуманными поступками, но являются хозяевами своего слова; вторые, по их словам, лишены этих недостатков, в то же время решительны в достижении своих целей и могут не выполнить обещанное, если это расходится с их интересами». Несмотря на субъективность этих наблюдений, в них все же можно увидеть воинскую натуру предков кунов, и характер, присущий народам торговым (каковыми были еврейясоны и хорезмийцы). «Далее, - продолжает автор, - мы едем в небольшое село Кендереш (Кендер – конопля, осет. – *гаен*), в котором жили потомки алан, переселившиеся туда в IX в. вместе с венграми из Причерноморья на Дунай». По мнению Б. А. Калоева, это потомки ранних алан, прибывших в страну задолго до ясов, переселившихся в XIII в. (Известия ЮОНИИ, вып. XXXII, с. 58-70). Приводя в скобках осет. название конопли, автор дает понять, что топоним, конечно же, – «алано-осетинский». Но и венгерское название конопли, и ойконим (кендер, Кендереш) почему-то гораздо ближе к кар.-балк. *кендир*, *кендираш*, «конопля». Вероятно, это еще одна случайность – очень уж ненаучный факт.

ХОРЕЗМИЙЦЫ

Иной читатель может подумать, что мы говорим о хорезмийцах на Дунае только для того, чтобы объяснить наличие иранизмов в венг. яз. именно этим обстоятельством (иначе придется согласиться с тем, что они заимствованы от алан-асов), не имея для этого никаких оснований. Но вот свидетельство арабского правоведа и проповедника Абу Хамида ал-Гарнати из Андалусии, объездившего в первой половине XII в. Восточную и Центральную Европу; посетил он и Венгрию (*Ункурийя*), о которой пишет: «И в ней живут тысячи «магрибинцев», нет им числа. И в ней – тысячи хорезмийцев, которым тоже нет числа. А хорезмийцы служат царям и внешне исповедуют христианство, а втайне – ислам» (Ал-Гарнати, с. 39). («Магрибинцами» автор именует печенегов, живших на западе тюркского мира).

В примечаниях к книге сказано: «Хорезмийцев на службе венгерского короля во время войны с византийцами в 1150 г. упоминают также византийские источники» (Ал-Гарнати, с. 75). Арабский проповедник пишет свою книгу в XII в.; яссские (аланские) евреи пришли в Венгрию через сто лет. Так что же, венгры должны были ждать целый век, чтобы занять три десятка иранизмов (приведенных выше) не у ранних и многочисленных хорезмийцев, а именно у группки *ясоны*? Часть хорезмийских воинов (некогда несших службу в Хазарии), вероятно, погибла в боях и походах, другие, не желая переходить в католичество, могли эмигрировать в Болгарию, где, скорее всего, и ассимилировались; если это так, то в болгарском языке, вероятно, обнаружится немалое число заимствований из хорезмийского. Добавим, что болгары принимали бы этих воинов с охотой, поскольку с трудом отражали натиск византийцев. Какие-то остатки зороастрийцев, вероятно, присоединились к аланским евреям, прибывшим в Венгрию в XIII в.

Великий ученый XI в. Бируни утверждал, что хорезмийцы «являются ветвью ствола персов и отпрыском их древа». «Не опровергая мнения Бируни, В. И. Абаев вместе с тем указывает, что хорезмийский язык, однако, значительно ближе к языкам северного ареала (иначе восточноиранским) – протоосетинскому и согдийскому, нежели к персидскому

языку» (Толстова, с. 50). Интересно примечание В. А. Кузнецова: «Установлено, что язык согдийцев близок современному ягнобскому; связь же ягнобского с осетинским отмечена Залеманом К. Г. По Розенбергу Ф. А., ягнобский и осетинский языки – потомки согдийского». «Это положение принято и современной наукой» (Кузнецов, 1984, с. 89). Но если язык хорезмийцев (и согдийцев) относился к той же группе языков, что и «протоосетинский», и если уже в середине XII в. (задолго до прихода кунов и ясов) их было в Венгрии много, почему нужно думать, что иранизмы в венгерском (как, наверное, и в болгарском) – это непременно «аланизмы»?

Уже после окончания работы над книгой я приобрел небольшую монографию В. А. Кузнецова «Алано-осетинские этюды». Оказалось, что он уже давно заинтересовался хорезмийцами на Балканах; автор довольно детально рассматривает этот вопрос, опираясь на труды венгерских ученых, и на книгу Абу Хамида ал-Гарнати, чьи сведения, как он считает, «отличаются высокой степенью достоверности».

Уже в первой половине XIX в. Янош Эрней говорит, что с 970 до 1231 г. венгерские источники беспрерывно упоминают об измаильтянах или сарацинах. «Они были мухаммеданской религии и чрезвычайно склонны к торговле... Постепенно они приобрели вес и влияние, торговля и земские сборы перешли в их руки». Далее В. А. Кузнецов пишет: «Во времена Я. Эрнеи сведения ал-Гарнати еще не стали достоянием науки и Я. Эрней не мог упоминаемые им венгерские источники корректировать достоверными данными ал-Гарнати, что и привело исследователя к смешению упомянутых измаильтян с венгерскими кунами и ясами» (Кузнецов, 1993, с. 93); к сожалению, автор не сообщает, что конкретно говорил о ясах и кунах Янош Эрней.

Откуда же, по мнению В. А. Кузнецова, эти мусульмане появились в Венгрии? «В раннем средневековье хорезмийцы подвергаются нарастающему влиянию со стороны окружающих Хорезм степных (в основном тюркоязычных) племен и это влияние затрагивает и сферу языка. Хорезмийский ученый ал-Бируни в начале XI в. свидетельствует, что часть хорезмийцев после наводнения р. Джейхун переселилась на побережье Хазарского (Каспийского. – В. К.) моря и, что это «род аланов и асов, и язык их теперь смешанный из хорезмийского и печенежского», т. е. тюркского. Время этого переселения точно неизвестно; Т. М. Калинина относит его к VIII в. В результате переселенцы скорее всего оказались на территории Хазарии» (Кузнецов, 1993, с. 94). (На самом деле, ранние хорезмийцы ушли в Хазарию после разгрома восстания Хурзада арабами; см. ниже).

Напоминая о наемной хорезмийской гвардии, расквартированной в столице Хазарии (по ал-Масуди, эти мусульмане именовались *алларисийа*, *арисийа*), Кузнецов пишет: «Комментируя эти сведения ал-Масуди, В. Ф. Минорский писал о хазарских хорезмийцах, что они, «по всей вероятности, аланы, которые жили сначала за Каспием на юг от Аральского моря» и что «арсийа» звучит очень похоже на древнее аорси – по-персидски «ас», по-грузински «оус-ет-и» = осетин». В. А. Кузнецов с этим мнением соглашается, и говорит о «миграции хорезмийско-асской гвардии в Венгрию», после разгрома Хазарии (Кузнецов, 1993, с. 94).

Понять все эти чудеса, никто, кроме иранистов, не сможет. Судите сами. Великий ал-Бируни сообщает, что после наводнения некие хорезмийцы переселились на побережье моря, и что это род аланов и асов, язык которых теперь «смешанный из хорезмийского и печенежского». Пришлые хорезмийцы разговаривали, разумеется, на хорезмийском, следовательно, аланы и асы – на печенежском. Но ни В. Ф. Минорский, ни В. А. Кузнецов, ни другие иранисты такого крамольного вывода делать не желают; не говорят они и о том, что аланы – это часть хорезмийцев, и просто обходят вопрос. Не лучше и другое. Если уже тогда эти аланы-асы говорили на смешанном языке, почему потом,

нанявшись в хазарскую гвардию, они не потеряли свой язык и не перешли полностью на тюркский, и почему оставались хорезмийцами, а не превратились в асов-алан? (Что касается сопоставлений *арсийа* – *аорси* – *ас* – *осетин*, это не более, чем натяжка).

Теперь мы можем вернуться к перечню стран (перечисленных В. И. Абаевым) в которых побывали аланы; вполне понятно, почему иранисты с особенным усердием занимались алано-венгерскими связями, отыскивали заимствования в языке и пр. – близость хорезмийского к осетинскому позволяла выдавать иранизмы в венгерском за «аланизмы». Аланы жили и в Испании, где целая область носит название Каталания, но почему-то никто не отыскивал иранизмы в каталанском, или в каком-нибудь из берберских диалектов Туниса, где целый век существовало вандало-аланское государство.

(Не исключено, что иные читатели давно уже поминают старинную мудрость, гласящую, что один, мягко говоря, не очень умный человек может задать столько вопросов, что на них не сумеют ответить и сто мудрецов. Соглашаюсь с этим определением в полной уверенности, что все мои вопросы и доводы резонны).

ОСЕТИНЫ И СЛАВЯНЕ

Из предполагаемых осетино-древнерусских схождений В. И. Абаев в ОЯФ (1949 г.) назвал всего два: *Хорс* «божество солнца у древних славян» – ос. *хорз* «хороший, добрый»; *кмет* «воин, староста» – ос. *хуымаетаг* «простой» (ОЯФ, с. 34). Непонятно, по какой причине ученый сблизил два последних термина, не имеющих ничего общего в семантическом плане, и очень мало – в фонетическом. Если скифы и аланы, предполагаемые предки осетин, веками жили бок о бок со славянами, почему в осетинском отыскалось только одно схождение – имя божества *Хорс*? «А был ли мальчик-то?». Может быть, русские заимствовали этот теоним не у ираноязычных скифо-сармато-аланов (ни у тех, ни у осетин божество с таким именем не отмечено), а у хорезмийцев?

На особом языке коробейников-офеней пиво называлось *аланя*. Абаев считает, что это название дано по имени народа алан, потому что культура пива у них процветала. О слове *алутон* старики-дигорцы говорили, что в таком пиве вываривали овечьи курдюки и туши (ОЯФ, с. 346). Далее Абаев привел ряд терминов: древнерусское *оль*, *олуй*, англ. *эль*, древнегерм. *алут*, литовск. *алус*, старослав. *оль*, финское *олут*, груз. *луди*, рачинское *алуди*. «Предполагают, что в этих словах наличен индоевропейский корень *ал* в значении «горький», который мы встречаем также в названии квасцов: лат. *алумен*, нем. *алаун* и пр. Развитие значения такое же, как в «квас – квасцы». Так это или не так, – для нас в данном случае неважно» (Абаев, ОЯФ, с. 340). Неважно, потому что Абаеву хотелось представить это слово в качестве свидетельства контактов алан-осетин не только с древними русичами, но и с германцами-готами: «...усвоив название пива *алут* у германских (или финских) племен, аланы в свою очередь передали его своим соседям на Кавказе, грузинам» (Абаев, ОЯФ, с. 340).

Но почему только им? Или остальные соседи перенять отказались? Казалось бы, это слово в первую очередь должно было попасть в кар-балк. язык, если карачаево-балкарцы сформировались на алано-осетинском субстрате. Но почему-то получилось наоборот: сами осетины стали называть пиво *бегени* (тюркизм) – якобы по той причине, что *алутон* стал только ритуальным напитком, его название попало под запрет (отсылка к табуированию – один из спасительных для иранистов приемов). Откуда известно, что *алутон* стал ритуальным напитком именно после встречи «ираноязычных» алан с тюрками, Абаев не сказал. Заметим, что в кар.-балк. слово *ал* как раз имеет значение «душа, дух» (ср. латин. *спиритус* «дух», откуда и слово *спирт*).

В ИЭСОЯ автор дает объяснение следующих слов, заимствованных явно из совр.

русск.: *армук* ярмарка, *балер* форель, *бана* баня, *боцкѣа* бочка, *горат* город, *чиныг* книга, *хамут* хомут, *хахыр*, *хахур* ябеда, сплетник, клеветник. Итог неутешителен – ни одного заимствования из древнерусск. в осет. яз. нет. Но, как уверяет В. И. Абаев, связи «древних осетин» с русскими в X–XI в. были тесными «и нашли отражение в летописях». «Мы вынуждены сейчас воздержаться от обобщающих суждений о культурном содержании этих сношений, пока не исследован относящийся сюда языковой материал» (Абаев, ОЯФ, с. 84). Как же не исследован, если русские и советские ученые на протяжении 150 лет занимались осетинскими материалами усерднее, чем какими-либо иными?

Наличие в осет. яз. старых заимствований из древнерусского или старославянского, являясь свидетельством давних контактов, служило бы аргументом в пользу «ирано-скифской» теории. Никаких успехов в этой области достигнуто не было, но попытки Абаев предпринимал постоянно. Вот еще один пример. Осет. *быран* «паром» Абаев возводит к др.-русск. *прамѣ*, и поясняет: «Судя по сохранению *a* перед носовым (без перехода в *o*), в осетинский попало не очень давно (не раньше XIII в.). Конечный *n* вместо *m* следует рассматривать как «дигоризм» (ИЭСОЯ, т. 1, с. 281). Весьма научно. Но он же приводит грузин. термин *борани* «паром», который гораздо ближе к осет. *быран*, чем др.-русск. *прамѣ*. И не нужно думать, в этом случае, о том, откуда в осет. *быран* появилось конечное *n*.

Никто из иранистов не пожелал обратить внимания и на следующую «странность». Как считает академическая наука, лошадь была одомашнена «в IV тысячелетии до н. э. на юге Восточной Европы» (Материальная культура, вып. 3, с. 160). , т. е. там, где позже располагались Скифия и Сарматия. Это написано в справочном издании, в подготовке которого принимал участие цвет этнографической науки СССР и ГДР. «В IV тысячелетии до н. э. в евразийских степях была одомашнена лошадь» (Происхождение вещей, с. 22). Население этих степей, как повествуют академики, с той эпохи и до апокалиптического пришествия гуннов было индоевропейским и индоиранским. Т. е. индоиранцы вроде бы разводили лошадей на протяжении 4 тысяч лет, употребляя в пищу конину и кумыс. И если связи «скифо-алан-иранцев» со славянами были тесными, следовало ожидать, что славяне позаимствуют у «североиранцев» хотя бы некоторые термины из той области лексики, которая у кочевников была бы наиболее развитой, т. е. коневодческой.

Но древние славяне (как, впрочем, и все соседи мифических «североиранцев») были, судя по всему, исключительно парадоксальными людьми. Они наотрез отказались перенимать «лошадиную» терминологию «ираноязычных» скифо-сармато-аланов, дожидаясь прихода тюрков: в русском языке, скажем, их терминов коневодства очень много (*кумыс*, *аркан*, названия мастей – *чалый*, *чубарый*, *саврасый*, *игрневый*, *караковый* и пр., и пр.). И, например, слово *алаша* «мерин» вошло не только в русский (*лошадь*), но и в марийский, мордовский, абхазский, кабардинский, чеченский, ингушский; в осетинский, кстати, тоже (Абаев, ИЭСОЯ, т. 1, с. 44). Вопрос все тот же: неужели эти простейшие факты никто не замечал? Не верю.

ОСЕТИНЫ И ЕВРЕИ

В. И. Абаев привел только два древнееврейских термина в осет. яз., дав им следующие объяснения: «Ос. *кусарт*, *косарт* (дигор.) «животное, зарезанное в жертву богам, для гостя, к празднику». Очевидно, это слово есть древнеевр. *кошер* «ритуально дозволенная пища». В осетинский (аланский) это слово могло попасть только из хазарского. Другого контакта с иудаизмом у осетин, насколько позволяют судить наши сведения, не было». Конечное *t*, по мнению Абаева, - закономерное наращение в осетинском (ОЯФ, с. 36).

Другое евр. слово в осет. яз. – дигор. *кадзос* «чистый, святой», в ирон. диалекте *сыгдаг*,

др. евр. *кадош* «святой, священный». (Слово *косарт*, в значении «животное, откармливаемое в жертву», есть и в диалекте соседних с осетинами малкарцев. Но происходит ли оно от евр. *кошер*, сказать трудно. Есть свое, тюрк. слово *кесер* «предназначенное на зарез», от *кес* «резать», но непонятна причина появления окончания *т* в *косарт*).

В. И. Абаев говорит и о другом источнике заимствования: «Наличие древнееврейских слов в осетинском представляет значительный исторический интерес. Никакого контакта с древнееврейским языком у осетин в новое время не могло быть. Зато в аланскую эпоху такой контакт несомненно имел место. Еврейская диаспора (ираноязычная, о чем Абаев почему-то не сказал. – М. Дж.) засвидетельствована в северном Причерноморье с глубокой древности. В Боспорском царстве евреи были заметным элементом. Уже в эту эпоху могли скифо-сарматские племена приходить с ними в соприкосновение. Несравненно должно было возрасти еврейское влияние, когда иудейство стало официальной религией в могущественной хазарской державе (VII-X вв. н. э.)».

И, далее: «Мы имеем прямое свидетельство, что в эту эпоху имело место обращение в иудейство не только хазар, но, частично, и алан. В письме хазарского еврея X в. читаем: «...Царь алан был подмогую (для хазар, так как) часть их (тоже) соблюдала иудейский закон» (речь, вероятно, шла о караимах-тюрках, чей язык поразительно близок к карачаево-балкарскому. – М. Дж.). Впрочем, вышеприведенные слова могли попасть в аланский независимо от иудейской пропаганды, от хазар» (Абаев, ОЯФ, с. 331).

Судите сами, можно ли было на основании всего двух слов делать такие выводы; причем одно из них есть только в дигор. диалекте (дигорцы – ассимилированная иранцами часть тюрков-алан; см. ниже). И если скифо-сарматы входили в соприкосновение с евреями уже в Боспорском царстве, почему следует думать, что еврейские слова переняты осетинами у хазар? Ираноязычные евреи сыграли, по всем данным, большую роль в истории Крыма, Подонья и Северного Кавказа, куда они, спасаясь от преследований, стекались из Ирана, Хорезма и Византии; и, надо думать, эта роль гораздо важнее, чем это представляется на основании известных работ, авторы которых придерживались канонической версии истории. Вполне вероятно участие какой-то группы иранских евреев и в этногенезе осетин (об этом – в другой главе).

Приведем некоторые данные из сборника «Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах» (вып. III, Цхинвали, 1987). Этнограф Г. Чурсин, описывая весенний праздник грузин, сопровождавшийся народным представлением (*кееноба*), добавляет: «Осетины празднуют такого же рода кеенобу, как и грузины, но они объясняют, что это делается в воспоминание гибели фараона с его воинами в волнах Черного (Чермного? – М. Дж.) моря» (ППКОО, вып. 3, с. 87). Подумайте сами: осетины, не имеющие, по словам В. И. Абаева, ясного представления ни о догматах христианства, ни о самом Иисусе Христе, ни о Троице, ни о деве Марии (см. ниже), почему-то отмечают праздник в честь события из истории древних евреев. Случайно ли?

Другой осетинский автор, Алм. Кануков, сообщает: «Ночь перед пасхой осетины называют *суфахаран ахсав*, т. е. ночь едения суфа (пояснение А. Канукова: «Суфа – род еврейской мацы, посыпан солью»). С вечера готовят суфа, брагу и араку, а кто имеет возможность, – также и пиво. Готовят также и *гуыл* (пирожок. – М. Дж.), начиненный сыром и варят яйца. Затем ужинают; ужин составляют суфа и напитки. А пирог (гуыл) и вареные яйца кладутся в изголовье мальчика, если таковой имеется в доме. Народ верит, что в эту ночь приедет пасха на пегой лошади, заглянет в саклю через трубу и скажет: «Вставайте, разговейтесь, ешьте, угощайтесь, остатки пищи дайте моей лошади». (ППКОО, вып. 3, с. 71).

О влиянии еврейской религии на верования осетин говорит и другой факт: «Первым

трем дням первой недели великого поста осетины придают большое значение и называют днями Тутыра или фараона. По их понятию, в эти дни Фараон, преследуя израильтян, погиб в Черном море. Дни эти обыкновенно празднуются тем, что в продолжение их, с утра и до появления вечерней звезды, ничего не едят, а потом пируют. В это же время пекутся из пшеничной муки тоненькие пресные чуреки. Кроме того, на рубашках детей вышиваются красные крестики, чтобы предохранить от дурного глаза и от других дел» (ППКОО, вып. IV, с. 27). Нетрудно узнать в этих чуреках еврейские опресноки, а в обычае вышивать красные крестики на рубашках детей отголосок того, что сообщается в Ветхом Завете – о том, что евреи, находясь в Египте, поместили однажды свои дома особыми знаками, чтобы Яхве не поразил их первенцев.

Роль семитского элемента в этногенезе осетин уже в 70-ые годы XIX века отметил Б. Ф. Пфаф, говоря о внешнем виде жителей центра Осетии и обрядах осетин: «До объяснения этой языческой религии надобно прежде всего сказать, что так как осетины первоначально принадлежали к семитическому племени, то религия Зороастра не могла иметь у них успех» («Поэма об Алгузе», с. 136). Пфаф попытался дать объяснение присутствию семитского компонента в религии осетин: «У семитов каждый род представляет собой суверенное государство и имеет свою особенную религию». «Таким образом, у языческих осетин до сих пор каждый род имеет своего бога или святого (в XIX веке! - М. Дж.), который называется на коренном осетинском языке «дзуар» (термин идет из грузинского. – М. Дж.). Это слово переводят обыкновенно «святой покровитель», что не совсем точно; точный перевод понятия «дзуар» - «родовой бог». Бог вообще значит по-осетински Хцау (Хуыцау)» («Поэма об Алгузе», с. 137). Странно, однако, что и термин *хуыцау* ни осетинским, ни вообще иранским не является (см. в ИЭСОЯ).

Затем Пфаф рассказывает о жертвоприношениях, которые совершались старшими в роду, они являлись одновременно и жрецами дзуара: «...жертвоприношения эти мне напоминали древнееврейские жертвоприношения, отчасти и римские авгурии». То же самое он говорит о дарах *дзуару*: «Последние состоят в кусочке ваты, с одной ниточкой канители и с мелкой серебряной монетой. Эта вата и ниточки тоже напоминают древнееврейские обычаи. От этого, вероятно, произошел так называемый *циц*, т. е. шнурок, который, по словам еврейского путешественника Черного, каждый еврей, в знак своей веры, носит под поясом» («Поэма об Алгузе», с. 138).

В самом конце XIX в. в Осетии побывал венгерский ученый Е. Зичи, отметивший, что «в Алагире осетины похожи на евреев» (он же пишет, что «осетины называют азами (чему соответствуют слова иас, ас) тюрок в Балкарах и карачаевцев на Малке и Кубани»). Уже в наши дни Давид Ицхак, составитель двухтомного собрания сведений периодической печати «Евреи на Кавказе», опубликовал заметку о древнееврейском заклинании, записанном в одном из осетинских селений. Кстати, в старой осетинской антропимии много еврейских имен - Лазарь, Соломон, Марк и др.).

Мы не ставили себе целью выявление осет.-евр. параллелей, сближений и пр. – это не в нашей компетенции. Отметим одну странность. На Северном Кавказе только два ираноязычных народа - осетины и горские евреи. Но нам так и не удалось найти ни одной статьи, в которой сопоставлялись бы языки этих народов, хотя бы в одном из аспектов.

ОСЕТИНЫ И ТЮРКИ

«Обильный след, - пишет В. И. Абаев в 1949 году, - оставили в осетинском языке сношения с народами тюркской группы. Количество тюркских элементов в осетинском исчисляется десятками (позже он выяснил, что этих элементов – сотни. – М. Дж.), и охватывают они самые разнообразные стороны культуры». Далее он перечислил ряд

тюрк. заимствований в осет. яз., совершенно идентичных кар.-балк. терминам. Среди них оказались топографические термины, названия животных и птиц (диких и домашних), названия разнообразных предметов материальной культуры (утвари, оружия, одежды, обуви, конской сбруи, денег, и даже числительное *мин* «тысяча» (к.-б. *минг*).

«Даже такое обиходное слово,- пишет Абаев, - как *чизг*, *кизга* «девушка» (к.-б. *къыз*) оказывается усвоенным из тюркского» (ОЯФ, с. 85). Затем он перечисляет племена, с которыми, по его мнению, осетины некогда соседнили: гунны, авары, хазары, печенег, половцы (команы, кипчаки), ногайцы; из нынешних соседей он назвал балкарцев и карачаевцев. «От какого именно тюркского народа и в какую эпоху попало в осетинский каждое отдельное тюркское слово? Разрешить этот вопрос могли бы только соединенные усилия осетинологов и туркологов. Пока такое сотрудничество не осуществилось, мы вынуждены весь материал сваливать в одну кучу» (Абаев, ОЯФ, с. 85). Если в других случаях В. И. Абаеву приходилось прибегать к выискиванию параллелей и схождений, натяжкам и искусственным этимологиям, то при выявлении тюрк. заимствований в осет. яз. все лежит на поверхности и на исследователя обрушивается лавина фактов. И большинство приведенных выше слов идентичны кар.-балк., за исключением нескольких.

Заметить эти два немаловажных обстоятельства В. И. Абаев почему-то не пожелал. Но, на всякий случай, поспешил сделать заключение: «...в тех случаях, где есть различие между севернотюркскими и южнотюркскими формами, осетинский примыкает к северным», и, в качестве примера, сопоставил осет. *цыхт* «сыр» с чуваш. *сэгъэт*» (ОЯФ, с. 35). Как исследователю удалось так четко определить, что относится к северным тюркским формам, а что к южным (речь-то идет о весьма отдаленных временах), и почему он в своем списке приводил именно южнотюркскую (турецкую) лексику, осталось загадкой. Не сказал Абаев и о том, почему «потомки вековых скотоводов» не имеют своего, иранского названия сыра (чувашское слово *сэгъэт*, скорее всего, происходит от тюрк. *сыкъ* «выжимать, отжимать»).

Но то было в 1949 году. Вот перечень тюркизмов (далеко не полный) в осетинском, выявленных В. И. Абаевым позже (см. в ИЭСОЯ); в скобках, для сравнения – кар.-балк. эквиваленты:

ФЛОРА: *какон*, *какойна* терновник (*кёкен*, *къаракёкен*), *дзагарах* не вполне распутившийся цветок (*жыгырык*, *зыгырык*; по А. – неясно), *кандыс*, *кандус* название высокогорного, слегка ядовитого растения (*кундуш* чемерица), *карз* ясень, *нинаг* малина (*наныкъ*), *къох* роща, *хъамыл* камыш, *бурьян* (*къамиш* камыш), *хъалгъан* крыжовник, *хъарман* вяз, карагач, *хъалардзы* смородина, *хъыцъы* горчица полевая (*къыцы*), *тоблакъ* девясил (*толбакъ*), *такъузга* рябина (*тукъузгю*), *туттургъан* название растения (*татуран*, *татран* хрен).

ДИКИЕ ЖИВОТНЫЕ: *бираг* волк (*бёрю*, *бёрюка*), *домбай* зубр, лев, герой (*доммай* зубр), *гарам* пятнистый (о животном), *кастау* сдирать шкуру, свежевать (*къыстау* «споро, быстро»), *маймули* обезьяна (из тюрк. или перс. через груз. поср.; кар.-балк. *маймул*), *мысы*, *мусу* какой-то кошачий хищник, *хъулон* пестрый, рябой, пегий (*къолан*), *совак* какое-то животное в фольклоре (косуля? антилопа?), *сугъахъ* антилопа, джейран, *тин* «белка» (в *тинкъарц*), меховая шуба (*тийин* белка).

ДОМАШНИЕ ЖИВОТНЫЕ: *аргонаг* породистая собака, борзая (*аргъамакъ* «иноходец»), *самургуй* порода охотничьих собак (*самыр*), *бага* помет мелких домашних животных (кар.-балк. *бокъ*, *багуш* навоз), *бог*, *богъа* бугай (*бугъа*), *егар* борзая собака (*эгер*), *къаелаеу* осленок (*гылыу*), *хъадыр* мул (*къадыр*), *хъунадзин* корова 2-3 лет (*къунажсин*, *къуназин*), *хъурманлук* жертвенное животное (*къурманлыкъ*), *талгъар* масть кр. рог. скота (*талгъыр* рыжий, каурый), *теуа* верблюд (*тjое*, *теуа*), *тохыл*, *тохул*, *токул* баран, откармливаемый на убой (*токълу*), *манкъау сап* (*манкъа*), *талау* сибирская язва

(*талау*), *уатар*, *уотар* кош, кошара (*отла* пастись), *фагыс* навоз (*багуш* мусор; навоз).

ПТИЦЫ: *бабыз*, *бабуз* домашняя утка (*баппуш*, *бабуш*), *хъаз* гусь (*къаз*), *гогыз* индюк, *индейка* (*гогуш* индюк, *индейка* – *гура*), *дордона* зоб у птиц (диг.; кар.-балк. *дёрден*), *дудакъ* дрофа (*дуадакъ*), *дзагъындзагъ* сорока (*чыкъынжик*, *цыкъынзик*), *кырттым* птичка (малиновка?), *лацин* сокол (*лячин*, *ляцин*, *илячин*), *хъарыцыгъа* ястреб (*къыртчыгъа*, *къыртцыгъа*), *хъыргъы*, *хъиргъу* небольшая хищная птица (*къыргъый* кречет).

НАСЕКОМЫЕ: *габу*, *гыбы* клещ (*губу*, *гыбы* паук), *галабу*, *габало* бабочка (*гёбелек*), *хъабуза* жук (*къамазакъ*, *къамажакъ*), *хъандил* жук, таракан, *саск* мошка, комар, насекомое (*саскы* мошка), *царинсха*, *саринца* саранча (*заранчи* вредитель).

РЫБЫ: *аргъай* лосось (*ыргъай*), *сардзан*, *сазан* *сазан*.

ЛАНДШАФТ: *арыкъ*, *аракъ* ложбина, лощина (*арыкъ* оросительный канал, канава), *арх* балка, лощина, размытые потоком места (*ырхы*), *бурдан* метель (*бурдум*), *быдыр* равнина, степь (*быдыр* живот), *цъас* щель, скважина, ущелье (*чат*, *цат* лощина, ложбина), *денджиз* море (*тенгиз*), *дзода* гололедица, *гамах* без растительности, голый (*гымыш*), *кол*, *кола* глубокая лужа, глубокая вода (*кёль*, *коль* озеро), *обау* курган (*оба* большая могила с курганом), *хъоргъа* подземелье, яма, *хъым*, *хъум* водоворот, омут (*кёмеуоль* омут, *кём* «погружать, утопить»), *тугул* булыга, булыжник, валун (в *тугулдор*; кар.-балк. *тугул*), *тыфыл*, *туфул* вихрь, вихрь огня, пекло (*тыпыл* «тёплый»), *загъ* дождь (*сакъ* *жауун* ливень), *хъапан* занос, наст, сугроб, *дур*, *дор* камень (с. 376).

ЖИЛИЩА: *аласаг* шалаш (*алачыкъ*), *быдыргъ*, *будургъ* тряпье, чучело, пугало (*бодуркъу*), *буг*, *буга* бугай (*бугъа*), *быру*, *буру* ограда, ограждение, крепостная стена, вал, ров (*буруу* ограда, изгородь), *дзатма* крыльцо, навес, балкон (*жатма*, *затма* навес), *галуан*, *галаон* каменная ограда, крепостная стена, замок (неясно), *ганах* дом-крепость, укрепленный дом, *цардакъ* навес, чердак (*чардакъ*, *цардакъ* чердак; *чырды*, *цырды* карниз), *цатыр* шатер (*чатыр*, *цатыр*), *кесена* замок, дом (*кешене* гробница, мавзолей), *кыф*, *къапхан* ступень, *къараза* (диг.) окно (*къараза* смотровая щель), *урундукъ* ложе, кровать (*орундукъ*, *ундурукъ*), *сыра* диван со спинкой, *хъабагъ* поселение, хутор, аул (*къабакъ* укрепленное поселение), *хъабух* покрышка, переплет, картон (*къабукъ* кора, покрышка), *хъасбакъ* навес (*къашпакъ* хлев, навес), *хъоррагъ* шест с крючком, стропило (*къурукъ* шест), *саман* измельченная солома, сечка, резка (*саман* сырцовый кирпич, изготовленный с примесью измельченной соломы), *сыппа* трубочка-мочеточник в колыбели (*сыппа*), *узах* родной дом, очаг (*ожакъ*, *озакъ*), *хега* печь цилиндрической формы (*хаги* каменная печь для просушки зерна), *ала* копать (*ала*).

ХОЗЯЙСТВО: *цахгар* кадушка (*чыккыр*, *цыккыр*), *аг*, *ага* котел (*аякъ* «кубок, чаша»), *алгъау* сковорода с ручкой (*жалгъау*), *цетена* корзина (*четен*, *цетен*), *гогон* металлический кувшин для воды (*гёген*), *куф* большая корзина, кузов (*кюф*, *гюф*), *лалум* козий бурдюк, *къату*, *къурту* корзина для зерна, *хъувгъан* кумган, металлический кувшин (*къумгъан*), *сетенахъ* полка для укладки сыров, *сулукъ* кожаный сосуд (*суулукъ*), *тагана* корыто, колода, кормушка (*тегене* корыто), *дзеген* тростниковая циновка (*жёген*, *зёген*), *гауыз*, *гауиз* ковер (*кюйюз*), *хъудас* колокольчик (*къудас* султан из конского волоса, на шлеме), *самбу* роевня (лукошко, в которое собирается пчелиный рой), *тел* проволока, *дзаныг*, *дзонуз* сани (*чана*, *цана*), *гоц* переходить, переселяться (*кёч*, *кёц*), *лухын*, *лохун* носить, тащить, *ацудас* квасцы (*ачыутаиш*, *ацуутаиш*), *джынасу* ртуть (*гинасуу*), *цуан*, *циуан* чугун (*чоюн*, *цоюн*), *копрадз* синька для стирки (по мнению Абаева - из *купорос*; точнее, из кар.-балк. *кептиреуюз* синька, от *кептир* «подсушивать»), *зды*, *изди* свинец, *хъылма* зловонное, ядовитое вещество.

ИНСТРУМЕНТЫ: *адаг* борона горская (из *азак* клык; кар.-балк. *азау тиш* клык), *бурау* бурав (*бурау*), *дыргъа* резец или нож плуга (*жыргъыч*, *зыргъыц*), *гулус*, *гулос* ручка сохи (*гулоч* ручка сохи, ручка косовища; клюшка для игры в мяч на траве или на льду), *иту*

утюг (*ийтуу*), *сабай* набивать шерсть, *тамасхан* нижняя перекладина ярма, *теман* большая игла, *гипп*, *гепп* форма для отливки чего-либо (*кеп*), *къандзы*, *къандзу* крючок, зубец, *къыпха*, *кпх* штамп (блинт) для тиснения на коже (*гепха* штамп; символ; *гепхана* колчан), *кынц*, *кунца* кузнечные меха, *хъапхан* капкан (*къапхан*), *цалди* кухонный топор, *дзагур* долото (из монг. *загур* кочерга), *дзаккор* деревянный молот, колотушка (монг.).

ПИЩА: *лауыз*, *лауз* лепешка, оладья, *аракъ* водка (*аракъы*), *басыл*, *басил* новогодний пирожок, *быламукъ* мучная болтушка (*биямукъ*), *буриц* черный перец (*пурч*, *пуриц*), *дзарна* каша из цельных зерен (*жырна*, *зырна*), *дзорма*, *зорме* колбаса из тонких кишок (*жёрме*, *зёрме*), *цай* чай (*чай*, *цай*), *къабар* ломтик, ломоть, каравай, кусок хлеба (*къабарыкъ*), *къапы*, *къапу* кефир (*гыпы*, *гыфы*), *къыпх*, *кпх* осадок, выжимки браги, *лабуг*, *булуг* муть, осадок (пива, похлебки; кар.-балк. *булгъур*), *махсыма* брага (*бакъсым*), *хъабын* пирожок с мясом (*къабын* кус, кусок), *сылы*, *сулу* молочная сыворотка, *халтъама*, *халтъама* кукурузные галушки (*хатлама*, *халтама*), *багани* пиво (*бегене* кисель; солод), *хаймахъ* сливки (*къаймахъ* сливки; пенка молока), *хуымыз* молозиво (*къымыз* кумыс).

ОДЕЖДА И ТКАНИ: *алдымбид* тесьма шелковая (*алтынбет*), *астар* подкладка, *басылыхъхъ* башлык (*башлыкъ*), *басмакъ* башмак (*башмакъ*), *бос* перевязь, *бузгъуыр* рубище, лохмотья (*бузгъур*, *бусхул*), *къулбус* (от *бусхул*) лоскут, *цырык* сапог (*чурукъ*, *цурукъ*), *гонцарукъ* крестьянская обувь из кожи (*гёнчарыкъ*, *гёнцарыкъ*), *куата* женский передник (*гота*, *хота*, *бота*), *кистек* кусок материи, вшиваемый в подмышку для прочности, *къарит* старая шуба, отрепье, *мес* сафьянные носки, обувь (*мес*), *ормек* дорогой кафтан из верблюжьей шерсти, армяк, *сарыхъ* чалма, тюрбан (*сарых*), *хъымац* материя, ткань, (араб. через тюрков; кар.-балк. *къумач*, *къумац*), *хау*, *хауе* бахрома.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: *аслам* дешевый (*аслам* основной, большая часть), *сатар* растрачивать, разбазаривать (*сат* продавать, торговать), *ахца* деньги (*ахча*, *ахца*), *сом* рубль (*сом*), *хакъ* должное, справедливое (*хакъ* оплата; истина, истинный), *харх* множество, изобилие, масса (*хар* каждый), *хазайраг* раб, холоп, крепостной (*къазакъ* раб), *хъулхасхан* беглый раб (*къачхан* къул, *къацхан* къул беглый раб), *тауби* человек высшего сословия, князь (*таубий* князь), *хан* хан (*хан*), *гавзык*, *гавзук* убогий, бедняк (*жазыкъ*, *ззыкъ* убогий, несчастный), *къаерных* вор, воровство (*карык* скупщик краденного; женщина легкого поведения), *хъалон* подать, дань (*къалын* калым), *хъазар* дорогой (в цене).

БЫТОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ: *аемцег* молочный брат (*эмчек*, *эмцек* воспитанник), *адарга* в крайности, в отчаянии (*адыргы*, *адаргы*), *дигиза* мамка, кормилица, воспитательница (*дигиза* подружка невесты на свадьбе), *дзансакъ* болтовня, шум, пререkanie (*жанишакъ*, *зансакъ* болтун, пустомеля), *кенкегаза* женщина, сопровождающая невесту в дом жениха (тюрко-осет. слово *кенке-газа*), *хъан* воспитанник (*хан* обращение к воспитаннику в доме воспитателя), *хъалаба* шум, смятение, спор, ссора (*халабалыкъ* хаос, сумятица, смятение), *хъонаххъ* приятель, кунак (*къонакъ* гость), *тауыс* молва, слух, толки, случай (*таууш* звук, шум, молва), *булгъакъ* ссора, свара (*булгъашыу* свара, свалка), *кезу* очередь (*кезиу* очередь, черед), *кенгес* размышление (*кенгеш* совет, совещание), *хаелаеф* жадность, жадное расхватывание чего-либо (*къылыу* присвоение, *хылыф* резко, грубо), *хъаппарис* инициатива (*сапарииш* заказ), *ох* причина, повод, *хъор* беспокойство (*къоркъ* бояться, беспокоиться), *талас* знаки внимания, подбострастие (*талаш* добиваться чего-либо, грызться), *сус*, *сос* молчание, безмолвие (*иош*), *талан* стремление, порыв, мечта (*талан* удача, везенье), *талха* чрезмерное стремление (*талын*), *таригъаед* грех; сострадание, жалость, страдание (*тарыгъыу* жалоба), *гега* неприязнь, вражда, *цапп* снаряженность, готовность (*чап*, *цап* бежать), *цам* стыд, конфуз (*чам*, *цам* юмор, юмористический), *йад* одолжение.

ЧЕЛОВЕК И ЕГО КАЧЕСТВА: *ас*, *аса* величина, рост, возраст (*ёсюм* рост), *адылы*,

адули глупый, *анкарун* чувствовать, воспринимать, *боггал* силач, *дзабах* хороший, здоровый, *келбет* достоинство, внушающий уважение облик (*кельбет*, букв. «с одухотворенным лицом»), *гурмон* жалкий, бедняга, *гурумук* грубый (*гурмук*), *катай* тревожное раздумье, забота, неуверенность, *кивдзу* низкорослый, карлик, *кызг*, *кизга* девочка, девушка (*къыз* девочка, девушка), *мызыкъ*, *мазукъ* коренастый, дюжий (*базыкъ*), *огулли* удачный, удачливый (*огъурлу* добрый), *огъурсыз* несчастный, бесталанный, злополучный (*огъурсуз* злой, злобный), *пухцул* взъерошенный, растрепанный, *хъалтакъ* пройдоха (*халтакъ*), *хъал* спесивый, гордый, беззаботный (*хал* нрав, состояние), *хъару* энергия, воля, сила, способность (*къарыу* сила, мощь, энергия), *сагъас* дума, раздумье (*сагъыш*), *хъабар* твердый, жесткий, сильный (*хыбыр* жесткий, хрустящий, сухой), *хъаттых* стойкий, крепкий (*къаты* твердый; стойкий, жесткий), *хъулай* согласный, ладный (*къолай* достаток, налаженный, сила), *хъутургъан* брезгливый (*къутургъан* взбесившийся), *саран* энергичный, бойкий, способный, *сиахъ* громадный, великан, *сонт* сумасбродный, неразумный, взбалмошный (*сант*), *тентек* вздорный, легкомысленный (*тентек*), *тезгъо* праздно шататься, гулять, бродить, *хаба-саба* неряшливый, взъерошенный (*хапа-сапа*), *харх* неожиданная встреча (*харх* хохот), *хыг* скорбь, печаль, скука.

ЧАСТИ ТЕЛА И БОЛЕЗНИ: *соххъур* кривой, одноглазый (*сокъур*), *хъарау* слепой (*къырау* слепой), *хотургъа* хилый, слабый, больной (*къотур* шелудивый; слабый, никудышный), *богъурдакъ* глотка (*богъурдакъ*), *бунзук* клочок волос, шерсти (*булчукъ* макушка дерева), *бырынк*, *бурунка* рыло, клюв, выступ, кончик (*бурун*), *дзукка* сосок (*жукка*, *зукка*), *дзыку* коса женская, прядь, *емына* чума, мор (*эмина*), *къатар* застывший (сван. *къадар* – сухой; кар.-балк. *къат* застыть; засохнуть), *къоти* струпья (*къотур*), *хъанз* мозг (диг.), *хъабыс* объятие, лоно (*къабыш* прилипнуть), *хъогъа* сопля, *хъотур* парша, проказа (*къотур*), *сасари* ланцет для пускания крови, *соро* моча, *тыбырта* биться в агонии (*тытырда*), *хил* волос, волосы (*къыл* конский волос; струна).

КУЛЬТУРА: *дамгъа* тамга, тавро, буква (*тамгъа* пятно; тавро), *кепена* особый хороводный танец (*тыпана*, *тепена* танец в честь богини-матери огня – Тыпаны, Тепены), *керта* циркуль (*кертек*), *сандарахъ* хороводный танец (*сандыракъ*), *сырын*, *серун* скользящее движение в танце (*сир* *къатып* танцевать, стоя навытяжку), *тангада* чудо, зрелище (*тангкёрдю*), *талмац*, *талмаци* переводчик, перевод с языка (*тилмач*, *тилманч*, *тилманц*), *тау* одно из положений альчика в игре (*тау*), *хахх* черта, линия (*хат* почерк), *ордахъ* половина (*ортакъ*), *хатт* раз (*къат* раз), *мин* тысяча (*минг*), *гамхуд* волшебная шапка, шапка-невидимка (худ осет. шапка; кар.-балк. *камчы* один из семи разрядов жрецов).

ВОЕННАЯ ЛЕКСИКА: *багъатыр* храбрый, богатырь, *хъабатыр*, *багъатыр* храбрый, отважный (*батыр*), *дамбаца* пистолет (*тапанча*, *тапанца*), *ерыс*, *ерис* соревнование, спор (*эришиу*), *илци*, *елци* плата за охрану дороги (по В.-Груз. дороге, которую получали тагаурцы), *къама* кинжал (*къама*), *кереке* доспехи (*керекле*), *хъабахъ* мишень (при стрельбе в цель; *къаб* тыква), *хъарагъул*, *хъарагъур*, *хъалаур* стража, караул (*къарауул*, *къалауур*), *сагъадах*, *садахъ* набор из лука, колчана и стрел (*садакъ*), *сахх* бравый, доблестный, молодец, *сурын* гнать, прогонять, преследовать (*сюр*), *талат* угон скота, добыча (*талауур*), *толпар*, *тулпар* сильный, мощный, богатырский (*тулпар*), *тонау* похищенное, отнятое, добыча (*тоноу* награбленное, *тонау* ограбление), *топдзы*, *топдзи* пушкарь (*топчу*, *топцу*), *тыгыр* куча, группа, *хъымпыр* кобура пистолета (*хомпур*), *хъазах* казаки, казак (*къазакъ* рядовой воин; домашний раб; матерый, одинокий), *бадайнаг* бравый, молодец, *цирх*, *цирик*, *цилк* меч (неясно).

ДРУГИЕ ТЮРКИЗМЫ: *адда*, *анда* снаружи, вне (*анда* там), *бергели* (диг.) определенно, несомненно (*белгили*), *дынгыр* большой (*тейри*, от *тенгир*, *тенгри* небо,

небесный, бог, божественный), *каркъа-маркъа* яркий, пестрый, *ком, кем, къема* волосинка, соринка, порок (*кем* недостаток, недостача), *хъалакъ* конечно, но..., *хъеллау* качание, шатание (*гыллыу*), *сах* сильный, обильный, напряженный (*сакъ* проливной), *такка* как раз, точно, самый, *талусон* слабый, непрочный, расшатанный, *егау* крупный, большой (монг. *иехт*; кар.-балк *иги* хороший, добротный).

ИТОГО - около 350 тюркских терминов в осетинском (иронском), выявленных В. И. Абаевым и охватывающих практически все области лексики. Полагаю, что невыявленных (или незамеченных) им тюркизов насчитывается еще несколько десятков; в другом диалекте осетинского языка, дигорском, тюркизов (причем отсутствующих в иронском) не менее 300; прибавим сюда около 200 топонимов и географических терминов. Подавляющее большинство всех этих слов абсолютно идентично карачаево-балкарским формам. Итого, в двух диалектах осетинского языка имеется не менее 700 карачаево-балкаризов.

Читатель может сравнить эту цифру с другими: 33 слова (а точнее, 11), якобы вошедшие в угро-финские из «древнеосетинского» (аланского), при отсутствии слов, вошедших в осетинский из угро-финских и древнерусского. О каком «северном пути» из Средней Азии на Кавказ, о каких тесных контактах со всеми встречными и поперечными народами Восточной Европы можно говорить, в таком случае? Сложение карачаево-балкарского народа произошло, как говорит академическая наука, на основе «алано-осетинского» субстрата; но тогда должно было иметь место обратное, однако осетинизмов в кар.-балк. яз. немного. Вывод: как народ, осетины сложились на карачаево-балкарском (аланском) субстрате, чему есть превеликое множество подтверждений, к числу которых относится и присутствие в их языке массы терминов, приведенных выше.

АРАБИЗМЫ В ОСЕТИНСКОМ

Прочитав все вышесказанное и поглядев на карту Северного Кавказа, читатель может подумать, что в осет. яз. на втором и третьем местах (после тюркизов) по количеству, конечно же, будут заимствования из грузинского или вайнахских (чечен. и ингуш.) языков. На втором месте, действительно, картвелизмы, а вот на третьем – арабизмы! Не подумайте, что это голословное утверждение, такой вывод следует из данных, приведенных в фундаментальном труде В. И. Абаева – ИЭСОЯ. Это, конечно, очень странно. Присутствие массы арабизмов было бы понятно, если бы осетины являлись мусульманами; но ислама придерживается лишь часть народа. Кроме того, заимствования из арабского представляют собой не только религиозные термины (явно доминируя в культовой сфере; религию осетин мы рассмотрим отдельно), но и охватывают чуть ли не все основные разделы лексики.

В 1949 году В. И. Абаев пишет: «Влияние на осетин ислама было еще менее глубоким (чем влияние христианства. – М. Дж.). Но по каналам мусульманской пропаганды и от соседей-мусульман в осетинский язык, как и в другие языки Кавказа, проникло значительное число арабских и персидских элементов». И далее он привел около 50 заимствований из арабского. «В осетинских междометиях *Аеллаех* «о боже» (*о Аллах*) и *араеби* «о господи» (*я-Рабби*) нетрудно опознать арабские *Аллах* и *иа рабби*» (Абаев, ОЯФ, с. 93-94).

Даже про прочтении этого неполного списка арабизмов, согласиться с утверждением Абаева о том, что влияние ислама на осетин не было сильным, невозможно - это слишком важная лексика. И ее присутствие показывает, что оно было гораздо более мощным, чем влияние христианства, поскольку христианских терминов в осет. яз. ничтожно мало. Вот какое количество арабизмов в осет. Абаев выявил позже, в своем главном труде (ИЭСОЯ)

– (в скобках – кар.-балк. соответствия):

ФАУНА: *хайуан* домашнее животное (к.-б. *хайуан*).

ЖИЛИЩА: *хъалла* крепость, станица (*къала*), *табка* навес, кровля, ряд, ярус, полка (*тапка* полка), *мутака* подушка-валик, *алат*, *илат* дужка котла, *матара* мех для воды, *табахъ* тарелка, блюдо (*табакъ*), *къаса* кожаный мешок.

ПИЩА: *къалуа* халва (*халуа*), *мураба* варенье (*мураба*), *хъайла* яичница, *зети* масло растительное, *хахъ* доля, порция, припасы.

ОДЕЖДА: *дзыпп* карман, *чыссае* кошелек, мешочек, карман, *къаба* женское платье, *сыф* женское платье, *халат* халат, верхняя рубашка (*халат*), *хъадаба* бархат (*къатапа*).

СОЦ.-ЭКОН. ОТН.: *баркад* изобилие (*берекет*), *мулк* состояние (*мюлк*), *харз* расход, трата, издержки (*къарч*, *къарц*), *хазна* драгоценность, сокровище, богатство (*хазна*), *аманат* вещь, отданная на хранение (*аманат* залог, прокат; заложник), *агъаз* помощь, польза, *дау* обвинение, подозрение, тяжба (*дау*), *давын* красть, уносить, *чырае* перевоз за плату, *маузал* способ, средство, возможность, *малик* князь, *хъахбай* проститутка (*къахме*), *улуа* жалованье (*улха*, *ултха* взятка), *уакел* доверенный, адвокат (*ёкюл*), *уали*, *уоли* владыка, господин, главарь (*олий* старший князь), *хайыр* прок, польза, благо (*хайыр*), *ходи* неприкосновенный, отверженный, штраф, бойкот, *залым* тиран, притеснитель (*залим*).

ЧЕЛОВЕК: *адам* народ, люди (*адам* человек, человеческий; пророк *Адам*), *адамаг* человек, *аскатаг* оторвавшийся от дома, от родины, *дзубанди* разговор, беседа (*жубану*, *зубану*), *дзуап* ответ (*жууап*, *зууап*), *лиага* позор, бесчестье, *салам* привет (*салам*), *таргъай* отказ от чего-либо, обидевшись (*тарыгъу* жалоба), *саби* дитя, ребенок (*сабий*), *толах* развод (*талакъ*), *хатыр* извинение, прощение, пощада (*хатер* помощь, снисхождение), *хабар* весть, известие (*хапар*), *хъаугъа* шум, свара, ссора (*къаугъа*), *аккаг* достойный, *агъал* рассудительность, хороший нрав (*акъыл* ум, рассудок), *аипп* изьян, порок (*айып*), *аскод* утаивать, *кем*, *кепп* настроение (*кеф*), *магур* бедный, несчастный (*мугур*), *матал* подавленный, унылый (*мытыл*), *ныфс* дух, смелость, решимость, отвага (*нафы* страсть, похоть), *разы* согласный, довольный (*ыразы*), *сабур* тихий, смирный, спокойный (*сабыр*), *самат* удивление, замешательство, *сек* сомнение, подозрение (*шек*), *таукел* щедрый, тароватый, расположенный к кому-либо (*таукел* уверенный), *хатт* характер, нрав, особенность (*хал*), *хъуата* толк, действие, сила, тип (*къууат* великолепие, обаяние), *аууал* состояние, положение (*аууал*), *ниат* решение, намерение, план (*ниет*); *заран* вред, ущерб (*заран*), *амал* возможность, средство (*амал*), *баллах* беда (*балах*).

КУЛЬТУРА: *айв* красивый, изящный, *къори* шар, *сахат* час, время, часы (*сагъат*), *сурат* картина, образ, портрет (*сурат*), *тамаса* зрелище, чудо (*тамаша*), *таурах* предание, легенда, рассказ (*таурух*), *заман* время, пора, эпоха, эра (*заман*), *дуне*, *дуйне* мир, вселенная (*дуния*); *симын*, *семун* исполнять старинный хороводный танец (через грузин.).

ВЕЩЕСТВА: *налмас* алмаз (*налмас*), *къала* олово (*къалай*), *мадан* рудник (*магъадан* руда), *мисхал* золотник (мера веса; к.-б. *мисхал*), *мысатыр* нашатырь, *сымаг* железный купорос.

ВОЕННЫЕ ТЕРМИНЫ: *музура* штык, альпеншток (*мужура*, *музура* дротик, альпеншток) *хъадаман* кандалы, оковы (*къадама*), *къама* кинжал (*къама*), *хъатара* патронташ (*къатара*), *хъазуат*, *хъазауат* бой, натиск (*къазауат* война, битва), *така* шлем (*такъыя*).

170 терминов из арабского (из которых 40 относятся к сфере культа, мы приведем их ниже) – это очень много: это гораздо больше числа заимствований из всех языков Северного Кавказа (кабард., чечен., ингуш. и др.), вместе взятых! Но как и почему они попали в язык осетин, если их «предки» (аланы) ислам не принимали и с арабами не контактировали? Поверив утверждению Абаева, что эти термины проникли по каналам

«мусульманской пропаганды», мы придем к нелепому выводу: осетины почему-то и зачем-то в первую очередь заимствовали у соседей-мусульман арабские слова. Конечно, принять такой вывод нельзя. Единственно правильный ответ, на наш взгляд, следующий.

Разительное сходство этих арабизмов (фонетическое и семантическое) с арабизмами в кар.-бал. яз., как и огромное количество тюркизмов в осет. яз., наводит на мысль, что субстратом в этногенезе осетин послужили, кроме дигорцев, и другие тюркские племена, говорившие на кар.-балк. яз., чьи этнонимы (не имеющие объяснений на почве ни иранских, ни «кавказских» языков) стали названиями колен осетинского народа - тагаурцы, куртатинцы и туальцы (возможно, и кударцы). Это местное, аборигенное население Осетии, находясь рядом с Дагестаном, основным центром пропаганды ислама в регионе, еще до прихода ираноязычных предков осетин уже исповедовало ислам, приняв его через родственных кумыков - отсюда и обилие арабизмов: это не заимствования, а часть наследия тюркских предков осетин. (В разряд арабизмов ученые традиционно включают и многие тюрк. слова; но это уже отдельная тема). Большое количество исламских религиозных терминов заставляет думать, что соответствующих христианских терминов в осетинском никогда не было, иначе непонятно, зачем их заменили арабскими. Ясно и то, что не было и принятия христианства ираноязычными предками осетин.

Но Абаев всего этого заметить не пожелал и неуклонно продолжал гнуть свою линию: «Основные положения, касающиеся этногенеза осетин, стоят прочно и непоколебимо: наличие иранского элемента в их этнической культуре и их изначальное культурно-языковое родство с другими народами индо-европейского круга; северный путь их движения на Кавказ; преемственная связь их со скифами, сарматами и аланами. По этим вопросам уже достигнута та степень достоверности, какая вообще мыслима в исторической науке» (Абаев, ОЯФ, с. 75). Так ли это, судите сами.

На мой взгляд, из всех республик Северного Кавказа наиболее крупным научным потенциалом (в области гуманитарных наук) ныне обладает Осетия (или обладала, причем давно). Разве все приведенные выше соображения не должны были прийти в голову сарматологам, а уж осетиноведам – в первую очередь? Неужели вся цель их исследований заключалась и заключается только в том, чтобы всеми средствами и невзирая на бесчисленное количество противоречий, утвердить мнение о скифо-аланском происхождении осетин? Но зачем?

ГЛАВА V. КАВКАЗ

ТЕРРА ИНКОГНИТА

По мнению академической науки, на Черноморско-Каспийском междуморье на север от Кавказского хребта до прихода тюрков в продолжении многих веков властвовали скифо-сарматы. Следовательно, в языке и фольклоре их потомков, как и в языках и фольклоре соседних народов, должно было иметься огромное количество «североиранских» названий различных природных объектов с этой территории, прочно закрепившихся в их памяти в течении столетий. Но мы видим иное. В списке географических названий, помещенном в РОС, Азовское море почему-то называется *Азовы денджыз* (из тюрк. *Азау тенгиз* через совр. русский); Черное море – *Сау денджыз* «черное море». Каспийское море – *Къаспийы денджыз*. Средиземное - *Заеххаестеуы денджыз* «средиземное» (явная калька с русск.); но составители ОРС изобретенного Абаевым названия не знали и зовут это море *Аехсаензаеххы денджыз*. Однако в осет. эпосе эти моря именуются чисто по-тюркски – *Къара денджыз* и *Акъ денджыз*, т. е.

«Черное море» и «Белое море».

«Потомки скифов и алан» напрочь позабыли «ирано-скифское» название немаленькой реки Волги и теперь называют ее по-тюркски - *Идыл*, или по-русски - *Волга*. Более того, «ираноязычные скифы и аланы», веками контактируя со славянами, почему-то не сообщили им ее «североиранское» название, и в древнепольском, например, она называлась *Эдиль* (см. у Макса Фасмера на слово «Дон»). Допустим, «североиранское» название было забыто, потому что Волга находится далеко от Осетии. Но точно так же, по-карачаево-балкарски (*Эдиль*) эту реку именуют в далекой Каталании, на Пиренеях (современные каталанцы считаются потомками готов и аланов). Кубань, на которой жила в средневековье основная масса аланов, находится недалеко, но в осет. яз. ее название заимствовано из совр. русск.: Кубань – *Кубань* (из кар.-балк. *Къобан*). Река Сунжа – *Сунжае* (тюркизм). По-тюркски осетины называют и Крым – *Хъырым*, и Пятигорье – *Бештау* (даже в эпосе). Гора Эльбрус – *Эльбрус*. Гора Казбек – *Хъазыбеджы хох*. Даже река Терек, протекающая через столицу Северной Осетии, называется по-тюркски – *Терк* «Быстрая». Какие тюрки, когда и как навязали «аланам» все эти названия взамен своих, бесследно исчезнувших? Но «североиранских» географических названий нет и в языках и фольклоре соседних народов.

Осетиноведы исписали сотни страниц, повествуя о чрезвычайно тесных и разнообразных контактах «древних скифо-алан» с не менее древними и почтенными народами, например, с греками и армянами. Но именованья и тех, и других в осет. яз. не свои, а грузинские (*бердзен, сомихъ*); еще более странно, что осетины называют самих грузин по-тюркски – *гуырды* (у всех тюрков – *гюрджю*); Грузия – *Гуырды, Гуырдыстон*; эти факты у Абаева в ИЭСОЯ признаются, но, конечно же, остаются без объяснения. «Сван» - *сван*, явно через русское посредство (у карачаево-балкарцев – *эбзе, сона, шарий*). В. И. Абаев и другие осетиноведы много раз писали, что сваны знали осетин с незапамятных времен и именовали их «савиар» (балкарцев тоже). Но вот осетины сванов не знали: в ИЭСОЯ Абаев приводит этноним *шарий*, но в ОРС его нет, а в его же РОС нет и слова «сван».

В РОС и в ИЭСОЯ (т. 3, с. 131) Абаев пишет, что аварцев осетины называли *солиаг*, по названию одного из аварских обществ и что, скорее всего, этноним проник из чечено-ингуш. – *соли, сули* (сохранилось в осет. фольклоре), но четыре составителя ОРС о таком этнониме не знают и пишут: «*авайраг* – аварец» (из русск.). Название дагестанского народа *кубачинцы* – от тюрк. *кубачи, кубечи, кубеци* «панцырники» (мастера по изготовлению лат, кольчуг). Но в осет. яз. этот этноним – *гуыбец* (ИЭСОЯ, с. 131). Так что же, до прихода тюрков и русских «древние скифо-алан» аварцев и кубачинцев не знали? «*Лек* – «лезгины», «дагестанцы»; *лекъаг* «лезгин», «лезгинский». – «Из груз. *леки* «лезгин». Слово свидетельствуется с глубокой древности» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 2, с. 41). В этом никто не сомневается, вопрос в другом: почему осетины заимствовали этноним у грузин, если Осетия находится по эту сторону хребта, а Грузия – по ту, дальше от Дагестана?

Чтобы абсурдность теории, согласно которой скифо-сарматы были иранцами и предками осетин, еще раз стала очевидной, обобщим данные. Итак, осетины именуют кубачинцев по-тюркски (*гуыбец*), названия греков, армян и лезгин (*берзен, сомих, лек*) узнали у грузин, имя которых переняли у каких-то тюрков, фольклорное именование аварцев (*солы*) взяли у чеченцев и ингушей, а официальное – у русских, название самих чеченцев – неизвестно откуда, потому что зовут их, как и многие другие народы, *цаецаен* (по названию одного из их аулов), название сванов – из русского; один свой этноним (*алан*) «забыли», а другой (*ас*) беспричинно подарили балкарцам (как и название страны - *Ассиаг*); самоназвание адыгов (*адыгэ*) им неизвестно. Получается, что оригинальными в

осет. яз. являются всего три названия народов Кавказа: *махъаел* «ингуши», *ассиаг*, *ассон* «балкарцы», *каесаег* «кабардинцы». Должны ли мы верить, что «ираноязычные скифо-алано-осетины» живут на Кавказе 2000 лет или даже больше?

В РОС (1970, сост. В. И. Абаев) вы найдете названия народов, о которых осетины до недавних времен и слыхом не слыхивали. А вот слова «балкарец» там нет. Почему? Рядом ведь живем, не первую сотню лет. Но в ОРС оно есть: «*Асыйаг* – балкарский, балкарец» (с. 53). Осетины-дигорцы называют балкарцев чуть иначе, с другим аффиксом – *ассон*.

Чтобы позабавить читателей, приведем и другой пример. В РОС и ОРС (оба вышли в 1970 г.) в названиях автономий Северного Кавказа фигурируют этнонимы, которыми осетины называют народы, эти республики населяющие; например: «Чечено-Ингушская АССР – *Цаецаен-Маехъаелы АССР*». Но в обоих словарях «Кабардино-Балкарская АССР – *Каесаег-Балхъары АССР*» (вместо «*Каесаег-Асыйаг АССР*»). Почему же их составители именуют чеченцев, ингушей и кабардинцев по-своему, по-осетински, а вот балкарцев – нет? Наверное, по той же причине, по которой В. И. Абаев убрал из РОС этноним *ассиаг*, *ассон* «балкарец».

С названиями ближних и дальних народов в РОС (сост. В. И. Абаев) вообще творится совершенный абсурд. В нем упоминаются, скажем, норвежцы, буряты, китайцы, чуваша, татары и латвийцы, но нет названий многих народов, которые живут в двух шагах от осетин. Понятно, чем ирановеду не угодили балкарцы, которых осетины (назло всем великим и невеликим ученым) именуют асами. Но в чем вина позабытых кумыков, чеченцев, ногайцев, лакцев? И, наоборот, почему тогда присутствуют в словаре карачаевцы, адыгейцы, рачинцы, абазинцы, абхазы, и даже далекие аджарцы? Полное отсутствие в осет. яз. оригинальных названий соседних народов, как и «североиранских» топонимов, гидронимов, оронимов, ойконимов и т. д. для природных объектов, расположенных вне Осетии, говорит о том, что для ираноязычных предков осетин Северный Кавказ был совершенно неизвестной территорией; это и понятно – они пришли из Ирана только в XVII в. (см. ниже).

Государственная наука Российской империи еще в XIX в., преследуя вполне ясную политико-идеологическую цель (отбросить начальную стадию истории тюрков подальше от Европы), произвела над осетинским народом жестокий эксперимент: его использовали в качестве живого доказательства иранства скифо-сарматских племен, для чего и навязали историю, созданную без учета тех данных, что имеются (или не имеются) в его языке, топонимии, фольклоре. В этом эксперименте, продолжавшемся и в эпоху Советской империи, вольно или невольно приняли участие и осетиноведы. Тот, кто-то думает, что В. И. Абаев, талантливый и трудолюбивый ученый, зная многие из фактов, приведенных выше, не понимал, что никаких «североиранцев» никогда не было и что прямыми потомками скифо-алан являются карачаево-балкарцы, сильно его недооценивает.

КАРТВЕЛИЗМЫ В ОСЕТИНСКОМ

В истории грузино-осетинских отношений В. И. Абаев (в работе 1949 г.) усматривал два периода: «В первый период влияния были двусторонние, т. е. обе стороны испытывали взаимное влияние. Во второй период, с ослаблением осетинского народа, преобладали влияния грузинского на осетинский». Осетинские слова, попавшие в грузинский: *сау* черный (к.-б. *шау*), диг. *беура* много, *худ* шапка, *алутон* пиво (*луди*), *дугъ*, *догъ* скачки (слово, по мнению Абаева, тюркское), *уарм* яма, *хид* мост, *ус* женщина, *къарц* шуба. «Ос. *кадаег* «былина, сказание» получило на грузинской почве значение «прорицатель» (груз. *кадаги*). Заключение в этом слове корень *кад* «слава» наличен также в груз. *са-си-кад-уло* «славный»; рачинское *нахшеба* «беседа» примыкает к ос.

ныхас с тем же значением» (Абаев, ОЯФ, с. 86). (Ср. кар.-балк. *ныгъыш*).

Перечислив эти 10 осетинизмов в грузинском, Абаев заключает: «Обратные влияния грузинского на осетинский еще обильнее и разнообразнее (! – М. Дж.), но относятся в значительной степени к более новым временам». Из чего это следует, автор не сказал. Термины: крест-святилище, неделя, название культового пирога, название святилища Таранджелос, пост, свекла, огурец, редиска, чеснок, черешня (бал – бали), слива, борона, бурдюк, женское платье (каба), чулок (цинда), флаг (из перс.), известь, пила и др. (Абаев, ОЯФ, с. 87). Откуда Абаеву могло быть известно, когда вошли те или иные картвелизмы в бесписьменный до недавнего времени осет. яз., если их очень много – более двухсот против 10 осетинизмов, вошедших в грузинский (все – весьма сомнительные; ныне, правда, утверждают, что в грузин. яз. около 100 осетинизмов)?

Ниже мы приведем список заимствований из грузин., по изысканиям самого же В. И. Абаева (ИЭСОЯ); в скобках – термины, присутствующие и в кар.-балк. яз.. Грузины – южане, осетины – «потомки скифов и алан, много столетий проживших в северных широтах»; но обратите внимание, сколько наи-северных и наи-скифских терминов осетины заняли у грузин (некоторые выделены). В скобках – кар.-балк. соответствия.

ФЛОРА: *битна* мята, *бутро* дуплистое дерево (*пура*), *цила* папоротник, *цамаед* растение для приправы, *цанода* тростник, осока, *цуй* рябина, *дзала* осока, *дзындзалаг* пастушья сумка (раст.), *гангали* кервель (съедобное растение), *гырко* жолудь, *киндзи* трава, кишнец, *къадо* ветка, *къаппу* отросток (*каппол* «почка»), *кудзи* обросший пенёк, кустик, *къындзих* пенёк, пенек, *къузур* отросток, шишка, *мантылы* мушмула, *маскъор* ползучее растение, *мац* луб, лыко, *питри* омела, *пыхса* кустарник, хворост, *скъалдзо* полынь (!), *скъелди* брусника (*ихилди*), *соцъи* пихта, *хъоло* конский щавель, *татук* съедобная трава, *тихалаг* былинка, травинка, стебелек, *хал* травинка, былинка, *хил* плод, *хорасан* цитварное семя (глистогонное средство; к.-б. *хорасан*), *ахсали* можжевельник, *зокъо* гриб (*зыка* кресс-салат).

ЛАНДШАФТ И СТИХИИ: *амтери* хаос, смешение, *цакал* волна, струя (*чайкъал* плескаться, полоскать; явный тюркизм), *пелт* (глыба земли, пласт), *сахар* уголья, жар, огонь (*чыхыр*, *цыхыр*), *цухцур* вода, падающая с желоба (*чучхур*, *цуцхур* водопад), *цала* долина, *чыс* песок, щебень, *къада* ручей, мельница на ручье, *къардиу* обрыв, *къавда* дождь, ненастье, *лами* ил, грязь, тина, *херги* завал, загромождение, *зай*, *зайа* снежная лавина (*зая* испортить, разрушить).

ДИКИЕ ЖИВОТНЫЕ: *дзабыдыр* тур горный (*жугъутур*, *зугъутур*), *маекъулаег* ящерица серая, *сычъи* серна, *тыртына* белка (*тыртынай* бельчонок; детское слово), *уыры* крыса, *хусара* сибирская язва, *къуди* хвост, *локо* сом (рыба), *тъена* какая-то рыба.

ДОМАШНИЕ ЖИВОТНЫЕ: *гир* боров, *даркъа* телка, *камбец* буйвол (*гаммеш*), *цына* стог, скирд.

ПТИЦЫ: *опона* угод, *гуца* зоб (у птиц; глотка), *хиуа* сойка, *цецыр* цесарка, *къадз* анст, *бумбули* пух.

НАСЕКОМЫЕ: *къогъо* комар, *цулбер* пиявка.

ЖИЛИЩА: *абана* баня, *цар* потолок (*чырды*, *цырды* карниз), *годзиках* ходуля, *горен* ограда, стена (*горен* круг; сотня воинов; это тюркизм), *гайла* ниша, *калак* город (у южных осетин; кар.-балк. *къала* строить, возводить; крепость, башня), *къасар* порог, *кепе* лоскуток кожи, *къодах* пенёк, колода, *чурбан*, *хъуари* дрань, кровельная доска, *сакари* плетень, *тамал* смесь золы и жира для изготовления мыла, *згид* часть дымохода, *султы* полоса кожи.

ДОМАШНЕЕ ХОЗЯЙСТВО: *карка* (деревянное кольцо на конце веревки; кар.-балк. *кырка*, *гири*, *къытчас*), *гуцула* жгут, *къазма* веревка для поклажи, *лакаф* ноша, *сатала* волокуша из березовых прутьев, *барки* мешочек, *дзabri* воронка для переливания

жидкостей, *гоцоби* кувшинчик, *годора* сапетка, корзинка (*гадура* сито из травы), *гогура* полая тыква-сосуд, *гомори* крытая сапетка, *камкыри* шумовка, *чырын* сундук, короб, гроб, *кела* скамья, табурет, *къодзи* большая деревянная ложка, **къуныри** бурдюк, **дичьи** маленький бурдюк, *сасир* отверстие сита, *сыхырна* решето, *сивыр*, *себур* блюдо с отверстиями для стока, *таро* полка, *тъара* подставка для дров, **цццц** циновка, *цылын* веник, метелка, *къалати* корзинка, клетка (птичья).

ОРУДИЯ ТРУДА: *гусли* задняя часть плуга, *гырцы* часть косы, прикрепляемая к древку, *къапи* мотыга, *къараби* качалка для сбивания масла, *кеури* молотильное орудие, *къобол* палка с шишкой, дубина, *пахса* грабли (*бахса*), *пырын* чесать шерсть, *похси* борона, *хырх* пила.

ПИЩА: *ахчин* пирог с сыром (*хычин*, *хыцин*), **гарачьи** масло сливочное, **къадор** творог из пахтанья, *кири* лепешка, пирог с сыром, *лаками* постный пирог с соломом (*локъум*), *леле* сдобный, пышный, **мацони** кислое молоко, **мыраг** первый фильтрат пива, *хары* каша из муки и масла, *дзылар* жировое пятно на жидкости, *дзымари* укус.

ОДЕЖДА И ТКАНИ: *цында* чулок, носок (*чындай*, *цындай*), *лайын* крашенная ткань, *хардга* канитель, золотые и серебряные нити, *хылыкъы* крючок (застежка), *къогъодзи* лапоть, *камари* женский пояс (*кямар*), *коцора*, *цокора* кудри, чуб, кисть на башлыке.

ЭКОНОМИКА: *цынды* заклад, *гартам* взятка, *къаты* рабочий день, *къотыр* банкрот, *нардуат* сдельная работа, *абази* 20 коп. (*апасы*, из перс., через груз.), *адили* аршин, *цилма* мелочь, *гиранка* фунт (*гюренке*), *къабиц* мера сыпучих тел, *къод* мера сыпучих тел, *муца* топаз.

ЧЕЛОВЕК: *галех* раб, *галаха* бедняга (*калак*, *галак* бродячий), *галхыр* невзрачный, оборванец (*гылхыр*), *махъари* шафер (дигор.), отменный, *натлиа* крестный (отец, мать, дочь, сын), *дзилага* поколение, порода (*жыллыкъ*, *зылыкъ* по-годный, ежегодный; тюркизм), *бецау* несчастный, бедняга, *бурут* выражение гнева, каприза (*буруч* своенравный, капризный), *цилта* кудрявый, всклокоченный (*чырна*, *цырна*), *царна* веснушчатый, веснушки, пятнистый (*жырна*, *зырна* рябой, пестрый), *газдрахат* изменнически, предательски, *гидзаг* шалость, шутка, издевка, *гыкына* кукла, девочка (*гыга* дитя), *гумери*, *гамери* великан, дубина, идол, *къабада* болтливый, *къуыдипп* щеголь, спесивец, *хъынцым* горесть, огорчение, печаль, *цутхал* прыщик, *дадали* локон у виска (у женщин), *дадай* возглас страха, боли (*Дыдай* – злой дух в образе старухи, насылавший оспу), *дзадал* импотент, *дзуссаг* на корточках, *гагу* глазное яблоко, зрачок (*гагу* сладости, фрукты; детское слово), *галдар* брюхо (пузо), *къути* скорченный, *гоцора* чолка, хохол, *готози* инструмент для кровопускания, *гыр*, *гура* туловище, стан, *къокъоса* шишка (выпуклость), *къдели* бородавка, *мызгыр* повреждение, шрам, *хъыты* горловая болезнь (*хыппырык* мокрота), *ухери* мучение, *уангал* какая-то болезнь, поветрие, *хыдуг* удушье.

ВОЕННЫЕ ТЕРМИНЫ: *сабантъы* дробь ружейная, *сармазан* пушка, *мардза* побудит. гей, вперед, отменный (*маржа*, *марза* побуд.).

ПРОЧИЕ: *бердзен* греки, *сомих* армяне, *чырын* сосать, высасывать, *галир* покоробленный, неровный, *геруз* облезлый (*геруз*), *киу* смола; жевательная смола; затвердевшая грязь, *къуаран* толкать, ударять, обрубить, *лопо* облезлый, облупленный, *пумпуси* пышный, мягкий, пухлый, *хъодзи* неровный, *салаф* рыхлый, пористый, *икына* старый осенний праздник, *карсута* (весенний праздник невесток), *къам* карта игральная; шашка (в игре), *порти* мяч, *села* плоский камень (в игре), *къуари* неделя.

Выясняется, что в осетинский проникло в 30 раз больше картвелизмов, чем «аланизмов» - в грузинский; тогда о каком сильном влиянии «алан-иранцев» на Грузию можно говорить?

ОСЕТИНЫ И ГРУЗИНЫ

Монография В. С. Уарзиати, посвященная культурным связям осетин с народами Кавказа, представляет собой попытку дополнить выкладки Миллера и Абаева. Отмечая, что народы Кавказа относятся к разным языковым семьям – индоевропейской, кавказской и тюркской, автор утверждает: «...культура абазы, адыгов, вайнахов и картвелов формировалась в условиях горного Кавказа. Культура же осетин, балкарцев, карачаевцев и их предков алан и кипчаков зародилась в степях, продолжая свое развитие в горных условиях» (Уарзиати, с. 9). Но вот вопрос: почему же, в таком случае, из всех народов Кавказа самоназвание «горцы» мы находим только у аварцев в Дагестане (*маарулал*), и у карачаево-балкарцев (*таулу*), которых считают потомками степняков-кипчаков, и почему в осет. яз. нет следов «североиранской» степной терминологии?

Автор, конечно же, приводит и утверждение Вс. Ф. Миллера: «Грузины помнили о своих соседях оссах с тех самых пор, как начали помнить себя, так как оссы в предании о Фарнавазе тесно связаны с началом национального сознания грузин» (с чем, конечно, согласны и все иранисты). И, далее: «Средневековый автор Леонти Мровели сохранил свидетельства о вторжении хазарского царя и его сына Уобоса на Кавказ. Этот факт большинство современных кавказоведов относит к известному походу скифов в Закавказье в VII в. до н. э. и связывает его с легендарным «началом летоисчисления осетинского народа» (Уарзиати, с. 127).

Следовательно, предки осетин и они сами были связаны с грузинами, слава Богу, на протяжении 2700 лет. Но осетины ни о каком своем «легендарном летоисчислении» не помнят, а название грузин (*гуырды*) ухитрились занять у каких-то неведомых тюрков (см. в ИЭСОЯ), о чем Уарзиати не упоминает. Не говорит он и о том, что грузины именовали «осами, овсами» карачаево-балкарцев, предпочитая думать, что «в грузинской этнонимии для обозначения осетин используется их древнейшее самоназвание «ас/аас/ос»; стало быть, «древнейшие соседи алан (грузины и абазыны. – М. Дж.) сохранили их самоназвание в качестве этнонима», «более того, он перенесен на их позднейших потомков осетин» (Уарзиати, с. 128).

Сопоставьте эти высказывания с другим: «Вспомним и тот факт, что таулу (карачаево-балкарцы. – М. Дж.) в устах соседних народов именуется или именовались такими этнонимами, как: «ассиаг/ассон/аллон» (Уарзиати, с. 96). Какие такие соседние народы именуют или именовали карачаево-балкарцев асами, автор говорить не пожелал, поскольку в их числе находятся и сами осетины. Получается, что грузины называли и называют осетин «их древнейшим самонаванием», а сами осетины его почему-то подарили карачаево-балкарцам. Мнение, что *овс* якобы представляет собой грузин. форму названия древних «алан-осетин» *ас*, лишено всякого основания; грузинское *овс* - от древнего кар.-балк. названия Кубани – *Коб-суу*, *Кёб-суу* «многоводная (река)», синоним других названий - *Къара-чай*, *Къара-Балыкъ*.

К числу осетино-грузинских параллелей в фольклоре В. С. Уарзиати относит четыре имени героев нартского эпоса в сванском, не замечая при этом, что они гораздо ближе к кар.-балк., чем к осет. Сравните сами:

В сванских текстах: Вердзмег, Сорсан, Патраз, Зитанай (Сатанай).

В кар.-балк.: Ёрюзмек, (Сослан), Батыраз, Сатанай.

В осетинских: Уырызмаг, Сослан, Батраз, Шатана.

Недоразумением выглядят и следующие сближения со сванским и рачинским фольклором: «Назову некоторые из них: предание о балкарском пастухе (меджвэг малкриш), былинку о Гьерге Дадуане и рачинце Гагнидзе, хорошо известную в Северной Осетии среди жителей Дигории» (Уарзиати, с. 128).

Большинство параллелей, усматриваемых Уарзиати в обрядах, архитектуре, одежде,

пище грузин и осетин, присутствуют в культуре и многих других народов Кавказа и никак не могут быть свидетельством древности и «интимности» этнокультурных связей именно этих двух народов. Но, поскольку Уарзиати не знал кар.-балк. яз., то и нечаянно приводил примеры, явно не подтверждающие «аланство» осетин, а как раз напротив – глубину связей грузино-карачаево-балкарских. Обязательным компонентом семейной обрядности горцев Восточной Грузии является, например, «символ древа плодородия и жизни», «представленный в данном случае в виде креста», украшенного крестиками, свечками, яблоками и сладостями» (Уарзиати, с. 130).

Теперь сравните названия этих предметов. В Хеви – «карачха»; кар.-балк. *къаранчха* означает «пугало», которое делается так: на высокий шест забивается поперечина, и получается крестообразный остов, на который напяливается старая одежда и шапка; выглядит пугало, как фигура человека с раскинутыми рука. В Мтиулети символ-крест называется «чирагдани»; ср. кар.-балк. *чиракъ* «лучина; свеча; лампа» и *чирахтан* «подсвечник». Кроме того, посох, напоминающий дерево с тремя или четырьмя отростками, употреблявшийся карачаево-балкарцами во время проведения некоторых обрядов, назывался *жора таякъ* «жезл (или посох) посвящения»; в названии присутствует слово *жор* «крест».

Поминальные скачки, пишет В. С. Уарзиати, у горцев-грузин назывались *доги*, восходя к алано-овсскому (осетинскому) *дугъ* «скачки»; заключение поспешное, поскольку, по мнению В. И. Абаева, термин является тюркским (см. в ИЭСОЯ). Но цитировать Абаева Уарзиати не пожелал.

Свидетельством оживленной меновой торговли с грузинами и сбыта им войлочных изделий В. С. Уарзиати считает название короткой бурки, верхней одежды пастуха. Карачаево-балкарцы называли ее *гебенек*, адыги – *гъуэбэнэч*, осетины-дигорцы – *гебена*, горные грузины – *гвабанаки*. По мнению В. И. Абаева, «эта номинация восходит к ираноязычной лексеме «кафани», означающей «род одежды, который носят бедняки». Естественно, что в пастухи обычно нанимались низкие слои общества» (Уарзиати, с. 158).

Но, во-первых, иран. *кафани* и приведенные выше термины имеют весьма отдаленное сходство. Во-вторых, не все люди, занятые пастьбой скота, относились к «низким слоям общества». В-третьих, эта бурка была короткой не потому, что ее обладатели не имели возможности приобрести себе широкую и длинную бурку (эка невидаль!), а потому, что в короткой легко и удобно передвигаться в горах, ходить за скотом. В-четвертых, это слово, вошедшее во многие языки Кавказа, является кар.-балк. и букв. означает «мотылек» (*гебенек*; «бабочка» - *гёбелек*), по уподоблению - при быстрой ходьбе ее полы развеваются. В-пятых, из всех перечисленных форм слова грузин. *гвабанаки* почему-то ближе всего к карачаево-балкарской – *гебенек*.

Указывая на важную роль «почетного бокала» в застольной обрядности осетин, В. С. Уарзиати говорит: «...подобный застольный обычай известен в Грузии под названием «сирча» (что означает «бокал»), или «катха», то есть деревянный бокал или сосуд для питья». «В обиходе грузины называют этот обычай «осури сирча», то есть «осетинский сирча». Грузин. термин *катха* «сосуд для питья» автор сопоставляет с осет. *каехц* «большая деревянная чаша, миска», в которой преподносили пиво. Все это является, как он думал, свидетельством самобытности осетинского обычая, «проникшего в быт многих других кавказских народов» (Уарзиати, с. 171).

Разумеется, взаимовлияния народов Кавказа были широкими и разносторонними, и осетины-иронцы внесли свою лепту в процесс взаимообогащения их культуры, быта и языка, а потому незачем прибегать к натяжкам. Но каким образом осет. *къаехц* превратилось в грузин. *катха*? Это, во-первых, а во-вторых, что означает первый термин – *сирча*? Если слово осетинское, то почему автор его не объяснил, - тем более, что именно

оно входит в название обычая у грузин (*осури сирча*), якобы означая «осетинский сирча»?

На самом деле, это кар.-балк. *чирча*, *цырца* «чаша»; кроме того, в кар.-балк. языке одно из значений слова *сыр* – «почет, почетный». Да и словом *оссури* горные грузины именовали не осетин, а карачаево-балкарцев, что отмечалось еще дореволюционными исследователями (см. ниже). Да и в кабардинском почетный бокал почему-то назывался *батырыбже*, от тюрк. *батыр* «витель».

ОСЕТИНЫ И МЕГРЕЛЫ

В поисках фактов, доказывающих, что территория «алано-осетин» простиралась в средневековье далеко на запад от нынешней Осетии, В. И. Абаев предпринял несколько путешествий в Балкарию, Карачай, Мингрелию, Сванетию, Абхазию. «В период усиления аланского народа влияние его испытали на себе все кавказские народы. Факты языка показывают, что осетины-аланы соседили в прошлом и с теми кавказскими племенами, от которых они теперь отделены значительными пространствами и иноязычным населением: мегрелами, сванами, абхазами, абазинами». Читатель мог ожидать, что после такого заявления на него обрушится шквал информации.

Факты: осет. название арбы, *ардон* – у ингушей, чеченцев, абхазов. Осет. *рахаес* «надочажная цепь» – абхаз. *архэина*; созвучие весьма сомнительное. Абазинское племя *тапанта* – осет. форма мн. числа от *тапаен* «низина, низменность» + афф. мн. ч. *тае* (т. е. «низменности»). Объяснение неверное. Во-первых, никакое племя себя «низменностями» именовать не будет, да еще и на чужом языке. Во-вторых, в осет. словарях «низина» и «низменность» переведены совершенно другими словами. В-третьих, и абазин., и осет. термины восходят к кар.-балк. *тёбен* «нижний, низовой», ср. *тюб* «низ, нижний», *табан* «пята, подножье, подошва» и пр.

Далее Абаев говорит о значительности аланских элементов в абазинском, но ни одного примера почему-то не приводит. Из мегрел. в осет. яз. вошли названия серны и огня. «Все эти факты говорят о том, что осетинское население было продвинуто в прошлом далеко на запад. Это полностью подтверждается также данными топонимики» (ОЯФ, с. 88). Из мегрельского (занского) идут, по мнению Абаева, слова, означающие: камень (*тор, дор*), волос, горячий, огонь, нос, губа, палочка, краснотал, жердь, серна, кончик (вершина), скамья, цедить. Но неясно, идут ли они именно из мегрел. или из грузин., поскольку есть и в последнем. Пять из одиннадцати слов установлены путем реконструкции. Очень мало для утверждения, что «осетинское население было продвинуто в прошлом далеко на запад»; эти слова могли попасть в осетинский и через грузинское посредство.

Но В. И. Абаев делает торжественное заключение: «Осетинские слова, которые мы рассматриваем как мегрелизмы, своим характером, значением и употреблением говорят об интимности и глубине связей, существовавших между двумя народами. Речь идет не о каких-нибудь второстепенных и малоупотребительных словах, а о самых насущных, обиходных понятиях: огонь, камень, жердь, столб, скамья, шерсть, серна, нос. К некоторым из этих слов трудно применимо даже наименование «заимствования». Мысль возвращается настойчиво к другому лингвистическому и культурно-историческому понятию: субстрат» (Абаев, ОЯФ, с. 328).

Во всей обширной литературе, созданной титаническим трудом иранистов, трудно найти более натянутые утверждения. Если 11 слов, ничего особенного из себя не представляющих, дают право говорить «об интимности и глубине связей», то что прикажете думать о сотнях тюркизмов, выявленных самим же Абаевым? Или осетинский народ, особой надобности в них не испытывая, заимствовал их из прихоти, а вот 11 насущных мегрелизмов хранил веками, как самые ему необходимые? И о каком субстрате

можно думать, если мегрельский и осетинский языки не имеют между собой ничего общего? Вот, например, факт, о котором великий ирановед предпочел обойтись лаконичным сообщением: «*кызг/кызгае* «девочка», «девушка», «дочь». – «Старое заимствование из тюрк. *къыз* «девушка», «дочь». Заимствование имело место еще в тот период, когда в осетинском не было звука *къ*». «Иранским словом для «девушки», «дочери» было *дыгъд, дугъд*, сохранившееся только в *ходыгъд* «золовка» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 1, с. 614)? И все, никаких комментариев. Или это слово до статуса свидетельства «интимности связей» не дотягивает?

Далее Абаев переходит к археологии: «Выяснилось, что знаменитая Кобанская бронзовая культура на территории Осетии составляет одно целое с аналогичной культурой древней Колхиды и что, стало быть, осетины вместе со сванами, мегрелами и абхазами являются наследниками и продолжателями единой когда-то «кобанско-колхидской» культурной общности» (Абаев, ОЯФ, с. 328, со ссылкой на статью А. А. Иессена, 1935 года). Но это мнение А. А. Иессена, насколько нам известно, не было поддержано другими археологами, и это, во-первых. Во-вторых, кобанская археологическая культура (начало которой относят к XIV в. до Р. Хр.) прославилась на весь мир своими изящными изделиями из бронзы. Но, как назло, в осет. яз. нет своих слов, означающих «медь», «олово», «мышьяк» (см. в ИЭСОЯ). Если учесть, что в осет. яз. нет и своего слова, означающего «бронза», а есть недавнее заимствование из русского – *бронза*, заявление Абаева следует считать поспешным.

Цитируя Иосафата Барбаро («Путешествие в Тану», XV в.): «За Кремухом обитают разные народы в недалёком расстоянии друг от друга как то: Киппики, Титаковцы, Собойцы, Кевертейцы, Ас или Аланы, земли которых простираются на 12 дней пути, вплоть до самой Мингрелии», В. И. Абаев делает вывод: «Таким образом, прошлое соседство осетин с мегрелами ставится на вполне реальную географическую и историческую почву. Не случайно, что мегрелы сохранили старое название осетин *алани* в значении «герой», «молодец», а также присвоили популярной спортивной игре название «аланской» (*алануроба*)» (ОЯФ, с. 329).

В XV в. «ираноязычные» асы-аланы на территории Балкарии и Карачая еще жили, сохранялось и их самоназвание. Вопрос только в том, началась ли тогда их тюркизация или еще нет? А если да, то откуда взялись «ассимиляторы»? Ответ Абаева: «... ни одно из рассмотренных слов не могло попасть в осетинский позже XIV века, т. е. позже того времени, когда осетины были расселены еще до верховьев Кубани и могли непосредственно общаться с мегрелами, абхазами и сванами» (ОЯФ, с. 330). Но вот же беда – неясно, проникли эти слова в осет. яз. из мингрельского, или из грузинского; а во-вторых, Абаев не назвал ни **одного осетинского слова, которое проникло бы в мингрельский**. Выходит, влияние было только односторонним (как и в случае с венгерским). Нам в такие кудеса не верится.

Выше ученый писал о том, что мингрелы сохранили в своем языке «старое название осетин» – *алани*. Но далее он полностью разрушает свои, и без того хрупкие, построения. Говоря о том, что Горная Кабарда и Клухорский район (т. е. Балкария и Карачай, названия которых были в те годы под запретом. – М. Дж.) – территория, которая, по свидетельству средневековых источников, находилась в сфере «предполагаемого распространения аланских поселений», Абаев пишет: «Большой интерес в этом отношении представляет тот факт, что мегрелы до последнего времени называли карачаевцев *алани*».

«Приведем полностью, - продолжает Абаев, - соответствующее место из работы И. Кипшидзе («Грамматика мингрельского (иверского) языка», стр. 193): «*Алани* – алан; аланами мингрельцы называют карачайских татар (карачайцев), живущих на северном склоне главного Кавказского хребта, близ Эльбруса, у истоков р. Кубани; *алани-кочи*

человек-алан, т. е. сильный, храбрый, молодец, см. *арам-хуту*; *алануроба-малануроба* – обычай, совершаемый 20-21 августа в церковной ограде в сел. *Биа* Зугдидского уезда». Далее идет описание борьбы двух групп молодежи, отбивающих друг у друга знамя. И Абаев делает вывод, что контакты алан (подразумевая под ними осетин) с мингрелами были тесными, так как обычай имеет название «аланского», может быть, заимствован (ОЯФ, с. 249).

К какому выводу должны были прийти кар.-балк. ученые, читая о подобных фактах (число которых во много раз больше)? Разве они не обязаны были анализировать их, как и ставить вопросы? И разве эти сведения не показывают, что не осетины, а карачаево-балкарцы являются потомками алан? Но иранистам такой подход почему-то не нравился, поэтому они стали заявлять, что их оппоненты злоумышленно были озабочены «поиском престижных предков».

Интересно, что карачаево-балкарцы называют мингрелов (мегрелов, занов) *малгар*, что очень близко к самоназванию черекских балкарцев – *малкъар*. Есть и фамилия *Мегреллары* «Мегреловы»; если о ком-то хотят сказать, что он очень вынослив, его сравнивают с мегрельской лошастью (*малгар ат кирик*).

ОСЕТИНЫ И СВАНЫ

В 30-е годы В. И. Абаев совершил поездку и в Сванетию. Урожай и на этой ниве оказался скудным, поэтому пришлось включать в список лексических сходжений и совершенно явные карачаево-балкаризмы, присутствующие и в осетинском, и в сванском. Но Абаев все так же уверенно пишет о них: «...из сванского попали в осетинский». Перечислим эти слова (в скобках – наши комментарии):

1. *Зах* снежная лавина – ос. *заей*, *заейае* (кар.-балк. *зая*).
2. *Къа* сланец, шифер, - ос. *къаей*, *къаейае* то же; балк. *гыйы* (кроме того, кар.-балк. *къая* «скала»).
3. *Инга* малина – дигор. *нинаег*, балк. *нанькъ*, алтайск. *нонак* черника (по Абаеву – тюркизм; см. в ИЭСОЯ).
4. *Матата* ядовитое растение – *маетыг*, *татук* съедобное растение. «Происхождение нам неизвестно. Исходная форма в осетинском *татук*». (Ср. кар.-балк. *татуу* «вкус», из *татук*, *татуулу* «вкусный», *татлы* «сладкий»).
5. «*Мырск* муравей – *маелдзук*, *мулдзук*. Старое индо-европейское слово, др. иран. *маури*, перс. *мурчех*, русск. *муравей*. Староосетинскую форму можно восстановить в виде *мурчук*, откуда легко могло получиться сванское *мырск*. В других картвельских языках нет этого слова». (Ср. кар.-балк. *къумурсха* «насекомое» и *гумулжук* «муравей»; второе слово, вероятно, чуть искаженное *гумулжух* «кисломордый», из-за муравьиной кислоты, выделяемой насекомыми – *гумул* «квас, квасная», *жух* «морда». Или от *кумурчукъ* «маленькое насекомое»; сюда же киргиз. *къумурскъа*, кумык. *хомурсгъа*).
6. *Текра*, *текер* клен – *таекаер*, балк. *тыкыр*. Иранской этимологии нет.
7. *Домбай* бык крупного и мощного сложения – *домбай* зубр, ср. карач. *доммай* зубр, абх. *а-домпей*, каб. *домбей*, груз. *домбай*.
8. *Сэг* подпятник мельницы, упор оси водяной мельницы – ос. *саег* кольцо, скоба и пр., «слово, по всей видимости, не иранское. Ср. балк. *чык* «петля, звено».
8. *Къыдыр* (Ленджер), *къудур* (Мулах) чурбан, толстяк – *куыдыр* чурбан, обрубок (кар.-балк. *кылды* топляк).
9. *Кесени* склеп надземный – диг. *кесена*. Балк. *кешене* засвидетельствовано также и в других кавказских языках.
10. *Уораи* сусло для араки (водки), по Н. Я. Марру; «выжимки, остатки (по выгонке

араки)» - дигор. *уаерас* брага, ср. абх. *а-уарас* «напиток вроде пива». Р. Штакельберг сближает осет. слово с чуваш. *эрёи* брага. Если так, то сванское и абхазское слова придется считать усвоенными из аланского» (логика замечательная – если чуваш., тюрк. слово есть у сванов и абхазов, значит, попало к ним из аланского =осет. яз.).

11. *Забыр* обувь для хождения по склонам (верх из цельного куска кожи, подошвы из переплетенных ремешков); св. *чапыл* чукьяк (обувь) – ос. *дзабыр*, *дзатур* чукьяк, сюда же балк. *чабыр*. В ИЭСОЯ Абаев пишет об этом слове, распространенном «в некоторых тюркских и кавказских языках» (кар.-балк. («чукьяк»), даргин. («сапог с коротким голенищем»), сван. («обувь для хождения по крутым склонам»), мегрел., чанском («лапоть»), грузин. (диал.) «вид обуви», встречается и в русск. диалектах, причем северных, валдайском и вятском (*чабуры*, *чабчуры* «женские высокие башмаки»)). «Исходное значение слова было связано, по-видимому, с понятием плетения: в большинстве перечисленных кавказских названий речь идет о плетеной обуви. Если так, то вся группа сближается с перс. *чапар* «плетень». Переходное от «плетня» к «обуви» значение представлено в пам(ирско).- руш(анском) *чапар* «круглые плетенки из прутьев, употребляемые для ходьбы по снегу» (т. 1, с. 387).

Допустим, это слово персидское. Но в осет. яз. «плести» - *бийын*, *каенын*, поэтому название обуви войти в эти языки из «алано-осетинского» не могло. Кроме того, выявляется странный факт: в осет. яз. нет ни одного своего (иранского) названия обуви, а есть тюрк., грузин., русск.: *аерчы* (то же, что и *дзаебыр*), *мест*, *басмахъхъ*, *цырыхъхъ*, *къогъодзи*, *туфлитае*, *ботинкаеае*, *къалос* (см. в ИЭСОЯ).

О названии напитка, упоминающегося в осет. фольклоре. «Ос. *ронг*, сванское *ранг*, мегрельское *ранги*, - от др. иран. *франа*, древнеинд. *прана* «дух, душа», аналогично латинскому *спиритус* «дух» - «спирт» (Абаев, ОЯФ, с. 348-353). Позже В. И. Абаев выявил в одном из грузин. диалектов слово *ранги* «хмельной напиток, приготовляемый из меда» (ИЭСОЯ, т. 2, с. 422). Разумеется, он предположил, что слово заимствовано сванами, мегрелами и грузинами у «алано-осетин»; но доказать это трудно - сваны и мегрелы могли занять его как у осетин, так и у персов; к тому же у осетин этот термин встречается только в эпосе.

Выявив ряд карачаево-балкаризмов в сванском, В. И. Абаев говорит о терминах, попавших, по его мнению, в сванский через посредство карачаево-балкарцев:

1. «*Зэнтх* овес – *заетхае*, каб. *зантх*, балк. *зынтхы*; вероятно, кабард. происхождения, отсюда проникло в дигорский и балкарский, оттуда – в сванский».

2. «*Сылхыр* полоумный, примен. также к овцам, пораженным особой болезнью мозга, шалый – ос. *саелхаер* (прим. и к человеку и к овцам), балк. *сылхыр*. Слово осет. *саер-хаелд* «с поврежденной головой». «Однако в сванский могло попасть не непосредственно из осетинского, а через балкарское посредство».

3. «*Кырзин* хлеб, испеченный в золе – *каердзын*, *каерзин* хлеб ячменный или кукурузный, балк. *гыржын*. Слово включает осетинский суффикс *зын*, *зин* и поэтому должно считаться заимствованием из осетинского; впрочем и сами сваны пояснили, что *кырзин* они зовут «осетинский» хлеб».

В. И. Абаев явно лукавил. Этот хлеб и в кар.-балк. яз. называется сходно – *гыржын*, *гырзын*; кроме того, карачаево-балкарцев сваны именуют *сав*, *савиар*, а осетин – *дигорели*; но Абаев, к сожалению, не сообщил, как звучит по-свански название этого хлеба. К тому же, по мнению самого Абаева, первая часть термина, *каер*, неупотребительная отдельно, «разъясняется как старое название «ячменя», усвоенное из кавказских языков; ср. груз. *кери*, арм. *гари*, абх. *а-кар*». Следовательно, осет. может являться только формант *зын*, *зин*; но это слишком слабый аргумент, так как и он может оказаться не-осетинским.

По Абаеву, непосредственно из осет. в сванский попали слова:

1. *Баск* земляника – *маескъу* брусника
 2. *Манаи* рожь – *маенаеу* пшеница (из осет. в сван.).
 3. *Зад* солод – ос. *зад*. От осет. глагола *зайын* «рости» и означает «проросшее зерно». «Сванский усвоил слово из осетинского. По уверению нашего осведомителя А. Гуледани, в нижнебалхском диалекте сванского (сел. Ленджер относится к вышебалхскому) для солода употребляется слово *салад*. Как попало туда русское слово?». (Но гадать не нужно: в кар.-балк. «солод» называется *салат*).
 4. *Мог* мушмула – ос. *мога*
 5. *Дарг* коза в возрасте от 6 мес. до 1 года – *даркъ*.
 6. *Далису* (мулах. *далус*) барашек в возрасте от 6 мес. до 1 года – ос. *далус*, *далис*; «для этого слова находим неожиданное соответствие в русских диалектах: *давись* «одногодок» - в южнорусских говорах Л и В чередуются. (Ср. кар.-балк. *дабиш* «ягненок до 6 месяцев»; слово употребляется и в качестве детского имени).
 7. *Курна*, *курана* круглый камень для толчения зерен или соли; пест – ос. *куррой*, *курройнае* мельница. Осет. формы закономерно восходят к *курана*. По Абаеву, скорее в сван. из осет.
 8. *Арсан* крепкая веревка из конопли и щетины – иран. *расана* веревка, осет. *ратан*. (Разве к сван. термину не ближе кар.-балк. *аркъан*?).
 9. *Чирт* куча камней, собранных с поля – ос. *сырт* памятник, могильник; ср. инг. *чурт* памятник. Слово допускает иран. этимологию (др. иран. *читра* памятник), идет из осет. в оба языка (куча камней – архаичное могильное сооружение).
 10. *Кырдан* тряпка – *каердаен* платок. От осет. *каерд* кроить, означает «отрез, кусок материи».
 11. *Буаст* мир – *баестае* мир, страна. Из осет. (санскр. *упастха* стояние, пребывание). Картвельских соответствий нет.
 12. *Буран* помет мелкого скота; пыльная поверхность почвы – ос. *бырон*, *буройна* сор, мусор. Вероятнее из осет.
- Сделаем некоторые выводы. Итак, В. И. Абаев, озабоченный поисками осет.-сван. лексических сходжений, попутно выявил в сван. яз. 12 слов из кар.-балк., и 3 слова, попавшие в сван. яз. через посредство карачаево-балкарцев; а также – 12 слов из осет., что неудивительно, учитывая близость Осетии к Сванетии. Но этого очень недостаточно для того, чтобы утверждать, что влияние «осетин-алан» на сванов было сильным.
- В. И. Абаев приводит и ряд слов в сванском, неясного, как он пишет, происхождения (вероятно, он рассчитывал узреть в них следы языка, на котором разговаривал загадочный «кавказский субстрат»):
1. «*Гедер* бобы – *хъаедур*, *хаедорае* бобы, фасоль, балк. *къудору*. Из груз. *хндури* «крупные бобы». (Кар.-балк. *къудору* «фасоль»).
 2. «*Кан* конопля – ос. *гаен*, *гаенае*. Корень – во многих языках. Чье это слово, неизвестно, корень *кан*, *кен* присутствует во множестве языков, уже в шумерском конопля называлась *канибу*. Макс Фасмер считает слово странствующим восточным термином. ((Кар.-балк. *кендир*, *кендираи* Абаев не указывает).
 3. «*Мага*, *маг* название небольшой птицы, за которой охотятся» - ос. *маега* бекас. Сюда же балк. *мыга* бекас. Происхождение нам неясно».
 4. «*Гуем* кладовая – ос. *гом*, *гон* амбар, каб. *гон* амбар». (кар.-балк. *гуму* кладовая).
 5. «*Меку* копна сена, *мачуал* скирд из снопов – ос. *маекъуыл*, *маекъуал* копна, скирд; ср. груз. *маколи* копна, каб. *макъу* сено. Из кавказского».
 6. «*Къир* деревянное кольцо на конце веревки для стягивания – ос. *къаерка*, ср. балк. *гири*. Слово не иранское». (В черекском диалекте кар.-балк. яз. - *кырка*).
 7. «*Пил* губа – ос. *был* губа, груз. *пири* рот, лицо. Из картв. в ос.».

8. «*Талапа* ресница – дигор. *таефалае* ресница, с перестановкой слогов».
9. «*Макуштаг* бедро – ос. *макустаг* плечевая кость. Во второй части осет. *стаг* кость, первая часть неясна. Сюда же балк. *мукуштук* плечевая кость».
10. «*Скъел* голень – ос. *счыл*, *скъелае* лодыжка, задняя часть ноги. Происхождение неясно».
11. «*Суим-ра* значение стало забываться, видимо, было связано с древним ритуалом – шествие, сборище, войско; в основе возможно *суип* собрание, беседа, место собрания; возможна связь с осет. *сим-сем* исполнять массовый танец».
12. «*Шхар* (*сагъар*) бык (лошадь) с белой полосой на лбу – ос. *зыгъар*, *загъар* животное с белым пятном на лбу (есть и в груз., и в цахурском и др.)».

Перейдем к фольклорным сближениям, выявленным В. И. Абаевым.

1. «*Апсат* бог-покровитель охоты и охотников, патрон зверей *Афсати*. Ср. балк. *Апсаты*. Н. Я. Марр считал, что это божество идет с юга, из Фригии и Армении. Это относится, конечно, только к названию бога. Его мифологическая сущность – коренная кавказская, целиком возникшая на почве охотничьего быта кавказских народов».
2. «*Нярт* богатырь, представитель богатырской породы людей – ос. *нарт* название эпического народа (кар.-балк. *нарт*)». (Но в осет. яз. слово *нарти* не обозначает единичного человека, это название патронимии: *нарти* «из нартов», *нартон* – «нартовский»).
3. «*Сосрукуа* эпический герой – ос. *Созруко*, каб. *Сосрукъуа* нартовский герой». (Ср. кар.-балк. *Сосурукъ*, или *Сосрукъа*, с ударением на последнем слоге, уменьшительное).
4. «*Верзмег* собств. имя, встречающееся в сказках, а также в быту – ос. *Уаеразмаег*, *Уырызмаг* нартовский герой. Свойственная сванскому экающая тенденция в огласовке объясняет форму *Верзмег*». (Это объясняется не «экающей тенденцией», а тем, что сваны усвоили имя у карачаево-балкарцев – *Ёрюзмек*).
5. «*Хабиж*, *Хабже* собств. имя в эпосе и в быту – ос. *Хаемыц*, *Хаемиц* нартовский герой. В работе о собственных именах нартовского эпоса мы возвели осетинское *Хаемиц* к монгольскому *Хабичи* «герой», считая М перебоем вместо Б. Сванское *Хабиж* подтвердило нашу этимологию». (Монг. *Хабичи* здесь совершенно ни при чем; *Хабиж* является у сванов героем не нартской (эпической) песни, а кабард. историко-героической, попавшей к сванам, скорее всего, через балкарцев. Кроме того, у карачаево-балкарцев, имевших давние и тесные связи со Сванетией, нарта зовут *Хымыч*, *Хымыц*, и перебой м/б характерен как раз для их языка).
6. «*Сатанай*, *Зитанай* имя чародейки в сказках – ос. *Сатана* нартовская героиня». (Имя главной героини нартского эпоса произносится по-осетински *Шатана*. Но сван. форма идентична не осет., а кар.-балк. – *Сатанай* «ясная луна», от арх. *сатан* «ясная» + *ай* «луна», поэтому ее в эпосе именуют *бийче* «богиня», т. е. в эпос образ лунной богини вошел из кар.-балк. мифологии. В. И. Абаев пишет, что у сванов «Сатанай зовется чародейкой: *Орхугу-Сатанай*, так же как в балкарском: *Обур-Сатанай*» (ОЯФ, с. 304).

Далее В. И. Абаев делает следующие выводы:

«Там где есть расхождения между иронским и дигорским, сванский примыкает к дигорскому. Так, слова *заетхае*, *нинаг*, *уарас* в иронском вообще отсутствуют. Слово *талафа* в значении «ресница» также характерно для дигорского. Сванские *мог*, *чирт* по огласовке смыкаются именно с дигорскими, а не иронскими формами. Все это вполне согласуется с тем, что мы вправе были ожидать по другим соображениям. Известно, что осетинские элементы в балкарском и карачаевском имеют дигорский облик. Все данные, которыми мы располагаем, согласно говорят о том, что осетины (аланы), которые жили в прошлом в соседстве сванов, были носителями дигорской речи».

Позволим себе не согласиться; во-первых, дигорцы изначально были тюрками; во-

вторых, иранские предки осетин пришли на Кавказ в XVII в., а потому в сванский их термины проникнуть не успели; в-третьих, В. И. Абаев, вовсе того не желая, обнаружил в сванском больше карачаево-балкаризмов, чем осетинизмов. Да и сам он говорит о том, что к сванам многие слова попали через балкарцев (а некоторые якобы идут из «кавказского субстрата»).

Примечание Абаева: «Сани» зовутся по-свански *сав*, и это же слово означает «осетин», и, хотя множ. число различается (от *сав* сани, мн. ч. – *савар*, от *сав* «осетин» мн. ч. – *савиар*), мы думаем, что это одно и то же слово и что какой-то тип саней, усвоенный у осетин, был назван их именем; ср. балк. *дюгер* «осетин-дигорец» и вместе с тем «перекладина саней». Если наша догадка верна, то между сванами и осетинами происходил обмен не только словами, но и вещами» (Абаев, ОЯФ, с. 302). Разумеется, это так. Но речь идет о другом: где следы огромного влияния «скифо-алано-иранцев» на язык и культуру народов Кавказа, в данном случае – сванов, с которыми они якобы общались на протяжении 2000 лет?

Как ни «странно», в осет. яз. своего названия не было не только для грузин, но и для сванов. В. И. Абаев говорит в ИЭСОЯ, что осетины называли их *сары*, но в ОРС такого этнонима нет, там сказано: «*сван* – сван» (явно перенято из русского), а в РОС нет даже и упоминания о сванах. Но это нисколько не помешало В. И. Абаеву сделать заключение: «Общий вывод таков: влияния были обоюдные, с некоторым перевесом в пользу осетинского (аланского)» (Абаев, ОЯФ, с. 292). Что тут можно сказать? Куда повернул, туда и вышло. У карачаево-балкарцев три именованья сванов – *эбзе* (основное), *сона*, *шарий* (в фольклоре). Заметим, что и карачаево-балкарцев сваны называют *сав*, *савиар* (и, в первую очередь, именно их, а осетин именуют *дигорели*), и что одно из кар.-балк. названий сванов – *сона* – также странно похоже на *чана*, *цана* «сани» (в источниках упоминается народ *цанары* (т. е. *заны*, мингрелы), но есть ли между этими фактами какая-то связь, пока неясно).

Упомянув о знакомстве с Арсеном Онианом, информатором Н. Я. Марра при изучении им сван. яз., Абаев пишет: «А. Ониан был знаком также с балкарским языком и имел ряд наблюдений по общим элементам в сванском и балкарском. Интерес, вызванный этими его наблюдениями, сыграл известную роль при организации балкаро-карачаевской лингвистической экспедиции. В 1931 г., будучи в сел. Тегенекли на берегу Баксана, я имел случай снова встретиться со сванами и продолжить сванские занятия. Сваны были частыми гостями на Баксане» (Абаев, ОЯФ, с. 292). Добавим, что не только на Баксане, но и в других кар.-балк. обществах, как и карачаево-балкарцы часто гостили в Сванетии, имея там и друзей, и родственников.

ОСЕТИНЫ И АБХАЗЫ

В 1945 году Абаев совершил поездку в Абхазию: «Если аланы действительно жили там, где их помещают известные нам исторические источники, то они должны были соседить не только со сванами, но и с абхазами. А если такое соседство действительно имело место и было достаточно тесным и продолжительным, то оно не могло не оставить следа в языке, в духовной и материальной культуре» (ОЯФ, с. 309). Конечно, мы с этим полностью согласны, поэтому поместим список обнаруженных Абаевым осет.-абхаз. соответствий; в скобках – наши примечания.

1. «А-кды лес – ос. *къаед*, *гаедае*».

2. «А-уардын арба – ос. *уаердон*, *уаердун* арба; ср. чечен. *уарда*, ингуш. *уорда* арба. Слово иранского происхождения, ср. др. иран. *вартана* колесница, согд. *вартан* и др. И абхазское, и чеченское слово представляют старое заимствование из аланского». (Т. е., по

мнению Абаева, из осет.; но чем это доказать? А если оно во все эти языки проникло из иранского?).

3. *А-къадыр* седло – ос. *къуыдир*, *къудур* обрубок, чурбан. (Семантика слов не позволяет принять это сходжение: седло и чурбан – слишком разные предметы).

4. *А-мхы* поле, пашня – ос. *хум*, *хумае*. Слово, повидимому, иранское, ср. согд. *хурм*. (Сближение явно искусственное; если же считать его верным, ср. кар.-балк. *курму* «поле, вспаханное с осени, зябь». К абхазам могло попасть через соседей-карачаевцев, даже если оно и ирано-осет.).

5. *А-цъарс* подкладка – ос. *цъар* кора, крышка, подкладка, ср. ос. *царм* шкура (?). (Неясно, о какой подкладке идет речь, поэтому остаемся в сомнении).

6. *А-псыма* хозяин дома, гостеприимец – ос. *фысым*, *фусум* гостеприимец; «старое иранское слово *фсумант*, означавшее первоначально «хозяин скота», а потом вообще «хозяин». Усвоено в каб., черк. и др. яз. Кавказа. (У адыгов – *бысым*; скорее всего от них, а не от осетин, оно и попало в абхазский).

7. *А-лыгаз* старик. Слово составное. Во второй части – абх. *аз* старый. Первую часть мы отождествляем с осетинским *лаег* человек, мужчина. Все вместе значит, стало быть, «человек старый».

- В абхаз. яз. есть слово *лыг*, но оно означает «полоумный», - и, по Абаеву, сюда не относится. Но в 1973 году (во втором томе ИЭСОЯ, с. 21), Абаев пишет более определенно: «Попытки объяснить слово на иранской почве неубедительны», указывая на его присутствие и в тушин., авар., даргин., лезгин., табасаран., грузин. яз. В абаз. яз. (близкородственном абхазскому) он находит *лыг* «крестьянин, крепостной»; чечен. *лай* «раб», авар. *лаг* «раб». «То, что в абазинском означает «старый крестьянин», в абхазском могло означать вообще «старый человек».

«Слово *лаг* в значении «человек», «крестьянин», «раб» представляется нам исконно кавказским. В осетинском оно сохранилось как одно из ярких отложений кавказского субстрата. Осет. значение «человек, мужчина» всего ближе к тому значению, которое имело предполагаемое абхаз. *лыг*, сохранившееся в слове *лыгъаз* «старик». Что это значение – не выдуманно, подтверждается еще одним абхазским словом, на которое любезно обратил наше внимание М. А. Лакербай. Абх. *а-уадалыг* значит «прислуга». В первой части турецкое *ода* «комната»; во второй части уже знакомое нам восстанавливаемое абх. *лыг* «человек»; *уадалыг*, стало быть, букв. «комнатный человек».

Для такого эрудированного этимолога, как Абаев, это совершенно странное объяснение. Турецк. *ода* состоит из *ода* комната, и аффикса *лыг*, *лык*, = був. «предназначенная для комнат, комнатная», как в русск. *горница* - *горничная*.

8. *Арныг* бешеный, обезумевший – ос. *аернаег* дикий. Слово иранское; ср. авест. *ауруна*, *рына* дикий, др. инд. *арана* дикий. (И опять мы не знаем, из какого языка оно попало в абхаз. яз., но, скорее всего, из кар.-балк., в котором *ырнык* – «дикий, одичавший»).

9. *Аргама* явный, открытый – ос. *аергом*. Слово этимологизируется на осетинской почве; *гом* «открытый» и приставка *аер*. Из осетинского или через абхазский проникло также в мегрельский: *аргам* явный. (Ср. тюрк. *йарык* «свет, светлый, очевидный, открытый, яркий». Кроме того, в абхаз. это слово могло прийти через мингрел. яз., а не наоборот).

10. *А-хус* лекарство, порох – ос. *хос*, *хусае* лекарство, порох. Вероятно, иранское слово. (Но из какого языка оно попало в абхаз., неизвестно).

11. *А-къызма* волк – ос. *къуыз*, *кудз*, *куй* собака. Слово можно разложить на *къыз ма*, где *ма* – отрицание; в таком случае, опираясь на ос. *куз* (собака) можно думать, что абх. *а-къыз-ма* означало букв. «не-собака». Такое иносказательное обозначение волка могло

возникнуть на почве тотемических воззрений и связанного с ними запрета (табу) на название волка своим именем. (Но зачем абхазам надо было занимать чужое слово, означающее «собака», и добавлять к нему частицу отрицания? Почему бы им не заменить название волка своим словом «серый» (или «овцеед»)? Сомнительно и в фонетическом плане).

А-габан тюфяк – ос. *гобан*. (Кар.-балк. *гебен* «копна», *кёнген* «пухлый, вспухший, надувшийся». Сам же В. И. Абаев (в ИЭСОЯ) все слова такого рода («звукоизобразительные»), с основой *гоб*, *габ*, *коб* и др. уверенно считает возникшими у разных народов независимо друг от друга.

Нет сомнений, что в поиске следов активных взимовлияний «осетин-алан» и абхазов Абаев сделал все от него зависящее, и не его вина, что этих следов не обнаружилось: из 12 слов только три-четыре термина можно счесть схождениями. Но их малое число показывает, что речь идет о случайности, или о том, что в оба языка они попали из какого-то другого, третьего. Но именно в абхаз. яз., если осетины являются потомками алан, осетинизмов должно было иметься много, поскольку из исторических источников известно, что у алан с абхазами были тесные связи, что на побережье Черного моря стояли аланские крепости и т. д.

Часть этих аланов, оторванная (после нашествия войск Тамерлана) от основной массы, смешалась с приморскими абхазами, в результате чего появился новый народ – абазины, перешедший впоследствии на Северный Кавказ. Но названия абазинских племен почему-то не осет., а именно кар.-балк. – *Трам*, *Бийберд*, *Кълыч*, *Къызылбек* и т. д.; да и называли их по карачаево-балкарски – *Алты-кесек абаза* «шестичастные абазины»; язык и фольклор абазин (как и адыгейцев) насыщены не осетинскими, а как раз карачаево-балкарскими лексикой и элементами.

Как всегда, пытаюсь найти следы влияния осет. языка и фольклора у народов, с которыми осетины никогда не граничили, Абаев и в этот раз натывается на карачаево-балкаризмы. Без них он обойтись не мог – список «осетино-абхазских схождений» получался очень уж куцом (наши примечания – в скобках).

1. *А-чбыга* коса (орудие), абаз. *чбыг*, кабард. *самаг* – ос. *цаеваег*. Особый интерес этого слова заключается в том, что мы находим его также в чуваш. и некоторых других тюрк. и финн. языках: чув. *сава*, марийск. *саба* и др. Есть основание считать слово аланским по происхождению. Ос. *цаеваег* представляет по форме причастие от глагола *цаевын*, *цаевун* «бить, сечь» и значит, стало быть, «секущее (орудие)». (Ср., в таком случае, кар.-балк. *быч*, *бич* – «резать, срезать, разрезать»; *бычхы* пила, *бичакъ* нож; в фонетическом отношении абхаз. слово гораздо ближе к кар.-балк., чем к осет. *цаеваег*).

2. *А-фыртын* буря, метель – ос. диг. *бурдаен*; слово, повидимому, тюрк. происхождения. (Конечно, это так; ср. кар.-балк. *бурдум*).

3. *А-алуа* дым, *алуак* копоть, сажа – ос. *ала* копоть, чад. (Кар.-балк. *ала*).

4. *А-ихинз* название предмета, хорошо известное пастухам и охотникам; это палка, втыкаемая наклонно в землю, на которую подвешивается котелок для варки пищи, – ос. *саеджинз*, *саегинзае* «столб». Слово, по Абаеву, мегрельское: «Не подлежит сомнению, что осетинское *саегинзае* усвоено на Кавказе. Но откуда? Непосредственно из мегрельского или через абхазское посредство? То и другое допустимо». (Допустимо, но более вероятно, что оно заимствовано в эти языки из кар.-балк. яз.: *чигинжи*, *цигинзи* «заостренный столб»; *чук* «острие, кончик». Груз, который несут на спине, подвесив на чем-нибудь, по-кар.-балк. называется *салынжюк*, букв. «подвешенная ноша» (или *сагынжюк*); так же – тот предмет, о котором идет речь).

5. *А-гара* ограда двора – ос. *гаераен*, *горен*. (Странно, что Абаев не признал в этом слове общетюрк. *гюрен* «круг; ограда; отряд из ста воинов»; отсюда и казацкое *курень*).

6. *А-габанак* короткая шуба – ос. *дзебен* (*зебена*, ср. араб. *зебен* саван (?)). (Это кар.-балк. название короткого войлочного плаща – *гебенек*, букв. «мотылек»; см. выше).

7. *А-шанзаф* сборка женского платья – ос. *санзаф*. (Мы не нашли это слово ни в РОС, ни в ОРС, ни в ИЭСОЯ, поэтому остаемся в недоумении. Кар.-балк. *санзап*, *санжап* означает «то, что покрывает тело»).

8. *А-супал* кожаные полосы, свисающие по бокам седла – ос. *цупал*, *цопал* «висящая кисть». (Ср. кар.-балк. *чомп*, *цомп* «кучка, связка», *цопал*, *чопал* «кисть (виноградная)»; пучок; бахрома).

9. *А-къама* кинжал – ос. *къама*, *къаема*, ср. адыг. *къама*. Идет из тюрк. (*къама* «большой нож»). Осетинское слово усвоено скорее всего из адыг. (кабардин.). (Слово тюрк., поэтому логичнее считать, что в осет. яз., как и в абхаз., и в кабард. языки оно вошло из кар.-балк. яз., в котором «кинжал» – *къама*).

10. *А-джыка* соль – ос. *саех*, *саенхае*. Повидимому, кавказское слово, есть соответствия в дагестанских языках. (Нетрудно увидеть, что в основе термина тюрк. *аджы*, *ачы* «горький, горечь». В кар.-балк., например, поваренную соль называют *хант туз* «пищевая соль» или *ачы туз* «горькая соль», в отличие от сахарного песка, *балтуз*, букв. «медовая соль» (кусовой сахар и рафинад – *шекер*). В абхаз. яз., скорее всего, вошло из турецкого).

11. *А-уараи* брага (?) – ос. *уарас*, св. *уорас* (выше уже говорилось о том, что это слово тюрк., чувашское; возможно, от *ораз* «счастье, счастливый», что могло быть связано с эйфорией при опьянении).

12. *А-зар* песня, исполняемая на скачках – ос. диг. *зар* песня. Слово иранское: авест. *зар*, др. инд. *йар* петь. (Уверенность Абаева в иранском происхождении слова удивляет. Во-первых, корень *зар*, *жар*, *йар* в таком же значении присутствует во многих языках, в том числе и в финно-угорских. Во-вторых, практически во всех тюрк. яз. «песня» - *йыр*, *йар*, *жыр*, *зар*, *зыр* и пр., что связано с понятием «свет, слава» *жар*, *зар*. Стоит ли думать, что все эти народы одновременно заняли у иранцев одно и то же слово? Присутствие *зар*, *йар*, *гар* в огромном количестве языков не позволяет, на наш взгляд, уверенно отнести его к одному из них; см. об этом в ИЭСОЯ, т. 4, с. 288).

13. *А-закъа* борода – ос. *зачъе*, *закъа*, ср. кабард. *закъе*.

- Трудно сказать, каким видением надо обладать, чтобы назвать бороду, которая растет не только подо ртом, но и на щеках, а у иных граждан и до самых глаз, «хвостом рта». Спустя много лет, и опять не вспоминая о тюркизме, Абаев пишет, что это слово вошло в осет. из адыг. яз. и анализируется в них, как «сложное *закъа* «хвост (*къа*) рта (*за*)» (ИЭСОЯ, т. 4, с. 285). Удивительно, почему Абаеву не вспомнилось общеизвестное и общетюрк. *сакъал* «борода». Легко признать в нем присутствие тюрк. *къал* «волос, волосы», закономерно перешедшее в *къыл*; первая часть, *сакъ* - «береженные, несбриваемые»; вероятно, древние тюрки (скифы, саки, аланы, гунны и пр.), бороды не брили, считая ее символом чести и признаком свободного человека). В этом смысле интересен эпизод из кар.-балк. нартского эпоса (в цикле «Ачей и Ачемез»). Трое набегников встречают на пути какого-то человека. Казалось бы, они должны захватить его и продать в рабство. Конечно, они так и поступают. Но не сразу:

*Ол адамны да тартып арагъа да алдыла,
Кимден болгъанын туура таныдыла.*

*- Ой, Аллах берди да узакъ бармай а бизге кёнчеклик! – делле,
А, алай болса да, мыйыгъын, сакъалын а таза жюлюдюле да,
Ой, аны ногъайлы атчыгъа да ала сатдыла да...*

Этого человека они стянули (с коня) и окружили,
Кто он такой (букв. «из кого»), вывели точно.
- Эй, Аллах даровал нам добычу после недолгого пути! - сказали они,
Но, несмотря на это, чисто сбрили ему усы и бороду,
Эй, и продали его ногойцу-коневоду.

Набежники не могли продать бородатого (свободного) человека, так как если бы его разыскали родственники, покупателю пришлось бы плохо; поэтому они обманули коневода-ногойца, выдав обритого пленника за раба.

14. «*И-табу-р* спасибо – ос. *табу* поклонение. Возможно арабское?». (Но в 1973 году Абаев пишет: «Одно из многочисленных тюркских заимствований в осетинском» (ИЭСОЯ, т. 3, с. 219). Кар.-балк. *табу* «поклонение, благодарение»).

О прочих сходжениях:

1. *А-ра* олень – ос. *саг*; ср. кабард. *сых*, чечен. *сай*. «По нашему предположению, слово восходит к скифскому *сака* олень, служившему также племенным названием. (Это совершенно неочевидно, как и заимствование из осет. Могло войти и из охотничьего языка кар.-балк. – *сакъ* «чуткий, осторожный»; к тому же абхаз. термин совсем непохож на осет. Добавим тушин. *саг*, абазин. *щарах*. О том, что абхаз. слово напоминает осетинское, Абаев в ИЭСОЯ уже не говорил).

2. *А-кнэ* конопля – ос. *гаен*, св. *кан* (Происхождение слова неизвестно).

3. *А-каст* годовалая овца – ос. *куист*, *кост*, сван. *негаст*. Происхождение слова неясно.

4. *А-къар* ячмень – ос. *къаер* в слове *къаер-дзын* хлеб, букв. «ячменный»; и абхаз. и осет. слова ведут к грузин. *кери* ячмень, но по огласовке осет. форма ближе к абхазской. (Этого недостаточно для утверждения, что слово попало в абхаз. из осет., а не из грузин.).

5. *А-ха* свинья, кабард. *къхуэ* – ос. *хуы*, *ху*, др. иран. *ху*. Не исключена возможность случайного созвучия, так как абхазо-адыг. слово представляется коренным кавказским.

6. *А-рхышна*, *а-рхышны* надочажная цепь – ос. *раехыс*, *раехис* цепь; ср. аварское *рахас* цепь. «Какого происхождения слово? Как оно попало на два противоположных конца Кавказского хребта, Абхазию и Аварию? Было ли тут посредничество алан? На эти вопросы точного ответа мы пока не имеем» (Абаев, ОЯФ, с. 313).

7. *А-дырды* веретено, *а-дартха* кольцо веретена – ос. *уадарт* кольцо веретена. Происхождение слова неизвестно.

8. *А-псынгары*, *а-псынгири* наковальня, а также «бабка, на которой отбивают косу». Первая часть *псын* может быть = ос. *аефсаен* железо. (С неменьшим успехом можно сблизить с кар.-балк. *сынжыр* «цепь»).

9. *А-тса* свинец – ос. *аезды*, *аезди*. Происхождение неясно. (Фонетическое соответствие весьма мало; для осет. слова ср. тюрк. *ез*, *жез* «медь», «латунь»).

10. *А-кына* большая корзина для кукурузы, «такая же корзина, которую кладут на арбу при перевозке кукурузы и пр.» – ос. *куф* большая корзина. (Кар.-балк. *гюф*, *кюф*).

11. *А-карах* револьвер – ос. *къерах*, кабард. *къерах*, ср. ос. *гаерах* выстрел. (Слово, скорее всего, адыгское).

12. *А-пынцъа* нос – ос. *фынз*, *финзае* нос. Одно из ярких абхазо-аланских сходжений. (Абаев допускает, что это мегрел. *пидзи*, но все равно пишет: «Так или иначе, осетинское слово нельзя отделять от абхазского»).

13. *А-чъы* лицо, лезвие – ос. *зых*, *цух* рот. «Мы допускаем, что абхазский утратил конечное Х». (Это ничего не меняет, термины далеки друг от друга не только фонетически, но и семантически. Ср. кар.-балк. *жух*, *зух* «морда»).

14. *А-паца* усы, борода – ос. *боцъо* борода, ср. кабард. *пачье* усы, борода. «Оба

последних слова могли быть усвоены в осетинский не из абхазского, а кабардинского». (Выше мы говорили о слове *зачъе* «борода», которое Абаев посчитал адыгским, но на самом деле восходит к тюрк. *сакъал*. А вот отыскалось и исконно адыг. слово, заимствованное и осетинами, и абхазами).

15. *А-кра* возраст – ос. *кар, карае*. Происхождение неясно.

16. *А-къенз, а-къанз* кукла – ос. дигор. *кинзае* (но в груз. *гонзи*). (Кар.-балк. *гинжи, гинзи*).

17. *Уарайда* обычный припев – ос. *уаераейдае*. (Этот припев есть практически у всех народов Кавказа и у некоторых тюрков Сибири; для мнения о существовании связей абхазов и осетин он абсолютно ничего не дает).

18. *Амаржа* ну-ка, пожалуйста – ос. *амардза, йамардза* поощрительный возглас. Вероятно, от грузин. корня *мардж* побеждать (*гамарджоба* приветствие). (Кар.-балк. - *маржа*).

Все эти слова, имеющиеся в нескольких языках народов Кавказа, свидетельствуют об их разносторонних связях, но никак не о сильном влиянии «древнеосетинского» на абхазский. Что же касается заимствований из абхаз. в осет., ни одного такого случая обнаружить не удалось. Впрочем, на это у иранистов ответ готов: это, мол, потому, что заимствовали у абхазов западные аланы, но их ассимилировали какие-то тюрки, предки карачаево-балкарцев.

Перейдем к осет.-абхаз. сближениям в фольклоре, по В. И. Абаеву:

1. *Чопа, Атълар-Чопа* «обряд и песня, исполняемые вокруг пораженного молнией» – ос. *цоппай, аелдары Цоппай* ид. Значение и происхождение слова *Чопа* не ясны. Что касается абхазского *атълар*, то оно соответствует осетинскому *аелдар*, означающему «князь».

- Культ божества грозы по имени *Чоппа, Цоппа* (а также и пляска в его честь) еще до революции отмечен и у карачаево-балкарцев; ныне опубликованы и древние гимны, сложенные в его честь. Площадка в Чегемском ущелье, на которой исполняли эту пляску, так и называется – *Чоппачыла* («исполнители (пляски) «Чоппа»»). Что касается восклицания *Атълар Чопа* у абхазов, то никакого отношения к тюркизму *алдар* «первый, находящийся впереди», в осет. яз. означающему то ли «князь», то ли «вождь», то ли «старшина», оно не имеет. Это кар.-балк. *отлар Чоппа* «испустит огонь (вспыхнет) Чоппа», относившееся к грозовому божеству. Или, если читать в начале слова *А (атлар)* - «шагнет Чоппа» (ср. также: *атылыр* «взорвется; устремится»). Теоним происходит от *чѣп бай* «бог злаков», поскольку, по мнению народа, Чоппа мог послать добрый урожай, но мог и лишить его (см. нашу работу «Древние верования балкарцев и карачаевцев», Нальчик, 1991).

2. *Мыкамкариа* название «божества» и праздника архангелов Михаила и Гавриила – ос. *Мыкалгабырта* ид.

- Что общего между этими словами и зачем их привел Абаев, нам неясно. Если и у абхазов, и у осетин есть праздники, названные в честь архангелов Михаила и Гавриила (ставших «божествами»), явно пришедшие и к тем, и к другим из Грузии, это говорит лишь о ее сильном влиянии на оба народа.

3. *Дад-Иуана* название божества («святого»), букв. «Отец Иоанн» – ос. *Фыдуаны* название праздника и «святого», из *Фыд-Иуане* букв. «Отец Иоанн» (Иоанн Креститель?). Эпитет «отец» повторяется в обоих языках. (Неужели этого достаточно?).

4. *Нарт*, собирательно *нартаа* «нарты», название богатырского племени – ос. *нартае*. (Кар.-балк. *нарт*; нартский эпос есть и у адыгов, и у абазин).

5. *Сасырккъа, Сосырккъа* имя одного из Нартов – ос. *Созырыккъъо, Созрукъо*, кабар.-черкесс. *Сосрукъуа*. (Кар.-балк. *Сосурукъ, Сосрукъа*. По Абаеву, в осет. сказания данная

форма имени пришла из кабард. эпоса; другое имя этого героя, Сослан, он объяснил из ногайского. Какую, в таком случае, связь фольклора осетин и абхазов можно было узреть в этом сопоставлении, сказать трудно).

6. *Хмыш* имя одного из Нартов, *Хабыж* абхазское собственное имя – ос. *Хаемиц*, *Хаемиц* имя нарта и собственное имя. (Кар.-балк. имя нарта – *Хмыч* – ближе к абхаз., чем осет.; ср. также кабард., абаз. и кар.-балк. имя собств. *Хабиж*).

7. *Сатани*, *Сатания Гуаша* имя нартвской героини – ос. *Сатана*, кабард. *Сатаней-гуаше*. (Осет. произношение – *Шатана*; кар.-балк. *Сатанай*, *Сатанай-бийче*).

8. *Гунда* имя красавицы в нартвских сказаниях – ос. *Агунда*. (Кар.-балк. *Агунда*).

9. *Патраз* имя нарта – ос. *Батрадз*. (Кар.-балк. *Батыраз*, от *батыр ас* «смелый ас»).

10. *Ерычхеу* имя нарта – ос. *Араехцау*, *Иераехцау*, кабард. *Ерекишу*. (Кар.-балк. *Рачикъау*, *Ёречикъау*; *ёречи* – «единоборец, поединщик» + *къау* от *къан* «кровь»).

11. *Хож-Арпыс* имя нарта, противника Сосруквы (*арпыс* означает «витязь», стало быть, герой зовется «витязь *Хож*») – ос. *Хыз*, *Хиз* имя Нарта, противника Созруко. (Кар.-балк. *хужу* «проклятый, недобрый»).

12. *Салусан* имя героя одной сказки – ос. *Сослан* имя Нарта (?). (Кар.-балк. собств. имя *Сослан*. По мнению самого же Абаева (видимо, порой приходившего в отчаяние от обилия кар.-балк. элементов в осет. сказаниях), имя это тюрк., но, конечно же, не кар.-балк., а «кипчакско-ногайское»; однако у ногайцев нартского эпоса нет. – См. ИЭСОЯ, т. 2, словарная статья «Сослан»).

13. *Шардын*, *Хожша Шардын* имя героя анекдотических рассказов – ос. *Сырдон*, *Сирдон* имя героя из нартвского эпоса; прибавление *хожша* в абхазском – результат контаминации со знаменитым Ходжа-Насреддином, героем распространенных по всему Кавказу и за его пределами анекдотических рассказов.

- Контаминация образа Ходжи Насреддина с образом Сырдона произошла и в осет. эпосе, где Сырдуно приписывают некоторые проделки знаменитого тюркского мудреца. Но в кар.-балк. сказаниях злобный и хитрый Ширдан ничем не напоминает Ходжу Насреддина, о котором у карачаево-балкарцев существует множество анекдотов. Смешению двух образов, произошедшему и у осетин, и у абхазов, способствовали контакты и тех и других именно с карачаево-балкарцами, которые никогда не путали и не путают одного из героев эпоса с героем анекдотов.

Результаты исследования ирановеда, предпринятого для выявления давних связей абхазов и осетин, оптимизма иранистам внушить не могли. Поэтому вывод Абаева, сделанный им на основе рассмотренных данных, опять поражает: «... зачастую абхазо-осетинские схождения слишком глубоки, чтобы их можно было свести к простому заимствованию. Они заставляют думать об общем местном субстрате» (ОЯФ, с. 309-317). Насколько этот вывод правомерен, судите сами (такой же вывод он сделал и в отношении «осетино-мингрельских схождений» - на основании 11 слов!).

Следует добавить, что в абхазском языке имеется внушительный слой карачаево-балкарских антропонимов, как и терминов, и топонимов (стоит упомянуть реку и селение Чегем в Балкарии, и заброшенное село в Абхазии – Чегем); и появились они не вследствие контактов с карачаевцами, а весьма давно, вследствие активных связей абхазов с аланами. Впрочем, иранисты легко могут обойти это препятствие, заявив, что эти схождения появились по влиянию турков.

НЕВЕДОМЫЕ ЗНАКОМЦЫ

Абхазо-абазино-осетинскими связями позже занимался В. С. Уарзиати, посвятив им

отдельную главу своей монографии, но говорить об успехе не приходится и в этом случае. Начнем с того, что им приводятся в качестве доказательств таких связей весьма странные аргументы. В абхазских сказаниях о культурном герое Абрскиле говорится, что он «не любил рыжих людей с серыми глазами и при встрече убивал их». Г. Ф. Чурсин увидел в этом «отдаленное воспоминание о борьбе абхазов с каким-то чуждым народом – голубоглазыми блондинами». В. С. Уарзиати утверждает, что абхаз. название алан-осетин – *ауапс* (в чем мы сильно сомневаемся), и что оно является вариантом «грузинского этнонима «овси» с тем же значением». В. Е. Кварчия допускал «сближение этого названия алан-осетин «ауапс» с самоназванием абхазов «апсуа», общий элемент усматривая в «ауа/ауаа»; значение «ауапшь/ауаапшь» – «рыжие, светлые люди/человек». (Так что же, абхазы именовали и себя, и далеких осетин одним и тем же именем?).

Поскольку античные авторы говорили о светловолосости алан, заключает Уарзиати, то, стало быть, такое название «свидетельствует о внешних признаках алан, которые представлялись предкам абхазов и абазин «блондинами». Добавим к этому еще и мнение Г. В. Цулая, согласно которому имя героя-богоборца «Абрскил» состоит из компонентов «абр» и «скил», якобы связанных «с историко-культурным миром скифов», и что в этом сказании отразилось столкновение «кавказских аборигенов в лице абсидов и абазгов со скифами» (Уарзиати, с. 15-16).

Читатель сможет оценить всю широту и раскованность мышления исследователей, если примет во внимание следующее. Допустим, абхазы действительно дали «аланам-осетинам» название *ауапс* «рыжие, светлые люди», однокоренное со своим самоназванием *апсуа*. Но зачем и почему? Нельзя ли было им именовать своих соседей просто аланами или асами? И почему абхаз. название «алан-осетин» (якобы *ауапс*) при этом должно было напоминать их грузин. именование *овс*, если грузинский и абхазский – это совершенно разные языки? Абазинцы находятся к осетинам гораздо ближе, чем абхазы, однако В. С. Уарзиати ничего не говорит о том, как они их (осетин) называют.

Тут выявляется, что абхазы отличались от всех прочих, весьма забывчивых народов Кавказа, чрезвычайной памятью: мингрелы «перенесли» название «алан-осетин» на карачаево-балкарцев, живя рядом с ними, как и сваны, и рачинцы, (и даргинцы, именуя кумыков *диркъалан*); чеченцы, ингуши, аварцы, лакцы, адыги, абазинцы не называют осетин ни аланами, ни асами; зато абхазы, разлучившись с осетинами давным-давно, все равно помнили их, как и их название. Но вот осетинское название абхазов (*апсуа*) почему-то позабыли; в РОС сказано: «абхазы – *абхазаг*», «абазинцы – *абаз*», эти названия пришли в осет. яз. из русского. Впрочем, удивляться нечему – если осетин, объявленных потомками скифов и алан, ученые заставили не только «позабыть» «свои» самоназвания *алан* и *ас*, но и «перенести» второй этноним на карачаево-балкарцев, и если у них не было своего именования грузин, то где им было помнить о далеких абхазах?

Ни на чем не основано и предположение Уарзиати и Цулая о том, что в сказании об Абрскиле отразилось столкновение предков абхазо-абазин со скифами. Абрскил – это абхазское имя древнеиранского бога зла *Ахримана* (Аримана, Амираана), противника благого божества Ахурамазды; сказание проникло к абхазам, вероятно, через грузин, у которых образ богоборца получил иную, положительную окраску. Совершенно неправомерно считать отражением борьбы абхазо-абазин со «светловолосыми аланами» и фольклорное упоминание о том, что Абрскил убивал рыжих людей с серыми глазами. Хотя бы потому, что таким же обликом наделен сам Абрскил: в дореволюционной записи сказания говорится: «Абрскил был святой человек со светлыми волосами и голубыми глазами. Он любил род людской и сделал для него много благодеяний, сообщая ему тайны неба». Или он уничтожал себе подобных? И почему скифо-аланы должны были персонифицироваться в абхазском фольклоре непременно в образе культурного героя, да

еще и богоборца, ни Уарзиати, ни другие исследователи не объяснили. Странной представляется и этимология имени героя, в котором якобы можно видеть название скифов (*абр* + *скил*). Но я могу заявить, что элемент *абр* – это не что иное, как имя средневековых тюрков-авар (абар, обров). Чем эта этимология хуже?

Что касается неприязни Абрскила к рыжим людям с серыми глазами, то он в этом был не одинок; у карачаево-балкарцев, непосредственных соседей и абазин, и абхазов, существуют даже такие выражения, как *Сары адам тюшге дери адамла бла кюрешеди, тюшден сора уа Аллах бла* «Рыжий человек до полудня борется с людьми, а после обеда – с Богом»; или *Сары адамны тюшге дери базаргъа ийме* «Рыжего человека до обеда на базар не допускай». Плохим признаком считались и серые глаза – скажем, еще до революции Е. З. Баранов опубликовал кар.-балк. сказку о злой мачехе, которая так и называлась – «Женщина с серыми глазами». Если добавить, что и Петр I запретил принимать в суде свидетельство рыжих, решение видеть в неприязни Абрскила к ним отражение борьбы шатенов-абхазов с блондинами-аланами нужно считать весьма легковесным.

Далее В. С. Уарзиати переходит к этимологии абхазского именованья эпических богатырей - «нартаа» (нарты): «Если учесть, что, по мнению В. И. Абаева, осетинское «нартае» неприемлемо с древнеиранским «нар» (так в тексте. – М. Дж.) как по семантическим, так и по формальным соображениям, то теперь можно задаться вопросом», и цитирует Б. Джонуа и Г. К. Климова: «...не зависит ли вместе с ним соответствующее ему абхазское собирательное «нартаа» непосредственно от др.-инд. *нрта* «мужчины, мужество» (при коннотации «герой», присущей и др.-иран. *нар*)?» (Уарзиати, с. 17). Странное это предположение: неужели В. И. Абаев, категорически отвергавший мнение об индоиран. происхождении термина *нарт* (см. ниже), считая, что он восходит к монг. *нар* «солнце», не знал об этом древнеиндийском термине? А если знал, то почему не возвел к нему происхождение слова *нарт*?

Понимая, что никаких доказательств пребывания «алан-осетин» на Западном Кавказе не имеется, осетиноведы буквально цепляются за любую соломинку. Встретив у Г. Ф. Чурсина упоминание о том, что представители абхазской фамилии *Ецкисба* поменяли ее на Цугба (Кошкины). В. С. Уарзиати приводит аналогичный случай в Осетии, где *Кодзыровы* имеют родственную ветвь *Гадиевых* (Кошкиных): одна из женщин, чтобы спасти новорожденного, объявила его кошкой; следовательно, «некоторые фамильные предания у двух народов совпадают» (Уарзиати, с. 18). Остается, в очередной раз, только руками развести. У превеликого множества народов кошка считалась очень живучим существом. Болезни детей, как известно, приписывали действиям злых духов, а для того, чтобы отвратить их от младенца, обмануть их, было принято давать ему другое имя. О каком «совпадении преданий» можно говорить?

Не более убедительны и другие аргументы. Часть абазин (медовеевцы), по письменным источникам XIX века, имела и второе название – «аланеты»; у абазин было выявлено мужское имя «Алан». Разумеется, «отмеченные свидетельства косвенно указывают на факт инфильтрации алан в этническую среду абазы» (Уарзиати, с. 18). Совершенно верно; но имела место инфильтрация алан не в понимании Уарзиати («древних осетин»), а, как уже говорилось выше, алан-тюрков, части карачаево-балкарцев (отсюда и некоторые абхазские фамилии кар.-балк. происхождения, например, *Джаппулары* – Джаппуа). В результате этой инфильтрации и смешения приморских абхазов с аланами (карачаево-балкарцами) и появился новый народ – абазинцы. Поэтому абазинские племена имеют тюркские (а не осетинские) самоназвания: *Башильбай*, *Клыч*, *Трам*, *Кызылбек*, и др. Подавляющее большинство фамильных имен абазинской знати также образованы от тюркских имен – *Джантемировы*, *Клычевы* и др.

Другой пример. Равнинные абазыны именуются «тапанта». По мнению В. И. Абаева, это название «представляет осетинскую форму мн. числа от осетинского же *тӕапаен* «низина, низменность» и указывает на противопоставление равнинных абазин горным». Получается, что абазыны, еще находясь в Причерноморье, почему-то именовали себя по-осетински. Или это случилось в те времена, когда в современной Карачаево-Черкесии якобы еще жили «ираноязычные аланы», т. е. до монгольского нашествия: потом абазыны перевалили на северную сторону хребта, расселились по горам и равнинам и стали именовать жителей низин осет. словом *тапанта* «равнины» (а не *тапантонта* «равнинники», как ожидалось бы). Но ведь никем не оспаривается мнение, что сильный народ абазин, вытеснив кабардинцев на восток, начал переселяться на Северный Кавказ только в XVI-XVII вв. Когда же тюрки успели ассимилировать на территории Балкарии и Карачая «ираноязычных» алан, а заодно и отбиться от наступающих с юго-запада абазин?

В очередной раз потрясает простой факт: у иранистов правая рука совершенно не ведает, что пишет левая. Обращаемся к ОРС, и тут выясняется, что в осет. яз. *тӕапаен*, вопреки Абаеву, вовсе не означает «низина, низменность», а имеет другие значения – «плоский; низкий; приземистый; плоскость (геометр.); гладкая поверхность; площадь; сплющивать». Но, может быть, в обратном словаре (РОС, сост. В. И. Абаев) имеется иное толкование? Смотрим: «низина – *таерф, дзыхъхау*»; «низменность – *даелваез*»; «равнина, плоскость – *быдыр, фазез*». Куда же подевался такой нужный термин и как его могли перенять абазыны в значении «низменность», если этого значения он не имеет в самом осет. яз.? Но самое забавное, что в ИЭСОЯ (т. 3, с. 354) Абаев указывает, что осет. *тӕапаен* - тюркизм!

Хорошо бы осетиноведам хоть иногда заглядывать в работы своего наставника и учителя. В. С. Уарзиати, видимо, этого не сделал, (как не знал он и кар.-балк. слов *табан* «пятя, пятка; подножье», *тӕбен* «низ, нижний», и др.), уверенно продолжая: «Одно из обществ Дигоргома в Северной Осетии до сих пор (? – М. Дж.) носит название «Тӕапаен Дигорае» (Плоскостная/ равнинная Дигория). Надо полагать, что это название было дано части равнинных жителей Западной Алании, бежавших сюда от монгольских захватчиков в горы Дигории. В противном случае, довольно затруднительно объяснить это название как исконно горское» (Уарзиати, с. 19).

Одно из горных обществ называлось и называется «до сих пор» *Тӕапаен Дигорае*, что, по мнению осетиноведов, означало «Равнинная Дигория», но теперь, как выяснилось, уже не означает. Почему так, если общество по-прежнему расположено в горах? Пришлось Уарзиати выдумать бегство дигорцев из Западной Алании (Карачая) в горы Дигории, километров за 500, причем оно совершалось с такой скоростью, что лютые монголы, галопом проскакавшие пол-мира, догнать беглецов не смогли. По горам подобное путешествие для большей или меньшей массы людей невозможно и сейчас. К тому же и в Карачае, и в Балкарии полным-полно таких гор, лесов и ущелий, куда никаким монголам пробраться было бы невозможно. Объяснение именований и равнинных абазин, и дигорского общества очень простое: оно от кар.-балк. *тӕбен* «нижний» - нижние абазыны, Нижняя Дигора (в отличие от обществ, расположенных выше).

Крайне интересно объяснили специалисты распространение названия одного из головных уборов кавказцев. «Абазыны, - пишет В. С. Уарзиати, - для его обозначения пользуются общесеверокавказской номинацией тюркского происхождения «башлык», но абхазы именуют его «ахтырпа», что означает «головной». Поскольку башлык отличен от тюрбана или чалмы и не имеет аналогий за пределами Кавказа, абхазский этнограф Е. М. Маляя пришла к выводу «о невозможности его привнесения из традиционного быта народов Средней Азии» (вопреки мнению иранистов, и, вероятно, непоколебимо уверенная в том, что прародиной тюрков является этот регион).

Но Уарзиати вспоминает именно о среднеазиатских скифах, получивших от древних иранцев название «саки-тиграхауда», т. е. «саки в остроконечных шапках». Эти островерхие шапки и стали, по его мнению, «праобразом кавказского башлыка». Вступая в противоречие с выводом Е. М. Малия, он пишет: «Занесенный из Средней Азии данный тип головных уборов получил на Кавказе свое дальнейшее развитие», а абхазская номинация «является лишь лингвистической калькой с общераспространенного тюркского термина «башлык» с тем же значением «головной/предназначенный для головы» (Уарзиати, с. 35).

Но как объяснить тот факт, что тюркский термин стал общесеверокавказским, если на Кавказе этот головной убор распространили «скифы-иранцы»? Почему никто не называет его «по-североирански», в том числе и сами осетины (*басылыхъхъ*)? Или тюрки грозно повелели народам Кавказа переименовать его и все безропотно согласились (как и русские), за исключением строптивых абхазов, которые ограничились тем, что калькировали тюрк. название? Поскольку ответ ясен (кто придумал этот головной убор, тому и принадлежит его название, - скифо-аланам, тюркам), то Уарзиати деликатно обходит подобный ненаучный вопрос молчанием.

То и дело натываясь на тюркизмы в абаз. и абхаз. яз., Уарзиати отмечает их, но никаких выводов не делает. Например, женские нагрудные застежки из серебра у абазинков и абхазок именуются «ачапраз», у сванов «чапрази»: «эта номинация восходит к тюркизмам и, вероятно, в сванском отражает контакты с *таулу*» (Уарзиати, с. 36), - т. е. с карачаево-балкарцами (ср. кар.-балк. *чапракъ* «лист, листок»). Сафьяновый корсет, «который надевали девочкам 9-12 лет и носили вплоть до замужества», у абазин назывался «айлак» или «чхвыба» (Уарзиати, с. 36). Но почему и этот термин перенят у карачаево-балкарцев, у которых он называется *чуба* (от *кюбе*, *куба* «панцирь»)?

Разумеется, народы Кавказа заимствовали у соседей рецепты приготовления различных блюд, нередко вместе их названиями; или у них существовали сходные блюда. Но для Уарзиати наличие одинаковых блюд в кулинарии осетин и какого-либо другого народа означает, что они непременно переняты у осетин. Например, у абхазов была популярна крутая каша из проса или из кукурузной муки – «абыста», осетин. «сир, сира» (Уарзиати, с. 38). О чем это говорит? Да ни о чем: такое же кушанье существует и у народов, живущих весьма далеко от Кавказа. У карачаево-балкарцев оно именуется *как*, *баста* («пюре», от *бас* «давить, мять, разминать»).

«Этническими разновидностями одного и того же кушанья» Уарзиати считал осет. «дзыкка», рачинскую «джика», абхаз. «ачамыкуа», кабард. «жэмукъэ» (Уарзиати, с. 38); последние два именованья, вероятно, восходят к кар.-балк. *жом* «зерно; пища, еда». Ср. также кар.-балк. (диал.) *чумок* «тюрка из айрана и хлеба». Пироги с начинкой из сыра известны у грузин – «хачапури» (от *хачо* «творог» и *пури* «хлеб», означает «хлеб с сыром/творогом»), у абхазов – «ачашэ», от *ача* «фабричный хлеб» и *ашэха* «сыр».

По мысли Уарзиати, «подобное оформление абхазской и картвельской номинаций свидетельствует о вторичности этого кушанья в быту указанных народов», и, стало быть, эти «виды грузинской и абхазской выпечки тесно примыкают к широко известным в Осетии пирогам, в частности с сыром, которые называются «уаелибах/хаебизджын/ахчин». Почему? Потому-де, что абхазцы пшеничную муку употребляли в малом количестве, в основном пекли из нее эти пироги; у абхазов престижным блюдом считалась каша «абыста», а у осетин – именно пироги, а каша практически исчезла из пищевого обихода (Уарзиати, с. 39). Но автор ничего не сказал о том, велико ли было количество пшеничной муки, употреблявшейся осетинами, и насколько оно превышало ее употребление абхазами, как и грузинами, и почему грузин. и абхаз. названия пирогов несхожи с названиями осетинскими (у карачаево-балкарцев они

называются *хычин*). Поэтому думаю, что они происходят от грузин. *хачо* «сыр», что и указывает на первичность этого блюда именно у грузин.

Молоко по-абхазски называется *ахи/хшы* «белое молоко», этот элемент присутствует во всех названиях молочных продуктов. Интерпретация термина («белое молоко») представляется Уарзиати натянутой, и он сопоставляет его с осет. номинацией молока – *аехшыр/аехсыр*, восходящей «к древнеиран. корню, в том же значении», ставя вопрос о возможной связи этих терминов (Уарзиати, с. 39-40). Но еще правомернее вопрос о связи абхаз. термина с кар.-балк. табуированным названием молока и молочных продуктов – *акъ* «белое», и с адыгским *иху* «кислое молоко». А вот и вывод, к которому Уарзиати и старался подвести читателя: «Тесное общение генетических предков абхазов, абазин и осетин восходит к глубокой древности и с разной интенсивностью и характером взаимоотношений продолжалось вплоть до монгольских походов, а именно до первой четверти XIII столетия». Но где же «абхазизмы» в в осетинском?

И, далее: «Не лишен интереса факт, что большая часть ираноязычных слов в абхазском не находит своих параллелей в адыгских языках, сохраняющих территориальную границу с осетинским». Почему? Ответ этнографа на этот простой вопрос оригинален и даже изящен, но является лишь предположением, причем совершенно беспочвенным: на Северо-Западном Кавказе до «монгольского нашествия» «ареальная конфигурация языков и культур могла иметь существенно иной рисунок» (Уарзиати, с. 42). Что это означает в переводе на человеческий язык? А все то же: «аланы-осетины» жили на территории нынешнего Карачая и активно контактировали с абхазами, но адыги в это время обретались где-то далеко, а потому и не смогли обогатить свой язык полезными иранизмами-«аланизмами». Или, быть может, активные контакты «древних осетин» Северо-Западного Кавказа, в силу каких-то обстоятельств, начались только после монгольских походов и гибели Алании.

Читатель, конечно же, может подумать, что именно об этом говорит Уарзиати. Но автор, совершенно позабыв о том, что написано им же тремя страницами выше, огорошивает его следующими утверждениями: «История этнокультурных контактов с адыгами восходит к началу нашей эры, когда на Северо-Западном Кавказе аланы вступили в контакт с их предками». «Алано-адыгские контакты продолжают успешно развиваться и в последующее время»; согласно сведениям письменных источников аланы регулярно совершают набеги на адыгов; с XIV в. восточные аланы общаются с восточными адыгами – кабардинцами (Уарзиати, с. 45-46).

Что прикажете думать и о какой тогда иной «ареальной конфигурации языков и культур» идет речь? Адыги жили по эту сторону хребта, и, следовательно, аланам общаться с ними было бы гораздо легче, чем с абхазами. Почему же выявленные в абхазском иранизмы отсутствуют в языке адыгов, по сей день «сохраняющих территориальную границу с осетинским»? Но такого вопроса В. С. Уарзиати не ставил. Потому что в абхазском эти иранизмы появились не вследствие контактов абхазов с осетинами (как хотелось бы думать иранистам), а были заимствованы у грузин, на которых влияние Ирана всегда было сильным. Но адыги непосредственно ни с грузинами, ни, тем более, с иранцами не граничили, потому этих слов в их языке и не имеется.

ОСЕТИНЫ И НОГАЙЦЫ

Как пишет известный этнограф А. Х. Магометов, тема взаимоотношений осетин и ногайцев разработана в науке недостаточно полно (ряд интересных фактов был приведен в работах Г. А. Кокиева). По преданиям, ногайцы совершали набеги, угоняли скот и людей, превращая их в рабов или продавая на невольничьих рынках. «В цепи

нескончаемых бедствий, перенесенных осетинским народом со времени монгольских завоеваний и погромов (о чем ни у одного народа нет ни легенд, ни песен. – М. Дж.), следует назвать и притеснения со стороны ногайских мурз, продолжавшихся довольно значительное время. Появление ногайцев в предгорьях Центрального Кавказа, согласно некоторым источникам, предшествовало занятию кабардинскими князьями территории Владикавказской равнины. Уже в документах XV в. имеются сведения о проникновении ногайцев в предгорные районы Северного Кавказа» (Магометов, 1974, с. 73).

В Осетии записаны легенды о ногайцах и их пребывании на этой территории. А. Х. Магометов упоминает ряд топонимов: поля на границе с Кабардой именуются *Силтанухъ*, *Солтанухъ* (якобы по названию солтанаульских ногайцев); «названия осетинских селений Эльхот, Заманкул, Чикола – ногайского происхождения». «Осетинское население многие старые (средневековые) кладбища приписывает ногайцам. Это – кладбища в районах селений Заманкул, Дур-Дур, Разбун, Кора, Ахсарисар, Каражаево (ныне Хазнидон), Кадгарон, а также в местностях Таегари Тапан, Кета (в Дигории) и др.».

Но пребывание ногайцев на территории Осетии отразилось, по мнению некоторых осетиноведов, не только в топонимии. «Г. А. Кокиев даже некоторые склепы башенного типа в Дигорском и Куртатинском ущельях считает ногайскими». А. Х. Магометов добавляет, что Г. А. Кокиев «имел определенные основания для такого заявления, которые и приводит в своей работе «Склеповые сооружения горной Осетии». Отрицать пребывание на равнинах Кавказа ногайцев, одного из самых сильных этносов Средневековья, нельзя, но странно, что эти склеповые сооружения находятся в горах. Возможно, они принадлежали тюркам-кобанцам, до-иранскому населению Осетии, и только потом стали связываться с ногайцами.

А. Х. Магометов отмечает много сходного между ногайцами и осетинами «в традициях обычного права, в правилах гостеприимства, в судопроизводстве, в религии и др.» (когда и почему появилась такая близость, этнограф не говорит). «Например, - пишет он, - некоторые религиозные представления и суеверия у ногайцев полностью совпадают с осетинскими. Так, ногайцы над могилой покойника ставили флаг. На такой же обычай у осетин в прошлом указывают письменные источники. А удивительнее всего то, что ногайцы считали «своей обязанностью перед наступлением нового года сходить к урочищу Татартуп и поклониться духу гор (со ссылкой на работу русского академика А. Ф. Дубровина. – М. Дж.). Известно, что Татартуп был глубоко почитаемым святилищем у осетин (и кабардинцев) и под их влиянием ногайцы-степняки стали поклоняться «духу гор» на Татартупе». Как писал Л. П. Семенов, согласно священному обычаю, «издавна существовавшему в Татартупе, всякий пришедший сюда пользовался правом убежища, он находился в безопасности».

А. Х. Магометову было неизвестно, что Татартуп считали священным местом не только ближние балкарцы, но и карачаевцы (о чем свидетельствуют рассказы старожил); клятва, данная здесь, на священном холме (*тёбе*, *тубе*) считалась нерушимой. И почему-то никто из исследователей, не отрицая, что название местности, священной для нескольких народов Кавказа, является тюркским, не объясняет причину этого; считается, что оно означает «То, что осталось от татар» или «Татарское подножие», или «Татарский холм». Но что здесь случилось с татарами и при чем здесь они? И почему окрестные народы должны были называть сакральную местность так странно?

Наше объяснение другое. В прошлом у карачаево-балкарцев (алан) было два запретных для войн священных месяца (25 февраля – 25 апреля), т. е. перед днем весеннего равноденствия, который и считался первым днем нового года, и после него. Эти месяцы так и называются – *Тотурну ал айы* «начальный месяц тотура» и *Тотурну арт айы* «заключительный месяц тотура». *Тотур* в кар.-балк. означает «равноденствие» (другое

именование – *нартур*, или *нар къопхан* «вставание солнца»), от слов *тон*, *туп*, *тып* «огонь, пламя; шар» и *тур* «пребывать, стоять на месте» *Тонтур*, закономерно стянувшееся в *тотур*, означает «стояние огня (небесного, солнца)»: в народе считалось и считается, что в дни равноденствий солнце поднимается в одну и ту же точку небосвода и день равен ночи в течение семи суток. Нет сомнения, что некогда в этой местности (*Тотур тубе* «равноденственный холм», изменившееся в Татартуп) располагалось древнее святилище алан, посвященное солярному божеству карачаево-балкаро-дигорцев, потому и новые насельники края (иронцы и кабардинцы) стали считать ее священной. Татары, как и «дух гор», здесь совершенно ни при чем. Добавим, что и у осетин, и у карачаево-балкарцев Тотур (Аш-Тотур) считается покровителем волков. По той простой причине, что кар.-балк. *тотур* (или *тоту*) означает «волчонок»; потому и существует выражение «*Мамули бла Тотули*» - о двух неразлучных приятелях-шалопах (соответствует русскому «Два сапога пара»); *мamu* также означает «волчонок» (в детской речи).

«У ногайцев, - продолжает А. Х. Магометов,- как некогда у половцев, встречаем сказителей-певцов и двухструнные музыкальные инструменты – копии осетинского фандыра» (почему не наоборот?). Осетины же, по мнению ученого, почему-то переняли предметы, умения и термины, которые у них, как у потомков скифов и алан, должны были иметься задолго до знакомства с ногайцами, а именно: «...кибитки с войлочным верхом (именуемые по-осетински русским словом *чыбитка*; см. в РОС. – М. Дж.), производство циновок из болотной травы – «ерджен» («джегени»), названия отдельных предметов – «урындыхъ» (кар.-балк. *орундукъ* «кровать». – М. Дж.), «басылыхъхъ» (кар.-балк. *башлыкъ*. – М. Дж.)». Странно, конечно: народ, сотни лет оседло живущий в горах, вдруг решает занять у заядлых кочевников слово, означающее «кровать». Но пусть так. «От них же осетины, особенно моздокские, восприняли калмыцкий чай («хъалмыхъаг цай»), «хъуымызъ» (молоко, полученное от коров или овец сразу же после отела и затем вскипяченное, превращается в сыр)». И, далее: «У осетин много тюрко-ногайских имен: Мырзае (Мурза), Мырзабег, Хъантемыр, Хъанцау, Темеыхъан, Госаехъыз, Хъызмыдае и др.» (Магометов, с. 73-76).

Все это, конечно, интересно, но вряд ли доказательно. Подавляющее большинство приведенных А. Х. Магометовым имен и терминов присутствует и в кар.-балк. языке. И если таково влияние ногайцев на осетин, то где следы влияния осетин в ногайском языке или фольклоре? За исключением, конечно, «копии осетинского фандыра», который у ногайцев фандыром почему-то не называется. Какая-то часть ногайцев в Дигории, вероятно, жила. Но соседями их были не ираноязычные иронцы, а тюрки-дигорцы.

ОСЕТИНЫ И КАБАРДИНЦЫ

К периоду усиления Кабарды в XVI-XVIII вв. относится, пишет В. И. Абаев (в 1949 г.), появление кабардинизмов в осет. яз. (Позже, как помнит читатель, В. С. Уарзиати говорил о контактах осетин с адыгами уже в начале нашей эры, но никаких доказательств почему-то не привел). «Это, во-первых, слова абстрактного значения, составлявшие, повидимому, принадлежность «высокого стиля» феодальной речи: мир, общество, совет, колебание, сомнение, вина». «Кухня кабардинского феодала была или казалась образцовой для его осетинских подражателей. Отсюда появление в осетинском некоторых кабардинских кулинарных терминов: жаркое, ватрушка, красный перец, повар, стакан, лист». И, далее, разумеется, то же самое оправдание: «Обратные влияния осетинского на кабардинский слишком мало изучены (почему? – М. Дж.), чтобы можно было делать какие-либо выводы», и перечисляет: стекло (*абз*), хозяин, гостеприимец (*бысым*), священник (*шоген*) (Абаев, ОЯФ, с. 88). Негусто. Странно и другое: В. И. Абаев утверждал, что адыги

заимствовали название стекла у «алано-осетин», но производное от этого слова *агувза* «стакан» в осет. яз. почему-то вошло из кабард. (см. в ИЭСОЯ).

По В. И. Абаеву, заимствованиями из кабард. яз. (в скобках – кар.-балк. соответствия) являются следующие слова:

ФЛОРА: *баразе* бузина, *кеса* пальма, *навза* заросли, чаша, кустарник, *пъырыпъыф* название растения. (Но в РОС (1970), составителем которого был сам В. И. Абаев, *кеса* «пальма» почему-то отсутствует, написано: «пальма – *пальмае*»).

Гайа морское чудовище, кит (это тюркизм, от *гая* «пасть, зев»).

ЛАНШАФТ: *астым* поросшая мхом лужайка, *афцаг* шея, перевал (не доказано), *нига* прибрежная полоса у реки, поросшая травой, *туаца* прибрежные болотистые места.

ХОЗЯЙСТВО: *пысуна* нужник, *хамец* ограда из кольев, высокий массивный плетень, *агувза* стакан, *гъосин* кувшин, (в дигор. – «черепица»; кар.-балк. *къошун* «кувшин; черепица»; это тюркизм), *лилагъз* ящик, ларец (диг.), *матазе* небольшая корзина, *суацъат* таган, *ерджен* рогожа, циновка, *фатевзэ* внутренняя крышка одеяла, подушки, матраца, *уафс* подошва обуви, *цат* пружина, *цидагъа* деготь, *дзахуа* (диг.) олово.

ПИЩА: *афсана* хлебодар, повар (кар.-балк. *шапа* повар; прислуживающий за столом), *цаку* поджаренное зерно, *цивзы*, *цибзы* перец красный (*чибижи*, *цибизи* - тюркизм, от *чимди*, *цимди* щипать, пощипывать), *къара* курдюк засоленный, *ливзэ* мясное рагу (*либжа* пюре, подлива), *халывва* печенье, пирожок (*халуа* халва), *эблагъуэ* пожалуйста! Милости просим!, *гагидау* тост.

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕРМИНЫ: *чегъре* слуга, проводник (*шагъырей* знакомый), *тохосау* крепостной, человек низшего сословия, *унаут* прислуга, служанка, *унаффа* совет, суждение, решение, *дзылла* мир, общество, народ, масса (*жыйылыу*, *зыйылыу* собрание, сходка – тюркизм).

ЧЕЛОВЕК: *асагуа* мастерство, *айуан* насмешка (*ауан*), *гырысхо*, *гурусха* сомнение, подозрение (*гуруиха*), *гузава* беспокойство, колебание (*гузаба*), *лаз*, *лаза* вина, беда, порок, *лагуз* дурной, плохой, *никок* ссора, распря, *хъарабугъа* трус, *хъобанна* статный, *хауалла* бродяга (*хауле* непутевый, гулящий), *хомух* беспомощный, вялый, рохля (*хомух*), *сала* детское место, плацента, *закъе*, *закъа* борода (*сакъал* «борода» – тюркизм).

КУЛЬТУРА: *цил* волчок, *кафын*, *кафт* плясать, танцевать, *уасха* клятва, *хъуал* щепка, чурка (в игре), *кын*, *кин* волчок, *къен* шашка игральная, *удже* хороводный танец.

ВОЕННЫЕ ТЕРМИНЫ: *цинха* дробь ружейная, *гарах* выстрел, *керахо* пистолет (*керох*), *тъасха* разведка (*тасха*, тюркизм).

Итого – около 70 слов, вошедших в осет. яз. из кабард. (что весьма мало для 20 веков общения «алано-осетин» с адыгами); больше всего терминов, относящихся к домашнему хозяйству и пище; т. е. активно общались, скорее всего, крестьяне, а не феодалы, как думал В. И. Абаев. Немаловажно, что контактировать осетинам-горцам с кабардинцами было гораздо легче, чем с горцами-балкарцами, но количество карачаево-балкаризмов в осетинском во много раз больше, чем кабардинизмов. Почему же так получилось? Во-первых, кар.-балк. слова в осет. яз. – наследие до-иранского населения Осетии, тюркского субстрата. Во-вторых, процесс этногенеза осетин начался в XVIII в., тогда же началось и расселение кабардинцев на их нынешней территории, т. е. в контакты эти два народа вступили в поздние времена.

«В настоящее время отмечена значительная группа адыгских элементов в осетинском языке», - пишет В. С. Уарзиати. Он же говорит о кабардинских топонимах в плоскостной Осетии, выявленных А. Дз. Цагаевой, а также антропонимах; перечисляет он и ряд фамилий, общих для двух народов, считая, что большая часть их ведет свое происхождение от осетин: Бетровы, Агузаровы, Сокуровы, Налоевы, Темиркановы,

Тугановы, Кардановы, Кагермазовы, Бацеевы, Кушховы, Шогеновы (Уарзиати, с. 53-54).

(В отношении некоторых фамилий автор ошибся: Сокуровы, Темиркановы, Кагермазовы и часть Кушховых – балкарского происхождения, Тугановы – ногайского). Осетины называют тяжелый плуг «кабардинским» (*каесгон гутон*); заимствовали они у кабардинцев и название кукурузы *нартыху* «нартское просо», преобразовав его в *нартхор* «нартский злак, просо» (ср. кар.-балк. название – *нартюх*, от *нарт тюк* «нартское зерно» или *нар тюк* «солнечное зерно»), некоторые типы жилищ, нормы этикета и др. (Уарзиати, с. 56-57). Все эти сведения относятся только к кабардинцам, поздним соседям осетин; но где же древние адыгизмы, если «осетины-аланы» два тысячелетия проживали рядом с адыгскими племенами? И где осетинизмы в адыгейском языке?

Ссылаясь на работу Г. А. Климова, В. С. Уарзиати скромно говорит: «По оценке специалистов, «во всех абхазско-адыгских языках зафиксировано также некоторое число аланизмов, то есть староосетинизмов, которые должны были проникнуть в них в основном до XIII столетия» (Уарзиати, с. 53 – 54). Но списка этих «староосетинизмов» автор почему-то не привел, упомянув только название надочажной цепи у абхазо-адыгов – «лъахъш», якобы имеющее «аланское или староосетинское происхождение» (Уарзиати, с. 67); Далее приводятся «общие» слова: фольклорное название плетня «чэу», стропила «арэф», диван «шэнтжэей», *хъыдан* «тряпка, кусок материи» (от греч. *хитон*; но кто у кого позаимствовал, если адыги находились на побережье, ближе к грекам?), *шарак* «сафьян» (но это явно тюрк. *чарыкъ* «сандалия, тапочка»), *мес* «полусапожки» (по Абаеву – тюркизм), *джанэ* «рубаша, платье» (якобы от «староосет. *гъан* «конопля»; ср. кар.-балк. *джан* «одежда»), *джэдыгу* «шуба», *къырджын* «чурек», *мэрамысэ* «мучное блюдо», *цыкырэгун* «вид пирога», *балыджэ* «редис», *нашэ* «огурцы».

Сильное влияние осетин на кабардинцев Уарзиати усматривает только в технологии изготовления хмельных напитков. В Малой Кабарде «под влиянием соседних осетин арака «цыребун» достаточно хорошо известна (Уарзиати, с. 81). Но тогда почему название этой араки не осетинское и почему в осетинском вообще нет такого термина (судя по словарям)? В кар.-балк. яз. *чиримон*, *циримон* означает «самогон». Слово, скорее всего, грузинское, из *цур*, *цир* «выжимать, выдавливать, цедить» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 1, с. 335). Или карачаево-балкарское, от *чири* «гнить (бродить?)». К тому же и у осетин, и у кабардинцев название водки тюркское, известное от Босфора до Монголии – *арахъ*, *арака*. И кабардинцы почему-то переняли не осет. названия браги и пива, а кар.-балк. – *махъсымэ* и *сырэ* (*масхым*, *сыра*), что признает и Уарзиати (с. 81). Не поправляет положения и сопоставление осет. названия пива *баегаены* и кабард. *бэджэнэ*, поскольку последнее означает похлебку из ячменя или овса (ср. кар.-балк. *бегене* – «кисель из овса и сухофруктов»).

Когда речь заходит о межнациональных контактах и заимствованиях, ученые-кавказоведы частенько используют общий этноним «тюрки», в качестве псевдонима слишком конкретных кумыков, карачаево-балкарцев, ногайцев. Вот и здесь, когда В. С. Уарзиати переходит к названиям мужской одежды (многие из которых никак не могут свидетельствовать о неслыханно древних контактах «алан-иранцев» с адыгами), перед ним опять появляется тень вездесущих и неведомых тюрков: «...в составе мужского костюма выделяется целый ряд элементов, названия которых восходят в двух языках к тюркской основе»; это «номинация башлыка (*баслыхъ*, *башълъыкъ*), специфической кожаной обуви (*гонцарухъ*, *гуэниэрыкъ*), сапогов (*цырыхъ*, *шырыкъу*) – (Уарзиати, с. 71).

Ср. кар.-балк. названия – *башлыкъ*, *гёнчарыкъ* (*гёнцарыкъ*), *чурукъ* (*цурукъ*). Добавим, что в комплект мужской одежды адыгов входили также *къэпталъ* (кар.-балк. *къаптал*), шаровары *гъуэнишедж* (*кёнчек*) – все названия кар.-балк. Где же «староосетинизмы»? И если, как считается, штаны изобрели именно скифы, то почему их название у кабардинцев

(*гъуэнишедж*) не «североиранское», а кар.-балк. (*кёнчек* - от *гён* «выделанная кожа»)? О происхождении адыг. названия кожаного корсета «куэншыбэ» Уарзиати ничего не говорит; оно от кар.-балк. *гён* «выделанная кожа; кожаный» + *чуба* «корсет» (*кюбе* – «панцырь»). Представительницы феодальных верхов (а также и невесты на свадьбах) у народов Центрального и Северо-Западного Кавказа в ряде случаев ходили на разукрашенных деревянных башмачках, в виде скамеечек. По мнению В.С. Уарзиати, опирающегося на высказывание кабардинского просветителя Т. П. Кашежева, они были распространены у арабов, а на Кавказ попали через турков; бытовали они и в Осетии, «но выявить их осетинскую номинацию не удалось» (Уарзиати, с. 73). Почему же их название утерялось только у осетин, а у адыгов сохранилось (*бхевакэ*), как и у карачаево-балкарцев (*чипиллят*)?

Не мог В. С. Уарзиати пройти и мимо бытующего у адыгов, как и у других народов Кавказа, обычая поднесения почетного бокала одному из гостей; в одном дореволюционном источнике говорится, что у кабардинцев «молодым людям не предлагают пить до тех пор, пока последние не совершат какого-либо ловкого воровства или какого-нибудь важного убийства». Разумеется, он подчеркивает: «По свидетельству (!? – М. Дж.) дореволюционных и советских исследователей, **данный обычай своими корнями восходит к скифской культуре** (выделено нами. – М. Дж.). Через посредство ираноязычных племен Северного Кавказа «почетный бокал» проник в быт соседних с ними народов» (Уарзиати, с. 84). Все прекрасно, и лишь одна деталь портит ясную картину, нарисованную этнографом: этот бокал у кабардинцев называется *батырыбжъэ* и означает «богатырская чаша/бокал». Но это не беда; потому что термин «семантически и структурно-типологически совпадает с осетинским «кады нуаезаен», где первая часть означает «слава/честь», а вторая «чаша/бокал» (Уарзиати, с. 84).

Это наукообразное утверждение не спасает от простого вопроса: если скифо-алано-иранцы общаются с адыгами вот уже две тысячи лет, а славный сей обычай, вероятно, имеет весьма давнее происхождение, бытуя с тех времен, когда тюрки, как утверждает академическая история, еще обретались где-то в Азии, то почему кабардинцы для названия почетного бокала употребили не «ирано-скифское» слово, означающее «богатырский» или «геройский», а тюркское *батыр*? Тот же обычай у карачаево-балкарцев называется *эрлик аякъ* - «чаша героизма»; но почему и здесь не звучит хоть одно ирано-скифское слово (означающее «чаша», или «слава», или «богатырь» и пр.), если карачаево-балкарцы возникли, как народ, на «алано-осетинском субстрате»?

Что же в итоге? Около 70 слов, проникших в осет. яз. из кабард., и 13 слов – вроде бы от осетин к кабардинцам (среди них ни одного, который можно было бы назвать важным, значимым «скифизмом-аланизмом»). Ни одного «ирано-аланизма» в адыгейском. И это за две тысячи лет! Разумеется, В. С. Уарзиати подозревал неладное и попытался выйти из положения, сохранив лицо. Виноватыми, как всегда, оказались «татаро-монголы» и Тамерлан. «Разгромленные этими полчищами аланы и их культура потеряли свой престижный уровень в оценке соседних народов» (словно такому же разгрому не подверглись и они. – М. Дж.), а затем начался «второй этап непосредственно осетинско-кабардинских взаимоотношений», когда «резко меняются объем и направление культурного обмена» (Уарзиати, с. 85).

Т. е. сначала, в течении 1200 лет, занимать термины у скифов и алан («древних осетин») было престижно, тогда и попали 13 осетинских слов в кабард. яз. (по одному словечку в столетие); после разгрома в роли заимствователей оказались они сами. Но за 12 веков адыги должны были, как нам кажется, занять у весьма «престижных» не только на Кавказе, но и на мировой арене скифо-алан немалую долю своей терминологии – а этого нет и в помине; следовательно, у «древних североиранцев» то ли престижа никогда

не было, то ли терминологии. То ли никогда не было самих «североиранцев», что и представляется верным. Да и вряд ли народы при заимствовании чужих терминов руководствовались странными соображениями, которые им приписывают иранисты: «У этих никаких слов брать нельзя, они уже непрестижные».

ОСЕТИНЫ И ВАЙНАХИ

Для успешного решения своей задачи (выявлению следов влияния «североиранцев» в языках и фольклоре народов Кавказа) навеститься в ближайшие к Осетии Ингушетию и Чечню молодому В. И. Абаеву следовало в первую очередь; именно вайнахи и, вероятно, народы Дагестана должны были хорошо знать и помнить соседей-алан. Но, по неизвестным нам причинам, он их своим вниманием обошел, несмотря на то, что многие исследователи локализовали страну алан Барсилию в Северном Дагестане. Поэтому приведем только список слов, вошедших в язык осетин из чечен., ингуш. и других языков Северного Кавказа (согласно объяснениям Абаева в ИЭСОЯ); в некоторых случаях установить происхождение терминов ученому не удалось (в скобках – кар.-балк. соответствия).

ЛАНДШАФТ: *цахдер* поперечный, резкий, крутой (вайн.), *къай*, *къайа* сланец, шифер, плита шиферная (сванск.; кар.-балк. *гыйы*; *къая* - скала), *сакъадах* рукав реки, проток, остров (*сагъайдакъ*, *садакъ* «лук; излучина», это тюркизм), *цырен* пламя (вайн.), *был*, *била* губа; край, берег, *цах* серый, синий, голубой, зеленый, *цъити* ледник.

ФЛОРА: *деденаг* цветок, *къалиу* ветка, *маскы* брусника (ирон.), *мура*, *пура* дупло (кар.-балк. *пура*), *сысылы* плевел опьяняющий, *атага* прибрежный лес (вайн.), *магалда* плевелы, куколь (вайн.) *малусаг* подснежник (арм.; в кар.-балк. *мамушакъ* – вид подснежника, *мелеуше* - фиалка).

ДОМАШНИЕ ЖИВОТНЫЕ: *гам* слой жира у животных, *цыпар* яловая (овца, коза, корова – вайн.), *дзаргъ* свинья-матка (вайн.), *ардонг* стадо, стая, гурт (вайн.), *дзугъ*, *зогъ* стадо мелкого рогатого скота, гурт, стая, *гадза* сука (*гатча*, *гатца*), *гал* бык, вол, *маки* плетенка, на которой складывают сено (вайн.), *цата* отруби.

ПТИЦЫ: *магал* кобчик, стрепет, коршун (вайн.; кар.-балк. *мыга* коростель).

ЖИЛИЩА: *дагал* ключ (вайн.; кар.-балк. *дыгъыл* щекотка, щекотать), *хъайван* балка, жердь (вайн.), *тол* погреб, подвал, землянка (вайн.), *бакэ* кол, жердь (инг.; кар.-балк. *быкъы* суковатый столб для разделки туш), *цар*, *цара* потолок, свод, чердак (неясно; кар.-балк. *чырды*, *цырды* карниз, застреха - тюркизм), *гаерз* ремень, *кима*, *хъал* столбик, чурка, *тугур* потолок, чердак, *хала* нить, низка, вереница (*халы* нить, нитка), *хъецро* качели, *сабат* суббота (др. евр.; кар.-балк. *шабат* суббота), *ладзаг* палка, посох (арм.).

ХОЗЯЙСТВО: *табынг* заноза ярма, притыка, *тикелаг* корзина (вайн.), *хъылыг* маслбойка (вайн.), *гарз* орудие; оружие (в составе с другими словами), *кема* прибор для обработки кожи, *къыдыр* обрубок, чурбан, ступица.

ПИЩА: *инджын* творог (*инген*), *цах*, *цанхэ* соль, *хинкъал* лапша (*хинкал*), *цырв*, *цыруа* гуща, осадки пива, пивные дрожжи (неясно), *елцагъ* пшено (агульское).

ЧЕЛОВЕК: *ладар* простофиля (вайн.), *тергади* наблюдение (вайн.; кар.-балк. *тергетииу* «подсчитывание, расчитывание, учитывание»), *сацца* пристальный, напряженный (вайн.), *лаг* мужчина, муж, человек, *къах* нога (*кака* «нога», детск. сл.) , *къух*, *къох* рука, кисть руки, палец (*кока* рука, детск. слово), *къацал* щепка, заноза, *лах* кал, дерьмо, *роцъо* подбородок, *къуырма*, *къуыру* глухой, *хъайтар* дерзкий, смелый (арм.).

ВОЕННЫЕ ТЕРМИНЫ: *хатал* стебель, труба, трубка, ствол ружья, ружье (вайн.), *джебогъ* штык (кавк.; кар.-балк. *гебох* тяжелое копье; прободение желудка; это тюркизм, букв. «литая стрела», *кеб* форма, *окъ* стрела).

ЧЕРЕЗ ПОСРЕДСТВО: *ад* вкус, *азатхана* нужник (из перс. *хайатхана*; кар.-балк. *жахтана*), *айнаг* гладкий утес (из перс. через тюрков), *аууон* тень (иран.; кар.-балк. *ауана*), *авг* стекло (неясно), *афсин* хозяйка дома (*апсын* сосношница), *авдаз*, *авдез* омовение (перс.; кар.-балк. *абдез*).

Итого – около 60 терминов (не считая тюркизмов); в основном это слова, относящиеся к деталям жилищ и домашнему хозяйству. Согласитесь, для контактов, которые, по мнению иранистов, начались не менее 2000 лет, это невероятно мало – а если мы вспомним слова Абаева об огромной роли некоего «кавказского субстрата» в развитии осет. яз., о том, что он «двуприроден», об очень давнем пребывании «ираноязычных скифов и алан» на Кавказе и пр., то это количество мало до смешного. Но иранисты такому простому анализу предпочитают искренние заверения: «Как свидетельствуют данные языка, в частности топонимии, в прошлом осетинская речь звучала на гораздо большем пространстве к востоку и западу от теперешних границ Северной Осетии. На Кавказе следы предков современных осетин прослеживаются более двух с половиной тысяч лет» (Цагаева, с. 110, со ссылкой на «Историю Северо-Осетинской АССР. М., 1959). Но где они, эти следы? И если отсутствие заимствований из мингрельского, адыгейского, абхазского, сванского в осетинском еще и можно как-то объяснить тем, что западные аланы, находившиеся в контакте с этими народами, были ассимилированы тюрками, то здесь это объяснение неприемлемо: на восток от Осетии о какой-либо смене населения ничего не известно.

ВЫВОДЫ

Долгое время (на протяжении всей античной эпохи) контактам скифов и алан с народами Кавказа никто не мешал, до прихода все и везде громивших тюрков было еще далеко. Считается, что монголы разрушили Аланское государство, простиравшееся от Абхазии до Ингушетии и Чечни, в XIII в. Потом кучка разгромленных ими кипчаков каким-то образом успешно ассимилировала западных алан, охватив 2/3 их территории (см. ниже). Но они никак не смогли бы этого сделать ни за 20, ни за 50 лет, при всех их предполагаемых ассимиляторских способностях. Следовательно, «алано-осетинское» население сохранялось на этой территории, скажем, еще лет 100-150 (некоторые осетиноведы - видимо, стгоряча - уверяют, что осетинское население на территории Балкарии существовало даже в XIX в.; оцените великое упорство «ассимиляторов» и подивитесь необъяснимой податливости «североиранцев»).

Если верить истории, сочиненной иранистами, «ирано-скифо-аланская» речь и культура процветали на Северо-Западном Кавказе минимум 19 веков (некоторые авторы начали утверждать, что древние кобанцы также были ираноязычными, что удревяняет время присутствия иранцев на Кавказе еще на 5 столетий). Алания в течении 200-300 лет была царством, с которым считались и Грузия, и Иран, и Византия, и Хазария. Поэтому следовало ожидать, что в языках народов Кавказа будут обнаружены следы сильнейшего влияния скифо-алано-осетин, но стараниями В. И. Абаев выявлено как раз обратное.

1. В мингрел. яз. В. И. Абаев не обнаружил ни одного осет. слова. Из мингрел. же в осет. проникло, по его мнению, 11 слов (но ни в одном таком случае уверенным быть нельзя; это, скорее всего, заимствования из грузин.).

2. В сванском Абаевым обнаружено: 12 карачаево-балкаризмов, и 3 слова, проникших через посредство карачаево-балкарцев; 13 терминов – неясного происхождения, 6 из них присутствуют и в кар.-балк. Из осет. в сван. яз. вошло 12 слов. Из сванского в осетинский – ни одного.

3. В абхазском он выявил 14 тюркизмов, 18 слов, вошедших и в осет. и абхаз. из

грузин., кабард. и др., и 12 иранизмов (ни об одном нельзя сказать, что оно вошло именно из осет. яз.). Заметим, что Абаев не назвал ни одного абхаз. слова в осетинском яз.; иранисты, вероятно, объяснят это тем, что абхаз. термины были в языке западных алан, ассимилированных тюрками. Почему же тогда в осетинском сохранились «мингрелизмы»? Или они понравились осетинам больше? Или абхазы считались совершенно «непрестижными» соседями?

4. Из кабард. в осет. вошло 70 слов, в кабард. из осет. - 13. Весьма странно.

5. Из вайнах. и др. языков Кавказа в осет. попало около 40 слов, но Абаев назвал только одно слово, которое вошло в вайнах. из осет. – *уардон* «арба».

Таким образом, оставляя в стороне Грузию, мы можем констатировать: в языки народов Северного Кавказа за 20 (или 27, или 35) столетий активных контактов попало из «скифо-алано-осетинского» **40 слов, а заимствовано в него из языков «кавказоязычных» соседей 120**. Скажите на милость, где следы многовекового пребывания многочисленных и сильных во всех отношениях «североиранских кочевников», в этом, не столь уж обширном регионе? Если сравнить эту цифру с количеством тюркизмов, десятками и сотнями присутствующими в любом из языков Кавказа (в том числе и в осетинском), картина получается абсурдная: непоседливые «поздние пришельцы» (то появляясь неведомо откуда, то исчезая неведомо куда) преуспели в распространении своей терминологии гораздо больше, чем «ираноязычные скифо-сарматы», которые доминировали в регионе с VII в. до н. э. по IV в. н. э., и аланы, за три «престижных» века своей истории!

Но, может быть, несмотря на всю мощь «североиранских племен», их общение с народами Кавказа носило спорадический характер и все они жили сами по себе, не особо стремясь к контактам разного рода? В хронике Леонти Мровели «Жизнь картлийских царей» (XI в.) рассказывается, что в некое, весьма отдаленное время все народы Кавказа, которых он именует потомками Тогармы, правнука Ноя, были подчинены хазарам: «Отныне стали все Таргамосианы данниками хазар»; «С тех пор в течение **долгого времени** (выд. нами. – М. Дж.) все эти народы были данниками хазар» (Мровели, с. 25).

Разумеется, иранисты вовремя объяснили читателям, как надо понимать неправильное сообщение хроники: «В литературе установлено, что в повествовании о нашествии «хазар» древнегрузинский хронист имел в виду походы скифо-сарматских племен второй половины I тыс. до н. э.», - пишет Г. В. Цулая (Мровели, с. 51); конечно же, имея в виду племена «ираноязычные». Но, в таком случае, неизбежно возникает антинаучный вопрос: почему тогда языки народов Кавказа, долго бывших данниками этих скифов, не кишат «североиранскими» словами, а карта региона не усеяна соответствующими гидронимами, топонимами, оронимами, ойконимами и пр.?

«Благодаря своеобразию своих исторических судеб, осетины-аланы должны были иметь исключительно большое число встреч и сношений с другими народами. Сложный и извилистый путь их переселений и военных походов охватывает огромную территорию от Тихого до Атлантического океана», - смело писал В. И. Абаев (в 1949 году). Если бы ученый говорил только об аланах, это утверждение было бы приемлемо; но сказано – «осетины-аланы». Однако приведенные им данные вовсе не дают оснований для такого вывода, поскольку нет никаких следов «исключительно большого числа встреч и сношений» осетин с другими народами не только на путях между двумя океанами, а хотя бы на Кавказе. Ни на какую другую территорию, кроме той, что занимают осетины в нынешнее время, данные осет. яз. не указывают. Тюркская (кар.-балк.) лексика унаследована осетинами от субстрата (дигорцев, куртатинцев, тагаурцев, туалъцев), как и арабская. Наиболее интенсивными (а также – продолжительными и ранними) были контакты осетин с грузинами, позже с кабардинцами и вайнахами.

900 терминов, которые В. И. Абаев считал заимствованиями (их больше, поскольку многие термины в ИЭСОЯ не рассмотрены), по количественному признаку располагаются в следующем порядке:

Из тюркского – 350 терминов (на самом деле - более 400; кроме того, по предварительным подсчетам, в дигорском диалекте присутствует не менее 300 карачаево-балкаризмов, отсутствующих в иронском).

Из арабского – 170 (из них около 40 религиозных).

Из грузинского – 230.

Из кабардинского – 70.

Из вайнахских – 20.

Из языков других народов Кавказа – 40.

Следует ли после этого верить тому, что «осетинский язык – это иранский язык, формировавшийся на кавказском субстрате» (Абаев, ОЯФ, с. 11)? Или утверждению А. Дз. Цагаевой: «Влияние местных кавказских языков на осетинский обнаруживается в области фонетики (это наличие смычно-гортанных звуков в осетинском), морфологии (агглютинативное склонение имен при флективном спряжении глагола) и лексики. Очевидно, самый большой след кавказские языки оставили в лексике осетинского языка» (Цагаева, с. 111-112)? Но если «скифо-аланы» пришли в горы Кавказа из северных степей, оказавшись в местности с совершенно иными природно-климатическими условиями, если «кавказцы-аборигены» повлияли на их язык в такой степени, что изменили его фонетику и морфологию, то где же «субстратная» лексика? Когда, где и у кого «алано-осетины» успели позаимствовать такое количество тюркизмов, не говоря уже о целом слое тюркских топонимов в Осетии (см. ниже)?

Для языка, фонд которого совсем недавно насчитывал 20 000 слов (по данным словаря 1952 г.), 900 заимствованных терминов – это очень много. Следует заметить, что В. И. Абаев неверно, на наш взгляд, посчитал многие тюркизмы заимствованиями из грузин., кабард., араб. (опровержением чего мы заниматься не будем); но в любом случае число тюркизмов (карачаево-балкаризмов) в осетинском равно числу заимствований из всех других языков Кавказа, вместе взятых. Вспомним излюбленное словечко В. И. Абаева – «интимность», используемое им для обоснования взгляда об особой близости лексики осет. яз. к лексике других языков Кавказа (мингрел., абхаз., сван. и пр.), причем на основании 5-10 сомнительных параллелей; в таком случае, говоря об огромном количестве тюркизмов в осет. яз., следует определить их как наследие тюркского субстрата.

Впрочем, известный французский ирановед Эмиль Бенвенист уже давно пришел в своей книге «Очерки по осетинскому языкознанию» (М., 1965) к тем же антинаучным выводам, что и мы: «Наблюдения убеждают нас в том, что влияние других языков, обнаруженное в осетинском словаре, **относится к недавнему времени** (здесь и ниже выд. нами. – М. Дж.). Оставляя в стороне русское влияние, в осетинском мы находим заимствования, проникшие из кавказского окружения, т. е. заимствования, которые датируются последней фазой истории осетинского народа; слова тюркского происхождения, слова персидские и арабские, **проникшие в осетинский через тюркские языки в силу длительного соседства тюрков** и под влиянием Ислама. Встречаются многочисленные грузинские заимствования, усвоенные вместе с христианизацией, а также слова, поступившие из различных кавказских языков. Однако в современной осетинской топонимике мы не находим никаких указаний о пребывании здесь ранее других народов (Бенвенист не знал, что в Осетии выявлено более 150 тюркских топонимов. – М. Дж.)». «...лексика осетинского языка не испытала влияния никакой

другой цивилизации, ни иранской и ни неиранской, до поселения в нынешние места предков осетин» (Бенвенист, с. 138). Какими паранаучными идеями и устремлениями был одержим французский ирановед, когда писал подобную крамолу, нам неизвестно.

Но все приведенные выше факты, аргументы и доводы закаленным иранистам помехой не были, и, наверное, не будут. В 1993 г. Северо-Осетинским институтом гуманитарных исследований была проведена научная экспедиция «Дорога алан», с посещением Ростовской области, Украины, Венгрии и Франции. И вот о чем думал, находясь в Париже, известный историк М. М. Блиев: «Меня мучил вопрос – какой рок так по-разному скроил историю народов, где одним досталось великое наследие мировой цивилизации и статус «Великой державы», а других обрек называться «малыми народами». Как вновь не вернуться здесь к своему прошлому, во имя которого мы и отправились в Европу».

Поиск ответа на этот вопрос для историка был тем более мучительным, что он усматривал возможность другой, блестящей, будущности алан: «Когда впервые стало формироваться государство у предков современных французов, Аланская держава в Восточной Европе рассматривалась как мощное государство. Казалось, Алания, наследница великой скифо-сарматской культуры, имела все предпосылки не только для того, чтобы сохранить свое государство, себя как народ, но и прочно и навсегда стать одним из центров мировой цивилизации». Что же (или кто) помешало аланам в достижении такой цели? Во-первых, рок, а во-вторых, конечно же, известно кто: «Но судьба отвернулась от алан, их исторический феномен состоялся в другом – терпя поражение от восточных варваров, они стали покидать свое отечество; в поисках лучшей доли их будто ветром разнесло по всему свету. Именно этот феномен следует считать ключевым, раз и навсегда пригвоздившим их потомков к разряду «малого народа» (Аланы: история и культура, с. 417).

В самом деле, когда французы только приступили к созданию своего королевства, Алания уже была «мощным государством» и наследницей «великой скифо-сарматской культуры»; если бы все продолжалось нормально, один из центров мировой цивилизации несомненно, находился бы в ее столице. Мы ничего не можем сказать о том, по каким причинам судьба отвернулась от «ираноязычных алан» (подозреваем, что и М. М. Блиев знает об этом не больше нашего), поэтому винить ее в крушении всех надежд трудновато. Остается думать, что всему виной «восточные варвары» (так, в эллинско-римском духе, историк величает тюрков), у которых никаких предпосылок глобальных достижений и великого будущего не намечалось. Они-то и вынудили несчастных алан-иранцев забросить культуротворческую деятельность, покинуть отечество и двинуться в Европу.

В утешение ученому можно сказать следующее. Во-первых, аланы от этих «восточных варваров» ничем не отличались, поскольку сами принадлежали к их кругу и были их соплеменниками, как и скифы, поэтому М. М. Блиев печалился о судьбе чужих предков. Во-вторых, вопрос о том, где должны находиться центры мировой цивилизации и на протяжении какого времени, решается, наверное, в таких высоких сферах, о которых даже подумать страшно. В-третьих, историку не пришлось бы испытывать глубокую скорбь по поводу несовершенства мира, если бы ученые вовремя догадались спросить о происхождении осетин у самого осетинского народа, т. е. дали бы честный и тщательный анализ его языка и фольклора, как и других данных.

ГЛАВА VI. КАМЕНЬ ПРЕТКНОВЕНИЯ

О ТОПОНИМИИ БАЛКАРИИ И КАРАЧАЯ

Объясняя причины появления в осетинском языке большого количества тюркизмов, В. И. Абаев пишет (в 1949 г.): «В новейшее время осетины соседнили непосредственно только с одним тюркоязычным народом: балкарцами. Однако относить все тюркские слова в осетинском за счет заимствования из балкарского совершенно не приходится. Во-первых, потому что многие из этих слов в балкарском совершенно не встречаются. Во-вторых, потому, что культурное и языковое влияние балкарцев на осетин в силу объективного соотношения сил было и не могло не быть совершенно ничтожным. Следовательно, осетинский должен был соседить в прошлом с какими-то другими севернотюркскими народами» (ОЯФ, с. 35). И Абаев называет авар, болгар, хазар, печенегов, половцев (куман, кипчаков) и других «престижных» (потому что древних) и безопасных (потому что «исчезнувших») тюрков, с которыми «аланы-иранцы» якобы активно контактировали по пути через Южную Россию на Кавказ.

Разумеется, в осет. яз. встречаются тюрк. слова, не зафиксированные в кар.-балк. яз. Но следует отметить, что их очень мало и что во время работы В. И. Абаева над книгой «Осетинский язык и фольклор» (1949 г.) еще не было ни одного издания кар.-балк. словаря; он пользовался как своими записями, так и записями других исследователей. Поэтому Абаев и не мог знать, что подавляющее большинство тюркизмов, выявленных в осет. яз., есть в кар.-балк. Что касается ничтожного влияния балкарцев на осетин в области языка и культуры, «в силу объективного соотношения сил», оставим это утверждение на совести автора, не захотевшего, к сожалению, объяснить, в чем же заключалось столь очевидное для него превосходство.

Можно было бы подумать, что в то время, когда карачаево-балкарский народ не только выслали в Казахстан, но и вычеркнули его имя из всех энциклопедий, карт и справочников, ссылаться на его язык было опасно. Показательно в этом смысле, что В. И. Абаеву пришлось (разумеется, понимая абсурдность такого утверждения), написать в заключении своей работы «Скифо-сарматские наречия» следующее: «Персия, которой ее правители присвоили теперь официальное название «Иран», была в древности не более чем отсталой по культуре периферией иранского мира. Древнейшими областями культуры ираноязычных народов были области, принадлежащие ныне СССР», называя в качестве таковых Согдиану и Хорезм; и далее: «В близком языковом родстве и в оживленном общении с ними находился и скифо-сакский мир» (ОИЯ, с. 358).

Но дело не в том, что В. И. Абаев опасался упоминать опальный народ – в своей книге «Осетинский язык и фольклор» (1949 г.) он делает это много раз, свободно оперируя кар.-балк. материалами. Если же, говоря о ничтожном языковом влиянии балкарцев на осетин, он имел в виду бедность лексики кар.-балк. яз., то он был неправ; кар.-балк. не беднее, а богаче многих языков Кавказа. К сожалению, первое издание кар.-балк.-русс. словаря появилось только в 1989 году, но и его назвать полным нельзя, как и трехтомный словарь, вышедший позже; в устной речи встречаются многие сотни слов, не попавшие на их страницы – поскольку лексикографы не обнаружили их на страницах печатных изданий.

Приведу несколько примеров. Каждый карачаево-балкарец использует побудительное *че!* «быстрее! скорее!», но его в словарях нет. Что уж тогда говорить о таких же простых, но менее распространенных словах, как *сомахлы* «недалекий, туповатый», *салымчы* «ангел, вестник», *тошлакъ* «гриб», *ахасек* «праздношатающийся, гулена», *айтек* «вспыльчивый, горячий», *хонта* «хобот; кожаный рукав на мельнице, муфта», *чура* «клюв», *айжеск* «лунатик», *юбе* «вдохнуть», *галгундур* «зубр-одинец», *белауаз* «прогиб», *ойтан* «лощина», *солтанакъ* «горловина реки», *гырын* «полый, пустой», *ташбора* «мел», *одал* «лопух», *къорукъ* «заступник» и пр., и пр.?

После поездки в Черекское ущелье В. И. Абаев пишет: «Осетинское влияние в языке чувствовалось здесь сильнее, чем в других ущельях. Оно сказалось не только в лексике,

но и в фонетике: верхне-балкарский говор был цокающим. Остальным балкарско-карачаевским говорам цоканье было чуждо, но зато оно очень характерно для осетинского» (ОЯФ, с. 274). Разумеется, все соседи влияют друг на друга, и осетины влияли на балкарцев Черекского и Холамо-Безенгийского ущелий. Но вот насчет влияния в фонетике Абаев ошибся, и весьма сильно. Цоканье (как и зоканье) присуще тюрк. языкам искони, иначе придется признать, что осетины повлияли не только на речь балкарцев на Череке, но и татар-мещеряков в Поволжье, и чулымских татар в Сибири, и караимов. Причем, в отличие от осет. яз., и цоканье, и зоканье в черекском диалекте носят тотальный характер; поэтому можно думать, что цоканье проникло из черекского диалекта в осетинский, а не наоборот (скорее всего, на этом диалекте и говорили туалыцы, куртатинцы, тагаурцы, т. е. тот субстрат, на котором и сложился осетинский народ). Сведений о том, что есть иранский язык, которому присуще цоканье-зоканье, я не обнаружил. К тому же в черекском диалекте есть и некоторые другие фонетические особенности.

Но В. И. Абаеву хотелось закрепить в науке мнение о том, что «аланы-иранцы» с очень ранних времен занимали земли далеко на запад от нынешней Осетии, особенно его интересовал Карачай, Вс. Ф. Миллером изученный слабо. Перечисляя страны, в которых побывали аланы, от Дальнего Востока до Западной Европы, он пишет: «...если мы на этой обширной территории попытаемся найти район, к которому особенно стойко, упорно и долго прикреплялось название Алания, мы должны будем остановиться на местности, орошаемой верхним течением Кубани и ее притоками, Тебердой, Зеленчуком, Лабой, т. е. местности, непосредственно примыкающей к Абхазии. Еще на картах XVII и XVIII вв. эта область продолжает носить название «Алания». Там же помещает Аланию хорошо осведомленный царевич Вахушт в своей «Географии Грузии». Традиция, которая связывала именно с этой местностью центр и средоточие аланского народа, была настолько прочна, что мегрелы на юге до последнего времени помещали алан в области верхней Кубани, перенося это название на позднейших пришельцев, карачаевцев» (ОЯФ, с. 309).

В. И. Абаев перечисляет некоторые данные из исторических источников:

2. В области Б. Зеленчука, в соседстве Абхазии, найдены старейшие памятники аланской письменности.

3. По сообщению грузинской летописи, когда арабский полководец Мурван Глухой вторгся в Грузию (VII в.), правитель Абхазии Леон «укрылся в крепости Собга, расположенной у перевала в Овсетию».

4. По рассказу Феофана Византийского, путь посольства Льва Исавра в Аланию пролегал через Абхазию; Лев и его спутники попали непосредственно из Абхазии в Аланию и тем же путем вернулись обратно. Никакие промежуточные области или племена не упоминаются. Владетель Абхазии, предостерегая аланов против Льва, говорил им, что «Юстиниан прислал его, чтобы возбудить нас против вас, наших соседей». Аланы, в свою очередь, говорили Льву про абхазов: «Мы имеем с ними сообщение, и наши купцы всегда ходят туда».

5. Масуди (X в.) сообщает: «Рядом со страной аланов живут абхазы, исповедующие христианскую религию».

6. Утверждение христианства у алан совершилось при активном участии абхазского царя Георгия (X в.), который получил за свои заслуги в этом деле благодарность Константинопольского патриарха Николая Мистика. В XIII в. абхазская и аланская епархия были объединены. Очевидно, они были смежными, и между ними были доступные пути сообщения. Иначе такое объединение не было бы ни целесообразным, ни практически осуществимым.

7. По рассказу грузинской летописи, относящемуся к XI в., «великий царь овсов Дорголень пожелал видеть сестру свою, жену грузинского царя Баграта, и отправился в сопровождении князей Овсетии через Абхазию в Кутаиси («Картлис Цховреба»)). «Очевидно, если бы столица Дорголея находилась где-нибудь в районе нынешней Осетии, ему незачем было бы кружить через Абхазию. Он отправился бы либо по нынешней Военно-грузинской дороге (если бы он направлялся в Тбилиси), либо по Военно-осетинской (если бы он направлялся в Кутаиси)» (Абаев, ОЯФ, с. 310).

ТОПОНИМЫ И ГИДРОНИМЫ

Экспедиция в Балкарию и Карачай была проведена летом 1929 года по инициативе Н. Я. Марра. «На пишущего эти строки, - рассказывает В. И. Абаев, - была возложена одна определенная часть общей задачи: обследование языковых и культурных отношений татарских племен Центрального Кавказа к осетинам». «Из трудов Вс. Миллера, побывавшего когда-то в тех же местах, куда мы направились, я знал, что многие названия местностей этого района носят явно осетинский характер. На основании топонимических данных Вс. Миллер пришел к убеждению, что ущелья Черека, Чегема, Баксана и Верхней Кубани были когда-то населены осетинами». «Экспедиция работала три лета, в 1929, 1930 и 1931 годах» (ОЯФ, с. 271-272).

В. И. Абаев принял участие и в двух последних поездках, и у него, таким образом, была возможность детально изучить вопрос. «Если балкарская топонимика была достаточно обследована еще Вс. Миллером с точки зрения осетинских в ней элементов, то топонимика верхней Кубани обследована с этой точки зрения впервые нашей экспедицией» (найлены: *ыфчык, кам, дон*)), - писал В. И. Абаев. Но ему же принадлежит следующая оценка достижений своих предшественников: по его мнению, прежние исследователи (Мюлленгоф, Юсти, Вс. Миллер, и др.) при разъяснении скифских имен «были озабочены только подбором сходных по звучанию слов, не задаваясь вопросом, мог ли данный народ в тех условиях давать такие имена»; в результате - «множество чрезвычайно искусственных объяснений, основанных на произвольных и отвлеченных манипуляциях словами и понятиями» (ОИЯ, с. 321). Но где гарантия, что Вс. Миллер не поступал точно таким же образом при объяснении топонимики Балкарии, т. е. не был озабочен «только подбором сходных по звучанию слов», не манипулировал словами и понятиями (как и в других случаях)? А ведь именно на него и его последователей любят кивать сторонники иранства скифо-алан.

Вопрос об осетинских топонимах в Балкарии и Карачае был рассмотрен Х.-М. И. Хаджилаевым, и, позже, более детально, А. М. Байрамкуловым (значение работ которого остается недооцененным). Он приводит высказывания и других исследователей, не желавших бездумно принимать выкладки иранистов. «Для нас совершенно неубедительны доводы Вс. Миллера и других в том, что географические, например, названия в Карачае и Балкарии – осетинского происхождения», - пишет, например, еще в 1932 г. проф. А. К. Боровков. Доводы и аргументы А. М. Байрамкулова полностью правомерны. «На юго-востоке от разновременно прибывших и быстро ассимилировавшихся частей авар, хазар, печенегов, куманов и др. тюркских племен сохранилось около 100 тюркских топонимов» (со ссылкой на Блашкевича). Но на территории Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии, «где аланы жили плотной массой более 1000 лет, находят всего 85 названий». «Из этого количества 74 находятся в Кабардино-Балкарии». На огромной территории Краснодарского края и в Абхазии нашли 2 топонима, оба - спорные. «При ираноязычности алан на этой территории обязательно были бы сотни иранских (осет.) названий и они были бы равномерно распределены»

(Байрамкулов, 1999, с. 213-214).

«Грузинская география царевича Вахушти, - пишет В. И. Абаев, - также помещает страну алан (*АЛАНЕТИ*) на север от Сванетии и на север от Мингрелии (Бедии, т. е. в районе нынешнего Клухорского района Грузии. Почему название алан прикрепились к этому району? Дело в том, что ущелья на запад от нынешней Осетии были вплоть до XIII-XIV столетия заселены осетинами-аланами. В. Миллер убедительно доказал это путем анализа топонимических названий» (разве присутствие там иранизмов непременно означало бы тождество аланов и осетин? – М. Дж.). «В этих названиях мы то и дело встречаем осетинские слова *дон* «река» (в старой форме *дан*), *ком* «ущелье» (в форме *кам*; но это слово в кар.-балк. означает «река». – М. Дж.), *аефсаег* «перевал» (в форме *ыпчык*, *ыфчык*; позже, в ИЭСОЯ, Абаев напишет, что это слово кабардинское. – М. Дж.), *дор* «камень» (позже Абаев считал его мингрельским. – М. Дж.) и целый ряд других осетинских слов: *ныхас* в форме *ныгъыш* «место собраний»; *куройна* (в форме *куран*) «мельница», *фандыг* «дорога», *сурх* «красный», *орс* «белый», *къар* «теплый» и др» (ОЯФ, с. 310).

По поводу исконности в осет. яз. *дон* «вода, река», от которого якобы и просходят названия рек Дон, Днепр, Дунай, Днестр, В. И. Абаев пишет: «Восходит к иран. *дану*:- ав. «река» (=Сыр-Дарья?), др. инд. *дану* «капель, роса». Вариант того же корня выступает, может быть, в глагольной основе *дхан*- «течь, бежать», др. инд. *дханавати* «бежит», *дханвати* «бежит», «течет», др.перс. *дануватъя* «течет», перс. *данидан* «бежать». И, далее: «Переход *дан* в *дон* произошел не ранее XIII-XIV в., когда осетинский элемент массово не был уже представлен в Южной России. Поэтому русскую форму *Дон* нельзя связывать непосредственно с современным осетинским *дон*» (ИЭСОЯ, т. 1, с. 366). В данном случае В. И. Абаев высказался осторожно; слово *дон* вроде бы индоиранское, но название реки Дон с осет. словом не связано.

Но, во-первых, если в «Авесте» некая река названа *Дану*, это не означает, что слово надо переводить как «река» и считать его, на этом основании, иранским (древнейший список «Авесты» датируется XIII в. н. э.). Во-вторых, Абаев не привел ни одного примера из иран. яз., в которых термин «река» переводился бы термином *дану* или *дон*, ни названия реки, включающего в себя этот элемент (за исключением территории Осетии). В-третьих, если обращаться, в поисках подкрепления своего мнения не только к древнеинд. языку, но и к ирокезскому, можно доказать все, что угодно. В-четвертых, в рассказе Геродота, основном источнике наших знаний о скифах, никаких «донов» нет. В-пятых, неизвестно, какие древние индийцы или иранцы принесли это слово в Якутию (где есть реки *Коркодон*, *Чондон* и др.). Но В. И. Абаев, встречая в Балкарии и Карачае топонимы и гидронимы с этими не-осет. элементами, приводил их, тем не менее, в качестве неопровержимых доказательств пребывания там «алано-осетин».

Ниже мы даем список топонимов, которые иранисты поспешно объявили «алано-осетинскими». «Не нужно думать, - писал В. И. Абаев, - что область верховьев Кубани является крайним западным пределом распространения осетинской (аланской) топонимики на Сев. Кавказе». «...на существующих картах и по литературным данным осетинские названия прослеживаются на запад по левым притокам Кубани (Зеленчуку, Лабе и др.) почти до самого моря».

Карачай:

Уруштен приток Лабы – ос. *орс-дон* «Белая река».

- А. М. Байрамкулов находит более верное решение. На самом деле, это кар.-балк. название и означает «бурная река», от *ур* «бить, ударять, ударяться», откуда и *уруш* «брань, ругань; война, битва» - «бурная река» (ср. *согъуш* «схватка, бой», от *сокъ* «бить, ударять»). К тому же «вода в реке не белая, а темноватая». Он же приводит цитату из ее

описания: «Пробив толщу гор, Уруштен с силой врывается в Лабенок и своей темноватой водой отбрасывает к противоположному берегу голубоватые ее струи». Еще одно название Уруштена – «Черная речка».

Фарс приток Лабы – ос. *фарс* «сторона», ср. ос. *Донифарс* или просто *фарс* название селения и местности в Дигории.

- Вряд ли кто-то стал бы именовать реку «стороной». А. М. Байрамкулов не исключает, что гидроним происходит от тюрк. «барс». «Дело в том, что обитание снежных барсов в этом районе (Кавказский заповедник) хорошо известно». Добавим, что чередование *п/ф* в кар.-балк. яз. имеет место – *балах/палах* «беда», *берекет/перекет* «изобилие» и др. Этимология Байрамкулова нуждается в уточнении. Название реки Лабы – от кар.-балк. *алабарс* «пятнистый барс» (в отличие от *джолбарс* «полосатый барс», тигр) + *суу* «река»; название, как можно думать, поделилось: река стала носить сокр. название *Алаба*, *Лаба*, а в названии притока сохранилось *барс*, попавшее на карты в форме *Фарс* (ранними картографами многие топонимы и гидронимы часто искажались до полной неузнаваемости). *Алабарс-суу* означает «Барсова река».

Загедан, **Загдан**, **Заадан** местность в бассейне Лабы – стар. ос. *саги-дан* «оленья река»; в абхазской охотничьей песне поется: «Заадан переполнен оленями». *Загдан* река и местность – ос. *Саг-дон* «оленья река».

- Гидроним произведен от названия местности, по-карачаево-балкарски, кстати, имеющего иное звучание – *Закъзан* – от малкъарского *закъ зан* «защищенная сторона», «укрытое место» (объяснение Х.-М. И. Хаджилаева). Из путеводителя В. Никитина: «...долина Загедана защищена высокими горными хребтами от проникновения в нее северных и северо-восточных ветров» (А. М. Байрамкулов, 1999, с. 218). Это – один из ряда топонимов и гидронимов в Западном Карачае, свидетельствующих о том, что в этой местности некогда проживали предки черекских балкарцев, носители цокающего-зокающего (малкъарского) диалекта – ср. *Тамгъацук*, вместо карач. *Тамгъачыкъ*, или гидроним *Зеленчук*, от малкарского *зыланчыкъ* «змеяка», вместо карач. *жыланчыкъ*.

В другом месте В. И. Абаев еще раз отмечает «осетинские» топонимы в Карачае; в скобках – наши пояснения:

Сурх название горы – ос. *сырх* красный.

- В кар.-балк. языке *сурх* означает «молния, молнийное»; вероятно, в этой местности часты грозы. Кроме того, как пишет А. М. Байрамкулов, где находится гора *Сурх*, ныне никто не знает.

Шаушюгут название местности (там же) – ос. *Сау-шигит* «черная земля».

- Но в осетинском «земля» – *заехх*, а «почва» – *маер*, *маерсыджыт*, поэтому непонятно, на каком основании название урочища под самым Эльбрусом нужно объяснять с осетинского. Кар.-балк. *шау* – «черный; погибель, погибельный», *шюгут*, *шугут* – «ветхий, древний, руины» = «черные руины»; название, вероятно, связано с какими-то трагическими событиями.

Рошкау назв. местности – ос. *рохсгау* «светлое селение».

- Есть ли еще где-то на Кавказе «светлые» или «темные» селения, В. И. Абаев не сказал. В основе топонима опять-таки слово *уруш*; селение (тюрк. *кой*), возможно, располагается у речки, которая называлась *Уруш кам* «бурная речка».

Хурзук – название осет. и значит «каменистая впадина». Это название карачаевского селения. *Хуыр* в осетинском «щебень, гравий», *дзыхъхъ* «впадина», следовательно «щебнистая впадина» (ОЯФ, с. 272).

- Камни там действительно есть, но нет впадины, щебня или гравия, а у В. И. Абаева в РОС нет и слова «каменистый»; в ОРС «каменистый» не *хурзук*, а *хуырбын*. Следовательно, название звучало бы как *хуырбындзыхъхъ*, каковое карачаевцы никак не

смогли бы переделать в *Хурзук*. Название местности, возможно, происходит от кар.-балк. *кѳужур*, *кѳузур* «затейливый, причудливый», и аффикса *-лукъ*, вполне отвечая характеру ландшафта. Но более верным представляется мнение Х.-М. Хаджилаева: *Хурзук* – от тюрк. *хузурук* «хвост» (т. е. «оконечность»).

Рынзы название урочища на пути в Сванетию = ос. диг. *ринзае* «звериная тропа».

- Во-первых, следовало доказать, что *рынзы* является иранизмом. Во-вторых, неясно, почему урочище должно было называться «тропой». В-третьих, как указывает А. М. Байрамкулов, *Рынджы* – название дороги из долины Теберды в Дуут, а *Рынджы-Аге* – название высокой горы в верховьях Кубани.

Ныхыт скалы около с. Учкулан – ос. *ныхтае* «скалистые выступы».

- В РОС указано слово *ных* в значении «выступ», *-тае* показатель мн. числа, но ни о каких скалистых выступах речи нет. В ОРС есть многозначное слово *ных*, но значение «выступ» для него не указано. Кар.-балк. *ныхыт* означает «дорога над пропастью», «труднопроходимое место в скалах» (так называется участок дороги в верховьях Кубани, проходящий над пропастью).

Къар-дан «теплая вода» (по В. И. Абаеву). Эту же семантику увидел В. А. Кузнецов в названии притока М. Зеленчука – *Карданик*.

- Но в осет. яз. «теплый» не *кар*, а *хъарм*; и, вероятно, название реки звучало бы по-другому, например, *Хъармадон*. Кар.-балк. *къара дан* означает «черная река»; после того, как слово *дон*, *дан* утратилось, к первому гидрониму добавилось *суу* «река, вода», а ко второму – русское *-ик*.

Уллу-Кам соединение карачаевского слова *уллу* большой с ос. *кам* из *ком* «ущелье», «большое «ущелье». (Ни о каком ущелье и речи быть не может; *Уллу-Кам* «большая река» - это кар.-балк. название верхнего течения Кубани, синонимичное *Къара чай* «большая река»; ср. адыг. *Псыж* «большая река»). (Подробные сведения о тюркских терминах *кам* и *дан* см. А. М. Байрамкулов, 1999, с. 219-222).

Балкария:

Мусук-суу назв. реки – ос. *маесуг* «башня».

- Получается оригинальное осет.-тюрк. название - «башенная река». Еще интереснее то, что слово *маесуг* «башня» ни осет., ни иран. не является, о чем и пишет Абаев (см. в ИЭСОЯ). *Мусуковы* – балк. фамилия, родоначальника которой звали по-тюркски *мусук* (*мысыкъ*) «кот»; речка протекала по земле, принадлежавшей этому роду. Обычай называть речки и родники по имени владельцев земельных участков был распространен в Балкарии и Карачае, ср., например, *Бёзюланы шаудан* «родник Бозиевых» и др.

Гетандор – ос. *дур* камень.

- О термине *дор*, осет. *дур* см. ниже; в ИЭСОЯ сам же Абаев говорит, что слово *дор* является не осет., а, предположительно, мингрел.).

Баубун назв. урочища – ос. *бун* низ, под (*бай-бун* «под выступом (скалы)»).

- В осет. словарях мы не нашли слова *бай* ни в значении «выступ», ни в подразумеваемом значении «скала», в них есть только *байбын* «выемка, углубление». Согласитесь, весьма странное название для урочища. Поэтому остаемся в неведении. Добавим, что в кар.-балк. слово *бау*, из-за случайного совпадения, означает «сарай, хлев, овчарня», и - «сад» (архаизм, восходящий к *бах*). Возможно, местность называлась «Садовое».

Кизги-сырт назв. местности – ос. *кизги цирт* «девичья могила».

- Очередная и очень сильная натяжка. В этой же книге (ОЯФ) Абаев признает, что слово *чызг* (*кызг*) «девушка, девичий» в осет. – тюркизм (см. выше); о том, что термин *сырт* обозначает в тюрк. яз. «плато, нагорье; горный кряж» он не знать не мог, но, тем не менее, старался доказать осет. происхождение топонима, который не имеет никакого

отношения ни к девушкам, ни к их могилам; это закономерное стяжение из кар.-балк. *кюйюзгю сырт* «ковровое плато», т. е. «разноцветное, напоминающее ковер», или *кюзгю сырт* «зеркальное плато» - т. е. «очень ровное» (в речи, если хотят подчеркнуть гладкость и ровность поверхности чего-либо, обычно сравнивают ее с зеркалом).

Саумюшкю назв. урочища – ос. *сау* «черный», *маесуг* башня.

- Никакого отношения ни к черным, ни к белым башням топоним не имеет. *Саумюшкю*, *Шаумюшкю*: *шау* «черный; гибельный», *мюйюш* «угол, тупик», *кю*, *кы*, *ки*, *хы*, *хи*, *ку* и т. д. – аффикс, с помощью которого образованы не только многие топонимы в Чегемском, Холамо-Безенгийском и Черекском ущельях, но и сотни самых обычных слов (*къышхы* зимний, *жазгъы* весенний, *жизги* дряблый, *эски* старый, устарелый, *бюскю* ветхий, *тюшгю* полдневный, *къысха* короткий, недолгий, и пр.).

Уттор назв. урочища – ос. диг. *аеттор* «кремень».

- Но осет. ли это слово? Смотрим: «диг. *аетдор*, *аетдор* «кремень», «огниво»; ирон. *хсон*, *схон*. – Из *арт-дор* «огонь-камень» (с ослаблением первого гласного)» – (ИЭСОЯ, т. 1, с. 191). Дигорское слово *дор*, *тор* совершенно несхоже с иронским термином, и сам же В. И. Абаев признает, что это не-иранское слово. Отчего же мы должны думать, что иранской является первая часть топонима, *ут* (в котором Абаеву хочется видеть осет. *ает*, *арт*?). Это тюрк. *от*, *ут* «огонь, огненный», *дор*, *тор* «камень» - т. е. «кремень»; ср. другое кар.-балк. название кремня *от таи*, *отлукъ таи* «огненный камень», «камень для (высекания) огня».

Орусуттор урочище – ос. диг. *орс аеттор* «белый кремень».

- Что это за «белый кремень» и почему надо было называть эту местность именно так, В. И. Абаев не объяснил. На наш взгляд, это кар.-балк. *ёрюз* «удача, удачный, счастье, счастливый» + арх. *отор* «выпас» (в других тюркских – *утар*, *отар*; см. Байрамкулов, 1999, с. 227) – «удачный выпас».

Урустор назв. урочища – ос. *орс дур* «белый камень».

- В кар.-балк. языке слово *таи* означает не только «камень», но и «место, местность». Ср. обычную угрозу: *Мен сени бу таидан кёчюрюме!* – букв. «Я выселю тебя с этого камня!»; или: *Мен бу таида тургъанлы* - букв. «С тех пор, как я обитаю на этом камне». Кар.-балк. *Ёрюз дор*, *Оруз дор* «счастливое (удачное) место».

Элтор (=ос. диг. *аеттор* «кремень»).

- Не многовато ли в Балкарии осет. названий, означающих «кремень»? Кар.-балк. *эл тёр* «(местность) над селом»).

Даникам местность в Хуламе – ос. *дони ком* «речное ущелье».

- Ущелья без реки или речки не бывает: *кам* и означает в кар.-балк. «река, речка». Гидроним, возможно, от *дангыл* «ровная, ровное место» + *кам* = *дангыл кам* – стяжение в *даникам* «речка, текущая) ровно».

Орсундак назв. местности – ос. *орс фаендаег* «белая дорога» (?).

- Никакой «белой дороги» там нет. *Орсун* в кар.-балк. «основаться, поселиться» (стяжение от *орунсун*) + *дак* продуктивный аффикс: «место для поселения», совр. звучание - *орсундукъ* или *орсунлукъ*.

Шау-ыфчык, Шау-хуна, Шауурдат и др. назв. – ос. *сау* «черный».

- О тюрк. слове *шау* см. выше; *Шау ыфчык* – «черный (или «погибельный») перевал»; *Шау-хуна* – «черная стена»; *Шауурдат* – название селения (вторая часть слова, *урдат*, неясна).

Кураннан (из *Курандан*) урочище – ос. *курон* мельница, *дон* река.

- *Къуранган* в кар.-балк. яз. означает «обустроенное, приведенное в порядок»; *къуранган жер* «место сбора, подготовки» (возможно, здесь когда-то собирались перед выступлением в набег, в поход).

Чегет жора назв. урочища – ос. *цаегает дзуар* «северное святилище».

- Но, согласно Абаеву, осет. *дзуар* идет из грузин. *джвари*; в кар.-балк. яз. осетинское *дзуар* дало бы не *жора*, а *зубар*, *зымар*, *зумар*. Семантика слова *жора* в данном случае неясна. *Чегет* – «северный склон горы; лес, лесной»).

Къоспарты назв. поселка – ос. *къосбартае* «обряд собирания приношений для молебствия во время стихийных бедствий».

- В словарях я осет. слово *къосбартае* не нашел. На самом деле это слегка измененное *къаспарты*, *къаспарлы* – место, где содержали табуны коней кар.-балк. породы *къаспар*.

Лызгъыра назв. местности – ос. *лаегъзаер*, *лаезгъаер* «тропа, протоптанная скотиной».

- В кар.-балк. *ылызгъыр* – «град, градобитие»; *лузгъа*, *улузгъа* «зев, пасть», ср. русск. *лузгать*.

Шау-дан «черная речка».

- В кар.-балк. означает «родник», букв. «черная (простая) вода», как и *къара суу*, в отличие от минеральной – *гара-суу*).

Агъаидан – кар.-балк. «лесная река».

Шау-кам – осет. *шау ком* «черное ущелье».

- Кар.-балк. *шау кам* «черная речка».

Мысты-кам «мышинное ущелье».

- Никакого «мышинного ущелья» там нет; *Мысты кам* по кар.-балк. означает «кислая речка» - из-за вкуса воды.

«Штулу-фычк, Шари-фычк, Холам-ыфчык, Шау-ыфчык, Жуар-ыфчык, Даут-ыфчык и др. – названия перевалов – ос. *аефцаег* «перевал» (по мнению Абаева, см. в ИЭСОЯ, это слово не осет. и даже не иран.; он производит его от кабард. *пше* «шея», что не имеет никаких оснований; к тому же непонятно, почему карачаево-балкарцы должны были заимствовать кабард. слово у «алано-осетин»).

Шари-ыфчык «перевал Сари», т. е. «сванский».

- *Шари* – одно из кар.-балк. названий сванов; *ыфчык* «перевал».

Штулу-ыфчык «перевал Штулу».

- Кар.-балк. *Уштулу* – закономерное изменение из *юч туру* «три межи»; перевал находится на самой границе Балкарии и Сванетии. Первое слово Абаев объяснить не смог, второе осет. не является.

Дзуар-ыфчык «перевал, где есть святилище *дзуар*».

- Правильно: *Зора ыфчык, Жора ыфчык*. Святилища на этом перевале не было и нет.

Даут-ыфчык «перевал Даут».

- Что означает в осет. *даут*, Абаев не объяснил, включив этот топоним в свой список только по причине присутствия в нем слова *ыфчык*; о том, что оно не осет., он, вероятно, еще не знал. *Даут* – кар.-балк. имя собств.).

Курноят = ос. *Курон-уат* «место, где стояла мельница».

- Топоним *Курнаят* – название высокогорного селения в Черекском ущелье Балкарии, ныне заброшенного. Селение находится в небольшой балке, со всех сторон окруженной горами и скалами, отчего и называлось *Гурен уат* «круглое место», изменившееся в *Курнаят*).

Сырбыт = ос. *саербаег* «пастбище общего пользования».

- Возможно. Но, скорее всего, это кар.-балк. *сыр бет* «укрытый склон»; вторая гласная изменилась в *Ы* закономерно.

Наргъы - ос. *нараег* «теснина».

- Кар.-балк. *наргъы* – «солнечное (место)»).

Эргъазен - ос. *аергъазаен* «игрище, ристалище».

- Казалось бы, очень хорошее соответствие. Но ни в РОС В. И. Абаева, ни в ОРС этого

слова нет, как и других слов, означающих «игрище, ристалище». В. И. Абаев записывал названия местностей в Балкарии на слух; правильно топоним произносится как *Аргъы ёзен*; *аргъы* «дальняя», *ёзен* «долина».

Мыстырдос назв. поляны – ос. *мыст* «мышь», *аердуз* поляна.

- Никакой «мышинной поляны» там нет. Названа местность по имени англичанина, мистера *Доста*, владевшего этим участком до революции.

Саудор-суу «река» - ос. *сау дур* черный камень.

- В кар.-балк. значение то же самое; но *сау, шау* – это кар.-балк. слово; о том, что *дор* не является ни осет., ни даже иран. словом, пишет сам же В. И. Абаев (см. в ИЭСОЯ).

Ырдар-ныгъыш назв. горы – ос. *аелдари ныхас* «(место) княжеского собрания».

- Во-первых, *алдар* – не иран. слово «рукодержец», а тюрк., означающее «первый, находящийся впереди»: напомним, что римские авторы именovali сарматских вождей *приматус* «первые, передние», верно переводя слово *алдар*; во-вторых, *ныгъыш* в кар.-балк. яз. означает «площадь в селении»; в-третьих, у князей отдельного места для бесед не было, тем более на горе.

Фардык назв. поселка – ос. *фаердыг* «самоцвет».

- В фонетическом плане возражений нет; неясно, однако, почему обычный поселок должен был называться «самоцветом». Кроме того, в ОРС это слово имеет совершенно другие значения – «бусина; бисер; ожерелье».

Арвидор-ныгъыш назв. урочища – ос. *арви дур* «небесный камень» = «место для собраний, где упал небесный камень».

- Затейливо, но неубедительно; кар.-балк. *арба дор* «камень, похожий на повозку».

Следующие топонимы, вероятно, объяснены В. И. Абаевым правильно; все они являются названиями природных объектов, расположенных рядом с Осетией:

Хуарес ыфчык назв. перевала – ос. *хаеруес* «ива».

Устур назв. горы – ос. *стур, устур* «большой».

Стур-дор «большой камень».

Фызы - ос. диг. *фаезае* «равнина».

Фытын - ос. *фаетаен* «широкий».

Говоря о том, что в топонимике можно выделить элементы тюркские и иранские, Абаев пишет: «...в смежных районах Осетии и горной Кабарды (Балкарии. – М. Дж.) ряд необъяснимых ни из осетинского, ни из балкарского топонимических названий имеет одну общую особенность: окончание *ск* или *шк* плюс какой-нибудь гласный». Ученый склонялся к тому мнению, что это наследие «кавказского субстрата».

Топонимы с формантом *ск/шк*:

из Дигории – из Балкарии:

Зираско - Рчивашки

Хоско – Хумашки

Къороско-Чайнашки

Махческе – Шешки

Москъа – Зарашки

Задалеске – Музрашки

Къушеске – Силбешки

Фаераескъае-т – Зугъушку, Кербаушку, Бодишки (Абаев, ОЯФ, с. 289-290).

На самом деле все эти топонимы (обратим внимание, что они относятся к территории Дигории) имеют кар.-балк. оформление. Окончания в них были выделены Абаевым неправильно – не *ск/шк*, а обычные *ки, ги, кы, кы, хы, ху, ха*, и т. д. (выполняющие в кар.-балк. яз. ту же роль, что и окончания *ый, ая, ое* в русском) и прибавленные, в данных случаях, к словам, оканчивающимся на *с, ш, ч, ж*. Ср. *кыышхы* «зимний», *тыушгю*

«полуденный», *баиша* «другой, иной», *эски* «старый, древний», *къысха* «короткий, недолгий», *бычхы* «пила», *чочха* «чушка», *тасха* «тайна, секрет» и т. д. Таких слов в кар.-балк. яз. – сотни, и нет ничего удивительного в том, что есть и топонимы с такими окончаниями. Чтобы не быть голословным, приведу объяснение двух топонимов из списка.

Рчиваишки, полногласная форма этого топонима – *Иричибаишки*; в Черекском ущелье есть местность *Иричиле*, мн. число от *ирейчи*, *эрейчи*, *иричи* «мечник, воин» (вероятно, некогда здесь упражнялись молодые воины; ср. название местности *Чоппачыла* в Чегемском ущелье, означающее «исполнители пляски в честь божества Чоппа» или «поклоняющиеся Чоппе»). *Иричи баишки* означает «над (местностью) Иричи».

Зараишкы – от *зараиш* «примиряться, приспосабливаться, приноравливаться» + афф. *кы* = «удобное, подходящее (место)».

ТРИ ТЕРМИНА

Нал-бауат, Жел-бауат, Шаш-бауат, Хунук-бауат – названия урочищ – ос. *бууат* место.

Объяснение второй части этих топонимов – дело весьма сложное. Сорок лет спустя (после выхода в свет ОЯФ) В. И. Абаев писал: «*бууат* «место»; *бынат* и. id. – Обе формы, *бууат* и *бынат*, получились из *бын-уат/бун-уат*, собственно «нижнее (*бун*) место (*уат*)». По его мнению, в одном случае выпал носовой, в другом полугласный *и*. «Вариант *бууат* в форме *бауат* обильно отложился в балкарской топонимике», – продолжает Абаев, и приводит указанные выше примеры (ИЭСОЯ, т. 1, с. 274). В 1970 году (в РОС) В. И. Абаев пишет, что слово «место» в осет. – *ран*, *бынат*, *бууат* (в сложных словах – *уат*). Далее он приводит полтора десятка примеров употребления указанных терминов, но среди них – ни одного с *бууат* (от которого якобы и происходит кар.-балк. *бауат*). Но в ОРС (1970) мы никакого *бууат* не обнаружили – ни в значении «место», ни в каком ином.

Далее выясняется, что слово *бынат* (якобы синоним отсутствующего в ОРС *бууат*) имеет значения «местонахождение, местопребывание; должность; отрывок из книги»; если это слово этимологизируется как «нижнее место», почему оно применяется в данных случаях? Почему не просто *уат*, если именно оно имеет значение «место»? Согласно ОРС, оно означает «комната; постель; спальня». Но, по мнению В. И. Абаева, *уат* – «комната, горница»; во второй части сложных слов – «место, емкость, пребывание, размер, руины»; он возводит термин к иран. *уахада*, от арийск. *уасатха* от *уах*, *уас* «жить, обитать», собственно «место обитания», и сопоставляет его с др.инд. *васатха* «дом, жилище», пракрит. *ваттхи* «хижина», тохар. *уаст* «дом», согд. *ауатак* «место, область».

Шифнер (со ссылкой на Лерха) и Штакельберг полагали, что ос. *уат* усвоено из тюрк. *отаг*, *ода* «комната». Это мнение Абаев считает ошибочным: «По существу общим у ос. *уат* и тюрк. *отаг* является только согласный *t*, а этого явно недостаточно, чтобы говорить о заимствовании. К тому же тюрк. *отаг* само подозревается в заимствовании из согд. *ауатак*» (ИЭСОЯ, т. 4, с. 58-59).

Почему же общим нужно считать только согласный *t*? В кар.-балк. яз. *отоу* «комната», например, явственно звучит начальное *у* – *уотоу* (как и в других тюрк. словах, начинающихся с гласной *О*: *ода* – *уода*, *отаг* – *уотаг*, *он* – *уон*, *орайда* – *уорайда*, и т. д. Что касается подозрения о заимствовании тюрк. *отаг*, *ода*, *отоу* «комната» из согд., то следовало бы объяснить, каким образом оно попало в языки тюркоязычных народов, весьма отдаленных друг от друга. К тому же В. И. Абаев сам же делает следующее примечание: «Несомненно из тюркского идут груз. *отахи* «комната», чечен., ингуш. *уотау*, *уотуу* «маленькая комната» (ИЭСОЯ, т. 4, с. 58-59); ср. кар.-балк. *отоу* «комната».

Но зачем было грузинам, чеченцам и ингушам занимать это слово у «поздних» тюрков, если они издавна граничили и общались с персами и «алано-осетинами»? Итог: получается, что в осет. яз. есть *бынат* «место» и *уат* «комната, спальня», оба неизвестного происхождения, но нет никакого *бууат*, от которого якобы и происходит *бауат*, составляющее вторую часть топонимов с территории Балкарии.

Допустим, *бауат* означает по-осетински «нижнее место»; кто же дал наименования этим урочищам? Вариант первый: они принадлежат до-тюркскому населению Балкарии, алано-осетинам. Но тогда непонятно, почему первые части всех этих топонимов – тюркские. Вариант второй: тюрки заимствовали у «алано-осетин» слово *бууат* в значении «нижнее место» (исказив его в *бауат*) и стали давать имена разным урочищам, которые при «ираноязычных аланах» названий почему-то не имели. Непонятно также, почему все эти урочища, находящиеся в высокогорье, называются «нижними местами».

Рассмотрим еще один осет. термин, вторым компонентом которого является *уат*. В. И. Абаев пишет: «Крайним западным пределом аланской топонимики в этой области является, кажется, район Геленджика, где мы еще встречаем местность *Догъуат*, что значит по-осетински «место скачек». Но, по мнению самого же Абаева, *догъ*, *дугъ* – тюркизм, и означает «скачки на поминках в честь усопшего»! Следовательно, это опять сращение: тюрк. *догъ* + якобы осет. *уат*. Комментарии В. И. Абаева, когда дело касается опасных тюркизмов, замечательны по своей полной алогичности (или лаконизму). Вначале он объясняет: «Какая связь между «погребальным обрядом» и «скачками»? Связь самая близкая. Конские ристания (*догъ*) наряду со стрельбой в цель (*къабакъ*) составляли существеннейшую часть погребальных церемоний. Поэтому *дугъ/догъ* обычно и понималось как «скачки в честь умершего».

Очень хорошо и верно. Но В. И. Абаев почему-то «не замечает», что оба приведенных им термина (*къабакъ*, *догъ*; производное *дугъон* «скакун; наездник») – тюркские, а не «скифо-иранские», и никак это странное обстоятельство не комментирует. Зато смело заявляет: «Из осетинского (аланского) слово вошло в некоторые кавказские языки: груз. *догъи*, туш. *догъ* «скачки». Из аланского (ясского) идет также, по-видимому, русск. (диал.) *доган* «стригун», «лошадь по второму году», представляющее старую форму осет. *догъон* «скакун» (таких тюркских терминов, которые, по Абаеву, почему-то попадали в языки народов Кавказа из «алано-осетинского», очень много). И он задумывается над мучительной проблемой (в примечании): «В каком именно из соседивших с аланским тюркских языков (печенежском? хазарском? болгарском?) могла существовать форма *догъ*, - это вопрос, на который могут ответить специалисты по исторической диалектологии тюркских языков) - (Абаев, ИЭСОЯ, т. 1, с. 374).

Читать подобные «объяснения» уже не смешно, а грустно. Список предполагаемых соседей предполагаемых «ираноязычных алан» можно было сильно увеличить (тюрков? куман? кипчаков? гуннов? оногуров? аваров? хазар? ногайцев? и т. д.). Не лучше ли было подумать над другими вопросами, гораздо более важными: «Почему в языке потомков великих конников такие специфические термины – сплошь тюркские? Почему грузины, тушины и русские заняли у осетин-алан именно тюркский термин, а не более древний, иранский, «скифо-сарматский»? Или «скифо-сармато-овсы» скачек не устраивали? Или «аланы-осетины» начали общаться с этими народами только после того, как заняли у тюрков термин *догъ* «скачки»? Кто обязал эти народы заимствовать тюркский термин непременно у осетин? Через кого попали в их языки другие тюркизмы?».

Впрочем, В. И. Абаев прекрасно знал, что делает, сообщая (в следующей словарной статье): «*Дугъуат*, *догъуат* «ристалище, ипподром». По-видимому, конное ристалище было обязательной принадлежностью всякого крупного аланского поселения. На территории, населенной в прошлом аланами, многие местности носят до сих пор название

Догъуат. Из них лично нам известно урочище *Догъуат* в горной Кабарде, представляющее большое ровное поле, вполне пригодное для джигитовки».

«Горной Кабардой» он именует Балкарию; в 1958 г., когда вышел первый том ИЭСОЯ, основная масса уцелевших на чужбине карачаево-балкарцев еще только возвращалась из Средней Азии и Казахстана. Но почему термином *Догъуат* именуются местности в Балкарии, а не в Осетии, если термин – осетинский (пусть и произведенный от тюрк. *догъ*)? Какие пронирыливые хазары, печенег или булгары оставили здесь эти топонимы? Почему большое кар.-балк. селение в Турции, где живут потомки мухаджиров-переселенцев, называется именно *Догъуат*? Почему «предки осетин, скифо-аланы, великие конники», не оставили своим потомкам «североиранские» слова, означающие «ипподром, ристалище, скачки, скакун»?

В. И. Абаеву, однако, ставить подобные вопросы не хотелось; он продолжал внушать своим читателям: «Роль конских ристаний в аланском быту ярко выступает также в нартовском эпосе, где *дугъуат* или *хъзаен фазез* (игорное поле) – это то место, где почти целиком проводят свой досуг нартовские герои. С этим согласуются исторические известия об аланах, рисующие их как воинов-конников, которые «всего больше дорожат конями», «с детства приучаются к верховой езде и считают позором ходить пешком» (Аммиан Марцеллин). См. также под словами *баех* «лошадь» и *дугъ* «скачки» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 1, с. 374-375).

Ирония ситуации состоит еще и в том, что и эти слова – тюркские. Что касается указанного Абаевым *хъзаен фазез* «игорное поле», то в 1970 г. первое слово в РОС (сост. В. И. Абаев) имеет уже совсем другое значение – «игрушка, игрушечный». В ОРС – «игрушка; игра; шутка; игровой; шуточный; шутливый». Таковы странности научного поиска, ведущегося в заданном направлении.

Выше мы видели, как Абаев безо всяких оснований разложил турецкое *одалыгъ* «горничная» в абхазском на тюрк. *ода* комната, и некое «кавказское» *лыг, лаг* «человек» (которое на самом деле является в этом слове тюрк. аффиксом). Нечто подобное мы видим и в данном случае; но если первая часть всех топонимов *догъуат* – тюркская, то, скорее всего, тюркской же будет являться и вторая (*уат*).

Отсюда мы можем прийти к выводу, что *уат* является тюрк. словом и восходит к *къат* «слой, пласт; место около (возле, рядом); ярус, этаж», ср. также выражение *ол къатда* «в том месте», *къатымда* «возле меня», *къатында* «возле тебя» и пр. Все они в основе имеют значение «место», поэтому нет надобности предполагать в *догъуат* тюрко-осет. сращение, тем более что обычай устраивать скачки на поминках тоже тюркский. Ср. кар.-балк. *отоу* комната; произносится *уотоу*, из более древней формы *уоток, оток*; начальные *къ, гъ, х, з, ж* в кар.-балк. яз. часто и закономерно переходят в краткий звук *у*, как и в окончаниях. В тех случаях, когда некое существительное часто употреблялось с указательным местоимением *бу* «это, этот, эти», в кар.-балк. словах происходило их сращение: *бу кече* «этой ночью» превратилось в *бюгече*, *бу кюн* «сегодня» – в *бюгюн*, и т. п. Так же и в данном случае: *бу къат* – *бууат* – *бауат*. Теперь мы легко можем понять значение трех приведенных выше топонимов: *Нал-бауат* – «подковообразное место»; *Жел-бауат* – «ветреное место», *Шаи-бауат* «боковое место», «место в стороне» (как и есть на самом деле), *Хунук-бауат* «тихое место». Есть и другое решение: кар.-балк. *бауат* – от арабского *балад* «страна; область; город; местечко», с редукцией *Л*.

Вслед за Вс. Миллером, совершенно неверно объяснив ряд кар.-балк. топонимов и гидронимов, Абаев, разумеется, пришел к нужному выводу: «Несомненно, что в ущельях на запад от нынешней Осетии: Черекском, Хуламо-Безегийском, Чегемском, Баксанском, Верхне-Кубанском, слышалась когда-то осетинская, именно дигорская речь» (ОЯФ, с. 45-46). Конечно, и здесь желаемое выдается за действительное. Должны ли мы верить, что

территория Балкарии и Карачая усеяна «алано-иранскими» названиями, если даже в 1992 г. осетиноведы не знали, как называются по-осетински две высочайшие вершины Кавказа (одна из которых находится прямо над столицей Осетии) – Эльбрус и Казбек (см. ниже)? Что касается дигорской речи, то она звучит в Балкарии и Карачае и сейчас, поскольку дигорцы еще недавно являлись частью тюркского аланского народа. Но даже если мы и примем заключение В. И. Абаева, остается в силе сопоставление А. М. Байрамкулова: на территории КЧР и КБР – 85 «алано-осетинских» топонимов, а тюркских названий на территории Северной Осетии (втрое меньшей) – 150.

ГОРЫ И РАВНИНА

Территория расселения алан охватывала не только горные районы нынешних Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, но и равнину. Стало быть, здесь тоже должны были остаться осет. топонимы и гидронимы, и в немалом количестве. Но и Вс. Ф. Миллер, и В. И. Абаев почему-то приводили в качестве осетинизмов (в подавляющем большинстве) топонимы только из высокогорья. Так что же, горцы берегли эти «аланизмы», а жители равнин их старательно заменяли?

Обратимся к работе Дж. Н. Кокова «Адыгская (черкесская) топонимия». По его мнению, большое количество «тюрко-монголизмов» на карте Центрального и Северо-Западного Кавказа объясняется тем, что здесь побывали и жили (или захватывали эту территорию) гунны и хазары; тюркизмы «в адыгскую топонимию могли проникнуть также от аваров, печенегов, половцев (команов, кипчаков), ногайцев, балкарцев и карачаевцев» (то же самое пишут и осетинские топонимисты). Обратим внимание, что карачаево-балкарцы, населяющие эти горы (куда их предки не могли спуститься на парашютах), поименованы последними. Почему с приходом тюрков исчезли прежние названия (если они, конечно, были) авторы работ по топонимии Кавказа не говорят. Как и о том, кто сберегал тюрк. топонимы, если эти пришельцы все время сменяли друг друга.

«Однако монголизмы и наибольшее количество тюркизмов в топонимии адыгов стали возможны со времен Золотой Орды», «когда стали возможными адыго-монгольские контакты» (Коков, с. 76). Но, если верить иранистам, эти гипотетические контакты сильно уступали по своей интенсивности и интимности осетино-монгольским. Почему самыми активными не являлись осетино-адыгские отношения, если они начались за тысячу лет до пришествия монголов, и почему нет следов таких отношений – вопрос ненаучный.

Дж. Н. Коков отмечает: «...в адыгской антропонимии значительные группы имен имеют тюркские элементы: *хан, къан* (кан) «воспитанник», *бий, бий* «бей», «бай», «господин», *бэч* «бек», «господин, начальник», *чэрий, джэрий* – титул татарских ханов, *къул* «раб» и др.» (Коков, с. 84). Но то же самое – в осет. антропонимии. Получается, что «скифо-алано-иранцы» не обменивались с соседями никакими антропонимическими элементами, зато все они дружно заимствовали множество тюркских. Дабы нейтрализовать бесчисленные данные, ясно говорящие о том, что тюркоязычные предки карачаево-кумыко-балкарцев (скифо-алано-киммерийцы) были аборигенами равнин и гор Северного Кавказа, в дело годится все: «Говоря об исторических обстоятельствах проникновения восточных топонимических элементов на Кавказ, надо вспомнить и о походе среднеазиатского завоевателя Тимура», - пишет Дж. Н. Коков. Конечно, забывать о нем негоже; следуя логике Дж. Н. Кокова, в составе войск Тимура должен был прибыть целый отряд языковедов, которые давали названия (до той поры безымянным) географическим объектам на Северном Кавказе и записывали их на скрижалях; и пусть Тимур здесь пробыл недолго, эти «восточные» названия сохранились в памяти местного населения навеки.

Помянув золотоордынских татар, также внесших, по мнению топонимиста, свой вклад в адыгскую топонимию, Коков не забыл и татар крымских; следует полагать, что во время своих набегов и походов они каждый раз оставляли несколько табличек с указанием придуманных ими топонимов. Затем Коков вернулся к «монголизмам»; их, по его словам, немного, но они «характеризуются большой глубиной залегания, хранят на себе печать более длительной адаптации, отражают генетическое родство тюркских и монгольских языков» (Коков, с. 77). Это просто удивительно. Если топонимы, о которых говорит Коков, отражают генетическое родство двух языковых групп (тюркской и монгольской), почему надо именовать их именно «монголизмами»? При помощи какого метода Дж. Н. Коков отличил их от просто тюркизмов и каким эхолотом измерил «глубину их залегания»?

Еще оригинальнее другое наблюдение: «Интересно отметить, что эти монгольские элементы являются названиями (или их компонентами) по преимуществу объектов горных районов» (Коков, с. 77). Еще бы не интересно! Оказывается, завоеватели-монголы жили и творили высоко в горах Балкарии (а согласно А. Дз. Цагаевой – и в горах Осетии, следовательно, обитали и там; см. ниже); правда, почему они не дали названия самым крупным объектам региона, какого счастья искали в высокогорье (где тогда и дорог-то не было) и куда потом подевались, парадоксально мыслящие топонимисты не сообщают. Не говорят они и том, кто сберег эти «монгольские» топонимы и почему ни карачаево-балкарцы, ни осетины не имеют никаких монголоидных черт. Или эти степные топонимисты наименовали разные места на своем языке, дали местному населению наказ не забывать их названия и чинно удалились?

«Некоторые тюркские по происхождению слова известны адыгам в качестве топооснов (в скобках – кар.-балк. соответствия. – М. Дж.): *«аргъуей» «комар» (ургъуй), аргъей «лосось» (ыргъай), харбыз «арбуз» (харбуз), къамыл «камыш» (къамиш), къу(ы)м «пустыня» (къум «мелкий песок»), тенджыз «море, океан» (тенгиз), дамыгъэ «клеимо, тавро; знак, метка» (тамгъа), шордакъ «открытая беседка на четырех столбах» (в топонимии – «возвышенное место»; кар.-балк. чардакъ «чердак»)), тэмакъ «горло, глотка, гортань» (тамакъ) и др.» (Коков, с. 76).*

Но это еще не все: «Целый ряд терминов, диапазон которых в тюркских топонимах чрезвычайно велик, устойчиво употребляется в адыгских названиях (как и в осетинских; см. ниже. – М. Дж.). Таковы *къыр* (кыр) «скалистое место», *арыкъ* (арык) «сухой овражистый массив», *гуэл* (кэль, куль) «озеро», *къалэ* (кала) «крепость, город», *бырун* (бурун) «нос, мыс, выступ», *аул* «село, деревня» и др. (Коков, с. 76). Не говоря об этом прямо, Дж. Н. Коков пытается представить дело так, словно адыги являлись коренными жителями не только Причерноморья, но и Центрального Кавказа. Тогда совершенно непонятно, почему они должны были заимствовать массу топонимов и топооснов, отражающих особенности местного ландшафта, у поздних «тюрко-монголов».

Показательно и другое утверждение Кокова: «В адыгской топонимии тюркизмы образовали дублиеты, видимо, в некоторых случаях – кальки (почему? – М. Дж.). Для района Пятигорья, например, кабардинцы прочно удерживают название *Псыхубэз* «теплая вода», закрепляя тюркское соответствие *Жылы-су* (*Жыцу*) лишь за речкой у Горячеводска; но «...название горы в этом же районе утвердилось в тюркской форме – *Бецто* (*Беш-тау*), оттеснив на второй план каб. *Гуацхъитху* букв. «пять холмов» (Коков, с. 82). Адыгский топоним имеет явно искусственное происхождение, это калька с тюркского, так как в Пятигорье высятся именно горы, а не холмы, и их не пять, а гораздо больше. Дело в том, что местность названа так по названию древнего союза, которое сохраняется в качестве названия Балкарии по сей день – *Беш Татау Эл* «Пять союзных племен»; оно было неверно понято впоследствии как *Беш да Тау Эл*, нелепость которого

ясна в переводе: «И все пять горских обществ» – союз *да* (соотв. русск. *и*), совершенно не нужен.

Подумайте сами: зачем адыги стали бы сохранять в памяти «дублеты и кальки», причем созданные неизвестно кем, да еще и на чужом языке? И почему таких «дублетов и калек» нет в кар.-балк.? Почему и адыги, и осетины, да и все прочие (причем издавна) называют Пятигорье по «тюрко-монгольски» - *Беитыу*? Почему и в Осетии, и в Кабарде тюрк. слой названий по объему наиболее значительный после осет. и кабард.? Почему в равнинной Кабарде «алано-осетинский» слой топонимии исчез, а тюркский сохранился? Не потому ли, что он и был аланским? Или тюркские названия почему-то понравились кабардинцам больше? Почему и осетины, и кабардинцы используют массу тюркских топооснов, а вот у карачаево-балкарцев ни адыг., ни осет. топооснов нет? Не потому ли, что равнины и горы Центрального и Северо-Западного Кавказа до прихода иранских предков осетин с юга и адыгов-кабардинцев с запада занимали карачаево-балкар-дигорцы?

Успешно сократив, за счет отнесения ряда названий к числу завещанных адыгам неизвестными «тюрко-монголами» (но почему-то не упомянув уйгуров, хакасов и якутов) количество кар.-балк. топонимов в Кабарде, Дж. Н. Коков добирается и до иранского: «Этот слой названий по объему значительно уступает охарактеризованным выше – тюркскому и славянскому. Иранскими по происхождению являются прежде всего осетинские (аланские) названия, отложившиеся в верховьях рек Баксан, Черек, Чегем, и других и свидетельствующие, как это было отмечено Вс. Миллером и В. И. Абаевым, о распространении когда-то осетинской речи в этих местах. Этот вывод подтвержден нами на дополнительном топонимическом материале» (Коков, с. 92).

Допускать «алано-осетин» на равнинную часть Кабардино-Балкарии (где сейчас живут кабардинцы) Дж. Н. Коков явно не желает и Аланию старается не упоминать: «Имея наибольшее сгущение в верховьях более значительных рек Центрального Предкавказья, осетинские по происхождению названия образуют редкие вкрапления в адыгской топонимии предгорных районов», замечая, что от них следует отличать поздние, связанные с переселением дигорцев на плоскость (Коков, с. 92-93), уже в XIX в.

Стало быть, и «алано-осетины», и «монголы» жили и оставили свои топонимы только в высокогорье (если верить Абаеву и Кокову). Не иначе, как высекали их на скалах. Но кто тогда жил на плоскости и как быть с тем фактом, что Алания занимала и равнинную часть Центрального и Северо-Западного Кавказа, неизвестно. И если «аланы-иранцы» до начала роковой «тюрко-монголизации» прожили на территории нынешних Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии 1200 лет, почему ни один из пятидесяти тысяч Кавказа и ни одна крупная река, находящиеся на этой территории, не имеет иранского (или монгольского) названия, а все только речки, урочища и пригорки, расположенные высоко в горах?

Никаких выводов из своих утверждений кабардинский топонимист не делает, и общую картину происходившего в оны дни не дает, поэтому придется это сделать нам. В предгорьях издавна жили «аланы-осетины». Почему-то карачаево-балкарцы (якобы потомки тюркизированных «алано-осетин») сохранили некоторые «алано-иранские» названия только в высокогорье, но в предгорьях и на равнине большую часть иранизмов загадочные «тюрко-монголы» срочно заменили на свои. Кабардинцы (которые во время всех этих перемещений, смещений и переименований то ли жили в нынешней Кабарде, то ли пришли туда потом, Коков об этом ничего не говорит) множество тюркских названий так и оставили, но «алано-осетинские» почему-то заменили адыгскими. Очень логично.

Затем Дж. Н. Коков перечисляет ряд топонимов и гидронимов, приведенных у Миллера и Абаева, также считая их осет., на тех же шатких основаниях, что они включают в себя термины *дон*, *дан* «река, вода», *ком*, *кам* «ущелье», *дор* «камень», *ыфчык*

«перевал». При этом топонимист почему-то забывает о том, что по изысканиям В. И. Абаева, слово *дор* иран. (осет.) не является и что слово *ыфчык* он же возводил к кабард. *тие* «шея». Не являются иранскими и слова *дан* (*дон*) и *кам*. Приводит Коков и кабард. топоним *Дэгъуэт*, возводя его к осетин. *догъуат* «место для скачек», не зная о том, что В. И. Абаев еще в 1958 г. выяснил тюркское происхождение термина.

Каков же вклад самого Дж. Н. Кокова в дело выявления «осетино-аланских» топонимов в Кабардино-Балкарии? Он повторяет: «Наибольшее количество осетинских топонимов удерживается в горных районах КБАССР, в составе балкарских названий. Их мы насчитали семьдесят» (Коков, с. 94). В основном это те же названия, что и у Миллера и Абаева, ошибочно объясненные ими на основе осет. яз. (ср. число тюркизмов, обнаруженных в топонимии Осетии А. Дз. Цагаевой – 150). О том, почему нет осет. топооснов в составе кабард. названий, Коков не сказал; то ли кабардинцы с «алано-иранцами» познакомиться не успели, то ли ни тех, ни других здесь тогда не было, а вся территория была уже густо усеяна «тюрко-монголизмами».

Отметим только одну из этимологий топонима, который объяснен Дж. Н. Коковым на основе осет. яз.: *Лэъхрэн* осет. (диг.) *лах* «экскременты», *ран* «место». С какой стати высокогорная долина в Балкарии (*Лакхран*) должна была именоваться «экскрементным местом», мне понять не дано; кроме того, по мнению Абаева, слово *лах* заимствовано в осетинский из чеченского (см. в ИЭСОЯ). Слово *ран* есть и в кар.-балк. яз., но означает не «место, положение» (как в осет.), а «площадка»: *къая ран* «скальная площадка»; ни в каких иных значениях или словосочетаниях оно не употребляется. Ни это кар.-балк. слово, ни чечено-осет. *лах* к топониму *Лакхран* никакого отношения не имеют; он, скорее всего, восходит к кар.-балк. *ала къыран* «пятнистое плато» (от *ала* и *къыр* «степь; плато»), закономерно изменившемуся в *Алахран*, *Лакхран*.

Дж. Н. Коков почему-то попытался сделать иранским и кар.-балк. гидроним *Балыкъ*, но не смог решить, к какому слову его возвести – то ли к названию мифического города «Малкана, или Малх» (упоминаемого Ш. Б. Ногмовым, весьма склонным к созданию фантастических гипотез), то ли к именованию иранских царей, приводя надпись на монете: «*Малка малка Иран*» – «царь царей Ирана» (забывая, что по всему тюркскому миру разбросано множество названий рек с элементом *балыкъ*, *булак*), но не поведав, чем занимались иранские цари в долине горной реки на Северном Кавказе.

Итак, существование «алано-осетинских» топонимов в равнинной части Алании Дж. Н. Коков отрицает. В присутствии «ираноязычных алан» на этой территории не верится и по другим причинам:

1. Почему нет следов осет. речи в языке абхазов, абазин, мингрелов, адыгейцев и кабардинцев, если «алано-осетины» присутствовали на территории Балкарии и Карачая от начала нашей эры, и если Алания (якобы созданная «древними североиранцами») в средние века была крупнейшим и влиятельным государственным образованием на Северном Кавказе?

2. Почему неведомые тюрки, неизвестно как и неизвестно когда поглотившие «осетин-алан» в Балкарии и Карачае, заменили (зачем?) древние осетинские названия самых крупных объектов (гор и рек, в том числе и на территории самой Осетии, например реку Терек и гору Казбек) на тюркские, но оставили самые незаметные? Недосмотрели, не выполнили программу? Тогда кто вложил в уста осетин тюрк. названия Волги *Идыл*, Пятигорья *Бештау* и пр., и пр.?

3. Почему тюрк. топонимов в Осетии во много раз больше, чем осетинских в Балкарии и Карачае (об этом пишут сами осетиноведы; см. ниже)? Почему тюркских топонимов на Северном Кавказе больше, чем каких-либо иных?

Когда одному начальнику не понравилась книга историка, целиком построенная на

документах, он выразился предельно ясно и с полным убеждением в своей правоте: «Не всякую правду надо говорить народу». Что делают те ученые-академисты, которые, сами того не осознавая, мыслят, как чиновники, когда не могут ответить на нехорошие вопросы (типа приведенных выше)? Правильно, они переводят разговор из научной плоскости в плоскость политики или психологии. Так должно поступить и в нашем случае: приведенные факты и логически вытекающие из них выводы следует считать несомненным свидетельством «борьбы за исконность» и ущерба психологии автора, которому всюду мерещатся заговоры.

ЧУДЕСНЫЕ ОБМЕНЫ

«Одной из отличительных особенностей кавказских (яфетических) языков, - пишет В. И. Абаев, - является, как известно, двадцатичный счет. Сванский составляет исключение. В нем, наряду с двадцатичным, в ряде говоров употребляется десятичный. Как он туда попал? Иранские языки обладают десятичным счетом, и еще Н. Я. Марр высказывал догадку, что десятичный счет в сванском надо рассматривать как результат осетинского влияния. Лучшего объяснения, казалось бы, не нужно и желать. Но тут есть одно затруднение: осетинский язык, один среди иранских языков, имеет как раз... двадцатичный счет. Правда, в ущельях Дигории нашли у пастухов следы старого десятичного счета, но в общем употреблении утвердился двадцатичный».

Далее В. И. Абаев, пытаясь объяснить эти факты, как всегда выдвигает предположение; но, на сей раз, прекрасно понимая слишком очевидную несостоятельность этого «объяснения», он не в силах скрыть свою растерянность: «Случилось это, надо думать, под влиянием кавказских языков. Выходит, что осетины, научив сванов десятичному счету, сами поспешили забыть его (!! – М. Дж.) и восприняли (может быть, у тех же сванов?) двадцатичный. Конечно, ничего невозможного в этом нет (!! – М. Дж), но все же надо признать, что положение довольно запутанное...» (Абаев, ОЯФ, с. 304). Очень хотелось бы представить, как мог получиться такой странный обмен (в котором «нет ничего невозможного»!) - «ты мне, я тебе»: речь-то идет не о каких-то простых предметах. Но Абаев предпочел в очередной раз объяснить «довольно запутанное положение» «забывчивостью» осетинского народа, который почему-то утерять свой десятичный счет, якобы совершив обмен: зачем-то и каким-то неведомым образом «передал» его сванам, а сам его позабыл, но потом взял у них двадцатичный. Почему на такой странный бартер согласились сваны и как это могло произойти, никто из иранистов не объяснил (да и как можно объяснить абсурд?).

В Хуламе, пишет В. И. Абаев, во время экспедиции (проведенной в 30-е годы) им впервые был записан балкарский пастушеский счет (о чем уже упоминалось выше). «Этот счет есть не что иное, как иранский десятичный счет, бытующий у народа тюркской речи. Иранские названия легко опознаются. Осетины почти совершенно забыли десятичный счет, перейдя на двадцатичный счет своих кавказских соседей (почему же тогда числительные в осетинском не «кавказские»? – М. Дж.). Балкарцы же, восприняв его когда-то у тех же осетин, пользовались им в пастушеской практике, при счете овец» (Абаев, ОЯФ, с. 273). Но десятью страницами ниже Абаев пишет иное: «Десятичный иранский счет настолько чужд современным осетинам, что сохранившие его кое-где дигорские пастухи называют его категорически *аессон нимаезае*, т. е. «балкарский счет» (Абаев, ОЯФ, с. 282). Это, конечно, очень странно: если бы пастушеский счет был когда-то и у осетин, они его вряд ли забыли бы; да и почему ираноязычные осетины стали бы называть «балкарским» счет, в котором числительные являются иранскими? Следовательно, балкарцы заимствовали его у другого ираноязычного народа.

По мнению другого осетиноведа, произошло следующее: «Аланы-дигорцы передали балкарцам также свой старый иранский десятичный счет, а сами стали пользоваться заимствованной у сванов двадцатичной яфетической системой» (Калоев, 1971, с. 33). Объяснение потрясающее: аланы-дигорцы, которым понравился сванский двадцатичный счет, решили перенять его, но не знали, куда надевать свой «старый десятичный», пришлось передать его балкарцам. Те подарок приняли и стали использовать его, но в качестве только пастушеского счета, от двух своих тюркских систем исчисления (десятичного и двадцатичного) отказываться и не думая.

Но потом эти дигорцы напрочь позабыли о том, что пастушеский счет когда-то принадлежал им самим и стали именовать его *аессон нимаезае*, т. е. «балкарский счетом». Тем временем сваны, у которых осетины стали просить их «двадцатичную яфетическую систему», согласились отдать ее, но только в обмен на осетинский десятичный счет. Когда, как и почему происходили эти обмены, ни один иранист объяснить не пытался. И ни один суровый академист не воскликнул: «Что это вы пишете, товарищи ученые мужи! Это же сумбур вместо музыки! Абсурд вместо науки!». Субординация-с!

Не исключено, что, не говоря об этом прямо, В. И. Абаев подразумевал, что субстратом при формировании осетин стала часть сванов, потому и стал возможен «обмен». Но в 1966 г. лингвист К. Е. Гагкаев отверг мнение о том, что наличие в осетинском языке двадцатичного (вигезимального) счета является результатом влияния «кавказского субстрата» (эту мысль впервые высказал В. Томашек в конце XIX в.), указывая: «Не следует забывать, что вигезимальный счет встречается в таких иранских языках, как афганский, белуджский, язгулямский и др., чего невозможно объяснить кавказским влиянием на эти языки» (ПОН, с. 205).

Иранские предки осетин пришли в нынешнюю Осетию с юга, двумя волнами. Большая часть первых, ранних, иранцев, по всей вероятности, ассимилировалась в местной тюркской среде; от них балкарцы и могли воспринять пастушеский счет (парами). Затем, гораздо позже, из Ирана пришла вторая волна военных поселенцев (в начале XVIII в.), которые, в свою очередь, ассимилировали автохтонное тюркское население, точнее, его остатки, уцелевшие от эпидемии чумы. Эти, поздние иранцы, происходили, видимо, из другой области Ирана и двоичного счета не знали, а потому не знают его и их потомки-иронцы.

«...помимо старых иранских числительных, - пишет В. И. Абаев, - балкарский сохранил еще ряд старых осетинских слов, которые в самом осетинском уже мало или вовсе не употребляются. Таковы уже отмеченные выше:

Дорбун «пещера» - диг. *дор-бун*

Лухдун «палка, дубина» (прав.: *лыхтын* «лом». – М. Дж.) - диг. *лук-дун*

Стауат «стойбище скота» - ос. *стонуат*

Фадаван «трава для подстилки в чабурах», вероятно, из ос. *фадтаван*, букв. «ногогрейка», ср. перс. *пайтаба* «портянка, чулок» (ОЯФ, с. 283).

Странно, что эти «старые осетинские слова», как и десятичный иранский счет, запомнили карачаево-балкарцы, но «забыли» сами осетины. Вероятно, карачаево-балкарцы заняли их опять-таки не у осетин, а у других иранцев, например, у персов (заимствования из их языка в кар.-балк. яз. по количеству – на втором месте после арабизмов). К тому же из перечисленных выше четырех терминов первые два (*дорбун*, *лыхтын*) не осетинские, а карачаево-балкарские.

СХОЖДЕНИЯ В ЛЕКСИКЕ

«Следует еще раз отметить, - пишет В. И. Абаев в ОЯФ (1949 году), - что лексические схождения осетинского с балкаро-карачаевским гораздо обширнее, чем это

представлялось Вс. Миллеру и М. Ковалевскому, хотя эти ученые всячески подчеркивают огромное влияние осетин на балкаро-карачаевцев и даже называют последних «отатарившимися осетинами». Когда дело доходит до конкретных языковых доказательств этого влияния, они могут привести всего с десяток слов, «заимствованных» балкарцами у осетин». Замечательно, не правда ли? Почему же они так поступали? Не хватало научной квалификации? Или они имели какую-то цель?

По Абаеву, общее число схождения - около двухсот (но в приведенном им списке их 160); на самом деле осетино-карачаево-балкарских схождения гораздо больше, и основную массу их составляют тюркизмы, а не осетинизмы, как полагали Миллер и Ковалевский. Приведем весь список, составленный В. И. Абаевым, сохраняя и введенные им условные обозначения: КЧ – карач., БС – бакс., Ч – чегем., Х – хулам., БЗ – безенг., БК – черекский, собств. балк., Т. – общий карач.-балк. «таулу» (букв. «горский»), слово, «которым называли себя и друг друга одинаково балкарцы и карачаевцы». (В скобках - наши добавления, уточнения и замечания).

Термины неживой природы:

КЧ. Кюллом «подсолнечный, южный склон горы», Х кюннлом, БЗ кюндюм (от тюрк. кюн «день, солнце») – ос. «кюлдюн» «горный склон»;

Т. Чегет «северный склон горы», также – «лес» - ос. цаегает «северный склон горы»

БЗ, БК. ауана «тень» - ос. ауон

Т. Тёппе, тёбе «верхушка, вершина» (и - «макушка») - ос. цъопп

Т. Гымыш «место, покрытое скудной растительностью» (гладкий, гладко) - ос. гаемаех

Т. Гыйы «каменная плита, шифер, сланец» - ос. къайае, ср. сван. къа (кар.-балк. къая «скала»)

Т. Ран «недоступное место среди скал» (скальная площадка) - ос. рауаен, ран «место»

БЗ. Тыхын «ровная площадка на скале» - ос. къаехаен «скала» (?)

Т. Дорбун «пещера» - ос. дор-бун ид.; букв. «каменный пол» (кар.-балк. дор богъун каменная шея, глотка).

Т. Юзмез «песок» - ос. аезмесае

БК. Хуру «каменистое место, булыжник» (каменная гряда, завал) - ос. хуыр (щебень, гравий)

Ч, Х. Шаудан «родник» - ос. сауадон

Т. Чучхур «водопад» - ос. цухцур вообще «падающая струя воды»

Термины живой природы:

Т. Назы «ель, пихта» - ос. наези «сосна», назу «ель», ср. груз. назв-и

БК. Мырзы «береза» - ос. баерзае

БК. Саумырзы «порода березы» - ос. сау баерзае «черная береза»

Т. Тыкыр «клен» - ос. таегаер

Т. Чум (цум) «кизил» - ос. цум

Т. Тюртю «барбарис» - ос. турту

БК. Зюдюр «черная смородина» (? неверно: «ежевика») – ос. заедура «ежевика»

Т. Муртху, муртку «калина» - ос. муртгъае, муркъа ср. груз. марцкъу «земляника» (ср. также кар.-балк. марако земляника, и русск. морошка)

Т. Кырдык «трава» (низкая) - ос. каердаек

БК. Фадауан «трава для подстилки в чабурах (горной обуви)» в первой части ос. фад «нога»

Т. Шхейли, ихели «можжевельник» – ос. аехсаелае

БЗ. Хемпек, БК. хоппук назв. дикого съедобного растения (и хоппак альпийская лилия; собств. имя) – ос. къоппаг, къоппаег

БК, БЗ. Кундуш назв. ядовитого растения (чемерица) – ос. каендис

Т. Жугъутур «горный тур» - ос. *заебодур*
Т. Мыга «перепел» (прав.: «коростель») - ос. *маега* «бекас»
Т. Дидин «оса» - ос. *дидин бинзае*, где *бинзае* «муха»
Т. Гыбы, губу, габу «паук, клещ», вообще «мелкое насекомое» (неверно: только указ. знач. «паук, клещ») - ос. *габу* «клещ»

БЗ. Гелбо «бабочка» (прав.: *гёбелек*) - ос. *гаелаебо*

БС, Х, БК. Гумулжук «муравей» - ос. *мулдзук*

Названия культурных растений:

Т. Нартьюх «кукуруза» - ос. *нартхор*, ср. кабард. *нартыхуэ*

Т. Зынтхы «овес» - ос. диг. *заетхае*, ср. кабард. *зантх*, сван. *зынтх*

Т. Хумеллек, хумаллак «хмель» - ос. *хумаеллаег*

Т. Къудору «бобы» (прав.: «фасоль») - ос. *къаедорае*, ср. груз. *кндури*, сван. *гедер*

Т. Наша, нариа «огурец» - ос. *нас* «тыква», ср. каб. *наша* «огурец», груз. *несви* «дыня»

Названия домашних животных:

Т. У-зада (къочхар) «овца 3 лет» - ос. *ду-зад* (*фус*); букв. «дважды рожавшая»

Т. Урту-зада, урчу-зада «овца 4 лет» - ос. *аердае-зад* («трижды рожавшая»)

Т. Гылыу «осленок» - ос. *къаелаеу*

Т. Гажи, гатча «сука» - ос. *гадза*, *гацца*

Термины материальной культуры:

Т. Балас «плетенка из молодых березок, на которой волокут сено с гор» (и «дерево») - ос. *балас* «дерево»

Т. Гырмык «веревка, свитая из травы» - ос. *къаермаег*, также «затычка из травы»

БК. Галлас «копна» - ос. *гал* «вол» и *ласын* «тащить»

БС, Ч, Х. Батан, БК *фатан* «охапка сена» – ос. *баеттаен* «связка»

Т. Дырын «разбросанное, неубранное сено» - ос. *даераен*

Т. Антау гебен «куча сена» (прав.: «стог») - ос. диг. *аентаун* «собирать сено граблями»

Т. Хастан «место, куда свозят копны сена» - ос. *хуасдонае*

Т. Белдырын «вновь начатая полоса при косьбе» - ос. *фаелтаер*, *фаелтаераен*

Т. Толан «скатываемая с горы масса сена» (ср. кар.-балк. *толкъун* волна) - ос. *толун* «катить»

БЗ. Гысты «полная горсть колосьев при жатве» (прав.: «сноп») - ос. *даенстаег* (?)

БЗ. Гус (вар.: *гуса*) «сноп» - ос. *игуас*, *угаес*

БЗ. Пытау «большой стог» - ос. *аефтаеу*

БЗ. Жимел, БК *зымыл* «отходы, остатки после молотбы» - ос. *цъаемаелтае*

КЧ. Мулхар «мякина» (прав.: «остатки сена, труха») - ос. *фаелхуарае* «остатки пищи, корма»

Т. Тыбына, тывына «шерстяная веревка» - ос. *таебын* «шерстяной»

Т. Бардух, урдух «скрученный прут» (и «жгут»; прав.: *бурдух*) - ос. *уаердаех*, ср. каб. *уердухуы*, сван. *мардах* «жгут», груз. *матрах* «плеть»

БЗ, БК. Дорласын «волокушка для перевозки камней» - ос. *дор* «камень» и *ласын* «тащить»

БЗ, БК. Анпун «обруч, оплетенный травой, на который кладется котел» (и «подушечка на сиденье») - ос. *агбун*, *акъбун* от *аг* «котел» и *бун* «низ»

Т. Гулос, гулой, глос «ручка сохи» (*гулоч* «ручка косовища») - ос. *гулос*, *глус*, *глурс*

Т. Чана, цана (малкар.) «сани» – ос. *цонагъ*

БК. Гинан «часть сохи» - ос. *гинон*

БС. Гургурак, Х. БЗ. канкурак, БК. конкурак «принадлежность горской мельницы, кулачок, сотрясаемый жерновом и способствующий равномерному осыпанию зерна» - ос. *гаеркъараег*, *къаеркъуаераг*

Т. *Кюф* «большая корзина» - ос. *куф*

Т. *Геддеш*, *гыбыдыш* «ясли, кормушка для скота» (*куудуш*) - ос. *каевдаес* (Прим. Абаева: «Отсюда Т. *гыбдыш тугъан*, букв. «рожденный в яслях» - название человека низшего сословия, точный эквивалент ос. *каевдаес-ард* с тем же значением»). (Это неверно; прав.: *гыбышы* «бастард», *гыбышы туугъан* «незаконнорожденный»).

Т. БЗ. *Гуму* «кладовка» - ос. *кѳум* «угол», диг. *гуму*

Т. *Хырыкъ* «главная потолочная балка», ср. также БЗ, БК *агъырыкъ* «жердь под потолком, на которую вешают шкуры и пр.» (и «бельевая веревка») - ос. *хаераег*, *аххаераег*

Т. (БЗ, БК) *Жылмы*, *зылмы* «хворост, которым покрывают плоскую крышу сакли» - ос. *аензалм* «жерди на крыше»

Т. *Тырхык* «каменная скамья» (и «полка») - ос. *таерхаег*, также «полка»

Т. *Лыстын* «подстилка» (*илистин*) - ос. *листаен*

Т. *Чыккыр* «кадка (небольшая)» - ос. *цаехкар*

Т. *Куштел* «кадка (большая)» - ос. *кустелае*

Т. *Чолпу* «ковш, черпалка» - ос. *цолпи*

Т. *Чарх* «колесо» - ос. *цалх*; ср. перс. *чарх*, тур. *чарх*

Т. *Шырхы*, *хырыш* «точильный камень» - ос. диг. *саерхае*

Т. *Лыхтын*, *лытхын* «толстая палка», «лом», - ос. *лух-дун* «с обрезанным концом»

Т. *Хыжы*, *хызы* «палка с крюком на конце», «багор» - ос. *хаезае*

Т. *Чык* «узел, петля, звено» - ос. *цаег* «звено, кольцо»

Т. *Гоппан* «большая деревянная чаша» - ос. *кѳоппа*

Т. *Кыржын*, *гыржын* «хлеб, чурек (не пшеничный)» - ос. *кѳаерзын*

Т. *Хычын* «пирог» - ос. диг. *ахцин*

Т. *Араун*, *арауан* «сковорода для поджаривания хлеба», также «лопатка» - ос. *араун* «опалить огнем, жарить»

БЗ, БК. *Хаги*, *хагидан* «печь для сушки зерна» - ос. диг. *хегае*

Т. *Шхууур*, *ушхууур* «ужин» - ос. *аехсаеваер*, ср. также *сехуар* «обед»

БЗ, БК. *Змелт* «вид пряжи» (прав.: *юзмелт* «ровница, кусок пряжи») - ос. *аезмилт*; от *аезмелун* «прясть особым способом» (этимология Абаева неверна; в основе слова кар.-балк. *юз* «оторвать, оборвать» - «обрывок»)

БК. *Рысхын* «ремень для плетения подошвы горской обуви» - ос. *раехсаен*

БЗ, БК. *Хуйун* «ремень» или «грубые нитки» - ос. *хуйун* «шить», *хуйаен* (*даг*) «нитки»

Т. *Хызен* «сумка, мешок» - ос. *хызын*, *хизин*

БЗ. *Тыпыл*, БК *тыфыл* «слой шерсти или сена» (и «теплый») - ос. *тѳаефил*, *тѳыфыл*

Х, БЗ, БК. *Жинк*, *зинк* «горящие уголья» (прав.: «искра») - ос. *зинг*, *зынг*

Т. *Багуш*, *баугуш*, *бауш* «навоз» (или «мусор») - ос. *фагус*

Т. *Сыгын* «кизяк» (формованный) - ос. *заекъан*

Т. *Стауат* «стойбище для скота» - ос. *стонуат* (ныне устарело)

Анатомические и медицинские термины:

Т. *Базук* «предплечье», Х. «голень» (второе значение указано неверно) – ос. *базуг* «предплечье»

БЗ. *Мугуштук* «предплечье» - ос. *макѳустаг*

Т. *Жух*, *зух* «рот», «морда», «край скалы» - ос. *зух*, *цѳух* «рот»

Т. *Шыты* «слюна» - ос. *саетае*

Т. *Тулу* «темя (у детей)» - ос. *тулае* (в кар.-балк. *тулу* «родничок» - мягкое место на голове новорожденного; «полюс»)

БК. *Дардан*, Х. *дѳерден* «зоб (у птиц)» - ос. *додонае*

Х. *Бокѳур* «зоб», «двойной подбородок» - ос. *бокѳур*

Т. Чылмыртын, чырмылтын «грыжа» - ос. *цаелмартан*
Т. Чыгыр «парша» - ос. *загъыр* «несмыкание глаз (болезненное)» (вряд ли это сближение основательно).

Социальные и этнические термины:

Т. Дигиза «кормилица» (и «девушка, прислуживающая невесте во время свадьбы») - ос. *дигиза*

Т. Апсын, афсын «золовка» (прав.: «сосношница») - ос. *аефсинае* «хозяйка»

Т. Гинжи, гинзи «кукла» - ос. *кинзае* «невеста», «кукла»

Т. БС, БЗ, Х. чагар «раб» - ос. *цагар*

Т. Ныгъыш «место в ауле, где собираются старики на совет» - ос. *ныхас*

Т. Дюгерли «осетин», «дигорец» - ос. *дыгурон*

Т. Тегейли «осетин» - ос. *таегиа-та* «осетины-тагаурцы» (так осетин именуют только карачаевцы)

Названия качеств, физических и психических

Т. Гичи, киччи, гичче «маленький» - ос. *гыццыл*

Т. Гумух «тупой» - ос. *къуымах*

Т. Чубур «куцый» (и «короткий») - ос. *цубур* «короткий»

БЗ, БК. Гуппур «горбатый» (и «горб») - ос. *губур*

Т. Мылы «сырой» (и «влага, влажный») - ос. *умаел*

Т. Къолан «пестрый, пятнистый, полосатый» - ос. *хъолон, къулон*

Т. Мутхуз, бутхуз «тусклый, неопределенного цвета» - ос. *мудхуз*, букв. «медового цвета», муть (? – М. Дж.)

БЗ. Жут, БК зут «обжора» (а также - «алчный» и «бескормица») – ос. *зуд* «жадный»

КЧ мухар «обжора» - ос. *фурхуар*

Т. Хомух «слабый, дряблый, дрянной» - ос. *хомух*

БЗ. Ырнык кишитик «дикая кошка» (и *гырнау кишитик*) - ос. *аернаег* «одичавший» (также про растения или про заброшенную землю). Вне данного сочетания мне в балкарском слово *ырнык* не попадалось.

Т. Сылхыр «помешанный» (обычно про овец, пораженных особой болезнью мозга) – ос. *саелхаер*

Т. Сант «полоумный, идиот, дурачок», также «бред» - ос. *сонт*

Другие сходжения:

Т. Зайын «яйцо под наседкой» (и в курице) - ос. диг. *зайаен*

КЧ. Гаккы «яйцо» - ос. *гакк* «яйцо» (детское слово)

Т. Сагъыш «дума, раздумье» - ос. *сагъаес*

Т. Бушман «раскаяние, горе» (прав.: «скорбь») - ос. *фаесмон*, перс. *тишман* «раскаяние, сожаление»

Т. Хыйны «наговор, заговор, колдовство» (и «колдовское зелье») - ос. *хинае*, а также «хитрый, хитрость»

Т. Толпар «толстяк» (прав.: *тулпар* «богатырь, богатырский») - ос. *толпар*

Т. Хурхур «храп» - ос. *хуыр-хуыр*

Т. Хыппырык «мокрота» (при харканы) – ос. *хаептаер*

Т. Дыгъы-дыгъы, дыгъыл «щекотка» - ос. диг. *зугъу, зиги*

Т. Ба, уппа «поцелуй» - ос. *пъа*

Т. Баппу «хлеб» (детское слово) – ос. *баппа*

Т. Кых «кака» (детское слово) - ос. *гых*

Т. Ышныр «жвачка» - ос. *сынаер, синар*

Т. Мыллык «труп,дохлятина» – ос. *маеллаег* «худой, тощий»; *маелаег* «умирающий»

Т. Хуппегеи «сыворотка» - ос. *хуппаг* «жидкая пища»

Т. *Хорхус* «мука из невысушенного ячменя» - ос. *хор* «зерно, ячмень», *хуз* «подобный» (?).

Т. *Хота* «передник» - ос. *куатае*

Т. *Тегене* корыто - ос. *таегаена*

БЗ *Жатма*, БК, *затма* «навес, балкон, крыльцо» - ос. *затма*

Т. *Къунажин* «трехлетняя корова» - ос. *къуназин*

Т. *Кърау* «близорукий» - ос. диг. *къаераеу* «слепой»

Т. *Шау бол* «гибнуть» (*шах* черный, *шакъа* чернила), - ср. ос. *сау* «черный», *сау бон* «беда» (букв. «черный день»)

Т. *Шош бол* «утихать» - ос. *сос каенун*

Религия, мифология, фольклор:

Т. *Апсаты* «божество охоты» - ос. *Аефсати*, ср. сван. *Апсат*

Т. *Хардар* «гений урожая» - ос. *Хуар-Аелдар* «хлебодержец», «владыка урожая»

Т. *Хычауман* назв. месяца – ос. *хуыцау* «бог», *хуыцау бон* «божий день» (но сам же В. И. Абаев пишет, что слово *хуыцау* «бог» ни осет., ни иран. не является; см. в ИЭСОЯ; ничего не сказал он и том, почему карачаево-балкарцы должны были дать месяцу название, которое на чужом для них языке означает «божий день»).

Т. *Тотур* назв. месяца (двух священных месяцев мира в эпоху тенгрианства, до и после дня весеннего равноденствия до 22 апреля; имя покровителя волков – *Тотур*, *Аш-Тотур*) – ос. *Тотур* назв. божества и праздника

Т. *Башил* назв. месяца – ос. *басил* назв. праздника

Т. *Никкола* назв. месяца – ос. диг. *Никкола* назв. божества и праздника.

Т. *Абустол* назв. месяца – ос. диг. *амистол*

Т. *Жор*, *зор* «крест» (второе слово означает также «сила», *зорлукъ* «насилие») - ос. *дзуар* «крест, святыня», ср груз. *джвари* ид.

Т. *Нарт* название легендарного народа» - ос. *нарт*

Т. *Ёрюзмек* герой нартского эпоса – ос. *Урузмаег*

Т. *Сатанай* героиня нартского эпоса – ос. *Сатана*

Т. *Сосрукъа*, *Сосурукъ* – герой нартского эпоса – ос. *Созрукъо*

Т. *Къара-Шауай* герой нартского эпоса – ос. *Саеуай*

КЧ. *Ачемез* герой легенды, мститель за отца – ос. *Ацаемаез*

Т. *Сослан таи* название горной породы (полевой шпат?); (предположение неверное, прав.: «гранит»), где *таи* – «камень» - ос. *Сослан* герой нартского эпоса

Т. *Кепена*, *Кефена*, *Тепана* назв. хороводного танца, первоначально культового; *Кефена* назв. урочища (в Балкарии. – М. Дж.) – ос. *кепена* «танец» (следов. – место, где танцуют *кефена*) - (ОЯФ, с. 283-284). (У карачаево-балкарцев *Тепена*, *Тыпана* - имя богини-матери огня и название танца в ее честь).

В списке этих сходжений около половины составляют тюркизмы; есть и слова, вошедшие в оба языка из грузинского, а также звукоизобразительные; происхождение некоторых слов неясно. Разумеется, эти параллели никак не могли быть одним из доказательств того, что карачаево-балкарцы сложились на основе «алано-осетинского» субстрата, как привыкли думать иранисты. Ныне опубликован и список из 900 слов, присутствующих и в осет., и в кар.-балк. яз. (Бабаев, с. 53) – тюркских, иранских, грузинских, арабских и пр.

Выводы Абаева (в 1933 г.):

«1. В языке и фольклоре осетин и балкаро-карачаевцев мы находим обширные и разносторонние сходжения.

2. Эти сходжения представляют закономерную надстройку на единой охотничье-

скотоводческой общественности (? – М. Дж.).

3. По своему языковому составу эти схождения идут частью из осетинской среды, частью из балкаро-карачаевской, частью из местной субстратной (яфетической). (Тем не менее, иранисты считали, что все эти слова заимствованы карачаево-балкарцами из осетинского, что и являлось одним из «доказательств» их сложения на «алано-осетинском субстрате»).

4. Распространение когда-то осетинской речи в верховьях Кубани, Баксана, Чегема и Черема подтверждается нашими новыми топонимическими материалами.

5. Тот же топонимический материал говорит, однако, с очевидностью, что осетинский слой не является самым глубоким, до какого мы доходим в этом районе.

6. Для языковой характеристики более ранних этнических культур Центрального Кавказа наш материал недостаточен.

7. В виде гипотезы можно предполагать наличие форманта *ск* в одном из «доисторических» языков Центрального Кавказа» (Абаев, ОЯФ, с. 290).

Последние четыре вывода считать верными нельзя (да и второй и третий пункты верны лишь отчасти). Отыскивая доказательства древних, разносторонних и многовековых связей осетин с другими народами Европы и Кавказа, В. И. Абаев буквально по крупицам собирал все, что могло, как ему казалось, помочь в его предприятии; результаты оказались ничтожными. Но стоит только заняться осетино-карачаево-балкарскими связями, как обрушивается лавина несомненных, лежащих прямо на поверхности схождения – в лексике, в топонимике, в фольклоре, в мифологии, в обрядности, антропологии, традиционном судопроизводстве, материальной культуре, фамильных именах и пр., и пр.

Ни с каким другим народом, даже с грузинами (с которыми осетины якобы общаются вот уже 27 веков), осетиноведы такого количества схождения обнаружить не смогли, но и сделать должных выводов не захотели, находясь в плену ложного мнения о скифо-аланском происхождении осетин. Присмотрись они к родному языку и фольклору повнимательнее, им пришлось бы признать, что их возлюбленная теория стоит на голове: не карачаево-балкарцы сформировались на «алано-иранском» субстрате, а как раз наоборот, осетины – на алано-тюркском.

НАУЧНАЯ СЕССИЯ 1959 ГОДА

Итоги полуторавековой деятельности иранистов были подведены на двух научных сессиях, состоявшихся в 1959 г. (Нальчик) и в 1966 г. (Орджоникидзе), посвященных проблемам происхождения карачаево-балкарского и осетинского народов. К сожалению, из-за превышения объема монографии нам пришлось снять два параграфа с подробным анализом материалов сессии; мы ограничимся общими замечаниями и заключениями. Рассматривая выступления участников первой сессии, можно заметить, что главной целью было выявление того пришлого народа, который ассимилировал «ираноязычных алан» и передал карачаево-балкарцам их тюрк. яз. На сессии 1966 г. ее участников волновал другой вопрос: чья роль в процессе этногенеза осетин была важнее – местного населения или пришлых алан-иранцев? Иначе говоря, в этногенезе карачаево-балкарцев, как полагали ученые, был неизвестен суперстрат («какие-то тюрки»), а в этногенезе осетин, наоборот, субстрат (какие-то «кавказцы»).

Материалы научной сессии 1959 г., посвященной проблеме этногенеза балкарцев и карачаевцев (далее в тексте – МНС) опубликовали через год, отдельной книгой. К тому времени «теория» ираноязычия скифо-сармато-сакских племен, как и «история» тысячелетнего исхода тюрков с Дальнего Востока считались аксиоматическими.

Требовалось выбрать из этих поздних пришельцев пару-тройку племен и назначить их тюркоязычными предками карачаево-балкарцев.

Основной докладчик, кабардинский историк Т. Х. Кумыков, кратко рассмотрев имеющиеся гипотезы, пришел к выводу, что карачаево-балкарцы «образовались из местных северокавказских племен (говоривших на неизвестном языке. – М. Дж.), смешавшихся с ираноязычными скифо-сарматскими и тюркоязычными племенами, из которых наибольшее значение в процессе формирования карачаевцев и балкарцев имели, видимо, черные болгары и в особенности одно из западнокипчакских племен». «Заселили же они свою нынешнюю территорию не позднее XII – начала XIII вв.» (МНС, с. 37). К этому мнению и присоединилась, с теми или иными оговорками, большая часть участников сессии.

С. К. Бабаев, опираясь на сведения из исторических источников (визант., армян., араб., перс.), полагал, что основным компонентом при сложении кар.-балк. народа явились приазовско-кавказские болгары. Разумеется, он также считал (тогда), что аланы-асы – иранцы, предки осетин. Но счел нужным отметить: «Некоторые историки склонны считать, что балкарцы и карачаевцы – потомки позднейших тюрков. Тогда возникает законный вопрос: почему кабардинцы называют балкарцев их историческим именем – *балкър*, а осетины – *асами*? Почему балкарцы, сохранившие свое имя «балкар» и этнический термин «алан», не знают и ничего не сохранили в своей памяти об этих тюрках (кипчаках. – М. Дж.)? Это результат того, что позднейшие тюрки в формировании балкарской народности заметного участия не принимали. Что же касается алан, то они были основным компонентом, после «черных» болгар» (МНС, с. 54). «Смешение продвинувшихся на юго-восток болгар хана Батбая, сына Кубрата, с аланами, произошло в VII в. Отдельные группы кипчаков проникали в среду карачаево-балкарцев, но заметного влияния на них не оказали» (МНС, с. 62).

С выводами и аргументами С. К. Бабаева не согласился Л. И. Лавров, считая, что «до XIII в. на территории Балкарии и Карачая проживали аланы, говорившие на дигорском диалекте осетинского языка» и что это «было блестяще доказано Всеволодом Миллером и

В. И. Абаевым» (МНС, с. 64). По его мнению, балкарцы и карачаевцы – потомки половцев, разбитых монголами и укрывшихся в горах Кавказа, где и произошло их смешение с ираноязычными аланами. «До XIII в. нынешней Балкарией прочно владели аланы, и нет основания относить появление здесь балкарцев до XIII в.» (МНС, с. 66).

Правда, ученый добавил, что в составе этих половцев Северного Кавказа могли быть и печенеги, и савиры, и болгары, и хазары; сваны называют карачаевцев «савяр», т. е. савирами; арабские авторы IX-X вв. знали в Северном Дагестане «царство Гумик»; «во II в. н. э. на Северном Кавказе встречается топонимическое название «Кумания»; «тюркоязычное население попало в Восточную Европу еще до гуннов» (МНС, с. 63-69).

Выступление осет. историка Б. А. Алборова называлось «Почему осетины называют балкарцев «Асы». Отметив, что этноним *ас* отмечался древними авторами на территории Средней Азии, ученый заключил: «Балкарское племенное (? – М. Дж.) название «асы» («аси») не имеет непосредственной связи с наименованием древних асиев (асианов). Это наименование могли принести с собою тюркские кочевники, особенно же куманы, которые долго жили на местах теперешнего поселения балкарцев и карачаевцев по соседству с аланами – асами», доказательством чего, по Алборову, является то, что до «появления куманов (кипчаков-половцев) в южнорусских степях племенное название «асы» со времен географии, приписываемой Моисею Хоренскому, не известно».

Ответ Б. А. Алборова на поставленный в его выступлении вопрос был чрезвычайно оригинальным: «...можно допустить, что что куманами-кипчаками могли быть увлечены с собою в южнорусские степи и на Кавказ тюрко-татарские племена, носившие название «асы» еще и теперь в Средней Азии, и это тем более вероятно, что из Средней Азии занесены на Северный Кавказ племенные названия «кабарды», «кесек», «черкес», «адыге» (МНСПБК, с. 108-111). По Алборову получалось, что некие тюрки, соседствуя с иранцами-асами в Средней Азии, зачем-то переняли их имя, затем пришли на Кавказ, опять поселились рядом с другими асами (осетинами), которые с той поры почему-то зовут асами их потомков (балкарцев), а не себя. Полагаю, что объяснением это считать нельзя.

В. И. Абаев в основном повторил выводы, к которым пришел в книге «Осетинский язык и фольклор» (1949 г.). Упомянув о работе над материалами, собранными Вс. Ф. Миллером, В. И. Абаев говорил: «Я убедился, что этот материал точный и настолько неопровержимый, что нельзя оспаривать ни факты, ни выводы, которые он сделал. А выводы его сводились к тому, что до прихода тюркоязычных племен на территории Балкарии и Карачая жили аланы. Затем произошло смешение двух племен. В результате тюркский язык победил». (Стоит напомнить, что в более ранние времена В. И. Абаев давал трудам Вс. Ф. Миллера весьма нелестную оценку; см. выше).

Коснувшись наличия христианской терминологии в кар.-балк. яз., В. И. Абаев поясняет: «Арабский географ XIV в. Абульфеда говорит, что на восток от абхазов живут аланы и асы, которые являются турками и исповедуют христианскую религию». «До наших дней за территорией Карачая закреплено название Аланы (в устах мегрелов), а за Балкарией – название Асы (в устах самих осетин, о чем Абаев предпочел не говорить. – М. Дж.) Что удивительного, если в XIV в. Абульфеда называет их теми же названиями, под которыми их знали соседи? Называя их христианами, он тоже прав, так как карачаевцы и балкарцы усвоили к этому времени аланское христианство». Получалось, что сами они принять христианство никак не могли, наука такого не допускает.

По мнению Абаева, неведомые тюркоязычные предки карачаево-балкарцев не позднее XIV в. и не ранее X в. «уже вошли в ущелья, которые они сейчас занимают», поскольку аланы приняли христианство в X в.; оформление карачаево-балкарцев на аланском субстрате – «не догадка, не предположение, это не гипотеза, это прочно установленный

научный факт» (МНС, с. 127-134). Что это были за пришлые племена и почему они туда пришли, как их язык и культура сумели одержать победу на всей изрезанной ущельями и вытянутой вдоль Кавказского хребта территории, осторожный Абаев не сказал. Добавим, что он никогда не говорил об этом и позже.

Антрополог Г. К. Джанберидзе отметил отсутствие у балкарцев и карачаевцев монголоидных черт, и добавил, что следует «определить им место среди прочих кавказских групп, представителей южной ветви европеоидной расы», отнеся их к кавкасионскому антропологическому варианту (МНС, с. 221-227).

Отрицая участие кипчаков и болгар в этногенезе карачаево-балкарцев, У. Б. Алиев говорил: «Предками карачаево-балкарцев, вероятнее всего, были аланы, если аланы были одним единым в этническом отношении; если же аланы были, как об этом думают некоторые историки, союзом разнородных в языковом отношении племен, предками карачаевцев и балкарцев было племя, давшее свое этническое наименование алан этому союзу племен. Слово «алан» всегда сопровождается словом «ясы» (асы). Оба слова, как мне кажется, тюркского происхождения». И далее: «Словом «яс» или «ас» осетины называют карачаевцев и балкарцев и в настоящее время. А словом «алан» карачаевцы и балкарцы называют сами себя. Слово «алан», кроме карачаевцев и балкарцев, ни одним народом не употребляется». Кроме того, аланы в средневековье жили на территории Прикубанья, Пятигорья, а позже – Балкарии и Карачая. Все эти факты заставляют говорить об этнической связи карачаево-балкарцев именно с аланами» (МНС, с. 242). Вероятно, У. Б. Алиев и был первым ученым, который наметил верный путь к решению проблемы происхождения карачаево-балкарского народа.

М. М. Цораев, подчеркивая большую роль болгар в процессе сложения кар.-балк. народа, привел и другие данные: балкарцы и карачаевцы «в обращении друг к другу называют себя «алан» в единственном числе, во множественном числе «аланла». Иногда термин «алан» употребляется в значении «человек», например: «*Бир алан келе турады*», что означает: «Идет один человек». Асы были самостоятельным народом, входившим в аланский союз, и стали вместе с болгарями предками карачаево-балкарцев. Участие кипчаков в этом процессе М. М. Цораев исключал (МНС, с. 265-273). Заметим, что ни одного факта, свидетельствующего об участии кипчаков в этногенезе карачаево-балкарцев, приведено не было – ни тогда, ни потом.

Решение сессии, в духе времени и требований академической науки, гласило, что «карачаевский и балкарский народы (это один народ. – М. Дж.) образовались в результате смешения северокавказских племен с ираноязычными и тюркоязычными племенами, из которых наибольшее значение в этом процессе имели, видимо, «черные болгары», и в особенности одно из западнокипчакских племен» (МНС, с. 310). Оно явилось чисто механическим соединением казавшихся более или менее правдоподобными на тот момент гипотез, и, как выяснилось впоследствии, удовлетворило только тех исследователей, которые проблемой этногенеза никогда не занимались. Доклады и выступления были подготовлены на скорую руку и не отличались ни глубиной анализа проблемы, ни знанием комплекса данных (в первую очередь - материалов по языку и культуре карачаево-балкарцев); изучение этого комплекса началось позже.

(Резолюцию, принятую участниками сессии, по сей день цитируют в книгах и статьях в качестве неведомо чего. Однажды я задал двум кар.-балк. историкам один и тот же вопрос: «Почему вы все время цитируете заключение сессии? Вы же отлично знаете, что это липа?». В ответ, удивляясь моему невежеству, они сказали примерно одно и то же: «Пока другого официального решения нет, положено ссылаться на заключение сессии. В науке так принято». Дисциплинированность, мягко говоря, поразительная).

Тем не менее, проведение сессии, как и издание ее материалов, явилось делом

полезным: внимательный читатель мог сравнить несколько гипотез, заметить противоречия в каждой из них и т. д. В 1994 г. в г. Карачаевске состоялось заседание «Круглого стола», в работе которого приняли участие около двадцати специалистов из КЧР, КБР, Татарстана и Дагестана – археологов, лингвистов, фольклористов, этнографов, историков. Их заключение было более точным: «Автохтонными предками карачаевцев и балкарцев являлись коренные кавказские племена, смешавшиеся с тюркоязычными скифами, гунно-сарматами, алано-асами и хазаро-болгарами» (Этногенез карачаевцев и балкарцев, с. 97).

Стоит отметить удивительный и печальный факт. В составе СССР находилось 5 тюркских союзных республик, имевших свои Академии наук, университеты и институты. Но эти почтенные научные учреждения, имея все возможности, даже не постарались собрать, прокомментировать и издать свод нарративных источников по истории тюрков, я уж не говорю о том, чтобы противостоять шестивку абсурдной теории, провозглашающей иранство скифо-сармато-саков. Камнем преткновения на ее пути стала история кар.-балк. народа и те честные и прямодушные ученые, в чьих трудах, пусть и не отличавшихся научным лоском, был вскрыт целый ряд противоречий и приведено множество фактов, принципиально незамечаемых официальными историками.

Вернувшись на родину совсем еще молодыми людьми, Умар Алиев, Ахмат Байрамкулов, Магомет Хабичев, Хаджи-Мурат Хаджилаев, Исмаил Мизиев, Казий Лайпанов, позже Арсен Кубанов (*Аллах алагъа жаннет берсин*), Умар Байрамуков, Сосланбек Байчоров, Рашид Хатуев (*узакъ ёмюрлю болсунла*) на протяжении 30 лет (от сер. 60-х до сер. 90-х гг.) в полном одиночестве, осуждаемые на разного рода научных конференциях, противостояли всесильной академической лжи. Активно разоблачал академическую ложь известный ученый из Татарстана, языковед М. З. Закиев. Еще в 1980 году, выступая на III всесоюзной тюркологической конференции (10-12 октября, г. Ташкент), он заявил, что «скифы, саки, сарматы, массагеты, аланы, кушаны, тохары и некоторые другие племена, которых считают ираноязычными, на самом деле были тюркскими племенами» (Этногенез карачаевцев и балкарцев, с. 3). Разумеется, академическая наука согласиться с его выводом не пожелала.

НАУЧНАЯ СЕССИЯ 1966 ГОДА

Материалы специальной научной сессии, проходившей в г. Орджоникидзе семь лет спустя, в 1966 году были опубликованы в 1967 году (в ссылках – ПОН). Первым на сессии с докладом «Этногенез осетин по данным языка» выступил В. И. Абаев. Ничего принципиально нового или отличного от того, что говорилось в его прежних трудах, ученый не сказал; свой доклад он посвятил, в основном, критике некоторых положений, выдвинутых другими авторами, заметив, «что имеется тенденция поставить под сомнение основные положения этногенеза осетин и прежде всего этническую принадлежность алан» (ПОН, с. 9) – имея в виду книги известных археологов Е. И. Крупнова и В. А. Кузнецова, и статьи некоторых кар.-балк. ученых.

Острой критике В. И. Абаев подверг работу Е. И. Крупнова «Древняя история Северного Кавказа», в которой автор утверждал, что древнее население Северного Кавказа «было этнически однородной средой», что «горцы Северного Кавказа представляли собой этническое и культурное целое, а не дробились на отдельные народности». В. И. Абаев справедливо указал на немаловажное обстоятельство: «Не следует забывать, что до сих пор нельзя считать лингвистически доказанным, что между тремя группами иберо-кавказских народов: восточной, западной и южной существует какое-либо исконное родство».

Недовольство Абаева вызвала и другая мысль археолога: «По утверждению Е. И. Крупнова, иранцы дали осетинам только (!) язык». Приведя его высказывания: «Древняя история осетинского народа служит примером постепенного заимствования кавказской этнической средой чуждого ей иранского языка», «...по языку осетины действительно иранцы... По культуре же осетины – типичные кавказцы», В. И. Абаев язвительно заметил: «Ведь нельзя же представлять дело так, что скифо-сарматы явились на Кавказ, открыли краткосрочные курсы по обучению местного населения иранской речи, а затем исчезли. Куда исчезли? Из этого лабиринта противоречий не видно выхода. А выход есть, и очень простой: признать, что в этногенезе осетин участвовал не один компонент, кавказский, а оба компонента – и кавказский, и иранский» (ПОН, с. 17-18) – подразумевая под последним скифо-алан.

В. И. Абаев резко выступил и против размытого понимания этнонима «аланы», как обозначения целой группы различных племен, считая его названием одного, определенного этноса (что представляется верным). Североиранцы, по мнению ученого, пришли на Кавказ двумя волнами; поэтому в осетинском существуют два диалекта – дигорский и иронский, различия в которых возникли еще в скифское время. Именуя местную среду весьма неопределенно – «кавказцы», В. И. Абаев к тому времени (в отличие от других докладчиков) хорошо знал, что в осет. яз. имеется огромное количество тюркизмов; вне всякого сомнения, знал он и о том, что осет. этнос складывался на тюрк. субстрате, поэтому и выпячивал роль «кавказцев» в этногенезе осетин. «Никакая этногенетическая теория об осетинах, которая не считается с фактом смешения скифо-сарматских племен со старым местным населением, не может считаться отвечающей современному уровню наших знаний» (ПОН, с. 18).

Далее он говорил и о «другой, противоположной, но столь же ошибочной тенденции: полностью исключить кавказскую среду как этногенетический фактор в образовании осетинской народности» (ПОН, с. 18). Но он же отмечал: «К сожалению, для более точной лингвистической характеристики доаланского населения Осетии мы пока не располагаем достаточными данными. Язык этого населения, пожалуй, самая темная страница этногенеза осетин». Это не помешало Абаеву усмотреть глубокое влияние «кавказского субстрата» на осет. яз. в фонетике, лексике, морфологии, синтаксисе; более того, В. И. Абаев счел нужным указать: «Кавказские элементы в изобилии проникли в осетинскую лексику, причем не только в периферийные его сферы, но и в основной словарный фонд, что редко бывает при заимствовании извне, но вполне обычно при субстрате» (ПОН, с. 20). Но ни тогда, ни после выхода 4 объемистых томов ИЭСОЯ и выявления огромной массы тюркизмов (более трехсот) в осет. яз., он почему-то ни словом не обмолвился о глубоком и конкретном влиянии тюрков, ограничиваясь общими фразами о тесных контактах. Никаких «субстратных» слов в осетинском Абаев не нашел и позже, работая над ИЭСОЯ (иногда именуя таковыми чечен., ингуш., авар., андийск. и др. термины); а ведь их должно было быть очень много.

Если Е. И. Крупнов настаивал на преобладающей роли этнически однородного «кавказского субстрата» в этногенезе осетин, а некие авторы пытались выпятить роль «алан-иранцев», то В. И. Абаев старался направить исследователей на «срединный путь», компромиссный. Ни у Крупнова, ни у Абаева не было никаких оснований для спора о «кавказском субстрате», поскольку ни тот, ни другой не знали о нем ровным счетом ничего; но дискутировать о его роли в этногенезе осетин все равно продолжали. Создается впечатление, что иранисты просто не хотели называть вещи своими именами, т. е. прямо сказать о том, что этот субстрат говорил либо на тюрк., либо на грузин. яз. (из которых и отмечено наибольшее число заимствований); они предпочли думать, что этот субстрат был разноязыким (или многодиалектным) скопищем неведомых местных племен; или

«однородным» (по Е. И. Крупнову), но все равно неведомым.

В заключение В. И. Абаев добавил: «Лучше вооружены мы знаниями относительно **материальной культуры** доаланского населения. Ведь именно этому населению принадлежит, по всем данным, прославленная кобанская культура. Но об этом более компетентно скажут наши уважаемые археологи» (ПОН, с. 21). Археологи, разумеется, говорили, что следы влияния кобанской культуры в материальной культуре осетин имеются; но тогда положение становилось еще более странным: почему не обнаруживается влияние кобанцев в языке?

Оппонент В. И. Абаева, археолог Е. И. Крупнов, предполагал существование в глубокой древности «иберо-кавказской общности», которая якобы и стала для одних народов Кавказа субстратом, а для других – прямыми предками. Это была крайне уязвимая позиция, поскольку никто не смог ответить на вопрос: почему ни один из «иберо-кавказских народов», живущих буквально впрытк, совершенно не понимает языка другого, например, абхазы – мингрелов, те – грузин, табасаранцы – даргинцев, те – аварцев, чеченцы – лезгин, адыгейцы – абхазов? Но таким неприятным вопросом Е. И. Крупнов не задавался.

По его мнению, происходила инфильтрация в кавказскую этническую среду «сначала скифов, затем сарматов, и, наконец, аланов и связанное с их проникновением появление иных элементов языка и культуры». (Выстраивая цепь предположений, археолог позабыл сказать о главном: зачем и почему все эти народы вереницей устремлялись в горные теснины). «Поэтому я лично не вижу никаких оснований отрывать древний оседлый осетинский народ от исконно местной и родной для него северокавказской культурной среды. Тем более нет никакой необходимости выдавать осетин за прямых потомков степных кочевников-скифов» (ПОН, с. 36). Выводы Е. И. Крупнова были таковы: «ведущее место в этногенезе осетин следует отнести кавказской аборигенной общности»; «современные осетины и являются истыми кавказцами по происхождению, внешнему облику и культуре и... иранцами – по языку» (ПОН, с. 41).

Археолог В. А. Кузнецов склонялся к мнению Е. И. Крупнова, критически оценивая миграционную теорию происхождения осетин, «якобы переселившихся на Кавказ из мифической «прародины», и считая, что эта теория страдает крайней односторонностью, поскольку «игнорирует ту значительную роль, которую сыграло аборигенное кавказское население уже на раннем этапе сложения осетинского народа» (ПОН, с. 42-66).

Ю. С. Гаглойти ближе было мнение В. И. Абаева о синтезе, слиянии двух начал – пришлого иранского и местного кавказского. Иранизация местного населения началась, по его мнению, задолго до алан; «процесс ассимиляции иберийско-кавказских племен начался с появления скифов на Северном Кавказе и был в основном завершен ко времени появления алано-сарматов» (ПОН, с. 87).

Но: «...письменные источники, к сожалению, не содержат почти никаких сведений о том, как протекал процесс ассимиляции скифо-аланскими племенами племен иберийско-кавказского этноязыкового круга и в лице каких конкретно племен были представлены последние». И, далее: «Мнение о том, что местный древнекавказский этнический субстрат сохранился до наших дней даже в языковой речи (так в тексте. – М. Дж.) осетин в лице (? – М. Дж.) дигорского диалекта, не соответствует действительности» (ПОН, с. 94). Тогда о чем было говорить, если, к тому же, первые документы, в которых упоминаются осетины, относятся к середине XVIII в.?

Окончательный вывод докладчика гласил: «...имеющийся материал ясно свидетельствует о доминирующей и решающей роли скифо-сармато-аланского элемента в становлении осетинского этноса» (ПОН, с. 93). Чаши весов в споре о том, какой компонент считать определяющим в этногенезе осетин – ираноязычных скифо-алан или

кобанцев – пришли, таким образом, в равновесие: Е. И. Крупнов признавал таковым «однородных кавказцев-автохтонов», Ю. С. Гаглойти – пришлых «ираноязычных» скифо-алан, В. И. Абаев считал оба компонента одинаково важными. Все остальные участники (за исключением К. Е. Гагкаева), в той или иной степени склонялись к одному из этих трех мнений. При этом никто из них не приводил в качестве доказательства никаких конкретных результатов анализа осетинского языка, фольклора, мифологии, религии и пр., т. е. эта тихая дискуссия носила довольно схоластический характер.

Ю. С. Гаглойти затронул и вопрос о происхождении карачаево-балкарцев; по его мнению, они сложились как этнос в результате довольно позднего смешения ираноязычных алан и кипчаков, причем участие первых в сложении балкарцев было более значительным, чем в формировании карачаевцев: «По всей вероятности, именно более сильным участием алан-асов в этногенезе балкарцев и относительно поздней тюркизацией этой части алан-асов следует объяснить и факт обозначения балкарцев осетинами именем асов – асиаг и ассон, Асы (назв. Балкарии)». Но, в таком случае, почему «более сильное участие алан-асов в этногенезе балкарцев» и более «поздняя тюркизация этой части алан-асов» должны были стать причиной того, что осетины (причем и дигорцы, и иронцы) называли этим именем балкарцев? Неужели в награду за более упорное сопротивление «тюркизации»? И почему осетины перестали именовать асами или аланами себя?

«Зафиксированное документами частое наименование карачаевцев и балкарцев их соседями – «осетины» или «аланы» указывает на то, что соседние народы продолжали рассматривать позднейшее население Карачая и Балкарии как потомков алано-осского населения». «На это, в частности, указывает сванское название осетин «савиар», перенесенное на балкарцев и карачаевцев. Однако явление это относительно позднее, и нет оснований считать, как это делают некоторые исследователи, что в средневековые тюркоязычные предки балкарцев и карачаевцев скрывались якобы под этнонимами аланы и асы» (ПОН, с. 85).

Хорошо, пусть так. Но получается, что эти соседи продолжали рассматривать осетин, как потомков автохтонных «кавказцев». Т. е. ни на западе, на востоке никто не заметил прихода алан, а потом никто не заметил и прихода кипчаков. Затем народы Кавказа вдруг почему-то увлеклись игрой в «перенесения» этнонимов: осетины перенесли на балкарцев свое древнее наименование – асы; мингрелы стали называть карачаевцев аланами, а рачинцы – осами; сваны также перенесли этноним «савиар» на карачаево-балкарцев; но и поздние авторы, например, русские, почему-то часто называли их «осетинами»; даргинцы почему-то именуют не осетин, а кумыков *диркъалан*.

Но как доказать, что грузин. *ос*, *овс* и сван. *савиар* относилось некогда к осетинам-иронцам, а не к карачаево-балкарцам? И почему эти «тюрки-пришельцы» стали называть осетин не аланами или асами, а «дюгер» и «тегей»? Или уже в XIII в. «алано-осетины» уже не называли себя ни аланами, ни асами? Почему осетин не называют аланами или асами другие народы Кавказа – например, вайнахи, горцы-грузины и др? Или до алан здесь жили некие *савиары*, и сваны сначала «перенесли» этот этноним на пришлых алан, а потом еще и на карачаево-балкарцев; якобы, кто ни приди на эту территорию, для сванов они – *савиары*? Почему карачаево-балкарцы ничье название ни на кого не перенесли? И почему сваны и мингрелы не перенесли названия прежнего, кобанского населения на западных «алано-осетин», а потом и на карачаево-балкарцев?

Осетиноведы много раз писали о том, что иранизация местного населения началась очень давно; в частности, сам же Гаглойти говорит, что этот процесс завершился к началу н. э., еще до прихода на Кавказ алан; при этом победил язык иранский, но этнонимы у осетин остались прежние, местные – *ир*, *дигор*, *туал*, *куртаты*, *тагаур*. Когда, в каком веке, «аланы-осетины» вдруг «позабыли» все свои «североиранские» этнонимы, иранисты

не говорят; допустив, что Гаглойти прав, придется допустить и другое - что они потеряли свои этнонимы (алан, ас) достаточно давно; но вот пришли тюрки, и осетины тут же достали из заветного сундука позабытый этноним «ас» и нарекли им балкарцев. Причем единогласно – и дигорцы, и иронцы. Но если ко времени бегства кипчаков в горы Кавказа осетины уже забыли слова «алан, ас» (именуя себя *ирон, дигор, туал*), то у кого их заняли и вставили в свой язык карачаево-балкарцы, причем единственные из всех народов Кавказа? А если осетины во время прихода кипчаков еще помнили их, то почему забыли потом? Или они берегли этноним *ас* специально для балкарцев? И т. д., и т. п. И разве ирановеды не обязаны были сами себе задать те же вопросы?

Вопрос об этнонимах, видимо, сильно беспокоил Ю. С. Гаглойти: «В связи с вышеизложенным, заслуживает быть отмеченным тот факт, что в балкарском слово **асы** означает «враг», «недруг», а выражения «асыдан туугъан асы», «асыны баласы» - «асы, рожденный от асы», «сын асы» употреблялись как ругательные, обозначая лиц «неблагородного происхождения» (ПОН, с. 85). Большой нелепости придумать было нельзя. Во-первых, это бранное слово произносится и пишется не *ас*, а *ассы*, с ударением на втором слоге; во-вторых, оно происходит от араб. *гъассы*, означая не «простолюдин», как почему-то думал Ю. С. Гаглойти, а просто «враг, противник». В-третьих, есть и выражение, которым одергивают человека, высказавшего нечто еретическое: «*Аллахха ассы болма!*» - «Не будь противником Аллаху!»; в-четвертых, это же заимствование и в том же значении есть в татарском и чувашском; в-пятых, в кар.-балк. языке есть отдельное слово «ас», несколько раз встречающееся в фольклоре: в имени нарта – *Батыраз* «витязь-ас», «смелый ас»; в выражении, которое произносит людоед, учуяв спрятавшегося героя: «*Ас бус (мус) ийис!*» - «Запах асского духа!»; *ас* – «род-племя»; отсюда же *асыл* «благородный (от *аслы* родовитый)», арх. *аслыкъ* - «национальность».

Ю. С. Гаглойти продолжал: «Наряду с этим, в балкаро-карачаевском употребляется и слово **алан** в значении «друг», «товарищ» при обращении к незнакомому лицу». Разумеется, таких глубоких познаний было достаточно, чтобы выдвинуть замечательное предположение: «По всей видимости (? – М. Дж.), различное употребление терминов **аланы** и **асы** балкарцами и карачаевцами следует объяснить разновременностью их проникновения в балкаро-карачаевскую среду: **аланы** – в период дружественных контактов кипчаков с аланами, а асы - в период ассимиляции балкарцами-карачаевцами (? – М. Дж.) западной ветви алан-асов (которые к тому времени уже давно называли себя *дигор*. – М. Дж.). Следовательно, осетинское название балкарцев – «асиаг» означает, что осетины перенесли древнее название насельников этого края на позднейшее население» (ПОН, с. 86).

Очень занимательно и оригинально. Если карачаево-балкарцы (как народ) появились только после тюркизации западных алан-осетин, то каким образом они могли заниматься «ассимиляцией западной ветви алан-асов»? Но пусть так. Допустим, это были кипчаки, которые покинули алан во время сражения, но потом снова с ними подружились и стали называть, но почему-то не их, а себя, в обращении, «аланами» - якобы «друзьями-товарищами». Затем они начали ассимилировать западных алан, но из-за чего-то разозлились на них и стали именовать их *ассы* (по мнению Гаглойти - «врагами»!), и, в конце концов, довели дело до конца. И тогда осетины сняли с себя свой этноним *ас* и подарили его тюркизированным соседям. Почему в качестве терминов с такими антонимическими значениями загадочным «кипчакам», и только им одним, понадобились именно «североиранские» этнонимы *ас* и *алан* (которые не имеют на осет. яз. никакого смысла), нам понять не дано (как и многое другое в научно-фантастических построениях иранистов); неужели до встречи с аланами слов с такой семантикой у них не было? Почему бы этим «кипчакам» не придать значение «враг» наименованиям их лютых

разорителей – «монгол» или «татарин»? И почему они забыли свое название?

Антрополог М. Г. Абдушелишвили назвал наиболее репрезентативными представителями местного (кавказского) типа дигорцев и осетин Джавского района, прийдя к выводу: «Все вышеизложенное в историческом аспекте представляется в виде теснейших генетических взаимоотношений разных антропологических типов местного происхождения и не дает оснований для предположений эмиграций, экспансии или даже инфильтрации каких-либо значительных масс извне» (ПОН, с. 141).

По мнению антрополога В. П. Алексеева, «значительного влияния алан на физический тип осетин не выявляется»; он добавляет, что «сарматы отличались от осетин значительно меньше, и поэтому сарматскую примесь у осетин отрицать на основании антропологических данных нет никакой возможности», и тут же, в той же фразе, опровергает самого себя: «...но и его выявить пока не удастся»!

Потомками местных кавказских племен являются, по мнению В. П. Алексеева, и карачаево-балкарцы: «Все средневековые народы, от которых балкарцы и карачаевцы могли получить свой тюркский язык, резко отличались от них по своему физическому типу и никак не могут рассматриваться в качестве физических предков карачаевского и балкарского народов»; «они говорили изначально на одном из местных кавказских языков и лишь в эпоху средневековья перешли на иную речь, в данном случае тюркскую» (ПОН, с. 171-172).

Согласиться с этими утверждениями невозможно. Во-первых, никто из наших современников никогда не видел ни одного древнего сармата, алана, скифа, гунна, печенега или «кавказионца», чтобы в таком уверенном тоне говорить о том, что произошло или могло происходить много веков назад. Во-вторых, сам же В. П. Алексеев признает, что «антропология пока не располагает методами для различения морфологически близких типов». Тогда каким образом антропологи определяют, что перед ними – скелет алана, сармата, скифа, германца и т. д.? Откуда известно, что карачаево-балкарцы разговаривали «на одном из местных языков» и что средневековые тюрки, от которых они якобы «получили» новый язык, резко отличались от них «по своему физическому типу»?

В. П. Алексеев отметил также, что «в составе сармат выявляется небольшая, но отчетливая монголоидная примесь, которой нет у народов Северного Кавказа» и что «монголоидная примесь могла в конце концов раствориться за две тысячи лет от рубежа н. э. до современности, хотя такое предположение и противоречит общегенетическим соображениям» (ПОН, с. 165). Тогда почему нет присущих монголоидной расе черт у населения Балкан, где несколько столетий обитали гунны и авары и куда пришли затем еще и торки, половцы и печенеги? Или эти черты у них уже тогда были «вымыты»? Почему русские летописцы ничего не говорят о монголоидности печенегов, торков, хазар, половцев? Но такие вопросы антропологами не ставились. На наш взгляд, подобные умозрительные выводы были сделаны (и делаются) на основе априорно принятой точки зрения, согласно которой тюрки (непременно монголоиды) стали появляться в Восточной Европе только в первые столетия нашей эры.

Сообщение К. Т. Лайпанова прозвучало вразрез с той общей линией, которой придерживались все участники сессии: как и некоторые другие ученые из Карачая, он считал, что часть алан была тюркоязычной изначально, она-то и стала ядром карачаево-балкарского народа. Возможно, это было неожиданностью для участников сессии, или показалось им настолько «ненаучным», что никто ему не возразил.

Археолог И. М. Чеченов считал, что процесс складывания автохтонных и аланских племен в осетинскую народность, «у которой в духовной и материальной культуре, в физическом облике, психическом складе и пр., явно преобладают местные, исконно

кавказские особенности», завершился в период позднего средневековья. И, далее: «В свою очередь аланы оказали сильное влияние на автохтонное население, что особенно заметно проявилось в изменении языка последних» (словно Чеченову было доподлинно известно, каким был этот язык до прихода алан). В качестве уточнения следует цитата из В. И. Абаева, что и здесь «кавказский элемент участвовал как фактор внутренний, органический, как подпочвенный слой, на который сверху наложился слой иранский» (ПОН, с. 240).

Иранисты, наделенные, как и все сторонники канонической версии истории, склонностью к образному мышлению, в своих трудах цитировали это знаменитое высказывание превеликое множество раз. Но если вдуматься, оно внутренне противоречиво и не содержит никакого смысла, а туманный образ разваливается на куски. Во-первых, неясно, что имеется в виду под двумя слоями элементов («подпочвенным» и «почвенным»): если лексика иранская и лексика субстратная, то последнюю никто не выявил. Во-вторых, сам же Абаев заявлял, что лексические заимствования нехарактерны для субстрата (сделав исключение только для осетинизмов в кар.-балк. яз.); если же «слоями элементов» он называет грамматические структуры, то каковы они были у «кавказского языка», опять-таки никто не знает. Во-третьих, языки (а относящиеся к разным языковым семьям - тем более) нельзя складывать, как бутерброд (снизу хлеб, сверху сыр) или насыпать их, как два слоя почвы – они так и останутся отдельными слоями, не смешиваясь (интересно, что получится, если на поэму А. С. Пушкина «Евгений Онегин» наложить «Путешествие Чайльд-Гарольда» Байрона?).

И. М. Чеченову было не до этих тонкостей; он задается другим, впрочем, вполне резонным вопросом: «Но чем тогда объяснить военно-политическое господство алан над многочисленным местным населением и тот глубокий след, который оставили аланы в раннесредневековой истории Кавказа?». Ответ он находит у Вс. Ф. Миллера, который уверенно заявлял, что, несмотря на известия западных и византийских писателей об аланах, способных выставить до 40 000 воинов, это не является доказательством «густоты аланского или осского населения на севере Кавказа». По той причине, что «процент готовых к битве воинов у кочевников вообще больше, чем у народов оседлых».

Вс. Ф. Миллер рассуждал просто: все кочевники ездили на конях – значит, в большинстве были воинами (почему бы тогда всех мотоциклистов не считать спецназовцами?). Но как же быть с такими «пешими», но воинственными народами, как македонцы, римляне, византийцы и др.? Или они захватывали огромные территории с помощью маленьких отрядов? Экономика и социальный строй оседлых народов, согласно всем академистам, были гораздо более развитыми, чем у «кочевников». Разве неясно, что и возможностей содержать войска у них было больше, как и обеспечивать их оружием и доспехами? Это же относится и к боевой подготовке.

Академисты, вероятно, думают, что «кочевники» овладевали воинскими навыками с малолетства. Но откуда взялись бы у детей обыкновенных пастухов время и возможности для подобных упражнений, когда им надо было заниматься повседневными делами (коих не перечислить), помогая взрослым? И почему надо думать, что чабаны непременно мечтали вырастить своих детей воинами, которые рано или поздно погибали где-то вдали от родного дома (извините – кибитки)? Ясно, что воинским искусством с детства овладевала верхушка общества, которая давала своим отпрыскам соответствующее воспитание – из поколения в поколение. Например, Лайош Кашаи, энтузиаст спортивной стрельбы из лука, имея все необходимые условия и возможности, потратил 15 лет на ежедневные изнурительные тренировки, пытаясь освоить все боевые навыки, присущие конным стрелкам гуннского времени (Мэн, с. 85-91).

Г. Д. Тогошвили посвятил свое сообщение данным грузинского историка XI в. Леонти Мровели, считая, что ему принадлежит первая концепция происхождения осетинского народа. Автор имел в виду рассказ Мровели о связанном с хазарами появлении на Кавказе овсов (в которых, разумеется, видит древних осетин). Согласно рассказу Мровели, у Таргамоса, потомка Ноя, было 8 сыновей, которые стали этнархами коренных кавказских народов: Гаос – армян, Картлос – картлийцев (восточных грузин), Бардос и Мовакан – албанцев, Эгрос – западных грузин, Лек – дагестанцев, Эрос – эров, Кавкас – вейнахов.

По мнению Тогошвили, в рассказе Мровели о войне «таргамосиан» с хазарами «воспроизводится картина проникновения скифов («хазаров» Леонтия) на Северный Кавказ». Противоречие снимается чрезвычайно легко: «В этих «хазарах» ученые давно видят известных скифов, в VIII-VII вв. (до н. э. – М. Дж.) занявших Предкавказье и южнорусскую степь» (ПОН, с. 243). «Но скифы не удовольствовались одной данью. Первый же царь их своего сына Уобоса (ставшего этнархом осетин наподобие этнархов кавказских народов – сыновей Таргамоса) поселил на завоеванную землю» (ПОН, с. 245).

Мровели именует скифов хазарами; первый царь овсов является сыном хазарского царя; от его имени и образовано, по мнению Мровели, имя народа, он представлен этнархом овсов (якобы осетин); но ведь и сами осетины признают своим этнархом правителя, у которого опять-таки тюркское имя – *Ос-Багатар*. Почему грузинский летописец связывал овсов с тюрками, иранисты объяснить не смогли и объявили это очередным случаем анахронизма: Мровели именовал скифов хазарами якобы только для того, чтобы его изложение истории было понятнее читателям. Но неужели он не мог сказать в самом начале: «Был в те далекие времена народ, который именовался скифами (или еще как-то), очень похожий на хазар»?

Г. В. Цулая пишет: «Л. Мровели не внес осетин (овсов) в своеобразно им скомпилированную генеалогическую таблицу народов Кавказа, что свидетельствует о признании им предков осетинского народа пришлыми, стоящими вне круга кавказских аборигенов» (Мровели, с. 55). О чем же тогда свидетельствует отсутствие в таблице Мровели абхазцев и адыгов? Или он, вопреки мнению академической науки, считал их пришлыми? Или о них он вообще ничего не знал?

Полагаем, что сказанное дает вполне определенное представление об основной линии, которой, с теми или иными поправками, придерживалось большинство участников сессии. За одним исключением (К. Т. Лайпанов), все они считали алан ираноязычными предками осетин; все (кроме К. Е. Гагкаева) признавали участие в их этногенезе «кавказского субстрата». Разногласило большинство специалистов лишь по вопросу о том, кого следует считать основным компонентом – «алано-иранцев» или субстрат. Вопрос этот не мог быть разрешен ни тогда, не может быть он разрешен и сегодня, если видеть в субстрате некую неопределенную, гипотетическую «кавказскую общность».

Закрывая работу сессии, В. И. Абаев говорил: «Многие ставили вопрос так: хотя признается два основных компонента, но неясно, какой доминирует. Я согласен с теми, кто считает, что такая постановка вопроса не является строго научной. Нет таких весов, на которых можно было бы взвесить удельное значение различных этнических включений» (ПОН, с. 313). Из слов В. И. Абаева следовало, что оба компонента известны, осталось только выяснить «удельное значение» вклада каждого из них. Признавая, что данных, свидетельствующих о «кавказском субстрате», очень мало, он говорил: «Другая крайняя точка зрения, представленная, главным образом, антропологами, сводится к тому, что североиранский элемент не играл никакой роли в этногенезе осетин». «Приходили и оседали североиранские племена, формировались новые народности: осетины, балкарцы, карачаевцы. А по антропологическим данным никто ниоткуда не приходил. Все оставались на месте, все были «кавказионцами» и только время от времени меняли язык.

Зачем они меняли язык, остается неясным» (ПОН, с. 314). Этот вопрос антропологи могли бы переадресовать самим языковедам-иранистам.

Раздражение В. И. Абаева, вызванное упрямством непонятливых антропологов, вполне понятно: они не отрицали, что передвижения тех или иных этнических масс имели место, просто из их выводов вытекало, что такие перемещения случались нечасто, поскольку всегда связаны с преодолением больших трудностей. Но теория, утверждающая иранство скифо-сарматских племен и объявляющая их прямыми потомками современных осетин, целиком базировалась именно на представлении о нескончаемых передвижениях и превращениях древних племен; задевать ее краеугольный камень было опасно.

О результате, достигнутом учеными, в резолюции сказано предельно кратко: «Участники сессии пришли к выводу об участии в этногенезе осетин двух основных компонентов – скифо-сармато-аланского и кавказского». Отметим, что и в настоящее время вопрос о том, какой народ послужил субстратом в процессе сложения осетин и были ли этот субстрат вообще, так и остается без ответа. Не мудрствуя лукаво, давно можно было прийти к следующему заключению: поскольку большинство исследователей признает «двуприродность» осетин и большую или меньшую роль субстрата, следует сделать вывод, что именно ему должна принадлежать большая часть неиранских элементов как в языке, так и в культуре; следует подвергнуть тщательному анализу язык, топонимию, ономастику, эпос, мифологию и традиции осетин, чтобы выяснить, кому принадлежат эти инородные включения, какие они и сколько их.

Но ни один осетиновед не сказал, что ставит перед собой такую цель и не предложил какой-либо способ решения этой важнейшей задачи; вместо этого иранисты предпочли препираться о роли «кавказского субстрата», не имея о нем никаких данных (или они все-таки знали, к какому нежелательному для них результату приведет такой поиск?). Теперь им осталось только одно: вопреки утверждениям своего учителя заявить, что никакой «двуприродности» осетин нет и что древние кобанцы были народом ираноязычным.

ГАГКАЕВ ПРОТИВ АБАЕВА

Кажется, ни один из участников сессии 1966 г. не смог обойтись без цитат из той или иной работы В. И. Абаева. (Все-таки было в этом человеке что-то демоническое или он обладал какой-то властью; иначе чем объяснить, что участники сессии, среди которых было немало крупных ученых разных специальностей, все как один старались подтверждать свое мнение ссылками на его работы? Могут сказать, что дело в его высоком авторитете; но разве заслуги того же Е. И. Крупнова, без пяти минут лауреата Ленинской премии, были меньше? Между тем, в своем докладе великий археолог ссылается на труды Абаева 5 раз, пытаясь представить дело так, словно они единомышленники – и это после того, как ирановед только что подверг труды Крупнова жесткой критике!).

Единственным ученым, кто вступил в прямую полемику с В. И. Абаевым, был языковед К. Е. Гагкаев, сообщение которого (самое, на наш взгляд, интересное и яркое на сессии 1966 г.) называлось «К проблеме субстрата» и выделялось как научной конкретностью сформулированных вопросов, так и четкой позицией автора, не пожелавшего обходить острые углы или пользоваться выражениями типа «с одной стороны, с другой стороны» (чтобы, в результате, ни к чему не прийти). Нет в его работе и домыслов, натяжек или поэтизмов типа «обрушились», «хлынули» и пр.

Коснувшись вопроса о самоназвании осетин – *ир*, Гагкаев выразил несогласие с мнением, что иран. прототип *айриа* не имеет отношения к осет. этнониму *ир*, указывая, что аргументы В. И. Абаева не были приняты многими ирановедами (В. И. Абаеву

автохтонное происхождение этнонима нужно было именно для того, чтобы отвести исследователей от мысли о приходе предков осетин с юга, из Ирана, на что указывала близость осетинских самоназваний – *ир*, *ирон*). Например, Я. Гарматта доказывал, «что древнеиранская начальная группа фонем *ар-и* имела четыре разновидности в своем развитии: *ар-(и)* 2. *ал*. 3. *ир* и 4. *ил*. Древнеир. *ар-и* дало *ар-(и)* Арии (племенное название иранцев юга России); оно же послужило основой для *ал*, которое было прототипом *аллан* (племенное название иранцев юга России); далее это же слово *ар-и* развивается в *ил* и *илл* (*ирон* – современное самоназвание осетин)» (ПОН, с. 198).

Мнение Я. Гарматты поддержал и Л. Згуста. Не считали этноним *ир* чужеродным для иранцев Г. Бэйли и Г. С. Ахвледиани. Отсюда, приведя и несколько других аргументов, К. Е. Гагкаев приходит к двум выводам: 1) самоназвание осетин «несомненно иранского происхождения», а не местного, «кавказско-субстратного» (как утверждал В. И. Абаев); 2) «Распространенное сейчас среди историков, археологов и этнографов представление об иберийско-кавказском субстрате осетинского народа, восходящее к гипотезе Н. Я. Марра относительно ир-ов (иронцев) как представителей яфетического племени, абсолютно несостоятельно, поскольку построено преимущественно на неверной этимологии этнонима ир» (ПОН, с. 200).

Затем ученый переходит к вопросу о теории субстрата, увлечение которой наблюдалась особенно после конгресса лингвистов в Риме (1933 г.). «Большинство выдвинутых после этого конгресса гипотез относительно того или иного субстрата в индоевропейских языках стало носить откровенно спекулятивный, малообоснованный характер. Языковые факты рассматриваются с точки зрения априорных, общих положений, на основе чистого умозрения и без использования данных лингвистического эксперимента». Новый подход к проблеме субстрата был намечен, по мнению К. Е. Гагкаева, позже, в частности, В. И. Абаевым, который писал, что «явление субстрата предполагает этногенетический процесс, сопровождаемый определенными языковыми последствиями» (ПОН, с. 200-201).

К. Е. Гагкаев отметил и ряд важных моментов: «Действие субстрата трудно поддается учету, и это потому, что действие это происходит в то отдаленное время, которое нам не доступно по письменным и материальным памятникам, удостоверяющим характер контактов между субстратами и суперстратами»; неизвестен также их этнический состав. «Ведь надо учитывать тот факт, что межплеменные контакты не всегда могли носить мирный характер, при котором могло существовать двуязычие».

«Что касается Кавказа, то здесь, надо полагать, родо-племенные союзы должны были вести жестокую борьбу за существование не только против суровой природы Кавказа, но и между собой за захват скудных горских пастбищ и земельных угодий, необходимых для скотоводческих хозяйств кавказских племен». «И, естественно, в этих тяжелых горских условиях иранские племена не могли не прибегнуть к вытеснению аборигенов, чтобы занять их места поселения, их пастбища. Объективно не могло быть места для мирного и продолжительного двуязычия населения, столь важного для скрещивания неродственных языков путем победы одного и поражения другого».

Именно так. Период двуязычия неизбежен при переходе одного племени на язык другого; в результате их смешения двух этносов, скорее всего, получается не нечто среднее между разными языками, но побеждает один язык, который включает в себя часть лексики побежденного языка, и некоторые элементы фонетики и морфологии. Добавим, что это не хотят учитывать специалисты, изображающие ассимиляцию предполагаемого «алано-иранского» населения нынешних Балкарии и Карачая некими беглецами-кипчаками, как простой и легкий процесс.

Выводы К. Е. Гагкаева были полностью правомерны: «Особенности осетинского языка

и его расхождения с другими иранскими и индоевропейскими языками объясняются не исключительным воздействием субстрата, а самим фактом территориального обособления». Подчеркнул он и бесплодность беспредметного спора о субстрате: «Только в тех случаях можно говорить с достаточной уверенностью о субстратном происхождении тех или иных форм языка, когда предполагаемый субстрат вполне реально присутствует как один из элементов сравнения». «Кавказский же субстрат осетинского языка отнесен к тому времени (около 2500 лет тому назад), когда у предков осетин не было никакой письменности; не имел письменной фиксации и предполагаемый субстрат». «Тот, кто пытается на основании материала современных языков восстановить структуру древнего субстрата, не считается с конкретной историей языка». «Особенности осетинского языка и его расхождения с другими иранскими и индоевропейскими языками объясняются не исключительным воздействием субстрата, а самим фактом территориального обособления» (ПОН, с. 203).

Замечательна последовательность, с которой К. Е. Гагкаев ставил вопросы, стараясь дать на них конкретные, внятные и недвусмысленные ответы (неопределенность и двусмысленность считаются в академической науке признаками хорошего тона и осторожного, взвешенного подхода к проблеме). «Что же можно отнести к субстратным элементам языка?». Часть топонимики? Но ее «невозможно приписать ни одному из известных нам мертвых или живых языков». Или лексику, частью которой является топонимика? «По мнению большинства лингвистов, влияние субстрата не связано с лексикой, которая заимствуется очень легко и быстро осваивается заимствующим языком» (с чем согласиться трудно, поскольку не оговорены условия, в которых возможны эти заимствования). К. Е. Гагкаев имеет в виду В. И. Абаева, по мнению которого лексика «не только не основной признак субстрата, а, наоборот, тот критерий, который позволяет отличить заимствования от субстрата». «Именно при заимствовании, - писал В. И. Абаев, - в отличие от субстрата, лексика имеет ведущее значение. Для субстрата это не только не обязательно, но и нехарактерно» (ПОН, с. 203).

С этим утверждением согласиться никак нельзя. Одно дело, если народ позаимствовал у другого 10-20 терминов, и совсем другое – если 300-400. Кроме того, могло ли так быть, чтобы этнос перенимал какие-то термины, выражения и пр. только у соседей, а у своих предков - нет? И тут К. Е. Гагкаев идет на прямую конфронтацию с корифеем осетиноведения, поймав его на грубом противоречии: «Правда, в статье «Об аланском субстрате в балкаро-карачаевском языке» В. И. Абаев почти всю свою аргументацию в пользу аланского субстрата строит именно на лексическом материале. По его мнению, двести алано-осетинских слов проникли в балкаро-карачаевский язык не в результате заимствования, а «как наследие от старого алано-тюркского смешения, происходившего во всех ущельях от Черека до Верхней Кубани и Теберды. 200 лексических осетино-балкаро-карачаевских схождений достаточны, с его точки зрения, для того, «чтобы говорить, что балкаро-карачаевский язык формировался на аланском субстрате». (На самом деле осетинизмов в кар.-балк. яз. гораздо меньше; в списке схождений большую часть составляют тюркизмы в осет. яз., а не осетинизмы в кар.-балк.).

К. Е. Гагкаев, очевидно, честный и строгий ученый, договаривает свою мысль до конца: «Противоречие здесь состоит в том, что для аланского субстрата балкаро-карачаевского языка достаточен лексический материал, лексический критерий, но для кавказского субстрата осетинского языка этот лексический признак оказывается непригодным, и он здесь рассматривается как показатель заимствования, а не пережиток субстрата. Однако, как видно из выступления В. И. Абаева, старый лексический фонд, в частности топонимика, может вполне служить свидетельством субстратного влияния, и этим снимается указанное противоречие в выступлениях В. И. Абаева» (ПОН, с. 204). (В

последней фразе, видимо, призванной смягчить остроту вскрытого противоречия, тем не менее, содержалась скрытая ирония).

К. Е. Гагкаев мог бы напомнить и о том, какие выводы делал В. И. Абаев на основании десятка сомнительных лексических схождений между мингрельским (или абхазским) и осетинским: якобы они свидетельствуют о древних, обширных, «интимных» связях этих народов и даже общем субстрате. Мог он спросить и о другом: если «алано-осетины» послужили субстратом при сложении карачаево-балкарцев и это мнение преподносится как непререкаемая истина, то где следы такого же влияния осетинского языка на синтаксис, морфологию, фонетику карачаево-балкарского языка? Их нет. Но В. И. Абаев отвергал мысль о заимствованной лексике как о показателе субстрата (в случае с осетинами) не потому, что не видел в этом противоречия с тем, что он утверждал относительно лексики кар.-балк. яз. В отличие от других иранистов он уже знал, что количество тюркизмов (карачаево-балкаризов) в осетинском превышает количество заимствований из всех языков Кавказа, вместе взятых, а это могло привести некоторых исследователей на мысль о тюркском субстрате в этногенезе осетин.

Одним из признаков влияния «кавказского языка» В. И. Абаев считал присутствие в осетинской фонетике смычно-гортанных согласных, например, звука хъ (q). К. Е. Гагкаев, напротив, указывает, что этот звук «проник в осетинский консонантизм вместе с тюркскими словами и затем распространился в осетинских словах, не имеющих тюркского происхождения» (ПОН, с. 204). Это, на наш взгляд, верно, с тем уточнением, что фонема попала в осетинский из языка тюркского субстрата, а не путем «обычного внешнего заимствования».

Затем языковед переходит к другому аргументу, который обычно выдвигался в пользу мнения о реальном участии «кавказского субстрата» в этногенезе осетин. «В заключение нам хотелось бы высказать наше несогласие с В. И. Абаевым относительно непосредственного влияния структуры субстратного языка на типологию осетинского языка. Типологические схождения между осетинским и кавказскими языками не являются, на наш взгляд, лишним доводом в пользу субстрата», - говорил К. Е. Гагкаев, поскольку такие сходства «наблюдаются в языках, далеко не родственных по происхождению и расположенных по соседству». Он находит для подтверждения своей мысли отличный пример: «Ни балкарский, ни карачаевский (это один язык. – М. Дж.) не имели своим субстратом какой-либо иберийско-кавказский язык или диалект, но, тем не менее эти неродственные языки имеют однотипную агглютинативную систему склонения» (ПОН, с. 205). Добавим - как и все тюркские.

В. И. Абаев в своем докладе говорил: «В морфологии система глагола удержала в общем свой иранский характер, но склонение подверглось полной перестройке: из флективного оно стало агглютинативным, сблизившись со склонением в соседних кавказских языках». Заключение Гагкаева по этому вопросу вполне однозначно: «Осетинская грамматическая структура принципиально расходится с грамматической структурой иберийско-кавказских языков (грамматический строй субстрата нам вообще неизвестен)»; далее он приводит несколько фактов, иллюстрирующих эту мысль (ПОН, с. 205). Таким образом, К. Е. Гагкаев, пусть и в мягкой форме, опроверг все те скудные «доводы», на которых строилась концепция иранско-кавказской «двуприродности» осетинского языка. Показательно, что в самом конце своего сообщения он (думаю, не без иронии) говорил: «Конечно, все это хорошо известно большому знатоку иранских и кавказских языков Василию Ивановичу Абаеву, труды которого мы высоко ценим. Он лучше, чем кто-либо другой, может изложить те значительные структурные расхождения, которые четко противопоставляют осетинский язык языкам иберийско-кавказской семьи» (ПОН, с. 206).

Фактически состоялся тихий разгром теории «кавказско-иберийского» субстрата в этногенезе осетин, но никто из участников сессии заметить этого не пожелал. Не говоря об этом прямо, К. Е. Гагкаев (как и автор этой книги), очевидно, придерживался мнения, согласно которому нужно решать проблему этногенеза не на основе схем, якобы пригодных во всех случаях, а, наоборот, каждый раз следует искать особое решение; каждый народ уникален, как и процесс его происхождения. В одних случаях субстрат был, но в других его не было; тот или иной народ мог прийти на никем незаселенное место или вытеснить автохтонов; два разноязычных племени могли существовать рядом, занимая свои природные ниши, не смешиваясь и не мешая друг другу, и т. д.

ГЛАВА VII. ЭТНОНИМИЧЕСКАЯ ДИВЕРСИЯ

ПАРАДОКСАЛЬНЫЕ КИПЧАКИ

Самым трудным для ученых (и до, и после сессии 1959 г.) оставался вопрос о том, какой тюркский народ нужно считать ядром, на основе которого сложился кар.-балк. этнос. Спорным являлся и вопрос о времени прихода тюрков в нынешние Балкарию и Карачай. Важно, что участниками полемики (впрочем, довольно вялой, поскольку тогдашним властям подобные дискуссии не нравились) были в основном сами карачаево-балкарцы – историки, археологи, этнографы, лингвисты, фольклористы. В самом общем виде можно назвать следующие теории и гипотезы, имевшие своих сторонников:

1. Балкарцы и карачаевцы – потомки половцев (кипчаков), разбитых монголами в 1222 году, бежавших в горы и смешавшихся там с предками осетин – асами-аланами (мнение официальной науки).

2. Балкарцы и карачаевцы – потомки степных ираноязычных алан, усвоивших в золотоордынскую эпоху тюркскую речь кипчаков-половцев, а уже затем удалившихся в горы.

3. Балкарцы и карачаевцы – потомки болгар, оставшихся на Кавказе после распада Великой Болгарии в Приазовье и Причерноморье (державы хана Кубрата).

4. Четвертая теория оказалась самой плодотворной. Согласно ей, балкарцы и карачаевцы являются потомками древних тюркоязычных народов – скифов и алан (они же – часть гунно-асо-болгаро-хазаро-савиров). Благодаря работе Р. Р. Тилова («Сага о Кавказе») выяснилось, что создатели кобанской археологической культуры также являлись тюрками-киммерийцами (есть и другие подтверждения такого мнения) и стали вторым компонентом в процессе сложения кар.-балк. народа.

Существуют и совершенно странные предположения о том, что карачаево-балкарцы – это «отюреченные» адыги, сваны или вайнахи. При этом не обращают внимания на то, что тюркскими у карачаево-балкарцев являются и национальная религия (тенгрианство), и мифология, и фольклор, и материальная культура и т. д., а не только язык. Смена языка необязательно должна была повлечь за собой и смену всей духовной культуры, т. е., к примеру, фольклор и религия «отюреченных аборигенов» в основных чертах напоминали бы вайнахские, или адыгские, или сванские фольклор и религию. Но духовная культура балкарцев и карачаевцев чрезвычайно своеобразна и во многом отличается от культур и других тюркских, и соседних кавказских народов; но она, конечно же, является культурой именно тюркского народа, чьи предки с незапамятных времен обитали на юге современной России.

Возникновение гипотезы первой и ее варианта (второй) имели своей основой **единственно лишь краткое сообщение** арабского историка Ибн-ал-Асира о приходе

татар на Кавказ, где они столкнулись с соединенными силами кипчаков и алан. Чтобы поставить точку в вопросе, археолог И. М. Мизиев привел всю цитату из книги Ибн-аль-Асира (отдельные слова в тексте выделены нами. – М. Дж.): «Прошедши Дербенд ширванский, они (татары. – И. М.) шли этими областями, а в них были многочисленные племена, в том числе аланы, лезгины и несколько тюркских племен. Они ограбили и умертвили много лезгин, которые были частью мусульмане, а частью неверные, и напали на других жителей той страны. И дошли до алан, а их много племен, и дошла туда весть о татарах. Они постарались и собрали у себя толпу кипчаков и сражались с ними, и не одолела одна сторона другой.

Итак татары послали к кипчакам сказать: мы с вами один род, а эти аланы не из вас, чтобы вы помогали им, и вера их не похожа на вашу веру, и мы обещаем вам, что не коснемся вас и привезем к вам сколько хотите денег и одежд, - оставьте нас с ними. Итак, кипчаки оставили алан, и напали на алан татары и убили их множество и ограбили и взяли в плен, и пошли на кипчаков, **а те разошлись**, считая себя безопасными по миру, происшедшему между ними. **Они не успели услышать о татарах, как они пришли к ним, вступили в их земли** и напали на них постепенно, и взяли от них в несколько раз больше того, что привезли к ним.

И те из кипчаков, **которые были далеко**, услышав эту весть, бежали без боя и удалились; **одни спрятались в болотах, другие в горах, а некоторые ушли к русским**. И остановились татары в Кипчаке, а это земля богатая пастбищами зимою и летом; в ней есть места, прохладные летом, богатые пастбищами, и есть места, теплые зимою, богатые пастбищами. Это и есть степи на берегу моря. И пришли они к городу Судаку. Это главный город кипчаков. Прибыв к Судаку, татары овладели им, и жители расселились: часть ушла в горы, со своими семействами и имением, а часть села на корабли и ушла в Малую Азию, находящуюся в руках мусульман из потомства Кылыдж-Арслана».

На всякий случай И. М. Мизиев привел рассказ и другого автора – Рашид ад-Дина (который, возможно, использовал сообщение Ибн-аль-Асира): «Когда они пришли в область алан, а жители тамошние были многочисленны, то они сообщая с кипчаками сразились с войсками монголов. Никто из них не остался победителем. Тогда монголы дали знать кипчакам: «Мы и вы – один народ и из одного племени (заметим, что у аль-Асира написано «один род»; получается, что монголы – это кипчаки. – И. М.), а аланы же чужие». «Кипчаки, полагаясь на мирный договор, спокойно **разошлись по своим областям**. Монголы внезапно нагрянули на них, убивая всякого, кого находили, и отобрали вдвое больше того, что перед тем дали. **Некоторые из кипчаков, оставшихся в живых, убежали в страну русских**, а монголы зазимовали в этой стране, сплошь покрытой лугами. Оттуда они отправились в город Судак на берегу моря, соединяющегося с константинопольским проливом, и взяли тот город. Затем монголы двинулись на страну русских и на кипчаков, которые туда бежали» (Мизиев, 1995, с. 17-19).

Археолог поставил ряд вопросов, на которые никто из сторонников мнения о кипчацком происхождении карачаево-балкарцев не ответил. Сражение с монголами произошло где-то в Предкавказье, кипчаки ушли в свои степи; «татаро-монголы», разгромив алан, стали преследовать кипчаков, живших далеко от места битвы и бежавших в плавни Кубани, в Крым и в страну русских. Не могли же они пуститься в бегство навстречу своим преследователям? И это, во-первых. Во-вторых, горы есть и в Причерноморье, и в Крыму, и на западе Украины; и где в этих текстах имеется хотя бы намек на то, что кипчаки убежали именно в горы Кавказа? В-третьих, то, что кипчаки, и карачаево-балкарцы тюркоязычны, абсолютно ни о чем не говорит; с таким же успехом и на таком же основании можно возводить их происхождение к гуннам, хазарам, печенегам.

В-четвертых, вряд ли аланы, покинутые во время битвы своими союзниками, приняли бы беглецов радушно.

Мы, со своей стороны, можем продолжить список вопросов и доводов. В-пятых, если кипчаки бежали в горы, то куда бежали аланы, жившие на равнине и в предгорьях? Или монголы обязались их не трогать? Или их на равнине уже не было? Но ведь на всех картах Алании, которые встречаются в книгах и статьях иранистов, эта страна занимает весьма обширную часть предкавказских равнин. И если бы все аланы и половцы хлынули в ущелья, там неизбежно началась бы война всех против всех. В-шестых, топонимика значительной части высокогорий Северного Кавказа, в частности, названия крупнейших рек и высочайших вершин – тюркские. Как и каким образом эти кипчаки, убежав от монголов в какое-то ущелье, сумели навязать свои оронимы и гидронимы всем аборигенам-аланам, как и окружающим народам? В-седьмых, как уже говорилось, кипчакам-воинам, даже если они укрылись в горах, не было нужды сидеть в тесных ущельях, когда монголы покинули Кавказ (это был, как считается, их разведывательный поход); беглецы вернулись бы к привычному быту и к своим семьям. В-восьмых, ни один соседний народ не называет карачаево-балкарцев кипчаками; нет такого слова ни в кар.-балк. яз., ни в фольклоре. Но зато этот этноним присутствует в языке и фольклоре тех этносов, в этногенезе которых кипчаки приняли участие – ногайцев, казахов, каракалпаков, киргизов, узбеков и др.

Но есть еще один момент в сообщении Ибн-ал-Асира, на который нападают сторонники кипчакской гипотезы происхождения кар.-балк. народа: «Итак татары послали к кипчакам сказать: мы с вами один род, а эти аланы не из вас, чтобы вы помогали им, и вера их не похожа на вашу веру». Из этого делается вывод, что кипчаки, само собой – турки, а вот аланы нет. Попробуем разъяснить этот вопрос, оставаясь в рамках канонической версии истории.

Что касается веры, все понятно – аланы уже исповедовали христианство. Почему же татары говорят половцам, что они с ними одного рода? Допустим, татары аль-Асира – это монголы, и в антропологическом отношении, конечно же, монголоиды. Но кипчаки, по мнению историков, как раз были типичными европеоидами, светловолосыми и голубоглазыми, по каковой причине их название в устах русских (пусть и неправильно), некоторые специалисты производили от слова «половый» – «светлый, с волосами цвета соломы». Нет никаких упоминаний о монголоидности кипчаков и в летописях – а ведь русские их знали очень хорошо, и связи между двумя народами были теснейшими и разнообразными. Половецкие девушки этим славянам казались очень красивыми («красные девки половецкие» в СПИ).

Кроме того, монгольский и тюркский – это разные языки, просто в современном монгольском очень много заимствований из тюркского. Но если эти «татары» (монголы) и кипчаки разговаривали на разных языках, да еще и принадлежали к разным расам, с какой стати и те, и другие должны были думать, что являются «одним родом»? Выход из этих противоречий всего один (если, повторяю, оставаться в рамках канонической версии истории): в монгольских войсках, вероятно, было много кипчакских воинов, они и пошли на переговоры со своими соплеменниками, союзниками аланов; кроме того, аланы к тому времени уже два-три века были христианами (потому и сказано: «...и вера их не похожа на вашу веру»). Приписывать же «татаро-монголам» и половцам сознание «тюрко-монгольского единства», мягко говоря, преждевременно – такого быть не могло (как и сейчас). Кроме того, следует учесть, что в том шатре, где хитрые монголы уговаривали половцев покинуть своих союзников, Ибн-ал-Асир не сидел, и написал свое сообщение на основании слухов, где-то в Дамаске.

Что касается нелепого аргумента, что кар.-балк. язык относится к кипчакско-

половецкой группе тюркских языков, то это простое недоразумение. С таким же успехом можно было назвать эту западнотюркскую группу языков и татарской, и караимской и пр. В свое время великий тюрколог Э. В. Севортян едко высмеял ученых, наивно полагавших, что все народы, чьи языки включены в эту группу, происходят от кипчаков. Еще проф. У. Б. Алиев указывал, что кипчакский язык относится к йокающим тюрк. языкам (кар.-балк. – джокающий). Группа получила свое название вследствие близости языков, входящих в нее, к языку средневекового словаря, случайно получившего название «Кодекс Куманикус» (название ему дал в XIX в. открыватель рукописи граф Кун, потомок половцев, поселившихся в Венгрии); но в тексте словаря прямо сказано: «*Бу татар тил*» - «Это татарский язык». В специальной и чрезвычайно скрупулезной работе, отрицающей принадлежность памятника «Кодекс Куманикус» кипчакам, Р. Л. Дашкевич убедительно показал, что лексика, зафиксированная в словаре, отражает раннюю стадию развития крымско-татарского языка. Таким образом, гипотеза кипчакско-осетинского происхождения карачаево-балкарцев не имеет никаких оснований; за 50 лет, прошедших со времени проведения научной сессии, ни один автор не сумел привести в пользу этой гипотезы (которая очень нравится иранистам) ни одного аргумента.

ПРЕДАНИЯ ИРАНИСТОВ

Как же, по мнению иранистов, протекал предполагаемый процесс ассимиляции «алан-осетин» на территории Балкарии и Карачая? Обычно подразумевается, что их тюркизация совершилась мгновенно, и говорится об этом в нескольких фразах; или, наоборот, говорят, что она тянулась вплоть до XVIII в. Но Б. А. Калоев пожелал внести в эти туманные представления хоть какую-то конкретность. «Предания позволяют, - пишет он, - установить, в частности, что первоначально предки современных балкарцев – половцы – поселились в Черекском ущелье, более доступном, чем, например, Чегемское с его чрезвычайно узким скалистым проходом». Это очень странные утверждения, поскольку в преданиях нет ни единого слова ни о половцах (разумея под ними кипчаков), ни о том, что предки балкарцев (словно у них и у карачаевцев были разные предки) поселились сначала в Черекском, самом восточном, ущелье Балкарии; оно, кстати, не является более доступным, чем Чегемское.

«В преданиях, - продолжает Калоев, - упоминаются названия некоторых осетинских родов (Саута – «Черные», Мысаковы – осет. Масуг, и др.), сталкивавшихся с пришлыми тюркскими племенами». Но, во-первых, в легенде, о которой говорит Б. А. Калоев (опубликовано М. К. Абаевым в 1911 г.) сказано, что пришельцы застали в Черекском ущелье людей, которые называли себя по-карачаево-балкарски - *таулу* «горцы»; во-вторых, в верховьях Черекского ущелья существовало селение *Сауту* (его население было полностью уничтожено войсками НКВД в 1942 году), а не *Саута*; в-третьих, слово *масуг* «башня» (от которого Калоев пытается произвести балкарское фамильное имя *Мысакалары*), согласно изысканиям В. И. Абаева осетинским не является; в-четвертых, ни о каких осетинских родах, которые сталкивались с «пришлыми тюркскими племенами», в кар.-балк. преданиях нет ни слова.

Далее Б. А. Калоев тоном очевидца повествует: «Когда в **густонаселенное** Черекское ущелье вторглась **огромная масса половцев** (выд. нами. – М. Дж.), значительная часть коренных жителей – алан – ушла в районы современной Осетии, в частности в Дигорское ущелье». Нигде, ни в одном предании, ни в одной летописи нет ни слова о том, что половцы убежали от монголов именно в Черекское ущелье; никому не известно, где произошла битва алан и кипчаков с монголами; никому не известно, было в то время это ущелье густонаселенным или нет. Откуда Б. А. Калоев узнал об «огромной массе

половцев» и как она могла разместиться в тесном и густонаселенном аланами ущелье, этнограф не объяснил. Почему «значительная часть» аланов из «густонаселенного ущелья» ушла в Дигорию, а другая осталась – неизвестно; но если их было много, они легко могли отбиться от пришельцев, учитывая рельеф местности.

Логика надуманного объяснения влекла этнографа все дальше, заставляя выстраивать совершенно беспочвенную схему. Изгнав часть алан, эти половцы (не имевшие ни жен, ни детей) поселились в Черекском ущелье (рядышком с Осетией). Затем они почему-то обратили орлиные взоры не на восток, а на запад, где алан было гораздо больше, чем в Осетии, и занялись на досуге любимым делом всех тюрков – ассимиляцией иранцев: «Судя по народным преданиям (таких преданий нет. – М. Дж.), половцы двигались с востока, из Черка, на запад, постепенно проникая в ущелья Безенги, Хулам, Чегем и Баксан. Они повсюду сталкивались с местным аланским населением, большей частью подчиняя его своему влиянию».

Скажите, как можно к этим, ни на чем не основанным, утверждениям относиться серьезно? С какой стати местные аланы, с которыми беглые половцы (или их дети от браков с аланками) «сталкивались повсюду» (по очереди?), должны были подчиняться их влиянию («большой частью»), безропотно дожидаясь своей участи – быть ассимилированными, ущелье за ущельем (причем никаких широких дорог из одной теснины в другую не было – как и сейчас)? И сколько лет у этих целеустремленных половцев ушло бы на ассимиляцию черекских «алан-осетин» (после чего, надо думать, они пошли тюркизировать холамских и безенгийских алан)?

Б. А. Калоев абсолютно не вдумывался в смысл того, что утверждал: какие-то половцы, начав с восточной области сплошного аланского массива (от Чечни до Абхазии), принялись тюркизировать его большую часть, причем сознательно и последовательно, ущелье за ущельем. Они что, приняли такую программу? Разве не должно было случиться обратное: беглецы, вклинившись в середину «алано-иранского» массива, неизбежно подверглись бы ассимиляции? Воображаемый процесс тюркизации алан, вероятно, представлялся маститому этнографу чем-то вроде вирусного заболевания: начавшись с Черекского ущелья, он сам собой распространялся на запад.

Казалось бы, следует говорить о том, что кипчаки (точнее, их потомки от браков с аланками), переваливая из Черекского ущелья в другие, попадали в ираноязычную («алано-осетинскую») среду. Но у иранистов иная логика. Б. А. Калоев пишет: «Однако следует отметить, что аланы, попавшие в тюркоязычную среду, ассимилировались медленно и еще долго сохраняли свое этническое своеобразие» (Калоев, 1979, с. 57-58). Откуда же взялась «тюркоязычная среда» в других ущельях, если сам же Калоев говорит, что половцы продвигались с востока, из Черекской теснины, на запад, где среда была чисто аланской? Конечно, вопрос этот не имеет смысла, но что остается делать, если вся прогрессивная научная общественность, читая подобный абсурд, согласно кивает головами? Следовало бы описать далее, как и когда уже «отюреченные аланы», двигаясь на запад по горам, по долам, неуклонно ассимилировали чистых алан еще и в Карачае, по ту сторону Эльбруса; но продолжения сочиненной им эпопеи маститый ученый не дает, оборвав повествование на полуслове.

Чтобы раз и навсегда покончить со сказками иранистов об ассимиляции «алано-осетин» беглецами-кипчаками, приведем нехитрый расчет. Территория западной части Алании в период первого (как считается – разведывательного) похода «монголов» включала в себя территорию двух нынешних республик – Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии. Судя по огромному количеству развалин жилищ, остаткам кладбищ, городищ, крепостей, церквей и т. п., которыми усеяно все это пространство, в аланскую эпоху здесь жило весьма многочисленное население (о чем говорится и в письменных

источниках). Но мы возьмем по минимуму – скажем, 100 тыс. чел. Монголов же, которыми руководили Джебе и Субудай, насчитывалось якобы 20 тысяч. И у каждого – по две-три лошади. Вы можете себе представить движение 50-тысячного табуна? Нет никакого сомнения, что там, где он проходил, оставалась бы голая земля. А также – какой обоз был бы у такой «разведывательной» армии (воинам требуется продовольствие, а лошадям фураж)? Так что, скорее всего, у Джебе и Субудая было, в лучшем случае, не более 5-6 тысяч воинов-профессионалов (а не случайное скопище пастухов).

И сколько же могло быть половецких воинов, которые бежали от них в горы Алании? Пять тысяч? Десять тысяч? Двадцать? Да нет, скорее всего, не более трех-четырёх тысяч (как и их союзников-алан; потому первый день сражения и закончился безрезультатно). Из этих трех-четырёх тысяч половцев часть, вероятно, погибла; часть ушла в другие места; допустим, в горы убежала 1 тысяча воинов. Теперь подумайте, каким образом эта тысяча беглецов смогла бы ассимилировать 100-тысячное население Центральной и Западной Алании (или даже пятидесятитысячное)? И что делало в это же время население плоскостной части Алании? Дожидалось ассимиляции? Или тоже «хлынуло» в горы? На самом деле, если бы эти кипчаки и побежали в одно из ущелий, то не сидели бы там, дожидаясь неизвестно чего, занимаясь на досуге «тюркизацией» местного населения, а вернулись бы к своим семьям.

ЭТИ УПОРНЫЕ ТЮРКИ

Описание этногенеза карачаево-балкарцев, предложенное Б. А. Калоевым, другого этнографа-ираниста не удовлетворило, поэтому он предложил иное решение, не менее странное. Вначале В. С. Уарзиати отмечает, что «общепринятый факт активного участия» в этом процессе «аланского этнического компонента» представляет особый интерес. (карачаево-балкарцев он именует по одному из их самоназваний – *таулу* «горец»). «Считалось, что происхождение таулу связано с переселением в XIII в. кипчаков в горные районы, занятые аланами, и асимилиацией их тюрками», - пишет В. С. Уарзиати, ссылаясь на одну из работ В. М. Батчаева: «Автору удалось показать, что этот процесс (переход части алан на тюркскую речь. – М. Дж.) начался на предгорной равнине в середине XIII в. и продолжался в горах в конце XIV в. после нашествия Тимура» (Уарзиати, с. 90).

О чем идет речь? Исследователи считали, что западных алан ассимилировали разбитые монголами кипчаки, якобы убежавшие в горы Кавказа. В. М. Батчаев же, резонно полагая, что аланы не могли радушно принять бывших союзников, но не в силах преодолеть свою веру в непогрешимость «академической науки», попытался спасти положение и выдвинул другую «теорию», чисто умозрительную и не подкрепленную ни одним свидетельством или фактом: предгорные аланы, якобы оказавшись в тюркском море, постепенно переходили на кипчакскую речь, а когда пришли монголы (или еще позже), ушли в горы; вот и все описание этногенеза карачаево-балкарцев. Разумеется, это предположение не выдерживает никакого столкновения с логикой.

1. Допустим, предгорные «алано-осетины» перешли на кипчакскую речь, а затем (после нашествия Тимура) бежали в горы Кавказа. Но в какое ущелье? Или во все сразу? Кроме того, там жило, как считается, «чисто алано-осетинское» население. Как же пришлые «ассимилированные аланы» сумели тюркизировать его на всей этой, довольно обширной, территории, да еще и гористой дальше некуда?

2. Почему эти «предгорные аланы», якобы переняв у кипчаков их речь, переняли еще и тюркскую мифологию, и религию (тенгрианство)? И каким образом они сумели затем навязать их «чистым аланам-горцам»?

3. Почему эти «дважды ассимилированные аланы» (карачаево-балкарцы) имеют

песенный нартский эпос (на тюрк. яз.), а «чистые аланы» (осетины) – только прозаический (см. ниже)? Неужто первые, едва перейдя на тюркскую речь, еще в предгорьях срочно создали институт, сотрудники которого стали перекладывать «древнеосетинский» эпос в стихотворной форме и сочинять к ним мелодии?

Далее В. С. Уарзиати развивает эти глубокие предположения. В хронике Леонти Мровели (XI век) в качестве этнархов кавказских народов перечисляются восемь сыновей Таргамоса (сына Иафета и внука Ноя). «В этом списке, - пишет этнограф, - Леонти Мровели не помещает осетин. Видимо, он был хорошо осведомлен о том, что аланы-овси не были изначальными жителями Кавказа и обосновались здесь позже. Процесс оседания ираноязычных племен на Кавказе он отнес ко второй половине 1 тыс. до н. э. и связал с агрессией «хазарского царя» и его сына Уобоса. Подчеркну, что в хронике XI в. нет ни одного упоминания о таулу» (Уарзиати, с. 90).

Здесь, что ни утверждение, то перл. Для начала иранисты (и одним из первых – Вс. Ф. Миллер) обвинили грузинского летописца в том, что он «удревнил» хазар и что на самом деле упоминаемые им хазарский царь и его сын Уобос (родоначальник овсов) - это скифы-иранцы; во-вторых, заранее решили, что «коренные кавказские народы» (происходящие от некоего пра-народа) обрелись в этом регионе от сотворения мира (откуда это известно?), не обращая внимания на то, что ни один из них совершенно не понимает языка соседей; в-третьих, если царевич Уобос со своими хазарами присутствовал на Кавказе уже 27 веков назад, о позднем приходе овсов говорить не приходится – это глубочайшая древность.

В-четвертых, - и это засвидетельствовано в письменных источниках – сами хазары возводили свое происхождение именно к Иафету и его сыну Тогарме (неужели изучали хронику Мровели?); в-пятых, хазар с аланами связывал не только Леонти Мровели, но и византийские авторы, говоря о том, что хазары вышли из страны алан – Барсилии. Что касается отсутствия в хронике упоминаний о таулу, то, разумеется, это так и будет выглядеть, если считать овсов иронцами, владельцы которых почему-то не имели никаких иранских титулов, уже с V в. именуя себя по-тюркски - *ос-багатап*. В-шестых, Мровели, как уже говорилось, не упоминает не только о *таулу*, но и об адыгах и абхазах.

Грузинский историк середины XVIII в. Вахушти Багратиони, перечисляя в своем хронографе местности в Овсети, называет среди них Дигори и Басиани (Черекское, Малкарское ущелье Балкарии). «Хорошо знавший Осетию, - пишет Уарзиати, - Вахушти не мог ошибаться, включив Басиани в состав Осетии» (нет, Овсети. – М. Дж.). Вывод этнографа повергает в изумление: «...в середине XVIII в. в Черекском/Балкарском ущелье жили осетины и процесс их тюркизации еще не был завершен» (Уарзиати, с. 91). Черекское (Малкарское) ущелье – ближайшее к Осетии. Какими же упорными оказались эти то ли кипчаки, то ли «кипчакизированные аланы», целых 5 столетий неуклонно ассимилируя алан в Карачае, в Баксане, Чегеме, Холаме, Безенги (прямо идейные пантюркисты какие-то!), и, наконец, добравшиеся и до теснин Басиани (ущелье Череха).

Было бы, конечно, интересно узнать, почему не местные «аланы-осетины», чей сохранившийся массив располагался буквально в двух шагах, ассимилировали «пришлых» тюрков (или полу-тюрков), а наоборот, сами перешли на тюркскую речь. Причем из всех пяти балкарских обществ Малкарское было самым большим по численности. Нет ответа и на другой вопрос. В кар.-балк. яз. два диалекта – восточный (черекский) и западный (на котором говорят все остальные карачаево-балкарцы). Неужели тюркизированные на равнине аланы каким-то образом ухитрились договориться о том, что носители первого диалекта непременно должны заселить Черекское ущелье, а остальные – расположиться западнее?

Продолжая доказывать, что «алано-осетины» жили в Балкарии вплоть до XIX в., сохраняя свой язык, В. С. Уарзиати приводит показание кабардинских князей в Коллегии иностранных дел в С.-Петербурге, сделанное в 1743 году, в котором они сообщали о черекских балкарцах: *«...а язык их особливый, они ж употребляют и татарский язык, издревле оные были христианского закона, который и ныне многие из них содержат»*. Вывод этнографа: «Приведенные свидетельства дают возможность говорить о том, что алано-овсы, населявшие ущелье реки Черек, к середине XVIII в. частично (это как? – М. Дж.) сохраняли свой язык и были двуязычны. Более того, они сохраняли элементы христианской литургии (почему же эти элементы не сохраняли сами осетины? – М. Дж.). Иными словами, начавшийся в XIII в. процесс тюркизации части алан не завершился в обществе Басиани/Малкар еще к середине XVIII в.» (Уарзиати, с. 91).

Кабардинские князья говорили чистую правду. Дело в том, что черекский диалект имеет ряд фонетических особенностей, отличающих его от литературного диалекта, на котором говорят все остальные карачаево-балкарцы (вместо Ж, Ч - З, Ц, в ряде позиций – Ф вместо П, О вместо Ё, У вместо Ю). Человеку со стороны, по этой причине, черекский диалект может показаться «особливым языком». Что касается сохранения элементов христианства в Балкарии (якобы благодаря жившим там даже в XVIII в. «аланам-иранцам»), то в свете той картины религиозного состояния осетин, которая вырисовывается на основе анализа их языка, данных письменных источников и пр., говорить об их давней причастности к этой мировой религии не приходится (см. ниже).

Затем В. С. Уарзиати обращается ко временам отдаленным и дает обширную цитату из книги В. И. Абаева «Осетинский язык и фольклор»: «Языковой материал, собранный на Баксане, существенно пополнил картину осетино-балкарских схождения». «...баксанский насыщен «осетизмами» не меньше других говоров, и, что особенно показательно, в нем встречаются такие осетинские элементы, которых нет в более близких к Осетии говорах, чегемском и верхнебалкарском». «Вывод ясен: осетинские элементы в карачаево-балкарском – не результат новейшего заимствования из современной Осетии, а наследие старого алано-тюркского смешения, происходившего на территории всех ущелий, от Терека до верхней Кубани» (Абаев, ОЯФ, с. 275).

Вывод В. И. Абаева неверен, в силу многих причин (часть их указана выше). Изложение истории кар.-балк. народа в нашу задачу не входит, и мы ограничимся кратким сообщением. Обратимся к истории заселения балкарцами Баксанского ущелья, ближайшего к Карачаю. До второй половины XVII в. на Баксане жили карачаевцы; ставка их правителей из рода Крымшаухаловых (родичей тарковских шамхалов), занятых объединением народа в единое государство, располагалась чуть выше нынешнего города Тырнауза: на западе – собственно Карачай, на востоке – Чегем, население которого являлось тогда частью карачаевцев (ущелье, по словам старожилов, так и называлось – *Тау Къарачай* «Горный Карачай»). Но в это время началось переселение абазин на восток. Находясь в Баксанском ущелье, карачаевские князья не смогли бы защитить свои владения, поэтому они вынуждены были перейти на западные склоны Эльбруса, чтобы возглавить борьбу с переселенцами; вместе с ними ушло большинство их подвластных. На востоке остались чегемские карачаевцы и часть населения Баксана.

Теперь балкарцам нужно было срочно принимать меры, чтобы не допустить захвата ущелья сванами или кабардинцами. В нижнюю часть долины Баксана (нынешние сел. Кёнденен, Лашкута, Жанхотья) переехала часть населения из Черекского ущелья Балкарии, в среднюю (Бедик, Быллым и Гюрхожан) – из Чегемского, а в верхнюю, от города Тырнауза до самого подножья Эльбруса, – из Холама и Безенги (здесь же

оставалась часть карачаевцев; собственно говоря, именно карачаево-холамо-безенгийцы и называются *бахсанчыла* «баксанцы»).

Сказанное подтверждается как документами, так и легендами; кроме того, фамилии нынешних жителей долины Баксана встречаются именно в тех селениях Балкарии, из которых они переселились на запад (с учетом позднейших передвижений тех или иных семей; например, большинство жителей селения Кёнденен ныне составляют выходцы из Чегемского общества). Люди переехали на Баксан из Черекского и Холамо-Безенгийского ущелий, соседних с Осетией, и в их речи были заимствования из осетинского. Ничего удивительного.

Ничем не лучше и другие аргументы Уарзиати, выдвигаемые им в подтверждение своих выводов. «В фамильных преданиях о происхождении балкарских таубиев Балкароковых упорно упоминается иноязычный (? – М. Дж.) народ в районе Чегема, возглавляемый неким князем Берды-бием, один из потомков которого Кучук был женат на осетинке Карабугаевой». И, далее: «Брачная связь с феодалами Карабугаевыми подтверждает высокий социальный ранг Берды-бия». Следовательно, кроме балкарцев, во времена Берди-бия в Чегемском ущелье, по мнению Уарзиати, жило еще и какое-то иноязычное население. Подтверждение своей мысли этнограф находит в другом, кратком варианте предания о происхождении чегемских князей, в котором отмечается, что указанный народец жил в малодоступных верховьях реки Джилки-су: «Ниже им жить нельзя, так как их враги – соседи балкарцы (черекские. – М. Дж.) тревожат их постоянными набегами» (Уарзиати, с. 91).

В этом толковании все поставлено с ног на голову, в чем убедиться нетрудно. Черекские балкарцы соседями чегемцев не являются (между Черекским и Чегемским ущельями находится еще и Холамо-Безенгийское; все три ущелья тянутся в меридиональном направлении), а в предании, записанном от чегемского князя Алимурзы Малкарукова, нет ни слова о том, что в Чегемском ущелье жили два разных народа. В нем рассказывается о прибытии туда, вместе с небольшим отрядом (приблизительно в конце XVI века, как утверждал рассказчик) двух братьев, Баймурзы и Джанмурзы, выходцев из Адыгеи (вероятно, знатных тюрков-черкесов). Пришельцы застали там некий «народец». М. М. Ковалевский пишет: «Рассказчик предполагает, что это были осетины»; но никаких оснований для такого предположения у него не было: селение этого «народца» почему-то называлось по-кар.-балк. - *Акъ-топракъ* «белая глина», а правил в верховьях ущелья князь Берди-бий Рачикауов (ныне Тудуевы), живший в местности Битикле, в верховьях Чегема; сыновей его звали тоже не по-осетински, а очень даже по-тюркски – Акъ-мурза и Кучук, как и брата – Бетичогер (ошибка, прав.: *Бийнёгер*).

Баймурзу и Джанмурзу в Чегеме приняли радушно. Впоследствии правнук Джанмурзы (Келемет) составил заговор, истребил потомков Бердибия и сам утвердился в качестве владетеля ущелья, от него и вели свое происхождение чегемские князья Малкаруковы, Келеметовы, Барасбиевы и Кучуковы. Причиной истребления Рачикауовых, по мнению рассказчиков (потомков Джанмурзы), было якобы наглое поведение внуков Бердибия (однако народная песня почему-то сочувствует Рачикауовым, а не их противникам). Из Рачикауовых уцелел только мальчик, находившийся в это время у родичей матери, дигорских (а не осетинских, как пишет Уарзиати) князей, носивших тюркскую фамилию – Карабугаевы (*къара бугъа* – «черный бык» или «мощный бык»). От него пошли Тудуевы, потерявшие власть и сменившие фамилию (КБФДЗП, с. 110-115; с. 268-270); но остальные князья по-прежнему признавали их своими.

Ни о каких «постоянных набегах» «соседних» черекских балкарцев в Чегемское ущелье не может быть и речи. Речь идет о следующем. Объединительные тенденции в балкарских обществах сохранялись и после ухода карачаевцев на запад; их воплощение

досталось на долю черекских князей Абаевых, среди которых выделялась незаурядная личность - Сосуран Абаев. Его признали *олием* (старшим князем) не только на Черее, но и в Холаме, и в Безенги. Далее на западе располагалось Чегемское общество. Но тут возникло препятствие – подчиниться власти одного правителя новые чегемские князья не пожелали. От Абаевых в Чегем отправился отряд, для ведения переговоров; его встретила засада, и посланцы были убиты. Так была сорвана последняя попытка объединения Балкарии (*Беш Татау Эль* «Пять союзных племен») и Карачая в единое государство. Показательно, что один рассказчик, князь Мусса Барасбиев, выставляет черекских балкарцев насильниками, совершавшими «постоянные набеги» на Чегем, но Алимурза Малкаруков в своем подробном рассказе о трагическом событии на Джилки-су говорить избегает. Но ни о каких нападениях друг на друга в обширном фонде кар.-балк. фольклора никаких упоминаний нет.

Причина сопротивления чегемских князей объединению Балкарии заключалась, вероятно, в том, что карачаево-балкарцы в те времена исповедовали (пусть и достаточно формально) христианство, осложненное пережитками тенгрианства и язычества. Но уже Ахтуган, внук Джанмурзы и отец Келемета, человек отважный и энергичный, женился на дочери самого правителя Кумыкии (Тарковского шамхала). «С этого времени начинается и влияние мусульманства на Чегеме. Предание говорит, что языческие обряды стали исчезать с прибытием Шамхаловой дочери. Ее внуки носили уже вполне мусульманские имена: Али и Омар. Али ездил учиться у шамхалов арабскому языку и изучил Коран. Вернувшись домой, он привез с собой старый Коран и стал ревностно утверждать мусульманство» (КБФДЗП, с. 113).

Новые чегемские правители в ту давнюю пору, вероятно, еще имели тесные связи с кабардинскими князьями, явно незаинтересованными в появлении государства Балкария; к тому же кабардинцы уже были мусульманами, приняв ислам на Лабе, куда они были выселены из-под Пятигорья крымцами (см. книгу С. Р. Керменчиева и М. Л. Големба «Черкесы и Кабарда». Пятигорск, 2008). Единоверие и давние связи, вероятно, были причиной и того, что чегемские князья, вместе с подвластными им людьми, позже участвовали и в нападении кабардинских князей Наурузовых на владения баксанских князей Урусбиевых, успешно отраженное ими с помощью сванов (о чем пишет в своем очерке «Балкария» М. К. Абаев, в 1911 году).

КАМЕНЬ В ОЗЕРЕ

Неизвестно, кто первый сказал, что слово «алан», столь употребительное в устной и письменной речи балкарцев и карачаевцев, означает «друг, приятель». И вот даже в добросовестно подготовленном (пусть и очень неполном) «Карачаево-балкаро-русском словаре» (М., 1989) читаем: «Алан, *обращение* Эй! слушай! друг! товарищ!». Далее следуют примеры: «Ой, алан, *кетме!* – Эй, друг, не уходи! *Аланла!* – послушайте! Друзья! Товарищи! *Алан, Сюлемен, къайры бараса?* – Алан, Сулейман, куда ты идешь?».

Мы не знаем, почему составители словаря допустили такую вопиющую ошибку – то ли не смогли пойти против мнения «мировой науки», то ли под нажимом московских редакторов. Но все это – сплошное недоразумение:

1. Одно и то же слово переведено междометием, глаголом и двумя существительными, что абсурдно само по себе; точнее, получается, что оно заменяет наличные в языке слова (*эй, тынгыла, шуёх, жолдаш*), в семантике которых нет ничего общего. Но как быть, например, с такой обычной фразой, в которой присутствуют и данный термин, и те слова, которые он якобы заменяет: *Эй, алан, шёхум, жолдашым, тынгыла...* «- Эй, алан, друг мой, товарищ мой, послушай...?». И если слова *шуёх (шох), жолдаш* употребляются с

притяжательным аффиксом (*шуёхум* – «друг мой»), то слово *алан* – нет; нельзя сказать *аланым* «алан мой», *къарачайлым* «мой карачаевец», *малкъарлым* «мой балкарец»; притяж. аффикс неприменим, как и с другими этнонимами. Добавим, что это слово существует только в формах ед. и мн. числа и ни в каких иных (*алан* – *аланла*).

2. *Алан* – имя сущ., а не глагол и, тем более, не междометие (у коего никак не может быть формы мн. числа). Это универсальное обращение – так муж обращается к жене, жена к мужу, любой собеседник к собеседнику, юноша к старику, старик к юноше, женщина к мужчине, и т. д. – одним словом, любой карачаево-балкарец (карачаево-балкарка) к любому соплеменнику (соплеменнице) или к группе их, к многочисленному собранию, ставя слово во мн. числе: *Аланла!* «Аланы!». Если карачаево-балкарец (карачаево-балкарка) знает, что незнакомый человек является его (ее) соплеменником (-цей), то обращаться к нему (к ней) будет, непременно именуя его (ее): *Алан,....*, (как и к группе лиц – *Аланла,....*).

3. Во всех личных именах при обращении ударение переходит на первый слог. Точно так же и в случае употребления слова *алан*.

4. Термин одинаково широко употребляется в конце, середине или начале фразы, притом с любой интонацией – от просьбы до угрозы или брани. При обращении это слово подразумевает только собеседника (-цу, -ов). Молодой человек может обратиться к старику: «*Алан,....*». Но если он вместо этого назовет его «друг» (*шуёх, нёгер*), это будет воспринято как насмешка. Или попробуйте применить это слово в значении «послушайте» – *аланыгъыз*. Нелепо.

5. По кар.-балк. этикету муж и жена не обращаются друг к другу по имени, заменяя их другими словами, но чаще всего просто говоря «*Алан,....*». Неужели старики именуют своих жен «подругами», а те их – «друзьями»? Ничего глупее придумать нельзя.

6. Термин широко используется в формулах приветствия. Например, входя в чужой дом, здороваются: *Ингир ахшы болсун, аланла!* – «Добрый вечер, аланы!». Или: *Салам алейкум, алан!* Никаких ограничений в применении слова в качестве обращения нет.

7. Главным тотемом карачаево-балкарцев, как показывают язык, мифология и эпос, был барс. В силу святости слово «барс» стало запретным и заменилось на слово *алан*, от *ала анг* «пятнистое существо». *Алан* – одно из самых употребительных слов в живой разговорной речи, оно звучит несколько раз в каждом диалоге. То же самое – в речи героев сказок или песен, эпосе и т. д. Но иногда приходится встречаться с нелепыми толкованиями и даже с недоверием – мол, нет у вас такого слова. Обратимся к художественной литературе, выписав примеры из небольшого сборника рассказов писателя Хабу Кациева «Салам алейкум» (Нальчик, 1982). Первая часть книги так и называется – *Аланла, сизде уа не хапар?* – «А какие новости у вас, аланы?»:

1. - *Иш къолай болсун, аланла!* – Спорой работы вам, аланы!

2. - *Алан, ишчиле келгинчи сабыр бол, - деди анга къошну шапасы.* - Алан, подожди, пока не придут работники, - сказал ему шапа (повар) в кошаре.

3. - *Хау, алан, биз кюз ишге чыкъгъанлы аллайы уа болмагъанды.* – Да, алан, с тех пор, как мы вышли осенью на работу, с ним такого не случалось.

4. - *Алан, ажашып бараса, солунa бур, - дедим мен.* – Алан, ты не в ту сторону идешь, сверни влево, - сказал я.

5. - *Кеч къолай болсун, аланла!* – Добрый вечер, аланы! (*Обращаясь к к людям в правлении колхоза*).

6. - *Аланла, дауур этмегиз, сабыр болугъуз.* - Аланы, не шумите, успокойтесь. (*Председательствующий, обращаясь к собранию колхозников*).

7. - *Алан, жууугъум, былай-былай болгъанма, жюр, экибиз да бир къош болайыкъ.* – Алан, родич мой, вот такое со мной случилось, давай мы оба будем заодно.

8. - *Алан! - дедим мен тауча.* – Алан! – сказал я по-балкарски. (*Своему товарищу в*

Москве).

9. – *Алан, эсингдемиди? – деп бири.* – Алан, ты помнишь? – сказал один из них.

10. – *Аланла..., оллахий, ахчамы юйде унутуп келгенме, кечгинлик беригиз.* – Аланы..., извините, ей-Богу, я деньги дома забыл.

11. – *Аланла, маржа, нечик тапсыз болду, керти окъуна.* – Аланы, маржа, и в самом деле, как неловко получилось. (*Маржа* – многозначное, непереводимое слово; выражает побуждение, призыв, просьбу и т. д.).

12. – *Алан, заманынг бар эсе, юйге жууукъ болсанг эди.* – Алан, если у тебя есть время, зашел бы в дом.

13. – *Алан, сен Текеланы Омарны кѳргенмисе?* – Алан, ты видел Текеева Омара?

14. – *Алан, жол болсун!* – Доброй дороги (тебе), алан!

15. – *Алан, биз къайдабыз!* – Алан, где мы?

16. – *Аланла, сиз быллай хапар эшитген эсегиз да – эшитмегенча, аллай ишни кѳрген эсегиз да – кѳрмегенча, кесигиз сынагъан эсегиз да – билмегенча этигиз.* – Аланы, если вы и слышали такой рассказ – сделайте вид, что не слышали, если видели такое дело – что не видели, а если такое приключилось с вами самими – что этого не было. (*Автор – читателям*).

17. – *Алан, Осман, сизни эр кишилеригиз къайдадыла?* – Алан, Осман, где ваши мужчины?

18. – *Аланла, эрикдирмеген эсем, ол адам бла мени бир тѳубегеними айтайым.* – Аланы, если я вам еще не надоел, расскажу об одной моей встрече с тем человеком.

19. – *Алан, керти да, ол тамашагъа къара, - деди къаракъалпакъ.* – Алан, действительно, ты погляди на это диво, - сказал (человек) в черной шляпе.

20. – *Алан, ол немени не этдигиз?* – Алан, куда вы подевали это самое?

21. – *Алан, Туугъан, жолда тѳубегеним иги болду кѳре эдим.* – Алан, Туган, хорошо, что я встретил тебя по пути.

22. – *Оллахий, алан, тизгинсиз болса да, акыллы уа бек акъыллы адамды.* – Оллахий, алан, пусть он и неаккуратен, человек он все-таки очень умный.

23. – *Алан, мен ачдан ёлеме, жюр бир зат къабайыкъ.* – *Угъай, алан, эртденликде ауузланалмаучума.* – Алан, я умираю с голоду, пойдем, чего-нибудь перекусим. – Да нет, алан, я по утрам есть не могу.

24. – *Алан, Ахмадия, хапары Беиш да Тау Элге жайылгъан тѳююш сизде болгъан ушай эди да?* – Алан, Ахмадия, потасовка, слух о которой разошелся по Пяти Балкарским обществам, вроде бы у вас произошла?

25. – *Аланла, - деди ол, - сагъыш этеме да, мени кѳурманлыкъ этер сылтауум жокъду.* – Аланы, - сказал он, - я вот думаю, что у меня нет причин устраивать жертвоприношение.

26. – *Алан, Чепеллеу неге кѳурманлыкъ этгенди?* – Алан, в честь чего Чепеллеу устроил жертвоприношение?

27. – *Алан, къонакъ аламысыз?* – Алан, вы гостя принимаете?

28. – *Алан, Горда, орденлеринги бла майдалларынги бир такъмайса.* – Алан, Горда, что-то ты свои ордена и медали не носишь.

29. – *Алан, Шимауха, - деп, гюрюлдеди алауган, - къырс бола баишагъан болурса дейме.* – Алан, Шимауха, - прогудел верзила, - сдается мне, что ты начал становиться скупцом.

Полагаю, что приведенных примеров вполне достаточно, пусть они не отражают и десятой доли тех ситуаций, в которых слово *алан(ла)* употребляется. В книге таких примеров, конечно, больше, и не потому, разумеется, что писатель Хабу Кациев был фанатиком употребления данного термина – просто в его рассказах отразилась живая

разговорная речь. На всякий случай приведем также несколько строк из народной поэзии:

*Эй, уллу сабыргъа санайма, алан,
Бу суюмекликге тѣзгенни...*

Эй, очень стойким считаю, алан,
Того, кто выносит эту любовь...

*Айлана, жюрюй кетгенме, алан,
Тутханма кѣксюл кѣгюрчюн...*

Бродя и странствуя, алан,
Поймал я сизую голубку...

*Келигиз, аланла, бирге жырлайыкъ,
Ата Журтубузгъа махтау салайыкъ...*

Давайте, аланы, споем все вместе,
И восславим нашу Родину...

Нельзя сказать, чтобы иранистов не беспокоил прискорбный факт отсутствия в осет. языке и фольклоре такого важного слова. Но кое-какое утешение для них все же отыскалось. Читаем у В. И. Абаева: «Герой сказки попадает в дом людоеда в отсутствие последнего; жена людоеда прячет его; приходит домой людоед и, понюхав, говорит: «здесь пахнет (не ироном, как мы ожидали бы, а) «аллон-биллоном» (подобно тому, как в русских сказках он говорит: «Русским духом пахнет!»)».

Итак, слово было найдено; по мнению ученого, оно происходит от иран. «ариана» (ариец), через ступени «ал(и)ана – ал(л)ана – ал(л)ан – аллон». Но ни в каких источниках мы племен с такими «промежуточными» названиями не находим, в них упоминаются только *аланы*. Тогда указывают на гидроним *Алонта* у Птолемея (вроде бы обозначающий реку Терек), в котором, как пишет В. И. Абаев, «легко опознать наш термин, снабженный осетинским же показателем множ. числа». Следовательно, эту реку кто-то именовал «аланы»! Сколько же имелось «рек-аланов» на Кавказе и почему современные осетины называют эту реку, протекающую по их же территории, по-тюркски – *Терч* (от *терк* «быстрая»?).

«Аллон-биллон, очевидно, племенное название. Первая часть, *аллон*, представляет идеальное, по осетинским фонетическим законам, соответствие старому «ариана». Во второй части «биллон» можно видеть бессмысленную аллитерацию к первой» (Абаев, ОЯФ, 1949, с. 246). Нет, то, что это племенное название, вовсе не очевидно, как и происхождение этнонима «алан» от «ариана». Таким «идеальным» способом можно произвести что угодно от чего угодно. Вторая часть «племенного названия» не является «бессмысленной аллитерацией»: все осет. выражение в целом (*аллон-биллоны смаг!*), скорее всего, есть искаженный перевод кар.-балк. *Алан баланы ийиси!* «Запах аланского детеныша (отродья)!».

В кар.-балк. фольклоре все ясно и просто. В той же ситуации, когда герой эпоса или сказки прячется от людоеда, тот, войдя в дом, всегда говорит: *Ас бус (мус) ийис!* – «Запах асского духа!» (Или *Ас ийис, адам ийис!* – «Асский запах, человеческий запах!»). По народным представлениям, душа имеет семь ипостасей – *жан, кѣут, тин, ал, бус (мус), кѣл, ах*. Все они употребляются в двух значениях – «душа, дух». И нет здесь ни «бессмысленных аллитераций», ни таких же притянутых за уши «соответствий».

Вс. Ф. Миллер, анализируя сведения Моисея Хоренского, в частности, его рассказ о женитьбе армянского царя Арташеса на аланской принцессе Сатиник, пишет: «Для нас

особенно важно, что, в свидетельстве армянском, народ северный, действовавший в союзе с грузинами, называется не осами, а аланами; Сатиник называет себя девою аланов, и ее племя иногда называется детьми Аланов (манкунк Аланац». Вс. Ф. Миллер считает эти сведения важными, поскольку считает их доказательством тождественности оссов и аланов («Поэма об Алгузе», с. 108).

Но ни он, ни другие ирановеды не поставили вопрос: «Почему Моисей Хоренский иногда именует это племя «детьми Аланов?». Допустим, В. И. Абаев был прав и этноним *алан* когда-то действительно означал «ариец». Но как мы тогда должны понимать именование, которое есть в книге армянского историка: «дети арийцев»? Почему? Или в каких-то источниках все-таки упоминается племя, которое именовало себя «детьми арийцев»? Или Моисей Хоренский это выдумал? Но зачем?

Мы уже несколько раз говорили, что тюркское *алан* «пятнистый зверь» - замена табуированного *барс*, и что аланы - одно из названий болгарского племени *барсил* (*барсул*, *берсула*, *басил*). Тюркское *барс* улу, *барс* ул как раз и означает «сын барса (алана)», т. е. Моисей Хоренский просто дает немного неточный перевод тюркского этнонима - «дети Аланов», «дети барсов». Могло быть и по-другому, если оба этнонимы кем-то употреблялись вместе – *аланбарс* (откуда и встречающийся в письменных источниках этноним *аланорс*), или *барсалан*, понятное армянским историком как *барсбала* «дитя барса». Неслучайно и то, что иранисты пытались приписать барсильцев к «аланской ираноязычной этнической общности» (Кузнецов, 1984, с. 95).

Известный осет. языковед Т. А. Гуриев пишет: «Мы не можем пройти мимо имени **Алан**, которое в последнее время вошло в моду. Правда, автору этих строк известен случай негативного отношения к рассматриваемому имени. Жительница Пятигорска Ставропольского края Тита Кубатиева (урожденная Каражаева) была весьма недовольна тем, что внука нарекли именем **Алан**. Причину недовольства она объяснила так:

- Разве это имя? Я с детства запомнила, что балкарцы часто обращались к друг другу так: «Эй, алан!».

- А что это означает? – спросили мы.

- Я точно не знаю, но что-то вроде «Эй, друг!» или «Эй, человек!».

И какова же была реакция маститого ученого на слова этой достойной представительницы дигорского княжеского рода? «Подобные воспоминания сохранились лишь у части пожилых людей, что практически не влияет на распространение имени» (Гуриев, 1995, с. 9).

НЕПРАВИЛЬНЫЕ АСЫ

Никто не сомневается в том, что слово *ас* являлось вторым названием аланов (или названием большого аланского племени). Но: «...жителей Балкарского общества дигорцы называют до сих пор Асиаг» (Миллер, 1886, с. 234). Вс. Ф. Миллер ошибся: *ассиаг* – это название балкарцев в устах иронцев, дигорцы называют их *ассон*. Почему же так, если прямыми потомками асов-алан являются осетины? Читаем в работе В. И. Абаева «Скифский язык»: «*Ас* – «сарматское племя», «асы», «ясы», «осетины», ос. *Аси* (перенесено на балкарцев)» (Абаев, ОЯФ, с. 157).

Конечно, всякое бывало на белом свете. Например, пришли тюрки-болгары во главе с ханом Аспарухом во Фракию, создали там государство, потом растворились среди славян, но оставили им свое имя. Германцы истребили пруссов, но название области осталось – Пруссия. Такими «аналогиями» и объясняют все указанные выше нелепицы иранисты, как бы не ведая, что случай случаю рознь. Если бы все «аланы-иранцы» растворились среди настырных тюрков, оставив им свое имя – это одно дело. Но утверждается совершенно

другое – растворилась одна часть (на западе), а другая осталась (на востоке, осетины). И вот оставшаяся часть, сохранив свою речь и фольклор, почему-то отказалась от своих имен (*ас*, *алан*) и стала называть асами людей, которые говорят на другом языке и имеют иную культуру. (При этом иранисты не говорят о том, когда, по их мнению, осетины забыли «свои древние этнонимы» и стали именовать себя *ирон*, *дигор*, *куртаты*, *тагаур*, *туал* – до начала «тюркизации западных алан» или все же после?). Более того, осетины, неизвестно с какого времени, стали называть *Асией* не свою территорию, а Балкарию – *Ассиаг* (Асия), и Карачай – *Стур-Ассиаг* (Большая Асия). Попробуйте найти второй такой случай, когда здравствующий народ отдает свое древнее самоназвание другому, соседнему, как и название своей страны, а сам от них совершенно отказывается.

Из подобных объяснений, принадлежащих иранистам, вытекает и другой нелепый вывод: на запад от Осетии (на территории нынешних Балкарии и Карачая) никакого «кавказского субстрата» не было, тамошние «ираноязычные» аланы упрямо называли себя асами; но стоило им убежать от кипчаков на восток, как они тут же переименовали себя, оставив свой этноним ассимиляторам. Ни один из иранистов не ответил и на другие, такие же простые, вопросы. Например, как восточные «алано-иранцы» называли «свою» территорию? Если *Алистон* (от *ал* – форма собирательного множества от *аллон*, как *Иристон* от *ир* «осетины»), то мы нигде такого названия не встречаем, а если *Ассиаг*, то почему и оно было «перенесено» опять-таки на Балкарию и Карачай? Тогда, может быть, ее называли Иристон? Но и такого названия нет в документах – вплоть до конца XVIII в.

Кроме того, беглецы-кипчаки должны были хоть как-то именовать «ираноязычных алан», хорошо известных им еще до пришествия монголов, скажем, «алан», или «ас», или «горцами» – *таулу*, и сохранить одно из этих имен за осетинами; но балкарцы всех осетин именуют только *дюгерли*, карачаевцы отличают *дюгерли* от иронцев (*тегейли*; происхождение этнонима неясно), а «горцами» карачаево-балкарцы почему-то именуют только себя.

По мнению В. А. Кузнецова, в V-VI вв. аланы стали соседями гуннов-савиров, которые оттеснили их к горам, где они получили от сванов «название *савиар*, прикрепленное и к осетинам, а впоследствии, по вытеснении и ассимиляции алан тюрками на нынешней территории Балкарии и Карачая, перенесенное с осетин на тюркоязычных карачаевцев и балкарцев». «Как видно, здесь мы имеем дело с двойной этнонимической инверсией. Кстати, уместно заметить, что сходное явление мы наблюдаем и в перенесении этнонимов «алан» и «ас» на карачаевцев и балкарцев, употребляемого ими самими как обращение: «Эй, алан! Эй, аланы!» (Кузнецов, 1997, с. 178).

Мне совсем не хочется комментировать столь высокоумные объяснения, но приходится. Хорошо, пришли аланы-иранцы на Кавказ. Откуда же сваны узнали имя дальних савиров, чтобы наименовать только что пришедший народ таким гуннским этнонимом? Если же «савиар» не имеет отношения к гуннам, почему сваны не стали называть пришельцев просто аланами или асами? Или почему не перенесли на них название прежнего автохтонного населения – кобанцев (перенесли же мингрелы название алан на карачаевцев – если верить Абаеву)? Но нет, сваны якобы называли савиарами сначала дигорцев-скифов, пришедших на Кавказ раньше иронцев-алан, потом их тоже, потом всех осетин, а потом и карачаево-балкарцев. И этнонимы *алан* и *ас* на почему-то безымянных тюркоязычных предков балкарцев и карачаевцев были «перенесены» не какими-то далекими народами, а их соседями – мингрелами и осетинами.

Ни В. А. Кузнецов, ни другие иранисты не замечают, насколько потешна та картина этнонимической чехарды, которую они выдают за объяснение. Аланы-иранцы (и дигорцы, и иронцы) в Осетии дружно перенесли свой этноним *ас* на балкарцев, не желая знать самоназвание тех тюрков, которые якобы ассимилировали их соплеменников; этноним

алан они забыли, и перенесли на себя субстратные названия (ир, дигор, тагаур и др.); сваны, мингрелы и рачинцы перенесли на карачаево-балкарцев другие названия осетин – *савиар*, *алани*, *ос*, *овс*; сами карачаево-балкарцы имя своих предков-тюрков тоже забыли, как и имя соседей-осетин, которых и они, и вайнахи аланами называть не пожелали. Получается, что осетины, с помощью южных соседей, всеми силами пытались отделаться от скифо-сарматских этнонимов, стараясь навязать их карачаево-балкарцам.

Оставаясь на позициях «иранизма» дать вразумительное объяснение этим «парадоксам» было невозможно, приходится В. А. Кузнецову прятаться за лженаучным термином. «Данное явление, которое я называю этнонимической инверсией, применительно к балкарцам и карачаевцам уже получило разъяснение, но в настоящее время спекулятивно используется И. М. Мизиевым в его настойчивых попытках интерпретировать историю балкарцев и карачаевцев как историю алан. И. М. Мизиев при этом лукавит», и далее следует цитата из работы Г. А. Кокиева: «ибо сохранившееся у балкарцев слово «алан» вовсе нельзя истолковать как этническое название, это самая обыкновенная кличка (!? – М. Дж.), как наш «товарищ», «господин», «друг» или, наконец, «эй» (Кузнецов, 1997, с. 178). Но читатель уже видел, кто и как использовал обыкновенные факты, и в каком значении употребляется слово *алан* в речи карачаево-балкарцев. И если бы оно бытовало в речи осетин так же широко и в том же качестве, думаю, что господа иранисты никому бы и рта раскрыть не дали; это был бы их главнейший и важнейший козырь, не так ли? И. М. Мизиев приводил данные, которые могут кому-то нравиться или не нравиться; но какая тут спекуляция?

Обратимся к главному труду В. И. Абаева (ИЭСОЯ) и посмотрим, как он освещал этот вопрос позже. «*Асы/ Аси, Асси* «Балкария», «балкарцы»; ирон. *асиаг*, дигор. *аессон* «балкарец», «балкарский». Одно из самоназваний осетинского племени в прошлом, перенесенное впоследствии на новых насельников той же территории». «Происхождение самого термина *ас* неясно». Но как народ мог именовать себя этнонимом, значение которого ему самому непонятно? Или, если это даже так, то зачем он перенес это непонятное название на другой народ? Оно ему надоело?

Абаев, однако, продолжал уверять: «Известно, что территория позднейшей Балкарии была занята в прошлом (до XIII-XIV вв.) осетиноязычным населением. Принадлежавшее этому населению наименование *ас* удержалось и после того, как язык был тюркизован. Что *ас* не связано с позднейшим тюркоязычным населением Балкарии, подтверждается и тем, что в этнической номенклатуре самих балкарцев этот термин отсутствует». Следует добавить, что к словарной статье Абаев привел примечание из работы дореволюционного исследователя Л. Г. Лопатинского: «Абхазы называют весь Северный Кавказ *Ас*» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 1, с. 79).

Это все, конечно же, замечательно, по одному важному признаку – полному отсутствию логики и опоры на факты. У карачаево-балкарцев, как и у других тюрков, термин *ас* не отсутствует (Абаев имел в виду, что ни одно из их колен не именует себя *ас*). Если бы Балкария находилась за тридевять земель от Осетии, объяснения Абаева еще как-то можно было бы понять. Но они – рядом. И тогда возникает вопрос: если население «до-тюркской» Балкарии разговаривало на «дигорско-осетинском» (как много раз утверждали осетиноведы), то почему нынешних балкарцев именуют асами не только ближние дигорцы, но и дальние иронцы? А самое главное: почему иронцы именуют асами «отюроченных потомков западных дигорцев», а «чистых дигорцев», живущих с ними рядом – нет? И почему они не называют Дигорию Асией? Не потому ли, что их предки называли асами только тех соседей, которые говорили на тюркском?

В одной из своих работ А. Х. Магометов утверждал, что ираноязычные дигорцы якобы эмигрировали в нынешнюю Дигорию с запада (т. е. из нынешних Балкарии и Карачая),

спасаясь от тюркизации; тогда почему они не унесли с собой свое самоназвание (*ас*), чтобы перенести его на Дигорию? Или его у них уже не было? Но если так, почему они до сих пор именуют Балкарию и Карачай «Асией»? Или территория нынешней Осетии в Аланию-Асию не входила? И как эти дигорцы, находясь на западе, именовали область расселения иронцев? Почему балкарцы, в порядке обмена любезностями, не называют осетин асами или аланами? Или почему в их фольклоре нет ни одного упоминания о том, что до них на территории Балкарии и Карачая жил какой-то иноязычный народ - неужто составили заговор молчания, выполнявшийся неукоснительно? Извините, так не бывает и быть не может.

Но Абаев продолжал: «Под названием *ас* известен был в средние века тот же северокавказский народ, который обычно зовется аланами и с которым преемственно связаны современные осетины». Моисей Хоренский при перечислении народов Сарматии упоминает народы *Дигор* и *Ашдигор*; «последнее название составлено, очевидно, из *ас* и *дигор*». И, далее: «Х. Шёльд высказывает предположение, что асы и аланы составляют две ветви одного народа, асы – западную, а аланы – восточную». «Происхождение самого термина *ас* не ясно». Конечно, неясно – если искать объяснение на почве иранских языков. (Этноним *Ашдигор*, это, вероятно, тюрк. *аст-дюгер*, т. е. «нижние дигорцы»; ср. осетинское название одного из дигорских обществ – *Тапан Дигора* «Нижняя Дигора», от кар-балк. *табан* «пятя; подножие» или от *тёбен* «нижняя»).

В. И. Абаев приводит (со ссылкой на Вернадского и Якобсона) пример «древнего» употребления этнонима: «Название *Ас-тархан* (Астрахань) также включает, по-видимому, название *ас* и тюрк. *тархан* титул; речь шла, возможно, о ставке асского военачальника». Беда с этими тюрками, все испортили своим титулом. К тому же и первая часть – не-осетинская, и титул *тархан* здесь совершенно ни при чем. Нужна другая разбивка: тюрк. *астар-хан* - «хан асов». Или это изменение из *ас тургъан* «(место,) где жили асы»; ср. название узкого прохода между скалами в Баксанском ущелье – *Орус энген* «(Место,) где спустились русские».

«Биаслановыми осетины называли высшее сословие у своих западных соседей, балкарцев», - пишет В. И. Абаев, поясняя строку из народной песни – «идут тагаурцы, идут Биаслановы (в количестве) дважды двенадцати» (ИЭСОЯ, т. 3. с. 253). Родоначальник кар.-балк. князей по имени *Биаслан* неизвестен, поэтому мы думаем, что это *бий асла* «княжеские рода»; к окончанию второго слова в осет. яз. добавилось *н*, для сближения непонятного словосочетания с популярным на Кавказе тюрк. именем. Весьма красноречивы и примеры употребления термина *ас* в осет. фольклоре, в значении «Балкария, балкарцы, балкарский», которые приводит В. И. Абаев:

«*помолимся горам Аси, откуда идет лучшая порода тельцов*»;

«*Асланбег угнал табун балкарского* (в осет. тексте – *асского*. – М. Дж.) князя *Шавлоха Айдаболова*»;

«*донифарсцы и до Балкарии (Ассимае) доходят*» (ИЭСОЯ, с. 79-80).

И это еще не все. В. И. Абаев пишет: «*аецагаелон* «чужой», «чужак», «посторонний»; применяется только к человеку, народу или стране; по значению противопоставлено слову *хион* «свой»; в зависимости от того, что понимается под *хион* – семья, род, нация, страна, - *аецагаелон* может означать либо «чужой» в отношении семьи, либо в отношении рода, либо «чужой» в смысле «иноплеменник» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 1, с. 101). *Аецагаелон* означает «1) чуждый, враждебный; 2) чужой, посторонний, иноземный» (ОРС, с. 143); у В. И. Абаева (в РОС): «чужой – 1. (*не свой*) искаей, искаейон; 2. (*чуждый*) аецагаелон».

А теперь попробуйте вчитаться в объяснение Абаева и осмыслить его: «Сложение из *аецаег* + *аелон*, из *хатияка* + *ариана*, буквально «истинно чужой», «true-stranger». Для первой части см. *аецаег* «истинный». Не сохранившееся отдельно *аелон* закономерно

восходит к *ариана*, производному от арийского *ари*, *арья* «чужой»; ср. вед. *ари* «чужой». Но если вторая часть слова, *аелон*, с предполагаемым значением «чужой», не сохранилась, а другого слова с такой семантикой в осет. яз. нет, то почему надо думать, что она означает «чужой»? И почему это *аелон* так созвучно первой части фольклорного *аллон-биллон* (в которой В. И. Абаев видел имя алан), имея этнонимическое окончание *-он*?

И тут, в поисках удобоваримого ответа, начинается эквилибристика: ««Не исключено, что формант *-он* – позднейшее наращение и что старая форма была *аецаегаел* из *хатияка-ари*». Что оначала предположительно существовавшая форма *аецаегаел* и для чего понадобилось это предположительное «наращение», Абаев не сказал. «В сложении *аецаег-аелон* *аецаег* имеет усилительное значение, как **ав.** (естийское) *хайтъя-* в выражении *хайтие-дваешах* «истинный враг». И, далее: «Наряду с *аелон* из *ариана* (с кратким начальным *а*) имеем ос. *аллон* «алан», самоназвание осетин в сказках, из *ариана-«ариец», «арийский»* (Абаев, ИЭСОЯ, т. 1, с. 101).

Из одного этнонима Абаев удивительным образом производит *аллон* «алан» и *аецаегаелон* «чужой, враждебный, иноземный». Мы же выдвинем более простое объяснение. Аммиан Марцеллин (IV в.) пишет, что аланы «мало-помалу постоянными победами изнурили соседние народы и распространили на них название своей народности». Мы предполагаем, что аланы вовсе не стремились слиться с побежденными; победители, наверное, стали именовать себя, чтобы отличаться от других, «истинными аланами», по-кар.-балк. – *керти алан* (ед. число; мн. ч. – *керти аланла*), синонимично *хас алан* (ср. *хас къарачайлы* «истинный карачаевец»). Но веком позже у готского историка Иордана упоминаются именно *керти аланы*. Вполне вероятно, что аланы долго сохраняли это именование и на Кавказе. (Поскольку конечный согласный в *хас* легко может перейти в *т*, не отсюда ли самоназвание народа на Пиренеях – *каталан*?).

Ираноязычные предки осетин, придя в XVII в. на территорию современной Осетии из Ирана, застали здесь автохтонное тюркское население, точнее, его остатки, уцелевшие после эпидемии чумы – тагаурцев, туалыцев, куртатинцев, дигорцев. Из них наиболее крупный массив составляли последние (они иранизировались только в XIX в., см. ниже). Но в иранских языках (персидском и таджикском, например) *дигаран*, *дигари* означает «чужой»; вероятно, в этом значении иронцы и понимали название дигорцев. Но рядом с ними жили соплеменники дигорцев, карачаево-балкарцы, вероятно, еще именовавшие себя *керти алан* «истинные аланы». Иронцы перевели на свой язык первое слово – *аецаег* «истинный» и слегка изменили второе в *аелон*; при слитном произношении появилось слово *аецаегаеллон*, которое и стало означать «чужой, чужак, иноземный», а старое слово *дигари*, имевшее то же значение, было забыто, поскольку дигорцы иранизировались и стали частью осетинского народа.

БЕСПАМЯТНЫЕ СОСЕДИ

В трудах иранистов часто можно встретить утверждение, что в грузинских летописях алан-осетин называли *овс*, *ос*. Но, во-первых, ничто не указывает на то, что речь идет об осетинах (кстати, вождей овсов в летописях именуют по-тюркски – *ос-багатарами*); во-вторых, слово *овс*, *ос* в грузин. яз. ничего не означает – как и в осетинском. Как один народ может именовать соседей словом, ничего не означающим ни в его языке, ни в языке тех, кого он так именует и у которых его нет? На самом деле, как уже говорилось, грузинское *овс* – от древнего тюрк. названия Кубани *Коб-суу*, *Кёб-суу* «многоводная (река)», синонима *Къара-чай*, и означало «кубанцы».

Скифы и аланы были сильными, активными этносами, хорошо известными всем окружающим народам. Если осетины являются прямыми потомками скифов и алан, то

соседние народы должны были помнить их древние названия; но никто их ни аланами, ни асами не называет. Их бессменные соседи-чеченцы, как и андийцы, например, именуют их *хири*, *хири-ол*, балкарцы и карачаевцы – *дюгер*, *тегей*. Вс. Ф. Миллер, не имея на то никаких оснований (кроме неверно истолкованных топонимов), полагал, что «осетино-аланское» население сменилось на территории Балкарии «татарским» и что «вместе с местностью на татарское население перешло и название Аси, которое некогда принадлежало осетинам»; «... у сванетов до сих пор страна, ныне населенная татарами, еще называется Осетией» (Миллер, 1886, с. 234).

Список ничего не помнящих и не замечающих народов Кавказа все увеличивается: сваны, мингрелы, рачинцы, абхазы, адыгейцы, чеченцы, ингуши, аварцы. Да и сами осетины совершенно не заметили смену населения на западе и продолжали называть асами и аланами совсем не тех, кого им порекомендовала бы «мировая наука» (если бы, конечно, народ спросил у нее). Другой пример. Осетиноведы утверждают, что ираноязычные аланы, живя на территории нынешнего Карачая, контактировали с адыгами и что с тех пор в устах осетин сохранилось старинное именование кабардинцев – *каесаег* «касог». Почему же тогда кабардинцы именуют осетин не асами, не аланами, не дигорами, а просто *къуиха* «горцы» (как и соседних балкарцев) или *осетин къуиха* «осетинские горцы»?

«Грузинская география царевича Вахушти также помещает страну алан (Аланети) на запад от Сванетии и на север от Мингрелии (Бедии, т. е. в районе Клухорского района Грузии). Почему название алан прикрепились к этому району? Дело в том, что ущелья на запад от нынешней Осетии были вплоть до XIII-XIV столетия заселены осетинами-аланами». И далее: «То обстоятельство, что часть этой территории до последнего времени сохраняла у соседей наименование Алании, служит еще одним свидетельством в пользу алано-осетинского тождества. Как это часто бывает, название прежнего населения, осетинского, было перенесено соседями на новое» (Абаев, 1949, с. 47). Но неужели этноним был прибит к местности гвоздями? Или нынешняя Осетия не входила в состав Алании (Асии)? И если на территории Алании ныне живут, кроме карачаево-балкарцев, еще и другие народы, то почему и осетины, и их соседи друг друга именуют правильно, и лишь в одном случае все они допустили оплошность?

Две цитаты из работы другого осет. автора: «Асы, аланы, оставшиеся на своих исконных территориях в областях Балкарии и Карачая или возвратившиеся обратно из мест, населяемых осетинами, смешались с половцами и остались там, где теперь обитают чегемцы, хуламцы, бизенгейцы, балкарцы, черкесы-кабардинцы, но близкие соседи все же продолжают называть их осетинами» (Созаев, с. 45). Почему же эти близкие соседи не продолжают называть «осетинами» (автор подразумевает, очевидно – асами) самих осетин?

«Осетины называли балкарцев «асси», «ассиаг», т. е. человек из страны или области «Ассы». «Несомненно, термин «ас» указывает на близкое родство осетин, в особенности, дигорцев, с балкарцами и карачаевцами». «Так, например, в приводимом Б. Б. Ногмовым «Постановлении о сословиях в Кабарде», отдельно от балкарцев упоминаются урусбиевские осетины, безенги-осетины и даже карачаевцы-осетины. Аналогичные сведения почерпнул Ю. С. Гаглойти из официальной переписки офицеров российского генерального штаба в начале XIX в. о том, что «карачаевцы, урусбиевцы, чегемцы, безенгиевцы и балкарцы называют себя осетинами...» и что «все народы, живущие в Черных горах, называют себя осетинами» (Созаев, с. 45).

Приведем и другие конкретные сведения. В 1834 г. И. В. Шаховской, проехав из Мингрелии в Кабарду, пишет: «...урусбиевцы, чегемцы, малкарцы, хуламцы и безингиевцы называют себя осетинами и говорят одним языком с карачаевцами». Далее

он говорит, что они «принадлежат к разряду горских народов и называются осетинами, говорящими карачаевским языком», а затем еще раз повторяет, что это племена, **«называющие себя осетинами»** (выделено нами. – М. Дж.) и говорящие карачаевским языком». И. В. Шаховской замечает, что дигорцы, куртатинцы и др. говорят на осетинском языке, а не на карачаевском, как те, кого он именует «осетинами». Другой автор, В. В. Швецов, после краткого описания карачаевцев, сообщает (в 1842 г.): «За ними следуют, с левой стороны по протяжению цепи гор, ближайшие соседи урусбиевцы, потом баксанцы, чегемцы, болгарцы, хуламцы и дигорцы – племена ассов, бывшие христиане» (Балкария - страна гор и ущелий, т. I, с. 64, с. 67; с. 98).

О чем говорят эти данные? О том, что балкарцы и карачаевцы даже в начале XIX в. продолжали именовать себя асами, что и было записано русскими офицерами, как «осетины». Но К. Г. Созаев намекает, что наряду с тюрками в Балкарии и Карачае в это время проживали еще неассимилированные ими «асы-осетины», что весьма нелепо. Русский этноним «осетин» происходит от грузинского именованья Алании – *Овсети* (восходящего к одному из кар.-балк. назв. Кубани – *Коб-су* «многоводная»); если мы согласимся с толкованием К. Г. Созаева, получается, что карачаево-балкарцы именовали себя по-русско-грузински.

Почему же за народом, который именует себя *ир*, *ирон*, а свою страну *Иристон*, закрепилось название «осетины», а республику называли Осетия? Может быть, так их называли соседи за Кавказским хребтом? Разъяснение, причем ясное и конкретное, было дано давным-давно. «Относительно этнических терминов «овсский», «дигорский», «двальский», академик Н. Марр еще в 1917 году писал: «Термин «осский» (осетинский) у сванов означает не иронский язык, как мы это понимаем, иранского происхождения, а карачайский, относящийся к турецкой семье. Для иронского у сванов термин «дигорский». У лашхцев, во всяком случае, по объяснению О. Арсена, «сави-ар осы» или «осетины» означает и карачайцев-татар и других осетин», т. е. выходит так, что термин имеет территориальное значение, и все, кто проживает на обозначаемой территории, турки ли, карачайцы они или народ иранского племени – ироны (наши *ос-ы*, обычно осетины), у сванов, по крайней мере, лашхцев, они называются одинаково *савиар*-ами, т.е. *осами-осетинами»* (Дзидзигури, с. 15).

Казалось бы, это уже кое-что. Мол, сваны из Лашхети (в отличие от прочих соплеменников) называли всех северных соседей савиар-осами, не различая ни осетин, ни карачаево-балкарцев. На самом деле это, конечно, не так. Просто Н. Я. Марр не мог отрешиться от мысли, что иронцы и асы – один и тот же народ. Тем не менее далее он совсем похоронил надежду на то, что отыщется хоть один соседний этнос, который называет или называл иронцев (осетин) асами или аланами: «Кстати, по лично сделанному мне сообщению А. Г. Шанидзе, так обстоит дело и в гебском подговоре рачинского говора грузинского языка. Здесь *оси*, кстати, звучащее в гольском говоре иногда, как и в древнегрузинском, *овс-и* (ср. мингр. *офс-и*), означает обыкновенно карачайца, а *осури* - карачайский язык, что же касается переноса и распространения этого термина также и на иронов-осетин, т. е. употребления его вместо племенных названий *дигор-ел-и* «дигорец» и *двал-и* «двал», то в этом надо видеть плод влияния грузинского литературного языка или, точнее, грузинской речи интеллигенции» (Дзидзигури, с. 15).

Яснее не скажешь. Грузинские книжники позднего времени, сидя в Тбилиси, знали, что на севере жили и живут некие овсы, и, ничтоже сумняшеся, присвоили это имя иронцам (находившимся к Грузии гораздо ближе, чем карачаево-балкарцы), частично входившим в состав Грузии (Южная Осетия). Так и закрепилось в государственных документах. Непосредственные соседи (горцы-грузины), конечно, продолжали называть осетин *дигорели* и *двали*, а карачаево-балкарцев – *осами-овсами*, *савиарами*. Но кто обращал на

это внимание?

«Имя алан не исчезло полностью из памяти соседей. В языке мегрелов *алани* значит «герой», «храбрец», «молодец». У тех же мегрелов засвидетельствован обычай *алануроба*, заключающийся в особом спортивном состязании между двумя партиями молодых людей» (Абаев, ОЯФ, с. 45). «Большой интерес в этом отношении представляет тот факт, что мегрелы до последнего времени называли карачайцев *алани*». В другой работе Абаев приводит данные И. Кипшидзе: «...*алани* - алан; аланами мингрельцы называют карачайских татар (карачайцев), живущих на северном склоне главного Кавказского хребта, близ Эльбруса, у истоков р. Кубани; «*алани-кочи* - человек-алан, т. е. сильный, храбрый, молодец». И все это, по мнению В. И. Абаева, свидетельствует ни мало, ни много - о «контакте мегрелов с аланами (подразумевая под ними осетин. – М. Дж.) в какую-то историческую эпоху» (Абаев, с. 249)!

Если изложить все это простым человеческим языком, картина выглядит так. Когда-то от Терека до Кубани на всей горной и предгорной территории жили осетины-аланы и всюду звучала их речь. Соседи их очень уважали, особенно мингрелы, поэтому в их языке этноним *алан* стал означать «сильный, храбрый, молодец». Потом какие-то кипчаки убежали в горы, навсегда позабыв об оставшихся на равнине семьях и родственниках, срочно смешались там с аланами, заставили их позабыть свой язык, религию и фольклор, дали тюркские названия рекам и горам, а их потомки превратились в нынешних балкарцев и карачаевцев. Но соседи никаких перемен не заметили и продолжали называть их по-прежнему осами-овсами, а мингрелы - героями-храбрецами, удалыми молодцами (потомки-карачаевцы, видать, не подкачали).

Более того, карачаево-балкарцы стали обращаться друг к другу, нахально именуя себя асами, а при обращении - аланами. Зато те аланы, что жили восточнее, на Тереке (осетины), ни аланского языка, ни культуры не потеряли – только самоназвания. Но с их соседями (чеченцами, ингушами, горными грузинами, народами Дагестана) случилась какая-то беда, им начисто отшибло память. Жили рядом с аланами, которых никакие распроклятые тюрки ассимилировать не смогли, прекрасно их знали, – но вот же, как назло, звали и зовут осетин *двали*, *дигорели*, *хири*, *хириол* и т. д. Аланами или асами – нет.

Поразительно, что никто из осетиноведов не задумался и над другими фактами. Если карачаево-балкарцы – это результат смешения кипчаков с «ираноязычными аланами», то почему в их антропонимии нет осет. имен? Или хитрые беглецы-кипчаки вынесли постановление искоренить их? Зато у осетин, якобы прямых потомков скифо-алан, тюрк. имен – хоть пруд пруди (как прежде, так и теперь); подавляющее большинство зафиксированных в ранних документах имен, принадлежавших жителям Осетии, являются тюркскими (см. ниже). Огромно количество тюркских имен и в антропонимии других народов региона. Но «скифо-алано-осетинских» имен у народов Кавказа почему-то нет. Где же тысячелетнее влияние «североиранцев»?

А теперь подумайте над тем, что бы вы стали делать на нашем месте, зная об этих и многих других фактах - неужели продолжали бы возглашать осанну гипотезе, утверждающей иранство скифов, алан и прочих северных кочевников? Впрочем, есть читатели и специалисты, обладающие счастливой способностью забывать о вскрытых противоречиях и новых фактах сразу же после прочтения книги или статьи, и с пеной у рта утверждать то же самое, что они твердили до этого. Или, не читая, спросить у знакомого: «А что там написано?». «Что скифы и аланы – тюрки». «Ну, это полная чепуха! Весь мир знает, что скифы и аланы - иранцы».

В СВЕТЕ ИСТИНЫ

Поразительно, что иранисты сразу же стали видеть в своих кар.-балк. оппонентах врагов, причем исключительно злонамеренных, отвечая на их аргументы неслабыми обвинениями «в ненаучности» и «фальсификации». Конечно, если бы подобные выпады встречались в трудах историков-любителей, одержимых национальным тщеславием, можно было бы не обращать на них внимания, но, к сожалению, их допускали авторитетные представители именно академической науки. Очень коротко скажем о некоторых высказываниях трех выдающихся специалистов – источниковеда, археолога и этнографа.

В 1986 году в Нальчике вышла книга археолога И. М. Мизиева «Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа». Ее автор полагал, что скифо-сарматы представляли собой конгломерат различных племен, среди которых были и иранцы, и тюрки, т. е. занимал достаточно осторожную, компромиссную позицию. Однако встревоженные иранисты все равно обрушили на него залп рецензий. В числе специалистов, отзывавшихся на выход книги, был и Ю. С. Гаглойти, один из самых известных и компетентных источниковедов и историков Кавказа; его статья, опубликованная в «Известиях ЮО НИИ» (вып. XXXI, 1986), называлась «Действительность и домыслы» (24 страницы большого формата).

Казалось бы, следовало сначала разобраться, в чем прав и не прав Мизиев, и насколько серьезны указанные им противоречия и аргументы, а уже потом делать выводы. Но Ю. С. Гаглойти поступает по-иному, сразу же заявляя: «...ни одна из сформулированных автором задач не получила сколько-нибудь последовательного, логического и научно убедительного решения». При этом Гаглойти забывает, что Мизиев и не собирался давать такие решения, опять же цитируя его самого: «Правда, автор оговаривает во введении, что его работа «не является специальным исследованием одного отдельно взятого вопроса, а преследует цель – посмотреть с различных точек зрения на факты, прежде освещавшиеся только с одной стороны – индо-иранской позиции». Тогда о каких «сформулированных задачах» говорил Гаглойти, и зачем?

Еще и не приступив к рассмотрению аргументов автора, Гаглойти обрушил на него «сильные политические слова»: «голословные утверждения», «рассчитанные, видимо, на слишком доверчивого или соответствующим образом настроенного читателя»; «крайняя тенденциозность, граничащая с прямой подтасовкой и фальсификацией первоисточников»; «слабая источниковедческая база и игнорирование специальной литературы»; «гипотетические и чисто умозрительные построения»; «отсутствие элементарного такта, не говоря уже об уважении к культуре и истории братского осетинского народа»; «таковы, к сожалению, наиболее характерные черты рецензируемого исследования».

В чем выражались бестактность и неуважение И. М. Мизиева к истории и культуре осетин, Гаглойти не сказал, поскольку подобных выводов из книги карачаево-балкарского археолога сделать никак нельзя. По мнению рецензента, прегрешения И. М. Мизиева перед наукой были весьма велики: «легкость, если не сказать большего, с какой автор «решает» (? – М. Дж.) сложные вопросы этногенеза и этнической истории осетинского народа, не говоря уже о балкарцах и карачаевцах»; «объявление тюрками алан (овсов, ясов, асиев, асов)» и пр. Но десятком строк ниже Гаглойти пишет: «...во всей работе, претендующей (? – М. Дж.) на исследование этнической истории балкарцев, карачаевцев и осетин, фактически нет ни одного слова об этногенезе осетин, если не считать мимоходом брошенного замечания о том, что «аланы, конечно, жили в X в. на территории Осетии».

Зачем же было обвинять Мизиева в «легкости решений» вопросов этногенеза осетин, если в его книге эти решения отсутствовали? Где и в чем Ю. С. Гаглойти узрел

неуважение Мизиева к истории и культуре осетинского народа, понять и вовсе невозможно, поэтому можно думать, что за такое отношение археолога к работам некоторых осетиноведов и сарматологов, но разве они и народ – это одно и то же? (На наш взгляд, перевод разговора из плоскости науки в другие сферы является совершенно недопустимым приемом. Если держаться такой логики, мои критические замечания по поводу тех или иных положений, выдвинутых В. А. Кузнецовым, Тойнби и Францем Зауэром, свидетельствуют о моем неуважении к истории и культуре русского, английского и австрийского народов).

Автор этих строк, например, убежден, что если есть на Кавказе народ, очень благожелательно относящийся к осетинам, то это карачаево-балкарцы; и с чего бы их историкам быть среди них исключением? Помнится, в конце 80-х годов, участвуя в фольклорной экспедиции, я спросил девяностолетнего Мухаммада Непеева, жителя сел. Эльбрус (Баксанское ущелье), с какими народами роднились балкарцы. Он ответил: «Конечно, со всеми соседями-мусульманами. Очень близкие отношения были и со сванами, но девушек за них старались не выдавать». «Почему?». «Как почему? Ведь в Сванетии им пришлось бы есть свинину и ухаживать за свиньями. Кому захочется, чтобы его сестра или дочь занимались этим?». «А с дигорцами?». «Ну, это совсем другое дело! Дигорцы – это же наши люди, свои!».

Но список грехов карачаево-балкарского археолога все продолжался: «неуемное стремление тюркизировать все и вся», «потеря чувства меры и такта», неправильное мнение о том, что дигорцы были тюрками, «заведомые искажения», «подмена одних понятий другими», «прямая фальсификация».

Покойный археолог (*Аллах анга жаннет берсин*), имя которого иранисты сделали притчей во языцех (вплоть до изобретения термина «мизиевщина»), вовсе не стремился к полемике ради полемики. Все последние 19 лет своей недолгой жизни прикованный к инвалидной коляске, в контакте с коллегами из Москвы, Казани, Еревана, Тбилиси, он работал, не покладая рук. Пытался он наладить связи и с осетиноведами, и не его вина, что взаимодействия с ними у него не получилось. Хорошо помню, как однажды (кажется, в 1987 г.), услышав о том, что в г. Орджоникидзе (Владикавказе) состоится собрание ученых, посвященное обсуждению проблем этнической истории, И. М. Мизиев собрался поехать туда. Родные попытались отговорить его, но он не согласился: «Одно дело рецензии, а совсем другое – общение. Я хочу понять, чем вызвана такая реакция». Вечером он вернулся, хмурый и усталый. Оказалось, что услышав о его приезде, ни один из осетиноведов на заседание не пришел – в зале находились только студенты университета, с которыми он и беседовал в течении двух-трех часов. Вопрос, который он адресовал то ли мне, то ли самому себе, был совершенно детский: «Почему они не пришли?».

Свою обширную статью «Межнациональное согласие и современная историография Северного Кавказа» (журнал «Тарих», Махачкала, 1997, № 4) В. А. Кузнецов, крупнейший алановед СССР, ученый с мировой известностью, начинает с весьма спорного утверждения: «В специфических условиях Кавказа история стала полем идеологических битв, в которых несложно видеть столкновение национальных интересов». Можно подумать, что подобное происходило и происходит только в нашем «специфическом» регионе, население которого проводит бессонные ночи, запоем читая труды псевдоисториков, и заряжаясь нехорошими идеями. Хотелось бы узнать, когда и в каких странах не было идеологических битв, и не только на почве истории, но и литературы, искусства, философии. Но В. А. Кузнецов о них ничего не говорит, зато обвиняет кумыкских и карачаево-балкарских ученых, «у которых данная тенденция выражена весьма рельефно», в поиске великих предков. «Реконструируется огромная

тюркская общность на протяжении почти 5 тысяч лет, занимавшая гигантскую территорию от Алтая до Дуная и от Урала до Ирана».

Стало быть, если вы считаете, что на этой гигантской территории, начиная чуть ли не с эпохи неолита и вплоть до средневековья, жила огромная «североиранская общность», которая загадочно и необъяснимо исчезла во мгновение ока, вы - оплот науки и никто вас в паниранизме не обвинит; если же, приводя сотни аргументов, утверждаете, что это была территория расселения тюркских народов, многие из которых и ныне живут там же – вы фальсификатор, «озабоченный поиском великих предков», и других оснований для критики «североиранской теории» у вас нет и быть не может.

Сверхъестественная прозорливость нашего автора ясна и из другого его высказывания; кратко разоблачив И. М. Мизиева и К. Т. Лайпанова, он пишет: «Зато Мизиева и другого его соавтора Джуртубаева не устраивает принятая в науке концепция генетических связей карачаевцев и балкарцев с тюркоязычными кипчаками-половцами. Соавторы пишут: «Кипчаки, широко известные в южнорусских степях с XII в., на Северном Кавказе, особенно в его центральных районах, не зафиксированы ни письменными документами, ни археологическими памятниками. Это неправда и я не останавливаюсь на доказательствах (как и во всей статье.- М. Дж.) и потому, что специалисты это знают, и потому, что не нахожу нужным тратить на это время». Действительно, зачем что-то доказывать? Обвинил – и иди дальше.

Затем Кузнецов задает самому себе «мучительный социальный вопрос»: «Но зачем Мизиеву и Джуртубаеву надо так извращать историю?». Действительно, зачем? И проницательный автор без промедления отвечает: «Видимо, дело в том, что половцы появились в наших степях лишь в XI в., «слишком поздно» и потому непрестижны» (Кузнецов, 1997, с. 47; с. 117). Ни сам В. А. Кузнецов, ни его единомышленники извращением истории, конечно же, никогда не занимались, «поиском великих предков» – тем более. А почему? Потому что они хорошо понимают безнравственность подобного произвола, а вот Мизиев и Джуртубаев таких высот научной этики не достигли (чувствуете разницу?). Но на чем основано заключение Кузнецова, что половцы представлялись нам непрестижными и поздними, все равно непонятно, поскольку о «престижности» или «непрестижности» тех или иных этносов в работах Мизиева (как и в наших) нет ни слова, ни намека. А вот некоторые иранисты объяснили отсутствие «алано-иранизмов» в языках народов Кавказа именно тем, что аланы невовремя ослабели и перенимать их лексику стало «непрестижно». В. И. Абаев, пытаясь убедить читателей в том, что некоторые имена и термины проникли в осетинский эпос из монгольского эпоса и языка, даже придумал особую категорию – «престижный потенциал» (см. ниже). Так что Кузнецов валил с большой головы на здоровую. Насколько ему важнее было выдвинуть обвинение, чем вдумываться в неприятные для него факты, видно из простого примера. Книга, на которую он ссылается, состоит из двух отдельных очерков: «История карачаево-балкарского народа» И. М. Мизиева, и «Духовная культура карачаево-балкарского народа» М. Ч. Джуртубаева. Но В. А. Кузнецов этого даже не заметил и приписал воображаемые грехи Мизиева и мне.

В 2006 г. вышла книга В. А. Шнирельмана «Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке». Ее автор, один из крупнейших этнографов России, подверг анализу громадный объем разнородной и разновременной информации, сумев сказать очень много верного о перипетиях сложных судеб вайнахов, осетин, карачаево-балкарцев и адыгов в XX в. Но стоит ему перейти к этнической истории, как он превращается в социолога с «психологическим уклоном» и начинает говорить об ученых Северного Кавказа тоном всезнающего и всепонимающего дяденьки, урезонивающего распалившихся мальчишек. По мнению Шнирельмана, народы Северного Кавказа и их

элиты борются за место под солнцем, а историки, больные политикой, сочиняют для своих этносов престижные «этногенетические мифы», стремясь выработать на основе славной истории консолидирующую идеологию. Но все гораздо глубже и тоньше, чем представляется В. А. Шнирельману (а потому и неудивительно, что на некоторых страницах его книги растет развесистая клюква).

Названия частей монографии, посвященных анализу деятельности интеллектуалов отдельных республик и определяющих смысл этой деятельности, говорят сами за себя: «В поисках судьбы (осетины)»; «Преодоление судьбы (чеченцы и ингуши)»; «Передел судьбы (Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия)». В последнем случае вроде бы следовало писать «карачаево-балкарцы и кабардино-черкесы», а не названия республик, но, судя по всему, считая чеченцев и ингушей одним народом, карачаево-балкарцам и кабардино-черкесам Шнирельман в таком единстве отказывает (трудно сказать, почему). Более того, он говорит, что некоторые духовные лидеры «пытались конструировать (! – М. Дж.) единый карачаево-балкарский этнос», но «...идеологема «карачаево-балкарского народа», навязывавшаяся народу (какому, в таком случае? – М. Дж.) этническими лидерами, в конце 1990-х гг. еще не проникла в глубины этнического сознания» (Шнирельман, с. 467).

Крайне интересно, почему этот вопрос так заинтересовал выдающегося этнографа (он возвращается к нему несколько раз), и это, во-первых; а, во-вторых, непонятно, почему он считает балкарцев и карачаевцев разными народами (на тех же несуществующих основаниях двумя разными этносами нужно считать русских, живущих в Тульской и Липецкой областях). Думаю, что конструировать народы и переделывать судьбу под силу только Всевышнему. Или имеется в виду, что кар.-балк. ученые стремятся «переписать историю»? Но какую, если одну из глав своей книги, подразумевая карачаево-балкарцев, автор назвал примечательно (и очень точно) - «Лишенные родины и истории»? В этом-то и дело. Карачаево-балкарцев лишили не только родины, но и места во времени, причем задолго до выселения в Среднюю Азию и Казахстан.

В довольно длинном списке «передельщиков судьбы» Шнирельман упоминает и о нашей скромной персоне: «Последний с особой настойчивостью пишет о тюркоязычии скифов, сарматов и алан, якобы бывших основными предками балкарцев и карачаевцев». Чем, по его мнению, вызвана эта особая настойчивость, этнограф не сказал (подозреваю, что ничем хорошим), как и о том, чем его не устраивают приведенные мной факты. Говоря о том, что Джуртубаев видит в скифах тюркоязычный народ, Шнирельман добавляет: «Кроме того, он считает балкарцев и карачаевцев единым народом, искусственно расчлененным после Кавказской войны XIX в.» (Шнирельман, с. 501). Вот до чего можно докатиться! (Впрочем, чего ждать от человека, который не верит ни Миллеру, ни Абаеву, ни даже дарвинистам?).

В ряду причин, побуждающих людей заниматься древней историей, любознательность или стремление приблизиться к пониманию прошлого для В. В. Шнирельмана отсутствуют, есть только политика и национальное тщеславие: «...настоятельные попытки балкарцев связать себя с аланами преследуют две цели: доказать древность своего обитания на Северном Кавказе и свой статус в качестве коренного народа, а также подчеркнуть наличие у своих предков древней традиции государственности» (Шнирельман, с. 521). Интересно, что мы должны были делать с сотнями аргументов и фактов, свидетельствующими о происхождении карачаево-балкарцев именно от скифо-алан? Не считать их таковыми? Или притворяться, что мы о них не знаем?

Карачаево-балкарские ученые, доказывающие, что скифо-сармато-аланы были тюркоязычными народами, заранее неправы во всем и всегда – такова позиция иранистов; ни один из них ни разу не признал правоту своих оппонентов в решении хотя бы

одного, самого пустякового вопроса, чаще всего упоминая их работы мимоходом, в качестве примеров антинаучного подхода к проблемам этногенеза. Всю вторую половину XX в., осетиноведы трудились, как Ферхад, и выпустили немалое количество книг и статей, но не пытались выяснить при этом, насколько полно отражаются история, быт и среда обитания скифо-сарматских племен в осетинском языке, фольклоре и религии. Смею думать, что если бы такая работа была ими проделана, они вряд ли стали бы титуловать своих оппонентов «фальсификаторами».

ГЛАВА VIII. ИСТОРИЯ В СЛОВЕ

ЯЗЫК И ИСТОРИЯ

Можно интерпретировать сообщения древних авторов в свою пользу, можно умалчивать о неудобных фактах или ссылаться на мнения авторитетов, выдавая их за факты и пр. Но есть самые важные и честные (пусть и беззащитные) свидетельства истории этноса - его язык и фольклор. Именно в них полнее и точнее всего отражаются образ жизни его предков, природа, среди которой они жили веками, ее флора и фауна, отношения с теми или иными соседями, и многое другое. Если, например, какой-то народ испокон веку обитал в тундре и занимался охотой и рыболовством, то у него и не может быть, скажем, ни своих земледельческих терминов, ни своих названий южных растений и животных. Если он никогда не занимался мореплаванием - у него не будет соответствующей терминологии, а если и есть, то заимствованная. Не ходил он походами в дальние края, не воевал с ближними и дальними соседями - не будет у него героического эпоса. И т. д.

Что же говорил об этом патриарх иранской филологии В. И. Абаев? «...язык народа это его исторический опыт, обобщенный и зафиксированный в словах-понятиях и грамматических категориях». «Нет такой стороны, такого закоулка бытия человека, который так или иначе не запечатлелся бы в его речи» (Абаев, ОЯФ, с. 9). Справедливо. Если скифы и аланы, согласно историческим сведениям, жили в северных степях, являлись народами скотоводческими (в первую очередь - коневодческими) и земледельческими, занимались металлургией, создавали государства, имели царей, чеканили монету, пользовались письмом, участвовали во множестве войн и сражений, контактировали со многими высокоцивилизованными народами, то, конечно же, у их потомков мы найдем соответствующую лексику, причем богатую.

«Для нации, не имевшей до XIX в. развитой письменности (а неразвитой? - М. Дж.) и письменной исторической традиции, это значит слишком много. Можно сказать без преувеличения, все, что мы знаем в настоящее время о происхождении осетин и об их древнейшей истории, основано на 9/10 на данных языка» (Абаев, ОЯФ, с. 11). Последнее утверждение великого ирановеда абсолютно не соответствует действительности; осмелюсь доложить, что анализ данных языка приводит совершенно не к тем заключениям по поводу происхождения и истории осетин, к которым пришли иранисты, умалчивая обо всем, что не подтверждало «скифо-иранскую теорию». И опирались они не на объективные свидетельства языка и фольклора, а на произвольные интерпретации археологических находок, сведений из исторических источников, фольклорных текстов, и на мнения людей, плохо знавших Кавказ.

«Выдающийся немецкий ученый Яков Гримм в свое время писал, что «язык - это также наша история». Слова немецкого филолога полны глубокого смысла и приглашают к поиску каждого, кто интересуется историей народа, истоками его культуры. Ведь в языке закрепляется и сохраняется коллективный опыт его носителей в течение

тысячелетий» (Гуриев, 1995, с. 2). Осетиноведам, надо полагать, мудрые слова Гримма были известны давным-давно. Но, отвечая перед своим народом за создание его правдивой истории, выявлением ее следов в языке они почему-то не занимаются. Или, может быть, занимаются, но результаты своих исследований почему-то не публикуют и пришлось, в меру сил, этот пробел восполнять нам.

Но когда мы приступили к работе, возникло непредвиденное затруднение. В предисловии к РОС (М., 1970) его составитель (В. И. Абаев) пишет: «При своем значительном богатстве осетинский язык не имел тем не менее многих слов, связанных с современной наукой, культурой и общественностью. Эти слова приходилось создавать заново или усваивать из русского языка или из международного лексического фонда через русский язык. Этим именно и занимались работавшие в течение ряда лет в Северной и Южной Осетии терминологические комиссии. Результаты работы этих комиссий нашли отражение в нашем словаре. Мы не считали нужным выделять эти неологизмы особым знаком, так как многие из них настолько вошли в обиход, что неотличимы уже от старой лексики» (выд. нами. – М. Дж.).

Крайне странное для признанного мэтра кавказоведения заявление. Если бы годы работы этих комиссий были указаны и неологизмы отмечены, можно было узнать, какие недостающие слова созданы современными языкотворцами и сколько времени понадобилось, чтобы многие из этих неологизмов «стали неотличимы от старой лексики». Словарями пользуются не только рядовые читатели, но и специалисты, в том числе иноязычные. Как же они смогут отличить традиционную лексику от неологизмов? Возьмут они несколько терминов, подвергнут их анализу, сделают многозначительные выводы – а потом выяснится, что они придуманы совсем недавно!

Кстати говоря, в работах самих осет. языковедов я таких примечаний тоже не встречал (что недопустимо ни с какой точки зрения). Тогда повисает в воздухе сообщение составителя о том, что он поместил в словаре не только иронскую лексику, но и дигорскую: «При этом мы имели в виду интересы тех, кто будет пользоваться нашим словарем в научно-лингвистических целях». К тому же В. И. Абаев явно поскромничал, заявив, что терминологические комиссии ограничились только созданием слов, «связанных с современной наукой, культурой и общественностью»; круг их (и особенно самого Абаева) словотворческой деятельности был гораздо шире. Поэтому нам было бы лучше, да и легче опираться на первое издание РОС (1950 г.), в котором неологизмов, изобретенных к 1970 г., еще не было. Но мы не стали этого делать: тем удивительнее для иранистов окажутся результаты, к которым они могли прийти сами, причем давным-давно.

Составителем русско-осетинского словаря (РОС) был В. И. Абаев, составителями осетинско-русского (ОРС) – Б. Б. Бигулаев, К. Е. Гагкаев, Н. Х. Кулаев, О. Н. Туаева. В РОС – 25 000 слов, в ОРС – 28 000 (в издании 1952 года – 20 000). Принадлежность тех или иных терминов языку того или иного этноса дается, в подавляющем большинстве случаев, по «Историко-этимологическому словарю осетинского языка» В. И. Абаева (ИЭСОЯ), в 4-х томах; первый том вышел в 1958-м году, четвертый – в 1989-м. (Сочетание *ae* передает своеобразный звук осетинской речи, отсутствующий в русском).

ЛАНДШАФТ

С первых же страниц своей знаменитой книги (ОЯФ, 1949 г.), В. И. Абаев использует материалы осет. яз. для обоснования точки зрения о давнем приходе ираноязычных предков осетин на Кавказ с севера, упреждая появление гипотезы об их приходе с юга, где и расселена вся масса иранских народов. Отмечая, что осетинский язык относится к

группе, куда входят согдийский и ягнобский, хорезмийский, сакский, языки Припамирья и афганский, В. И. Абаев пишет: «Язык не мог свалиться с неба. Его должны были принести люди, живые люди, носители иранской речи. Это иранское племя должно было передвинуться на Северный Кавказ из Средней Азии, предполагаемой родины иранских народов» (Абаев, ОЯФ, с. 14; с. 31). Должно было? Почему? Кто обязал бы это предполагаемое иранское племя непременно двигаться на Северный Кавказ? Почему бы ему не сидеть на месте, в привычных условиях? Или двинуться на юг или на восток? И кто определил навечно, что прародиной иранских народов является Средняя Азия?

«Из Средней Азии, где большинство исследователей помещают родину иранских народов, на Кавказ ведут два пути: южный, через нынешний Иран, и северный, между Уралом и Каспийским морем. Каким из этих двух путей шли на Кавказ предки осетин? С первого взгляда южный путь, как более короткий, кажется более вероятным. Границы Ирана здесь вплотную подходят к Закавказью, тогда как на севере не видно никаких посредствующих ираноязычных звеньев. Однако именно северный путь, по первому взгляду менее вероятный, был действительным путем движения «праосетин» на Кавказ. Свидетельства языка не оставляют в этом никакого сомнения» (Абаев, ОЯФ, с. 31-32).

Мы не знаем, что В. И. Абаев подразумевал под «свидетельствами языка», потому что данные словарей приводят к иному выводу. Выясняется, скажем, что прожив в степях Восточной Европы и Причерноморье не менее 1000 лет, «скифо-алано-осетины» не озаботились тем, чтобы в их языке имелись названия для многих и многих деталей ландшафта этой северной зоны. Например, о термине «море». Пришлось подождать прихода тюрков из Центральной Азии и занять у них слово *тенгиз*, несколько искажив в *денджыз* (правда, приводят якобы позабытое слово *фурд*, *форд* «большая река; море», но не знают, чье оно; см. в ИЭСОЯ). И это еще не все. У «пришельцев из Центральной Азии», где никаких морей нет, заимствовали это слово не только «североиранцы», но и другие народы, о чем без всякого историко-этимологического энтузиазма и не давая никаких комментариев, кратко сообщает В. И. Абаев: «Из тюрк. *денгиз*, *дениз* «море»; ср. монг. *тангез*, венг. *тенгез*, каб. *тенджиз* «море» (ИЭСОЯ, т. 1, с. 362).

Почему же венгры и кабардинцы переняли термин именно у тюрков, а не у североиранцев, много веков проживших как раз у Черного и Каспийского морей задолго до всяких там гуннов и хазар? Каким образом это же тюрк. слово появилось у монголов, если и они, и тюрки обитали, как говорит «мировая наука», в одном и том же регионе, весьма удаленном от моря? Или тюрки (еще до нашей эры) съездили на Каспий (или к Японскому морю), придумали термин, вернулись и поделились им с предками монголов?

Все производные в осет. яз. – опять же от тюрк. *денджыз*, а не от «своего» *фурд*, за одним исключением: в ОРС написано «*фурдаг* – морской». Но это слово В. И. Абаеву почему-то неизвестно, в его РОС «морской – *денджызы*, *денджызон*». В обоих словарях есть *сакъадах* «остров», явно от тюрк. *сакадакъ*, *садах* – «лук» (т. е. в осет. яз. слово означало «излучина»). Но Абаеву, который добавляет и другие значения («рукав реки; проток; часть земли, обтекаемая рукавами реки»), такое простое объяснение не нравилось, поэтому он пишет: «По всей видимости, заимствовано из венг. в период алано-венгерских контактов в Южной России и на Северном Кавказе. Ср. венг. *сакадек* «овраг», производное от *сакад*, в числе значений которого есть также «литься», «вливаться», «впадать», «раздваиваться» (ИЭСОЯ, т. 3, с. 25). То, что в венг. яз. это слово попало из тюрк., ирановед не учел; ср., например, кар.-балк. *сакъ* «проливной» (дождь), *саркъ* «литься, стекать» и т. п.

Два названия лодки (и челнока) потомки скифов почему-то опять взяли у чабанов-тюрков и одно из совр. русск. (*балагъ*, *чема*, *лодка*). Причем второе слово означает в тюрк. яз. «корабль» (кар.-балк. *кеме*). Народы Кавказа, живущие (или жившие) в

отдалении от моря, должны были занять название плавсредства у «североиранцев», жителей побережья. Но они опять заняли термин *кеме* «корабль, судно» у тюрков, жителей пустынь Азии (наверное, назло науке): «Усвоено и в другие языки Кавказа: груз. *геми*, дарг. *гами*, лезг. *гими*, чеч. *кема*, инг. *киема* (Абаев, ИЭСОЯ, т. 1, с. 593). Плот, по Абаеву, в осет. яз. называется *тыуи*; но четыре составителя ОРС этого слова почему-то не знают. И даже слово *ленк* «плавание, плавать, плыть» потомки причерноморских скифов почему-то заимствовали у горцев Дагестана, в языках которых *лин*, *лен*, *лани* означает «вода» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 2, с. 42).

В ОРС написано: «*наувиийаг* – весло» (*нау* «корабль»); есть и другой термин – «*баелагдаераен фийиаег* – весло». Но В. И. Абаеву (РОС) эти слова почему-то неизвестны, в его РОС «весло – *донвиийаг*»; разумеется, в ОРС такого слова нет. У Абаева (в РОС) «моряк – *наудзог*», но в ОРС такого слова тоже нет. У Абаева *паелаез* означает «плащ», «парус – *наупаелаез*» (т. е. «плащ корабля»?), но в ОРС встречаем иное: «*паелаез* – 1. накидка, плащ; мантия; 2. парус», и «*науы каеттаг* – парус» (т. е. «корабельный холст»). У Абаева «мачта – *наухыл*, *мачтае*», но в ОРС первого термина нет, а есть «*наухъаед* – мачта». В РОС написано, что «гавань» и «пристань» – *науалаууаен*, но в ОРС такого термина нет.

«Ираноязычные предки осетин – сарматские племена – были степняками. Поэтому специфические термины горного ландшафта, горной флоры и фауны в осетинском преимущественно кавказского происхождения» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 3, с. 193). Говорится так, словно в осет. яз. этих самых терминов степного ландшафта, флоры и фауны – видимо-невидимо; но даже самые негибкие специалисты давным-давно могли убедиться, что это далеко от действительного положения дел. «*Быдыр* / *будур* «равнина», «степь». – «Вероятно, к тюрк. (кирг.) *будур* «холмистая местность». Смещение значения («холмистая местность» – «равнина») явилось, как можно думать, результатом соотнесения к *хох* «гора», «горы»: в противопоставлении высоким горам слегка волнистая или холмистая местность называлась «равниной» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 1, с. 276). Все производные – также от тюркизма *быдыр*, означающего, согласно ОРС, «плоскость; поле, степь, равнина». Через 12 лет Абаев вписал в РОС, кроме *быдыр*, еще и *тыгъдбыдыр*; но в ОРС этого синонима нет. Что же означает, в таком случае, явный неологизм Абаева, если «*тыгъд* – 1) протянутый; 2) натянутый, растянутый; 3) открытый?»

В. И. Абаев бывал чрезвычайно красноречив, когда представлялась малейшая возможность указать на иранское происхождение какого-либо мало-мальски интересного термина, его наличие в каком-то из соседних языков и пр.; этот термин сразу же характеризовался как «важный», тут же привлекались античные источники и эпиграфика, в которых имелось имя, якобы содержащее это слово, и т. п. Но в тех случаях, когда он, причем на каждом шагу, натывался на грубые факты, ярко и явно противоречившие гипотезе иранства скифо-сармат и происхождению осетин от алан, его красноречие сразу же куда-то испарялось. Вот и здесь, вместо того, чтобы объяснить, почему в языке потомков древних степняков Северного Причерноморья нет своего слова, означающего, «степь», он говорит о том, почему тюрк. слово в значении «холмистая местность» приобрело в осет. яз. иную семантику. Не кажется ли вам, что один этот факт – полное отсутствие в осет. яз. своих слов, означающих «степь; плоскость; поле; равнина» и «море», как и присутствие тюрк. терминов, должны были подсказать В. И. Абаеву, что ни о каком скифо-сарматском происхождении осетин не может быть и речи? (Все-таки отважные люди эти иранисты: считать наследником скифо-сарматских наречий язык, в котором нет своего слова, означающего «степь» – это все равно, что язык эскимосов, в котором наверняка нет термина, означающего «джунгли», объявить произошедшим от языка жителей Мадагаскара).

В степях без колодцев не обойтись; имеются колодцы и во многих предгорных селениях. Во всяком случае, у скифов и алан они наверняка были, как и в их языке имелось бы слово «колодец». Но что пишет об этом Абаев (в ИЭСОЯ)? Иранское *чата* «колодец» сохранилось в осетинском «со значением «озеро»: *цад*» (ИЭСОЯ, т. 1, с. 329). «Колодец – *цъай*», *цъаей* – «сукровица» (но «кровь» – *туг*); и это наводит на мысль, что это опять же тюрк. *чай*, *цай*, *сай* «вода, река; мель». Нет в осет. яз. и названия колодезного журавля. У Абаева (РОС) «солончак – *цъаехбын заех*» (т. е. «соленая почва»), но составители ОРС этого слова не знали: *цаехдзыд: цаехдзыд маертае* – солончаки».

Термины высокогорной зоны, означающие «глетчер, лавина, сланец, плитняк», по Абаеву, – кавказского происхождения. Как и ос. *дур*, *дор* «камень» родственно чечен. *тульг* «камень». Последнее утверждение представляется ошибочным. Слово *дор* присутствует во многих кар.-балк. терминах: *дорбун* «пещера», букв. «каменная глотка», вторая часть – из *богъун* «шея» (иранисты несуразно объясняют *дорбун* с осет., в значении «каменный пол», словно дно пещеры выкладывали брусчаткой), *дормусхул* «праща» (*мусхул*, *бусхул* «обрывок ткани, кожи»; *буз* – «рвать, портить, разрушать»), *доркъун* «сильный, крепкий», *дуркъу* «загон с оградой из камня», *тур*, *туру* «межевой камень; памятный камень; ось» и др. Скорее всего, это древняя форма общетюрк. *таш*, *даш*, *таз*, *тас* «камень»; изменилось это слово по линии *дар(дор)* – *тар* – *таз* – *тас* – *таш*.

В РОС «кварц – *дзаенхъаедур*», названия шпата нет, «хрусталь – *хрусталь*», «горный хрусталь – *дзаенхъа*», «гранит – *гранит*». Но в ОРС «*дзаенхъа* – кварц, горный хрусталь, шпат, гранит». В РОС «плоскогорье – *тъаепаенхох*», но в ОРС такого термина нет.

Говоря о заимствовании слова *зая*, *зай* «лавина» из сванского, Абаев повторяет, как заклинание: «Предки осетин (аланы, сарматы) были в прошлом степняками (но не знали, как назвать свою среду обитания. – М. Дж.). Естественно, что у них не могло быть своих, унаследованных терминов для явлений специфически горской природы, как «лавина», «глетчер» и т. п. С этими явлениями они познакомились на Кавказе и названия для них восприняли от своих кавказских соседей» (ИЭСОЯ, т. 4, с. 293). Анализ лексики осет. яз. (несмотря на все достижения терминологических комиссий) приводит к другому выводу: осетины-иронцы появились в горах Кавказа совсем недавно и еще не успели осмотреться. Какой же ландшафт был для ираноязычных предков осетин своим, родным? Ответа на этот вопрос у нас нет. Потому что мы не находим в осет. яз. множества морских, степных и горных терминов, а все разделы лексики напичканы десятками и сотнями заимствований – но не из неведомого «субстратно-кавказского языка», а из тюркского, грузинского, арабского.

Вот ближайший пример. «*Заег* «дождь», в отличие от снега и града. – Из тюрк. *йаг* «дождь». В осетинском отложился любопытный (отсутствует у Рясенена) вариант *заг* – контаминация двух закономерных форм *йаг* и *зау* как результат двух закономерных схождений» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 4, с. 292). Какая была необходимость «пра-осетинам» занимать тюрк. слово, означающее «дождь» – разве это природное явление относится к числу «специфически горных»? Никакой контаминации двух тюрк. слов в этом термине нет; кар.-балк. *жау*, *зау* – «дождить, литься, сыпаться», из *жакъ*, *закъ*, откуда и *жауун*, *зауун*, *джангур* (древняя форма – *жагун*, *загун*) – «дождь».

Согласно РОС, «пороша – *гаебына*, *саелфынаег*», но составители РОС с этим категорически несогласны, и пишут: «*наемыгмит* – пороша», а указанные Абаевым термины у них означают «небольшой снег, снежок» и «мелкий дождь, изморось». Еще более странно другое. В. И. Абаев в РОС указывает «молния – *арвырттывд*», но составители ОРС опять упорствуют: «*арвы ферттывд* – молния».

В ОРС читаем: «*кул* – лужа, пруд; болото». По Абаеву, осет. *кул* – из тюрк. *кёль* «озеро; рукав реки» (ИЭСОЯ, т. 1, с. 602). Северный Кавказ – регион, изобилующий

минеральными источниками, и если «алано-осетины» присутствуют здесь с незапамятных времен, в их языке должно иметься название этих источников. Но в РОС написано: «источник («родник», а также «ключ» - М. Дж.) – *суадон*; «минеральный источник – *суар*». Смотрим в ОРС: «*суар* – 1) минеральный источник; минеральная вода, нарзан; 2) рассол». Все это очень хорошо, но почему оба слова начинаются общеизвестным тюрк. *су*, *суу* «вода»? Что говорил по этому поводу В. И. Абаев?

«Вс. Миллер полагал, что *суадон* = *сау-дон* «черная вода». Такой анализ как будто подтверждается сочетанием *сау суадаеттае* «черные родники», которое встречается у классика осетинской прозы Сека, а также тюрк. *къара су* «родник», букв. «черная вода». Тем не менее от такого толкования приходится отказаться. Слово *сау* «черный» участвует в качестве первого компонента во множестве сложных слов – и ни в одном не принимает форму *суа* в иронском и *сауае* в дигорском» (но кар.-балк. *таулу* «горец» сохранилось в осет. в форме *туал*, названии одного из колен осетин. – М. Дж.). «К тому же *суадон/сауаедон* нельзя отделять от *суар/сауаер* «минеральный источник», где уж никак нельзя распознать *сау* «черный».

Успешно отделив анализируемый термин от опасного *сау* «черный» и тюрк. *къара суу*, В. И. Абаев легко находит его происхождение: «Мы рассматриваем *суадон/сауаедон* как скифо-европейскую изоглоссу и возводим закономерно к *срава-дану* (*страуа-дану*) «текущая вода» (*ср* и *стр* одинаково дают ос. *s*) индоевропейского *среу* «течь» с сохранением ареального европейского *s* (=иран. *h*)». Далее он приводит ряд слов из индоевроп. яз. (от древнеинд. до немецк.), в том числе и русск. *струя*, начинающихся на *ср*, *стр* (ИЭСОЯ, т. 3, с. 177).

Заметим, Абаев не привел примеров превращения *SR* и *STR* в осет. *S*. Может быть, сочетания этих гласных в начале слова нехарактерны для осет. языка? Но в ОРС заимствованных слов, начинающихся с *CP*, не менее тридцати; сочетание *СТР*, правда, нехарактерно для начального слога, но в заимствованных терминах (страус, стрелка и пр.) оно, судя по словарю, сохраняется. Поэтому поверить в то, что индоевроп. *среу* «течь» или иран. *срава* «текущая» превратилось в осет. яз. в весьма далекое от них *су*, мы не можем. Кроме того, слово *дон*, в осет. «вода; река», иранским не является (см. выше); и «текущими» нужно считать воды не только родников, но и рек, и ручьев. Интересно и то, что сообщает Абаев далее о слове *суар*: «1. «минеральный источник», «минеральная вода»; 2. (в некоторых говорах) «рассол», например, для хранения сыра)». – «Этимологически неотделимо от *суадон/сауаедон(ае)* «родник» (в дигорском *сауаер* может называться не только минеральный, но и пресный источник)». «Значение «рассол» = «непресная вода» (ИЭСОЯ, т. 3, с. 179).

Вопреки мнению Абаева, осет. *суадон* является калькой кар.-балк. *къара суу* «родник», букв. «черная вода», синон. кар.-балк. *шаудан* «родник» (букв. «черная речка»). Почему же появилось такое странное именование родника? В. И. Абаев находит объяснение, возможно, и поэтичное, но неверное: «Поводом к такому наименованию послужило, видимо, то, что сквозь прозрачную воду видно темное дно и родник на более светлом окружающем фоне кажется черной лентой» (ИЭСОЯ, т. 3, с. 177).

Вода бывает прозрачной не только в родниках, но и в реках; в озерах вода еще темнее, но почему-то их не называют «черной водой». Кроме того, воды родников, текущих по земле, издали вообще не видны, а те, что стекают со скал, кажутся не черными лентами, а серебристыми. Причина такого именования в том, что кар.-балк. *къара суу* и *шаудан* означают «черная (простая, пресная) вода», в отличие от *гара суу* и *нарзан* «минеральная вода». Кар.-балк. *шаудан* превратилось в осет. в *суадон* «родник» (как *таулу* в *туал*), а *суар* «минеральный источник» есть другое заимствование из кар.-балк., с перестановкой слогов – *гара-су* – *сугар* – *суар*. (Если нужен такой же пример, то и он под рукой: кар.-

балк. *киштик* «кошка» превратилось в осет. *тикис* «кошка», о чем пишет сам В. И. Абаев). Почему более древние обитатели Кавказа заняли эти слова у «поздних пришельцев», пусть объяснят господа иранисты.

Далее опять начинаются разногласия. Согласно словарям, *суар* в осет. означает еще и «рассол». В РОС «рассол – *цаехдон, суар*», но «тюря» почему-то тоже *цаехдон*. В ОРС, однако, *цаехдон* означает только «рассол». Не все ясно и с другими терминами. Например, в РОС у Абаева написано: «ручей – *къада, маесчъыдон*», но в ОРС о первом сказано: «*къада (куырой)* – небольшая водяная мельница», «*къада дон* – ручей», т. е. *къада* означает «небольшая», а не «ручей», а второго термина нет вообще. Абаев вписывает в РОС: «порог (реки) – *донкъаесаер*», но в ОРС такого слова нет.

(Общеизвестное слово *нарзан*, которое неосновательно производят от кабард. поэтизма *нарт санэ* «нартское вино» или от санскрит. *арсан* «минеральная вода», на самом деле является карачаево-балкаризмом: от *наршан, нарсан* (варианты – *наршан, наршау, маршан, баршан*) «металл (чаще о черном), металлический». Поскольку в минеральной воде много железа, оно и называлось *нарсан суу* «металлическая вода», *нарзан суу* (из-за привкуса железа). Присутствие в термине *нар* «солнце» вызвало появление мифа о том, что металлы некогда изрыгнуло на землю разгневанное солнце (точнее, божество *Къайнар, Хайнар*); сказание, в котором говорится об этом, является одним из зачинов карачаево-балкарского нартского эпоса.

ФЛОРА

Другим свидетельством того, каким путем пути предки осетин пришли на Кавказ, В. И. Абаев считал северный характер флоры и фауны, якобы представленный в иранском слое осет. яз. Названия березы, ольхи, ильма, ивы, ячменя и проса, по Абаеву, исконно иранские (ОЯФ, с. 32). Прямо скажем, маловато. И если «праосетины» имели названия березы, ольхи, ильма, ивы, ячменя и проса потому, что жили на севере, в степях, то откуда эти названия у других иранцев, которые отродясь в северных широтах не жили? А если у этих «южных иранцев» нет таких простых слов или они были заимствованы у каких-то северян, то разве не надо было указать на это обстоятельство?

«К Кавказу тяготеют названия сосны (*наезы, наезу*, ср. груз. *назви*), ели (*наз*), клена (*тагеаер*, ср. чечен. *стайр* (? – М. Дж.), балк. *тыкыр*). (с. 48). В. И. Абаев считает, что это результат влияния «кавказского субстрата». Поразительно: главный поборник «скифо-иранской теории» говорит, что потомки «северных кочевников» заняли названия сосны, ели и клена, в изобилии растущих по всей Северной Евразии, не у финнов или у славян, а у народов Кавказа, причем неясно, у кого, а ель и сосну называют почти одинаково – *наз, наезы, назу* (в кар.-балк. *назы* – «ель», *нарат* – «сосна», *тыкыр* – «клен»).

В составленный им через два десятка лет РОС (1970) Абаев внес уточнения, весьма странные. Читаем:

Ёлка – *наз, назы тала* (тюркизм *тала* в осет. озн. «побег, поросль». – М. Дж.).

Ель – *наз*.

Сосна – *наезы, наезыбалас* (*балас* – «дерево»).

Неужели до своего прихода на Кавказ (прожив несколько столетий на севере от него) «скифо-аланы» никогда не видели ни сосен, ни елей, ни кленов, это ведь не магнолии все-таки и не кактусы? И не могли отличить сосну от ели? Чьим словом является *тагеаер* «клен», неясно (ИЭСОЯ, т. 3, с. 252). Абаев вписывает в РОС: «хвоя – *хих, хихтае*», но слова «хвойный» у него почему-то нет. Смотрим в ОРС: «*хих* – 1) сучок; веточка; 2) побег; 3) игла (хвойного дерева)»; «*хихджын* – 1) сучковатый; ветвистый; 2) хвойный». Есть еще и *сындзсыф* «хвоя, хвойный». Другое слово, означающее «хвойный» – *назгаердаег*, но в

РОС оно почему-то означает «хвощ». Читаем в ИЭСОЯ: *кокон*, *кокойна* «терновник» - тюркизм (*кёкен*) – (т. 1, с. 566); *каердо*, *каертты* «груша» (кар.-балк. *кертме*) – тюркизм, проникший и в венг., даргин., лакск., арчин., ингуш. (ИЭСОЯ, т. 1, с. 584); *каерз*, *каерзае* «ясень» (кар.-балк. *кюйрюч*, *кюйрюц*) – тюркизм, он есть и в венг. – *кёрис* (ИЭСОЯ, т. 1, с. 588); *хъарман* «вязь» - тюркизм (ИЭСОЯ, т. 2, с. 267). Почему же народы Кавказа заняли эти слова из языка «поздних кочевников»?

Самоуверенные словотворцы, на ходу изобретая недостающие термины, но слабо координируя друг с другом, часто и радикально расходились во мнениях. Например, о названиях некоторых деревьев, ареал распространения которых весьма обширен. Абаев в РОС пишет, что и осина, и тополь называются *гъаеды баелас*, а «тополь» – еще и *даргъдзог гаеды* («длиннорастущая осина»? или «длиннорастущий тополь»?). Но в ОРС *гаеды* и *гаедыбаелас* - «тополь», а *урс гаедыбаелас* («белое тополевое дерево») – «осина». «*Каштан*» в РОС – «каштан», но в ОРС - *саебулут* (ср. кар.-балк., кумык. – *шахбулут*), и там же есть и *каштан*. В ОРС акация - *хъаедурбаелас*, но в РОС «акация – *акаци*».

В РОС читаем: «дафна (бот.) – *саегъмаецъы*», но в ОРС такого слова нет. По Абаеву (в РОС), «желудь – *гыркъо*», но в ОРС «*гыркъо* – шишка»; *тулдзы гыркъо* (т. е. «дубовая шишка») – жёлудь». Полная путаница в названиях деревьев, характерных для Кавказа. В РОС «бук – *таерс*», «чинара – *таерс*, *таерсбаелас*», «самшит – *чеса*»; но составители ОРС пишут, что «*таерс* – бук, чинара», «*чеса* – бук, самшит», «*сенсери* – бук, самшит».

Хъалгъаен «крыжовник» - тюркизм (ИЭСОЯ, т. 2, с. 259). *Хъаелаердзы* «смородина» - тюркизм. *Баеразае* «бузина» - из кабард. В РОС жасмин именуется *тыфхъаед*, но в ОРС – *сахгъаед*; в РОС «жимолость» – *саегъысыф*, но в ОРС такого слова нет. В ОРС «*туттургъан* – хрен», но в РОС «хрен – *хрен*». *Хъыцы* «горчица полевая» - из тюрк. (ИЭСОЯ, т. 2, с. 321); ср. кар.-балк. *гычы*, *кычы*, *кыцы*.

В РОС «клюква – *туацъынаемыг*» («болотное зерно»), но в ОРС это слово означает «камышовое зерно», а «клюква» - *сырх наемыг*. *Наемыг* «зерно; ягода» - тюркизм; отсюда же осет. *саунаемыг* «черника». - ИЭСОЯ, т. 2, с. 224). У Абаева «горчица (растение) – *баелтырна*», но в ОРС «*гарчицае* – горчица». В РОС нет названия такого обычного растения, как тмин; спустя 19 лет Абаев его нашел, но оно оказалось персидским, заимствованным через грузинский – *зира* (ИЭСОЯ, т. 4, с. 312); в ОРС такой термин не зафиксирован.

В ОРС есть два названия молочая – *аехсыраег* и *куыдзахсыраег*, есть и *дзаеугаердаег* «пырей», но в РОС этих слов нет. Составители ОРС считали, что *каендыс* и *къусбын* – это названия белены, но у Абаева «белена – *къусбын*», а *каендыс* – «чемерица» (ср. кар.-балк. *къусма* «дурнишник», от *къус* «рвать, тошнить», и *кундуш* «чемерица»). Плющ, по Абаеву, - *дзаегъаелдзу*, но в ОРС это слово означает «бездельник, шалопай», а плющ называется *маецкъор*. В РОС *хаемпаелгаердаег* означает «чертополох» и «бурьян», но в ОРС его значение – «сорняк», а «бурьян» – *хъаемпаел*. По Абаеву, «чертополох – *гукка*, *баехысындз*», но составители ОРС этих слов не знают. Нет в осет. яз. своих названий аниса, ромашки, ятрышника, тюльпана, фиалки и пр. – все из совр. русск.

Если бы «потомки северных кочевников» заимствовали у своих южных соседей названия теплолюбивых растений, это было бы вполне понятно. Но мы наблюдаем в осет. яз. иное. *Цъуй* «рябина» и *битна*, *бетина* «мята» - картвелизмы. В ОРС «омела» - *карчикъах*, но у Абаева в РОС такого слова нет. Через три года он нашел ее название в югоосетинском говоре, но оно оказалось грузинским: «*питри* - омела» (ИЭСОЯ, т. 2, с. 243). *Хъоло* «конский щавель» - из грузин., как и *дзала* «осока», и *ичъи* «репейник». А вот и наистепное растение: «*скъаелдзо* «полынь». В. И. Абаев комментирует: «Названия некоторых растений – *скъаелдзо* «полынь», д.(игорское) *скъелди* «брусника», *хсаели* (из *скъаелы*?) «можжевельник» содержат элемент *скъел*, который сопоставим с груз. *ескъала*

название растения, *аскъили* «шиповник» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 3, с. 122). Согласно ОРС, *куыдзы бага* – это название паслена, однако в РОС его нет.

Но и с южными растениями не все ладно. В РОС «мак – *зыр-зыраг, дзаегъаегъ*», но в ОРС эти слова означают «трясущийся» и «погремушка», а мак именуется *дзаегъ-дзаегаенаег*; это же слово, с добавлением *калм* означает «гремячая змея». Оригинально. «Лавр – лавр», «олива – *олива*», «*розае* – «роза», «*сирень* – *сирень*»; ясно, что это заимствования из совр. русского языка. В ОРС «*сургаенаен* – герань», но в РОС этого слова нет.

«Ираноязычные предки осетин – сарматские племена – были степняками. Поэтому специфические термины горного ландшафта, горной флоры и фауны в осетинском преимущественно кавказского происхождения» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 2, с. 193). Относятся ли названия репейника и полыни к числу специфических терминов горной флоры? Или пастушьей сумки, название которой (*дзындзалаег*) также идет из грузин. (ИЭСОЯ, т. 1, с. 406)? И почему слово *зокъо*, означающее в осет. яз. «гриб», тоже заимствовано из грузинского (ИЭСОЯ, т. 4, с. 314)?

В степи и лесостепи, где веками жили скифо-сармато-аланы, разумеется, было много больших и малых рощ, как и в Осетии. Но вот что говорит В. И. Абаев: «*Къох* – «роща». – Может быть, из тюрк. *когъа* «камыш», «тростник». В безлесной степной области, где жили предки осетин, *къох* могло применяться к зарослям камыша, а впоследствии было перенесено на лесную рощу» (ИЭСОЯ, т. 1, с. 637). Этот же тюркизм, согласно РОС, означает в осет. еще и «дубрава». Скажите, как это следует понимать? Допустим, не было в Скифо-Сарматии лесных массивов, не росли в ней деревья, – одни только заросли тростника и камыша возле озер, болот и рек. Почему же скифо-аланы не наименовали эти заросли как-нибудь «по-североирански», а веками ждали прихода тюрок, чтобы занять термин у них, а потом, обнаружив, что на свете есть еще и рощи, «перенесли» на них чужое название камыша?

Наверное, скифы и аланы, как и все степняки, давно догадались плести циновки. В РОС читаем: «циновка – *ерджен, цъолоби*»; эти же слова означают «рогожа», как и в ОРС. Но почему-то эти термины не «североиранские». Первое слово, по мнению В. И. Абаева, усвоено у соседей – кабардин. *арджен*, ингуш. *аргае* «циновка»; *цъолоби* – из грузин. (ИЭСОЯ, т. 1, с. 413; с. 335). «*Дзеген, дзегейна* (дигор.) «тростниковая циновка». – «Из тюрк. *зьяян, зьяян* «вид тростника и изготавливаемая из него циновка». Отсюда и венг. *гиекени* 1. «тростник», 2. «циновка» (ИЭСОЯ, т. 1, с. 396). Ср. кар.-балк. *джеген*.

Работая над историко-этимологическим словарем и часто натываясь на факты, противоречащие гипотезе ирановедов об скифо-аланском происхождении осетин, В. И. Абаев был вынужден делать оговорки и примечания, типа: «В названиях ягод предки осетин, будучи степными жителями, были зависимы от соседей-«лесовиков» - угро-финнов и тюрок (см. *зедур* «ежевика», *нинаег, наенаерг* «малина», *хъалардзы* «смородина»)» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 3, с. 115). Каких угро-финнов и тюрок он именовал «лесовиками», и где и в какое время с ними контактировали предки осетин, неизвестно.

ФАУНА

Продолжая убеждать читателей в многовековом пребывании предков осетин в Великой степи, В. И. Абаев переходит к зоонимам: «Такая же картина (неужели отрадная? – М. Дж.) с фауной. Древнеиранское название верблюда (*уштра*) не сохранилось в осетинском. Вместо него мы находим здесь общее с севернотюркскими языками *теуа*» (ОЯФ, с. 32). Стало быть, по дороге из Средней Азии на Кавказ «праосетины» позабыли названия не только разнотравной мелочи, но и верблюда.

Пусть так. Но ведь тюрки в лице гуннов, как считает академическая наука, в это время сидели где-то в тени Китайской стены и появились по эту сторону Волги только спустя минимум 10 столетий после скифов и сарматов. Разведением верблюдов в Европе тюрки вроде бы не занимались. Что же заставило «древних североиранцев», выходцев из Средней Азии, имевших обширные связи и ходивших походами в дальние южные страны, и когда, заимствовать именно их слово? Разве нельзя было взять зооним у арабов, персов, или у греков? В. И. Абаев говорит: «Трудно установить, из какого именно тюркского языка заимствовано осетинское слово. Можно только думать, что произошло это достаточно давно (? – М. Дж.), быть может еще в сарматское время». На каком основании можно так думать, ирановед не сказал, сообщив, что «среди памятников той эпохи» (сарматской) находят кости верблюда, «хотя и в небольшом количестве» (ИЭСОЯ, т. 3, с. 290). Но тогда положение и вовсе странное: «предки осетин» двигались из Средней Азии, где верблюды обитают, наверное, со времен динозавров, и в Восточной Европе они у них еще имелись; потом сарматы подались на Кавказ и название этих немаленьких животных позабыли, пришлось занимать термин у памятливых тюрков. Гадать, у кого именно, не надо – у соседних карачаево-балкарцев, именующих верблюда *тюе, теуа*.

Если бы предполагаемые предки осетин забыли, скажем, название какой-то пичуги или козявки, в этом не было бы ничего удивительного; но скифо-аланы, если верить иранистам, умудрились не передать своим потомкам названия как раз самых мощных животных (впрочем, с пичугами и козявками тоже не все ладно; см. ниже). В 1949 году В. И. Абаев пишет: «Тур – ос. *заебыдыр, заебодур*, ср. балкар. *жугьутур*» (ОЯФ, с. 49). Позже он дал этому слову весьма странное объяснение: «*дзаебыдыр* – тур горный – из груз. *джихв-и* – тур + ст. слав. *тур* «дикий бык»; сложение двух слов, видимо, произошло на аланской почве». А вот вам и очередное «перенесение»: «Перенос на горного тура, относящегося к породе коз, названия дикого быка (тур) объясняется крупными размерами первого. Грузинский лексикограф Саба Сулхан Орбелиани под словом *джихви* сообщает: «самец зовется быком из-за величины рогов, хотя он – дикий козел» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 1, с. 391).

Стало быть, «аланы-иранцы» почему-то принесли с севера на Кавказ не свое, а старославянское название дикого быка – «тур», но, движимые непостижимой и неизбывной страстью к перенесениям (которой их наградили иранисты) назвали этим словом не кавказского зубра или хотя бы буйвола, а горного козла, прибавив славян. *тур* к его грузин. названию – «джихв-и»; получилось славяно-грузино-осет. именование диковинной помеси, козлотура – *дзаебыдыр*. Если вы этому объяснению верите, ирано-скифской гипотезе суждено если и не бессмертие, то долгая жизнь – назло здравому смыслу, логике, фактам и в ущерб осетинскому народу, а также – в пику отсталым кар.-балк. историкам-фальсификаторам, никак не могущим усвоить научный политес и задающим дурацкие вопросы, когда прогрессивной научной общественности все предельно ясно и понятно.

На самом деле осет. *дзаебыдыр, заебодур* не имеет никакого отношения ни к грузин. слову, ни, тем более, к старослав.; оно из охотничьего языка карачаево-балкарцев, в котором, как и в других случаях, объект охоты именуется описательно, обиняком: *зухта тур, жухта тур* «стоящий на выступе (скалы)», закономерно стянувшееся в *зугьутур, жугьутур*, которое осетины, услышав как *зубутур*, превратили в *дзаебодур*. Другой вариант: вожак стада туров обычно стоит на страже и в случае опасности подает сигнал, который в кар.-балк. охотничьих песнях называется *чук*; в них часто встречается словосочетание *чук этер, цук этер* «сигнальщик», букв. «подающий сигнал»; слитное *чукэтер, чукэтер* и превратилось в *зугьутур, жугьутур*. Что же получается в итоге? «Аланы-иранцы» много веков жили в горах Кавказа, смешиваясь с таинственным

«субстратом», но для тура ни те, ни другие не имели названия до тех пор, пока не пришли степняки-тюрки и не объяснили им, как называется это высокорогное животное. Очень впечатляет.

«Из хищников, - продолжал Абаев, - древний осетин, кроме волка, был знаком с медведем и лисицей. Древнеиран. название волка звучало *врка*, *варка* (ср. русское *волк*). Отсюда на осет. почве должно было получиться *варг* или *уарх*. Вместо этого мы находим усвоенное из севернотюркского или сакского *бирагъ*, *берагъ*». Объясняется это, по мнению Абаева, тем, что иранское *варка* попало под запрет, и сохранилось только в эпическом имени *Уархаг* (ОЯФ, с. 50). Но факт есть факт: название северного хищника в осет. – тюркское, а не иранское и не загадочно «субстратное». И если иран. название волка попало под запрет, «ираноязычным аланам» совсем необязательно было заимствовать замену из другого языка, можно было назвать его своим же словом, означающим, например, «серый» или «лютый». Или название волка попало под запрет только с приходом тюрок? А раньше табуироваться оно никак не могло?

Но впоследствии Абаев от предположения пришел к твердому убеждению: «В одном из восточноиранских наречий, **которому присвоено название сакского** (выд. нами. – М. Дж.), волк зовется *биргга* (произносилось *биргъа*). Очевидная близость этого слова к приведенным выше (тюрк. и угро-фин. формам. – М. Дж.) может быть объяснена как результат древних сношений восточнофин. и севернотюрк. народов с иранскими. В пользу этого говорит и то, что западнофин. и южнотюрк. языки имеют для волка другое название (фин. *суси*, тур. *къаскъыр*). Вполне возможно, стало быть, что *бирагъ* - иранское (сакское) слово, взамен табуированного *уархаг* (Абаев, ИЭСОЯ, т. 1, с. 263).

Итак, мордвины (эрзя и мокша) и марийцы, у которых волк именуется *пиряги*, *виргез*, *виргас*, своего названия волка не имели, пока не заняли его у иранцев-южан, но почему-то не их исконное *уархаг*; они подождали, пока скифо-сарматы табуируют это слово, займут у «саков» их *биргъа*, и лишь потом включили эту замену в свои языки. Затем в ту же неведомую область заявили загадочные «северные тюрки» и тоже заняли у «североиранцев» название волка (подарив им название верблюда, наверное, взамен).

Слову *саг* (иран. «рогатый») «олень» В. И. Абаев посвятил 5 страниц в третьем томе ИЭСОЯ; он пишет: «Популярнейшее животное в эпосе и вообще фольклоре осетин. Излюбленный объект охоты героев Нартов». «Табуистический характер слова *саг* наводит на мысль, что олень был у предков осетин тотемным животным». «В скифском искусстве «звериного стиля» изображение оленя занимает исключительное место». «И когда мы узнаем, что скифы (или часть их) назывались в древности Саками, др.перс. *Сака*, др.инд. *Сака*, гр. *Сакаи*, то трудно отрешиться от мысли, что в этом наименовании скрывается уже знакомое нам название оленя». «Самка оленя имеет особое название *хъуаз*, *гъаеуанз*» (ИЭСОЯ, т. 3, с. 11-16).

Стало быть, мы должны думать, что «ираноязычные скифо-аланы» проявляли к оленям повышенное внимание. Читаем в ИЭСОЯ: «*Хъуаз*, *хаеуаз/гъаеуанз* «самка оленя», «лань». По Абаеву, термин идет от иран. *хавазна*, означающего в языках этой группы «олень», из *гъав-аз-на*, где *гъау* «корова», *аз* «коза», согласно этимологии Покорни. Конечно, семантика весьма странная – то ли «корова-коза», то ли «коза-корова». Но древние иранцы, как и прочие народы, наверное, знали оленей раньше, чем коров, и следовало бы ожидать, что не название коровы перейдет на самку оленя и лань, а как раз наоборот. Вопрос в другом: почему самка оленя и лань именуются одним и тем же словом? В. И. Абаев пишет: «Вероятно в осетинском, как и в других иранских языках, *гъаеуанз* означало первоначально вообще «олень». Со временем для оленя-самца – тотемного животного скифов – утвердилось по табуистическим мотивам эвфемистическое *сака*, букв. «сохатый»» (ИЭСОЯ, т. 2, с. 319-320).

И опять мы встречаемся с цепью предположений, вывод из которых должны принимать за аксиому. Вероятно, слово *гъаеуанз* означало «олень»; вероятно, скифы, идейные антифеминисты, считали своим тотемом только оленя, а его самку почитанием не удостаивали; вероятно, они табуировали его название *гъаеуанз* и стали именовать оленя по-другому - *саг*; вероятно, его прежнее именование передали самке, а впридачу еще и лани. Но в осет. фольклоре образ оленя почему-то принимают только девушки и женщины. Кстати, в одном из эпических текстов, записанном в 1934 г. в Южной Осетии В. И. Абаевым, встречается странный зооним (переведенный, как «лань»), о чем он пишет: «*Хъуг-саг* букв. «корова-олень»; существующий в осет. яз. специальный термин *хъуаз* (ир.), *гъаеуанз* (диг.) – самка оленя – нашему сказителю неизвестен» (Нарты, т. 3, с. 13). Но диалектное (дигор.) *гъаеуанз* неизвестно и составителям ОРС, а слово *хъуаз* в их словаре означает только «лань»; в словарной статье написано «*саг* – олень; *сыл саг* – лань»; *сыл* означает «самка» - т. е. лексикографы думали, что лань является самкой оленя, а не отдельным видом животных из семейства оленей.

Перечень недоумений и недоразумений все увеличивается. Олень по-осетински – *саг*; коза называется почти так же – *сагъ* (косуля – *саегуыт*). Но вот «лось» почему-то - *цаегатаг саг* (в РОС), т. е. «северный олень». Весьма странное различие; но составители ОРС с Абаевым не согласились, и в их словаре *цаегатаг саг* – это «северный олень», а лось именуется «*саерджын* – 1) с большой головой, головастый; *саерджын саг* зоол. лось; 2) *перен.* дельный, умный». В ОРС есть и другое название лоса, также неведомое Абаеву - *таепаенсы саг* («плоскорогий олень?»).

По Абаеву (в ОЯФ), *саегут* (косуля), как и названия мыши, ежа, выдры, ласки - иранские. Из кавказского мира идут: серна *сычъи*, ср. мегрел. *скъвери*, груз. *швели*. Понятно. Но в степях, где много веков обретались скифо-сарматы, наверное, было полным-полно всякой живности, на которую они охотились. В осет. есть название *сугъакъ* «вид антилопы», «джейран» (как сообщает Абаев, слово не документировано): «Заимствовано из какого-то тюркского языка; ср. уйгур. *согъакъ* «какое-то большое животное» (Радлов), караим. *сухакъ* «вид антилопы», откуда и укр. *сугак*, пол. *сухак*. Другой вариант этого названия: *сайгак*, русск. *сайгак*» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 3, с. 168).

Этих «североиранцев», если бы они когда-то существовали в реальности, следовало считать ужасно скрытными или скупыми людьми: с такой неохотой они делились своими терминами со своими добрыми соседями, что просто неловко делается (почему они не подарили братьям-славянам свое название сайгака?). А вот тюрки, получается, наоборот, были щедрыми до изумления – пожалуйста, берите все, любые слова, любые термины. Иной читатель может подумать, что автор ерничает; нет, он просто желает сказать, что из абсурдной теории могут следовать только абсурдные выводы.

Но «ираноязычные скифы и аланы» не удосужились передать и своим потомкам название – кого бы вы думали? – суслика, самого-пресамого обитателя степей и гор, их аборигена, автохтона и туземца. «Суслик – *хъулон уыры*», т. е. «пестрая крыса» (*хъулон* – тюркизм). Этот же сложный термин означает, по Абаеву, еще и «хомяк», которого он именуется также *аенаедым гаелау* «бесхвостая крыса» (почему-то используя диал., дигорское название крысы – *гаелау*). В ОРС написано: «*хъулон уыры* – суслик; хомяк», однако на стр. 432 сказано, что хомяка называют *къуда уыры*, т. е. «бесхвостая крыса» или «кургузая крыса». Но самое забавное, что исходное слово *уыры* «крыса» тоже не осет., а грузин., о чем и сообщает В. И. Абаев в своем ИЭСОЯ. Как и *къуда* «бесхвостый; кургузый». Полагаю, что это изобретения хитроумных языкотворцев, а не народа. Он бы придумал что-нибудь получше, и, если бы веками жил в степях, никогда не спутал бы крысу (пусть и бесхвостую) с хомяком и сусликом.

В ОРС написано: «*заеххы аехсаераег* – сурок», но в РОС такого названия нет. В 1970

году В. И. Абаев вписывает в РОС: «Барс – *фыранк, мысы*»; в ОРС «*мысы – барс*». В РОС встречаем также: «рысь – *стай*»; но в ОРС этот термин имеет два значения: «*стай – рысь, барс*», «*стайдзарм – шкура рыси, барса*». Весьма странно. Но к 1973 году Абаев почему-то передумал и написал другое: «*мысы, мусу* – название какого-то хищника из семейства кошек». – Ср. название кошки в некоторых тюркских языках: уйгур. *мюшюк*, узб. *мушук*, татар. (диал.) *мишик*, в других диалектах *муш*» (ИЭСОЯ, т. 2, с. 143); добавим кумыкское *мишик*. Но ведь барс водился и, кажется, даже сейчас водится на Северном Кавказе, не говоря уже о рыси, весьма северном звере. Как их можно было перепутать, совершенно «непонятно». Меньшой брат рыси, камышовый кот – самое обычное животное и на Кавказе, и севернее. В ОРС его название – *хъаеддаг гаеды* («дикий кот»), но Абаеву оно почему-то было неизвестно. «Куница» и «соболь», по Абаеву – *салавыр* (тюркизм), но в ОРС написано, что *салавыр* – это только «куница». Название тигра – из совр. русского (*тигр*), как «бобр» – *бобыр*. У Абаева «шакал» – *шакал*, с примечанием *хъаеддаг куйдз* (т. е. «лесная собака»), но в ОРС нет ни «шакала», ни «лесной собаки».

Белка – зверек, распространенный по всей территории, где обитали скифы, аланы и другие «североиранцы», имеет в осет. яз. три названия: свое – *аехсаерсаеттаег* («ломающий орехи»), и заимств. *тыртына* и *тин* (первое, согласно Абаеву, из грузин., а второе от общетюрк. *тийин*). Но производные почему-то образованы не от своего слова, и не от грузинского или «кавказско-субстратного», а от тюркского – *тин* «беличий», *тиндзарм* «беличий мех», *тинкаре* «беличья шубка; сказочная шуба». Более того, в ОРС написано, что *тин* означает «белка; соболь», а в РОС – еще и «пушной»: *тинсырд* «пушной зверь».

Замечательно в своем роде объяснение, которое В. И. Абаев дает дигор. слову *быттыр*, *биттир* «летучая мышь», («в иронском обычно *хаелын-быттыр*»: «Примыкает к славянским названиям: ст.-слав. *не-пътырь, не-птырь, не-потырь, не-топырь*, укр. *не-потыр, не-топыр, топыр*. Наличный в этих словах и в осетинском комплекс *пытыр, бытыр* представляет, возможно, звукоподражание шуму, производимому летучей мышью при полете» (ИЭСОЯ, т. 1, с. 283). Это ирановед пишет в 1958 году. Через тридцать лет, объясняя иронскую форму термина (*хаелын-быттыр*), он добавляет: «сложение из *хаелын* («тонкая кожа», т. е., по мнению Абаева, «перепонка». – М. Дж.) и *быттыр*» = «*быттыр* с крыльями-перепонками». «Что касается *быттыр/биттир*, то это скорее всего подражание шуму крыльев летучей мыши» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 4, с. 171).

Конечно, я не могу знать, каких летучих мышей наблюдал В. И. Абаев, но те, которых я видел, летали совершенно бесшумно. Кроме того, в кар.-балк. яз. это существо называется *биттиркоч*, *биттиркъуш* (чаще в краткой форме – *биттир*), где вторая часть означает «птица». Следовательно, первая часть является определением к первой: *биттир* от глагольной основы *бит*, одно из значений которой – «(плотно) прилипнуть, вцепляться», т. е. значение термина – «прилипающая птица».

Не лучше обстоит дело с названиями насекомых, причем именно тех, которых потомки великих и древних скотоводов-степняков должны были бы знать очень хорошо. Например, у В. И. Абаева в РОС «слепень – *куырмбындз, хъаесдараег*» (первое слово означает «слепая муха»). Но в ОРС мы первого слова не находим, а второе, *хъаесдараег*, имеет значение «наковальня». По В. И. Абаеву, «насекомое – *уырынгон, саск*», но в ОРС первого слова нет, а второе означает не только «насекомое», но и «мошка, комар». В ОРС говорится, что «мошка» – *цъыз*, но Абаев такого слова не знает, в его РОС: «мошка – *лыстаег бындз*» (т. е. «маленькая муха»). По Абаеву, *дзынга* – «комар» и «овод», но в ОРС *дзынга* – только «овод». (Согласно обоим словарям, у овода еще одно название – *галбындз* «бычья муха»). Другое название комара почему-то из грузин. – *къогъо*, как и *цъулбер* «пиявка». В ОРС «*хъусхилаег* – мокрица», но в РОС такого слова нет.

«Саранча», по Абаеву, – *маемых*, но еще и *саринџа*, из тюрк. (ИЭСОЯ, т. 3, с. 35), однако в ОРС этого слова нет. Согласно РОС, «бабочка» – *гаелаебу*, *габало* (по Абаеву – тюркизм; ср. кар.-балк. *гёбелек*, диал. *кубалляк*); но в ОРС термин означает только «мотылек». В РОС «оса – *дыдынбындз*», «шмель – *дыдын, хъаеддог мыдыбындз* (т. е. «дикая пчела»)); однако составители ОРС считают, что «*дыдынбындз* – оса, шмель», а «*хъаеддог мыдыбындз* (т. е. «дикая пчела») – шмель». В РОС «жало (пчелы) – *фат*» (т. е. «стрела»), но в ОРС такое значение не указано. В ОРС *хъаебуз* – «таракан», а *хъаендил* – «жук»; но в РОС находим иное, уже с указанием диалектной принадлежности: «таракан – *хъаебыза, хъаендил*», но «жук» почему-то тоже *хъаендил*; дигор. *хъаебуза*; оба слова – тюркизмы, первое вошло и в грузинский (Абаев, ИЭСОЯ, т. 2, с. 279; с. 291). *Гаебы, гыбы (джыбы)* «клещ» – тюркизм (ИЭСОЯ, т. 1, с. 510); ср. кар.-балк. *губу, гыбы* «паук».

По Абаеву, «стрекоза – *туасаен, цъырцъыраг*», «сверчок – *цъысцъысаег*». Но потом у него же оказывается, что есть третье насекомое, которое именуется и «сверчком», и «стрекозой»: «кузнечик – *цъырцъыраг, цъысцъысаег*». Но составители ОРС с Абаевым опять не согласны и, отвергнув его попытку различия, пишут, что *цъыр-цъыраг* и *цъыс-цъысаг* являются синонимами и означают «кузнечик; сверчок; стрекоза», а термина *туасаен* «стрекоза» (по Абаеву) у них нет вовсе.

В кар.-балк. яз. скорпион именуется *чаян* и арабским *акъраб*; по рассказам стариков, некогда эти насекомые водились и на Кавказе, например, в районе селения Быллым в Баксанском ущелье. Составители ОРС полагают, что скорпионы наз. по-осет. *къаедздым*, но у Абаева «скорпион – *скорпион*». В ОРС: «*маелдзыгдон* – муравейник», но Абаеву такое экзотическое слово опять неизвестно: «муравейник – *маелдзыджы губакк*» (т. е. «муравьиная куча»). В ОРС у сороконожки два названия – *цъиппоркъахыг зулкъ* (т. е. «червь-сороконожка») и *саухъусхилаег* («черноухое пресмыкающееся?»), но в РОС одно – *цъиппоркъаехой*. В РОС «тля – *баеласы сист*» («древесная вошь»), но в ОРС такого термина нет. Нет в РОС названия уховертки.

В языке «алано-осетин» есть слово *каеф* «крупная рыба», как и в четырех других иран. яз. (*каб, кап, кав*); и тот же термин (якобы скифское *капа*) вроде бы наличествует, по уверениям Абаева, в названии города Пантикапея. Но читаем у него же: «Происхождение слова *капа* не ясно. Может быть, его следует сопоставлять с др.инд. *капана*, латыш. *капе* «гусеница» (ИЭСОЯ, т. 1, с. 576). На наш взгляд, делать этого не следует, потому что уж очень разные это существа, к тому же гусеницы не обитают в воде, а рыбы на суше; к тому же латыш. и древнеинд. языки – не самые близкородственные осетинскому. Это слово, скорее всего – от тюрк. *къаб*, имеющего много значений, в том числе – «чешуя»; ср. кар.-балк. *чабакъ* «рыба», вероятно, от *къабы акъ* «белочешуйчатая»; начальная согласная подверглась оглушению.

Но в осет. яз. есть и другое слово, *каесаг* «рыба». Его сопоставляли с венг. *кесцег*, хант. *касеу*, манси *кясен*, которые означают «лещ», с древнеинд. *каса* «плеть», афган. (диалектным) *кызе* «рыба», а также с грузин. *касаги* «сельдь». Понятно, что последнее слово фонетически наиболее близко к осет. термину. Но В. И. Абаеву (который многократно и красноречиво писал о жизни «ираноязычных» скифо-сармато-алан в степях, у больших рек и озер, в приморье, о том, что они исключительно хорошо были знакомы с рыбным хозяйством Боспора и т. д.), не хотелось признавать, что такой простой термин «алано-осетины» заняли у грузин. Поэтому он делает ни на чем не основанное заключение: «Уверенности нет. Сходжение с угорскими языками свидетельствует во всяком случае о том, что в осетинском слово следует возводить по меньшей мере к сарматской эпохе» (ИЭСОЯ, т. 1, с. 588).

Чтобы дать название форели, водящейся именно в горных реках, «алано-осетины» заняли, и опять у «пришлых» степняков-тюрков, слово «пестрая» (*къолан*; см. в ИЭСОЯ) –

хъулон каесаг; есть и русско-грузинское «форель - *валергаесаг*» но в ОРС отмечено только второе. «Окунь – *окунь*». Заимствовали из грузин. *локъо* «сом» (см. в ИЭСОЯ). «*Сардзан, сазан* название рыбы, «сазан». – Контаминация тюрк. *сазан* «камп» с тюрк. *шортан* «щука» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 3, с. 34). Почему «скифо-иранцы» занимались контаминацией двух тюркских терминов, вместо того, чтобы дать этой рыбе свое название, Абаев не объяснил. «Кит – *кит, гайа*», но все производные – от русск. слова; в ОРС никакого *гайа* нет. В ОРС читаем: «*хихор каесаг* – щука» («колючая рыба?»), но в РОС этого слова нет. В ОРС «*мыдзбыр* - рак», но у Абаева «рак – *фаестаемаедзу хаефс*», т. е. что-то вроде «пятящаяся лягушка»! В ОРС «*хаебыраегъ* – багор», а «*каердтис* – острога», но в РОС оба этих предмета называются *хаебыраегъ*. Капкан – *къапхан*, тюркизм; вошел, кроме русского и осетинского, еще и в кабардинский (Абаев, ИЭСОЯ, т. 2, с. 264).

В Северной Евразии, наверное, нет ни одной местности, где не водились бы гадюки – кроме Скифо-Сармато-Алании и Осетии. Потому что В. И. Абаев пишет в РОС, что гадюка по-осет. называется *хуссайраг калм* (букв. «южная змея», т. е. водящаяся на склонах гор, обращенных к югу), но составители ОРС о таком названии не ведают; в их словаре *хуссайраг* означает «южный», *калм* – «змея», но как, по их мнению, называется гадюка, неизвестно. По всему Кавказу распространено другое пресмыкающееся – веретеница, но ее названия в РОС нет. Нет названий полоза и медянки. В ОРС написано: «*аелхъивгалм* – удав», но в РОС находим бесхитростное «удав – *удав*». Название серой ящерицы (*маекъулаег*) заимствовано из грузинского (Абаев, ИЭСОЯ, т. 2, с. 84), происхождение названия зеленой – *гаеккуыри* – неясно (ИЭСОЯ, т. 1, с. 511).

Вставляя в словари изобретенные ими неологизмы, осетинские лексикографы, видимо, не мудрствовали, во многих случаях просто калькируя русские термины. Например, в РОС «буревестник» - *уадфидиуаег* «бури вестник», но составители ОРС о таком термине не ведают. В ОРС *хъаедох* – «леший» (от *хъаед* «лес»), но это слово было неизвестно Абаеву. В РОС у Абаева «незабудка – *ма-рох-каен*» (забавно, что *ма-рох* означает «незабытый»), но в ОРС такого слова нет, там этот цветок называется *дзаенгараенгой*.

ПТИЦЫ

Названия птиц в словарях осетинского языка заслуживают отдельного рассмотрения. В 1949 г. В. И. Абаев считал, что в осет. яз. сохранились иран. названия орла, ворона, вороны, журавля (*зырнаг*, др. ир. *зурана-ка*, греч. *геранос*), дикой утки, перепелки, дикого голубя, домашнего голубя, ласточки. Но тут опять появляются вездесущие тюрки (кар.-балк. названия в тексте добавлены мной): «Названия некоторых птиц, - пишет Абаев, - проникли из тюркских языков: *къарчыгъа* «ястреб» (тур. *къачыргъа*; кар.-балк. *къыртчыгъа*), *дзаегъындзаг* «сорока» (кар.-балк. *чакъынжик*, *чыкъынжик*), *дудакъ* «дрофа» (тур. *тутакъ*, кар.-балк. *дуадакъ*)» (Абаев, ОЯФ, с. 49-50).

О последнем слове В. И. Абаев пишет, позже: «*дудакъ* «дрофа (птица)». – Из тюрк. *тутакъ*; ср. каб. *дудакъ*, вейнах. *токакъ, тодакъ* «дрофа» (ИЭСОЯ, т. 1, с. 372). Это же тюркское (а не «скифо-иранское») название птицы попало и в русский – *дудак*. Как вы думаете, должны были потомки вековых обитателей степей иметь свои, исконные, названия ястреба, сороки и дрофы (это же не пингины или страусы)? Почему же им 1000 лет пришлось дожидаться прихода сведущих в орнитологии тюрков? И почему название дрофы не только русские, но и кабардинцы и вайнахи заняли не у «древних степняков-иранцев», а у «поздних пришельцев с Дальнего Востока»? Не удивляет иранистов и другой факт: «*маеггыл* «стрепет» сопоставляется с чечен. *маггал* «стрепет»; этим же именем (в форме *маехъал*) осетины называют ингушей, что является, несомненно, отзвуком тотемистических представлений» (Абаев, ОЯФ, с. 50)? Но зачем степнякам-

скифо-аланам понадобилось брать название стрепета у горцев – чеченцев и ингушей? Разве в сарматских степях эта птица не водилась? (В кар.-балк. яз. *мыга* (от *мага*) означает «коростель»).

Какую бы область лексики мы ни брали, оказывалось, что составители ОРС часто и радикально расходились во мнениях с составителем РОС (В. И. Абаев). В ОРС «*маехъхъыл* – кобчик, коршун, ястреб», «*цъиусур* – коршун, кобчик, ястреб»; но у Абаева «*маехъхъыл* – кобчик, стрепет, коршун» (ИЭСОЯ, т. 2, с. 95), «коршун - *цъиусур*» (РОС). В ОРС *ололи* - «сова», *сидах* - «сыч», *уыг* - «филин, сова», но Абаев считал, что и «сыч», и «филин», и «сова» - это *уыг*, а «сова» имеет и второе название – *сидахъ*. В кавказских лесах живет неясность, но ее названия в словарях нет.

«*Хъыргъы, хъиргу* «название небольшой хищной птицы, ястреб-перепелятник (?), «галка» (?). – Из тюрк. *къыргъы, къыргъай, киргу, киргай* «род хищной птицы», «ястреб». Усвоено и в некоторые другие языки», - пишет В. И. Абаев, и перечисляет – даргинский, аварский, арчинский, лакский, таджикский, русский (ИЭСОЯ, т. 2, с. 331). Но в двух примерах употребления этого слова в осет. яз. (у Абаева же) оно почему-то означает «галка». Смотрим в ОРС, но там «галки» почему-то нет; это «название хищной птицы; *перен.* ведьма; *заеронд хъыргъы* старая ведьма» (с. 504). Все объясняется просто. В кар.-балк. яз. *къыргъый* означает «ястреб-перепелятник»; сравнения с этой птицей удостаиваются стройные, ладные мужчины (*къыргъый санлы* - о фигуре человека) или резвые кони. Осетины-иронцы при заимствовании перепутали кар.-балк. названия ястреба (*къыргъый*) и вороны (*къаргъа*), откуда у названия хищной птицы и появилось странное значение «ведьма»; кар.-балк. бранное *къарт къаргъа* «старая ворона» имеет смысл «старая ведьма»; ср. *къаргъа* «проклинать» и *къаргъыш* «проклятье».

В РОС «кречет» - *лацин* (тюркизм), «сокол» - *уари* и *лацин*, однако в ОРС никакого *лацин* нет. Но в 1973 г. читаем у Абаева: «*лацин* «сокол» (преимущественно в дигорском)». – «Из тюрк. *лачин* «сокол»; термин есть во многих кавказских языках» - аварском, даргинском, лакском, чеченском и др. (ИЭСОЯ, т. 2, с. 11). Почему же не «североиранский», а тюркский термин опять получил распространение на всем Кавказе? У Абаева в РОС «чайка» - *каесагдзау* (*марг*), т. е. что-то вроде «рыболов (птица)», но в ОРС - *дэнджызы уари* (т. е. «морской сокол»). Никак не могло не быть в языке прямых потомков степняков названия беркута. Однако в РОС первым почему-то стоит тюрк. *беркут*, а потом уже свое - *дурдзаргас* и в скобках еще и поясняется, на осет., - «разновидность крупных орлов». Но в ОРС есть только *беркут*. Куда же подевалось свое, родное слово *дурдзаргас*? Или оно было известно только Абаеву? На Кавказе водятся и стервятники, и черные грифы, и сипы белоголовые. Но в РОС есть только «стервятник – *хаедмаелхор*», а в ОРС нет и этого слова.

У Абаева «кулик – *доньуаерцае*», букв. «водяная (речная) перепелка», или *доны ацц* (ИЭСОЯ, т. 1, с. 370); *ацц* - «дикая утка». В РОС есть второй вариант: «кулик – *доны ацц*» (т. е. «водяная (речная) дикая утка»). Но в ОРС «кулик» - *доны уаерцц* («водяная (речная) перепелка»). В ОРС жаворонок имеет два названия – *гоппой цъиу* «хохлатая птичка» и *джиго-цъиу*; но Абаев почему-то их не знал, в его РОС «жаворонок – *хъаермаедзог цъиу*», т. е. «поднимающаяся птичка». Абаев считал, что «скворец» - *сауцъиу*, и что «дрозд» является его тезкой, поскольку тоже *сауцъиу*, а также - *гъаеркъаераег*. Составители ОРС, однако, думали, что *сауцъиу* – это только «скворец», а *гъаеркъаераг* - «сорока»; но у Абаева сорока именуется *дзаегъындзаег* (вероятно, слово дигорское; ср. кар.-балк. *чыкъынжик, цыкъынзик*). У него же, в РОС: «грач – *саухалон*» (т. е. «черная ворона») и *цъиах*, но «галка» почему-то тоже *цъах, цъиах*. В ОРС, однако, никакой «черной вороны» нет, а *цъиах* – это только «галка».

Согласно ОРС, кукушка - *гакк-гукк* и *усаегой*, а по Абаеву - только *гаккук*. Абаев

считал, что «стриж» – *чъима*, но в ОРС это слово означает «раздвоенная деревянная палочка с зазубринами (для размягчения ремней)». У Абаева «фазан – *фазан, сындзыуасаег*», а «тетерев – *куырмагарк*» (т. е. «слепая курица»): *бургарк* (самка), *саугарк* (самец)». Но составители ОРС такой дифференциации не знают и пишут, что на двух этих птиц приходится три общих названия: «*сындзыуасаег* – фазан, тетерев», «*саугарк* – фазан, тетерев», «*хъаеддог карк* (т. е. «лесная курица») – «фазан, тетерев», а диких *куырмагарк* и *бургарк* в их словаре нет. По Абаеву, «рябчик – *дзыгъуыргарк*» (т. е. «рябая курица»), но в ОРС такая птица не водится. Долг платежом красен: в ОРС «*мит-митгаенаег* – снегирь», «*митхуыргарк* – снеговая куропатка», «*митцъиу* – зимородок» (т. е. «снежная пичуга»), *назыйы цъиу* «королек», но в РОС этих слов нет.

«Из всех домашних птиц, - пишет Абаев в 1949 г., - только две (курица и голубь. – М. Дж.) имеют в осетинском древние иранские названия». Этот факт следовало бы рассматривать, как несомненное и веское доказательство кочевническо-степного происхождения осетин, чьи предки были бесконечно далеки от занятий птицеводством. Но далее следует сногшибательное сообщение: «С другими домашними птицами: гусем, уткой, индейкой осетины познакомились, судя по их названиям, от тюркских народов: *хъаз, бабыз, гогуз*» (Абаев, ОЯФ, с. 62). Для сравнения - кар.-балк. названия: *къаз, бабуш* (*бабуш, гогуш*).

Средневековые тюрки считаются в академической истории закоснелыми в кочевничестве скотоводами, необыкновенно приверженными к бродяжнической пастушеской жизни (а также - причинениям обид и утеснений интеллигентным земледельческим народам), которые веками слонялись по Великой степи из конца в конец, размахивая кривыми саблями. «Ираноязычные» аланы были не в пример культурнее, да и осели на земле в очень отдаленные времена. Почему же они (или их потомки) заняли названия домашних птиц не у «кавказского субстрата», не у славян, у грузин, у армян, а у «кочевников»-тюрков – неужели назло науке? Или тюрки кочевали по бескрайним степям, погоняя хворостинами уток и гусей, верхом на конях и с саблями на боку? Вот уморительное было бы зрелище!

Но «аланы-иранцы» не были одиноки в своем антинаучном перенимании нужных терминов у кочевников-птицеводов. Читаем у Абаева о происхождении осет. *бабыз/бабуз* «утка» (домашняя): «Вошло в осет. из какого-то севернотюрк. яз.; ср. ног., балк. карач. *бабуш*. Усвоено и в некоторые другие кавказские языки: каб. *бабош*, чеч. *бабушк*, инг. *боабаешк*, анд. *бадуш*» (какое парадоксальное тюркское племя занималось распространением птицеводства по всему региону, Абаев не сказал). «Название *бабыз* относилось прежде исключительно к домашней утке. Для дикой утки осетинский имел старое иранское название *ацц*. Знакомство с домашней уткой, а также с гусем (см. *хъаз*) относится, по свидетельству языка, к более позднему времени, чем с дикой уткой» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 1, с. 230). Очень интересные сведения и весьма логичное заключение: четыре оседлых, горских, аборигенных народа веками контактировали с почти аборигенными «алано-осетино-кобанцами», но как назвать обыкновенную домашнюю утку, ни те, ни другие не знали, пока на Кавказ, «словно несомые ураганом», не ворвались свирепые таборные кочевники и не сообщили осетинам, кабардинцам, чеченцам, ингушам и андийцам, как сия дикий домашняя птица называется.

Но Абаев, вместо объяснение этого «парадокса», намекает на то, что «алано-осетины» сначала познакомились с дикой уткой, а уже потом – с домашней (словно у остальных народов было наоборот); ее название они, конечно же, взяли из какого-то загадочного «севернотюркского языка» (упаси Бог, не из соседнего кар.-балк.): «Тот факт, что ос. *ацц* сохранилось как название только дикой утки, в то время как для домашней имеем усвоенное тюрк. *бабыз*, указывает, что домашней птицей утка, как и гусь, см. *къаз*) стала

у осетин относительно недавно» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 1, с. 27). На что же тогда указывает тот факт, что у карачаево-балкарцев (чьи тюркоязычные предки, по всеобщему убеждению академистов, стали оседлыми на 1300 лет позже «алан-иранцев») название утки свое, ни от кого не усвоенное (утка – *баппуш*, селезень – *баппакъ*)? И очень хотелось бы узнать, что это был за птицеводческий тюркский народ, по пути на Кавказ успешно занимавшийся разведением уток и гусей, у которого народы Кавказа позаимствовали их названия. Но мы полагаем, что он назывался скифо-алано-киммерийцами (карачаево-кумыко-балкаро-дигорцами) и всегда оседло жил на Кавказе, потому в языки соседей и попал их термин.

И совсем беда с такими же простыми птицами, как гуси и лебеди. «Гусь» – *хаз* (от тюрк. *къаз*). Тюрки, закоренелые птицеводы-кочевники, ухитрились антинаучно наследить и здесь: это слово проникло в чанский, лезгинский, даргинский, арчинский, андийский, чеченский, ингушский, кабардино-черкесский, абхазский и др. (Абаев, ИЭСОЯ, т. 2, с. 272). Подозрительно близкое *къадз* означает в осет. «аист»; по неосновательному предположению В. И. Абаева, оно из грузин. *къанча* «цапля» (ИЭСОЯ, т. 1, с. 616); второе название аиста – *урс каесаглас* «белая цапля» («белый рыбоглот»?); в ОРС есть еще и третье – *хаефсхаераег* («лягушкоед»?), но Абаеву оно было неизвестно. «Лебедь» и в РОС, и в ОРС – *доныхъаз*, т. е. «речной гусь». Но в ОРС «речной гусь» имеет и другую среду обитания, он там назван еще и *денджызыхаз* – т. е. «морской гусь» (осетинским в этом термине является только второй звук Ы, соединительный)!

Что прикажете думать, о мудрейшие из мудрых и хитроумнейшие из хитроумных? Как нам после этого верить следующим отважным утверждениям: «Если бы мы, на основании всех показаний языка, пытались охарактеризовать с географической стороны древние места расселения осетин, мы сказали бы так: это была лесостепная область средних широт, хорошо орошаемая реками». «Все это говорит о том, что для осетин-иранцев была привычной флора и фауна северных и средних, а не южных широт» (Абаев, ОЯФ, с. 51; с. 32)? Конечно, говорит. Но, скорее всего, это была какая-то глухая провинция Ирана, где-то в Припамирье или на востоке Малой Азии. Потому что в осет. яз. нет названий и южной флоры и фауны.

ХИЩНЫЕ ЗУБРЫ КАВКАЗА

Академисты-мифотворцы, неумоимо сплетая бесплотную ткань ирано-скифской гипотезы и часто натыкаясь на противоречия, давали им первые пришедшие в голову объяснения, или просто умалчивали о них. Но в свете сказанного ими о об иранстве скифо-сарматских племен и происхождении осетин некоторые данные из ОРС у иных читателей могут вызвать шок. Например: «*домбай* 1. зубр, лев; 2) *перен*. великан, силач; 2. великий, сильный, могучий: *домбай Райгуыраен баестae* могучая Родина»; в ОРС есть и производное *домбайдзинад* «могущество». В. И. Абаев объясняет: «Представление о льве было настолько чуждо осетинам, что **когда в новейшее время** (выделено нами. – М. Дж.) понадобилось (кому именно? – М. Дж.) дать ему наименование, они не нашли ничего лучшего, как перенести на него название... зубра (домбай)» (Абаев, ОЯФ, с. 32)?

Очень интересно и оригинально. Забыли, значит, «потомки алан» таких могучих зверей, а потом, в новейшее время (в каком году, интересно?), кто-то и почему-то решил назвать «льва» «зубром». Простите, но ведь лев – животное «несъедобное» и весьма хищное, на вегетарианца-зубра ни в фас, ни в профиль нисколько не похожее; и если *домбай* – это лев, то где зубр, а если это зубр, то где лев? Следует добавить, что изображение льва встречается в скифо-сарматских древностях с очень раннего времени и что последний кавказский зубр, как известно, был убит в Карачае только в XIX веке,

отчего урочище и получило название *Доммай Ёлген* – «(место) где пал зубр»).

А. Х. Магометов пишет (1968): «Осетины в прошлом охотились и на зубров («домбай»), которые водились в Осетии вплоть до XVII-XVIII вв. Н. Я. Динник, например, даже сообщает некоторые подробности (со слов стариков-осетин) об охоте на зубров (работа Н. Я. Динника была опубликована в 1885 году. – М. Дж.). А при осмотре указанной пещеры-святилища в Дигорском ущелье он обнаружил 19 черепов зубров, отличавшихся, как он говорит, очень большими размерами. Кости и рога зубров «невероятных размеров» видел в этом же святилище академик Юлиус Клапрот во время посещения им Дигорского ущелья в 1807 г. «Но этот вид животных, - писал Клапрот, - уже 80 лет как исчез из их лесов...» (т. е. в начале XVIII в. – М. Дж.). У осетин существовали свои правила охоты на зубров» (Магометов, с. 113).

Но как и почему целый народ мог перепутать льва и зубра, если с последним был отлично знаком и даже имел «свои правила охоты на зубров»? И как А. Х. Магометов узнал бы о них, если бы эти правила не дошли до нашего времени (правда, он их не приводит)? Допустим, тюрки зачем-то, ни с того, ни с сего, нахлынули в Восточную Европу такой огромной массой и влияние их на осетин было столь сильным, что иран. *уштра* «верблюд» заменилось у них на тюрк. *теуа* (как и многое другое). Но среди скифских древностей имеется множество предметов с изображениями царя зверей. Почему же тогда в языке «прямых потомков скифов» название льва отсутствует, а у тюрков (в том числе у карачаево-балкарцев), якобы поздних выходцев из глубин Центральной Азии, где львы никогда не водились, это слово есть – *арслан*, *аслан*? И почему «аборигены» Кавказа, например, кабардинцы, заняли название льва именно у карачаево-балкарцев – *аслъен*, а не у арабов, у «алан-иранцев» или у грузин?

Мы цитировали слова Абаева из его книги, изданной в 1949 году (ОЯФ). Что же он говорил о казусе со львом и зубром позже? Его очередное научно-фантастическое объяснение стоит того, чтобы привести целиком: «*Домбай* – «зубр»; в новейшем употреблении также «лев»; как прилагательное – «мощный», «сильный». - Общекавказское слово: балк. *доммай*, карач. *доммай*, каб. *домбей*, абх. *а-домпей*, сван. *домбай*, груз. *домбай* «зубр». Кавказ, наряду с Беловежской пущей, был местом, где до недавнего времени водились зубры (всего дольше в заповеднике Клухорского района). Отсюда понятно существование общего названия для этого животного у ряда кавказских народов (почему же исключением из этого ряда стали именно осетины? – М. Дж.). **Перенос значения на «льва» сделан по признаку физической силы и объясняется близким знакомством осетин со львом** (выд. нами. – М. Дж.). В сван. *домбай* применяется в настоящее время к быку крупного и мощного сложения» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 1, с. 365).

Следовательно, каким-то неизвестным лицам приспичило вспомнить о львах уже в новейшее время; тогда они перенесли название зубра (*доммай*, *домбай*) на царя зверей (таких «переносов» у них было неслыханное количество); есть еще и переносные значения термина – «великан, силач, могучий». Надо полагать, что льва они и в глаза не видели, потому что даже при «слабом знакомстве» с этим хищником, хотя бы по картинке из букваря, назвать его зубром ни у кого язык не повернется. Более того, эти незадачливые языкотворцы не должны были даже слышать о льве и его повадках. Напомним, что львы и дикие быки (туры) в скифскую эпоху водились и в Европе.

Понимая, что положение с этими терминами, извините за просторечие, аховое, В. И. Абаев принял меры: в его РОС хищник именуется еще и заимствованием из русского:

Лев – *левы*, *домбай*

Львенок – *левы лаеппын*, *домбайы лаеппын* (т. е. «детеныш льва»).

Львиный – *левы*

Львица – *сыл лев, сыл домбай* («самка-лев»). Но упрямые составители ОРС с Абаевым опять не согласились; в их словаре этих слов нет.

Теперь о «слабом знакомстве» осетин со львом. Допустим, ираноязычные предки осетин никакого понятия о нем не имели, потому что были такие закоренелые северяне, до которых далеко даже эскимосам и камчадалам. Но в России или в Татарстане львы никогда не водились, однако ни русские, ни татары не «перенесли» на него название дикого быка или хотя бы бурого медведя. И почему-то ни один из народов Кавказа не путает льва ни с зубром, ни с верблюдом или буйволом. Или кто-то думает, что грузины, сваны, карачаево-балкарцы, грузины и кабардинцы были очень хорошо знакомы с этими хищниками, денно и нощно выслеживая их и потрясая копьями, как африканские масаи? Если осетины хорошо знали зубров и предполагаемый «перенос» названия был сделан ими по признаку физической силы (как утверждал Абаев), то почему они называли «зубром» самого лютого хищника, а не, скажем, слона – тоже ведь травоядное как никак, да еще и могучее дальше некуда? Очень слабо утешает приведенное Абаевым сообщение о том, что сваны называют мощных быков *домбай*; мол, вот вам еще один случай «переноса»: быки, пусть и домашние – ближайшие родичи зубров, это не львы и не тигры.

Из всего этого следует неопровержимый вывод: осетины-иронцы не имели названия зубра и даже никогда не видели его. Их предки пришли на Кавказ из Ирана в XVII-XVIII вв.; здесь началось их смешение с местными тюрками (дигорцами, тагаурцами, туалъцами, куртатинцами). Неопределенно долгое время тюркское население нынешней Осетии, вероятно, было двуязычным, но победил иранский язык. Дигорцы, тагаурцы, куртатинцы и туалъцы, конечно, называли зубра *доммай*, но самих зубров, вероятно, в Осетии уже не было (см. приведенные выше слова Клапрота). Название большого зверя, о котором иронцы (в период двуязычия) только слышали, они стали понимать в значении «могучий, огромный», а позже, в новом, ирано-осетинском языке, оно ошибочно стало относиться еще и к льву.

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

Осетины, как считают ирановеды, вот уже 2000 лет (иные считают, что еще больше) являются оседлым кавказским народом, а их предки уже в глубокой древности были хорошо знакомы с земледелием. Б. А. Калоев пишет: «Сельскохозяйственные орудия (серпы, пестики, зернотерки, небольшие примитивные каменные жернова), зерновые ямы и т. д., найденные в скифских поселениях в центральной части Северного Кавказа, свидетельствуют о развитом здесь плужном земледелии. О земледелии упоминают и средневековые памятники, относящиеся к аланской эпохе. В этот период основным занятием у алан на равнине было земледелие» (Калоев, 1971, с. 70).

Очень хорошо; стало быть, в осет. яз. должна иметься соответствующая и весьма богатая лексика. Но В. И. Абаев в (ОЯФ) сообщает, что названия плуга и бороны – из кавказских языков. В 1958 г. он же пишет, что происхождение их названий в осетинском (*гутон, адае*) неизвестно, как и термина *дзывыр* «соха» (ИЭСОЯ, т. 1. с. 527; с. 28; с. 408). Но разве не скифы поставляли в Грецию изрядную часть потребляемого ею зерна? Зачем было их «потомкам» занимать названия плуга и бороны у «горцев-кавказцев» или неизвестно от кого? Говоря о том, что соха (*дзывыр*) перешла к осетинам от их предков-алан, ученый добавляет, что у балкарцев и карачаевцев было почти такое же орудие, части которого назывались по-осетински – *глуш* (рукоятка) и *зыргъа* «резак». На самом деле, оба термина – из кар.-балк. яз.: *гулоч* означает и «рукоятка сохи», и «клюшка для игры в хоккей на траве», и «клюка», от корня *гыл, гул, гил*, к которому восходит множество слов, передающих понятие кривизны, изогнутости (*гылан* «выюга», *гыланч жол* «извилистая

дорога», *гылжа* «корова с изогнутыми рогами», *гыл ахча* «левые деньги», и пр.).

Любой академист «знает», что «алано-осетины» (а тем более грузины) перешли к оседлому образу жизни как минимум на 1300 лет раньше тюркоязычных предков карачаево-балкарцев. В. И. Абаев, сопоставляя осет. *«дзыргъа, дзыргъаег* «часть плуга (резец или нож)» с груз. *джилгъа* или *аджилгъа* «разновидность сохи», пишет: «Это последнее слово засвидетельствовано, с другой стороны, в значении «жеребец» (груз. *аджилгъа*, сван. *аджелгъ*), что приводит нас к монг., тюрк. *ажиргъа, ачиргъа* «жеребец» (ср. кар.-балк. *ажир* «жеребец». – М. Дж.). Перенос значения («жеребец» – «соха») произошел, насколько можно судить по доступным нам материалам, не на монголо-тюркской, а на кавказской (грузинской) почве. Такой перенос названия животного на предмет материальной культуры – нередкое явление; ср. русск. «(мостовой) бык», «козлы»» (ИЭСОЯ, т. 1, с. 407).

Итак, очередной (и весьма абсурдный) случай «переноса». Грузины заняли у каких-то тюрков (или, если иранистам так хочется, у монголов) слово, означающее «жеребец». До этого не было у грузин и названия сохи, но теперь они стали запрягать в соху не быков, как делали все прочие «лица кавказской национальности», а именно норовистых жеребцов, для такой работы, да еще и на каменистых почвах Кавказа наименее пригодных (почему не меринов или кобыл, неизвестно). Затем они перенесли на соху не свое, а тюрко-монг. название жеребца, а какие-то осетины, неизвестно когда, подслушав у грузин полезный термин, вернулись домой и назвали этим словом уже не соху, а ее резец (нож). Поверить в такой расклад трудновато. Не работают и аналогии, приведенные Абаевым: мостовой бык и строительные козлы получили свои названия не потому, что держались на спинах живых быков и козлов, а из-за уподобления. Но стоило бы ему обратиться к кар.-балк. яз. и все стало бы ясно: от основы *жыр(зыр)* образуется множество слов, означающих «разрезать, разрывать, вспарывать» и т. п.; *жыргъан, зыргъан* «разрезающий, вспарывающий», *жыргъач, жыргъыц* (зыргъац, зыргъыц) «резец плуга» и пр.

Наверное, скифам и аланам приходилось орошать поля. Но «канау» в осет. яз. – из совр. русск. «канал», а *арыхъхъ* «оросительный канал» – не из греч. или грузин., а из «кочевническо-тюркского» (*арыкъ*). «Из культурных растений осетины с давних времен знакомы с просом, ячменем и пшеницей». «Названия других культурных растений в осетинском идут большей частью из кавказского мира – бобы, свекла, овес и пр.» (Абаев, ОЯФ, с. 59). «С плодовыми и огородными культурами осетины, по всем данным, познакомились только на Кавказе. Нет ни одного названия плодового дерева или овоща, которое восходило бы к древнеиранскому (и это, по Абаеву, у выходцев из Средней Азии! – М. Дж.). Нет в языке никаких указаний на то, чтобы осетины были когда-либо виноделами, хотя вино им известно с давних пор» (ОЯФ, с. 60).

С каких давних времен оно им известно и каким способом это выяснил Абаев, если осет. яз. является младописьменным и он сам жаловался на трудности, возникающие из-за отсутствия древних письменных документов? Впрочем, можно предположить, что он имел в виду осет. *саен* (вино), являющееся частью слова *санаптис* «винопийца» (у Гесихия) и вычленяемое Фасмером и Абаевым из двух эпиграфических имен (*Санакос* и *Сандарсиос*). Но чьим словом является *саен*, неизвестно. Возможно, оно фракийское (Фракия в древнем мире считалась родиной вина). «Алкогольные напитки из меда и ячменя – *ронг* и *алутон* – упоминаются только в эпосе» (ОЯФ, с. 59).

Скифы и аланы, еще не став соседями грузин, вероятно, выпили изрядное количество вина, покупая его у фракийцев и крымских греков. Но название молодого вина в осет. – из грузин. (*мачъари*), а водки – из тюрк. (*арахъхъ*). «Гранат и винная ягода неизвестны» (Абаев, ОЯФ, с. 32). То было в 1949 г., но в РОС (1970) В. И. Абаева эти термины уже есть: «виноград» – *саенафсир*, т. е. «винный колос», а «винная ягода» – *инжир* (из тюрк.,

означает «смоква»); однако в ОРС написано: «*инжир* – инжир».

Далее Абаев дает длинный перечень заимствований (будем считать, что все выкладки ученого верны), из которого следует, что «скифо-алано-осетинские» до знакомства с грузинами, тюрками и кабардинцами почти никаких плодов земледелия и садоводства не знали.

Из АРАБ.: *апп*, *аппа* ядро, косточка, сердцевина, содержание, *макъараз* корнеплод кервеля.

ТЮРК. *цупал* гроздь, кисть, *кардо*, *картту* груша, *намыг* зерно, ягода, пуля, *сыл* рожь, *хил*, *хела* злак, *хъаллагъ* стебли, оставшиеся после жатвы, *тала* молодое деревцо, побег, лоза, *къаллыг* перевязь снопа.

КАБАРД. *амбата* кучка сена, соломы, *апхэ* морковь, *хъонтхора* укроп, *сохуран* подсолнечник, *гес* горох, *гом*, *гон* заком, амбар, *мус* ток, площадка для молотбы.

ГРУЗИН. *атали* персик, *булкъ* редька, *цахара* свекла, *джитри* огурец, *бал*, *бали* вишня, черешня, *балгози* глоговина (раст.), *цамалта* отходы при молотбе, *цой* рожь, *дзылаки* мелкий лук, *къомси* айва, *нас* тыква, *неси* дыня, *нурь* чеснок, *хъадур* бобы, горох, фасоль, *хъыдали* ячмень двухрядный, *тъаро* початок кукурузы, *уасылы* полба, *хахуы* лук (раст.), *затха* овес (дигор.), *сысджы* овес (кавк.), *анаули* земля под паром, *бегели* житница, амбар, *зана* тучные поля, обилие, *дыргъ* плод, фрукты (лезг.).

В РОС «сад – баеласдон», «питомник – хъомылгаенаен таладон», но в ОРС «баеласдон – питомник». Абаев говорит, что «персик» – *атъали*, но в ОРС этого термина нет, как и названия распространенного по всему Кавказу фрукта: «абрикос – *абрикос*»; у южных осетин – *чъерами* (заимствование из грузин.). «Названия черешни, сливы, персика, огурца и ряда других фруктов и овощей усвоены из грузинского» (Абаев, ОЯФ, с. 32).

«Потомки» алан-лучников, выходцев из Средней Азии, почему-то заняли название тыквы, но не у персов, арабов, грузин или армян, а у «кочевников»-тюрков: «*Хъабахъ* – тыква; мишень» (правда, в осет. яз. есть еще одно название тыквы – *нас*, из грузин. *насви*; но почему в качестве названия мишени взяли не это слово, а тюркское?). В ОРС *халсар* означает «овощ», но по Абаеву (РОС) *халсар* еще и «злак». В РОС «редька» – *булкъ*, а «репа» – *хуыдырыбулкъ*, в ОРС и редька, и репа называются одинаково – *булкъ*, а «хыдырбулкъ» – брюква; но в РОС «брюква – *урс къуымбыл*». Нет слова, означающего «петрушка». *Нурь* «чеснок» - из грузинского. По Абаеву «ботва – *уаелзаенг*», но в ОРС такого термина нет.

Очень странно, что четыре разных растения называются заимствованным из грузин. *хъадур* – «боб, фасоль, горох, чечевица»; по Абаеву, горох все же называется *тымбылхъадур* (т. е. «круглая фасоль»), и - *гроха* (очевидно, из русск. *горох*). Но составители ОРС опять подводят его, считая, что *тымбылхъадур* означает «фасоль, горох»; нет у них и слова «гроха», зато написано: «*хохаг хъадур* – горох». Запутались в трех выходящих растениях. У Абаева «гречиха – *сауфагае*», но в ОРС такого слова нет. В РОС «конопля – *гаен*», а «лён – *гаен*, *лыстаегаен*», т. е. «мелкая конопля», но в ОРС весьма несхожие лён и конопля называются одним словом - *гаен*.

«*Къаллаг*, *къаелнаег* «стебли хлебных злаков, остающиеся после жатвы», «стерня». – «Вероятно, из тюрк. *къалгъан* с метатезой последних согласных; ср. балк. *къалгъан* «остатки», «объедки», причастие на *гъан* от *къал* «оставаться» (ИЭСОЯ, т. 2, с. 289). Стало быть, «кочевники»-тюрки, двигаясь с Дальнего Востока, на ходу сеяли зерновые и собирали урожай, чему научили и новых соседей. Нужны ли другие комментарии? Может быть (как ни ужасна такая мысль), давно пора признать, что тюрки были автохтонным и оседлым населением Восточной Европы и Кавказа, откуда и продвигались на восток, запад и юг?

ПИЩА

В 1949 г., говоря о названиях молочных продуктов в осет. яз., Абаев пишет: «Ос. *цыхт*, *цыгъд* «сыр», как можно думать на основании чувашск. *чыгъыт* «сыр», является, во всяком случае аланским» (ОЯФ, с. 58) – т. е. осетинским. Термин *чыгъыт* «сыр» есть еще и в караимском, и в марийском, что, по мнению Абаева, является «веским доказательством осетино-чувашского культурного контакта в прошлом». Но как доказать, что термин, присутствующий в двух тюркских языках и одном угрофинском, – именно «алано-осетинский»? Очень просто. По мнению Вс. Миллера, осетинское *цыхт* «сыр» восходит к древнеиндийскому *тикта* «острый по вкусу», «горький», «соль»; этимология, как пишет Абаев, безупречная с звуковой стороны и вполне приемлемая со смысловой. Понять, каким образом древнеиндийское слово *тикта* «соль» стало в осетинском названием сыра (*цыгъд*) и почему чуваша, караимы и марийцы заняли у «ираноязычных алан» именно этот термин, довольно сложно.

Поэтому В. И. Абаев выдвигает очень сильный довод: «Нужно учесть также оригинальность всей остальной осетинской терминологии молочного хозяйства (см. *хсыр* «молоко», *царв* «масло», *мисын* «пахтанье». «Поэтому более вероятно следует считать движение из аланского в болгарский». И не только: по мнению Абаева, вейнахское *чухи* «сыр» примыкает, «по-видимому, к осетинскому», а русское (диал.) *чигит* «круто посоленный творог» (Даль) идет из чувашского» (ИЭСОЯ, т. 1, с. 328). С заявлением об оригинальности осетинской терминологии молочного хозяйства Абаев поторопился. Осет. *цыгъд*, как и все другие варианты термина, явно производно от тюрк. *сыкъ* «отжимать, выжимать»; согласно ОРС, *чыгъд* означает еще и «брынза», однако в РОС это значение не указано. И осет. название сыворожки, остающейся после створаживания молока, тоже тюркское – *сулу* (Абаев, ИЭСОЯ, т. 3, с. 196).

«Заметим, что маслоделие наряду с сыроварением является древнейшим занятием осетин, восходящим к скифской эпохе» (Калоев, 1971, с. 101). Тогда очень странно мнение А. Х. Магометова, ссылающегося на В. И. Абаева по поводу не менее странного факта: «О том, что масло употреблялось исключительно в топленном виде, говорит тот факт, что «нетопленное масло не имеет в осетинском языке оригинального названия (*наелхае* – чеченское слово, *гъарачъи* – грузинское)». Смотрим у самого Абаева: «Слова для «сливочного масла» (*гъарачъи*, *наелхае*) оказываются заимствованными, так как в старом осетинском быту было в ходу только топленное масло» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 1, с. 508). И все.

Жаль, что на этот абсурд приходится тратить время, но другого выхода нет. Скажите, как можно было удовлетвориться подобным «объяснением»? Неужели масло перетапливали мгновенно, сразу же после сбивания? Топленное масло получается из сливочного, стало быть, оно должно было иметь какое-то название до знакомства «североиранцев-скотоводов» с чеченцами и грузинами. Или и скифы, и аланы, и осетины сбивали сливочное масло с закрытыми глазами и отродясь его не употребляли, разве что в гостях? В отличие от всех народов Евразии – неужели так? И разве для того, чтобы чему-то дать название, обязательно нужно его есть? Топленное масло «было в ходу» не только у осетин, но и у всех народов Кавказа; почему же у них есть и названия сливочного? А если нужды в термине не было, тогда зачем его заимствовали у чеченцев и грузин?

Читайте и не верьте глазам своим: «Не останавливаясь на процессе сбивания масла, необходимо отметить, что оно никогда (и ни за что? – М. Дж.) не употреблялось в свежем виде, немедленно перетапливалось для длительного хранения». Но к чему такая паника – «немедленно»? Неужели за долгие века никто из «скифо-алано-осетин» ни разу не попробовал на вкус данный продукт? Одним из любимых кушаний караево-балкарцев,

например, было именно свежее масло с горячими хлебцами. Да и неужели никто не догадался бы дать название продукту, даже если его перетапливали сразу, «немедленно»?

Иранисты скромно умолчали о том, что в осет. яз. (полагаю, что единственно в нем одном из всех языков Кавказа), который, по мнению мировой науки, унаследован осетинами от древнейших животноводов Европы, вообще нет слова, означающего «масло»; в нем есть только названия разных видов, ничего общего между собой не имеющие. Читаем в РОС: «масло – 1. (растительное, машинное) *зети; сой*; 2. (сливочное) *наелхае*; 3. (топленое) *царв*». Но дело в том, что и название растительного масла тоже не осетинское, а арабское (от *зайт* «оливковое масло»), заимствованное через грузинский (Абаев, ИЭСОЯ, т. 4, с. 308). Эта песня и зовется у нас академической наукой.

Еще более красноречивый факт. Скифы и аланы, конечно же, сбивали масло в деревянных кадках-маслобойках. Но: «*Хъуылыг, хылаег* «маслобойка» (цилиндрическая кадка с поршнем). – Примыкает к инг. *хулг* «маслобойка» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 2, с. 324). Почему это так, В. И. Абаев не говорит, но указывает (в РОС) и свое, осет. название маслобойки – *царвцаегъдаен*. Но если оно исконное, то зачем понадобился ингушский термин? В ОРС никакого *царвцаегъдаен* нет, поэтому, скорее всего, термин является изобретением Абаева. И вот вам апофеоз «иранского скифо-сарматизма»: в ОРС указано: «*масла* – масло».

Сливочное масло сбивают из сливок или сметаны. Как вы думаете, должны были в языке «потомков скифо-алан и кобанцев» иметься слова, означающие «сливки» и «сметана», если животноводством занимались и те, и другие, но с особенным усердием – первые? Конечно, все читатели в сердцах своих единогласно возопят: «А как же!». Нет, не угадали. У В. И. Абаева в РОС эти продукты почему-то называются одинаково: «сметана – *аехсырысаертае, хъаймагъ*», «сливки – *аехсырысаертае, аехсырыцаертае, хъаймагъ*», но первого термина в ОРС нет. Не ведает о нем и автор, дающий список названий молочных продуктов у осетин (Калоев, 1993, с. 159). Второе слово, *хъаймагъ* «сливки, каймак; сметана», составителям ОРС известно, но, как назло, оно тюркское.

«Потомки» древних млекоядов почему-то не имели своих терминов даже для кисломолочных напитков и, неведомо когда, взяли их из тюрк. (*айран*), грузин. (*мацъони*), и совр. русского (*кефир*). Причем у Абаева в РОС написано: «кислое молоко – *туаг аехсыр, мацъони*», но в ОРС видим иное: «*айран* – кислое молоко, кефир»; есть еще и *къаепы* – «кефир». Почему взяли слово *айран* у тюрков – понятно, но зачем надо было «потомкам кочевников» заимствовать наи-скотоводческий термин у виноградарей-грузин (*мацъони*)? В. И. Абаев, как всегда в таких случаях, был предельно лаконичен (ИЭСОЯ, т. 2, с. 62); кроме того, нехорошего кар.-балк. слова *айран* в его РОС нет вообще. Ни одного названия блюда из конины. Ни одного случая в фольклоре, когда говорилось бы о том, что кто-то ел ее. А ведь пища – это очень консервативный элемент общей материальной культуры. Куда же все подевалось?

«Пельмени», популярное у многих народов мира блюдо (даже у монголов, самых отъявленных кочевников – *боз*), в осет., по мнению Абаева, называются *хинкъалитае* (мн. число!), но в ОРС такого слова нет. Название мучной болтушки *быламухъхъ* (кар.-балк. *биялмукъ*) – тюркизм. *Къабын* «пирожок с мясом» – тюркизм (ИЭСОЯ, т. 2, с. 279). Скифы и аланы получали вино от греков. Уксус, как известно, производится из прокисшего вина; но термин, означающий сей продукт, в РОС из грузин – *дзымари*. В РОС встречаем «кисель – *кисель, туагъцымгъа*», но в ОРС второго термина нет.

Осетиноведы охотно писали о высокой и древней культуре пивоварения у древних «алан-осетин». Но народы Северного Кавказа почему-то несколько веков ждали прихода тюрков, чтобы именно у них, а не у древних соседей, занять нужный термин; сами осетины тоже поддались этому поветрию. «*Махсымае, махсумае* «брага», прежде

изготавливалась из проса, теперь из кукурузы». – «Из тюрк. *макъсыма* «брага» (Радлов), у Махмуда Кашгарского *букъсум*, куман. *махсыма*. Отсюда и кабард. *махсыма*, адыг. *махсыма* «хмельной напиток, подслащенный медом», черк. *махсыма*, *бахсыма*, убых. *бахсма*, инг. *масхам*, грузин. *максимати* «брага» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 2, с. 78).

Видно, тюрки во время своего ураганного движения на запад научились варить очень вкусную брагу – как не соблазниться? Но тут другая беда. «*Лауыз*, *лауз* «плоская тонкая лепешка», «оладья». «Из тюрк. *лауаш* «круглый тонкий хлеб вроде блинов, лепешка». «Это же слово было заимствовано вторично уже через грузинское посредство, см. *луаси*». «Из тюрк. *лаваши* через груз. *лаваши*. В более раннюю эпоху это же слово вошло в осетинский в форме *лауыз*, *лауз*» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 2, с. 15; с. 49). И это же слово означает в осет. яз. «блин». Чтобы хоть как-то нейтрализовать антинаучное присутствие тюркских названий мучных изделий, В. И. Абаев вписал в РОС «лепешка – *цъаргонд*», но составителям ОРС такой термин неизвестен.

«*Халтамае*, *халтама*, *хаелтанае*, *хаелтамае*, *хаемпалае/халтама* «кукурузные галушки». – «Из тюрк. *къатлама* «толстые слоеные лепешки, жареные в масле» (ср. кар.-балк. *хатлама*. – М. Дж.). «Для турецкого дается также значение «хлеб». Это же слово и в тех же значениях («лепешки», «галушки») имеется и других языках – таджик., кабард., адыгейск., абхаз., абазин., грузин., чечен., ингуш., лакск. (Таборные кочевники, видать, были не только гусепасами, но и хорошими пекарями). «Тюрк. слово производят от *къат* «слой», «ярус» и пр. (ср. кар.-балк. *къат*. – М. Дж.)». Такое неправильное происхождение термина Абаеву не нравится, и он делает попытку исправить его: «Если учесть, однако, что «слоеность» налицо только в некоторых тюркских языках и полностью отсутствует во всех других случаях, связь с *къат* «слой» может быть результатом позднейшего осмысления. В действительности же мы имеем дело с древним странствующим кулинарным термином типа *хлтм* // *хлмт*//*слмт*, который распознается также в русск. *саламата* «жидкая каша» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 4, с. 170).

Но, во-первых, носители всех перечисленных языков имели долгие и тесные контакты с тюрками; во-вторых, следовало учесть способ словообразования (для сравнения укажем хотя бы кар.-балк. *чырлама* «пышки, жареные в масле»); в-третьих, жидкая каша и слоеные пирожки – очень разная пища; в-четвертых, ссылаться на отсутствие слова *къат* в некоторых тюрк. яз. попросту неправомерно – неужели тюркскими являются только те слова, которые присутствуют во всех языках этой группы? Боюсь, при таком подходе к иранским языкам обнаружится, что этой группы нет вообще.

«Голубцы» - *тълма* (тюркизм). «Калач» – *къалаци* (тюркизм). Толокно, продукт, способный храниться долго, самая обычная пища степняков, – *къаелуа*; это явно перенятое у тюрков и переосмысленное араб. *халва* «халва». Есть и производное – *халывва* «печенье; пирожок с сыром», но слова, означающего «халва», в осет. нет. В РОС «вареники – *халывваеае*» (почему-то во мн. числе), но в ОРС такого слова нет. У Абаева «варенье – *вареннае*, *мураба*», но в ОРС есть только заимствование из совр. русск. – *вареннае* (ср. кумык., кар.-балк. *халуа* «халва», *мураба* «варенье»; арабизм). Обычной пищей на всем Северном Кавказе являлась мамалыга – но ее названия в РОС тоже нет.

Любой народ, который занимался скотоводством и в основном питался мясом, просто обязан иметь в своем языке слово, означающее «бульон». Но в РОС «бульон – *бульон*, *таенаег бас*»; два последних слова означают... «жидкий суп»! Добавим, что в ОРС эти слова никак не сочетаются, а термин *бульон*, как говорится, отсутствует вообще. Так что же, скифы и аланы, имея тучные стада, мяса не варили и шурпу не пили? По Абаеву, «буженина – *хуыйыфыд*», а «солонина – *цаехджынфыд*», но в ОРС таких терминов нет.

Если это язык потомственных скотоводов, позвольте еще раз поздравить исключительно внимательных и честных господ иранистов, сумевших выработать в себе

столь своеобразную, я бы сказал, нечеловеческую, логику. И неужели кто-то еще думает, что В. И. Абаев не понимал, какие выводы в плане этнической истории следуют из наличия бесчисленного количества таких фактов?

ОДЕЖДА И ОБУВЬ

«Из предметов одежды, насколько позволяют судить их названия, осетинский унаследовал от древнеиранского шапку, бешмет, пояс, шубу, бурку». Остальные названия одежды либо заимствованы, напр. *чуха* «черкеска» (тур., груз.), «либо неясны по происхождению» (Абаев, ОЯФ, с. 53). Получается, что «остальных» намного больше. Объяснения причин такого положения, встречаемые у осетиноведов, весьма занимательны (см. выше, в параграфе об осет.-абхаз. связях). Таковы, например, утверждения Б. А. Калоева: «К традиционным головным уборам осетин относился, кроме того, башлык, встречавшийся под таким названием и у других кавказских народов. Судя по его тюркскому названию, он был, по-видимому, занесен кочевниками-тюрьками из Средней Азии. Но его возникновение относится к гораздо более древним временам: башлык очень напоминает древнеиранский (? – М. Дж.) войлочный головной убор, входивший в комплекс костюма скифов». «Все это говорит о глубокой традиционности бытования у осетин этого вида головного убора» (Калоев, 1971, с. 178).

Скифы-саки носили головной убор, напоминавший башлык – это факт. Но, уходя в холодные степи, они позабыли этот головной убор в Средней Азии (вместе с названиями верблюда и тыквы), где его подобрали турки, которые потом заявили на Кавказ, где башлык переняли другие народы, вместе с названием. Откуда все это стало известно, мы не знаем. Отвечать на этот вопрос Б. А. Калоев не пожелал, как и В. И. Абаев: «Из тюрк. *башлыкъ* (образовано от *баш* «голова», *лыкъ* – суффикс). Отсюда же каб. *башлыкъ*, груз. *башлуги* и др. Известно также в южных и восточных русских диалектах» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 1, с. 239). И все.

У скифов и алан имелись, наверняка, и летние головные уборы, например, шляпы. Но в языке их «потомков» шляпа называется по-тюркски – *колтак* (или заняли уже из совр. русск.); другой термин – *аембаерзаен*. Однако в ОРС указаны совсем другие значения второго термина – «занавес, покрывало, одеяло, чехол, покров». В ОРС «худ – шапка, шляпа, папах». Странно, мягко говоря. Но у Абаева круг значений этого слова шире; «кепка – *кепкае*, *худ*», «фуражка – *худ*», «шляпа – *шляпае*, *худ* (т. е. «шапка»!), *чылджынхуд*»; последнего термина, означающего что-то вроде «загнутая шапка», в ОРС нет. В РОС *уаелдзарм худ* – «папах», в ОРС это «барашковая шапка»; а, согласно РОС, *паддзахы худ* означает «царская корона» (на самом деле – «царская шапка»!).

Название обычной одежды всех северокавказцев (чекменя, черкески) у осетин (*цухъхъа*), по мнению Абаева, не то перс. (*чуха* «шерстяная верхняя одежда»), не то тюрк. (*чуха*, *чука*, *чоха* «сукно», «одежда из сукна»). Слово это вошло во многие языки Кавказа – армян., грузин., лезгин., лакск., авар., вейнах., кабард. и др.; «употребительно и в некоторых русских говорах: *чуха* «суконный кафтан», а также в других славянских языках» (ИЭСОЯ, т. 1, с. 316). По Фасмеру – в украин., болгар., древнерусск., польск. О происхождении термина Фасмер говорит: «Из турецк. вульг. *чоха*, *чока* «сукно», крым.-тат. *чука* «сукно», уйгурск. *чога* «одежда».

Объяснение этому факту дал Б. А. Калоев, и опять удивительное: «Возникновение черкески (*цухъхъа*) у осетин относится, вероятно, к послемонгольскому периоду и связано несомненно с появлением у них огнестрельного оружия». «Первое упоминание о черкеске у осетин мы находим лишь в XVIII в. у Штедера, который называет ее кафтаном» (Калоев, 1971, с. 176). Но в РОС написано: «кафтан – *кафтан*», т. е. тюркизм занят осетинами из

совр. русск. яз. И речь-то идет о другом: почему название этой национальной одежды в языки многих народов Кавказа вошло именно из тюркского? Почему предки карачаево-балкарцев, якобы поселившиеся на Кавказе в «послемонгольское время», имеют свое название черкески (*чеккен*), а не заимствовали его у своего «алано-осетинского субстрата» или у соседей-«автохтонов»? И почему казаки называют эту одежду именно по-тюркски – *чекмень*?

Неотъемлемая часть чекменя – газыри, от тюрк. *хазыр* «готовый» (некоторые лингвисты объявили слово арабским, хотя оно имеется у тюрков Сибири, которые об арабах в те времена и слыхом не слыхали). Но, по Абаеву, осет. термин имеет только форму мн. числа «газыри – *баерцыта*», а в РОС только форму ед. числа, в значении собирательного множества: «*баерц* – газыри; патрон, гильза». Но здесь опять неувязка: в РОС написано: «патрон – *патрон, гилдз*», «гильза – *гилдз*».

Къарц – «шуба, тулуп»; *цыбыр къарц, джебен* – «полушубок»; *цыбыр* и *джебен* – из тюрк. *Топп* «рулон ткани» - тюркизм. *Теман* «большая игла для зашивания мешков» - тюркизм. В РОС «кумач – *сырх лайын*», первое слово означает «красная», но второго, *лайын*, в РОС нет. У В. И. Абаева «парча – *хаердзаехуыд хъуымац*», но в РОС *хаердзаехуыд* означает «шитый серебром, золотом, канителью; золотое шитье», и значение парча (в сочетании) для него не указано.

У многих народов Кавказа девушки до замужества носили корсеты; в кар.-балк. яз. они называются *чуба*, от *куба, кюбе* «панцырь», кожаный корсет – *гѣнчуба* (*гѣн* «выделанная кожа»); но в РОС его название почему-то из совр. русского – «корсет». При этом В. С. Уарзиати, например, уверял, что «в осетинском быту он применялся преимущественно в среде социальных верхов Дигории и Тагаурии, которые «состояли в кровно-родственных и куначеских связях с феодальной Кабардой» (Уарзиати, с. 73). Почему же тогда название корсета в кабардинском опять-таки заимствовано из кар.-балк. яз. – *куэнышбэ*?

Древние скотоводы, живя в суровых климатических условиях, не могли не догадаться делать из войлока теплую и легкую обувь – валенки (кар.-балк. *уюкъ*), и дать им название; но в РОС «валенки» - *валинкае*. В. И. Абаев счел нужным еще и пояснить, в скобках: *нымае дзабыртае* (т. е. «войлочные чувяки»). «Башмак – *басмахъхъ*» (тюркизм). На античных изображениях скифы обуты в мягкие сапожки. Но в осетинском *цырыхъхъ* «сапог» – тюркизм (от *чурукъ, цурукъ*); все производные (означающие «сапожник, сапожный» и др.) – также от этого слова. Этот же тюркизм прокрался в персидский, курдский, аварский, адыгейский, кабардинский языки, как и в южнорусские говоры (ИЭСОЯ, т. 1, с. 326).

Крестьяне на Кавказе носили простую однотипную обувь, вероятно, с давних времен, и тюркоязычные предки карачаево-балкарцев должны были заимствовать и эту обувь, и ее название у ассимилированных ими «иранцев-алан». Но все наоборот: «*гонцарукъ* дигор. «простая крестьянская обувь в виде лаптя (кусок кожи, завязываемый сверху ремешками). – «Из тюрк. *кѣн* «кожа» + *чарукъ* «легкая обувь»; ср. балк., карач. *гѣнчарыкъ* «чувяки» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 1, с. 524). Это же слово заимствовано и в кабард. яз. Получается, что у «одного из древнейших народов планеты» нет ни одного своего названия обуви. Очередной «парадокс» ирано-скифской теории.

Общепризнано, что первыми штаны начали носить скотоводы-«кочевники» – скифы, сарматы и прочие. Шили их, конечно, из кожи, поэтому в кар.-балк. яз. слово *кѣнчек* «штаны, брюки» происходит от *гѣн, кѣн* «выделанная кожа». В осет. «штаны – *хъаелаеф*», «брюки – *хъаелаеф, салбар*» и «*аеддаег хъаелаеф*» (т. е. «верхние штаны»); но последнего термина в РОС нет, там сказано: «*хъаелаеф* – штаны, брюки», *салбар* – «шаровары, суконные брюки» (в РОС: «шаровары – *салбар*»); ни в одном из этих слов на кожу нет и намека. Но и кабард. *гъуончедж* «штаны» - опять из кар.-балк. яз. Мимоходом

заметим, что и предки русских почему-то заняли термин именно у тюрков; *штаны* – от тюркского *иштон* (см. у Фасмера). Скифы носили, судя по их изображениям, короткополые куртки, стягивая их поясами. Но в РОС «куртка – *курткае*». У Абаева (РОС) «кушак – *хаецылрон*», но в ОРС «*хаецыл* – 1) повязка; 2) лоскут, тряпка», и «*рон* – 1) пояс, кушак; 2) пазуха». Абаев пишет в РОС, что кожаный ремень называется *гаерзрон*, но в ОРС такого слова нет.

Скифо-сармато-аланы, возвращаясь из походов, наверное, привозили сестрам, матерям и женам дорогие подарки, например, украшения с самоцветами; их купцы, разумеется, тоже. И, наверное, эти народы, а также и древние кобанцы, имели названия самоцветов – как заимствованные, так и свои (шутка ли – трехтысячелетняя история!). Но ни одного своего названия для драгоценных камней в осет. яз. нет; большая часть – из совр. русск. Коралл – *коралл*; изумруд – *изумруд*; бирюза – *бирюза*; агат – *агат*; аметист – *аметист*; алмаз – *алмаси* (из грузин.); *карбункул* – карбункул; *сапфир* – сапфир. И в ОРС, и в РОС *налхуыт* – «яхонт» (слово неизвестного происхождения).

Но далее между лексикографами начинаются разногласия. В. И. Абаев пишет в РОС, что «сургуч – *мыцъа*», но в ОРС «*мыцъа* – *сургуч*», и «топаз»; там же есть и другое название сургуча – *бецъеби* (картвелизм). Абаев пишет: «янтарь – *янтарь*, *дзидзи*», но составители ОРС второго слова не знают. В РОС «бриллиант – *брильянт*», но в ОРС «*налхъуыт-налмас* – бриллиант; жемчуг; изумруд» (как это совмещается, нам понять трудно). По Абаеву, жемчуг имеет два названия – *дзындзы* и *цаппузыр*, но составители ОРС о первом слове не ведали, а о втором пишут, что оно означает «пуговица; бусы; жемчуг; чешуя рыбы». На Кавказе ножны кинжалов и сабель издавна украшали чернью (гравировкой черным металлическим сплавом). Но термина «чернь» в РОС нет. Абаев считал, что «самоцвет» – *цаппузыр* и *фаердыг*; второе слово означает также «бусина»; но в ОРС *фаердыг* – «бусина; бисер; ожерелье; хрусталик (глаза)». У Абаева «рубин – *лал, нал*», но в ОРС таких слов нет. В РОС «ожерелье – *хъуырфаердгутае*, но в ОРС – *фаердгутае*, и это же слово означает «бисер». В ОРС *хаердог* – «бусы; бисер»; но у Абаева «бусы» и «бисер» – *фардгутае*, *хаердоджытае*, *дзындзытае* (последнего слова в ОРС нет).

ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА

«Странно», что в языке «потомков» столь древних народов, как скифы и аланы, нет своего слова, означающего «город», все – заимствования: *горат* – из совр. русск., *калак* – из тюрк., *сахар*, *шахар* – из перс. («но надежной этимологии слова на почве иранских нет» – пишет В. И. Абаев; это тоже тюркизм: от *сакъ* – «охраняемое, укрепленное» и *ар*, *ер* «место», или *ара* – «центр, середина»). Но вот какое объяснение он дает: «*калак* – (в югоосет. говорах) «Тбилиси», иногда вообще «город». «Из груз. *калаки* город»; ср. арм. *калак* «город». У южных осетин *калак* стало обозначать Тбилиси как город, также как у северных русское *город* (*горае*) стало названием Владикавказа» (ИЭСОЯ, т. 1, с. 569).

Так что же, ни скифы, ни сарматы, ни аланы других городов не видели? (*Къала*, *къалакъ* не араб. слово, как полагают некоторые авторы, а тюрк.; ср., кар.-балк. *къала* «крепость; город; башня; возводить, строить; нагромождать»).

«Крупных городов древние осетины не строили. По крайней мере язык не сохранил для «города» никакого старого наименования. Современные *горае* и *шахар* заимствованы из русского и персидского» (Абаев, ОЯФ, с. 65). Но разве обязательно строить города самому, чтобы иметь в своей лексике нужный термин? Сам же Абаев многократно уверял, что прямые предки осетин обитали бок о бок с греческими городами-колониями, торговали и воевали с ними, что многие из них жили в этих городах, что в

осет. эпосе встречается титулование владыки Боспора и что «аланы-иранцы» разгуливали по планете, как ни одному народу и не снилось.

Более того, некоторые из этих причерноморских городов, по мнению иранистов, имели «алано-иранские» названия (например, *Ардавада* и *Пантикапей*). Рядом с Аланией, имевшей столицу – *Магас*, была Грузия, страна с немалым числом городов. Куда же подевался такой простой и важный термин? И если древние осетины крупных городов не строили, то уж небольшие строили наверняка – разве не такой смысл вытекает из лукавой фразы Абаева? Как же они их называли и как отличали в речи от деревень и хуторов?

В ОРС написано: «*хъаеу* – село, деревня». В РОС круг значений *хъаеу* шире – еще и «селение; аул». По Абаеву, «поселок – *фаерсаг хъаеу*» (что-то вроде «боковая деревня»), но в ОРС такого определения нет. У Абаева «хутор – *уаетаер*, *хутор*»; второе слово, понятно, из совр. русского, а первое (тюркское) указанного Абаевым значения в ОРС не имеет: «*уаетаер* – 1) кутан, кош; 2) овчарня; 3) отара овец».

Если «североиранцы» что-то строили за тысячи лет жизни в степях, то из чего? Лесов в Скифо-Сарматии было мало, стало быть, строили из сырцового кирпича. Но читаем: «*саман* – «нарезанная, измельченная солома», «сечка», «резка»; *саман* идет на корм скоту». – «Из тюрк. *саман* «солома». Сюда же русск. (диал.) *саман* «измельченная солома» (Даль), а также «вид кирпича». Для последнего значения ср. ос. *самандур* «саманный камень» – строительный кирпич, изготавливаемый из смеси глины с саманом» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 3, с. 28). И – никаких пояснений. Как «ираноязычные скифо-аланы» называли этот стройматериал до прихода всезнающих тюрков (гусепасов, хлебопек, пивоваров, коневодов, а в придачу еще и строителей), никому неизвестно. Как и то, когда «скифо-осетины» заимствовали тюрк. термин «саман» и зачем присоединили к нему *дур*, *дор* «камень» (согласно Абаеву, происхождение слова *дурр* неясно). Но академики все равно пишут: «От аланского населения Крыма и Тамани кипчаки научились возводить саманные постройки» (Алексеева, с. 33).

В РОС для очага три названия – *къона*, *артдзаест*; *уаезаег*. Второе слово В. И. Абаев объясняет с осет. – *арт цаест* «око огня», о первом же пишет: «Ср. в перс.-курд. наречиях: *къуане*, *къуонек* «очаг». Не связаны ли эти слова с тюрк. *къонакъ* «дом», «ночлег» и пр. Или с иран. *къана* (согд. *къанакъ* (к-н-къ) «жилище», «дом»? (ИЭСОЯ, т. 1, с. 636). Да, это подозрение, конечно же, имеет основания. Ну, а что же третий термин, *уаезаег*, означающий, по Абаеву, не только «очаг», но и «родной дом»? «...представляется более вероятным, что в *уаезаег* мы имеем адаптацию тюрк. *ожакъ*, *очакъ*, *одзакъ*, *озакъ* «очаг». Осетинская форма особенно близка к балк. *озакъ*. Из тюркского идут также перс. *учакъ*, сербо-хорв. *оджакъ*, русск. *очаг*, груз. *оджахи*, арм. *оджах*, абаз. *уоджесек*, шапс. *уоджаке*, дарг. *ужакъ*, лезг. *ужай*, табас. *ужай* «родной дом, очаг» (ИЭСОЯ, т. 4, с. 103).

Более этимолог об этом не говорит ни слова. Не упомянул он еще и абхазов, черкесов и кабардинцев, у которых очаг почему-то тоже называется по-тюркско-кочевнически – *уаджакъ*. Не кажется ли вам, что В. И. Абаеву, при рассмотрении столь многозначительных фактов, непременно должны были прийти в голову простые вопросы: «Все перечисленные 13 народов, по мнению «мировой науки», жили в Иране, Восточной Европе, на Балканах, в Причерноморье, в Дагестане и на Северо-Западном Кавказе задолго, за сотни лет до пришествия в эти регионы «тюркских пастушеских орд». И, разумеется, у всех у них уже имелись отопительные устройства (не сидели же они по домам, трясаясь от холода?), как и соответствующие названия. Почему же все они дружно заняли термин у поздних пришельцев-тюрков, обитавших якобы только в юртах и кибитках, а не у «североиранцев», древних обитателей Восточной Европы?».

В том, что В. И. Абаев над этими вопросами думал, можно не сомневаться; почему ни он, ни другие иранисты не попытались на них ответить, я знать не могу. Наверное,

потому, что тогда им пришлось бы написать следующее антинаучное объяснение: «Тюрки жили в Восточной Европе и на Северном Кавказ со времен глубокой древности; именно они изобрели это отопительное устройство, которое и переняли их соседи, вместе с его названием».

«Происхождение слова *хадзар* «дом» пока неясно». «*Каерт* «двор» - диапазон его распространения огромен (финно-угорские языки, чувашский, чеченский, ингушский, армянский и др.). Чье оно по происхождению, неизвестно, как и слово *масыг* «боевая башня» (Абаев, ОЯФ, с. 55). Почему же неизвестно? Осет. *хадзар* «дом» созвучно кар.-балк. *халджар*, *халзар* «загон; навес», вероятно, от *къал* «оставаться» (на ночлег), и *жер*, *зер* «место» = «место, где ночуют»; говорят *къалыр жерим жокъду* «мне негде переночевать (остановиться)». *Каерт* – от общетюрк. *гурт*, *горт*, *журт*, *юрт* и пр., означающего «место обитания, подворье, поселение, жилище; округа». Термин *затма* в осет. означает «крыльцо; навес; балкон»: «Из тюрк. *чатма* «шалаш» (от *чатмакъ* «строить», «сооружать»). Ср. балк. *жатма*, *затма* «навес», «балкон» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 1, с. 389). У Абаева «чулан – *мидаеггон*», но в ОРС такого термина нет. В РОС «лачуга – *къаес*», но составителям ОРС этот термин был неведом.

Но, допустим, скифо-аланы были такие завзятые иранские кочевники, что дворы, дома, очаги, а также башни и навесы им были не нужны, и даже в горах они предпочитали жить в кибитках; в РОС «кибитка – *чыибитка*», но это русский термин (заимствованный из тюрк. яз.). Хорошо, а как с названиями жилищ пастухов и табунщиков? В ОРС «*мусонг* – 1) шалаш, шатер; 2) стан». В. И. Абаев со своими коллегами не согласился: «шалаш - *мусонг*», но «стан (лагерь) – *стан*, *асадаен*, *раесаен*». С первым словом все понятно, оно из совр. русск. Но с двумя другими толкованиями не согласны были составители ОРС: «*асадаен* – дневка»; «*раесаен* – привал, остановочный пункт». (Отсутствие твердой семантической фиксации многих слов, одно из свидетельств молодости осетинского народа, касается не только имен сущ., но и, скажем, прилаг.; например, в РОС «массивный – *массивон*, *егъау*, *маестаг*», но в ОРС «*егъау* – большой», а «*маестаг* – плотный»).

«Лучина; лампа, лампочка; свеча; светоч; светильник» и даже «факел» почему-то обозначаются в осет. одним и тем же словом, без уточняющих определений - *чырагъ*; (ср. кар.-балк. *чыракъ*, *чыракъ*, общее название всех освещающих помещение предметов, к которому, для различения, прибавляются определения, напр., *жау чыракъ* – «свеча», *нарат чыракъ* «лучина» и т. д.). Заглядываем в ИЭСОЯ: «Общее переднеазиатское слово», засвидетельствованное во множестве языков – иранских, тюркских, кавказских. «Источником всех этих форм следует считать перс. *чирагъ*. Для осет. надо, однако, иметь в виду и возможность усвоения из согдийского. Происхождение слова не выяснено (тогда почему его источником следует считать перс. форму? – М. Дж.). Исходное значение было, возможно, «светлячок»; ср. др.инд. *чирака*, *чирика* «сверчок», *чиллака id.*» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 1, с. 324).

Полагаю, что ни о светлячках, ни о сверчках, ни о прочей мелкой фауне говорить здесь незачем; в древнейшие времена помещения, вероятно, освещались горящим в плошках жиром; тюрк. (кар.-балк.) *чыр*, *цыр* как раз и означает «навар, жир» + аффикс *-акъ*. *Фител* «фитиль» - из совр. русск. (считается араб., усвоенным из турецк.). В 1970 г. В. И. Абаев сообщает в РОС: «фитиль – *фител*», но в 1973 г. в ИЭСОЯ (т. 2, с. 241) находим иное: «*Пилта* «фитиль». – Из перс. *пилта* «фитиль». Ср. тюрк. *пильта*, груз. *пилта*, чеч. *милта*», с пометкой ю.(го-осет.). Но в ОРС такого слова нет. У Абаева в РОС «кормысло – *аефсондзаег*» (ср. *аефсондз* «ярмо»), но составители ОРС такого диковинного слова не знали. Еще одна древняя «кочевническая» вещь – ковер. В осет. он называется *гауыз* (ср. кар.-балк. *кюйюз*); вошло в чечен. и ингуш. яз. «Идет из тюрко-монгольской языковой

сферы» (ИЭСОЯ, т. 1, с. 509).

УТВАРЬ

«Очень пеструю картину представляют названия домашней утвари, посуды и пр. (иранские, тюркские, кабардинские, чеченские, грузинские, русские: *печ* - печь)». «Терминология гончарного дела и гончарных изделий бедна и неоригинальна. По-видимому эта важная отрасль древней техники не получила у иранцев-осетин большого развития. Зато стекло носит старое иранское наименование *авг* (от *ap* «вода»). Судя по тому, что это слово было усвоено из осет. в венг. (*ювег*) и кабард. (*абг*), надо полагать, что эти народы именно от осетин-алан познакомились со стеклянными изделиями» (Абаев, ОЯФ, с. 56).

Терминология гончарного дела бедна, зато есть слово *авг* «стекло» (оно же означает, по Абаеву, «бутылка» и «флакон»). И если венг. слово слегка похоже на осет., как и кабард., то, стало быть, со стеклянными изделиями венгры и кабардинцы познакомились непременно через «алан-иранцев», которые в какую-то пору граничили и с венграми, и с кабардинцами. Интересно, когда – одновременно или в разные периоды? Но почему они не передали им другие термины, относящиеся к тем областям хозяйства, в которых скифо-сарматы были, можно сказать, лидерами, например, коневодческие или военные? И почему производное слово *агувзае* «стакан» в осет. яз. заимствовано из кабард. (Абаев, ИЭСОЯ, т. 1, с. 37)?

Б. А. Калоев пишет: «...производство керамической посуды было наиболее древней традицией на Северном Кавказе, зародившейся в его предгорьях, в чем нас прежде всего убеждают многочисленные находки изделий кобанской керамики на Змейском городище в Северной Осетии, а также в кобанских могильниках Центрального Кавказа». «...в скифских курганах Горного Алтая найдена различная кожаная посуда, в том числе бурдюки для переработки и хранения молочных продуктов» («Проблемы этнографии осетин», с. 195). Следовательно, древние кобанцы в основном пользовались керамической посудой, а скифо-сарматы – кожаной; и, конечно же, у их прямых потомков должна иметься соответствующая терминология. И опять следы ведут к тюркам: «...о применении деревянной и кожаной посуды на Северном Кавказе в рассматриваемое время (скифо-сарматскую эпоху. – М. Дж.) мы можем судить лишь по этнографическим данным. Особенно наглядно это прослеживается на материалах исследования быта и культуры тюркоязычных горцев (балкарцев, карачаевцев), использовавших наряду с деревянной и керамической посудой и кожаную, главным образом, бурдюки и мешки для хранения айрана, сыра, масла и т. д.» («Проблемы этнографии осетин», с. 195).

Тогда, наверное, с названиями металлической посуды все в порядке? Но нет. От тюркизма *цугун*, *циуан* «чугун» образованы в осет. многие производные, например, *цуайнаг*, *циуан* «чугунный котел» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 1, с. 318). Читатель может подумать, что в осет. яз. есть и другие названия котлов (бронзовых, медных), какие-то очень скифо-сарматские или хотя бы «субстратно-кобанские». Смотрим в РОС: «котёл – *аг*; *цуайнаг* (чугунный котел); *аерхуаг* (медный котел)». Все бы замечательно, но опять подводят составители ОРС, в котором никакого *аерхуаг* нет; это, видимо, очередной неологизм Абаева. А что же тогда общий термин – *аг* «котёл»? Перечислив ряд языков Дагестана, в которых имеется сходное слово, Абаев дает объяснение, которое своей произвольностью повергает в изумление: «Котельное производство имеет в Дагестане, как выяснено, большую давность и пользуется известностью и за его пределами. Это обстоятельство дает основание предполагать, что отсюда этот термин проник также в чеченский и осетинский. Первоисточником является, быть может, тюрк. *айакъ* «чашка», «горшок»

(ИЭСОЯ, т. 1, с. 34), добавим - и «кубок».

Следует ли это понимать так: в какие-то неведомые времена какие-то тюрки тайком проникли на Кавказ, где умудрились передать горцам Дагестана свой термин, и те принялись изготавливать котлы, которые стали расходиться по всему региону, и вместе с ними в осет. яз. попал и тюрк. термин? Но почему эти таинственные культуртреггеры направились именно в Дагестан? И в чем до той поры готовили себе пищу скифо-сармато-алано-осетины, сидя у костров? И как они, кстати говоря, именовали огромный котел, который был отлит по приказу скифского царя Арианта из наконечников стрел (еще до времен Геродота?). И почему все многочисленные производные в осет. – опять-таки от тюрк. термина *аг* (см. в ОРС)? Куда запропастилось «субстратное» название котла – ведь древние кобанцы изготавливали их в таком количестве, что балкарцы в начале XX в. откапывали эти котлы для использования по назначению (особенно в районе сел. Былым, где местность называется *Къазанч(и)* «котляр, изготовитель котлов»; бронза была такого высокого качества, что эти изделия не имели, по словам стариков, ни одного изъяна)?

Но, может быть, в языке «прямых потомков» древних кобанцев есть названия другой металлической посуды? «Кастрюля – *аг* (т. е. «котел»), *чысыл аг* (т. е. «маленький котел»). «*Къувгъан, кувган* «кумган», «металлический кувшин-рукомойник». - «Из тюрк. *къумгъан, къумган* «кружка для воды», «кувшин, рукомойник, у киргизов чугун или медный рукомойник бухарского изделия», «большой металлический кувшин». Усвоено во многие языки: русский, удмуртский, адыгейский, убыхский, кабардинский, вейнахские (ИЭСОЯ, т. 2, с. 335). «*Гогон/гогойнае* «высокий металлический кувшин для воды». – «Из тюрк. *гюгюм* «медный сосуд для воды»; кар.-балк. *гёген*. Вошло в адыгейский, аварский, лакский (ИЭСОЯ, т. 1, с. 522). Отчего же столь распространившиеся по Кавказу слова опять не «североиранские» и не «кавказско-субстратные», а тюркские?

Даже *цоллы*, название большой разливательной ложки, уполовника – из тюрк. (кар.-балк. *цолпу, чолпу*). Оба имеющихся названия тарелки тоже взяли у тюрков (*табагъ, тефсег*). Скифы и аланы, вероятно, ели мясо, выкладывая его на подносы. Но в осет. «поднос» - *паднос* и *таебагъ*; один термин из совр. русск., другой из тюрк. «Сковорода – *таба, тебае*» (тюркизм). «Сковорода с ручкой» и «противень» – *алгъац*» (тюркизм). Вы думаете, это мои антинаучные предположения? Нет, это пишет В. И. Абаев в своем ИЭСОЯ (почти везде я опираюсь на его объяснения). «Вилка – *вилкае*», «кружка – *кружкае*», «блюдец – *блуди, блуда*», «бочка – *боцкъа*» - все из совр. русск.

Киммерийцы, скифы, сарматы – древнейшие скотоводы Европы. И если нужно выбрать несколько наи-скифо-сарматских, наи-древнескотоводческих предметов, то среди них непременно окажется бурдюк. И, разумеется, их потомки должны были иметь его название, до жути «североиранское». Читаем у В. И. Абаева в РОС: «бурдюк – *лалым, къуыры; дичь* (маленький)»; очень хорошо – целых три термина. Но, к сожалению, первый из них восходит к тюрк. *долум, толум* (Абаев, ИЭСОЯ, т. 2, с. 12), а второй и третий заимствованы из грузинского. Дать хоть какое-то объяснение сему «парадоксальному» факту В. И. Абаев почему-то не пожелал (ИЭСОЯ, т. 1, с. 363; с. 641).

МЕТАЛЛЫ

В 1949 году В. И. Абаев пишет: «Разделение труда было слабо выражено и шло, преимущественно, по линии поло-возрастных различий. Единственная профессия, которая обособилась очень давно, это – кузнецы. **Из всех ремесел только кузнечное имеет старое, неразложимое наименование** (выделено нами. – М. Дж.): *курд* «кузнец». Остальные зовутся описательно: *сисамайаег* «строящий стены», *дурааразаег* «каменотес», *забырхуйаг* «башмачник» и т. д. Все это, по типу образования, вполне современные слова»

(Абаев, ОЯФ, с. 65). Может, точнее было сказать, что это просто неологизмы? Потому что и здесь у осетиноведов наблюдаются серьезные разногласия: сапожник, например, согласно ОРС, называется не *забырхуйаг* (такого слова в нем нет), а *цырыхъгаенаег* (от тюркизма *цырыхъхъ* «сапог»); «каменотес» и «каменщик» - *дурамайаег* (указанного Абаевым *дураарааег* в ОРС нет); «каменщик» в ОРС еще и *сисамайаег*. В РОС есть и «каменщик - *дураейкусаег*», и «каменотес - *дуркаердаег*», но в ОРС их нет. Слова, означающего «кожевник», в обоих словарях нет; в РОС «кожевенный - *цаермгаенаен, алдыгъгаенаен*», но в ОРС этих неологизмов тоже нет. «Бондарь - *боцкъагаенаег*», от совр. русск. *бочка*. Согласно РОС, «горшечник» и «гончар» - *дурынгаенаег*, но в ОРС такой термин не отмечен.

Стоит ли верить тому, что этих профессий у скифов и алан не было? Кто же тогда строил аланскую столицу Магас (Маджар) или столицу Скифии, от которой осталось громадное Каменское городище на левом берегу Днепра (12 кв. км) – по тем временам один из крупнейших городов мира, с цитаделью в центре, с кузнечными мастерскими и пр.? И кто занимался уже в скифскую эпоху металлургией, мастерил телеги, мебель, одежду, оружие, мял кожи, делал кувшины, бочки и кадушки – не одни же только кузнецы?

В 1949 году Абаев пишет: «На заре своей истории осетины были знакомы уже по крайней мере с тремя металлами: железом, золотом и серебром». «Сталь *аендон*, происхождение слова неизвестно, ср. чечен. *ондун*, ингуш. *онда* «твердый»; но удм. *андан*, коми *йендон*. Неизвестно и происхождение слова *зды, изди* «свинец». *Къала* «олово», ср. груз. *къала*, араб. *къалай*» (кар.-балк. *къалай*). Странно, что ученый говорит о стали, а не о меди и бронзе. И, конечно, для потомков скифо-сармат и древних кобанцев (эпоха бронзы), усердно занимавшихся металлургией, список из трех металлов весьма краток, но Абаева это не смутило (или зарей истории осетин он считал еще до-кобанскую эпоху, скажем XV век до н. э.): «Судя по тому, какое выдающееся место занимает в осетинской мифологии и эпосе бог-кузнец Курдалагон, можно думать, что кузнечное дело стояло у древних осетин на значительной высоте и пользовалось большим почетом» (Абаев, ОЯФ, с. 52). Но кузнец Курдалагон (образ которого призван затенить отсутствие терминологии) вовсе не занимает в осет. мифологии и эпосе столь уж выдающееся место - ни одного отдельного сказания (я уж не говорю о песне), посвященного ему, в осет. эпосе нет. Никакого сравнения с кар.-балк. эпосом, в котором песни и сказания о Золотом Дебете, пророке, мастере-кузнеце и прародителе народа богатырей, составляют самое начало эпоса. К тому же Курдалагон – герой, заимствованный из кар.-балк. сказаний, где его зовут Алауган; он старший из 19 сыновей Дебета и иногда помогает отцу в кузне. До знакомства с нартским эпосом в мифологии осетин-иронцев имелось другое божество кузни – *Сафа*, поэтому Алауган стал у них вторым, эпическим, кузнецом, к имени которого добавилось слово *курд* «кузнец».

Термин *къала* «олово», по мнению В. И. Абаева, вошел в осет. яз. (иронский диал.) через грузин. посредство из араб., как и в языки других народов Кавказа. Допустим, это верно. Но он же присутствует и в новогреч., серб. и болгар. яз. (*калай*). «С давних пор свидетельствуется на тюркской почве: куман. и др. *къалай* «олово» (напр. в кумык. и киргиз.). «Первоисточником считается название голода *Куалах* на Малакке, где с давних пор в большом количестве добывалось олово» (ИЭСОЯ, т. 1, с. 617). Согласиться с последним предположением трудно. Олово было известно на Древнем Востоке и в Европе с давних времен, оно (или мышьяк) необходимо для производства бронзы, сплава с медью. Теперь подумайте сами: неужели множество народов дожидалось прибытия партий олова с далекой Малакки, чтобы выплавить очередную продукцию? Каким образом тогда можно было обеспечить потребителей и сколько стоил бы металл,

доставляемый с другого края света?

Олово имелось не только на Малакке, но и на Британских островах, отчего их иногда называли Оловянными; его издревле добывали и в Казахстане (как и медь). Поэтому осмелюсь предположить, что слово *къала*, *къалай* от тюрк. *къалакъ* «плоскость, плоский, уплощение»; возможно, олово транспортировалось в виде плоских пластин («олово» в кар.-балк. – *къалай*; ср. *къалакъ* «деревянная лопаточка», «весло», «лопасть», *къалакъай* «фуражка» и др.).

«Обработка металла у осетин имеет очень давние традиции. Многочисленные кобанские бронзовые предметы свидетельствуют о высоком мастерстве и художественном вкусе предков осетин» (Калоев, 1971, с. 104). Ю. С. Гаглойти: «...в отношении осетинского народа можно смело сказать, что в его состав, наряду с основным этноязыковым элементом – скифо-сармато-аланским – вошли и ассимилированные им кавказские племена, потомки носителей кобанской культуры, через которых осетинский народ является наследником кобанцев» (ПОН, с. 96).

В прекрасно оформленном и изданном «Историческом атласе Осетии» (Владикавказ, 2002, под ред. Р. С. Бзарова) утверждается, что бронзовый век начался на Кавказе в конце IV тысячелетия до н. э. и что здесь находился «один из мировых центров бронзовой металлургии». И, далее: «Предметы эпохи ранней бронзы изготовлены из сплава меди с сурьмой и мышьяком, позднее появляется примесь олова». «Кавказскую бронзу в виде сырья или готовых изделий развозили по всей Европе» (с. 6). Производство бронзы продолжалось в регионе на протяжении тысячелетий. В XIV в. до н. э. в истории Кавказа начинается эпоха кобанской археологической культуры. «В числе главных занятий кобанских племен – металлургия и металлообработка»; «Традиции кобанского искусства хорошо прослеживаются и в аланских древностях и до настоящего времени развиваются в осетинском искусстве» (с. 8).

Об искусстве и тысячелетними традициях мы судить не можем, но странно, что в осет. яз. нет не только своего слова, означающего «олово», но и «бронза», и что его пришлось взять из совр. русск. – *бронза*; к тому же и *аерхы* «медь» – неизвестного происхождения (ИЭСОЯ, т. 1, с. 186); ср. кар.-балк. *эрик* «плавкий». У В. И. Абаева «латунь – *бур*», но составители ОРС с ним не согласны: «*Латунь* – латунь», а слово *бур* в их словаре означает просто «бурый, желтый». В РОС «мышьяк – *мыстымарг*» («мышинный яд»), но в ОРС этого слова нет. «*Гипп, гепп* «форма для отливки чего-либо». – «Из тюрк. *кеп* «форма», «модель», «колодка», «образец». Отсюда (из кумык.) и вейнах. *кеп* «болванка», «колодка» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 1, с. 519); сюда же – кар.-балк. *кеп*. «*Къыпхае/кипхае* «штамп (блинт) для тиснения на коже» (кар.-балк. *гепха*. – М. Дж.). – Из тюрк. *кепке* «образец», «колодка», «форма» (ИЭСОЯ, т. 1, с. 652). *Тел* «провода» - тюркизм. Слово *зды, изди* «свинец» - из тюрк. *йез, жез* «латунь», в казах. – «медь» (ИЭСОЯ, т. 4, с. 307). Так кто же сохранил терминологию металлургов-кобанцев? Как и этнонимы *алан* и *ас*, кстати? И многое, многое другое?

К сожалению, никто еще не рассматривал характер тюркских заимствований в языках народов Северного Кавказа и Восточной Европы в целом; полагаю, что такой анализ дал бы ошеломляющие результаты. Вместо этого, , во многих случаях, ученые предпочитают изобретать самые фантастические объяснения. Приведем один пример. Читаем у Макса Фасмера этимологию слова, встреченного им в одном из произведений П. И. Мельникова-Печерского: «*томпак* – «желтая медь, металл смешанного состава красновато-желтой окраски», *томпаковый самовар* (Мельников). Через франц. *tombac*, ит. *tombasso* из малайск. *tombaga* «медь» (со ссылкой на Лёве, Майера и Гамильшега).

Если век бронзы начался в Европе давным-давно, то неужели французы, итальянцы и русские должны были ждать тысячелетиями, чтобы занять столь простой термин у

малайцев, о которых европейцы впервые услышали, вероятно, только в XVI-XVII вв.? Неужели у их предков до той поры не появилось бы названия меди? Полагаю, Фасмеру и его коллегам следовало поискать поближе: ср. кар.-балк. *доммакъ*, кумык. *тюмpek* «бронза, бронзовый». Этимология проста: кар.-балк. (скифо-аланское) *тум* «смешанная» (ср. *тума* «помесь, гибрид, метис») + *багъыр* «медь» = «сплав меди»; усечение от *тумбагъыр* дало *тумпакъ*, *томпакъ*, *доммакъ*, *тюмpek*.

«Наиболее развитая культура железного века на территории СССР, сложившаяся в VII в. до н. э. и достигшая расцвета в V-IV вв. до н. э., принадлежала скифским племенам Северного Причерноморья»; сарматам были известны обработка железа и литье бронзы (Першиц, Монгайт, Алексеев, с. 169). Но в осет. яз. *цугун*, *циуан* «чугун» является заимствованием: «Тюркское слово, широко распространенное в кавказских языках» - мегрельском, чанском, грузинском, сванском, аварском, вейнахском, кабардинском, убыхском, абхазском, абазинском, а также в персидском и в русском. О причинах такого распространения именно тюркского металлургического термина и полного отсутствия термина «североиранского» Абаев промолчал (Абаев, ИЭСОЯ, т. 1, с. 318).

Может быть, подобная бедность металлургической терминологии в осет. яз. связана с тем, что «ираноязычные аланы» рано забросили выплавку и обработку металлов, и их древние термины позабылись, а занимать их у кобанцев они не стали? Но В. А. Кузнецов пишет: «Наряду с пахотным земледелием (в Алании. – М. Дж.) высокого уровня достигло ремесленное производство, в частности, обработка черных и цветных металлов, питавшаяся местными рудными месторождениями». «Аланские кузнецы и кузницы функционировали всюду; на множестве городищ и поселений VI-XII вв. обнаружены тяжелые железные шлаки». «Неоднократно были найдены и железные заготовки – крицы весом до 4 кг». «Изделиями из цветных металлов и прежде всего бронзы аланские могильники буквально наводнены. Цветная металлургия также базировалась на местных рудных месторождениях, сосредоточенных в горах; не исключено, что уже в ту эпоху эксплуатировалось богатое Садонское полиметаллическое месторождение». По карте, составленной Н. К. Мхитаровым, в горах Алании (Осетии, Балкарии и Карачае) насчитывалось 23 месторождения железа, меди и полиметаллов (Кузнецов, 1984, с. 151-152).

Кто из иранистов сможет объяснить, почему тогда в осет. яз. нет своих слов, означающих «бронза», «олово», «медь», «свинец» и «латунь»? Допустим, «аланы-осетины» их «забыли». Но тогда как и какие коварные таборные тюрки навязали потомкам таких ярых металлургов свой термин «чугун»? Или эти памятливые до изумления кочевники принесли нужные термины с Алтая и стали подсовывать их новым соседям (чтобы неправильно мыслящие авторы потом своими паранаучными вопросами тщетно пытались сбить иранистов с панталыку)? Разве металлургическая терминология в языке карачаево-балкарцев, «сложившихся на алано-осетинском субстрате», не должна была являться в основе своей иранской? Не дают ответа.

Из орудий труда иранские названия имеют (по Абаеву) – лопата, долото, напильник, терпуг и клещи; термины, «во всяком случае, аланские» (а, может быть, дандарийские? или сарматские? – М. Дж.). Иранские – прясть, мотать пряжу, ткать, стричь, веретено, ткацкий станок, шить, игла, нитка, шнур; как и слова, означающие: арба, оглобля, колесо, уздечко, подпруга, ярмо, шкворень ярма (Абаев, ОЯФ, с. 54). Вроде бы все благополучно. Но весьма разные предметы – молот и молоток – по-осет. почему-то называются совершенно одинаково – *дзаебуг*. В русск. яз. «колотушка» - название деревянного молотка. У Абаева *дзаеккор* – «кувалда», а *баелдо* – «колотушка», но в ОРС *дзаеккор* - «колотушка», а термина *баелдо* нет вовсе. В ОРС есть *мысалгъ* «обушок, обух, молот», но такого слова нет в РОС. Поэтому пребываем в неведении о том, имелась у «ираноязычных

скифо-аланских» кузнецов железная кувалда или они обходились деревянной.

Бырау «бурав, сверло» - тюркизм; напористые дальневосточные столяры и плотники сумели всучить это слово не только «алано-осетинам», но и русским, кабардинцам, ингушам и грузинам (Абаев, ИЭСОЯ, т. 1, с. 281). Слова, означающего «напильник» - нет (напомним, что напильники имелись уже у скифов). В РОС «зубило» и «долото» – *сарт*, но в ОРС «*сарт* – долото, стамеска». В РОС «решетка – *хызаег*, *хызхаст*, *згъаерхыз*», но в ОРС есть только *хызаег* «сетчатка *анат.*; сетка». В РОС *арван* означает «втулка; скоба», но Абаев такого слова не знает, в его РОС «1. втулка (колеса) – *саеманцаег*»; 2. (затычка) – *къаермаег*, *къаебаел*, *втулкае*, *афтулкае*», а «скоба – *цаег*». Но в ОРС *цаег* означает «звено; кольцо; петля; *охотн.* «колбаса». «Магнит – *магнит*». У Абаева *мадан* означает «прииск» и «рудник», а *згъаердур* – «руда», но в ОРС этих терминов нет.

Многие страны Древнего мира получали ртуть (киноварь) из Скифии (Никитовское месторождение на Украине), она даже именовалась в эллинистическую эпоху *хюдор скифакон* - «скифская вода» (Валянский, Калужный, 2001, с. 299). В осет. яз. «ртуть» - *джынасу* (кар.-балк. *гинасуу*): «Тюркское слово: куман. *конессу*, *кёнасу*», уйгур. *кёнюксу*, татар. *кайнар-су*, узб. *койнак су*, балк. *гинасу*. Вошло в ряд кавказских языков: каб. *жинасу*, *женасу*, черк. *гэнасу*, убых. *кенесу*, чеч. *гинсу*. Ср. также венг. *кенесё* «ртуть» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 1, с. 531). Получается, что «скифы-иранцы» продавали киноварь всему миру, а назвать ее не сумели. А если «потомки» опять забыли нужное слово – то почему? И почему они снова взяли название именно у карачаево-балкарцев, в термине которых как раз и содержится слово «вода»: *гина суу* – «красная вода» (греки, вероятно, произвели термин от этнонима скифов-гуннов, приняв за него слово *гина*, *кына* «хна»; ср. именование гуннов в «Слове о полку Игореве» - *хинове*). Почему народы Кавказа опять заимствовали не «североиранский» термин, а тюркский?

Мимоходом - о некоторых других терминах. В 1958 г. В. И. Абаев пишет: «*маез* «клей» (ИЭСОЯ, т. 2, с. 110), из фольклорного *бурамадз*, названия чудесного клея (в сказках и эпосе); по его мнению, в первой части *бур(а)* «желтый», а во второй *маз*, родственное русскому *мазь* и бретонскому *меза* «месить тесто» (ИЭСОЯ, т. 1, с. 272). Но в 1970 г. в его же РОС этого слова уже нет, а есть «клей – *сасм*, *клей*». Однако этих слов нет в ОРС, там есть только *маедз* «вар». *Ацудас* «квасцы» - тюркизм. *Копрадз* «синька» - тюркизм (это кар.-балк. *кептиреуюз*, от *кептир* – «подсушивать», а не от греч. *купорос*). У В. И. Абаева «мрамор – *мармаер*» (как в турецк. – *мармар*, или в кар.-балк. - *мермер*), но составители ОРС бесхитростно режут правду-матку «*мрамор* – мрамор». «Мел» - *мел* (из совр. русск.). В ОРС «*таегъз* – селитра», но в РОС такого слова нет.

ТОРГОВЛЯ

«Торговля была знакома осетинам с самых древних времен, до которого мы можем вообще дойти по материалам языка, - уверял В. И. Абаев. - Нижеследующие соответствия могут дать читателю представление о древности осетинских терминов торговли: *уазар* «торговля» (сохранилось только в слове *уацайраг* «пленный» - пехл. *вазар* «торговля» (ОЯФ, с. 66). Но ведь это означает, что в осет. яз. нет такого простейшего и важного слова, как «торговля»! И неужели предки осетин, жившие в такие отдаленные времена, до которых можно «дойти по материалам языка», начали свою коммерческую деятельность именно с работоторговли?

Но то было в 1949 г., а в 1970 г. нужный термин вдруг появился, в РОС (В. И. Абаев), как и производные: «торг, торговля, рынок, базар, коммерция – *базар*; торговец – *базаргаенаег*; торгаш – *лыстаегбазаргаенаег* (но в ОРС этого слова нет); торговать, торговаться – *базар каенын*; торговый – *базарадон*; рыночный – *базары*; продажа – *уаей*,

продажный - *уаеййаг*».

Сравните все это с терминами, которые изобрели составители ОРС: *базар* – 1) базар, рынок; 2) торговля, коммерция; *базайраг* – базарный, рыночный, продажный; товар; продукты, товары, предназначенные для продажи; *базарад* торговля; *базародон* – торговый; *базаргаенаг* – 1. торгующий; 2. продавец; торговец, коммерсант; *базарганаен* – 1. место торговли; рынок.

Практически все эти слова являются производными от одного чужеземного термина *базар*. Есть еще *уаей* «продажа», *арг* – «цена». Сомнения в том, что эти слова иранские и древние, конечно, нет. Но речь-то идет о другом – имеется в осет. яз. развитая терминология торговли или не имеется. Такие сильные и активные во всех отношениях народы, как скифы и аланы, торговые партнеры греческих городов-колоний (и не только их), просто обязаны были передать своим потомкам более или менее богатую лексику, отражающую долгую практику деловых отношений. Нам же предъявляют два с половиной термина и хотят убедить в том, что «торговля была знакома осетинам с самых древних времен».

Простейшее слово – «заказ», и, конечно, в скифо-аланском языке оно имело бы (торговля с греками, выполнение скифских заказов ремесленниками греческих городов, торговые связи с Боспорским царством и Византией). Смотрим в РОС: «заказ – *фаедзаехст*, *заказ*»; но в ОРС первый термин имеет другие значения: «1) поручение; наказ; предписание; 2) завет, завещание». По Абаеву, «караван» – «караван, бал», однако в ОРС никакого «каравана» нет, а слово *бал* означает «группа; отряд; стая»). Но ведь именно через Аланию проходил один из маршрутов Великого шелкового пути, не говоря о прочем. Или: «*сатар* в сочетании *сатар каенын* «проматывать», «растрачивать», «разбазаривать». – Из тюрк. *сатар* (причастной основы от *сам*) «продавать; ср. балк., карач. *сатар*, *сатаргъа* «продавать», «перс. (из тюрк.) *ситар* «продажа». Отразилось оно и в русских говорах: *засатарить* «задевать, засунуть не помня куда» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 3, с. 40). Или: «*Аслам/аслан* «дешевый, дешево». «Из сев.-тюрк. (казан., тобольск., крым., барабин.) *аслам* «выгода, барыш»; проникло в русск. и чечен.» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 1, с. 77). Ср. также кар.-балк. *аслам* «большая часть; большинство».

«Было бы однако ошибкой думать, что деньги и денежное обращение были известны осетинам с тех же отдаленных времен, что и торговля (неужели у других народов было не так? – М. Дж.). В относящихся к деньгам терминах нет и следа той оригинальности и древности, которыми характеризуются термины торговли (целых три штуки! – М. Дж.): *ахца* «деньги» и *сом* «рубль» - тюркские слова; *суари* «пятак», *абази* «20 копеек», *туман* «10 рублей» - персидские слова, попавшие к осетинам через грузинское посредство» (Абаев, ОЯФ, с. 66). «Названия денег и денежных единиц - позднейшего происхождения, причем *сом* «рубль», как и *аехца*, идет из тюркского» (ИЭСОЯ, т. 1, с. 217). «*Абази* – «абаз», «монета в 20 коп». «употребительное на всем Кавказе название монеты персидского происхождения (от имени шаха Аббаса I, 1587-1629)»; «осетинская форма указывает на грузинский как на ближайший источник» (ИЭСОЯ, т. 1, с. 24).

Итак, слово, означающее в осет. «деньги» и «монета» - тюрк. *ахца* (ср. кар.-балк. *ахца*, *ахца* «деньги; монета»); в РОС (и в ОРС) есть и третье, осет.-тюрк. слово: «монета - *згъаерахцае*», что означает «металлическая деньга». Но слова, означающие «грош» - опять-таки не свои: *грош*, *капеччы аердаг*, т. е. «пол-копейки» (*капек* - из русского).

Все это, как полагал Абаев, потому, что торговля у предков осетин была меновой. «Древнейшие факты языка говорят о меновой торговле и отсутствии денег», - напишет В. И. Абаев и позже. Хорошо, а о чем говорят «не-древнейшие» факты – ведь не исчезли же «скифо-алано-осетины» из истории на целые столетия, чтобы внезапно появиться на свет Божий уже после изобретения денег? Согласимся - на минуту - с мнением Абаева.

Допустим, торговля у скифов целую тысячу лет была только меновой, а золотые или серебряные монеты они за богатство не считали и пользоваться ими отказывались наотрез. Аланы в течение нескольких веков поступали так же, пока не пришли тюрки (т. е. кочевники-коммерсанты, выучившиеся товарно-денежным отношениям в пустынях Азии) и не объяснили им, что деньги – это весьма удобная вещь. Тогда «аланы-осетины» спохватились и срочно выучили грузино-персидские и тюркские названия денежных знаков. Или, другой вариант: «ираноязычные скифо-аланы» знали о деньгах, пользовались ими, потом почему-то снова перешли на полный натуральный обмен, и лишь затем заняли чужие слова. Но тогда приходится вступать в противоречие с историческими сведениями.

В. А. Кузнецов пишет: «...в археологической литературе давно подмечено характерное распределение монетных находок сасанидского времени на территории Северного Кавказа – на западе преобладают монеты византийские, а в центре и на востоке – иранские». И, далее: «Собственной монетной системы у алан не было, монеты поступали извне, употреблялись в качестве украшений, и топография монетных находок может дать многое для понимания внешнеполитических связей алан того времени» (Кузнецов, 1984, с. 56-57). Для такого стойкого сторонника теории иранства скифо-сарматских племен, каким всегда позиционировал себя В. А. Кузнецов, это были весьма необдуманные утверждения. Академисты, конечно, промолчат; промолчал бы и я, но кто гарантировал, что какой-нибудь фольк-историк (то ли по простоте душевной, то ли из-за горячего стремления разрушить дружбу трудящихся всех стран) не возьмет, да и не спросит: «Почему, в таком случае, термин, означающий в осет. яз. «деньги; монета», не «сасанидский» и не «византийский», а тюркский? И почему «аборигены Кавказа» - адыги, чеченцы и ингуши – взяли слово *ахша* «деньги» и *сом* «рубль» опять-таки не у греков, римлян или персов, а именно у тюрков?».

Речь идет о кавказских аланах V-VI вв., которые, согласно Кузнецову, почему-то использовали деньги не по назначению; но за 900 лет до этих алан царь Атей сам выпускал монеты – неужели только для того, чтобы скифские красавицы украшали ими свои ясные лбы? Или аланская экономика неуклонно регрессировала, опустившись до уровня экономики австралийских аборигенов? Но те же иранисты вещают, что у алан было много купцов, занимавшихся торговлей в обширном регионе и за его пределами, доходя до Египта и Константинополя; чем же эти купцы расплачивались за товары? И как быть с фактом находок на всей территории Алании множества монет – «античных», арабских, византийских и пр?

Вопросы, на который ни Абаев, ни другие иранисты отвечать не пожелали, остаются: «Почему в осет. яз. нет и намек на то, что в нем когда-либо существовали свои названия денег и денежных единиц (или хотя бы греческие, римские и пр.)?». Это же самые обиходные термины, идущие с глубокой древности, не слова типа «маркетинг» или «трансферт». Неужто все окружающие народы тщательно скрывали от скифов, сарматов и аланов факт существования денег, как и сами монеты, пока не пришли тюрки и не раскрыли им эту страшную «военную тайну»? Впрочем, требовать от защитников абсурдной теории придерживаться логики совершенно бесполезно. От людей, сознательно игнорирующих неудобные факты – тем более. Основное противоречие, которое обгаруживается в ходе нашего анализа, заключается не только в том, что в осетинском языке нет очень и очень многих терминов, отражающих реалии Скифии и Кавказа. Беда в том, что они заимствованы именно у «поздних кочевников-тюрков», наименее подходящих (с точки зрения академической науки) для роли создателей этих терминов.

ЗАБЫВЧИВЫЕ ПАСТУХИ

«Материалы языка подтверждают другие исторические свидетельства, из которых видно, что осетины появились на арене истории как народ-скотовод и кочевник». «Разводили осетины всех тех животных, которых мы находим у древних иранцев, кроме верблюда; лошадей, крупный рогатый скот, овец, коз, свиней» (Абаев, ОЯФ, с. 56). Термины из иранского – кобыла, жеребец, жеребенок, бык, корова, бычок, теленок, овца, ягненок, коза, свинья. «Почтенную древность имеет в осетинском название осла – *хараг*».

Но осел не является северным животным и, как утверждают античные авторы, ни ослов, ни свиней скифы и аланы не разводили. «...весь скотоводческий цикл со всеми его отраслями представляется, по данным языка, единой, весьма древней и по удельному весу важнейшей формой хозяйственной деятельности осетин в прошлом». «По сравнению со скотоводством, остальные отрасли хозяйства имели в древности второстепенное значение» (ОЯФ, с. 57). На наш взгляд, В. И. Абаев в очередной раз проявил поспешность.

«Как и земледелие, - смело пишет другой автор, Б. А. Калоев, - скотоводство относится к наиболее древним занятиям осетин и их предков. Данные археологии показывают, что разведение мелкого и крупного скота было главнейшим занятием древних кобанцев и ираноязычных скифо-сармато-аланских племен, обитавших в центральной части Северного Кавказа» (Калоев, 1971, с. 82). Очень хорошо. Стало быть, если ираноязычные степняки-скифо-аланы, прирожденные скотоводы, 20 веков тому назад (или даже раньше) пришли на Кавказ и стали смешиваться с такими же скотоводами-кобанцами, то животноводство (за столь долгий срок) должно было подняться у их потомков на недостижимую высоту, а осет. яз. – просто кишмя кишеть соответствующими терминами. Но мы уже видели, что с названиями продуктов животноводства дело обстоит не весьма благополучно. Теперь выясняется, что это неслучайно.

Увы, передав «алано-осетинам» ряд важных степных, морских, горных и прочих терминов, тюрки загубили основу их жизнедеятельности: «После оттеснения осетин-алан в горы хозяйство их пришло в упадок, исчезла система отгонного скотоводства и коневодства (почему же они не исчезли в Балкарии и Карачае, где природные условия точно такие же, как в Осетии? – М. Дж.). Но в горах еще сохранились некоторые прежние породы крупного рогатого скота и овец. Возможно, что современные породы осетинской овцы и осетинской коровы происходят от средневековых аланских пород» (Калоев, 1971, с. 83). Странно. В горах сохранились породы, выведенные степняками-аланами, но куда-то испарились животные, которых на протяжении веков разводили горцы-кобанцы!

После переселения на равнину (уже в XIX в.) осетины стали разводить еще и карачаевских волов, «выделявшихся огромным ростом и силой». Далее, воспев достоинства осетинской овцы, этнограф говорит: «Кроме осетинской, во многих районах Осетии издавна распространена карачаевская порода овец. Однако, по словам осетин и по мнению некоторых исследователей (писавших в те годы, когда карачаево-балкарцы находились в изгнании. – М. Дж.), эта порода не отличается от осетинской овцы и составляет, по-видимому, ее разновидность» (Калоев, 1971, с. 83). А разве могло быть иначе? Непонятно только, почему об этой «осетинской овце» никто не знает. Автор сообщает, что в центре и на юге Осетии распространение получила и тушинская порода овец, но не говорит, разводили тушины осетинских овец или нет.

Б. А. Калоев совершенно не замечал, в какие впадал противоречия, ведя речь о временах не столь ранних, конце XIX – начале XX вв.: «...овцеводство в горах, являясь главной отраслью хозяйства, не могло по-настоящему развиваться» - якобы из-за ограниченности пастбищ. Как же не могло, если карачаевская порода овец является именно горной (якобы «составляя разновидность осетинской»), как и тушинская? И как тогда понимать то, что автор пишет десятью строками ниже: «Овец разводили не только в горах, но и на равнине, где горцы твердо сохраняли традиции этой отрасли хозяйства. В

Южной Осетии овцеводство преобладало в основном в высокогорных районах»? И он же далее говорит о большом количестве пастбищ в центре Осетии (Калоев, 1971, с. 83-84). Чему прикажете верить?

А теперь сравните наикочевнические и наискотоводческие термины в ОРС и у Абаева (РОС); разногласия весьма красноречивы:

РОС: пастух – *фаейиау*, чабан – *фиййау*

ОРС: *фиййау* – пастух, чабан

РОС: табунщик – *раегъаугъаес*

ОРС: *раегъаугъаес* – табунщик, пастух, чабан (неужели это одно и то же?)

РОС: табун – *баехраегъау*, *раегъау*

ОРС: *баехраегъау* – табун лошадей, *раегъау* – табун, гурт, стадо

РОС: стадо – *хъом*, *раегъау* (крупного скота)

ОРС: *хъом* – крупный рогатый скот

РОС: стадо (мелкого скота) – *дзуг*, *фосы дзуг* (*фос* овца, овечье)

ОРС: *дзуг* – стадо, отара; стая

РОС: стадо (свиней) – *аердонг*

ОРС: *аердонг* – 1) стадо, гурт; 2) толпа, орава, скопище

«Ср. чеч. *арданга*, инг. *ординг*, «стая», «шайка». Дальнейшее неясно. Бенвенист связывает с иран. *дранг*- «крепко держать»; фонетически это очень неплохо, но развитие значения не совсем ясно» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 1, с. 173).

По мнению иранистов, древние осетины почему-то ужасно любили переносить различные названия на другие объекты. Угоден очередной пример? В 1958 г. В. И. Абаев пишет, что тюрк. *аргъамакъ* (от *йоргъа бах* - «конь-иноходец») стало означать в осет. «породистая собака», «борзая», потому что и собака, и конь обладают общим качеством – резвостью, «борзостью» (ИЭСОЯ, т. 1, с. 66). Однако в ОРС (1970) *аргъонахъ* не «борзая», а «волкодав», с примечанием «порода кавказских овчарок»; термина, означающего «волкодав», в РОС нет вообще, а «борзая» переведено другим тюрк. словом – *егар* (вошло в венг., кабард., русск., ингуш.). Но «гончая» в РОС – тоже *егар* (кар.-балк. *эгер*). Таким образом, в течении 12 лет тюрк. *аргъамакъ* «иноходец» превратилось в «борзую собаку», потом в «волкодава», а потом и вовсе исчезло.

Читаем у Абаева: «*самур-гуй* д.(игор.). порода охотничьей собаки (ищейка? гончая?)». – «Буквально «соболь-собака». Ср. тюрк. *самур* «соболь» (вошло, как сообщает Абаев, в перс., армян., парфян., араб., грузин.). «Как название породы собак встречается в некоторых языках Кавказа, преимущественно в фольклоре: балк., карач. *самырла* (в нарттовском сказании о Рачикау), каб. *самыр* «собака гончая», «сказочная крылатая собака» (ИЭСОЯ, т. 3, с. 29). В. И. Абаев вписывает в РОС: «ищейка – *фаедысмуд куыдз*», но в ОРС таковая не значится. В РОС «овчарка – *фиййау куыдз*», т. е. «чабанская собака»; однако в ОРС этого сложного термина (калька с русского слова?) тоже нет.

Итак, все названия собачьих пород в осет. яз. – тюркские, в том числе и волкодавов. Но как скифы и аланы пасли бы свои стада без этих верных помощников? Самим за отарами никаким пастухам не уследить, особенно ночью. А если волкодавы у них были, почему их иранские названия не сохранились ни у осетин, ни у тех, с кем они общались и

границили?

Бернард С. Бахрах в своей книге «История алан на Западе» пишет, что аланы, оказавшись в Западной Европе, «продолжали охотиться на оленей и волков скорее для удовольствия, чем для добычи пищи, как это было раньше. Для преследования зверя держали больших, крепких и быстрых псов. Самой прославленной из этих средневековых охотничьих собак был ныне исчезнувший АЛАН (средневеков. лат. АЛАНУС), который, согласно современным авторитетным источникам по истории и происхождению собачьих пород, «происходил родом с Кавказа, откуда сопровождал свирепых, светловолосых и воинственных алан». Эта собака пользовалась огромной популярностью, как и аланская лошадь. «Позднее ей был присужден статус геральдического знака, поэтому на гербе города Алано в Испании по сей день изображены две аланские собаки» (Бахрах, с. 140).

Сведений о том, что у осетин была порода охотничьих собак, я не нашел. Зато балкарцы и карачаевцы как раз гончих псов (пятнистых, с короткой мордой) разводили; лучших - в Баксанском ущелье (потому и прекрасная местность в этом ущелье до сих пор именуется *Иткъол* - «собачий лог»). И назывались они *къаплан эгерле* - «барсовые псы» или *бахсан парийле* «баксанские кобели». Их содержали во дворе, прочих собак (овчарок) - только на пастушеских станах (в древней песне с одной из таких барсовых собак отправился на охоту и преследовал волшебную оленуху несчастный Бийнёгер). Вымерли они в годы выселения карачаево-балкарцев в Среднюю Азию и Казахстан (1943-1957).

Народы, занимавшиеся скотоводством, обычно хорошо разбираются в анатомии, в ветеринарии, медицине (воинственные – тем более). Но в осет. яз. множество терминов из этой области лексики заимствовано или из тюрк. или из совр. русск. яз. «Энергия - *энерги, хъару*»; второе из кар.-балк. яз. (*къарыу* «сила, энергия»), в осет. ему придали и другие значения – «способность, дарование, доблесть» (см. в ОРС). «Кадык» - *богъуырдахъ* - тюркизм (ср. кар.-балк. *богъурдакъ*). «Зоб» (болезнь) – *бохъхъыр*, тюркизм (кар.-балк. *бокъур* «зоб; нарост на дереве»). *Емынае* «чума; отравла» - тюркизм.

В ОРС у скарлатины два названия – *сырхдзуар*, и *хъуырниз*, которое означает также и «ангина», но, по Абаеву, «скарлатина – *хъуырниз*», а «ангина – *ангина (хъуырниз)*». «Вена - *венае*». «Артерия - *артери*». «Астма – *астмае*». «Депресси – депрессия». «Диафрагма – диафрагма». «Аорта – аорта». «Аппендицит - аппендицит». «Тиф – тиф». «Холера - *халер*». «Лунатик - *лунатик*», «лунатизм - *лунатизм*». «Бронхи – *бронхаета*». «Паралич – *парализ*». «Летаргия – *летарги*». «Эпилепсия - *эпилепси, суртыниз*» (это у Абаева, но в ОРС никакого *суртыниз* нет). В ОРС «удыхос - эликсир», но Абаеву это слово неизвестно. В его РОС «бальзам – *бальзам, хос, аевдадзы хос*». Первое слово из совр. русск. яз., *хос* означает просто «лекарство», а *аевдадзы хос*, как считали составители ОРС – «действенное, полезное лекарство, средство».

Скот скифов и алан, вероятно, иногда (а, может быть, и часто) страдал от бескормицы (по-тюркски - *джут*). В. И. Абаев это учитывал, поэтому срочно изобрел для их «беспамятных» (по вине иранистов) потомков два нужных термина: «Бескормица – *аенаехоллаг, холлагхъуаг*». Говорю «изобрел», потому что в ОРС нет ни того, ни другого слова; там написано: «*джут – джут*» (тюркизм). *Токъул, токъыл* «баран, откармливаемый на убой» - тюркизм. «*Фаджыс/фаджус* «навоз». – Одно из старейших тюркских отложений в осетинском» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 1, с. 417); ср. кар.-балк. *багуш* – «мусор», в черекском диалекте – «навоз». Очень впечатляет и другое: «*Багъа* – «помет мелких животных (овцы, собаки). – Это слово следует, быть может, относить за счет алано-монгольских связей; ср. монг., бурят. *багъан* «кал», монг. письм. *багъасун id*» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 1, с. 231). Комментировать это объяснение незначит.

На Кавказе животноводство без наличия летних и зимних пастбищ невозможно. Но в осет. яз. нет названия ни для первых, ни для вторых. Читаем в ОРС: «*уаетаер* – 1) кутан,

кош (*жилище пастуха в поле*); 2) овчарня; 3) отара овец». Это – тюркизм, поэтому Абаев его в РОС не включает: «Кош (*летнее жилище пастухов в горах*) – *раез*»; «отара – *фысты дзуг*». Но термины, которыми великий ирановед заменил опальное тюрк. *уаетаер*, в ОРС означают «*раез* – рост, развитие»; *фысты* «овечья», *дзуг* – «стадо; отара; стая». И все довольны. К 1989 году В. И. Аббаев к тюрк. термину подобрел и вписал его в свой словарь: «*уаетаер/(у)отар, (у)отаер* «пастушеская стоянка с жилым помещением и загоном для скота», «кош», «кошара». – «Из тюрк. *отар* (отдаленное от аула) пастбище», «хутор», также «стадо баранов», «отара», производное от *от* (Радлов)». Вошло в русск., кабард., абазин., ингуш., венг. яз. (ИЭСОЯ, т. 4, с. 99). Не странно ли, что такое, весьма кочевническое, слово ни у одного из народов Восточной Европы не является «североиранским»? Или скифо-сарматские пастухи ночевали на голой земле, оставляя стадо в открытой степи, на радость волкам, а кошары у них появились только после прихода тюрков?

Очень странно и другое. «Баран» в осетинском – *фыр*, «овца» – *фыс*. Но в РОС написано, что холощеный баран называется *наелфыс*. Что же означает это слово (в ОРС оно отсутствует), если первая часть, *наел* – «самец»? «Самец-овца»? То же самое и в другом случае. В РОС «козёл – *наелсаегъ, цаеу*», но в ОРС никакого *наелсаегъ* нет. Нисколько не колеблют веру прогрессивной научной общественности в иранство скифо-аланов и «кочевническое» происхождение осетин и другие факты. Их предки, придя на Кавказ, напрочь «позабыли» свое название быка. В. И. Абаев пишет: «*Гал* – «бык, вол». – Слово прослеживается в перс., азербайджан., дагестан. и картвел. яз.». «В осетинский слово вошло, вероятно, из кавказского субстрата» (ИЭСОЯ, т. 1, с. 506). Есть еще одно слово – *куыр* «молодой бык», «бугай», присутствующее, как пишет В. И. Абаев, во многих угро-фин., тюрк., кавказ. и др. языках, опять же добавляя: «Указать первоисточник затруднительно» (ИЭСОЯ, т. 1, с. 608). «*Хъыназин, къуназин* «корова двух-трех лет». – Из тюрк. *къунажин, къунаджен* «корова или лошадь на третьем году, монг. *къунажин*. В осет. вошло скорее всего из балк.-карач. *къунажин*». «Ср. в русских терских казачьих говорах *кунажинка* «корова на третьем году», каб. *къуанажен* «жеребенок двух лет» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 2, с. 328).

Ярким свидетельством того, что скифо-сарматы были ираноязычными предками осетин, нужно считать и «тюрко-монг.» слово *богъ, богъа* «бугай», проникшее, кроме осет., еще и в русск., украин., грузин., авар., лакск., даргин., ингуш., убых., шапсуг., и др. (ИЭСОЯ, т. 1, с. 264). Но если древнейшие скотоводы Европы (скифо-сарматы) были иранцами, то в этих языках перечисленные термины с большой вероятностью, являлись бы иранскими. Или «североиранцы» не разводили крупный рогатый скот?

КОНЕВОДЫ

В. И. Абаев пишет в ОЯФ (1949 г.): «Известно, что иранцы были великие конники, поклонники и ценители лошадей. В надписях царя Дария I лошадь упоминается неизменно впереди человека: *хуваспа-хумартъя* (т. е. «(страна, имеющая) добрых коней и добрых мужей»)). Сей примечательный факт не кажется нам доказательством великого развития коневодства у древних иранцев. Потому, что очень высоко могло цениться только то, что представляло собой большую редкость, нечто уникальное. Вот у тюрков было по-другому – конь ценился, но уж никак не выше человека, потому что не являлся диковиной, редкостью; конина была обычной пищей, как и кумыс; коней приносили в жертву, запрягали в телеги и т. п.

Б. А. Калоев, очевидно, выражая точку зрения всех иранистов, пишет: «...появление коневодства, в том числе табунного, на Северном Кавказе является заслугой скифо-

сарматов, передавших местным племенам лучшие в то время породы лошадей, разводившихся по всей Евразии» (Проблемы этнографии осетин, Оджоникдзе, 1989, с. 193). Сказано, вне всякого сомнения, верно; иранцы, правда, к появлению коневодства на Северном Кавказе никакого отношения не имели. Потому что стоит только взяться за анализ конкретного материала, как начинаются чудеса. «Субстратного происхождения ос. *баех* «лошадь», ср. ингуш. *бакх* «жеребенок», - пишет В. И. Абаев. Но как же так - главный коневодческий термин в языке потомков скифо-алан представляет собой заимствование, да еще и переосмысленное? Где же «великие иранские традиции коневодства»? Но В. И. Абаев продолжал: «Не может быть и речи о том, чтобы иранцы-осетины познакомились с лошадью на Кавказе. Тем более, что иранское название лошади (др. иран. *аспа*) также удержалось в осетинском: ос. *йаефс*, *аефс* «кобыла», ос. *харгафс* «мул», букв. «осел-лошадь». Иранцы-осетины пришли на Кавказ несомненно со своей «лошадью», но, столкнувшись с местным населением (? – М. Дж.), иранская «лошадь» была оттеснена и удержалась только в значении «кобылы». Кавказский «конь» не имел бы никаких шансов вытеснить иранского, если бы этому не благоприятствовало двуязычие» (Абаев, ОЯФ, с. 118).

Итак, «ираноязычные скифо-аланы» пришли на Кавказ со своим названием лошади, поскольку были завзятыми коневодами. Но тут они стали смешиваться с местными племенами и начались очередные обмены и переносы: иран. *аспа* «конь» превратилось в *аефс* «кобыла», куда-то исчезли все производные, а ингуш. *бакх* «жеребенок» стало означать в осет. «конь». Очень убеждает. В. И. Абаев пишет: «*арц/арцае* – «копье»; в дигорском встречается еще *баехарцае* «пика», собственно «копье верхового» (ИЭСОЯ, т. 1, с. 60). Выходит, алано-дигорцы дали название пике только после того, как переняли у ингушей слово *баех* «жеребенок» (почему-то поняв его как «лошадь»)? Но где же термины, связанные со «скифским» названием животного, хотя бы один-единственный? Т. е. «кавказское» слово *баех* вытеснило «североиранское» название коня столь радикально, что в осет. яз. от него не осталось никаких следов.

Почему двуязычие благоприятствовало именно чечено-ингушскому термину (которое пришлось еще и переосмыслить), а не исконно иранскому, объяснить никто не пожелал. Кстати говоря, некоторые авторы ныне стали доказывать, что до-скифо-аланское население Осетии (кобанцы) также было ираноязычным, родственным скифо-сарматам. Если принять эту точку зрения, положение становится еще более странным: если и те, и другие являлись иранцами, почему в осет. яз. утерялось именно иранское слово, означавшее «конь»?

Другой трудный вопрос: почему в осет. яз. нет названия хотя бы одной (своей) породы лошадей? Но иранисты – люди находчивые: отсутствие фактов они легко компенсируют пышными заявлениями, голыми утверждениями или просто предположениями. «Осетины, - пишет Б. А. Калоев, - разводили преимущественно лошадей местной горской породы». Но почему, если, как утверждал сам же Б. А. Калоев, местным племенам лучшие породы коней были переданы «ираноязычными» скифо-сарматами? «Можно полагать, что предки осетин – аланы, являвшиеся прекрасными конниками и разводившие большие табуны лошадей, о чем свидетельствуют, в частности, арабские источники и данные осетинского фольклора, могли иметь и другие породы лошадей. По-видимому (? – М. Дж.), среди них была и древняя «северокавказская» порода лошадей, известная ныне под именем кабардинской» (Калоев, 1971, с. 88).

Не кажется ли вам, что количество предположений в этой цитате сильно превышает все допустимые даже в покладистой (по отношению к некоторым абсурдным теориям) академической науке нормы? Если у «местного населения», которое давным-давно жило в тех же (якобы неблагоприятных для развития коневодства) условиях, в какие попали

«великие конники», то почему победил не их термин, и не «субстратный», а ингушский? И почему «алано-осетины» взяли термин не у субстрата, а у ингушей? Или субстратом при сложении осетинского народа были вайнахи? Тогда почему не сказать об этом прямо?

Согласимся, на минуту, с предположениями Б. А. Калоева. Стало быть, пересели «аланы-осетины» на местных горских коней, а свои породы оставили на равнине и одну из них присвоили сообразительные кабардинцы (а овцу – не менее сообразительные карачаевцы; башлык, который скифы обронили в Средней Азии, как помнится, подобрали какие-то безымянные турки). Но тут возникает новое противоречие: «После оттеснения алан-осетин в горы коневодство у них заглохло, исчезли и прежние породы лошадей» (Калоев, 1971, с. 88). Куда же подевались местные лошади, на которых этнограф только что посадил алан? И почему коневодство не заглохло у карачаево-балкарцев, мингрелов, карабахских азербайджанцев и др., никак не меньших горцев, чем осетины? Получается, что когда кобанцы и «аланы-иранцы» жили раздельно, и у тех, и у других были свои породы коней, прекрасно приспособленные к условиям гор и степей; но стоило им смешаться – и тут же все испарилось. Выше Б. А. Калоев писал, что, как только аланы ушли в горы, у них исчезла и система отгонного скотоводства и коневодства, овцеводство зачахло и т. д. Что же тогда осталось?

И. М. Мизиев в одной из своих работ приводил слова Коста Хетагурова (обвинить которого в незнании реалий жизни осет. народа трудновато) из его очерка «Особа» (конец XIX в.): «Лошадь была прежде роскошью. Она применялась только для верховой езды и перевозки выюков. Ни мясом, ни молоком, ни кожей ее не пользовались» (Хетагуров, т. 2, с. 251). (Разумеется, подобные неправильные цитаты ученому миру не понравились).

«Лошади прежнего значения уже не имели и поэтому их разводили в незначительном количестве». «Однако с выходом части осетин на плоскость и с установлением экономических связей с равниной» роль лошади в жизни осетин повышается, и уже «в начале XX в. общее поголовье лошадей в горах Осетии составляет внушительную цифру – 4260» (Магомедов, 1968, с. 79). Казалось бы, это уже кое-что. Но природно-климатические условия в Осетии такие же, как в Балкарии и Карачае. Ср. приведенную выше цифру с поголовьем коней, которое имелось в 1907 году у балкарцев – 9992, у карачаевцев – 33 756 (Будаев, 2006); и это при том, что балкарцев тогда было в 2-3 раза меньше, чем осетин. Вопрос остается: почему в осет. языке и фольклоре нет названий своих пород коней? Куда ни глянь, одна и та же картина; у скифов и алан было и то, и другое, и третье, и пятое, и десятое, но их потомки все позабыли.

Но хотя бы в мифологии должны были остаться следы прежнего развитого коневодства у предков осетин, например образ покровителя коней и коневодов. Б. А. Калоев, однако, пишет: «...следует вспомнить, что в осетинском пантеоне нет такого божества, что кажется совершенно невероятным, ибо коневодство, как мы пытались показать, являлось ведущей отраслью хозяйства их ираноязычных предков – скифо-сарматов и алан». Виноваты были в утрате не только коней, но и божества, конечно же, известно кто: «Можно только полагать, что со времени полного прекращения разведения лошадей в горах Осетии (особенно в ее высокогорных районах) после татаро-монгольского нашествия были утеряны и культы покровителей лошадей» (Калоев, 1993, с. 204). Те же вопросы: почему не утерялись ни кони, ни их покровители у других народов Кавказа? И откуда Б. А. Калоеву могло быть известно, что после нашествия монголов разведение лошадей в Осетии полностью прекратилось?

При этом иранисты без тени смущения продолжали цитировать древних авторов, например, Гиппократ (о скифах): «...они едят вареное мясо, пьют кобылье молоко», или Аммиана Марцеллина (об аланах): «Гоня перед собою упряжных животных и стада, они пасут их, наибольшую же заботу прилагают к уходу за лошадьми». «Иранские народы с

первых дней своего появления на арене истории известны как завзятые коневоды и конники. В частности, предки осетин, аланы, славились повсюду своей замечательной конницей», - пишет Абаев, и цитирует Флавия Вегеция Рената (IV в.): «... оружие всадников улучшилось по примеру... аланской конницы»; «Ловкость и красота верховой езды... гуннов и алан» (ИЭСОЯ, т. 1, с. 256).

Красоту цитаты несколько портят затесавшиеся в нее гунны; ну да, ничего. Беда в другом - терминология коневодства в осет. яз. бедна и подавляющее большинство терминов имеет в основе одно-единственное слово - заимствованное *баех*. Поэтому в голову лезут разные крамольные мысли: а вдруг слова Флавия Вегеция относились совсем не к иранцам? Что, если они ни с первых часов своего появления на арене истории, ни даже потом не были «завзатыми коневодами, конниками и конеядами»? И как нам не впасть в грех сомнения, если в осет. яз. даже слово *баех* - «конь, лошадь» - является заимствованием из ингушского (на самом деле это тюркизм; ср. *бакъыр* «блеять, ржать», *байтал* «кобыла», от *бахтал*; «къарабаир» от *къара-бахир*, *байга* «скачки», общеизвестное *аргъмакъ* - из *йоргъа бах* букв. «иноходящий конь»); ср. также древнерусское, русское и польское *бахмат* «низкорослая лошадь».

Но Абаев продолжал: «Слово, означающее у одного народа вообще «лошадь», получает нередко у соседей насмешливое значение «кляча» и т. п. Так, нем. *Ross* значит «конь», а фр. *rosse* - «кляча». Это случилось и с ос. *баех*. В имерском диалекте грузин. яз. мы находим *бахи* «невзрачная, негодная лошадь», «кляча» (Ч к о н и я); отсюда *бахури* «сделанный из цельного куска дерева арчак» (Б е р и д з е). В русских говорах также отмечено слово *бах* в значении «кляча» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 1, с. 256). Сказанное великим ирановедом, конечно, сильно расширяет горизонты познания, но, к сожалению, не углубляет его. Допустим, в имерском диалекте все произошло именно так, как предполагал Абаев: осетины взяли у вайнахов слово *бакх* «жеребенок», переосмыслили его в слово «конь», передали его имеретинам, а те придали ему в своем диалекте значение «кляча». Но откуда это же слово и от кого попало в русские говоры, а также в польский? Если от «скифо-алано-иранцев», то оно было бы другим словом, иранским. Или у них никогда не было термина в значении «лошадь», но потом они срочно съездили на Кавказ, взяли его у ингушей, переосмыслили, вернулись на север и передали славянам? Очень заманчивое объяснение. Но - нелепое; поэтому, скорее всего, распространителями термина были все те же турки, которым он и принадлежит. Но какое чужое слово, означавшее «конь», осетины превратили в свое, означающее «кляча» (что, как пишет Абаев, случалось нередко)? Смотрим в РОС: «кляча - *цауд баех*» («плохая, слабая (никчемная) лошадь»).

«В этих условиях (каких? - М. Дж.) появление в осетинском кавказского слова для «лошади» служит веским доказательством в пользу глубины и интимности осетино-кавказских языковых связей». Глубина и интимность этих языковых связей, конечно, потрясают, особенно если учесть, что, согласно труду самого же Абаева (ИЭСОЯ), заимствований из всех северокавказских языков (вместе взятых) в осет. яз. меньше, чем арабизмов. В. И. Абаев, тем не менее, смело продолжал коневодческую тему: «Иранское название лошади *аспа* в закономерной форме *аефсае*, *йаефс* сохранилось в осетинском, но только в ограниченном значении «кобыла» (ИЭСОЯ, т. 1, с. 256). Для этого термина Абаев указывает в РОС его синоним - ирано-ингушское *ефсбаех*, т. е. «кобыла-лошадь» или «кобылья лошадь»; но в ОРС этого термина нет, а на букву *Е* в осет. яз. начинаются только 23 слова. Иранским из них, возможно, не является ни одно; все из тюрк. (*егар*, *есаул*, *емыллык*, *емынае* и пр.), грузин. или из совр. русск. (*ёлка*, *ехидна*, *ефрейтор* и пр.). Так, может быть, и *ефс* тоже не иранское?

Осетиноведы постарались отыскать в языках народов, с которыми в те или иные

времена могли контактировать скифо-сармато-аланы, «североиранские» слова и, конечно же, нашли, пусть и в небольшом количестве. Но тут новое противоречие. Хорошо, пришли аланы на Кавказ, поселились рядом с чеченцами и ингушами, и срочно заняли у них слово *баех* «жеребенок», повысив его статус до «коня», а свое, исконное, забыли (как и производные от него), и осталось только *ефс* «кобыла». Тогда почему вайнахи, адыги, абхазы и прочие «лица кавказской национальности» не ответили «иранцам-аланам» любезностью и за три тысячи лет их пребывания на Кавказе не заимствовали у таких завзятых конелюбов какие-нибудь слова, в значении, скажем, «мерин», «неук» и пр., хотя бы пять-десять штук? Почему нет «североиранских» коневодческих терминов даже у карачаево-балкарцев, тюркские предки которых, по мнению иранистов, 500 лет неуклонно занимались ассимиляцией «алано-осетин» на всей основной территории их расселения? Или перенимать их у своего субстрата тюрки принципиально отказывались? Часть этих аланов, как говорят некоторые иранисты, все же эмигрировала на территорию Осетии; нельзя ли было им прихватить с собой десяток своих древних коневодческих слов? Не дают ответа.

НЕПРАВИЛЬНЫЕ ТЕРМИНЫ

Перейдем к рассмотрению прочих коневодческих терминов в осет. яз. Слово «мерин» означает в русск. яз. «кастрированный жеребец», однако в РОС написано: «мерин – *наел баех, аласа*»; второе слово – тюркизм, но *наел баех* (почему-то отсутствующее в ОРС) означает «самец-лошадь»! Казалось бы, так надо было именовать жеребца-производителя, но он называется просто *уырс*. Это не беда. В доказательство исконно иран. происхождения этого термина В. И. Абаев привел целый ряд схожих (и не очень) слов из иранских, армян., древнеинд., латыш., литовск., финн., эстон., карел., означающих «самец, бык, бугай, мужчина, кабан, телец». Ирановед говорит и о том, что слово было заимствовано из иран. в финн., эстон., карел., русск., в которых означает «жеребенок», а, возможно, и в чеченско-ингуш. и даргин. – «бычок; находящаяся в периоде течки самка; лошадь».

Далее В. И. Абаев цитирует Бронделя, который, приводя сходные слова из древнегерман. яз., считал их скифским вкладом (по проникательному уточнению Абаева – сарматским), сближая с осет. *уырс*. Но разве неясно из этого перечня, допускающего столь широкий разброс значений (от просто «самца» до «мужчины»), что данное слово является, скорее всего, не оригинально иранским или «скифо-сарматским», а наследием индоевропейским (или даже ностратическим)? Абаев, как помнит читатель, утверждал, что алано-осетины переняли у сванов двадцатичный счет, а им отдали десятичный; о том же самом он говорит и здесь: «аланы-иранцы» передали, например, даргинцам, слово *уырс* «жеребец», которое те переделали в *урчи* «лошадь», а сами забыли свое же слово, означающее «конь» (*аспа*) и взяли у тюрков *бах*. По Абаеву (в РОС) «случка (лошадей) – *уырсмаецыд*», но составители ОРС несогласны: «*уырсиуаег* – случка (лошадей). Это – наука?

«*Аласа* «мерин» (нередко в полушутливом, полуодобрительном смысле – лошадка)». «Из тюрк. *алаша*»; проникло в мари., мордов., абхаз., кабард., чечен., ингуш.» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 1, с. 44). Может быть, в осет. яз. сохранилось название дикой лошади? Да, в ОРС написано, что она называется *тарпан*; в кар.-балк. это слово означает «скакун; конь, пасущийся на воле». Но Макс Фасмер пишет, что русское *тарпан* («дикая лошадь») – заимствование из казахского. *Дугъ* «скачка, скачки» – тюркизм. В основе слова *догъуат* («место скачек, ипподром») тот же термин. «*Хъузон, хъозон* «лицо, сопровождающее участника скачек, помогающее ему и подбадривающее его для одержания победы»,

«толкач». – Может быть, к тюрк. *кѳозгѳа* «двигать, шевелить, тронуть с места». Тюрк. происхождение тем вероятнее, что слово *дугъ, догъ* «скачки» также идет из тюркского» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 2, с. 319). Так что же, до знакомства с тюрками «ираноязычные скифы и сарматы», великие конники, скачек не устраивали?

В РОС «ночное – *аесаевхиз*», но в ОРС такого слова нет. Абаев отвечает составителям ОРС любезностью: в их словаре «скакун» - *уадсур* и *уайаг* «быстрый; скакун», но в РОС «скакун – *дугъон*» (тюркизм), а *уайаг* означает «быстрый, резвый». В ОРС об этом сказано еще интереснее: «*дугъон* – 1. скаковой (о лошади); 2. 1) скакун; всадник на скачках, жокей». Это, вероятно, уникальный случай, когда и лошадь, и всадник, на ней сидящий, именуются одним словом, к тому же производным от заимствованного слова.

Оцани «норовистый» - из грузинского. *Емыллык* «неук, необъезженная лошадь» - тюркизм; вошло в кабард., ингуш., чечен. (Абаев, ИЭСОЯ, т. 1, с. 411). *Дзамбас* «лошадь с вывихом бедра» - тюркизм (ИЭСОЯ, т. 1, с. 389), ср. кар.-балк. *джанбаши*. «Битюг» - битюг, тюркизм, перенятый из совр. русск. В РОС «круп (лошади) – *фаестаг аердаег*» (что-то вроде «половина задней части конечности»), но в ОРС такого оригинального названия нет. В 1958 г. В. И. Абаев пишет: «*баехбаддаен* – «ключица». – Буквально «коновязь» (ИЭСОЯ, т. 1, с. 256), но в его же РОС (1970) термина, означающего «коновязь», почему-то нет. В ОРС *баехбаеттаен* означает «коновязь» и «ключица», но в РОС «ключица – *баехбаеттаен, тарыстаег*»; второго слова в ОРС нет.

Из чего кормили лошадей? Ясное дело - из корыта-кормушки или торбы. «*Таегаена* «корыто», «колода-кормушка». – Тюркское слово». «Из тюркского идут также венг. *текено, текно* «корыто» и груз. *тагана, тагани*» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 3, с. 250). Из тюркского и слово «торба» - *тофра, топра, торба* (от *толба* «наполненный»).

Читаем в предисловии В. И. Абаева к РОС (1970): «Как единственный сохранившийся представитель обширной когда-то скифо-сарматской группы языков, осетинский язык с давних пор привлекает большой интерес специалистов». Но что это за специалисты, которые, при своем большом интересе, не заметили простейших вещей? Если бы в араб. яз. не оказалось своих слов, означающих «верблюжья шерсть» или «финики», а в норвежском «сельдь», «лодка» или «залив», это, наверное, вызвало бы удивление, если не шок. Но здесь все тихо и спокойно.

В. И. Абаев, конечно же, понимал, что с такой скудной коневодческой терминологией (не говоря о прочем), как в осетинском, долго претендовать на скифо-аланское происхождение будет трудновато, пришлось придумывать. В 1958 году он пишет: «*бур / бор* – «желтый», также «латунь». Далее он приводит термины, в которые составным элементом входит данное слово – названия птиц, ягненка, растений, и даже теонима, но нет никакого упоминания о том, что это масть коней (Абаев, ИЭСОЯ, т. 1, с. 271). Нет в ИЭСОЯ и двух других слов, вставленных им позже в его же РОС: «буланный – *бур, булан, хъаемпхуыз*». Корифея ирановедения в очередной раз подводят и коллеги, составители ОРС: «*бур* – желтый; бурый»; о том, что это масть лошади, ничего не сказано, а двух других слов – тюрк. *булан*, и загадочного *хъаемпхуыз* - нет и в помине. В РОС написано: «карий (о масти лошади) – *цаеух*», но в ОРС такого слова не имеется. А ведь все эти термины, между прочим, не относятся к числу каких-то особо редких, над уточнением значений которых нужно долго биться.

В РОС «пегий – *хъулон, таеппыта*». Первое слово - от тюрк. *кѳолан, кѳулан* «пегий; пестрый», оно есть и в ОРС, а вот второго там нет. Через 9 лет В. И. Абаев издает третий том ИЭСОЯ, но и в нем никакого *таеппытае* нет (эти внезапные возникновения и исчезновения терминов, вероятно, объясняются издержками творческого процесса). Следовательно, остается только тюрк. слово. В ОРС встречаем «вороний – *сынтхуыз* – вороной», но В. И. Абаев пишет в РОС: «вороний – *сау; саусаунд*»; (возможно, опечатка, и должно

быть: *саусауд* «очень черный»). Итак, «черный» и «очень черный»; зачем нужно такое уточнение, Абаев не сказал. Но в ОРС мы не встречаем указания, что это слово употребляется в значении масти коней: «*сау*: 1. черный; *сау згъаертае* черные металлы; 2. траур; *сау дарын* носить траур». Нет в ОРС и второго названия масти – *саусауд*; позже его нет и у самого Абаева, в третьем томе ИЭСОЯ. В словарной статье он указывает: «*сау* – «черный», «смуглый», и приводит добрых два десятка примеров его употребления; среди них – лишь один, касающийся лошади: *сау баех* «вороной конь» (в 1979 году, ИЭСОЯ, т. 3, с. 42). Но если *сау* означает не только «черный; смуглый», но и «вороной», почему этимолог не указал на это в начале словарной статьи? Почему это же значение не отметили составители ОРС? Нет слов, означающих «серый, чалый, игреневый, рыжий, саврасый, чубарый» и пр.; в РОС, ОРС, ИЭСОЯ нет ни одного примера, в котором встретилось бы *урс баех* «белая лошадь». Судя по материалам словарей, в осет. яз. имелось только одно иран. название масти коней – *сырх* «гнедой».

Словотворцам приходилось изобретать все новые и новые неологизмы – заплатки на дырявом кафтане «скифо-иранской теории». У Абаева написано: «рысак – *саеппой*» (тюркизм), но в ОРС – другое слово: *саепгаенаег* (и тоже от общетюрк. *чап, сап, цап* «бег, бежать, скакать»). *Цаптуал* «бег лошади» – опять же тюркизм (по ИЭСОЯ). У Абаева «кляча» – *цауд баех* (*цауд* – «слабая, плохая, никчемная»), однако в ОРС такого словосочетания нет. В. И. Абаев в 1958 году пишет, никак не комментируя: «*зоргъа* – «иноходь». «- Из тюрк. *йоргъа*; ср. перс. *йургъа*, груз. *йоргъа*, авар. *йоргъа*, лезг. *йиргъа*, вейнах. *йоргъа* «иноходь», «иноходец». Осетинский отражает тюркскую форму *жоргъа* (ср. в этом отношении *зылар* «недоуздок» и др.)» (ИЭСОЯ, т. 1, с. 398). Спрашивается, почему все эти народы не заняли термин у первейших коневодов мира, «североиранских кочевников» (и почему его не сохранили их «потомки»), а столетиями дожидались пришествия тюрков? Абаев лукавит и здесь, якобы не ведая, из какого такого языка попала в осет. «тюркская форма *жоргъа*», потому что прекрасно знает, что в кар.-балк. «иноходь, иноходец; резвый» – *жоргъа, зоргъа*.

И это еще не все. В 1958 году в осет. яз. тюркизм *жоргъа* был и даже удостоился рассмотрения в первом томе ИЭСОЯ. Однако в РОС (1970) этого слова уже нет. Нет его и в ОРС. Теперь у Абаева «иноходец» – *сираг (баех)*; в ОРС «*сираг* – иноходец»; «*сираг баех* – конь-иноходец». Ладно, не понравилось иранистам кар.-балк. *зоргъа, жоргъа* «иноходь; иноходец», и они в 1970 году заменили его на *сирд* «иноходь», и *сираг* «иноходец». Чьи же эти слова? По мнению Абаева, они восходят к слову *сырын*, о чем он пишет: «*сырын*: *сирд* I *серун*: *сирд* 1. в народной хореографии при исполнении «кругового» танца (*зилга къафт*) «идти особым скользящим движением с попеременным акцентом то на одну, то на другую ногу» – это движение придает танцу плавность; 2. (о лошади) «идти иноходью»; *сирд* «иноходь»; *сираг (баех)* «иноходец». – Из тюрк. *сиир-, сеир-, секир* «бежать», «скакать», «прыгать», (алт.) «плясать» (ИЭСОЯ, т. 3, с. 113). Как премудро заметил поэт, «Гони природу в дверь, она влетит в окно». Добавим сюда же кар.-балк. *сыр* «стежок», от которого и *сырылган* «стеганный» – «вести плавную строчку на ткани», как и в танце «скользить по площади».

Кони иногда встают на дыбы. В РОС написано: «дыбы – *йае фаестаегтыл*», но в ОРС такого термина нет, как нет и слова *фаестагтыл*. Слово «бричка» из совр. русск. – *бричкае*. И слово «повозка» – *повозкэ*. В ОРС находим «*пox* – дышло», но в РОС «дышло – *дышла*». Слово «хомут» взяли у тюрков – *хамут*. В РОС «вожжи – *божи, рохтае*», в ОРС то же самое заимствование из русск. «*бози* – вожжи», но никакого *рохтае* нет. В ОРС «*сылынк-сылынк* – мелкая рысь», а «*джырт-джырт* – тяжелая рысь», но Абаеву эти слова неизвестны, в его РОС сказано: «рысь – *саеп, саепп-саепп*». Слово *цыд* означает у Абаева «аллюр», но в ОРС – «движение, передвижение, ход, хождение, шествие, течение».

Наверное, болезни лошадей появились очень давно. Название одной из них мы отыскивали в РОС; в ИЭСОЯ о ней сказано: «*манкѣа(у), мангѣау* «сап». «Из тюрк. *манккѣа* «сап»; ср. чеч. *манкѣа*, лак. *мангѣау* id., груз. (рач.) *мангѣао* «болезнь лошадей» (ИЭСОЯ, т. 2, с. 70). Есть и другой термин: *талау, талаеу* «сибирская язва». – «Из тюрк. *талау*». Вошло в венг., чечен., кабард., адыгейск. (ИЭСОЯ, т. 3, с. 225). Что прикажете думать, господа иранисты? Что лошади «североиранцев» (как и у других народов) до пришествия тюрков не болели? У В. И. Абаева (в РОС) «конокрад – *баехдав*»; но составители ОРС об этом термине ничего не ведают. В ОРС «*аердузаг* - коновал», но этот термин Абаеву неизвестен; оба слова отсутствуют и в специальной монографии Цховребова (см. ниже). Количество случаев, когда составители ОРС разногласят с составителем РОС (В. И. Абаев) чрезвычайно велико; создается впечатление, что они составляли словари не одного иронского языка, а двух его диалектов, причем сильно разошедшихся.

«Вся терминология конской сбруи в осетинском относится к исконному иранскому наследию: *уидадз* «поводья», *сарг* «седло», *аехтонг* «подпруга», *дымитонг* «хвостовой ремень», *аегѣдаенцой* «стремя», *згаелакком* «удила», *ехс* «плеть» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 4, с. 107). Но дело обстоит совсем не так, и, например, слова *дымитонг* «хвостовой ремень» нет ни в РОС, ни в ОРС (видимо, этот простейший термин обнаружен позже, в результате мучительных поисков). Нет у Абаева и слова, означающего «потник». В ОРС «чересседельник» - *базаелваесаен, рагѣбаетаен, рагѣбос* (причем *бос* «перевязь» - тюркизм), но Абаев таких слов не знает и вписывает в РОС «чересседельник – *рагѣгѣаерз*».

Очень интересно объяснение, которое Абаев дает слову *аегѣдаенцой, аегѣдынцой, аегѣдинцойнае* «стремя»: «- Из *агѣд* «бедро», «ляжка» и *аенцой* «опора», букв. «опора бедра» (ИЭСОЯ, т. 1, с. 123). Но всадник опирается на стремя вовсе не бедром (ляжкой), а ногой, стопой. Поэтому термин, скорее всего, объясняется с кар.-балк. – *аякъ таянци, аякъ таянчи* «опора ноги». Согласно ОРС, «удила» - *згѣаеллаггом*, что, согласно Абаеву, означает «металл рта» (ИЭСОЯ, т. 4, с. 308). Но он вписал в РОС еще и *уидоны кѣаебаелтае*, причем это словосочетание стоит первым. *Уидон, идон* – «уздечка» (как и *рох* «повод, уздечка»); но в ОРС *кѣаебаел* означает «чека, втулка; стержень; катушка; ролик; деревянный гвоздь; шпилька». Каково тогда значение изобретенного В. И. Абаевым термина (составители ОРС о нем не ведают), сказать трудно. В дигорском удила называются по-тюркски – *илуг, илугон* (Абаев, ИЭСОЯ, т. 1, с. 543).

Утверждая, что «вся терминология конской сбруи в осетинском относится к исконному иранскому наследию», В. И. Абаев забыл о том, что выяснил сам же. *Ныхытбос* «торока», «ремешки позади седла» - тюрко-монг., из *нохта* «недоуздок» («вошло в кабард. и адыгейск.»), и *бос* «перевязь» (ИЭСОЯ, т. 2, с. 163). *Алтынзаекъ* «украшение, привешиваемое на лоб верховой лошади» - тюркизм (ИЭСОЯ, т. 1, с. 48). «*Кѣытаз/кѣудас* «колокольчик». – «Усвоено из тюркского: ср. тюрк. *кѣуаз, кѣудас* «украшение, навешиваемое на шею у лошади, украшение для ее головы» (Радлов). Сюда же каб. *кѣудас* «бахрома на седле», адыг. *кѣутас* «бахрома». Вошло также в русский, украинский, польский (Абаев, ИЭСОЯ, т. 2, с. 335). Ср. также кар.-балк. *кѣудас* «султан из конских волос, украшение на шлеме». *Тибынг, тевингае* «кожаные лопасти, подвешенные по бокам седла, чтобы ноги всадника не терлись о бока лошади», «тебеньки» - тюркизм; термин вошел и в польский (ТЭСОЯ, т. 3, с. 291). *Дзылар* «недоуздок» (вошел и в чечен., и в ингуш.) – тюркизм (ИЭСОЯ, т. 1, с. 404). О какой, в таком случае, компактной массе иранской лексики можно было говорить? И почему в указанные языки вошли тюркские термины, а не «североиранские»?

Селбур, саелбаер в упряжи верхового коня «ремень, идущий от удил к подпруге и не позволяющий ему задира́ть голову». Есть во многих тюрк. яз. (казах., шорск., алтайск.,

телеут., татар.), а также – в калмыцк., таджик. и русск. (в разных значениях). В. И. Абаев пишет далее: «Вопреки принятому мнению о тюрк. происхождении слова, следует отметить, что оно анализируется удовлетворительно только на венгерской почве: венг. *szel* «край», *bor* «кожа», стало быть, *szel-bor* «крайний ремень» (ИЭСОЯ, т. 3, с. 99). Под «принятым мнением» В. И. Абаев, вероятно, имел в виду мнение Макса Фасмера; но осетинский ирановед не объяснил, какими путями это незатейливое «венгерское» слово распространилось по столь обширной территории.

Скифы и аланы (как и все тюркские воины средневековья) прекрасно владели легкой и прочной веревкой из конского волоса – арканом, набрасывая его на врагов, что было одним из их специфических боевых приемов и о чем не раз говорится в письменных источниках, которые иранисты охотно цитируют; например: «Особое место в вооружении поздних сармат занимал аркан – **типичное оружие степняка и кавказского горца** (выд. нами. – М. Дж.). Для кочевника-скотовода аркан, как лассо у ковбоя, – самое необходимое орудие» (Ковалевская, с. 82). Все верно, однако в осет. яз. эта сарматская вещь опять называется по-тюркски – *аркъан*; термин заимствован, как пишет Абаев, помимо языков Передней Азии и Кавказа (грузин., кабард.; добавим – и лакск.), еще и в русский, украин., польск., болгар., румын. (ИЭСОЯ, т. 1, с. 69). И ни один скрупулезный академист не удивляется: почему все эти народы столетиями ждали «пришествия» тюрков, чтобы занять это слово именно у них, а не у «североиранцев»?

Начиная с Гомера, многие греческие и римские авторы писали о том, что скифы доили кобылиц, изготавливали кумыс, ели конину. Надо ли говорить, что ничего подобного никакие иранцы не делали и не делают? Но, в предвидении сугубо ненаучного и бестактного вопроса: «Интересно, как «прямые потомки конейдов и млекопийц» называют кумыс?», премудрыми иранистами были приняты своевременные меры. В ОРС дается тюрк. название напитка, имеющее другие значения: «*хъуымыз* – 1) кумыс; 2) молозиво 3) молоко». Странно, мягко говоря. Но в РОС *хъуымыз* – только «молозиво»; согласно ИЭСОЯ, это тюркизм.

Не зная о постижении своих коллег, В. И. Абаев изобрел нечто иное: «Кумыс – *кумыс, баехы аехсыр*». Почему же «потомки» скифов заимствовали из совр. русск. яз. еще и тюрк. *кумыс*, если первыми начали доить кобылиц и делать этот напиток именно скифо-сарматы? Ладно, будем снисходительны. Но в качестве исконно осетинского названия не годится и *бахы ахсыр*: поскольку *баех* «конь, лошадь, конский», как пишут сами осетиноведы, заимствован из ингушского (см. в ИЭСОЯ). Или скифо-аланы научились делать кумыс только после того, как усвоили чужое слово *баех*? И что же означает сие славное словосочетание, если *аехсыр* – «молоко»? «Конское (лошадиное) молоко»! Но такового быть в природе не может, как не может быть молока бычьего или козлиного, а есть коровье, козье и кобылье. К тому же кумыс – это не молоко и не молозиво, а напиток, приготовленный в процессе брожения, как не являются просто молоком, скажем, кефир или ряженка.

Иногда мне кажется, что В. И. Абаев, прекрасно зная, что никаких «североиранцев» никогда и нигде не было и что история скифо-сарматских племен – это ранняя история тюрков, откровенно издевался над своими единомышленниками и последователями, вписывая в свои работы нелепые неологизмы типа *баехы аехсыр*: заметят или нет?

СПИСОК ЦХОВРЕБОВА

Народ, чьи предки «от первых дней появления на арене истории» усердно занимались коневодством, должен был иметь не просто богатую, но богатейшую коневодческую лексику. Однако выясняется, что в осет. яз. все сводится к двум десяткам терминов (не

считая производных), большая часть которых - тюркские (*алп, эмилик, тепсукъ, аласа* и др.), что признают и сами осетиноведы. На всякий случай я обратился к специальной монографии В. К. Цховребова «Скотоводческая терминология в осетинском языке» (Тбилиси, Мецниереба, 1986, 137 стр.). В аннотации сказано: «В работе всесторонне рассмотрена вся терминология, связанная со скотоводством, раскрыто все богатство и многообразие лексических единиц названной отрасли, даны все случаи лексико-фонетического варьирования терминов». Очень хорошо.

Разумеется, автор начинает с научно-ритуального обращения к предкам, цитируя В. И. Абаева: «Осетины (аланы), занимавшие, главным образом, степные пространства Азиатской Сарматии, до начала раннего Средневековья были преимущественно скотоводами-кочевниками» (Абаев, ОЯФ, с. 6). Затем следуют цитаты из Тацита, Страбона и Аммиана Марцеллина о кочевом быте аланов и прочих «иранцев-номадов». «У алано-сарматов лошадь и овца играли едва ли не главную роль (так в тексте. - М. Дж.)». Здесь же ссылка на современного автора-археолога: «Имеющиеся в нашем распоряжении письменные источники, - говорит В. А. Кузнецов, - сообщают о двух домашних животных, разводившихся в Алании – о лошади и овце» (Цховребов, с. 8).

Далее - еще одна цитата из книги Абаева: «Скотоводческая терминология выступает в языке (осетинском. - Б. Ц.) компактной и цельной массой с печатью большой давности и единого, именно, иранского происхождения, между тем как другие отрасли хозяйства представлены словами весьма пестрого состава, идущими из разных эпох и разных источников, а в некоторой части не поддающимися объяснению» (Цховребов, с. 10).

В. К. Цховребов, конечно же, говорит, что у скифов, сармат, алан была своя порода лошадей, горячая и неукротимая (позже, по мнению Б. А. Калоева, подаренная кабардинцам), цитируя Страбона и Марцеллина - о том, что аланы считают позором пешую ходьбу и пр.; а также - о том, что в современной лексике осет. яз. существует богатая терминология «по скотоводству, и особенно коневодству», а следовательно, они «могли создать и сохранить ее лишь в том случае, если на заре своей истории были скотоводами и вели кочевую жизнь» (Цховребов, с. 100). Сразу же и веками веков соглашаясь с утверждением Абаева насчет компактной и цельной массы скотоводческих терминов иранского происхождения, автор, конечно же, погорячился (видимо, не читал ИЭСОЯ); к тому же в книге самого Цховребова коневодческой терминологии уделено чуть ли не наименьшее количество страниц.

На протяжении всей книги автор старается давать этимологии различных терминов, с уклоном в древность «североиранцев». Как дело обстоит на самом деле, читатель уже видел. Но, может быть, Цховребов привел такие данные, что на все сказанное нами можно не обращать внимания – мало ли чего вычитают из словарей паранаучные деятели, не доверяющие даже Клапроту и Миллеру?

Баех «конь» – из ингуш.; зато, утешая себя, Цховребов сообщает, что при интенсивных контактах между народами, само собой, «в подавляющей массе заимствующими были ингуши», и поэтому «горный ингуш заимствовал у кочевника-алана понятие арбы, инг. *уарда*, осет. *уардон*, слова, означающие пастух, бык кладеный, крупный скот, бараний хвост, загон, что свидетельствует о глубине общения», поэтому «нет ничего удивительного в заимствовании слова «лошадь» (Цховребов, с. 100). Конечно, это так, удивительно другое: почему нет иранских коневодческих терминов в языках соседних народов и почему в самом осет. яз. нет никаких производных от прежнего, «скифского» названия лошади? Кроме того, следовало ожидать, что именно горцы-ингуши заняли бы у степняков-осетин название коня, а не наоборот; в арбу можно запрягать и быков.

Зато, говорит Цховребов, в осет. осталось иран. *ефс* «кобыла». «*Ефс* нередко образует составные, обычно двучленные наименования типа: *ефс баех*, *ефс байраг* (наряду с *сыл*

баех, сыл байраг)». Следовательно, по-осетински можно сказать: «кобыла-лошадь» (или «кобыля лошадь»!), «кобыла-жеребенок» (наряду с «самка-лошадь», «самка-жеребенок»). Очень странная (потому что искусственная) терминология.

Иногда В. К. Цховребов проговаривается: «Если имеется в виду применение лошади в хозяйстве, то употребляется тот же термин *баех*, только с поясняющими словами *саргъы баех* «верховая лошадь», *уардоны баех* «тележная (упряжная) лошадь». Однако последнее выражение, как и ему подобные, «плохо прививаются осетинскому языку». Что значит «плохо прививаются» и кто упорно и безуспешно занимается этим «прививанием», автор не сказал. За многие века коневодческой жизни эти словосочетания давным-давно должны были обкататься в речи; следовательно, Цховребов говорит о неологизмах (второпях изобретенных «языкотворцами»), которые народ усваивает плохо. Но, поскольку ему, как и всем академистам, не чужды романтические представления, то он считает, что это явление «плохой усвояемости» можно объяснить исторически, о чем и сообщает тоном очевидца: «Когда кочевые предки осетин стали заниматься земледелием, они пахали в основном на волах, иногда неохотно запрягая лошадей»; неохотно, поскольку это, дескать, противоречило их традициям. Но никто и не говорит только о пахоте – но в телегу-то можно было запрячь? Вряд ли крестьяне, не жалеющие себя, когда речь идет о добывании хлеба насущного, стали бы в угоду неведомым «традициям» жалеть лошадей. И при чем здесь предки, когда речь идет о современных осетинах?

Далее автор дает список терминов:

Баехаг – жеребенок, из которого выйдет хороший конь

Баехджын – конный, верховой

Аенаебаех безлошадный

Бахгардаех трава («лошадиная трава»)

Баехгаес табунщик, пасущий коней, конюх.

Баехдон конюшня

Баехваендаег лошадиная тропа

Баехуардон конная арба

Баехуаргъ лошадиный вьюк

Баехтаераег кучер, извозчик, ямщик

Баехраегъау табун лошадей

Баехдзарм лошадиная шкура

Баехаердузаег холоститель лошадей

Баехбадт канын садиться верхом

Баехбаеттан коновязь; ключица

Баехаембаерзаен попона

Баехфаелдисаег посвящающий коня (на поминках), произнося речь

Баехфаелдисын – обряд посвящения коня покойнику.

Дугъ = он – скаковая лошадь. Но этот термин, по В. И. Абаеву, от тюрк. *дугъ, догъ* «погребальный обряд», частью которого были скачки. Попало и в грузин. яз. – *доги*. Это же слово (*дугъ*) означает в осет. «скачки».

Дугъуат место скачек (тюрк.).

Урс, урс баех - жеребец (*урс баех* озн. «жеребец-лошадь»).

Араббаг – арабский конь (но в ОРС *араббаг* озн. «араб; арабский»; «лошадь арабской породы» - *арабаг баех*).

Арандзал скакун.

Саулохаг саулохская лошадь (тюрк.)

аефсург – сказочный конь.

алп, алып порода лошадей (тюрк.).

хайуан лошадь, домашнее вьючное животное (но в ОРС значение «лошадь» не указано, к тому же это тюркизм, озн. «животное», букв. «живая душа»).

Аласа низкорослая лошадь (тюрк., озн. «низкорослый; мерин»).

Аенаеуаерст необъезженный конь.

Емыллык – то же; груз. *амлакьи* (пестрая лошадь); есть в кабард., инг., чеч. яз. (тюркизм).

Аеуаердын, таепсыгыуае – объездка (*таепсыгыуае*, по Абаеву, из кабард.).

Байраг жеребенок.

Халасхуыз – серый, чалый (в РОС у В. И. Абаева такого слова нет).

Сынтхуыз вороной (у Абаева нет; *сынт* означает «ворон»; калька с русск?).

Урсбыл «молочная губа» (у Абаева нет; в ОРС *урсбариц* «белогривый», но *урсбыл* тоже нет).

Саурагъ – «с черным хребтом» (у Абаева нет).

Мыстхуыз серый, «мышинный» (у Абаева нет).

Саертт-саерт канын – бежать рысью.

Саепп-саепп каенын бежать рысью.

Джиртт-джирт каенын трусить, бежать рысцой (Цховребов подчеркивает, что многие из слов, передающих бег лошади, звукоподражательные. – с. 113).

Фаеддзу – аллюр (у Абаева – *цыд*).

Цыпаервадыг галоп (у Абаева – *цыппаервадыгаей уад*).

Цапуалтыд – галоп (оба от тюрк. *цап, чап* «бежать»).

Для потомков великих и древних коневодов список В. К. Цховребова весьма краток; к тому же большая часть терминов явно образована недавно от заимствованного *баех*. Нет в словарях и терминов, означающих возрастную дифференциацию лошадей (двухлетка, трехлетка и пр.), да и тюркизмов многовато. Остаются те же вопросы. Почему родное «североиранское» (или «субстратное») слово, обозначавшее «лошадь», не отложилось в производных терминах и мы везде и всюду встречаем только *баех*, даже в названиях древних обрядов, например, «посвящения коня» (*баехфаелдисын*)? Или «осетины-аланы» заняли у вайнахов термин *баех*, едва появившись на Кавказе, а все производные от своего слова *аспа* немедленно забыли?

ТАМГИ

Древние лже-иранцы (скифы и аланы) имели огромные стада и табуны. Как же они не путались и узнавали своих коров и коней? Вероятно, очень просто - ставили тавро, как и положено. Известный этнограф Б. А. Калоев пишет: «Тамги на Северном Кавказе, несомненно, связаны с коневодством». Конечно. Но кто ввел таврение первым? Следует ссылка: «З. И. Соломоник и В. С. Драчук считают, что сарматы, передвигаясь с запада на восток, принесли эти знаки на Северный Кавказ». В. С. Драчук пишет: «...в рассматриваемый период Боспор и прилегающие территории Северного Причерноморья населяли в основном сармато-аланские племена и остатки варваризованного эллинского населения. Поэтому мастерами-ремесленниками этого времени (I-IV вв. н. э. – М. Дж.) были, видимо, большей частью сарматы-аланы»; к тому же северокавказские тамги аналогичны тамгам сарматов Причерноморья.

Далее Б. А. Калоев говорит: «Появление тамг у сармато-алан несомненно связано с коневодством, одной из главных отраслей хозяйства древних иранцев. В этом нас убеждает камень из Кривого Рога, на котором высечено множество тамг с изображением в центре головы лошади». Но тут перед ученым-иранистом встает проблема: «Однако вот

вопрос: если появление этих знаков связано с сармато-аланами, то почему они повсюду имеют тюркские наименования – тамга и тавро, причем последнее – только у русских?» (Калоев, 1993, с. 84). Действительно, вопрос трудный: два нахальных тюркских термина ставили под сомнение иранский облик сарматской культуры. Но что говорил об этом В. И. Абаев? «Дамгъае «тамга», «тавро», «буква». – Из тюрк. *дамгъа*, *тамгъа*. Сюда же русск. *тамга*, груз. *дамгъа*, каб. *дамыгъа*, вейнах. *тамгъа*, табас. *дамгъа* и др.» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 1, с. 343). И все. Почему же все перечисленные и «др.» народы антинаучно пользуются тюркскими терминами, а не более приличествующими, «североиранскими»?

Поскольку ученые, верующие в иранство скифо-сарматских племен, трудятся в сфере научной фантастики, то и неразрешимых вопросов для них нет. И вот З. И. Соломоник возвращает один из терминов в лоно индоевропейства, полагая, что термин «тавро», возникший, по ее словам, в Северном Причерноморье, «был заимствован из греческого языка (от *таврос* – бык)» (Калоев, 1993, с. 82; с. 84). Каким образом греч. слово, означавшее «бык», приобрело в русск. яз. значение «клеймо», и почему только русские заняли его у греков, не самых великих животноводов, понять нельзя, надо просто принять. Но Макс Фасмер думал иначе: «Из *тавро*, которое заимств. из тюрк.; ср. тур. *тугра* «монограмма султана»; того же мнения придерживались и другие видные этимологи (Радлов, Корш, Мелиоранский, Хюбшман). Еще вернее другое объяснение: термин от кар.-балк. *таб* «шрам, рубец» + афф. *-ра*.

Справиться со вторым словом Б. А. Калоеву не удалось, поэтому он просто увел разговор в сторону. «Тамга, известная под таким названием у всех горцев», считалась «фамильным знаком собственности» среди скотоводов равнины. «В горах тамга почти не получила распространения из-за весьма ограниченного содержания не только лошадей, но и крупного рогатого скота». Но почему тогда тамги есть у каждого кар.-балк. рода – разве карачаево-балкарцы жили не в горах? И далее: «Все это (? – М. Дж.) говорит о том, что тамге предшествовали другие знаки собственности, восходящие ко времени появления частной собственности. Это разнообразные метки: надрезы (дугобразные, вилкой, кружочком и т. д.) и проколы уха, насечки на роге; ими метили в основном мелкий рогатый скот, реже крупный»; «...фамильные и семейные знаки были известны в каждом сельском обществе, по ним разыскивали скот в случае его пропажи или кражи» (Калоев, 1993, с. 84).

Вопрос, поставленный этнографом, был следующий: «Почему термины, означающие «клеймо скота», у всех народов Кавказа и у русских – тюркские, если первыми в Европе начали применять тамги ираноязычные сарматы и аланы?». Можно ли, в таком случае, считать ответом то, что пишет Б. А. Калоев? Конечно, нет – он говорит совсем о другом. Пусть так. Но если горским народам Кавказа тамги были без надобности (якобы потому, что скота у них было мало), почему они, все как один, заимствовали тюрк. термин? И почему русские заняли два тюркизма – неужели из прихоти? У скифо-сармато-алан скота было много, они и придумали таврение; тогда почему «аланы-осетины» забыли свой, «североиранский» термин, означавший «тавро» (конечно, если он был)? И почему свой термин *тамгъа* не забыли карачаево-балкарцы («потомки ираноязычных алан, ассимилированных кипчаками»)? И если надрезами, проколами ушей и насечками на рогах горцы метили «в основном мелкий рогатый скот, реже крупный», то как они метили лошадей? Или у горцев лошадей не было вообще? Но это же абсурд!

В чем смысл нехитрой операции – выжечь клеймо на бедре лошади или коровы, именно выжечь, а не просто поставить метку на ухе? Допустим, вы сделали два надреза на правом ухе своей высокоудойной коровы – это ваша метка. Но однажды какой-то нехороший человек угнал ее, и сделал надрез еще и на ее левом ухе (такова его метка). Вы носитесь на взмыленном коне по горам, по долам, отыскивая свою буренку, и, наконец,

находите ее, скажем, через месяц. Но вор, нагло ухмыляясь, заявляет: «Извините, уважаемый, знать вас не знаю. Корова моя, вон и метка моя – три надреза, так что позвольте вам выйти вон!».

То-то и оно. Одно дело метка, и другое – выжженное клеймо, которое нельзя ни стереть, ни подделать. Что касается метки на ухе лошади, то это совершенно исключалось (во всяком случае, у карачаево-балкарцев). Когда я однажды спросил у отца, делалась ли прежде такая метка, он даже рассердился: «О чем ты говоришь?! Это же конь, а не коза! Повредишь ухо коня – все, можешь с ним распрощаться, он уже порченный, его можно отправлять на убой. Коня нельзя даже ударить по голове, а не то, что портить ему ухо». Существует присловье: *Атны башы – кюндю* «Голова коня – солнце» (*ат* означает не только «конь», но и «рассветать; восходить (о солнце)»).

Но, может быть, наряду с заимствованным тюркизмом, в осет. яз. есть и свое слово, иранское (или хотя бы «субстратное»)? Да, есть; в РОС говорится: «клеймо – *гакк, дамгъае*». По своей зловредной привычке заглядываем в ОРС, где первое слово имеет уже несколько значений: «*гакк* – метка, тавро, клеймо; надрез». Очень хорошо. Но в ИЭСОЯ сказано: «*гакк/игакае* – «метка на скоте (прижигаемая или надрезаемая)». – По-видимому, так назывался первоначально крючкообразный железный инструмент, которым наносили метку; ср. груз. *какви* «крюк», «крючок» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 1, с. 506). И как же быть с коневодством у предков «алано-осетин», если не грузины-земледельцы заимствуют у них сей термин, а как раз наоборот?

Непосредственность иранистов иной раз способна вышибить слезу: «*бындзаефхад* «пень (с корнями). – Из *бын-саефхад* / *бун-цаефхад* буквально «нижняя подкова». Использование в данном случае слова «подкова» говорит о завязых конниках», – пишет В. И. Абаев. Конечно, говорит. Как и следующее за ним слово: «*бындзыг /бундзуг, баендзуг* «клок волос, шерсти». – Ср. русск. (из тюрк.) *бунчук* «клок волос лошадиного хвоста, прикрепляемый к знамени» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 1, с. 281).

В свете данных, выявленных здесь и выше, думать, что ираноязычные предки осетин были степными скотоводами (а, тем более – коневодами) нельзя, об этом не может быть и речи. Ситуация весьма забавная: осетинский язык буквально кричит о том, что народ, которому он принадлежит, никогда не жил в Причерноморье, не доил кобылиц, не воздвигал курганы и пр., и пр., но иранисты верят не ему, а своей надуманной теории. «Когда нельзя, но очень хочется, то можно» (Михаил Жванецкий).

Вывод, к которому можно прийти на основе анализа данных из ИЭСОЯ и двух других словарей, один: **большая часть заимствованной скотоводческой терминологии в осетинском языке относится именно к той области лексики, которая должна была являться у потомков скифов и алан самой развитой – коневодческой. Тюркизмов и здесь оказалось во много раз больше, чем заимствований из других языков, по той простой причине, что все скифо-сармато-аланское в осетинском языке и культуре – это тюркское (карачаево-дигоро-балкарское).**

КУЛЬТУРА

Странно, что в осет. яз. такие важные понятия, как «мир, мироздание, вселенная, свет» передаются одним тюрк. термином *дун, дун-дуне* (от *дюн, тюн* – «свет, явь», *дуния* «мир»; ср. русск. *весь свет* – «весь мир»). «Космос» – *космос*. Правда, В. И. Абаев указал, что «свет (мир, вселенная)» переводятся также словами *баестае* и *дзыллае* (второе, согласно ИЭСОЯ, заимствовано из кабард.). Но в ОРС эти слова имеют следующие значения: «*баестае* – край, область; местность; страна, свет»; «*дзыллае* – 1) масса, множество (о людях); 2) человечество, мир, люди, народ».

В РОС «созвездие» - *стъалыгунпар*», но в ОРС - *стъалы чыр*. «Комета» - *кометае*. «Метеор» - *метеор*. Нет слова, означающего «зодиак». Отсутствуют и названия планет (за исключением Венеры - *Бонварнон*). В ОРС есть название Полярной звезды (*Арвы саемаен*), но В. И. Абаеву оно было неизвестно. Поверить, что народ-языкотворец за три тысячи лет своей истории не создал бы множества терминов, описывающих мироздание, мы не можем, а потому думаем, что причина заключается в молодости осетинского этноса.

«*Сыппа / сиппа* «костяная или деревянная трубочка в колыбели для стока мочи ребенка». – «Из тюрк. *шюбек* «трубка, через которую стекает моча ребенка» (со ссылкой на Радлова и Будагова). «Частью непосредственно из тюрк., частью через осет. посредство вошло в ряд языков Кавказа: груз. *сибаки*, чеч. *сиппа* «трубочка для стока мочи, принадлежность детской люльки», инг. *сиппа*, каб. *сэппа*». «Этимология тюрк. слова, насколько можно судить, не установлена. Будагов сравнивает под вопросом с тюрк. *чубук* «палочка», «чубук». Возможна связь с глаголом *сип, сеп* «лить» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 3, с. 205). В кар.-балк. языке эта трубочка называется *сыппа*, от *сий* «мочиться» + афф. *па* = *сийпа* «мочеток» (закономерно изменившемуся в *сыппа*).

Как пишет известный этнограф, в прошлом «осетинам были известны только три музыкальных инструмента – пастушеская свирель, двенадцатиструнная арфа и струнный смычковый инструмент» (Калоев, 1971, с. 315). Но в РОС (В. И. Абаев), и волынка, и свирель, и дудка называются одинаково – *уадындз*; в охотничьем языке свирель называется еще и *хъаеатал* (т. е. «труба»). Но в ОРС *уадындз* означает только «свирель». Еще более странно другое, в ОРС: «*фаендыр* – фандыр, муз. инструмент», а также – «скрипка, балалайка; гармошка, лира». Было бы понятно, если бы к слову *фаендыр*, для различения разных инструментов, присоединялись какие-либо определения – но их нет. В 1958 году Абаев расширил круг значений термина: «*фаендыр/фаендур* название различных музыкальных инструментов; первоначально так называлась двухструнная скрипка; *дыуадаестаенон фаендыр* означало двенадцатиструнную арфу»; «В настоящее время название *фаендыр* применяется также к гармонике, баяну и пр.» (ИЭСОЯ, т. 1, с. 447). Но в ОРС (1970) для этого термина значение «арфа» не указано. В РОС этот пробел восполнен: «арфа – *дыуадаестаенон, арфае*» (т. е. «двенадцатиструнная, арфа»); слово, которое в 1958 г. указывало количество струн, в 1970 г. уже стало самостоятельным названием арфы, наряду с заимствованным (просим извинения, если запятая попала в текст случайно). Но в ОРС «*дыуадаестаенон фаендыр* – двенадцатиструнная арфа».

Получается, что все духовые называются *уадындз*, а прочие – *фаендыр*. В РОС, правда, есть одно исключение: «рожок (муз. INSTR.) – *уасаен сыкъа*». Но в ОРС такого названия нет, и мы предположили, что это очередное изобретение В. И. Абаева. Оказалось, что *уасаен* означает «свисток», а *сыкъа* - «рог» (= «свистящий рог»?). По Абаеву «бубен – *дала*»; «*дала-фаендур* название музыкального инструмента. – Может быть, из *дайра-фаендур* с закономерной диссимиляцией плавных. Ср. араб., перс. *дайра* «круг», «бубен» (ИЭСОЯ, т. 1, с. 342). Но составители ОРС этого слова не знали. Трудно понять и другие данные. В РОС «скрипка – *фаендыр, скърипкае*», «гармоника – (*аевзагъджын*) *фаендыр*», а «гармонист – *гармонист, фаендырдаегъдаегъ*», но в ОРС последний термин почему-то означает и «гармонист», и «скрипач». Воинственным народам скифо-сарматской эпохи, вероятно, нельзя было обойтись без сигнальных инструментов, например, барабана и трубы. Но в РОС «барабан - *барабан, гуымсаегъ*»; первое слово является тюркизмом, а второго в ОРС нет. Как и слова, означающего «литавры». Нет слова «наигрыш». Простое слово «мелодия» - но оно из совр. русского (*мелоди*).

Скифские жрецы, вероятно, исполняли шаманские пляски, воины – воинственные и пр. «*Сандаеракъ* д.(игор.) хороводный танец, исполнялся в старину в некоторых районах

Дигории». - «Неотделимо от тюрк. *сандыракъ* «бред», «бредящий в жару»; движения танца сравнивались с движениями мечущегося в жару человека». «Занимающий нас танец бытовал также у кабардинцев» (ИЭСОЯ, т. 3, с. 29). У карачаево-балкарцев «*Сандыракъ*» или «*Сандыракъ тепсеу*» первоначально было названием экстатической пляски членов мужских братств, на собрания которых посторонние не допускались. Исполняя *сандыракъ*, «братья» входили в транс; они же пользовались особым языком, изменяя обычные слова; поэтому и название пляски (означающее «бред, исступление») имеет, в обратном чтении, другой смысл - *къарындаш* «брат, братская» + *тепсеу* «танец» = «танец братьев». Осет. *кафын, кафт* «плясать, танцевать» (сольные и парные танцы); «пляска, пляс, танец» - тоже *кафт*, пришло из кабардинского. *Симын* - «танцевать массовые танцы» - из араб. через грузин.; *симд* «хороводные, массовые танцы». Странно, что названия древних танцев и плясок, упоминаемых в ИЭСОЯ, сплошь иранские. «Симд» - из араб. (по Абаеву), «Удж» - из кабард., «Кепена» (кар.-балк. «Тыпана, Тепена» - танец в честь богини домашнего очага), «Сандыракъ», «Алай-булай» (кар.-балк. «так и сак»; это была импровизированная свадебная пляска), и «Цоппай» (*Цоппа, Цоппай, Чоппа, Чоппай* – грозное божество плодородия, от *чѣп байы, чѣп байы* «бог злаков»; см. Джуртубаев, 1991) - из кар.-балк. Где же «североиранские» термины?

Древние кобанцы, скифы и аланы за свою 3000-летнюю историю, конечно же, сумели бы создать термин для обозначения понятия «календарь». Но в РОС встречаем «календарь – *къаелиндар*». И как измеряли время «ираноязычные скифо-аланы», если в языке их «потомков» нет ни эры, от которой велся отсчет годов, ни хотя бы 12-летнего животного цикла, неведомо даже самому хитроумному иранисту. В монографии А. Х. Магомедова «Культура и быт осетинского народа» (1968) есть список названий дней недели и месяцев народного календаря, однако в РОС (1970) своих названий месяцев нет, есть «январь, февраль» и пр. Мы можем подумать, что Абаев включил в словарь общепринятые ныне термины. Но почему тогда он дает осетинские названия дней недели? Ничего не сказано о календаре и в монографии Б. А. Калоева «Осетины» (1971). В ОРС написано «*аехсаевбон* – сутки», но В. И. Абаеву это слово неизвестно, в его РОС «сутки – *суткае*».

«Важное культурное слово «книга» является у осетинского общим с русским: *чиныг* (из *кныг*), *киуныгае* «книга». Появление этого слова в осетинском следует относить к старым сношениям осетин с Русью» (Абаев, ОЯФ, с. 69). Трудно понять, откуда Абаеву было известно, когда и где осетины заимствовали это важное слово, так как ни одного доказательства в пользу своего утверждения он не привел. Позже (в ИЭСОЯ) Абаев говорит: «Неотделимо от русск. *книга*. Последнее, всего вернее, - из арм. *къник* «печать» (см. Бернекер). Осет. слово следует рассматривать как старое заимствование из русск. *кънига*, к которому оно ближе по форме и значению, чем к арм. *къник*. Для объяснения звуковой формы осет. слова следует допустить метатезу гласных: *кунига – кинуга*» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 1, с. 596).

Следовательно, армянское слово, означавшее «печать», неведомо когда, как и от кого, через голову «алано-осетин», было заимствовано в древнерусский, где приобрело значение «книга», а затем термин заняли «аланы-иранцы». Но знаменитый Макс Фасмер думал иначе: «Праславян. *кънига*, судя по *книгочей* (см.), нужно возводить через древнетюрк. *кюйниг*, волжско-болгар., дунайско-болгар. *кюйнив* (уйгур. *куин, куинбитиг*) к китайск. *кюен* «свиток». А что же о другом русском слове – *книгочей* «книжник, книголюб»? «Заимствовано из тюрк.; ср. восточно-булгар., древнетюрк. *кюйнигчи*» (Фасмер, т. 2, с. 262). Так что высказывание Абаева по данному вопросу было опрометчивым и появление этого важного слова в осет. яз. относится к позднейшим отношениям с русскими, в XIX в. Заимствованное *чиныг* почему-то стало пониматься и в других значениях - «письмо (к адресату)» и даже «расписка». В ИЭСОЯ, т. 1, с. 596, (1958

г.) приведена цитата из произведения писателя Сека Гадиева: «...написал армянину расписку (*чиныг*) на тридцать туманов». Но в РОС Абаев указывает другое слово: «расписка – *кѣухаерфыст*»; однако в ОРС *кѣухаерфыст* означает только «подпись».

Выдающийся археолог В. А. Кузнецов пишет: «Наиболее ранние сведения о письменности алан содержатся в сирийских источниках. Так, в «Книге о народах и областях» Андроника (V-VI вв.) и приписке к ней VIII-IX вв. в числе народов, имеющих письмо, наряду с греками, римлянами, армянами, грузинами, персами, арабами названы и аланы. В другом сирийском источнике IX в. сообщается: «Есть пятнадцать языков, знающих письмо, шесть (языков) Иафета: греки, иверы, римляне, армяне, мидяне, аланы...». В. А. Кузнецов подходит к этому вопросу осторожно, предполагая, что сирийцы могли путать алан и албан; к тому же неизвестно, как выглядела аланская письменность («если она действительно существовала», - добавляет археолог).

Попытки ее выявления, предпринятые Г. Ф. Турчаниновым, считавшего рунику салтово-маяцкой культуры «алано-осетинской», остальными исследователями поддержаны не были («дешифровки Г. Ф. Турчанинова неубедительны», пишет автор). Зато В. А. Кузнецов не сомневается в том, что Зеленчукская надпись имеет древнеосетинское происхождение (что, как мы видели выше, лишено оснований). Поскольку надпись нашли недалеко от Архыза, автор заключил, что «верхнекубанские аланы и предпринимают в X в. – во время высокого подъема Алании – попытку создания своей письменности на греческой графической основе», предполагая, что могут найтись и другие надписи. «Их графическая основа должна быть греческой или близкой к ней, о чем свидетельствуют и Зеленчукская надпись X в., и Гильом Рубрук, писавший в середине XIII в. о том, что аланы имеют греческие письмена» (Кузнецов, 1984, с. 241-243).

По Абаеву, «почерк» - *кѣухаваер*, но в ОРС его нет, там сказано: «*почырк* – почерк». Абаев пишет, что «свиток» – *тыхтон*, но в ОРС «*тыхтон* – связка; клубок; сверток». «Цифра – *цифра*». «Тетрадь – *тетрад*». «Урок – *урок*». В ОРС «*фыссаег* – 1. пишущий; 2. писатель, поэт». У Абаева (РОС) список значений термина шире: «писарь *уст.* - *фыссаег, писыр*»; но «поэт» у него, вопреки ОРС - *поэт*. «Бумага» *гаехаэтт* - тюркизм (*кѣагъыт*). Даже *каракультае* «каракули» в осет. – тюркизм, заимствованный из совр. русск. яз. «Графит – графит». «Карандаш – *кѣарандас*» (с. 206). Но Макс Фасмер утверждает, что это слово в русском происходит от тюрк. *кѣараташ* «черный камень» (т. е. графит). Опять возникает тень чумазых полудиких кочевников - будь они неладны! – которые каким-то чудом изобретали названия предметов культуры и передавали их более цивилизованным соседям, у которых по неведомым причинам этих слов не было.

Понятия «книга» и «письмо, письменность», вероятно, неотделимы от понятия, скажем, «ручка, стило» - книги, как и документы надо было чем-то писать. У В. И. Абаева в РОС «ручка (*для письма*) – *фыссаен, ручкае*». Читатель подумает, что в осет. имеется два названия сей письменной принадлежности – одно свое, древнее, а другое заимствованное. Но в ОРС «*фыссаен* - письменный, записной», а на с. 360 написано: «*Ручкае* - ручка (*для писания*)». Что мы должны думать, если Абаев утверждает, что свое слово в значении «ручка» в осет. яз. есть, а четыре осетинских же языковеда такого слова не знают (Б. Б. Бигулаев, К. Е. Гагкаев, Н. Х. Кулаев, О. Н. Туаева, составители ОРС)?

В РОС (В. И. Абаев) написано: «*чернила – чернила, мил*». Первое слово, разумеется, из совр. русск. языка, но почему оно стоит впереди своего, *мил*? Смотрим в ОРС: «*мил* – 1) сажа, копоть; *перен.* начавшие пробиваться усы, борода; цель, мишень» - и все. Неужели четыре видных осетинских лексикографа не знали, как называются чернила на их родном языке? У Абаева есть и производные: «чернильница – *черниладон, милдон*»; но «клякса» в том же словаре - *чернилайы стѣаелф*. Кстати говоря, через три года сам Абаев (во втором томе ИЭСОЯ), этимологизируя слово *мил*, значение «чернила» для него не указал. Это и

есть академическая наука?

М. И. Исаев, в отличие от более осмотрового В. А. Кузнецова, утверждает: «В период расцвета аланской культуры (IX–XI вв.) у них (аланов. – М. Дж.) появилась также письменность на базе греческой графики. Об этом свидетельствует известная Зеленчукская надпись» («Поэма об Алгузе», с. 8). Прекрасно; значит, по крайней мере вот уже тысяча лет, как «алано-осетины» знают грамоте. И следует ожидать, что их предки позаботились о том, чтобы иметь у себя и термин, означающий «буква», заняв его у греков, или, на худой конец, у грузин, армян, германцев, славян (вместе со словом «книга»), арабов или персов. Но, как назло, «аланы-иранцы» противостоительно заимствовали его у тюрков-чабанов – *дамгъае*, а первым в этом значении (в РОС) стоит взятое из современного русск. слово *буквае* (но в ОРС его нет). Уже один этот факт должен был потрясти «скифо-иранскую теорию» до самого основания. (В тюрк. яз. *тамгъа* означает «тавро, клеймо», в кар.-балк. еще и «пятно», а в киргиз. также «буква»). В ОРС приводится целый спектр значений термина: «*дамгъае* - 1) буква; 2) тавро, клеймо, штамп, метка; 3) татуировка». Есть и производное: «*дамгъуат* – буквась». Должны ли мы согласиться с мнением, что Зеленчукская надпись выполнена на древнеосетинском языке греческими буквами, если даже в совр. осет. яз. нет своего слова «буква»? Не мое дело давать советы, а тем более таким выдающимся специалистам, как В. А. Кузнецов и М. И. Исаев; но, думаю, заглядывать в словари полезно даже им.

Иной читатель может подумать, что Абаев подробно и внятно разъяснил сей казус. Ничего подобного: «*дамгъае* «тамга», «тавро», «буква». – Из тюрк. *дамгъа*, *тамгъа*. Сюда же русск. *тамга*, груз. *дамгъа*, каб. *дамыгъа*, вейнах. *тхамгъа*, табас. *дамгъа* и др.» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 1, с. 343). И все. Для сравнения приведем один пример. В четвертом томе ИЭСОЯ Абаев на двух страницах пытался доказать, что название мифического чудовища *Руймон*, сопоставленное им с латин. *романус* «римлянин» и *Рум* «Рим», якобы восходит к образу «чужого и враждебного народа, тем более такого, как римляне», что «не менее четырех столетий аланы знали о великом городе на Тибре и имели ратные дела с его legionерами» (ИЭСОЯ, т. 4, с. 430–431). Стало быть, ираноязычные аланы, в перерывах между этими ратными делами приезжали из Европы на Кавказ (на побывку) и рассказывали о неслыханно страшном народе – римлянах. Их соплеменники-домоседы, люди впечатлительные, слушая эти рассказы, конечно, ужасались, вот и возник в осетинском фольклоре образ чудища-страшилища.

Как живописуют осетиноведы, лет через 900 после падения «Руймонской державы», другие аланы приезжали на побывку из Китая, привозя с собой разные монгольские сюжеты и термины, для обогащения местного эпоса и лексики (см. ниже). Если верить иранистам, тогда и возник в осетинском эпосе образ крылатого чудовища по имени *Къаендзаергаес*, которое похищало людей; это, как «выяснил» Абаев, ни кто иной, как хан Чингис (ИЭСОЯ, т. 2, с. 291). Правда, неясно, по какой причине такого мифологического увековечения не удостоились, скажем, Филипп Македонский или Атила. К тому же в ОРС без всяких историко-этимологических затей написано, что *хъаендзаергаес* означает просто «орел».

Между прочим, с границ Рима и далекого Китая «ираноязычные аланы» на родину, кроме эпических сюжетов и экзотических имен богатырей, ничего, никаких терминов не привозили. Почему-то никто из отпускников не занес в Осетию ни латинское слово *литера* «буква», ни китайское слово, означающее «иероглиф» (уж не знаю, какое). Или, скажем, что стоило им прихватить с собой десяток чашек и слово, означающее «фарфор» или хотя бы название зонта, столь популярного у китайцев? Нет, не желали, и вот в осетинском находим взятое из русского «фарфор» (у карачаево-балкарцев, которые, слава Богу, в средневековом Китае отродясь не бывали и на побывки оттуда не приезжали,

пиала называется *чин аякъ* «китайская чашка», от *Чин*, древнего названия Китая). Что касается зонта, то в РОС написано: «зонт – *хурауон, зонтыкк*»; второе слово – из совр. русск. языка, а первое, согласно ОРС, имеет только одно значение – «тень».

Или, может быть, «аланы-иранцы» нужный термин, означающий «буква», привезли, но потом пришли какие-то неведомые тюрки, будь они неладны, и коварно навязали им свое слово. Как бы то ни было, думать о том, почему именно тюрк. *тамгъа* «тавро, клеймо» вошло в «скифско-осетинский» язык в значении «буква», специалисты явно не хотят. Да и зачем, если «весь мир знает, что скифо-сармато-аланы были иранцами»?

«*Сагъаес* «дума», «раздумье» (с оттенком печали, заботы, беспокойства; в дигорском этот оттенок часто отсутствует)». – «Из тюрк. *сагъыш* «дума», «забота», «грусть», «печаль» (Радлов), куман. *сагыш*, балк. *сагъыш* «размышление», «забота». «В осет. фольклоре название *сагъаеса* применяется к песням лирико-бытового характера, частушечного склада, образцы которого записаны еще в середине прошлого века». «Не случайно первый осетинский поэт Темирболат Мамсуров (1845-1898) свое известное стихотворение, написанное в народной традиции и полное горестных размышлений о судьбе родины, назвал «Сагъаесте» (неужели эти стихи написаны «частушечным складом», тем более, что термина, означающего «частушка», в осетинском нет? – М. Дж.). «Это же название *сагъыш* «дума» соседи осетин – адыги – применяют к песням, посвященным погибшим героям» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 3, с. 19-20). И все. Разве автору историко-этимологического словаря не стоило задуматься о причинах такого влияния тюрков (ср. кар.-балк. *сагъыш* «дума, раздумье») на культурные традиции осетин и адыгов? Вместо этого он предпочел сообщить любознательным читателям, что украинские лирико-эпические песни тоже называются «думами», а русские лирико-бытовые – «страданиями».

«*Мин* «тысяча». – «Из тюрк. *мин, минг* «тысяча». «Осетинский знает и оригинальное иранское название тысячи: *аерзае* (из *хазахра*); но оно сохранилось только в значении неопределенного множества. Тюрк. *мин* господствует на западном Кавказе: балк., карач., кабард., шапс., абадз., убых., *мин* «тысяча»; в восточногогорских языках, нахских и дагестанских, находим иран. *хазахра*». «Осетинский в данном случае, как и в ряде других тюркских заимствований, примыкает к западнокавказским языкам» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 2, с. 119). Это надо же, как умели воздействовать тюрки! Или их язык обладал какими-то магическими свойствами? Разве не следовало подумать о том, почему в нахских и дагестанских это числительное – из иранского, а в язык осетин (иранский) каким-то чудесным образом прокрался тюркизм? Но Абаев о причинах сего не говорит ни слова. Как и о том, почему носители западнокавказских языков заняли слово, означающее «тысяча», не у «ираноязычных алан», якобы 1300 лет населявших часть этого региона, а дожидались прихода тюрков, и почему его заняли сами осетины, когда вайнахи и дагестанцы запомнили иранское *хазахра*.

В ОРС «этикет – *этикет*», но в РОС такого слова нет. «Мораль – *мораль*». «Юмор – юмор». У Абаева в РОС «нравственность – *фаеткаевард*», но в ОРС это слово означает «установленный порядок, положение». «Афоризм – *афоризм*». В РОС «изречение – *уадзаендзырд, уац*», но в ОРС первого термина нет, а *уац* означает «весть, известие, новость, сообщение, корреспонденция». В ОРС «*аембисонд* – пословица; поговорка; басня; притча; чудо», Абаев добавляет и шестое значение, «анекдот». И это опять же означает, что иранисты, руководствуясь самыми благими пожеланиями (или все же не очень благими?) выставляют осетинский народ лишенным способности к языкотворчеству: неужели он не сумел бы отличить притчу или басню от поговорки, пословицы, анекдота или чуда – если бы имел три тысячи лет истории?

Скифы возвели множество огромных курганов по всей территории своего обитания.

Но в осет. яз. «курган» - *обау* (тюркизм; кар.-балк. *оба* означает «надмогильный холм» и «большая могила» - в которой похоронено несколько человек). Что говорит об этом В. И. Абаев? «*Обау* «курган», в частности «надмогильный курган». - Из монг., тюрк. *оба* «куча», «стог», «насыпь», «курган», «холм», «камень или куча камней на могиле». «Развитие значения «куча» - «надмогильный курган», «склеп», наметившееся и в тюркском, вполне органично и для осетинского: еще со скифских времен курганы были типичными надмогильными сооружениями» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 2, с. 224). Это еще одна замечательная, по своей лукавству, словарная статья. Вместо того, чтобы выяснять, почему в языке «прямых потомков скифов и алан» такое важное слово имеет тюрк. (или, если кому-то так хочется, монг.) название, Абаев сообщает, что курганы в скифскую эпоху были сооружениями типичными. Полагаю, что в этом никто и не сомневался; но хотелось бы знать, почему ни у одного народа Восточной Европы и Кавказа нет «североиранского» термина, означающего «курган» - в том числе у осетин.

Скифы устанавливали на курганах каменные изваяния. В. И. Абаев об этом помнил и вписал в РОС: «изваяние – *каердгаеныв*», но четыре составителя ОРС такого термина не знали. В 1958 г. В. И. Абаев пишет: «*цырт* – «надмогильный камень», «памятник»; 2. «могила» (ИЭСОЯ, т. 1, с. 325). Но через 12 лет в РОС *цырт* уже означает еще и «статуя», как и осетинско-арабское слово *цыртсурает* (однако «статуэтка – *статуэткае*»). В ОРС к тому же второго термина нет, а есть *цыртдавен*, в указанных трех значениях.

В осетиноведческой литературе довольно много написано о тесных взаимоотношениях скифов и алан («древних осетин») с греками, римлянами, фракийцами и пр. И о том, что у алан имелся даже целый штат переводчиков (в Фанагории). Вот и Ю. С. Гаглойти, например, с чувством глубокого удовлетворения, пишет: «В Боспорском царстве существовал даже специальный институт аланских переводчиков, во главе которого в 208 году стоял некий Ирак – «главный аланский переводчик». Наличие аланских переводчиков на Боспоре может быть объяснено лишь необходимостью постоянных сношений с аланскими племенами Северного Кавказа (т. е., по мнению автора, ираноязычными предками осетин. – М. Дж.) и Восточного Причерноморья» (Гаглойти, 1966, с. 84).

Тюрков, дальневосточных кочевников, в тех краях тогда не было (согласно решению науки). Но массовый читатель не знает (ничего не говорит об этом и Ю. С. Гаглойти), что в осет. яз. термин, означающий «перевод», не иранский, не греческий и не латино-«руймонский», а именно тюркский - *талмац* (ср. кар.-балк. *тилмач*, *тилманч*, *тилмац* – «переводчик», букв. «открывающий речь»), а «переводчик, толмач» - производное *таелмацгаенаг*. Тюркское слово вошло, как отмечал В. И. Абаев, почти во все языки Кавказа, а также в русск., польск., чешск., немец., венг., румын (см. в ИЭСОЯ). Почему же так случилось, если с носителями перечисленных языков «североиранцы» вступили в контакты на доброе тысячелетие раньше тюрков? И как «аланы-иранцы» до прихода тюрков именовали своих соплеменников, вошедших в штат «специального института переводчиков»? В предвидении такого ненаучного вопроса лексикографы приняли своевременные меры.

Читаем в РОС: «перевод (на другой язык) – *таелмац*, *раивд*», «переводчик – *таелмацгаенаг*, *иваег*». То же самое сказано и в ОРС. Следовательно, кроме нехорошего тюркизма, в осет. яз. есть еще и два своих, иранских термина, означающих «перевод» и «переводчик» - *раивд* и *иваег*. Но во всех примерах употребления почему-то приводятся только слова, имеющие в основе тюрк. *таелмац* («перевести на другой язык – *раталмаец каенын*», «перевести (книгу) – *таелмаец каенын*», «переводный роман – *таелмаецгон роман*» и пр.), а *раивд* используется только в тех случаях, когда речь идет о перемещениях людей или предметов («перевести в другую группу» и т. п.). Составители ОРС пишут

также: «*раивд* – 1) в разн. знач. перевод; 2) преобразование», но почему-то дают только один пример, не имеющий отношения к переводу с одного языка на другой: «*аердзы каенын* – преобразование природы». Ни одного примера употребления слова *иваег* «переводчик» в словарях нет. Не удостоилось оно рассмотрения и в ИЭСОЯ; думаю, что если бы оно не являлось неологизмом, Абаев непременно дал бы в своем труде его этимологию, не забыв упомянуть об аланских переводчиках в Боспорском царстве и их почтенном предводителе Ираке.

Итого, куда ни кинь - всюду клин. Верить в то, что эти факты до меня никто не замечал, я категорически отказываюсь. Но какой степени объективности и тщательности достигла мировая академическая наука – глаза слепит!

ВОЕННАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ

И скифы, и сарматы, и аланы были народами очень воинственными. И если современные осетины являются их прямыми потомками, то в их языке должна иметься богатейшая воинская терминология (своя, «североиранская»). Из иранского идут, по мнению Абаева, названия лука, стрелы, копья, меча, ножа, сабли, топора, щита, доспехов. Но и в этом случае сразу же начинаются осложнения: из турецкого – *къама* «кинжал», как и *топп* «ружье», и *дамбаца* «пистолет» (ОЯФ, с. 53). Что касается ружья и пистолета – понятно; но почему осетины столь прочно забыли «скифо-аланское» название кинжала, если короткие скифские мечи более всего напоминают именно кавказские кинжалы? И когда осетины наладили столь тесные связи именно с далекими турками? Есть гораздо более близкие карачаево-балкарцы, у которых кинжал тоже называется *къама* (от *къам* «клин», ср. русск. *клинок*). Но признать, что термин заимствован у них, было опасно – возникли бы разные неприятные вопросы. (Позже, в ИЭСОЯ, Абаев напишет, что слово *къама* является не то перс., не то араб., не то тюрк.). В РОС «*клинок – аефсаейнаг, ком*», но подводят составители ОРС, у них «*аефсаейнаг – железо, железный*», а «*ком – острие, лезвие*».

Другой простой пример: *хъабахъ* «мишень» (при стрельбе в цель, обычно в честь покойника с призами для лучших стрелков). – «Из тюрк. (джагат.) *къабакъ* «мишень», «цель». Идентично с *къабакъ* «тыква» (ср. русск. *кабачок*), так как часто мишенью при стрельбе служила тыква». Проникло в этих значениях в перс., таджик., грузин., пшав., кабард. (Абаев, ИЭСОЯ, т. 2, с. 253). Всем этим народам заимствовать обряд и термин у великих лучников, «скифов-североиранцев», видимо, было запрещено. «*Къабагъуат* место стрельбы в цель», также топоним в окрестностях села Нар в Дигории; вошло и в рачинский диалект грузин. яз. (Абаев, ИЭСОЯ, т. 2, с. 253).

Комментарий Б. А. Калоева изумителен: «Заметим еще раз, что, по данным языкознания и этнографии, *хъабахъ* и *дугъ* (скачки. – М. Дж.) этнически связаны со Средней Азией. Появлению и распространению этих обрядов среди некоторых кавказских народов (автор упоминает ингушей, черкесов, абхазов, хевсур, тушин. – М. Дж.) мы обязаны несомненно ираноязычным народам древности и средневековья – скифо-сармато-аланам» (Калоев, 1971, с. 229). Названия тюркские, а распространяли эти обряды и предметы на Кавказе «североиранцы»; сомневаться в этом могут только самые злостные представители паранауки. Но чудеса еще впереди.

Что сказали бы любители исторической литературы о человеке, который заявил бы в печати, что у потомков «ираноязычных» скифов и алан нет своего названия не только кинжала, но и меча, и сабли? Наверное, подумали бы: «Все, приехали! Вот до чего доводят увлечение фольклор-историей, антинаучные методы и пантюркизм в его последней стадии». Но, как говорится, спешить не надо. Смотрим в ОРС: «*кард* нож; меч». Странно,

конечно: все же это очень уж разные предметы – и по величине и по назначению. Но В. И. Абаев принял меры и в РОС вписал: «нож – *гард*»; «меч – *кард*; в эпосе – *цирхъ*». Не правда ли, замечательно – заменил одну букву и все в полном порядке!

Сию нехитрую операцию он проделал в 1970 г., но в 1958 г. тоже думал, что это одно и то же слово и пишется через *К*, и к тому же имеет не два, а три значения: «*кард* «нож», «сабля», (в эпосе) «меч» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 1, с. 571). Отметим, что в 1958 г. слово *кард* означает «меч» только в эпосе; но через 12 лет Абаев радикально меняет свою точку зрения и назначает «эпическим мечом» другое слово: «*циркъ, цирикъ, цилкъ / церкъ* – «меч» (только в нартовском эпосе)». Каково же его происхождение? Объяснение Абаева: «вариация к *цыргъ / циргъ* «острый»? **курд.** *зерк* «дротик»? **манси** *сирей* «меч»? (ИЭСОЯ, т. 1, с. 313). Но в ОРС «*цирхъ* – обоюдоострый топор; меч», «секира» – *дзаегот* и *лыггаенаен*; однако у Абаева в РОС ни одного названия секиры нет.

Итак, в 1958 году в осет. яз. имелось два термина, один иранский, *кард* «нож», «сабля» («меч» - только в эпосе); второй (согласно ОРС), и также в эпосе, означал «меч» - *циркъ*, но происхождение его было неизвестно, как и значение (даже в 1970 г.), – то ли «обоюдоострый топор», то ли «меч». Пришлось вписать в оба словаря (РОС и ОРС) другой термин: «сабля – *аехсаргард*», «шашка – *аехсаргард*».

Но в 1989 году Абаев уже пишет это слово по-другому, без начального *ае*: «*хсаргард* – «шашка», «меч» (ИЭСОЯ, т. 4, с. 225). Куда же подевался начальный гласный *АЕ* и почему «шашка» (или «сабля») вдруг стала и «мечом»? Объяснение кроется в этимологии термина *хсаргард*, предложенной Абаевым: «сложение из *хсар* «боевая доблесть» и *кард* «нож», «меч» (напомним, что в 1970 г., в РОС, он же писал, что «нож» – это *гард*. – М. Дж.). «В переводе Евангелия *Ялгузидзе* и в фольклорных текстах отмечены случаи, когда *хсар* само по себе (без *кард*) уже означает «шашка», «меч»: *аехсаер-аелваестаей* «с извлеченной (обнаженной) шашкой». (В приведенном примере начальный звук *ае* присутствует, но Абаев почему-то говорит, что «шашка, меч» - это *хсар*). Читаем далее: «В этой связи стоит вспомнить, что *Хиатра* как божество считается в зороастрийской традиции патроном металлов» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 4, с. 225-226).

Мы привели объяснение ирановеда целиком; вот теперь все ясно. В 1958 г. Абаев полагал, что слово *кард* означает «нож; сабля», а в эпосе еще и «меч». К 1970 г. он понял, что нужно различие, и пояснил, что слово, означающее «нож», пишется через *Г*, а сабля и шашка называются *аехсаргард*. В 1989 году он опять изменил свое мнение, убрал из термина начальный *ае*, и слово *хсаргард* стало означать «шашка; меч»; куда подевалось значение «сабля», нам неведомо. Но зачем Абаеву понадобилось убирать начальный гласный *ае*? Все дело в том, что он правильно понял происхождение первой части слова: *аехсар* – это тюрк. *аскер, аскар*, означающее не только «воин, боец», но и «военный, боевой»; осет. термин имеет вполне логическое объяснение: тюрк. *аскар, аскер* «боевой» + осет. *кард* «нож» = «боевой нож», т. е. «сабля».

Зная, что в осет. яз. тюркизмы и так много, Абаев, видимо, полагал, что «прямым потомкам скифов и алан» не к лицу занимать еще и слово, означающее «меч». Дабы замаскировать сей неприятный факт, он и убрал начальное *ае*, «сблизив» полученное *хсар* «военная доблесть, сила, власть» (в 4 томе ИЭСОЯ он оставил и *аехсар*, в качестве варианта) с древнеиран. *хиатра* «военная сила, военная доблесть, государственная власть, государство, царство, центр государственной власти, город». (Но великий ирановед не подумал о том, зачем нужна первая часть *аехсар* или *хсар*, если *кард, гард* и без того означает «меч»). И что же, в таком случае, означает *хсаргард*? «Военно-доблестный нож», сиречь «меч (шашка)»? «Государственный нож»? «Городской нож», т. е. «меч (шашка)»? Все эти манипуляции, на наш взгляд, - яркий пример того, как не надо делать науку (или, судя по всеобщему одобрению, может быть, именно так ее и следует

делать?).

У Абаева в РОС «ножны – *каердзаем*». В ИЭСОЯ он приводит примеры употребления (дигорская форма – *каердбазае*), и пишет: «В первой части – *кард* «нож», «сабля». Вторая часть – *дзаем* не ясна» (ИЭСОЯ, т. 1, с. 584). Но четверем составителям ОРС такое диковинное слово почему-то не известно. «Панцирь» и «кольчуга», по Абаеву (РОС), – *згъаер*, *згъаерхадон*, но термины «латы» и «доспехи» явно скалькированы с русского – *згъаертае*, т. е. «панцири», и так же им приписано множественное число! Это же слово – *згъаер* – означает «металл». (Есть и слово *хотыхтае* «оружие, доспехи», неясного происхождения). Читаем в ИЭСОЯ (т. 4, с. 308): «*згъаер* / *аезгъаер* «доспехи», «латы», «панцирь», «кольчуга», «броня», «металл». Странно, что эти разные предметы обозначены одним словом, которое Абаев считает исконным, возводя к афг. *згъорыл*, *жгъорыл* «оборонять, охранять». Но тогда при чем здесь «металл»? Или древние иранцы, в отличие от всех прочих народов, начав добывать руду, тут же использовали металл не для изготовления простых орудий труда, а оружия и доспехов?

Это еще не все. Читаем у Абаева: «*Кереке* «доспехи» (?)». – Ср. тюрк. (кирг.) *кярюка* «панцирь», анат. *кярюка* «плащ» (и кар.-балк. *керекле* «воинское снаряжение, доспехи». – М. Дж.). «Может быть, это же слово, с палатализованным начальным *К*, дало ос. *цереки* *згъаер* «цереков панцирь», название чудесного панциря в нарттовском эпосе» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 1, с. 593). Чем же тогда «североиранцы» защищали свою брвенную плоть до прихода тюрок?

Названия дротика в словарях нет, как и слов, означающих «копейщик, копьеносец» (восстанавливается из фамильного имени *Хаед-аерца-тае*). Согласно РОС, «штык – *джебогъ*», а «копье» и «пика» – *арц*; но в ОРС видим иное: «*джебогъ* – штык, копье», «*арц* – копье, штык, пика»; «*мыдзыра* – штык, копье»! Но *джебогъ* – это кар.-балк. *гебох* «тяжелое копье», от *кеп окъ* «литая стрела». Не является «североиранским» и *мыдзыра*, *мудзура*; странно, что через три года у этого слова в осет. значение «копье» исчезает: «штык», «палка (альпийская, охотничья) с железным наконечником»: «Из араб., перс. *мизрак*, тюрк. *мызрак* «копье»; сюда же авар. *музрак*, балк. *муджура* «штык», кабард. *маджура* «пика», груз. (рач.) *муджира*, (лечхум.) *муджуро*, сван. *муджиро* «палка железная, альпийская» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 2, с. 137).

Огнестрельное оружие появилось на Кавказе весьма рано; в РОС Абаев дает следующее: «дуло – *топп каенае сармадзаны дзых*», что означает «рот ружья или пушки»; но в ОРС об этом ничего не сказано, а в словарной статье к *топп*, в которой перечисляются части ружья, нет слова, означающего «дуло». Шомпол и курок спутать трудно, при всем желании. Но языкотворцы постарались: и в РОС, и в ОРС «шомпол» – *топы фат*, т. е. «ружейная стрела» – и *сампал* (тюркизм). Но, согласно обоим словарям, слово *сампал* означает еще и «курок»!

«Колчан – *фатдон*», но для его обозначения заняли еще и тюрк. название лука – *сагъадахъ*. Это же слово означает в осет. яз. самострел, предмет, на колчан совсем непохожий (и вдобавок еще и «остров»). В ОРС есть еще и вариант: «*сайдах* – колчан; приспособление для ношения стрел». «*Сагъадахъ*, *сагъаедахъ*, *саегъаедахъ*, *сагъаендахъ*, *садахъ* д(игорск.) (ирон. *сагъаедахъ*, не документировано) «оружейный набор, состоящий из колчана, лука и стрел»; по контексту может означать отдельные компоненты этого набора: «колчан», «лук», «стрела», также «самострел», «лук с прикладом». – Монг. и тюрк. слово. Оно вошло, как пишет В. И. Абаев, ссылаясь на других известных этимологов, в древнерусск., русск., украин., убух., адыгейск., кабард. (Абаев, ИЭСОЯ, т. 3, с. 18).

Лук и стрелы – оружие очень древнее. Тысячу или больше лет, как уверяет «мировая наука», «ираноязычные» скифы и сарматы безраздельно властвовали в огромном регионе,

соседствуя с множеством народов и племен. «Скифы славились как стрелки из лука, *тодзотаи* (Геродот); лук и стрела были едва ли не главным их оружием» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 2, с. 404). Тогда почему в РОС нет слова, означающего «лучник» (или «мечник»)? И почему эти народы заняли термин у «поздних» тюрков, а не у «скифов-иранцев», великих стрелков? И почему ни один народ - ни ближний, ни дальний - не позаимствовал «алано-иранское» название этого оружия (*аердын*)? Но В. И. Абаев спешил объяснить другое – почему тюрк. (или даже монг.) термин заимствовали сами осетины: «В осетинском слово является избыточным, так как все относящиеся сюда предметы имеют старые, унаследованные от древнеиранского наименования: *рдын/аендурае* «лук», *рдыстон* «футляр для лука», *фат* «стрела», *фатдон* «колчан». Поэтому *сагъадакъ* не вошло в общее употребление, имея хождение только в тех слоях, которые испытывали особенно сильное монг. и тюрк. влияние» (ИЭСОЯ, т. 3, с. 19).

О каких таких слоях говорил Абаев (в 1979 г.), в какое время эти слои существовали, передавая экзотический термин только в своей среде, и как он обо всем этом проведал, я понять не смог. Примеры употребления термина, приведенные им в словарной статье, взяты в основном из нартского эпоса – тогда, может быть, имеются в виду слои сказителей-монголофилов? Но ни в его же РОС, ни в ОРС (изданных в 1970-м) никакого *рдыстон* «футляр для лука» нет; и это, во-первых, а во-вторых, переводя в РОС слово «колчан», сам же Абаев первым ставит не иранское слово, а как раз «избыточное» тюркское, якобы «не вошедшее в общее употребление»: «колчан – *сагъаедакъ*, *фатдон*». Почему он убрал начальную гласную в слове *аердын*, я знать не могу, но и в его РОС, и в ОРС значится именно *аердын*. Интересно, что *бос* в *аердын бос* «тетива лука» опять-таки из тюркского (ИЭСОЯ, т. 1, с. 268).

Термин «поединок» почему-то переведен тремя словами, т. е. это описание: *лаегаи-лаегмае хаест*, что-то вроде «мужчины с мужчиной бой». «Брань, война, сражение, битва, бой, схватка, сеча» – *хаест*, *тох*. «Борьба» (*полит., класс.*) – тоже *тох*. В РОС «перестрелка – *каераедзи ахст*» (что означает «стрельба друг в друга»); в ОРС приводятся примеры употребления обоих слов, но значение «перестрелка» среди них не указано. В ОРС «*даерддаевин* - меткий стрелок, снайпер», но Абаеву это слово не известно. Нет в РОС и термина, означающего «подшлемник» (но как скифо-аланы носили бы свои шлемы без них?). В ОРС говорится: «*цъупхуд* - шлем, остроконечный головной убор», но в РОС такого термина нет. В РОС «шлем – *така, згъаерхуд*»; первое слово, согласно В. И. Абаеву, арабское и заимствовано в осет. яз. через тюрк. посредство; но второго, озн. «металлическая шапка», составители ОРС не знали. Лица воинов в древности были защищены металлическими масками; по-кар.-балк. такая маска наз. *къанжалбет* «жестяная личина», *темирбет* «железная личина» (оба слова в перен. смысле озн. «бесстыжий»), *къап* «маска»). В РОС «маска – *маскае, маенг цаесгом*»; первый термин из совр. русск. яз., а второго в ОРС нет.

«Часовой – *аефсаеддон хъахъхъаенаег, хъарагъул*»; со вторым термином все понятно (тюркизм), но первого, в РОС означающего «военный охранник», нет в ОРС. Слово, означающее «караул», «стража», «часовой», тоже из тюрк. – *хъарагъул, къалаур*; ухитрилось войти в грузин., мегрел., кабард. и др. языки (ИЭСОЯ, т. 2, с. 265); но в ОРС этого слова нет. У Абаева читаем: «стража – *хахъхъаенджытае, хъарагъултае*», «страж – *хъахъхъаенаег, хъарагъул*», но в ОРС таких терминов нет. В ОРС есть *асаули* «слуга, прислужник, охранник» (вероятно, от тюрк. *есаул, ясаул, жасаул*, букв. «урядник»), но такого термина нет в РОС. У Абаева «жандарм – *дзандар*», «охрана – *разаенгардаей, аенаезиваегаей*», но составители ОРС таких терминов не знали. В ОРС «*гаерзтаехаессаег* – оруженосец», но Абаеву это слово было неизвестно. Слово, означающее «паника», почему-то понадобилось только в новейшее время и его взяли из русского (*паникае*).

Скифо-сарматам, как и осетинам, случалось, конечно, захватывать врагов или чужеземцев и брать за них выкуп или платить выкуп за своих сородичей. В РОС «выкуп (за вещь) – *цъындыаргъ*; (за человека) *ахаестаргъ*». Но это явный неологизм, потому что в ОРС никакого *ахаестаргъ* нет, там сказано: «*цъынды* – залог, заклад, задаток», «*цъындыаргъ* – выкуп», «*ахаест* – 1) узник, арестант; 2) арест; 2. задержанный», «*аргъ* – цена, стоимость». В РОС «заложник – *амынает*», «аманат (заложник) – *амынает*», но в ОРС это слово имеет совершенно другие значения: «*амынает* – 1) вещь, отданная (принятая) на хранение; 2) заклад».

«Алано-осетинам» наверняка были известны приспособления, ограничивающие свободу передвижения пленных и рабов. Но осет. *хъадамантае* «кандалы, оковы» - из араб. (ср. кар.-балк. *къадама*); *къалодкае* – из совр. русск. «колодка». «Трофей» - *трофей*. Слово «добыча» у Абаева (в РОС) переводится тремя терминами: одним осет., - *фос* «скот» (но в ОРС значение «добыча» для него не указано), и двумя кар.-балк. – *тона*, *таелает*. Смотрим в ИЭСОЯ: *тона*, *тонау* «похищенное, отнятое, добыча», в особенности «оружие, доспехи, снятые с убитого или побежденного врага» - тюркизм; *таелает* «угон скота, угнанный скот, добыча» - тюркизм. Может быть, первое слово выручит? «*Фос/фонс* 1. «скот»; 2. «имущество»; 3. «добыча». «Восстанавливаемое *панс* находит ближайшую параллель в авар. *панз* «рогатый скот». Сюда же, очевидно, дид. *посо* «скот», «богатство» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 1, с. 479).

Но, кроме аварского и дидойского, это слово присутствует и в чеченском, и в ингушском. Отчего это в языке потомков воинственных скотоводов, который, по словам иранистов, сохранился в невиданной чистоте, нет даже такого термина? В. И. Абаев вроде бы находит выход: «Что касается инг. *фос*, чеч. *хонс* «добыча», то они должны рассматриваться как усвоенные из осет.», в пользу такого решения якобы свидетельствует историческая фонетика этих языков. Но это не спасает: «При отсутствии удовлетворительной иранской этимологии остается допустить, что осет. слово представляет заимствование из авар., а чечен. и ингуш. – из осет.». Так, стало быть, термин – аварский? Но такого вывода В. И. Абаев сделать не пожелал; пытаясь выбраться из простой ситуации, «сохранив лицо», он сам себя загнал в тупик и закончил растерянным признанием: «Если принять во внимание территориальное распределение соответствующих языков (аварский не соседит с осетинским, чеченский и ингушский располагались между осетинским и аварским), то картина получается довольно запутанная» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 1, с. 479). Вот вам и все объяснение. Что же, в таком случае, привозили из своих походов и набегов преславные «североиранцы»?

Пусть так, хаживали эти «ирано-аланы» в походы и пригоняли скот, именуя его неведомым по происхождению словом. В таких поездках необходимы некоторые предметы, например, сосуды для воды - разумеется, сделанные из кожи. В адыгейском, например, есть тюркизм *сулукъ* «кожаный сосуд наподобие ведра, в сложенном виде носился под седлом». Допустим, адыгейцы были народом переимчивым. Но «древние алано-осетины» начали ходить в далекие походы давным-давно, задолго до пришествия тюрков, и, наверное, имели все свое – и соответствующие предметы, и их названия. Ан нет: «*цулукъ* – кожаный сосуд», «кожаное ведро»; ср. кар.-балк. *суулукъ* «кожаный сосуд для воды; фляжка». (Говоря об этимологии фамильного имени *Царазон*, В. И. Абаев отрицал правомерность возведения его к *сар-ассон* «глава асов», поскольку звук *с* в осетинском якобы не может перейти в *ц*, см. ниже; но здесь именно тот случай: кар.-балк. *суулукъ* изменилось в осет. *цулукъ*).

Осетиноведы сотни раз писали о бесчисленном количестве походов, совершенных в оны дни скифами, сарматами, аланами и эпическими нартами; именуются эти походы *балц* (синон. - *стаер*). Заглядываем в ОРС:

Балц – 1) путешествие, поездка; поход; 2) дорога; *балцы цауын* – а) отправляться в путешествие, в дорогу, в поездку; б) путешествовать.

Балцаег - путевка

Балцаеввонг уын – приготовиться, быть готовым к отправлению.

У В. И. Абаева в его РОС круг значений исходного термина и количество производных от него шире и включает в себя такие «позабытые» составителями ОРС слова, как:

Странствование - **баелц**

Странник; проезжий; проездной (*билет*) - **балццон**.

Пешеход – **фистаег, фистаег баелццон**

Но почему супервоинственные «скифо-алано-осетины» за три тысячи лет существования своего языка не сумели создать отдельные термины, для различения похода от просто путешествия, странствования, поездки, дороги? Об этом наука молчит.

У предков карачаево-балкарцев, которые, как показывают их язык и фольклор, несомненно и долго вели воинственный образ жизнь (будь они скифо-аланами, кипчаками или эфиопами), дружинники делились по разрядам, в зависимости от опыта, мастерства и близости к князю или хану; по возрастающей – *къзакъ, аскер, чора, жанкиши, нёгер (дженгер), азнаур* и, выше всех, непобедимые бойцы – *батыры*. Нечто подобное ожидаешь встретить и в осет. языке. Могли бы цари и князья скифов и алан обходиться без своих дружин, состоящих из воинов-профессионалов? Конечно, нет: разница между ними и простыми ополченцами была бы колоссальная. «Ополчение, - пишет З. Н. Ванеев, - аланский царь созывал в случае большой войны. Но у него была и постоянная вооруженная сила – дружина. Известно, что дружина играла важную роль в развитии политической власти военных вождей»; «средневековые аланские цари предпринимали те или другие военные предприятия во главе дружин». «Надо думать, что осетинский «мтавар» Ос-Багатар, воевавший в Карталинии и Триалети в конце XIII века, вел эту войну во главе дружины» (Ванеев, с. 152). Мы сразу же соглашаемся со всеми утверждениями историка, но... По Абаеву, «ополчение – *хаедаефсад*», однако составителям ОРС это слово почему-то неизвестно. В РОС термин «дружина» переведен описательным *афсадон бал*; первое слово означает «военная», второе - «группа, отряд, стая»; но составителям ОРС словосочетание *аефсаеддон бал* неизвестно (а почему так, неизвестно нам). Далее в РОС написано еще более убеждающее: «2. Дружина (отряд) – *дружинае*». «Дружинник - *дружинник*».

Эти мтавары и алдары, как и «осетинские цари», конечно же, должны были иметь свиты. Абаев пишет в РОС: «свита – *фаесдзаеунтае*»; это мн. число от *фаесдзаеун*, озн. (согласно ОРС) «слуга, служанка, прислуга; прихвостень». Нет и слова, означающего «телохранитель». Нет в словарях ни одного слова, обозначающего воинское звание, скажем, «сотник, тысячник, темник» и пр., как нет и названий войсковых подразделений. В РОС указано: «полководец – *аефсадфаетаг*», но в ОРС такого термина нет, а написано: «*аефсаедты хицау (хистар)* – военачальник» (*хицау* – «хозяин, хозяйка; свекор; начальник»; *хистар* – «старейшина»). В РОС «верховод – *атаман, саркал*», но в ОРС «*атаман* – атаман», а второго термина, *саркал*, в этом словаре нет.

Так с кем же ходили в свои *балцы* алано-осетинские *алдары* (вожди), и кого они возглавляли? И неужто скифы и аланы (т. е. «древние осетины») воевали, как Бог на душу положит - т. е. наваливаясь на противника толпой, во главе со своими старейшинами? Извините, это допустимо в кулачном бою, но не в битвах и сражениях, коих скифам и аланам пришлось выдержать несчетное количество.

Поскольку Геродот говорит, что скифы снимали скальпы с убитых врагов, В. И. Абаев счел необходимым вставить в РОС «скальп – *саердзарм*» (что-то вроде «головная кожа»); но составителям ОРС такой термин неизвестен. Через 9 лет вышел третий том ИЭСОЯ;

рассматривать в нем такой супер-исторический термин В. И. Абаев почему-то не пожелал.

В языке потомков таких воинственных народов, как скифы и аланы, непременно имелось бы слово, означающее «герой», как и производные. В РОС оно переводится как *ахсарджын* (подозрительно созвучное тюрк. *аскерчи* «воин, воинский»). Есть еще *сгуюхт*, но в ОРС оно почему-то имеет другие значения («знаменитый, известный, выдающийся, заслуженный, удачный, отличившийся, доблестный»). Есть и слово *багъатыр* (*гъабатыр*) - но оно тюркское, и *хъайтар* - но оно арабское.

Огласим весь список из РОС, составленного В. И. Абаевым:

Героизм - *героизм, ахсар*

Героиня - *героина*

Героический - *героикон, ахсарджын*

Герой - *герой, сгуюхт, багъатыр, хайтар, ахсарджын* (в скобках - пример употребления: Герой Советского Союза - *Советон Цадисы Герой* и т. д.; почему же не *Советон Цадисы Сгуюхты*?).

Геройский - *багъатыр, ахсарджын*

Геройство - *геройдзинад, ахсар*.

Как видим, свое (иранское) слово ни в одном случае не стоит первым. К тому же зачем заимствовать уже в советское время слово «герой», если есть 5 своих, вроде бы не менее достойных? Смотрим в ОРС: «герой – герой», «геройдзинад – геройство», «героизм – героизм», и приводится пример: «*адамон герой* «народный герой». Странно, мягко говоря. В РОС «витязь (и «воин») – *хотыхдар, хайтар, хаестон*». Термина *хайтар* в ОРС нет, а *хаестон* означает «боевой (порядок, готовность); военное (время, положение и т. п.); «хотыхдар – оруженосец», есть и другой термин, в том же значении – *хотыххаесаг*. но этих слов не знает Абаев. О слове *хотых* «оружие» он говорит: «Надежной этимологии нет. Огласовка *о* для иронского говорит о неоригинальности» (ИЭСОЯ, т. 4, с. 232).

«Богатырь», по словарю С. И. Ожегова - «человек безмерной силы, стойкости, отваги», т. е. не просто силач, но и отважный воин. В РОС (В. И. Абаев): «богатырь – 1. (в эпосе) *наертон*; 2. (силач) *уаейыг, баеъатыр, пелуан, толппар, сияхъ*». Но в ОРС «*наертон* – 1) нартский; 2) чудесный, превосходный, выдающийся; 3) храбрый, отважный; 4) находчивый, ловкий; 5) легендарный». Значения «богатырь», как видим, здесь нет. А через три года сам же Абаев пишет: «*Нартае, Нарт* «Нарты», общее коллективное именование героев осет. эпоса; *нартон* «нартовский». «*Нартае* – форма мн. ч.». Если *т* - показатель множественности, то термин *нарт* в осетинском языке формы ед. числа не имеет. «...единичный герой никогда не называется *нар*; нельзя сказать *нар Батраз* или *нарт Батраз*, а только *Нарты Батраз* «Батраз (из фамилии) Нартов» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 2, с. 158-159). Тогда зачем приписывать прилагательному *нартон* значение «богатырь»?

Согласно РОС, *уаейыг* означает «великан; богатырь; исполин; титан; гигант; колосс». Но в ОРС круг значений уже: «*Уаейыг* – фольк. 1. великан, циклоп, богатырь; *авдсаерон уаейыг* семиглавый великан; 2. мощный, сильный, гигантский». Так кто же имеется в виду – злые великаны-циклопы или насмерть сражающиеся с ними эпические богатыри (тем более, что термин – фольклорный)? К тому же, насколько нам известно, богатырей-нартов в осет. эпосе *уаигами* ни разу не называют. Сам же Абаев пишет, но уже через 19 лет после выхода РОС: «*ваюг*; излюбленный персонаж осетинской народной демонологии»; «*Ваюги* рисуются как великаны огромной силы (иногда одноглазые), семиголовые или даже стоголовые. Как правило, они враждебны человеку» (ИЭСОЯ, т. 4, с. 68).

Вы можете себе представить семиголового богатыря? Вряд ли. Но в некоторых дореволюционных записях осетинских сказаний, принадлежащих людям, которые прекрасно владели русским языком, богатырями именуются не нарты, а именно уродливые великаны-уаиги. Один пример: «Когда же настал вечер, то вошел в пещеру

семиглавый богатырь с убитым оленем и большим-большущим с корнями деревом». Этот «богатырь» съедает и сыновей героя, и их коней (Нарты, т. 2, с. 73).

В. И. Абаев вписал в РОС термин *фырыстыр* («очень большой»), якобы означающее «колосс», но в ОРС его нет. (Вообще с фольклорными терминами в осет. яз. многое непонятно не только мне, но и самим осетиноведам. Составители ОРС считают, например, что «людоед» - это *адаеймагхор*, *лаегхор*, но у Абаева в РОС «людоед – *лаеджыфыдхор*»).

«*Баегъатыр* – богатырь, герой» (но это тюркизм).

пелыуан – этого слова в ОРС нет; *пелыуан*, вероятно, тюрк. заимств. из древнерусск. *великан* (а не перс. *пехлеван*), ср. кар.-балк. *пелиуан*.

толттар – «сильный, мощный, богатырский», однако в ОРС его нет (это тюркизм, вошедший и в некоторые другие языки Кавказа; см. в ИЭСОЯ, т. 3, с. 299).

сиахъ – 1. великан, громада; 2. великий, громадный.

Но к 1979 году В. И. Абаев переменял свое мнение и значение «богатырь» для данного слова не указал: «*сиахъ* «громадный», «громадина», «великан». «Ср. карач. *шиак* «древний могильник» (правильно: *шиякы* «древний могильник; древности». – М. Дж.). Древние надмогильные сооружения (курганы, мавзолеи, склепы) нередко поражают воображение своими размерами. Отсюда связь значений: «могильник» - «громада» - «великан» (ИЭСОЯ, т. 3, с. 101). Но это совершенно неверное объяснение. От понятия «надмогильное сооружение» до понятия «великан», а тем более «богатырь» - дистанция огромного размера. На самом деле, это заимствование.

Кар.-балк. *къара* имеет много значений, в том числе «черный» и «великий, большой» (например, отсюда *къара къарыу* «огромная физическая сила» или титул *къарахан* «великий хан»). Но слово *шау* также означает «черный» (и «мертвый»); оно восходит к *шах* (отсюда, скажем, *шакъа* «чернила»); например, селение *Уллу Малкъар* имело и другие названия – *Къара Малкъар*, *Шах Малкъар*, все в значении «Большая Балкария». Но в осетинском яз. «черный» - тоже *сау* (*шау*); следовательно, это кар.-балк. слово вошло в осетинский язык в то время, когда оно произносилось, как *шах* «черный; большой»; но в другом языке семантика «раздвоилась»: *сау* стало означать «черный», *сиахъ* – «огромный» (изменившись в *сиахъ*, вероятно, под влиянием иранского *сиѣх* «черный»).

И что же остается в итоге, в качестве своего, исконного слова, означающего «богатырь»? Только название злых и уродливых великанов – *уагийыг*, восходящее, скорее всего, не к именованию древнеиранского бога ветра *Вайю* (как считал Абаев), а к тюркскому *адуг, аюк, айыу, аюка* «медведь».

Но что думал Абаев о первом слове, *баегъатыр*? «Усвоено от тюрко-монг. народов; ср. тюрк. и монг. *багъатур*, *багдадур*, откуда идет и руск. *богатырь*. Первоисточником некоторые считают перс. *бахадур*». «Ос. *баегъатыр* идет, во всяком случае, не из перс., а из монголо-турецк. Впервые засвидетельствовано в осет. надписи, найденной в Краснодарском крае на берегу реки Б. Зеленчук (X-XI в.), как собственное имя: *Пакаатар* (= *Баегъаетаер*). Этим же именем называет часто грузин. хроника («Картлис Цховреба») осет. вождей: *Ос-Багъатари* «осский богатырь» (в первый раз – для V в., в последний – XIV в.). – Наряду с формой *багъатур* на монголо-турецк. почве широко распространена стяженная форма *баатур*, *батур*, *батыр*, которая также известна осетинам; она отложилась в имени эпического героя *Батраз*» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 1, с. 246). Согласно словарям, производное *хъаебатыр* означает в осет. яз. еще и «смельчак», и «удалец», и «храбрец» и пр.

Итак, тюркское заимствованное слово, по мнению Абаева, фиксируется в памятниках, начиная с V по XIV вв., т. е. на протяжении тысячелетия. Не успели тюрки прийти в Восточную Европу (в IV в., по мнению академистов-мифотворцев), как «скифо-аланы» тут же переняли у них такой хороший термин и превратили его в имя собственное, да еще

и в титул, означающий «вождь». Мало того, они сообщили об этом грузинам, и те зафиксировали сей примечательный факт в своей летописи. Другие иранисты считают, что термин *багъатар* в осет. яз. вошел в хазарскую эпоху, в конце первого тысячелетия нашей эры.

Пусть так. Иранисты-комментаторы уверенно пишут, что под «хазарами», которые, согласно хронике Леонти Мровели (XI в.), совершали походы в Грузию задолго до начала н. э., подразумеваются, всеконечно, «ираноязычные скифы». Почему же грузинские летописцы за два тысячелетия знакомства со «скифо-алано-осетинами» не отметили в своих хрониках какой-нибудь «североиранский» титул? Создается впечатление, что «североиранские богатыри» на территории, на которой они прожили 2 тысячелетия, подвигов не совершали и славы не имели – никаких почетных воинских титулов «скифо-иранского» происхождения ни у соседних народов, ни у осетин нет; пришлось дожидаться прихода тюркских витязей-батыров. Так, может быть, эти *ос-багатары* были не «североиранскими» вождями, а тюркскими?

Нет никакого сомнения в том, что скифы и сарматы увлекались богатырской забавой – борьбой. В ОРС «*фаехъырдухаен* – бороться» (спорт.), но в РОС «бороться – *хъаебысаей хаецын*». В ОРС указано: «спортивная борьба – *спортивон хъабысхаест*», но у В. И. Абаева в РОС «борьба – *хъаебыс-хаест*». В ОРС *хъаебыс* означает «объятие; обхват, охалка»; *хаест* – «1) бой, битва, сражение; война; 2) укушенный, укус». Что же получилось – «бой в обхвате»?

Затем Абаев добавил к первому слову окончание *-аей* и получил новый термин: «борец (спорт.) – *хаебысаей-хаецаг, богал*». Первое слово, *хъаебыс*, осетинским не является: «*къаебыс/гъаебес* «объятие», «лоно». – Из тюрк. *къабыш, къапыш* «хватать», «обнимать друг друга», «бороться» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 2, с. 280), а *хаецаг*, вторая часть изобретенного Абаевым термина, в ОРС имеет неспортивные значения: «дерущийся; воюющий; боец; сторонник». Следовательно, остается *богал*. В 1958 г. В. И. Абаев пишет: «*богал* – «силач». Вероятно, из *богъ-гал* буквально «бугай-бык». См. *богъ* и *гал*. Ср. также тюрк. *бёкя*, монг. *бёх* «силач», «борец» (ИЭСОЯ, т. 1, с. 264). Добавим сюда же кар.-балк. *бёкем* «кряжистый, плотный, крепкий».

Почему странное сочетание «бугай-бык» стало означать не «бык-производитель», а «силач», который через 12 лет в РОС превратился еще и в «борца», Абаев не объясняет, просто пишет, что первое слово *богъ* «бугай, бык-производитель» – тюркское, а второе – *гал* – «субстратное» (ИЭСОЯ, т. 1, с. 264; с. 506). Но зачем понадобилось бы предкам осетин соединять два чужих слова, означающих «бык», чтобы получить один термин, означающий «силач, боец»? И почему нельзя было произвести термин от своего слова, означающего «бугай, бык» – *куыр*? Авторы ОРС расходятся с В. И. Абаевым и здесь: у них *богал* – «силач, тяжелоатлет, боец»; *богалаг* – «борец, верховод»; *богалаг каенын* – «верховодить».

Создается впечатление, что все пять лексикографов были весьма неуверены в том, как называть спортивную борьбу и борцов (при том, что Осетия дала миру спорта больше великих борцов вольного и классического стиля, чем многие крупные государства). И почему слово «борец» идентично в осет. яз. слову «верховод», а также означает и «штангист» или «гиревик», нам абсолютно непонятно. Не нашли мы в словарях и названий борцовских приемов, или народных видов спорта, которые когда-то имели военно-прикладное значение. В РОС у Абаева встречаем «чехарда – *гаелаемытае*», но четыре составителя ОРС о таком термине не ведали. *Ерыс* «состязание, соревнование» – опять-таки тюркизм *йарыш* «состязание, соревнование» (ср. кар.-балк. *эриш, эришу*), но, по предположению В. И. Абаева, заимствованный тюрками из греческого и попавший также в грузинский, в котором означает «сражение, атака», и в кабардинский, в значении

«упорный» (ИЭСОЯ, т. 1, с. 413). Догадка о греческом происхождении термина не является основательной, потому что вряд ли, например, киргизы свой термин *жарыш* «состязание, соревнование» заняли у греков.

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕРМИНЫ

Если осетины – потомки скифов, у которых уже 2300 лет тому назад было государство, если в средневековье «алано-осетины» создали на Кавказе другое сильное государство, то в их языке должна иметься богатая социальная терминология. Но все данные указывают на господство у осетин-иронцев родового строя, причем вплоть до последних времен (как известно, родовой строй и государство несовместимы). Об этом и говорил Абаев в 1949 году: «В старом (? – М. Дж.) фонде языка **нет никаких указаний на феодальные отношения или царскую власть**» (ОЯФ, с. 269; выделено нами. – М. Дж.). Да и позже В. И. Абаев пишет: «По общему мнению всех наблюдателей, в Осетии в новое время (XVIII, XIX, начало XX в.) не было среди населения четкого классового расслоения (в отличие, скажем, от Кабарды или Грузии). Только в Дигорском и Тагаурском обществах распознавались черты феодальных отношений. В остальных обществах преобладал родовой строй на разных ступенях его разложения (Абаев, 1990, с. 408-409).

Но В. И. Абаеву хотелось связать язык и фольклор осетин с историей скифов и алан как можно большим количеством нитей; а для этого приходилось, в частности, время от времени указывать на те или иные термины, свидетельствующие о былом господстве феодальных отношений в Осетии. «Термин *аелдар*, который в позднейшее время (именно. – М. Дж.) **стал применяться к феодальной знати** и переводится **нередко** (выд. нами. – М. Дж.) словом «князь», означал первоначально не более, как «военный предводитель». Это видно из того, что в венгерском, куда он попал из аланского, он значит «начальник сотни», а у монголов, также воспринявших его от алан, он получил значение «(военная) слава» (у калмыков – «господин». – М. Дж.). Самый факт заимствования этого слова в соседние (? – М. Дж.) языки свидетельствует о том впечатлении, которое производила на соседей (? – М. Дж.) военная организация алан (особенно славилась, как известно, аланская конница)» (Абаев, ОЯФ, с. 64).

Мы готовы соглашаться с любыми утверждениями иранистов (весьма поднаторелых в сокрытии неугодных фактов), но только до определенного предела. Допустим, аланская военная организация и конница, а особенно их импозантные родовые вожди произвели на таких отдаленных друг от друга и в пространстве, и во времени (в смысле контактов) «соседей», как венгры и монголы, столь неизгладимое впечатление, что они заимствовали у осетин-алан термин «алдар». Но почему они придали ему совершенно разные значения: «начальник сотни» - «военная слава»? К тому же поражение в битве (в середине XIII в.) потерпели как раз аланы, поэтому, думается, произвести впечатление должны были монголы на алан. Почему ни в эпосе, ни в языке «алано-осетин» нет упоминаний о венграх и монголах? Почему ни венгерских, ни монгольских титулов нет у осетин? Почему ни военная организация «ираноязычных аланов», ни вид их грозных вождей-алдаров не потрясли до глубины души более слабых в военном отношении соседей - греков, грузин, русских, армян или чеченцев, если все они, надо думать, видели и знали аланов в их лучшие времена, в расцвете славы, и задолго до монголов?

Тут выясняется, что и с именованьем князей в осет. яз. дело обстоит не так уж благополучно. В. И. Абаев указывает: «Князь – *кънийаз*, *аелдар*»; этимология термина *аелдар*, предложенная ирановедом – якобы от *армдар* «рукодержец» - очень сомнительна. Не вернее ли думать, что оно от тюрк. *алдар* «находящийся впереди»? Но пусть даже оно иранское и имеет, согласно ОРС, следующие значения: «барин, господин; владелец;

властелин; вельможа; князь; господский; княжеский; барский; 2) пчелиная матка». Посмотрим, согласен ли был Абаев (РОС) со своими коллегами:

Барин – *барин, аелдар*

Господин – *аелдар*

Владелец – *хицау, бардарае*

Властелин – *барджын хицау, барджын аелдар*

Вельможа – *стыр хицау, стыр аелдар*

Князь – *къниаз, аелдар*

(*Хицау*, согласно ОРС, означает «хозяин; хозяйка; свекор; начальник»).

Как видим, осет. лексикографы к согласию не приходят даже в определении таких простых терминов. Производных от *алдар*, если оно действительно означало «князь», в РОС почему-то не имеется, а есть другие, от русск. термина, заимствованного недавно: «княгиня – *аехсин, кънйазы ус*», т. е. «госпожа, барыня; княгиня», и, вдобавок, – «княжеская жена». Для чего нужно было это дополнение, если имелось свое слово, неясно. Нет и слов, означающих «княжна» или «княжич». «Княжеский – *кънйазы*», «княжество – *кънйазад*», «княжить – *кънйазад каенын*».

Очень странно – свой термин «алано-осетины» передали монголам и венграм, а сами не произвели от него ни одного слова! К тому же термин «князь» – из тюрк. тюрк. *гинал, инал, гинар, гиназ* «принц»; ср. кар.-балк. *гиназ*, в том же значении – от *гин аз, гюн ар* «солнечный муж», «ваше сиятельство»; *Гиназ, Инал* употребляются в качестве личных имен (как и некоторые другие титулы); есть и фамилия *Гиназ-лары*; отсюда же и *гинадрукъ* «княжич», стяжение из *гиназ урукъ* «княжеское семья, княжеский потомок». И в РОС, и в ОРС написано: «феодал – феодал». Но в ОРС встречаем также: «*сайнаг* – черный; *сайнаг аелдар* – феодал».

«Странно», мягко говоря, что у такого древнего народа (три тысячи лет истории!) нет своих терминов, означающих «царь», «государство» и пр. *Паддзах* («царь, государь, император») – из перс.; «государство» – *паддзахад*. *Маелик* «великий князь, царь» – из араб. (но в РОС его нет). *Хан* – из тюрк. В ОРС есть «*хаедхицау* – самодержец», но в РОС такого слова нет. Множество ирановедов превеликое множество раз, ссылаясь на источники, писали о матриархате у савроматов и саков, их воинственных царицах и пр. Но у Абаева читаем: «Царица – *паддзахы ус; ус-паддзах*», т. е. «жена царя; женщина-царь». «Царевич – *паддзахы фырт*», т. е. «сын царя». В ОРС имеется термин *усхицау* (т. е. «женщина-хозяин») – «хозяйка, госпожа», но у Абаева его почему-то нет. Считая, вероятно, что «североиранские» цари имели склонность к многоженству, составители ОРС дают известный термин: «*усдон* – гарем», что означает «вместилище женщин»; но В. И. Абаев такого странного слова не знает. Получается, что до знакомства персами, арабами и тюрками у «ираноязычных скифо-сармато-аланов» никаких титулов не было (как и производных от них). О таком несоответствии В. И. Абаев ничего не говорит, сообщая, что слово *паддзах* вошло во многие языки Кавказа (Абаев, ИЭСОЯ, т. 2, с. 235).

Крайне интересно осетиноведы перевели слова «престол, трон» – *паддзахы бадаен*, т. е. «царское сиденье», и *паддзахы къаелаеджын*, т. е. «царское кресло» (значение «кресло» указывает Абаев). Но в ОРС *бадаен* «сиденье» с определением «царский» почему-то не сопрягается, зато имеет еще одно значение – 2) «*рел*. поминки под Новый год (*по умершим в течение истекшего года*)». В ОРС сказано также, что *къаелаеджын* означает «дугую», а не «сиденье» или «кресло», как трактовал Абаев. Здесь же приведен пример: *къаелаеджын бандон* – «полукруглое деревянное кресло с резными украшениями», *бандон* – «стул, табурет, скамья».

Скифские, сарматские и аланские цари, вероятно, носили короны. И народ, у которого такие древние предки, как скифо-аланы, должен был бы иметь ее название. Но его нет

(своего) – а есть слово «коронае» (из совр. русского), и добавлено: «2.: «царская – *паддзахы худ*, т. е. «царская шапка». Удивительно: если «простая» корона называется *коронае*, то царская – «царской шапкой»! (Но в ОРС для *худ* значение «корона» не отмечено). В РОС «венец – *венец, диадемае*» (оба – из совр. русского), второго термина в ОРС нет. Очень творческий подход к делу обогащения традиционной лексики, но на чем восседали и чем увенчивали свои умные головы цари «ираноязычных скифо-сарматов» остается неизвестным. «Герб – *герб*», «закон – *закъон*» – из совр. русского. *Аран* «граница, межа» – из тюрк. (ср. кар.-балк. *ара* «межа, промежуток; середина»; *аралыкъ* «пространство»). В языке народа, который когда-то жил в своем государстве, обязательно имелось бы понятие о его центре, как и соответствующее слово. Но в РОС написано: «центр – *центр*», «центральный – *централон*».

Скифские и аланские цари, наверное, собирали дань, подати и налоги, но слово, передающее в осет. яз. эти понятия, опять почему-то тюркское – *хъалон* (ср. *къалым, къалын* и пр.), и совр. русск. – *налог*. В ИЭСОЯ сказано, что *хъалон* означает «дань; подать» и «налог», а производное *хъалондар* – «даннык». «Таборные кочевники-тюрки» каким-то образом ухитрились навязать свой термин еще и курдам, кабардинцам, армянам, грузинам и хевсурам (ИЭСОЯ, т. 2, с. 260). Чтобы хоть как-то поправить положение, Абаев (в РОС) переводит слово «дань» двумя терминами – *хъалон* и *хардз*; но в ОРС второе слово означает «расход, трата, издержки».

Скифо-сармато-аланские цари и князья, как и любые правители, никак не могли бы обходиться без казны. У Абаева «казна – *къазна*», с пометкой «уст.», но в ОРС такой пометки нет. А как назывались люди, которые заведовали казной? В РОС «казначей – *къазнадар, къазначей, хаезнадар*», в ОРС «*къазнадар, къазначе* – казначей». Но все дело в том, что и *казна*, и *казначей* – тюркские слова (см. у Фасмера).

Нет в осет. яз. и слов, означающих лиц, которые исполняли какую-либо иную государеву службу, например, «наместник». В обоих словарях «чиновник» – *чиновник*, «служба – *служба*», Абаев добавил и «*куыст*», но в ОРС *куыст* означает просто «работа»; пришлось вставлять в РОС и ОРС странные неологизмы: «служащий – *службаеганаг*», «*службаейы лаег* – служащий»; «служебный – *службаейон*». У скифских и аланских царей, наверное, были на службе палачи – кто-то же должен был наказывать преступников. По Абаеву, «палач – *удмар*» (букв. «душегуб»), но в ОРС «*палач* – палач». По Абаеву, «сан – *цътном*», но в ОРС никакого *цътном* нет; в РОС «должность – *хаесад, куысты бынат*», но первого термина в ОРС нет, а *куысты бынат* означает просто «место работы». «Чин – *чин*».

ОРС: «тауби *арх.* – класс дворян, феодалов; представитель знатного, богатого сословия». Между прочим, этот титул был наиболее популярен в Куртатинском ущелье, родине В. И. Абаева. Но в его РОС (1970) нехорошее кар.-балк. слово отсутствует; вернул он его из ссылки только через 9 лет: «*тауби* «человек высшего сословия», «князь», общее название знатных фамилий в горах». « – Из балк. *таубий* буквально «горский (*тау*) князь (*бий*)» (ИЭСОЯ, т. 3, с. 238). Почему же осетины заняли кар.-балк. термин *таубий* «горский князь», да еще и придав ему расширительное значение, если у их предков, уже с X в. пребывавших в развитом феодализме, и государство было, и две династии, и цари, и владетели, – мелкие и крупные сюзерены? Пришлось 2 тысячи лет ждать прихода «беглых степняков-кипчаков» (якобы предков карачаево-балкарцев, которые одни во всем мире называли своих феодалов «горскими князьями», и не на языке своего «алано-осетинского» субстрата, как ожидалось бы, а именно на тюркско-степном) чтобы занять у них нужный термин.

«Дворянин – *уаездан, дворян*», «дворянка – *уаездан (сылгоймаг), дворянкае*», «дворянство – *уаезданад, дворянад*». Пусть так, рассмотрим термин *уаездан*, в ОРС

означающий «1. благородный; вежливый, учтивый, деликатный; 2. *ист.* дворянин, аристократ, уздень» (у Абаева «аристократ – *аристократ*»). Но в 1989 году В. И. Абаев этот термин историзмом уже не считал и расставил акценты по-другому; о родовом строе у осетин, о чем Абаев писал прежде, теперь и речи нет.: «*Уаездан, уездон, уаездон, ѳездон, уаездан* 1. «человек благородного сословия», «дворянин», «уздень», «эдельман»; 2. «благородный». «благовоспитанный», «учтивый», «вежливый», «изысканный», «изысканный». «В феодальной Осетии *уаезданы* занимали среднее положение между алдарами-князьями, с одной стороны, и простыми крестьянами – с другой». Как «феодальная Осетия» согласуется с тем, что он же говорил в 1949 г. («В старом фонде языка нет никаких указаний на феодальные отношения или царскую власть»), понять трудно.

В. И. Абаев отмечает, что термин *уздень* был у средневековых куманов, есть он и у кумыков, ногайцев, карачаевцев, балкарцев (а также у чеченцев, аварцев и кабардинцев), но делает совершенно неожиданный вывод: «Однако заимствование из этих (тюрк.) языков маловероятно по следующим причинам: 1. слово известно только тем тюрк. народам, которые имеют или имели контакты с осетинами (аланами), - кумыкам, ногайцам, балкарцам, карачаевцам, куманам; 2) на тюрк. почве слово не этимологизируется; в словарях Рясенена, Клоссона и Севортыана слово полностью отсутствует» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 4, с. 104).

Если термин *уздень* известен у четырех тюрк. народов (один из которых к тому же – средневековый, т. е. самая ранняя фиксация слова – у тюрков), и только одному (современному) иран. народу – осетинам, следовательно, он осетинский. Логика, конечно, своеобразная. То, что он отсутствует в указанных словарях, ни о чем не говорит, в них нет и многих других слов, присутствующих в живой речи. Но пусть даже так. Если Абаев дает убедительную иран. этимологию термина, конечно же, следует согласиться с ним. Он приводит ряд слов с исходной формой *уазда*, *уаздана*, означающих «жир, сало» или «прочный, прочность», и говорит: «Исходное значение базы *уазд*- было, по Г. Бейли, «питать». Развитие значения в этом случае – «упитанный» - «сильный» - «принадлежащий к сильному сословию». Ср. для семантики связь иран. *нар* «мужчина», «герой» с ос. *нард* «жирный» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 4, с. 104).

Трудно сказать, какую такую связь могли узреть древние иранцы между жиром, салом, упитанностью, с одной стороны, и геройством, с другой. У карачаево-балкарцев, например, полнота считалась признаком, не приличествующим ни женщинам, ни, тем более, воинам-узденям; в кодексе «Ёзден Адет» сказано, что кожа на животе мужчины не должна быть толще кожи на его лбу. К тому же сословия вряд ли получали свои названия по степени полноты входящих в них людей. При таком вульгарно-физиологическом подходе самым сильным (упитанным) было бы не узденьское (воинско-дворянское) сословие, а княжеское; почему же тогда анализируемый термин не означает «князь, аристократ» или, скажем, почему термины «падишах», «малик», «царь» и пр. не означают «наи-упитанный, наи-жирный»? Цепочка развития значений слова, предложенная Абаевым, совершенно неубедительна: от понятий «упитанный» и «сильный» до «принадлежащий к сильному сословию» - дистанция огромного размера.

В кар-балк. яз. слово звучит как *ёзден*, и для его этимологизации не нужно быть семи пядей во лбу: *ёз* «сам» + афф. *ден*; *ёзден* – «самостоятельный, свободный» (ср. *ёзек* «стержень, сердцевина»). Именно сословие свободных людей, второе после князей, и называлось у тюрков Кавказа узденями (у карачаево-балкарцев они составляли основную массу населения и делились на три степени). Следовательно, не только аристократы (таубии, алдары), но и дворяне именовались у осетин по-тюркски, а не по «ирано-алански».

В РОС «посредник – *аехсаегаенылаег*», но в ОРС такого термина нет. В ОРС «*аеххуырт* – наемный, нанятый; прислуга; батрак; наймит», «*искаейон* «чужой; батрак». Но если это так, то почему в РОС у В. И. Абаева (родившегося в самом начале XX в.) первым идет русское «батрак» (по Фасмеру – из тюрк.), а «батрачество» переведено, как *батракта*? В РОС «рабыня – *цагъар сългоймаг*», т. е. «раб-женщина»; но в ОРС этого словосочетания нет. В РОС «дворовый (ист., у князя) – *каертон*», но в ОРС такого термина нет, а есть «*къаесаргаес* ист. – дворовый; дворовая собака».

Кумайаг, кумиаг «наложница», «дети наложницы». «человек низшего сословия»; по Абаеву, слово происходит от тюрк. *кума* «наложница» (ИЭСОЯ, т. 2, с. 326). Ср. также кар.-балк. презрительное *къумаякъ* «босаяк, босычка», букв. «пыльноногая» (сходное по образованию *кюлаяк* «с ногами в золе» – «домосед, бездельник»). Другое слово, означающее, по Абаеву, «простой народ, простолудин» – *хуымаетаег*. «Вероятно, усвоено из слав. *кумет* – с последующим наращением излюбленного форманта –*аег*. На славянской почве документируются существенно расходящиеся значения: с одной стороны, «витязь, дружинник, знатный человек», с другой – «селянин, крестьянин». Ос. *хуымаетаег* примыкает к этому второму значению». В. И. Абаев указывает также на противопоставление *хуымаетаег* – *уездон* «простой – знатный», считая, что это был социальный термин, позднее раздвинувший свое семантическое поле (Абаев, ИЭСОЯ, т. 4, с. 262). Но в ОРС толкование этого слова иное, без намека на его социальную природу: «1) простой, элементарный, обыкновенный 2) безыскусственный, наивный». Странно, что в толковании термина в РОС (составитель – сам же В. И. Абаев) также нет и намека на социальность: «Простой *прил.* (несложный) – *хуымаетаег, хуымаетаеджы*», «просто – *хуымаетагаей*».

Радикальное расхождение значений термина в славянских наводит на мысль, что мы имеем случайное совпадение звучания разных слов, одно из которых не является исконным (или даже оба). Макс Фасмер считал, что *кумет* из латин. *комес, кометис* «спутник, товарищ». Но и в этом случае трудно объяснить, как латин. слово, придя в славянские, вдруг переменяло значение, да еще и раздвоилось. Заимствование из греч. *куметес* «житель деревни» он почему-то считал «невозможным фонетически» (вопреки мнению Биркенмайера и Метценауэра). Именно это объяснение нам и кажется наиболее верным. Латин. *кометис* («спутник, товарищ») стало означать в славян. яз. «витязь, дворянин» (ср. в кар.-балк. название одного из разрядов профессиональных воинов-дружинников – *джѣнгер, нѣгер*, означающее также «товарищ, спутник»), а греч. *куметес* («житель деревни») стали называть крестьян. Возможно также, что термин *кумет* «простолудин» в славян. и в осет. восходит к тюрк. *къумбет, къуммет* «пыльнолицый», т. е. «земледелец, крестьянин».

РЕЛИГИЯ

По мнению осетиноведов, «ираноязычные» аланы познакомились с христианством в V в., а в X в. оно стало государственной религией Алании и оставалось ею на протяжении трех столетий, до нашествия татаро-монголов. В последующий период, несмотря на усилия грузинских миссионеров, христианство в Осетии заглохло, и народ стал молиться прежним языческим божествам, включив в свой пантеон и христианских святых. Позже в Осетии началась пропаганда ислама, но больших успехов тоже не достигла. Если это было так, за прошедшие 1500 лет в осет. яз. должно было отложиться немалое количество христианских терминов. Много должно иметься и языческих терминов, поскольку политеизм сохранился в Осетии до наших дней как живое явление. Но анализ лексики осетинского языка дает иную картину, чем та, которую рисуют академики-мифотворцы.

Нет сомнения в том, что сказочные термины относятся к числу древнейших. Но: «Гамхуд «волшебная шапка», «шапка-невидимка». «Во второй части – худ «шапка». Первая (*гам*), может быть, = тюрк. *кам*, *гам* «шаман» (Радлов). В этом случае *гамхуд* означало бы «шаманская (т. е. волшебная) шапка» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 1, с. 507). В РОС «талисман – *талисман*, *даесныйы чиныг*» (т. е. что-то вроде «знахарская книга»), но в ОРС ничего похожего нет. Странно, конечно. В РОС «заговор – *арфае*», а «заклинание – *арфае*, *калаен*». Но в ОРС *каелаен* означает «колдовство», а *арфае* – «благодарность; приветствие; поздравление; благословение».

По Абаеву, «русалка» – *донычыгз*» (т. е. «речная девушка», причем он указывает в ИЭСОЯ, что *чыгз* «девушка; девочка; дочь» – тюркизм), но в ОРС такого слова нет. В ОРС «*хъаедох* – леший» (от *хъаед* «лес»), но такого слова нет в РОС. Слова, означающего «водяной», нет ни в том, ни в другом словаре. В РОС «колдун – *куырысмаедзоег*», но в ОРС «*куырысдзау* – колдун», и это же слово означает «ведьма». В РОС «святыня – *кувынаккаг*», но в ОРС такого термина нет. По Абаеву, «духовный – *удон*», но в ОРС такого слова тоже нет. В РОС «гений – *гени*, *стыр курдиат*» (т. е. «большой талант»), но в ОРС нет и этого термина.

Обычной практикой в средневековье и позже, вплоть до наших дней, являлось (в том числе и на Кавказе) проведение обрядов, в которых принимали участие ряженные, в масках (например, у карачаево-балкарцев – в обряде колядования *гюппе*, *озай*, *шертмен*). Наверное, проводили их и скифы, и сарматы и пр. Но слова, означающего «маска», в осет. нет, как и слова «ряженный». По Абаеву, «вдохновение – *удцырын*, *уаелкурдиат*», но в ОРС этих терминов нет. Нет в РОС и слов, означающих «откровение, экстаз, ясновидение, предначертание, реликвия». «Посвящение – *нывонд*, *нывондзырд*, *номараен*», «обет – *нывонд*, *дызрд*», но в ОРС «*нывонд* – жертва, жертвенное животное», двух других терминов нет, а «*дызрд*» означает просто «слово». В 1973 г. В. И. Абаев пишет, однако, о другом слове: «*къурманлыкъ* жертвенное животное». «Из тюрк. *къурманлыкъ* «жертва»; образовано от араб. *къурбан* id. с помощью тюркского форманта *-лыкъ*». Вошло в кабардинский и аварский (ИЭСОЯ, т. 2, с. 332). Но в ОРС этого термина тоже нет. Согласно ОРС, «саван – *джебен*» (у мусульман; это тюркизм) и «*маерддзаг* – саван». Но у В. И. Абаева в РОС «саван – *марды каеттаг*»; второе слово означает «полотно, холст, парусина, брезент»; следовательно, «холст мертвеца». В ОРС «*сусаеггаед* – тайна, таинство», но Абаеву такое слово неизвестно.

В 1958 г. В. И. Абаев пишет: «*деканоз* «служитель культа, состоящий при «дзуаре», «жрец» (ИЭСОЯ, т. 1, с. 362). Но к 1970 году это (грузинское по происхождению) слово почему-то исчезает – его нет ни в ОРС, ни в РОС. Слово, означающее «волхв», Абаев все же дает – *даесныфаерсаег*, оно означает еще и «знахарь», и «гадалка»; однако в ОРС таких слов нет, а есть «*даесны* – 1. 1) умный; 2) ловкий; 2.1) мастер, знаток; 2) знахарь». О второй части изобретенного Абаевым термина в ОРС сказано: *фаерсаег* – 1. спрашивающий; 2. ворожея, гадалка *разг.*». Но Абаев думал иначе (*ус* озн. «женщина»): «ворожея – *даесны* (*ус*), *даесны фаерсаег* (*ус*), *каелаенгаенаег* (*ус*). Но последний термин в ОРС означает «колдун, волшебник; ведьма».

Слово *дзуар* (из грузин. *джвари* «крест»), означает в осет. яз. весьма несходствующие меж собой понятия (объяснения причин этого я не нашел): «крест; ангел; святой; божество; оспа; капище, святилище» (но у Абаева в РОС слова «божество» нет). «Из грузин. и осет. слово проникло в другие языки Кавказа: адыг. *джор* «крест», «идол», каб. *жор*, балк. *жор*, *зор*, абх. *а-джар*, инг. *зарг* «крест». Груз. *джвари* не является, по-видимому, коренным (картвельским) словом. Оно сближается с груз. *зовараки* «жертвоприношение» (Марр и Смирнов. Вишапы. Л. 1931, стр. 88) и вместе с последним может восходить к ср.иран. *зохр*, др.иран. *заутра*- «жертвоприношение» (Абаев, ИЭСОЯ,

т. 1, с. 402). Может восходить, а может и нет. Во-первых, неясно, почему древнейший знак креста непременно должен быть связан с жертвоприношением. Во-вторых, иранские слова не обнаруживают большой близости к грузин. *джвари*. В-третьих, ср. одно из кар.-балк. названий креста – *жор*, *зор*; но *чорт* «поперек, поперечный», *жоргъа* «иноходь». Крест у предков карачаево-балкарцев был знаком воинов (напоминая меч) и после обряда посвящения его наносили на правую лопатку воина (о чем говорится в нартском эпосе), – в том числе и потому, что один из разрядов дружинников именовался *джора*, *чора*, как и «посвященный» – *жора*; «посвящение; толкование» – *жоралау*; «поход, набег» *жортуул*, «крест; присяга» – *къач*.

В ИЭСОЯ сказано, что *хуыцау* означает «бог; бог богов», т. е. данное именование явно языческое, но Абаев говорит, что в отличие от дохристианских божеств *хуыцау* «мыслили как нечто весьма абстрактное». Пусть так. Однако тут же начинаются очередные кудеса. «Поскольку христианизация алан произошла на Кавказе (X в.) в условиях тесных контактов с местными народами, уже раньше принявшими христианство, естественно искать именно на Кавказе источник ос. *хуыцау*», – пишет Абаев, и дает примеры: лезгин. *хуцар* «бог», *Хуца-дат* название общества в Восточном Дагестане, груз. *хуцеси* «старейшина; священник», *хуц-оба* «священнодействие, богослужение», предполагая связь с *ца* «небо», ср. чечен. *цу* «божество». Отвергая возможность сближения ос. *хуыцау* с согд. *хутау*, хорезм. *худау* («так как переход *t* в *c* в данном случае ничем нельзя оправдать»), Абаев предполагает контаминацию кавказского *хуца* с иран. *хутау*, и что в данной игре контаминаций могло принять участие и осет. *хицау* «господин» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 1, с. 256).

В принципе, с этими рассуждениями можно было бы и согласиться. Но все же такое объяснение кажется нам слишком усложненным. Во-первых, в лексике любого языка слова «бог, божество, богиня» являются одними из древнейших и важнейших, и нам неясно, почему их «забыли» осетины; во-вторых, какая и у кого была необходимость затевать «игру контаминаций» трех слов – грузин., иран. и осет., когда можно было просто пользоваться одним из них; в-третьих, иран. *хутау*, *худау* может оказаться тюрк. *Къудай* «Бог» (от *къут* «благодать, жизненная сила», то же, что и иран. *фарн*); в-четвертых, в ОРС указано, что *хицау* имеет значения «хозяин, хозяйка; свёкор; начальник», но значения «господин» там нет. Если же думать, что *хуыцау* вошло в осет. яз. из речи соседей, раньше алан принявших христианство, то в отношении грузин это, конечно, справедливо, но неясно, относится ли это к лезгинам и чеченцам (нам кажется, что нет).

В 1958 г. В. И. Абаев пишет: «*дауаег*, *идауаег* «божество»; в до-христианский период – общее наименование «небесных сил» (ИЭСОЯ, т. 2, с. 348); в 1989 г. он говорит: «*заед* – «в дохристианский период – «божество», в христианской традиции осетин (если, конечно, таковая существовала. – М. Дж.) в переводах церковных книг передает гр. *аггелос* «ангел» (ИЭСОЯ, т. 4, с. 290). Но в 1970 г. у него же РОС термины приобретают еще и другое значение – «богиня – *заед*, *дауаег*», с примечанием «сылгоймаг» («женщина»), но в ОРС *заед* означает «ангел», а *дауаег* – «дух, покровитель». Получается, что своих слов, означающих «бог», «божество», «богиня», в осет. яз. почему-то не было – ни иранских, ни «североиранских».

О важном для любого православного народа термине В. И. Абаев в РОС пишет: «икона – *иконае*, *дзуары ныв*», что означает «изображение бога». Но на иконах изображаются и Дева Мария, и святые, и ангелы, а не только Саваоф и Иисус Христос; ясно, что эти слова вставлены в РОС Абаевым (в ОРС их нет). Почему же осетинский народ не приобрел (или не создал) такой простой термин, если, как говорят правдивые иранисты, он уже 1500 лет знаком с восточным христианством? В РОС «пасха – *куаедзан*», но в ОРС никакого *куаедзан* нет. В ОРС «*аргъауын* – 1. совершать обряд богослужения (венчания, крещения

и т. п.). 2. *перен.* ругать» (с. 47). Интересно, что могло означать «т. п.»? И почему «потомки» алан, принявших крещение в X в., все церковные обряды (очень, между прочим, разные), называют одним и тем же словом? Но в ОРС то же слово почему-то начинается с согласной: «*саргъауын* – 1) обвенчать(ся); окрестить; отслужить панихиду; освятить; 2) обругать».

Далее, в том же словаре: «*Аргъуыд* – 1. крещение; венчание; 2. крещенный». Хотя что-то, по крайней мере. Но не тут-то было. Заглядываем в РОС: «крещение – *натлиа каенын, донает аргъауын*». В ОРС, стало быть, термин осет. (*аргъуыд*), а у Абаева – грузин. (*натлиа*). Но в ОРС *натлиа* – «крестный отец или мать, кум» и *донает аргъауын* в нем нет. Слово «крещенный» Абаев производит от того же грузин. термина – *натлиагонд*. Есть у него и еще одно изобретение: *дзуараефтауын* – «венчание» (при браке). *Дзуар*, как мы уже говорили, из грузин. яз. Ну, а вторая часть, *аефтауын*? В ОРС дается странный перечень значений этого слова: «преувеличивать, набавлять, прибавлять, поддавать, вынимать, вытаскивать, включать, расстегивать, прививать оспу, выкидывать плод (о животном), нестись (о птице)». И, конечно же, изобретенного Абаевым *дзуараефтауын* «венчание» в ОРС нет. В нем есть «*аргъуангонд* – часовня, наподобие церкви», но у Абаева в РОС нет ни «часовни», ни *аргъуангонд*.

Но, допустим, христианская религиозная лексика куда-то улетучилась; культовые сооружения (или их руины), однако, продолжали бы стоять на месте, и их как-то называли бы. «Церковь – *аргъуан*», а «собор – *стыр аргъуан*», т. е. «большая церковь». Откуда же это слово появилось, на основе чего создано? «*Аргъау* – «сказка» – к *аргъауын* (см.). Сопоставление с груз. *аракъи* «сказка» неприемлемо по звуковым основаниям» (так ли уж эти слова далеки друг от друга? – М. Дж.). «*Аргъауын:аргъуыд/аргъауын:аргъуд* «отправлять церковную службу», в дигорском также «читать». – Значения «читать» и «сказка» указывают, что семантика слова не связана только с церковно-христианским его употреблением, что слово унаследовано еще от дохристианских времен, где оно, вероятно, было также связано с культом; исходным значением могло быть: не разговорная, а «обрядовая, культовая речь», «рецитация» (- «чтение»), «сказка» (как обряд)» – (Абаев, ИЭСОЯ, т. 1. с. 65). Но *аргъауын*, согласно ОРС, имеет и другие значения (не указанные у Абаева): «1. совершать обряд богослужения (*венчания, крещения и т. п.*); 2. *перен.* ругать». Стало быть, термин означает «место, где совершают богослужение» (и еще – «где рассказывают сказки», «где ругают», и «где читают»). Иными словами, христианская церковь именуется языческим термином.

Понятия «религия» и «вера» почему-то передаются одним и тем же словом, но не греч. или грузин., а араб. – *дин*, которое Абаев считает перс. В РОС «проповедь – *амынд, динамынд*». Но в ОРС «*амынд* – указанный, указание, объяснение, поучение, *перен.* урок, наука»; где же значение «проповедь»? Посчитаем, что оно скрывается за «поучением». Поучение необязательно носит религиозный характер, поэтому В. И. Абаев и вставил в РОС араб.-осет. термин *динамынд*, т. е. «религиозное поучение». Но, может быть, эти слова были и раньше, в 1958 году, и отмечены в первом томе ИЭСОЯ? Однако там же, в ИЭСОЯ (т. 1, с. 52) *амонын* означает только «показывать, наставлять, учить». Но в РОС (1970) он уже пишет: «проповедовать – *амонын; дин амонын*»; в ОРС – еще подробнее: «учить, указывать, показывать, наставлять, проповедовать, означать, обозначать» и даже «запевать».

«*Табу* «молитвенное обращение к божествам», «славословие», «поклонение»; *табу каенын* «обращаться с молитвой, мольбой». – «Одно из многочисленных тюрк. заимствований в осет. Ср. балк. *табу* «честь», «поклонение», «богопочитание», «пожалуйста»; приводит автор и другие примеры из тюрк. яз. (Абаев, ИЭСОЯ, т. 3, с. 219). Слово *таеригъаед*, означающее такое важнейшее понятие, как «грех» – тюркизм

(Абаев, ИЭСОЯ, т. 3, с. 269); от него и *таеригъаедджын* «грешник». Получается, что «аланы-осетины» не только вернулись к язычеству, но и стали активно перенимать араб. и тюрк. культовые термины и так же активно забывать христианские.

«Молитва, молебен» - *куывд*; но это же слово имеет целый ряд других значений, весьма далеких от сферы культа - «пир, пиршество, торжество, банкет, вечер, массовое гулянье, трапеза», и какое из них является первичным, мы не знаем. «Священник, поп» - *сауджын*, букв. «носящий черное» (ср. кабард. *шоджен*). В РОС есть слово «епископ» - *алчер*, но в ОРС его нет. Как и в ИЭСОЯ самого В. И. Абаева. Нет своего слова «алтарь» - оно из русск. *алтарь* (в скобках пояснение, на осет.: «самое дальнее от входа место в церкви»). *Панихида* - от русск. «панихида». Нет слов, означающих «паломник (пилигрим), паломничество»; в ОРС есть араб. «*хадзы* рел. – хаджи». Нет в РОС и слов, означающих «мессия (спаситель), богоматерь, Господь (!), фарисей, первосвященник, приход, епархия, диакон, богоматерь, риза, ряса, распятие, паникадило, литургия, псалом, клирос, паперть, амвон, чистилище, архангел, анафема, отлучение, мощи, постриг, ересь, еретик, отпевание, нимб, купель» и пр.

В ОРС *зароба* (вероятно, из грузин.) озн. «причастие», но в РОС такого слова нет. «Зарок, обет воздержания» - *тоба* (арабизм). «Лампада» - из совр. русск. (*лампада*). *Дзанат* «рай» - арабизм. Даже возгласы удивления «О Господи!», «О Боже!» из араб. (*араби! Аллах!*). Имена врага рода человеческого - из араб.: *сайтан*, *иблис*. Нет в осет. и термина, означающего «светопредставление». «Потоп» (в РОС) - осет.-араб. *донхъаймает* («водный потоп»), но в ОРС такого слова нет, написано «*хъаймает* – потоп». Нет названия «Псалтири». «Евангелие» - «евангели», «Библия» - «библи», что показывает их приобретение в новейшее время, поэтому говорить о тысячелетнем христианстве в Осетии не приходится – если, конечно, не поступать по ироническому совету Михаила Жванецкого: «Когда нельзя, но очень хочется, то можно». Список отсутствующих в языке осетин-иронцев христианских терминов показывает, что их предки не только никогда не принимали крещение на государственном уровне (в X в.), но и были знакомы с христианством в той же мере, что и народы, которые, скажем, только соседнили с христианами.

Своих христианских терминов в осет. яз. нет. Есть десятка два грузинских (большая часть – названия праздников), 5-6 заимствованных из современного русского (*лампада*, *панихида* и др.; см. выше), и – ни одного греческого! Но иранисты отважно утверждают, что в сказании, в котором описывается гибель нарта Батыраза в борьбе с якобы христианским Богом и внесение тела Батыраза в *Сафийаы западз* (якобы Софийский собор в Константинополе), отражена победа монотеизма над язычеством алан (см. ниже)!

Иной читатель может возразить: с византийцами контактировали западные аланы (впоследствии ассимилированные тюркам), у которых все нужные греческо-христианские термины были, а восточные пребывали от них далеко. Но ведь многие осетиноведы пишут, что имела место массовая миграция западных алан на восток; почему же они оставили культовую лексику на прежнем месте обитания? И почему «восточные алано-осетины» за много веков не приобрели христианскую терминологию из грузинского и не добавили к ним свои термины? И почему слово *килиса* «церковь» есть не только у грузин, карачаево-балкарцев и кабардинцев, но и у кумыков, находящихся у самого Каспия (термин - от греч. *эклесия*)?

У «тысячелетних христиан» почему-то нет слов, означающих «распирать, распятый», а у карачаево-балкарцев, мусульман, есть (*кер, керги*), как и слово *бабас* «поп» - от греч. «папас». И есть календарь, в котором многие дни недели и месяцы носят имена христианских святых. И свое название Евангелия - *Инжилъ китабы* «Книга страстей (страданий)». И Библии (Тора) – *Таурат* (ср. тюрк. *тёре, тора, тура* «закон»). И

«Псалтири» - *Забур*. И легенды об Иисусе Христе, опубликованные еще до революции.

Мы уже говорили, что арабо-мусульманская культовая терминология в осет. яз. намного богаче, чем христианская и языческая, вместе взятые. Вот конкретные данные из ИЭСОЯ В. И. Абаева (в скобках – кар.-балк. соответствия):

АРАБ. *азал* кончина (*ажал, азал*), *аламат* чудо, знамение (*аламат*), *Аллах* восклицание «О Боже!» (*О Аллах!*), *араби, арабын!* восклицание «О Господи!» (*араби, араббин*), *ахар* Страшный Суд, потоп (*ахыр* последний, крайний, конечный; *ахырзаман* последнее время – перед Страшным Судом), *хъаймат* потоп, кончина мира, Страшный Суд (*къыямат*), *ахил* род, поколение (*ахлу* близкий, родич), *азым* вина (*ажым, азым*), *алам, илап* обрядовый предмет вроде креста, *дуа* молитва (*дууа* молитва; молебен; талисман), *дзахана* ад, преисподняя (*жсаханим, заханим*), *дзамзам* чудесный источник в Мекке (*Зем-зем*), *дзанат, зенет* рай (*жаннет, заннет*), *дзыназын* плач по покойнику (*жаназы, заназы* заупокойная молитва), *Елсират* мост в рай (*Сийрат кёпюр*), *гаур* гяур, бранное слово (*гяуур* неверующий, безбожник), *иблис* дьявол, демон (*иблис*), *Каба* – Кааба (*Кяба*), *ламаз* мусульманская молитва (*намаз*), *Лухманхакем* легендарный врач, целитель (*Локъман-хаким*), *малек* ангел (*мёлек*), *масаллайта* соболезнование (*машалла!* восклицание), *мазгид* мечеть (*межгит, мезгит*), *молло* мулла (*молла*), *налат* проклятый, бесчестный, негодяй (*налат*), *хъабыл* угодный, согласный (*къабыл*), *хъыбыла* сторона, к которой обращаются при мусульманской молитве; компас (*къыбла*; компас – *къыбламан*), *хъисмат* судьба, *сайтан* сатана, черт (*шайтан*), *сих, сех* святой, дух, привидение (*шыйых, шайых*), *сюнат* обряд обрезания (*сюннет*), *табат* гроб (*табут, гулла*), *тоба* зарок, обет воздержания от чего-либо (*тоба*), *уаз, уас* проповедь, наставление (*ууаз*), *уаллахи!* «клянусь Богом!» (*оллахий, уоллахий*), *уасият* завещание, наказ (*осуят*), *хадзи* паломник в Мекку (*хаджи, хадзи*), *халар* идущий впрок, во благо (*халал*), *харам* не идущий во благо, вредный (*харам*), *зин, зын* бес, джинн (*жин, зин*).

ТЮРК. *ламазлук* молитвенный коврик (*намазлыкъ*), *табу* обращение к божествам, славословие, поклонение (*табу*), *тарригъад* грех.

Число важных мусульманских религиозных терминов в осет. яз., мягко говоря, слишком велико для для народа, чьи прямые предки считаются «тысячелетними христианами»; или какие-то предки осетин принимали не христианство, а ислам, причем довольно давно?

Вопрос об араб. заимствованиях в осет. яз. рассматривался в статье Н. К. Мамиевой и Ф. Р. Байрамова. Они, в частности, отмечают: «...большинство арабских заимствований постепенно вышло из употребления и предано забвению, хотя в современном осетинском продолжают функционировать несколько сот слов арабского происхождения» (т. е. включая производные; сколько же было в осет. яз. арабизмов до того, как большую часть почему-то «предали забвению»? – М. Дж.). Авторы называют три источника:

1. Распространение арабоязычной литературы (вряд ли с этим можно согласиться, учитывая, что осет. яз. является младописьменным).

2. Международная торговля, в которой аланские купцы проявляли большую активность. (Так что же, эти купцы торговали только с арабами и другими мусульманами? А с грузинами, армянами, византийцами - нет? Кроме того, учитывая бедность в осет. яз. терминологии, относящейся к торгово-денежным отношениям, трудно поверить, что эти купцы-христиане были так уж озабочены перениманием арабских религиозных терминов).

3. Столкновения алан с арабами во время хазаро-арабских войн. (Вероятно, авторы статьи думали, что у арабов во время войн с хазарами не было других забот, кроме как передавать «ираноязычным аланам» свою лексику; правда, если, как считали В. И. Абаев и Т. А. Гуриев, более поздние монголы сумели, в сходной ситуации, переименовать 15

героев нартского эпоса и передать «алано-осетинам» ряд сюжетов, почему бы арабам не совершить нечто подобное?).

4. Распространение мусульманства в регионе в XIII-XV вв. (Но каким образом мусульмане за два века сумели передать осетинам больше своих культовых терминов, чем христиане за пятнадцать – учитывая, что христианство было принято аланами рано и на государственном уровне?).

5. Заимствования арабских слов языками народов Северного Кавказа через азербайджанский и старотурецкий (османский). – (ОЯ, с. 14-19). Согласно данным из ИЭСОЯ В. И. Абаева, количество арабизмов в осет. яз. намного превышает количество заимствований из всех других языков Кавказа, исключая карачаево-балкарзмы и картвелизмы. Так неужели контакты «алан-осетин» с теми народами, в языках которых было много арабских терминов (или с самими арабами) были гораздо активнее, чем с непосредственными соседями? Или они занимали у мусульман только арабизмы, выборочно? Ничего не сказали авторы статьи и о том, почему именно религиозная (а не какая-либо иная) терминология у «христиан-осетин» насыщена арабо-мусульманскими, но не греч. или грузин. словами.

Ныне большинство осетин, судя по доступным нам материалам (см. ниже), исповедует не христианство, искаженное язычеством, а язычество, слегка искаженное христианством и исламом; но большая часть религиозной терминологии в осет. яз. – арабо-мусульманская. И этот парадокс имеет свое объяснение. Арабизмы (как и христианские термины) вошли в осет. яз. через туало-тагауро-дигоро-куртатинцев, усвоивших эти термины еще в тот период, когда они говорили на тюркском. Предкам осетин-иронцев принадлежат языческие термины, именования духов и названия некоторых языческих праздников.

О ПЛОДАХ ПРОСВЕЩЕНИЯ

«Теория», утверждающая, что территория от Дуная до Байкала в древности была населена ираноязычными кочевниками и что осетины являются прямыми наследниками скифов и алан, вне всякого сомнения, является воплощенным противоречием, если не хуже. Но иранисты, не обременяя себя анализом конкретного материала, заменяли его заверениями. Выдающийся археолог и твердый иранист В. А. Кузнецов, например, в предисловии к своей известной книге «Очерки истории алан» уверенно утверждал: «Без преувеличения можно утверждать, что история алан является начальным этапом истории осетин». «Они (аланы. – М. Дж.) по сей день сохранили живую этническую традицию в лице современных осетин, говорящих на аланском (хотя и несколько трансформировавшемся) языке». Говоря о том, что общественный интерес к аланам, их истории и культуре велик, археолог добавляет: «Особенно он велик на Северном Кавказе и в первую очередь в Осетии – Северной и Южной, где живут потомки алан, осознающие свои родственные связи с этим древним народом» (Кузнецов, 1984, с. 6-7).

Обо всем народе судить не можем, но в чем и как проявляется это осознание у специалистов-лексикографов, читатель уже видел и может решить, стоит ли верить подобным утверждениям и поддерживать подобные методы работы с языком. Если кто-то считает их научными, позвольте выразить свое искреннее восхищение столь гибким, я бы сказал, толерантным, подходом.

А вот что пишет В. А. Кузнецов (в последней главе той же книги) об аланах, спасшихся от татаро-монгольских погромов в горах Кавказа: «Отныне они стали основными преемниками аланской этнической и культурной традиции и этнической базой дальнейшего формирования осетинского народа. Это факты, прочно установленные не

только отечественной, но и мировой наукой. Прежде всего нужно отметить, что в пучине времени не исчез аланский язык – он стал основой современного осетинского языка. В этом огромный научный интерес осетинского языка, как уникального осколка некогда обширного ареала древних североиранских языков» (Кузнецов, 1984, с. 279-280).

Данные из словарей, в которые вошли изобретения терминологических комиссий, и приведенные в этой главе, выявлены нами за три-четыре недели. Полагаю, что если бы мы анализировали лексику, зафиксированную в словарях, подготовленных в XIX в. Иосифом Чипиловским и Вс. Миллером, или даже РОС (1952) и ОРС (1950), результаты были бы гораздо более впечатляющими. И разве такую работу не обязаны были выполнить сами осетиноведы, причем давным-давно, хотя бы для того, чтобы не попасть впросак (не говоря уже о том, что ученые обязаны стараться дать своему народу правдивую историю)?

В 1966 году, выступая на научной сессии, посвященной проблеме происхождения осетин, В. И. Абаев говорил: «Об осетинском народе нельзя сказать, что его происхождение окутано тайной. Основные положения, касающиеся этногенеза осетин, были прочно установлены еще в прошлом столетии. Особое внимание при этом было уделено языку осетин» (ПОН, с. 9). Но разве то, что вы прочитали выше, свидетельствует о внимательном отношении осетиноведов к родному языку? Сопоставляя выявленные данные с тем, что академическая наука говорит о происхождении осетин, можно прийти к выводу, что либо их предки на протяжении веков жили в Великой степи и в горах Кавказа, ничего не видя и не слыша, либо, что пользуясь предметами, видя растения, птиц, животных и пр., не догадывались дать им названия; либо, что они – самый забывчивый народ на свете.

На самом же деле, судя по всему, осетинский народ талантлив и энергичен. И – молод; а это не порок, наоборот – огромное преимущество (кто бы и что бы ни говорил). В языке осетин нет этих слов не потому, что они все забывали или не обладали способностью к языкотворчеству, а потому, что скифо-сарматы не были их прямыми предками, и это, во-первых; во-вторых, ираноязычные предки осетин переселились на Северный Кавказ поздно, а потому и не успели узнать его в должной мере. С ними случилось то, что должно случиться с языком любого племени, если оно, в силу каких-то обстоятельств, окажется на территории, где соседи, ландшафт, климат, флора и фауна сильно отличаются от тех, к которым он привык на своей прародине.

Собственно говоря, на этом можно было бы и закончить; на наш взгляд, приведенных фактов сверхдостаточно, чтобы навеки похоронить «ирано-скифскую» гипотезу (извиняюсь – теорию). Но иранисты уже сделали свое черное дело, до основания разрушив нашу горячую веру в благонамеренность и честность «мировой академической науки», как и в здравомыслие «прогрессивной научной общественности», поэтому придется продолжить.

ГЛАВА IX. ОСЕТИНСКИЙ ЭПОС

ОБ ИСТОКАХ НАРТИАДЫ

«Восстановить прошлую духовную культуру народа, не имеющего старой письменности, весьма трудно. Приходится довольствоваться отдельными фрагментами и намеками, сохранившимися пережиточно в языке и фольклоре. Выступив на историческую арену как народ пастухов и воинов, осетины оставались такими на протяжении многих столетий. Народы этого типа характеризуются обычно склонностью к эпическому творчеству. К осетинам это относится в полной мере», – пишет В. И. Абаев

(ОЯФ, с. 67), не желая заметить, что даже простое знание лексики осетинского языка решительно не позволяет видеть в иранских предках осетин ни пастухов, ни коневодов, ни воинов-степняков. Очень важен, в нашем случае, анализ нартского эпоса, бытующего у осетин, карачаево-балкарцев, адыгов, абазин, абхазов, чеченцев, ингушей; его фрагменты записаны у кумыков и сванов. Конечно, в рамках данной работы рассмотреть этот великий памятник так всесторонне, как хотелось бы, невозможно. Но мы полагаем, что и сказанное ниже поможет пролить свет на запутанные иранистами проблемы этногенеза осетин и карачаево-балкарцев.

Полемизируя с кабардинскими языковедами М. А. Кумаховым и З. Ю. Кумаховой, попытавшимися доказать адыгское происхождение цикла сказаний о богатыре Сосруко, В. И. Абаев писал (в рецензии с «бальзаковским» названием «Блеск и нищета золотого тиснения»): «Установленные Миллером скифо-нартские параллели углубил, развил и дополнил еще шестью сопоставлениями выдающийся французский ученый Жорж Дюмезиль. И, наконец, в самое последнее время важную обзорную статью посвятил Нартам английский индоиранист Г. Бейли. Бейли дает ряд новых толкований и этимологий с широким привлечением сакского языка, одного из скифских наречий. Исследованиями названных трех ученых североиранские, скифо-аланские истоки нартского эпоса установлены твердо и незыблемо» (Абаев, 1990, с. 389).

Разумеется, под этими истоками В. И. Абаев подразумевает «древнеосетинские». Он счел нужным подчеркнуть, что речь идет о людях разных национальностей – русском, французе и англичанине; это, по его мнению, есть как бы гарантия непредвзятого отношения к вопросу: «их научная объективность не вызывает никаких сомнений», у них «не было и не могло быть никаких побуждений «подыгрывать» осетинам». (Исключает ли он возможность того, что эти ученые могли прийти к ошибочному заключению, не зная многих фактов, Абаев не сказал).

Жорж Дюмезиль, крупный специалист по адыгским языкам и фольклору, пишет: «Именно у осетин, и, без сомнения, частично уже у их далеких предков сформировалось ядро эпоса, ее главные персонажи. Я знаю, что публикуя это суждение, я огорчаю моих черкесских и абхазских друзей, но истина дороже: в своей основе нартский эпос – осетинский. Он был воспринят многими соседними народами, многообразно трансформировался, с потерями и обогащениями, приобретая, в особенности, различную моральную окраску. Тремя главными участниками этого распространения были чеченцы-ингуши, черкесы, как восточные, так и западные, и абхазы». В. И. Абаев заключает: «Яснее не скажешь» (Абаев, 1990, с. 391-392).

На той же точке зрения стоят, насколько нам известно, все ирановеды, и «мировая наука» в целом. Как мы видели, в этом месте своей книги Жорж Дюмезиль о карачаево-балкарцах даже не упомянул; к сожалению, он был знаком только с дореволюционными публикациями кар.-балк. сказаний (да и то не со всеми). Это, конечно, не беда, огорчает другое – в силу известных причин (геноцид и 14-летнее пребывание на чужбине в годы сталинщины) карачаево-балкарцы до сих пор не имеют полного издания нартского эпоса (издано не более 250 текстов; впрочем, для нашего анализа этого вполне достаточно).

В. А. Кузнецов, много занимавшийся изучением нартского эпоса осетин, пишет: «Как ни различны национальные варианты и как ни существенны эти различия, есть целый ряд общих элементов, начиная с названия эпоса «Нарты» и имен основных героев. Вряд ли всерьез можно думать, что термин «Нарты» и имена героев эпоса Сослана, Батраза и других возникли независимо у столь разных и подчас удаленных друг от друга народов. Случайно таких поразительных совпадений не бывает». Разумеется, первоначальным был, по мнению автора, «алано-осетинский эпический цикл» (Кузнецов, 1984, с. 281).

В. А. Кузнецов приводит далее высказывания некоторых ученых по вопросу о месте и обстоятельствах появления Нартиады, в частности, Е. М. Мелетинского, который считал, что «нартский эпос сложился в пределах Северного Кавказа в основном в условиях аланской военной демократии 1 тыс. н. э.», «а бытование его в наиболее развитых формах у современных осетин, адыгов и абхазов объясняется тем, что в состав Алании входила и часть синдмеотских (раннеадыгских. – В. К.) племен, связанных общностью происхождения и языка с абхазами». Г. В. Цулая полагает, что «меото-сармато-аланы были тем миром, в котором народы Кавказа черпали первоначальные сюжеты и мотивы нартских сказаний, подвергая их своей этно-языковой редакции». В. А. Кузнецов добавляет, что следует учесть и «и те глубокие, нередко интимные этнокультурные контакты, которые существовали между предками осетин, адыгов и абхазов в раннем средневековье» (Кузнецов, 1980, с. 92-93).

Продолжительное (восемь веков!) м активное взаимодействие алан с адыгами и абхазами, по ясновидческим предположениям археолога, происходило именно в бассейне Верхней Кубани и якобы привело к явлению билингвизма (двуязычия), благодаря чему облегчалось распространение фольклорных мотивов и сюжетов. Этому способствовал и статус сказителей-профессионалов, пользовавшихся неприкосновенностью на всем Кавказе. Почему в результате этого билингвизма в осетинском языке не осталось хотя бы двух-трех десятков абхазских слов, как и названия абхазов, археолог не сказал.

«Свободно и безопасно передвигаясь из местности в местность, - заключает автор, - и владея двумя-тремя языками соседних народов, средневековые певцы разнесли сказания о нартах по Северному Кавказу и Абхазии». Т. А. Хамицаева также уверена, что «певцы, знавшие соседний язык, бывали лучшими распространителями и пропагандистами песен, перенятых ими у соседнего народа» (Кузнецов, 1980, с. 94-95). Но мы уже видели (см. выше), что ни о какой глубине или «интимности» контактов, о которых говорит Кузнецов, говорить не приходится; абхазо-осет. взаимодействия не было вообще, а кабард.-осет. отношения относятся к очень позднему времени, к тому же заимствующей стороной почему-то выглядят одни осетины; к тому же, по данным языка, Северный Кавказ являлся для осетин совершенно неизвестной территорией. Сказанное археологом о путях распространения эпоса - лишь умозрительное, надуманное объяснение того факта, что он бытует у целого ряда народов.

Итак, по мнению иранистов, нартский эпос в своей основе – осетинский, соседние народы восприняли и трансформировали его, добавив и свои сюжеты; о том, как это происходило, никто ничего конкретного не сказал. Попытку восполнить этот пробел предпринял Ю. А. Дзицойты, посвятивший некоторым, очень важным проблемам нартovedения небольшую, но весьма насыщенную фактами монографию. По его мнению, «основу нартвовского эпоса принесли на Кавказ скифы и сарматы со своей исторической родины – Южнорусских степей». Здесь произошло слияние скифских и сарматских вариантов; это продвижение скифо-сарматских племен на Кавказ привело к интернационализации эпоса. Первыми с ним познакомились адыги, в районе нижнего течения Кубани, где и находилась «промежуточная родина Нартов», а затем эпос «стал достоянием абхазов, вайнахов и убыхов».

Скифо-сарматы выступают, в этом случае, в роли коллективного культурного героя, обходящего народы региона и обучающего их **уже сложившемуся** эпосу. Но спросим еще раз: откуда это известно, из чего следует и к какому времени отнести тот или иной цикл сказаний? Суждение Дзицойты было бы, конечно, весьма ценным, если бы он еще и поведал о том, как ему удалось выяснить, когда и с кем скифо-сарматы встретились первыми, а с кем – вторыми и третьими. Но, как мы уже видели много раз, для иранистов трудностей не существует. Происходил этот культуртреггерский рейд, по Дзицойты, еще

в античную эпоху (! – М. Дж.), потому как далее он пишет об опоздавших учениках из Азии: «В средние века на Северном Кавказе появились тюркские племена (какие? – М. Дж.), которые заимствовали сказания о нартах (у кого? – М. Дж.) и затем внесли свой вклад в ономастическую и апеллятивную лексику (и, возможно, сюжетику) нартского эпоса». Потом случилась беда – пришли другие тюрки, которые о перенимании и усвоении нартского эпоса и слышать не хотели: «После татаро-монгольского нашествия активность алан на Кавказе сократилась», – тем же тоном очевидца говорит Дзицойты; но, как говорится, нет худа без добра: «...а их остатки на северо-западе «смешались с новыми насельниками их края – абазинами, карачаевцами и адыгами», в результате чего «эпосотворчество у последних получило новый импульс» (иначе недалекие абазины, карачаевцы и адыги, которых монголы почему-то не тронули, наверное, непременно позабыли бы Нартиаду).

«Более того, в позднем средневековье, в результате активизации кабардинцев на Северном Кавказе, в осетинские варианты нартиады проникли адыгские заимствования»; адыги повлияли также на абхазские, абазинские, убыхские, балкаро-карачаевские и картвельские варианты эпоса. Позже всех «узнали о нартах» картвелы и дагестанцы, «очевидно, после татаро-монгольского нашествия», поэтому эпос не стал у них популярным (Дзицойты, с. 250).

Более определенно (но не более убедительно) о процессе распространения эпоса Дзицойты говорит в начале своей книги. На первом этапе нартты были для каждого из заимствующих народов Кавказа чужими. «На следующем этапе часть героев становится представителем своей национальности и лишь потом, на следующем этапе, все основные и второстепенные герои становятся своими». Отсюда, по мнению Дзицойты, и раздвоение образов некоторых героев (свой – чужой), носящих одни и те же имена, но по-разному характеризующихся (хороший – плохой), и противопоставление нарттов своим героям (у чеченцев и ингушей) или локализация страны нарттов где-то в стороне от своей (у абхазов и адыгов).

Не найдя такого противопоставления нарттов своему этносу в кар.-балк. эпосе, Дзицойты нашел осет. сказание, в котором упоминается злой великан *Балкар-Сауг* или *Балкар-маеликк*, видя в этом имени этноним *балкар* «балкарцы» (Дзицойты, с. 35); намек понятен (если осетинские нартты с упомянутым «балкарским царем» не дружат, стало быть, карачаево-балкарцы тоже противопоставляются нарттам). В осет. эпосе такого «противопоставления нарттов осетинам в этническом плане» нет, поэтому Дзицойты непонятно, из чего исходил Д. Лавров (в XIX в.), когда писал, что нарттовские сказания «рисуют один определенный период осетинского прошлого – нашествия на Осетию и другие места иноплеменных завоевателей – Нартов» (Дзицойты, с. 42).

Мы не можем подробно останавливаться на вопросе о происхождении эпоса, укажем лишь на некоторые важные обстоятельства. Во-первых, на материалах осет. яз., рассмотренных выше, выяснилось, что следы влияния «ираноязычных скифо-алан» на народы Северо-Западного Кавказа отсутствуют. Во-вторых, не обнаружены доказательства заимствования народами Кавказа этого эпоса именно у осетин – за такие иранисты считают сходство сюжетов сказаний (заведомо полагая, что эти сюжеты – «алано-осетинские»), и сходство обычаев, приписываемых нарттам, с обычаями скифо-сарматов. В-третьих, имена главных героев, в своем большинстве, не являются осетинскими, что признается в исследованиях самих же осетиноведов (см. ниже). В-четвертых, в пользу мнения об «алано-осетинском» происхождении эпоса ирановеды указывают на обнаруженные в разных вариантах и с разной степенью полноты следы представлений о делении общества на три сословия (жрецов, воинов и производителей материальных благ), изображенных в эпосе в виде трех родов, полагая, что подобное

деление было только у индоевропейских народов, что глубоко ошибочно.

Несколько этносов могут заимствовать у соседа песню, или две, или несколько мелодий – но не целый эпос, состоящий из множества сюжетов и эпизодов; добрый десяток имен главных героев совпадает у нескольких народов, как и место действия и т. п., как и наименование богатырского племени. Поэтому бытование нартского эпоса у нескольких народов Кавказа объясняется вовсе не тем, что якобы «многоязычные осетинские певцы» гастролировали по всему региону, сея разумное, доброе, вечное, а совершенно другими причинами.

Нартский эпос не мог появиться у нескольких народов Кавказа только потому, что какие-то их представители общались с тем этносом, из чьих сказаний он состоял «в своей основе», а потом, возвращаясь к себе, пересказывали их землякам, самые талантливые из которых еще и перекладывали их в песни. Так у них могли появиться по одной-две песни или их пересказы, весьма краткие – но не эпос. Иначе возникает вопрос: «Почему Нартиада перевалила Кавказский хребет (сваны и рачинцы) и дошла до Черного моря (абхазы и шапсуги), но не пришла к народам Дагестана, ногайцам и калмыкам?».

Одни и те же сказания с явными и многочисленными следами сходства или даже полной идентичности имен героев и сюжетов, могли появиться у столь разных народов только в одном случае: если создателем эпоса был сильный и воинственный этнос, некогда расселенный на большой территории, отдельные части которого (а не только отдельные представители) растворились среди этих народов. Ассимиляция его осколков не могла произойти сразу, мгновенно, это был, вероятно, достаточно длительный процесс, когда они, вливаясь в другие этносы, проходили через период двуязычия, т. е. еще недостаточно хорошо знали язык новых соплеменников и уже плохо помнили свой. Но эпос они знали и помнили, и некоторые эпические песни должны были мало-помалу начать бытовать на других языках, большей частью переходя в прозаические пересказы.

В этот период и должны были, притом непременно, возникнуть ошибки в переводах, часто приводившие к появлению немотивированных эпизодов или даже целых сюжетов, неправильно понятых имен, калькированных переводов отдельных терминов, буквально понятых фразеологизмов и пр. Кроме того, во всех этих языках должны быть слова, заимствованные из языка некогда большого народа, чьи отдельные подразделения, в силу разных причин, были ассимилированы другими этносами Кавказа, у которых известен эпос о нартах; сказания существовали на конкретном языке, с него и перелагались, дополняясь своими сюжетами и мотивами.

При таком подходе (на наш взгляд, вполне логичном) выясняется, что этим народом мог быть только карачаево-балкарский (скифо-аланский), нынешняя территория обитания которого находится в самом центре региона бытования эпоса, и чья лексика обнаруживается в языках всех соседних этносов; и чем дальше тот или иной народ находится от Балкарии и Карачая, тем меньше ему известны нартские сказания. Отдельные части аланского народа, подвергнувшегося геноциду в период нашествия войск Тамерлана, подверглись ассимиляции. Среди чеченцев и ингушей растворились карабулаки (которых они называют и нарт-орстхойцами), среди кабардино-черкесов – часть малкарцев, жившая в нынешней Малой Кабарде до прихода кабардинцев из Причерноморья, как и карачаевцев на западе; среди убыхов и адыгейцев – часть карачаевцев, среди сванов и рачинцев – балкарцы и карачаевцы, переселившиеся за хребет, среди абхазов и абазин – аланы, жившие в Причерноморье; среди осетин-иронцев – дигорцы, туальцы, куртатинцы и тагаурцы.

Поэтому большинство имен героев, как и все лингвистические недоразумения в эпических текстах, объясняются именно с помощью кар.-балк. языка и фольклора. Если,

скажем, венгр, швед или румын переведет поэму Н. В. Гоголя «Мертвые души» на свой язык, при этом не слишком хорошо зная русский, не следует ли ожидать, что в его работе окажутся многочисленные ошибки – из-за неправильного осмысления чужих слов и целых выражений, идиом, незнания быта, культуры другого народа и пр.? Конечно, следует. Но эти ошибки может понять и объяснить человек, сам являющийся русским и специалистом по русской филологии. Так и в нашем случае (см. ниже).

НЕОПОЗНАВАЕМЫЕ ПЕСНИ

Подлинно древний героический эпос, несомненно, всегда восходит к древним мифам и состоит из песен, описывающих подвиги витязей. Накапливаясь в течение долгого времени, они постепенно соединяются в огромное эпическое полотно, отражающее народное видение своей истории.

«Эпическая песня дошла до нас в двух видах. Один из них зовется *кадаег*, другой – *зараег, зар*». «Первый исполнялся сольно, под инструмент, второй – хоровая двухголосая песня. По типу *кадаг* исполнялись нартские песни, под двухструнную скрипку или 12-струнную арфу (обе – *фандыр*); из малоазийско-греческого *пандура* (есть в осет., укр., чечен., арм., груз.).» «Бытование его в скифской среде в Южной России проливает свет и на происхождение украинской бандуры» (Абаев, ОЯФ, с. 68).

В. И. Абаев, как всегда, использует любую возможность связать осетин и их язык с территорией обитания скифов и алан: жили-были в степях Причерноморья скифы, распевали песни под бряцание фандыра, который они якобы переняли у греков (а уже от них переняли свою бандуру украинцы). Но откуда известно, что у скифов имелся этот самый фандыр, Абаев не сказал, как и о том, что же, в порядке натурального обмена, переняли «североиранцы» у прежних соседей, предков украинцев. Впрочем, ход его мысли ясен: инструмент есть у осетин, стало быть, имелся он и у их «предков», передавших его украинцам (которых, если верить «мировой науке», во времена скифов еще не было; якобы они появились только через пару тысячелетий).

Знаменитый этимолог Макс Фасмер думал, однако, по-другому: «Заимствовано (украинцами и белорусами. – М. Дж.) через польск. посредство из итальян. *пандура*, которое восходит через латин. *пандура* к греч. *пандура* «кифара». Источник слова ищут в Лидии» (Фасмер, т. 1, с. 120). Но если слово это лидийское, то к Лидии гораздо ближе находились грузины, через которых, вероятно, и попал этот инструмент к осетинам. Парадоксальные тюрки сумели насолить «мировой науке» и в этой области лексики. Кар.-балк. название свирели (*сирийна*) напоминает греч. *сюринга*, а вот «скифо-осетинское» *уадындз* почему-то отстоит далеко от него. И почему-то тюрк. *кобыз, кобуз* попало в украин. и белорус. (*кобза*), как и в кабард. (*гыбза*), а вот ни одного «скифо-иранского» названия музыкальных инструментов в этих языках нет. Или в Восточной Европе их (инструменты) начали придумывать только после пришествия тюрков?

Слово *кадаег* Абаев производит от *кад* «слава», что представляется вполне убедительным. Но другой термин, тоже означающий «песня» – *зар, зараег* – вряд ли является иранским, поскольку полностью созвучен общетюрк. *жыр, зыр, йыр* «песня», восходящему к *жар, зар, йар* «свет» (возможно, также одному из именований солнца); полагаю, что оно связано с понятием «слава, свет» (ср. с библейским выражением «раскрытие славы Божьей»); имелось в виду прославление героев, в честь которых и слагались песни-славы. В кар.-балк. языке *жыр, зыр* – это песни эпические и историко-героические (*жырла, зырла* – «петь»); примечательно, что в названии песен лирических (*ийнар*) присутствует другое наименование солнца – *нар*. Все тюркские народы разом позаимствовать одно и то же иранское слово не могли.

Несведущий человек, читая труды Абаева или других иранистов, может подумать, что осетинский эпос о нартах есть произведение наподобие «Илиады» или «Калевалы», т. е. состоит из песен. И что «алано-осетинские» певцы, начиная с античной эпохи, распространяли песни о нартах по всему Кавказу. Но вот же беда – у самих распространителей в академическом издании 1989 года из 137 помещенных в нем текстов всего-навсего 7 песенных. Правда, в подстрочных переводах их ритмика улавливается плохо. Объясняя такое положение, никоим образом не свидетельствующее о могучей и древней традиции песенного эпоса у осетин-иронцев, В. И. Абаев пишет: «Характер исполнения «кадаега» (пение с музыкальным сопровождением) дает право думать, что он представляет поэтическую форму, которой должен быть свойственен какой-то стихотворный размер и ритм (а как же иначе? – М. Дж.). Между тем, обращаясь к имеющимся записям, мы видим, что почти все они, за немногими исключениями, имеют форму прозаических рассказов, по внешности ничем не отличающихся от сказок. Откуда такое противоречие?».

Готов биться об заклад, что ни один, даже самый искушенный читатель ни за что не догадается, какой сногшибательный ответ дал на поставленный им вопрос великий ирановед. Читайте и восхищайтесь: «Насколько можно судить, оно вызвано следующими двумя причинами. Первая: большинство записывающих сами просят сказителя не петь, а рассказывать, так как в последнем случае сказителя можно останавливать, переспрашивать, просить повторить, что при пении совершенно исключается» (Абаев, 1990, с. 232).

Смею также утверждать, что ни один фольклорист, даже самый глупый, в такое объяснение поверить не сможет. В. И. Абаев говорит о собирателях фольклора, а не о простых слушателях. Сказитель готовится петь, но собиратель его останавливают: «Не-не-не, нам песня ни к чему, ты лучше перескажи ее; песню записывать трудно». Почему же тогда и как записывали древние песни в других странах и народах и даже в эпоху гусиных перьев? И кто помешал современным осетинским фольклористам обратиться к помощи записывающей техники? В одной только Балкарии с 1970 года по 1985-й было записано на магнитофонную ленту около 50 нартских песен – больше, чем записано у всех других народов Кавказа, вместе взятых и за все время собирания. В 60-е годы много песенных текстов записал карандашом наш выдающийся собиратель фольклора Саид Шахмурзаев. Почему то же самое не смогли сделать осетинские собиратели, если письменная фиксация эпоса в Осетии началась раньше (когда эпические песни были еще на слуху многих людей) и продолжалась дольше, чем где-либо на Северном Кавказе? Разве нельзя было попросить сказителя повторить строку или переспросить его потом, после исполнения песни?

Следует признать правоту автора-музыковеда, который пишет: «...историко-этнографический и литературоведческий аспекты исследования при всех полученных ими серьезных выводах оставили вне поля зрения наиболее существенную и специфическую для «Нартов», как, впрочем, и для всех мировых эпосов, качественно-синкретическую, песенно-инструментально-сказовую природу их возникновения и последующего бытования» (Рахаев, с. 38). Разве не ясно, что нартские сказания – это, в первую очередь, **произведения музыкальные и поэтические**? Или все собиратели осетинского эпоса, занимавшиеся его записью уже с середины XIX в., этого не понимали?

Но В. И. Абаев продолжал: «Вторая причина заключается в том, что поэтическая форма «кадаег», хотя она несомненно существует (значит, кто-то и почему-то сомневался в этом? – М. Дж.), не отличается, во всяком случае в исполнении новейших рапсодов, особой строгостью и выдержанностью, так что, когда вы снимаете музыку, то, что остается, кажется вам настолько неприметно отличающимся от прозы, что вы (а вы? – М.

Дж.), не улавливая стихотворно-ритмического членения песни, невольно записывает ее как прозу» (Абаев, 1990, с. 232). Поразительно – другого слова я подобрать не могу.

Выше Абаев говорит, что большая часть этих *кадаег* «по внешности» ничем не отличается от сказок, а затем утверждает, что и «несомненно существующим» *кадаег*-ам не присущи строгость и выдержанность, и, если снять музыку, то неким «вы» (т. е. всем, кроме самого Абаева), покажется, что это просто проза, поскольку им, тугоухим, не под силу будет «уловить стихотворно-ритмическое членение песни», и они невольно запишут ее как прозу. Что же это за песни, тексты которых без музыки никто, кроме Абаева, не сможет отличить от простого рассказа? И почему, после такого счастливого озарения, осетиноведы срочно не переписали сказания в их стихотворной форме? Как эти «новейшие рапсоды» исполняли *кадаг*-и, не сбиваясь с ритма и мелодии? Почему в названиях текстов не упоминается слово *каедаг* «песня»? И что можно сказать об ученых специалистах, ничего странного в подобных откровениях не замечающих?

Вопрос о прозаической форме осет. эпоса волновал и Т. А. Гуриева, выдвинувшего не менее поразительное объяснение. По его убеждению, сказания, исполнявшиеся прежде в сопровождении *фандыра*, конечно же, бытовали в поэтической форме, но потом (по неизвестной причине), «постепенно стали приобретать новую форму, прозаическую», которая-де «имеет то преимущество (! – М. Дж.), что она не требует музыкального сопровождения, достаточно мастерства рассказчика». По Гуриеву выходит, что неумение тех или иных сказителей петь и играть на музыкальном инструменте являлось их преимуществом. Чем же, в таком случае, надо считать умение? Недостатком? Пороком? Капризом? «Так *кадаги* стали исполняться в форме *таураег-а*» (преданий, легенд). Получается так, что в древние времена слушатели были сплошь меломанами, и сказители волей-неволей были вынуждены петь под аккомпанемент; но к XIX в. вкусы народа изменились, меломаны вымерли, и сказители превратились в рассказчиков. Вот как просто решаются самые сложные вопросы, когда за них берутся компетентные люди!

Кроме того, Т. А. Гуриев изображает дело так, словно сельчане слышали сказания о нартах впервые. На самом деле все они прекрасно знали их содержание; но им нужно было именно талантливое исполнение древних песен, а не простой пересказ. П. Остряков, первый публикатор кар.-балк. эпоса, именуя его «поэмой», говорит (в 1879 г.): «Для полного ее восстановления нужен не один певец, а несколько, так как слово в слово каждый знает только несколько песен, хотя в простом пересказе ее сущность известна даже каждому пастуху». В те же годы С. Урусбиев пишет: «...с течением времени песни эти постепенно приходят в упадок, и в настоящее время певцов, поющих их с умением, очень мало» (Джуртубаев, 2004, с. 4; с. 5). С. Урусбиев, конечно же, говорит об этом упадке с сожалением. Но, по Т. А. Гуриеву, он должен был радоваться ему – как же, ведь прозаическая форма «имеет преимущество». Что тут скажешь?

Если сказителей, умевших играть на фандыре, со временем оставалось в Осетии все меньше и меньше, почему они сразу перешли на прозу, а не пели те же песни, но без музыкального сопровождения, как поступали, скажем, кар.-балк. певцы, причем даже в конце XX в. (и после недавно пережитого геноцида и жизни в изгнании)? Осетинские же сказания начали записывать и публиковать достаточно рано, в середине XIX в. (первый собиратель осет. фольклора В. Х. Цораев родился в 1827 г.), как уже тогда занялись и созданием осетинской письменности. Поэтому вопрос остается: почему в Осетии так мало стихотворно-песенных текстов (или даже их нет, поскольку имеющиеся тексты не отличаются от прозы)?

«Можем ли мы утверждать, – продолжает Т. А. Гуриев, – что предки осетин, сохранившие свой богатейший древний эпос, сохранили и стиль их (*кадагов*, эпических песен. – М. Дж.) исполнения? Конечно, нет. Можно думать, что прозаическая форма

нартовских сказаний свидетельствует, мягко говоря, об эволюции прежней исполнительской культуры. (Этот вопрос будет рассмотрен в другой работе)» (Гуриев, 1991, с. 165). К сожалению, нам неизвестно, исполнил ученый свое обещание или нет.

Иранисты убеждены в том, что нартский эпос возник в среде «ираноязычных» скифов и алан, которые и явились его распространителями; почему же тогда эти песни исчезли на осетинском, но сохранились у карачаево-балкарцев, которым они якобы достались от их «алано-осетинского субстрата» и которым еще нужно было переложить их на другом языке? Причем иные ретивые иранисты утверждают, что процесс тюркизации «алано-осетин» продолжался даже в XVIII в.!

Наше объяснение причин исчезновения нартских песен в Осетии следующее. Предки осетин-иронцев, придя на Кавказ из Ирана в XVII-XVIII вв., усваивали эпос тюрков-автохтонов (туальцев, куртатинцев, тагаурцев, дигорцев), ассимилированных ими, постепенно, в период ироно-тюркского двуязычия, и не успели вжиться в него настолько, чтобы изложить их песни на своем языке, да и вряд ли в этом кто-то мог увидеть смысл: время эпикки прошло – шел уже XVIII в. И, конечно, в текстах осетинских сказаний, достаточно рано записанных, осталось множество лингвистических недоразумений и калек с кар.-балк. яз, ясно говорящих об этнической природе субстрата, на котором сложился осетинский народ. И о том, в чьей среде возник этот древний эпос (см. ниже).

НАРТЫ И МОНГОЛЫ

Проблемами нартоведения иранисты занимались долго, но, к сожалению, никаких особых успехов не достигли, наоборот, запутали дело вконец. Термин *нарт* они обычно возводили к древнеиран. *нар* «самец, мужчина» (*нартама* «мужественнейший»). Но В. И. Абаев, самый компетентный из них, резко выступил против такого объяснения, неприемлемого «как по семантическим, так и формальным соображениям». В своей лекции он заметил: «...термин «Нарт» употребляется в осетинском исключительно в коллективном смысле», имея в виду, что такая форма присуща только племенным или фамильным названиям. «Названия же единичных представителей данного племени представляют вторичные, производные образования от коллективного названия племени путем присоединения форманта –он или –аг: ирон «осетин», уырыссаг «русский», каессгон «кабардинец» и т. п.». Фамильные названия всегда стоят во мн. числе, снабжены показателем множественности *т*, например, *Аембалтае* «Амбаловы», «потомки Амбала».

В. И. Абаев привел также несколько десятков примеров употребления термина, и ряд аргументов, показывающих, что он «представляет по образованию и употреблению фамильное имя и что конечный *т* в этом термине есть не что иное, как осетинский именной показатель множественности», после чего торжественно заявил: «Но раз это так, то, даже независимо от происхождения элемента *нар*, национальная принадлежность термина «Нарт» не может уже вызывать сомнений. Конечное –*тае* в *Нартае* служит как бы фабричной маркой: «сделано в Осетии». «...термин «Нарт», под которым известны герои эпоса у всех народов от Черного до Каспийского моря, имеет о с е т и н с к о е о ф о р м л е н и е». «Если мы именно с этим оформлением находим его у других кавказских народов и н и г д е н е н а х о д и м е г о б е з э т о г о о ф о р м л е н и я, то это значит, что ко всем другим кавказским народам он попал через осетинское (аланское) посредство» (Абаев, 1990, с. 261-276).

Допустить еретическую мысль, что это окончание, как и сам термин *нарт*, могли иметь иное происхождение, Абаев не смог или не захотел, отсюда и категоричность сделанного им вывода; возможно, на то была веская причина, лежащая совсем не в научной плоскости. Затем Абаев переходит к выяснению происхождения элемента *нар*,

справедливо полагая, что надо найти в самом эпосе указания на то, «чьими детьми считались герои эпоса» (Абаев, 1990, с. 261-276).

В ИЭСОЯ он выдвинул следующие аргументы:

«1. Иран. *нар*- сохранилось в осетинском в виде *наел* «самец»; семантика этого слова лежит целиком в половой сфере и не содержит даже намека на значения «герой», «воин» и т. д.» (с чем никак не могут примириться многие осетиноведы; но тогда им следует доказать, что Абаев был некомпетентен в этом вопросе, чего они сделать не могут).

«2. Центральной фигурой нартовского эпоса является женщина, Сатана, которая выступает как мать народа. Непонятно, как в эпосе с такой ясно выраженной матриархальной тенденцией весь народ мог называться «мужчинами» (или «самцами», добавляет он в лекции. – М. Дж.), не говоря уже о полной бесцветности такого наименования».

3. *Нартае* - форма мн. числа, где *т* – показатель мн. числа; «единичный герой никогда не называется *нар*; нельзя сказать *нар Батраз* или *нарт Батраз*, а только *Нарты Батраз* «Батраз (из фамилии) Нартов». Иными словами, термин *Нартае* образован по типу других фамильных имен в эпосе и в быту», поэтому «*Нартае* может означать только «потомки Нара».

Но, поскольку ед. числа этого слова (*нар*) в осет. яз. не существует, *т* в слове *Нартае* формантом мн. числа быть не может, а *Нартае* должно означать не «потомки Нара», а «потомки Нарта, Нартовы», о чем В. И. Абаев не мог не знать; нельзя же сказать о ком-то, что они потомки нескольких родоначальников, носивших одно и тоже имя. Осет. *нартае*, при отсутствии ед. числа (*нар*), представляет собой неразложимое фамильное имя *Нарти* (*Нартовы*), а не эпический этноним. И никто не объяснил, каким образом фамильное имя *нартае* превратилось у народов Кавказа в эпический этноним.

Далее Абаев делает важное замечание: «При истолковании элемента *нар* как имени предполагаемого родоначальника Нартов мало убеждает подбор наугад созвучных слов из иранских, кавказских или иных языков. Следует в самой эпической традиции найти какое-либо указание, чьими детьми мыслились герои эпоса. Такое указание имеется. В записанных известным этнографом Кавказа Г. Ф. Чурсиным солярных мифах осетин имеется такое утверждение: «Когда-то у солнца были дети, богатыри Нарты». Затем автор приводит некоторые данные о культе солнца у алан и массагетов. Армянский поэт XIII в. Фрик: «Алан, который солнцу чтит». Геродот: «Из богов они (массагеты. – М. Дж.) чтут только солнце, которому приносят в жертву лошадей». «Представление о Нартах как детях Солнца – это именно то, чего следовало ожидать. Раз так, то *нар*- должно означать «солнце» (Абаев, 1990, с. 276).

С этим, конечно же, следует согласиться безоговорочно. «Такая генеалогия Нартов хорошо согласуется с духом эпоса, в котором, в особенности в циклах Сослана и Ацамаза, солнечная мифология занимает заметное место. Мы вправе ожидать, что в термине *Нартае* «дети Нара» *нар* должно означать «солнце». Это приводит нас к монг. *нара* «солнце» как вероятному этимону термина *Нартае*. И, далее: «Таким образом, слово *нар(а)* как фольклорное именование солнца можно рассматривать как монголо-булгаро-аланскую изоглоссу» (ИЭСОЯ, том 2, с. 159). В. И. Абаев счел нужным подчеркнуть, что «нартовский эпос – это аланский эпос с монгольскими вкраплениями». Случайно упомянутых болгар осетиноведы не заметили и говорили потом только о монгольском происхождении термина.

Но как доказать, что именно монгольское слово стало именованием героев эпоса ряда народов Кавказа? Сделать это Абаев был не в силах, поэтому, как всегда, стал прибегать к заверениям и предположениям: «Монгольские влияния в нартовском эпосе твердо установлены. Монгольского происхождения имена виднейших героев (выд. нами. – М.

Дж.): *Хаемиц, Батраз, Сайнаег-алдар*. Среди аланских певцов могли быть двуязычные, владеющие и аланским и монгольским языками, и в этих условиях использование монг. *нара* в наименовании *Нар-тае* «дети Солнца» было вполне возможно; *нар* служило как бы фольклорным названием солнца в отличие от обиходного (иранского) *хур/хор*». «В монгольском эпосе есть герои, имена которых являются производными от *нара(н)* «солнце»: *Наран-хан, Наран-илан* и др.» (ИЭСОЯ, том 2, с. 159).

Предположения В. И. Абаева могли обрести силу аргумента, если бы он объяснил, почему «как бы фольклорное название солнца» понадобилось «алано-осетинам» именно в эпоху монгольских нашествий и почему они не взяли его из других соседних языков (чеченского, грузинского и пр.).

СПОР ОБ ИМЕНИ

Нельзя сказать, чтобы все осетиноведы были в восторге от утверждений своего корифея о сильнейшем влиянии монголов на эпическое творчество «алано-осетин». По поводу его мнения о том, что название аула *Нары-хъаеу* (в Дигории) означает в переводе с монг. «Аул солнца», А. Дз. Цагаева, еще в 1971 году, не без иронии, пишет: «Возможно, название древнего и многослойного Нартовского эпоса и восходит к монгольскому *нар*, может, все народы и забыли одновременно первоначальное его название, или их чем-то пленили монголы, что самому большому своему духовному сокровищу дали монгольское название, взятое у жесточайших завоевателей» (Цагаева, с. 185). Но это, впрочем, нисколько не помешало ей самой говорить о «тюрко-монгольском» слое в топонимии высокогорья Осетии (см. ниже).

В 1992 г. Ю. А. Дзиццойты об этимологии В. В. Абаева даже не упомянул. По его мнению, эпический этноним *нарт* восходит к индо-европ. *Hnerth* «жизненная сила», «мужская сила», состоящего «из корня *нер* «мужчина» и расширителя *th*. Правда, автор не сказал, по каким причинам В. И. Абаев отвергал это объяснение. В ряду слов, восходящих к тому же термину, Дзиццойты упомянул и осет. *нард* «жирный», и *наел* «самец». Следовательно, один индоевроп. корень дал в осетинском яз. три слова, весьма разные по семантике. Для сравнения он привел и другой пример: осет. *уаездан* «благородный, дворянин» из др. иран. *уаезда* «жир», согласно В. И. Абаеву (Дзиццойты, с. 28).

Полагая, что цикл Батрада «носит явственные следы монгольского влияния», В. И. Абаев сделал предположение: «Быть может, термин «нарт», также монгольского происхождения, был первоначально связан только с этим циклом и уже потом распространен на остальные». Но Т. А. Гуриев, всегда державшийся мнения Абаева, на этот раз с ним не согласился, вероятно, считая этот вывод «ослаблением позиции», и поставил ряд правомерных вопросов:

1) Если *Наерттае* образовано по типу фамильных названий и означает «потомки Нара», неясно, почему главный герой осет. эпоса Батырас выступает как самый молодой из богатырей.

2) Если выделение имени Батырас из монг. *Хабичи-Баатар* связывать с временем асского правителя Багатара (умершего в начале XIV в.), то непонятно, почему это произошло тогда, когда «монгольское влияние в Алании уже должно было пойти на убыль».

То же самое - обо всех нартовских именах «монгольского происхождения» и самого термина «нарт»; поэтому Гуриев, вопреки мнению Абаева, думает, что все это связано «с периодом наиболее интенсивного влияния монголоязычного этнического элемента в Алании и с более «старыми циклами»;

3) Если солнце *нар* считалось прародителем богатырей, то его первыми наследниками были бы старшие нарты и должна была фигурировать их мать; но родителями Батраза являются Хамиц и Быценон.

4) Кроме того, во всех осет. фамильных названиях обычно впереди ставится имя родоначальника, вместе с элементом *-тае + фырт* «сын»: например, *Абайы-фырт* «Абая сын» («практически обозначает «потомок Абая», «Абаев») и т. п. Далее Гуриев делает примечание: осет. формант *«т»*, которому Абаев придавал столь важное значение, «выделяется теоретически, но корень «нар-» не имеет значения, не осознается», «такой формы, *Нары-фырт* (т. е. «сын Солнца». – М. Дж.) в осетинском фольклоре совершенно нет и она кажется невероятной»;

5) Неприложим к слову *нарт* и другой способ выражения фамильной принадлежности – присоединением к имени родоначальника суффикса *-ан (-он)* по схеме, «не знающей исключений» - *Худал-он, Хъари-ан* и пр. (Т. е. построения иранистов были возведены на песке: как можно считать *т* осет. формантом мн. числа и важнейшим доказательством осет. происхождения эпоса, если этот формант в качестве показателя мн. числа не осознается, и если неизвестно, что означает *нар*? Более того, получается, что родоначальника богатырей звали *Нарт*, и именованья богатырей должны были начинаться с указания их фамилии – *Нартон*, но этого тоже нет).

6) Следующее замечание ученого очень важно и ценно: принадлежность к нарттовскому роду также обозначается присоединением суффикса *-он*: «*нартон*» - «*нарттовский*», но форма «*нар-он*», как пишет Гуриев, «в эпической терминологии представляется невозможной», что говорит о том, «что неразложимость слова «*нарт*» изначальна» (тогда зачем говорить о заимствовании *нар* из монг. яз.? – М. Дж.); адекватным суффиксу *-он* является другой формант, *-аг*, с помощью которых образуются этнонимы, но к термину *нарт* присоединяется только первый, и в словарях имеются только два слова – *нарт* (более древнее *нартае*) и производное *нарт-он* «*нарттовский*».

7) Это, последнее «слово, подобно термину «*нарт*», ни в одном случае не употреблено отдельно для выражения понятия «*нарт*» (один), и «имеет значение «*нарттовский*», «*нарттов*», т. е. принадлежащий к «*нарттовскому роду*», или «обладающий свойствами нарттов» и т. п.»; поэтому, например, когда во всех изданиях сочетания типа *нарты Сослан* и *наертон Сослан* переводится «*нарт Сослан*», это совершенно неверно, «следует переводить «*Нарттов Сослан*» и т. п.», а слово *наертон* всегда следует переводить «*нарттовский*»;

8) Нет ни единого примера употребления термина *нарт*, в котором бы он выражал идею единственности – только понятие целого народа или племени богатырей; если бы «Т» «не выражал идею множественности и если бы сам этот термин не был выражением родо-племенной принадлежности», «мы бы имели форму множественного числа», по аналогии с *цаест – цаестытае* «глаз – глаза», *мыст – мыстытае* «мышь – мыши» и пр.; это правило, как пишет Гуриев, настолько универсально, «что не приходится и допускать возможности исключения для единого слова» (Гуриев, 1971, с. 38-45).

Этим, по его мнению, доказывается, что «термин получил свою форму на алано-осетинской почве». (Но тогда почему на этой почве он не имеет никакого объяснения и почему никто из героев не именуется *Нартон*, как нельзя сказать ни *Нарты фырт* «сын Нарта», ни *Нары фырт* «сын Нара»?).

Надеюсь, читатель оценил точность и важность этих наблюдений Гуриева, приводящего также много примеров. При этом языковед сам не заметил, что совершенно похоронил всякую надежду на то, что термин *нарт* может оказаться иранским, или хотя бы заимствованным из монг., но снабженного показателем мн. числа в осет. яз. – *т*, поскольку в осет. яз. у фольклорного термина нет формы ед. числа, а названием рода он

являться не может. Но, может быть, в словарях написано иное? Смотрим в ОРС (1970): «Нарт - *фольк.* нарты; богатыри). Следовательно, Гуриев был абсолютно прав. Но что писал Абаев в составленном им РОС (1970)? Присутствующее в ОРС *наертон* «нартский, чудесный, превосходный, выдающийся, храбрый, отважный, находчивый, ловкий, легендарный», у него почему-то означает «богатырь, богатырский».

О СОДРУЖЕСТВЕ ПЕВЦОВ

В лекции 1966 года (резюме которой представляет собой словарная статья в ИЭСОЯ), пытаясь объяснить, почему он усмотрел столь сильное влияние монголов на эпическое творчество алан, В. И. Абаев начал с предположений и гаданий, вперемишку со сведениями из исторических источников, и закончил утверждениями:

разгромленные аланы испытали на себе влияние завоевателей, которое «особенно должно было сказаться в той области, где монголы имели значительные богатства: в области эпоса» (отчего же эти влияния сказались только в эпосе, а еще и не в загадках, сказках или в пословицах?); сношения алан с монголо-татарами продолжались свыше 200 лет; аланы принимали участие в походах монголов; они же составляли значительную часть населения в столице Золотой Орды – Сарае; «имелись все предпосылки для эпического обмена между аланами и монголами» и «такой обмен был не только возможен, но и неизбежен».

Откуда это все известно? Ниоткуда, поэтому следует еще одно предположение: «Среди аланских певцов могли быть двуязычные рапсоды, владеющие и аланским и монгольским языком, и в этих условиях использование монгольского *нара* «солнце» в наименовании *Нар-тае* «дети Солнца» было вполне возможно» (Абаев, 1990, с. 277). Почему монголы столь активно передавали свои значительные богатства в области эпоса только «алано-осетинам», а на другие народы Кавказа не обращали никакого внимания, иранисты не говорят. Наверное, у других кавказцев двуязычных рапсодов не было, не смогли они выучить неодолимый язык монголов.

Нартские сказания появились давно, и, конечно же, не вдруг. Но никто из ирановедов, утверждающих, что предки осетин имели обширные, тесные и многовековые связи с греками, римлянами, германцами, фракийцами, тюрками, угро-финнами, славянами, ни слова не говорит о том, почему в эпосе осетин многие герои носят «монгольские» имена, но не угро-фин., греч., фрак. или славян. (этот вопрос еще в работе 1990 г. поставил И. М. Мизиев, но ответа не дождался). Нет и героев с грузинскими, чеченскими или кабардинскими именами. Если верить иранистам-нартоведам во главе с В. И. Абаевым, пришлые монголы за один век оказали на осет. культуру (и только на нее одну) гораздо большее влияние, чем все остальные народы, с которыми «скифо-алано-осетино-кобанцы» сталкивались или веками соседнили за 3000 лет своей истории. Сильны были завоеватели (почему-то несколько не повлиявшие на эпосы тюрков, из которых, как считается, состояли, в основном, монгольские армии)!

В другой работе, «Нартовский эпос осетин», Абаев добавил еще и такое, очень научное и конкретное объяснение: «Столкновение с монголами и участие в монгольских походах послужили толчком к оживлению раздробленных до этого дружинно-родовых групп самого аланского народа, что несомненно должно было дать новый размах эпическому творчеству и стимулировать певцов к попытке связать и объединить отдельные дружинно-родовые сказания в нечто более цельное и единое» (Абаев, 1990, с. 209).

Следовательно, мы должны верить в абсурд: в несомненность «эпического обмена» и что татаро-монгольские погромы и гибель в боях аланских воинов, мобилизованных завоевателями, способствовали «оживлению раздробленных дружинно-родовых групп»,

что, в свою очередь, почему-то должно было, по непостижимой мысли Абаева, стимулировать певцов на свершение творческих подвигов по систематизации разрозненных сказаний. Так что же, до пришествия монголов у аланов ни с кем и никаких «стимулирующих» столкновений не было?

Допустим, между аланскими и монгольскими певцами действительно происходил «эпический обмен». Тогда почему в осет. эпосе влияние монголов сохранилось только в именах, а еще и не в музыке? И почему эти монгольские рапсоды взяли в обучение только осетин, а на остальных сказителей Кавказа не обратили никакого внимания? Или все они стали перенимать нартские сказания у «осетин-алан» только после их разгрома и ухода в горы, откуда «аланские рапсоды» приезжали в гости к завоевателям, а потом отправлялись на гастроли?

Поскольку имена главнейших героев Нартиады у этих народов совпадают (и многие из этих имен, по Абаеву, являются монгольскими), получается, что у народов Кавказа до прихода монголов ни эпоса, ни эпических песен не было. У осетин-алан были и песни, и герои с иранскими именами, но отсутствовало общее наименование богатырского племени. Затем пришли монголы и уничтожили Аланию (что каким-то образом способствовало, по мысли Абаева, «оживлению раздробленных до этого дружинно-родовых групп самого аланского народа»). Спустя какое-то время началось боевое братство монгольских и аланских (осетинских) воинов и творческое содружество их певцов, которые курсировали между горными теснинами Осетии, Китаем и Сараем; завоеватели подарили им общее название героев их эпоса, и он получил, наконец-то, свое оформление. Все это, конечно, произошло не сразу; прочие народы Кавказа так и жили без нартских сказаний; других эпосов у них тоже не было. В скифскую эпоху, как и в период расцвета Алании, занять у древних осетин их песни они не успели, и только после того, как ее уничтожили, призадумались над своим бескультурьем.

За это время «аланы-иранцы» успели переименовать своих древних героев на монгольский лад; их рапсоды наезжали в город Сарай, выискивали там монгольских коллег и заучивали сюжеты их песен. Тогда-то, примерно в XIV-XV вв., и потянулись в Осетию сказители от окрестных народов, предварительно выучив язык. Там местные рапсоды охотно рассказывали им о нартах; гости уезжали к себе домой, садились за переводы, а потом просвещали и свои народы. Или осетинские певцы приезжали к ним сами. Так и проникли к ним герои с монгольскими именами – *Хамыц*, *Батыраз*, и пр. И именование героев – *нарты*. А в нынешних Балкарии и Карачае уже сидели зловредные беглецы-кипчаки, методично, ущелье за ущельем, ассимилируя аланское население; их певцы, позабыв свои половецкие песни и пляски, бессонными ночами переводили на тюрк. яз. песни о нартах и писали к ним музыку, а сами «алано-осетины» их старательно забывали, переходя на прозу.

Но эта версия, как я догадываюсь, иранистам не понравится, пусть все и выстроено по их же логике. Попробуем по-другому. С монгольскими певцами сотрудничали сказители и других народов Кавказа, и песни о нартах у них были задолго до нашествия, но самыми талантливыми и переимчивыми были «алано-иранские». Они догадались снабдить монг. *наран* «солнце» своим показателем мн. числа *т*, но в результате почему-то получилось фамильное имя – *нартае*. Затем они нарекли своих древних героев по-монгольски, и все – чеченцы, ингуши, кабардинцы, абазинцы, абхазы, адыгейцы – которым эта светлая мысль и в голову не приходила, тоже переименовали этих же героев на новый лад. Среди них успели затесаться и кипчаки, уже успевшие поглотить часть несчастных западных «алан-осетин» и усвоить их эпос. С именами героев-нартов была накладка, и они догадались занять их, уже монголизированные, у восточных «алано-осетин», счастливо избежавших тюркизации. Но затем осетины почему-то утратили свои эпические песни и сочинили

некие *кадаг*, в которых, по словам В. И. Абаева, никто, кроме него самого, не может расслышать поэтический ритм и размер. Тут-то хитрые карачаево-балкарцы и взвились соколами: они не только перевели осетинские сказания на свой язык, в стихотворной форме, но и каждой из них придали свою мелодию, и эти песни сможет отличить от сказок и рассказов любой школьник, и даже без музыки в них все равно распознаются именно песни.

Но мы совсем забыли о предположениях Ю. А. Дзицойты, который утверждал, что распространение нартского эпоса произошло в результате поочередных встреч народов Кавказа со скифо-сарматами, т. е. в глубокой древности. Тогда картина становится еще более потешной, поскольку надо ответить на вопрос: каким образом североиранские имена главных героев эпоса, которые, надо полагать, его распространители сообщили своим слушателям еще в античную эпоху, вдруг и разом изменились у всех народов Кавказа на монгольские? Неужели по решению Всекавказского съезда сказителей?

МОНГОЛЫ И АЛАНЫ

Но вернемся к теме. Сами же иранисты дают совсем не идиллическую картину алано-монгольских отношений. Например, глава в книге В. А. Кузнецова, повествующая о нашествии «татаро-монгол» так и называется - «Катастрофа». «Татаро-монгольское нашествие буквально разметало аланское население Северного Кавказа и Северного Причерноморья по разным частям Азии и Европы – от Венгрии до Китая. Отделенные друг от друга сотнями и тысячами километров и не имеющие связи с родиной эти, не такие уж мощные группы мигрантов были обречены на постепенное исчезновение. Факты свидетельствуют, что так и было». О том же пишут и другие авторы.

Пусть так. Исчезли, ассимилировались ушедшие, угнанные в полон, мобилизованные в монгольские армии аланы. Но что же остальные? В. А. Кузнецов продолжает: «Остатки алан сохранились лишь в недоступных монголам кавказских горах, на севере и на юге Кавказского хребта. Они стали основой формирования и исторического развития осетинского народа» (Кузнецов, 1984, с. 273). Иными словами, само формирование осетинского народа началось только после татаро-монгольского нашествия (с чем категорически не согласны другие осетиноведы). Т. е. эпос имелся у скифов и алан задолго до монголов, затем монголы разгромили алан, но те все же сумели окончательно оформить свой эпос, а затем уже началось формирование самих осетин. Если это не абсурд, то что?

В. А. Кузнецов утверждает, что после ряда погромов население Алании стало уходить в горы: «Плотность населения в горах весьма резко возросла, часть населения оказалась избыточной; в условиях горного малоземелья она не могла прокормиться (почему же тогда аланы не только приняли беглых кипчаков, но и стали с ними смешиваться, как утверждают иранисты? – М. Дж.). Выход из сложившегося положения (надо сказать – драматического) был найден в миграции этого избыточного населения на юг, через перевалы Главного Кавказского хребта, на территорию современной Юго-Осетии» (Кузнецов, 1984, с. 263).

Поэтому, а также и по многим другим причинам, говорить о сотрудничестве аланских певцов с монгольскими не приходится. Аланы равнины, которые гипотетически могли вступать в контакты с завоевателями, растворились бы среди них, а тем, кто искал спасения в горах, было бы не до песен и перенимания имен. Ни о чем подобном В. И. Абаев размыслить не желал, и уже в 1986 году постарался подкрепить свое мнение новыми «аргументами». Он ввел некую «социолингвистическую категорию», названную им «престижным потенциалом», обозначающим «способность данного языка в условиях

межъязыковых контактов оказывать влияние на другие языки»; сама эта престижность «определяется рядом факторов: численностью народа, его военной мощью, его политическим весом, его экономическим и культурным уровнем». И вот таким «престижным врагом» на Кавказе оказались, по мнению Абаева, монголы, «хотя бы в силу своего военного превосходства» (и он же утверждал, что военная организация алан произвела такое впечатление на завоевателей, что они заняли у осетин их слово *алдар* «вождь» в значении «военная слава»). Но неужели со времен Геродота «ираноязычные скифо-аланы» ни разу не повстречали каких-либо других «престижных» врагов? Или кругом жили одни только никудышные народы?

Но это еще не все причины сильнеешего влияния монголов на «ираноязычных аланов»; В. И. Абаев уверяет: «Кроме того, монголы сами обладали богатыми эпическими традициями. Среди народных певцов было, несомненно, нередкостью двуязычие, алано-монгольское (откуда такая уверенность? – М. Дж.). Правы те, кто обилие тюркских элементов в «Слове о полку Игореве» объясняет двуязычием его автора. Именно двуязычие народных певцов создает особенно благоприятные условия для естественного, можно сказать – неотвратимого взаимопроникновения лексических и фольклорных элементов» (Абаев, 1990, с. 383). Насчет несомненности алано-монгольского двуязычия певцов, не имея никаких данных, ничего сказать не можем, а верить на слово кому бы то ни было не обязаны. Что касается аналогии со СПИ, предложенной Абаевым, заметим, что она сильно хромает, поскольку не учитывает ни численность тюрков в Великой степи, ни длительность их соседства со славянами (до создания СПИ – минимум 8 веков), ни многообразие связей между тюрками и славянами.

Возражая В. И. Абаеву, который утверждал, что столкновения с монголами и участие алан в их походах стимулировали певцов к тому, чтобы объединить разрозненные сказания в нечто цельное, Т. А. Гуриев (признавая «мощное влияние монголов на эпос») говорит, что это односторонняя оценка, и что установление завоевателями режима террора не могло «дать новый размах» эпическому творчеству. Наоборот, эта ситуация имела «деструктивное значение для эпоса», внесла в него противоречия и нарушила стройную связь между циклами, поэтому сказителям пришлось создавать новые циклы (Гуриев, 1971, с. 159-161). Автор, правда, не объяснил, каким образом монголы сумели оказать такое сильное влияние именно на эпос осетин, только на эпос, а не на язык, мифологию, религиозные обряды и пр. Но эти вопросы, вероятно, все же приходили ему в голову: о длительных контактах алан с монголами, по его мнению, свидетельствует «наличие в алано-осетинском сравнительно большого количества монгольских заимствованных слов, в том числе ряда важных терминов быта, орудий труда, и т. д. (некоторое количество аланизмов находим также в монгольском)».

Не приведя в этой книге ни одного примера, Гуриев добавил и следующее предположение, выдав его за факт: что монголы «долгое время обитали в данном районе, причем часть их ассимилировалась, подверглась аланизации» (Гуриев, 1971, с. 161). В чем отразилось долгое пребывание монголов в районе Осетии, кроме эпоса, Гуриев опять не говорит, как и о том, откуда ему известно, что это были именно они.

Согласиться с мнением Гуриева о «мощном влиянии» монголов на эпос осетин и последовавшей в результате перестройке всей его структуры мешают и другие соображения. Допустим на минуту, что осетины – потомки скифов и алан, создатели государства Алания. По отношению к ним монголы выступили в роли завоевателей и разрушителей. В таких условиях народ, понесший тяжелое поражение и загнанный в горы, должен был думать о защите от враждебного этноса и сохранении культурных ценностей, накопленных к тому времени. Сохранять древний эпос могли именно те осетины, которые ушли в неприступные места; более того, чужие мотивы и сюжеты (даже

если бы они и проникали в осетинскую среду) вызывали бы отторжение. Такое мощное влияние возможно только в одном случае: когда народ-завоеватель (или его часть) сливается с покоренным этносом, и какие-то элементы его культуры становятся частью культуры новообразовавшегося этноса (как и часть лексики входит в его лексический фонд). Но никто из осетиноведов не говорит, что осетины являются результатом смешения монголов и алан, зато все они утверждают, что субстратом при сложении осетин послужил некий «кавказский народ», который никаких следов своего влияния ни в языке, ни в эпосе почему-то не оставил.

Если верить академической истории, монголов в Восточной Европе было очень мало (не более 4000). Осетиноведы же пытаются убедить нас в том, что все эти пришельцы-степняки (или большая их часть) жили в непосредственной близости от Осетии; кроме того, аланские воины, приезжая на побывку из-под Пекина (на поезде, должно быть?), непременно делились с земляками услышанными там легендами и сказаниями, а местные рапсоды тут же их подхватывали; заимствующей стороной почему-то были только «алано-осетины». Смею думать, что скифо-аланский эпос был, вероятно, ничуть не менее мощным и древним, чем эпос монгольский; к тому же алан на Кавказе было во много раз больше, чем монголов, и скифо-аланский эпос бытовал на родной земле.

Нужно подумать и о том, а имелись ли у монголов в XIII в. богатейшие традиции эпического творчества, с которыми они охотно знакомили бы осетинских «рапсодов»; а если кто-то считает, что имелись, то откуда это ему известно? Героический эпос возникает у народа тогда, когда он участвует в каких-то завоеваниях, совершает далекие походы и пр. – одним словом, в «героическую эпоху». Но такая эпоха у «монголов» началась именно в XIII-XIV вв.; когда героический период скифо-сарматской истории оставался бы в далеком прошлом. Поэтому не аланы подвергались бы мощному культурному влиянию пришельцев, а, наоборот, монголы увозили бы на родину скифо-аланские сюжеты и имена героев.

Контакты скифо-алан с тюрками должны были иметь, до пришествия монголов, не менее чем восьмивековую историю. И, скажем, гунно-хазары, авары и печенеги – не менее грозные и престижные враги, чем (мифические) монголы, и Алания, к тому же, долгое время входила в состав Хазарии; этих тюрков было, в отличие от монголов, много и они никуда не уходили. К тому же они не только контактировали со скифо-сарматами, но и, как утверждает «мировая наука», ассимилировали всех «североиранцев» от Байкала до Дуная. Почему же эти ассимиляторы не переняли эпос «поглощенных» (иначе у потомков этих тюрков он имелся бы; ах да, я забыл – они же исчезли)? К тому же тюрки, создатели нескольких государств, веками безраздельно господствуя в Восточной Европе, наверное, обладали более богатыми эпическими традициями, чем монголы.

Получается, что предки осетин действовали избирательно: лексику заимствовали тюркскую (несколько сот слов), также огромное количество имен и топонимов, а имена эпических героев и эпические сюжеты заняли у монголов. Очень придирчивыми были эти рапсоды, разборчивыми. Но В. И. Абаев изредка пытался подкрепить свои утверждения и данными языка. В результате «алано-монгольской дружбы» иногда, если верить ему, получались и слова-гибриды. «*Харадзаст* д.(игорск.) эпитет некоторых героев в сказаниях о Нартах. – Вторая часть *дзаст* = *цаест* «глаз». В первой части, вероятно, монг. *хара* (тюрк. *къара*) «черный». Стало быть – «черноокий». Ср. бурят. *харанудатай*, балк. *къаракёз* «черноокий» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 4, с. 141). Я уверен, что ни один иранист не сумеет вразумительно объяснить, зачем было дигорцам соединять монг. слово *хара* и осет. *цаест*, чтобы получить простое определение «черноокий». Уверен я и в том, что В. И. Абаев, перелопативший груды тюркских словарей, знал, что в черекском диалекте кар.-балк. языка (носители которого живут рядом с дигорцами) слово *къарацац* (в

литературном – *къарачач*) означает «черноволосый».

На наш взгляд, вся эта «монголизация» эпоса имела одну-единственную цель – как можно более тщательно скрыть факты, показывающие и доказывающие тюркское происхождение Нартиады. «Если национальная принадлежность ученого диктует ему его научные позиции и решения, то это уже не наука, - строго выговаривал В. И. Абаев М. А. Кумахову и З. Ю. Кумаховой. – Такой «наукой» можно пренебречь как субъективной писаниной, не имеющей никакого научного значения» (Абаев, 1990, с. 390). Золотые, как говорится, слова. О том, что диктовало позиции и решения ему самому и его ученикам, судить не могу.

РОЖДЕНИЕ ЭПОСА

После того, как он заявил о сильнейшем влиянии монголов на развитие нартского эпоса осетин, В. И. Абаеву нужно было ответить на вопрос, поставленный им самим: «Поскольку нартовские сказания, сюжеты и мотивы бытовали задолго до монгольского нашествия и во многих элементах восходят еще к скифским временам, как объяснить, что общее наименование героев эпоса *Нартае* «дети солнца» появилось только в монгольскую эпоху?». Действительно, как? В. И. Абаев дает следующую схему возникновения эпоса (на наш взгляд, весьма упрощенную): 1. Вначале существуют разрозненные сказания и песни, никак между собой не связанные; общего наименования героев еще нет. 2. Затем наступает период циклизации, когда и возникает потребность в общем наименовании героев. «Для нартского эпоса эта заключительная фаза совпала с монгольским периодом, и естественно, что в этот именно период появилось общее наименование героев «Нарты». До этого были песни об Урузмаге, Сослане, Шатане, Ацамазе, были этногонические мифы о «детях Солнца», но не было песен о Нартах, потому что перечисленные герои не считались еще членами одной богатырской фамилии».

Но откуда все это известно? Ниоткуда, поэтому Абаев прибегает к аналогии – генезису русского эпоса: «Известно, что общее наименование героев этого эпоса, «богатырь» - монгольского происхождения. Но разве это означает, что сами былины возникли только в монгольский период? Ни в коем случае. Корни былинного эпоса уходят глубоко в древнейшую историю русского народа, и уже в Киевский период этот эпос достиг значительного расцвета. Но общее наименование «богатыри», как и общее наименование «Нарты», появилось только в монгольскую эпоху» (Абаев, 1990, с. 278). Но вот же заковыка: что, если *багъатыр* не монгольское слово, а тюркское? Пишут же осетиноведы, что так именovali «алано-осетинских» вождей, начиная с V в.; почему «алано-осетинам» можно было заимствовать этот тюрк. титул уже тогда, а предкам русских – нет? Или какие-то монголы-авантюристы прокрались на Русь уже в V в.? Это – наука?

Но В. И. Абаев, преследуя свои цели, задает следующий вопрос: если нартты – это «дети солнца», то «как согласовать с этим то, что те же нартты (в осет. эпосе) считаются, с другой стороны, детьми Волка?» - ведь имя их родоначальника *Уаерхаег*, по мнению Абаева, восходит к иран. *врк-ка-* «волк». Ответ ирановеда: «Боги и герои имеют зооморфных двойников, которые становятся их «манифестациями». Конь был манифестацией Посейдона». «Волк был манифестацией того же Солнца» (Абаев, 1990, с. 281). Но зачем богам и героям были (якобы) приданы еще и зооморфные двойники, которые потом почему-то превратились еще и в их «манифестации»? А если и приданы, то почему «двойником» солнца и его же манифестацией непременно должен был стать волк? Может быть, все происходило как раз наоборот? Надо сказать, что В. И. Абаев всемерно подчеркивал в своих работах важность исследования мифологических и

тотемических мотивов эпоса; вместе с тем, при конкретном анализе он допускал характерную ошибку, считая черты тех или иных животных в облике героев памятью о некогда имевших место обрядах, когда шаман переодевался в шкуру животного (облик которых якобы имели древние божества), т. е. смешивал тотемизм с шаманизмом (см. его предисловие к академическому изданию осетинских сказаний; М., 1990).

На наш взгляд, пути возникновения и оформления героического эпоса были иными, гораздо более сложными и длительными, и создавался он не из разрозненных сказаний и песен. Вначале существовали различные мифы – космогонические, этиологические, этногонические и пр. Обычно объясняют появление тотемизма тем, что люди, начав осознавать свои кровно-родственные связи, стали возводить происхождение отдельных родов к тем или иным животным, птицам, и даже деревьям. Но с какой стати они должны были так думать? Что могло натолкнуть их на эту идею? Гораздо вернее, на наш взгляд, объяснение Р. Р. Тилова. Первые имена людей были зооформными, от названий животных, многие из них сохранились в этом качестве и сейчас – ср. тюрк. Аслан (лев), Къаплан (барс) и пр. Деяния особо выдающихся предков-родоначальников запечатлевались в различных устных мифо-поэтических произведениях. Из них и стало развиваться то, что в фольклористике называют животным эпосом; впоследствии герои-предки, из-за наличия у них животных имен, стали представляться имевшими облик животных, но действовавшими, как люди, обладавшими речью и т. п. Разумеется, происходила и постепенная циклизация этих мифов и песен.

На следующей стадии возникает шаманский эпос, волшебные сказки, где главными героями являются те же тотемные герои, уже наделенные человеческим обликом, но способные принимать облик животных, деревьев, камней, т. е. возвращать себе прежний образ, – колдуны, шаманы (оборотничество). Иными словами, процесс антропоморфизации персонажей животного эпоса не мог быть и не был быстрым. В кар.-балк. эпосе некоторые герои обладают именно оборотническими способностями, и, кроме того, сохраняют, в качестве атрибутов, черты и признаки тотемных персонажей. Сатанайбийче, например, именуется *обур* (оборотень, вещая) и умеет превращаться в черную лису, нарт Алауган носит барсовую шкуру, его сын Карашауай управляет стихией огня и пр. Но некоторые герои древнего животного эпоса полностью сохранили свои прежние черты и облик – отсюда говорящие животные в сказках, легендах и эпосах (например, Гемуда, вещий конь Карашауая).

И только после этого возникают сказки и сказания о героях, которые побеждали врагов не благодаря обладанию сверхъестественными способностями, а благодаря мужеству, уму, владению оружием, физической силе и пр.; но древние животные имена тотемных героев, как и сюжеты, сохранялись, иногда в переосмысленном или искаженном виде. Иными словами, древнейшие пласты эпоса перетекали в другую форму (часто бытуя и параллельно, в качестве мифов и сказок). Разумеется, они дополнялись новыми сюжетами и героями, почти не имевшими в себе ничего мифологического. Позже в ткань этого древнего эпоса органично стали вплетаться и песни о подвигах реальных лиц – дружинников, вождей, князей, и т. д. В таком виде и дошел до нас героический эпос, многослойное и очень сложное произведение.

Следует вспомнить здесь и о разделении древних обществ на три сословия, именуемых в литературе индийскими терминами: *жрецы-брахманы*, люди знания, представители первой функции; *воины-кшатрии*, сословие знатных и сильных; и производители материальных благ, многочисленные и богатые – *вайшья* (трифункциональная теория Жоржа Дюмезиля). Это деление отразилось в осет. версии Нартиады в виде трех нартских родов – *Алагата*, *Ахсарттаггата* и *Бората*. (Четвертым сословием, точнее, варной, в древнеинд. обществе были шудры, которым поручалась

самая тяжелая работа. В кар.-балк. эпосе родов тоже четыре: *Аликлары*, *Усхуртуклары*, *Боралары*, и *Индилары* - отражение разделения сословия вайшья на богачей-собственников и наемных труженников).

Шаманско-героический (нартский) эпос – создание жрецов и воинов (важнейшую часть кар.-балк. эпоса составляет повествование о соперничестве воинов-Усхуртуковых и жрецов-Аликовых; см. в нашей работе «Карачаево-балкарский героический эпос», М., 2003). Но в кар.-балк. фольклоре есть еще один эпический слой, который примыкает к нартскому (героическому), но сливается с ним не полностью; это песни и сказания, которые можно назвать эпосом третьего и четвертого сословий, так как его героями являются охотники, рыболовы, пастухи, каменотесы. Отличаются от героико-эпических и сюжеты: если воины сражаются за утверждение человечности, защищают свободу народа, ходят в набеги и дальние походы, жаждут славы, то герои «крестьянского» эпоса добиваются материального преуспевания и семейного счастья. Самостоятельно достичь своих целей они не могут, и, чаще всего, вступают в связь с богинями, что, в большинстве случаев, кончается для них плохо. Вероятнее всего, «крестьянский эпос» возник не позже героического, а вместе с ним.

Полагаю, что монголы совершенно непричастны к оформлению ни нартского эпоса, ни русских былин, в отличие от тюрков, чьи активные контакты со всеми народами Европы и Азии прослеживаются с давних пор и во всех областях, а не только в эпическом творчестве двух народов, контактов между которыми никогда не было (как и самих монгольских походов, история которых является отражением тюркских завоеваний в кривом зеркале академической науки).

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТЕРМИНА «НАРТ»

Резонные аргументы в пользу не-иранского, не-осетинского происхождения термина *нарт*, приведенные Абаевым и Гуриевым, на многих специалистов должного впечатления не произвели. В. А. Кузнецов, например, считает более убедительной этимологию, усматривающую в его основе «древнеиранское «нар» в значении «мужчина», «отважный воин», «герой-богатырь». Он приводит только два аргумента: 1) эпос воспевает подвиги идеальных воинов и героев, поэтому древнеиранское *нар* полностью соответствует его «сюжетной и идейной направленности»; 2) «ни один из нартских героев не отнесен к «детям солнца» (В. А. Кузнецов, однако, не уточняет, что так обстоит дело в осет. сказаниях; в кар.-балк. эпосе положение иное, о чем я писал еще в начале 90-х годов: нарты являются потомками именно солярного божества – Золотого Дебета. – М. Дж.); в качестве таковых названы только несколько женских персонажей, причем второстепенных, поэтому «трудно понять, почему эпос должен был получить свое название от них» (Кузнецов, 1980, с. 20).

Но тогда нам остается только недоумевать - неужели Абаев и Гуриев этого не знали? А если знали, почему настаивали на монгольском происхождении термина? Более того, В. А. Кузнецов почему-то не обратил внимания на следующие и весьма недвусмысленные указания В. И. Абаева: «Всего нелепее было видеть здесь иранское *нар* «мужчина» и переводить *Нартае* – «дети мужчины». Не мужчина, а женщина Шатана выступает в эпосе подлинным средоточием и матерью нартовского общества. К тому же иранское *нар* дало в осетинском *наел* «самец», которое никак нельзя связать с термином «Нарт». Достаточно вместо *Нартае* подставить *Наелтае*, чтобы выступил весь неприглядный комизм такой этимологии» (Абаев, 1990, с. 275).

Абаев и Гуриев остались при своем мнении. Но когда первый решил доказать, что слово *нар* – монгольское и ему оказались нужны примеры, он обратился не к языкам,

ближайше родственным монг. (калмыцк., бурят. и др.), а именно к тюркским, и эти примеры весьма красноречивы: «Аналогичную картину находим в чувашском (новобулгарском). Обычное название солнца в этом языке *хевел*. Но в фольклоре употребительно заимствованное из монг. *нар*»; «ср. чув. *нар-таван*, казан. (татарское. – М. Дж.) *нар-туган* «святки», буквально «рождение (*таван*, *туган*) солнца (*нар*)». Каким образом Абаев выяснил, что в чуваш. и татар. яз. слово *нар* «солнце, солнечный» является заимствованием из монг., а не присутствовало в них всегда, никому неизвестно.

«Таким образом, слово *нар(а)* как фольклорное наименование солнца можно рассматривать как монголо-булгаро-аланскую изоглоссу. В пользу некавказского происхождения термина *нарт* говорит также отмеченное в сагайском наречии хакасского языка *нартпак* «богатырская сказка» (ИЭСОЯ, том 2, с. 159). Последний термин внимания нартоведов не привлек, а выяснять причину его появления у далеких от Кавказа хакасов никто из них не пожелал, по причине отсутствия исследовательского энтузиазма.

Итак, снова натываемся на чудеса. Чуваши, карачаево-балкарцы, казанские татары и осетины дружно заимствовали у монголов слово *нар* «солнце» (ср. кумык. *нар* «плод граната», турецк. *нар* «огонь», казах. *нар* «красный»). Карачаево-балкарцы именуют эпических богатырей *нартла* (ед. число – *нарт*), а *нарт сёз* «нартское слово» в их языке означает «поговорка». Хакасы-сагайцы называют богатырскую сказку *нартпак*; и если *т* – это показатель мн. ч. в осет., как думают иранисты, то у кого и как сагайцы заимствовали термин? (Нисколько не сомневаюсь, что обязательно найдется исследователь, который поведает благорасположенному научному сообществу, что этот термин сагайцам подарили «ираноязычные» аланы, по пути в Монголию и Китай).

Итак, искомый термин обнаружился сразу в нескольких тюрк. яз., носители некоторых находятся весьма далеко от Кавказа, а чуваш и татары – и от Монголии. Их праздники «рождения солнца» были приурочены ко дню зимнего солнцестояния. Добавим сюда и название аналогичного кар.-балк. праздника *нар кьопхан* букв. «вставание солнца, воскресение солнца», отмечавшегося в дни весеннего равноденствия. Солнцестояние называется в кар.-балк. *нартур*, букв. «стояние солнца» (*тур* стоять, пребывать); семь дней весеннего солнцестояния именуются *нар кюнле* «дни солнца» (народ понимает это, как *нарт кюнле* «нартские дни»). Добавим сюда и кар.-балк. именование солнечного божества – *Къайнар* «живое солнце». Может быть, не тюрки заимствовали у монголов слово *нар*, а, наоборот, монголы – у тюрков?

Вспомним слова осетинского сказителя, записанные Г. Ф. Чурсиным (и приведенные выше): «Когда-то у солнца были дети, богатыри Нарты». Но **нарты являются детьми солнца только в кар.-балк. эпосе**: они происходят от 19 сыновей великого мастера-кузнеца Золотого Дебета (*Алтын Дебет*), чье имя означает «огненноликий» (*дыпбет*). На солнечную природу бога-кузнеца в кар.-балк. эпосе и мифологии, кроме имени и эпитета, указывает и число его сыновей – 19 (в других вариантах Нартиады этой цифры нет).

Эпос изменялся на протяжении сотен лет своего бытования. В некие отдаленные времена самой видной фигурой являлся кузнец, создатель орудий и оружия, представлявшийся волшебником, колдуном. На этой стадии создания эпоса в образ кузнеца Дебета и трансформировался древний образ небесного тотема-коня (*тенгир ат*). Неслучайно и по сей день говорят: «*Атны башы – нюрдю (кюндю)*» - «Голова коня – сияние (солнце)». *Ат* означает «конь», но и «вставать, восходить» (о рассвете – *танг атды*: если переставить ударение во втором слове на первый слог, получится совсем иное значение: «Свет (рассвет) – это конь»). Неслучайно и о волшебном коне по кличке Гемуда говорится, что он жил в подземелье и питался железом; но и Золотой Дебет также наделен способностью есть железо и трудится он в кузнице-пещере. Золотой Дебет – новый облик прежней манифестации Солнца – коня. По этим причинам у карачаево-балкарцев

категорически запрещается бить коня по голове – это все равно, что ударить солнце. В обряде вызывания дождя, символизируя погружение солнца в дождевые тучи, в реку опускали конский череп (см. подробно: Джуртубаев, 1991).

На следующей стадии развития эпоса женой обожествленного впоследствии колдуна-кузнеца стала представляться главная героиня эпоса – *Сатанай-бийче* (Сатанай-богиня), от *сатан ай* «ясная луна»). Впоследствии на первый план вышел воин, и первая красавица стала все чаще мыслиться женой вождя нарттов Ёрюзмека Усхуртукова (а не Дебета, мирного труженика). Но кое-какие детали, указывающие на прежнюю супружескую чету, в эпосе остались: Сатанай-бийче, например, заботится о женитьбе Алаугана, сына Дебета, принадлежащего к роду Аликовых, враждующего с родом ее мужа Ёрюзмека (Усхуртуковыми); она же посвящает в тайну рождения будущего героя Сосурука не мужа, а вроде бы чужого ей Дебета, и пр. Существовала, таким образом, пара божественных героев – Дебет-солнце и Сатанай-луна.

Отсюда легко догадаться, почему эпос говорит именно о 19 сыновьях Дебета, родоначальниках богатырского племени. Многие народы в древности пытались совместить счет дней по солнцу и счет месяцев по луне; трудность заключается в том, что число полных лунных месяцев не укладывается в 365, 25 дней солнечного года. В конце концов решение было найдено: оказалось, что количество дней в 19 солнечных годах почти в точности равно количеству дней в 235 лунных месяцах (у греков цикл назывался «Метоновым», это название вошло и в современную астрономию). Предки карачаево-балкарцев нашли оригинальный способ увековечить свое открытие, зашифровав его в миф о супружестве Солнца и Луны и их 19 солнечных сыновьях; позже именно он стал началом их эпоса. Заимствуя нартский эпос у скифо-алан, предков карачаево-балкарцев, другие народы Кавказа, не поняв значения этого сюжета и цифры, выкинули их за ненужностью. У абхазов, например, называется круглое число нарттов – сто; поскольку круг отождествлялся с числом «сто», то, вероятно, это неверный перевод кар.-балк. арх. *къалкъ* «круг» (ср. *къалкъан* щит), но *халкъ* – «народ»; три подразделения казахского народа называются *жузами* «кругами», ср. кар.-балк. *жюз* «сто», *жюзюк* «кольцо», *гюрен* «круг; войсковое подразделение» - казачий «курень».

Слово *нар* «солнце» (ср. *нур*, *нюр* «сияние»), таким образом, не монг., а тюрк. Герои эпоса именуются соответственно *нарт Дебет*, *нарт Батыраз*, *нарт Ачей* и т. д. С чем связано появление элемента *т*? С одной стороны, в кар.-балк. яз. огромное количество слов, оканчивающихся на *-рт*; *къарт* старик, *сарт* мнение, *тарт* тяни, *морт* мертвенно-синий, *тюрт* толкай, *чорт* крест-накрест, *жорт* скакать, *тёрт* четыре, *сырт* спина; плоскогорье, и т. д. Но причина появления *т* в окончании термина в другом. В тюрк. яз. есть аффикс обладания или наличия *-ты*; в кар.-балк. яз. он перешел в *лы*, но сохранился в некоторых терминах и топонимах, например, *Гестенти* (местность) или в *ысхылты*, *схылты* «знать, знатный, аристократ». В казах. и киргиз. яз. он сохраняется и сейчас, например, *тасты* «каменистый».

Чтобы обозначить солнечную природу богатырей, по-тюркски следовало называть их *нарттыла* (мн. ч.) «солнечные, солнцевики»; но для кар.-балк. языка подобное произношение несвойственно: звук *ы*, находящийся в слабой позиции, редуцируется, и остается *нартла*, по типу *къартла* «старик», *сыртла* «плоскогорье», и т. п. Отсюда и выпадение конечного звука *ы* в *нартты* (ед.число) = *нарт*. Богатырей в сказаниях часто именуют и *нарт улу* «нарта сын» (ед. число), *нарт улула* «нарта сыновья» (мн. число), что собственно говоря, означает просто «нарт» и «нарты». Прежде было, конечно же, *нар улу* «солнца сын, солнцевич»; но сонорное *р* в этой позиции звучит неясно, что и способствовало появлению окончания *т*.

Была и другая причина именно такого именования богатырей. Всем известен могучий

средневековый этнос - гунны (краткая форма от *гунгар*, *кунгар*, *кангар*). И если жил на свете народ, достойный названия эпического, то это именно они, завоеватели Европы и основатели могущества Османской империи (каким бы странным это утверждение не показалось сторонникам канонической версии истории; см. ниже). Тюрк. *гунгар*, *гуннар*, *куннар* как раз и означает «солнечный человек». Иными словами, *нартла* – это еще и эпическое наименование гунно-хазаро-печенего-алано-болгаро-асов, «царских скифов» Геродота, поклонявшихся «мечу Марса»; в гунно-алано-болгарской среде и возникли нартские сказания.

НАЧАЛО ЭПОСА

Но вернемся к вопросу о происхождении нартвов, согласно Абаеву – «детей Волка» и «детей Солнца». Имело ли такое утверждение опору в осетинских сказаниях? И тут выясняется, что в них вообще нет внятного ответа на вопрос о происхождении богатырей; например, один из текстов (в академическом издании 1989 года) состоит всего из нескольких строк. Бог сотворил карликов и великанов, а затем новый народ – нартвов (3 строки). В других текстах о нартах говорится, как об уже существующем племени, состоящем из фамилий, одной из которых являлись Ахсартаговы, владельцы волшебного дерева. По ночам кто-то воровал с него яблоки, и два брата-близнеца – Ахсар и Ахсартаг – дознались, что это была Дзерасса, дочь Донбеттыров (речных божеств). Поссорившись из-за подводной красавицы, братья убили друг друга (есть разные варианты). Увидев плачущую над их трупами женщину, к ней явился небожитель Уастырджи (Уасгерги) и захотел сделать ее своей женой (или любовницей), но Дзерасса обманула его, обернулась рыбой и уплыла в море, где и родила мальчиков-близнецов Хамыца и Урызмага.

Мальчики выросли, отправились к нартам, нашли своего деда Уархага (или Бора) и выдали за него замуж свою мать, которая родила от него нарта Субалци. Дзерасса, которой обманутый Уастырджи поклялся овладеть ею живой или мертвой, попросила после ее смерти в течение трех дней охранять ее могилу. Сыновья красавицы так и сделали, но один из них не сдержал своего слова, и ушел на чью-то свадьбу (или его обманул небожитель).

Далее, в нескольких вариантах, следует весьма странный рассказ: *«Воспользовавшись этим, Уастырджи отомстил ей. Пока Хамыц и Урызмаг искали себе жен, в одну из ночей он вошел в склеп и вначале сам побыл с матерью Хамыца и Урызмага, а потом пустил своего трехногого коня и борзую. Мертвая женщина забеременела, и через десять месяцев у нее родились девочка, жеребенок и щенок. Когда они подросли, из склепа стали слышаться плач ребенка, ржанье жеребенка, лай и писк щенка»*. Братья взяли их из склепа и назвали девушку Сатаной. Затем Сатана, и тоже обманом женила на себе своего брата Урызмага («Нарты», 1989, с. 6 – 38). Примерно то же самое говорится и в сводном тексте («Сказания о нартах», 1981).

Допустим, что имя деда Хамыца и Урызмага – *Уархаг* (иногда его называют *Гараф*) - означает «волк» (по-ирански *врка*). Но, при отсутствии мотива солнечного происхождения нартвов в самом эпосе, у осетинских сказителей не было бы оснований и называть нартвов «детьми солнца» - ни по-ирански, ни по-монгольски. Четко просматривается еще один тюркский след; в одном из вариантов сказитель ясно говорит: «Откуда появились нарты, этого, кроме бога, никто не знает, но в сказаниях говорят, что они появились со дна моря» («Нарты», 1989, с. 11).

В кар.-балк. сказаниях иное: нартвов создал бог *Тейри*, *Тейри-хан* «небесный, небесный царь» (общетюрк. *Тенгри*, *Тенгир*, *Тангра* и др.), чтобы они уничтожили всю нечисть на земле – бесов, злых великанов, драконов, племена людоедов и пр., чем и заняты эпические

богатыри; они являются детьми, внуками и правнуками Золотого Дебета, солярного божества кузни и кузнечного дела, и сошли с неба, куда и возвращаются после выполнения своей задачи. Самого Дебета, «отца нартов», Тейри создал из кусочка своего сердца (по одному из вариантов). Но *тенгир* «небо, небесный, небесные» слишком сходно с *тенгиз* «море, морской, морские», отсюда и утверждение осет. сказителя о «морском» происхождении нартов. Сходством терминов, означающих «море» и «небо» в тюркских, объясняется и то, что в кар.-балк. эпосе крылатые кони происходили из моря; на самом деле - с неба (см. нашу работу «Карачаево-балкарский героический эпос», 2004).

Но для Т. А. Гуриева, например, отсутствие в осет. эпосе указаний на солярное происхождение героев не помеха: считая, что Абаев, в данном случае, был неправ, и термин *нарт* проник в эпос осетин рано, вместе с легендой о матери нартов и ее чудесном зачатии от небожителя Уастырджи, а не после оформления цикла сказаний о Батразе, он принялся доказывать идентичность начального цикла эпоса осетин и монгольских легенд о происхождении рода Чингисхана (Гуриев, 1971, с. 38). Каковы же его аргументы?

1. Согласно монгольской книге «Сокровенное сказание», родоначальница Алан-гоа («красавица Алань») после смерти мужа (Добен-Мергена, Домбаула) родила еще трех сыновей. Когда народ стал обвинять ее в непристойном поведении, она сказала, что по ночам ее посещал луч Нирун, и от него она забеременела. По мнению Якоба Шмидта, это название искажено и должно быть или *Ариун* «чистый», или *Нарану* «дети солнца». – По осет. сказанию, от небожителя Уастырджи, при входе которого в склеп помещение осветилось мертвая красавица Дзерасса также родила в склепе, но не сыновей, а девочку Шатану, жеребенка и щенка.

Т. А. Гуриев приводит также, со ссылкой на Якоба Шмидта, сведения о том, что в начале XV в. асутский (в понимании ирановедов - аланский) вождь Алима Чинсанг выдал свою дочь Мало за китайского императора, который оказался в плену у монгольского хана Эссена. Но тут на монголов обрушились беды, от которых не было спасения. Однажды утром служанка Мало увидела, что из ее юрты исходит желтовато-красный луч, рассказала об этом своим сородичам, и все поняли, что пленный император – небесного происхождения. Его с почестями отправили на родину. Импортёрами сказания в Аланию, по мнению Гуриева, были аланы, служившие в лейб-гвардии великого хана. По мнению Я. Шмидта, чингисиды приписывали себе небесное происхождение (Гуриев, 1971, с. 72).

Несмотря на определенное сходство двух сюжетов, рождение трех сыновей, в одном случае, и девочки, жеребенка и пса, в другом – не одно и то же (это требует объяснения), а к небожителям возводили свой род многие и многие властители. «Асуты» монгольских летописей и аланы – не один и тот же народ; асутами монголы, скорее всего, именовали предков нынешних тюрков-хакасов, часть которых, например, называется *чыстанг-ас*, т. е. «таежные асы»; или кыргызов – от *кыыркъ ас* «сорок родов» (сами киргизы, неверно поняв это именование как *кыыркъ кыыз* «сорок девушек», сложили эпос, который так и называется).

Слово *ариу*, *арик*, *аракъ*, *арукъ* «чистый, прекрасный» - не монг., а тюрк. (ср. кар.-балк. *ариу* в тех же значениях), как и *нар* «солнце», вариантами которого в тюрк. яз. являются *нюр*, *нур* «сияние, сияющий», откуда и *нирун* в сказании монголов, народа, сложившегося при смешении местных монголоидных племен (возможно, тунгусо-маньчжурских) с пришлыми с запада тюрками-европеоидами.

В одной из легенд о происхождении Чингис-хана, Алангу (Алангоа), в ответ на упрёки народа в незаконном рождении детей, просит приставить к ней трех стражей, поскольку ее муж Дуюн-Баян «предсказал, что перед новорожденным сначала появится светило, которое потом обратится в волка и уйдет». Так и поступили, приставив в качестве стражей Пшака (вариант: Кипшака), Еря и Одаша. Действительно, однажды с неба сошел

свет, а через какое-то время из юрты «вышел наружу серый волк величиною с лошадь, посмотрел назад и ушел в лес». Мы уже говорили, что отрицать сходство монг. и осет. сказаний нельзя. Вопрос только в том, откуда оно и где появилось впервые, и как попало и к осетинам, и к монголам.

Т. А. Гуриев приводит и другие аналогии в сюжетах, по его мнению, едва ли случайные (что представляется верным):

1. Героиня называется *Алань-гоа*, т. е. красавица Алань. – Героиня называется *Дзерассае-раесугъд*, т. е. красавица Дзерасса.

2. Алан-гоа родилась в «чистой воде» (монг. *арик-усун*, С. А. Козин считал это названием местности). – Дзерасса – дочь Донбеттыра, морского владыки (ср. кар.-балк. *ариу-суу* «чистая вода», букв. «красивая вода»).

3. Алан-гоа стала женой младшего из братьев, который сам сосватал ее. – Ахсартаг сам спустился за Дзерассой в подводное царство.

4. Мужем Алан-гоа стал Добен-мерген, принявший образ волка. – Вторым мужем Дзерассы стал Уархаг-Волк.

5. До Алан-гоа у Добен-Мергена была другая жена. – До Дзерассы у Уархага была другая жена (мать Ахсара и Ахсартага).

6. Муж Алан-гоа умер. – Муж Дзерассы умер.

7. Алан-гоа зачала от света, спускавшегося в юрту с неба. – Дзерасса зачала от небожителя, явившегося к ней в склеп в виде света.

8. Перед этим явлением Алан-гоа просит посторожить ее юрту, и сторожей было трое. – Дзерасса просит троих сыновей посторожить ее склеп.

9. От луча Нирун у Алан-гоа рождается три сына, один из которых становится ханом. – Дзерасса рождает щенка, жеребенка и девочку, в будущем лучшую из женщин нартов.

10. Сын Алан-гоа становится родоначальником прославленного рода богатырей. – Шатана становится «матерью» самых прославленных нартов.

Вместе с этой легендой, как полагает Гуриев, в осет. эпос вошел не только термин *нарт*, «но еще и ряд сюжетов и несколько важнейших имен» (Гуриев, 1971, с. 78-83).

Чингис-хан, как ныне уже вполне ясно, – создатель тюркского государства, а не монгольского (сказания о его происхождении требуют отдельного анализа). Поэтому и в том, и в другом тексте явно просвечивают кальки с тюркского. Ср. сами:

а) имя первого из стражей (*Пишак*) – сокращенный этноним «кипчак, кипшак»; в тюрк. сказаниях о Чингисхане («Чингиз-наме») утверждается, что одним из стражей был именно кипчак (вторым – туркмен).

б) монгольское *шоно* означает «волк»; ср. кар.-балк. *шуна, шуа, шона* «луч».

в) волк, выходявший из юрты, был величиною с лошадь. Кар.-балк. *ат* – «конь», но и «имя»; *ит* (в башкир. *эт*) – «собака», *эгер, игер* «гончий пес» созвучно *иги эр* «добрый муж»; *кешене, кишене* «гробница, склеп» народноэтимологически разлагается на *киш, кеш, киши* «мужчина» и *эне* «спускаясь», а *эркек* «самец» – на *эр* «герой, муж» и *кёк* «небо, небесный; серый, синий, голубой»; *тай* «жеребенок» и «сходить (с места), уходить»; *къызлагъанды* «родила» совершенно неотличимо от искусственного *къызлагъанды* «разрешиться (от бремени) девочкой».

Вся эта вереница созвучий и привела когда-то сказителей (монгольского и осетинского), недостаточно хорошо знавших тюркский язык, к сочинению странного сюжета о рождении будущего императора от волка и рождении у мертвой женщины (от похотливого небожителя) девочки, собаки и жеребенка; сюжетов, в которых современные фольклористы напрасно будут доискиваться неких мифологических глубин, не ведая о том, что это следствие лингвистических недоразумений.

Напомним, что в осет. сказании Дзерасса зачинает в склепе, добавим и созвучие: кар.-

балк. *бастырыу* «хоронящий, закапывающий» и *Уастырдж* (а также *Барастыр*, имя владыки царства мертвых в осет. мифологии; кар.-балк. *бар* + арх. *астыра* - «всех хоронящий»; совр. *асыра*). Т. А. Гуриев предполагает, что в древнем мифе, предшествовавшем и монгольскому сказанию, и осетинскому, роль Уастырджи играл тотем-волк - Уархаг, женившийся на своей невестке, жене его погибшего сына Ахсартага. Но другие варианты эпоса называют не Уархага, а Бора, имя, напоминающее тюрк. *бори*, *бури*, *бёрю* «волк»).

МОНГОЛЫ ИЛИ ТЮРКИ?

Т. А. Гуриев обнаруживает ряд и других параллелей в монгольской легенде и осетинском сказании. Из сыновей Алан-гоа только один Бодончар стал обладателем необыкновенных качеств. Точно так же, по многим указаниям в текстах, в осет. эпосе настоящими нартами считаются только потомки Дзерассы (воинский род *Ахсартаговых*), которые никогда не противопоставляются нартам и ведут бесконечную войну с другим родом – богачей Бораевых. (Гуриев ошибочно считает, что «междоусобная борьба двух родов является одной из особенностей осет. «Нартиады», отличающей ее от других национальных вариантов эпоса (Гуриев, 1971, с. 86). Через весь кар.-балк. эпос проходит описание борьбы «смелых» Усхуртуковых, но не с «богатыми» Бораевыми, а с «умными» Аликовыми, родом жреческим).

К роду Ахсартаговых в осет. эпосе относятся Урузмаг, Сослан, Хамиц, Батырас, - герои, подобных которым другие роды не имели. Иногда говорится, что у Дзерассы было два сына-близнеца (Урузмаг и Хамиц) и дочь Шатана, иногда к ним добавляют и Сослана, а также хитреца-трикстера Сырдона. Но черт близости между Урузмагом и Хамицем в эпосе не обнаруживается, и, по мнению Гуриева, мотив близнецов «кажется искусственным». Он объясняет это тем, что из монг. эпоса был заимствован герой по имени *Хабичи* (внук Алан-гоа, сын ее младшего сына Бодончара, якобы получивший новое имя *Хамиц*) и надо было куда-то «пристроить» его. Поскольку *Хабичи* в монг. эпосе относился к «золотому роду» Нирунов, то и в осет. сказаниях его приписали к Ахсартаговым, хотя, как пишет Гуриев, *Хамиц* ничем, кроме женолюбия, не прославился.

Т. А. Гуриев попытался объяснить имя матери нартов (в осет. эпосе) – *Дзерассе*, которое не этимологизируется на материале осетинского и других языков народов Кавказа. Женой монгольского героя Бодончара, матерью его сына Хабичи, была захваченная им в плен женщина из племени Чжарчиут (Джарчиут, Джерчиут), матерью нарта Хамица – Дзерасса; «...перенос племенного или родового названия на человека, в данном случае на плененную женщину не может вызывать каких-либо сомнений: это весьма распространенное явление», т. е. жену Бодончара, вероятно, именовали «джарчиуткой». «Это название мы и считаем прототипом имени осетинской эпической красавицы Дзерассы. Фонетически осет. *Дзерассе* из монг. «Джарчиут, Джурчиут, Джерчиут» находит закономерное объяснение. Осетинский (аланский) заимствует первую часть монгольского слова, что, по закону полногласия, должно было дать «Дзараца» («Дзураца», «Дзераца». Эта форма в дальнейшем должна была «выправиться» в *Дзерассе*» (Гуриев, 1971, с. 120-122).

Конечно, Гуриев здесь сильно ошибается: не говоря уже об очень большой разнице в звуковом составе и форме двух слов (особенно в окончаниях), нужна была веская причина, по которой к монгольскому эпосу и языку стали бы восходить не только имена некоторых героев, но даже и имя их праматери, на которую, как думает Гуриев, перенесли и некоторые черты другой монгольской героини – Алан-гоа. По его мнению, имя Хабичи-Баатур было заимствовано осетинами вместе с именем его матери, хотя и считает это

«несколько необычным», оправдывая тем, что необычным было и происхождение Дзерассы и ее потомков. Кроме того, ничего мифологического в образе женщины-джарчиутки нет, в то время как образ Дзерассы мифологичен насквозь. Девочку, жеребенка и щенка Дзерасса родила уже в могиле, в склепе; поэтому думаю, что это несколько искаженное именование кар.-балк. богини земли Дауче – *Зер анасы, Жер анасы* «мать земли».

По мнению В. И. Абаева, именами монг. происхождения в осет. эпосе являются: «...Сайнаг-алдар – Саин-хан (Бату), Хъандзаргас – Хан-Чингис, Хаемиц, Батырас, Тогус-алдар, Елтаган, Маргудз»; Т. А. Гуриев добавил в этот список имена *Баедзаенаег, Арахъцау, Дзерассеа, Сохъыр-уаейыг, Тары фырт Нокар, Баелгъае* (Гуриев, 1971, с. 125).

Заметив, что стараниями Абаева и его самого удельный вес монгольских элементов в осет. эпосе неуклонно и непомерно повышался, Гуриев пишет: «Мощное монгольское влияние и перестройка всей структуры эпоса (! – М. Дж.) создали новую эпическую ситуацию; старые скифо-аланские герои вошли в родственные связи с героями заимствованных легенд, многие подвиги первых стали приписываться последним и т. д. Не этим ли объясняется и то, что «новый» герой Хамиц (т. е. заимствованный Хабичи. – М. Дж.) стал в один ряд с двумя самыми выдающимися героями древнего эпоса – Урузмагом и Сосланом?» (Гуриев, 1971, с. 117). Т. А. Гуриев забывает о своих же словах: «...старший, Урузмаг, является идеальным героем, в то время как Хамиц ничем не прославился, но зато имел явные пороки, осуждаемые в эпосе» (Гуриев, 1971, с. 97).

Затем, совершенно неверно объяснив несколько загадочных мест из осет. эпоса (см. ниже), Т. А. Гуриев возвращается к вопросу о характере монгольского влияния, видя при этом свою задачу «в показе глубины проникновения мотивов, внесенных монголами или появившихся под влиянием монголов». Конечно, 14 имен героев, объясненных В. И. Абаевым и Т. А. Гуриевым на основе монг. яз., среди которых имя матери нартов – Дзерасса, а также имена таких важных персонажей, как Хамыц, Батыраз, Бедзенаг, Арахцау, да еще и ряд мотивов и сюжетов – это многовато. Поэтому Гуриев пишет, вновь противореча себе и не приводя никаких аргументов: «Изучение алано-монгольских связей позволяет заметить, что стиль нартовского подвига (? – М. Дж.) в эпосе осетин сложился в скифо-аланскую эпоху и не претерпел существенных изменений в период татаро-монгольского владычества» (Гуриев, 1971, с. 155). К этим таинственным словам, в свете сказанного самим же Гуриевым о мощном монгольском влиянии и перестройке всей структуры эпоса, нам добавить нечего, да и незачем.

Несмотря на авторитет В. И. Абаева, его концепция не была принята многими осетиноведами. Она подверглась резкой критике, например, со стороны В. А. Кузнецова, как и утверждение Т. А. Гуриева, что влияние фольклора монголов в продолжение всего лишь одного столетия привело к *структурной перестройке* осетинского эпоса. Объяснение Гуриева, что вероятными импортерами легенды об Алан-гоа были аланы, служившие в монгольских войсках в Китае, по мнению Кузнецова, принято быть не может, поскольку «мы не знаем ни одного факта возвращения алан-асов из Китая на родину». Кроме того, легенду об Алан-гоа нельзя считать, как полагал Гуриев, «одним из наиболее полных проявлений монгольского влияния в осетинском эпосе», поскольку круг параллелей можно расширить, «минуя при этом монголов».

Проявив незаурядное исследовательское чутье, В. А. Кузнецов напомнил о кар.-балк. предании, упоминаемом у Г. Н. Потанина (оно было записано от князя Мурзакула Урусбиева венгерским ученым Жаном де Бессе в 1829 году): константинопольский патриарх отправил свою дочь Аллемели на остров, где она зачала от проникшего в окно луча солнца и родила необыкновенного сына. В. А. Кузнецов привел и другую параллель; английский путешественник Беллью упомянул в своем дневнике рассказ из

мусульманского сочинения «Тазкира Бахра-хан»: «В нем излагается история царской дочери Аланоры Туркан, которой ночью явился архангел Гавриил и впустил ей в рот каплю света. Через несколько месяцев она родила сына».

Отмечает В. А. Кузнецов и неправомерность возведения аланского титула *багатар* к монг. *багатур*, поскольку этот титул был известен у алан задолго до XIII в., и, в противоположность Гуриеву, ставит вопрос «не только о монгольских, но об общетюркских элементах и воздействиях на нартский эпос, обусловленных весьма длительными и глубокими контактами предков осетин с тюркоязычными степными народами: болгарами, аварами, гуннами, хазарами, печенегами, половцами». Односторонний подход к анализу эпоса, как пишет Кузнецов, «затемнил для исследователя весьма важный аспект темы – тюркский фонд заимствований в нартском эпосе осетин».

Монгольское влияние археолог не отрицает (слишком довлел над ним авторитет В. И. Абаева), но осторожно отмечает, что «монгольский и тюркские языки близки и, возможно, восходят к единому языку-основе», предупреждая, что, по этой причине, выделение «именно монгольских (а не тюркских) элементов в лексике нартского эпоса требует специальной лингвистической аргументации, дабы тюркское не выдать за монгольское». Со своей стороны заметим, что монгольские и тюркские не восходят к единому языку-основе; монголы и их язык сложились в результате смешения аборигенных племен (монголоидов) и пришлых с запада тюрков-европеоидов, чью лексику и впитал в себя монгольский; тюркский язык повлиял и на его строй.

Критики концепции Абаева-Гуриева о «монгольском влиянии» на сложение, ономастику и оформление нартского эпоса, вероятно, не поняли, что она была изобретена В. И. Абаевым (еще в 30-е годы XX в.) с одной-единственной целью – направить исследователей на ложный след, увести их в сторону от действительных создателей эпоса – тюркских предков карачаево-балкарцев (скифо-гунно-аланов) и осетин (дигоро-гуалотагауро-куртатинцев), благо, что в монгольском языке имеется огромное количество тюркизмов (только прямых кар.-балк.-монг. лексических параллелей Х. И. Суюнчевым выявлено более тысячи).

МОРЯ И ИХ ОБИТАТЕЛИ

Исследование географических названий, встречающихся в осет. эпосе, с одной стороны, облегчается тем, что ирановеды и осетиноведы достаточно давно заинтересовались этим вопросом, дав им ряд объяснений. Следует еще раз обратиться к монографии Ю. А. Дзицойты «Нарты и их соседи», информативно весьма насыщенной. Он приводит высказывание Г. М. Василевич, которое представляется бесспорным: «Одну из граней фольклора как исторического источника составляют этнонимы и топонимы. Они-то и бывают главными свидетелями исторических фактов, которые легли в основу тех или иных произведений». Ю. А. Дзицойты отмечает, что в литературе встречаются и необоснованные сопоставления и этимологии; причины подобных неудач заключаются, по его мнению, «в игнорировании данных исторической фонетики», «а также в изолированном освещении того или иного топонима и этнонима» (Дзицойты, с. 6). (Мы полагаем, что этих причин гораздо больше). Важность определения той географической среды, где разворачивается действие эпоса, подчеркивает и В. А. Кузнецов, справедливо считая, что «исследование географических (добавим к этому – и этнических) терминов нартского эпоса может пролить свет как на историю создателей эпоса, так и на историю самого эпоса» (Кузнецов, 1980, с. 83).

В 1949 г. В. И. Абаев указывал, что «после иранских и кавказских тюркские элементы

составляют самую заметную и многочисленную группу староосетинской лексики», т. е. вероятно, лексики до включения в нее неологизмов. Читатель мог убедиться, что тюрк. заимствования в осет. яз., по выкладкам самого же Абаева, во много раз превышают в количественном отношении «кавказский вклад» (как и в топонимии). Но как обстоит дело в фольклоре? Это будет ясно из последующего анализа, пусть мы и не можем привести все имеющиеся данные.

Начнем с морской терминологии. В. И. Абаев в ОЯФ уже касался этого вопроса, в поисках указаний на северный путь предков осетин, и, разумеется, нашел.

1. Обстановка действия героев – равнина (*быдыр*), «притом весьма часто - в соседстве с морем (*денджиз*) или большой рекой (*фурд*, *форд*). Море нередко называется по имени: *Сау-денджиз*, *Саденджиз* «Черное море».

Но остается вопрос: почему даже в осетинском эпосе море называется по-тюркски (*денджиз*), если речь в нем идет об «ираноязычных» скифо-аланах, проживших в степях у Черного моря и Каспия несколько столетий?

«Благодаря соседству с крупными реками и водными бассейнами возникли представления о подводном царстве и его владыке Донбетре и происхождении эпических героев из водной стихии». «Для исконных горных жителей такие представления были бы совершенно необъяснимы» (Абаев, ОЯФ, с. 51). Но ниже Абаев пишет иное: «Термины, связанные с передвижением по воде, т. е. названия различного вида плавучих средств и их частей скудно представлены в современном осетинском. Есть данные думать (по материалам эпоса и дигорского диалекта), что когда-то эта терминология была довольно богата, но, благодаря долгой оторванности от крупных водных бассейнов и рек она постепенно утрачивалась и забывалась» (Абаев, ОЯФ, с. 54-55). Осетиноведы утверждают, что дигорцы-скифы пришли на Кавказ и заселили горные ущелья раньше «иронцев-алан». Но здесь Абаев говорит, что именно по материалам дигорского диалекта можно делать заключение, что эта, связанная с передвижением по воде, терминология «была довольно богата»! А как же тогда быть с «долгой оторванностью»?

Имя «владыки подводного царства Донбеттра», по объяснению Абаева, означает «водный Петр» - якобы это отражение образа апостола Петра, который был рыбаком, а потому в мифологии осетин стал владыкой вод. Но этих самых «водных петров» в осет. мифологии видимо-невидимо, они есть у каждой реки, источника, озера и пр., и как они именовались до того, как аланы приняли христианство (в X в.), никому неизвестно. Или представления об этих мифологических существах принесли христиане? К тому же в мифологии есть и другой повелитель водной стихии – *Гатаг* (*Батаг*). Поэтому апостол Петр здесь ни при чем. И если морская терминология в осет. яз. в какие-то мифические времена «была довольно богата», почему было не привести побольше примеров? В кар.-балк. мифологии богиня вод именуется *Дамметтир* «влаготворительница» - от *там эттир* (ср. *там* капать, *тамгъа* пятно, *тамычы* капля, капель, и пр.); кроме того, точно так же называется птичка, живущая у воды (спутница богини) – оляпка.

В качестве компенсации Абаев выдвигает предположение о том, что в языке скифов слово *форд*, *фурд* означало «море»: «Название большой реки, *фурд*, безупречно соответствует старому названию реки (Прут?) *Пората*, которая на карте блаж. Иеронима названа «Аланской рекой» (*Аланус флувиус*). На берегах ее долго существовало аланское (ясское) население, главный город которого до сих пор носит их название: Яссы» (Абаев, ОЯФ, с. 47). На первый взгляд, все благопристойно: осет. *фурд* означает «большая река; море», но второе значение сохранилось только в фольклоре, почему-то заменившись тюрк. *денджиз*. *Фурд* весьма близко к названию реки Прут, и аланы там жили.

Но никаких иран. соответствий этому гидрониму Абаев не обнаружил, и, как всегда, предположил: «Может быть, связано со скифским названием реки *Прут*, которое звучало,

по Геродоту, *Пората*). И далее: «Можно считаться с двумя возможностями: либо собственное имя «Прут» стало употребляться как нарицательное «большая река», - нам приходилось отмечать аналогичное употребление в ос. иронском *Терк* (река Терек), а в дигорском *Ираф* (река Урух) в значении «большая река» вообще, - либо *пората* уже в скифском означало нарицательно «река», но закрепилось за Прутом (как *дану* – за Доном). До-скифская история слова остается неясной. Совмещение значений «большая река» и «море» обычно. Араб. *бахр*, как и перс. *дарья*, значит не только «море», но также «большая река»; ср. также ведийское *синдху* «река», «море». Из осет. идут инг. *форд*, чеч. *хорд* «море» (дигорская огласовка!)» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 1, с. 486).

На почве индоиран. языков гидроним не этимологизируется; «до-скифская» история слова неясна; что оно означает и чье оно – неизвестно. Поэтому Абаев выдвигает еще одно предположение: аланы, жившие на берегу этой реки, запомнили чье-то название *Пората* в значении «большая река, море» и унесли его на Кавказ. Здесь они почему-то забыли второе значение слова («море») и переняли тюрк. *денджиз*, а *фурд* передали чеченцам и ингушам, причем первым – в дигорской огласовке, а вторым – в иронской. Другой вариант объяснения еще более неубедителен: у скифов, наверное, имелось слово *пората*, означавшее «река», оно, наверное, закрепилось именно за этой рекой, но последующие насельники ее берегов, наверное, исказили ее предположительно скифское название в Прут. Сами осетины, возможно, исказили его еще сильнее, в «фурд», и, возможно, передали чеченцам и ингушам.

Если мы примем эту вереницу предположений, то сможем сделать настоящее открытие: значит, ираноязычными предками осетин являются именно те аланы, которые когда-то проживали на берегах реки Прут. Допустить вариант третий Абаев не смог: осетины-иронцы, поселившись на Кавказе в конце XVII в., переняли у тюрков-автохтонов тюрк. слово *тенгиз*, а в качестве обозначения большой реки - чечено-ингуш. *форд* (именно по их территории протекает река *Фортанга*). Но через два десятка лет Абаев уже уверенно писал, возражая Хюбшману, считавшему ос. *нау* корабль заимствованным словом: «... если учесть, что предки осетин были хорошо знакомы с морем (*фурд*, *денджиз* «море», *Сау денджиз*, *Саденджиз* «Черное море» многократно упоминается в нарттовском эпосе), то можно с большой долей вероятности предположить оригинальность слова *нау* в осетинском» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 2, с. 162). Это мнение неубедительно, поскольку в качестве доказательства хорошего знакомства предков осетин с морем предъявляются три слова и все – заимствованные.

Может быть, в эпосе положение лучше? Вот ближайший пример – сказание «Симд нарттов» (записанное в 1904 году). Одного из героев зовут *Орузмаг* (ср. кар.-балк. *Ёрюзмек*), его коня именуют *Арфан* (от кар.-балк. *тарпан*, *тарфан* «скакун, верховая лошадь»), гора, на которой нартты пляшут симд – *Бештау* (тюрк. «пять гор»), а красавица Акула (от кар.-балк. *акъкъол* «белорукая»), к которой едут свататься нартты, живет, как сказано, «между Кара-морем и Ак-морем» (Нарты, кн. 2, 1989, с. 262-263) – в осет. тексте - *Къара денджиз*, *Акъ денджиз*. И все это - в зачине сказания, занимающем десяток строк! Нет в осетинском языке и своего названия Каспийского моря, оно именуется по-русско-тюркски – *Каспийы денджыз*, как и Азовское – *Азовы денджыз* (от тюрк. *азау* «угол, угловое, тупик, тупиковое» (кар.-балк. назв. Каспийского моря – *Хазар тенгиз*, *Хазнар тенгиз*, Азовского – *Азау тенгиз*).

Попытку выявить в осетинском фольклоре морскую терминологию (отсутствующую в языке) предпринял Ю. А. Дзиццойты. Прежде всего он объясняет причину того, почему водных духов (донбеттыров) много. По его мнению, «все жители подводного царства именуются *донбеттырта*, букв. «относящиеся к роду Донбетра» (но это мн. число, а в родовых окончаниях присутствуют другие суффиксы, *-он* или *-ти*, *-ты*. – М. Дж.); по

словам информаторов, «донбетры водятся только в морях», «в реках же Осетии водятся только «девы вод». Но тогда неясно, почему в имени «хозяина моря» звучит слово *дон* «вода, река», а не «море», и почему *Донбеттыр* не имеет внятного объяснения на осет. («водный Петр» или «речной Петр» - это народная этимология, не более)?

Далее, полагая, что из его предположений с несомненностью следует вывод, сделанный В. И. Абаевым («в эпоху создания эпоса осетины-аланы жили по соседству с морем или с большими реками»), Ю. А. Дзиццойты постарался распределить функции мифологических существ: *Донбеттыр* – хозяин моря, «и, возможно, больших рек», *Доффа* – хозяин рыб «и всех рек, в которых водится рыба», *Гаемаг* – хозяин родников (Дзиццойты, с. 234). Но сам В. И. Абаев такого распределения обязанностей в осет. мифологии не усматривал, вероятно, потому, что в текстах указаний на это нет; и, например, в словаре терминов Б. А. Калоев пишет: «Гатаг – отец Сырдона; по некоторым вариантам – владыка рек» («Сказания о нартах», Цхинвали, 1981, с. 397).

Далее Дзиццойты приводит несколько терминов, которые, по его словам, «встречаются только в языке эпоса», «их этимологии не выяснены». О чем речь? Оказывается, у донбеттров, жителей подводного царства, имелись не то лодки, не то корабли:

Наууат – букв. «место для корабля», т. е., по мнению автора – «гавань»; следовательно, «лодка донбеттров была кораблем», о чем говорят и названия различных деталей лодки (*донбеттры* были еще и моряками?).

Саетаенвадаен «передняя часть, которая открывалась и служила входом».

Сатаенхабраг – «приспособление для пришвартовывания и одновременно трап».

Каефгом – «порог двери».

Раемп – «специальный короб для хранения флага».

Сатаенварс – «морской берег».

К сожалению, автор не сообщает, из каких именно текстов он взял эти термины и как он выяснил столь точно значение этих слов. Ю. А. Дзиццойты ссылается далее на мнение Б. Н. Гракова: «Во II веке до н. э. как нечто вполне привычное, появился у скифов даже флот. Он служил для борьбы с пиратами с того времени, как скифские цари стали интересоваться заморской торговлей, особенно хлебом. Флот состоял, конечно, из греков, прежде всего союзных и полуподчиненных ольвийцев». Не соглашаясь с таким «слишком категоричным утверждением», Дзиццойты предполагает: «Скифский флот мог хотя бы частично состоять из самих скифов», и приводит слова, показывающие, по его мнению, хорошее знакомство нартов с морем и встречающиеся только (или преимущественно) в эпосе:

Уырбын – «морское дно» (ср. кар.-балк. *ырбын* «угол, тупик, неприметное место»; *ырбынга тыяргъа* «загнать в угол, в тупик»).

Джелдон заехх – то же.

Кроме того, в осет. яз., как утверждает Дзиццойты, есть несколько названий для дельфина (вероятно, не зная, что *каеф* «рыба» осет. словом не является):

Аергъаеукаеф – букв. «перламутровая рыба». Но вряд ли дельфина можно назвать так; это кар.-балк. *ыргъай* «лосось» + *каеф* «рыба». Кроме того, еще в 1958 году В. И. Абаев сомневался, означает ли слово *аергъаеу* «перламутр»: «*аергъаеу* (в фольклоре) «перламутр»(?)» (ИЭСОЯ, т. 1, с. 177);

галгаеф букв. «бык-рыба»; но и оно вряд ли относится к дельфину, к тому же *гал*, как пишет Абаев в ИЭСОЯ, не осет. слово; ср. кар.-балк. название сома – *бугъа балыкъ* «бык-рыба»;

дойнаг гал «водный бык» (ср. кар.-балк. *суу ёгюз* «водный бык», мифологическое существо, вероятно, мифологизированный образ сома, возникший из неправильного осмысления его названия – *бугъа балыкъ* «рыба-бык» (Джуртубаев, 1991).

Думать, что это названия дельфина нельзя, ввиду того, что кожа дельфина не отликает перламутром; трудно усмотреть в нем и сходство с быком. Два других термина верны, но являются не осетинскими, а карачаево-балкарскими:

Саемскаф – по признанию Дзиццойты, термин «*саемс* на иранской почве не этимологизируется»; поэтому, следуя традиции иранистов отыскивать самые экзотические решения, он рассматривает его как «заимствование из балтийских языков» и сопоставляет с литовским *шамас* и латышским *самс* «сом». Заимствование произошло, по его мнению, в верховьях Днепра, где «североиранцы» соседствовали с носителями балтийских языков. Но как «прибалтийский» сом, обитатель пресноводных рек, попал в соленое Черное море и почему вдруг превратился в «дельфина»? Разумеется, только по причине очередного переноса; Дзиццойты говорит об этом таким тоном, словно сам принимал участие в процессе очередного «перенесения»: «Усвоив название сома в Верхнем Поднепровье, скифы перенесли его на дельфина и в этом значении включили в язык своих сказаний» (Дзиццойты, с. 240).

Хорошо, согласимся с тем, что «скифы-иранцы» заняли у предков латышей и литовцев термин *самс* «сом». Но почему они называли этим словом дельфина? Не лучше ли было им перенести название «балтийского сома» на своего сома, «североиранского», пока еще безымянного? Потому что потом пришлось занимать его название на Кавказе: «*Локьо* «сом», *Silurus glanis*. Из груз. *локьо* «сом» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 2, с. 47). Конечно, никакого отношения осет. *саемскаеф* ни к прибалтам, ни к их сомам не имеет. Это одно из двух кар.-балк. названий дельфина (*семиз балык*): от кар.-балк. *семиз* «жирная» + *каеф* «рыба».

Пятое название дельфинов – *донгуссутае* (мн. ч.), которое, по Дзиццойты, означает «водные коровы», – по аналогии с англ. *соуфиш* «серый дельфин», букв. «корова-рыба» (все бы хорошо, но в осет. «корова» – *хъуз*), в ед. числе – *донгуссу*. На самом деле, это второе кар.-балк. название дельфина – *суу тонгуз* «водная свинья» (с перестановкой частей). «Водными свиньями», насмехаясь, нарты кличут морских чудовищ (в кар.-балк. сказании о странствии нарта Карашауа).

Беркаф «какая-то крупная рыба, жиром и молоком которой питается нарт Батраз перед закалкой» (Дзиццойты, с. 236), значение слова неясно. Конечно, неясно: первая часть термина, *бер*, от кар.-балк. *бёрю* «волк» + осет. *каеф* «рыба», это полу-перевод кар.-балк. названия акулы – *бёрю балык* «волк-рыба». Свой перечень Дзиццойты заканчивает выводом, не особенно убедительным в свете приведенных выше данных: «Богатая морская и мореходная лексика (? – М. Дж.) нартского эпоса осетин является блестящим подтверждением слов В. И. Абаева о том, что в эпоху создания эпоса предки осетин (уточним: не аланы, а скифы и сарматы) жили по соседству с морем», т. е. в Южнорусских степях и имели выходы к морю» (Дзиццойты, с. 239).

ГИДРОНИМЫ

В 1949 году Абаев пишет, что в «эпосе упоминается также река *Идиль* – Волга» (ОЯФ, с. 47). Да, упоминается. Но почему, опять-таки, у нее название тюркское? Ведь иранцы в лице скифов и алан увидели Волгу на 1000 лет раньше тюрков (если верить «академической» истории), когда, по Абаеву, активно общаясь с угрофинскими племенами, шли на Кавказ из Средней Азии северным путем. Объяснения этому странному факту Ю. А. Дзиццойты не нашел, и ограничился очередным предположением: «Поскольку в эпосе Волга считается «нартской» рекой, можно было ожидать, что в прошлом она имела оригинальное осетинское название, вытесненное впоследствии тюркским заимствованием. Г. А. Дзагуров обратил внимание на один сюжет осетинского

эпоса, в котором встречается гидроним *Нарти устур дон* «Большая (Великая) река нартов», замещающий гидроним *Эдил* «Волга» других вариантов этого же сюжета. На этом основании Г. А. Дзагуров сделал вывод о тождестве «Большой реки нартов» с Волгой». При этом Ю. А. Дзиццойты уверяет, что в осет. эпосе сохранилось название Днепра – *Арфадан* (как мы помним, В. И. Абаев тоже уверял, что Днепр – от иранского *Апрдон*), и что под инверсированным названием «большой реки нартов» (*дану устура*) может подразумеваться не Волга, а Днестр (Дзиццойты, с. 104-105).

Но дело не только в том, чтобы выяснить, как ту или иную реку называли «североирански», а в том, почему свои названия заменились на тюркские. И не только Волги, но и Кубани. И Терека. И Гизельдона. И в том, например, почему в каталанском языке эта река тоже называется *Эдиль* (как и в древнепольском). Или по дороге на запад злые гунны приказали аланам забыть «североиранское» название великой реки? И опять обращает на себя внимание, что соседние народы упорно не желали занимать географические названия у ираноязычных племен – только тюркские; таким непонятным упрямством, например, отличились и адыги, о которых Дзиццойты говорит, что все крупные объекты нижнего течения Кубани (кроме самой реки) в адыгском эпосе носят заимствованный характер: «Особое значение имеют тюркизмы *Темэн*, *Иузэв* и *Тен*, т. е. Тамань, Азовское море и Дон. Эпос они занимали у осетин, а топонимы и гидронимы – у тюрков» (Дзиццойты, с. 103). Заключение исчерпывающее: адыги перенимали осетинское сказание, оставляли сюжет в целостности и сохранности, но упоминавшиеся «североиранские» топонимы обязательно заменяли тюркскими. Но зачем они так поступали – неизвестно.

«В нескольких сказаниях ареной событий является *Тарагъайы быдыр*, Тьмутараканская равнина. Гораздо чаще мы видим нартовских героев на *Куми-быдыр*, Кумской равнине» (Абаев, ОЯФ, с. 47). Почему первый топоним идентифицирован Абаевым как Тьмутараканская равнина, мне выяснить не удалось. Но если предки осетин жили в степях Северного Кавказа, почему оба этих эпических названия опять не «североиранские», а тюркские? Во всяком случае, Кума: *кум*, *кам*, *кем*, *хум*, *хем* и т. д. в тюрк. языках означает «река», и по всему тюркскому миру протекает множество рек и речек с такими названиями (или компонентом). Для примера - старое название селения В. Баксан - *Юч-кум-ель* «трехречное село» (здесь сливаются три реки). Или хакасское *Улуг-хем* «большая река».

Уайс название реки: за Уарпским хребтом на берегу реки Уайс жил в своей крепости князь Уасби» (Дзиццойты, с. 223). Объяснения нет. Владелец крепости носил явно кар.-балк. имя: *Ууас-бий* «святой князь». Гидроним, восстанавливаемый в *Уай-су*, возможно, от кар.-балк. *Бай-суу* «божья река». Возможно, имелся в виду какой-то поток, рядом с которым находилось древнее и почитаемое святилище.

К общенартовскому фонду относятся, как пишет Ю. А. Дзиццойты, немногие из гидронимов центральной части Кавказа:

Арык (в осет. и кабард. сказаниях) – название реки, озера, и невысокого кряжа, «соответствующего названию реки и холмистой местности в Кабарде»; в адыг. эпосе встречаются также также топонимы «Нижний Арык» и «Верхний Арык». «Топоним *Арык* – несомненный тюркизм» (Дзиццойты, с. 86).

«Намного чаще упоминается в нартиаде гидроним «Терек». Герои осетинского эпоса в Тереке (*Терк*, иногда «Кара-Терк») купают своих коней». «Соединившись с этнонимом *турк* «турки», этот гидроним дал название легендарной стране *Терк-Турк*» (Дзиццойты, с. 86). Автор почему-то не отметил, что оба гидронима – тоже несомненные карачаево-балкарзмы: *Терк* - «быстрая», а *Къара Терк* – «Большой Терек» (в низовьях), букв. «черный».

«В осетинском эпосе встречается гидроним *Баелк* – название реки, впадающей в

Терек. Другой фонетический вариант этого гидронима сохранился в парном сочетании *Талк аемае Балк* «Талк и Балк» - название какой-то страны, функционально соответствующей названию легендарной страны *Терк-Турк*; в осетинском эпосе упоминаются еще «страна *Малк*, выходцем из которой был герой Маргудз», и другой приток Терека – *Араф* (Дзицойты, с. 86). Автор почему-то и в этот раз не говорит, что гидроним *Балк* – явный тюркизм, это кар.-балк. название реки Малка – *Балыкъ*.

То, что многие эпические топонимы в осет. эпосе относятся к Прикубанью, по В. А. Кузнецову, объясняется тем, что эта часть Алании была развитой во всех отношениях, а потому и стала «той почвой, на которой складывались многие сюжеты нартских сказаний». В подтверждение археолог приводит следующие данные: по кабард. материалам, нарты населяли верховья Кубани и Кубанскую область; по адыгейским, они жили на Кубани и на левом берегу Лабы; в абазин. эпосе говорится, что нарты обитали в районе Нарт-Сана (Кисловодска) и долины рек Кубани и Зеленчуков; «Нарты родом из Кубани», - заявил В. И. Абаеву абхазский сказитель Хагба Смаил; то же самое отмечают и современные ученые (Кузнецов, 1980; с. 92). К этому же мнению пришел и первый кар.-балк. фольклорист С. Урусбиев: «Местом действия Нартов служила по преимуществу Кубанская область и вообще весь Северный Кавказ до реки Волги, которая очень часто упоминается в этих сказаниях под именем Эдила» (КБФДЗП, с. 57).

Ю. А. Дзицойты пишет: «Здесь (в Прикубанье. – М. Дж.) происходят действия многих сюжетов не только у карачаевцев, черкесов, абазин и абхазов, но и у картвелов и осетин. Казалось бы, в эпосе осетин, живущих в наше время в центре Кавказа, большая часть эпической топонимии должна быть связана с Центральным Кавказом. На деле оказывается, что и по количеству, и по значимости «кубанская» топонимия осетинского эпоса превалирует над прочей топонимией. Создается впечатление, что в районе верховий Кубани находился один из наиболее мощных центров эпосотворчества средневековой Алании, влияние которого распространялось на соседние регионы». Даже в одном из вайнахских сказаний говорится, что нарты *Эрстхо* - орстхойцы-карабулаки - жили в старину на западе, у Эльбруса (Дзицойты, с. 61).

Ю. А. Дзицойты исходит из «предполагаемого культурно-территориального деления исторической Алании», которая «состояла из Западной (нынешняя Карачаево-Черкесия), Центральной (нынешние Кабардино-Балкария и Северная Осетия) и Восточной (часть нынешней Чечено-Ингушетии) областей, а также – ряда периферийных районов Закавказья. Западная Алания была для остальных частей культурным и политическим центром». Следовало бы, в таком случае, ожидать, что «кубанская» топонимия в осет. эпосе окажется иранской. Правомерен вопрос: как осетины называют Кубань? Оказывается, по-кар.-балк., но почему-то в русском произношении – *Кубань*. В кар.-балк. яз. она имеет несколько названий, и все тюркские: *Уллу Кам* «большая река» (обычно так именуют ее верховье), *Къобан-суу* (возможно, от *къобхан* «разливающаяся, поднимающаяся»). *Хоб*, старинное именование реки, скорее всего, также тюркское – от *коб-суу* «многоводная», откуда и грузинское именование карачаевцев – *овс, овси*, т. е. «кубанцы».

Наше мнение подтверждается и выводом другого автора, согласно которому *Къарачай* является названием Кубани, поскольку означает «большая река», букв. «черная» (Мизиев, 2009, с. 503). Отсюда и этноним *къарачайлы* – «кубанец». Почему же предполагаемые предки карачаево-балкарцев (кипчаки), которые якобы тюркизировали западных алан, не переняли у них «североиранское» название Кубани, если эти «алан-иранцы» поселились там веков на 15 раньше и их было, надо думать, гораздо больше, чем беглых кипчаков?

Как утверждают ирановеды, чуть ли не все крупнейшие реки Восточной Европы – Дон, Днепр, Днестр, Прут, Дунай – имеют иранские (скифо-сарматские) названия; за сотни лет

никакие смены населения к их переименованию не привели. На Кавказе «ираноязычные скифо-аланы» поселились, как считает академическая история, намного раньше, чем турки, и их восточная часть сохранила свой язык. Тогда непонятно, почему в этом языке изменились названия всех морей и почему тюркскими стали названия крупнейших рек Северного Кавказа – Терек (Терк), Малка (Балыкъ), Чегем (Чегем), Койсу (Къойсу), Сунжа (в ист. документах – Сюйюнча), Баксан (Бахсан; есть реки с таким названием в Крыму и в Киргизии), Кубань (Къобан), Кума (Кума)? Или турки, перейдя Волгу, стали переименовывать реки именно этого региона (а также и моря), но постановили прочую иранскую гидронимию Восточной Европы оставить в неприкосновенности? Полагаю, что если «алано-осетинскими» не являются названия крупных рек Кавказа (и даже некоторых рек Осетии), то не являются таковыми и Дон, и Днестр и др.

ПОТЕРЯННЫЕ ОРОНИМЫ

Уарп - в осет. эпосе «название реки, крепости, равнины или долины, поляны»; говорится также об *Уарп-алдаре* и его жене *Уарп-ахсин* (Кузнецов, 1980, с. 83). Но встречается и как название горы, а в одном тексте даже говорится, что это название горы Эльбрус. Локализации и идентификации *Уарпа* В. А. Кузнецов посвятил несколько страниц своей книги. По его мнению, это окрестности реки Уруп, притока Кубани. Уже Ю. Клапрот поместил упоминаемую в осет. сказаниях крепость *Уарп-фидар* на этой реке, а осет. просветитель Г. Шанаев отождествил с ее долиной местность Уруп из эпоса. Г.-Ю. Клапрот сообщал, что ногойцы называют ее Уарп или Арп; кабард. просветитель Ш. Б. Ногмов именует ее Орпом; на немецкой карте Кавказа Георга Трайтеля р. Уруп названа Арп, а на старых картах Кубанской области отмечен населенный пункт Уарп.

«Уарп-фидар» В. А. Кузнецов склонен идентифицировать с Ильичевским городищем, имевшем мощную систему укреплений вокруг поселения (на водоразделе между ущельями рек Уруп и Кува). По его мнению, река была западной границей Алании, на которой часто происходили военные столкновения, что и отразилось в осет. сказании о взятии нартами (Хамыщем или Батразом) крепости Уарп. Владелец этой твердыни именуется то Уарп-алдар, то Сайнаг (Кузнецов. 1980, с. 84-86).

Разумеется, В. А. Кузнецов уверен, что в этой местности обитали «алано-осетины» и что «нарты» - их эпический «псевдоним». Нарты сближаются впоследствии с Уарп-алдаром и он даже становится побратимом Урызмага. «Однако создатели нартского эпоса ясно сознают разницу между ними и никогда не причисляют Уарп-алдара к нартам – если Урызмаг живет среди нартов, то Уарп-алдар со своей супругой Уарп-ахсин - на небе» (Кузнецов, 1980, с. 86). Получается, что этот феодал стоит гораздо выше нарта Урызмага – как-никак небожитель. (Правда, в осет. эпосе нарты ведут себя с небожителями весьма панибратски). Выскажу одно предположение. Недалеко от верховий Урупа находятся местность и озеро Теберда, кар.-балк. *Теберди*, которое кар.-балк. ученые считают стяжением из *Тейриберди* «Богом данное» или «Небом данное»; поэтому в песнях и преданиях местность именуют *Шам Теберди* «Священная Теберда». Возможно, власть правителя крепости на реке Уруп распространялась и на Теберду, что и осталось в памяти дигорцев, соплеменников карачаево-балкарцев.

Уарыпп в осет. эпосе выступает в качестве названия разных географических объектов – крепости, равнины, гор, хребта, вершины, подножия горы, кургана; этот топоним в осет. сказаниях представлен лучше, чем в других национальных вариантах. Далее Дзицойты дает этимологию топонима: «Формы *Уарп*, *Уарыпп*, *Уалыпп* отражают производную форму *вапр(и)йа /вар(и)уа-* «нечто, относящееся к холму, к берегу реки» (Дзицойты, с. 64). Но если осет. *Уарыпп* это конкретная и реально существующая в нынешней

Карачаево-Черкесии река *Уруп* и ее окрестности, почему она должна была называться «нечто, относящееся к холму»? Или, еще более странно – «к берегу реки»? Как же быть с самым главным – рекой?

Объяснение восхищает: «В осетинском эпосе река Уруп известна как просто *дон* «река», а в некоторых сказаниях она превращена в минеральный источник – *Уарыппы суар* «Уарпский минеральный источник» (Дзиццойты, с. 63). А как же называются в осет. яз. простые источники? Смотрим в ОРС: «*суадон* (мн. *суадаетае*) – 1) источник; родник, ключ». Нетрудно заметить, что осет. *суар* и *суадон* – это просто производные от общетюрк. *суу* «вода, река» (ср. также кар-балк. *сугъар* «орошать»). Но почему осетины запомнили не свое название Кубани, а ее притока *Урупа*?

Говоря о популярности топонима *Уарп* в осет. эпосе, Ю. А. Дзиццойты сообщает, что в «Царциатских сказаниях» «вершина Уарп» выступает местом обитания небожителей. «Ту же роль выполняет эта гора в песенном фольклоре. Гора *Уарп* выступает в качестве осетинского Олимпа и в нартовском эпосе». «В другом сказании на вершине Уарп живет «небесный повелитель Уарп». И, в заключение: «Этот факт лишний раз подтверждает вывод В. Ф. Миллера о том, что на этой территории, до прихода сюда адыгов и тюрков, т. е. до татаро-монгольского нашествия, жили предки осетин – аланы».

Интересно и другое: «В дигорских сказаниях осетинский Олимп переместился на гору *Уаза*»; гора с таким названием есть в Осетии (Дзиццойты, с. 63-64). По мнению иранистов, носители дигорского диалекта проживали в Западной Алании, а в Восточной (в нынешней Осетии), до всеобъясняющего «монголо-татарского» нашествия, жили иронцы. Стало быть, дигорцы, ныне живущие рядом с Балкарией, перенесли свой Олимп в Осетию, на восток, а иронцы, ногой в Западную Аланию не ступавшие, оставили его в Карачае (Уарп-Уруп)!

В осет. фольклоре «относительно часто встречается топоним *Куырыпп* (вариант: *Курп*, *Къурп*)», в качестве названий вершины и равнины. «Обычно на Курпской вершине (? – М. Дж.) обитают небожители, иногда – «Покровитель степей» (? – М. Дж.), реже – одна из жен небожителя Уасгерги». «Этот топоним следует сравнить с гидронимом *Курп* – притоком Терека, а также с топонимами «Верхний Курп» и «Нижний Курп» в Кабардино-Балкарии». «...покровитель степи в осетинской мифологии в одних сказаниях обитает на не весьма высокой Курпской вершине, в других – в местности *Таэтаертупп* «Татартуп»; Курп и Татартуп – смежные области».

Далее Ю. А. Дзиццойты отмечает отсутствие общенартовских топонимов (т. е. встречающихся в нескольких национальных вариантах Нартиады) югоосет. происхождения, объясняя это тем, что в средневековые осет. население на юге, конечно, было, но центральная часть Кавказа не играла такой важной роли, как Западная Алания, а Южная Осетия и вообще являлась глухой окраиной. Отсюда очередной и ничем не объясняемый перенос: «Такие высочайшие вершины Кавказа, как Эльбрус и Казбек, не стали сакрально значимыми в осетинском эпосе, как это произошло, например, с Уарппской вершиной. Если брать только осетинский эпос, то не Казбек и не Эльбрус, а горы *Уаза* и *Курп* стали теми единственными горами центральной части Кавказа, которые приняли в эпосе функции осетинского Олимпа» (Дзиццойты, с. 81).

Поверить в это трудно. Ни один народ, веками живущий у подножия Эльбруса, Казбека и других пятидесятников Кавказа, не стал бы размещать свой Олимп в предгорьях или на невысоких горах. Кроме того, напомним, что все нартоведы отмечали важную роль Прикубанья в контексте нартских сказаний. Но здесь мы сталкиваемся с фактом, можно сказать, вопиющим: в осет. яз. нет своего названия горы Эльбрус! Я готов принять любые объяснения того, почему осетины «забыли» слова, обозначающие «конь, суслик, зубр, море, степь» и пр., и пр., но как можно было забыть название высочайшей

вершины Европы, находящейся в трех часах езды от Владикавказа? Но чудеса продолжаются: «Балкарское название Эльбруса в форме *Менгитау* («вечная гора». – М. Дж.) проникло в язык осетинских вариантов эпоса; встречается оно всего один раз. В осетинском эпосе находим еще одно название для этой горы – *Цатыбаерзонд* «Вершина Цат», также заимствованное из балкарского языка. Сюда же – русское название этой горы *Шат*» (Дзиццойты, с. 81). (Кар.-балк. *шат тау* – «ясная гора», *цат (чат) тау* – «раздвоенная гора»).

Как говорится, необъяснимо, но факт: у карачаево-балкарцев (чьи тюркские предки якобы убежали в окрестности Эльбруса на 1300 лет позже «алан-осетин», на 2000 лет позже «скифов-осетин» и на 2700 лет позже «кобанцев-осетин») – несколько десятков названий этой горы (все тюркские), у «алано-осетин» – ни одного! И ни одно чужое название Эльбруса в кар.-балк. язык не проникло – ни в виде наследия их «алано-осетинского субстрата», ни в виде заимствования. Кого же надо считать автохтонами Кавказа? Разве не должны были «пришлые» тюрки заимствовать у местных «ираноязычных алан» названия рек и гор?

Но на деле заимствовали не карачаево-балкарцы, а осетины, которым приходится выяснять (в 1992 году!), как же именовали «ираноязычные скифо-аланы» огромную гору, которую видно за сотни километров: «В осетинском эпосе встречается еще ороним *Дываердагъ* «Двускладчатая». Это название вполне могло бы подойти двуглавному Эльбрусу. Если так, то последний ороним следует признать исконно осетинским названием этой горы» (Дзиццойты, с. 81). Остается от всей души поздравить автора, как и всех иранистов мира с великим открытием, пусть и, мягко говоря, сильно запоздалым. Только вот перевод не кажется удачным: у Эльбруса ясно обозначены две вершины, которые складками назвать трудно.

Вернемся к горе Уаза, на которой дигорцы располагали своих небожителей. Что на ней происходило, по осет. эпосу? С ее вершины нартты бросали камни; на ней произошел бой между нартом Тотрадзом и Барсаговым колесом (символом солнца); на вершине Уазского холма пребывает покровитель огня *Зындзыбар-дуаг* (ср. с именем великанши, матери нарта Карашауая в кар.-балк. эпосе – *Зинзиуар*); на ней жил герой Батрадз, которого Дзиццойты считает «единственным нартом, имеющим отношение к горе Уаза». Поскольку его связь с ветром и грозowymi мифами была хорошо показана Дюмезилем, Дзиццойты полагает, что название горы восходит к др. иран. *ваз-*, ср. тадж. *вазидан* «дуть» (о ветре), др. инд. *ваха* «ветер» и пр. «Следовательно, гора *Уаза* – это обитель Ветра». В подтверждение Дзиццойты приводит слово *уаейыг* «великан, людоед», образ которого восходит, по В. И. Абаеву, к образу древнеиранского бога ветра – *Вайю*; и, поскольку связь между двумя словами давно утеряна, «можно себе представить, насколько древни представления о горе Уаза»; якобы поэтому на ней, согласно сказанию, жили четыре брата-великана (Дзиццойты, с. 83-85).

Хотелось бы спросить: почему с горой Уаза у осетин связаны представления об обители ветра, если «ветер» в осет. – *дымгъа*? Но и другое слово, *уад* «вихрь, буря; ветер» с названием *Уаза* ничего общего не имеет. Не вызывает доверия и этимология Абаева, возводящая наименование великанов-людоедов к имени древнеиранского бога ветра (почему именно к нему?). Все эти несообразности объясняются тем, что речь идет об одной и той же горе – Эльбрусе; некоторые кар.-балк. названия горы сохранялись, при заимствовании осетинами, в их исконной форме, но другие осмыслялись и переводились на осет. язык неправильно. Одно из кар.-балк. названий Эльбруса – *Уаз Къабакъ* «Святые врата» (из-за раздвоенной вершины), другое – *Нар Къабакъ* «солнечные врата»; считалось, что в седловине Эльбруса есть невидимая башня (*Нар къала*), в которой солнце отдыхает перед заходом (Карачаево-балкарские мифы, с. 469). Ср. также второе название

священного, запретного для войн и набегов месяца - *Тотур* (март-апрель) в кар.-балк. календаре – *Уаз ай* «святой месяц; месяц проповеди» - превратившееся в одно из названий обряда колядования, проводившегося в дни весеннего равноденствия (когда начинался Новый год) – «*Озай*». Это же слово – *уаз* – в форме *Уаза* стало у осетин названием другой горы, в Осетии.

Открытое Дзиццойты «исконно осетинское название Эльбруса» (*Дываердагъ*) – может оказаться и десакрализованным переводом кар.-балк. *Уаз Къабакъ* («Святые врата»): осет. *дуары* «дверная» + тюрк. *дагъ* «гора». Возможно, отсюда же кабард. название Эльбруса: *Уаз Къабакъ* – *Уаихомахо*. Еще два названия горы Эльбрус (например, в кар.-балк. эпосе) – *Алп тау*, *Алф тау* «богатырская гора» и *Ала тау* «светлая гора». Осетины-иронцы, заимствовав непонятные оронимы, поняли их по-своему, увидев в них свою указательную частицу *уалае* «вот» (о предмете, находящемся наверху) или послелог *уаелае* «над, наверху, сверху, на». Соединение осет. и кар.-балк. слов и привело к появлению оронима *Уалыпп*, *Уарыпп*, *Уарп*, которое осетиноведы необоснованно посчитали названием реки Уруп в КЧР, невзирая на то, что река с таким названием в осет. эпосе не встречается. *Уруп* – усечение кар.-балк. *Уруп келген* «текущая с напором, бурно». Таких сложных топонимов, гидронимов, оронимов и пр. в кар.-балк. языке очень много.

Таким образом, оронимы *Уаза* и *Уарпп* осет. эпоса следует считать названиями горы Эльбрус. Понятно, почему на ней располагалась обитель небожителей; и почему владетель крепости *Уарп-фидар* жил на небе – еще одно кар.-балк. название Эльбруса – *Тейри тау* «небесная гора». Что касается близкой к Осетии невысокой горы Курп, то, вероятно, сказители перепутали его с Уарпом. Кстати говоря, в двух дореволюционных записях осетинских сказаний говорится, например: «Сын Нокара Ахса-Будай жил на вершине Уарппа (Эльбруса)»; нарт Урызмаг, преследуя чернобурю лисицу, «настиг ее под Уарппом (Эльбрус) и убил» (Нарты, 1989, кн. 2, с. 375; с. 439), т. е. старики еще помнили, что это название горы. Оба сказания записаны Г. Дзагуровым в Дигории у одного из лучших сказителей – Кертибия Кертибиева. Однако ученые-иранисты стали поправлять сказителей: им надо было привязать осетинский фольклор к Прикубанью (основной территории Алании), и вот Т. А. Хамицаева пишет в глоссарии к академическому изданию эпоса: «*Уарпп* – вершина горы, на которой находился Холм игр; здесь проходили состязания героев (в эпосе). Название соотносится с названием реки Уруп, притоком Кубани» (Нарты, т. 3, с. 168). Каким образом название горы стало соотноситься с названием реки, понять трудно.

Но почему «алано-осетины» не поместили небожителей хотя бы на Казбеке, второй по высоте вершине Кавказа, нависающей над Осетией, а предпочли оставить их на Курпских высотах или вообще на равнине? И тут выявляется, что в осет. яз. нет своего названия и второй высочайшей вершина Кавказа, под которой расположена столица Северной Осетии-Алании. Только в самом конце своей монографии Дзиццойты сообщает, что осетинское название Казбека – *Саена*, и сопоставляет ороним с др. инд. *сану* «вершина», «гребень горы», «горный хребет» (Дзиццойты, с. 252).

Но тогда совершенно непонятно, почему об этом названии ничего не знали ни В. И. Абаев, у которого в РОС гора Казбек не упоминается вообще, ни составители ОРС, в котором мы находим не *Саена*, а все то же *Хъазыбеджы хох*. И почему в эпосе, как пишет сам же Дзиццойты, «ороним *Къазбеджи хонх* единственный раз встречается в языке осетинского эпоса»? (Но в кар.-балк. сказаниях гора Эльбрус упоминается часто; несколько раз встречается и название Казбека – *Къазман тау*). Тюркскими (карачаево-балкарскими) являются названия и всех пятидесяти тысяч Кавказа. В. И. Абаев и другие иранисты уверяют, что в осет. эпосе и языке сохранилась память о Древнем Риме, Византии, Боспорском царстве, монголах и Китае, но не могут сказать, как назывались на

«скифо-иранском» самые заметные объекты ландшафта Северного Кавказа – горы, реки, моря, степи, животные-эндемики (зубр, тур), а «мировой науке» до этого нет никакого дела. Полагаю, что терпеливый читатель уже ничему не удивляется.

ГОРЫ И СТРАНЫ

Бештау «в осетинском эпосе носит два названия – *Бестауи туппур* «холм Бестау» и *Бестауи барзонд* «вершина Бестау». В некоторых сказаниях эта гора «проходит в одном ряду с такими нартовскими горами, как *Уаерпп* и *Уаза*», нарты пляшут на ее вершине и там же «обитал один из популярнейших небожителей осетинского пантеона – *Уорс Елиа* «Белый Илья». Поэтому, по мнению Дзиццойты, «северокавказские степи нельзя рассматривать как территорию просто смежную со страной нартов». Но вот еще одна из бесчисленных закавык на извилистых путях иранистов: «Топоним *Бештау* заимствован из тюркских языков (сразу из всех? – М. Дж.), где этимологизируется как «Пять гор», откуда и русское название *Пятигорск*» (Дзиццойты, с. 124).

В одних случаях Пятигорье соотносится с тюрками, в других – с «нартами», которые иногда даже пляшут на вершине Бештау. Как быть? Следует ссылка на З. Н. Ванеева, который считал, что с севера и северо-востока границы Алании были открытыми, и что здесь сталкивались разные племена. Теперь Ю. А. Дзиццойты все понятно: «В раннем средневековье тюркские племена вытеснили алан из района Пятигорья, и вплоть до XIV в. здесь было устойчивое тюркоязычное население». Федоров Я. А. и Федоров Г. С., например, считали свидетельством пребывания тюрков в данной местности не только данные археологии и письменных источников, но и топонимику – *Бештау*, *Есентуки*, предполагая, что «именно здесь формировалось ядро карачаево-балкарского народа» (Дзиццойты, с. 124).

Заключение Дзиццойты оригинально: «В тех сказаниях (осетинских. – М. Дж.), где речь идет о Пятигорье как месте обитания осетинских богов, эпос хранит память о дотюркском, аланском, этапе этнической истории этого района» (Дзиццойты, с. 124). Почему? Потому что аланы – это «североиранцы». Но, в таком случае, почему осет. эпос не сохранил, вместе с именами богов, и осет. название самих гор, где они обитали? Кто и как навязал всему Кавказу тюркское название этой местности? Если в недалеком Пятигорье поселились тюрки, «алано-осетинам» совсем необязательно было забывать его иранское название. Но что, если этого названия никогда и не было, а божества жили на горе *Бештау* просто потому, что их поселили на ней тюркские сказители, до заимствования эпоса иронцами-иранцами?

После этого неудивительно прочитать у Ю. А. Дзиццойты следующее: «...герой Асаго жил и действовал на горе *Стур хонх* «Большая гора», находящейся рядом с горой *Бештауи баерзонд* «Вершина Бештау», а родители его жили в Гори»; Сатана ночь проводила в крепости Гори, «а днем уходила в Нартовское селение». И, заключение: «Создается впечатление, что все пространство от горы Бештау до крепости Гори представлялось нартам единым непрерывным континуумом» (Дзиццойты, с. 100). Все бы замечательно, но эти герои «алано-иранского» эпоса, странствуют между двумя местностями, одно из которых имеет грузинское название, а другое – тюркское, причем вторая расположена в самом центре «нартского континуума».

Уон – дед нарта Батраза, томившийся в плену у чудовища *Кандзаргаса*; но в двух вариантах сказания о женитьбе героя это не антропоним, а название горы (*Уон* или *Онна*), за которую предка Батраза унес крылатый Кандзаргас. Ю. А. Дзиццойты пишет: «Непонятный топоним *Уон* со временем превратился в имя деда Батрада, вопреки хорошо известной генеалогии, а затем упоминания об Уоне, как о самостоятельном герое,

стали появляться и в других сказаниях». Но что это за горы? Ю. А. Дзиццойты сопоставляет *Уон* с др. инд. *вана* «лес, роща, густой лес», авест. *ван* «дерево», сак. *банхья* «дерево». Вывод: осет. *Уон* означает «лесистая гора», а так как топонимов с основой *вон* в Осетии нет, то его функционирование «в осетинском языке приходится на докавказский период истории осетинского языка», и относится к территории «арийской прародины». Следовательно, речь должна идти о Северных Увалах на Урале (якобы Рипейских горах) – логика весьма странная. Оттуда предки осетин якобы продвинулись на юг, в безлесные степи, где это слово заменилось на *гаед* «лес; бревно» (Дзиццойты, с. 217-219).

Как показывают данные иронского языка (включая неологизмы), его носители никогда не жили ни у Северных Увалов, ни на Чукотке, ни даже в Причерноморье. Поэтому речь должна идти о Кавказе. В кар.-балк. яз. числительное «десять» – *он* (произносится *уон*). Следовательно, в тюрк. сказании говорилось, что чудовище унесло старого нарта «за десять гор» (*уон таудан*), что и было понято осетинами при усвоении эпоса как название какой-то горы или гор. Менее вероятно, что это название какой-то местности, означающее «Десятигорье» (аналогично *Бештау* – «Пятигорье»).

Ахохайы хох «гора Ахох», **Ахох денджиз** «море Ахох». «Последний топоним встречается в паре с **Къарие денджиз** «Черное море», что послужило основанием для признания в компоненте *Ах* интересующего нас топонима татарского слова *ах* «белый» (Дзиццойты, с. 221). Если бы Дзиццойты опознал в *ах* не татарское, а тувинское, уйгурское или хакасское слово, было бы еще занятнее; о других тюрках, живущих к осетинам гораздо ближе, автор не вспомнил (осетиноведам следовало бы поразмыслить о причинах своего недоверия к языкам кумыков, ногайцев и карачаево-балкарцев). Из четырех приведенных выше слов только одно является осетинским – *хох* «гора»; в паре с тюрк. *Акъ* «белая» оно дало слитное *Аххох* «белая гора». *Акъ тенгиз* «Белое море» – общетюрк. название Средиземного моря (в пару к Черному – *Къара тенгиз*).

Странное объяснение дает Дзиццойты и орониму **Капишыйкай, Капишкый** (названию горы, с которой в адыг. эпосе на богатыря Сосырыко скатывали огромный камень), считая его заимствованным «из дигорского (западноосетинского) *Капкай* «Кавказ» (Дзиццойты, с. 82-83). (Добавим, что *Капкай* – это и кумык. название Владикавказа). Ороним *Капишыйкай* адыг. сказания никакого отношения к *Капкаю* не имеет, речь идет о горе *Къапчагъай* (от *къаишпакъ* *къая* «нависящая скала»; ср. *къаишпакъ* «навес») в Чегемском ущелье Балкарии.

Дайбо «название горы, на которой, согласно одному сказанию, нарти и Борадзаовы погибли от мора» (Дзиццойты, с. 222). Объяснения у автора нет. В стародавние времена у многих родов и племен имелись свои склепы, пещеры, горы, где хоронили усопших; по рассказам стариков, во время эпидемий, чувствуя, что уже заразились, люди сами уходили в склепы и в пещеры и умирали там. Возможно, название горы от кар.-балк. *тайпокъ* «племя-род» (слитное произношение двух слов – *тайпа* «племя», *окъ* «род») + *тау*: «гора племени-рода».

Секи лагаает «пещера Сек» служит входом в обитель подземных духов» (Дзиццойты, с. 222). Объяснения на почве осет. яз. нет. В кар.-балк. фольклоре упоминаются гномы, именуемые *зек*, *жсек*. Они живут под землей, в пещерах, занимаясь добычей руды и кузнечным делом; именно они закалили тело нарта Сосурука; это, вероятно, полу-перевод кар.-балк. *зек дорбуну* «пещера гномов».

Сех название горы, встречается в проклятиях «пропади на вершине Сеха», «чтоб ему пришлось скитаться на вершине Сех», «падая, идти тебе по вершине Сех»; в одном сказании хитрец Сирдон утверждает, что он вонзил стрелу на вершине Сехского хребта. Этот эпический топоним Дзиццойты сопоставляет с названием горы Сех (на Памире), «апеллятив которого означает «кол», разъясняя смысл проклятия – «ходить по вершине

горы, заостренной, как кол – это непременная смерть»; но апеллятив *Сех* в осет. не сохранился (Дзицойты, с. 222). Скитаться по заостренной, как кол, вершине памирской горы, конечно, занятие весьма рискованное, но вряд ли возможное, даже для нартвов; поэтому, на наш взгляд, прав был Б. А. Алборов, сопоставивший *сех* с грузин. *чехи* «седло». Вероятно, имелась в виду седловина горы Эльбрус.

Дзелмаи уаейыг – «Дзелмский уайыг» (великан. – М. Дж.); «компонент *Дзелмае* не поддается ни этимологизации, ни идентификации»; ср. название горы в Северной Осетии – *Заелму* (Дзицойты, с. 219). Ср. кар.-балк. *жылмы, зылмы* «молодой лес».

Циуалтасае – местожительство великана Нокара, название местности в Осетии (Дзицойты, с. 219). Значение топонима автор не раскрывает. Кар.-балк. *чауул, цауул* «груда хвороста и щебня; завал из бревен и камней», *цауул таила* «груда камней»; *чууал, цууал* «груда камней, завал; каменистый».

СТРАНЫ И ГОРОДА

Нарты в осет. эпосе совершают дальние походы, сражаются с целыми народами и племенами, но при этом состоят всего из трех родов и живут... в одном селе на склоне горы (или в трех)! Б. А. Калоев в примечаниях к изданию эпоса говорит: «А л а г а т а – один из трех важнейших нартских родов, живший в селении Средние Нарты. В селении Верхние Нарты жил род Ахсартаггата, третий род – Бората – жил в Нижних Нартах» («Сказания о нартах», 1981, с. 396). Т. А. Хамицаева пишет (в комментариях к академическому изданию): «Осет. *Аертае нарты* – букв. «Трое Нартов»; имеются в виду «Три (фамилии) Нартов», «живущих в трех селах нартвов, либо в трех кварталах Нартовского села» («Нарты», книга 3, 1989, с. 8). То же самое говорит и Т. А. Гуриев: «Известно, что нарты делились на три рода – Ахсартаггата, Алагата и Бората. Каждый род занимал особый квартал – Верхние Нарта, Средние Нарта и Нижние Нарта». Речь идет о кварталах одного селения. Но, по Гуриеву, из этих трех кварталов состоит... целая страна: «В Нартистане были и общенартовские институты, помещения, площадь и т. п.» (Гуриев, 1991, с. 101). Понять это трудно: была у нартвов страна (если Гуриев упоминает «Нартистан»), в которой имелось много помещений и всего одна площадь, или только одно селение, состоявшее из трех кварталов и неопределенных «институтов»? Или страна все-таки была, но сказители зачем-то и почему-то ужали ее пространство до размеров одного горного склона? Думается, дело в другом.

В кар.-балк. нартском эпосе богатырское племя живет в большой стране *Нарт Эль*, в котором много селений, есть и города, и священная территория, которая и мыслится ее центром (*Сибилти, Къыркъ суу* – район Кавминвод). Из анализа текстов следует, что Аликовы живут у Черного моря, Усхуртуковы – у Хазнарского (Каспия), Бораевы и Индиевы на Кубани и Тереке (по некоторым деталям). Например, нарт Карашауай из рода Аликовых сначала купается в Черном море, а оттуда едет к Усхуртуковым на их ежегодные скачки, к Хазнарскому морю; Усхуртуковы едут на охоту с берегов Волги (*Эдиль*) в Тебердинское ущелье (Карачай) и т. п. (см. Джуртубаев, 2004). В кар.-балк. яз. слово *эль* имеет четыре значения, в зависимости от контекста – «селение; общество; народ; государство»; при усвоении эпоса осетины-иронцы поняли этот термин как «селение», отчего и получилось в осетинском эпосе, что его жители были способны воевать с целыми народами и странами.

Калд – крепость, которая принадлежала правителю Уангуру (враждовавшему с нартами и в котором Дзицойты видит персонификацию тюркского племени оногуров); по другому варианту, она принадлежала нартам. Ю. А. Дзицойты локализует ее в равнинной зоне совр. Карачаево-Черкесии. В абхазском эпосе встречается название

крепости *Кадла-Швадла*, первая часть представляет, «по всей видимости, искажение из *Кадла-Швадла*». Значения названия автор не дает (Дзиццойты, с. 66). Возможно, из кар.-балк. *къатлы* «имеющая ряд (стен)».

Бызгуани уаейыг – «Бызгуанский ваюг», имя великана в одном сказании. Ю. А. Дзиццойты сопоставляет *Бызгуан*, считая его неясным, с названием страны *Базгун* у Псевдо-Захария Ритора и *Базкан* «Армянской географии» (Дзиццойты, с. 219). Скорее всего, это название балк. общества и ущелья – *Бызынги*, недалеко от Осетии. Кстати говоря, безенгийские балкарцы считались среди своих соплеменников самыми рослыми.

Дурагонком – страна карликов-*бицента* (в которых многие осетиноведы почему-то видят мифологизированный образ печенегов, см. ниже). Ю. А. Дзиццойты выделяет в этом названии *ком* «ущелье», корень *дур* сопоставляет с авест. *дура* «далекий, далеко», и усматривает в слове два суффикса – *аег* и *он*. В целом, по его мнению, это авест.-осет. слово означает «Далекое ущелье». Описания *бицента* в осет. сказаниях, как жителей далекого ущелья в текстах мне неизвестно; заметим также, что в исторических источниках печенегов малорослыми никто не называет.

В названии этой страны нам видится искаженное название реки: кар.-балк. *туура* «видная, лежащая на виду, открытая» + *кам* «река»; в осет., вероятно, произошло включение *дон* «вода, река» (изменившееся в *гон*) после прилагательного, но сохранилось и *кам*, в форме *ком*. Возможно, *Тура-кам* – одно из тюрк. названий Днестра (*Тирас*, *Турес*, от тюрк. *тура-су*). Ср. топоним *Дураегом* (в другом осет. сказании), которое Дзиццойты переводит как «Дура-ущелье», и *Дураегом-баестae* «страна Дурагом», в которых элемент-вставка *дон* отсутствует; следовательно, речь идет о Поднестровье, где и жили печенеги, один из самых западных тюркских народов.

Гуынды калак «город гундов», в который Урузмаг совершает поход; его правитель носит титул *Гуынды маеликк* «правитель гундов». «В других сказаниях встречается форма *гуынтае* «гуны». Здесь правитель гунов является зятем эпизодического героя Маргуза, а его владения носят название *Гуынты баестae* «Страна гунов». В другом сказании гуны, объединившись с чинтами, напали на страну Нартов». А. Х. Биазров связывал этот этноним с гуннами, с чем соглашается и Ю. А. Дзиццойты (Дзиццойты, с. 194).

Малкъ – страна, из которой происходил нарт *Маргуз*; скорее всего, это усеченное название соседнего с Осетией балк. общества – *Малкъар*. (К мнению Ю. А. Дзиццойты присоединяемся и мы).

Уыртауфен название страны недалеко от страны *кибитов* (Дзиццойты, с. 223). Объяснения автор не дает. Кар.-балк. *орта* «срединная, лежащая в центре», вторая часть, *фен*, объяснению не поддается; или, м. б., от кар.-балк. *ёр туюбю* «под кручами» – «предгорья»? (О *кибитах* см. ниже).

Чууана – крепость, которая упоминается в нескольких вариантах нартиады; еще С. Урусбиев указывал, что этот замок находится у слияния рек Теберды и Кубани (Карачай). Ю. А. Дзиццойты сопоставляет с осет. топонимом *Цуани къуылдым* «Цуанский холм» (букв. «холм, на котором охотятся»), предполагая, что в основе эпического названия «также лежит осетинский апеллатив *цуан* «охота» (Дзиццойты, с. 68). На самом деле это совершенно разные слова. Известно, что церкви в средневековье часто строили на местах древних культовых сооружений. *Чууана*, *цууана* в кар.-балк. яз. означает «святилище; высота, возвышение» (откуда, видимо, и русское «чваниться»); на месте древнего святилища, на высокой горе (возле нынешнего города Карачаевска) аланами была построена мощная башня, перестроенная затем в христианскую церковь, сохранившуюся до наших дней (поэтому карачаевцы до сих пор называют ее не *Чуана килиса* «Чуанинская церковь», а *Чууана къала* «Чуанинская башня»; устное прим. Ю. Атаева);

русифицированное произношение – Шоанинский храм.

Хыз - название крепости; по мнению В. А. Кузнецова, имеется в виду некий объект, располагавшийся на территории Карачая, в верховье рек Большой Зеленчук и Кяфар; именно здесь встречается наибольшее количество наименований, содержащих элемент *хыз*: реки *Хыздыш* (*Кизгич*), *Хызчора*, *Хызынчик*, горы *Хызынчик* и *Хизчерцахро*, сюда же примыкает *Архыз*. Крепость Хыз, возможно, находилась там, где ныне станица Сторожевая, или городище на горе Шпиль. По осет. сказаниям, крепость принадлежала алдару по имени Хиз (Хыз) и его сыну Челахсартагу. Была взята нартом Батразом (Кузнецов, 1980, с. 83).

Хиз – название равнины. А. Х. Базырову принадлежит «интересное наблюдение об отражении имени хазар в нартском эпосе в форме «хыз», «хоз»; «прежде всего в названии «Хызы быдыр» - Хызская равнина, равнина хаз-ов». Его вывод представляется В. А. Кузнецову заслуживающим внимания, ввиду фонетической близости двух этих слов, что «делает возможной и их семантическую связь». Аргументов в пользу такого мнения у Кузнецова всего два: владетель крепости Хиз и его сын живут недалеко от нартов, но к их числу не принадлежат, хотя и присутствуют на пирах богатырей; следовательно, они оба «являются фольклорной персонификацией средневекового народа хазар»; «равнина Хиза» – Хазарская степь; осет. *хазайраг*, якобы «невольник, раб, крепостной», согласно В. И. Абаеву, восходит к этнониму *хазар* (Кузнецов, 1980, с. 109).

Но даже если это так, то почему этноним принял, в одном случае, форму *хазайраг*, а в другом появилось усеченное *хиз*, *хоз*, *хуыз*, *хыз* (см. ниже)? Ю. А. Дзицойты допускает, что крепость Хыз, упоминающаяся только в осет. эпосе, есть иное именование крепости *Чуана*, в Карачае (Дзицойты, с. 68), что тоже не очевидно. Ее владельцем часто называют *Челахсартага* (кар.-балк. *Гиляхсыртан*), именуемого сыном Хиза. Но, касаясь причины различий в именовании одного из тюрк. племен в осет. эпосе (ирон. *агуыр*, дигор. *Агез*, *Айгез*, *Агузнае*) и, вопреки мнению большинства осетиноведов, считая, что «западные аланы (асы) в языковом плане были ближе к современным иронцам, нежели к дигорцам», Ю. А. Дзицойты упоминает весьма примечательный факт: «...сказания о Хизской крепости, локализуемой в районе нынешней Карачаево-Черкесии, представлены в иронских вариантах эпоса, но отсутствуют в дигорских. Как они могли распространяться через голову дигорцев, так что даже не задели их, можно только догадываться: очевидно – через равнинную Аланию» (иранисты считают, что на территории нынешней Карачаево-Черкесии жили именно дигорцы). По его мнению, сказания о крепости Хиз, якобы расположенной в Карачае, имелись у тамошних алан-иронцев, расселенных и по равнине вплоть до гор Осетии; дигорцы же обитали юго-восточнее этой дуги, по которой сказания проникли к восточным иронцам (но неужто дигорцы не общались бы с иронцами, живя на одной с ними территории?). В качестве доказательства своего предположения автор приводит абазин. *псынч* «ярмо», якобы заимствованное абазинами у иронцев, термин которых (*аефсондз*) ближе к нему, чем дигор. *аефсой* (Дзицойты, с. 190); каким образом ирон. *аефсондз* превратилось в абазин. *псынч*, он не объясняет.

На наш взгляд, топоним *Хиз* не имеет никакого отношения к Прикубанью, как и осетины-иронцы. Они пришли с юга в XVII – XVIII вв. и принесли с собой память о какой-то неприступной твердыне в горах Ирана. Тюркам-дигорцам, которых они застали в нынешней Осетии, она не была известна, а потому и не вошла в их сказания, но иронцы, заимствуя у тюрков-автохтонов нартский эпос, включили в него и этот топоним. На мысль о происхождении иронцев с юга наводят и другие данные. В осет. эпосе много раз упоминается «степь *Зилахар*» или «поле *Зилахар*», где нарты собираются на состязания и даже охотятся. Г. Шанаев, собиратель эпоса, пишет (в 1876 г.): «Предание говорит, что

Зилахар-быдыр находится в Турции недалеко от города Токата, где происходили нартовские игры». «Предание утверждает, что Хызова твердыня находится в скале между городами Токатом и Зилой». «Хызов фидар – твердыня, укрепление. Как говорит осетинское народное предание, находится в Турции в г. Амасей... Развалины этой твердыни и теперь еще стоят на скалах Амасея. От этих развалин до р. Амасей идет подземный ход с каменными ступеньками. Эти развалины осетины, по преданию, относят к твердыням Хыза. По рассказам очевидцев, р. Амасей относят к фурду, тихо текущей воде, на которой устроена паромная переправа». По сказаниям, у нартвов рода Бората была огромная пушка. В нее, вместо ядра, зарядили булатнотелого Батраза, и он пробил стену крепости Хыз. Г. Шанаев пишет: «Эта пушка, по преданиям, находится и теперь в г. Амасее в Турции, близ городов Тулхара и Самсона» («Нарты», кн. 2, 1989, с. 68; с. 71).

Заметим, что речь идет о северо-восточной части современной Турции, где, возможно, и находилась прародина части предков осетин-иронцев. Нет никаких оснований думать, что эти представления появились под влиянием рассказов осетин-мусульман, переселившихся в Турцию после русско-кавказской войны (в 60-70 годы XIX в.); переселялись, как говорится в исследованиях, в основном, представители верхов (и то неясно, в какие места); к тому же Г. Шанаев говорит о «народных преданиях».

«*Иелусан* или *Иелусанед* – страна, упоминающаяся в одном сказании, и «в которой протекает река *Иелусанетдон*». В. Ф. Миллер видел в этом названии искажение имени Иерусалима»; «судя по окончанию *-ет (-ед)*, этот топоним вошел в осетинский эпос через посредство грузинского языка» (Дзицойты, с. 115). Вс. Ф. Миллер пишет также, что на его вопрос, где было место Иелусанед, рассказчик сказал: «Это такое место: когда бог создал людей, то они вышли из Иелусанеда» (Нарты, т. 3, с. 70). Иелусанетдон – вероятно, река Иордан.

«В числе стран, в которые нартвы совершают походы, упоминается загадочная страна *Луаны заехх*, название которой образовано от несохранившегося в самостоятельном употреблении этнонима *луан*». Добираются до нее нартвы через безводную, голую степь, в которой светит палящее солнце, а земля местами переходит в песок по колена. Правит в ней *маеликк* – араб. «князь, правитель». Автор заключает, что «речь идет о какой-то южной стране» и что под именем *луан* скрывается какой-то южный народ. Встречается и упоминание «луанской пещеры». По мнению одного из информаторов, *Луан* – это страна алдара (правителя) и находится на востоке от Кизляра в сторону гор. Луанцев «называют еще *буронтае*» (см. ниже), среди них и находилась страна Луан. Объяснение, предлагаемое Дзицойты, следующее. Поскольку Кизляр – это название местности и населенного пункта на севере Дагестана, то луанцы должны были жить в горах Дагестана; но там народа с таким названием нет; да и в сказаниях говорится о безводных степях, а не о горах. Поэтому под эпическими луанцами скрывается древний народ, живший в Кавказской Албании, занимавшей, согласно Страбону, значительную часть Грузии, Армении, Азербайджана и Дагестана (Дзицойты, с. 126–127).

Отождествление страны *Луан* с закавказской Албанией античных источников доверия не вызывает. По эпосу, в стране Луан был очень жаркий климат и песок по колена, а правил в ней царь с арабским титулом *малик*, что трудно считать указаниями на Закавказье. На наш взгляд, это *Ливан*, попавший в осет. эпос из проповедей грузинских миссионеров (или из рассказов паломников-дигорцев в Мекку), в качестве названия какой-то далекой южной страны, как и упоминаемая в сказании «Луанская пещера», и название Иерусалима – *Иелусанед*. Эта страна не имела в фольклоре устойчивой локализации, поэтому ее стали располагать на равнинах Дагестана, где летом стоит сильная жара.

БАРГУН

Ю. А. Дзицойты в своей книге приводил и другие данные, свидетельствующие, по его мнению, о том, что упомянутые *луанцы* – это жители Кавказской Албании:

1. В одном из сказаний нарт Дзилау и его брат Болатбарзай сражаются с великанами, живущими в крепости *Адзадз*. Дзилау гибнет, а на помощь второму брату приходит нарт Бора, но и тогда они не могут одолеть врагов. На расстоянии трех дней от Нартов жил народ, правителем которого был некий *Баергуын* (*Баергуан*), сын Ноза, враг нартов. Собрав войско, он решил помочь великанам, но жители одного из селений, *Даллагкау* («нижнее селение»), отказались воевать с нартами. Тогда Баргун перебил в этом селе всех мужчин и отправился походом на Нартов. Но девицы селения во главе с некоей дочерью Зарисара (вар.: «дочь Даргавсара») собрались в «девичье войско», которое ударило с тыла по отряду Баргуна и перебило их. Предводитель великанов отдыхал ночью в «Луанской пещере». Дочь Зарисара отрубила голову Баргуна и насадила ее на шест над склепом, в котором были похоронены ее односельчане.

2. В другом сказании также встречается правитель Баргун, на дочери которого женится Сайнаг-алдар. По эпосу, страна луанцев находилась рядом со страной Баргуна. С жителями «Нижнего села» Дзицойты, вслед за В. А. Кузнецовым, конечно же, связывает амазонок. Как пишут античные авторы, амазонки вступали в связи с народом гаргареев; в языке цахуров, рутульцев и аварцев сохранилось слово *гаргар*, *гагар* «родственник»; Дзицойты сопоставляет с этнонимом *гаргареи* и ингушское *Гела* – название рода. Его вывод: древние албаны, алуаны, говорившие на вайнах. яз., – это *луанцы* осет. эпоса.

3. К вайнахам относит он и народ Баргуна, сопоставляя это имя с названием небольшого чеченского общества, жившего при впадении Сунжи в Терек. Грузинский историк Вахушти Багратиони именовал его *Бораган*. На одной из европейских карт Терек в этом месте назван *Барагун*. В осет. эпосе среди нартов известно родовое название *Бораегаентае*, это род, «функционально тождественный роду скотоводов и земледельцев Бората». Развалины золотоордынского города на р. Куме в некоторых случаях именовались *Бургун-Маджары*. В Осетии один из земельных участков носит имя *Баераегуын*. «Не исключено, что и имя отца Баргуна – *Ноз* связано с названием вайнах. селения «Ножай-юрт»; в нартских сказаниях вайнахов встречается имя *Чона Борган*.

Считая «народ Баргуна» вайнахоязычным, Дзицойты объясняет отказ жителей одного из их селений воевать с нартами (т. е. со скифо-сарматами) тем, что они к тому времени были сильно перемешаны с ираноязычными пришельцами, что и отразилось в осет. эпосе «в виде включения в число нартских родов рода Борагановых, выполняющего функции рода Бората» и в переносе (!) на луанцев родового имени *Буронтае*, варианта имени *Боратае*, родоначальник которого в одном сказании носит имя *Бурон-богач*. Причина желания Баргуна придти на помощь луанцам – возможно, указание на родственные связи вайнахов и албанцев. Склоняет Дзицойты к этой мысли и «наличие в селении *Алвани* в Кахетии бацбийцев, говорящих на нахском языке»; по преданиям ингушей, их предки пришли из-за снеговых гор и когда-то были «князьями Кахетии» (Дзицойты, с. 126-136) – но разве Албания находилась рядом с Кахетией?

Остановимся на предположениях Ю. А. Дзицойты о смешении вайнахов с «ираноязычными скифо-сарматами» (нартами), якобы из-за чего жители Нижнего селения и не хотели воевать с нартами. В 1872 году У. Лаудаев, один из первых чеченских исследователей, пишет: «Из чеченских преданий более прочих замечательно предание о нартах. Говорят, что Чечнею завладели неведомые до того времени чеченцам пришельцы, которых они называли нартами. Предание говорит, что они были керестанами, т. е. христианами. Они имели исполинский рост; часто представляют их одноокими, одетыми

с головы до ног в железную броню; вооружение их составляли: щит (*галкан* и *пхуниш*), меч (*тур*) и булава (*чонкур*)» («Поэма об Алгузе», 1993, с. 158).

Заметим, что *галкан* «щит» и *чонкур* «булава» - тюркизмы (ср. кар.-балк. *къалкъан* «щит» и *чонкур*, *чокур* «палица»; есть и имя собств. - *Чокур*). Это к тому, что тюркизмов в чеченском и ингушском гораздо больше, чем осетинизмов. Хочу отметить, что многие тюркизмы в этих языках имеют кар.-балк. огласовку, а не только кумыкскую и ногайскую, как ожидалось бы, учитывая территориальную близость кумыков, ногайцев и вайнахов. Если бы эти «пришельцы-нарт» были ираноязычными и активно смешивались с вайнахами, положение было бы иным. К тому же вайнахи называли нартами реально существующее тюркское племя, ассимилированное ими – *карабулаков*. К тому же осетины-иронцы живут рядом с чеченцами и ингушами, но ни те, ни другие их ни нартами, ни аланами не называют, как и остальные соседи.

Брагуны, Борганы, Бургуны, конечно же, не имеют никакого отношения к Закавказской Албании. Это было тюркское княжество, население которого после геноцида, учиненного Тамерланом в Алании, вошло в состав кумыков и чеченцев. (В кар.-балк. фольклоре есть историко-героическая песня «Чюерди», которая начинается словами «Из Борагана выезжали шесть всадников...»). Причина того, что правителю Баргуна якобы отомстило некое девичье войско, тоже понятна. Тюрк. название города *Кизляр* очень сходно с *къызлар* «девушки, девичье»: ср. *Кизляр аскер* «Кизлярское войско» - *къызлар аскер* «девичье войско». Вполне вероятно, что баргунов разбило войско правителя этого города, а вовсе не какие-то девицы из «Нижнего селения», вдруг исполнившиеся ратного духа и превратившиеся в умелых воинов (такое понимание сюжета увело В. А. Кузнецова и Ю. А. Дзицойты в длинные и совершенно неуместные рассуждения об амазонках, «матриархальных традициях савроматов» и их «отголосках» в фольклоре осетин).

Эти *баргуны* (авар-гунны), *бора-гунны*, вероятно, и дали название одному из нартских родов в эпосе – Бораевым; следует учесть взаимозаменяемость двух тюрк. слов, обозначающих «солнце» - *гун*, *кун*, *гюн* и *нар*: *бора-гунн* - *бора-нар*; последнее закономерно превратилось бы в *бора-нарт*. Границы страны нарттов в кар.-балк. эпосе очерчены весьма четко: от верхнего течения Терека к устью Волги, оттуда к Дону и Крыму, по Кубани к Кавказскому хребту и вдоль него к Казбеку; в центре этого прямоугольника – великое святилище в *Сибилти* или *Къыркъ-суу* «Сорокаводье», район Кавказских Минеральных Вод, Пятигорье (см.: Джуртубаев, «Карачаево-балкарский героический эпос», М., 2004; «Карачаево-балкарские мифы». Нальчик, 2007). Если род-племя Усхуртуковых однозначно локализуется у Хазнарского моря (Каспия), Аликовых – у Черного, то место жительства Бораевых и Индиевых ясно не указано. Вполне возможно, что первые располагались на Тереке, а вторые где-то северо-западнее.

НАРТЫ И ВАЙНАХИ

Топонимия восточной части Центрального Кавказа (современной Чечено-Ингушетии), как выяснил Ю. А. Дзицойты, представлена, и весьма обильно, только в вайнахских сказаниях. Автор еще раз подчеркивает приоритет «алан-иранцев» в создании эпоса: «Представляет интерес локализация нарт-орстхойцев (карабулаков. – М. Дж.). Сказители помнят о нарт-орстхойцах как о племени, занимавшем равнинную зону современной Чечено-Ингушетии, и лишь изредка помещают их в горах». Для определения этнической принадлежности нарт-орстхойцев, бежавших под натиском чеченцев за Терек, как считает Дзицойты, «достаточно указать, что название нарттовской долины «Гарма», раскинувшейся от «берегов Терека до Сунжи, имеет явно осетинское происхождение»; составители сборника сказаний пояснили эпический топоним так: «Гарма – «жаркая»

равнина», а в осетинском *гарм* означает «теплый». На этом шатком основании Дзиццойты делает вывод: «Следовательно, равнинные жители (нарт-орстхойцы) вайнахского эпоса, занимавшие почти всю плоскостную зону современной Чечено-Ингушетии, - это предки осетин – скифо-сармато-аланы» (Дзиццойты, с. 90-93).

К аналогичному выводу, как считает Дзиццойты, пришел и Г. В. Цулая, увидев «в антинарттовской направленности нарт-орстхойского эпоса вайнахов параллель к борьбе «таргамосианов», т. е. кавказских аборигенов, против «хазар», т. е. «ираноязычных скифов», в грузинской хронике «Жизнь картлийских царей». По мнению А. О. Мальсагова, гибель нарт-орстхойцев (в вайнах. эпосе) отражала победу местных богатырей над пришельцами-насильниками, в которых Дзиццойты усматривает «североиранцев», предков осетин (Дзиццойты, с. 90-93). Но выше он же отмечает: «...вайнахи-карабулаки носят имя нартского рода «орстхойцы». «Показательно, что карабулаки-орстхойцы жили в районе реки *Мартан* – правого притока Сунджи» (Дзиццойты, с. 38).

Автор не принимает во внимание хотя бы следующие факты и соображения:

1. Если нарт-орстхойцы вайнахского эпоса это «ираноязычные аланы», то почему чеченцы и ингуши, живущие с осетинами рядом, а кое-где и чересполосно, не называют нартами осетин? Или, скажем, аланами, асами, ашкузами, сарматами и пр., если с ними сталкивались уже предки вайнахов - «таргамосиане»-дурдзуки?

2. Если всю плоскостную часть Чечни и Ингушетии некогда занимали «аланы-иранцы», почему Дзиццойты не привел другие осет. топонимы (реальные или эпические), ограничившись названием равнины *Гарма*?

3. Почему «алано-иранцы», если они занимали некогда «почти всю плоскостную зону современной Чечено-Ингушетии», не дали свои названия ни Тереку, ни Сунже (от тюрк. *Сююнча*, *Сюйюнджа*), прожив 2000 лет на их берегах? И куда подевались бежавшие за Терек «ираноязычные нарт-орстхойцы»? Почему многие чеченские селения носят названия, в которых присутствуют тюрк. элементы *юрт* и *къала*? Почему внутренние горные районы Чечни называют не «по-североирански», а по-тюркски – *Ичкерия* (ср. кар.-балк. *ичкери* «внутри, внутренний», от *ич* «нутро» + афф. *кери*)?

4. Почему вайнахи именовали «нарт-орстхойцами» тюрк. племя (часть карачаево-дигоро-балкарцев) – *кара-булак* («великореченцы», но букв. – «чернореченцы»; ср. *Къара Малкъар*, *Къарачай*)? Почему одна из рек, на которой жили карабулаки, называлась не «по-ирано-скифски», а по-тюркско-скифски – *Бал-суу* «медовая река»? (Потомки ассимилированных вайнахами карабулаков до сих живут в Ингушетии, в Чечне и в Турции).

5. Свой вывод Дзиццойты сделал на основании этимологии одного топонима. В Осетии несколько сот тюрк. (кар.-балк.) топонимов, однако этот факт ни его, ни других осетиноведов к подобным заключениям почему-то не приводит.

Да, Г. В. Цулая действительно считал, что грузинский летописец якобы переименовал древних скифов в хазар, с которыми сражались «таргамосиане». Такая уж у них, у летописцев, была вредная и неизвестно как приобретенная привычка – давать некоторым древним народам имена новых, современных им этносов – якобы чтобы читателю было понятнее. Но мировая наука, привычно объявляя подобные сообщения анахронизмами, не объясняет, почему тот же Мровели не написал, например: «скифы, которых мы ныне называем хазарами» или «хазары, которых древние называли скифами».

Причина того, что в чечено-ингуш. сказаниях нартты выглядят то положительными персонажами, то отрицательными (чаще), в том, что *карабулаки*, занимая равнину, закрывали горцам-вайнахам выходы из ущелий, что приводило к столкновениям, особенно на первых порах; но впоследствии, сильно уменьшившиеся в численности после

войн с соседями, карабулаки влились в их состав, ассимилировались, что привело к их частичной «реабилитации» (в эпосе). Большая часть карабулаков, оказав отчаянное сопротивление царским войскам и оказавшись на грани полного уничтожения, ушла в Турцию, поэтому нартский эпос у чеченцев и ингушей не получил развития, сблизившись с вайнахскими преданиями – в отличие от Осетии, где, ввиду большей численности подвергшихся иранизации тюрков-аборигенов (дигорцев, тагаурцев, туалыцев, куртатинцев) и соседству с карачаево-балкарцами осет. эпос сохранился в достаточной полноте, сохранив и память о многих тюркских народах средневековья, имена которых в других вариантах Нартиады уже исчезли.

РАВНИНЫ

Хъуми будурае «Кумское поле», одно из названий владений великана Нокара, сына Тара. «Проф. Б. А. Алборов считает «хъуым» («хъум») вариацией «гуым» и видит здесь представителей «могущественной средневековой народности куманов европейских писателей». Не исключена, однако, и прямая связь с Кумской равниной недалеко от нынешнего Пятигорска – места обитания средневековых алан» (Гуриев, 1971, с. 130). Вполне вероятно. Неясно только, почему в осет. сказаниях упоминается название равнины, производимое от тюрк. *кум, кам, кем* «река», а не более древнее, «североиранское».

В одном из сказаний о Сырдоне упоминаются *Баелгъайы аелдар* «князь Балга» и *Баелгъайы быдыр* «равнина Балга», граничащая со страной нартов; но Т. А. Гуриев предпочитает писать слово через *е* – «степь Белга», «войско Белга». По его мнению, это какое-то историческое лицо, враг нартов, которые спускаются с гор на равнину, чтобы угнать его скот; войска Белга представляют значительную силу, которой нарты побаиваются. Вывод осетиноведа: под именем *Баелгъа* в эпосе подразумевается монгольский военачальник Берке, брат Бату-хана, который, «по грузинским источникам, владел равнинной Аланией (Осетией)» (Гуриев, 1971, с. 126).

Ю. А. Дзицойты допускает возможность такой этимологии, но не соглашается с тем, что изменение *Берке* в *Баелгъа* является закономерным, указывая, что в осет. ожидалось бы *Бирки, Берке* (Дзицойты, с. 200).

Упоминания топонима и титула в академическом издании не дают оснований для определенных выводов: степи Балга, войско Балга, пастух алдара Балга (Нарты, 1989, т. 2, с. 195). Но в сводных текстах перевод другой: пастух балгайского алдара, балгайская степь, дружина балгайского алдара («Сказания о нартах», 1981, с. 212). Вероятно, речь идет о древних тюрках-балгарах; название степи, скорее всего, дано по имени народа, ее населявшего. Добавим, что и в ингушских сказаниях упоминается именно *Балгайская степь*. Вряд ли кто-то стал бы называть степь именем только что прибывшего на Кавказ монгольского военачальника.

Бызы быдыр «поле Быза» - владение великана Нокара, сына Тара. Т. А. Гуриеву имя великана почему-то напомнило имя древнего славянского князя (IV в.) *Буса* или *Боза*, о котором упоминается в «Слове о полку Игореве». «Считаем, что имя этого легендарного князя было известно и аланам, тем более, что часть алан обитала как раз в южнорусских степях, т. е. в районе между Доном и Днепром, где предполагают место действия Буса – Боза» (Гуриев, 1971, с. 130). Предположение это, использующее случайное созвучие, совершенно беспочвенно. Да и местность, якобы названная по имени славянского князя IV в., считается в эпосе владением Нокара, в котором ученый видит золотоордынского хана Ногай, «жителя» XIII в. (Гуриев, 1971, с. 130). Ю. А. Дзицойты сопоставляет это название с чуваш. *пузи, позу*, удм. *бусие* «поле», и с названиями племени бжедуг в

разных источниках, как и селения *Быз* в Сев. Осетии (Дзицойты, с. 222). Но ср. кар.-балк. *буз* - «ледяная, обледенелая», или *боз* «серая, пепельная»; *быдыр*, *будур* «степь», как выяснил В. И. Абаев, является тюркизмом.

Хаерам, Хаеран название легендарной местности в нартских сказаниях; диг. *Хаерани будур* «равнина Харан». По мнению В. И. Абаева, восходит к реконструируемому индоевроп. слову *хе(й)ро*, *хо(й)ро* «серый»; автор дает ряд слов из различных языков (от англ. до хинди), означающих «седой, седовласый, иней, темный, серый, туман, мрачный» и т. д. (звучание которых весьма далеко от эпического топонима), и даже тюрк. *къара* «черный», но, добавляет автор, «в ностратическом плане» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 4, с. 175). Следовательно, «серая (или мрачная) равнина»; но, на наш взгляд, это просто перевод на осет. предыдущего (тюрк.) топонима – *боз* «серый». Или, еще более простое решение: кар.-балк. *къаран тюз* «бесплодная равнина».

Мы уже отмечали, что иранистам достаточно встретить любой топоним – в любом варианте Нартиады – чтобы легко связать его или с какими-то древними народами, или увидеть в них названия местностей, расположенных за тридевять земель от Северного Кавказа, но не обременяя себя поисками доказательств и аргументов. Столь же часто они объясняют встреченные противоречия «переносом». Вот два ближайших примера. «В абхазских вариантах нартиады часто встречается название Северокавказской равнины, долины Кубани – *Ашвады* «Поле Ашвы», *Ашватвыла* «Страна Ашвы», где нартты то и дело сталкиваются с великанами». «Топоним *Ашвады* образован от этнического названия *ашуы* «асы», в прошлом – одно из самоназваний осетин. Впоследствии этноним *асы* перенесен осетинами на балкарцев, а в устах абхазов и кабардинцев *ашуа* – это абазины. Конечное *ды* (*адвы*) – абхазское слово со значением «поле» (Дзицойты, с. 121).

Так же легко, но неверно Ю. А. Дзицойты объясняет неприятные для него факты, ясно говорящие о тюркоязычии алан: «Эта же степь (Северокавказская равнина. – М. Дж.) в адыгском эпосе носит название **Барс губгъэ** «Барсово поле» (встречается только в эпосе)». «С топонимом *Барсэ* следует сопоставить название страны алан «Барсалия», связь которого с названием одного из подразделений тюрков-болгар «барсил» вполне вероятна». Т. е. Дзицойты вроде бы признает, что страна алан, как и поле в адыг. эпосе именовались по имени одного из болгарских племен. Но далее, со ссылкой на А. П. Новосельцева, следует: «Не исключено, «что первоначально барсилии (басилы) – аланское (иранское) племя, которое затем было тюркизировано. В восточном Предкавказье оно слилось с хазарами, а в Западном – с булгарами» (Дзицойты, с. 121).

Одним росчерком пера тюркское племя, с тюркским же названием барсилов превращается в «тюркизированных» по частям иранцев. Потому что «не исключено». Барсилию источники именуют «страной алан»; из нее же вышли хазары, великий народ. Но в осет. яз. барс называется по-другому – *фыранк*. И если адыги, как утверждают иранисты, заимствовали нартский эпос у осетин, то почему эта степь в адыг. эпосе называется тюрк. словом *барс* (чьим эквивалентом является этноним *алан*, от кар.-балк. *ала* *анг*, слитное *аланг*, *алан* «пятнистое существо»)? *Барс* и *алан* = тюрк. синонимы. Если вспомнить, что в некоторых тюрк. яз. слово *алан* имеет значение «степь, равнина» – вероятно, от *йалан* «голая», т. е. «безлесная», то картина с кабард. эпическим топонимом станет ясной. Болгары (барсилы) и аланы – один и тот же народ, имевший несколько названий; потому страна алан и называлась Барсилией. Если бы народы Кавказа позаимствовали эпос у «алан-иранцев», в их сказаниях, вне всякого сомнения, отыскалось бы немалое количество «североиранских» топонимов и антропонимов; но этого нет, а есть множество тюркских топонимов, гидронимов, оронимов и пр.

Азны быдыр «Азнийское поле» - место, где живет правитель, которому нартты платят дань. В одном сказании его зовут *Елтаган*, в других – *Телберди*. «Не поддается ни

идентификации, ни этимологизации» (Дзиццойты, с. 221). Судя по именам правителей, название местности тюркское. О Елтагане см. ниже; *Телберди* – искаженное кар.-балк. имя *Тейриберди* «данный богом», «Богдан», или это название местности *Теберди* в Карачае, где, вероятно, находится и местность *Азны*.

Тамани будур «Таманская степь» упоминается в осет. эпосе (как и в адыгском), там живет красавица Акула. «По происхождению топоним «Тамань» - тюркский»; по мнению М. Фасмера, оно из др. тюрк. *таман* «определенный сан» (Дзиццойты, с. 102). Этимология Фасмера неверна, поскольку не объясняет причины, по которым болотистые низовья Кубани были наименованы словом, обозначающим некий титул. На самом деле это тюркизм *табан* «пятка; низ; подножие» или *тёбен* «нижний, низовой, низовье».

Говоря о тюрк. названиях в адыг. эпосе - *Темэн* (Тамань), *Йузэв тенджиз* (Азовское море), *Тен* (Дон), имеющих, по мнению Ю. А. Дзиццойты, особое значение, он отмечает, что «все названия крупных географических объектов района нижнего течения Кубани, за исключением названия самой Кубани, носят заимствованный характер». Но, по его же выкладкам, в нижнем течении Кубани «находилась легендарная нартовская страна», где предки адыгов якобы и заимствовали у «алано-осетин» нартский эпос, причем в числе первых. Какие всевластные тюрки-топонимисты переименовали тогда все крупные объекты на Кубани и зачем? И почему адыги покорно с этим согласились? Ю. А. Дзиццойты, пытается дать такому «несоответствию» объяснение: «Не говорит ли это о том, что в эпоху становления «Тмутараканского цикла» (? – М. Дж.) адыгских сказаний соседями адыгов были какие-то тюркские племена?». Но, высказав такую ненаучную мысль, автор спешит высказать спасительное предположение: «Впрочем, не исключено позднейшее вытеснение исконных названий тюркизмами» (Дзиццойты, с. 103).

Везде и всюду тюрков, как вещают ирановеды, одолевал зуд переименования: только появлялись они где-нибудь, первым делом тут же начинали давать новые названия рекам, горам, урочищам и пр., а местное население, чрезвычайно покладистое, сразу же с ними соглашалось, по какой причине – неведомо. Что делали, например, «аланы-иранцы», когда тюрки переименовывали название их реки в Терек, неизвестно, как и то, когда это случилось и почему осетинский народ принял этот гидроним и позабыл свой. То же самое - с Таманью, Азовом, Бештау и пр., и пр.

«В сказании «Владелец Схуали», - пишет Ю. А. Дзиццойты, - нарты осетинского эпоса в суровую зиму вынуждены были погнать свои стада в земли владетеля Схуали». «А земля эта была такой, что пока одни фруктовые (деревья) цвели, другие отцвели, а на третьих плоды созревали». Совершенно ясно, что под страной владетеля Схуали имеется в виду какая-то южная страна. Какая именно?». Разумеется, неближняя. Но честь ее «открытия» принадлежит не Дзиццойты, а Г. Бейли. Он восстановил осет. *схуали* в *схуалис*, а затем сопоставил его с компонентом *хвалис* в древнерусском названием Каспия – *Хвалисское море* (*Хвальнойское*, *Хвалимское*, *Хвалынское*), а его, в свою очередь, с названием древнего Хорезма, заключив: «Если, таким образом, *схуали* – это «хорезмиец», то нарты кочевали на севере Каспийского моря».

Вывод Бейли представляется Дзиццойты вполне приемлемым; он добавляет и мнение В. И. Абаева, считавшего, что переход Р в Л в иранском названии Хорезма (*Хваризм*) произошел в скифском: в таком виде оно попало в древнерусский (*Хвалис*), а в осет. приняло форму *схуали*. И, следует заключение: «А раз так, то в осетинском эпосе сохранились сведения и о среднеазиатских соседях нартов». Приводит Ю. А. Дзиццойты и другие данные. В одном из сказаний этот Схуали именуется не правителем страны, а великаном (*уаейыг*), живущим на вершине горы *Уаерыпп* (это – указание на Среднюю Азию?), возвышающейся над его владениями, которые называются *Къырмызы быдыр* «Красная степь». Да вот же беда – как выяснил В. И. Абаев (ИЭСОЯ), слово *къырмызы*

заимствованно в осет. из тюрк.

Но Дзицойты не теряется, и находит еще одно подтверждение догадкам Бейли, вспомнив тюрк. название пустыни *Къызыл кум* «Красные пески», к востоку от Аму-Дарьи, а к западу от нее – пустыни *Къара кум* «Черные пески». Так как древнеиран. *Хвара-зми* означает «Темная (красная или черная) земля», то, как думает нартовед, можно утверждать, «что в осетинском эпосе сохранилась память о Хорезме». Но как объяснить, что «владения хорезмийцев» называются в эпосе словом *къырмызы*, заимствованным из тюрк.? Тут Дзицойты с прискорбием пишет: «... приходится допускать возможность очень ранних контактов между сарматами и тюркскими племенами», что, впрочем, допускал, как он пишет, и сам В. И. Абаев (Дзицойты, с. 180-182).

Но в какой области и когда встретились сарматы и тюрки? Дзицойты, неизвестно на каком основании, но уверенно пишет: «Эти контакты первоначально имели место в районе Поволжья и привели к замене сарматского названия Волги *Ра* и Хорезма (*Хвалис*) на тюркские *Идиль* и *Къырмызы быдыр* в языке осетинского эпоса» (разве только их? – М. Дж.). Но из этого следует вывод, что прямые предки осетин в момент появления первых тюрков на западе (гуннов, в IV в.) находились на берегах Волги, а не на Кавказе (как утверждают иранисты). Весьма странно и другое: почему должны были победить тюркские названия, если именно «ираноязычные сарматы» обитали на берегах Волги и рядом с Хорезмом задолго до пришествия тюрков (если верить академистам)? Ю. А. Дзицойты скромно опустил вопрос и о том, почему эти сарматы унесли на Кавказ не свои (иранские) названия Хорезма и реки Волги, а именно тюркские. Умолчал Дзицойты и о том, что своего названия Волги нет не только в эпосе, но и в языке осетин.

Кроме того, *Ра* – это не иранское название Волги, а тюркское; в кар.-балк. мифологии и эпосе она мыслится границей между миром живых и миром мертвых – *Ара-суу* «Срединная река»; поэтому в одной из дореволюционных записей и говорится, что за Эдилом простирались гиблые пустыни, куда живым пути нет (см. Джуртубаев, 1991). И хорошо бы «древним нартам-осетинам» запомнить из среднеазиатского ландшафта еще что-нибудь, например, названия Каспийского и Аральского морей, или могучих рек Сыр-Дарья и Аму-Дарья, и т. п. Или, скажем, названия верблюда, тыквы-мишени, или плодов, которые созревали в садах «страны Схуали». На наш взгляд, это, возможно, название какой-то местности в Иране, где когда-то жили предки осетин-иронцев, и попало в сказания о нартах из их легенд.

Аемгон – название равнины, в которой растет золотое дерево (Дзицойты, с. 221). Объяснения нет. Скорее всего, это кар.-балк. название злых великанов (в сказках и эпосе) – *эмеген*; в кар.-балк. сказаниях часто говорится и о том, что волшебное золотое дерево росло в их владениях.

КАДЖИ

Кадзи, каджи, кажжи – некое мифическое племя, которое известно в мифах и эпосах многих кавказских народов (грузин, осетин, армян, чеченцев, ингушей, мингрелов, сванов, народов Дагестана). В 1939 г. В. И. Абаев записал сказание «Кадзиевская Сатана и нартская Сатана». В комментариях он пишет, что главная героиня рассказа – «кадзиевская Сатана» нигде больше не упоминается. «Нартовские сказания знают только одну Сатану, сестру и жену Урузмага. Слово «кадзи» грузинского происхождения (ср. груз. *кади* «бес»). Речь идет, следовательно, о «бесовской» Сатане в противоположность «человеческой», т. е. нартской» (Нарты, т. 3, с. 69).

Анализу данных о каджах В. А. Кузнецов посвятил одну из глав своей книги об осет. эпосе; мы воспользуемся этими и другими данными. Опираясь на грузин. значение слова

(«черти»), Г. Цагарели и В. И. Абаев считали каджей олицетворением темных сил. В армянском эпосе герой Санасар женится на дочери царя каджей; в поэме Руставели неоднократно упоминаются каджи, владеющие неприступной крепостью в стране Каджети. А. Грен считал их эквивалентом иранских дэвов. Каджи приковали к вершине Эльбруса героя Амираана, а «армянского Прометея» Артавазда – к вершине Арарата. Согласно А. Грену, слово *кадж* означало «храбрец, удалец» (отметим).

«Кадзи осетинского фольклора, - пишет Кузнецов, - не только злые духи и демонические существа, но и живые люди, наделенные умом и силой»; известно, что эпические великаны или люди, наделенные злыми качествами и огромной физической силой, обычно ассоциируются с врагами» (Кузнецов, 1980, с. 67; с. 69). Сказанное ученый подкрепляет убедительными примерами из эпоса, делая вывод: «Кадзи, глазами Нартов, - племя достаточно сильное, нарты вынуждены с ними считаться»; они требуют отдать им Шатану, и те вынуждены уступить, но отдают им вместо нее другую девушку. У нее появляется сын, которого Лже-Шатана отправляет к родичам, где делегацию кадзи встречают, как дорогих гостей. Согласно текстам, это племя живет у высоких гор и рядом с нартами. Раздосадованные их набегами, нарты отправляются в поход и беспощадно истребляют кадзи». Во взаимоотношениях кадзи и нартов В. А. Кузнецов, следуя неписаной традиции иранистов, видит отголосок столкновения горцев, аборигенного населения Кавказа (якобы будущего субстрата в сложении осет. народа), и пришлых степняков, «ираноязычных савромато-сармато-аланов»: вначале борьба, затем и мирные отношения, и экзогамные браки. Истребление кадзи он рассматривает как отражение гибели какого-то автохтонного племени в период войны.

Но Ю. А. Дзицойты придерживается иной точки зрения: «Все наоборот: жившие рядом с «нижними» нартами (имеется в виду - по склону какой-то горы, в отличие от «средних» и «верхних») кадзи были как раз жителями равнины или предгорья», а нарты – жителями гор. Он указывает, что каджи обычно живут под землей или на дне моря, а в одном сказании – недалеко от Нижнего селения нартов. Так как слово *кадзи* заимствовано из грузинского фольклора, то речь идет о южных соседях нартов (Дзицойты, с. 254).

Опираясь на факт распространенности образа каджей (ходящих пятками вперед) в грузин. фольклоре и литературе, и, поскольку этот образ больше известен южным осетинам, В. А. Кузнецов считает термин *кадзи* грузин. заимствованием в осетинскую среду, где он приобрел «не только мифическую, но и этническую окраску»; произошло это в период активных контактов между двумя народами (Кузнецов, 1980, с. 80).

Признавая, что *кадзи* или *каджи* – это мифологизированный образ какого-то народа, мы не можем согласиться с В. А. Кузнецовым, считающим термин и образ только грузин. заимствованием, почему-то получившем у осетин «этническую окраску» (она присутствует в фольклоре и грузин, и армян); следует объяснить, почему термин и образ присутствуют в языках и фольклоре и других народов Кавказа. На наш взгляд, это стало возможным в силу того, что все эти народы имели контакты с каким-то одним и весьма могущественным народом (или знали о нем); эти контакты происходили в достаточно отдаленную эпоху, что и способствовало мифологизации образа. Речь идет о гунно-хазарах, совершавших из Прикаспия и Северного Кавказа походы в Закавказье, через Дербент и через перевалы в горах.

Хазар – это только одна из форм тюрк. этнонима (в зокающих диалектах); нет сомнения, что были и другие - *хагар*, *хаджар*, *къаджар*. Но *Хаджар* – это тюрк. форма произношения имени второй жены Авраама, египтянки Агари. Зная это, русские летописцы и называли тюрков, не имевших к библейской чете никакого отношения, «агарянами» и «измаильтянами». Напомним также о сильном азербайджанском племени *каджар*, и их одноименной династии, более века правившей Ираном (с конца XVIII в. до

20 гг. XX в.); по этой причине иранцев (и азербайджанцев) некоторые народы Кавказа до сих пор именуют *къаджар* (например, вайнахи и кабардинцы). Вполне возможно, что и аджарцы в Грузии являются ассимилированной грузинами частью этого же народа (причем аджарцы – мусульмане). Средневековые хазары были слишком хорошо известны ближним и дальним народам, чтобы не оставить в их фольклоре память о себе.

Причиной появления у народов Кавказа этнонима *кадзи*, *каджи* могла стать и созвучность этнонима *хазар* с другим тюрк. словом. Как известно, в распространении и утверждении ислама большую роль сыграли отряды воинов за веру, именуемых *газий* (*уазий* «святые»; их христианский аналог – византийские *акриты*, самый знаменитый их образ в литературе – Дигенис Акрит). На Кавказе в рядах газиев было, вероятно, много кумыков, как и лакцев, которых долго именовали *къазий-къумукъ* (таково и современное название лакцев в устах карачаево-балкарцев). Они же совершали частые набеги на Грузию, где их называли *лек*; но там могли знать и другое их имя – *къази-къумукъ*, или, в краткой форме, *кадзи*, *каджи*. Название дагестанского народа наложилось на древнее именование хазар (ср. состав согласных): и те, и другие ходили в Закавказье походами с севера. В осет. же эпосе, переданном осетинам их тюркскими предками (дигорцами, туалъцами, тагаурцами, куртатинцами), вероятно, сохранились отголоски хазаро-аланских отношений, то мирных, то немирных. Имя хазар (*каджар*), возможно, звучит и в названии одного из четырех племен «царских скифов» – *катиар* (у Геродота; в греч. яз. звука *ж* не было).

Осталось сказать о причине появления у эпических кадзи inferнальной черты – «хождения пятками вперед» (в осет. эпосе и в некоторых грузин. преданиях). В кар.-балк. фольклоре подобный признак приписывается бесам. Такое представление могло быть вызвано случайным созвучием: кар.-балк. *къазауат* «война, битва» – осет. *заевает* «пятка»; кар.-балк. *чабыуул*, *цабыуул* – «нападение; набег» (*чап*, *цап* «бежать») – и осет. *цауын* «ходить» = «ходить пятками (вперед)». Ср. также кар.-балк. обиняковое название бесов – *терстамгъа*, букв. «с неправильным тавром» (также – «безродный», «подлый, криводушный»), и *терстабан* «с шатающейся походкой», букв. «с неправильными пятками».

Иранисты говорят, что «в осетинском есть слово «хъазайраг», означающее «невольник», «раб», «крепостной» и восходящее к этнониму хазар». «Комментируя трансформацию этнического термина в социальный, В. И. Абаев пишет: «такое развитие имело место на почве межплеменных войн, когда пленные обращались в рабство» (Кузнецов, 1980, с. 111). Это толкование Абаев предложил в 1968 году. Но в составленном им РОС (1970) читаем иное: «раб – *цагъар*, *цагъайраг*»; «невольник – *цагъар*, *цагъайраг*, *уацайраг*»; «крепостной – *хъазайраг*»; здесь же – 4 производных термина (обозначающих «крепостник, крепостнический, крепостничество, крепостное (право)'). Смотрим в ОРС: «хъазайраг – крепостной», «цагъар – раб», «уацайраг – 1) пленник; 2) уст. невольник», но нет никакого *цагъайраг*. Непонятно, почему за два года семантическое поле термина *хъазайраг* сузилось, означая только «крепостной» (но не «раб»), причем в трудах одного и того же автора. Такому термину самое место в ИЭСОЯ (тут тебе и хазаро-аланские связи, и далеко идущие и далеко уводящие предположения и построения, и пр.). Смотрим во второй том (1973): «*хъазайраг* – «крепостной», «раб», «холоп»; в учебной и научной литературе по истории *хъазайраг* принято и утвердилось в качестве термина «крепостной» – как в адъективном, так и в субстантивном значении».

Значит, еще через три года Абаев вернулся к своему толкованию, предложенному в 1968 году. Его метания показывают, что никакого определенного содержания термин не имел и обрел значение «крепостной» только по некоему соглашению авторов «учебной и научной литературы». Но как быть с остальным? Почему название самого

могущественного народа средневековой Европы стало означать «крепостной»? Или у «алано-иранских алдаров», намного опередивших и свою эпоху, и всех феодалов Кавказа, уже во времена хазар были крепостные? В. И. Абаев находит весьма легкий выход: «Во-первых, *къазайраг* могло означать вообще «происходящий из Хазарии»: в столице Хазарии был невольничий рынок. Во-вторых, термин *къазайраг* в значении «холоп» мог возникнуть уже после разгрома хазар князем Святославом, когда ослабевшие хазары могли легко становиться добычей более сильных соседей» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 2, с. 273).

Но эти предположения («могло, мог, могли») не имеют под собой никаких оснований:

1. Неизвестно, почему термин стал означать «крепостной», и каково, в таком случае, значение других терминов, приведенных выше.

2. Почему легкой добычей соседей становились именно хазары, а и не другие народы (до или после них), входившие в каганат?

3. Вряд ли на Кавказе был один-единственный невольничий рынок. И вряд ли «древнеосетинские» феодалы ездили бы для покупки рабов туда и только туда.

Не вернее ли возвести загадочный термин *хъазайраг* «раб» к осет. же *хаедзары* «домашний» и *лаег* «мужчина, человек», в значении «домашний раб» (*хаедзарлаег* – *хъазайлаг* - *хазайраг*), а вовсе не «крепостной» и, тем более, не «хазарин»? Полагаю, что В. И. Абаев сразу же нашел правильную этимологию термина; но ему нужно было утвердить в сознании читателей как можно больше сцепок творимой им и когортой иранистов истории «алан-иранцев» с древними народами. Но В. А. Кузнецов, слепо доверяя В. И. Абаеву, заключает: «Это еще одно свидетельство частых враждебных отношений хазар и алан, сопровождавшихся взаимными набегами» (Кузнецов, 1980, с. 112). Как говорили древние славяне, вельми чюдно.

ДРУГИЕ ЭТНОНИМЫ

Для полноты картины укажем еще на один «парадокс», объяснение коего – очередной шедевр иранистов. Ю. А. Дзиццойты пишет: «Встает вопрос: являются ли луанцы единственным закавказским народом древности, оставившим след в осетинском эпосе? Было бы, например, странно, если бы многовековые осетинско-грузинские военные и политические отношения, хорошо освещенные грузинскими летописями, не оставили следа в нартовском эпосе. К сожалению, поиски в этом направлении малоутешительны».

Да, это так, особенно если учесть, что в осет. эпосе встречаются упоминания малозначительных и давно исчезнувших племен. То, что сообщает Ю. А. Дзиццойты далее, должно было вызвать шок у всех прогрессивных академистов мира. Но не вызвало: **«Два упоминания этнонима *гуырды* «грузины» в осетинском эпосе ничего не меняют ввиду их позднейшего включения в язык эпоса. Вообще говоря, этноним *гуырды* «грузины», заимствованный из какого-то тюркского языка (Абаев, ИЭСОЯ, 1: 532), сам довольно позднего происхождения и не может быть свидетелем осетинско-грузинских отношений древности»** (Дзиццойты, с. 136).

Это, конечно, исключительно интересно. «Скифо-алано-осетины», как вещают ученые, с древнейших времен совершали походы в Закавказье, их цари, принцессы и принцы вступали с грузинскими властителями в династические браки, аланы с грузинами торговали, заключали и расторгали союзы – но их «потомки» знать не знают и ведать не ведают с кем. Потому что своего названия грузин нет не только в эпосе, но и в языке, есть только тюркское, которое, по Дзиццойты, «свидетелем осетинско-грузинских отношений древности» быть не может. Но между Осетией и Грузией никаких тюрков нет, как и других иноязычных народов. Тогда чем же и свидетельством чего оно является? Поразительно, что Дзиццойты (как, впрочем, и Абаев, и все другие осетиноведы) даже не

пытается выяснить, из какого тюркского языка и почему вошел в осетинский этот этноним! Он ставит другой вопрос: «Были ли известны грузины древним осетинам до того, как в осетинский вошел этноним *гуырды*, скажем, осетинам времен походов в страну луанцев, и если да, то под каким именем? Сейчас не представляется возможным дать на этот вопрос точный ответ». (Ничего не сказал по этому поводу и В. И. Абаев).

Как же они не могли быть известны, если жили и живут в двух шагах от Осетии и вся ирановедческая рать извела гору бумаги, повествуя о неслыханно древних связях «алано-осетин» с грузинами и армянами? Если же они узнали грузин только после того, как их познакомили какие-то неведомые тюрки, то что делали в Закавказье и с кем встречались там «ираноязычные» скифы, сарматы и аланы за много веков до прихода тюрков? Давным-давно исчезли далекие «древние луанцы» (в которых Дзиццойты видит албанцев), и эпос их помнит; но грузины, ближайшие и древнейшие соседи алан, были и тогда, живут и сейчас, но в сказаниях упоминаются всего два раза, и то под тюркским именем. Разве не должно было быть наоборот? Но Ю. А. Дзиццойты, не ломая голову над такими пустяками, говорит: «Можно высказать предположение, что грузины были персонифицированы и выступают в эпосе в образе какого-нибудь великана или завоевателя» (Дзиццойты, с. 136).

Это вполне возможно в отношении какого-нибудь исчезнувшего племени, да и то в эпических сказаниях или мифах; но речь идет о живом и здравствующем рядом с осетинами на протяжении многих веков народе, известном с глубокой древности всем ближним и дальним соседям. Или в живой речи осетин грузины тоже были «персонифицированы»? Но в каком «образе»? И почему такой «персонификации» удостоились одни только грузины? И чем предполагаемое наличие этой персонификации мешало «древним осетинам» иметь в своем языке еще и обычное наименование грузин? В который уже раз мы задаем в пустоту все тот же вопрос: «Что это за «мировая наука», в упор не замечающая даже такие факты?».

Дзиццойты преспокойно продолжает: «Если так, то наше внимание сразу же обращается к двум нартовским недругам – братьям *Уаенгур* и *Уаехтаенгур*. Имя первого из них, на наш взгляд, персонификация тюркского племени оногуров. Имя второго брата легко восстановить в *Уаерх-таен* (*гуыр*) и связать с др. иран. *Варка-тану* - «(имеющий) волчье тело». Следовательно, мы должны думать, что «древние алано-осетины» называли грузин *уархтангурами*, да еще и побратав их в своем эпосе с оногурами. А если не так, то как? Но Дзиццойты тут же забывает о своем намерении найти «персонификацию грузин» и начинает рассказывать о другом. «Это древнеиранское слово легло в основу имени грузинского царя *Вахтанга* (Гамкрелидзе, Иванов, 1984), совершившего поход в Осетию. Компонент *гуыр* «туловище» присоединен к интересующему нас эпическому имени либо под влиянием второй части имени его «брата», либо в порядке глоссы к предшествующему компоненту *таен* «тело» (Дзиццойты, с. 137).

Но если *Уарх-таен* и так означает «волкотелый», то зачем нужно было присоединять к нему еще и *гуыр* «туловище»? И это еще не все: в ОРС сказано, что *таен* означает не «тело», как утверждает Дзиццойты, а нечто другое – «нижняя часть живота» («тело», согласно РОС – *буар*). Следовательно, в переводе с осет. имя царя означает «с волчьим животом и туловищем». Оригинально. Почему же *Уаенгур* («персонификация тюркского племени оногуров»), вдруг превратился в осетинском эпосе в родного брата грузинского царя Вахтанга, персонификации самого себя (а не всех грузин)? Что говорит Ю. А. Дзиццойты? По грузинской летописи, противником царя Вахтанга, прозванного *Горгасалом* («Волчья голова»), «выступает осетинский вождь Ос-Багатар, имя которого означает «осетинский богатырь», - но почему-то в переводе не с осет., а с тюркского (извиняюсь – с монгольского. - М. Дж.), а в нартовском эпосе Уахтангур враждует с

героем Батрадзом, инверсированное имя которого также означает «богатырь асский (аланский)» - но опять-таки не на осетинском, а на монгольском, по В. И. Абаеву.

Не исключая фольклорного происхождения грузинского летописного предания, Дзиццойты делает заключение: «Если, таким образом, имя «Уахтангур» связано с именем грузинского царя Вахтанга Горгасала, то братом Уангура в осетинском эпосе он стал случайно, благодаря созвучию имен» (Дзиццойты, с. 137-138). Если, то, конечно, да. Чтобы появилось созвучие, нужно было, как считает Дзиццойты, добавить к имени Вахтанга элемент *гур*, однако (опять же по Дзиццойты), оно возникло под влиянием другого имени – *Уангур*!

Но пусть даже так. Следовательно, и фольклорный Батрадз, и летописный Ос-Багатар совершенно случайно получили тюрко-монг. имена, случайно эти сюжеты попали и в эпос осетин, и в грузин. летопись, случайно в эпосе Уахтангур стал братом Уангура, случайно осетины забыли имя грузин (которых якобы знают уже 2700 лет!), случайно заняли этноним у каких-то неведомых тюрков (я мог бы намекнуть, что у карачаево-балкарцев, которые грузин называют *гюржю*, *гюрзю*, но такое мнение политически чуткие иранисты сочтут несомненным проявлением нацшванства и пантюркизма), случайно «древние осетины» неправильно переименовали прозвище царя *Горгасал* «волчья голова» в древнеиран. *уархтаену*, случайно добавили к нему *гуыр* «туловище», и случайно же название тюрков-оногуров стало именем брата грузинского царя.

Несмотря на все наши усилия, верить в такую длинные цепочки случайностей мы так и не научились, а потому думаем, что имя брата Уангура (первонификации оногуров) – Уахтангур – есть, скорее всего, еще один тюркский этноним, а не имя грузинского царя. Добавим, что встречается и другой вариант прозвища Вахтанга – *Горгаслан*, в котором ясно звучит тюрк. *кьоркь аслан* – «грозный лев». Таким образом, задача, которую ставил перед собой Дзиццойты, так и осталась невыполненной: выяснить, в каком образе «алано-осетины» персонифицировали своих вековых соседей-грузин и как именовали эту «персонификацию» до той поры, когда какие-то тюрки приказали им называть грузин по-тюркски – *гюржю*.

Осетинские нартоведы много раз писали о тесных связях «алан-иранцев» с армянами, о женитьбе царя Арташеса на аланской царевне Сатеник и о том, что ее имя и образ отразились в осетинском эпосе в образе Шатаны. Однако в осет. яз. название армян – *сомих* – почему-то идет из грузинского, а в осет. эпосе данный этноним встречается только один раз (Дзиццойты, с. 114). Наверное, тоже случайно. Поразительные люди были эти самые «скифо-алано-осетины» - переняли у грузин название их соседей, а спросить у самих грузин их имя не догадались!

Приняв навязанное «академической наукой» мнение об ираноязычности скифо-сарматов, осетинские ученые обречены или всячески изворачиваться в поисках ответов на простейшие вопросы, или прибегать к умалчиванию, или ругать исследователей, задающих такие нехорошие вопросы, или ссылаться на забывчивость и самих осетин, и их беспамятных и бестолковых соседей, придумывать все новые и новые «переносы» и т. д. Полтора тысячелетия «скифо-аланы» имели эпос, но не знали, как именовать народ богатырей, пока не надоумили монголы; потрясенные «алано-осетинские» сказители навеки позабыли еще и «древние иранские имена» нартов и в порыве энтузиазма нарекли их по-монгольски (а некоторых даже по-тюркски, наверное, сгоряча), но забыли «североиранские», «скифо-сарматские» слова, обозначающие «море, степь, Эльбрус, Волга, Терек, Казбек, Бештау, Кубань, Черное море, Каспийское море», «забыли» степную и горную фауну – «дрофа, суслик, зубр» и пр., и пр.

В комментариях к сказанию «Созырыко и Гумский человек» Т. А. Хамицаева пишет: «Интересны исторические и этнонимические реалии и термины: некая страна Гум,

Гумский перевал, город (калак) в Гумском ущелье, Гумский человек (в одном тексте названо его имя – *Кобор*). Гумцы любят нартов, жаждут быть с ними в мире, оказывают им уважение, гостеприимство» («Нарты», кн. 3, 1989, с. 27); иногда вместо начального Г стоит К. Исследователи видят в этих названиях, как и в характере взаимоотношений нарта Созырыко с Гумским человеком, поначалу враждебных, а затем дружеских, отражение осетино-куманских отношений (на самом деле – алано-куманских: и те, и другие были тюрками). Что касается дружбы между куманами и аланами, то, вероятно, она имела место: куманы («гумцы») – те же гунны (куманы). Ср. также приведенное выше имя гумского человека (*Кобор*) и название известного тюркского народа – *кабар* (*абар*, *авар*).

В. А. Кузнецов в своей книге довольно подробно останавливается на проблеме освещения в осетинском эпосе контактов алан с тюрками, называя гуннов, авар, болгар, хазар, кипчаков-половцев; контактов, как он подчеркивает, имевших постоянный характер (Кузнецов, 1980, с. 96). Из тюркской этнонимии в эпосе осетин Кузнецов упоминает следующие:

Женитьба Болат-Хамица на аварской принцессе (текст этого дигорского сказания совпадает с кар.-балк. песней о женитьбе Болат-Хымыча во всех деталях. – М. Дж.). В эпических **аварах и Аварии** А. Х. Бязыров видел средневековый тюркский народ авар и их страну, с чем соглашается и Кузнецов (как и автор этих строк). Замок красавицы Агунды (Аколы) находится «между морями *Акденгиз* и *Караденгиз*, т. е. между Азовским и Черным морями», в чем В. А. Кузнецов усматривает указание на местоположение страны авар, находившихся с эпохи «великого переселения народов» «в соседстве и контакте с предками осетин – аланами» (но в упор не замечает, что названия морей – тюркские, а не ирано-осетинские, как и имя принцессы – **Акола**, от *акъкъол* «белорукая»). Мнение В. А. Кузнецова разделяет и Ю. А. Дзицойты (с. 191).

Эпическое имени **Бедзенаг** В. А. Кузнецов считает названием печенегов, в «обобщенном образе Гумского человека» усматривает половцев, а в эпических агурах, вслед за В. И. Абаевым – средневековых огузов (огуров, угуров). Обращает он внимание и на имя одного из врагов нартов – **Уангура**, сопоставляя его с названием народа *аунгур* (у Захарии Ритора). Об Уангуре мы уже говорили; с ним нарты сражаются на Уарыппе и он же «осаждают старинную крепость Калд». По мнению В. А. Кузнецова, в осет. эпосе отразились и «столкновения между аланами и тюркоязычными болгарскими племенами», в частности, он напоминает об одном сказании, в котором фигурирует «обладающий большим войском враг нартов Арган-Аурген»; его рать движется на страну Нартов со стороны Черного моря; имя царя он сопоставляет с именем вождя болгар Прикубанья и Приазовья – Органа, дяди «знаменитого болгарского хана Кубрата». Византийский писатель Никифор прямо указывал: «Около Майотидского озера по реке Кофине была расположена издревле Великая Болгария»; другая часть болгар располагалась в Дагестане (Кузнецов, 1980, с. 105).

Агъур, Агур «название легендарного народа в нартовском эпосе; агуры выступают в сказаниях как народ-завоеватель, многочисленный, сильный и, по-видимому, кочевой. – Сопоставляется с тюркским этническим термином *огуз/огур* (вторая форма, *огур*, представляет закономерную разновидность первой, *огуз*, с болгарским (чувашизм) перебоем *з – р*») (Абаев, ИЭСОЯ, т. 1, с. 37). Ю. А. Дзицойты видит в эпическом *Уаенгуре* персонификацию тюркского племени оногуров (Дзицойты, с. 137). Г. Бейли приводит встречающийся у Мовсеса Дасхуранци этноним *Хоун Хоногур*, из *он огур* «десять родов» (перевод неверный, должно переводить «десять племен»). В осет. эпосе говорится, что «войска Агура были бесчисленны». «Агуры грабили и убивали все народы на земле. И за это Бог навел на них свой гнев, и они погибли превращением их в саранчу. Саранча, говорит предание, есть потомство агуров» (Дзицойты, с. 185).

Свидетельством пребывания болгарского племени *агур* в Прикубанье В. А. Кузнецов считает ряд оронимов и гидронимов в этом районе: реки Агур и Кяфар-Агур, горы Ангур и Агур, урочище Агур (Кузнецов, 1980, с. 105). С этим же этнонимом Ю. А. Дзицойты связывает и название народа *айгуыр*, который, согласно сказанию, «питался кровью и молоком». Комментарий Дзицойты: «Эта деталь вполне соответствует структуре питания кочевых скотоводов Азии, у которых основу рациона действительно составляли продукты скотоводства» (Дзицойты, с. 187). Интересно, а что составляло, по мнению Дзицойты, основу питания европейских «североиранских кочевников, скифов и сармат», «млекопийц и конеедов» и чем их рацион отличался от рациона *айгуров*?

На наш взгляд, это название может оказаться народноэтимологическим осмыслением кар.-балк. именованья нартского рода *Усхуртук*-лары, возникшим в период ироно-тюркского двуязычия в Осетии; ср. осет. *ахсыр* «молоко» + *туг* «кровь». Кроме того, тюрк. племена часто использовали в этнонимах названия цветов – «белые», «черные», «желтые», «красные», обозначая ими стороны света, в соответствии с географическим расположением своей территории. Вторым названием этого племени было *акъ гун*, *акъ кун* «белые гунны». Но в тюрк. яз. слово *акъ* – еще и табуированное название молока и молочных продуктов (карачаево-балкарцы по сей день говорят «*Агъынг бармыды?*» – «Есть молоко?»); *къун* – вариант слова *къан* «кровь», иногда они употребляются как парный термин – *къан-къун*. Поскольку *акъ* переходит в *ай*, а *огур*, *гур* означает «племя», то вторым его названием было бы *айгур* «белое племя», т. е. «благородное, знатное». Интересно, что кар.-балк. *къарагуна* означает «простолюдин, плебей».

Но почему эпос связывает агуров с саранчой, якобы от них произошедшей? Дело вовсе не в многочисленности агуров, а в их «благородстве». Кар.-балк. *маджа* «саранча», *маджал* «лучший»; но именно лучшими, истинными нартами и считают себя в осет. эпосе Ахсартаговы. Другой вариант: в средневековых источниках упоминается народ *маджары* и город, именуемый *Маджар* (выходцами из которого считали себя карачаево-балкарцы и дигорцы). Но сравните кар.-балк. *маджа*, *мача* «саранча», диал. «*стрекоза*» (отсюда и лингвистический казус в трудах арабских историков, писавших, что *М.дж.с* или *М.к.с* (название столицы алан) означает «муха» - имея в виду город *Маджар*; на самом деле, *маджал* «лучший, превосходный».

Форма *агуыр*, как отметил Г. Бейли, является иронской. «В дигорском ей соответствует *Арган-Аурген*, *Агез-Биаурген*, *Ауолгъан аемае* *Беуолгъан*, *Агез аемае* *Агузни*» (*аемае* - союз «и»), имеющие «в дигорских сказаниях такую же характеристику многочисленности, как и «агуровское войско» в иронских». Английский востоковед сопоставил дигорское *Агузни* с тюрк. этнонимом *Огуз*. Различие форм названия племени, как полагает Дзицойты, говорит о «самостоятельном знакомстве предков иронцев и дигорцев с тюркскими племенами» (Дзицойты, с. 188-189). Конечно, это так и есть. Предки дигорцев, тагаурцев, туалыцев, куртатинцев – тюрки, часть скифо-алано-киммерийского народа, иронцы же пришли из Ирана гораздо позже. Этим и объясняется множество различий между ними, в том числе и в языке, и в фольклоре, несмотря на то, что территория Осетии очень мала. Что касается, скажем, *Ауолгана*, то это явно искаженное имя героя кар.-балк. эпоса - нарта Алаугана, старшего сына кузнеца Дебета (он фигурирует в осет. эпосе и под именем *Курд-Алагон* «кузнец Алагон»).

Азыртае «азыры» - сильное и враждебное нартам племя, со своим языком; было полностью истреблено нартами. Этот эпический этноним Ю. А. Дзицойты (со ссылкой на С. П. Толстова) связывает с *языр*, названием огузского племени, «которое, как полагают, является осколком древнего индоевропейского населения Приаралья» (Дзицойты, с. 188). Но почему-то этот автор не догадался сопоставить *азыртае* с другим эпическим этнонимом, упоминающимся им же, хотя сопоставление так и напрашивается:

«В языке осетинского эпоса встречается еще словосочетание *хызырты аелдар* «повелитель хызыров», в котором *хызыр* восходит к этнониму «хазар» (Дзиццойты, с. 191). С ними же, возможно, связано название *Азербайджан*.

Аерг – название некоего племени, оставившего след в осет. фольклоре и топонимии Осетии; действие «некоторых эпических сюжетов происходит в «Теснине аргов». В. А. Кузнецов пишет: «...судя по топонимике, племя аргов занимало довольно значительную территорию предгорий Чечено-Ингушетии, Северной Осетии и Кабардино-Балкарии – от Аргуна до Аргудана», высказывая предположение о вайнахоязычности аргов, на основе сопоставления *аерг* с *гаргареями* античных источников и с самоназванием ингушей – *галгай*. Но Ю. А. Дзиццойты такого сопоставления не принял, видя в аргах племенное название *агры* у Страбона и сопоставляя его с названием племени *аиргъ* в абхазских сказаниях, а также с именем *Аргуана* в эпосе адыгов (Дзиццойты, с. 43-44). На наш взгляд, это сокращение тюрк. *аргун*, *аргын* «смешанные», букв. «пестрые», ср. одно из кар.-балк. названий форели – *аргъы чабакъ*. Поскольку кар.-балк. *ала* означает «пятнистый, пестрый», вполне возможно, что *аргын* – это название алан (от *ала* «пятнистый», табуируемое название барса) в устах других тюрков.

Царциатае – считается, по преданиям, «что это племя жило в горах Осетии в отдаленном прошлом», до прихода осетин, о них рассказывается в цикле «Царциатских сказаний», «некоторые сюжеты которого перекликаются с сюжетами нартиады»; некоторые нарты включены в эти сказания, а царциатские герои – в нартиаду (Дзиццойты, с. 43). Но, и по эпосу, и по «Царциатским сказаниям», «это народ, живший в одно время с нартами, по соседству с ними». По мнению Дзиццойты, Алборова и Дзаттиаты, царциатская география охватывает почти всю горную зону Осетии. Ю. А. Дзиццойты объясняет это тем, что «предшественниками» предгорных алан царциата стали считаться после того, как татаро-монголы потеснили алан в горы. По свидетельству эпоса, царциата были осетинами и противопоставлялись аланам по принципу «горцы – равнинники».

Этноним *царциу* Дзиццойты возводит к сакскому *тцалца*, что, по мнению Г. Бейли, означает «пограничный, берег, сторона»; «таким образом, загадочные аланы-царциата – это «окраинные жители»; то, что это же слово входит в состав терминов, обозначающих злых духов и их подземный мир, объясняется, по Дзиццойты, тем, что потусторонний мир понимался как «край обитаемой земли» (Дзиццойты, с. 257). Вопрос о царциатах весьма сложный, и его анализ требует много места, поэтому рассматривать его мы не будем.

Ноны заехх «Страна нонцев», *Ноны Ногъа-Богъа* «Нонский Нога-Бога». Этноним *нон*, который встречается и в осет. эпосе, и в поэме И. Ялгузидзе «Алгузиани» (конец XVIII в.), Ю. А. Дзиццойты считает названием монголов. В той же поэме параллельно с этнонимом *нон* употребляется этноним *калмухи* «калмыки», а нонско-калмухская страна названа Монголией (что, на наш взгляд, считать аргументом нельзя). По мнению В. И. Абаева, *нон* – искаженное *ноин* (*ноыны*), название областных старейшин у калмыков. Сюда же – *нойон*, титул монгольских князей. В компоненте *Ногъа* (в титуле *Ногъа-Богъа*) Дзиццойты видит этноним «ногай», объясняя это тем, что ногайская этнонимия по происхождению связана с татаро-монгольскими племенами Золотой Орды. Он повторяет, что под «нонцами» скрываются татаро-монголы и что И. Ялгузидзе мог заимствовать это название из осет. преданий или сказаний, а в них оно якобы вошло непосредственно из монг. яз., но добавляет, что «другие осетинские топонимы и этнонимы, восходящие к монг. языку, ему неизвестны», и что монголы не оставили в осет. эпосе и языке такого заметного следа, как тюрки, «соседство с которыми у алан было намного продолжительнее» (Дзиццойты, с. 202-203).

Терк-Турк – Терк – название реки Терека, Турк – название народа турк (примечание Б. А. Калоева к «Сказаниям о нартах», 1981, с. 399). А. Шифнер писал: «Осетины говорят,

что Терк и Турк были братья, которые сначала жили дружно, а потом поссорились из-за одной красавицы, вследствие чего возгорелась между ними война, в которой Турк был победителем; Терк бежал и поселился в кавказских горах» («Нарты», кн. 3, 1989, с. 16).

Как считает Ю. А. Дзиццойты, точная локализация страны *Терк-Турков* невозможна, несмотря на то, что они упоминаются в осет. эпосе чаще других тюркских народов. Сказитель А. Агузаров говорил о терк-турках, что они то же самое, что и *донбетры*, жители подводного царства (в которых Дзиццойты неожиданно узрел скифов-мореплавателей; см. выше). Это представление могло возникнуть из-за того, что в древних вариантах сказаний говорилось о каких-то тюрках, живших в низовьях Дона, или в результате неправильного перевода кар.-балк. выражения *Теркге-тенгизге бар* «идти к Тереку и морю», - из-за присутствия в выражении слов «Терек» и «море».

В. И. Абаев переводил *Терк-Турк* как «Терские тюрки». Ю. А. Дзиццойты считает такой перевод допустимым, но предполагает и другое – что это просто парный этноним. Отмечает он также, что иногда название этого народа разъединяется союзом «и» - «страна Терков и Турков»; иногда говорится только о турках. Но почему в осет. эпосе часто говорится о народе, живущем в Малой Азии (гораздо чаще, чем о грузинах и армянах)? Вполне возможно, что этот этноним сохранился в памяти части предков осетин-иронцев, поздних выходцев из Северо-Западного Ирана, которые, вероятно, сталкивались с ними на своей прародине. Встретив на Кавказе других тюрков, они отождествили их с прежними соседями, соединив этноним с названием реки – «терские турки».

Дзабеллатае аллоним названия племени карликов. Ср. осетинское фамильное имя *Дзобелатае*. Возможно есть какая-то связь с названием широкой степи *Жабра* в абхазском эпосе» (Дзиццойты, с. 228).

Ср. кар.-балк. фамилию *Жабел-лары* и личное имя *Жабель*. Возможно, восходит к *жабек*, *жебек* «душа»: *жабегине къатылыргъа* букв. «притронуться к его *жабеку*» означает то же самое, что русское «задеть за живое»; или это арх. *жабель* «кольчуга»; вероятно и другое объяснение – от *жанбёль* «делящийся душой (с кем-либо), душевный». Закономерное изменение слова могло произойти с появлением фамильного имени, при наращении окончания: *Жанбёль* – *Жанбёл-лары* – *Жанбеллары* – *Жабеллары*. Причина того, что в осет. слово стало аллонимом названия племени карликов, проста: *жаб* означает «покрывать, укрывать, скрывать», *эль* «народ». Но карлики как раз и изображаются скрытными существами, таящимися в пещерах, под землей и т. п. Кроме того, кар.-балк. *жёбеле* означает «семенить, идти мелкими шажками» (как коротышка).

Дзантае, *Дзанатае* – название какого-то рода, по одному из сказаний – нартского. Ю. А. Дзиццойты считает возможным сопоставить его с названием адыгейского племени *жанэ* (Дзиццойты, с. 228). Но ср. кар.-балк. фамилию *Джанатай-лары*, от *жан ат* «устремленный, стремящийся» + аффикс *ай* (арх. форма – *Джанатакъ*, *Джанатокъ*).

Уарби – племя, которое живет за «Хизинским перевалом», в них Ю. А. Дзиццойты видит абхазов или сванов, поскольку топонимы с элементом *хиз* сосредоточены в Прикубанье, и, кроме того, в одном сказании говорится, что нарт Хамиц с другом купили в городе Уарби сухих рыб; следовательно, город, жители которого занимались рыбным промыслом, должен был находиться на берегу моря, а таковым могла быть только Диоскуриада (Дзиццойты, с. 72). Не слишком убедительные предположения, но так у автора. А нельзя ли было заниматься рыбным промыслом людям, живущим у какой-либо большой реки? И *Уарби* не является ли карачаево-балкарским *ауар бий* «аварский князь», тем более, что, в отличие от сванов и абхазов, они несколько раз упоминаются в осет. эпосе, как и Авария, а матерью Батыраза, главного героя осет. сказаний, является именно аварская княжна?

«*Хаедмастпсаелтае* – название племени карликов». По Вс. Ф. Миллеру, в первой

части *хаедмаст* «вспыльчивый, гневный». Вторая, по Г. Бейли, «представляет искажение другого названия карликов - *Бцента*» (Дзиццойты, с. 233). Но дело в том, что *тае* – показатель мн. числа, поэтому предположение Бейли отпадает. Неясно.

Очень странно объяснил Дзиццойты название рода или племени *Саераебитае*, из которого происходила вторая жена героя Деденага (Бедзенага), сопоставив его с названием славян-сербов. Автор опирается на мнение О. Н. Трубачева, согласно которому название сербов является индоарийским включением в славян. этнонимии. Это индоар. племя якобы вторглось в зону славянства и было ассимилировано где-то на Южном Буге, куда оно проникло с Северного Кавказа через Крым; их пребывание там отразилось в смутном сообщении В. В. Татищева: «*Серби, сераби*, иногда в Таурике, иногда на Дунае» (Дзиццойты, с. 138-161). Делать далеко идущие выводы на таком шатком основании вряд ли позволительно (убедительное объяснение славян. этнонима *серб* см. у Макса Фасмера); упоминание *серби, сераби* то ли в Крыму, то ли на Дунае, вычитанное В. В. Татищевым неизвестно откуда, заставляет думать, что речь идет о разных народах, имевших сходные названия. Добавим, что имя *Сарыбий* является у карачаево-балкарцев обычным, широко бытующим и сейчас. Или это тюркское искажение тюркского же *сармат* – от *сырма* «почетный, знатный», ставшего непонятным и претерпевшего трансформацию в *сарыбет* «желтолицый».

НАРТЫ И ТЮРКИ

В осет. эпосе очень часто упоминаются тюрк. топонимы, народы и племена, так же часто их этнонимы звучат в именах героев; и народы эти, и герои выступают то союзниками нарттов, то их противниками, что вполне понятно - речь идет о взаимоотношениях разных племен внутри тюркского мира Восточной Европы. Одного ираниста это обстоятельство все же насторожило. «В нарттовском эпосе, - пишет Ю. А. Дзиццойты, имея в виду осет. сказания, - часто упоминаются тюркские племена, но мы не можем сказать, какое они имеют отношение к современным тюркским народам Северного Кавказа». Настороженность его понятна – автор, видимо, опасался, что кто-то сделает из данного факта не те выводы. Далее следует замечательное по своей наивности обличение нехороших людей, имени которых он избегал до самого конца своей книги: «Многочисленные упоминания различных тюркских народов в осетинском эпосе и их противопоставление нартам опровергают догадки некоторых балкаро-карачаевских ученых, пытающихся отюречить скифов, сарматов и аланов» (Дзиццойты, с. 258).

Следовательно, если в осетин. эпосе нарты (псевдоним скифо-алан) воюют с какими-то многочисленно упоминаемыми тюрками, значит, скифо-аланы – не тюрки и некоторые кар.-балк. ученые, на основании своих догадок, напрасно стараются «отюречить» скифов, сарматов и аланов. Но, во-первых, в эпосе карачаево-балкарцев нарты мыслятся их предками. Во-вторых, нарты в осетинском же эпосе кому только не противопоставлены, к тому же три нартских рода сражаются и друг с другом, причем нартами именуются (чаще всего) только Ахсартаговы. В-третьих, близкородственные племена и народы от сотворения мира часто воевали друг с другом не менее яростно, чем с «чужаками», поскольку жили задолго до исторического материализма и ложных теорий этногенеза. В-четвертых, нартский эпос является созданием не всех тюрков, а только их части, обитавшей на юге и юго-западе Восточной Европы; разумеется, они тоже могли воевать (как и дружить, торговать, заключать и расторгать союзы, и пр.) со своими родичами, что и отразилось в осет. эпосе, ярко описывающем именно мир средневековых тюркских (но не «североиранских») племен. В-пятых, не кар.-балк. ученые «пытаются отюречить» скифов, сарматов и аланов (они и так были тюрками), а, наоборот, лживая академическая

наука, в фарватере которой и движутся осетиноведы, уже два столетия пытается иранизировать их - вопреки очевидному и сотням фактов.

Вот и Ю. А. Дзиццойты совершенно не замечает, что все данные, которые он приводит, свидетельствуют против его мнения. Закljučая параграф своей книги, посвященный анализу тюрк. влияния на осет. эпос, он пишет: «Как видим, в эпосе осетин сохранились сведения о многих тюркских народах: хазары, половцы, авары, агурь, огузы, азуры, оногуры, болгары, гунны, печенег и балкарцы. С какой-то частью тюркских народов сарматы могли познакомиться еще в ту эпоху, когда они жили севернее Каспийского моря» (Дзиццойты, с. 196). Если добавить в этот список *чинтов*, *тулонцев*, *кибитов* (см. ниже), *каджей*, *балга*, получится внушительная цифра – потора десятка тюркских племен. Сюда же – упоминания тюркских стран; скажем, в комментариях: «Деденаг в других вариантах не является нартом, например, в сказании «Нарт Созырыко» он живет в Аварии» (Нарты, 1991, кн. 3, с. 106). Или, в сказании «Сослан и три сына Телберда»: «Одного из нартвов звали Уархагом, и он решил повидаться с ханом Аварии, что за горами» (Нарты, 1991, кн. 2, с. 462).

Но ни одному из осетиноведов, кажется, не пришел в голову следующий простой вопрос. Если нартский эпос создали, с помощью дружественных монголов, «ираноязычные скифо-аланы» и если он очень древен (что бесспорно), почему в нем не встречаются упоминания каких-либо «североиранских» племен (или угро-финских, или славянских, китайских, монгольских) – ни в качестве врагов нартвов, ни в качестве их союзников, ни в каком-либо ином? Ведь если они действительно существовали, то наверняка должны были и воевать между собой, и заключать миры, и торговать и пр.; к тому же их было очень много, (если, конечно, верить «мировой науке»).

Но в осетинском эпосе нет ни одного названия «североиранского» племени – одни сплошные тюрки! Нет никаких названий этих мнимых создателей и распространителей Нартиады и в сказаниях других народов. Или «североиранцы» представляли собой одну монолитную массу, не делившуюся на племена и рода, массу, растаявшую в воздухе, как пар, не оставив по себе ни памяти, ни имени (ведь и *нарт* – слово не-иранское)? Почему бы в эпосе не промелькнуть хотя бы одному из изящных этнонимов, фигурирующих в глоссарии В. И. Абаева, каким-нибудь «сыроедам» и «смуглоруким», во главе с вождем, чье гордое имя означало бы «Имеющий оленью челюсть», «Волкоед», «Холст», «Просоед» или «Принадлежащий к оленьей породе»? Почему ни в одном тексте не говорится, например, что тот или иной нарт поехал в гости в «Роксоланию», к «светлым аланам»?

Можно не сомневаться, ответ иранистов, если они, конечно, снизойдут до него с высот своей крайне своеобразной науки, будет приблизительно таким: бедных древних «североиранцев» буквально затопило нашествием средневековых тюрков, бесчисленных и беспощадных, как вурдалаки, и в этом море пришельцев, под влиянием бурных событий, все древние иранские этнонимы «потомками алан» были позабыты; а потом пришли еще и монголы, и татар с собой привели. Где уж тут помнить соплеменников, которых мгновенно поглотили ассимиляторы! Но как тогда сумели уцелеть, из всего огромного массива «североиранцев», одни только аланы? Ясное дело – спрятались в горах. Почему же не смогли сделать этого другие «скифо-сарматы» – например, спрятаться в горах Крыма или в Карпатах, в лесах и горах Урала, да и мало ли где? Бог его знает, об этом ученые еще не успели подумать.

Вот и Ю. А. Дзиццойты, вместо объяснения, цитирует Я. А. и Г. С. Федоровых: «движение тюркоязычных племен, втянутых в гуннское движение на запад, частичное оседание их в степях, создание в VI в. Тюркского, а в VII в. – Хазарского каганатов положили конец сарматскому господству. Тюркская речь вытеснила иранскую и

распространилась не только в степях Азовско-Каспийского междуморья, но и на Кавказе вплоть до самых предгорий» (Дзиццойты, с. 196). Видите, как просто объясняется любой самый сложный процесс (пусть и предполагаемый), когда ничего конкретного сказать не могут – вытеснила тюркская речь иранскую, и все. Чего тут думать, когда, как и почему?

Но где следы так быстро и покорно исчезнувших по всему пространству от Дуная до Волги «североиранцев» в фольклоре и языках народов Дагестана, адыгов, карачаево-балкарцев, вайнахов? Что говорит об этом Ю. А. Дзиццойты? «Следует добавить, что алано-тюркские контакты не прошли бесследно и для тюрков, о чем свидетельствуют, например, иранские имена у гуннов», со ссылкой на Мэнчен-Хэлфена. Прямо скажем, негусто. Автор тут же добавляет: «Тюркское влияние сказалось не только на ономастике, но и на лексике языка нартиады» (Дзиццойты, с. 196; с. 197). Все это имеет одно объяснение: никаких «североиранцев» в природе никогда не было, а в нартском эпосе говорится о взаимоотношениях тюркских племен (скифо-сармато-алано-гунно-хазаро-аваро-печенего- и пр.), что яснее всего видно именно из осетинских сказаний, перенятых осетинами-иронцами у своих тюркоязычных предков – дигорцев, туалыцев, тагаурцев, куртатинцев, говоривших на скифо-аланском (карачаево-балкарском) языке.

ГЛАВА X. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ГЕРОЕВ

РОДОНАЧАЛЬНИКИ НАРТОВ

«Говоря о генезисе осетинского нартского эпоса, проф. В. И. Абаев заметил: «Изучая это загадочное сооружение со всех сторон, мы открыли на первых порах только одну щель, одно окошко, через которое можно проникнуть внутрь, посмотреть, кто же его хозяева: это собственные имена нартских героев» (цит. по: Гуриев, 1991, с. 81). Бесспорно. Разумеется, все ирановеды, сарматологи и осетиноведы убеждены в том, что нартский эпос создан ираноязычными скифо-сармато-аланами и от них распространился по Кавказу. Отметим, что первое (в письменных источниках) упоминание алан на Кавказе относят к 35 году н. э., скифов – к гораздо более ранним временам. Следовательно, мы должны ожидать, что и имена героев эпоса должны находить объяснение на почве осет. яз., на худой конец – древнеиранского или авестийского, или, пусть его – древнеиндийского. «После исследований В. Ф. Миллера, Ж. Дюмезиля, В. И. Абаева и других ученых уже не возникает сомнений, что скифы, сарматы и аланы пришли на Кавказ не только со своим языком, но со своим эпосом», - пишут А. В. Исаенко и В. Д. Кучиев (АИК, с. 25).

Да нет, кое у кого сомнения возникали. Ничего иранского не смог, например, обнаружить в именах главных героев осет. эпоса Эмиль Бенвенист, известный филолог-ирановед: «Какова культура осетинского народа, отражаемая словарем его языка, и чему учат, в частности, легендарные предания, сохранившиеся в эпических сказаниях нартских?» - задает вопрос французский лингвист, и отвечает без обиняков, уподобляясь при этом худшим представителям самых антинаучных кругов: «Можно перечислить все имена славных героев нартских сказаний, все имена их помощников, но мы не найдем ни одного имени, которое имело бы отношение к истории Ирана. Почти нет имен, имеющих иранскую форму. Что сказать об именах *Созырыхъо*, *Хаемыц*, *Сослан*, *Батраз*, *Барастыр*, *Шатана*, если не то, что они говорят о своем иноязычном (не иранском) происхождении? Для имени *Уырызмаег*, диг. *Уоразмаег*, *Оразмаег* можно постулировать форму *А-Варазмака*, но это только формальное предположение, лишенное всякого основания, даже если пытаться найти какие-то связи с собственными именами *Омразмакос*, *Данаразмакос* (из эпиграфики Причерноморья; эти связи усматривал В. И. Абаев. – М. Дж.). Даже

Аминон, Сырдон, кажущиеся по форме иранскими, не встречаются в других языках» (Бенвенист, с. 138-139). Если бы нечто подобное, пусть даже не в такой категорической форме, написал один из кар.-балк. ученых, можно не сомневаться в том, что его немедленно причислили бы к сонму мифотворцев и фальсификаторов. Но В. И. Абаев, оспорив в своем предисловии к книге Бенвениста ряд его положений, по поводу этих «антинаучных» заключений не сказал ни слова.

Обратимся к тому, что он писал об антропонимии эпоса в ИЭСОЯ, в лекции, прочитанной в Коллеж де Франс в 1966 году, в ряде статей разных лет (Абаев, 1990), приведем также мнения и других ученых. Выясняется, что имена героев Нартиады в подавляющем большинстве – кар.-балк. (тюркские). Таков результат исследований В. И. Абаева (настоятельно рекомендую ирановедам, сарматологам и нартоведам всего мира прочесть ИЭСОЯ). Правда, он все время говорит об их тюрк., ногайск. или даже монг. происхождении, хотя у других тюрков нартского эпоса нет, а у монголов (если, конечно, они побывали бы на Кавказе), вероятно, нашлись бы дела поважнее, чем обучение «алан-иранцев» (и только их) своим сказаниям и языку.

Доказывая иранство скифо-сарматских племен, осетиноведы используют данные любых древних и современных языков, близкородственных или дальнеродственных осетинскому – авестийского, древнеиранского, древнеиндийского, персидского, хорезмийского, согдийского, памирских, древнегреческого, латинского, английского, французского, готского, немецкого и пр. При этом даже «параллели» из монгольского (входящего в одну языковую группу с тюркскими) оказываются свидетельствующими в пользу мнения об иранстве скифо-алан! Поскольку из всех встреченных ими народов монголам больше всего понравились «аланы-иранцы». Наверное, то же самое произошло и с тюрками: всех североиранцев от Дуная до Алтая проглотили, а вот аланы им понравились и они их не тронули.

Обратимся к объяснениям имен родоначальников нартов, как они звучат у осетин.

Бураефарныг/Бораефарнуг собственное имя одного из видных героев нартовского эпоса, родоначальника фамилии *Бораетае*. Объяснение В. И. Абаева: «Из *Бура-фаерн-уг/Бора-фаерн-уг*, букв. «*Бура/Бора*, наделенный фарном» (благодатью. – М. Дж.)). *Бур/Бор*ае сближается с именем родоначальника богов в скандинавской мифологии: др.-сев. *Бора* (отец Одина). Весьма возможно, что это имя тождественно с *бур/бор* «желтый» (основа эта широко распространена и в германских языках) и означает «светловолосый» (ИЭСОЯ, т. 1, с. 272). Но Т. А. Хамицаева, которой этимология Абаева, конечно же, была известна, говорит: «Вс. Ф. Миллер писал: «Имя Бурафарныг **в противоположность именам других нартов** (выделено нами. – М. Дж.) – Созрыко, Урызмаг, Батраз, по видимому, чисто осетинское. Во второй части нетрудно узнать слово «фарн» - «мир», «изобилие»; «в первой Цораев видит слово «бирае» (дигор. «беура») – «много». Но почему общепонятное слово – «бирае» - исказилось (в иронском) в «бурае» - непонятно» («Нарты», кн. 3, 1989, с. 29).

Почему это имя, якобы означающее «светловолосый, наделенный благодатью», должно непременно сближаться с именем отца скандинавского Одина, Абаев не объяснил. Ю. А. Дзицойты вносит поправку, считая слово *бор* производным от др. иран. *бау* «изобилывать, быть богатым», и приводит мнение других исследователей, полагающих, что оно означает *бур, бор* «желтый», так как «в осетинской идеологии желтый цвет связан с небесной благодатью» (Дзицойты, с. 19). Но тогда неясно, почему «небесная благодать» (*фарн*) и желтый цвет связаны с именем главы рода богатых, а не рода жрецов. И если в имени нарта заключалось указание на богатство, то ближе не древнеиран. *бау*, а кар.-балк. *бар* «есть, имеется, имущий» или, на худой конец, тюрк. же *бай* «богач».

Образы главных героев восходят к «животному эпосу», из него и вырос позже эпос

нартский, который можно определить как эпос шаманско-воинский, поскольку многие его герои обладают качествами воинов, владея и магией. Мы полагаем, что имена родоначальников и производные от них названия трех нартских родов возникли не случайно и что их значения взаимосвязаны; скорее всего, названия трех (в кар.-балк. эпосе - четырех) древних родов, носителей разных функций, должны были обозначаться именами тотемов. Но в работах осет. нартоведов мы сразу же натываемся на произвольные этимологии. Что, например, дает для понимания эпоса их объяснение имени *Бора*, *Бура* – «светловолосый» или «Бора благодатный»? Ничего. Это лишь предположение, как и его связь с именем отца Одина (что, впрочем, не исключено).

Сильного и богатого главу рода имущих (*Боралары*) в кар.-балк. эпосе именуют *Бора-батыр*. Наиболее вероятно, что это слегка и закономерно изменившееся в *бора* название могучего животного – быка (*богъа*, *бугъа*). Трудно было выбрать более подходящее название для родоначальника производителей материальных благ, многочисленных и имущих: как известно, бык – древний символ силы и плодovitости в воззрениях многих народов. Возможно, под этим родом имелись в виду те скифы, которые именовались *огузами*; слово *огуз* (*огур*, *огъур* – «племя, народ») также означает «бык». В подтверждение сказанному о тюркском происхождении имени этого родоначальника – один пример. Сына Бурафарнуга, одного из нартских родоначальников, в одном осет. сказании зовут *Болгар*. Разумеется, у иранистов объяснение наготове: «Не исключено, что это имя связано с названием тюркского племени болгаров, откуда, возможно, и название балкарцев», согласно мнению В. Ф. Миллера; «этот факт, возможно, говорит о частичной инфильтрации тюркского этнического элемента в аланскую среду» (Дзицойты, с. 190).

Если читатель возьмется подсчитывать количество тюрк. элементов в осет. эпосе, хотя бы приводимых здесь и ниже, ему придется думать не о «частичной инфильтрации тюркского элемента», а о настоящем фольклорно-лексическом половодье. И привожу их не только я, но и сами иранисты – подозреваю, что без большого удовольствия.

«*Алаегатае* «Алаговь», одна из трех нартских фамилий в эпосе; в отличие от двух других фамилий – *Хсаертаеггатае* и *Боратае*, которые упоминаются повсюду и известны всем сказителям, *Алаегатае* (в осет. эпосе. - М. Дж.) встречаются только в некоторых вариантах. – Фамильное имя на *тае*, производное от личного имени *Алаег*, западнокавказского происхождения; ср. каб. *Аллэг*, нартская фамилия, каб. *Алегуко* (в ос. *Алаегуко*) собств. имя, абадз. *Алагуко* (*Алаг* + *ко* «сын»). Исходить надо, быть может, из абх. *а-лэг* (*а* – абхазский артикль). В этом случае *Алаег* оказывается в конечном счете связанным с *лаег* «мужчина» (кавказского происхождения). Неоднократно делались попытки разъяснить *Алаег*- на индоиранской почве, возводя его к *арьяка* «ариец» или связывая с др. инд. топонимом *Алака*. В свете кавказских фактов от таких попыток благоразумнее отказаться» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 1, с. 45).

Но Ю. А. Дзицойты предупреждению Абаева не внял и, не признав в осет. *Алаегатае* «западнокавказское» *а-лэг* «мужчина», присоединился к мнению Дюмезиля о том, что это фамильное имя восходит к древнеиран. *арьяка* «ариец», производному от *арья* «ариец». От этого слова иранисты производят все, что пожелают; от него, как мы помним, Абаев производил и *аллон* (в выражении *аллон-биллон*), якобы осет. фольклорную форму этнонима *алан*, а также самоназвание осетин – *ирон*, а также *ацагаллон* «чужой, чужак, посторонний». Как это у них совмещается, мне понять не дано, поскольку все эти слова, в том числе и *Алаег*, на мой взгляд, весьма далеко отстоят от *арьяка*. Но совершенно бесцветное неопределенно-«кавказское» «мужчина» (о чем говорил Абаев в случае с попытками объяснить слово *нарт* как иранское «мужчина, самец») не помогает: а разве остальные нарты принадлежали к другому полу? Кабард. *Алегуко* вряд ли имеет отношение к имени нарта; оно, скорее всего, производное от араб. *Али*, ср. кар.-балк.

вариант того же имени – *Алиюкъ*.

Тюрк. этимология именования нартского рода Аликовых гораздо проще: *алик*, *элик* «царь», от *аль*, *эль*, *иль* «страна, государство» + формант *ик*. Зафиксировано в этом же значении еще в XI в., в карахандском этическом кодексе «Благодатное знание» Юсуфа Баласагуни. Речь идет о племени, которому принадлежало главенство в Скифии, о «царских скифах», упоминаемых Геродотом и другими ранними авторами. В кар.-балк. эпосе *Аликлары* – жреческий род (в древности аристократы исполняли и обязанности жрецов, а цари являлись и первосвященниками). Но это уже **вторичное** их наименование (процесс антропоморфизации древнего животного эпоса коснулся и имен многих героев). Заметим, что главой Аликовых (в кар.-балк. эпосе) является герой *Алауган* (носящий барсовую шкуру), поэтому весь род в эпосе иногда называют *Алауган-лары* (или даже *Дебет-лары*, по имени отца Алаугана). Имя героя, как мы уже много раз говорили, восходит к табуированному названию барса: *ала уанг* – *ала ван* – *ала ган* (совр. звучание – *ала жан*) – «пятнистое существо, пятнистый зверь» (по той же причине у сванов упоминается нартский род *Аликановы* – совмещение кар.-балк. *Алауган* и *Аликлары*). Именование жреческого рода *Аликлары* («Царевы») ввело меня в заблуждение, по причине чего я считал его воинским.

«Хсаертаег/Аехсартмаег один из героев народной эпопеи «Нарты»; сын Вархага, брат-близнец (А)хсара; женился на дочери владыки поводного царства Донбетра; убил своего брата; стал родоначальником нартской фамилии (*Ае*)хсаертаеггатае «(А)хсартаговых», к которой принадлежат знаменитейшие герои – Шатана, Урызмаг, Хамыц, Сослан (Созрыко), Батраз. – Восходит к *хиатрака*-, как *хсар(т)* – к *хиатра* (от индоир. *хшай* «сиять, блистать»; *кшатрии* – название варны воинов в Древней Индии. – М. Дж.). «Вместе с эпическими сказаниями имя *Хсартак* вошло в некоторые соседние языки: балк. *Схуртук*, имя отца нарта Ёрюзмека, инг. *Ахсарттой* – *Архастой* – *Орхустой* название богатырского племени» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 4., с 229).

Но как связать семантику имен трех родоначальников нартвов? Если первого звали «светловолосый», то следовало ожидать, что имена других будут означать, скажем, «темноволосый» и «рыжий». Если выстроить в цепочку имена трех родоначальников (совпадающих в разных вариантах Нартиады, что еще раз говорит об их едином истоке), то, согласно этимологиям В. И. Абаева, получится следующее: Светловолосый – Мужчина – Воин (подсказка для самых ретивых иранистов: соединив все три слова, получаем образ настоящего арийца-кочевника). В. И. Абаев, к тому же, ничего не говорит о причинах появления начального звука *А* в именах *Алаегатае* и *Аехсартмаег*. Если учесть, что *–а* в иранских является частицей отрицания, получаются странные значения – «не-мужчины», «не-воины». Все эти объяснения, очевидно, совершенно произвольны.

В кар.-балк. эпосе род Усхуртуковых – это уздени-воины, второе после жрецов (аристократов) сословие. Поэтому даже об Ёрюзмеке Усхуртукове, вожде всех нартвов, в эпосе говорится:

*Ёрюзмек деген ёзден эди,
Белибауу жезден эди,
Кёп кыйынлыклагъа тёзген эди,
Бош тукъумдан чыкъгъан бир балады,
Жашлыкъдан да таматалыкъны алады...*
Ёрюзмек был узденем,
Пояс у него был из латуни,
Много бед он перенес,
Он дитя простого рода,

Но смолоду начал первенствовать...

Вероятно, *Усхуртук* (и производное от него осет. *Ахсартаг*) - древнее (тотемное) наименование рода воинов. «Серый» в кар.-балк. яз. – *боз, буз, буд* табуированное наименование волка; ср. обычное имя *Бозжигит, Бузжигит*, букв. «серый герой», т. е. «герой-волк». Но еще одно название волка – *кърт*, в соединении со словом *буз, боз – бузкърт, бозкърт* - «серый волк») + -ук, -укъ, -ок, -окъ – имяобразующий аффикс. Кроме того, *окъ* означает «стрела; пуля; потомство; род».

В имени *Бузкъртук, Бухуртук* начальный согласный почти неслышим, и, разумеется, должен был выпасть, отчего и получилось нынешнее *Усхуртук*. (Несомненно, от названия этого мощного рода-племени – *Бузкърт, Бозкърт* «серые волки» – и название башкир – *баикъорт*). Итак, получается отличное согласование в семантике тотемических родовых названий: Быки (имущие, владельцы), Волки (воины), Барсы (жрецы; неслучайно жрецы некоторых древних народов носили барсовые шкуры). Этимология *Инди-лары*, названия рода наемных работников, чьим родоначальником представлен в кар.-балк. эпосе *Индилай*, неясна. Возможно, в основе фамилии слово *инджил*, имеющее несколько значений, в том числе и «нужда, бедность».

В осет. эпосе встречаются и другие фамильные имена.

«*Ацаетае*, образовано от имени главы рода, «старого *Ацае*», восходящего к «*уацае* «божество, божественный», что как нельзя лучше подходит к функции служителей культа». У них хранилась чудесная чаша *Уацамонгае, Ацамонгае*, название которой содержит тот же элемент. Поэтому, как считает Ю. А. Дзицойты, это тот же род *Алагата*. Представителями рода Ацата были старый *Ацае* и его сын *Ацаемаез*, а также некий *Теувез* (Дзицойты, с. 12-15).

Следует признать правоту Дзицойты, считающего Ацата и Алагата одним родом. В кар.-балк. эпосе осет. *Ацаетае* соответствуют *Ачейлары, Ачилары* (Ацейлары, Ацылары), о которых говорится, что они были большим родом. Имя происходит от кар.-балк. *ачы, ацы* «сильный». К этому роду относятся старый князь Ачей (*бий Ачей, бий Ацей*) или *Ачы-батыр (Ацы-батыр)*, его сын *Ачемез, Ацемез*, и брат Ачея - *Насыран*. На самом деле они являлись частью рода жрецов, Аликовых; это доказывается не только тем, что у них хранилась волшебная чаша, но и тем, что, согласно кар.-балк. сказанию, юного Ачемеза убил представитель враждебного рода Усхуртуковых – Сосурук. С кар.-балк. яз. объясняется и имя представителя этого рода в осет. эпосе – *Теувез*, в кар.-балк. эпосе – *Тауас* «горец-ас»; ср. осет. фамилию *Тавасиев*, вероятно, от того же *тау ас*.

Астае – встречается в осет. эпосе единственный раз. «Г. Бейли сопоставил компонент *ас* в интересующем нас родовом имени с самоназванием осетин в прошлом – *ас*, откуда заимствованы груз. *оси* «осетины» и русское «осетин». С такой этимологией не согласились Т. А. Гуриев, Е. А. Тулатова и Ю. С. Гаглойти, видя в *Астае* «ложноэтимологическое осмысление название *Ацатае*». Дзицойты присоединяется к мнению Г. Бейли (Дзицойты, с. 23). (Как и почему осетины получили свое нынешнее, официальное, наименование, мы уже разъяснили выше; напомним еще раз, что асами осетины называют не себя, а балкарцев, поэтому фамилия *Астае* должна означать «Балкаровы»).

Албегатае «Албеговы», или *Аелумбегатае* «Алумбеговы», к которым принадлежали *Албег* и его сын *Тотрадз*. Что означает это имя, Ю. А. Дзицойты не объясняет, ограничиваясь намеком на идентичность Алагата и Албегата.

Алытае – родовое имя, которое встречается всего один раз, и является «исходным вариантом родового имени *Албегатае*, поскольку единственным представителем рода Алыта является все тот же Албег. Г. Бейли связывал компонент *алы, али* с компонентом

Алае в родовом имени *Алаегатае*; этимон «родового имени *Алыта* должен был иметь форму *арьята*, по мнению Ю. А. Дзиццойты. Вряд ли это можно считать очевидным, поэтому осетиновед, говоря о сильном влиянии тюрков на алан, объясняет *Албегатае* тюркизацией исходного *Алытае*, упоминая и о том, что в чеченских сказаниях встречается имя нарта *Али* (Дзиццойты, с. 22-23). Тюрк. происхождение имени видно, как говорится, невооруженным глазом, и ни в каких возведениях его к *арьята* нужды нет. Кар.-балк. *ал* «первый, передний» + титул *бек*, «первый среди беков, князей». Что касается осет. *Алыта*, то это тюрк. *алик*, *элик* «царь», с добавлением осет. показателя мн. числа *тае* – *Алыктае*, с последующей редукцией слабого *К*; чечен. *Али* – усеченная форма того же имени *Алик*, *Элик*, уподобление араб. имени *Али*, распространенному у мусульман.

УРЫЗМАГ И ШАТАНА

Шатана «прославленная героиня осетинского эпоса о героях Нартах, сестра и жена Урузмага. Рисуеться в сказаниях как мать народа, центр и средоточие нартковского мира, хлебосольная хозяйка, заботливая воспитательница и наставница младших героев, мудрая советчица в трудные для нартвов времена, иногда – могущественная чародейка. – Старое аланское женское имя. Впервые засвидетельствовано армянским историком Моисеем Хоренским (V в. н. э.) в форме *Сатеник*. По рассказу этого автора, армянские народные певцы в его время воспевали красоту и ум аланской принцессы Сатеник, которая во время алано-армянской войны (начало II в. н. э.) пленила армянского царя Арташеса и выручила из плена своего брата. Поскольку фигура Шатаны занимает центральное место в нартковском эпосе, ее имя известно всем народам Кавказа, у которых распространены нартковские сказания»; Шатану и Сатеник отождествил впервые Д. Лавров» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 3, с. 40).

Как следует из рассуждений В. И. Абаева, имя и образ нарта Батраза остальные народы Кавказа позаимствовали у «алан-осетин» не ранее XIV-XV вв. (после эпохи монгольских завоеваний) – поскольку именуют его точно так же; но имя и образ Шатаны – не ранее II в., уже после того, как эту героиню нарекли именем аланской принцессы, т. е. процесс усвоения «ирано-скифского эпоса» кавказскими народами продолжался никак не менее тысячи лет, согласно Ю. А. Дзиццойты – гораздо дольше). Очень впечатляет, но, к сожалению, не убеждает (неужели остальные народы на протяжении тысячелетия дожидались появления новых героев в эпосе «алано-иранцев», чтобы тут же включить его в свои эпосы?). Далее В. И. Абаев сообщает не весьма утешительные сведения: «Этимология не вполне ясна. Учитывая первенствующую роль Шатаны в эпосе, Бейли сближает с ав. *сатар* «властитель», А. Биазров (в письме) думает о связи с перс. *сатгин* «любимый предмет» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 3, с. 40). Из чего исходили этимологи, один из которых думал, что женщину называли «властителем», а другой – что неким предметом, пусть и «любимым», я не знаю.

Но вот какое безупречно логическое заключение делает В. И. Абаев: «В любом случае древность и аланская принадлежность имени, подтверждаемые Моисеем Хоренским, не вызывают сомнения. Более того, не исключено, что принцесса Сатеник, ее ум и красота владели умами не только армянских рапсодов, но и певцов на ее родине Алании, и песни о ней, контаминировавшись с древним, идущим еще от матриархата, образом мудрой матери народа (безымянной? – М. Дж.), способствовали оформлению образа нартковской героини и ее имени» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 3, с. 40).

Если непонятное имя героини эпоса созвучно непонятному имени аланской принцессы – значит, это имя аланское, т. е. осетинское, причем «в любом случае». Но все-таки мы в

сомнении: какая из предложенных иранистами этимологий имени нартской красавицы предпочтительней – «властитель», «любимый предмет»; или *Шатана* – это все же *Сатеник*? В 1986 году, в рецензии на книгу кабардинских языковедов М. А. Кумахова и З. Ю. Кумаховой, выпавших сомнение в правильности его объяснения, В. И. Абаев пишет, подчеркивая, что идентификация Шатаны и Сатеник была «безоговорочно принята Дюмезилем и Бейли» (но разве это аргумент?): «Конечное *-ик* в Сатеник – обычный армянский ласкательный суффикс. Стало быть, подлежат сопоставлению базы *Сатан-* и *Сатен-*. И их-то сближение авторы рецензируемой книги называют «произвольным». Что же требуется, чтобы оно было не произвольным? Если полное звуковое тождество – не аргумент, то какие же еще нужны аргументы?» (Абаев, 1990, с. 384).

Но авторы рецензируемой книги могли бы возразить, указав, что кроме звукового тождества, требуется еще и самое главное – объяснить, что означает это имя и на каком языке (если основываться только на звуковом тождестве, можно утверждать, все, что угодно); кроме того (с нашей точки зрения) нет и никаких доказательств скифо-аланского происхождения осетин. Кроме того, в одной из ранних работ (1935 г.) Абаев пишет: «Армянское предание о *Сатиник*, поскольку сближение последней с осет. *сатана* в высокой степени заманчиво, подкрепляет как будто предположение об аланском (следовательно, осетинском) характере этого имени. Однако аланское в данном случае, как и во многих других, не совпадает с иранским. Звуковой облик имени *Сатана* абсолютно исключает возможность отнесения его к исконному иранскому фонду осетинского (наличие трех долгих *a*, в особенности конечное *a*)» (Абаев, 1990, с. 247). Но, как видим, впоследствии это ничуть не помешало ни ему, ни его ученикам настаивать на осет. происхождении имени героини. Несмотря на то, что его звуковой облик несколько не изменился.

Полагаю, что языковед такого уровня, как В. И. Абаев, не мог не увидеть в кар.-балк. имени главной героини эпоса (*Сатанай*) тюрк. *ай* «луна, месяц», но он ни разу даже не намекнул на подобную возможность. Оно и понятно – слишком важна роль этой героини в эпосе: потяни за ниточку – и цепь «доказательств» «североиранского» происхождения эпоса порвется, а вместе с ней начнет рушиться и вся «ирано-скифская теория». Кар.-балк. имя главной героини эпоса – *Сатанай-бийче* – состоит из арх. *сатан* «ясная, чистая» (ср. *шатык* «ясный, отчетливый») + *ай* (восходит к *акъ* «белая») «луна», *бийче* – «богиня». Именно богиней, намного возвышающейся над всеми героями, благодаря своей мудрости и красоте, она и предстает в Нартиаде. (Особенно ярко описаны ее вечерние прогулки по берегу моря в одном абхазском сказании, напоминая описание восхода луны). Кроме того, Сатанай-бийче многими чертами напоминает великую шаманку: ее именуют *обур* «вещая; шаманка», она обучает женщин колдовству, магии, гаданию. Способность превращаться в чернобурную лису ясно показывает тотемические истоки ее образа (как и хитрость, и даже коварство, присущие героине). Древнее звучание имени – *Сатанакъ*. Так же, вероятно, звали аланскую (карачаево-балкарскую) принцессу, жену царя Арташеса, но ее имя слегка изменили, по образцу армянских женских имен, в которых часты окончания *-ик*.

Уырызмаег/Урузмаег, Оразмаег «имя одного из популярнейших героев осетинского героического эпоса о Нартах, брата и мужа Шатаны. – Иранское имя, засвидетельствованное в армянских источниках в форме *Уаразман* (*Варазман*), производное от *вараза-* «кабан». Дигор. форма *Оразмаег* (*Уаеразмаег*) отражает старую огласовку» (ИЭСОЯ, т. 4, с. 127). В 1935 году Абаев сближал это имя с иран. *Уаразман*, «сохраненным в «Истории албан» Моисея Каланкатуйского», но, после рассмотрения ряда имен главных персонажей эпоса, уточнил: «Мы находим здесь **лишь одно иранское имя** (выд. нами. - М. Дж.), *Уырызмаег*, но и оно не может быть отнесено, по-видимому, к исконному иранскому фонду осетинского языка, а усвоено скорее через армяно-албанское

посредство» (Абаев, 1990, с. 246, с. 253). Г. Бейли усматривал в основе варианта имени – *Ораездег* – древнеиран. титул *ава-размак* «предводитель» (Дзицойты, с. 167). Но позволительно спросить: что «кабаньего» в облике этого нарта? Ничего. Нет у него и никаких атрибутов такого облика.

Может показаться, в таком случае, что это зоофорное имя, но не имеющее отношения к тотемизму, т. е. что оно, как и образ самого героя, не идет из животного эпоса или мифологии. Однако это не так, во всяком случае, в кар.-балк. эпосе: герой рождается из упавшей на землю и расколовшейся при ударе кометы; его вскармливает волчица, а находит мальчика кузнец Дебет, который отдает его бездетной чете – *Усхуртуку* и *Асений*. В детстве он пасет отару своего приемного отца, и волки, признавая в пастушонке своего, не трогают их овец. Из металла кометы Дебет выковывает для героя необычайной прочности меч, которым молодой Ёрюзмек убивает небожителя Кызыл-Фука. Ёрюзмек – муж Сатанай, отец Агунды, Сибильчи, Бюрче, отчим Сосурука, тесть Карашауая, вождь, законодатель и религиозный реформатор.

Герой был вскормлен волчицей, и это отразилось в его имени. *Бёрю* «волк, волчий» + *сюммек* «сосун, выкормыш; сосулька» = *бёрюсюммек* «волчий выкормыш», при закономерном стяжении – *бёрюсмек*, *ёрюзмек*. Есть кар.-балк. выражение *Бий* – *бёрю*, *бийче* – *тюлю* «Князь – волк, княгиня – лиса»; Ёрюзмек и Сатанай-бийче (умеющая принимать облик чернобурой лисы) изображены в эпосе супружеской парой неслучайно. Кроме того, Ёрюзмек является в кар.-балк. эпосе живым олицетворением небесного меча-радуги; радуга в кар.-балк. яз. называется *тейри кьылыч* «небесный меч» или «божественный меч», *жанкьылыч* «огненный меч» или «меч жизни». Согласно древним воззрениям карачаево-балкарцев, мир был создан именно этим мечом (см. «Ёзден Адет», 2006).

При усвоении осетинами-иронцами кар.-балк. сказаний без лингвистических недоразумений, конечно же, не обошлось. Приведем один пример. Состарившийся Урызмаг дважды обращается к нартсам с весьма странной просьбой: «С юности до старости никогда не жалел я для вас своего ума, теперь же нет вам от меня больше пользы, и сделайте мне из плотного чугуна гроб, положите туда и в море киньте: нельзя меня хоронить на нартском кладбище». Нарты так и поступают. «Подняло море гроб кверху и стало нести. Вот на берегу Черного моря у малика Черноморского мельницы остановились. Пригнала ночью вода гроб к запруде» (Нарты, 1989, кн. 2, с. 80).

Из текста неясно, почему нарта нельзя было похоронить на кладбище, зачем он просит положить его в гроб из плотного чугуна (*аенгом цаенгаетаей чырын*) и бросить в море, что такое «плотный чугун», и почему этот гроб, который насилу тащат к берегу собранные со всего нартского селения быки, сразу не пошел ко дну. В. И. Абаев, которому и принадлежит запись (1934 г.) текста, в комментариях пишет: «Значение «чугун» для «цаенгает» дается сказителем и другими опрошенными лицами без полной уверенности» (Нарты, 1991, кн. 3, с. 21), что вполне понятно. Отметим следующие созвучия:

Осет. *аемир* «плотный» – кар.-балк. *ёмюр* (*омур*) «век, вечный».

Осет. *чырын* «сундук» – кар.-балк. *чыран* «ледник». (В оригинале осет. сказания фигурирует созвучное *чырын* «сундук», но в переводе – «гроб», который по-осетински называется *марды чырын*, т. е. «сундук мертвеца»).

Осет. *цаенгает* «чугун, чугунный» – кар.-балк. *цегет*, *чегет* «лес» и «северная сторона» (т. е. «склоны гор, обращенные на север»).

Отсюда становится ясно, о чем шла речь в тюрк. оригинале сказания: старый Урызмаг просил положить его в сундук и опустить в трещину ледника, в вечные льды на северном склоне гор. Ошибка в понимании тюркского текста привела к появлению целого эпизода в

осетинском эпосе.

Алди – первая жена Урызмага, которую коварная Шатана довела до смерти, чтобы самой выйти замуж за этого нарта. Осетинские комментаторы пишут: «Имя «Альда» засвидетельствовано как аланское женское имя еще в XI в. византийским историком Георгием Кедреном: «Вдова царя авасгов (Абхазии) Георгия – Альда, родом аланка, вступила в союз с императором (Византии Романом) и передала ему крепость Анакуфу (Анакопия, вблизи Нового Афона, на берегу Черного моря), а позднее с сыном переселилась в Осетию» («Нарты», кн. 3, 1989, с. 11). Объяснения имени я не нашел; неясно, о какой «Осетии» могла идти речь у византийского историка – он говорил об Алании, а это не одно и то же. Имя жены Урызмага, возможно, слегка деформированное кар-балк. *Алтын* «золото, золотая».

Къырым-Солтан – сын Урызмага, победитель целого войска *агуров*. Этимология прозрачна – «крымский султан».

Агундае имя красавицы, героини нартского эпоса. Вероятно, к парф. *укунд*, перс. *йаканд*, груз. *йагунди* (греч. *йакинтос*) «яхонт» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 1, с. 35). Трудно сказать, насколько верна эта этимология. Неясно, как и от кого проникло в осет. яз. греческое слово. В кар.-балк. эпосе *Агунда* – имя нартской красавицы, дочери Ёрюзмека и Сатанай-бийче Усхуртуковых; она стала женой нарта Карашауа Аликора. В сказаниях говорится о волшебной «золотой чаше» (*алтын аякъ*), которая называлась *Агуна*; в таком случае, *агунду* (*агунлу*) означает «имеющая (чашу) Агуна», «(находящаяся) при Агуне». Хранительницами чаши, по мифам, были «святые девы» (*аякъыз*, *шамкъыз*), до замужества служившие при святилищах (*чууана*). – (Карачаево-балкарские мифы, с. 467).

АЦА И АЦАМАЗ

Насран, Насыран, Насиран имя одного из героев в нартском эпосе. Ср. араб. *насран* «назарянин», «христианин» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 2, с. 162). Согласиться с такой догадкой трудно, поскольку непонятно, почему этот нарт должен был иметь араб. имя, да еще и означающее «христианин». В кар.-балк. эпосе *Насыран* – имя дяди героя Ачемеца, брата князя Ачея. Скорее всего, это кар.-балк. *Наржан, Нарзан* «солнечная душа», «сияющая душа», или *наришан* (*наришау, наришакъ*) «металл, металлический» (по кар.-балк. сказанию, металлы некогда изрыгнуло на землю разгневанное Солнце – *нар*; ср. также слово *къусукъ* «самородок, слиток», в котором ложно присутствует *къус* «изрыгать, извергать»), и *Къайнар, Хайнар* («живое солнце»), именование Творца.

Ацаемаез имя популярного нартского героя, прославленного музыканта. «Сопоставляется с скифским собственным именем из Горгииппии» (*Атамазас*). «Мюлленгоф видит во второй части др. иран. *маз*- «великий» (в осет. не сохранилось); в первой части может быть *уас* (культовый термин) с отпадением начального У». И, далее: «К осет. примыкают карач. *Ачимез, Ечмей*, каб. *Ашмез*, абаз. *Ашмез*, абх. *Ачмез*» (ИЭСОЯ, т. 1, с. 26).

Очень своеобразная логика: объяснения это имя на осетинском не имеет, но перечисленные антропонимы все равно «примыкают». В. И. Абаев, разумеется, не мог не догадаться о происхождении этого имени; в 1935 году он пишет (употребляя определение *турецкий* вместо *тюркский*): «Имя *Ацаемаез* с первого взгляда имеет явно турецкий облик. Оно кажется построенным по типу турецких отглагольных имен с исходом на отрицание *маз*: *Къоркъмаз* «не боящийся», «бесстрашный», *Къайтмаз* «не возвращающийся» или «не отказывающийся» (правильный перевод: «не отрекающийся (от клятвы, слова)». – М. Дж.) и т. п. *Ацаемаез* могло бы в этом случае отражать турецкое *Ачмаз* со значением «не открывающий» или «не открывающийся – неприступный» (от

ачмакъ «открывать»).

Но это «на первый взгляд», а на второй Абаев привел весьма шаткое возражение против тюрк. этимологии (к тому же неверной): в эпиграфике Причерноморья I-III в. н. э., встречается имя *Атамазас*, которое, поскольку в греч. алфавите не было знака для *Ц* или *Ч*, «представляет точную и безупречную передачу нашего *Ацаемаез*» (Абаев, 1990, с. 252). Намек понятен: тюрков в те давние времена в Северном Причерноморье не было, следовательно, если имя и не имеет объяснения на почве иранских, оно все равно не тюркское, а иранское. С тех пор ирановеды к тюрк. этимологии имени не возвращались, но и не продвинулись ни на шаг далее того, что сказал Мюлленгоф.

Подробный анализ осет. сказаний о чудесном музыканте Ацамазе и его отце Аца предпринял Т. А. Гуриев. Разумеется, он полностью повторил все, что было сказано об имени *Ацамаз* у Мюлленгофа и Абаева, возводя вторую часть к иран. *маз* «великий» (которое в осет. не сохранилось). «Если сказанное верно, то неразъясненной нужно признать первую часть имени, т. е. – *Ата* –//*Аца* –//*Ача*-. Имя *Атамаз* должно было, таким образом, означать *Ата Великий*. Логично предположить, что при такой трактовке мы должны постулировать существование самостоятельного имени *Ата* еще до того, как появилось имя *Ацамаз* - «Ата Великий».

Но в осет. эпосе героя зовут Ацамаз, сын Аца. Получается – Аца Великий, сын Аца. Откуда же взялось второе «Аца», и почему? Имя *Ата*, *Атта* многократно встречается среди скифо-сарматских имен; Э. А. Грантовский сопоставил его с осет. *аеда* «дед», но Т. А. Гуриев не говорит о том, есть ли у осетин или у других иранцев такое имя (зато оно очень часто встречается у тюрков – туркмен, кумыков, узбеков, азербайджанцев - в форме *Ата*, *Атта* «отец, батюшка»; одного из родственников автора этих строк звали *Атта*). Отсюда и вывод Гуриева: «Ареал распространения данного имени настолько обширен, что нет возможности приписать его к одному району или определить его национальную принадлежность». Казалось бы, вывод окончательный; но Гуриев делает неожиданное заключение: «Однако при этом более вероятным представляется иранское происхождение!» И далее он же говорит, что считает его одним из детских слов типа «мама, папа, дада» и пр. (Гуриев, 1991, с. 40).

По мнению осетиноведа, произошло раздвоение имени *Атамаз* «Ата Великий» (по-осетино-древнеирански оно означало бы «Дед Великий»). Далее в объяснение имен царя и его сына Т. А. Гуриев не углубляется. Но никакого «раздвоения», при всех наших усилиях, мы узреть не можем. Если бы, скажем, имелось два имени – *Ата* и *Маз* – это одно дело. Но Гуриев подразумевает другое: вначале было непонятное имя отца, *Ата* (*Аца*), к которому прибавилось отсутствующее в осет. *маз* «великий» (вопреки закону осет. языка, согласно которому, как пишет В. И. Абаев, определение, «чем бы оно ни было выражено, всегда стоит впереди определяемого», «обратный порядок совершенно невозможен»); но тогда мы имели бы *Маз-Аца*.

Затем от этого странного перевернутого имени, по Гуриеву, отпочковалась и стала жить самостоятельной жизнью (как нос у героя повести Н. В. Гоголя) первая часть – Аца, но в качестве имени отца, великого царя скифов, а его славное полное именование (Аца Великий) почему-то досталось сыну. В осет. эпосе Аца – мудрый и авторитетный старец; бог диких животных Афсати подарил ему чудесную золотую флейту, которая досталась его сыну Ацамазу. Но в ряде сказаний, по словам Гуриева, самым уважаемым стариком среди Нартов является почему-то не Аца, а его сын Ацамаз! Это уже не этимологический анализ, это гораздо выше – эквилибристика.

Кто же подразумевается в осет. эпосе под именем *Ата*, *Аца*? Т. А. Гуриев совершенно правильно, на наш взгляд, заключает, что речь идет «о колоритнейшей фигуре во всей богатой истории Скифии» - царе Атее, известном по многим источникам; «...мы не знаем,

носил ли Атей при жизни эпитет «маз», но мы должны признать, объективности ради, что он его заслужил». При нем страна обрела черты централизованного государства, чеканилась монета с его именем и изображением. Климент Александрийский «приводит одно любопытное послание Атея византийцам, которое характеризует его как государственного деятеля, защищающего интересы своей державы: «Не вредите моим доходам, чтобы мои кобылицы не пили вашей воды». Противодействие Атея агрессивным планам Филиппа Македонского (отца Александра) привело оба государства к войне и решающей битве (в 339 году до н.э.) на берегу Дуная, в которой скифы были разбиты; погиб и царь Атей, которому в то время было 90 лет. По словам Лукиана из Самосаты, македонцы захватили в плен 20 000 женщин и детей, 20 000 лошадей и множество скота.

Итак, в образе нартского старца Аца отразилась память о скифском царе Атее, «в соответствии с эстетическими требованиями создателей и носителей эпоса». Выводы Т. А. Гуриева:

«1. Эпическое имя *Ацамаз* неотделимо от известного скифо-аланского имени *Атамаз* - последнее переводится как «Ата Великий».

2. Своеобразным прототипом эпического Ацамаза // Ата Великого был известнейший и легендарный скифский царь Атей.

3. Образ чудесного музыканта Ацамаза видоизменялся, развивался в течение многих столетий в соответствии с трансформациями в идеологии носителей эпических традиций» (Гуриев, 1991, с. 45-49).

Веское подтверждение главному выводу Т. А. Гуриева есть, но не в осетинском эпосе, а в карачаево-балкарском.

ПЕСНЬ О КНЯЗЕ АЧЕЕ

В 1975 году писатель А. М. Теппеев записал от восьмидесятилетнего Ибрагима Чотчаева из селения Учкекен КЧАО песню «*Бий Ачейни жыры*» («Песнь о князе Ачее»), а в 1987 г. опубликовал ее в журнале «Минги Тау» (№ 3, Нальчик), полагая, что речь идет о битве с крымцами. Ниже мы даем подстрочный перевод текста (слово «горские» следует понимать как «карачаево-балкарские» - по одному из самоназваний балкарцев и карачаевцев, *таулу* «горцы»).

Э-эй, на горские селения черный туман надвигается, говорят, уой,
И черный туман черным дождем сеется.

Э-эй, кто равен князю Ачею, чтобы выстоять, говорят, уой,
От черного половодья наши головы кто спасет?

Э-эй, от черного половодья наши головы кто спасет, говорят, уой,
Из Крыма едущим воинам навстречу кто выступит?

Э-эй, в горском селении батыром рожденный князь Ачей, говорят, уой,
Если кто-то и выступил бы, то выступил бы он, не колеблясь!

Э-эй, перед врагом и один человек нартом остается, говорят, уой,
Но и одинокий нарт, долго живя, стареет.

Э-эй, к князю Ачею горевестник помчался, говорят, уой,
То не весть о горе - то (весть) о жаждущих недоброй дани (врагах).

Э-эй, на крыши (домов) совы садятся, говорят, уой,
Горские селения охватывает тревога и печаль.

Э-эй, кто равен князю Ачею, чтобы выстоять, говорят, уой,
Кто выступит, чтобы стать щитом для горских селений?

Э-эй, Ачей-батыр встревожился, говорят, уой,
С деревянного ложа резко встал он.

Э-эй, Ачей-батыр так сказал, говорят, уой,
С другими князьями советуясь:

- Э-эй, горские селения на юнцов не покину, - говорит, уой, -
Хоть я и стар, на деревянном ложе не улежу.

Э-эй, на голову врага беды я обрушу, говорит, уой,
Пусть погибну, но на коне.

Э-эй, нет болезни, что отпускает поясницу старика, говорит, уой,
Нет силы, чтобы остановить врага на равнине.

Э-эй, на носилках меня на гору отнесете, говорит, уой,
И услышите, что я повелю при виде врага.

Э-эй, Ачей-батыр стрелы перебирает, говорят, уой,
Ачей-батыр с Балык-баши смотрит.

Э-эй, смотрит он и черный туман видит, говорят, уой,
Такие нашествия с крымской стороны стали обычным делом.

Э-эй, Ачей-батыр вороного аргамака привести велит, говорят, уой,
В Балык-баши он совет держит:

- Э-эй, не говорите, что князь Ачей старый и дряхлый, говорит, уой,
Крымскому хану свои тайны не выдайте.

Э-эй, в кровавой битве (иной) старик стоит молодого, говорит, уой,
А приближающийся враг умеет находить броды.

Э-эй, я старости и слабости своей не выдам, говорит, уой,
Пока меч мой не сломится, с вороного аргамака не упаду.

Э-эй, хан спросит: «На вороном аргамаке – не Ачей ли?», - говорит, уой,
А гнев князя Ачея на него будет велик.

Э-эй, жив, скажут, горских селений батыр, говорит, уой,
Быстро будет пускать стрелы его лук.

Э-эй, закапает кровь моя на камни горных дорог, говорит, уой,
Беду обрушу я на голову крымского хана.

Э-эй, не выпуская поводьев, немеет моя рука, говорит, уой,
Если погибну, пусть мой аргамак будет вашим предводителем.

Э-эй, в товарищи дайте мне одного Ачемеза, говорит, уой,
Хоть и молод он, относитесь к нему, как ко мне.

Э-эй, возмужав, Ачемез защитит горские селения, говорит, уой,
Когда батыр погибает, потомку остается его заповедь.

Э-эй, если вас и мало, не бойтесь многочисленных врагов, говорит, уой,
Но не будьте беспечны, когда вас больше.

Э-эй, Ачей-батыр подпруги коня затягивает, говорят, уой,
Его стрелы хану под лопатку вонзаются.

Э-эй, копыта коней искры высекают, говорят, уой,
Вражеские воины в растерянности останавливаются.

Глядят они, а уязвимых мест не видят, говорят, уой,
В горские селения вскачь ворваться не могут.

Э-эй, молодой Ачемез аргамака пустил (вскачь), говорят, уой,
Неприкосновенными остались стойбища горских селений.

Э-эй, кровь князя Ачея на камни горных дорог стекает, говорят, уой,
Беду обрушил он на голову крымского хана.

Э-эй, для князя Ачея снадобий-лекарств ищут, говорят, уой,
Во все селения горевестники мчатся.

Э-эй, князя Ачея в *мишерте* кладут,
Склеп его из (тесаных) валунов возводят...

(*Мишерте* – временная гробница, которую строили посреди ручья и где хранилось тело покойного, до прибытия на похороны всех родных).

В кар.-балк. фольклоре известны два героя по имени Ачемез. Один – в нартском эпосе, мститель за убитого в битве отца. Второй – герой историко-героической песни; защищая честь своей жены от посягательств какого-то крымского военачальника (именуемого в песне «ханом»), он заманил его в ловушку и убил. Затем песня повествует о сражении с крымцами, в котором карачаево-балкарцы отстояли свою свободу. Идентичность имен часто вводила сказителей в заблуждение, отчего они именовали обоих героев совершенно одинаково – Ачемез, сын Ачея.

Обратим внимание на следующие факты:

1. В сюжетах двух песен об Ачемезе – нартской и ист.-гер. – нет ни малейшего сходства, кроме некоторых частных фактов.
2. В многочисленных вариантах ист.-гер. песни Ачей действующим лицом не является,

его имя упоминается лишь в качестве отчества. Но все варианты нартской песни (кроме приведенной выше) начинаются с того, что он был убит в бою.

3. У героя ист.-гер. песни есть жена, и есть брат – Азнаур. Его детство ни в одном из вариантов не описано.

4. У нарта Ачемеца нет ни брата, ни жены. По одним вариантам, он женится на супруге убитого им врага по имени *Хубун* (*Кубу*, *Куба*), по другим – убивает и ее. Подробно описано детство нарта, говорится о его матери. У нарта Ачея есть брат – Насыран.

5. Действие ист.-гер. песни происходит в районе современного балкарского селения Кёнденен, у входа в Баксанское ущелье. География нартских сказаний об Ачее и его сыне Ачемезе гораздо шире – Терек, Волга, Кубань.

6. Ист.-гер. песня имеет еще одно название – «*Кърым семенле*». Первый балкарский историограф М. К. Абаев писал в 1911 году: «...существует старинная песня под названием «Крым семенле», в которой описывается путешествие по Кабарде «крымских семенов» (есть предположение, что семенами называли сборщиков дани) и, между прочим, поединок между балкарским таубием Темирканом и двумя его противниками – «одним кабардинцем и одним крымцем», в котором одержал победу Темиркан». Автор сделал примечание: «Существуют таубиевские фамилии Темиркановы и Бикановы – потомки Мимбулата, но не Басията» (Абаев М. К., с. 100). (К легендарному Басияту возводили свое происхождение княжеские фамилии Черекского ущелья (кроме Мисакаевых), к его брату Бадинату – князья дигорские).

7. В одном из опубликованных вариантов ист.-гер. песни (интересно, что в ее тексте сохраняется арх. окончание мн. числа – *лар*, *лер*, вместо совр. *ла*, *ле*) говорится:

*Эки Къабарты, бир Къырым,
Къабарты болмаз Къырымгъа бир урум.
Эй, уланлар, биз не этербиз,
Къанлы Къырым Къабартыгъа жау болса,
Бизге не къыйынлыкъ келир эди,
Батыр Темиркъанны эки улу сау болса?
Эй, уланлар, батыр Темиркъанны
Эки улу кимдилер десегиз –
Ала болурлар Ачемез бла Азнаур.
(МИБДЛФ, с. 90).*

Перевод:

Две Кабарды, один Крым,
Кабарда не выдержит и одного удара Крыма.
Эй, молодцы, что мы будем делать,
Если кровавый Крым ополчится против Кабарды,
Какое бедствие смогло бы постичь нас,
Если бы были живы два сына батыра Темиркана?
Эй, молодцы, если спросите,
Кто эти два сына батыра Темиркана –
Это Ачемез и Азнаур.

8. (После разгрома Кабарды следующими под удар Крыма вновь попали бы Балкария и Карачай; с крымцами, как говорилось выше, воевал уже князь Темиркан). Далее в песне повествуется об убийстве Ачемезом крымского хана и последовавшей за этим битве. Из сказанного вытекает, что героя ист.-гер. песни следует называть «Ачемез, сын Темиркана», в отличие от нарта Ачемеца, сына Ачея. Идентичность имен, как уже

говорилося, вводила сказителей в заблуждение: например, в приведенном выше отрывке говорится, что отцом двух братьев был Темиркан, но десятью строками ниже Ачемез именуется *Аче улу* – «сын Аче».

9. Речь идет о разных героях, которые жили в разное время. Сын Темиркана убивает крымского «хана» на ложе своей жены. Куба приволакивает тело убитого им нарта Ачемеза, сына Ачея, к себе во двор, но жена Кубы оживляет юношу при помощи волшебного полотенца, и он убивает своего врага спящим. В ист.-гер. песни волшебных предметов нет. Ни в одном варианте ист.-гер. песни об Ачемезе, сыне Темиркана, слово «нарт» не упоминается.

10. Ист.-гер. песня с таким содержанием и героем по имени Ачемез, насколько нам известно, в фольклоре соседних народов отсутствует. В то же время сказание о нарте Ачемезе, сыне Ачея, известно у многих народов Северного Кавказа. Мы можем сделать вывод: песня о князе Ачее, текст которой мы привели выше, относится к нартскому эпосу и речь в ней идет о гибели скифского царя Атея; в эпосах других народов Кавказа нет и этой песни.

Нетрудно заметить совпадения между сведениями античных авторов об Атее и теми деталями, которые присутствуют в кар.-балк. песне: а) полная идентичность имен: *Ачей* – Атей; б) и царь Атей, и нарт Ачей к моменту битвы – глубокие старцы; в) оба участвуют в битве; г) оба они погибают в сражении; д) и в истории, и в песне битва разыгрывается на берегу реки. У нарта Ачея есть сын – Ачемез. До обострения скифо-македонских отношений был случай, когда царь Атей, воюя с жителями города Истрия, которых, возможно, поддерживали племена гетов, попал в затруднительное положение и обратился за помощью к Филиппу Македонскому. Тот послал ему на выручку отряд, обусловив помощь тем, что Атей усыновит Филиппа и оставит Скифию ему в наследство. Неожиданно царь истриан умер, война прекратилась, и Атей отослал македонян обратно к Филиппу, заявив, что он помощи не просил и что наследник престола ему не нужен, так как у него есть сын. По этой причине отпадает предположение Т. А. Гуриева о «раздвоении имени», о том, что имя старого царя с присоединенным к нему эпитетом *маз* (великий) якобы стало осознаться как имя его сына, а его отца в эпосе стали именовать просто *Ата*. Эпос, помнящий царя Атея, мог помнить и имя его сына (как это и есть в кар.-балк. сказаниях), а не путаться в них.

В кар.-балк. эпосе имя юного богатыря Ачемеза устойчиво привязано к сюжету о мести за убитого отца. Наше объяснение состоит в следующем. После поражения в битве на Дунае и гибели царя Атея Скифия отнюдь не исчезла с мировой арены и не перестала существовать как государство. Спустя некоторое время скифы, которыми, возможно, командовал сын Атея (в эпосе именуемый Ачемезом) в кровопролитной битве разгромили македонского полководца Зопириона. Народ мог осмыслить это событие как возмездие за смерть царя, откуда в сказании и возник мотив кровной мести.

Мы уже говорили, что объяснение имен Аца («Дед») и Ацамаз («Дед Великий») на почве осет. и древнеиран. неудовлетворительно: никто не объяснил, каким образом «скифо-осетинское» *Аеда* «дед» превратилось у греков в *Атей*, а в самом осет. – в *Аца*, почему в имени *Ацамаз* якобы древнеиран. определение *маз* стоит после определяемого и почему оно исчезло из осет. языка. Но ср. в кар.-балк. яз. *баз* – «опора, защита» (с закономерным чередованием *м-б*); *мазаллы* – «огромный, здоровенный», *базыкъ* – «толстый, дородный»; *базын* – «надеяться» (на себя, свои силы, на кого-либо); казах. *маза* – «сила». И этимология имен *Ачемез* и *Ачей* с кар.-балк. яз. не требует никаких усилий; первое – из целого ряда магических имен – от *Ачымаз* «неуязвимый» (ср. *Къоркъмаз* «неустрашимый», *Жанълмез* букв. «чья душа не умрет», и мн. др.). Имя князя в эпосе – *Ачей*, от *ачы* «сила, сильный»; ср. *ачы* «горький, сильный, крепкий (вкус, привкус)»,

«резкий, громкий» (звук), «тяжелая» (рана). Именем *Ачей* карачаево-балкарцы сейчас детей не нарекают, но еще можно встретить людей, отцов или дедов которых звали так. Кроме того, если переход осет. *Аеда* в греч. *Атей* доказать невозможно, то кар.-балк. *Ачей* было бы записано по-гречески именно в форме *Атей* (или это кар.-балк. *Атай* «бабушка»).

Но почему в осет. сказании имена старого царя и его сына связываются с музыкой и чудесным инструментом? Т. А. Гуриев и здесь находит убедительный, правильный ответ. Однажды в плен к скифам попал знаменитый греческий флейтист Исмений, чья игра очень понравилась приближенным Атея, но сам он сказал, что предпочитает слушать ржание коня; такое грубоватое замечание Гуриев объясняет нежеланием царя допускать проникновение элементов чужой культуры в свою среду. «...рассказ о пленении Атеем знаменитого греческого флейтиста Исмения был, возможно, модификацией греческого мифологического сюжета» (Гуриев, 1991, с. 50). Предположение неверное, поскольку в кар.-балк. языке есть прямое доказательство реальности этого случая.

Как передает Диоген Лаэртский, когда знаменитого скифского мудреца Анахарсиса спросили, есть ли у скифов флейты и флейтистки, он ответил: «Даже лозы нет» - иными словами, для того, чтобы играть на флейтах и веселиться, нужно выпить вина (заметим, что мудрец использовал еще и игру слов: греч. *ойнос* «вино» - кар.-балк. *ойна* «играть, веселиться»). По мнению Т. А. Гуриева, это косвенное свидетельство того, что у скифов профессиональных музыкантов тогда не было. Сопоставляя эти сведения с тем, что сказано в осет. эпосе (старый Аца получил в подарок от бога диких животных Афсати золотую флейту), он пишет: «... остается непонятным, почему из многих подарков, предложенных ему Афсати, он взял именно его» - *уадынз* (осет. «флейта, свирель»), предположив, что сказания прежде толковали «мотив чудесного уадынзда» иначе. «Как видим, - продолжает Т. А. Гуриев, - мотив чудесной музыки получает историческое объяснение».

Мы полностью согласны с тем, что образ чудесного музыканта в осет. эпосе так или иначе связан с пленением знаменитого флейтиста Исмения. Правоммерно будет думать, что скифы могли заимствовать инструмент и его название (греч. *сиринга, сюрингс*), и передать это слово потомкам; но осет. *уадынз* не имеет ничего общего с греч. термином. Зато у карачаево-балкарцев, которых ни Т. А. Гуриев, ни «мировая наука» потомками скифов считать не желают, свирель называется почти так же – *сирийна*. Неужели «ираноязычные» скифо-аланы передали термин тюркоязычным карачаево-балкарцам, а «прямые их потомки» его забыли, как и многое другое? И как, скажем, песню о старом скифском царе и его гибели в битве?

Приведем пример лингвистического казуса, ясно показывающего, с какого языка переводились нартские сказания. В одном из осет. сказаний (запись 1876 г.) нарт Ацамаз почему-то изображен... маленьким циклопом! «У Аца остался малолетний сын с одним между двумя бровями глазом по имени Ацамаз». Нарты сообщают другу его отца, Насран-алдару: «Маленький мальчик, у которого между двумя бровями только один глаз, стоит недалеко от нас» (Нарты, 1989, кн. 2, с. 323; с. 325). Но никто из персонажей сказания такую странную внешность нарта не замечает – ни друзья, ни враги (ни нартоведы); она не играет никакой роли в сюжете. Это заставляет подозревать, что все дело опять в неверном переводе эпизода из кар.-балк. сказания на осет. яз.; ср. кар.-балк. *жангыз кеси* «сам один», «в одиночку» - и *жангыз кёзю* «его единственный глаз». Ацамаз играл в альчики с сыном колдуньи, которая и сообщила ему, что его отца убил хан Елта-Быца; скорее всего, действие происходит зимой - в альчики обычно играют на льду. Кар.-балк. *къыш ортасында* «в середине зимы» полностью созвучно *къаши ортасында* «между его бровями». И подобных примеров в осетинском эпосе много (см. ниже).

Считая фольклор явлением исторического порядка, а фольклористику исторической дисциплиной, В. Я. Пропп говорил об изменчивости устного народного творчества, о переосмыслении его произведений, которое заключается «в изменении старого соответственно новой жизни, новым представлениям, новым формам сознания» (Пропп, с. 28). В результате такого процесса в древней песне о скифском царе появились крымский хан и его войско, действие было перенесено на Кавказ, а вместо Дуная появилась река *Балык* (Малка). Это ввело в заблуждение и публикатора песни, М. А. Теппеева, который считал ее песней времен крымских походов. Но историческая подоснова произведения сохранилась весьма полно, особенно если учитывать, сколько столетий прошло со времени битвы на Дунае до дня записи этого замечательного произведения.

АРФАН И ШУБА УРУЗМАГА

Аерфаен имя прославленного коня нарта Урузмага (в Нартовском эпосе); *Аерфаны фаед* – «Млечный путь», буквально «след Арфана». По некоторым сказаниям – имя человека, живущего на небе; Млечный путь – это солома, которую он рассыпал, убегая от Батраза. Ср. также аланское (ясское) имя *Арпан* (XIV в., Венгрия). Может быть, из *аерв-фаен*, из *абра-пана* – «страж неба» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 1, с. 175). Согласиться с такой этимологией мешают следующие соображения: а) неясно, почему «страж неба» имеет облик коня (или человека), если манифестацией солнца у осетин, согласно Абаеву, являлся волк (у карачаево-балкарцев – конь, см. выше); неясно, почему конь Арфан был нагружен соломой; объяснений этим противоречиям в работах осетиноведов я не нашел.

Кличка коня Урузмага, скорее всего, не имеет отношения к «небесному стражу», а нынешнее *Аерфаны фаед* «Млечный путь» появилось под влиянием тюрков. Кар.-балк. термин *тарпан*, *тарфан* означает «скаун», и, при заимствовании в осет., вероятно, произошло выпадение начального Т. Например, в одном из сказаний говорится: «Собрались нарты на своих арфанах» (Нарты, 1989, кн. 2, с. 426). Поэтому осмелюсь предложить иную этимологию осет. названия Млечного Пути: *Аерв фаендаг* – «Небесная Дорога». Кроме того, в одном из сказаний говорится, что нарты хотели отравить старого Урузмага, но на помощь ему явился Батраз и убил их всех. Содрав с убитых усы, он принес их Сатане и велел сшить из них Урузмагу шубу. Она так и сделала, но материала не хватило на воротник. Тогда Батраз, сказав, что видел у Арфана большие усы, вззошел на небо и остановился перед его домом, но Арфана дома не было – он ушел воровать солому (зачем и у кого, не сказано). Возвращаясь с соломой подмышкой, он увидел Батраза и побежал в страхе, но герой догнал его, содрал с него усы и принес Сатане. Во время бегства Арфан просыпал солому, и этот след стал Млечным путем («Нарты», 1989, кн. 2, с. 239-241).

Очень странный сюжет, если не знать следующего:

1. Никаких усов с убитых им нартов Батраз, конечно, не сдирал и шуб из них Сатана не шила (да и как бы она это сделала из такого неподходящего материала?). Ср. кар.-балк. слова *тона* – «грабить» и *тон* «шуба»; кар.-балк. *ырысхы* «имущество» (букв. «запретное, неприкосновенное») – и осет. *рихи* «усы»; кар.-балк. *тери* «шкура, кожа» – *тейри* «небо, небесный»; конечно же, в тюрк. оригинале сказания Батраз снимал с Арфана не усы, из которых вряд ли можно что-то сшить, а грабил его имущество, и среди добычи были и выделанные шкуры.

Добавим и другие соответствия:

кар.-балк. *тарпан* «скаун; пасущийся на воле конь» – и осет. *Аерфан*;

осет. *давын* «воровать» – кар.-балк. *табын* «табун»;

кар.-балк. *Ыркъын ыз* (от *ырыхы ыз*, с протетическим Н между двумя Ы – «след

(небесного) наводнения») – одно из названий Млечного Пути;

кар.-балк. *салам* «солома, соломенный», *салам* «мир; приветствие» (пожелание мира) - *алам* «космос, космический» (арабизм); еще одно кар.-балк. название Млечного Пути - *Алам Жолу* «космическая дорога», что очень сходно с *салам жолу* «соломенная дорога»; третье название – *Къой Жолу*, букв. «путь овец» (на самом деле это древнее *Кей Жолу* «путь Солнца»);

осет. *хур* «солнце» - кар.-балк. *уру* «воровство», *оруу* «жатва»; кар.-балк. *салымчы* (от *саламчы*) «ангел, вестник», но букв. «соломенщик», «собирающий солому»; если добавить осет. *зачъе* «борода», восх. к *закъа* (а от него - к общетюрк. *сакъал* борода) – и кар.-балк. *жагъа*, *загъа* «воротник», картина станет ясной.

Осет. сказание, если брать его в целом – это полный калькированных терминов и выражений перевод карачаево-балкарской песни о спасении Ёрюзмека от покушавшихся на него нартвов из рода Аликовых, песни, восходящей к древнему астральному мифу. Сюжет, вероятно, был таким. Герой Батраз, спасая Урызмага, перебил заговорщиков, забрал их золото-серебро и помчался по небу на крылатом скакуне. Но в дороге конь испугался небесного ангела-*салымчи*, прынул в сторону, золото-серебро рассыпалось – и это и есть Млечный Путь. (В одном из кар.-балк. сказаний герой *Аючю*, возвращаясь из набега с богатой добычей, тонет в Кубани; золото растаяло в воде и на чешуе рыб появились блестящие крапинки).

Однако нартovedы поспешно увидели в сюжете отражение скифского обычая снимать скальпы с врагов и использовать их в качестве полотенец (древние авторы часто путались в тюркском полисемантизме и омофонии). Шубу из человеческих усов, бород и скальпов шьют в осет. эпосе и другому герою, Сослану (Созырыко), пожелавшему выделиться среди других нартвов. «Вс. Ф. Миллер указал на то, что этот древний мотив восходит к скифским временам, отражает живой обычай скифов, засвидетельствованный Геродотом, и алан, отмеченный Аммианом Марцеллином. Обычай скифов и алан сохранился у осетин как фольклорный мотив», - пишет Т. А. Хамицаева («Нарты», кн. 3, 1989, с. 28). Исследователи имеют в виду, в частности, сообщение Геродота, полное лингвистических недоразумений, т. е. неправильно понятых тюрк. терминов и словосочетаний: «Головы всех убитых им в бою скифский воин приносит царю. Ведь только принесший голову врага получает свою долю добычи, а иначе – нет». Вероятно, так и было (как и у других народов, и вплоть до нашего времени).

Но далее у «отца истории» начинается описание странного кожевенного производства, причем без всякого перехода; получается, что скифы приносили царю головы врагов, и лишь потом, здесь же, начинали снимать с нее скальп: «Кожу с головы сдирают следующим образом: на голове делают надрез около ушей, затем хватают за волосы и вытряхивают голову из кожи. Потом кожу очищают от мяса бычьим ребром и мнут ее руками. Выделанной кожей скифский воин пользуется, как полотенцем для рук, привязывает к уздечке своего коня и гордо щеголяет ею. У кого больше всего таких кожаных полотенец, тот считается самым доблестным мужем». «Иные даже делают из содранной кожи плащи, сшивая их, как козьи шкуры. Другие из содранной вместе с ногтями с правой руки вражеских трупов кожи изготавливают чехлы для своих колчанов. Человеческая кожа, действительно, толста и блестяща (? – М. Дж.) и блестит ярче почти всякой иной. Многие скифы, наконец, сдирают всю кожу с вражеского трупа, натягивают ее на доски и затем возят ее с собой на конях» (Геродот, М., 2006, с. 255).

Я бы посоветовал тем, кто верит этим байкам, самому попробовать, например, очистить овечью шкуру от кусочков мяса «бычьим ребром», и хотел бы посмотреть, как это у них получится. К тому же непонятно, какое такое мясо могло остаться на коже головы. Скорее всего, подсчитанные головы убитых врагов просто закапывали, причем

быстро (разлагались же). Греки неправильно поняли кар.-балк. слова:

Бастыргъандыла «закопали» - приняли за *баш терисин алгъандыла* «сняли кожу голову», ср. также *быстыр* «кусоч ткани; тряпица».

Ийле (от древнего *игле*) «мять, разминать» - *иегиле* «ребра». *Баш* «голова; над; поверх», *кес, кеш, киши* «человек», но *кес* еще и «резать, разрезать, надрезать»: *башкес* «головорез»; *къулакъ башы* «над ухом», но букв. «голова уха» (вероятно, скифы отрезали уши, а не головы врагов).

Жау «враг, противник» - *жаулукъ* «платок, шаль», но и «вражда»; *къол жаулукъ* «носовой платок», букв. «ручной платок»; *жам* «волосной покров животного», и «ворс», *жамжаулукъ* «полотенце» (т. е. «ворсистый плат»), *жамычы* «войлочный плащ, бурка», *жым-жылытыра* «блестеть, сверкать». В слове *къолчан* «колчан» содержится *къол* «рука», и это дало основание думать, что скифы сдирали кожу с рук (*къол жам*) убитых врагов, чтобы делать из них чехлы.

Стрелять из боевого лука – дело не простое. Чтобы натягивать тугую тетиву, не порезав пальцы, на правую руку надевали перчатку: кар.-балк. *къолкъаб* означает «перчатка; рукавица», букв. «чехол руки» и - «кусать руку», и «кора («оболочка, пленка») руки»; *онгун алып* «одолеть, лишить силы» букв. переводится как «взять правую» - и греки домыслили: «руку». И вряд ли все скифы имели сделанные шорниками седла; бедняки, скорее всего, использовали простые рогожи, которые в кар.-балк. яз. называются *жеген*, но *жюген* – «узда, уздечка» (к которым скифы якобы привязывали скальпы).

О том, что скифы натягивали содранную с трупа кожу на доски и возили ее с собой (но зачем?). Головы (или уши) убитых врагов скифские воины приносили царю, чтобы он убедился в их доблести. Кар.-балк. *ханга* «хану, царю» - но *къанга* «доска»; *кёр* «увидеть, убедиться» - *кер* «натянуть, распялить»; *тери* «кожа» - *тёр* «почетное место», *тёре* «закон, обычай, традиция».

Кальки и ошибки при переводе и осмыслении чужих терминов – неиссякаемый источник мифов и поверий, по сей день. Странностей, легко объясняемых при обратном переводе на кар.-балк. яз., много не только в эпосе осетин. Например, в кабард. сказаниях упоминается «двурогое копьё». Ясно, что такого оружия не бывает: это калька с неправильно понятого кар.-балк. названия оружия - *экимюйюш гебох* «двугранное копьё» (с плоским наконечником), почти неотличимое от *экимюйюз гебох* «двурогое копьё».

ХАМЫЦ

«*Хаемыц/Хаемиц* имя одного из популярных героев нартовского эпоса. Хамыц – сын Ахсартага, брат-близнец Урузмага, отец прославленного стального героя Батраза, по матери – племянник (*хаераефырт*) водных божеств Донбетров. Обладатель чудесного, неотразимого для женщин зуба *Аркъызы даендаг* и длинных стальных усов. – Имя этого героя, как и имя его сына Батраза (*Багъатыр-ас* «богатырь асский»), монгольского происхождения. Ср. монг. *Хабичи* личное имя и титул. По любезному сообщению В. А. Казакевича, в XIII-XVI вв. термин *хабичи* довольно часто встречается в составе монгольских собственных имен. В китайской истории монголов (Юань-ши) засвидетельствовано для этой же эпохи имя *Ха-би-чи* как имя монгольского военачальника, принимавшего участие в одном походе совместно с асским (аланским) вождем Ильей». «По любезной информации Ц. Ж. Жамцарана, в монгольском эпосе встречается имя *Хабичи-Батыр*. Не исключено, что имена *Хаемыц* и *Батыр(аз)* представляют «раздвоение» монгольского *Хабичи-Батыр*» (Абаев, ИЭСОЯ, том 4, с. 172-173).

Жаль, что сторонники мнения о сильнейшем влиянии монголов на формирование

нартского эпоса осетин не привели ни одного примера сходства сюжетов сказаний о Хамыце, с одной стороны, и *Хабичи-батурса*, в монгольском эпосе персонажа третьестепенного, с другой. Иначе непонятно, зачем и как «алано-осетинские» сказители позаимствовали имя *Хабичи-батурса*. Вероятно, в знак благодарности, монгольские рапсоды нарекли его сына именем *Батырас*, якобы означающим «богатырь осетинский» – вопреки нормам и монг., и осет. языков. Или имя ему дали сами «алано-осетинские» певцы: раз отец имеет монгольское имя, стало быть, решили они, и сына назовем по-монгольски, но укажем, что богатырь он все же асский. А для оригинальности нарушим норму обоих языков, и поставим определяемое впереди определения.

Выяснение происхождения имени и образа этого героя займет много места, даже если стараться быть предельно лаконичным – слишком важна его роль в нартском эпосе. И, конечно, ни о каких монголизмах и речи быть не может. Приведем варианты имени у других народов Кавказа: «*Хаемыц*, дигорское *Хаемиц*, балк. *Хамич*, каб. *Хымыш*, абадз. *Хёмыш*, инг. *Хамч*» (Абаев, 1990, с. 247). Заметим, что у карачаево-балкарцев нарт именуется *Болат-Хмыч*, *Болат-Хымыш*, *Болат-Хымыч*; на черекском диалекте везде вместо *ч* употребляется *ц* (дигорцы именуют этого героя точно так же – *Болат-Хамыц*).

Идеологическая борьба началась не сегодня, она была всегда. В кар.-балк. эпосе важное место занимает соперничество двух мощных родоплеменных групп, именуемых Аликовыми и Усхуртуковыми, и это борьба не только за главенство в нартском народе (как в эпосе осетин), но и столкновение идеологий. Аликовы (жрецы), возглавляемые сыновьями нарта Алаугана от красавицы-иноплеменницы, являются сторонниками язычества и почитают некоего небожителя по имени *Къызыл Фук* (от *къызыл* *бук* «красный бык»). Усхуртуковы (воины), вождем которых становится сошедший с неба Ёрюзбек, утверждают древнюю прамонотеистическую религию тюрков – тенгрианство, веру в единого небесного Творца – *Тейри-хана* «Небесного Царя». Два других рода, Бораевы и Индиевы («богатые» и «труженики»), находятся как бы в стороне от этой борьбы. Но кто такой небожитель *Кызыл Фук*? Мы уже говорили, что в образах героев древних циклов эпоса сохраняются черты, говорящие об их преемстве от героев животного и шаманского эпосов, как и астральной мифологии. Существует космогонический миф, прошедший несколько стадий трансформации (подробнее об этом см. в нашей работе «Тенгрианство и тюрки», в книге «Ёзден Адет»).

В древнейшем варианте мифа мир создавала лебедь, нырнув на дно моря (неба) и достав оттуда землю (впоследствии – богиня *Гумай-бийче*, *Умай-бийче*; *гуу*, *куу*, от *кун*, *гун* «лебедь; солнце» + *байбийче* «всевластная богиня»); или это делал перво-селезень (*баппакъ*), отсюда и более позднее именование скифского (уже антропоморфизированного) божества – *Папай* (у Геродота), и изображения водоплавающих птиц на предметах из скифских погребений. Этот миф претерпел несколько трансформаций.

1. Сияющая небесная птица (солнце) каждое утро вылавливает из вод мирового океана-реки (*долай*) огромную черную рыбу *кербалыкъ*, на которой стоит мир (*кёр* – название одного из семи слоев земли + *балыкъ* «рыба»), т. е. тьме ночи, поедает ее (или сома – *бугъа балыкъ* «рыба-бык»), а вечером извергает из себя.

2. Слова «море» (*тенгиз*) и «небо, небесный» (*тенгир*) идентичны, действие мифа происходит на небе, в «верхнем море» (пресном, откуда и льются на землю дожди). Огромная солнечная птица терзает черную рыбу (грозовую тучу). Или (более поздний вариант) черного «быка воды» (*суу бугъасы*, *суу ёгюзю*).

3. Древний сюжет о борьбе света-птицы и тьмы-рыбы трансформируется далее в миф о терзании гигантским орлом не огромной «рыбы-быка», а просто гигантского быка; его лопатка падает в море и становится сушей, на которой поселяются люди. Небесный

(*тенгир*) бык имел тучевую оболочку (*булут тыш*), после его гибели начинает идти кровавый дождь, оплодотворяющий землю. Ветер, предшествующий дождю – его дыхание. Позже бык олицетворяет вечернюю зарю и представляется уже красным – *къызыл бук*, небесный покровитель дождя. На следующей стадии начинается процесс антропоморфизации персонажей многих мифов, причем сохраняются и древние варианты, дойдя в том же виде до наших дней.

В новую эпоху этот процесс коснулся и образа «красного быка»: первожертва представляется теперь уже не быком, а божеством *Къызыл Бук*, живущим на земле, но чаще – между небом и землей, в хрустальном дворце, он покровитель дождя и урожая, и нарты приносят ему жертвы (в эпосе называемые «данью»). Переосмысляются и детали его прежнего облика: например, его титулование *булут тышлы*, *болот тышлы* «имеющий тучевую оболочку» становится непонятным и превращается в *болат тишли* «имеющий стальной зуб»; таким зубом и обладал *Кызыл Фук*. Его сына, кстати, зовут *Батырмырза*, есть и герой по имени *Батырбаз* (оба имени – искажение имени *Батыраз*).

С этим-то небожителем (бывшим рыбой, быком, грозовой тучей) и вступает в борьбу герой Ёрюзмек (трансформация образа света-орла), родившийся из упавшей на землю железной кометы (*къуйрукълу жулдуз* «хвостатая звезда»). Борьба началась с того, что герой запретил нартам посылать дань небожителю (т. е. приносить ему жертвы), и шла с переменным успехом. Но, в конце концов, Ёрюзмек взлетел **на орлиных крыльях** во дворец небожителя и отсек ему голову, после чего, разумеется, пролился кровавый дождь, и засуха, которую Кызыл Фук (повелитель дождя) наслал на страну нартов, прекратилась. В схватке меч Ёрюзмек ударился о стальной зуб Фука, и на его лезвии появилась зазубрина.

Небесный бык-туча в древнем мифе, как мы уже сказали, представлялся черным. Но черными обычно бывают буйволы, – кар.-балк. *гаммеш*, *хаммеш*, *гяммеш*, осет. *къамбец*. Ср. это слово с именем нарта – *Болат-Хымыш*, *Болат-Хымыч*, *Болат-Хымыц*, от *булут гаммеш* «туча-буйвол», и станет ясно, что для его объяснения прибегать к монгольскому языку и эпосу незачем. Буйволы имеют привычку лежать в воде озер и прудов, покрываясь грязевой коркой. (О сыне Хамыца нарте Батыразе в осет. эпосе много раз говорится, что в детстве он был покрыт коростой и слоем золы, в которой подолгу копошился (ср. кар.-балк. *кэль* «озеро; большая лужа» – *кюль* «зола»). Эта, ничем не мотивированная, деталь досталась героическому эпосу от эпоса животного. По осет. сказаниям, у Болат-Хамыца были стальные усы – весьма необычное украшение; ср. осет. *мигъ* «туча» – кар.-балк. *мыйыкъ* «усы», *мыйик* «высь, высота, высокий»; кар.-балк. *болат* «сталь, стальные» – *булут* «туча, облако, тучевой, облачный». «Тучевой буйвол» (*булут гаммеш*) стал «стальным Хымычем» *Болат-Хымыч*; при усвоении тюрк. сказания на иронском яз. героя наградили еще и стальными усами (им нашлось и применение, см. ниже).

Вспомним и о волшебном «зубе Аркъыза» (в осет. эпосе; вар.: *хъохъхъ даендаг* «щербатый зуб», *болат даендаг* «булатный зуб», *сызгъаерин даендаг* «золотой зуб»), который почему-то делал Хамыца неотразимым для женщин. «Название зуба сказителями не объясняется» («Нарты», кн. 3, 1989, с. 78), как и причина его свойства. Но куда его вставил нарт и почему именно он? Частично на этот вопрос мы уже ответили: кар.-балк. *булут тышлы* «имеющий тучевую оболочку» стало пониматься как *болат тишли* «имеющий стальной зуб». Другая часть разгадки в том, что кар.-балк. *хым*, *хам* означает «пустота, веяние», *кем* «недостаток, изъян», *хымыш* «пустой, редкий», откуда и *хымыштиши* «щербатый, редкозубый». Но этот «зуб соблазна» в осет. сказаниях именуется и *хъохъхъ* (что переведено как «щербатый зуб»; в ОРС мы такого слова не нашли, а в РОС не нашли слова «щербатый»); скорее всего, это тюрк. *кок*, *кёк* «небесный» (поскольку бык

обитал там).

Но почему девицы и женщины, увидев этот зуб, безропотно становились жертвами самых низменных наклонностей похотливого, как бык-производитель, Хамыца (т. е. кар.-балк. Кызыл-Фука, покровителя плодородия)? Как всегда, речь идет об ошибке в переводе. Происхождение образа нарта Хымыча от древнего образа небесного быка (тучи) должно было сохраняться в памяти эпоса в виде упоминания некоего атрибута (как скажем, барсова шкура, которую носил нарт Алауган). Небесный бык-буйвол - *булут тери тышлы* «имеющий тучевую шкуру» при переводе на осет. яз. было понято как *болат терил тишли* «имеющий стальной зуб соблазна». Дождевые тучи часто имеют темносиний цвет, по кар.-балк. - *кёк, кок* «синий; небесный». *Кёк тышлы* - «имеющий синюю оболочку», но созвучное *кёк (кок) тишли* означает «имеющий синий (или небесный) зуб», откуда и появилось тюрко-осет. название волшебного зуба – *хохъхъ даендаг* «щербатый зуб». Поэтому в осет. эпосе есть сказание, в котором прямо сказано, что у Хамыца был *Кок-зуб* (Нарты, т. 2, с. 269). Из небольшой, казалось бы, ошибки родился целый сюжет. И, разумеется, причина неотразимости Хамыца для женщин в любом случае заключалась не в обладании каким-то зубом, а в том, что он являлся очередной трансформацией древнего образа покровителя плодородия и чадородия.

Вероятно, не один осетинский исследователь тщетно ломал голову и над другой загадкой: если девицу, поддавшуюся чарам волшебного зуба, охватывала страсть, а Хамыц не обращал на нее внимания, то она превращалась в змею (Нарты, кн. 2, 1989, с. 274); это представление ничем не мотивировано. На самом деле, здесь лингвистическое недоразумение: кар.-балк. *жалан болуп* «оголившись, обнажившись» полностью созвучно *жылан болуп* «превратившись в змею» и так и было понято иронскими слушателями какого-то сказителя-тюрка, в период ирано-тюркского двуязычия в Осетии (к тому же кар.-балк. название змеи восходит именно к слову *жалан* «нагой, голый», т. е. не имеющий шерсти или перьев; ср. др. инд. *наг* «змей», русск. *нагой*). Но им нужно было указать причину превращения девицы в змею и они нашли ее в том, что обладатель зуба игнорировал девушку (что, разумеется, объяснением служить не может).

Произошло раздвоение древнего образа небесного быка-тучи: одно из его имен – *Къызыл Фук* – стало пониматься как имя божества, покровителя урожая, которому гордые богатыри почему-то платили «дань» (т. е. приносили жертвы), а другое, «тучевой буйвол» (*булут хаммеш* - *Болат Хымыч*) - как имя нарта. Первый живет в поднебесном дворце и на земле, второй – только на земле. Но такое раздвоение и низведение двойника небожителя, разумеется, произошло не сразу, был неопределенно долгий период, когда сказители пели только об одном герое, о чем говорит и сходство имен их сыновей. В те времена, когда на Северном Кавказе в среде местных тюркоязычных племен вспыхнула борьба между тенгрианцами и сторонниками языческих культов, предки осетин (куртатинцы, туалыцы, тагаурцы, возможно, и дигорцы) склонились к последним. По этой причине главным героем эпоса у них стал сын Хамыца - Батыраз. По этой же причине он страшно мстит нартам (тенгрианцам) за гибель отца и сражается с небесными силами (ангелами).

В кар.-балк. эпосе картина обратная: *Хымыч* и *Батыраз*, несмотря на то, что еще в XIX в. Сафарали Урусбиев называл их в числе главнейших героев, намного уступают в популярности Ёрюзмеку, Карашауаю и др., а Кызыл Фук (т. е. двойник Хымыча) выглядит трусоватым (но не всегда). Главную роль в этногенезе карачаево-балкарцев явно сыграли сторонники тенгрианства, которое утверждал Ёрюзмек, вождь и религиозный реформатор, преемник пророка и рудознатца Дебета.

ИМЯ ДЛЯ ГЕРОЯ

Батраз, Батрадз, Батыраз «один из виднейших героев осетинского (нартского) эпоса, сын Хамица, герой, закаленный в небесной кузнице, неуязвимый и непобедимый; погибает в борьбе с небесными силами». «Ж. Дюмезиль усматривает в образе Батраза черты грозного божества. – Имена Батраза и его отца Хамица монгольского происхождения». «Мы рассматриваем имя Батраз как сложное из *батыр-ас*, т. е. «богатырь асский (аланский)». Для первой части ср. монг. (и тюрк.) *батыр, баатур* «герой», «богатырь»; для второй части см. *Асы*. Все сложение находит полное соответствие в груз. *Ос-багатар* «богатырь осский» (под этим именем известны в грузинской хронике «Картлис Цховреба» некоторые прославленные осетинские вожди)». «Порядок частей в *Батыр-ас* – инверсированный, как во многих других случаях (но почему это же имя не инверсировали грузины? – М. Дж.). – Слово *батыр*, широко распространенное у монгольских и тюркских народов, проникло также в некоторые другие языки» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 1, с. 240-241). В качестве примера В. И. Абаев приводит имя *Батырбек*, и имя польского короля - *Стефан Баторий*.

В неистовых усилиях ирановедов объяснить имя этого героя с монгольского еще раз и очень ясно видно их стремление увести исследователей на ложный путь, скрыть факты, говорящие о том, что нартский эпос был создан тюрками, предками карачаево-балкарцев, дигорцев, тагаурцев, куртатинцев, туалыцев, карабулаков, кумыков. Отметим, в данном случае, только некоторые важные моменты.

Сам же В. И. Абаев говорил о «железном законе» в осет. яз., согласно которому определение предшествует определяемому, что «иной порядок немыслим». Тот же закон – в монгольском. Слово *батыр* – тюркское, *асами* осетины называют балкарцев; именование *ос-багатар*, как говорят сами же иранисты, известно с V века. Какая, спрашивается, необходимость обращаться к монгольскому? Но уже в 1935 году он пишет: «Имя *Батрадза*, как и имя его отца *Хаемица* монголо-турецкого происхождения. Оно включает в себе широко распространенное в турецких и монгольских языках слово *батыр, батур* «храбрый, смелый, герой». Возможно, что оба имени, *Хаемиц* и *Батрадз*, тесно между собою связанные в эпосе, усвоены в осетинский в одну и ту же эпоху из монгольского, где термины *хабичи* и *баатур* употреблялись в качестве титулов и украшающих эпитетов вождей» (Абаев, 1990, с. 248).

Сложное это оказалось дело – наречение древних эпических героев нужными именами. Поэтому «алано-осетинские» сказители, услышав такое чудное словосочетание – *Хабичи-баатур* – не устояли перед соблазном, заимствовали его, но разделили, сотворив двух героев, отца и сына, а к имени последнего прибавили еще и *ас*. Но это еще не вся беда. Потому что «на монгольской почве, как нам указывают специалисты, это слово (*Хабичи*. – М. Дж.) не поддается удовлетворительному разъяснению». Как же быть? Все очень просто: «... но тем не менее (? – М. Дж.) сопоставление осетинского *Хаемиц* с монгольским *Хабичи* и со стороны звуковой (для перебоя *б/м* ср. хотя бы осет. *тамако* «табак») и под углом зрения исторических реалий (монголо-асские отношения) не вызывает особых возражений» (Абаев, 1990, с. 248).

Да нет, вызывает. Потому что, пользуясь таким методом, можно что угодно произвести от чего угодно, указав на «звуковые перебои» (словно все дело в них), и добавив гипотетически тесные «монголо-асские отношения» в области эпического творчества. Комизм доходит до абсурда, когда мы еще раз напомним слова Абаева о соответствии «монгольского» имени находимому им «в груз. *Ос-багатар* «богатырь осский» (под этим именем известны в грузинской хронике «Картлис Цховреба» некоторые прославленные осетинские вожди)». С каких пор известны? В примечаниях к цитируемой работе Абаев пишет: «В осетинском, насколько можно верить грузинской хронике, слово

(*батыр, багъатыр*. – М. Дж.) еще в V в. налично в имени осетинского царя *Оси-Бакатара*» (Абаев, 1990, с. 248). Так что же, монголы пришли на Кавказ уже в V веке? И тогда же на Кавказе уже правили «осетинские цари»?

Все это не то что убеждает – валит с ног. Ос-Багатар фигурирует в осет. фольклоре в качестве этнарха, прародителя осетин; сочетание терминов *ос (ас)* и *багъатыр, батыр* известно у осетин и грузин еще с V в.; нартский эпос зародился, по верованиям иранистов, еще до нашей эры, во времена скифов, но почти два тысячелетия герои эпоса не имели общего наименования; «аланы-иранцы» на протяжении лет 800 звали своих царей по-тюркски – *Ос-багатар*, ставя определение впереди, но им почему-то хотелось иметь стяженный вариант – *батыр*, поэтому все с нетерпением ждали пришествия монголов. Опровергать подобные несуразицы, говоря по правде, тягостно, а в данном случае просто скучно. Конечно же, В. И. Абаев прекрасно знал, что на кар.-балк. яз. имя этимологизируется до чрезвычайности просто: *батыр ас* «смелый ас», с закономерным озвончением в окончании (*Батыраз*).

И еще об одной закавыке, о которой иранисты подумать не пожелали. Контакты авар с аланами имели место задолго до начала нерушимой дружбы алан с монголами (на шесть-семь веков ранее). Матерью героя Батыраза, по многим вариантам, была аварская принцесса; в осет. эпосе прямо говорится и о том, что он ездил в Аварию к родственникам; эпос достаточно внятно говорит об аварах и Аварии, но ничего не помнит ни о монголах (по уверениям Абаева и Гуриева - крестных отцах многих героев эпоса), ни о Монголии. Разве авары не могли назвать своего племянника по-тюркски – *Батыраз*?

ВЕЛИКИЙ ЗМЕЙ

Перейдем к анализу образа героя. В одном из осет. сказаний говорится: «Когда (Батраз) спускался на землю и стал на крыше седьмого этажа башни Урызмаговой, то под ним все крыши от раскаленной стали прогорели, и Батраз остановился на самом нижнем этаже, где стоял большой котел с водой, в которую он окунул себя, и сталь его раскалилась еще крепче». Комментаторы пишут: «... это место, как и ряд других, позволило Ж. Дюмезилю интерпретировать образ Батыраза, как духа грозы, как грозового бога» («Нарты», кн. 3, 1989. с. 66).

Правоту Дюмезиля еще раз подтверждает и наш анализ: герой-молния (Батраз) связан с отцом-тучей (Болат-Хамыц, Къзыл Фук). Но их образы идут не из индоиранской мифологии, как считали Дюмезиль и другие, а из карачаево-балкарской (скифо-алано-киммерийской). В таком многослойном и сложном памятнике, как нартский эпос, одна загадка тянет за собой другую. Мы уже говорили, что образы и имена большинства главных героев восходят к эпохе тотемизма. Почему же у этого героя-молнии (Батыраза), наделенного несомненными и яркими мифологическими чертами, такое обычное тюркское «военное» имя? Какова древняя тотемная основа его образа?

Молния «рождается» из грозových туч и ударяет в землю, деревья, скалы и пр. Следовательно, по направлению движения (сверху вниз) она могла ассоциироваться с птицей (орлом, соколом); но по форме молния напоминает не птицу, а змею. Здесь и находится разгадка. Напомним, что тотем-волк у тюрков именовался *кёк бёрю*, *кёк къурт* «сивый волк»; но *кёк къурт* можно перевести и как «небесный червь» («червь» - *къурт*), т. е. «змей» (в осет. яз. например, *калм* означает и «червь», и «змея»). Это – во-первых. Во-вторых, в одном из кар.-балк. сказаний нарта зовут *Батырбаз*, что созвучно *багъырбаиш* «медянка», букв. «медноголовая».

Но подтверждается ли такое объяснение данными осет. эпоса? В одном из сказаний о рождении Батраза сказано: «... и упал (мальчик) в море, и вскипело оно, как вода в котле,

и покрыло его (всего), кроме части головы. И Сатана им (нартам. – М. Дж.) сказала: «Ведите его сейчас же к небесному Сафа и замените ему (эту) часть головы медной». («Нарты», кн. 3, 1989, с. 58). В другом сказании о Батыразе бог советует зэдам и дауагам (духам), которых герой истреблял тысячами: «У него часть черепа из меди, и если ее раскалить, и если этот (жар) в него пройдет, тогда ему и смерть будет» («Нарты», кн. 2, 1989, с. 301). Поскольку медь не закаляется, то, когда «солнце припекало, макушка головы нарта Батраза нагревалась, и он от этого страдал» (Нарты, кн. 3, с. 61).

К тому же о Батразе в осетинских сказаниях часто говорится, что у него была «плешиная голова»; это не только отражение его «змеинового» прошлого (какие волосы могут быть у змея?) но и результат неправильного перевода: кар.-балк. *жаланбаи* «с голой головой», «лысый» вместо *жыланбаи* «змеиноголовый». Интересно, что в осет. текстах сохранился еще один, косвенный, отголосок представления о «медноголовости» (*багъырбаи* «медянка») Батыраза: его мать *Быценон* почему-то живет на самом верху (*баи*) медной (*багъыр*) башни.

Составители академического издания осет. эпоса пишут, в примечании к одному из текстов: «...здесь вновь подтверждается мысль о том, что Батраз обитает на небе и, следовательно, жилище его находится там, а на землю он спускается для помощи нартам» («Нарты», кн. 3, 1989, с. 83). Разумеется, герой-молния, сын небожителя (грозовой тучи-быка) должен жить на небе, как и его отец Кызыл Фук (Болат-Хымыч). Как и во многих случаях, в цикле Батраза осетинские сказители путали тюрк. *тенгир* «небо» и *тенгиз* «море»; ср. примечание Г. Шанаева: «...Батраз был еще неизвестен у нартов и находился в море, куда был заброшен Сатаной в день рождения» («Нарты», кн. 3, 1989, с. 101). Еще в одном варианте бог забирает младенца-Батраза на небо, где он и растет; сказано, что «бог стал ему крестным» (Нарты, кн. 2, с. 228); речь идет, разумеется, о грозовом божестве. «Батраз воспитывался (и жил) на небе»; «Батраз стал таким мужем, что пребывал в облаках» (Нарты, кн. 2, с. 245).

Отсюда же – объяснение другого мотива: Батраз (о котором часто говорится, что он жил на небе) перед смертью велел закинуть свой меч в море. Конечно, море (тюрк. *тенгиз*) здесь ни при чем – оружие грозового героя, сына небесного покровителя плодородия, оказалось в небе (*тенгир*). В кар.-балк. яз. радуга называется *тейри къылыч* «небесный меч» или «божественный меч», или *жанкъылыч* «пылающий меч» или «меч души (жизни)». Грозное божество владело мечом-радугой.

Узнав, что зэды и дауаги (духи) держат совет в крепости Уарпп, решая, как быть с Батразом, герой отправляется туда. «Выхватил он меч и принял за сидящие на совете усы, вымазанные толокняной похлебкой». При другой встрече с духами Батраз говорит им: «Погодите, усы, выпачканные толокняной похлебкой, выпью воды, а там рассчитаемся» (Нарты, т. 2, с. 295). Т. А. Хамицаева говорит (в комментариях): «В ориг. «бламыхъ рихитае» - «усы, выпачканные похлебкой из толокна»; здесь метонимия, т. е. зэды и дауаги определены в таком уничижительном виде» (Нарты, т. 3, с. 85). О слове *быламукъ/буламукъ* В. И. Абаев пишет: «Из тюрк. *буламукъ*, *быламыкъ* «жидкая болтушка из муки»; от глагола *буламукъ* «размешивать», «разбалтывать» (ИЭСОЯ, т. 1, с. 279); ср. кар.-балк. *быламукъ*, *биямукъ*. Весьма странное именование зэдов и дауагов, которых осетиноведы считают божествами и ангелами – причем в первом случае так их называет сказитель. О том, что эти зэды и дауаги на своем совете что-то ели, в сказании не говорится. Поэтому дело в другом. Гроза, вероятно, описывалась древними тюркскими поэтами как небесное сражение божества-молнии (Батыраза) с облаками, позже олицетворенными в образах небесных существ, что и сохранилось в этом сказании, пусть и в смутной форме. Двухязычные сказители, уже плохо знавшие тюркский, перепутали слово *булгъмакъ* «клубиться, смешиваться, перемешиваться» с *быламукъ* «похлебка», а

кар.-балк. *мыйыкъ* «ус» - с осет. *мигъ* «облако»; откуда и появилось странное именование духов.

В 1876 году выдающийся собиратель осет. фольклора Г. Шанаев в примечаниях к непонятному словосочетанию *кае фхъуындар* (см. ниже) пишет: «Семиглавая мифологическая змея, названная осетинами «залиаг калм», т. е. «залийская змея». Предание говорит, что в дань этой гидре приносили на съедение по очереди людей и устраивали празднество. И тогда только народ избавился от ее нашествия и имел свободный доступ к воде, которую она часто отнимала и этим доводила народ до мора и гибели». В 1889 году другой собиратель отмечает: «*зариаг* (то же – *залиаг*) *калм*» - «зарийская змея», по представлению осетин, громадная змея, которую, как только она показывается из своего логовища наружу, ударяет громом, и Елиа (Илья) поднимает ее на небо цепью» («Нарты», кн. 3, 1989, с. 78). Эта «залийская змея» (или змеи) встречается и в других осет. сказаниях.

В кар.-балк. эпосе антропоморфизированный небесный бык Кызыл Фук – покровитель дождя, чадородия и плодородия (его так и именуют – *нартбий* «нартское божество»), гром отождествлялся с его ревом. Фук, живший в небесном дворце, ежегодно опускал с неба огромный котел на длинной цепи, который не поднимался обратно, пока нарты не наполняли его дарами (на самом деле – жертвоприношениями) или выкупом (*къалын*). Если же нарты упрямылись, небожитель насылал засуху, и тогда горели травы и посевы, переставали рождаться дети, жеребиться кобылы и пр.

Но в кар.-балк. мифологии и эпосе есть еще три грозовых божества – *Элия* (букв. «молния»), *Шибиля* «молния», и *Чоппа*, *Цоппа* (от *чѣп бай*, *цѣп бай* «бог злаков»), *Эрирей Чоппа*; их можно рассматривать как именованья одного и того же небожителя. Обычно думают, что кар.-балк. *Элия* «молния» (осет. *Элиа*) – вошедший в пантеон кавказских народов образ пророка Ильи (вряд ли это верно), но откуда *Шибиля*? На наш взгляд, в теониме звучит тюрк. *илян*, *йилян*, *йылан* (в йокающих языках) – «змея», что вполне соответствует древнему образу бога-молнии: т. е. вначале было *шип илян* «разящая змея» (отсюда и русское *шибить*, *шибануть*), изменившееся в *шибиля*. Иными словами, Чоппа (Цоппа), Шибиля, Элия – другие имена Кызыл-Фука.

При заимствовании и переводе приведенного выше сказания о «залийской змее» осетинские сказители неверно поняли кар.-балк. слова и мотивы сказания. В этом и кроется разгадка непонятного на почве осетинского языка именованья змеи – *залиаг*; кар.-балк. *жал*, *зал* – «унизительный» (ср. *жал (зал) барын* «унижаться»); кар.-балк. *къалын* «выкуп» превратилось в осетинском в *калм* «змея», а *зал къалын* «унизительный выкуп» - в *залиаг калм* «залийская змея»; относительно окончания –*аг* заметим, что в осетинском языке *аг* является тюркизмом и означает «котел». Из-за этой путаницы и возникли изменения в сюжете: не котел, наполненный выкупом, поднимается в небо к грозовому божеству Елиа, а он сам зачем-то втаскивает на небо громадную змею. Не исключено, что это божество требовало и человеческих жертвоприношений, о чем и свидетельствуют слова Г. Шанаева: «Предание говорит, что в дань этой гидре приносили на съедение по очереди людей и устраивали празднество». Позже стали думать, что этих змей много, так как *залиаг калм* стало выражением устойчивым, а первое слово стало пониматься как название какой-то местности (несуществующей).

Тюркская основа сквозит и в сказании о том, как закаляли Батраза (запись 1941 года). В нем говорится, что нарты нашли «залийским змеям» весьма странное применение: «Залез Батраз в горнило, Курдалагон засыпал его углями; целую неделю на него дул (кузнечными мехами) и рассказывал сказки. Огонь Батраза (даже) не тронул. Тогда Курдалагон так ему говорит:

- Иди, Батраз, и убей залийских змей, если из них не приготовим угли, (ты) не

раскалишься.

Батраз отправился и истребил залийских змей, принес их Курдалагону и сделали из них угли». Только после этого нарт закалился как следует («Нарты», кн. 3, 1989, с. 60).

Требовать от сказителей неукоснительной логики и правдоподобия в деталях и сюжетах нельзя, по вполне понятным причинам, но в данном случае мы имеем дело с такой несообразностью, которая бросается в глаза. Конечно, сказитель прекрасно понимал, что из змей, даже «залийских», никаких углей приготовить нельзя, но он честно рассказал то, что слышал от предков, а собиратель это добросовестно записал (Царство им Небесное). Речь идет о кузнечном ремесле и его секретах, и в этом-то все и дело. Кар.-балк. кузнецы о химических элементах, конечно, не знали, но в угли, где раскалялось железо перед ковкой, для улучшения качества металла подкладывали веточки рододендрона (как, вероятно, и их предки, кузнецы скифо-алано-киммерийские), в результате чего железо насыщалось углеродом и получалась углеродистая сталь.

В кар.-балк. яз. «рододендрон» - *залы кылды* (*залкъыды*); народная этимология могла усмотреть в этом слове *залын* «пламя» (ср. осет. *аевзалы* «уголь» - *заелгъады* «азалия»), *къылдыр* «творить; проводить, совершать»; следовательно, термин объясняли как «пламя творящее (растение)», что еще раз оправдывало его применение в кузнечном деле. При осмыслении сказания двуязычными слушателями непонятный тюркский термин был сближен с созвучным *залиаг каелм*, тем более что кар.-балк. *залын*, *жалын* «пламя» почти полностью созвучно *зылан*, *жылан* «змея» (оба восходят к *залан*, *жалан* «нагой, голый»), а *от* означает и «огонь», и «растение, трава», и «яд, отраву».

Редакторы издания добавили к словам сказителя о том, что Курдалагон дул на угли целую неделю, вставку – «кузнечными мехами», вероятно, чтобы объяснить, как это он ухитрялся при этом еще и рассказывать сказки лежавшему в горне Батразу. Но в осет. тексте ни о каких кузнечных мехах не говорится, т. е. Курдалагон сам дул на угли (как это и есть в других вариантах). Составители академического издания сделали примечание: «Закаляя Батраза (по вариантам), Курдалагон либо рассказывает сказки, либо играет на национальном музыкальном инструменте. Сказители не уточняют смысла этого действия Курдалагона. Возможно, он так развлекает Батраза, однако можно предположить, что это имело и магическое значение» («Нарты», кн. 3, 1989, с. 61).

Такое возвышенное объяснение отстоит от низменной действительности весьма далеко. Кузнец был могуч и дул на угли сам; кар.-балк. *от цакъдыр* – «высекать огонь, высекать искры», но осет. *цаегъдын* – «ковать», и «играть» (на музыкальном инструменте). Кар.-балк. *цыхыр* «угли» - осет. *цаехаер* «искра, огонь»; кар.-балк. *зинк* «искра» - осет. *зынг* «огонь, огонек». Дуя на угли в течении целой недели, кузнец должен был утомиться: кар.-балк. *арыгъан* «усталый, утомленный», *арауан* «противень» созвучны осет. *аргъау* «сказка», *аргъауын* «совершать обряд богослужения» (кроме того, кар.-балк. *къылдыр* «проводить молитву» - *залы кылды* «рододендрон»). В тюрк. оригинале сказания, вероятно, говорилось о том, что кузнец уложил Батраза на противень (*арауан*) или на спину (*аркъа*). Кроме того, в осет. *фу* «дуновение», а *фугае* – «рододендрон». Добротная сталь не получалась, и кузнец послал Батраза, чтобы он принес кустов рододендрона («залийских змей»).

О другом эпизоде из осет. эпоса. У нартов был ковш, который нарты «решили отдать тому, кто разом выпьет его, наполненный зариагами, черепаками и ядовитыми змеями»: «Батрадз возвращался с охоты, когда каждый из нартов уже испробовал свою силу. Оказалось, что никто не мог поднести ковша даже к губам своим, так как зариаги, черепахи и змеи сейчас же набрасывались на смельчака. Батрадз взял ковш и приложился к нему губами – все гады набросились на него, но, как только они приближались к его губам, Батрадз ударял гадов по очереди булатным усом, и они, все в крови, спешили

спрятаться (? – М. Дж.) на самое дно ковша. Выпив ковш, таким образом, до дна, он перевернул его перед нартами, надел на голову и также отнес себе» (Нарты, 1989, т. 2, с. 272). То же самое говорится об отце Батыраза: «Ацамонга нартов наполнилась всякими скверными и отвратительными гадами: змеями, лягушками и ящерицами. Они поднимались из Ацамонги и вместе с напитком устремлялись к Хамыцеву горлу. Но Хамыц бил их своими булатными усами, и они прятались на дне чаши» (Нарты, кн. 3, 1991, с. 73). (В кар.-балк. эпосе чашу с отравленной бузой подносят нарту Ёрюзмеку, как и в некоторых осет. сказаниях «змеиный ковш» выпивает Урызмаг).

Кар.-балк. *от* означает «огонь, огненный», и «отрава, отравленный» (например, «мышьяк» - *чычхан от* «мышьячная отравка»). Имелась в виду чаша с ядовитым напитком, «отравленная чаша». Но слово *жалын* тоже означает «пламя, огонь, пламенный, огненный» и созвучно *жылан* «змея, змеиный». Так кар.-балк. «чаша с отравой» превратилось в осет. «чаша со змеями» (к которым добавили ящериц и лягушек). Теперь о странном способе расправляться с гадами – колоть их «булатным усом», да еще и по очереди. Булатная молния (Батрадз) вылетает из грозовой тучи (Хамыц). Кар.-балк. *булут* (в других тюрк. яз. *болот*) «туча, облако» созвучно *болат* «булат, булатный»; осет. *мигъ* «туча» - кар.-балк. *мыйыкъ* «ус».

В сказаниях говорится, что у Батраза был пронзительный взгляд (что естественно для змея). Но вот сравнение глаз нарта с... гумном (*мус*) на почве осет. языка совершенно необъяснимо. Ничего более анти-поэтического придумать было нельзя, но Т. А. Хамицаева отмечает: «Сравнение глаз Батраза с гумном типично для эпоса» («Нарты», кн. 3, 1989, с. 67). Сказители поняли кар.-балк. *жандыракёз* «пучеглазый; немигающий», в йокающих тюрк. яз. – *яндыракёз*, как кар.-балк. же (разумеется, несуществующее) *ындыркёз*, *андыркёз* «гумноглазый». Или кар.-балк. *буз* «лед, ледяной» в *бузкёз* «ледяные (холодные) глаза» перепутали с осет. *мус* «гумно». Все циклы осет. эпоса буквально напичканы такими несообразностями, и все они достаточно легко поддаются объяснению с кар.-балк. Их столько, что объяснить это заимствованием или тесным сотрудничеством осетинских народных певцов с карачаево-балкарскими (и даже с монгольскими) попросту невозможно.

РОЖДЕНИЕ БАТЫРАЗА

Анализ сюжета о рождении Батраза (в осет. эпосе) исключительно показателен, давая наглядное представление о том, что происходит при усвоении народом иноязычных сюжетов и переводе сказаний с одного языка на другой, процессе постепенном и естественном, стихийном, протекавшем, в нашем случае, в период двуязычия дигорцев, тагаурцев, куртатинцев и туалыцев в процессе их ассимиляции ираноязычными иронцами. Отец Батыраза женился на маленькой женщине из племени карликов-*быцен*, у которой к тому же была лягушачья шкура; но ночью она принимала облик красавицы. Хамыц ни в коем случае не должен был обижать ее, как и прикасаться к ее лягушачьей шкуре. Но однажды, не стерпев насмешек Сырдона, он бросил шкуру в огонь. Жена, обидевшись, сказала, что уходит к родным, а на прощание, сообщив, что беременна мальчиком, передала плод отцу, плюнув на его лопатку. На ней образовался нарост, из которого, когда Шатана разрезала его ножом, родился огненный младенец – Батыраз.

Но, с другой стороны, в осет. эпосе говорится: «... Батраз ехал и ехал и добрался до своих родственников по матери, в Аварию». В комментариях отмечается: «По-видимому, имеется в виду древнее тюркское племя авар, обитавшее в середине VI в. в Предкавказье. С современной Аварией не соотносится» (Нарты, т. 2, 1989, с. 260; т. 3, с. 74). (Самоназвание аварцев в Дагестане – *маар*, *мавар* – было когда-то ошибочно записано

как «авар». Карачаево-балкарцы именуют их *тау къумукълула* «горные кумыки»). В осетинском эпосе Хамыц рассказывает: «Из Аварии я стал привозить ткани, а потом засватал в жены красавицу из Аварии» (Нарты, кн. 2, с. 441). Еще в одном тексте сказано: «Одного из нартов звали Уархагом, и он решил повидаться с ханом Аварии» (Нарты, кн. 2, с. 462). В Аварии, по некоторым вариантам, живет и отец нарта Арахцау – Деденаг (Нарты, кн. 3, с. 106).

По кар.-балк. эпосу, Батыраза родила дочь хана аваров (*ауар ханны къызы*), руку и сердце которой Болат-Хымыч завоевал, победив в состязаниях по стрельбе из лука; она стала его третьей женой. Кар.-балк. *бийче*, *бийце* означает, в зависимости от контекста «богиня; княгиня, госпожа; хозяйка дома, супруга», но иногда и «княжна» (*ханым* также означает «госпожа»). Почему же аварская княжна в осет. сказании изображается такой маленькой? Дело в том, что дигорское *биццеу* – «малыш» созвучно малкарскому *бийце* «богиня; княгиня; госпожа». Возможно, первоначальная форма дигорского *биццеу* была *бицен*, откуда, с присоединением суффикса *-он*, и получилось имя матери Батраза – *Быценон*, что-то вроде «быценка», понимаемое как «из племени малышей».

Но, вероятно, какое-то время помнился и ее титул – *бийце*, в значении «богиня» – отсюда ее необычные способности. В одном из сказаний говорится, что нарты были «обеспокоены тем, что жена Хамыца – не обычная женщина и дети ее станут помыкать нартами» («Нарты», кн. 3, 1989, с. 56). Некоторые авторы видят в *биценах* печенегов, несмотря на то, что в эпосе прямо сказано, что жена Хамыца – аварка; ни о печенегах, ни об аварях ни один автор не писал, что они имеют маленький рост («Повесть временных лет», например, говорит об аварях: «... были велики телом и горды умом»). Образы Батыраза и его отца имеют древнюю мифологическую основу; на наш взгляд, таковую должен иметь и образ матери героя – *Биценон*, что и выясняется при сопоставлении ее имени с названием мифологического существа, которое мы находим далеко от Кавказа, у западносибирских татар – *пицен*, *бичен*. Вот что, в частности, сообщается об этом духе: «В облике красивой женщины вступает в любовную связь с человеком. Один из рассказов о П. гласит, что однажды охотник в лесу встретил женщину (в облике которой перед ним предстал П.), женился на ней и зажил богато. Однажды, придя домой раньше положенного, вместо красавицы-жены он увидел страшилище с торчащими из рта клыками. Из своих распущенных волос она вытаскивала ящериц и поедала их. Охотник в ужасе закричал, и сразу все пропало – и жена, и богатство» (МНМ, т. 2, с. 316). Но именно после охоты и встречается с маленькой девушкой нарт Хамыц. В одном из осетинских сказаний упоминаются «подземные бценаги» (Нарты, т. 2, с. 458).

В дигорско-тагаурско-куртатинско-гуальских (тюркских) сказаниях, очевидно, совместились два сюжета: мифологический, древний, о женитьбе какого-то героя-охотника на одной из этих *бицен*, *пицен*, которые представлялись целым племенем лесных духов и память о женитьбе какого-то аланского князя на аварской принцессе (отражение реального события); этот, уже совмещенный, сюжет позже был приписан Хамыцу. Его жена – оборотень, и этому тоже есть объяснение. Название племени аваров и в кар.-балк., и в осет. эпосах – *ауар*, но ему предшествовало *абар*, и, возможно, *обар*, что созвучно кар.-балк. *обур* «оборотень; вещий, шаман» (ср. древнерусское именование аваров в «Повести временных лет» и др. – *обры*). Аварская княжна, которая стала женой какого-то аланского властителя, вероятно, была и ведуньей, знахаркой. Или считалась таковой: ср. *абар бийче* «аварская княгиня», но *обур бийче* «вещая княгиня», «княгиня-оборотень».

Ср. также *макъа*, *бакъа* «лягушка, лягушачья», но *бакъ* – «лечить, смотреть за больным» – в обратном чтении *къаб* «оболочка; чехол», и «кусать; закусывать; проглатывать». Болат-Хамыц женился на аварской княжне, победив в стрельбе из лука. У тюрков мишенью обычно служила тыква (*къабакъ*; это же слово означает «ворота»),

насаженная на шест; слово проникло и в осет. яз., в форме *хъабахъ*. Народноэтимологически термин раскладывается на *къаб* «оболочка, форма» и *бакъ*, *бакъа* «лягушка, лягушачья». Отсюда и женитьба героя русской сказки (заимствованной у тюрков) на царевне-лягушке; на самом деле его стрела угодила не в болото (*батмакъ*), а в ворота какой-то принцессы (*къабакъ*).

У воинственных средневековых племен дожить до старости считалось позором. Аммиан Марцеллин говорит об аланах: «...у них считается счастливым тот, кто испускает дух в сражении, а стариков или умерших от случайных болезней они преследуют жестокими насмешками, как выродков или трусов». То же самое представление отразилось и в кар.-балк. этическом кодексе «Ёзден Адет» (уздени – второе, после князей, сословие свободных людей, проходивших посвящение и обязанных участвовать в походах и войнах): *Ёзденни ёлгени – окъ тийип* «Смерть узденя – от стрелы (пули)»; *Жатып ёлме да, атып ёл* «Погибай не лежа, а отстреливаясь» (имеет двойной смысл – уходить из жизни уздень должен не в постели, а на поле боя; чтобы не быть добитым, как собака, уздень обязан был сражаться, стараясь до последнего вздоха оставаться на ногах).

Иронический смысл заложен в афоризме *Тёзген тёш ашар* «Терпеливый ест грудинку» (на пиру грудинка была долей самого старшего; дожить до такого возраста можно было, не вступая в конфликты, не участвуя в походах и набегах – и в конце жизни получить ничтожное вознаграждение). В ист.-гер. песне «Чепеллеу Загаштоков» герой отправляется в свой последний набег только потому, что услышал, как две его жены говорят между собой о том, что их муж давно уже не ходил в набеги, наверное, постарел.

По осет. сказаниям, маленькая Быценон была очень обидчивой, совершенно не переносила ругани. Но такой же чертой обладают и все ее соплеменники: «Бцента были люди, которые ни от чего другого не погибали, кроме как от хулы» («Нарты», кн. 2, 1989, с. 296). Но вряд ли исторические авары были такими уж чувствительными. Это представление порождено полисемантизмом кар.-балк. слова *уруш*, имеющего значения «война, битва» и «ругань, скандал, брань» (ср. русск. *брань* – «ругань» и «война, битва»). Вероятно, у аваров достойной считалась смерть в бою (*уруш*), на поле брани; это и вызвало, при неверном понимании контекста, появление в осет. эпосе эпизода, в котором жена Хамыца уходит из дому (или умирает) после того, как ее бранит Сырдон.

Требуется объяснения и необычное рождение Батраза из нароста на лопатке Хамыца, возникшего из плевка Быценон. Здесь опять-таки мы видим соединение мифологических деталей с деталями вполне реалистическими, но возникшими из лингвистических недоразумений. Кар.-балк. *тюк* «волос; зерно; зародыш» - *туу* (из *туг*) «рождаться») - *тюу* (из *тюк*) «плевок»; *тюкюр* означает «плевать», но еще и «заговаривать, лечить, произнося заговор, заклинание» (так как при этом знахарка постоянно сплевывает в сторону). «Лопатка» (анат.) в кар.-балк. яз. – *жауурун*, *жауорун*, по народной этимологии - *жан орун* «место души, место жизни»; отсюда и появление тюркского обычая гадать по лопатке жертвенного животного; отсюда же традиция карачаево-балкарских (аланских) воинов выжигать на лопатке юношей, прошедших посвящение (*жоралау*, букв. «взятие креста») и принявших присягу (*къач* «присяга; крест») знак креста; о знаке креста на его лопатке упоминает в эпосе и нарт Ёрюзбек.

Но почему Батраза «родил» именно отец, а не какая-либо женщина из нартов? Выше мы уже говорили о «медноголовости» Батраза, от кар.-балк. названия змеи-медянки - *багъырбаиш* «медноголовая». Но слово *багъыр*, от *багъур* «медь, медный» (ср. *бауур*, от *багъур* «печень») созвучно *бокъур* «нарост (на дереве); зоб (болезнь)», отсюда и *богъурдакъ* (кадык; горло). Ср. также мифологическое именование Болат-Хымыча (*Булут-Гаммеша* «тучевого буйвола») – Фук, Пук (от *бугъ*, *бугъа*, *богъа* «бык»); молния «рождается» из грозовой тучи, олицетворением которой мыслилось божество плодородия,

поэтому сохранилось в осет. эпосе и «рождение» Батраза не матерью, а отцом. Но этот мифологический сюжет был соединен с эпизодом из биографии какого-то видного аланского или киммерийского («кобанского») князя, женатого на аварской княжне (может быть, его тоже звали *Болат* или *Хымыч*; в кар.-балк. эпосе Кызыл-Фук именуется *бий* «божество; князь; господин», в осет. вариантах Хамыца иногда также называют *алдаром*).

Случилось, вероятно, следующее: князя укусила в лопатку змея, на спине его образовалась опухоль, но жена-знахарка (родом из Аварии) вылечила мужа благодаря знанию заклинаний и снадобий: *аркъасына туюкоре кетип* означает «произнося заклинание над его спиной» (букв. «поплевывая на его спину»), а затем и разрежала нарост. Слово *кетип* означает не только длительность действия, но и «уходить», поэтому Быценон в осет. эпосе плюет на лопатку мужа перед уходом к своим родичам; *кесип* «разрезать». *Кёнген* «опухоль, вздутие», но и «обидевшаяся, надувшаяся». Примечательно, что в одном из сказаний о рождении Батраза говорится, что он был закален немедленно после рождения, а также - о змее *къаефхуындар*; кар.-балк. *къапханда* «когда она укусила», *къатханда* «когда он закалился», *тапханда* «когда она родила»; разрезает нарост на лопатке Хамыца именно женщина (Шатана).

СМЕРТЬ БАТРАЗА

Следует остановиться и на обстоятельствах гибели и похорон Батраза, грозowego божества-героя, олицетворяющего в осет. эпосе необузданную, стихийную силу. Свершая месть за отца, он с одинаковой яростью расправляется как с врагами нартов, так и с ними, причем он доставляет нартам (в данном случае - тенгрианцам) больше бед, чем любые недруги. В сказании, записанном в 1875 году, одном из лучших и полных, говорится: «Чтобы более удовлетворить свою месть, пошел он опять поражать нартов (и это после того, как он сразил убийцу Хамыца – Сайнага. – М. Дж.). Беда нартам! Кровь льется рекой, сотнями тысяч убивает их (Батраз), как саранчу. Дошли нарты до отчаяния» («Нарты», кн. 2, 1989, с. 310).

Часто Батраз просто издевается над нартами (о чем повествуется весьма подробно). Он вступает в бой с небесными силами и даже с самим богом, убивает (как сказано – миллионами!) небесных духов, чертей и великанов. Б. А. Калоев пишет, разумеется, видя все с иранистической точки зрения: «В одном сказании говорится: «Полетел Батраз, пробил стену крепости, выхватил меч свой и начал рубить духов и дауагов, земных и небесных. Во все стороны отлетают отрубленные руки и крылья. Мало кому из них удалось спастись от этого побоища». В приведенном отрывке мы, несомненно, видим отражение борьбы христианства в образе Батраза с древними божествами (зады и дауаги), занесенными на Кавказ ираноязычными предками осетин» (Калоев, 1971, с. 241). Этнограф не обратил никакого внимания на указанное важное обстоятельство: Батраз в осет. сказаниях с одинаковой яростью сражается не только с древними «божествами», но и с нартами, и с ангелами, и с богом.

Гибель богатыря описана по-разному: его убил бог, его перерезало колесо Балсага, он лопнул от гнева и т. п. После смерти героя бог велит отнести его тело в склеп, называемый склеп Софы (*Софийайы заеппадз*), склеп *Сафы* (небесного кузнеца), просто некий склеп, и т. п. Но мертвый Батраз уперся ногами в склеп и не поддавался, сказав ангелам, что не желает помещаться в гробнице, пока не увидит бога. Тогда бог уронил на Батраза три слезинки, которые стали тремя известными святилищами Осетии. «Так положили Батраза в склеп, и теперь он там находится». В другом варианте его кладут «на полку в склепе Софы, и остался он там навеки», но далее сообщается: «Когда весной с небес раздается гром, то говорят, что это удары плети сына Хамица Батраза, когда он

садится на своего коня» («Нарты», кн. 2, 1989, с. 289).

А. З. Кубалов отмечал, что «горцы не могут объяснить, где находился Софийский склеп» (Кузнецов, 1980, с. 131). Собиратель фольклора Г. Туккаев слышал, что он находится недалеко от Казбека, может быть, в грузинском селении Казбеги («Нарты», кн. 3, 1989, с. 84). Наиболее полную и ценную сводку дает (как и во многих других случаях) Ю. А. Дзицойты. Его информатор Созирико Цагарати указывал, что Батыраз был похоронен на вершине горы Тбау, в *Сотийайы дзыкк* «Сотийской воронке». По большинству сказаний, Софийский склеп находится на небесах, но в одном из них говорится, что герой был погребен во владениях некоего Кафтисара. В другом тексте указано, что склеп, в котором находится тело Батыраза, называется *Бораеты заеппадз* «склеп рода Бораевых». Ю. А. Дзицойты отмечает также, что в верховьях Зеленчука в Карачаево-Черкесии есть гора *София* и одноименная речка, берущая начало в этой горе (Дзицойты, с. 223-225).

Но самое странное и претенциозное объяснение было дано В. И. Абаевым. Отвергнув все остальные варианты названия и локализации склепа, он остановился на одном – *Софийайы заппадз* «склеп Софии», пожелав увидеть в нем Софийский собор в Константинополе. «Сослан, Батраз – это герои языческого мира, погибающие в борьбе с новым богом и его слугами. Капитуляция Батраза перед св. Софией (*Софийайы заеппадз*) – это капитуляция языческой Алании перед византийским христианством. Исторически эта капитуляция происходила, как известно, между V и X вв. **В X в. христианство, во всяком случае, номинально, восторжествовало во всей Алании** (выд. нами. – М. Дж.), и была создана аланская епархия. В эпизодах смерти Батраза и Сослана нартовский эпос выступает как эпос «уходящего язычества» (Абаев, 1990, с. 215).

«Против этой гипотезы, - пишет Ю. А. Дзицойты, - выступил Г. Бейли, по мнению которого название склепа *София* есть вариант имени небожителя *Сафа* – покровителя домашнего очага». «Встречающийся единственный раз вариант интересующего нас названия *Сафайы заеппадз* остался неизвестным Г. Бейли и мог бы поддержать его этимологию»; «в числе осетинских небожителей упоминается некий *София*, очевидно, тот же Сафа». Не исключено, однако, что склеп Батраза стал ассоциироваться с храмом святой Софии (Дзицойты, с. 224). Но ни один нартовед не сказал, где, в каких сказаниях говорится о «капитуляции Батраза перед св. Софией»? Таких нет. Наоборот, его в этом склепе хоронят, да еще и сам бог проливает над ним слезы – после того, как Батраз перебил миллионы ангелов! О христианском ли Боге идет речь?

Согласно мнению иранистов, и, в первую очередь, В. И. Абаева, до пришествия монголов в XIII в. герои эпоса не имели даже общего именования; и он же предлагает нам считать, что два главнейших цикла осетинской Нартиады, начиная с X в., были «эпосом уходящего язычества»! А чем же он являлся после X в.? Эпосом торжествующего христианства? Где же тогда следы его влияния в осет. сказаниях? К тому же, как показывает анализ современной религиозной ситуации в Осетии (см. ниже), аланское язычество никуда уходить не собиралось (конечно, если считать осетин прямыми потомками алан); и В. И. Абаеву это было ведомо лучше, чем кому бы то ни было. Но ему хотелось всеми возможными и невозможными средствами связать историю осетин с историей аланов и Алании. Известный археолог Е. И. Крупнов, возражая В. И. Абаеву, указывал, что сказителям вряд ли стоит приписывать такую осведомленность (имея в виду знание о существовании храма св. Софии в Константинополе). Но другой археолог, В. А. Кузнецов, опираясь на факт активных контактов алан с Византией, а также, учитывая впечатление, которое мог произвести грандиозный храм на аланских купцов и воинов, думает, что отказывать певцам в знакомстве с великим храмом нельзя. Он считает интерпретацию Абаева убедительной, видя в этом сюжете «интересную реминисценцию

оживленных алано-византийских отношений в период с VI по XII в.» (Кузнецов, 1980, с. 129-131).

Действительно, аланы могли знать о Софийском соборе с давних времен, и возражение Е. И. Крупнова следует признать неосновательным. Другой вопрос, идет ли речь в осет. сказаниях именно об этом храме и о борьбе христианства с язычеством. Принять объяснение В. И. Абаева мы можем только частично, мешают следующие соображения:

1. Можно ли видеть в Батразе обобщенный образ идейного борца с христианством, и если да, то почему Абаев не привел никаких доказательств в пользу такого мнения?

2. То, что Батраз погиб в борьбе с богом, мало о чем говорит, поскольку нигде не указано, что это за бог. Если бы нарт боролся с какими-то героями, защитниками христианства, разрушал церкви, сжигал иконы и т. п., это одно дело. Но богатырь яростно уничтожает всех, кто попадает ему на пути – будь то нарты, их враги, или любые другие существа – черти, ангелы, великаны и пр. Да и почему Софийский собор должен был называться в осет. сказаниях «склепом»? Ничего христианского и ничего антихристианского в цикле осет. сказаний о Батразе нет (впрочем, как и в других текстах).

3. Приняв точку зрения Абаева, придется признать борцами с христианством и всех нартов осет. эпоса, так как и все они гибнут в борьбе с богом. Тогда о какой, пусть даже «номинальной», победе христианства в Алании можно говорить (оно не победило даже в нынешней Осетии – если верить всем исследователям, в том числе и самому Абаеву; см. ниже)?

4. «Батраз узнал, что зэды пожаловались богу и говорит: «Каждый день ходят на меня жаловаться богу. Поднимусь-ка я к нему, проведаю его, узнаю, каков бог!». Приходится богу явить свою силу; и он же подсказывает зэдам и дауагам, как погубить богатыря, и сам насылает такую жару, что Батраз умирает от жажды (Нарты, 1989, т. 2, с. 295 – 296; с. 297). Но десятком строк ниже сообщается, что бог пролил над Батразом три слезинки. Подобное говорится и в других сказаниях. Почему благое божество выглядит таким двучленным?

5. Почему «язычника» Батраза, своего яростного и непримиримого противника, истребителя ангелов и святых, «христианский бог» велел похоронить именно в главном соборе, да еще и пролив над ним три слезинки, из которых потом появились, но не в Константинополе, и не церкви и соборы, а три самых известных языческих святилища Осетии – Мыкалгабырта, Реком и Таранджелос? Получается, что он способствовал возрождению политеизма. Или Батраза похоронили в Константинополе, а слезинки бога упали на Кавказе? Но ведь в тексте сказано, что бог уронил их на героя, после чего Батраза и смогли внести в склеп. О христианском ли Боге-Отце идет речь? Может быть, о двух божествах, одно из которых являлось отцом Батраза, мифологическим покровителем дождя и плодородия, т. е. кар.-балк. *Къызыл Фуком*?

Дж. Шанаев писал в 1871 г.: «Осетины рисуют нартов в своих сказаниях народом, не признающим над собой никакой божественной власти». И, далее: «Народ же говорит: «За то, что нарты не признавали бога, он их и стер с лица земли» (Нарты, кн. 3, 1991, с. 82). Но какого бога не признают нарты в осет. эпосе? Никаких деталей, которые указывали бы на то, что речь идет о боге христианской религии, в сказаниях нет. Сражения Батраза с духами и ангелами можно было бы, с грехом пополам, объяснить противоборством язычества с христианством; но чем объяснить его беспощадную борьбу с нартами, ни в чем неповинными?

На самом деле он, конечно же, сражается с ними за их непризнание культа его отца. Одно из подтверждений этому мнению находится в тексте осет. сказания (запись 1875 г.): «Нарты впали в такое бедствие, что (не могли найти), где бы скрыться от немилосердного, алчного до крови Батраза. Часть нартов, избежавшая меча Батраза, погибла от голода,

наведенного на них Батразом. Хлебом нартов была кукуруза, в которой они испытывали крайнюю нужду вследствие неурожая: едва доставалась на их пропитание та малая часть посевов, которую сбивали они пущенными по ним ночью стрелами, так как днем на нивах хлеб превращался в уголь» («Нарты», кн. 2, 1989, с. 313).

Откуда у Батраза такая власть и сила, что он может лишить нартов именно урожая на полях, и почему они, по его вине, были вынуждены по ночам сбивать колосья стрелами? Нетрудно заметить, что это одно из наказаний, которое насылает бог (якобы христианский, а на самом деле – покровитель плодородия) на нартов, когда они восстали против него (в сказаниях о гибели богатырского народа). Здесь явно просвечивает переосмысленный сюжет из кар.-балк. эпоса: раздосадованный тем, что нарты, по приказу Ёрюзмека, перестали платить ему дань (т. е. приносить жертвы), небожитель Фука наслал засуху, и хлеба стали гореть, люди и животные перестали плодиться и пр. И только после того, как Ёрюзек убил Фука, пролился оживотворяющий кровавый дождь (в осет. эпосе – три слезинки божества). Отметим, что кар.-балк. *жау* «дождить», но *кѣз жау* «слеза»; кар.-балк. *артда* «потом, после» – осет. *аертае* «три».

Двуязычные сказители Осетии путали небесного Бога (Тейри) с грозовым божеством плодородия, отцом Батраза. В одном тексте говорится, что после того, как нарт истребил несколько Уастырджи и Уацилла (т. е. св. Георгиев и святых Илий!), их собратья пожаловались богу, но он их не послушал. Тогда они поставили ему ультиматум: или мы или Батраз. Божество вынуждено было послать против Батраза Балсагово колесо, которое его и убило. «Вот бог сказал: «Я своего сына убил – кто теперь его снесет в Софийский склеп?»» (Нарты, кн. 2, с. 289). Это подтверждает наш вывод: нарт Хамыц и божество грозы – одно и то же лицо (отец Батраза), соответствующее кар.-балк. нарту Хымычу и Кызыл Фуку. Комментируя одно из сказаний, в котором говорится, что Батыраз пошел в свое жилище на небе, Т. А. Хамицаева пишет: «...здесь вновь подтверждается мысль о том, что Батраз обитает на небе и, следовательно, жилище его находится там, а на землю он спускается для помощи нартам» (Нарты, т. 3, с. 83).

После того, как мы отождествили героя-молнию Батыраза с кар.-балк. божествами молнии и плодородия *Шибилы*, *Элия* и *Чонна (Цонна, Цоннай)*, можно дать объяснение того, почему герой был погребен в «Софийском склепе», *Софияйы заппадз*, или *Сопийи заппадз*. Конечно, ни о какой идентификации этого склепа с Софийским собором не может быть и речи: Батраз был погребен в склепе, который называли одним из имен его отца – *Цонпайы заппадз*, «склепе Цонпая», изменившемся в *Сопай*, *Сопий*, *Софий* и т. п.; его имя путали и с именем божества кузни и очага Сафой: так, бог велит изэдам (младшим божествам), которые не могут подойти к телу мертвого Батраза: «Пойдите к его мертвому телу и помолитесь ему: «В склепе небесного Сафы твое вечное место; стань тоньше рыбьей чешуи, легче хмелиного лепестка», - и поднимется он в склеп Сафы» (Нарты, кн. 2, с. 291).

Имя кар.-балк. грозового божества и покровителя плодородия *Чонна, Цонна* – от *чѣн бай, цѣн бай* «владыка злаков» (см.: Джуртубаев, 1991). В осет. фольклоре (вероятно, большей частью у дигорцев) сохранилась песня, в которой он именуется *Аелдари Цонна*; это искажение кар.-балк. *Эрирей Чонна (Цонна)*, *Эрей Чонна*; Эрей, Эрирей – бог ветра и войны, от арх. *эрек* «меч» (ср. термин *эрейчи, ирейчи* «дружинник», букв. «мечник»), что полностью согласуется с образом Батраза, божества не только молнии, но и войны.

В приведенных выше цитатах из осет. эпоса есть указания на воскресение Батраза (имеются в текстах и другие). Этим, а не выдуманной нартоведов-иранистами неприязнью героя к христианству, и объясняется его нежелание покоиться в склепе. Игра кар.-балк. слов присутствует и здесь: *тирел* «упираться, упереться» – *тирил* «ожить, воскреснуть», *тирилмек* «вокресение (из мертвых)». Поскольку речь идет о герое-мече,

«живом мече», не исключено, что свою роль в появлении «Софийского склепа» сыграл и неправильный перевод кар.-балк. терминов *сахтиян* «сафьяновый», и *къаб* «чехол», т. е. «ножны». «Живой меч» упрямо не желал входить в сафьяновые ножны, смириться.

ТЕНГРИАНЦЫ И ЯЗЫЧНИКИ

Несомненно, цикл сказаний о Батыразе и его отце есть отголосок идеологической борьбы в среде алано-болгаро-кобанцев, перераставшей и в военные столкновения. Но повествуется не о противоборстве язычества и христианства (как думают нартоведы-иранисты), а язычества и тенгрианства, древней прамонотеистической религии тюрков, постепенно деградирующей к политеизму. В осет. эпосе род Ахсартагата враждует с родом Алагата (или с Бората) только потому, что видит в них соперников в борьбе за власть и влияние. В кар.-балк. эпосе ситуация иная: Аликовы – сторонники культа Кызыл-Фука, божества грозы и плодородия, Усхуртуковы – сторонники культа Тейри, единого Бога-Творца (о чем в эпосе говорится весьма определенно), а их глава *Ёрюзбек*, враждующий с Аликовыми (сторонниками Фука), выглядит не только вождем и полководцем, но и религиозным реформатором, старающимся спасти нартское общество от деградации в язычество, (см.: Джуртубаев, «Карачаево-балкарский героический эпос», М., 2004).

Являясь сыном Болат-Хымыча (т. е. того же Кызыл-Фука), Батраз должен был всеми силами защищать язычество, что он и делает, уничтожая небесных духов и ангелов, и выступая против Бога (Тейри). Но если большая часть предков карачаево-балкарцев (западные киммеро-аланы), несомненно, были сторонниками тенгрианства и все симпатии их эпоса на стороне единобожника Ёрюзмека (а Кызыл-Фук, соответственно, принижается), то предки их восточных братьев (дигорцев, тагаурцев, куртатинцев и туалъцев), надо полагать, уже склонились к многобожию, главное место в котором занимал культ грозового божества плодородия. По этой причине, в осет. эпосе, унаследованном от тюркских насельников Осетии, цикл Болат-Хамыца и Батраза является более разработанным, чем цикл Урызмага, у карачаево-балкарцев – наоборот.

Ю. А. Дзиццойты предполагает, что гора Уаза «считалась у алан местом обитания военного божества», т. е. Батраза (почему-то носившего кар.-балк. имя); согласно одному осетинскому сказанию, нарты погибли под этой горой. Непомерно гордых богатырей, объявивших войну небожителям, а потом и самому Богу, «последний попросил собраться на равнине Хиз у подножья горы Уаза, а потом перевернул гору, которая раздавила Нартов». Название равнины – *Хизы будур* – возможно, искаженный кар.-балк. топоним *Къызыл-бурун* (*Къызбурун*) – названия местности в Кабардино-Балкарии, как раз на пути к подножию Эльбруса. Ю. А. Дзиццойты подтверждает наш вывод о том, что о гибели Батраза и гибели нартов (в осет. эпосе) говорилось в одном и том же сказании: «Фактически Бог разделался не только с нартами, но и с их военным божеством» (Дзиццойты, с. 84). Поскольку в осет. яз. заимствованное *хуыцау* означает просто «бог», без конкретизации, при усвоении тюркских сказаний и их переводе на иронский язык единый *Тейри*, *Тейри-хан* («небесный», «небесный царь»; его настоящее имя было табуировано) стал неотличим от грозового божества, отца Батраза. Нет сомнения, что именно это языческое божество плодородия и оплакало своего сына, уронив три слезинки, из которых выросли три языческих святилища.

Иными словами, дигоро-тагауро-туало-куртатинцы выразили здесь в замечательно лаконичной и высокохудожественной форме свой выбор и судьбу; Батраз и его отец проигрывают битву с Тейри (раскол в среде алано-кобанцев и завершение гражданской войны в Киммерии; см. ниже), но из слезинок бога грозы и плодородия на земле Осетии

возникают (возрождаются) центры языческих культов (благополучно процветающие в Осетии до наших дней).

В кар.-балк. эпосе нарты поклоняются Единому Тейри и, считая себя божьим воинством, исполняют его волю, сражаясь с разной нечистью и племенами каннибалов. Кар.-балк. эпос в принципе монотеистичен (несмотря на присутствие в нем языческих «божеств», выглядящих просто некими духами, беспрекословно исполняющими, как и нарты, волю всемогущего и всевластного Тейри) – вероятно, потому, что позиции тенгрианства в Балкарии и Карачае были достаточно сильны; но его победа оказалась только временной, деградация продолжалась. Затем в Западной Алании совершился переход карачаево-балкарцев в христианство (шедшего с запада, из Византии), а на востоке язычество, видимо, сохраняло свои позиции.

После погромов, учиненных в Алании Тамерланом и падения Константинополя аланское христианство стало чахнуть; монотеизм восторжествовал только благодаря приходу ислама, принятого всем населением Алании; поскольку пропаганда ислама шла из Дагестана, восточные аланы приняли его раньше (отсюда и наличие целого пласта арабо-мусульманской терминологии в осет. языке). Но после эпидемии чумы, гибели большей части местного тюркского населения и появления переселенных в XVII в. из Ирана иронцев-язычников, в Осетии опять победил политеизм. Часть дигорцев сумела остаться мусульманами, как и коренные тагаурцы, туалыцы и куртатинцы, потомки тюрков-автохтонов. Позже приняла ислам и небольшая часть иронцев.

В кар.-балк. эпосе нарты, исполнив свою миссию, порученную им Тейри (истребление всех враждебных человеку сил тьмы, как и племен, практиковавших человеческие жертвоприношения и каннибализм), возносятся в верхний мир и опускаются в мир нижний, чтобы очистить и их. На земле, у подножья Минги Тау, остается только нарт Карашауай со своим верным конем Гемудой; испив воды из источника бессмертия на склоне великой горы, они молодеют (так народ говорит о своем бессмертии). Восточные алано-киммерийцы были обречены на ассимиляцию, и их певцы предчувствовали это; поэтому финал осетинского эпоса трагичен, и иным быть не мог.

ОС-БАГАТАР

Выше мы уже говорили об этом имени; поскольку осетиноведы увязывают его с именем нарта Батраза, остановимся на нем и здесь.

«*Ос-Багъатар*» «имя полулегендарных героев и правителей Осетии, неоднократно упоминаемых в грузинской хронике (Картлис Цховреба) – Буквально *Осский* (осетинский) богатырь»; из груз. *оси* «осетин» и монг. *Багъатур* «богатырь». Ср. по образованию *Урус-Багатур* «Русский богатырь», имя чагатайского посланника в Москве в 1490 г. Другая форма этого имени звучала *Батыр-Ас* «Богатырь Асский», откуда имя одного из виднейших героев нартковского эпоса *Батыраз*» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 2, с. 231). И, другое: «Имя Батраз – Батыр-ас – «богатырь асский» представляет монгольский вариант грузинского Ос-Багатар – «богатырь осский (осетинский)». Так называет грузинская хроника осетинского предводителя (XIII-XIV вв. н. э.), который воевал во время монголов с Грузией, и в частности взял крепость Гори, что в некоторых нартовских сказаниях приписывается именно Батразу» («Сказания о нартах», 1981, с. 21).

Очень странно. В. И. Абаев утверждал, что до прихода монголов у героев скифо-аланского эпоса не было общего именованья. Уже с V в. грузинские летописцы называют «алано-осетинских» вождей по-тюркски - *ос-бакатар*. Поверив Абаеву, мы придем к выводу, что сами «алано-осетины» не знали, как называть не только героев эпоса, но и как титуловать своих правителей. Затем пришли монголы и почему-то и как-то переделали

тюрко-грузин. *ос-бакаатар* в *Батыр-ас* (что противоречит нормам их языка, в котором определение всегда ставится впереди) и вручили его осетинам, которые с радостью подхватили это имя и тут же переименовали героя эпоса (грозовое божество!) в Батыраса. Но даже если бы так и случилось, монголы переделали бы *ос-бакаатар* не в *Батырас*, а в *Асбаатр*. Да и почему монголы должны были узнавать имя (или титул) «осетинского вождя» у грузин? Разве нельзя было спросить у самих осетин?

Чувствуя шаткость своей позиции, В. И. Абаев, тем не менее, старался подкрепить ее любыми аргументами, но такими же шаткими. «Как можно думать по некоторым преданиям, его настоящее имя было Алгуз (никаких доказательств или сведений автор не привел. – М. Дж.). Почему эпос сохранил имя этого героя в монгольском оформлении? Вероятно, потому же, почему сербы своего национального героя Черного Георгия называли по-турецки: Карагеоргий; а испанцы героя борьбы с маврами Де Бивара – по-арабски: Сид» («Сказания о нартах», 1981, с. 21). Хорошо, пусть так. Но почему «аланы-осетины» не запомнили имя своего героя, как «Алгуза по прозвищу Батраз»? Почему не запомнили его имя остальные народы, у которых есть нартский эпос? И почему этот герой воевал не с лютыми разорителями Алании – язычниками «татаро-монголами», а с христианской Грузией (а его эпический «тезка» тысячами истреблял небесных духов и всячески унижал нартов)? «Аналогии», приведенные Абаевым, не срабатывают.

Наша точка зрения на этимологию имени *Батыраз* была высказана выше. Заметим, что и имя чагатайского посланника объяснено Абаевым совершенно неправильно. *Урус*, *уруш* в большинстве тюрк. яз. означает «война, битва, военный» (такое имя могли дать и ребенку, родившемуся во время войны), *багатур* – титул. Или, скорее всего, это обычное тюрк. имя *Ораз*, *Ураз*, *Оруз* «счастливый, счастливец» + титул *багатур*. Да и с какой стати чагатайский посол, приехавший в Москву из далекой Средней Азии, должен был именоваться «Русским Богатырем»?

Многие соображения, высказанные нами выше и здесь, конечно же, давным-давно приходили в голову В. И. Абаеву. И все, что он писал и говорил в защиту своей возлюбленной ирано-скифской теории, он писал и говорил, отлично зная, что скифо-сармато-аланы были тюрками. Вероятно, отлично понимают это и многие иранисты – ведь не может быть, чтобы они не замечали подобную массу противоречий, подтасовок, несуразностей и пр. Или все же не замечают?

СОЗЫРЫКО (СОСЛАН)

«*Созырыко/Созуруко* – имя одного из героев осетинского («нартского») эпоса; другая форма этого имени, господствующая в дигорском и весьма обычная также в иронском – *Сослан*» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 3, с. 140). В 1935 году Абаев пишет: «Имя Созырыко имеет явно кабардино-черкесское оформление, так как в конечном –*кьо* легко распознается кабардино-черкесское слово *кьо*, *кьюа* «сын». *Созырыко*, *Сосруко* осмысляется, следовательно, на кабардино-черкесской почве как «сын *Созыра*» или *Сосра*. Но самое это *Созыр*, *Созур* или *Соср* отнюдь не разъясняется из кабардинского, как и из осетинского. Возможна какая-то связь с именем *Сослан*, которое носит в осетинских вариантах богатырь-двойник *Созырыко*. В пользу алано-скифского происхождения имени можно было бы указать на скифское собственное имя *Созирсауос*, что можно осмыслить как «*Созир* смуглый» (осет. *сау* «черный»). Вспомним, кстати, что в кабардинских вариантах *Сосруко* имеет эпитет «смуглый». Но заключение Абаева гласило: «В общем ничего достоверного» (Абаев, 1990, с. 250). Да и через 44 года он говорил об этом имени не более определенно: «Вероятно, адыгское оформление осетинского имени *Сослан*» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 3, с. 140).

Ну, а каково происхождение «исходного» прозвания нарта? Объяснение Абаева находится в том же, третьем томе его ИЭСОЯ. К этому моменту великий ирановед спохватился – слишком много оказалось в осет. эпосе «тюрко-монгольского», особенно имен, причем принадлежавших не второстепенным или третьестепенным героям, а главным. Следовало срочно найти какое-то объяснение этому антинаучному факту, пусть и задним числом. Читайте и удивляйтесь, а если можете, то и восхищайтесь, поскольку перед вами шедевр: «Будучи традиционным, эпос вместе с тем никогда не был замкнутым и законсервированным. Он был открыт для влияний со стороны соседних народов, с которыми аланы поддерживали обмен как материальными, так и духовными ценностями. В частности, в истории эпоса был период, который можно назвать тюрко-монгольской модой (откуда об этом известно? – М. Дж.). В этот именно период в сказания вошли тюрко-монгольские имена *Хамиц, Батраз, Сайнаг, Бедзенаг, Елтаган, Тогуз, Крым-Солтан* и др. В этот же период герои получили общее наименование *Нартае*, от монг. нар- «солнце» (*Нартае* = «Дети солнца»). Древние традиционные герои, носившие еще явственные следы своей мифологической природы, получали в угоду моде (! - М. Дж.) новые имена. Такой данью тюрко-монгольской моде оказывается и имя *Сослан*. Ср. ног. *Суслан* - «иметь грозный вид», *суслы* «хмурый, грозный» (ИЭСОЯ, т. 3, с. 138).

Стало быть, все дело в предполагаемой моде и в предполагаемом же стремлении «алано-осетинских» сказителей угодить ей. И, оказывается, эта мода была не просто монгольской, а тюрко-монгольской, т. е. тюрков-то «аланы-иранцы» знали с давних пор, но в моду их эпические имена вошли только с приходом на Кавказ монголов, ни секундой раньше. Хорошо было бы узнать, насколько конкретно В. И. Абаев представлял себе процесс переименования древних героев эпоса (которому в момент наступления этой самой моды исполнялось бы минимум 2000 лет). Кроме того, возникают еще и малоприятные для ирановедов вопросы: а какие имена героев вошли в эпосы монголов и ногайцев из эпоса осетин, если у их (пусть и воображаемых) предков были с этими народами активные контакты? Или влияние было только односторонним? Почему же у соседних народов Кавказа, судя по всему, никогда не было периода ни «скифо-иранской моды», ни монгольской?

Кроме того, алано-тюркские контакты должны были начаться за целое тысячелетие до пришествия монголов; и если ни одна этнокультурная общность в мире не может сравниться с тюрками в эпическом творчестве, тогда почему мода на их имена приключилась только после XIII в.? И, наконец, если есть на свете две вещи несовместные, то это эпос и мода. Думаю, читатель прекрасно понимает, почему В. И. Абаев, в поисках объяснения собственных имен нартов, обращался к каким угодно языкам, но никогда – к карачаево-балкарскому.

Но вернемся к ИЭСОЯ. Теперь Абаеву нужно было доказать свою этимологию. Он продолжает в том же духе: «Разумеется, как и в случае с Батразом, речь идет только об имени героя, а не о его мифологическом образе, который отмечен чертами глубокой древности. На осетинской почве имя Сослан свидетельствуется с XII в. н. э. Муж прославленной грузинской царицы Тамары (1184-1213) был осетин и носил имя Давид-Сослан (*Картлис Цховреба*)».

Согласно положениям супер-академической науки, в XII в. на Кавказе ни монголов, ни ногайцев еще не было, как не могло быть и «монгольской моды». Откуда же у «осетинского царя» ногайское имя *Сослан*? Ответ Абаева был изумительно прост: «В этот период, предшествовавший монгольскому нашествию, аланы тесно общались с кипчакскими племенами, в состав которых входили и предки современных ногайцев, и **именно тогда, наряду со множеством других тюркизов** (выделено нами. – М. Дж.), могло появиться и имя *Сослан*». Почему же тогда прямо не написать, что имя Сослан –

кипчакское? И откуда Абаеву было известно, что имя Сослан заимствовано именно у кипчаков, а не у аваров, гуннов, печенегов и пр.? Впрочем, если бы поблизости не было кипчаков, иранисты приписали бы это имя якутам, тувинцам, хазарам и др. – только не карачаево-балкарцам.

Какой вывод можно сделать, исходя из этих предположений? Только такой: «тюркская мода» у «алано-осетин» была уже до прихода монголов, и тюрки влияли на них так сильно, что уже в V в. «алано-осетинские» вожди именовались по грузино-тюркски - *ос-багатарами*, а в XII в. «осетинский принц» получил кипчакско-ногайское имя. И только он один, потому что остальные главные герои, да и сами нарты, как эпический народ, получили свои имена уже после монгольского нашествия (согласно концепции Абаева и Гуриева). Стало быть, «тюрко-монгольская мода» держалась у «алано-осетин» несколько веков (но в эпос до поры до времени не проникала). Непонятно и другое. Если аланский принц получил кипчакское имя *Сослан*, почему то же самое имя получил и эпический герой, образ которого отмечен чертами глубокой архаики? Или у нарта имени не было, пока не подсобили кипчаки (а в случае с Батыразом и Ос-Бакатаром и мн. др. – монголы)?

В комментариях к одному из текстов эпоса Т. А. Хамицаева пишет: «Публикуется та часть сказания, где речь идет об одаривании небожителями Сослана. Сказание начинается с известного сюжета о встрече Сатаны с черным ногойцем, вследствие чего рождается Сослан – это нетипично для мотива рождения Сослана» («Нарты», кн. 3, 1989, с. 25). Как же нетипично, если автор примечания говорит, что этот сюжет - «известный»? К тому же другой автор отмечает, что ногойцы часто упоминаются в осет. эпосе (Дзиццойты, с. 112). Имя героя – кипчакско-ногайское, его отцом (по одному из сказаний) являлся ногоец; но вывода из этих фактов сделать никто не захотел, они как бы случайны. (Иное дело, если бы нарта звали, скажем, Генрих, или Антоний, или Рамзес; полагаю, что в этом случае никакого недостатка в гипотезах, выводах и комментариях не было бы).

Но почему герой имеет два имени – «кипчакское» *Сослан* и его «адыгизированный» вариант *Созырыко*? Великий иранист и здесь с ответом не затруднился: «Вариант *Сосруко* следует рассматривать как результат адыгской адаптации имени *Сослан*: замена *Л* на *Р* и оформление патронимическим элементом *къо* (*къуа*) «сын». В этом «адыгизированном» виде имя вернулось затем к осетинам (как и почему? – М. Дж.). Такие «челночные» переходы не редкость в истории лексики». В. И. Абаев предложил и объяснение: *Сослан* у кабардинцев превратилось в *Сосран*, затем они добавили к нему элемент *къуа* – *Сосранкъуа* (сохранилось в абазинском), затем оно сократилось в *Сосрукъо* и в таком виде вернулось к осетинам. Другой осетинский автор, М. С. Туганов, считал, что имя *Сослан* есть *Сос-алан*, не объяснив элемент *сос* (Кумахов, Кумахова, с. 107).

Это означает следующее: в конце периода «тюркской моды» (и накануне моды монгольской) осетины заменили никому не известное древнее «ирано-аланское» имя булатнотелого богатыря на кипчакское *Сослан*; его у них неведомо где, когда и как заимствовали кабардинцы (вероятно, вместе с сюжетами), выбросили из него второй слог –*ан*, заменили *Л* на *Р* и добавили элемент *къуа* «сын», а затем это, «адыгизированное», имя неизвестно когда, как и почему вернулось к осетинам, которые ничего ни добавлять, ни убавлять в нем не стали, а начали употреблять наряду с предположительно кипчакским *Сослан*. Почему аланы так пренебрегали своими именами героев, заменяя их то монгольскими, то монгольско-грузинскими, то кипчакско-ногайскими, то кабардинскими, никто из осетиноведов объяснить не попытался. Такая вот «челночная» история, которую комментировать незачем.

Кабардинские этимологи М. А. Кумахов и З. Ю. Кумахова подробно и обстоятельно рассмотрели происхождение имен *Сослан* и *Сосрукъо*; последнее принадлежит главному герою сказаний адыгов, абхазцев, абазин и убыхов (у осетин таковым является *Батраз*, у

карачаево-балкарцев – *Караишауай*). Прежде всего они подчеркивают тот якобы «неоспоримый факт, что это имя включает адыгско-убыхское слово *къуэ* «сын». Они же приводят высказывание В. И. Абаева: «Беда в том, что имя *Соср* не получило пока удовлетворительного разъяснения. Тот, кто разъяснил бы имя *Соср*, оказал бы немалую услугу нартским исследованиям» (именно это мы и собираемся сделать). Авторы справедливо указывают, что в заимствованных именах того же типа, что и *Сослан* (*Беслан*, *Аслан*, *Къаплан* – характерно, что они приводят только тюрк. имена), фонема *л* никогда не заменяется на *р*, а только на латеральные *л*, *лъ*, и что анализируемое имя не могло быть исключением из этого правила. К тому же имя *Сослан* присутствует в кабард. как *Сослъэн-бэч* (и опять окончание тюркское – *бек*). И нет в адыгском ни «Сосран», ни «Сосрануко». Поэтому Кумаховы полагают, что *Соср* восходит к более древнему *Сауэсыр*, будто бы наличному в имени покровителя ветров и вод в адыгской мифологии – *Саузариш*.

На этом их скромные успехи заканчиваются, поскольку авторы не могут объяснить самое важное – элемент *соср* или *сауэсыр*, и говорят следующее: «Мы не касаемся вопроса об этимологии первой части рассматриваемого имени. Это для нас в данной работе и не имеет существенного значения (зачем же тогда посвящать ему 8 страниц убористого текста? – М. Дж.), поскольку в абхазско-адыгских сказаниях имя центрального героя представлено не в первой части (!?– М. Дж.), а в сочетании с исконным словом *къуэ/къуа* «сын» (Кумахов, Кумахова, с. 111). Это конечно, оригинально – предполагаемое окончание важнее самого имени. Так же поступил и В. И. Абаев, обращаясь к этим же авторам с вопросом: если эпическое имя *Шатана* сходно с именем аланской принцессы *Сатеник*, то разве этого недостаточно (см. выше), чтобы считать его осетинским?

Большую статью посвятил доказательству появления имени и образа нарта Сослана под влиянием легенд о Давиде Сослане (муже грузинской царицы Тамар) Т. А. Гуриев. Этимологию, выдвинутую В. И. Абаевым, он посчитал неудачной, поскольку «исторический Сослан жил в конце XII – начале XIII вв., а ногойцы появились на арене еще позже» (почему-то не заметив упоминания Абаева о кипчаках, предках ногойцев). Поэтому Гуриев выдвигает другое объяснение, но сначала предусмотрительно ссылается на мнение А. И. Попова: «Крайне вредным является доверие к будто бы «непогрешимым» фонетическим законам, по которым совершается переход названий из языка в язык. В действительности во многих случаях эти законы нарушаются». Спорить с этим не приходится, всегда найдутся исключения из правил, иногда их бывает много. Но все же соблюдение каких-то рамок и норм необходимо, иначе можно впасть в полный призывол, выводя что угодно из чего угодно и не имея возможности опровергнуть даже самые абсурдные объяснения. Конечно же, Гуриев понимал это не хуже нас; тезис о прискорбном несовершенстве законов исторической фонетики нужен был ему для утверждения своей, совершенно произвольной, этимологии имени «Сослан». По его мнению, оно происходит от осет. фамильного имени *Царазон*, *Саразон*, *Шаразон*, якобы восходящего (по В. И. Абаеву) к латин. *Цезарь*: «Сослан» есть форма, видимо, возникшая в грузинской среде», в которой *а* переходит в *о*: аланское *ас*, например, дало в грузинском *ос*. Цепочка трансформаций имени, по Гуриеву: лат. *Цезарь* – осет. *Цезаран* – *Цаеразан* – *Сазаран* (Гуриев, 1991, с. 72-73).

Что происходило далее с этим многострадальным именем и почему оно приняло (тюркскую) форму *Сослан*, автор не сообщает (думаю, что если эту цепочку продолжить, можно вывести любое слово). Вопросы о том, какой национальности был Давид Сослан, муж царицы Тамары (мать которой была аланкой и носила тюрк. имя *Бурдухан*), и почему правители овсов назывались по-тюркски *багатарами*, причем с V в. по XIV-й (т. е. до нашествия Тамерлана), так и повисли в воздухе. Кроме того, не сказано, существует ли

имя *Давид* в осет. антропонимии. Но в кар.-балк. эпосе есть почти созвучное имя и принадлежит оно прародителю нартов, солнечному божеству, кузнецу Золотому Дебету (*дылбет* «огнеполюс»). Подтверждением того, что грузинам было известно значение имени овсского царевича, служат слова из заключительной части поэмы Шота Руставели, посвященные Давиду Сослану:

*Божеству грузин Давиду, что грядет путем светила,
Чья с восхода до заката на земле известна сила,
Кто для преданных – опора, для изменников – могила,
Написал я эту повесть, чтоб досуг его делила.*

(Перевод Н. Заболоцкого).

Еще более отчетливо ассоциация имени Давида Сослана с солнцем проглядывает в другом переводе; полагаю, что эти уподобления вызваны совсем не желанием польстить царю (да и с какой стати правоверный христианин Руставели именовал бы его «божеством»?); он знал, что на родине Давида, в Алании, так именуется солнечное божество – *Золотой Дебет*:

*Божеству грузин – Давиду, чей всегдашний спутник – солнце,
Я слагаю песнопенья, чтя двора его устав.
Покорив Восток и Запад, он, как грозный вихрь, несется
И послушных укрепляет, вероломных разметав.*

(Перевод А. Церетели).

Искусный кузнец и рудознатец Дебет из кар.-балк. эпоса, несомненно, является историческим лицом; но в эпосе его образ, разумеется, мифологизирован, претерпев контаминацию с именем какого-то солярного божества: как уже говорилось, Дебет упоминается в Св. Коране, причем с похвалой, под именем Дауда, верного служителя Всевышнего, изготовителя доспехов и рудознатца. Из-за сходства имен его принимают за библейского царя Давида, отца Соломона. Но, в отличие от Дебета-Дауда, израильский царь кузнечным делом и поисками руды не занимался, и даже, когда царь Саул предложил ему свои доспехи (перед боем с Голиафом), Давид от них отказался, сказав, что непривычен. Смутный образ великого кузнеца-посланника (в Св. Коране сказано, что посланники направлялись ко всем народам) сохранился и у казахов, и у узбеков, но, конечно же, они тоже путают его с царем Давидом (утверждая при этом, что он посещал Среднюю Азию).

Или, вот что, например, говорится в «Уложении Тимура»: «Затем все свои усилия я направил на завоевание Грузии и точно следовал плану, одобренному моими воинами. Со стальным шлемом на голове, с грудью, покрытой панцирем Давида, с египетским мечом на бедре я взшел на трон войны». И, в примечании: «Эти знаменитые доспехи, которые надевал Тимур при важных обстоятельствах, слыли за выкованные самим царем Давидом в мастерской одного кузнеца. Однако сделавшим их был не Давид, а Иппократ, царь Грузии, который, будучи взят в плен и освобожден татарским завоевателем, дал ему это вооружение, как залог своей верности» (Тамерлан, «Автобиография. Уложение», с. 329; с 425).

Конечно, ни царь Израиля Давид, ни царь Грузии Иппократ никаких доспехов никогда не ковали - в отличие от Дебета, который этим и был занят в своей кузнице (на склоне горы Эльбрус, согласно эпосу); великолепные доспехи, изготовленные им, вероятно, были подарены кем-то из аланских (карачаево-балкаро-дигорских) царей одному из грузинских властителей и передавались по наследству, пока не достались Тамерлану (см. подробно в «Езден Адет»). Поэтому верить в то, что муж царицы Тамары был осетинским царевичем с библейско-кипчакским именем Давид Сослан, мы не можем; он был карачаево-балкаро-дигорцем (аланом, асом) по имени Дебет (возможно, потомком тюркского религиозного

деятеля, основателя болгаро-аланской династии святых царей).

РОЖДЕНИЕ СОСУРУКА

Поиск убедительной этимологии имени этого героя оказался очень трудным делом для нартоведов. Обращаться к кар.-балк. материалам им не хотелось, поскольку для них заранее было ясно, что там ответа не найти; или, может быть, как раз потому, что опасались найти ответ именно там. Все очень просто: «официальная наука» говорит, что тюркоязычные предки карачаево-балкарцев пришли на Кавказ поздно, когда эпос уже существовал, а потому и дать имена героям они уже не могли, а тюркские имена в эпосе - это результат «тюрко-монгольской моды» и контактов с ногайцами, кипчаками, хазарами, турками, печенегами, аварами, хазарами, татарами и монголами. Поэтому, пока не будет признано, что нартские сказания являются отражением истории и культуры тюрков (скифов и аланов), языковеды и фольклористы, пытаясь разгадать тайны великого эпоса, до второго пришествия обречены толочь воду в ступе.

Образ нарта Сослана (Сосурука) явно восходит к мифологии и наделен чертами, общими для всех вариантов Нартиады, поэтому надо искать указания в самих текстах: эпос мог сохранить какие-то детали (сейчас уже немотивированные), способные указать на семантику имени героя. Вначале - об одном эпизоде из осетинского эпоса. Однажды мальчик Созырыко, «подобный льду», «играл с тремя сыновьями Бурафарныга (в альчики. – М. Дж.), к обеду обыграл их всех, отрезал им правые руки и отнес их к себе домой» («Нарты», кн. 2, 1989, с. 108). Не сомневаюсь, что осетиноведы усматривают в этом эпизоде очередное отражение свирепых нравов скифо-аланских племен. Но все гораздо проще. В тексте не говорится, почему новорожденный нарт проявил такое зверство и каковы были последствия его поступка. И, конечно, ничего подобного в тюркском оригинале сказания не было. Просто кар.-балк. выражение *онгларын алып* «одолеть, утомить, обессилить, загнать в угол» иронцы поняли буквально - «взяв (забрав) их правые (*онг*)» - и немудрено, поскольку *онгларын* означает и «их силы», и «их правые». Но следует подумать и о том, почему осет. сказание называет мальчика «подобным льду».

Изложим обстоятельства рождения богатыря по кар.-балк. эпосу. Сатанай-бийче, имея служанку, однажды, чтобы постирать белье, почему-то сама идет на реку, а затем купается в ней. Ее замечает с другого берега могучий пастух Созук, и в нем вспыхивает страсть. Почему-то не в силах перебраться через реку, он мечет через нее свое семя, которое оплодотворяет лежащий на берегу валун (*состар таи*), за который спряталась Сатанай-бийче. Она относит валун домой и прячет его в теплом месте; камень начинает набухать, в нем присутствует жизнь.

Но Сатанай-бийче почему-то сообщает об этом валуне не мужу, Ёрюзмеку, а только кузнецу Дебету. В назначенный срок кузнец приходит со своими подмастерьями и разбивает камень, в котором оказывается огненный железнотелый младенец-богатырь, как сказано в публикации С. Урусбиева, (1881 г.), «с **хохлом на голове наподобие гребня и ногами тонкими, как вертел**» (эти детали есть только в кар.-балк. эпосе). Женщина и тогда не говорит мужу о рождении младенца, а отдает его на воспитание маленьким, но сильным подземным существам, искусным в металлургии, называемым *жеск*, которые закаляют все его тело (за исключением колен) в чистую сталь. **Итак, рождение героя связано с рекой, заречным пастухом, валуном, кузнецом.**

Ему дают имя *Сосурук*. Знакомится он с приемным отцом (Ёрюзмеком) уже подростком. В дальнейшем он совершил много подвигов во славу нартов, но был способен и на подлые поступки (разжигание междоусобиц, убийство юного богатыря Ачемеца, на которого Сосурук напал во главе целой дружины). Он - единственный из всех

нартов, который побывал в нижнем мире (не путать с адом), как и в осет. эпосе именно он путешествует в Страну мертвых. Принес больному отчиму лекарство – золотую рыбку. Находчив, смекалист, хитер, смел, коварен – весьма сложный образ, одним словом.

Примерно то же самое говорится и в осет. сказаниях. Пастух Сосаг, которого почему-то называют «алдаром», пасет свою отару на берегу Терека, где его замечает служанка Ахсины (Шатаны) и говорит об этом своей госпоже. «Ахсина посмотрела с возвышенности, и когда увидела пастуха, то велела запрячь арбу и спустилась к берегу Терека. Там она разделась донага. Сосаг-алдар никогда не видел обнаженную женщину и был удивлен, а потом на одном камне заснул, и после этого ему необходимо было выкупаться. Как Ахсине было этого не понять! И она отправилась обратно. Сосаг-алдар, выкупавшись, тоже пошел со своим скотом. Как бы то ни было, Ахсина стала считать дни камня. Когда наступило время, то вскрыла камень, и из пупа камня ей улыбнулся мальчик» (Нарты, 1989, кн. 2, с. 87). Поставим ряд вопросов:

1. Почему знатная Сатанай-бийче идет мыть белье сама, а не посылает свою рабыню Кюлюмхан? Почему (в осет. сказании) Ахсина, услышав о том, что на другом берегу показался Сосаг-алдар, спешит к берегу реки?

2. Почему Сатанай-бийче, образец скромности, воспитанности, верности (во всяком случае, в кар.-балк. эпосе это так), купается на виду у глазающего на нее пастуха?

3. Почему могучий пастух не может переплыть реку?

4. Почему камень, в который попало семя пастуха, «забеременел»?

5. Почему Сатанай-бийче не сказала об этом камне своему мужу Ёрюзмеку?

6. Почему она посвятила в свою тайну только кузнеца?

7. Почему из валуна родился мальчик с железным телом?

8. Почему у него были тонкие, как вертелы, ноги, а на голове – хохол наподобие гребня?

9. Почему мальчик растет не дома, а в подземелье?

Перейдем к объяснению, ключ к которому неожиданно отыскивается не на Кавказе. «На Руси существует поверье: если петух старше семи лет, то его не годится держать в доме; иначе он снесет яйцо, из которого родится огненный змей; колдун берет это яйцо, носит у себя за пазухой или закапывает в навоз; через шесть недель вылупится из яйца змей и станет носить ему серебро и золото». Приведя эту цитату из известного труда А. Н. Афанасьева, Б. А. Успенский пишет: «Совершенно очевидно, что под «петушиным» яйцом в цитированном поверье фактически понимается яйцо змеиное. Это не должно удивлять, если иметь в виду вообще более или менее очевидную соотнесенность петуха со змеем. Так, домовый, который часто мыслится в виде змеи, может так или иначе ассоциироваться с петухом. В частности, «дворовый» домовый, живущий во дворе и опекающий скот, может представлять как непосредственно в виде змеи, так и в виде змеи с петушиной головой, ср. характерное описание: «Дворовик днем бывает как змея, у которой голова как у петуха, с гребнем, а ночью он имеет вид и цвет волос как у хозяина дома» (Успенский, с. 162).

Карачаево-балкарцы имели сходное поверье. Змею, жившую во дворе, никогда не трогали и не беспокоили, она называлась *шугут жилиян* или *гурт жилиян* («домашняя змея», ср. название квочки – *гурт таукъ*). Но в нашем случае следует говорить не о домашней змее, а о драконе, змее, хозяине земных недр и их богатств, жившем, по представлениям народа, под землей или за рекой, которая считалась границей между двумя мирами.

Попытаемся теперь восстановить древний тюркский миф, который лег в основу сказания о рождении Сосурука. В эпоху начала железного века и зарождения героического эпоса главной (и загадочной) фигурой в обществе являлся кузнец,

считавшийся колдуном. Умение добывать и обрабатывать металлы, разумеется, ревниво оберегалось от посторонних, что еще больше усиливало атмосферу таинственности, окружавшей мастера, как и его жену. Такой парой являлись в нашем эпосе Дебет и Сатанай (отец и мать нартского народа, как их величают в эпосе); это очень сложные, многослойные образы, вобравшие в себя как черты мифологических существ, бога солнца и богини луны, так и реальных кузнецов и шаманок. Тогда и возникло мнение, что на службе у кузнеца и его жены находится змееныш, дитя дракона (змея), которое и таскает для них из подземного мира золото, серебро, железо. Но как они сумели добыть и приручить его? В поисках ответа на этот вопрос и появилось одно из поверий, подобное приведенному А. Н. Афанасьевым (колдун и «петушиное яйцо»). Заметим, что связь между петухом и змеем, указанная Б. А. Успенским, имела в своей основе простое наблюдение: и куры, и змеи выводят своих детенышей из яиц.

Но кар.-балк. поверье было несколько другим. Дракон жил в ином мире, за рекой, которая иногда приносила неведомо откуда огромные валуны, по сей день называемые у некоторых народов «драконовы яйца». Тюрк. термин *таш*, *тас*, *таз*, *тар*, *тор*, *дор* «камень» имеет и значения «голый, чистый», ср. *таза* «чистый», *тазбаш* «лысый, с чистой головой» (*таш* «косточка плода», т. е. то же самое яичко, только растительное; еще ближе *ташакъ* «яичко», мужское). «Валун» в кар.-балк. яз. – *состар*, из *суу ыз* «русло, прибрежная полоса» + *тар* = «прибрежный камень». (К сожалению, в словаре ошибочно указано, что так называется гранит; но сведущие старики всегда отвечали, что это название валуна).

Отсюда и появление мифа, вошедшего в эпос. Кузнец и его жена знали, что на берегу реки лежат «драконовы яйца» (валуны); но как заставить дракона оплодотворить одно из них? Они придумали хитроумный план. Заметив змея на том берегу, красавица Сатанай разделась и стала купаться в реке, понимая, что дракон, как житель иного мира, перейти реку (границу) не может. Когда же змей воспылил страстью, она успела спрятаться за камень, в который и попало огненное семя чудовища (особенно впечатляюще это описано в абхазском эпосе: семя «пастуха» летело, издавая громовый гул). О верности такого толкования говорит и следующая деталь в одном из осетинских сказаний: «пастух» не смог приблизиться к Ахсине, и тогда, по его мольбе, семя превращается в волшебную бусинку (*гулаки фардуг*), которую он мечет в сторону женщины. Она отстраняется, подбирает бусину, швыряет ее и она попадает в камень, в котором зарождается жизнь (Нарты, т. 2, с. 88). Эта бусинка имела свойство оживлять мертвых и исцелять больных. «Обычно принадлежит змеям» (Нарты, т. 3, с. 24). (Ср. кар.-балк. *инжил* «мучаться, страдать» - *инжи* «жемчуг; бисер»).

Добившись своего, Сатанай взяла камень (яйцо) и ушла домой, и из него в известный ей срок родился детеныш дракона - естественно, покрытый блестящей, как металл, чешуей (поэтому его следовало закалить). И, конечно, детеныш холоднокровный: неслучайно и в осет. эпосе о Созрыко говорится, что он был «подобен льду» (ср. кар.-балк. *жылан* «змей» - *чыран* «ледник» (могло слышаться как *чылан*). Он должен был расти под землей, как и положено змеенышу: Сатана до определенного момента «тайно держала Сослана в подземном доме, или в кладовой» - как и другого героя-змея, Батраза (Нарты, кн. 3, с. 23; с. 24). Этим же (змеиным происхождением) объясняется то, почему в нижнем мире побывал именно Сосурук (в кар.-балк. эпосе), и почему именно он принес **золотую** рыбку. Что касается карликов-*жеков*, кующих в подземельях железо и закаливших тело младенца в сталь, это, скорее всего, отражение памяти о древних рудокопах; малорослым людям в тесных и низких штольнях двигаться было легче.

Итак, в древнем варианте кар.-балк. мифа говорилось о кузнеце и его жене (прообразах Дебета и Сатанай-бийче). Позже, когда на первый план в обществе вышел воин, Сатанай

стала мыслиться женой не Дебета-кузнеца, а вождя Ёрюзмека, произошло переосмысление и сюжета о рождении Сосурука. Но в случае с эпосом о волевом решении неких сказителей даже и думать нельзя, все менялось медленно, постепенно. Поэтому многое осталось, как было: в рождении нарта принимают участие кузнец (в некоторых вариантах безыманный) и Сатанай, а Ёрюзек о нем остается в неведении, причину чего сказители придумать не успели. С течением времени забылось и главное предназначение усыновленного змеевича – таскать руду и золото для кузнеца.

Но почему дракон превратился в эпосе в пастуха *Созука* (осет. *Сосаг*)? Ответ – в самом языке: *созук* в кар.-балк. яз. означает «растягивающийся, вытягивающийся» (в вайнах. сказаниях, например, нарта зовут *Сеска-Солса*, т. е. «*Солса (Сослан) (сын) Сески (Созука)*»). Кроме того, *сюрюучю* – «пастух», а *сюркелиучю* – «ползающий». Кроме того, одно из пресмыкающихся, обладающее блестящей чешуей (веретеница), называется в кар.-балк. яз. *къой жилиан*, букв. «овечья змея» (Созук – пастух). Поскольку и цыплята, и змееныши вылупляются из яиц, и ассоциация петуха и змея древними усматривалась, то и у новорожденного Сосурука были тонкие, как у петуха, ноги (по которым его и узнал впоследствии обманутый им великан), и хохолок на голове, наподобие петушиного гребня. Но в усвоенных другими народами Кавказа сказаниях о нартах (после ассимиляции ими остатков алан, разгромленных Тамерланом) эти, непонятые ими детали оказались лишними (как и число сыновей Дебета и Сатанай – 19, отражение знания о Метонове цикле).

В древности (у некоторых народов и сейчас) детей часто нарекали, исходя из обстоятельств его рождения, времени, места и т. п. «Жалить» в кар.-балк. яз. – *ур*, «жалящий» – *ургъан*, с редукцией *гъ* – *уран*; это табуированное название змеи. *Суу ыз* «русло, прибрежная полоса» + *уран* = *Сууызуран* «прибрежный змей», закономерно стянувшееся в *Созуран*, *Сосран* (такое имя носил старший князь Балкарии, живший в XVIII в. – олий Сосран Абаев). Фонетика кар.-балк. языка свободно допускает и переход *Р* в *Л* в середине слова, по образцу зоофорных имен *Аслан* (лев), *Къаплан* (барс) и пр. – откуда и имена собственные *Сослан*, *Сосланбек*, *Сослак* и др. (ср. также *созулгъан* «растягивающийся, вытягивающийся», с последующим выпадением *гъ*: *созулан*, *сослан*). Когда в текстах говорится о движении змеи, употребляется именно слово *созул* «тянуться, растягиваться, вытягиваться»; например, в одном из заговоров от укуса змеи: *Созулун барама, жип кибик* – «Я двигаюсь, вытягиваясь, как вервь...».

Другой вариант тюрк. слова, означающего «жалящий» (и «семя») – *урукъ* (с другим формантом, *укъ*); его соединение с *суу ыз* «берег, береговой» дает *Сууызурукъ* – *Созурукъ* – *Сосурукъ*, уменьш. *Сосрукъа*. Это имя и попало к осетинам-иронцам, и лишь затем приобрело адыгизированный вид *Сосрукъо*, под влиянием контактов с кабардинцами; но у тюрков-дигорцев сохранилось и имя *Сослан*. Менее вероятен другой вариант: в тюрк. яз. *урукъ*, *урлукъ* означает «семя, сын, потомок, потомство» – *суу ыз урукъ* – *созурукъ* – *сосурукъ* «сын берега»; *улан*, *оглан* «сын» (родной) – *суыз-улан*, *созулан*, *сослан* – «сын берега»; еще ближе табуация *созул анг* «растягивающееся существо».

Жорж Дюмезиль, как известно, считал осетинского Сослана-Созырыко солнечным героем (с чем соглашался и В. И. Абаев). Но ни он, ни другие иранисты не объяснили, почему «колесо Ойнона», олицетворение солнечного диска, перерезает колени именно Сослану-Сосуруку, а не другому герою. На наш взгляд, Сослан-Сосурук является олицетворением враждебного солнцу низа, подземных, хтонических сил, «змеевичем», потому солнечное колесо и отрезает ему ноги (напомним, что у многих народов мира существуют этиологические мифы, называющиеся «Почему у змеи нет ног»). По той же причине этот нарт, образ которого восходит к животному эпосу, в равной мере наделен и положительными, и отрицательными качествами.

ПОХИЩЕНИЕ ОГНЯ

Несомненным указанием на тюркскую этническую среду, к которой восходит происхождение образа Сослана-Сосурука (как и эпоса о нартах в целом) является один из его подвигов, считающийся фольклористами важнейшим в цикле сказаний об этом герое и описанный во всех версиях Нартиады; сказание обычно называется «Добывание огня». В один прекрасный день, зимой, нарты вдруг (!) обнаружили, что у них нет огня; или это случилось в походе, когда нарты почему-то остаются без кресал. Никто из них почему-то не мог развести костер, и нарты стали страдать от холода. Вызвался раздобыть огонь Сосурук. Долго он бродил, наконец заметил вдали свет костра. Подъехав ближе, нарт увидел пещеру, в которой, свернувшись в кольцо вокруг пламени, спал великан. Нарт выдернул из огня головешку, но одна искорка упала в глаз великана, он проснулся и схватил героя. Тот выдал себя за работника Сосурука, рассказал о его богатырских забавах и втянул глупое чудовище в заочное состязание со знаменитым нартом. Великан выдержал все тяжкие испытания, придуманные героем, но выбраться из замерзшего озера не смог (по мольбе нарта ударил страшный мороз). Сосурук снес чудищу голову, взял огонь и вернулся домой.

В одном из кабардинских сказаний говорится, что нарты отправились в набег и по пути их настиг буран. Огонь развести они почему-то не могут, но тут подъезжает Сосруко: «-Эге-ге-ге! У меня есть огонь, - ответил Сосруко и развел для них огромный костер. Весь отряд нартов разом ринулся к пламени. Разгневался Сосруко, забросил костер в реку». Нарты умоляют богатыря разжечь огонь вторично, но тот почему-то сделать это уже не может и отправляется на поиски. Он находит великана, который спит, свернувшись кольцом вокруг огня, крадет одну головню и скачет прочь от жилища чудовища семь дней и семь ночей. Но одна искра, упав с головни, летит обратно и обжигает бедро великана. «Тот проснулся, проверил число поленьев и обнаружил пропажу» (Кабардинский фольклор, с. 31). Но неужели у чудища были несгораемые поленья?

Фольклористы, причем все как один, давали этому сюжету весьма странное объяснение, видя в нем реминисценцию той эпохи, когда люди еще не умели разводить огонь и вынуждены были его поддерживать; если он вдруг погасал, им приходилось похищать его у соседнего рода-племени. Но добывать огонь, как нам говорит палеонтология, умели еще питекантропы и неандертальцы, здесь же речь идет о людях, да еще и таких, как нарты! Всего-то и делов, как взять два камешка и высечь искры; или потереть друг о друга две сухие деревяшки (нартам и не в таких переделках удавалось найти выход). Одним словом, это не ответ, а, так сказать, «за неимением лучшего». Было бы неправомерно, как уже говорилось, требовать от сказания неукоснительного соблюдения правдоподобия и логики, но все же и в этом случае их нарушения слишком уж бросаются в глаза. Почему нарты не могут развести огонь? Куда подевались их кресала и труты (в осет. эпосе есть вариант, по которому их украл Сирдон)? Что они делали несколько дней или даже месяцев, пока Сосурук устраивал игры для великана? Мерзли в стане (или даже в селении)?

Долгое время виднейшими фигурами в древних обществах были шаманы, занимавшиеся лечением сородичей, предсказаниями будущего, сочинением и исполнением песен и танцев и пр. Чтобы легче войти в измененное состояние сознания (транс), они (как и те, кого посвящали в мистерии племени) нуждались в психоактивных веществах (психоделиках), изготавливая их из некоторых грибов и растений. В этих же снадобьях нуждались охотники и воины – чтобы сконцентрировать свою энергию, выдерживать многочасовое сидение в засаде, холод и жару, усилить в себе боевой пыл и

пр. В эпоху, когда каждый акт – военный, трудовой, творческий, физиологический – рассматривался как священнодействие, галлюциногенные растения и приготовленные из них напитки, употребление которых приводило человека в экстаз, давало ему иллюзию выхода за свои пределы или оказывало возбуждающее действие, были объектами почитания (например, *хаома* у иранцев, *сома* у индийцев, *саума* у тюрков и пр.). Ими дорожили, им поклонялись, как содержащим божественную мощь, как средствам достижения единения со сверхъестественными силами, их оберегали (см.: Теренс Маккенна. «Пища богов», М., 1995).

Здесь и кроется разгадка странного сюжета. Нарты внезапно потеряли не огонь, а (по какой-то неясной причине) некое растение (или его семена), из которого готовили священный напиток. Или закончились его запасы, необходимые для проведения ритуалов. Тогда-то нарт Сосурук и отправился на поиски и нашел какого-то человека, возможно, шамана (изображенного в эпосе великаном; но неслучайно он выдерживает весьма нелегкие испытания, которым его подвергает нарт), обладавшего растением, которым он очень дорожил (или, может быть, его запасами, принадлежавшими роду-племени). Убив сторожа (или обманув его, или просто украв пучок травы), нарт принес соплеменникам священное растение или его семена. Или это был мак, разводившийся в горшках, один из которых похитил герой. В шумерском эпосе герой Гильгамеш добывает со дна моря траву бессмертия, но от усталости засыпает, и змея крадет у него драгоценную добычу (поэтому якобы она не умирает, а только меняет кожу). Характерно, что в обоих случаях похитителем выступает змей, в данном случае – змеевич Сосурук. Оно и понятно: кар.-балк. *урукъ* «жалящий» - *уру* «воровство». Вполне возможно, что и великан мыслился змееподобным существом – потому и лежал, свернувшись вокруг огня кольцом.

Но почему в сказаниях говорится о похищении огня? Дело в том, что в кар.-балк. яз. слово *от* имеет несколько значений, в том числе – «растение», «яд» и «огонь» (ср., например, *балхамий от* «медуница», букв. «бальзамная трава, бальзамное растение»; *отла* означает «огни, костры» - и «пасться», букв. «травяниться»: *таула жашил от болдула* «горы покрылись зеленой травой», букв. «горы покрылись зеленым огнем» и т. д.). Произошло забвение древних обрядов, сюжет перестал быть понятным, а вместе с этим произошло и его переосмысление, что и привело к появлению странного рассказа о неумении нартов добывать огонь, а исследователей – к нелепому толкованию, ставящему эпических богатырей (живущих в эпоху железа) ниже неандертальцев. Добавим, что есть еще один слой представлений, точнее, миф, отразившийся в этом сюжете; но его анализ потребовал бы слишком много места.

БАЛСАГ (ОЙНОН)

Балсаг «(ирон.) мифический персонаж в нартовском эпосе, обладатель чудесного колеса, *Балсагы цалх*, убившего героя Сослана; варианты: *Малсаг*, *Марсаг*, *Марсуг*. – «Колесо Балсага» есть несомненное олицетворение солнца» (со ссылкой на книгу Дюмезиля «Сказания о нартах»). «Поэтому следует считать удачным разъяснение осетинского *Балсаг*, *Малсаг* из инг. *Малх-саг* «солнце-человек» (ссылка на автора объяснения Генко) - (Абаев, ИЭСОЯ, т. 1, с. 234).

Ойнон «(дигор.) (варианты: *Иойнон*, *Ионон*) мифическое существо в нартовском эпосе; ему принадлежало чудесное колесо, *Ойнони цалх*, которое в отместку за оскорбление дочери Ойнона сразило героя Сослана, раздробив ему единственное уязвимое место – колени. В некоторых сказаниях само колесо рисуется как живое, человеческое существо». «Восходит к имени св. Иоанна Крестителя, на которого после христианизации алан были перенесены черты солнечного божества (колесо – символ солнца). Такое толкование

решительно подтверждается тем, что в некоторых вариантах отец оскорбленной Сосланом девушки зовется *Фид-Иуане* «Отец Иоанн», т. е. св. Иоанн». «... в дальнейшем имя было усилено излюбленным для личных имен формантом *-он* (из *-ан*). «...из *Ион-он* в дальнейшем образовалось *Ойнон*. Архаичная форма *Ойнон* при повторной христианизации была заменена новой – *Иуане*» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 2, с. 226).

Жорж Дюмезиль описывает обряд, ежегодно совершавшийся в Лотарингии: огромное колесо, обмотав соломой, поджигали и скатывали с горы, а юноши бежали рядом, подталкивая и не позволяя упасть; если оно благополучно достигало реки, считалось, что год будет хорошим, урожайным. Поэтому следует согласиться, что и колесо Балсага действительно есть символ Солнца. Но цепочку развития названия (*Ион – Фид-Ион – Ойнон – Фид-Иуане*), предложенную Абаевым, вряд ли можно считать убедительной.

Имя *Ойнон* слишком выбивается из этого ряда; непонятно также, почему осетины-иронцы заимствовали название этого колеса у ингушей, если когда-то прежде у них было свое название, и почему дигорцы не сделали то же самое – тем более, что данный обряд явно языческий, а не христианский. Если же он связан с христианством, положение становится еще более запутанным: зачем потомкам алан-христиан заимствовать его у ингушей-язычников (или, если это произошло позднее – мусульман)?

Выше, говоря о происхождении имени и образа кар.-балк. Сосурука, мы пришли к выводу, что речь идет о змеевиче, добытом и прирученном Сатанай-бийче и кузнецом Дебетом. Показательно, что колесо Балсага перерезает колени именно **сыну змея** (дракона), причем по наущению обиженной им **дочери Солнца**. *Жыл*, *зыл* в кар.-балк. яз. означает «год; годичный», но это слово содержится в *жылан*, *зылан* «змея, змей»; *уан*, *анг*, *уанг*, *ан* арх. «существо, животное, душа» (сохранилось в названиях разных животных: *къоян* «заяц», *жубуран* «суслик», *аслан* «лев», *къаплан* «леопард» и др.).

Народно-этимологически тюркский термин *жылан* «змея», таким образом, осмыслялся как «годичное животное» (*жыл анг*). Ср. и календарные термины: *жыл башы* «голова года», т. е. «начало года», *жыл аягы* букв. «нога года», т. е. «конец года». Год, время, вечность у многих народов символизировались именно изображением змеи, кусающей себя за хвост (*уроборос* европейских алхимиков). Новый год, по кар.-балк. календарю, начинался со дня весеннего равноденствия; середина года, таким образом, приходилась на день осеннего равноденствия, конец сентября, когда солнце пересекает («перерезает») небесный экватор (небесного змея), катясь по небосклону (ср. кар.-балк. *тёш* гора, *тюш* полдень, *тюш* спускаться, снижаться, *тюш* сновидение). Ср. также тюрк. *кёурт*, *кёрт* «волк; червь».

Следовательно, согласно исходному мифу, солнечное колесо должно было перерезать не колени Сосурука-Сослана, а его поясницу (*бель* «поясница», *бёль* «разделять, отделять»), или бедра. Но у многих народов мира известны мифы на тему «Почему у змей нет ног?», в которых даются разные ответы на этот вопрос. У карачаево-дигорбалкарцев, вероятно, говорилось, что ноги у перво-змея (предка пресмыкающихся) когда-то были, но их перерезало каким-то колесом; в древности произошла контаминация, соединение двух мифов (календарно-астрономического и этиологического) в один сюжет.

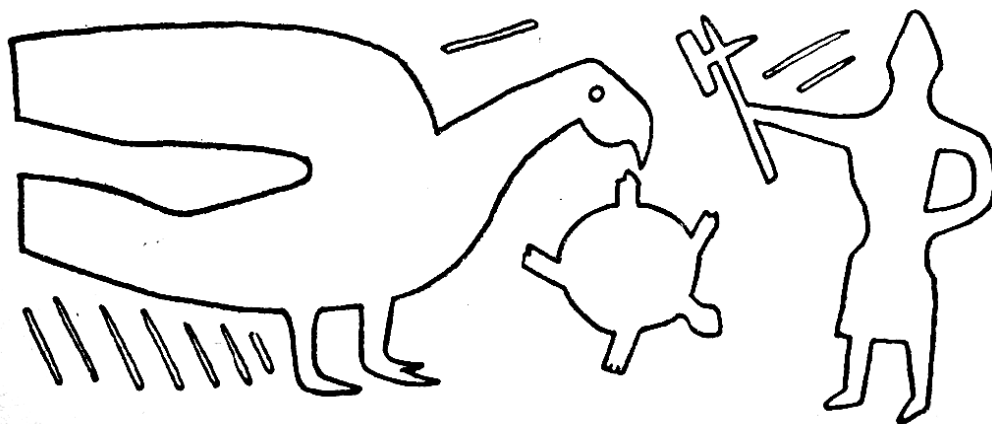
В кар.-балк. эпосе обряд скатывания колеса с высокой горы называется *чарх оюн* «игра с колесом». Дигорцы запомнили свое, тюрк. слово *оюн* «игра, игровое», но позже добавили к нему иранский формант *-он*. Ср. кар.-балк. слово – *ойна* «играть»; в статье анонимного автора «Осетины» (1871 год), в пересказе одного из сказаний говорится о волшебнике по имени *Ойон*, умевшем перевоплощаться в стальное колесо; он и убил нарта Батраза (ППКОО, вып. 4, с. 32), т. е. непонятное слово стало восприниматься в качестве имени, что и породило в осет. эпосе некоторые странности: колесо почему-то говорящее, мыслящее и чувствующее, и даже подверженное человеческим слабостям,

например, жадности. Колесо Балсага изображается в сказании живым и даже обладающим речью, возможно, еще и потому, что в кар.-балк. яз. слово *чарх* означает и «колесо», и «организм (человека)».

Понятно, что в кар.-балк. эпосе ничего подобного нет и быть не могло; это колесо изображается как железное, чудовищной величины. Причина проста и заключается в том, что в слове *наршау* (вар. *наршакъ*, *наршан*, *наршан*) – «металл, металлический», содержатся слова *нар* «солнце, солнечное» и *шау* «черное; погибельное»: *наршау чарх* – «металлическое колесо», но и «солнечное погибельное колесо»; ср. также *тенгир чарх* «небесное (божье) колесо» - *темир чарх* «железное колесо». Во многих языках, в том числе и в тюркских, звуки С и Ш легко взаимозаменяемы, и осет. *барсаг*, *балсаг* восходит не к ингуш. *малхсаг* «человек-солнце», а к кар.-балк. *наршакъ*, *нарсакъ*, перешедшему в *марсаг*, *барсаг*.

В одном из осетинских сказаний говорится, что Колесо Малсага потерпело поражение в первой схватке с нартом Созырыко. Решиться на второй поединок его уговорил коварный Сырдон, заклятый враг Созырыко: «Подкупил его коварный Сырдон, сын Гатага, скотом, подольстился, покоя ему не дает. Пропади ты скот! (Скотом кого не подкупишь)». Колесо проехало по ногам спящего в охотничьем шалаше нарта и отрезало их (Нарты, т. 2, с. 167). Но о том, какой скот был подарен Колесу Сырдоном, ничего не сказано; у тому же откуда взялся бы скот у этого хитреца, который жил в полной нищете (что много раз подчеркивается в эпосе)? Поэтому дело в другом – в игре слов, использованных сказителем. Сырдон помог Колесу **Малсага** тем, что подсказал ему способ (кар.-балк. **амал**, осет. *амал*, арабизм), как победить нарта; но кар.-балк. **мал** имеет два значения – «скот» и «богатство».

Возможно и другое объяснение названия колеса. В одном из осет. сказаний владельцы колеса представлены особым родом *Барсагатае* (Нарты, кн. 3, с. 43). В йокающих тюрк. языках *йалын* (от *йалан*) означает «пламя, пламенный»: *йалан чарх* «пламенное колесо». Но *йалан* созвучно табуированному названию барса - этнониму *алан*. Получается вполне удовлетворительное объяснение: *йалан чарх* «пламенное колесо» – *алан чарх* «аланское колесо» - *Барсагы цалх* («барсово колесо»).

Из книги В. А. Кузнецова (1980)

На правом берегу р. Кяфар, на вершине горы Шпиль (Карачай), были обнаружены городище и могильник, а в одном из склепов – несколько рельефов. Вот описание одного из них (у В. А. Кузнецова): «В центре композиции помещено какое-то странное круглое существо, отдаленно напоминающее черепаху с четырьмя ногами и округлой головой на короткой шее. «Черепаха» устремлена вправо, к воину в облегающей тело одежде и

остроконечном шлеме. Левой рукой воин молодцевато подпер бок, правой он занес над «черепахой» боевую секиру на длинной ручке. Вот-вот «черепаха» будет поражена. Слева от «черепахи» помещена большая – без соблюдения какой-либо соразмерности – хищная птица с острым изогнутым клювом и когтистыми лапами. Не ошибемся, если примем ее за орла (не уверен. – М. Дж.). Птица дана в полете – крылья подняты вверх».

В этой «черепахе», напоминающей зубчатое колесо, как допускает В. А. Кузнецов, можно видеть изображение Колеса Барсага; он отмечает, что на рельефе оно нацелено на ноги воина (Кузнецов, 1980, с. 125-128). Соглашаясь с такой интерпретацией (в целом), заметим, что об изображении птицы, по размерам большей, чем колесо и воин, вместе взятые, ученый ничего не говорит. Возможно, это не орел, а лебедь (тюрк. *кун, гун*, что означает также и «солнце, солнечный»), и художник изобразил ее, чтобы зритель мог «прочитать» рельеф, как *кун кызы* «дочь солнца» или *хан кызы* «царская дочь» (ср. кар.-балк. *къанкъаз* «лебедь»). В древнем тюрк. мифе, вероятно, говорилось, что сына змея погубил солнечный жар (*кюн кызыгуу*); но в эпосе произошло изменение: Сослан-Сосурук погибает потому, что отверг любовь «дочери солнца» (*кюн кызы*), которое и наслало на него колесо. Отметим присутствие в Нартиаде пары «змеев» – небесного (Батыраз) и земного (или подземного) – Сослана-Сосурука. Знаменательно, что оба они погибают именно от солнечного колеса.

ТОТРАДЗ

Тотрадз, Тотраз, Тотурадз, каб. *Тотреш*. «Эпизодическая, но яркая фигура. Так же как *Батрадз* и *Ацамаез* выступает юным мстителем за кровь отца. Однако врагом его оказывается на этот раз не иноземец, а нарт *Созырыко* (*Сослан*), которого он значительно превосходит доблестью, но которому с помощью вещей *Шатаны* удастся хитростью умертвить своего малолетнего, но непобедимого врага. Происхождение имени неясно. Есть основания делить его на *Тотыр-адз*. Имя *Тотыр* встречается отдельно. Ср. также название осетинского божества *Тутыр*, дигор. *Тотур*. Что касается –*адз*, то его можно сближать с конечным *адз* в имени другого нарттовского героя *Батыр-адза* (Абаев, 1990, с. 252).

Допустим, сблизили – и что получаем в результате? Разумеется, никакого конечного *адз*, неведомо что означающего, в именах *Батыраз* и *Тотураз* усмотреть нельзя. Это лишь очередная уловка, чтобы скрыть тюрк. окончание имени – *ас*. Но если *Батырас*, по мнению В. И. Абаева, является монгольским именем, означающим «богатырь ассский», т. е. «осетинский», то каково значение имени *Тотурас*? «Тотур ассский»? Но что такое *Тотур*? Надо полагать, оно идентично имени *Тотура* (Тутыра), который считался «патроном волков, а также людей, которые крали скот». Вс. Ф. Миллер и В. И. Абаев считали, что оно идет от греч. *Теодорос* «Феодор». «Имеется в виду св. Феодор Тирон». «В христианской традиции Феодор Тирон повелевал волками и имел особое отношение к воровским делам»; ему молились об украденных вещах (Абаев, ИЭСОЯ, т. 3, с. 322-323).

Следовательно, мы должны думать, что *Тотураз* – инверсированное «Феодор ассский»; но это маловероятно: «*Тутыр/Тотур* – бог волков. Ему молились об ограждении стад от волчьей опасности. Посвященный ему праздник (*Тутыртае*) отмечался весной, в марте, продолжался несколько дней, был весьма торжественным, сопровождался играми и пр.». «Кроме весеннего Тутыра, праздновался еще осенний Тутыр» (Абаев, 1990, с. 132). «В эти дни было много веселья и игр». «Скот, родившийся в дни *Тутыртае*, а также предметы, изготовленные в эти дни, считались отмеченными богом»; «три дня Тутыра были днями договоренными (исключающими враждебные действия) для всего осетинского народа» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 3, с. 322).

Но не слишком ли много чести оказывали осетины заурядному святому, да еще и такому, который почему-то приобрел у них функции «патрона скотокрадов»? И почему у остальных покровителей было по одному празднику, а у Тотура – два? И почему в дни покровителя волков враждебные действия исключались для всего народа? Не идет ли речь о каком-то могущественном языческом божестве?

В кар.-балк. эпосе героя с таким именем нет (и это неслучайно), а в сражении с дружиной Сосурука, благодаря хитрости его приемной матери Сатанай-бийче, гибнет юный нарт *Ачemez*. Но есть мифологический покровитель волков – *Тотур*, *Аш-Тотур*, и несколько местностей в Балкарии, называющихся так же. Такое же название имеют два месяца: один, с 25 марта до 25 апреля, называется «заключительным месяцем Тотура» (*Тотурну арт айы*), а предыдущий – «начальным» (*Тотурну ал айы*). Оба названы так по отношению к дню весеннего равноденствия, началу Нового года, *жаз тотур* «весеннее равноденствие»; но созвучное *уас тотур*, *ас тотур* означает «святое равноденствие», а *Къач тотур* – «осеннее равноденствие» (потому осетины и праздновали дни *Тутыра* дважды).

Два месяца Тотура у карачаево-балкарцев считались священными месяцами мира, в это время не предпринимались никакие военные действия; на общенациональный праздник Голлу (в дни весеннего равноденствия) являться при оружии строжайше запрещалось и т. п. В эти же месяцы в древности совершалось паломничество к великому общетюркскому святилищу в *Къыркъ-суу* «Сорокаводье» (нынешний г. Пятигорск). Люди (и даже скот), родившиеся в эти месяцы, считались отмеченными особой благодатью и силой (так, в песне о коне нарта Карашауа подчеркивается, что он родился в месяц Тотура), и т. д. (см. «Карачаево-балкарские мифы»).

Равноденствие, как и праздник, посвященный ему, называется у карачаево-балкарцев еще и *нар къопхан* «вставание солнца (из зимней могилы)», но народ понимает это как *нарт къопхан* «вставание (воскресение) нартов». Согласно поверью, души нартов в образе различных животных обходят дома своих потомков; это отражение памяти о древних колядках *шертмен*, *озай*, *гюппе*, с участием ряженных, в масках разных зверей; *тур* означает не только «вставать, подниматься», но и «стоять, пребывать (в одном состоянии или положении)», поэтому солнцестояние называется *нартур* «стояние солнца»; считается, что во время солнцестояний и равноденствий небесное светило целую неделю «стоит на месте» (*тохтан турады*), т. е. что оно в течение года делает 4 остановки.

Таким образом, кар.-балк. *тотур* синонимично *нар къопхан*, и речь в осет. сказании идет о солярном герое. Кар.-балк. *тот* – «ржавчина, ржавый, красноватый»: *тот бетли* – «цвета ржавчины»; *тор*, *тору* «гнедой, рыжеватый». Но ср. *дыт*, *дыф* (из *доп*, *топ*) «сигнальный костер на дереве», *тыпыр* «очаг» (букв. «огня место» – *тып ер*); то же слово – в имени богини-матери огня – *Тыпана*, *Тепена*, в названиях огнестрельного оружия: *топ* «пушка; шар; мяч», *тапанча* «пистолет»; *тыпыл* «теплый», и пр. Нетрудно понять, что слово *топ*, *тот* означало «огонь». Но, поскольку *топ* – это еще и «шар, мяч», совмещение значений позволяет понять слово как «огненный шар», т. е. «солнце». Если солнце так и называли (может быть, табуируя его название), получалось бы *топтур* («стояние (вставание) огненного шара»), которое перешло в *тотур*.

Возможно и другое объяснение. В кар.-балк. мифологии есть божество-покровитель огня – *от атасы Татай* (*Тотай*) «отец огня Татай (Тотай)», супруг «матери огня» *Тепены* (*Тыпаны*). Теоним, скорее всего, возник из *от атай* «огня батюшка»; при обращении к нему начальное гласное стало восприниматься как призывное: «*О Татай!*», откуда и появился теоним *Татай* (Джуртубаев, 1991, с. 120). Если солнце могли называть просто *от*, *ут* «огонь», то равноденствие – *от тур*, откуда легко могло появиться *отур*, *тотур* («стояние (вставание) солнца»; теоним *Уас-Тотур* – «стояние (вставание) священного

огня». Нельзя исключать, что слово *от* «огонь» так и произносилось в древности – *тот* – поскольку и ржавение фактически есть горение, огонь; народная мудрость использовала созвучие этих слов в афоризме:

Заман дегенинг – от кирик,
Темир ашагъан тот кирик.
Время подобно огню,
Подобно рже, разъедающей железо.

Почему в осет. эпосе Тотраз сражается именно с железнотелым героем Созырыко? По кар.-балк. сказанию (имеющему несколько вариантов) и поверьям, затмения солнца и луны происходят оттого, что их пытается проглотить некое чудовище – дракон (*сарыуек*, *сарубек*) или голова людоедки *Желмаууз*, которую оторвали от туловища две вещи и обладающие речью собаки нарта *Къыйынлы*, но она улетела на небо, а вслед за ней и собаки, чтобы не дать голове чудовища проглотить светила.

Автор помнит случай в Казахстане, когда дети и даже женщины во время затмения солнца били в медные тазы – чтобы разбудить стражей и не дать светилу погибнуть. Одного из этих псов зовут весьма для нас интересно – *Тутар* (букв. «ловящий, ловец»), другого – *Жетер* «настигающий»), но в одном из поверий – *Жолбарс* (тигр) и *Албарс* (барс); ср. с именем отца Тотраза – *Албек* (*Алымбек*) – имя явно тюрк. и имеющее тюрк. оформление (*албек* «первый среди беков»); но *ал* означает также «заняться (огнем), вспыхнуть, полыхнуть», *ала* «заря». Кроме того, *алам* (считается арабизмом) в кар.-балк. яз. означает «космос, вселенная»; в таком случае, имя отца Тотраза – *Алымбек* – должно понимать в значении «князь вселенной», т. е. «солнце»; следовательно, Тотраз мыслился сыном Солнца.

Как солнечный герой, Тотраз является олицетворением верха, неба, света. Созырыко, сын дракона, олицетворение низа и тьмы, есть его антипод (в осет. сказании благородный Тотраз резко отличается от вероломного Созырыко), они обязательно должны были столкнуться – поскольку это сказание есть трансформация древнего солярного мифа. Отметим также, что сыну дракона помогает в осет. сказании Шатана (а в кар.-балк. – *Сатанай-бийче*), богиня луны (т. е. небесного тела, которое периодически закрывало, затмевало, «съедало» диск солнца).

В продолжение года у солнца один подъем и один спуск, и четыре остановки – в дни равноденствий (весеннего и осеннего – *жаз тотур*, *къач тотур*), и кульминаций – в дни зимнего и летнего солнцестояний (*нартур*). Имя *Тотураз* есть кар.-балк. термин *жаз тотур* «весеннее равноденствие», букв. «весеннее вставание солнца» (с перестановкой частей; отсюда же именование божества в кар.-балк. пантеоне – *Аш-Тотур*). Этим же объясняется юность героя; ср. *жаз тотур* «весеннее равноденствие» – *жаиш Тотур* «юный Тотур». Отметим близость имен и функций божества-покровителя волков в кар.-балк. (*Аш-Тотур*) и осет. мифологиях (*Тутыр*, дигор. *Тотур*) – народная этимология усмотрела связь образа Тотура с волками, поскольку, как говорилось выше, кар.-балк. *тотур*, *тоту* означает «волчонок».

Вопрос: почему в кар.-балк. теониме элемент *аиш* предшествует имени, а в имени осетинского героя *аз* стоит после него? Дело в неверном понимании кар.-балк. термина: *жаз тотур* «весеннее равноденствие»; *жаиш* «юноша; молодой, юный» (в йокающих тюркских – *йаиш*); при заимствовании слово было понято осетинами (и кабардинцами), в одном случае, как *уас*, *уаиш*, означающее и в осет., и в кар.-балк. «проповедь; святой, священный» (отсюда теоним), в других – как кар.-балк. *жаиш* «юноша, сын, юный, молодой», а *тотур* – как определение к нему, пусть и непонятное; или, может быть,

тотур яшы (жашы) осмыслялось, как «сын солнца» - равноденственного; (ср. кабард. *Тотреш, Тотурац, Тотраш*). Следует учесть еще одно обстоятельство, указанное В. И. Абаевым: «В другом варианте герой зовется не *Тотрадз* сын *Албега*, а наоборот, *Алибег* сын *Тотрадза*» (Абаев, 1990, с. 259).

Но это объяснение не позволяет ответить на весьма важный вопрос: почему схватку проиграл Тотраз, олицетворение (сын, ипостась) могущественного солнца? И почему того же Сосырыко победило колесо? Поскольку равноденствие бывает не только весенним, когда день (свет) начинает прибывать, но и осенним, после которого, наоборот, свет и тепло убывают, то и речь в тюрк. мифе, лежащем в основе осетинского сказания, могла идти именно об осени. Сын солнца проиграл в поединке сыну дракона, потому что год совершил поворот к зиме, времени его врага (вспомним, что по мольбе именно Сосурука наступила лютая зима, благодаря чему он и вморозил великана в озеро). Но поединок колеса Балсага с Созырыко должен был происходить в день летнего солнцестояния и наивысшего могущества света; в день, начиная с которого продолжительность светлого времени суток начинает сокращаться (солнце катится на юг).

Но это еще не все. Поражение солнечного богатыря в битве с сыном дракона можно объяснить, как отражение памяти о солнечном затмении, случившемся как раз в дни равноденствия. О правомерности такого вывода говорит и участие в поединке Шатаны-Сатанай (богини луны). О периодических покрытиях солнечного диска луной, как о причинах затмения дневного светила люди знали давно; интересно, что в кар.-балк. яз. «затмение» называется сходно с именем героя – *тутулуу*, от глагола *тутул* «уловление; арест, заключение в темнице; затмение», *тутмакъ* «тюрьма, застенки»; но *тот улу* (*тот, топ* «огонь, солнце») означает «сын солнца».

В осет. эпосе есть и эпизод, подтверждающий наше толкование. Давая Сослану советы перед поединком, хитрая Шатана говорит ему: «Я пошлю тебе в помощь только нам, женщинам, послушное женское облачко, и оно темным своим покрывалом прикроет тебя, и ты исчезнешь с глаз людей. Поднимется на холм сын Алымбега, но, кроме облачка, ничего не увидит» («Сказания о нартах», 1981, с. 160). Ясно, что речь идет о затмении, но что это за облачко и почему оно послушно только женщинам? Вероятно, это игра кар.-балк. и осет. слов: ср. осет. *ус* «женщина» – и кар.-балк. *юс, ус* «поверхность, вид»; осет. *уисаен* «послушание, повиновение» – и кар.-балк. *юсюн, усюн* «его вид, поверхность»; кар.-балк. *тыш уруму* «его внешний вид» и *тиширыу* «женщина»; *жап* «покрывать», *жабыу* «покрывало» и *жапы* «облик, вид»; *къалын* «густой» – *къатын* «жена, женщина, баба». Согласно осет. сказанию, Сослану на том свете предстоит новый поединок с воскресшим богатырем.

О солярной природе Тотраза говорит и окончание одного из сказаний. Убитый герой пропросил владыку царства мертвых Барастыра отпустить его для свершения мести Сослану. Тот согласился, но предупредил, что если Тотраз не вернется до захода солнца, то останется на земле. Но герой опоздал, и Барастыр отказался его принять. «Тогда Тотрадз взмолился, и стало солнце неподвижно... Когда же Барастр увидел, что солнце остановилось неподвижно и не зашло за горы, то он приказал без промедления открыть ворота» (Нарты, т. 2, с. 403, 1989). Связь героя с солнцестоянием или равноденствием несомненна.

Красноречивая деталь встречается и в кабардинском сказании. С одной стороны, Сатаней помогает Сосуруко победить Тотреша и даже настаивает на его убийстве. Но когда он приносит ей голову Тотреша, она начинает бранить своего сына: «О, я злосчастная! – воскликнула Сатаней. – Ты меня опозорил: ведь это голова моего единственного брата» (Кабардинский фольклор, с. 41). Напомним, что в мифах многих народов мира Солнце и Луна представлены, как брат и сестра.

Осталось объяснить еще одну неувязку. В помощь Сослану коварная Шатана придумала еще одну хитрость: «Спереди его (Тотраза. – М. Дж.) и пуля не берет, и нож не режет, но со спины он мягче, чем кормовая тыква, а конь его взращен подземными духами, и когда ты будешь идти на битву, надень волчью шубу и повесь на своего коня колокольчики. Взращенный подземными духами конь не может стоять возле волчьей шубы, и понесет он (Тотраза) и нельзя будет (коня) остановить, даже если (всадник) оторвет коню уши». Так и произошло, и Сослан поразил Тотраза в спину (Нарты, т. 2, с. 389. М., 1989).

Поверье о том, что черти очень боятся всего, что связано с волками, широко отразилось в кар.-балк. фольклоре и мифологии. Но если, как мы считаем, нарт Тотраз и Аш-Тотур, покровитель волков – одно и то же лицо, почему конь нарта боится волчьей шубы? Полагаю, что в древнем (тюркском) оригинале астрального мифа говорилось о том, что конь солнечного героя испугался не шубы, а змея (мирового). Дело в том, что тюрк. *кѳурт* означает и «волк», и «червь»; но в осет. яз. *калм* – «змея» и «червь».

Мимоходом отметим, что лингвистические недоразумения возникали при усвоении эпоса и в кабардинских сказаниях. Один пример из многих. Нарту Сосруко, который возвращается домой с головой Тотреша в переметной суме, встречаются два старика-лесовика, которые говорят ему: «Эй, нартос Сосруко, эй, от коровы старой родившийся! Это не своей храбростью ты принес. Это не своею силой ты принес. Твоею матерью, ведьмою, (голова) снята». Но и нарт Бадыноко, обращаясь к Сосруко, именует его «отродьем коровы» (Кабардинский фольклор, с. 577; с. 55). Почему же старики, и соратник нарта Сосруко так отзываются о первой красавице нартос? В кар.-балк. яз. слово *сыйкѳыр* означает «колдовство» (возм., заимств., ср. араб. *сихр*), *сыйкѳырчы* «колдун, колдунья», но абсолютно созвучное и перешедшее в разряд архаизмов слово *сыйыр* означает «корова» (в 12-летнем животном цикле оно сохранилось в качестве названия – «года Коровы» - *Сыйыр жылы*). Созвучие двух слов и привело к появлению «старой коровы» - вместо «старой колдуньи».

Сказания об этом герое исключительно богаты чрезвычайно интересными деталями и подробностями; к сожалению, останавливаться на них мы не можем. Еще раз хвала и слава благородным и мудрым людям – первым собирателям осетинского эпоса.

СЫРДОН

Сырдон/Сирдон «имя одного из популярнейших героев осетинского («нартосского») эпоса. Отличался хитростью, находчивостью и остроумием, но также злоязычием и склонностью ко всяким козням. Его отравленный язык сеял повсюду вражду и раздоры. – Еще Шифнер (1868) производил имя Сырдон/Сирдон от *сырд/сирд* «зверь». Если так, то *Сырдон* примыкает к другим «зоофорным» именам нартосского эпоса – таким, как *Уархаг* (от *варка* «волк»), *Уырызмаг* (от *вараза* «кабан»). Формант *–он* – патронимический» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 3. с. 208).

Эту же этимологию Абаев поддерживал и в своей статье 1935 года «О собственных именах нартосского эпоса». Нас это объяснение совершенно не убеждает, о чем ниже. В другой работе («Нартосский эпос осетин») В. И. Абаев подробно остановился на сюжетах, связанных с Сырдоном, и очень точно охарактеризовал его, как тип известного в мифологии многих народов героя-плута, трикстера-обманщика. «Трикстер – это своего рода «антигерой». Его поведение асоциально, т. е. направлено во вред коллективу в целом. Это, как мы видели, характерно и для многих поступков Сирдона. Вместе с тем трикстер может обладать и некоторыми чертами культурного героя, что опять-таки не чуждо и Сирдону: он первый изготавливает для Нартос арфу». Но Абаев отметил и другое:

«Остальные рассказы о Сирдоне носят, в большинстве, характер анекдотов, напоминающие популярные у кавказских и турецких народов анекдоты о Ходже Наср-Эддине, нередко даже буквально совпадающих с ним» (Абаев, 1990, с. 197). На наш взгляд, образ Сырдона – один из самых оригинальных и глубоких в осет. эпосе, несмотря на ощутимое влияние (в сюжетах) анекдотов о Ходже Насреддине.

В кар.-балк. эпосе анти-героя зовут *Шырдан*; из-за сходства имен сказители путают его с другим персонажем – Гиляхсыртаном Злоязычным (*Аман Тилли Гиляхсыртан*). Но, в отличие от нищего Шырдана, разъезжающего на кляче в сопровождении собаки, Гиляхсыртан имеет свой неприступный замок, дружину и весьма богат; он постоянно присутствует на празднествах и пирах нартов. Кроме того, *Шырдан* кар.-балк. эпоса чертами культурного героя не наделен (возможно, эти мотивы утратились, были забыты), воплощая зло в его «чистом виде» (как и главный враг карачаево-балкарских нартов – дьявол-*иблис*).

Рассмотрим теперь обстоятельства рождения Сырдона, его отношения с нартами и судьбу. «Сырдон родился от Донбеттыров (водяных духов. – М. Дж.) и знал все, что было и будет. Поэтому нарты его не любили». Старый Уархаг велел своей жене принести воды, но донбеттыр Гета не дал ей набрать воды, пока она не уступит его желанию. Женщина вынуждена была согласиться, и родила под мостом мальчика, который «смотрел, не моргая» и «обликом был похож на зверя». Сырдон вырос у водяных, а повзрослев, пришел к нартам. «Нарты дивились: «Чем-то он на нас похож, но есть в нем что-то и от далимонов (чертей)». Никто не знал, где он живет. Он то смешил нартов, то издевался над ними, «но когда кто-нибудь, разгневавшись, бросался на него, он тут же исчезал, так вот и измывался над ними. Никак нартам не удавалось поймать Сырдона». Он ворует и приручает собаку Сослана; нарты догадались, «что собаку украл Сырдон, но не знали, где его дом». Женился он на племяннице нартов (?), от которой у него родилось три сына-близнеца. После родов его жена умерла. Несмотря на бедность Сырдона, которая несколько раз подчеркивается, у его детей в еде и питье «никогда не было недостатка» («Нарты», т. 2, с. 189-190).

По другому варианту, Сырдона родила Сатана, от повелителя бесов Батага («Нарты», т. 2, с. 190). В третьем тексте его рождение напоминает рождение Сослана: дьявол, увидев Сатану, соблазнился и «оперся на камень, отчего последний оплодотворился», из него и родился мальчик. «Хитрый Сирдон, как отродье дьявола, отличался ловкостью и находчивостью. Но нарты ни во что его не ставили: над ним издевались, как над дурачком, и держали для мелких услуг» (Нарты, т. 2, с. 198).

К нартам повадилась ходить одна бесовка, душила женщин и детей, а нарты никак не могли ее поймать. Однажды нарт Хамыц «проклял ее мужским семенем», бесовка забеременела и родила мальчика, он вырос и стал жить у нартов, «под мостом, у самых его устоев»; но все равно «никто не знал, где он живет». Однажды нарты привязали нитку к ноге его суки и та привела их к его жилищу. «Сырдон таскал у нартов добро, причинял им вреда в два раза больше, чем приносил пользы» (Нарты, т. 2, с. 191).

Интересен и другой вариант сказания о рождении Сырдона. Бесовка, приходя к нартам, дразнила их и в мигом исчезала. Однажды она пришла на площадь и стала их дразнить. «Хамыц вскочил и бросился за ней. Бесовка исчезла в мышиной норе. Хамыц послал ей вслед мужское ругательство (*аелгъыст*). От этого она понесла, и родился у нее Сырдон. Сырдон подросток, но свой дом скрывал от всех»; к себе он никого и никогда не приглашает.

В каждом тексте подчеркивается, что Сырдон жил в каком-то неведомом месте; всем известно, что его жилище находится под мостом, но найти его почему-то не могут. Нарты иногда берут Сырдона в свои походы, в качестве шута, и всячески насмеваются над ним; он платит им той же монетой, ворует их кресала и труты, обрезает хвосты их коням,

подстраивает им всяческие неприятности (например, приводит их в плен к великанам, а потом сам же и выручает их) и пр. И все сходило ему с рук, пока он не украл корову Хамыца (или Урызмага). Привязав конец пряжи к ноге его собаки, обиженный нарт находит «подземную келью Сырдона, где в котле, висящем над очагом», варилось мясо украденной скотины. Урызмаг ничего не говорит Сырду, отведывает мяса и уходит. Когда он решает пойти к нему еще раз, то снова привязывает шерстяную нить к ноге суки Сырдона и та вновь приводит его в дом вора (сам он найти его почему-то не может). Хамыц (или Урызмаг) застаёт в доме только сыновей Сырдона, разрубает их на части, бросает в котел и уходит. Вернувшийся отец, увидев случившееся и не в силах вынести горе, сделал двенадцатиструнную арфу (*фандыр*) и стал играть на ней, чтобы излить свою скорбь. Инструмент, который он смастерил из плечевой кости сына, натянув на нее волосы матери, Сырдон подарил нартам в обмен на право жить среди них (Нарты, т. 2, с. 206-207).

По одному из вариантов, именно Сырдон является виновником гибели нартвов, подбив их вызвать на битву бога: «Перестаньте ему молиться, забудьте его имя. Поднимите повыше дверные косяки, чтобы не пригибать головы». Нарты, собравшихся на равнине Хиз, бог погубил, накрыв их горой (в других версиях Нартиады этого сюжета нет).

Сырдон – незаконнорожденный и является нартом только наполовину (или вообще к числу нартвов не принадлежит); в нем есть «нечто от бесов». Сырдон вороват, сметлив, находчив, анти-героичен, коварен, беден, невзрачен, скрытен, осведомлен обо всем и обо всех; появляется и исчезает внезапно. Сказанного достаточно, чтобы прийти к определенным выводам. Несомненно одно: Сырдон, как и другие главные герои, вошел в нартские сказания из животного эпоса, о чем свидетельствуют многие детали и сюжеты. И, следует думать, что этот плут и антигерой должен был иметь в древних мифах облик какого-то «низменного» и хитрого животного; но этимология Шифнера, производящая имя Сырдона от осет. *сирд/сырд* «зверь», совершенно неубедительна, расплывчата.

Предложу следующее. В кар.-балк. *шырдан* – табуированное название крысы (другое именование – *гылдуу*, от более древнего *галдуу*); ср. *сырлы* «скрытный, хитрый» + *анг* «животное, существо, зверь»; слитное произношение *сырлан* могло перейти в *сырдан*, *шырдан* (окончание *дан* в осет. перешло в *дон* «вода, река», почему этот трикстер и стал считаться сыном владыки вод *Гатага* или *Батага*; ср. кар.-балк. *бат* «тонуть, погружаться»).

Возможна и другая этимология: кар.-балк. междометие *шырт* означает «внезапно, неожиданно (появиться)» + *анг* «существо» = «внезапно появляющееся существо»; но именно Сырдон появляется неожиданно и так же внезапно исчезает (еще раз хвала и слава первым осетинским собирателям эпоса!). О «крысином» происхождении образа Сырдона свидетельствует имя этого героя в ингуш. сказаниях (*Ширтга*), совпадающее с названием другого осторожного зверька – ласки и созвучное кар.-балк. *ширдан*. Таким образом, речь идет о древнем персонаже карачаево-балкаро-дигорского животного эпоса, имевшем облик крысы – «хитром (скрытном) существе» (неслучайно Сырдон длинноус). Потому и бесовка рождает Сырдона в **мышинной норе**, которую она нашла, чтобы скрыться от Хамыца. Кар.-балк. *тапханды* означает «нашла», и «родила» (эвфемизм). Матерью Сырдона являлась, по некоторым вариантам, *Дзерасса* (на осет. этимологии нет); мы объяснили это имя, как титул кар.-балк. богини Дауче – *Зер Анасы* «Мать земли».

По другим версиям, Сырдона родила бесовка, которую Хамыц «проклял мужским семенем» (или послал ей вслед «мужское ругательство»). Почему нарт поступил именно так, что это означает и почему после этого бесовка забеременела? Кар.-балк. *алгыши* – «благословение», но осет. *аелгыст* – «ругательство»; кар.-балк. *урлукъ*, *урукъ* «семя», *уру* «яма, погреб; воровство, хищение» - осет. *уыры* «крыса». Таким образом, в тюрк.

оригинале говорилось не о том, что Хамыц (герой крайне похотливый) «проклял семенем» бесовку, а наоборот – что он «благословил ее мужским семенем», отчего она и забеременела. «Пришел Сырдон к нартам, подошел к Хамыцу и сказал ему: «Хамыц, я твой сын» (Нарты, т. 2, с. 205).

Осет. эпос замечателен (благодаря ранней и точной фиксации), кроме прочего, еще и тем, что в нем хорошо сохранились многие элементы и детали древних карачаево-балкарских сказаний. Где располагался дом Сырдона, нартам было неизвестно, хотя много раз указывается, что его «подземная келья» находилась под мостом (в кар.-балк. сказаниях – под холмом). Кар.-балк *кюбюр* «сундук» слушатели в период ироно-тюркского двуязычия приняли за *кёпюр* «мост»; т. е. в древнем животном эпосе кавказских тюрков говорилось, вероятно, что герой-крыса скрывался от преследователей под сундуком. Ср. также *кемир* «грызть»: неслучайно Сырдон-крыса отрезал (отгрыз) хвосты у нартских коней. Фольклористы отмечают связь Сырдона с водной стихией, поскольку он, по некоторым вариантам, является сыном водного духа Гатага.

Но это, скорее всего, позднейшее осмысление; связь Сырдона с водой объясняется не только тем, что в его имени ложно содержится осет. *дон* «вода, река», но и тем же созвучием: *кюбюр* сундук - *кёпюр* мост (под которым течет река); кроме того, имя героя – *Шырдан* созвучно названию щуки в тюрк. языках (*щуртан, чортан, чуртан* и т. д.), как и русскому «чорт» (в кар.-балк. *чорт* означает «поперек, поперечный»). «В нескольких сказаниях Сырдон родился от нечистой силы (*ус-хаейраг*) – дьяволицы, чертовки», - пишет Т. А. Хамицаева. *Ус-хаейраг* букв. означает «женщина-черт»; словосочетание содержит в себе тюркское *ус, су, суу* «вода, река, водный, речной».

Крыса, по представлениям карачаево-балкарцев, - существо, которое смертельно боится огня; считается, что стоит дотронуться до нее чем-то горящим, как она сразу издыхает (ср. кар.-балк. *от* «огонь; отрав»). Поэтому эпизод, в котором Сырдон ворует и прячет кресала нартов (а свое бросает в воду), неслучаен – огонь ему неприятен, страшен. Он беден, «как церковная крыса», но дети его не испытывают нужды в пище: вороватый Сырдон таскает разное добро у нартов (как крыса). Неслучайна и вражда Сырдона с Сосланом: первый имеет «крысиное» происхождение, второй – «змеиное».

Но почему этот трикстер вдруг выступил в роли изобретателя двенадцатиструнного фандыра, используя для его изготовления кость сына и волосы матери? Причина проста: в кар.-балк. яз. «крыса» - *гылдыу* (как и в дигорском), чаще произносится (и пишется) *гылыу* (что означает еще «осленок»); но общетюрк. *кьыл, гыл* – «струна; конский волос», отсюда и кар.-балк. название музыкального инструмента, разновидности мандолины – *кьыл кьобуз* «струнный кобуз». Ср. также кар.-балк. *гылыу* – «ритм».

Заметим, что в осет. эпосе убитые дети приписаны Сырду; в кар.-балк. эпосе это случилось с Гиляхсыртаном, в котором мы видим мидийского царя Киаксара, а в мотиве убийства его детей – отголосок события, описанного у Геродота: скифы убили нескольких мидийских юношей и бросили в котел их тела; сходство имен – Гиляхсыртан и Сырдон – ввело осет. сказителей в заблуждение. Итак, Сырдон – образ многослойный: герой животного эпоса по имени «крыса»; герой-трикстер, сын нарта Хамыца и бесовки; есть и третий компонент, о котором ниже.

Незнание данных кар.-балк. языка и фольклора часто приводило нартоведов-иранистов к неожиданным открытиям, которые оказываются казусами. Например: «Дом Сырдона обычно представлен в виде лабиринта, что наглядно подтверждается и памятником материальной культуры: Махческим камнем с изображением лабиринта. Его описание впервые появилось в литературе в 1925 г. и обратило на себя внимание ученых, которые отмечали, что Махчешский лабиринт аналогичен Критскому, изображенному на монетах, и Этрусскому, начертанному на глиняном кувшине, датированном VII в. до н. э.» («Нарты»,

кн. 3, 1989, с. 52). Да, наверное, аналогичен; полагаю, однако, что крысиные ходы древнего персонажа тотемического эпоса к знаменитым изображениям лабиринтов никакого отношения не имеют.

САЙНАГ-АЛДАР

Сайнаег «имя одного из героев в нартском эпосе. Обычно выступает как враг главных героев – Сослана, Хамица и Батраза. По просьбе некоторых Нартов вмешивается в их распрю с Хамицем и убивает Хамица, чем навлекает на себя кровную месть его сына Батраза. Согласно одному сказанию, живет на небе. Его имя почти всегда сопровождается эпитетом *аелдар* «князь», что также выводит его из круга собственно нартвов: последние не называются алдарами». – В записях Мункачи дана форма *Сауайнаег*, т. е. «Черная (*сау*) скала (*айнаег*)». Если *Сайнаег* признать стяжением из *Сауайнаег*, то *Сайнаег-аелдар* должно означать «князь Черной скалы». «Есть, однако, опасение, что народная этимология и на этот раз, как часто бывает, пошла по ложному пути».

«Уже отмечалось, – продолжает Абаев, – что по своему происхождению нартвовский эпос – не горный, а степной эпос. Степь и море – основные элементы нартвовского пейзажа. «Черные скалы» выглядят на этом пейзаже инородным телом. Мы относим имя *Сайнаег-аелдар* к числу имен, отражающих алано-монгольские связи XIII-XIV вв.». «*Сайнаег* есть монг. *Сайн* «славный», снабженное излюбленным осетинским формантом – *аег* по аналогии с другими именами, имеющими этот же формант». «Монголы величали хана Батыя (ум. 1255) *Сайн-хан*, т. е. «Славный хан». Ос. *Сайнаг-аелдар* есть калька монг. *Сайн-хан*, т. е. Батый». С предложенным объяснением хорошо согласуется образ Сайнаг-алдара и его роль в эпосе. Он вмешивается во внутринартвовские распри, поддерживает одну группировку против другой». (Абаев, ИЭСОЯ, т. 3, с. 22-23).

«Осетины-аланы» (если верить Абаеву) обладали очень избирательной памятью. По воле иранистов они «позабыли» родные «североиранские» слова, означавшие «зубр, царь, суслик, тавро, тур, кумыс, лев, зубр, Эльбрус, Казбек, Терек, Волга, Каспий, Черное море, Бештау, Кубань» и пр., и пр., в том числе слова, означавшие «основные элементы нартвовского пейзажа» – степь и море, и называют их по-тюркски, но запомнили и увековечили в эпосе – единственные из всех народов Кавказа! – имя чужеземного хана, но не обычное, а только величальное. Да еще зачем-то снабдили его формантом – *аег*, никак не могли обойтись без него. Да еще и понизили Батыя в звании, называя «алдаром» (что означает не то «старшина», не то «вождь племени», не то «князь», осетиноведы еще не решились), а не ханом, несмотря на то, что это слово в осет. яз. есть.

Возражая против народной этимологии («князь Черной скалы»), которую поддержали Мункачи и Дюмезиль, Абаев выдвинул весьма странные доводы. Если степь и море являются «основными элементами нартского пейзажа», означает ли это, что в эпосе о горах говорить запрещалось? Да нет, о них говорится очень часто. И скалы есть не только в горах, но и на морских берегах. Довод явно искусственный. Откуда, например, например, нартвы скатывали «колесо Ойнона», которое перерезало колени героя Сослана? Разве не с горы? Столь же часто говорится в эпосе о пещерах – они что, располагались в степях? Кроме того, *саин* не монг. слово, а тюрк.; ср. хотя бы кар.-балк. *сай* (*сый*) от которого производятся слова, означающие «избранный» (*сайланган*), «уважаемый, почитаемый» (*сыйлы*), и пр. Если вы получите письмо из Турции, на конверте перед вашей фамилией непременно будет написано вежливое *саин* «почтенный, уважаемый». Или турки тоже дожидались монголов, чтобы занять у них это слово?

Ю. А. Дзиццойты, однако, возражает В. И. Абаеву по поводу «чужеродности» гор нартскому эпосу, указывая, что замок Сайнаг-алдара находится именно в горах. Кроме

того, Сайнаг-алдар в некоторых текстах прямо назван **жителем Черной скалы** (иногда владельцем Черной скалы является герой *Албаг*). В некоторых вариантах Сайнаг-алдар – лучший друг небожителей (в кар.-балк. эпосе с небожителями дружит вождь нартов *Ёрюзмек*). По этим причинам, связь имени *Сайнаг-алдар* с именем монгольского правителя справедливо представляется Дзиццойты «маловероятной». Добавим, что в качестве одного из аргументов он приводит и топоним *Борсайнаг*, якобы осетинский и означающий «Желтая скала» (у Вс. Ф. Миллера), добавляя, что «в местах расселения алан в прошлом на территории нынешних Балкарии и Карачая много осетинских топонимов» (Дзиццойты, с. 197-199), что не соответствует действительности.

Народная этимология иногда бывает права, и это как раз тот самый случай. Но дело обстоит сложнее, чем думали Мункачи и Дзиццойты, и обойтись тем, что имя *Сауайнаг-аелдар* – это просто «Князь Черной скалы», мы не можем, поскольку владение какой-то скалой не такое уж престижное дело для князя. На наш взгляд, здесь имело место калькирование. *Къарачай* означает «большая (великая) река» (букв. «черная» – это одно из названий Кубани, как и син. *Уллу Кам*), а именование карачаевцев – *къарачайлы* означает «великореченец» (букв. – «чернореченец»); но почти неотличимые для постороннего уха *къара къай*, *къара къая* – «черная скала». *Сауайнаг-алдар* – это калькированный перевод *Къарачай бийи* «князь Карачая», ошибочно понятого как *къаракъай* (*къаракъая*) *бийи* «князь черной скалы».

Что касается упомянутого Вс. Ф. Миллером кар.-балк. топонима *Борсайнаг* «Желтая скала», то это просто недоразумение. На самом деле топоним произносится *Барсойнакъ* и означает «Барсово (т. е. аланское) игрище»; это название местности, в которой юноши, прошедшие испытательный срок и обряд посвящения в воины (после чего им наносили на правую лопатку знак креста), исполняли пляску с таким названием.

Не углубляясь далее в анализ сказаний о Сауайнаг-алдаре, добавим, что, судя по всему, это одно из имен главы нартов Ёрюзмек (в кар.-балк. эпосе). Именно он убивает Кызыл Фука (двойника отца Батыраза – Хымыча, осет. Хамыца); именно на его мече появляется зазубрина после удара о стальной зуб Фука; именно он является сошедшим с небес героем и дружен с небожителями, да и сам в эпилоге эпоса возвращается на небо, и т. д. Поскольку в кар.-балк. сказаниях он изображен не только как вождь нартов, но и религиозный реформатор и законодатель, в его образе остались черты того властителя западных алано-болгар (тенгрианцев), под руководством которого они сражались со своими восточными братьями, сторонниками культа грозового божества плодородия; неудивительно, что в осет. эпосе отношение к Сайнаг-алдару (у которого есть и «положительный» двойник – *Урызмаг*) негативное.

СЫБАЛЦИ

«**Сыбаелци/Субаелци** имя одного из эпизодических героев нартовского эпоса. По одной дигор. версии, он сын старейшего Нарта Уархага. – В балкар. вариантах эпоса этот герой зовется *Сибильчи*, в кабард. *Сыбыльши*. – Возможно, из тюрк. *субал-чи*, где *-чи* – формант профессии (*топ-чи* – «пушкарь» и т. п.), а *субал* – «обмазывать глиной». Тюрк. и монг. элементы в нартовском эпосе многочисленны: *Хаемыц*, *Батраз*, *Сослан*, *Бедзенаг*, *Елтаган*, *Нартае* и др. – (ИЭСОЯ, т. 3, с. 181).

Итак, вот второе имя нарта в осет. эпосе (первое – Сослан), которое Абаев признал не «тюрко-монгольским», а просто тюркским – слишком характерный облик оно имеет, чтобы отрицать очевидное. Однако этимология его неверна и опирается на случайное созвучие; если добавить к *субал* аффикс деятеля *-чи*, получилось бы странное для воина имя, что-то вроде «штукатур».

В кар.-балк. эпосе *Сибильчи* – один из сыновей вождя нартов Ёрюзмека. Термин *сибиль* имеет в кар.-балк. яз. значения «волшебство, волшебник; священнодействие»; *сибиль*, *шибиля* «молния; электричество» (ср. *шибля чыбыкъ* «электрический провод»; *Шибилья* «бог молнии»; в эпосе есть и сказание «*Сибиль нартла*» («Нарты-волшебники»); *сибиль бёрк* «шапка-невидимка», *сипи* название священного кустарника, на прутьях которого гадали (краснотал?) карачаево-балкарцы; в алтайском яз. *сибиль*, *сибял* – «одеяние шамана» (см. Джуртубаев, 1991). Замечательно, что карачаево-балкарцы, живущие в Турции, сохранили интереснейшую фотографию (снятую в конце XIX в.), на которой запечатлена женщина в традиционном костюме шаманки. Объяснение имени нарта простое: *сибильчи* - название одного из семи разрядов тенгрианских жрецов, исполнявших разные обязанности – разжигание священного огня, пение гимнов, лечение и пр. (*тыпчы*, *байчы*, *обур*, *сибильчи*, *камчы*, *шаман*, *машакъ*).

УАРГОН

Уаергон «имя бога-кузнеца в сочетании *Куырда-Алае-Уаергон* «Кузнец Арийский (аланский)-Уаргон». Более употребительны стяженные формы *Куырдал-аеугон* и особенно *Куырдалаегон*. Вполне очевидно, что *Куырда-Алае-Уаергон* – первоначальная форма, а *Куырдалаегон* – вторичная (из чего это следует, не сказано. – М. Дж.). – Производное от *уаерг* «волк». «Известно, что названия некоторых животных попадают под запрет – табу – и заменяются заимствованными или описательными наименованиями». «Так именно случилось в осет. *уаерг*, в латин. *волкус*» (по Абаеву, заменилось сабинским *лупус*). «Но исконное наименование волка сохранилось в имени бога-кузнеца: ос. *Уаергон*, лат. *Волканус*. Оба имени образованы с помощью одного и того же форманта –*ан*». «Мифологический смысл данной этимологии состоит в том, что у предков и осетин, и римлян культ бога огня и кузнечного дела был преемственно связан с тотемическим культом волка (а как же иначе? – М. Дж.)». «Герои эпоса проходят закалку, делающую их неуязвимыми. Но в более архаичном варианте эта закалка производится путем погружения в волчье молоко, а в позднейшем – в горниле небесного кузнеца». «Эпитет небесного кузнеца *алае* возводится к *арья*- «арийский», позднее «аланский» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 4, с. 94).

Связь кузнечного дела с образом волка действительно есть, но не в осетинской (иронской) мифологии (поскольку ничем не подтверждается), а в кар.-балк. языке. Умение получать сталь из железа, вероятно, было в древности тайной за семью печатями. Что должен был думать рядовой человек, отличавший, конечно, стальное изделие от железного, но не имевший о кузнечном ремесле никакого понятия, слыша, например, как мастера называют обычное, незакаленное железо *чий темир* - «сырое железо»? Только одно: что сталь – это железо, но уже не сырое, влажное, а «высушенное» – *къуруч*, *къурут*; слово закономерно перешло в *къурч*, *къурт* «сталь»; но *къурт* означает «волк» (на старинных клинках часто ставилось клеймо, изображающее волка или волчонка) – но осет. *куырда* «кузнец». Заметим также, что и купание героев в волчьем молоке никакого отношения к тотемизму не имеет. Ср. кар.-балк. *ахсыл* «белесый, беловатый, серый» (цвет стали, в отличие от темного железа) - осет. *ахсыр* «молоко»; кар.-балк. *сууут* «остужать» - *сют* «молоко». Эпизод из кар.-балк. эпоса, в котором кузнец закалял (остужал) железнотелого героя в сталь серого (беловатого) цвета, при заимствовании превратился в рассказ о «купании в волчьем молоке».

Незачем привлекать и экзотических римлян для подкрепления шаткой этимологии имени кузнеца, якобы означающего «Кузнец Аланский (Арийский) Волкович». Как уже говорилось, во-первых, по нормам осет. языка должно было быть *Ала-Куырда-Уаергон*, а

этого нет. Во-вторых, во всех известных нам изданиях мы встречаем *Куырда-Алагон*. В-третьих, это имя старшего сына кар.-балк. эпического кузнеца и прародителя нартвов Золотого Дебета – *Алауган*, помогавшего отцу в его работе на кузне. Добавим и мнение выдающегося ирановеда: «Возможно, что *Куырдалагон* является стяжением из *Куырда Ала Уаергон* «кузнец *Ала Уаергон*», но объяснить это как «кузнец Аланский Вулкан» (как это сделал Абаев. – М. Дж.) нельзя» (Бенвенист, с. 139). В-четвертых, в мифологии и эпосе осетин почему-то два кузнеца – *Сафа* и *Курдалагон*, как и у кабардинцев – *Тлеши* и его учитель *Дабеч* (кар.-балк. *Дебет*), как и у абхазов – *Шаивы* и *Айнар*. Почему же тогда у карачаево-балкарцев только один кузнец (*Алтын Дебет*)?

Ответ прост: в кар.-балк. эпосе есть солнечный кузнец Дебет и его сын *Алауган* (иногда помогающий отцу в работе), и есть образное именование Бога-Творца – *Къайнар*, *Хай нар* «живое солнце»; по мифу, солнечное божество некогда выдохнуло из своего чрева на землю дождь металлов (*Айнар* на почве абхаз. яз. объяснения не имеет). Осетины, кабардинцы и абхазы имели своих, **мифологических**, покровителей кузни – *Сафа*, *Тлеши* и *Шаивы*, а потом, вместе с эпосом, заимствовали кар.-балк. **эпических** *Алаугана*, *Дебета* и *Кайнара* (см. об этом: Джуртубаев, 1991). Именно поэтому в осетинском эпосе Курдалагон, бог-кузнец, в одном сказании причислен к фамилии Бораевых, а в другом – к Ахсартаговым (Нарты, т. 2, с. 357; с. 362). И, разумеется, Т. А. Хамицаева дважды поправляет сказителей (запись 1903 и 1924 гг.), считая, что причисление бога-кузнеца к одной из нартских фамилий нетипично для эпоса (Нарты, т. 3, с. 97) – для осетинского, но не для карачаево-балкарского.

«Наиболее развитая культура железного века на территории СССР, сложившаяся в VII в. до н. э. и достигшая расцвета в V-IV вв. до н. э., принадлежала скифским племенам Северного Причерноморья» (Першиц, Монгайт, Алексеев, с. 169). Стоит подумать над вопросом: если наукой однозначно признается, что главную роль в развитии черной металлургии на юге Восточной Европы сыграли «скифы-иранцы», то почему абхазы и осетины заимствовали имена своих эпических кузнецов не у них, а у карачаево-балкарцев? И почему учителем кабардинского *Тлеши* выступает *Дабеч* (Дебет), а не осетинский *Сафа*? Почему в осет. и в других языках Кавказа название чугуна – тюркское, но никаких иранских металлургических терминов в них нет?

Красавец и богатырь *Алауган* (иногда – *Алаугун*) из рода Аликовых, старший сын Дебета, отец Шауая, носит барсовую шкуру (*къаплан тери*; атрибут, указывающий на его тотемное прошлое). Барс – главный тотем предков карачаево-балкарцев (алан-барсиллов), чье именование попало под запрет и заменилось на *алан*, из *ала анг* «пятнистый зверь, пятнистое существо»), и *къаплан* стяжение из *къабы ала анг(уанг)* – «зверь с пятнистой шкурой». Но иногда его сына именуют *Генжокъ улу* (*Гензокъ улу*) *Шауай* – «Шауай, сын Генжока (Гензока)» (или «из рода Генжока»). Это же имя попало в осет. и кабард. эпосы в качестве имени Алаугана, поэтому его сына осетины и кабардинцы именуют ***Сауай, сын Кандза*** и *Шауэй, сын Канжа*.

Герой животного эпоса, имевший облик барса, не мог сразу утратить его, процесс антропоморфизации образа не был коротким. Вначале его должны были представлять человеком, во внешности которого сохранялись прежние черты героя-зверя. Это мы и видим в именовании нарта. *Ала-уанг-жух* означает «имеющий морду пятнистого зверя», т. е. «барсоликий», имя закономерно перешло в *алауганжух*, а при отпадении окончания получилось *Алауган*. Но другая разбивка привела к появлению *ганжух*, *генжух*, *генжох*, *генжокъ*, которое стало осмысляться как его второе имя. Кабардинцы и иронцы, при заимствовании, следуя нормам своих языков и своему осмыслению, превратили имя в *Къандж*, *Къандз*, *Чандз*.

Черекские балкарцы на своем диалекте произносили слово как *Гензох*, откуда,

вероятно, появилось наименование еще одного нартского рода – *Гезох-лары* (к которому принадлежат, например, нарт *Созар* или герой охотничьей поэмы *Бийнӕгер*). На самом деле это те же *Аликовы*, именуемые также *Алаугановыми*, по имени главы рода (фактически – «Барсовыми», что напоминает о барсилах, барсулах: *барс эль* по-кар.-балк. означает «народ барсов», *барс улу* – «сын барса, леопарда»; ср. также этноним *ас-алан* и общетюрк. *арслан*, *арыслан*, *аслан* «лев»; отсюда же именование скифов-гуннов-алан «царскими» у Геродота, расслышавшим *басил ас* (*басил-ат*) как *басилеос* – греч. «царь».

САУАЙ

Саеуай, балк. *Шауай*, *Къарашауай*, бжедух. *Севай*. Сын *Къандза* или *Къанджа* (каб. *Къанже*, бжедух. *Джанде*). «Имя *Саеуай* идет, по-видимому, из черкесского, где оно известно как имя родоначальника бжедухского владетельного рода». «В осетинских вариантах – эпизодическая фигура. Более популярен у балкарцев и черкесов» (Абаев, 1990, с. 251). Адыгovedы говорят более конкретно: «Адыг. *Шъэуай* «Шауай», каб. *Шъэуей* «Шауей», осет. *Саеуай* имеют убедительную этимологию на адыгской почве. Формы имени этого эпического героя восходят к общеадыгскому слову *шъауэ* «юноша» и суффиксу принадлежности –*й*» (Кумахов, Кумахова, с. 115).

В кар.-балк. эпосе *Шауай*, *Къарашауай*, сын Алаугана и великанши, внук Дебета и зять Ёрюзмека, намного более популярен, чем во всех других национальных версиях Нартиады и ему посвящено наибольшее количество сказаний, поскольку он является главным и идеальным героем. Полагаю, что бесцветное имя, означающее «юноша», ничего не дает ни для понимания образа, ни для понимания сюжетов; кроме того, непонятно, зачем карачаево-балкарцы стали бы добавлять к этому имени *къара*.

Фигура эта чрезвычайно сложная, а сюжеты указывают на глубокую древность. Из всех персонажей кар.-балк. эпоса именно этот богатырь, вскормленный молоком дракона в трещине ледника, отличается наивысшими шаманскими способностями: повелевает стихиями, может вызвать стужу или огонь, преобразить себя и своего коня в нищего оборванца на вислоухом мерине (оборотничество), проплыть по дну моря на огромное расстояние, великолепно играет на дудке («заставляет ее разговаривать»). Все это наводит на мысль, что образ Карашауая восходит к древнему шаманскому эпосу (и далее – к тотемическому, животному).

Напомню, что кратких звуков *У* и *Й*, присутствующих в имени нарта, в древний период в тюркских языках не было, они возникли в силу фонетических процессов вместо некоторых согласных (*къ, гъ, нг, л, н*). В одной из сказок мы встречаем имя *Шамай*, есть люди, которых зовут *Шаман*, есть фамилия *Шаман-лары*; *шаман* – один из разрядов тенгрианских жрецов; *шам* «святой, священный» (синоним *къаст, кас, уас, ас, аш*). *Къара* – «большой, великий, сильный» (у этого слова много и других значений – «черный, смотреть, надзирать» и пр.). Иными словами, имя героя (или его титул) было *Къарашаман* «великий шаман» и изменялось по линии *къарашамай – къарашауай*; произошла контаминация второй части имени с тотемическим *шаккай*, из *шакан, шахан* «сокол».

Саумаратае, Саумратае – «название рода, представителями которого являются Чандз, или *Къандз* с сыном *Саеуа* (*Саеууай*) и некая *Бурдзаебаех*. В качестве женского имени в эпосе встречается еще антропоним *Саумаерон*, являющийся вариантом фамильного имени *Саумарата* с патронимическим суффиксом *он*. Саумарон имела чудесное свойство рожать без мужа столько воинов, сколько ей закажут: ночью она рожала, а к утру войско бывало готово. Как и в случае с родом Албегата, из рода Саумарата никого, кроме *Чандза* и его сына *Сауая*, не осталось» (Дзищойты, с. 24).

«Родовое имя *Саумаерон* Ж. Дюмезиль сопоставил с осет. *саумаер* «чернозем». Эту

этимологию Ю. А. Дзиццойты считает вполне приемлемой, если исходить из плодovitости Саумарон и богатств ее мужа Чандза, предполагая, что они имеют отношение к третьей функции (т. е. являются производителями материальных благ). Но, конечно же, более верным кажется ему возвести это родовое имя к названию племени сарматов (савроматов), с метатезой – из ставшего непонятным *савромат* получилось *саумар* «чернозем». Наиболее убедительной этимологией этнонима *савроматаи* античных авторов Дзиццойты считает предложенную Дюмезилем: *сау* осет. «черный», и *рома*, которое Дюмезиль сопоставил с др. инд. *рома* «волосы вообще; шуба», перс. *рума* «волоски на лобковой области». По заключению Дзиццойты, этноним означает «носящий черную шубу» (Дзиццойты, с. 24-26).

Здесь буквально все поставлено с ног на голову. Необычайная плодovitость *Саумарон* осет. эпоса – переделка эпизода из кар.-балк. песни о решающей битве нартвов с племенем злых великанов; после уничтожения чудовищ нартты достигают ущелья, в котором возлежала, заполняя его целиком, праматерь великанов, рожавшая каждые три месяца по сто детенышей. Нартты убивают и ее, после чего род великанов-эмегенов исчезает с лица земли. То, что *Саумарон* рождала воинов к рассвету – результат неправильного понимания кар.-балк. слов: *танг* означает и «рассвет, утро», и «большой; много»; *танды* – «родила», и - «нашла, собрала»; *танг аскер танды* означает «собрала большое войско», но букв. - «родила большое войско», и «родила рассветное (утреннее) войско».

В кар.-балк. эпосе великаны-эмегены делятся на несколько видов, среди которых есть и змеобразные. Но в фольклоре есть и благое существо, повелитель змей, который именуется *Шахмаран*, по-перс. - «царь змей». Но тюрк. *шах*, *шакъ* означает «черный», откуда и *шау* «черный; погибельный», *шакъа* «чернила» и пр. (отсюда и осет. *шау* «черный»); *мара анг* - «подстерегающее (таящееся) существо», т. е. «змея», что позволяет, на основе народной этимологии, понять это именование по-другому – «черная змея». В осет. фольклоре заимствованное из кар.-балк. *Шахмаран* стало обозначать эту необычайно плодovitую женщину, а имя превратилось в *Саумарон* (*шаумарон*). В осет. сказаниях произошла также контаминация образа праматери великанов-эмегенов и образа великанши, на которой женился нарт *Алауган* (в осет. эпосе – *Чандз*) и которая стала матерью героя Карашауая. Никакого отношения к третьей функции нарт Шауай и его отец не имеют, они принадлежат к роду Аликовых, жрецов, и *Къарашауай* (от *къарашаман* «великий шаман») потому и отличается особыми талантами по части волшебства, магии.

Что касается объяснения имени савроматов на основе древнеинд. термина, означающего «волосы на лобковой части; шуба» и якобы осет. *шау* «черный», то это просто натяжки (неужто они и зимой, и летом носили шубы?). В этнониме *савроматаи*, означающем по-греч. «ящероглазые», явно просвечивает калька с неверно понятого названия гуннов – *гунгуркес* «гунгурский человек»: но кар.-балк. *гургункёз* – «ящероглазый»; ср. именование печенегов – *къангар*, *къонгур*, *конграт* и пр. – «воин», более позднее *къаугъар*; ср. также другие тюрк. этнонимы – *къазакъ* «рядовой воин», *черкес*, от *чериу кес* «дружинный человек» и др. Отсюда же название средневековых хакасов – *хонгорай* (совр. *хоорай*).

ЧЕЛАХСЕРТАГ

Челахсертаг, *Челахсартон*, *Елахсартон*, *сын Хиза* – лицо, в осет. эпосе встречающееся в нескольких сказаниях, участник нартских пиров; иногда изображен как враг нартвов, иногда его считают одним из них. Враждует с самыми сильными героями – Сосланом, Батразом, Арахцау. Обладает большим могуществом, владеет неприступной крепостью Хиз (Хыз, Хуыз). Подробно останавливается на анализе этого имени и образа

Ю. А. Дзиццойты. Согласно одному из осет. сказаний, Челахсертаг «жил в другой стране, в крепости Хиз»; казалось бы, пишет автор, его можно отнести к врагам нартов, поскольку он враждует с Сосланом. «Однако в большинстве сказаний Челахсертаг сам является нартом», и даже их предводителем – *нарты аелдаер*.

Упоминается и род *Челахсаратае*. Против иноэтничности Челахсартага, как считает Дзиццойты, говорит и иранская этимология его имени: «Судя по компоненту *аехсаертаег*, он первоначально был представителем рода воинов Ахсартаггата». Его эпитеты – «проворный, смелый, бравый, прославленный». Г. Бейли считал, что первая часть его имени – *Чел* – из др. иран. *чарья* «воинственный». В некоторых сказаниях он известен как «Ахсартаговых Хуза сын Челахсертаг». Поэтому Дзиццойты полагает, что это действительно нарт из рода воинов; загадка в том, почему он основал новую фамилию, отделился от нартов.

Мы считаем, что такой вопрос неправомерен. Кроме трех основных родов, в осетинском эпосе есть и другие – *Албегата*, *Ацата* и пр.; вероятно, это просто ошибки сказителей, производивших «новые» фамилии от имен известных нартов; то же самое случалось, вероятно, когда речь шла о новых героях (поздних времен), которых причислить к одному из трех древних родов было невозможно. Но Дзиццойты, вопреки тому, что говорится в эпосе (см. эпитеты Челахсартага), и упоминая о том, что он позорно сбежал от Сослана и спрятался в крепости, заключает, что «перед нами трус с эпитетами героя». (Но в эпосе такого быть не может. И если тот же Сослан убил юного Тотрадза подло – ударом в спину, следует ли считать трусом и его?). Далее Дзиццойты говорит, что Челахсартага следует отнести к роду богачей Бораевых (но разве они были трусами?), поскольку он тоже богат, и его конфликт с Сосланом – это часть борьбы Бораевых с Ахсартаговыми, «Богатых против Сильных». Начав спор с эпосом (без всяких оснований), Дзиццойты был вынужден продолжать в том же неверном направлении, делая поправку: «...будучи выходцем из рода Ахсартаггата, он (Челахсертаг. – М. Дж.) со временем превратился в типичного представителя рода Бората». Как это произошло?

Согласно А. Р. Чочиеву, с началом феодализма «древняя осетинская военно-иерархическая терминология полностью перешла в сословную», т. е. военные предводители (алдары) привилегированной касты воинов стали феодалами. Но эпос не усвоил деление на сословные ступени, принятые в феодальном обществе. «Поэтому Челахсартаг – уже не воин, а феодал – просто приравнивается к представителям рода нартовских богачей Бората, а это значит, что он, несмотря на все геройские эпитеты (? – М. Дж.), лишен мужества, он трус». Феодал богат – значит, труслив, не воин (но в кар.-балк. эпосе, например, ни один герой не описан бедняком и никто из нартов не назван трусом). Полная алогичность этих рассуждений – факт; в самом эпосе для таких выводов никакой опоры нет.

Но Дзиццойты продолжает: «Очевидно (из чего? – М. Дж.), в эпоху становления феодализма в Алании все феодалы (т. е. разбогатевшие и потому не принимавшие участия в походах военные предводители) приравнивались к членам касты богатых землевладельцев и скотоводов дофеодальной Осетии (а существовала ли таковая, как и феодальная, и откуда все это известно? – М. Дж.)»; «имя новоиспеченного феодала Челахсартага стало нарицательным, ибо во всех крепостях и твердынях, реально существовавших и существующих, которые когда-то приходилось брать осетинам, живет именно он» (Хизская, Чуанская, Гори). В одном из сказаний говорится, что в Гори жил Борати Бурафарнуг, следовательно, как думает Дзиццойты, такая замена также говорит о том, что «феодал Челахсартаг» был причастен к классу богачей. Почему феодалы не принимали участия в походах, если они продолжали быть военными предводителями (у других народов в походы ходили даже императоры, султаны, эмиры и короли),

Дзиццойты не говорит, как и о том, к какой касте относили себя сами «новоиспеченные» феодалы, разжалованные им в «презренных богачей».

Разумеется, без широких обобщений и выводов Дзиццойты обойтись никак не может: имя Челахсартага и связанные с ним сюжеты и топонимы западнокавказского происхождения распространились по всей Алании, из чего следует, что «Западная Алания была центром зарождения аланского феодализма, а также экспортером феодальных отношений» (Дзиццойты, с. 77-79). Но автор не объяснил причину бедности соответствующей терминологии в языке народа, который, по убеждению Дзиццойты, был экспортером таких отношений; кроме того, другие осетиноведы считают, что в Осетии даже в XIX в. феодализм только зарождался (см. ниже). Кроме того, стоит подумать о том, почему нет «сероиранских» социальных терминов в языках народов Кавказа.

В кар.-балк. эпосе Злоязычный Гиляхсыртан, как и Челахсертаг, обладает неприступной крепостью, имеет большие богатства и войско. К числу нартов он не принадлежит, являясь только гостем на их пирах, но никаких положительных качеств в его характере кар.-балк. эпос не отмечает (в отличие от осет.). Сварлив, спесив, хитер и сеет раздоры. По его наущению был убит братьями Индиевыми нарт Нёгер (Джёнгер), за которого жестоко отомстил брат Нёгера - *Турту* (краткая форма от *Батыртуу* «рожденный батыром», как, например, *Туугъан* от *Эртуугъан* «рожденный героем»): когда Гиляхсыртан сидел на пиру, Турту отправился в его жилище, разрубил на части его жену и детей, и бросил их в кипящий котел (в осет. эпосе это произошло с семьей Сырдона).

Первое, что приходит на ум – рассказ Геродота о пребывании скифов на Ближнем Востоке, где они бесчинствовали 28 лет (некоторые историки считают, что гораздо дольше), вступая в союзы с разными государствами. Мидийский царь Киаксар нанял нескольких скифов для обучения мидийских юношей стрельбе из лука. Однажды эти наставники провинились перед царем, не добыв для него дичины, и Киаксар жестоко наказал их. Тогда, выждав момент, скифы убили отроков, побросали их тела в котлы и бежали. Конец пребыванию скифов на Ближнем Востоке, по рассказу Геродота, положил тот же Киаксар. Пригласив их вождей на пир, он приказал своей страже перебить их. Оставшись без предводителей, скифы ушли обратно, в причерноморские степи.

Вероятно, эти события и отразились в кар.-балк. эпосе. Скорее всего, мидийский царь носил имя, заключавшее в себе иран. термин *ксатра* «власть, доблесть, мужество», а в первой части *Кей*, *Кейа* – обычный титул, ставившийся впереди имен многих иранских царей: *Кей-Кабус*, *Кей-Хосроу* и пр. Мидийское *Кей(а)ксатра*, *Кейаксартан* превратилось у Геродота в *Киаксар*, у карачаево-балкаро-дигорцев - в *Гиляхсыртан*, у осетин – в *Челахсертаг*. Так как Киаксар пригласил на пир скифских вождей, возможно, пообещав им неприкосновенность, а потом нарушил свое слово, скифы-тюрки и прозвали его *аман тилли* «злоязычный», «вероломный» (или, из-за сходства имен, на него перешло прозвище трикстера Ширдана).

Что касается крепости *Хиз*, *Хыз*, которой, согласно осетинским сказаниям, владел Челахсартаг, то это, вероятно, воспоминание о некой твердыне в Иране, на родине осетин-иронцев. Иранское и царское происхождение Киаксара побудило осетин-иронцев причислить его (после усвоения эпоса) к нартам и наградить эпитетами «проворный, бравый, смелый, прославленный» (в отличие от карачаево-балкарцев, в чьем эпосе Гиляхсыртан является персонажем сугубо отрицательным). И, другое замечание: если, как утверждают иранисты, карачаево-балкарцы как этнос формировались на «алано-осетинском» субстрате, а, следовательно, усвоили и эпос, то почему для них все нарты являются своими, и лишь один Гиляхсыртан (иранец) стал чужим?

БЕДЗЕНАГ И АРАХЦАУ

Бедзенаег, Баедзаенаег, балк. *Бёдене*, каб. *Пиш-Бадинокъо*, абадз. *Сыбатнукъ*, зап.-черк. *Есе-Батыныкъ*. «Эпизодическая фигура, более популярная на кабардино-черкесской почве. В некоторых осетинских вариантах его имя переделано в *Деденаег*, что означает «цветок». В имени *Бедзенаег* можно, кажется, видеть известное племенное название *печенег* и таким образом объединить его с другими нартскими именами монголо-турецкого происхождения» (Абаев, 1990, с. 251). Этимология, предложенная В. И. Абаевым, на наш взгляд, верна.

В кар.-балк. эпосе *Бёдене*, *Шубадина*, *Сары Бёдене*, в одной из песен названный *хан улу* «сыном хана» – популярный герой, богатырь-рыболов, отец нарта *Рачикъау* (*Ёречикъау*); отцу и сыну посвящен цикл сказаний. Добавим, что современных чувашей их соседи-угрофинны называют *ведене*.

В перечислении адыгских вариантов этого имени В. И. Абаев допустил ошибку: осет. *Бедзенагу* и кар.-балк. *Бёдене* соответствует адыг. *Бадын*, а имена, упомянутые им, принадлежат его сыну, означая «сын Бадына» или сын «Шубадына», где начальный слог тюрк. *шу*, *суу* «приречный» переосмыслен адыгами в *пиш* «князь». *Бёдене* в кар.-балк. яз. означает «перепелка» (народная этимология); в кар.-балк. яз. есть и слово *тартар* «бекас, перепелка». Вполне возможно, что этноним *татар*, происхождение которого до сих пор остается неясным – ложный перевод одного из именований части печенегов (*ведене*, *бёдене*, от *будун* «народ»), которое у каких-то тюрок означало «перепелка»; т. е. средневековые татары – это те же печенеги (кстати говоря, татарский богатырь Челубей, сразившийся перед Куликовской битвой с богатырем Пересветом, был печенегом).

Арахцау, Иерахцау, Сараехцау, балк. *Рачикъау*, каб. *Аракъшау, Арекъшу*. Сын Бедзенага. «Эпизодическая и неясно очерченная фигура. Неясно и происхождение имени. Толкование его из осетинского: «часто (*араех*) идущий (*цау*)» относится к области народных этимологий» (Абаев, 1990, с. 251). Т. А. Хамицаева пишет, что этот герой, «по некоторым вариантам – сын Сатаны и ногайца» («Нарты», кн. 3, 1989, с. 62).

Мнение Абаева об этимологии имени *Бедзенаг* («печенег») попытался оспорить Т. А. Гуриев. В монг. эпосе *Хабичи-баатар* – сын Бодончара, младшего сына Алан-гоа. Но в осет. сказании между Дзерассой (якобы двойником Алан-гоа) и Хамицем (двойником Хабичи) посредствующего звена нет. Тогда исследователь обращает внимание на сына Бедзенаг-алдара (этот алдар фигурирует в нескольких циклах). В сказании говорится: «В Нижнем Нарте родился мальчик. В ту же ночь в Верхнем Нарте родилась девочка. Мальчик по ночам вылезал из своей люльки и проникал к новорожденной девочке, проводил с ней ночи. Вследствие этого девочка стала полнеть и уже не вмещалась в своей люльке. Никто не знал причины этого необычного явления. Вскоре у этой девочки... родился сын. По совету мудрой Шатаны новорожденного положили в сундук и закинули в реку. Сундук с ребенком оказался во владениях *Баедзаенаег-аелдара*, у которого не было собственных детей. Владелец степей усыновил мальчика», который впоследствии стал богатырем и получил имя *Арахъцау, сын Бедзенага (Ерахъдзау, Сарахъдзау)*» (Гуриев, 1971, с. 98-110).

При изложении кар.-балк. сказания на осет. яз. без лингвистических недоразумений не обошлось и в этом случае. Героя кар.-балк. эпоса Рачикау родила рабыня княгини *Акъ-бийче*, изнасилованная *Бёдене (Бёденеком)*. Боясь гнева госпожи, она положила новорожденного в сундук и пустила его по реке, где он был выловлен *Бёдене*, который и воспитал мальчика. Ср. созвучия: кар.-балк. *аудан* «из сети» – осет. *авдан* «колыбель»; осет. (дигор.) *биццеу* «мальчик» – кар.-балк. *бийце, бийче* «княгиня»; учтем, что заимствованное из тюрк. *чызг, кизга* означает в осет. и «девочка», и «девушка». Но, по

некоторым осет. вариантам, Арахдзау (как и Сослан) является сыном ногойца; ср. в осет. яз. *ногъай* «ногаец» – *ноггуыр*д «новорожденная», кар.-балк. *нѣгер* (*джѣнгер*) «дружинник; спутник, товарищ». Разумеется, мы не считаем это объяснение исчерпывающим и приводим его лишь с целью обратить внимание нартоведов на некоторые, впрочем, весьма красноречивые детали.

Об Арахдзау один из его врагов говорит, что он «воняет рыбой». Отсюда Т. А. Гуриев делает поспешный вывод, что Бедзенаг и его сын связаны с водной стихией. И, далее: «Монгольское имя Бодончара (вар. Бадун, Бадын, Бодунтай) вошло в осетинский нартовский эпос в разных формах: *Баедаенаег* (вар. *Бедзенаег*, *Деденаег*, *Баедзаенаег* и т. д.). Исходной формой была «Баедаен-аег» («-аег» – суффикс), на что указывает также адыгская форма этого эпического имени «Бадын-око», где «-око» обозначает «сын». Попытку Б. А. Алборова связать имя *Баедзаенаег* со словом **печенег** Гуриев считает недоразумением, поскольку «печенеги в нартовском эпосе фигурируют, как мы полагаем, под именем *Быцен-тае*», и приводит названия этого народа: у арабов – *баджнак*, у грузин – *пачаниг*, у венгров – *бессеньо*, лат. *бессени*. Но здесь ошибся не Алборов, а как раз Гуриев. Выше мы уже говорили, что *быцен* – это тюрк. название мифологических существ малого роста и большой физической силы, живущих в лесу или под землей; от одной из этих *быцен* (образ которой претерпел контаминацию с образом какой-то аварской княжны) и героя Хамица при необычных обстоятельствах рождается нарт Батыраз.

По киргизскому сказанию, одного из сыновей Чингисхана звали *Буденетай*. Создателем раннего государства монголов (в X в.) был некий Бутунчар. Как полагает Т. А. Гуриев, Чингисхан, скорее всего, использовал имя этого правителя для поднятия своего авторитета, приписав ему роль родоначальника. Затем языковед задается вопросом: случайно ли, что мальчика выловили в реке, что его называли *Арахъцау* и что от него несло рыбой? Ответ, по его мнению, есть в монгольской летописи «Сокровенное сказание»: после раздела имущества между старшими братьями Бодончар ушел вниз по реке, построил себе шалаш, и стал жить, стреляя уток и гусей.

Искать объяснение имени *Арахъцау*, как считает Гуриев, дело бесполезное: это просто искаженный монг. топоним *Арих-усун*, название местности, где родилась Алан-гоа. Монгольского Бодончара братья подозревали в незаконнорожденности, как и Арахцау является незаконнорожденным. Поначалу, как думает исследователь, был только образ Бедзенага, который впоследствии раздвоился, отсюда и появление героя по имени Арахцау. Отцом Бедзенага был *Сохъыр-уайыг* – «одноглазый великан»; но в «Сокровенном сказании монголов» говорится, что у дяди Бодончара, Дува-Сохора («Дува-одноглазый») был «один-единственный глаз посреди лба, которым он мог видеть на целые три укочевки».

То, что у монголов одноглазый герой приходится Бодончару дядей, а в осетинском он – отец Бедзенага, не может, как считает ученый, служить препятствием для утверждения гипотезы о происхождении имени последнего из монгольского (словно мало других препятствий). Отмечает Гуриев и «странное одиночество» кабард. Бадыноко (осет. Арахцау), находя объяснение в том, что это отражение рассказа об изгнании Бодончара и его одинокой жизни на реке (Гуриев, 1971, с. 98-112). Результаты поисков осет. нартоведов и в этом случае, как видим, малоутешительны, имея ту же цель – всемерно уменьшать в эпосе число тюркских элементов, объявляя их монгольскими. К тому же в комментариях к академическому изданию осетинского эпоса сказано, что, согласно одному из сказаний, Деденаг жил в Аварии (Нарты, т. 3, с. 106).

Нарт *Рачикъау* (*Ёрецикау*, *Ёречикъау*), незаконнорожденный сын *Сары Бѣдене* и рабыни *Кюлюмхан*, в кар.-балк. эпосе популярен. Могуч, горд, смел, задирист. Совершает подвиги, но не гнушается и продажей случайных путников в рабство, за что и был наказан

Карашауае, которого он принял за нищего оборванца. Имя его объясняется без особых затруднений: *ёрелеи* - единоборство, поединок, *ёречи* – «единоборец, поединщик»; *Ёречикъан* «имеющий кровь (характер) поединщика» изменилось в *Ёречикъау*, *Рачикъау*. Вероятна и другая этимология: от *ирейчи*, *эрейчи* «воин, дружинник», букв. «мечник», восходящее к арх. *эрек*, *эрей* «меч»; ср. имя бога войны и ветра *Эрей* «меч» или *Эрирей* «герой-меч». *Эрейчи-къан* означает «воинская кровь».

Отвергать мнение Т. А. Гуриева о наличии связи цикла нартских сказаний о *Бёдене* и *Рачикау* (Бедзенаге и Арахцау) с монгольскими, на наш взгляд, не следует (ср. монг. *Бодончар* и кар.-балк. *Сары Бёдене*, с перестановкой частей). Но речь может идти только о том, что и в монг., и в осет. фольклор они попали из фольклора тюркского (учитывая, что монголы – это результат смешения пришедших с запада тюрков-европеоидов и местных монголоидных племен). Мы имеем в виду фольклорный цикл, в котором рассказывалось о происхождении (тюркского, а не монгольского) рода Чингисхана; к сожалению, останавливаться на этом вопросе мы не можем, добавим только, что еще в XIX в. в Балкарии была записана легенда о происхождении этого рода.

Сохъыр-уаиг. Отметим, что Т. А. Гуриев, довольно подробно рассматривая антропонию и отдельные сюжеты осетинского эпоса, ни разу не ссылается на кар.-балк. материалы и даже не упоминает о них. Поэтому, выдвигая смелые и неожиданные сопоставления (иногда весьма ценные), он, как и другие нартоведы-иранисты, зачастую попадает впросак. Каково, например, его объяснение имени отца Бедзенага – одноглазого великана *Сохъыр-уаига*? В монг. эпосе он находит героя по имени Сохор-нойон «Кривой князь», т. к. «сохор» по монг. - «кривой, одноглазый». «Однако, - пишет Гуриев, - в осетинском эпосе кривые великаны совершенно не похожи на положительного героя монгольских сказаний и ничего общего с ним не имеют. В нашем эпосе, возможно, произошло переименование кривого великана под влиянием монгольского суперстрата (! – М. Дж.), когда в осетинский язык вошло слово *сохъыр* – «кривой, косой на один глаз». «Интересно, - добавляет Гуриев, - что в самом монгольском слово *сохор* со временем изменило свое значение и в современном языке обозначает «слепой». Понятие «кривой» выражается *оросон нутдэй* – букв. «одноглазый» (Гуриев, 1971, с. 134).

Во-первых, конечно, очень интересно, как Т. А. Гуриев сумел дознаться, что в монгольском значение слова *сохор* изменилось, а не было таким изначально. Во-вторых, слово *сохъур*, *сохур* не монг., а тюрк. В-третьих, в кар.-балк. эпосе и сказках (как и в фольклоре других тюркских народов) образ кривого великана встречается очень часто. В-четвертых, кар.-балк. *сохъур* означает «кривой», а о человеке, полностью лишенном зрения, говорят *эки кёзю да сохъур* «слепой на оба глаза». Искать объяснение имени, думаю, следовало не в Монголии, а рядом (как и во многих других случаях).

Другой пример. Т. А. Гуриев отмечает, что в осет. эпосе Арахцау «находится в братских отношениях с одним из ведущих (? – М. Дж.) нартовских богатырей – Сосланом, а легенды согласно называют их «аердхорд»-ами, т. е. «названными братьями»; причину такого именования ученый находит в предположении, что вначале Бедзенаг (до раздвоения его образа) считался одним из нартов, а затем теплые отношения нартов к нему перешло и на его двойника-сына (Гуриев, 1971, с. 108), что вовсе неочевидно; дружба двух героев (о чем говорится и в кар.-балк. сказаниях) объясняется совсем другими причинами. В кар.-балк. эпосе *Сары Бёдене* («Рыжий Бёдене») является беглым сыном какого-то хана и вынужден вначале наняться в батраки к богатому пастуху Созуку, от семени которого, попавшего в камень, родился нарт Сосурук. Но Рачикау (*Ёречикау*, осет. *Арахцау*) родился от Бёдене, который, по наущению своего хозяина Созука, совершил насилие над нахальной служанкой (или рабыней) Сатанай-бийче (*Акъбийче*).

Незаконнорожденность обоих героев (от пастуха и его батрака), вероятно, влияла на

их положение в обществе, и стала причиной их сближения. Неслучайно, что именно Рачикау иногда промышляет разбоем, что именно Сосурук является сеятелем раздоров и т. п. Кроме того, Сосурук – приемный сын Ёрюзмека, главы рода Усхуртуковых, а Рачикау был зятем того же рода. Просто объясняется и то, почему кар.-балк. Сары Бёдене (вначале принца, *хангуш*, а потом батрака и рыболова-богатыря) в осет. эпосе называют *алдаром* «князем»: все дело в неверном переводе кар.-балк. *сары* «рыжий, светловолосый» - осет. *сар* «голова; глава».

ГЛАВА XI. ОТ БОСПОРА ДО КИТАЯ

КАФТЫ-САР

Каефты-саер-хуйаендон-аелдар «Глава-рыб-владелец-пролива». «Этот алдар, т. е. владетель, князь, которого мы будем называть сокращенно *Кафтысар*, не принадлежит к нартам». «В некоторых сказаниях он рисуется как враг Нартов. Но чаще он оказывается союзником одного из нартских родов в его войне против другого нартского рода» (Абаев, 1990, с. 371).

Сюжетов, в которых выступает этот *Кафтысар*, всего два.

1. Старого нарта Урузмага, который уже не мог ходить в походы, по его же просьбе, зашили в бурдюк и бросили в море. Он попал к рыбакам *Каефты-саер-Хуйаендон-алдара*, и тот сделал его «пастухом своих больших табунов». На приветствия пастуха гордый алдар не отвечал, и Урузмаг однажды сказал в сердцах, что снесет ему голову. Рабы донесли об этом своему владыке, алдар насмерть перепугался (?) и стал ласковее к своему рабу. Но тот все равно вызвал на подмогу нартское войско, и оно опустошило владения Кафтысара.

В другом варианте «владелец назван Малик (по-арабски «царь»), а его город – Гунтды-Калак». В варианте третьем владетель называется *Паддцах*, т. е. «царь» (из перс.). Старика помещают в ковчег и бросают в Терек, и река выносит его к владениям Паддцаха. Нарты громят его владения и берут богатую добычу. В четвертом варианте царь назван *Саденджыз-аелдар*, т. е. Черноморским алдаром.

2. Урузмаг, над родом которого тяготело проклятие и который жил в нищете, нанялся в пастухи к Кафтысару. Тот предоставил ему войско, и он истребил весь враждебный ему род Ахсартаговых, оставив в живых только кузнецов. То же самое говорится и во втором варианте, только в пастухи нанимаются Орозмаг, Хамиц и Сослан, громящие потом, с помощью войск алдара, своих кровников. Здесь он назван *Каенти-сар-Хуйаендон-алдар*, что, по мнению Абаева, «надо рассматривать как искажение».

В третьем варианте алдара называют *Каефты-саер-Хуйаендон падцах*. Далее у Абаева следует самое интересное: «С лингвистической стороны это имя не представляет никаких трудностей, так как оно состоит из хорошо известных осетинских слов: *каефты* – род. падеж множественного числа от *каеф* – «рыба»; *саер* – «голова»; *хуйаендон* – сложное слово из *хуйаен* «соединяющий» (от *хуйын* «сшивать, соединять») и «дон», стало быть, - соединяющая вода», т. е. «пролив»; *аелдар* – «владелец, князь». Таким образом, разобранное имя означает: «Глава рыб-Владелец пролива».

Кто же имелся в виду? Ответить и на этот вопрос не составляет для Абаева никакого труда: «Проследив мысленно исторические судьбы осетинского народа, мы найдем только одного «Владельца пролива», с которым предки осетин могли иметь сношения, - боспорского царя (почему не императора Византии, если нарта Батраза, по мнению Абаева, даже похоронили в храме св. Софии? – М. Дж.). К этому царю подходило, как нельзя лучше и именование «Глава рыб». Известно, что боспорские цари владели

большими рыбными промыслами. Экспорт рыбы составлял значительную статью экономики Боспорского государства. На «варваров» эта огромная рыбная промышленность должна была производить сильное впечатление, и хозяин этого государства мог слыть у них за «Главу рыб». (Непонятно, почему он не мог «слыть» за «Главу рыбаков»).

Далее Абаев приводит и другие аргументы. Действие сказания происходит у моря, там же расположен город *Кафтысара* - как и Пантикапей, столица Боспорского царства, в котором «коневодство играло значительную роль», располагался на берегу Керченского пролива. Автор статьи находит даже событие, которое могло стать основой сюжета; в херсонесском декрете в честь полководца Диофанта сказано: «...Скифы во главе с Савмаком совершили переворот и убили вскормившего его (или «их») боспорского царя Перисада...»; тогда, возможно, «Савмак (Урузмаг) был одним из скифских вождей, находившимся у боспорского царя в качестве пленника или заложника». При этом ученый до такой степени уверовал в правильность своих предположений (или захотел уверовать), что заключил: «Трудно думать, чтобы под именем «Главы-рыб-Владельца-пролива» скрывался кто-нибудь другой, кроме владельца Боспорского пролива» (Абаев, 1990, с. 369-380). Да нет, совсем нетрудно – если учитывать большое количество деталей, имеющихся в текстах, но пропущенных Абаевым.

Более реалистическое объяснение выдвинул Г. Бейли, видя в варианте первой части именованного (*Каенти саер*) осет. *каент* «постройка», родственное хотан. *каентха*, согд. *кнох* «город», поэтому первая часть «соответствует греч. титулу *полиархос*», т. е. «правитель города», а *Хуаендонае* является именем этого правителя. Все это, конечно, очень интересно, но скифы и аланы к осетинам-иронцам никакого отношения не имеют; кроме того, многие детали сказаний Бейли не учитывал - как и Абаев. Обратим внимание на следующее:

1. Почему из всех указанных в текстах титулований царя (*паддцах*, *малик*, *Саденджыз аелдар*) правильным следует считать только одно - *сар*, означающее «глава, голова»?

2. В РОС (составитель В. И. Абаев), действительно указано: «пролив – *хуйаендон*, *донкѳубал*». Подобно учителю географии из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок», безуспешно искавшему на карте Берингов пролив (вот же совпадение!), которого там не было из-за ошибки картографов, я напрасно искал в ОРС загадочное *хуйаендон* (якобы означающее «пролив»), но его там не оказалось, а было только *донкѳубал*, вероятно, от *дон* «вода, река» и усеченного *кѳубалаег* «перешеек», т. е. «водный перешеек»; но это слово очень уж далеко отстоит по звучанию от *хуйаейндон* «соединяющее воду». На всякий случай я заглянул и в русско-таджикский словарь, но и там ничего похожего – *гулугох*.

3. О первой части слова – *хуйын* - в ОРС сказано коротко и ясно – «шить»; значения «соединять», которое однажды узрел в нем Абаев, там нет; но как можно сшить воду? Хорошо, а как сам Абаев перевел слово «соединять» (в РОС)? Там сказано – *иу каенын*. Ничего похожего на искомое *хуйын* нет и в переводах однокоренных слов «соединить, соединяющий» и пр. Короче говоря, «сшить *дон* (вода, река)» (а нужно-то было - два моря) Абаеву удалось только с помощью фантазии и паранаучных методов; и весь ученый мир, извините за просторечие - ни гу-гу. Показательно, что свой неологизм *хуйаендон* «пролив», выданный им за глубокий архаизм, спустя 31 год Абаев в ИЭСОЯ исторически этимологизировать почему-то не стал.

Перейдем к первой части имени властителя. Разумеется, именование «глава рыб» (*каефты сар*) подходит не царю, а морскому или речному божеству. К тому же происхождение слова *каеф* «рыба» неизвестно (см. в ИЭСОЯ). Но согласимся на минуту, что скифо-аланы в эпоху Боспорского царства уже успели у кого-то занять это слово и что

за долгие века образ боспорского царя в осет. эпосе мифологизировался. Что делать, в таком случае, с именованиями царя во втором варианте первого сюжета – *Малик* (араб., напоминающее тюрк. *алик, элик* «царь», от *эль* «страна, государство») и его города – *Гунтды-Калак*, что означает на осет. яз. «город гуннов» (в вариантах: *Гунтда-Калак*; по-тюркски «город гуннов» звучал бы сходно – *гундар-къала*? Получается, что в Пантикапее жили гунны; но увлекшись отношениями нартов с боспорцами и их царем, Абаев совершенно об этих данных забыл и даже ни разу не упомянул их. Потому поищем менее причудливое объяснение.

В сказании о смерти Батраза встречается другой топоним, о чем Вс. Ф. Миллер пишет: «Тынты калак»; где находится упоминаемый нередко в нартских сказаниях Тынты-град, рассказчик не мог указать. «Тынтае» (мн. ч. от «тын») означает «лучи (солнца)» («Нарты», кн. 3, 1989, с. 80). Вот теперь все ясно: поскольку в кар.-балк. *кун, кюн*, созвучное с этнонимом *гунн*, означает «солнце, солнечный», иронцы, усваивая эпос, перевели «упоминаемый нередко» топоним *Гунн къала* или *Кун къала* («Гуннский город» или «Солнечный город») на свой язык, откуда и получилось *Тынтае калак* («Лучистый город»?). Вероятность того, что так и было, увеличивается, если вспомнить, что в кар.-балк. яз. *тюн* означает «явь, свет», *тыякъ, тиякъ, тиек* – «луч», *тюн тыякъ* – «луч света», *кюн тыякъ* «солнечный луч».

Гунны – часть того же великого народа пратюрков, к которому принадлежали и аланы, как и жившие в Причерноморье, Приазовье, на Кавказе *балгары* или *балкъары* (тюрк. произношение – через *а*), о которых византийский историк Иоанн Малала писал, что это те, «кого древние называли киммерийцами», что «их много, **как рыб** в море»; Прокопий Кесарийский киммерийцами именовал болгар-утигуров. Случайно ли это? Дело в том, что в тюрк. языках (и, частности, в кар.-балк.) *балыкъ* означает «рыба; река» - и «город» (ср. известное *Хан-Балык* «ханский город»), поэтому этноним *балгар, балкъар* можно перевести и как «приречные люди», и как «люди-рыбы», и «рыбные люди», и как «городские люди». Кроме того, не исключено, что осет. *кафти-сар* «глава рыб» - это калькированный перевод кар.-балк. *балыкъ башы* «верховье реки», букв. «голова реки» (возможно, отсюда и появление в именовании царя слова *дон* «река, вода»), или «глава рыб», или «глава города». Присутствует в эпосе осетин и Балгарская степь – *Баелга быдыр*. Никаким боспорским царем здесь и не пахнет.

Но нельзя упустить из виду и другой вариант имени - *Каенти-сар-Хуйаендон-алдар*. Это ничто иное, как общеизвестное тюрк. слово *кант, кент* «город» (считается иранизмом; не буду останавливаться на этимологии); ср. Ташкент, Кант, Самарканд, Яркенд, Каякент, балкарское селение Бабугент; много населенных пунктов, включающих в себя элемент *кент*, в Кумыкии. В соединении с осет. *сар* «глава», *Каенти-сар* означает «глава города». В кар.-балк. эпосе упоминается большой населенный пункт – *Кинте* (в горах).

В подтверждение мнения, что в осет. сказании речь идет о гунно-болгарах, приведем еще один вариант имени царя – *Хыуаендур* (Дзиццойты, с. 164); на наш взгляд, это искажение тюрк. этнонима *хуногур* «гуннское племя», *гуногундур* (ср. другие персонификации древних тюрк. племен в осет. сказаниях – *Уангур, Уахтангур* и пр.). В. Ф. Минорский считал подтверждением этимологии В. И. Абаева титул правителя Киммерийского Боспора VII в. н. э. - *балкидзи*, «являющийся, по его мнению, неточной передачей тюркского слова *балыкъчи* «рыбак», что в точности соответствует значению осетинского *Кафтисар*, калькой которого он является» (Дзиццойты, с. 166).

Но *балыкъ* еще и «город», поэтому и тюрк. титул *балыкъчи, балыкъци* можно переводить и как «горожанин», и как «управитель города» (ср. *тюкенчи* – «заведующий магазином» (*тюкен*), торговец», *тирменчи* «мельник», и др.), т. е. мы и здесь имеем

подтверждение того, что *Хуандон-алдар* осет. сказаний никакого отношения к боспорским правителям не имеет. Добавим, что осет. *дон* означает также «место, вместилище»; нельзя ли видеть в *хуандон* искажение исходного *хуныдон* «гуннское место, гуннское обиталище»? Или это полу-перевод тюрк. *хунн-балгар*, когда первая часть оставлена, как есть, а вторая, понятая как *балыкъ* «река», переведена на осет. – *дон*?

Таким образом, именование царя – *канты-сар-хуандон-алдар*, скорее всего, переводится как «глава города, гунно-балгарский князь»; *каенти* «города» (род. пад.), а также *балкъар*, понятое как *балыкъ* «рыба», исказились в *каефты* «рыб», *гунн-бал(ы)къар* – в непереводаемо-бессмысленное «хуйаен-дон» (по Абаеву – «сшитая вода»). Искажение, скорее всего, появилось в результате калькированного перевода с тюрк. яз. на иронский. Потому и говорится об этом царе, что он владел огромными табунами: речь идет о повелителе гуннского государства, а не о Боспорском царстве, в котором коневодство вряд ли играло значительную роль.

МАРГУДЗ

Аенаефындз Маргуыдз (Безносый Маргуз) – герой одного из осет. сказаний. Небожитель Уастырджи решает познакомиться с ним после того, как о нем лестно отозвалась его молодая жена. Его внешность удивила небожителя – ни роста, ни вида. Вдвоем они выехали в набег, и оказалось, что неказистый конь Маргудза выносливее коня Уастырджи. Здесь же небожитель выяснил, почему нарт лишился своего носа, который обладал необыкновенным свойством узнавать все живое на расстоянии. Однажды, будучи в походе, Маргудз почувствовал в своей постели мужской дух, вернулся домой, нашел на своем ложе жену с каким-то мужчиной и убил обоих. Но затем оказалось, что он убил сына и жену, и, в горе от содеянного, отрезал себе нос. Сжалившись над ним, небожитель вернул нос Маргудза на место, а затем воскресил и его жену, и сына. Тут выяснилось, что жена Маргудза была сестрой жены Уастырджи; она пошла на хитрость, чтобы заставить мужа помочь зятю.

Если В. И. Абаев возвращался к вопросу о влиянии монгольского фольклора и языка на формирование осет. эпоса периодически, то Т. А. Гуриев монг.-осет. фольклорно-языковым связям посвятил ряд работ, в которых повторял положения, выдвинутые Абаевым, и выдвигал другие. Казалось бы, перед нами обычный фольклорный сюжет назидательного характера о вреде всего чрезмерного и необходимости контроля над своими чувствами. Но Т. А. Гуриев ухитряется и здесь увидеть «монгольский след». Найдя в монг. эпосе сказание о некоем Мергузе, предательски убитом врагами и за которого, с помощью хитрости, отомстила жена, и отмечая, что между двумя текстами «нет особой сюжетной близости» (точнее сказать, этой близости нет вообще), он утверждает, что осет. сказание «есть результат переплетения» «неизвестной нам аланской легенды с монгольской» (известной). Т. е., по Гуриеву, в результате получился сюжет, непохожий на монгольский, но предположительно похожий на предположительно существовавшую аланскую легенду.

Упорство ученого, конечно, заслуживает уважения, но каковы его аргументы? Они удивительны. Нарт Маргудз не имеет носа, а это, по мнению Гуриева, есть «указание на расовую принадлежность»: у средневековых монголов носы были маленькие и плоские, а потому создатели нартского эпоса «придали этому качеству людей мифологический характер (? – М. Дж.) и воплотили в образе легендарного Маргудза». Нам, в отличие от Т. А. Гуриева, трудно сказать что-либо определенное о средней величине носов средневековых монголов; не ведаем мы и о том, откуда Гуриев узнал, что осетинские сказители придали этому предполагаемому «качеству» монголов (малой величине носов)

«мифологический характер». Но автор этих строк в молодости был дружен с несколькими монголами, побывал и в самой Монголии, и смеет заверить, что носы у местных жителей вполне нормальной величины (людей с маленькими носами сами монголы считают потомками смешанных браков с китайками), а у некоторых достигают и внушительных размеров, да еще и с горбинкой. Нормальный нос, вероятно, был и у героя монгольской легенды, в отличие от Маргудза, у которого его не было вообще.

То же самое относится и к росту героя, о чем Гуриев говорит: «Внешность нарта Маргудза определяется как восточная не только лицом», легенда «указывает на его невысокий рост»; «внешностью нартовский Маргуз совершенно не похож на нартов и может быть охарактеризован как человек другой, восточной расы». Я не знаю, каких монголов наблюдал Т. А. Гуриев, но большинство тех, которых я знаю и видел, имели совершенно нормальный рост, и были еще и люди под два метра. Может быть, малым ростом отличались средневековые монголы, но их ни Гуриев, ни я не лицезрели. Так что это вовсе не аргументы.

Конь у Маргудза был неказистый; он выбрал его, несмотря на то, что владел большими табунами. В превосходстве лошади Маргудза над красивым конем Уастырджи исследователь, конечно же, усматривает «хорошо известный исторический факт, когда низкорослые кони монголов оказывались более выносливыми и пригодными для военного маневра, чем высокие кони противников» (Гуриев, 1971, с. 12-15). Других доводов Т. А. Гуриев не привел. Нет у него и объяснения имени героя. Но неужели осет. сказание было сложено с целью всемерно подчеркнуть превосходство некоего, причем рядового, монгола и его коня над небожителем (а не просто над аланами)? Или, из-за того, что какому-то сказителю захотелось объяснить, почему у Маргудза был «маленький монгольский нос», он выдумал, что герой сам его отрезал? И где здесь влияние монгольской легенды?

В кар.-балк. фольклоре есть произведение, почти идентичное с осетинским, но оно считается не эпическим сказанием, а сказкой. Называется она «*Бурунсуз Бекир*» - «Безносый Бекир». Вместо Уастырджи здесь фигурирует витязь Тулпар, которому ханская дочь пообещала выйти за него замуж, если он сумеет узнать, почему Бекир лишился носа. Тулпар спрашивает Бекира, что случилось с ним, и тот обещает ему рассказать, но, к сожалению, сказитель, вероятно, забыл объяснение, эта часть сказки выпала. В конце концов Тулпар добывает волшебный ножичек, с помощью которого оживляет жену Бекира и возвращает ему нос.

Полагаю, что обращаться за объяснением сюжета к монгольской легенде незачем. Или надо признать, что ее заимствовали у монголов и осетины, и карачаево-балкарцы (которых тогда, согласно мнению академической науки, еще не было). Осет. *Маргуыдз*, возможно, является искажением кар.-балк. *бурунсуз* «безносый». Интересно и то, что в осет. сказании этот герой является выходцем не из Монголии, или, на худой конец, Калмыкии, а из страны *Малкъ* – (Дзиццойты, с. 86), т. е. Балкарии (*Малкъар*). По одному из осет. сказаний, Маргуз был тестем гуннского царя (см. выше).

В осетинском эпосе есть и двойник Маргуза – *Саулаг-Цыбыр-фындз*, т. е. Саулаг Короткий Нос (*саулаг* – сословие, занимавшее положение между князьями и крепостными). В сюжете этого сказания (сложенном на «мотив Полифема») фигурирует не Уастырджи, а нарт Урызмаг, которому и рассказывает о своих злоключениях Саулаг; нос ему оторвал злой великан-*уаиг* (Нарты, т. 2, с. 73).

ВЕЛИКАНЫ И ЧУДОВИЩА

Елтаган имя великана в нартовском эпосе; Нарт Сослан побеждает его в игре и

снимает с него скальп. – Тюркское или монгольское слово; причастное образование на –*ган* скорее всего от глагола *ялта* «возбуждать» (Радлов) со значением «возбужденный», «буйный». В пользу тюркского происхождения говорит и имя отца Елтагана – *Куцык* = тюрк. *кючюк* «малый», «щенок» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 1, с. 411).

Более вероятно, на мой взгляд, что это тюрк. имя *Эртуугъан* «родившийся героем»; в кар.-балк. антропонимии есть и его краткая форма *Эртуу* (в осет. фольклоре встречается и *Елтугъан*, *Ертугъан*). Распространенное у тюрков имя *Кучук*, *Кючюк*, *Кюцюк*, от *куч*, *кюч*, *кюц* «сила, мощь» + имяобраз. формант –*ук*, *юк*, может оказаться случайным совпадением с *кючюк* «щенок». Этого же великана в одном сказании называют нартом, он побеждает Черноморского алдара Тарагана.

Хъандзаергаес в нартовском эпосе имя чудовища, которое похищает людей и держит их в неволе. – Возможно, из *Къан-Чангас* «Чингис-Хан» («Хан-Чингис»)» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 2, с. 291).

Согласимся на минуту – да, возможно. Если это крылатое семиглавое чудовище (убитое нартом Батразом) держало в плену некоторых нартов и похищало нартских красавиц – стало быть, его имя восходит к имени Чингис-хана (к кому же еще?). По мнению Т. А. Гуриева, трансформация имени была следующей: *Хан-Чингиз* – *хъан-Дзангас* – *хъан-Дзаргас* (*Хъаендзаергаес*). Осетиновед не объяснил, соответствуют ли подобные изменения нормам исторической фонетики осет. языка (нет и подтверждения ни со стороны фонетической, ни со стороны семантической), но счел нужным выразить свое возмущение поступком недоверчивых лексикографов: «... после вполне убедительного разъяснения имени «Хъандзаргас» В. И. Абаевым составители «Осетинско-русского словаря» (М., 1952 г.) сочли возможным дать словарную статью: «Хъаендзаергаес – «орел», не делая разницы между одноименным мифическим чудовищем и словом «царгас» - «орел», тем самым повторив ошибку проф. А. А. Фреймана, который, в свою очередь, оказался во власти «народной этимологии» - поскольку не понимал, что «Хъаендзаергаес не является птицей – орлом: это летающее чудовище, великан, обладающий исключительной властью и похищающий нартских красавиц, подобно Кашею Бессмертному или Змею Горынычу в русских былинах» (Гуриев, 1971, с. 18). Действительно, подобные уголовно наказуемые деяния мог совершать только Чингисхан, потому и был записан Гуриевым в такую нехорошую компанию.

Другие аргументы Т. А. Гуриева такого же рода: Хандзаргас является «одним из главных врагов нартов, которых создатели эпоса называли обычно уаигами-великанами»; и, «если отбросить нередкие в фольклоре сказочно-мифологические черты чудовища – уаига Кандзаргаса (способность летать, наличие семи голов, огненное дыхание, смерть от собственного оружия и т. п.), то перед нами встает воплощение реального исторического лица», т. е. Чингис-хана. Смею думать, однако, что если проделать с этим образом хирургическую операцию, которую предлагает Гуриев, от бедняги Хандзаргаса останется не «воплощение Чингис-хана», а вообще ничего, пустое место. Нет ответа и на вопрос: кто скрывается в эпосе под именами собратьев Хандзаргаса – других чудищ и уаигов, а ведь их очень много? Неужто другие монгольские ханы?

Не только я, но и правоверный иранист Ю. А. Дзицойты этимологию В. И. Абаева и Т. А. Гуриева убедительной признать не смог, указывая на объяснение Г. Бейли: в первой части – др. иран. *ган* «хватать, захватывать», от которого в иранских образованы названия хищных птиц, во второй части – *цаергаес* «орел» (Дзицойты, с. 200). Да и составители ОРС (1970 г.), следуя своим упрямым предшественникам, также написали: «хъаендзаергаес – орел». Следовательно, никакой надобности обращаться к монгольскому не было изначально - в осет. яз. гораздо более созвучное *цаергаес* означает «орел»; поскольку персонажа именуют *хан*, то, возможно, речь идет о мифологическом существе

– повелителе птиц. В кар.-балк. фольклоре, например, несколько раз встречаются и рассказы о гигантских орлах, уносивших людей на вершины гор и державших их в пещерах, в неволе.

Вероятно и другое. Кар.-балк. название грифа – *чыгырбаи къуи*, букв. «плешивоголовый орел». Названия этой птицы в осет. словарях я не нашел, что для кавказского народа весьма странно; но, обнаружив в ОРС слова *каенк* «перхоть» и *каенксаер* «с грязной, перхотной головой» и соединив последнее с *цаергаес* «орел», я предположил, что имя эпического чудовища, в форме *каенкцаергаес* было в осет. яз. названием грифа, которому народ придал «мифологический характер» (ср. *дурдзаергаес* «орел-ягнятник»). Если же осетиноведам непременно хочется связать это имя с каким-нибудь древним ханом или народом, предложу следующее, на основе другой разбивки слова: *хъандзар-гас*, *хазар-кас*, т. е. «хазарский человек» (*кас*, *кес*, *кеи*, *киши*, *киши*, *киси*, *кизи* – общетюрк. «человек, мужчина»). Карачаево-балкарцы именовали Каспийское море Хазарским (*Хазар тенгиз*), но в эпосе встречается и другой вариант – *Хазнар тенгиз*. Вот эта форма и могла остаться в памяти тюрков (дигорцев, туальцев, куртатинцев, тагаурцев), и, попав к иронцам, переоформиться в *ханзар*, а элемент *кас*, в соединении с предыдущим слогом (*дзаргас*, *царгас* орел), позволил понять словосочетание как наименование крылатого чудовища); тем более, что тюрк. *къаз* означает «гусь», а *къуи*, *кус* – «птица; орел; сила».

Требуется объяснения и другая деталь. В одном из сказаний говорится о железных крыльях Хандзаргаса: ср. кар.-балк. *къанджал*, *къанзал* «жесть, жестяной»; это могло привести к народноэтимологическому осмыслению имени: *къанжал къаз* – «жестяной гусь». Кроме того, тюрк. именование завоевателя Тамерлана – *Темир-хан* – очень близко к *темиркъанат* «железнокрылый»; оно могло вплестись в мифы о страшной птице (грифе).

Умар, Умар – в одном осетинском сказании это имя великана, врага Нартов, в другом – имя нарта из рода Алагата. «Имя Умар встречается в болгаро-дунайском именнике: староболг. *ОУМАРЪ*, греч. *Оумарос*. Этому имени соответствует болгарское же имя *Омар* с Тамани», V век (Дзицойты, с. 192).

Имя *Омар*, весьма распространенное среди карачаево-балкарцев, считается формой араб. *Умар*, вероятно, ошибочно; оно встречается и в очень древних текстах, например, так зовут брата несчастного охотника Бийнёгера, сына Гезоха (род Гезоховых упоминается среди нартских, как синоним Аликовых). Скорее всего, это одна из форм тюрк. *омур*, *ёмур* «век, вечный»; ср. имя одного из правителей-ханов Дунайской Болгарии – *Омуртаг* «вечная гора» (синонимично основному кар.-балк. названию горы Эльбрус – *Минги Тау* «вечная гора»).

Алаеф – имя великана, побежденного нартом Батразом. По мнению В. И. Абаева, оно «напоминает скандинавское имя *Олаф* (встречается и в эпосе)». Но Т. А. Гуриев предлагает более простое и верное объяснение: «... имя великана *Алаеф* легко и без натяжки может быть объяснено из весьма распространенного тюркского фольклорного *алп/алып* в значении «великан, богатырь», оно часто встречается в эпосах «тюркоязычных и других народов, с которыми осетины живут по соседству и с которыми имеют разносторонние контакты в течение более чем тысячи лет»; «*Алп* был очень распространенным элементом в собственных именах у тюркоязычных народов» (Гуриев, 1982, с. 20).

Айсана, Тайсан, Асана – сын Урызмага. Объяснения имени найти не удалось. Возможно, оно от кар.-балк. *айсана* «считающий месяцы» («звездочет?»), или, более вероятно, *айсан*, от *акъсан* «белотелый».

Тухи фурт Нокар (дигор.), **Тары (Тыхы) фырт Нокар (Мукара)** (ирон.) – переводится как «Мукара» или «Нокар» сын Тыха (Туха, Тара); *тых* – «сила». Один из

самых опасных врагов нартов, великан, обладавший необычайной мощью. Владелец тучных пастбищ где-то у моря. Равнина, где властвует Нокар, называется то *Бызы быдыр* «поле, степь Быза», то *Хъуми будурае* «Кумское поле». Был убит нартом Сосланом, хитростью вморозившим его в лед озера. Краевед И. Собиев усматривал в эпическом Нокаре «одного из монгольских царевичей, Нокара, сына Минкадара, потомка Джучи». Отвергая это предположение, Т. А. Гуриев считает более верным видеть в персонаже эпоса знаменитого Ногая (XIII в.), временщика, в течении долгого времени фактически правившего Золотой Ордой; в источниках он именовался «Ногай, сын Татара» (в осет. эпосе – «сын Тара»). В сказании говорится, что великан Нокар, заявившись к нартам, потребовал: «Ваши предки моим предкам платили калан (дань) из девушек, и если вы не пришлете (дань), то я пойду (и возьму силой)» (Гуриев, 1971, с. 132). Ю. А. Дзиццойты с мнением Т. А. Гуриева не согласился, указывая на фонетические трудности, и недоумевая, «по какой причине отвергается связь со словом *тар* «мрак», если «Мукара – олицетворение темных сил природы». Более верным ему почему-то представляется возвести имя персонажа к др. инд. *карумах* «эпитет демона», «происхождение которого неясно» (Дзиццойты, с. 199).

Все это больше напоминает гадания, а не анализ. В кар.-балк. эпосе есть замечательная по своим художественным достоинствам поэма о нарте *Нёгере* («дружинник, воин»), набежнике, употребляющем свою силу и смелость во зло; это образ выродившегося героя, последнего в ряду великих воинов-батыров. Есть и герой по имени *Ногъай*, чаще именуемый уменьш.-ласк. *Ногъайчыкъ*, отважный витязь, погибающий в борьбе со своими кровниками-великанами. Странное отчество *Мукары (Нокара)* – «сын силы» – легко объясняется с кар.-балк. яз.: *къарыулу* – «сильный»; но абсолютно созвучное, при разбивке слова на две части, *къарыу улу* означает «сын силы»; кар.-балк. *къарыулу Нёгер* «сильный Нёгер» осетины поняли как *Къарыу улу Нёгер* «Нёгер, сын силы» (отчество, по нормам и кар.-балк., и осет. речи ставится впереди). Это мнение подтверждается и тем, что в некоторых осет. сказаниях его зовут «сын Кара».

Но есть и другое объяснение. Соседнее с Осетией Балкарское общество именуется *Къара Малкъар* «Большой Малкар», букв. «Черный Малкар». Это непонятное для осетин-иронцев название и стало основой имени великана – «Мукара, сын Кара» (отсюда и связь осет. Мукары с мраком), которое потом обрело и другие варианты. Что касается другого имени отца великана – *Тар* (осет. «мрак»), то это опять-таки кар.-балк. слово *тар* «теснина, ущелье»: *Малкъар тары* «Малкарская теснина».

Къаеркъа-Маеркъае Уаере – имя великана, «замещающего Мукару в одном из вариантов сказания о шубе Сослана»; означает «Пестрый Уаре». Для *каеркае-маеркае* ОРС указывает следующие значения: «яркий, пестрый, расцвеченный, блестящий». Но Ю. А. Дзиццойты, по обыкновению иранистов, отправляется в поисках объяснения за тридевять земель: поскольку великаны в эпосе «живут в глухих лесах или в горах за глухим лесом, в имени *Уаре* заманчиво видеть заимствование из финно-угорских языков; сравните коми *вёр* «лес», удм. *вир* «возвышенность, бугорок, холм, насыпь», фин. *ваара* «гора», шведско-саамское *вайре* «лес». «Таким образом, северными соседями Нартов оказываются финно-угорские племена» (Дзиццойты, с. 180).

Можно быть уверенным, что при таком подходе и неистовом желании осетиноведов расширять круг народов, с которыми контактировали нарты, в числе их соседей скоро окажутся бушмены и эвенки. На самом деле, осет. *Къаркъа-Маркъа Уаре* (имя великана, «замещающего Мукару») – еще одно искажение кар.-балк. топонима, с перестановкой частей: полное именование верхней котловины Черекского ущелья Балкарии – *Огъары Къара Малкъар* «Верхний Большой Малкар».

Бибыц – старший брат Нокара. Т. А. Гуриев почему-то видит в нем египетского

султана, мамлюка Бийбарса, кипчака по происхождению, который имел тесные связи с золотоордынскими сородичами. Одно из своих писем он отправил с аланскими купцами. Весьма сомнительное сходство, за исключением того, что в обоих именах присутствует тюркское *бий* «князь, господин».

Ахьсахь-Темур – имя среднеазиатского завоевателя Тимура в осет. фольклоре. «Это имя, – пишет Т. А. Гуриев, – вошло в осетинский язык из какого-то тюркского источника. Но какого? На данный вопрос трудно дать определенный ответ». «Само имя *Ахьсахь-Темур* (как и его образ) могло появиться в осетинском фольклоре под непосредственным впечатлением от нашествий войск Тимура в конце XIV в.». «Однако связь фольклорного героя Аксак-Темура с историческим Тимуром в определенном смысле условна. В одной легенде, записанной в 1903 году, говорится, что у Аксак-Темура были железные крылья и он ежедневно делал три круга вокруг неба; весь мир был в его руках и ему осталось покорить только «наши горы». Когда же Аксак-Темур двинул свои войска в горы, его люди стали рыть глубокие рвы. Легенда заканчивается утверждением, что после смерти Аксак-Темур поднялся на небо и превратился в звезду» (Гуриев, 1991, с. 83-84).

Ничего загадочного здесь нет, есть путаный, калькированный перевод с кар.-балк. яз.

1. Завоевателя звали *Темир* «железо, железный» (*акьсакь* – прозвище, «хромой, хромец»); с прибавлением титула – *Темир-хан*, но созвучное кар.-балк. *темиркьанат* – «железнокрылый».

2. *Тенгир* (тенгри, тейри) «небо, небесный» – *тёгерек* (*тёнгерек*) «круглый; вокруг».

3. *Къаз* «рыть, копать», «гусь»; *къазауат* «война, битва».

4. *Темир-Акьсакь* «Железный Хромец», конечно, на небо не возносился, просто его прозвище случайно оказалось созвучно кар.-балк. астрониму *Темир-Къазакь* «Железный Кол» – названию Полярной звезды, которая считалась острием оси мира (*дуния турусу*).

Но ученый, задавшийся целью разгадать «темные места» в фольклоре и загадочные выражения в языке, не упоминает о другой загадке: почему легенды и песня о нашествии войск Тамерлана есть у дигорцев, а у иронцев их не имеется? Ответа у осетиноведов, по вполне понятным причинам, нет, и, вероятно, не будет, как и на многие другие вопросы.

Саесхаебуда, Заесхаебуда, Аехсае-Будай – великан, которого нарт Батрадз встретил в занартовской области *Хузаедзаегат* («хуз-север»), сын Нокара. В сказании говорится: «Сын Нокара Ахса-Будай жил на вершине Уарппа (Эльбруса) и владел многими деревнями. Не оставалось ни одного народа, кроме нартов, которых бы он не покорил» («Нарты», кн. 2, 1989, с. 375). *Ахса-Будай* был убит героем Айсаной.

Третий вариант имени Ю. А. Дзиццойты считает самым архаичным; первую часть он возводит к др. иран. *хша(й)* «сиять, властвовать»; по его мнению, имя означает «повелитель Буда». «Нигде в осетинском языке древнеиранское *хша(й)* не сохранилось в форме *аехса*, кроме имени *Ахса-Будай*, и это говорит о глубокой архаичности образа Ахса-Буда в осетинском эпосе». Скорее всего, это говорит о том, что никакой связи между указанными словами нет. Но, разумеется, Дзиццойты сразу же отправляется на поиски в даль времен. Так как великан живет на севере, то, стало быть, можно предположить связь второй части его имени с этнонимом «будины» – названием соседей савроматов (у Геродота). То, что в другом сказании этот великан живет на вершине горы *Уаерпп*, (Эльбруса), для Дзиццойты несущественно, так как «апеллятив *уарпп* мог применяться к любой холмообразной горе»; поэтому, возможно, «имеются в виду горы севернее страны скифов и сарматов» (Дзиццойты, с. 180). Так и творится наука история.

Нам представляется, что *Ахса-Будай* – это искаженное кар.-балк. именование Тамерлана, *акьсакь* «хромой» + *бут* «нога» = «хромоногий» + имяобразующий аффикс *ай*; на это указывает и подчеркивание его могущества («покорил все народы, кроме нартов»).

«СУХСКОЕ ПОБОИЩЕ»

Отличным способом понять, на каком языке говорил народ, создавший нартский эпос, является анализ многочисленных устойчивых выражений, названий предметов, эпитетов героев, отдельных эпизодов и т. п. Особенно ярко этническая принадлежность создателей Нартиады выявляется при анализе именно осет. сказаний (зафиксированных, слава Богу, достаточно рано).

Сухы цагъд – выражение, неоднократно встречающееся в осет. эпосе, с неопределенным значением «сух-а (сух-ово) избиение». По контексту должно означать «безжалостное и полное (*сух*) истребление (*цагъд*)». В некоторых вариантах встречается упоминание о «Суховом поле» – *Сухы быдыр*. Отсюда ирановедами было сделано заключение, что «сухское побоище» – битва, которая произошла в неизвестной местности Сух; А. А. Фрейман предположил, что *сух* – возможно, название какой-то народности (Гуриев, 1971, с. 146). То же предположение поддержал и В. И. Абаев. Археолог В. А. Кузнецов высказал мнение, что речь идет о каком-то большом сражении, получившем нарицательное значение: «Не исключено, что побоище сухов с нартами есть один из драматических эпизодов их борьбы с кавказскими племенами». Более того, он предположил, что *сухи* были адыгским племенем, поскольку в осет. *сухы* содержится адыг. «хэ» («человек») и что избиение адыгов нартами (ираноязычными аланами) могло иметь место в первых веках нашей эры или в X в. (конечно, именно тогда).

Но Т. А. Гуриев с таким волевым решением не согласился: контекст ни в одном случае не позволяет заключить, что речь идет о каком-то народе или племени. Кроме того, он считал уместным «напомнить, что приход алан – предков осетин – на Кавказ не сопровождался особыми жестокостями (очередное свидетельство ясновидения ирановедов; кроме того, проявление жестокости является особенностью тюрков. – М. Дж.). Наоборот, отношения между ними и местными племенами были вполне мирными. Именно этим следует объяснить тот известный факт, что слово *алан* в некоторых языках народов Северного Кавказа означает «друг» (Гуриев, 1991, с. 124).

Сказанное осетиноведом исключительно интересно, но требует пояснений. «Некоторыми языками народов Северного Кавказа» он застенчиво именуется кар.-балк., в котором, по некомпетентному мнению ирановедов, слово *алан* означает «друг» (на самом деле – «соплеменник, соплеменница, человек»). Заметим, что он говорит о **местных племенах**, отношения которых с пришлыми аланами были мирными, поэтому этноним якобы и получил такое значение. Следовательно, карачаево-балкарцы пребывали на Кавказе еще до «алан-осетин»? Иначе как бы они придали слову *алан* значение «друг» (как думает Гуриев)? Но иранисты этого и в мыслях не допускают. О ком же тогда идет речь? Слово *алани* «храбрец, добрый молодец» есть и в мингрельском, так они называют карачаевцев; но мингрелы живут не на Северном Кавказе, а в Закавказье. Мудрено!

Но вернемся к анализируемому *сухы цагъд*. Сам Т. А. Гуриев полагает, что слово *сухы* (конечно же) восходит к монг. *сух* «секира, топор». Плано Карпини сообщал, что из плененных людей монголы отбирали ремесленников-мастеров, а остальных безжалостно рубили топорами или секирами. Эти расправы якобы и стали причиной того, что осетины позаимствовали монг. термин. В доказательство он приводит выражения из англ. и франц., в которых значение «полностью истребить» передается с применением терминов, означающих «топор». Что же касается топонима «Сухская равнина» или намеков на народность, то это ложное осмысление непонятого слова (Гуриев, 1971, с. 146). Что явилось причиной такого неправильного осмысления, Т. А. Гуриев не сказал.

Но Ю. А. Дзиццойты не согласился ни с Кузнецовым, ни с Гуриевым, возведя термин

сухы к предполагаемой им праформе *сомх*, *сохм*, и увидев в ней связь с хеттско-ассирийским названием древней страны у истоков Евфрата (*Сохми*), впоследствии перенесенном на армян (ср. груз. *сомех* «армянин»). В осет. язык, как думает Дзиццойты, этноним попал из древнегрузинского «в период алано-иберийских походов в Армению в I в. н. э.». (Если бы эти «аланы» заодно узнали бы и название своих союзников-иберов (грузин), разные фольклористы не додумали бы сегодня иранистов глупыми антинаучными вопросами). Заключение Ю. А. Дзиццойты: «Какой-то эпизод той войны и мог отложиться в памяти народа как «сухское побоище» (Дзиццойты, с. 229).

Итак, осетиноведы сильно разногласили по вопросу о том, как понимать загадочное выражение, но так и не выяснили, кого же так крепко побии «ираноязычные аланы» (то ли предков армян в Закавказье в I в., то ли адыгов на Северном Кавказе в X в., или их самих топорами побии монголы в XIII в.), что пришлось назвать «Сухской» какую-то неведомую равнину. Но, может быть, ничего такого и не было?

История позднесредневековой Европы и Ближнего Востока изобилует страницами, залитыми кровью. Никаким татарам, тюркам и монголам и присниться не могли те зверства и ужасы, которые творились в этих густонаселенных регионах (по примеру Т. А. Гуриева, «напомню» хотя бы о войнах Карла Великого с саксами, нападениях норманнов, геноциде болгар при императоре Василии Болгаробойце, Альбигойских войнах против катаров Прованса, крестовых походах и пр.). Ретивые пропагандисты (вроде Матвея Парижского) из Западной Европы, приписывая жителям Восточной Европы свои нравы, писали о страшных татарах и не такое: они-де питаются исключительно человечиною и собачатиной, пьют конскую кровь и пр.

«Шум по всей Европе стоял страшный. Срочно распространились «свидетельства» о нравах татар, вроде, например, следующего: «Их вожди питаются трупами, как будто это хлеб, и оставляют ястребам только кости... Старых и некрасивых женщин отдавали этим каннибалам, и они их ели в течение дня, красивых женщин воздерживались есть, но, несмотря на их крики и слезы, они их душили, многократно подвергнув изнасилованию... Они оскверняли девушек, пока те не умирали, затем отрезали им груди, которые они подносили своим начальникам как деликатесную еду, и те их с жадностью поедали...». Неизвестно, кто больше трясся от ужаса после таких «фронтовых сводок» - старушки или молодые красотки. Правда, сочинил эту страшилку некий аббат Ион из французского города Нарбонна, который в жизни не видывал ни одного татарина и за пределы Франции не выезжал» (Бушков, 2007, с. 278).

Этот же насмешливый автор говорит и о другом: «Европейская привычка окунать супостата в дерьмо по самую маковку, опробованная на татарах (и как мы помним, уже на гуннах, которые якобы едва владели членораздельной речью и питались кореньями. – М. Дж.), самым беззастенчивым образом применялась и в двадцатом столетии. Во время Первой мировой войны английская пропаганда на полном серьезе уверяла – и люди ей верили – что «проклятые тевтоны» понастроили фабрик, где варят мыло из героически павших союзников. После войны британские джентльмены, нимало не смущаясь, бровью не поведя, признались: они, конечно, ввали как сивые мерины, но исключительно для пользы дела, а не по врожденной гнусности характера. Ну а немцы из тех же сиюминутных политических надобностей живописали в газетах, как косматые и зубастые русские казаки, вломившись в Восточную Пруссию, выхватывали младенцев из колыбелей и тут же их пожирали, кровожадно урча...» (Бушков, 2007, с. 302).

В том же ряду могут оказаться и бессмысленные убийства, приписанные Карпини «монголам», якобы во мгновение ока примчавшихся с этой непохвальной целью неведомо откуда, чтобы затем, и так же внезапно, исчезнуть во глубине Азии. Поэтому предложу гораздо более простое решение: кар.-балк. *суху* «резко, быстро, решительно», *кыыран*

«истребление, побоище, уничтожение» (ср. выражение *къан-къыран болдула* «дошли (в своей вражде) до кровавого побоища»). *Суху къыр* - «истребить решительно, быстро»; но второе слово, *къыр*, имеет и другое значение - «степь, равнина», поэтому осетинами-иронцами *суху къыр* было понято и как «сухая степь».

Каефты цагъд – осет. идиома, синонимичная *суху цагъд*, и также означает «полное уничтожение». Разумеется, Ю. А. Дзиццойты, вслед за другими осетиноведами, видя в первой упоминание о некоем народе *сух*, точно так же толкует и вторую – «кафское побоище, истребление кафов». Поскольку слово *каеф* означает «рыба», то автор считает, что в идиоме отразилось реальное событие – уничтожение сарматами войска боспорского правителя, которого они якобы называли *Кафтисар* «глава рыб» (см. выше); в осет. эпосе нартты уничтожают войско Кафтисара. Существует в осет. и другое выражение, означающее «огромное расстояние» - *каефтаей каесаегмае* «от кафов до адыгов» - на самом деле – «до кабардинцев» (Дзиццойты, с. 167).

На наш взгляд, речь снова идет о лингвистическом недоразумении. Кар.-балк. *Балыкъ къыр* означает «Прималкинская степь» и - «истребление рыб»; первое, т. е. *Балыкъ къыр* «Прималкинская степь», было понято осетинами как *балыкъ къыр* «истребление рыб», и переведено в этом значении на свой язык – *каефты цагъд*. Кроме того, в осет. выражении *каефтаей каесаегмае* присутствует игра слов: *каеф* «крупная рыба», *каесаг* «рыба» - *каесаег* «кабардинцы». Что касается второго выражения («от кафов до адыгов»), непонятно, почему Дзиццойты переводит этноним *каесаег* как «адыги», когда он означает в осет. яз. «кабардинцы». В целом выражение использует калькированный перевод названия балкарцев («рыбы»), поскольку оно происходит от *балыкъ ар* «приречные люди» (кар.-балк. *балыкъ* синон. осет. *каеф*, означая «крупная рыба»), и, следовательно, означает «от балкарцев до кабардинцев» (вероятно, имеется в виду период до XVIII в., когда кабардинцы жили в Закубанье). В кар.-балк. эпосе *Къаф таула* означает «Кавказские горы», а *Къаф тау* – «гора Эльбрус»; в этом случае осет. выражение означало бы «от Кавказского хребта до кабардинцев». Кроме того, слово *къаб* в кар.-балк. яз. имеет много значений, среди них – «съесть, откусить, проглотить», в переносном смысле – «погубить, убить».

«ХАТИАГСКИЙ ЯЗЫК»

«*Хатиаг аевзаг* «хатский язык», *хатиагау* «по-хатски», как пишет Т. А. Гуриев, «один из самых интересных терминов», привлекавший внимание исследователей. Обозначает в эпосе язык: 1. «... который используется самими выдающимися нартами в качестве секретного, другим незнакомого, средства общения»; 2. хатская речь «имеет чудодейственную силу», этот язык является средством, «при помощи которого перед героем открываются замысловатые сундуки с чудесным оружием»; где не помогает физическая сила, «там герой использует хатский язык»; 3. хатский язык «известен ласточке, обычно выступающей в роли посыльного между выдающимися нартскими героями»; 4. выдающиеся герои не только говорят по-хатски, но и пользуются хатским письмом; 5. среди нарттов этот язык известен только самым бывалым, знаменитым, а в одном из сказаний говорится, что его знали только потомки Урузмага; 6. на пиру у Бораевых, задумавших коварно убить Урузмага, он переговаривается с Батырасом по-хатски, чтобы их никто не понял; 7. в эпосе нигде не говорится о стране хатов, нет и указаний на то, что по-хатски разговаривали представители другого народа (за исключением одного случая); 8. тем не менее, «он воспринимается как живой язык, на котором **говорят и пишут**»; 9. хатским языком владеет и «мифический владетель земли и водных просторов, чудовище – великан Хъандзаргас» (в котором осетиноведы видят

Чингис-хана), его оружие хранится в сундуке, которое открывается лишь тому, кто обратится к нему по-хатски» (Гуриев, 1971, с. 149 – 151).

Чтение объяснений, которое дали этому загадочному выражению нартоведы – исключительно интересное и душеспасительное занятие для начинающих филологов. И куда только не заносило при этом ведущих осетиноведов, уже премногие годы держащих в заблуждении свой народ! Б. А. Алборов предположил, что в *хатиагау* следует видеть язык древних хеттов, так как нарты соприкасались (? – М. Дж.) с народом *хат*; это был язык могущественной державы (процветавшей в XV-XIII вв. до н. э. и уничтоженной в 717 г. до н. э.), потому, мол, и открывались по приказам на этом языке сундуки и крепости; ласточки же знали по-хатиагски, потому что «хетты жили на юге, откуда прилетают ласточки».

Но даже Дюмезилю, великому ирановеду и иранолобу, подобное толкование показалось фантастическим. Поэтому иранисты нашли другие объяснения, но не менее, а более фантастические. По мнению В. К. Тотрова, Китай на средневековом грузин. яз. назывался «Хатаети» и это название проникло в алано-осет. яз., но «несколько в ином звучании». Далее, однако, выясняется, что нарты вполне могли обойтись и без грузинского посредничества: монголы увели с Кавказа несколько тысяч алан-воинов, они жили «недалеко от Пекина», «усвоили китайский язык и при возвращении на родину говорили между собой по-китайски» (жаль, что ученый не сообщил, кто еще, кроме него, был свидетелем этих бесед и где можно ознакомиться с их мемуарами; или эти сведения добыты ясновидцами?).

Т. А. Гуриев, однако, с таким геополитическим решением не согласился, полагая, что грузин. *хатаети* «Китай» дало бы в осет. *хатает-аг*. Считая высказывание В. К. Тотрова о том, что аланы могли усвоить китайский язык (во время прохождения срочной службы в монгольской армии) «заслуживающим внимания», он все же думает, что вернуться на родину сумели единицы, основная часть алан осталась на чужбине. Рациональное зерно в гипотезе В. К. Тотрова Гуриев видит в его попытке связать осет. *хатиагау* с китайск. яз. (стало быть, дело за малым – отыскать в осет. яз. китаизмы). Еще один автор, А. Бязиров, связывал загадочное слово с племенем кара-китаев в Забайкалье.

После такого обзора мнений, способных убедить любого скептика в том, что средневековые «алано-осетины» (не имея своих названий Грузии, Армении, Азербайджана, Чечни и пр.) хорошо знали о Китае и китайцах, Т. А. Гуриев решительно заявил: «Термин «хатиаг» (аевзаг), «хатиагау» состоит из корня «хат/хати» и осетинского суффикса *гау*»; следует исходить из данной формы и сопоставить со средневековым монгольским «Хатай» (Катай) *Kumai*; «следовательно, выражение *хатиаг аевзаг* первоначально обозначало не что иное как китайский язык». «Алано-осетинская форма этого слова» отражает, по мнению Гуриева, тюрко-монг. *Хатай*, «которое встречается во многих документах». Таким образом, *хатиагау* первоначально обозначал «китайский», а затем уже «непонятный язык», «на котором говорили и писали, в частности, лишь несколько самых выдающихся, «бывалых» нартов» (Гуриев, 1971, с.148-154).

В. И. Абаев, уже в 1989 г., еще раз поддержал версию «китайского» происхождения термина. «Из *хатаейгаг*» «от *Хатай* «Китай» (самостоятельно не документируется). Секретный язык Нартов был, стало быть, «китайским». Ср. по семантике русское выражение «китайская грамота». Через тюрк., монг. *Хытай*, *Хатай* «Китай»; «северная провинция Китая» восходит к кит. *Китан* название тунгузского племени». «В осетинский могло войти как из тюркских или монгольского, так и из грузинского; ср. др.груз. *Хатаети* «Китай», *хатаели* «китайский», «китаец» (не лучше ли было «аланам-иранцам» узнать у грузин, как они именуют себя, а не выпрашивать у них название далекой страны, ни о чем не говорящее? – М. Дж.). Любопытно, что в роли «секретного» языка в

осетинском фольклоре выступает также калмыцкий»; в приведенном примере герою говорят, что сундук с оружием откроется, если к нему обратиться по-калмыцки (Абаев, ИЭСОЯ, т. 4, с. 144).

Г. Бейли предлагал видеть в компоненте *хати* название племени *Акатиروي* (отмеченного Иорданом в причерноморских степях) и возводил *хати* к осет. *хаетын* «бродить, совершать походы за добычей». Поэтому Ю. А. Дзиццойты с Гуриевым не согласен и видит в «хатиагском языке» тайный, арготический язык воинов, которым они пользовались в походах. Для раздробленных в диалектном отношении скифо-сарматских племен эта речь вскоре (как-то и почему-то) стала языком общения, который «эволюционировал в сторону «языка для взаимопонимания вообще» и в этом новом значении был сближен с мировым языком» (? – М. Дж.). «Отсюда легко понять, почему с посланницей Бога, ласточкой, нарты общаются на хатиагском языке или почему Богу молятся на этом же языке», «разговаривают» с сундуком, дверью, ангелами, животными и пр. По сообщению Ф. Мамсираты, хатиагским языком до недавнего времени владели абреки; в нем использовались сечения общеупотребительных слов, инверсия и заимствования из кар.-балк. (ох, нехорошо!). Дзиццойты приводит и выражение, означающее «хатиагский лучник» (*хатиаг аендургин*), упоминает и «хатиагский танец» (Дзиццойты, с. 231-233). Но ни в РОС, ни в ОРС, ни в ИЭСОЯ мы слова *аендургин* «лучник» почему-то не обнаружили.

Не хотелось бы разочаровывать ученых, но придется – как вы понимаете, для нас истина дороже всего.

1. Тюрки (как, скажем, и персы, и арабы, и, возможно, монголы) всегда именовали страну, которую сейчас называют Китаем, по-другому – *Чин*; например, в кар.-балк. яз. фарфоровая пиала называется *чин аякъ* «китайская чаша»).

2. Повторим еще раз: Китаем средневековые тюрки называли государство Хорезм (Хоразм), основанное иранским племенем хоразмиев. Для одних тюрков в этом этнониме слышалось бы название петуха – *хораз*, но у других петух назывался *къытай*, *къыттай*, как они и перевели название Хорезма (ср. название тюрк. племени, правившего Ираном позднее – *кызылбаши* «красноголовые»). В этом-то Китае (Хорезме) и начинался, на наш взгляд, Великий шелковый путь, а не в далекой Сычуани, за тридевять земель от основных покупателей шелка – стран Ближнего Востока и Европы. На торговле шелком и поднялся Хорезм, да и названия сортов шелка в языках народов Кавказа не китайские, а иранские или тюркские. Идентичность Хорезма и «Китая» видна из «Хождения за три моря» Афанасия Никитина, который говорил, находясь где-то в Северо-Восточном Иране, что ходу до Китая – «три дни».

3. Разумеется, ни древние хатты, ни грузины, ни монголы, ни китайцы к осет. *хатиаг авзаг* никакого отношения не имеют. И никакие «нарты» на китайском языке не говорили и не писали, даже самые бывалые – иначе в осетинском остались бы хоть какие-то китаизмы. Как уже отмечалось выше, в осет. яз. нет ни своих слов для таких терминов, как «чернила, бумага, ручка, перо, тетрадь, книга, тушь» и пр., ни китайских, ни монгольских, ни, на худой конец, хотя бы тюркских – только из современного русск. или срочно изобретенные неологизмы. И разве не должен был прийти в голову хоть кому-то из иранистов вопрос: «Чем же и как писали (да еще и по-китайски – иероглифами, надо полагать?) эти бывалые нарты-аланы, и куда подевались такие простые слова?».

4. Термин «хатиагский язык» объясняется полисемантизмом кар.-балк. слов: *хат* – «почерк, каллиграфия; стиль, слог» (на «хатском языке» нарты не только говорили, но и писали). *Жаз* – «писать, записывать»; но *жаз тил* – «иносказательная речь»; тайный язык кар.-балк. воинов и охотников и назывался *жаз тил*, что можно перевести и как «иносказательный язык», и как «письменный язык»; ср. *огъун жаздырды* «его пуля

пролетела мимо», т. е. *жаз тил* – это речь, смысл которой проходит мимо сознания людей, не знающих, какие значения придаются словам. Но это – народноэтимологическое объяснение. Первое слово в сложном термине *жаз тил* происходит, скорее всего, от глагольной основы *жашыр*, образующей слова со значениями «скрывать, таить, прятать, тайный, потайной» и т. д. Замена Ш на З произошла закономерно – по причинам фонетического и семантического характера: *жаши тил* неудобнопроизносимо, а, кроме того, имеет второе значение «молодой язык» или «молодежный язык».

Об этой речи говорится и в афоризме из этического кодекса «Ёздан Адет»:

Келечиге жаз тил керек,

Төречиге баз тил керек.

Послу нужна речь иносказательная (т. е. двусмысленная),

А судье – уверенная.

Именно такой речью в кар.-балк. сказании пользуются на пиру нарты из жреческого рода Аликовых, подавая сигнал к нападению на Ёрюзмека. Потому простые нарты, не владевшие письмом и иносказательной речью, и не понимали того, что говорили друг другу «бывалые».

Так же просто объясняется, почему сундуки с оружием открывались при обращении к ним на «хатском языке». «Переводчик» в кар.-балк. яз. – *тилманч, тилмач*, букв. «открывающий язык» (*тил(м)ач*), с протетическим звуком *м*. Переводчик, скорее всего, рассматривался как человек, создающий мост для общения двух людей, не знающих языка друг друга; *кюбюр* «сундук» – *кёнюр* «мост»; «переводить» (с одного языка на другой) – *кёчюр*. Ср. также кар.-балк. *къылыч* (от *кьулуч*) «меч, сабля», но и «засов, дверной запор» (ср. русское *ключ*). Кроме того, ср. *тилин ачды* «проявил свое красноречие», «букв. «открыл свой язык» – *эшикни* (*кюбюрню* д. а. к.) *ачды* «открыл дверь (сундук, ворота и пр.)». Осталось сказать о том, почему «по-хатиагски» умели разговаривать и ласточки. В кар.-балк. яз. эта птичка называется *къарылгъач*; но три (из многих других) значений слова *къара*, содержащегося в наименовании ласточки – «смотреть; письмо, грамота; буква». Искусственное *къаралыкъ, къарлыкъ* – «буквенность, письмо», поэтому название ласточки (*къарылгъач*) можно народноэтимологически понять как «читающая» или «открывающая (объясняющая) письмо» – *къаралыкъ ач*).

«В значении «мировой язык» осетинское *хатиаг авзаег* вошло в пшаво-хевсуретские и мтиульско-мохевские говоры грузинского языка – *хатъис ена* «хатский язык» (употребляется параллельно с выражением *джуарта ена* «язык для общения с богами» (Дзиццойты, с. 233). На самом деле, это опять лингвистические казусы. Занимая у тюркоязычных предков осетин названия тайного языка воинов и набегников, грузины переосмыслили их: кар.-балк. *къатыш* (*тиль*) «путаный (язык) превратилось у них в *хатъис ена* «хатский язык».

«Аланы – предки осетин – хорошо знали китайцев, высоко ценили их обычаи и культуру»; «...выяснение истории слов и в данном случае помогает нам воссоздать яркий образ китайца, оставившего глубокий след в памяти нашего народа» (Гуриев, 1995, с. 17). Если вспомнить, что монголы оставили в осетинском фольклоре, по уверениям Абаева и Гуриева, еще более глубокий след, то следует думать, что нарты жили на Дальнем Востоке, а не на Кавказе. Потому что ни у одного из осетиноведов я не прочитал ни строчки о таких же глубоких следах, оставленных в памяти народа какими-либо этносами Кавказа, не говоря уже о народах Европы.

ТЕРМИНЫ И ВЫРАЖЕНИЯ

Мы уже несколько раз говорили о том, что осетинский нартский эпос возник в результате усвоения иранскими предками осетин древних сказаний их тюркского субстрата. В этом процессе был период двуязычия (XVIII – начало XIX вв.), когда потомки тюрков-автохтонов переходили на иранскую речь большинства, владея и родным языком, но все хуже и хуже. Скорее всего, и пришлые с юга иранцы, точнее, многие из них, также пользовались тюркским наречием; иными словами, какое-то время население говорило на смеси иранского с тюркским (точнее, с карачаево-балкарским). Такой же макаронической речью, вероятно, передавались и эпические сказания; поэтому появление в текстах калькированных выражений и немотивированных деталей было абсолютно неизбежно. Ниже мы приведем ряд примеров, совершенно неопровержимо свидетельствующих о том, что осетинские сказания переводились с кар.-балк. яз. (на котором и говорили дигорцы, тагаурцы, куртатинцы и туалыцы).

Церека панцирь – чудесный непробиваемый панцирь, принадлежавший мифическому богатырю *Цереку* (Б. А. Калоев в прим. к «Сказаниям о нартах», 1981, с. 399). В доступных мне изданиях никаких упоминаний об этом богатыре я не нашел. Скорее всего, это чуть измененное кар.-балк. *керек* «доспех, снаряжение» (см. у В. И. Абаева в ИЭСОЯ).

Снежнобородый. Одно из осет. сказаний начинается так: «Снежнобородый Урызмаг отправился в балц (поход. – М. Дж.), оставив жену свою Сатану беременной. Долго Урызмаг странствовал и еще не возвратился домой. Сатана родила сына». Судя по эпитету, Урызмаг был к тому моменту стариком. Конечно, эпические нарты – люди особые (иные граждане седеют и в 20 лет), но все же странно, что у него рождается сын; с другой стороны, ни о каких других признаках старости этого нарта в тексте не говорится.

А вот как сказание заканчивается: «После этого Урызмаг возвратился к нартам и начал водить их в наезды и добывать добычу» («Нарты», кн. 2, 1989, с. 73). Почему же нарт, который только что начал предводительствовать в наездах, а потому вряд ли был старцем, назван «снежнобородым» и чем он занимался до тех пор? Дело в том, что здесь перепутаны два кар.-балк. слова – *къарасакъал* «чернобородый» и *къарсакъал* «снежнобородый».

Арыхъ сапон «арыхъ мыло» – это, как пишет Т. А. Гуриев, «один из интересных и загадочных эпических терминов», который встречается в нескольких сказаниях. Таким мылом пользовались самые выдающиеся нарты. Кроме того, в сказаниях встречается и **хъара сапон** «черное мыло»; «отдельно *сапон* «мыло» неупотребительно». «Значение термина «арыхъ сапон» не поддается выяснению по материалам эпоса»; по мнению В. И. Абаева, слово *арыхъ* указывает на место производства этого мыла. Но Т. А. Гуриев вполне правомерно указывает, «что в устной живой осетинской традиции слова, указывающие на место изготовления предмета, **непременно** принимают суффикс *-аг* или *-он*». Совершенно правильно он объясняет и *арыхъ сапон* как название хорошего мыла, а *хъара сапон* – как название мыла низкого качества.

Далее Т. А. Гуриев отмечает наличие слова *арыхъ* в древнетюрк. яз., но, разумеется, видит в нем монг. *ариг* «чистый; честный; святой» и делает многозначительный вывод: «Наличие двух сортов мыла в осетинском нартском эпосе является весьма интересным фактом, свидетельствующем о культуре средневековых алан, испытавших влияние со стороны монголоязычных племен» (Гуриев, 1971, с. 140-142); сказать прямо, что монголы привезли в Аланию два сорта мыла, он не решился. Но все гораздо проще, и *къара* «черное», и *арыхъ*, *аракъ* «чистое, красивое» (ср. *аракъы*, *аракъа* «водка», *ариу* «чистый, прекрасный», и пр.) являются не монг., а тюрк. словами. Карачаево-балкарцы называют туалетное мыло *аракъы сапын* («чистое мыло») или *дух сапын* («душистое мыло», из русск.), а хозяйственное – *къара сапын* «черное (простое) мыло».

Цаеллаг – слово, известное только в одном сочетании *цаеллаг рувас* («цаеллаг лиса») и в речи выражающее неодобрение, укор; в эпосе встречается только как эпитет для лисы. Есть в нем и выражение «хитрая и цаеллаг лиса» – о Дзерассе, которая в образе такой лисы пробиралась в сад нартов, чтобы поест там волшебных яблок. По мнению Т. А. Гуриева, осет. корень *цаел(л)* восходит к монг. *заль* «хитрость, лукавство» (в дигор. *залун* «хитрый») + суфф. –*аг* (Гуриев, 1971, с. 142). Обращаться к монгольскому было незачем и в этом случае. И монг., и дигор. слова восходят к общетюрк. *жал*, *зал* «ложь, обман, фальшь», от которого и кар.-балк. *жалгъан*, *залгъан*, имеющее множество значений: «ложный, фальшивый, фиктивный, притворный, надставной», и др. Но, вполне возможно, более верно другое объяснение. В речи карачаево-балкарцев *къарт толкю* «старый лис, старая лиса» означает «старый хитрец». В осет. *цаеллаг рувас* первое слово, возможно, – от кар.-балк. *цал*, *чал* «седая», с прибавлением аффикса *аг* = «седая (старая) лиса».

Красные шеи нартов. У нартов год выдался голодным. «Люди пришли на ныхас (сельскую площадь. – М. Дж.) и (от голода) повалились на землю. Только что ошенившаяся сука Сырдона, у которой сочилось молоко, ползала взад-вперед по их красным шеям». Вернувшийся из похода Урызмаг, увидев это, говорит жене, что сука Сырдона (не упускавшего случая поиздеваться над заносчивыми нартами), «прыгает взад-вперед по их красным шеям» (Нарты, т. 2, с. 47). Что случилось с нартами и почему шеи у них вдруг стали красными? Все дело в неправильном переводе кар.-балк. *ала къобалмай* «они, не в силах подняться»; *ала* имеет еще и значение «красный, алый», а кар.-балк. *къобал* «быть в силах» созвучно осет. *къубал* «шея».

Собачьи кишки. В другом варианте сообщается, что во время голода Сырдон украл единственную корову нарта Субалци, досыта наелся шашлыками, привязал к кончикам усов два куска мяса, «суке же своей проколол бок и привел ее, волочашую за собой свои кишки, на большой нартовский ныхас». «А там сытый Сирдон разговаривал свысока, дразнил людей, кишками своей суки водил по их губам» (Нарты, т. 2, с. 46). Конечно, трикстер Сырдон не был мягкосердечным человеком, но и для него подобный способ мести слишком изощренно жесток.

Кар.-балк. *ичеги* – «кишка», в разговорной речи – *чеги*. Двухязычный осетинский сказитель, уже плохо знавший тюркский язык, принял *ичеги* за *ит чеги* «собачья кишка»; пришлось потом заставить Сирдона проколоть бок его неразлучной собачонке и привести ее на площадь. Конечно же, в тюркском оригинале сказания говорилось о том, что мстительный Сирдон водил по губам нартов сваренной коровьей кишкой.

Сирдонов конь. После смерти Сырдона его похоронили возле ныхаса. «Когда люди ссорились, то друг друга кляли так: «Пусть будет Сирдоновым конем (тот), кто лжет!» (Нарты, т. 2, с. 205). На самом деле смысл клятвы, вероятно, был иным. Кар.-балк. *ат* имеет значения «конь» – и «имя». Осетинский сказитель понял *Ётюрюк айтхан Ширдан атлы болсун!* «Пусть имя того, кто лжет, будет Сирдон!» как почти точно так же звучащую фразу *Ётюрюк айтхан Ширданны аты болсун!* «Пусть будет Сирдоновым конем (тот), кто лжет!». В пользу такого объяснения говорит и то, что имя трикстера стало нарицательным; известный собиратель осетинского фольклора Г. Шанаев пишет (в 1876 г.): «Прозвище Сырдона (а не его коня, конечно. – М. Дж.) носит каждый проныра у осетин» (Нарты, т. 3, с. 89).

Жил, как олень. В одном из сказаний нарт Сосрыко в поединке с Челахсартагом мечом сносит ему темя. Тот отправляется к кузнецу Курдалагону, который «сковал ему из красной меди темя, и Хизов сын жил, как олень, не боясь Сосрыко» (Нарты, том 2, с. 125). Что означает это сравнение? Разве олень – это животное, которое никого не боится? И почему Челахсартаг, обретя медное темя, чувствует себя безопасно (его грозный противник при следующей встрече мог снести ему и голову)? На самом деле это еще один

лингвистический казус. Осет. *саг* «олень» созвучно кар.-балк. *сакъ*, имеющему много значений, но сходных по семантике - «чуткий, осторожный, осмотрительный, бдительный»; *сакъ бол* «быть настороже, начеку» и т. п. В тюркском оригинале сказания говорилось, что после излечения Челахсартаг был все время начеку (*сакъ*), боясь Сосрыко, но двуязычные слушатели (или, м. б., сам сказитель) поняли это слово как иронское *саг* «олень».

«Монгольский лук». «Одним из загадочных эпических терминов» считает Т. А. Гуриев и слово *сагъадахъ*, употребляющееся «со значением какого-то ценного оружия». Осетиноведы переводят его по-разному: «колчан для стрел», «самостреляющий колчан» (?), «лук», «колчан»; Вс. Ф. Миллер сопоставлял его с кар.-балк. *садакъ* и монг. *сагъадакъ*. Разумеется, Гуриев немедленно делает вывод: «Перед нами монгольское слово *сагъадакъ* «колчан», вошедшее в осетинский язык в XIII-XIV вв. и удержавшее свое первоначальное древнемонгольское звучание в идеальной сохранности». В осет. яз. было свое, обыденное слово в значении «колчан» - *фатдон*, «которое мало соответствовало духу и характеру эпических нартов (почему такое несоответствие касалось только колчана? – М. Дж.); необыкновенные герои нартов должны были иметь соответствующее снаряжение», поэтому чужое слово, как считает Гуриев, подверглось переосмыслению и стало обозначать «колчан (или лук), который сам стреляет» (Гуриев, 1971, с. 145).

Проницательность и решительность некоторых ученых повергает в изумление. Мы знаем, что это слово есть практически во всех тюрк. яз. и часто в том же «древнемонгольском» звучании – *сагадакъ*, *саадах*, *садакъ* и пр. Как Гуриеву удалось определить, что термин вошел в осет. яз. именно из монгольского и именно в XIII-XIV вв., для нас непостижимо. Что думают лексикологи? Смотрим в ОРС: «*сагъаедахъ* – 1) колчан; 2) самострел, старинный лук с прикладом». Но в РОС (сост. В. И. Абаев) нет ни слова «самострел», ни слова «арбалет»; «колчан» переведено как *сагъаедахъ*, а подозрительно близкое *сакъадах* означает «остров». Добавим, что Макс Фасмер однозначно говорит о тюрк. происхождении заимствованного в русский термина *сагайдак*. Неужто и русские, и «алано-осетины», и все тюркские народы веками ждали пришествия монголов, чтобы занять название лука именно у них?

Т. А. Гуриев приводит одну из монг. легенд об избрании хана, когда на трон претендовали все мужские представители высокого рода. Тогда мать Чингисхана предложила избрать того, «кто повесит стрелу на солнечный луч, проникающий в юрту через отверстие, и это смог сделать только Чингис, которого избрали ханом» (Гуриев, 1971, с. 75). Здесь явно просвечивает народная этимология термина *саадахъ*, *сагъадахъ* «лук, стрела, колчан». Я не стал обращаться к другим тюрк. яз.; ср. кар.-балк. *шуа* (*шуна*, *шона*) «луч» + *такъ* «повесить, подвесить».

Егъау, дигор. вар. *игъау* «большой, огромный, значительный». Историю этого слова Т. А. Гуриев относит к числу тех фактов, «которые могут вызвать к жизни научные гипотезы». В. И. Абаев осторожно заметил: «... может быть, к монг. *йехе* «большой». Найдя в тексте монг. источника «Сокровенное сказание» случаи употребления этого слова, Гуриев с Абаевым согласился и заключил: для заимствований названий материальных предметов достаточно и слабых контактов, это их первая ступень. «Заимствование же иноязычного слова, обозначающего понятие, для которого в аланском (средневековом осетинском) было исконно индоевропейское слово *стыр*, может произойти только в условиях интенсивного контактирования»; сомневаться в том, что монголы и «алано-осетины» весьма активно и плодотворно общались, Гуриев не пожелал. Различие в дигор. и ирон. формах объясняется, по его мнению, тем, что в средневековье в монг. были две формы этого слова: *иххе*, *йике* и письменное *йехе*, *йеке*. И тут же следует тонкий сногшибательный вывод: «Выходит, что осетинские диалекты заимствовали

данное слово из двух разных монгольских диалектов» (Гуриев, 1991, с. 90-91).

Но что, если Абаев и Гуриев все-таки ошиблись? Потому что в кар.-балк. яз. есть точно такое же слово – *иги*, имеющее значения «хороший, хорошо, значительно, значительный, гораздо, весьма, добрый, добротный»; диапазон использования этого слова очень широк.

Аелдары хъаеу букв. «алдара (князя, феодала) селение». Анализ этого выражения у Т. А. Гуриева, проведенный им, как он говорит, для восстановления его первоначального, «дофольклорного» (!) значения, исключительно интересен для постижения методов, которыми широко и невозбранно пользуются иранисты. Вот основные характеристики этого селения, по фольклорным источникам:

1. «*Аелдары хъаеу* является, несомненно, самым большим населенным пунктом в княжестве, алдарстве. В нем проживает огромное количество населения». 2. «*Аелдары хъаеу* находится обычно очень далеко от места обитания героя». 3. «В *аелдары хъаеу* живет сам алдар (феодал, князь)». 4. «В *аелдары хъаеу* находится большая гостиница, постоянный двор». 5. «В *аелдары хъаеу* живет *къулыбадаг ус*» – «вдова, ворожейка, ведунья». 6. «В *аелдары хъаеу* имеется знаменитый базар». «Сюда приезжают со всех концов алдарства». 7. «Все сказанное говорит о том, что *аелдары хъаеу* не просто «селение алдара», а фольклорный термин со значением «столица алдарства (княжества)», город, *сите руаяль, хаупштадт*» (Гуриев, 1991, с. 129-131).

Мы бы, конечно, согласились с таким гордым выводом, но не позволяют осет. лексикологи, например, В. И. Абаев. Читаем в РОС: 1. «Город – *горает, сахар*» (первое слово – из совр. русск., второе, как считается, из перс. – М. Дж.); 2. «Столица – *саейраг горает* (т. е. «главный город». – М. Дж.), столица». Смотрим в ОРС: «столица – столица», но словосочетание *саейраг горает* отсутствует, поэтому будем считать его изобретением В. И. Абаева. В РОС написано: «Княжество – *кънийзад*»; «Князь – *кънийаз, аелдар*», от совр. русск. «князь» (восходящего к тюрк. *гиназ, гинар, гинал, инал* «князь; принц»). То же самое – в ОРС. Почему же слово, означающее «княжество», произведено не от своего слова *аелдар* (если оно действительно означает «князь»), а от чужого? Почему не *аелдарад*, если, согласно РОС, *аелдар* заменяет почти все феодально-байские термины, означая «барин, господин, владелец, властелин, вельможа, князь, старшина»?

Не спасает и другой подход, так как в осет. яз. нет и своего слова, означающего «царь»: *паддзах* – из перс., *хан* – из тюрк. Тогда о каком «фольклорном термине», якобы означавшем *сите руаяль* («королевский город»), говорит Т. А. Гуриев? На самом деле *аелдары хъаеу* означает то, что означает – «селение, в котором живет старшина», «большое селение». Опять смотрим в ОРС: «*Хъаеу* – селение, деревня». Сказители, говоря о каком-либо городе или другом крупном населенном пункте, употребляли выражение *аелдары хъаеу*. Кроме того, в нартских сказаниях осетин встречается странное сочетание *калак-хъаеу*, о чем Т. А. Хамицаева пишет: «...букв. «город-село», вероятно, в смысле «большое село», «главное село» (Нарты, т. 3, с. 115).

В комментарии к записанному им сказанию Вс. Ф. Миллер говорит (в 1880 г.): «У осетин нет собственного слова для города. Они употребляют либо грузинское слово «калак», называя городом Тифлис, либо русское «город», либо персидское «сахар» («Нарты», кн. 3, 1989, с. 71). «Страна» в РОС – *баестае*, но по тем значениям, которые указаны в ОРС, видно, что это просто расширение первоначального смысла – «местность»: «*Баестае* – край, область; местность; страна, свет». Если в языке народа понятия «местность» и «страна» переданы одним термином (не административным, а географическим), а термин, означающий «государство» (*паддзахад*), произведен от перс. слова, трудно думать, что он когда-то имел свое государство.

Арвы хуыцау «голубой бог». Д. Шанаев, один из первых собирателей осет. фольклора, писал в 1871 году: «Осетины, подобно всем народам, местопребывание Божие

предполагают на небе. Поэтому понятие о божественном, святом и неприкосновенном перенесено осетинами и на небо, местопребывание Божие. Часто в божбах и клятвах «голубое небо» называют они «голубым богом». «Во имя вон того голубого бога, я тебе говорю правду!» - так часто клянется осетин» («Нарты, кн. 3, 1989, с. 12).

Для такого отождествления неба с Богом нужно основание, но в осет. яз. его нет: «небо» - *арв*, *уаеларв*, «голубой» - *аервхуыз*, «синий» - *цъаех*, «бог» - *хуыцау*. Мы не можем сказать, могло ли стать основанием для появления странного именования созвучие *арвы хуыцау* «небесный бог», если «голубой» - *аервхуыз*; но, скорее всего, это калька с кар.-балк. *Кёк тейри* «небесный бог», но букв. «синий (голубой) бог».

Танцы на столах. В нескольких осетинских сказаниях говорится, что нартты, состязаясь друг с другом, танцевали... на обеденных столиках, за которыми ели и пили! Вот одно из описаний: «Вскочил Сосрыко и начал танцевать. Сперва протанцевал хорошо на полу, потом начал танцевать по краям обеденных столиков». «Пришла теперь очередь и Хизову сыну танцевать. Он встал и протанцевал сперва на полу так хорошо, что нартты засмотрелись на него. Потом полез на столы и начал танцевать по краям их. И крошка не шевельнулась на столах, по краям которых он вертелся, подобно волчку» («Нарты», кн. 2, 1989, с. 122). То же самое – в кабардинском эпосе (Кабардинский фольклор, с. 54).

Но с чего это нартские витязи, олицетворение достоинства и чести, отплясывают на обеденных столиках, словно певички в кафешантане? У В. И. Абаева находим следующее объяснение: «...в сказаниях описываются сольные танцы, требовавшие от исполнителя виртуозного искусства и ловкости». Надо было проплясать по краям столика, не задевая яств и сосудов, сплясать на краях большой чаши, наполненной пивом, и пр. «Безупречное исполнение таких номеров было под силу только лучшим танцорам, состязание между которыми составляло одно из любимых зрелищ нарттов» (Нарты. М., 1990, т. 1, с. 69).

Следовательно, нартведы видят в такой невоспитанности проявление удалы и ловкости богатырей, с чем мы согласиться не можем. В кар.-балк. языке обеденный столик-трехножка называется *тепси*, но неразличимое на чужой слух *тепсе* означает «танцевать»; слово *аякъ* имеет два значения - «чаша» и «нога»; поэтому выражение *аякъ ал* означает «взять чашу» - и «быстро двигаться; плясать» (букв. «передвигать ногами»); *аякъ ала билмейме* означает «я танцевать не умею» (букв. «я не умею передвигать ногами») - и «я не умею брать чашу»). В кар.-балк. эпосе состязание молодых нарттов в танце тоже есть, но, конечно, не на столах, а на колючих кустарниках, на гряде булыжников и в огненной яме, обложенной камнями (этот обряд до наших дней сохранили болгары на Дунае, тюркские предки которых пришли туда с Кавказа; пляшущие в огненной яме юноши и девушки называются *нестинарами*).

Котел со льдом. У нарттов был огромный пивной котел, который они решили отдать тому, кто сумеет вскипятить его одними словами, без огня. «Собравшись в одно место, нартты наполнили котел Тарпским глетчером, но перепробовав всех от старого до малого, ни к чему не пришли», «хотя испытание продолжалось с раннего утра до позднего вечера». Победил в испытании вернувшийся с охоты Батраз, рассказав о трех своих подвигах. Почему после этого лед в котле растаял и вода закипела так, что брызги полетели во все стороны, ни в тексте, ни в комментариях к нему не объясняется.

По кар.-балк. эпосу, у нарттов был волшебный бочонок, в котором брага (или пиво) вскипала и переливалась через край, когда на пиру кто-то из героев правдиво рассказывал о своих подвигах; ему и оказывался почет (ср. кар.-балк. *къайна* «кипеть, вскипеть»; перен. «процветать», *кена* «истинно, воистину»). Если же рассказчик привирал, брага в бочонке не вскипала. Но это только одна сторона дела. Загадочные детали в осет. сказании объясняются еще и другим.

а) пивной котел нартты почему-то наполнили не брагой, а льдом Тарпского глетчера.

Кар.-балк. *тары боза* «просьяная брага» созвучно *таг бузла* «горные ледники»; ср. также *бозадан толтур* «наполнить бузой» - *буздан толтур* «наполнить льдом»;

б) кар.-балк. *сыра* «темное пиво» - *сыр* «почет, честь»;

в) кар.-балк. *чыккыр, цыккыр* «бочонок» - *чыхыр, цыхыр* «горящие угли, жар» (бузу пьют подогретой, для чего опускают в нее раскаленный вертел);

г) кар.-балк. *чымырта, цымырта* «хворост», *шыбырда* «шептать» - осет. *сыбырттае* «слова»;

д) кар.-балк. *жылыт, зылыт* «согреть» - осет. *дзырд* «слово».

«Козленок ведьмы». Богач Бурафарныг, собираясь разделаться с Батразом, говорит ему: «- Эй, козленок ведьмы! Собачий щенок! наших юношей недавно никак ты обидел?» (Нарты, 1989, кн. 2, с. 283). Что это за «козленок ведьмы» и почему Бурафарныг именует Батраза так странно? Объяснения в комментариях нет. Но мы помним, что матерью богатыря была аварская принцесса, считавшаяся колдуньей, ведьмой (кар.-балк. *обур*). Двухязычные слушатели приняли кар.-балк. *обур уланы* «сын ведьмы» за *обур улагъы* «козленок ведьмы».

Раскаленная лопата. Батраз приходит к своей матери (в ее роли здесь выступает Шатана), и, требуя сказать, кто убил его отца Хамыца, предпринимает весьма необычные действия: «Ушел оттуда Батраз, большую лопату на огне накалил, Сатану под себя подмял и сказал: «Сожгу тебе груди, которыми ты меня вскормила» (Нарты, 1989, кн. 2, с. 283). Не слишком ли извращенный способ пытки собирается применить доблестный нарт, да еще и в отношении своей матери? И почему нужно было для этого раскалить непременно лопату, а не просто какую-нибудь железяку?

Согласно кар.-балк. этическому кодексу «Ёзден Адет», пленника разрешалось пытать только в одном случае – если нужно было заставить выдать какие-либо сведения, и применять только один вид пытки. Пленника укладывали наземь, поворачивали спиной к костру и придвигали его к огню все ближе и ближе, пока у него не развязывался язык. Причина появления такой пытки ясна: *сырт* – «спина», *сыр* – «тайна, секрет». Этот способ, вероятно, и применил Батраз (в тюрк. оригинале сказания). Но откуда в осет. пересказе появилась лопата? Кар.-балк. *бел* «поясница» - осет. *бел* «лопата»; кар.-балк. *къыздыр* – «раскалить; греть, нагреть». Кар.-балк. *белин къыздырды* «нагрел ей поясницу» было понято как «раскалил лопату».

Сапог с пеплом. Однажды Батраз, мстя нартам, велел им наполнить сапог своего отца пеплом от сожженного шелка. Сапог, как сказано, находился в небесном жилище его отца (или на горе *Уарпп* или *Уаза*, т. е., как мы выяснили, на Эльбрусе). «Опираясь на вариант этого сказания, в котором вместо сапога (*цырыкъ*) фигурирует *цырыкъ* «меч», В. И. Абаев пишет: «Весь эпизод приобретает новое звучание: вместо маловразумительного наполнения пеплом сапога речь идет о жертвоприношении мечу, причем вместо людей символически сжигаются их одежды», т. е. это отголосок обряда принесения пленников в жертву богу-мечу, соблюдавшийся скифами и аланами» (Дзиццойты, с. 84).

Но нельзя ли было заменить пленников одеждой из более дешевой ткани? И какое такое «североиранское» племя сжигало людей? Почему по другому варианту Батраз велит наполнить пеплом сорок бочек? Странное требование Батраза никакого отношения к скифскому обряду не имеет: осет. эпос полон описаниями жестокостей, которые творили и нарт, и их враги; и, наверное, если бы сказители захотели сказать о жертве мечу, они сказали бы об этом прямо, не заменяя убийство людей «символическим» сожжением их одежд. Интерпретация Абаева не учитывает также, что требования Батраза носят явно издевательский характер; кроме того, скифы приносили в жертву мечу пленника, а здесь говорится, что Батраз досаждал нартам.

На самом деле, это неправильный перевод на осет. язык карачаево-балкаро-дигорских

слов и выражений. Кар.-балк. *кюль* «смеяться, насмехаться» - и «зола»; *кюльтюн* «пепел» - *кюльдюр* «насмешить, дать повод для насмешки, смеха» - *кюйдюр* «сжигать». Кар.-балк. *чурукъ, цурукъ* «сапог» заимствовано в осет., где приобрело форму *цырыхъхъ, цырыкъ*. Но кар.-балк. *чурум, цурум* – «повод, причина». Кар.-балк. *чыккыр, цыккыр* «бочка», *чыгыр, цыгыр* «лысый, плешивый» (Батыраз был лыс) - осет. *цыппур* «сорок». Кар.-балк. *чилле, цилле* «шелк, шелковый» - и «сорок» (в календаре этим иранским словом обозначаются два периода в году - сорок самых жарких и сорок самых холодных дней). Кроме того, *жалын, залын* «унижаться» - *жалан* «голый, нагой».

Кар.-балк. (оригинальный) текст был прост: Батыраз, чтобы найти повод для расправы над нартами, насмехаясь (*кюлюн*), велел им наполнить пеплом (*кюль*) от сожженных шелковых одежд (*чилле*) сорок бочек, находившихся на заснеженной вершине горы. Скорее всего, происходило это в период «зимней сороковки» (*къыш чилле*), т. е. в самое холодное время года. Стоило нартам, унижаясь, собрать груды пепла, как Батраз, превращаясь в вихрь, уносил его. Здесь и указание на то, на какой горе это происходило – кар.-балк. *Жельбуруш тау, Эльбуруш тау* «вьюжная гора» (Эльбрус).

Мы дали здесь, в основном, объяснения лингвистических недоразумений и калькированных переводов, лежащих на виду. Свидетельства того, что осет. эпос – это «перевод» с карачаево-балкаро-дигорского, бесчисленны. Судя по замечательной сохранности следов перевода, эпос был усвоен осетинами (на иронском) совсем недавно; ассимиляция дигорцев произошла только полтора столетия тому назад. И надо еще раз с величайшим уважением отметить мудрость первых осетинских собирателей эпоса, старавшихся записать сказания в том виде, в каком они слышали их от информаторов, ничего не меняя, несмотря на то, что многое, вероятно, казалось им странным или нелепым.

НЕМНОГО ОБ ИСКУССТВЕ

Следует коснуться вопроса об интерпретациях некоторых изображений на древних предметах, найденных во время археологических раскопок. Вслед за Л. П. Семеновым В. А. Кузнецов считает, что «некоторые сюжеты древнего графического искусства навеяны нартским эпосом». Ссылаясь на В. П. Даркевича, который писал о прикладном искусстве Византии: «В основе изобразительной системы лежит мир эпической поэзии, за которым проглядывает реальный исторический фон», он ставит вопрос: «Не вправе ли мы предположить, что в основу сюжетно-изобразительной системы средневекового северокавказского искусства также входят эпико-героические и иные мотивы фольклора?» (Кузнецов, 1980, с. 117).

На наш взгляд, изображения на древних предметах навеяны, в первую очередь, не сюжетами из эпоса или мифологии, а, скорее всего, народной этимологией. Перед появлением письменности был период, когда использовался метод ребуса: мастер вдумывался в название изготавливаемого предмета, объяснял его как умел, расчлняя на семантически значимые составные, и изображал понятое (см. книгу Р. Р. Тилова «Сага о Кавказе»). Причина такого подхода, полагаю, заключается в следующем. Речь рассматривалась как дар Бога (или богов), поэтому понять глубинное значение слова означало постичь и заложенную в нем премудрость; но единственным способом такого постижения была народная этимология. Отсюда же и многие обряды (иногда весьма странные; выше мы приводили некоторые примеры); вряд ли следует видеть в них плоды творчества хитроумных жрецов.

«Считается, что олень был тотемным изображением, своего рода «гербом» скифов и среднеазиатских саков в VII-II вв. до н. э., причем территория Северного Кавказа входила

в ареал скифских изображений оленя. «Оленю, как тотему скифов, вероятно, были посвящены многие мифы. Следы их сохранились в осетинском фольклоре» - пишет Н. Л. Членова. В связи со сказанным ею В. А. Кузнецов приводит два эпизода из осет. эпоса, в которых описан восемнадцатирогий олень с золотой шерстью. Урызмаг и Сослан по очереди пытались подстрелить его, но их оружие вдруг куда-то исчезало. Далее оказывается, что в этом облике перед ними представала дочь Солнца – *Ацырухс*.

В параллель к этим сведениям Кузнецов приводит легенду о святом Евстафий Плакиде. До своего обращения он был воином. Однажды, во время охоты, он настиг оленя и уже намеревался пустить в него стрелу, но вдруг услышал его голос: «О Плакида, зачем ты преследуешь меня?». «Между рогов оленя показался лик Христа, а на рогах крест, «сиявший сильнее блеска солнечного». После этого чуда он принял христианство, а впоследствии был причислен к святым воинам. Отражение этой легенды Кузнецов усматривает во фресковой живописи Нузальской церкви (Алагирское ущелье), в верхнем ярусе которой изображены два святых воина: один (св. Георгий), поражающий копьём змея, и другой (в котором ученый видит Евстафия Плакиду), стреляющий из лука в двух оленей (но на фреске нет ни лика Христа, ни крестов на рогах оленей).

В. А. Кузнецов пишет: «В сцене охоты Евстафия (? – М. Дж.) на оленей на стене Нузальской церкви мы видим пример того, как сквозь оболочку христианства зримо проступают дохристианские фольклорные мотивы нартского эпоса». В аналогичных росписях церковей Сванетии рядом со св. Георгием изображен св. Федор; поправка, как считает Кузнецов, «сделана в соответствии с духовными запросами местной осетинской среды, с древнеязыческих времен почитавшей бога охоты Авсати и хорошо знавшей популярное нартское сказание об охоте Сослана на оленя – дочь солнца Ацирухс»; произошла контаминация древнего нартского сюжета и христианской легенды (Кузнецов, 1980, с. 118-121). О какой «поправке» говорит археолог, нам понять не удалось: если в церквях Сванетии и в Нузальской церкви изображен один и тот же сюжет, а различие заключается только в том, что в первых фигурирует св. Федор, а в Нузале – св. Георгий, то какое отношение к ним имеют Авсати, Сослан и Ацирухс?

Да, изображения оленей на древних предметах из скифских погребений встречаются часто. И среднеазитские скифы назывались *сак*, что напоминает ирановедам осет. *сак* «олень», из чего они заключили, что саки именовались по тотему; этим же они объяснили и популярность изображения оленя в скифском искусстве. О ложности такого взгляда мы уже говорили выше. Но и объяснение Кузнецова, большей частью, – сплошная цепь недоказуемых предположений и догадок. Следовало бы задаться простыми вопросами:

1. Почему у оленя (в эпосе) золотая шерсть? Несомненно, по той причине, что олень был у скифо-алан, создателей эпоса, манифестацией Солнца, но в его женской ипостаси. Откуда же возникла подобная ассоциация? Думать, что это просто прихоть какого-то древнего поэта или жреца, не приходится; должна быть веская причина для того, чтобы ассоциация стала устойчивой. Ср. кар.-балк. *нар* «солнце, солнечный» и *марал* «самка оленя» (предполагает варианты: *нарал*, *наран*); но *нар анг* означало бы «солнечное животное»).

2. Кар.-балк. *кюн къызыу* (*нар къызыу*) «солнечный жар, зной» - *кюн къызы* (*нар къызы*) «дочь Солнца»; но именно дочь Солнца и фигурирует в сказании. Почему нарты пытаются подстрелить оленя? Кар.-балк. *марал* «оленуха» - *мара*, *марла* «выслеживать, выжидать; целиться», *мараучу* «стрелок, охотник». В кар.-балк. охотничьей поэме «Песнь о Бийнёгере Гезохове» (из «крестьянского» эпоса) за такой, златошерстной и крылатой оленухой охотится удалец Бийнёгер, не ведая, что в ее образе перед ним появилась *Байдымат*, дочь божества диких животных *Апсаты*. Почему у нее золотая шерсть? Ср. тюрк. *кюн* «солнце, солнечный» - *жюн* (восходит к *гюн*) «шерсть» (ассоциация солнца с

золотом).

3. Количество рогов у оленухи – восемнадцать – объясняется тем, что она является олицетворением солнца; здесь, вероятно, мы снова встречаемся с попыткой передать знание о 19-летнем солнечно-лунном (Метоновом) цикле.

4. И, конечно же, легенда о св. Евстафий не имеет к эпизоду из осет. нартского эпоса ни косвенного (как полагал Кузнецов), ни прямого отношения. Как и к «местной осетинской среде» (художник-грузин изобразил то, что ему велели); если имелось влияние этой среды, непонятно, почему Евстафий не изображался в церквах Сванетии (у сванов божество охоты, как известно, пользовалось не меньшим почитанием, чем у осетин), и почему между рогов оленя нет хотя бы изображения креста, и почему оленей – два, и почему святых воинов – двое.

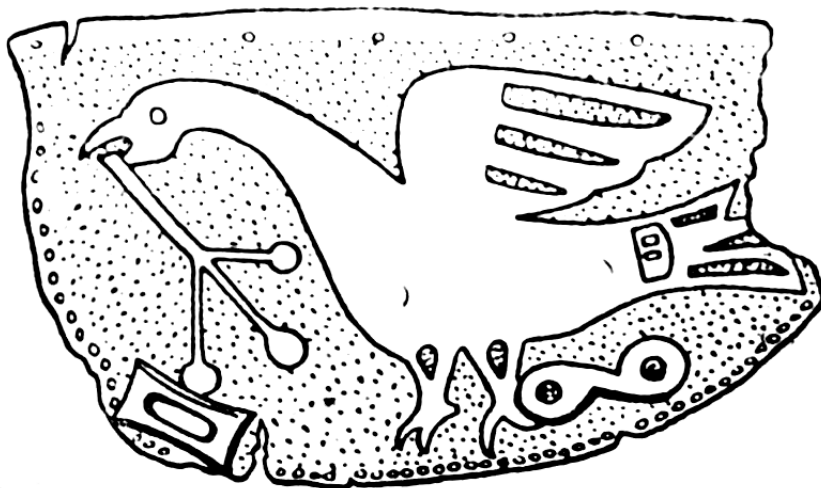
5. Вопреки мнению ортодоксальных историков, привыкших думать, что в пределах Византии тюрки появились очень поздно, христианская легенда также объясняется благодаря тюрк. яз. Аланы с давних пор нанимались в византийские войска; кроме того, они издавна оседали в Малой Азии, о чем свидетельствует топонимика Турции (*Балкър даглары* – Балкарские горы, город Алания, местность *Алан-дере* и пр.).

Крест – известнейший солярный символ. В кар.-балк. яз. слово *къач* имеет несколько значений: «убегать; крест; образ, икона; честь, уважение». Сохранилась старинная божба: «*Ма бу жарыкъ кюнню къачы бла ант этеме!*» - «Клянусь образом вот этого светлого солнца!». Устойчивое *кюн къачы* означает «образ солнца», «честь солнца», и – «крест солнца». Напомню, что между рогов оленя Евстафий увидел лик Христа (солнечный). Возможно, св. Евстафий был тюрком, воином-наемником, вначале относившимся к христианам враждебно. История его обращения, вероятно, имела хождение на тюркском, а затем была переведена на греческий.

К числу сюжетов, могущих получить свое объяснение на основе нартских сказаний, Кузнецов относит и изображение на золоченой бронзовой пластинке, одном из украшений седла, найденного в Змейском катакомбном могильнике: «летающая птица с когтистыми лапами и хищным клювом, в котором она несет ветвь с тремя круглыми плодами, похожими на яблоки» (Кузнецов, 1980, с. 121). (Последнее утверждение весьма спорно; изображена ветвь с тремя отростками и кружочками или шариками на концах. Птица также не весьма похожа на хищную и скорее напоминает гусыню или лебедь; см. ниже).

Этот рисунок археолог сопоставляет с эпизодом из осет. эпоса: у нартвов было дерево, на котором ежегодно, в одну из ночей, созревали три волшебных яблока (или одно, но созревавшее каждую ночь), которые на заре исчезали. Но какие-то три птицы повадились прилетать в сад и уносить плоды. Тогда нарт Ахсартаг подкараулил и ранил одну из них, по кровавому следу пришел к морю и опустил на его дно. Похитительницей оказалась красавица Дзерасса, на которой и женился Ахсартаг. Изображение на пластинке Кузнецов считает иллюстрацией к сказанию (Кузнецов, 1980, с. 122).

Но это только предположение; кроме того, сюжет о похищении птиц (или птицами) яблок из волшебного сада встречается у множества народов и во множестве фольклорных произведений. Нужна более основательная опора, и ее мы снова находим в кар.-балк. мифологии и языке.

Из книги В. А. Кузнецова (1980)

Речь идет о мифе, действие которого происходит не в море, а на небе (тюрк. *тенгир* «небо, небесный», *тенгиз* «море, морской»), и о небесном, мировом, древе, золотыми плодами которого представлялись звезды; эти «золотые яблоки» зрели ночью, а наутро, с появлением жар-птицы (солнца) исчезали. Почему дерево – нартское? Кар.-балк. *нарт терек* «солнечное дерево» было принято народом, с появлением производного *нарт* «нарт, нартское», за *нарт терек* – «нартское дерево». Причина появления в осет. сказании трех птиц проста: тюрк. *уч* означает «лететь, летать» - и число «три»; этим же объясняется количество яблок. Неслучайно о двух других птицах в тексте ничего не говорится; да и на пластинке изображена только одна птица (*кун* – «солнце; лебедь»). Герой Ахсартаг нашел деву-лебедь (одну) не на морском дне, а в небе.

Почему девушки обращались в птиц? Частично на этот вопрос мы ответили – действие происходит в небесном саду. Ср. кар.-балк. *къыз* «девушка» (восх. к *къаз* или *къуз*) и *къуш*, *къус* «орел; птица». Птица на изображении больше напоминает гусыню или лебедь: ср. общетюрк. *кун*, *гун*, *къуу*, *гуу* – «лебедь, лебединый», *кун*, *гун*, *гюн*, *кюн* – «солнце, солнечный». Но в кар.-балк. яз. лебедь имеет еще одно название – *къанкъаз*, что можно понять и перевести по-разному – «речной гусь» или «царский гусь» (*хан къаз*), что очень напоминает и *хан къаз* «царская дочь» (отсюда и «царевны-лебеди» русского фольклора); *кун къыз* «солнечная девушка» - *гунн къыз* «гуннская девушка». Ср. также *къанкъаз* «лебедь» и *къан ыз* «кровавый след» (по которому Ахсартаг отыскал жилище красавицы).

4. Почему яблоки нельзя было брать? Общетюрк. *алма* – «яблоко», но это же слово, при переносе ударения на первый слог, имеет другое значение – «не бери»; *алам* – «космос». Кроме того, в одном из вариантов сказания плоды из сада Буруна-Богача похищает не птица, а олень, почему-то скрывающийся от ранивших и преследующих его братьев в море; она оказывается прекрасной девицей. Ср. кар.-балк. *сакъ* «чутко, настороже, чуткий», *сакъла* «сторожить, караулить, выжидать» - и осет. *саг* «олень»; кар.-балк. *марал* «самка оленя» - но *мара* «целиться, высматривать» и т. п.

«В одной из своих статей Е. Г. Пчелина упоминает фантастических коней с рыбьим хвостом, - пишет В. А. Кузнецов. – Мне обнаружить их в текстах (осет. сказаний. – М. Дж.) не удалось». Но почему? Может быть, они там и не упоминались? Однако Кузнецов продолжает: «...что, конечно не является доказательством недостоверности сведений Е. Г. Пчелиной» (Кузнецов, 1980, с. 31). Как же не является? Если автор этих строк напишет, что в кар.-балк. эпосе упоминаются кони с собачьими лапами, а читатель таких

упоминаний там не обнаружит, что он должен подумать? Что утверждения автора являются образцом достоверности?

Не нашли упоминаний о таких конях в осет. сказаниях и мы. В. А. Кузнецов ссылался на работу Е. Г. Пчелиной, изданную в 1945 году. Но в 1986 году она опубликовала небольшую статью (на ту же тему), которая называлась «Аертаекъахыг – осетинский мифологический конь», где сказано: «В осетинском фольклоре вообще, и в нартовском эпосе в частности, много говорится о трехногом коне (по-осетински – аертаекъахыг). Этот конь, носивший, по сказаниям, имя «Авсург», «Арфан» и др., имел две передние ноги, а сзади рыбий или змеиный хвост. Вместо эпитета «аертаекъахыг» в осетинском фольклоре иногда говорится «къуылых» - «хромой» (вследствие непонятности для сказителей XIX в. слова «трехногий» применительно к коню. – Ред.)». В ссылке указано, что два сказания, в которых упоминаются такие кони («Урызмага последний поход» и «Сатана и Борагановская девица»), были записаны и опубликованы В. И. Абаевым. Но странное дело – о трехногом коне в этих текстах нет ни единого слова! Добавим, что в двух имеющихся у меня изданиях осетинского эпоса я не нашел и термина *аертаекъахыг*, даже в примечаниях. Но пусть так.

По мнению Е. Г. Пчелиной, такой конь принадлежал небожителю Уастырджи и обладал способностью к перевоплощению, и у него, по мере надобности, «вырастали то огромные крылья, то рыбий хвост, или и то и другое одновременно». «Крылья нужны были Уастырджи для полета в небо, а рыбий хвост для переплывания моря». Конь мог иметь вид худой клячи, которая внезапно превращалась одновременно в прекрасного скакуна. Все это очень хорошо, но в каких текстах из осет. эпоса говорится о подобных превращениях? В них, конечно, упоминаются богатырские кони, которые летали и могли одним прыжком достигнуть неба. Но не об *аертаекъахыг*. Всеми свойствами, которые перечисляет Е. Г. Пчелина, обладал, по кар.-балк. эпосу, вещий конь Гемуда, перешедший от бога-кузнеца Золотого Дебета к его сыну Алаугану, а от него к Карашауаю, внуку Дебета. И об этом коне в кар.-балк. эпосе говорится часто и весьма подробно, ему посвящена отдельная большая песня.

Во время раскопок Е. Г. Пчелиной в Южной Осетии «была найдена фибула в виде крылатого коня, задние ноги которого заменены рыбьим хвостом». «Описание такого коня, - пишет Е. Г. Пчелина, - имеется в нартовском сказании «Генджакешауай»; с боков у него (коня) поднимаются огромные крылья, а вместо лошадиного хвоста извивается длинный рыбий хвост». Но исследовательница забыла упомянуть (хотя бы) о том, что это сказание не осетинское, а карачаево-балкарское и было записано А. Н. Дьячковым-Тарасовым в Карачае, в 1898 году.

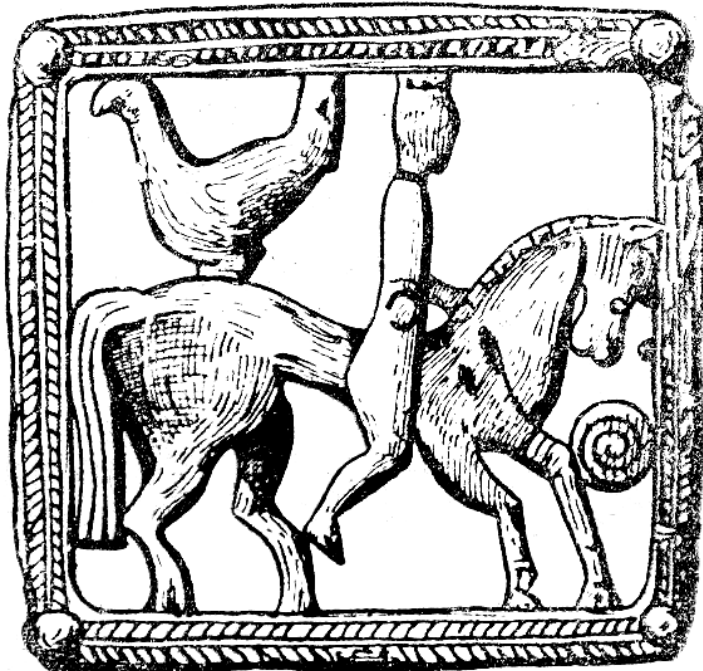
Далее, разумеется, в статье Е. Г. Пчелиной следует нужный вывод: «Все это дает возможность судить о сущности «аертаекъахыг»-а - божественного коня осетин» и его связи с солнцем, землей и водой. По мнению археолога, его образ восходит к глубокой древности, когда человеческое мышление воспринимало мироздание в виде трех сфер: небо – земля – море, а впоследствии «конь выражал собою солярную сущность, являясь как бы земным воплощением бога солнца» (поскольку якобы принадлежал Уастырджи). - (Новые материалы..., Ордж. 1986, с. 45-48).

Если верить Е. Г. Пчелиной, образ возник из философских размышлений неких древних сказителей, с чем согласиться трудно. Конечно, этот волшебный конь, животное полиморфное, символизирует власть над тремя стихиями – землей, водой, воздухом. Таков в кар.-балк. эпосе конь Гемуда: живет в подземелье, питается рудой и железными опилками, части его тела – из разных металлов, в море он дышит жабрами, летает по поднебесью, творит ландшафт Кавказа, может превращаться то в лихого скакуна, то в вислоухую клячу, обладает речью и мудростью, является советчиком Алаугана и

Карашауа - но не первого его владельца, кузнеца Дебета, так как его образ сам является трансформацией образа тотема-коня: Дебет трудится в кузнице-пещере, может есть железо, ногти у него медные, а руки – железные, он дает советы и наставления Алаугану и Карашауаю и снабжает нартов орудиями труда и оружием.

И дело не только в этом, но и в игре кар.-балк. слов, и в народной этимологии. Почему волшебный конь (и не только у осетин) имеет три ноги? Тюркское *уч, уц, юч* означает «три», и «летать»; *учаякъ* означает «трехногий», но это же слово можно перевести и как «с летящими ногами». *Чабакъ* - «рыба», но термин можно понять и как «резвый», если узреть в первой части *чаб* «бежать, скакать», а во второй - продуктивный аффикс *акъ*. «Конь» - *ат*, но это же слово означает «вставать» (о рассвете). *Тенгир* (совр. *тейри*) «небо, небесный» - *тенгиз* «море, морской». *Къуш* «орел; птица» - *куш, кюч* «сила, сильный».

В. А. Кузнецов говорит и о другом полиморфном животном, которое упоминается в одном из осет. сказаний – олень-рыбе. Это, как было показано выше, калька с кар.-балк. названия сома – *буубалыкъ* букв. «олень-рыба», от *бугъбалыкъ*, откуда совр. *бугъа балыкъ* «бык-рыба», откуда и мифологическое существо – *суу ёгюзю* «бык реки», рев которого люди якобы слышат перед наводнением (см. Джуртубаев, 1991). Название быка имело разные варианты – *букъ, бугъа, богъа*, олень именуется *буу* (восходит к *букъ*; самка - *марал*).

Из книги В. А. Кузнецова (1980)

Представляет интерес и изображение на пряжке, найденной на раскопках в Южной Осетии. «В квадратной рамке помещен конь с всадником. На крупе коня сидит птица, а перед конем и вплотную к нему расположен какой-то круглый предмет с изображением спирали – скорее всего солярный символ». «В этой несложной сцене Е. Г. Пчелина увидела отражение древнего осетинского обряда «посвящения коня» покойному»; по ее мнению, изображение всадника иллюстрирует путешествие в страну мертвых в сопровождении птицы – ласточки «*нарты Зарватык*» и солнца мертвых, освещающего путь». В прежние времена перед носилками с мертвецом в Осетии катили большой круглый хлеб, называемый *Соти*, который символизировал «солнце мертвых» (Кузнецов,

1980, с. 37).

Согласиться с таким толкованием мешает следующее: крупное пернатое на изображении похоже на какую угодно птицу – орла, курицу, петуха, гуся – но не на ласточку, и повернуто в сторону, противоположную тому направлению, в котором движутся конь и всадник. Без особой уверенности можно интерпретировать изображение на пряжке, как читаемую (по методу ребуса) на кар.-балк. языке: ср. *къанатлы* «крылатый; пернатое; птица» - *хан атлы* «знатный всадник»; *мет (бет)* «спираль; металлическая подвеска мужского пояса» - *бет* «лицо; совесть, честь, почет». Изображение на пряжке, возможно, указывало на высокое положение ее владельца в обществе.

Крайне оригинален в книге Ю. А. Дзиццойты анализ данных осет. эпоса о горе, на которой жили великаны-уаиги. Обычно она именуется *Саухох* «Черная гора». Б. А. Алборов располагал ее по склону Кавказского хребта (в Осетии есть гора *Саухох*), но Дзиццойты считает, что речь идет о мифической вершине, и, если она и восходит к образу какой-то реальной горы, то о ней практически ничего не известно. Исследователь отождествляет ее с со священными горами древнеиран. и древнеинд. мифологий – *Хара Березайти* и *Меру*, а также - с Рипейскими и Гиперборейскими горами, упоминаемыми в античных источниках. Все они считались расположенными далеко на севере, где царили мрак и холод. Полагая, что эти представления - общеарийские, Дзиццойты присоединяется к мнению С. Жарниковой, сопоставившей священные горы с Северными Увалами, объединенными в единую систему с Северным Уралом.

Великаны в осет. эпосе иногда связываются с покровителем холода и стужи, которого зовут *Кар* - ср. кар.-балк. *къар* «снег, снежный» (но Дзиццойты указывает грузин. *кари* «ветер»), его спутника зовут *Каераеф* (ср. кар.-балк. *къар алф* – «снежный великан», вероятно, это олицетворение горы Эльбрус). Они оба насылают на нартов стужу. По одному из сказаний, *Кар* является отцом великана Мукары см. выше); у этого уаига почему-то золотые волосы (ср. кар.-балк. поэтизм *алтынбаиш* «златоглавая» - о вершине горы Эльбрус), он считается «князем скал», и, кроме того, является привратником семи золотых ворот рая, из чего Дзиццойты почему-то заключает, что великан «имеет прямое отношение к холодному северному ветру». Связь Мукары с золотом автор объясняет, напомнив о золоте, которое охраняли грифы в северных горах, за Скифией (Геродот, IV, 27).

С этими грифами Ю. А. Дзиццойты сопоставляет также образ *Кандзаргаса*, «царя ваюгов Черной горы», крылатого чудовища, который похитил одного из нартов и сделал его своим табунщиком. «Пристрастие царя ваюгов к лошадям не совсем понятно, так как он передвигался благодаря своим крыльям. Возможно, кони приносились ему в жертву». Здесь автор ссылается на интерпретацию Д. С. Раевским сюжета, изображенного в нижней части знаменитой скифской пекторали (грифоны, терзающие лошадей): «В схолиях Сервия Гонората (IV в. н. э.) к «Буколикам» Вергилия сообщается, что грипы (грифы) – род животных (львы с орлиной головой и крыльями), которые водятся в Гиперборейских горах и «очень враждебны лошадям», - писал Д. С. Раевский. И, далее: «...животные, терзаемые в нижнем регистре (пекторали. – М. Дж.), погибают для того, чтобы произошел акт рождения, воплощенный в образах верхнего регистра» Дзиццойты, с. 210).

Но, так как в осет. эпосе «нет указаний на то, что Кандзаргас терзал лошадей», что позволило бы более уверенно говорить о связи этого образа с «античными грифами», Ю. А. Дзиццойты ищет другое решение. В великанском царстве Кандзаргаса были три брата-ваюга (в других сказаниях их четыре, «они неточно называются нартами» и живут на

вершине горы Уаза). Братьев зовут весьма показательно – *Аефсадаег* «Насытител», *Харахсей* и *Аефсамбит*; в другом варианте – *Аефсанбид*, *Маргъузе*, *Къаераесе* и *Аефсадаег* (он был табунщиком), в третьем – *Аефсадаег*, *Къаераесе*, *Саубараег* «черный всадник» и *Аефсаенбид*. Последнее имя (есть во всех вариантах) Ю. А. Дзицойты считает состоящим из *Аефсаег*, от иран. *аспака* «лошадь», и древнеинд. *бхид* «отделять, ломать, разбивать, рвать», в целом – «Рвущий (терзающий) лошадей», и делает вывод: «Независимо от правильности (? – М. Дж.) предложенной этимологии, связь ваюгов с лошадьми (*Аефсадаег* – табунщик) и в данном случае показательна сама по себе. Как бы то ни было, связь Кандзаргаса со скифскими грифонами (грифами) не вызывает у нас сомнений» (Дзицойты, с. 211-212).

Зато эта связь вызывает сомнения у нас. По следующим причинам:

1. В осет. яз. нет слова *аефсаег* «лошадь», а есть *ефс* «кобыла». Если же произвольно соединять иран. и древнеинд. слова, можно объяснить, все что угодно и как угодно, получая, «как бы там ни было», нужный результат «независимо от правильности». Кроме того, осет. *аефсад* - «войско».

2. Но, допустим, этимология Дзицойты верна. Что же, по его мнению, означают другие имена? *Аефсадаег* – «насытител»; *Маргъузе* – это явно имя нарта Маргудза Безносого из страны *Малкъ* (Балкарии, Малкъар; сам же Дзицойты говорит, что в других сказаниях братьев-великанов «неправильно» называют нартами), объяснения имени нет; для *Харахсей* (*Къаераесе*) он указывает груз. *кари* «ветер» и имя осет. повелителя холода *Кар* (на осет. яз. не имеющее объяснения), и др.иран. *хшай* «сиять, властвовать», следовательно, - «повелитель ветров» (или, если видеть в теониме кар.-балк. *къар* «снег» - «повелитель снегов»). Но Дзицойты говорит и другое: «Имя ваюга *Харахсей*, замененное в двух последних вариантах на *Къаераесе*», «нарицательно означает «карачаевец»; *Саубараг* – «черный всадник» (Дзицойты, с. 211-212). Получается весьма странный ряд: осет. «Насытител»; осет. «Черный всадник»; то ли грузино-иран. «Повелитель ветров», то ли кар.-балк.-иран. «Повелитель снегов», то ли осет. «карачаевец»; необъяснимое *Маргъузе* (из Балкарии); и ирано-инд. «Разрывающий лошадей».

На наш взгляд, речь здесь идет о разных персонажах, образах и этнонимах, случайно совместившихся в тексте по воле сказителя. О нарте Маргузе говорится, что он был родом из страны *Малкъ*, в котором нетрудно увидеть название соседнего с Осетией балкарского общества – *Къара Малкъар*, в котором присутствует слово *къара* «черная; большая». Здесь же – этноним «карачаевец» - *къаерасе*. Но, следует сказать, что возможно и другое толкование. *Къаерасе* может оказаться именем нарта Къарашауая, а *Саубараг* «черный всадник» - путаным переводом его имени: кар.-балк. *къара* «черный» – осет. *сау* «черный», кар.-балк. *шауай* «торговец лошадьми», *атбаракъ* «любитель коней, лошади» - осет. *бараг* «всадник».

Четыре брата-коневода живут на вершине Уаза (как мы выяснили, оно от одного из кар.-балк. названий Эльбруса – *Ууас Къабакъ* «Святые Врата»). *Аефсанбид* никакого отношения к разрыванию лошадей не имеет, это искаженное кар.-балк. *ахшам бет* «сумеречный (вечерний) склон» - т. е. склон Эльбруса, обращенный на запад, в Карачай. В кар.-балк. эпосе упоминается великан *Кючсадакъ* («туголукий»), живущий в пещере; на его дочери, пройдя испытание, женился нарт Алауган (отец Карашауая). Отсюда, вероятно, и имя *Аефсадаег* в осет. эпосе, от кар.-балк. *Алфсадакъ* «(имеющий) богатырский лук». Речь в сказании явно идет о западных соседях осетин.

Толкование скифского сюжета у Д. С. Раевского, конечно, весьма интересное и научное. Но - неправильное, так как не объясняет, почему для «рождения лошадей» в верхнем регистре пекторали других коней должны терзать грифы в регистре нижнем, зачем и кому нужно воскрешать этих лошадей, и почему именно лошадям, а не быкам или

баранам враждебны именно грифы, а не, скажем, львы или волки. На наш взгляд, древний мастер опирался на толкование кар.-балк. названия орла-ягнятника – *жылкычы къуи* букв. «орел-лошадник» или «орел-табунщик», т. е. «питающийся конями» (слово *жылкы* имеет два значения – «табун», «лошадь», ср. название щавеля – *жылкыкъулакъ* «лошадиное ухо»). На самом деле название орла-ягнятника происходит не от *жылкы* «конь», а от глагола *жулкъ* «рвать, вырывать, терзать», и потому звучало как *жулкъуучу* «рвущий, терзающий» (закономерно стянувшимся в *жулкъучу*, а из него в *жылкычы*, вероятно, еще в скифские времена). К сожалению, мы не можем остановиться на идентификации Рипейских и Гиперборейских гор античных авторов – это потребовало бы слишком много времени и места, не имея при этом прямого отношения к нашей теме.

Подведем некоторые итоги. За период в полтора столетия, в течении которого иранисты изучали осет. эпос, ими были достигнуты впечатляющие результаты, но доложить о них «научной общественности» они почему-то не пожелали. Итак, в академическом издании 1989 г. перечислены следующие главные герои больших циклов осет. эпоса: Урызмаг, Сатана, Хамыц, Сослан (Созырыко), Сырдон, Батраз, Ацамаз; затем следуют герои малых циклов: Айсана, Крым-Солтан, Тотрадз, Арахцау, Субалци, Сауай.

Из этих 14 имен иранисты объяснили на основе иранских два, и оба неверно: Урызмаг («дикий кабан») и Сырдон («зверь»).

Хамыц и Батраз – из монгольского.

Сослан, Крым-Солтан, Субалци – из тюркского.

Созырыко, Сауай – из кабардинского.

Сатана, Ацамаз, Айсана, Тотрадз, Арахцау – неясно.

Если же взять список из 60 имен, подвергшихся анализу в нашей книге, то на основе иранских языков осетиноведы разъяснили (правда, с грехом пополам), еще 7 имен второстепенных и третьестепенных персонажей: Уархаг, Ахсар, Ахсартаг, Бурафарныг, Алаг, Курдалагон, Кафты-сар. Получается, что в осет. эпосе, благодаря многолетним усилиям иранистов, выявлено всего-навсего 9 иранских имен, тогда как монгольских – полтора десятка (Дзерасса, Кандзаргас, Маргудз и пр.). А есть еще масса тюркские имена третьестепенных персонажей – Тогус-алдар, Азаухан, Кобор, Азаухан, Мисирхан, Къызмыда, Ауар (Ауархан?), Табылдак, Карамаг, Телберд, Кармагон и др. Примечательно, что количество тюркских этнонимов, топонимов, оронимов и гидронимов намного превышает количество иранских, прибавьте к ним огромное количество прочих тюркских элементов, и придется признать, что перед вами «тюрко-монгольский» эпос.

Упоминая о том, что В. И. Абаев допускал возможность очень ранних контактов между сарматами и тюрками в районе Поволжья, Ю. А. Дзицойты пишет: «Контакты между тюрками и предками осетин продолжились затем на Кавказе и не прекращались практически до наших дней. Из всех этносов, с которыми контактировали нарты (это, по убеждению автора, эпический псевдоним предков осетин. – М. Дж.), тюрки оставили самый заметный след в нартиаде» (Дзицойты, с. 183). Еще бы не оставить, если они, в лице предков карачаево-балкаро-дигорцев, и являлись ее создателями, о чем яснее всего свидетельствует именно осетинский эпос. Если вы с таким выводом несогласны, прочтите эту главу еще раз.

ГЛАВА XII. НОВЫЕ ВРЕМЕНА

АНАХРОНИЗМЫ

Всеми силами пытаюсь избавить теорию, утверждающую иранство скифо-сарматских

племен, от противоречий, изобретательные иранисты придумали несколько специфических объяснений – переносы (этнонимов, зоонимов), обмены (например, двадцатичного счета на десятичный), окрещение тюркских имен, терминов и топонимов «монгольскими» или, на худой конец, «тюрко-монгольскими», и т. п. Если же в письменном источнике какой-то народ вдруг упоминается не там или не тогда, где ему положено находиться согласно решению академической науки, ученые тут же объявляют это случаем анахронизма. Или говорят, что древний автор имел в виду совсем другой народ, или перепутал. Отличным примером такого обращения с «неправильными» фактами может послужить небольшая статья С. Н. Малахова, специалиста известного и высококвалифицированного. В предисловии В. Х. Тменова к сборнику, в котором эта работа опубликована, говорится: «В последнее время появилось немало желающих ревизовать положения Г.-Ю. Клапрота, В. Ф. Миллера, В. И. Абаева и многих других специалистов об ираноязычности алан, их роли в этногенезе осетин и т. д.» (жаль, что эти кознодеи не перечислены поименно). И, далее: «В статье С. Н. Малахова «Еще раз о «печенежском» происхождении ясов в древнерусском переводе Иосифа Флавия» дается достойный отпор подобным инсинуациям» («Проблемы этнографии осетин», вып. 2, с. 6).

О чем идет речь? В седьмой книге «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия (I в. н. э.) есть упоминание об аланах, живущих возле Меотиды и Танаиса. В XI или в XII в. труд Иосифа был переведен на древнерусский язык. С. Н. Малахов пишет: «Стремясь приблизить к пониманию своих современников античную этнонимику Северного Причерноморья, переводчик название «аланы» дает через термин «ясы»: «Язык же ясеский ведомо есть, яко от печениженска рода родися, живуще подле Тана и Меотского моря», «поскольку алан на Руси предпочитали называть ясами». Нехорошо, конечно, поступил переводчик, но факт остается фактом: по его мнению, народ (язык) ясов-алан происходит от печенегов. Все, казалось бы, ясно. Иранисты могли бы не обращать внимания на подобный нонсенс, но: «Проблема заключается в другом: в последнее время в ряде работ (имеются в виду труды А. М. Байрамкулова, И. М. Мизиева и др. – М. Дж.) настойчиво отстаивается мнение о тюркоязычности ясов (асов), а в подтверждение этих догадок приводится указанная глосса древнерусского переводчика Иосифа Флавия. Если читать этот фрагмент, не учитывая контекста, то действительно получается, что ясы происходят от печенегов».

Оказывается также, что уже за тридцать лет до появления работ И. М. Мизиева того же мнения придерживался и другой автор: «Примерно так можно понять и комментарий Н. А. Мещерского к этому месту: «Замечательна глосса переводчика, связывающая происхождение аланов, название которых в греческом (так в тексте. – М. Дж.), с известными в древней Руси ясами и печенегами». Но и это еще не все. С безымянным древнерусским переводчиком Флавия бездумно солидаризировался и его современник, причем великий ученый, о чем с прискорбием и сообщает С. Н. Малахов: «А если еще привести сообщение ал-Бируни, который в XI в. писал об аланах Сарыкамышя: «...они – род аланов и асов, и язык их теперь составлен из хорезмийского и печенежского», то перед исследователем может предстать картина почти полной (? – М. Дж.) тюркизации алан-ясов-асов или, по крайней мере, части их».

Да нет, не тюркизации, а изначальной тюркоязычности, скажем мы. Потому что никто и никогда, ни один античный или средневековый автор не говорил, что язык алан – иранский или что он сходствует с каким-то иранским наречием. И следовало бы С. Н. Малахову подумать о том, почему и древнерусский переводчик, и хорезмийский ученый связывают алан и их язык именно с печенегами, а не с другим племенем, «на североиранцев более похожим».

Но и это тоже еще не все. Потому что в III в. Юстин сообщает о парфах (парфянах):

«Язык у них – средний между скифским и мидийским, помесь того и другого» (Мизиев, 1986, с. 61). Вывод И. М. Мизиева был прост: если мидийский – это иранский (в чем никто не сомневается), то скифский должен быть иным, не-иранским – нельзя же назвать однородную речь «помесью». И вряд ли уже в те времена иранские языки настолько разошлись между собой, что Юстин посчитал бы мидийский и скифский разными. Заметим, что и у него, и у Бируни говорится о населении территорий, где издавна соприкасались иранцы и тюрки.

Далее С. Н. Малахов продолжает рисовать воображаемый им процесс фатальной «тюркизации» несчастных алан: «Тем более, что донские аланы, с которыми в первую очередь сталкивалось южнорусское население, поселились в верховьях Северного Донца, Оскола и Дона в середине VIII в. и, возможно, к X-XI вв. перешли на тюркский язык (но почему? – М. Дж.). В пользу этого, по мнению С. А. Плетневой, свидетельствуют тюркские рунические надписи на стенах Маяцкого городища, расположенного в области распространения типичных аланских памятников, судя по керамике и погребальному обряду. Действительно, нельзя исключать того, что этнические группы алан, оставшиеся в Восточном Прикаспии, вполне могли испытать (? – М. Дж.) тюркизацию и перейти на двуязычие к XI в., как и аланы Подонья, оторванные от своего основного северокавказского этнического массива печенежскими, а затем половецкими вежами».

Почему тюркские племена, на протяжении тысячелетия вереницей тянувшиеся через огромную территорию, издавна населенную «североиранцами», не подвергались иранизации, С. Н. Малахов, конечно же, не говорит. Но следовало подумать и над другим вопросом. Если аланы Восточного Прикаспия стали двуязычными («язык их **теперь** составлен из хорезмийского и печенежского»), то какой же из них был для них родным, первичным? Хорезмийский? Тогда почему хорезмиец ал-Бируни не говорит об этом? Нет, его сообщение совершенно недвусмысленно: аланы говорили на печенежском, потом к ним пришли, спасаясь от наводнения, некие хорезмийцы, смешались с ними, и народ стал говорить на смешанном, печенежско-хорезмийском. Остальное у Малахова представляет собой цепь предположений: возможно, донские аланы перешли к VIII-X вв. на тюркско-иранское двуязычие (не иначе, как в знак солидарности со своими восточными братьями); возможно, они еще и в XI в. называли себя ясами; возможно, древнерусский переводчик Флавия знал этих алан; возможно, он называл их ясами.

Но, кроме того, есть и другие простые вопросы. Почему из всего конгломерата «североиранских кочевников» в Восточной Европе уцелели от повальной тюркизации одни лишь аланы? (Наверное, они понравились им больше всех – пишет же Аммиан Марцеллин, что «аланы во всем подобны гуннам»). И если сей пагубный процесс задел алан в Прикаспии и на Дону по причине того, что они оторвались от основного аланского массива на Северном Кавказе, то почему в XIII в. ал-Гарнати сообщал: «Из кавказских народов самым западным был народ каса, далее к востоку жили азкеши, абхазы и аланы. Все они были христианами; кроме абхазов, все считались тюрками»? Почему в XIV в. арабский географ Абульфеда говорит о городе Алан на берегу моря: «Этот город назван так по имени народа Алан, который его населяет; аланы – суть тюрки, которые приняли христианство. Аланы в большом количестве обосновались в этой стране, также как к западу от Ворот Ворот (Дербента. – И. М.). Поблизости живет народ тюркской расы по имени Асы» (Мизиев, 1990, с. 112)? Это уже не просто ревизия положений Клапрота, Миллера и Абаева – это уже смахивает на заговор, корни которого уходят в глубокую древность.

Но когда же эти аланы, которых Малахов считает их «основным массивом» (от Абхазии до Дагестана) успели тюркизироваться и под чьим влиянием? Почему тюркизации не подверглись адыги, управляемые тюркской знатью (кабарской и

черкесской), являясь потом еще и данниками Крымского ханства и живя рядом с ногайцами? Как избежали ассимиляции предки украинцев, грузин, армян, народов Дагестана, жившие в предгорьях? Получается, что исчезли с лица земли только скифо-сармато-саки, одна из самых больших и сильных этнических общностей на планете. Но иранисты на замечают абсурдности своей теории, поскольку живут внутри нее.

И, наконец, С. Н. Малахов переходит к выяснению контекста, в котором следует читать inferнальную фразу древнерусского переводчика (о чем не догадались ни Мещерский, ни Мизиев): «Но можно ли свидетельство Иосифа Флавия, а точнее маргиналию его древнерусского интерпретатора, о том, что ясы произошли от «печениженьска рода», использовать в качестве доказательства гипотетической тюркоязычности алан? Думается, что нет, несмотря даже на косвенные аргументы восточных памятников и данных археологии в пользу тюркской «теории». Конечно, такие пустяки во внимание принимать не следует. Не подкрепляется источниками, по мнению Малахова, и попытка объяснить родство двух народов тем, что «в связи с политической обстановкой X-XI вв., ясы (аланы) могли выступать в одном союзе с печенегами против Руси» (как **предполагал** В. Н. Каминский).

По какой же причине древнерусский переводчик Флавия написал такую антинаучную фразу? С. Н. Малахов пишет: «Глосса носит разъяснительный характер и вряд ли была навеяна политическим противоборством Руси и Степи. Она не имеет прямого соответствия в греческом тексте (Флавия. – М. Дж.), но явно исходит от «избытка» филологической образованности переводчика. Характер ученой деятельности средневекового книжника мало способствовал познанию окружающего мира, тому же ознакомлению с тонкостями этноязыкового процесса в степях Подонья и Приазовья».

Характер ученых занятий самого Малахова, очевидно, сильно способствует познанию мира и даже знанию тонкостей этноязыкового процесса в означенных степях, протекавшего десять веков назад; но заметим, что этот книжник, предположительно плохо понимавший окружающий мир, был современником печенегов и алан – а это преимущество немалое. Кроме того, книжник книжнику рознь; поэтому думать, что этот переводчик от своего рождения до момента написания неправильной фразы за ворота монастыря и носа не высунул, мы не можем, как не можем знать, откуда С. Н. Малахову стала известна его биография.

Но пусть даже так, и все дело в предполагаемой затворнической психологии переводчика и его предполагаемом желании мимоходом блеснуть «филологической образованностью» (чтобы его назначили ведущим научным сотрудником монастыря?). Но почему этот книжник говорит о печенежском происхождении ясов – разве больше произвести их было не от кого? Если он, согласно Малахову, страдал «избытком» филологической образованности, то почему не возвел их родословие, например, к сарматам или к массагетам? Или это казалось ему слишком банальным? Но тут есть и другие подводные течения, и Малахов буквально «зрит сквозь столетия». Оказывается, недогадливые авторы, подобные Мещерскому и Мизиеву, не учитывали, что у Флавия «аланы рассматриваются как часть «европейских скифов»: «По латинским памятникам XIII в., «первой частью» Скифии считалась Алания: территория от Меотийских озер до Дакии. Иногда эти земли называли Западной Аланией, в отличие от Верхней Алании, размещавшейся от Дона до Волги и Каспия».

В этом и видит С. Н. Малахов вторую причину появления неприятной фразы переводчика: «В исторических произведениях и хрониках византийских авторов под этником «скифы» при описании событий V-VII вв. выступали гунны, кутригуры, утигуры, оногуры, тюрки, VII-X вв. – авары и хазары, X-XII вв. – узы, венгры и печенеги. Особенностью этногеографического восприятия византийцами Северного

Причерноморья, как известно, было стремление архаизировать (зачем? – М. Дж.) этнонимную номенклатуру обитавших здесь народов».

Для такого квалифицированного автора, как С. Н. Малахов, это объяснение изумительно по своей нелепости; но беда в том, что оно встречается во множестве и других книг и статей: скифы, как считают академисты, исчезли еще в III в. н. э., но византийцы, которые появились, как имперский народ, спустя столетие, продолжали именовать многие степные племена «скифами», и эта традиция якобы нерушимо соблюдалась у них на протяжении целого тысячелетия (!); даже ближайших своих соседей, гуннов и авар, которым они два века платили дань, византийцы все равно часто называли так же. Но ученые объясняют это не тем, что слово «скиф» означало у византийских греков примерно то же, что и современное общее именование родственных народов, типа «тюрок» или «скандинав»; нет, оказывается, у византийцев было маниакальное стремление «архаизировать этнонимную номенклатуру» народов Северного Причерноморья. Жаль, что историк-фрейдист не сказал, имелось ли у греков подобное стремление в отношении народов, населявших другие регионы, а если нет, то почему. Может быть, византийцы именовали римлян этрусками (расенами)? Тысяча лет – это огромный период времени, и трудно себе представить, какие грандиозные изменения могут произойти за столь долгий срок. И какими бы косными людьми ни были бы византийские историки, они должны были знать, как называются новые народы, которые на глазах у них сменили прежних «ираноязычных скифо-сарматов».

Но сеанс ясновидения продолжается: «В противовес (? – М. Дж.) византийской традиции, древнерусский переводчик, наоборот, намеренно актуализирует античную этнонимику и дает читателям такие названия древних народностей, которые были бы эквивалентны (? – М. Дж.) племенным союзам, обосновавшимся на юге Восточной Европы в XI в. Характерно, что в переводе хроники Георгия Амартола *Савдаи* греческого текста были переданы как «козары» (избытком чего страдал этот переводчик, Малахов не говорит. – М. Дж.), а замена «скифов» на «печенегов» у Иосифа Флавия, согласно В. М. Истрину, произошла «под большим впечатлением действительности».

И опять С. Н. Малахов оставляет читателей в недоумении: по неведомой причине у византийцев появилось стремление и возникла «традиция архаизирования этнонимики», и неведомо по какой причине древнерусский переводчик (плохо знавший окружающий мир) намеренно пошел ей поперек, заменив древний этноним современным ему: как догадался В. М. Истрин – «под большим впечатлением действительности» (византийцы, поступавшие наоборот, подобной впечатлительностью, видать, не отличались).

Далее С. Н. Малахов приводит краткий список непонятливых византийских писателей, которые бездумно именовали «скифами» тюрок:

«Иоанн Скилица (конец XI в.) полагал, что печенеги не только часть скифов, но и началом своим восходят к так называемым «царственным скифам».

«Для историка Михаила Атталиата название «скифы» было книжным, а простонародным, широко употреблявшимся – «печенеги».

«В XI–XII вв. этникины «скифы» и «печенеги» в византийских памятниках были взаимозаменяемыми» (т. е. исчезнувшие в III в. скифы на протяжении тысячелетия упорно продолжали существовать в сознании косных византийских авторов).

Напомним также, что Приск Панийский (V в.) именовал «царскими скифами» гуннов.

А вот вам и премудрое заключение Малахова: «Как итог (? – М. Дж.), появляется уникальная глосса, в которой странным образом отмечается происхождение ираноязычных (о чем византийцы и русские даже не подозревали. – М. Дж.) алан от тюркоязычных печенегов. Но средневековый автор не видит в этом алогизма (разве понятие о языковых семьях и группах существовало уже тогда? – М. Дж.). Если аланы

являлись частью скифов, а «скифами» в византийской литературе именовали печенегов, то в соответствии с логикой «скифского» этногенеза и расселения алан вполне допустимо говорить о «печенежском» происхождении ясов-алан».

Концы с концами у иранистов опять не сходятся, в тысячный раз. Каноническая версия истории утверждает, что скифы исчезли в III в. (их вроде бы перебили свирепые сарматы); что последнее их государственное образование с центром в Крыму «было сметено готами» во второй половине III в. (История СССР, с. 225); что имя скифов на страницах истории сменилось другими «иранскими» этнонимами – сарматы и аланы. Откуда все это известно? Из трудов греческих авторов эллинистического периода – Полиена, Полибия, Страбона и др. Несмотря на «стойкую традицию архаизирования этнонимов», якобы передававшуюся из поколения в поколение, византийские историки должны были знать из трудов своих предшественников, что скифов больше нет, а есть аланы и что аланы гораздо древнее печенегов, прибывших в Причерноморье только в IX в. н. э. Должен был знать об этом и древнерусский переводчик Флавия (обладавший, как подозревает С. Н. Малахова, «избытком» филологической образованности»). Выходит, византийцы уже к V в. зачем-то воскресили имя давно исчезнувшего народа и стали называть скифами гуннов, печенегов, авар, болгар и др.; а древнерусский переводчик Флавия почему-то произвел не поздних печенегов от ранних ясов-алан (это еще куда ни шло), а, наоборот, ясов от печенегов. Ох, и темные же были люди!

И, наконец, резюме С. Н. Малахова по поводу фразы из перевода книги Иосифа: «Адаптируя названия древних народов, - подменяя их более современными, с учетом византийской (и древнерусской) этнонимической традиции (? – М. Дж.), - автор, сам не замечая того, грешит против исторической истины».

Здесь написано буквально следующее. В XI в. на Руси уже была известна каноническая версия истории, в которой излагалась «историческая истина» (хорошо ведомая С. Малахову со товарищи), но переводчик Флавия, зная эту истину, согрешил против нее и сам того не заметил, подменяя названия древних народов более современными. Тут я и вовсе становлюсь в тупик: речь шла только об одном народе – ясах, которых бедный книжник произвел от печенегов; о каких же «древних народах» говорит С. Н. Малахов?

Но далее у автора следует не менее странное утверждение: «Несомненно, в «печенегах» древнерусского варианта Иосифа Флавия следует видеть намек на скифов и скифское происхождение алан». Т. е. древнерусский книжник написал одно, а нам надо понимать другое. Но в древнерусской литературе этноним «скуфь, скиф» встречается много раз; ср. например, то, что сказано в «Повести временных лет» (правда, и здесь скифы антинаучно отождествляются с хазарами и болгарами): «Когда же славянский народ, как мы говорили, жил на Дунае, пришли от скифов, то есть от хазар, так называемые болгары и сели по Дунаю». Зачем было древнерусскому переводчику Флавия, вероятно, хорошо знавшему этноним «скиф», намекать на «скифское происхождение ясов», именуя их предков «печенегами», когда он, без всяких затей, мог просто написать, что ясы происходят от скифов?

Но С. Н. Малахову об этом думать не хочется, и он заключает свою «достойную отповедь инсинуациям» карачаево-балкарских ученых следующим фантастическим утверждением: «Псевдопеченежская родословная ясов – не совсем корректный результат попытки древнерусского переводчика синхронизировать этногеографическую карту южнорусских степей I в. н. э. с реалиями XI столетия (масштабно мыслил человек. – М. Дж.) и дать своему читателю новые наименования «старых» народов – аланов и скифов» («Проблемы этнографии осетин», вып. 2, с. 81-84). Зачем бедный переводчик пытался дать читателям «новые» имена аланов и скифов, я понять не смог. Или эти читатели были хорошо знакомы со «старыми скифо-аланами», но мучались вопросом: «Куда же они

подевались?». И если шкала времени (хронология Скалигера-Петавиуса), благодаря которой мы можем представлять последовательность исторических событий, появилась и была введена в Западной Европе в XVI-XVII вв., то прозорливости древнерусского книжника можно только изумляться, я уж не говорю о его необъяснимой и преждевременной попытке синхронизации этногеографической карты. Как и псевдообъяснениям С. Н. Малахова.

ЗАГОВОР ХРОНИСТОВ

Итак, по мнению академистов, многие древние авторы, когда дело касалось истории тюрков, испытывали необъяснимое стремление к архаизации этнонимов. Но среди них обнаруживаются и люди, склонные обнаруживать тюркские племена не там и не тогда. Например, римлянин Помпоний Мела (I в. н. э.) пишет: «Будины населяют город Гелоний. В близком соседстве с ними тиссагеты и турки» (вариант: тирки). Клавдий Птолемей (II в. н. э.) в своем «Географическом руководстве» упоминает хунов и аварингов; первым наука разрешила появиться в Европе в IV веке, а вторым в VI-м. Но есть еще и косвенные упоминания тюркских племен, названия которых некоторые авторы давали в переводе, и тот же Птолемей говорит о скимнитах, живущих ниже меланхленов и сапотренов (Античные источники о Северном Кавказе, с. 100; с. 148; с. 150). Выскажу одно предположение. Древнегреческое *скимн* означает «молодой лев»; но тюркское *ас-алан* почти неотличимо от тюркского же *аслан* «лев»; *яс*, *яш* - «молодой».

Перейдем к неслыханно косным византийским хронистам: «Этноним «гунны», так же как и «скифы», широко применялся византийскими писателями вплоть до XV в., обычно как архаизм. В VI-X вв. гуннами называли в основном болгар, болгарских оногуров, утигуров и кутригуров, аваров, но в VII в. их не было на Кавказе. Между тем Феофан (вслед за Феофилактом Симокаттой) прилагает этноним «гунны» к тюркам». Они не были одиноки – куда ни глянь, по всей ойкумене клубилась сплошная архаизирующая традиция: «Смешение гуннов с тюрками восходит, возможно, к иранской традиции: по словам Симокатты, у персов принято называть восточных гуннов турками» (Чичуров, с. 97).

Следовательно, в отношении этнонимии можно сказать, что грузины и русские ее актуализировали, а вот византийцы и персы, наоборот, архаизировали. Почему они поступали по-разному, и почему эти «традиции» чаще всего вспыхивали в головах летописцев, когда они начинали писать о тюрках, академисты не объясняют. Не говорят они и о том, что в стане византийских авторов уже с довольно ранних времен находились отщепенцы, которые то и дело отклонялись от национальной архаизирующей традиции (уже наметившейся), норовя основать школу «актуалистов». Видеть в этом пагубное влияние древнерусских и грузинских летописцев никак нельзя, поскольку эти авторы жили в более ранние времена. Воспользуемся кратким перечислением еретиков, приведенным у другого автора и по другому поводу:

Феофан Византиец (V в.): «На востоке от Танаиса живут турки, в древности называвшиеся массагетами. Персы на своем языке называют их кермихионами».

«Между тем скиф Аттила, сын Омнудия, человек храбрый и гордый, удаливший старшего брата своего Вделу, присвоил одному себе власть **над скифами, которых называют также уннами**, и напал на Фракию» (прямое нарушение «традиции»).

Прокопий Кесарийский (VI в.), при упоминании Приазовья: «Народы, которые тут живут, в древности назывались киммерийцами, теперь же зовутся утигурами». «В древности великое множество гуннов, которых тогда называли киммерийцами, занимали те же места, о которых я недавно упоминал».

Менандр Византиец (VI в.): «...турки, в древности называвшиеся саками, отправили к Юстину посольство с мирными предложениями». «...так что всех скифов из племени так называемых турков собралось до ста шести человек».

Феофилакт Симокатта (VII в.): «Изгнанный из своего царства, он (Хосров) покинул Ктесифон и, преправившись через реку Тигр, колебался, не зная, что ему делать, т. к. одни советовали направиться к восточным скифам, которых мы привыкли называть тюрками, другие же – уйти в Кавказские или Атропейские горы» (Закиев, с. 26).

Все они - ранние авторы, которым вроде бы положено было основать славную традицию именовать современные им народы древними этнонимами. Заметим, что Симокатта говорит о том, что они (греки) привыкли называть восточных скифов тюрками; т. е. скифы никуда не подевались, преспокойно живут в VII в. Где же здесь «архаизирующая традиция»? Избытком чего страдал Симокатта, мы не знаем, но, видимо, он тоже плохо понимал окружающий мир. Все это наводит на размышления. Мы подозреваем, что в XI в. хронисты разных стран составили заговор с целью подорвать «византийскую традицию архаизирования этнонимов». У безымянного древнерусского переводчика, помимо ал-Бируни, византийских писателей и Нестора (предполагаемого автора «Повести временных лет») был и другой единомышленник, в Грузии – Леонти Мровели, недрогнувшей рукой вписавший в свою хронику «Жизнь картлийских царей» следующие незаконные строки (Древнеармянская версия-перевод): «Затем вновь собрались хазирки и поставили себе царя, создали великое войско, и прошли сквозь ворота Дарубанда на Торгомосов до долины Арарата и Масиса, посекали и полонили их, ибо было (хазаров) множество», и т. д.

Речь в летописи идет о весьма древних временах, когда никаким тюркам, даже гуннам, появляться в Закавказье было нельзя: так решила наука. Дабы в пытливые мозги иных читателей не проникли смущение и крамола, ученые, конечно же, приняли меры; так, Г. В. Цулая пишет, в комментариях: «Ядром этого повествования, как уверенно считает Л. М. Меликсет-Бек, должно быть описанное в армянских источниках нашествие хазар в Армению, Грузию и Албанию на рубеже VII-VIII вв. (Вероятно, в этот период стало известно народам Закавказья и название *хазары*). Имея смутные представления об истории Кавказа до «походов Александра», Мровели (или его источник) переместил это событие в доэллинистическую эпоху. В литературе установлено, что в повествовании о нашествии «хазар» древнегрузинский хронист имел в виду походы скифо-сарматских племен второй половины I тыс. до н. э.» (Мровели, с. 51). Конечно, это исключительно оригинально: и переводчик Флавия, и Мровели (или его источник) говорили о печенегах и хазарах, имея в виду скифов. На самом деле, никем и никогда это не было установлено, просто специалисты вынесли произвольное решение, чтобы подогнать сведения древних авторов под свою версию истории.

Но как быть, например, с фактом, о котором сам Г. В. Цулая, выдающийся специалист и правоверный иранист, сообщает: «В связи с гуннами по грузинским источникам небезынтересно обратить внимание на такую этнографическую деталь, как одно из названий боевых коней в древнегрузинском языке – *уне*. С. С. Орбелиани приводит различные варианты этого зоонима, связанные с различными вариантами грузинской огласовки названий гуннов в древности – *хуне*, *оне*, *уне* и далее поясняет: «Породистый и хорошо тренированный конь». Встречается термин и в «Картлис Цховреба», где сказано, что сельджуки превратили церкви «в стойла для своих *хуне*». «Часто встречается оно в древнегрузинских переводах Библии и соответствует русскому «конь», «лошадь». Нет сомнения в том, что все варианты этого слова связаны с названием гуннов, некогда бывших олицетворением идеальных всадников». Ср. *таичи* «холощенный конь» из армяно-грузинского названия арабов *татчики* (неверно; это, скорее, от кар.-балк. *тайчык*

«жеребенок»); *мерани* – с тем же значением из монгольского «конь» - ср. русское *мерин* (Мровели, с. 91).

Теперь вспомните гордые утверждения осетиноведов о том, что все древние иранцы, от скифов до персов, были «великими конниками» и пр., и пр. И что северокавказские овсы, с которыми грузины дружили с незапамятных времен – это ираноязычные предки осетин. Почему же упрямые грузины заимствовали «лошадиные термины» не у «ираноязычных скифов», которых якобы подразумевал Мровели под «хазарами», не у «ираноязычных овсов-асов-алан», своих древнейших союзников и соседей, и не у персов, а у тюрков, арабов и «монголов», прождав их более 1000 лет? Или - страшно вымолвить! – может быть, скифы – это хазары-гунны, а овсы-аланы – карачаево-балкаро-дигорцы?

В хронике Мровели встречается и такая фраза: «(Вслед за этим) вновь пришли племена халдейские, и они также обстроились в Картли» (Мровели, с. 28). Если грузинский летописец-«актуалист» стремился называть древние народы современными ему названиями, почему он не дал нового названия халдеям (древним вавилонянам) и не назвал их, скажем, «евреями»? Или он «осовременивал» только «ираноязычных скифо-сарматов» (при этом антинаучно «удревняя» тюрков)?

Итак, Леонти Мровели, «имея смутные представления об истории Кавказа до походов Александра», приписал хазарам деяния скифо-сарматов, но был вовремя изобличен Г. В. Цулая, отлично знающим, что, когда и как происходило в нашем регионе 2500 лет назад. Но, может быть, Мровели совершил в своей книге еще и другие «перемещения»? Да, конечно, и опять это связано с тюрками. Он пишет о походах Александра Македонского в Грузию; великий античный полководец почему-то застал там «жестокое языческие племена, каковых мы называем бунтурками и кипчаками». У них была крепость Саркине, которую и стал осаждать Александр. «Окружил он город Саркине и не убежал бы оттуда ни один человек. Жителям Саркине стало тяжело, ибо воевали одиннадцать месяцев. Начали тайно подкапывать скалу и прорыли они ту скалу в местах рыхлых и легко прорываемых. И собрались жители Саркине ночью в том проходе и (через него) бежали на Кавказ» (Мровели, с. 28).

Выше грузинский хронист упоминал не только хазар, но и тюрков. Комментарий В. Г. Цулая: «Турки» в сочинении Л. Мровели соответствуют туранцам персидского эпоса», - т. е. «кочевым иранцам» Средней Азии, находившимся во вражде с иранцами оседлыми (согласно академической истории). Только вот неизвестно, как и в какое время эти самые «туранцы-иранцы» попали в Закавказье. В общем, стоит только древним авторам упомянуть каких-либо тюрков, находившихся не там и не тогда, где и когда приказала им быть академическая наука, как их названия оказываются псевдонимами.

Ну, а что же с бунтурками и кипчаками, с которыми сражался Александр? В. Г. Цулая пишет: «Бун-турки – так в древнегрузинских источниках именуются древнейшие жители Картли»; «...слово *бун*, заимствованное в грузинском (так же, как и в армянском) из персидского, значит «коренной», отсюда бун-турки – «коренные, подлинные турки» (на что указывал еще Н. Я. Марр); «перенос отрицательного отношения к бун-туркам на кипчаков свидетельствует об отношении хрониста к последним» (Мровели, с. 59-60). И это все.

Александр Македонский жил в IV в. до н. э. и воевал с бун-турками, древнейшими жителями Грузии, каковые здравствовали и во времена Мровели - пишет же он: «...каковых мы называем бунтурками и кипчаками». Хотелось бы узнать у ясновидящих иранистов, какой древний «иранско-туранский» народ Мровели подразумевал под «бунтурками» и почему они «коренные». Но Мровели, повествуя о событиях I в. н. э. в Грузии, допускает и другой «анахронизм»: «Тогда цари Картли – Азорк и Армазел – призвали овсов и леков, привели царей овских – братьев-голиафов по имени Базук и Анбазук – с

войском овсским. И привели они с собой пачаников и джиков». В Древнеармянской версии хроники сказано то же самое. Кого летописец «актуализировал» под именем пачаников, неизвестно, поскольку В. Г. Цулая признает, что речь идет о печенегах, которых впоследствии вытеснили с Кавказа кипчаки (Мровели, с. 33; с. 69; с. 71), но не говорит, когда это произошло.

Корни заговора хронистов тянутся в глубокую древность, одним из участников его следует считать и Приска Панийского, члена византийского посольства ко двору Аттилы (V в.), который, сообщая о намерениях повелителя гуннов совершить поход в Персию, говорит: «Когда кто-то из нас спросил, каким путем он может притти в Персию, Ромул (посол. – М. Дж.) сказал, что Мидия находится не на большом расстоянии от Скифии и что уннам небезызвестен этот путь, так как они уже давно делали вторжение в Мидию, когда их родина была застигнута голодом». «Таким образом пришли тогда в Мидию Басих и Курсих из племени царских скифов»; их поход закончился неудачей – как и поход вождей овсов Базука и Анбазука. Если речь не идет об одном и том же событии, почему совпадают направления походов, их последствия и имена двух вождей? Или и «овсы-иранцы», и гунны в походах в Закавказье обязательно назначали двух предводителей? Почему Приск считает гуннских вождей принадлежащими к племени царских скифов? Почему, находясь в столице гуннов, недалеко от Византии, он упорно именует их страну Скифией? Более того, Приск пишет об Аттиле: «Никогда никому из прежних владык Скифии или даже других стран не удавалось столько совершить в короткое время, чтобы владеть островами на океане, и, сверх всей Скифии, даже римлян иметь своими данниками».

Ср. также сообщение Клавдия Птолемея (II в. н. э.): «... между бастернами и роксоланами живут хуны». В это время, согласно официальной истории, им положено было находиться на Урале, набираясь сил перед «решающим броском на запад».

Унны – народ у Каспийского моря (Дионисий Периегет, I в. н. э.). Евстафий, епископ Фессалоник (XII в.), в комментариях к «Землеописанию» Дионисия пишет: «Унны или туны с буквой Т – каспийский народ из племени скифов. Нужно следовать тем, которые пишут «унны» без Т. Как сказанные унны – скифское племя, так и живущие за ними каспии». Л. А. Ельницкий делает к этим сведениям следующее примечание: «Скифами гунны по своей этнической принадлежности могут быть названы лишь в самом широком смысле (? – М. Дж.), как племя азиатского происхождения. Во время выступления гуннов на историческую арену, т. е. в IV в. н. э., под этим именем фигурировали алано-сарматские, угорские и другие прототюркские и протославянские племена». Но ни Л. А. Ельницкий, ни другие авторы, свято верящие в ираноязычие скифо-сарматских племен, даже не попытались объяснить, зачем Евстафий составлял комментарии к труду Дионисия, написанному в незапамятные времена и где эта рукопись хранилась нетленной на протяжении 1200 лет (или ее начертали на платиновых скрижалях?).

Сам Евстафий, однако, не говорит о Дионисии, как о человеке, отделенном от его времени 12 столетиями, как, впрочем, и о народах, якобы исчезнувших, по мнению «академической истории» в глухой древности, скорее, он считает их своими современниками. Например: «Тибарены, которых мы называем тибранами, *полиренес*, т. е. богатые овцами, скотом. Живут они, как и халдеи, до Малой Армении, как говорит Географ (т. е. Страбон. – М. Дж.)». Следовательно, Евстафий – современник древних вавилонян (халдеев)! И если унны (гунны) упоминаются еще в I веке, а Евстафий в XII в. говорит о них, как о своих современниках, то как быть с утверждениями историков, что они якобы пришли из Центральной Азии в IV в., а исчезли в V-ом?

Есть и другая неувязка: считается, что скифы сошли с исторической арены уже к началу н. э. (или еще раньше), но византийские авторы, знания которых о соседних

народах якобы не претерпевали никаких изменений на протяжении сотен лет, с тупым упорством продолжали именовать народы Восточной Европы (славян, тюрков, угро-финнов, германцев) скифами. Пусть так; но какой современный ему народ Евстафий «по привычке» именует несусветно «древним» названием «халдеи», и зачем? Все это имеет свое объяснение.

ЛЕНИВАЯ ИСТОРИЯ

Сто лет – это очень много. Сто лет тому назад мир был непохож на тот, в котором мы живем, двести лет назад – тем более. Что уж тогда говорить о тысячелетней древности – это совершенно иная жизнь. Но часто создается впечатление, что специалисты, творящие в русле канонической версии истории и легко манипулирующие целыми эпохами, страдают полным отсутствием чувства времени. Если верить им, начиная с эпохи древнейших государств (Шумера и Египта) и до XV в. н. э., т. е. на протяжении 6000 лет, человечество пользовалось одними и теми же орудиями, транспортом и оружием. Чем, например, принципиально отличался меч рыцаря Карла Великого от меча, скажем, древнеегипетского воина, или римского легионера эпохи Цезаря? Ничем. То же самое – лук и стрелы, панцыри, плуги и лодки, и прочее. Так было на протяжении тысячелетий, и только после изобретения пороха развитие техники и вооружения пошло вперед.

Но древние, надо полагать, были ничуть не менее изобретательными людьми, чем наши современники, и не могла их история быть такой «ленивой»; поэтому невольно приходишь к мысли, что академическая наука вместо более или менее реальной истории рассказывает нам самые настоящие небылицы. Якобы на протяжении 2-3 тысяч лет цивилизация существовала только на узкой полосе земли от Нила и Крита до Хуанхэ. Весь остальной мир полностью тонул во мраке невежества и дикости. Потом во всей Европе в течении 15 веков существовали только две культурные страны – Греция и Рим, откуда цивилизация медленно проникала (или вовсе не проникала) в окрестные страны, вслед за греческими колонистами и победоносными легионами Рима. Но что позволило Римской и Византийской империям просуществовать по целых 1100 лет, а Хорезму – 15 столетий, невзирая на все катаклизмы – социальные, военные, природные? Чему они обязаны таким «долголетием» и почему потом таких государств-долгожителей не было?

Что должно думать, читая, например, рассуждения Малькольма Колледжа («Парфяне», М., 2004) о религиозной ситуации на территории Парфии, государства, возникновение которого относят к середине III в. до н. э.: «В Вавилонии продолжали изучать гимны на шумерском языке, которым не пользовались уже два тысячелетия»; «Богиню Иштар продолжали чтить долго после наступления нашей эры. Богиня шумерского происхождения Нанайя также глубоко почиталась и имела собственный храм и земли в Нисе» (столице Парфии)? Языком не пользовались, шумеры давным-давно исчезли, но почему-то две тысячи лет изучали их гимны и почитали их богинь – почему и зачем? Ответа нет. В плену этого наваждения до сих пор находится большинство не только среднеобразованных читателей, но и самых высоколобых специалистов, не дающих себе труда подумать о том, откуда у шумеров, вавилонян, египтян, греков и римлян взялось такое преимущество?

Взглянем на сопоставительную (по континентам) таблицу хронологии исторического развития человечества, помещенную в самом начале международного издания «Секреты исчезнувших цивилизаций» (ЗАО «Ридерз Дайджест», 2004 г.). Отправная точка – 10 000 лет назад. Разумеется, Европа сразу же начинает отставать от Ближнего Востока: 6500 лет назад в Анатолии уже выплавляют медь; на Балканах тогда появляются первые гончары и земледельцы, до выплавки и обработки золота их потомкам нужно прожить еще 1500 лет,

а выплавка меди начинается на юге Европы только 3500 лет назад. В чем причина такого катастрофического отставания жителей Балкан от соседних анатолийцев (на 3000 лет!), никто из академистов объяснять не собирается.

Но дальше у многих европейцев дела пошли еще хуже – можно сказать, они вообще сошли с исторической арены: «**Ок. 1500** (лет назад до н. э.). Обособление из общего индоевропейского массива славян, германцев, балтов и др.». Логично было бы думать, что эти народы продолжали существовать, распространялись на обширные территории, создавали культуры и пр., но отмечаются в Европе только предки греков и римлян, а предки остальных европейских народов куда-то исчезают, ни мало ни много – на 1900 лет, до 410 года нашей эры (когда король вестготов Аларих взял Рим)! Вы можете себе представить, какая это бездна времени – 1900 лет! Что такое с ними случилось, с этими германцами, кельтами, славянами (этих нет аж до 965 года) и примкнувшими к ним балтами? Чем они занимались, когда Кадмы, Ликурги, Солоны и прочие эллины приводили к расцвету Элладу, а Ромулы, Ремы, Тарквинии Гордые и Цезари строили Рим, из таблицы узнать нельзя. Из исторических трудов тоже. Толку-то в их выделении из «индоевропейского массива», получается, никакого? Отошли в сторонку и тут же одичали.

Если послушать историков, германцы, галлы, славяне и другие с дубинами в руках столетиями (!) гонялись за кабанами и оленями и одевались в звериные шкуры, зная не зная и видя не видя, что не где-то за морями, а рядом, в Греции и Риме, уже давным-давно есть и государства, и письменность, и книги, и архитектура, и театры, и парламенты, и школы, и наука, и искусства, и регулярное войско, и судоходство, и торговля, и деньги, и много чего еще – строятся великолепные здания, художники украшают их стены фресками, философы ведут умные беседы, поэты сочиняют звучные стихи и пр. Смешно смотреть кинофильмы, в которых показаны, скажем, столкновения римлян с германцами: первые одеты в блестящие доспехи, держат строй, подчиняются командам, а на них с диким ревом несется одетая в шкуры звероподобная толпа, размахивая дубинами и копьями. На самом деле, конечно же, германцы были ребята не хуже прочих. Иначе как же они разбивали римские легионы, и не раз (и не только они)?

«Широко известны так называемые «моркенские» шлемы – передовой для своего времени воинский защитный головной убор. Довольно сложное изделие: склепано из отдельных железных полос, прикрепленных к основе-обручу, снабжено железными нащечниками, клепаной железной маской и кольчужной плетенкой для защиты шеи, покрыто позолоченной бронзой и отделано кожей. *Единицы* таких шлемов попадают на территории Римской и Византийской империй, а большинство – как раз из погребений «варваров». Так чьи технологии были выше?» (Бушков, 2007, с. 127).

Но разве можно задавать ученым такие ненаучные вопросы? Скептический А. А. Бушков, вероятно, еще и скрытый пантюрист, причем из числа наиболее ярых: Чингисхана, например, он считает тюрком и ни в какие «всемирные монгольские завоевания» не верит. О другом великом постижении академических историков он пишет: «Совершенно ясно, что сказочка о длинной веренице азиатских народов, которые «сменяли» друг друга, причем всякий раз при этом «исчезали полностью», никак не может соответствовать реальному историческому процессу» (Бушков, 2007, с. 141).

Допустим, греки и римляне оказались самыми способными и опередили всех своих близких – рукой подать – соседей на сто или даже на двести лет. Но не на тысячелетия же! Чем, например, языческие культуры римлян и греков были «выше» языческих культур прочих народов Европы? Ничем. Известно, что во времена расцвета Афин, при Перикле, иногда еще совершались человеческие жертвоприношения. Почему же у древних греков и римлян были государства, а у их современников-германцев или кельтов – нет? Потому что

у первых существовало рабовладение? Но, если все дело было в этом, разве не могли ввести рабовладение и другие народы?

Германцы, славяне, кельты и другие народы континента, обитая в двух шагах от Греции и Рима чуть ли не от сотворения мира, догадались создать государства только спустя тысячу лет после греков и римлян, а вот гунно-авары и болгары, «стоявшие на низкой ступени социально-экономического развития», сделали это, едва появившись в Европе. Или европейцы были ужасно косными, а «кочевники» - исключительно сообразительными (или жили в Европе давным-давно)? В Индии и Иране уже сменилось несколько великих династий, по всей Азии давным-давно распространяются учения Будды, Конфуция, Заратустры, Мани, но вся Европа, за исключением греков и римлян, спит. Уже арабы приняли ислам, создали огромный Багдадский халифат, а ближайшие соседи двух великих цивилизаций упрямо продолжают ходить в звериных шкурах и молиться дубам.

Очень показательный пример – история Древнего Рима. Вначале жители Аппенин, неизвестно как долго, жили мелкими племенами, возглавляемые царьками. Потом они стали объединяться, и лет 500 жили в самой долговечной республике в мире. Причем все пятьсот лет римляне были язычниками. Но потом они утомились от своей рабовладельческой демократии, и началась эпоха империи. Тут возникло христианство, но римляне решили сначала подумать и только по прошествии трех веков признали его государственной религией. Но как раз перед этим они почему-то перенесли столицу империи далеко на восток – в Византий. Видимо, благородно решили передать власть тамошним грекам, потому что о массовом переселении латинян из Италии на берега Босфора никто не говорит. (Почему же императоры России не последовали их примеру и не перенесли столицу в Астрахань или куда-нибудь в на Урал? Англичане тоже почему-то не перенесли свою столицу поближе к Шотландии и Ирландии).

Затем могучую Римскую империю одолели различные социальные недуги, и настал час варваров. Гунны «надели шаровары», примчались в Восточную Европу и начали великое переселение народов. Аланы, готы, герулы, славяне, франки, лангобарды и прочие, столетиями «дремавшие» племена, хлынули на территорию империи и разгромили, конечно же, числом, а не умением, непобедимые прежде легионы Рима. Но, освоившись на землях великих и древних цивилизаций, варвары еще несколько столетий продолжают бить поклоны своим идолам и принципиально не желают менять дикий образ жизни на цивилизованный. Живут на развалинах «античных» городов исключительно грабежом. И только к VII-VIII вв. они перевоспитались, начали принимать крещение и осваивать достижения культурных римлян и греков – их безграмотные короли и князья поняли свою выгоду (что-то долго они думали).

ШКАЛА

Мы ориентируемся в пространстве благодаря особенностям пейзажа – реке, горе, лесу, холму и пр. Во времени – благодаря датам: это случилось в таком-то году до или после Рождества Христова, или в таком-то году от хиджры, от года рождения Будды, от сотворения мира, от основания Рима и т. п. Большая часть человечества ныне пользуется хронологией, где фиксированной точкой (эрой), от которой ведется отсчет времени (вперед или назад), является предполагаемая дата Рождества Иисуса Христа, с ней соотносятся все остальные даты. Но как она была установлена? Ведь в те времена, когда началась проповедь Спасителя, никакой всеобщей истории и хронологии не было, в каждом государстве, и часто – в каждом городе, был свой отсчет времени (или его не было вообще). Но даже если бы какие-то деятели ранней церкви постарались определить

год рождения Иисуса, отсчитывая время от сотворения мира, они столкнулись бы с неразрешимой проблемой: имелось множество дат, относящих начало этого сотворения к разным временам, поэтому и даты Р. Хр. получались бы разные.

О том, как появилась наша эра, известный специалист И. А. Климишин говорит следующее. Она была введена в 525 г. римским монахом, скифом по происхождению, Дионисием Малым. «Но Дионисий нигде не объяснил, из каких соображений, на основании каких расчетов он отнес начало своей эры именно на то, а не на другое место в непрерывной смене лет. **По этому поводу историки высказывают различные догадки, хотя ни одна из них не представляется убедительнее другой**» (Климишин, с. 332). Следовательно, Дионисий на самом деле не вычислил точно, когда, в каком году родился Иисус, а просто, руководствуясь своими задачами и целями, на основе манипуляций с цифрами, указал, что это случилось столько-то лет тому назад. Да и как бы он смог вычислить эту дату, если все имевшиеся к тому времени хронологические эры согласовать друг с другом и с данными Нового Завета было совершенно невозможно?

Что же произошло потом? «Эра, введенная Дионисием Малым, была вскоре использована некоторыми историками и писателями, в частности, современником Дионисия Марком Аврелием Кассиодором (ум. в 562 г.), столетием позже – Юлианом Толедским, а еще позже – Бедой Достопочтенным. На протяжении VIII-IX вв. она получила широкое распространение во многих государствах Западной Европы. Эта эра была апробирована (? – М. Дж.) в 607 г. папой Бонифацием Четвертым, она встречается и в документах папы Иоанна Тринадцатого (965-972). Но лишь со времен папы Евгения Четвертого (1431 г.) эра «от рождения Христова» используется в документах папской канцелярии регулярно. Что же касается Восточной церкви, то она, по свидетельству Э. Биккермана, избегала пользоваться ею, так как споры о дате рождения Христа продолжались в Константинополе до XIV в.» (Климишин, с. 341).

На наш взгляд, эта история совершенно неправдоподобна. Во-первых, список пап, начинающийся со св. Петра, давным-давно подвергнут сомнению и основательной критике и признан поддельным. Во-вторых, нет ответа на вопросы:

1. Если дата Рождества Христова выяснена папским архивариусом Дионисием Малым в 525 г., и Церковь была, вне всякого сомнения, крайне заинтересована в распространении именно этой эры, что увеличивало бы влияние Ватикана, почему папская же канцелярия не стала сразу же (еще в VI в.) придерживаться именно этой даты? Или Дионисий занимался вычислением даты Р. Хр. не по указанию папы, а просто так, в качестве хобби?

2. Почему за целое тысячелетие единственными папами, которые поняли преимущество «открытия» Дионисия, стали только Бонифаций (VII в.) и Иоанн (X в.)? Или остальные папы не осознали важности открытия Дионисия?

3. Если эта эра получила широкое распространение «во многих государствах Западной Европы» уже в VIII-IX вв., почему папская канцелярия стала регулярно использовать эту эру только спустя еще 500 лет (с 1431 г.)? Странная получается картина: «многие государства» два века пользуется эрой от Рождества самого Иисуса Христа, а Римская Церковь (чей служитель и вычислил дату Рождества), от имени Иисуса обращаясь к пастве, пользуется другими эрами!

4. Чем объяснить, что открытие Дионисия не признавала и Византийская Церковь (на протяжении 800 лет!)? Неужели только тем, что византийцы на дух не принимали все, что исходило из Рима? Но ведь раскол церквей произошел только в XI в., а Дионисий объявил о дате Рождества Христова в веке VI-м. Очень важный вопрос: **почему Восточная церковь сама не попыталась вычислить дату Рождества Христова? Или ее «открыли» накануне взятия Константинополя турками (в 1453 году), когда грекам было уже не до хронологии?**

Итак, с XV в. Европа и даже неслыханно косная канцелярия папы римского стали пользоваться христианской эрой. Т. е. для принятия окончательного решения по этому вопросу, по уверению академической истории, потребовалось ни мало ни много 900 лет! Теперь европейские историки должны были заполнить расставленными в хронологическом порядке событиями не только 14 веков, прошедших от времени появления христианства, но и несколько тысяч лет, истекших от сотворения мира. Как – неважно; самое главное заключалось в том, что задача была поставлена. Еще не было ни археологии, ни радиоуглеродного анализа (якобы непогрешимого), ни источниковедения (кроме толкований Ветхого Завета), ни самого понятия историзма, но работа закипела. Видимо, потому, что были могущественные заказчики. Тогда и появился основополагающий труд Жозефа Скалигера (1540-1609) «Исправление хронологии». В XVII в. его работу продолжил Дионисий Петавиус.

«Иной читатель, - пишет А. Бушков в своей известной книге «Россия, которой не было», - вполне возможно, решит, что отцы нынешней хронологии Скалигер и Петавиус, обложившись горами древних рукописей, долго сопоставляли даты, данные в разных отчетах времени, пока не привели их к единому знаменателю. Так вот, ничего подобного! Все выглядело совершенно иначе: в конце шестнадцатого – начале семнадцатого столетий два откровенных оккультиста высчитывали даты событий, пользуясь сугубо оккультными методиками под названием «нумерология» и «каббала», они же – «математическая магия». Методики эти, как явствует из названия, наделяли числа магическими свойствами. И начинались долгие, запутанные манипуляции, основанные, повторяю, не на древних манускриптах, а на «магическом содержании» того или иного числа».

«Как именно это происходило, - продолжает А. Бушков, - легко узнать из книги французского историка, философа, экономиста и правоведа шестнадцатого века Бодена «Метод легкого познания истории». Впервые она была напечатана в Париже в 1566 г.», и приводит длинную цитату из этого сочинения: «Квадрат 12 – 144, а куб – 1728. Ни одна империя в своем существовании не превысила значение суммы этих чисел, поэтому большие числа должны быть отвергнуты. Сферических чисел, включенных в великое число, четыре – 125, 216, 625, 1296» и т. д.

Проще говоря, отцы-основатели «научной хронологии» датировали известные им из хроник, Ветхого Завета и Евангелий события не на основе реального их сопоставления, знаний и представлений о том, когда и почему они происходили, а наоборот, сначала вычертили «магическую» шкалу, заранее решив, сколько лет должно пройти между, например, появлением и крушением того или иного царства-государства, а потом на этой шкале расположили события, и то только известные им. Но точно так же до сих пор поступает официальная история, располагая на той же шкале другие события, уточняя, но не отвергая изобретенный еще в средневековье остов.

Допустим, Дионисий Малый, неведомо как, действительно вычислил в начале VI в. дату Р. Хр. Но Жозеф Скалигер и Дионисий Петавиус (его фамилия почему-то тоже означает «малый») занялись вопросами хронологии спустя тысячу лет. Следовательно, на протяжении 10 веков эта дата оставалась единственной в истории христианства, какой эта история представлялась в средневековье. Дату, открытую Дионисием Малым, Скалигер и Петавиус ни уточнять, ни отменять не стали; следовательно, им пришлось подгонять свою хронологию под принятую ими эру, выясненную неизвестно каким способом.

Но кто и когда, какая мощная сила навязала миру эту ложную, растянутую хронологию, которой бездумно пользуется ныне все человечество? Один из ответов дают авторы, скрывшиеся под псевдонимами О. Козминиус и о. Мелехций, в своей книге «Шекспир. Тайная история» (СПб, 2003). По их мнению, это произошло в период

Контрреформации, после «долгого» Тридентского собора (1554-1562), когда Римская церковь начала активную борьбу с протестантизмом. Одним из ее способов явилось создание всемирной истории. Требовалось «доказать, что история Рима древнее всех, то есть мудрее, развитее и почтеннее...». Речь шла о том, останется ли власть Ватикана действительно вселенской, превыше всех светских властей и властителей. И, конечно, усилий не пожалели. «Ведь это у Рима (и у Греции) была античность – блестящая, мудрая, великолепная. И была она в те времена, когда галлы, саксы, славяне, франки и прочие народности Европы еще бродили в составе диких племен, и если и чем занимались, то только разбоем... Где германская античность? – ее нет. Где галльская? – днем с огнем не сыщешь...», - пишет А. Бушков.

А вот что говорит Ярослав Кеслер в книге «Русская цивилизация вчера и завтра»: «Важным поворотным моментом стало и само принятие в Европе современного летоисчисления решением Тридентского Собора 1563 г. – только в этом году было признано, что на дворе именно 1563 г. от Р. Х., а все источники, противоречившие этому, было приказано сжечь. В это же время объявилась и «Книга Пап», зарегистрировавшая якобы непрерывную смену Римских Пап с IV по IX век (до Папы Николая I). Тем не менее, до 1600 г. в Италии годы считали *сотнями* – например, Треченто (т. е. трехсотые годы), а не XIV век».

Культурная элита Западной Европы в эпоху Возрождения (и до нее) пользовалась латынью или греческим, на них и создавалась вся литература, а многие авторы подписывались латинизированными или грецизированными именами или псевдонимами. Потом их труды (среди которых было много подделок) отнесли в несусветную древность, и писатели эпохи средневековья (разных национальностей) стали «античными» греками и римлянами. Постепенно и эра от Р. Хр., и история, выстроенная по Скалигеру, стали общепринятыми. (Удревнением истории своих стран и правящих династий занялись и в других странах – и на Западе, и в Азии, например, в Китае). Читающую публику Европы, вероятно, убедило в правоте историков и такое явление, как колонизация Африки и Америки. Встретившись там с народами, отставшими на пути создания технической цивилизации, навязывая им свой образ жизни и свои представления, европейцы должны были прийти к выводу, что такой же процесс совершался некогда и в Евразии. Подобный взгляд, в соединении с неимоверно растянутой хронологией Скалигера, привел науку к совершенно нелепому выводу: культура и цивилизация зародились сначала в нескольких центрах на Востоке, а через несколько тысяч лет распространились и на окружающие территории.

НОВАЯ ХРОНОЛОГИЯ

Ученый мир принял изобретенную шкалу времени отнюдь не безропотно. «Критика началась сразу, как только история человечества примерила пошитую на нее хронологию. Уже в XVI в. профессор Саламанкского университета Де Арсилла высказал мнение, что ВСЯ древняя история – это сочинение Средних веков. В XVII в. иезуитский историк и археолог Жан Гардуин указывал, что классическая история – произведение XVI в.». «Исаак Ньютон (1643-1727) посвятил пересмотру официальной хронологии, прежде всего библейской и христианской, около двадцати лет напряженных научных исследований, что вызвало большой интерес тогда, но совершенно неизвестно теперь. А ведь сэр Исаак и по современным меркам крупный ученый!». «Более пятидесяти лет посвятил хронологии выдающийся ученый-энциклопедист, академик Н. А. Морозов (1854-1946); само понятие «Возрождение», введенное в оборот незадолго до него, он предлагал заменить словом «Зарождение». Его версия событий на протяжении десятилетий замалчивалась

официальной наукой».

«Уточнением хронологии занимался М. М. Постников. Существует целая группа «Новая хронология». Пересмотром истории занимается американский ученый И. Великовский, профессора А. К. Гуц из Омска и Ян Кеслер из Москвы... В самом конце XX в. А. М. Жабинский сделал воистину грандиозное открытие: определил алгоритм, при помощи которого основоположник «научной хронологии» Скалигер сконструировал мировую историю» (Валянский, Калюжный, 2001, с. 18-20). Гигантское количество данных было подвергнуто анализу группой академика РАН, математика А. Т. Фоменко и его соавтора Г. В. Носовского, как и другими российскими и зарубежными учеными. Неохронологи ясно показали, что никакого монаха Дионисия Малого, который якобы вычислил в VI в. дату Рождества Христова, не было, и не ждала Церковь 900 лет, чтобы принять эту эру.

Приведем и другие цитаты из работы С. И. Валянского и Д. В. Калюжного, показывающих, как создавался скелет современной науки истории. «Основы традиционной хронологии (т. е. той, которой мы сейчас пользуемся. – М. Дж.) заложены были в XVI – начале XVII в. стараниями, в основном, двух ученых: Жозефа Скалигера (1540-1609) и Дионисия Петавиуса (1583-1652). Чтобы хронология стала научной в современном понимании этого слова, им следовало бы, рассматривая имевшиеся в их распоряжении исторические документы, ответить на три вопроса, применительно к каждому из них: КОГДА это происходило? ГДЕ это происходило? и, наконец, С КЕМ это происходило? – предварительно решив, а происходило ли описываемое вообще».

«Однако, судя по результатам, документов у них было немного, да и задачу они себе ставили другую: они «увязывали» свои времена с библейской хронологией, которая к тому времени была уже рассчитана. По еврейскому календарю, «Начало мира» произошло 7 октября 3761 г. до н. э.». (Но были, как уже говорилось, и другие даты). «Ко временам Скалигера накопилась уже изрядная историческая литература. Датировок событий практически не было. Из книг писателей XVI в. (например, Джорджо Вазари) видно, что «старыми» греками они называли византийцев второй половины XV в., а «древними» - первой половины того же века. Старых и древних, в таком случае, разделил 1453 г., когда власть в Византии перешла от греков к туркам».

«Основываясь на теории четырех царств (а не твердых знаний о прошлом), используя выдвинутую Никколо Маккиавелли (1469-1527) идею цикличности истории, рассчитал свою хронологию Скалигер. Хронологам требовалось заполнить «пустыню времен», что и было сделано. Вся научность работы, похоже, свелась к математическим расчетам (в основном оккультного свойства) и привязке высчитанных для исторических событий дат к датам солнечных затмений, которые тоже рассчитывали сами хронологи, причем не очень хорошо». Затем наступил период популяризации выработанной шкалы, позже появились в распоряжении ученых папирусы Помпей, еще позже – папирусы Египта и месопотамские глиняные таблички. «Их «встроили» в уже создавшуюся хронологию, вместо того, чтобы использовать для ее построения! В XVIII в. появление работ Геттерера в Германии, Гиббона в Англии и Жака Кассини во Франции окончательно утвердило в исторической науке периодизацию истории, разделив ее на древность, Средневековье и Новое время». «Поэтому только с XIX в. античность начинает повсеместно восприниматься, как далекое дохристианское прошлое».

Одним словом, не хронология выводилась из фактов, а факты подгонялись под хронологию. Но кто такой был, например, Дионисий Петавиус и когда он жил? «В специальной литературе вы можете прочесть, что эра от Рождества Христова введена в 525 г. архивариусом папы Римского монахом Дионисием Ничтожным (или Малым, прозванным так за его рост) и обозначалась АД – Анно Домини – Год Господа. Но

почему-то эра эта упоминается в документах начиная только с X в., а в бумагах папской канцелярии – лишь с 1431 г.». Далее авторы приводят забавный факт (который ученые-академисты стараются не замечать): «В двух предыдущих абзацах вы встретили двух хронологов по имени Дионисий: Дионисия Ничтожного (Малого) из VI в. и Дионисия Петавиуса из XVI в. Интересно, что прозвище Петавиус в переводе означает Малый (или Ничтожный). И тот, и другой Дионисий Ничтожный, с разницей в 1053 г., занимались хронологией, и тот, и другой предлагали вести счет лет от Рождества Христова». «Только ради полноты картины (надеемся, вы не заподозрите нас в розыгрыше) отметим, что был еще один Дионисий, очень известный хронолог, умерший в III веке н. э. Особенно много занимался он вычислениями Пасхи. Интересно не только то, что два Дионисия – этот, без прозвища, и Ничтожный (из VI в.) – были единственными учеными, кого вообще интересовала дата рождения Иисуса (и Пасха) за все тысячелетие до X в., но и то, что смерть первого Дионисия произошла за 333 года до смерти второго» (Валянский, Калюжный, 2001, с. 7-15).

Курьезно, конечно: неумоимо воскресающий Дионисий, безуспешно пытающийся убедить очередных современников ввести летоисчисление от «выясненной» им даты Рождества Христова. Оно и понятно: те, кто навязывал миру эту хронологию, не догадались населить историю другими хронологами, вот и получилось, что за целое тысячелетие их было только двое.

Еще один пример двойников, приведенный этими авторами: «Все знают древнегреческого Платона (427-347 гг. до н. э.), основателя платонизма, создателя платоновской Академии, автора трактата-утопии «О законах». В III в. нашей эры попытался внедрить идеи древнего Платона знаменитый философ-неоплатоник Плотин (204-270), а в XV в. Гемист Плетон (Плефон) не только возродил древний платонизм, но и создал свою плетоновскую Академию и написал утопию «Трактат о законах». Утопия до нас в полном виде не дошла, но это не беда: как раз в XV в. (не раньше!) была обнаружена рукопись того, древнегреческого Платона, основателя учения». Интересно, как и где она могла сохраниться?

«Вот что пишет Ф. Шупферт о знаменитом римском праве: *«Серия великих римских юристов заканчивается Эреннием Модестином, умершим в 244 г. после Р. Хр. Юридическая наука впала в летаргический сон, но девятьсот лет спустя благодаря Ирнерию... она вдруг воскресла во всей своей первоначальной красоте в Болонье».* Эренний и Ирнерий, имена созвучны, и оба знаменитые юристы, между которыми наука вдруг пропала. Эти двое тоже рискуют оказаться одним и тем же юристом» (Валянский, Калюжный, 2001, с. 25).

Все мы привыкли думать, что «отцом истории» с незапамятных времен величают Геродота. Но современник Скалигера, французский историк и экономист Жан Боден, которого в невежестве обвинить невозможно, почему-то именовал этим титулом итальянского гуманиста Гвиччардини, «глубине анализа и правдивости которого могут позавидовать многие» (Валянский и Калюжный, 2001, с. 39).

Список таких несуразностей, в упор незамечаемых академистами, нескончаем. Вот, например, еще один. Если сравнивать сведения «античных» источников о народах Восточной Европы (скажем, с рассказом Геродота о скифах и савроматах) со сведениями византийских и западноевропейских источников X-XI вв., то можно наглядно убедиться, что никаких особых изменений в представлениях авторов о населении этого региона не произошло – а ведь прошло 1500 лет! Но такого просто не может быть. На самом деле, конечно же, «античные» писатели жили лет за 100 или за 200 до христианских хронистов, потому и сохранялись и «древние» географические названия, и книги «древнегреческих» и «древнеримских» авторов.

Поверив в истинность изобретенного двумя оккультистами-нумерологами длиннющего остова мировой истории, ученые вынуждены были из всех сил стараться заполнить пустоты. Сделать это, не разрывая на части то, что было известно об истории человечества и отдельных народов из фольклора, хроник и летописей, невозможно. Вот откуда то и дело встречающиеся на страницах учебников фразы об упадках, возрождениях и прочих чудесах. Например, подумайте о следующем. Несколько тысяч лет просуществовала могучая, процветающая и обширная империя – Египет. И все это время в ней происходили разные события – войны, революции, смены династий, развивались экономика и культура. Потом, на рубеже двух эр, эту великую страну подчинили римляне. Но через некоторое время, если судить по академическим трудам, история в Египте «прекратила течение свое» на 500 лет, и продолжилась только после завоевания страны арабами-мусульманами. Страна, конечно, оставалась на месте, все так же катил по ней свои волны великий Нил, но общественные процессы замерли. То же самое – история славных городов-государств Эллады (Афин, Спарты, Фив и пр.). После вхождения в состав Римской империи они вдруг исчезают из поля зрения ученых; как бы подразумевается, что в них на протяжении сотен лет пастухи с пастушками идиллически пасли коз среди «античных развалин».

Работа продолжалась, и в том же направлении; под хронологию Скалигера начали подгонять и существующие документы. Но, несмотря на усилия инквизиционной цензуры, все просмотреть, исправить и предусмотреть было невозможно. В трудах неохронологов из группы «Хронотрон» приведено множество данных, свидетельствующих о таких подменах, а также и другие факты, полностью опровергающие каноническую версию истории. Письменность, скажем, возникла только 10-12 столетий тому назад. Каменный век закончился тогда же, но не потому, что люди не знали металлов – слишком сложна была технология добычи руды, ее выплавки и обработки. Даже в XI в. н. э. в битве при Гастингсе с войском Вильгельма Завоевателя большая часть воинов английского короля Гаральда сражалась каменными топорами. Не странно ли, что Франсуа Рабле упрекает Диогена и Цицерона за то, что они «пишут всякий вздор о нашей (французской!) королеве»? А хронисты Турпиан и Эйнгард пишут «Жизнеописание Карла Великого»: две книги об основных периодах правления императора, а третья – о его деятельности до 1490 г., «хотя этот Карл... почил в 814 году, если верить традиционной истории». А Данте ничего не знает о «современных ему» крестовых походах или о Чингисхане и Батые (но помнит об Аттиле). И таких примеров – великое множество.

Совершенно неверна и дата рождения Иисуса Христа – он родился не 2000 лет назад, а в XI или в XII в. По мнению акад. А. Т. Фоменко, и казнен был Иисус не в деревушке Эль-Кудс (нынешний Иерусалим), а в центре империи, в Константинополе на вершине горы *Бейкос*; свой крестный путь он начал с другой горы, на котором находилась большая крепость под названием *Ерос*. На горе Бейкос и ныне можно увидеть почитаемые мусульманами часовню и большую могилу (на древних картах именно Константинополь часто обозначался как Иерусалим). На круглом щитке возле могилы написано по-турецки: «*Юшаны кабири*», т. е. «могила Иешуа». Считается, что речь идет о преемнике пророка Моисея, вожде древних израильтян Иешуа Навине (но почему его должны были похоронить в Константинополе?).

Благодаря нелепой хронологии Скалигера-Петавиуса возникновение христианства отнесли в несусветную даль времени, и поверившие этой хронологии историки сочинили такую же нелепую историю христианства. Якобы оно целых три века существовало подпольно, на нелегальном положении, христиан преследовали и казнили, распространяли о них всякие мерзостные слухи и пр. Получается, что на протяжении трех

столетий приверженцы великого учения, несмотря на весь их энтузиазм и героизм, вынуждены были таиться, пока, наконец, император Константин не объявил его государственной религией. И вновь – огромный перерыв: церковь как бы впадает в спячку, и просыпается лишь через триста-четырееста лет, начиная обращать в христианство один народ за другим - германцев, венгров, поляков, галлов и др.

Но ведь Германия, например, находится буквально в двух шагах от Греции и Италии; чем же тогда целых 600 лет занимались тысячи подвижников и мучеников за веру, посветивших свою жизнь распространению христианства? И откуда такое рвение, присущее юной церкви (а не шестисотлетней)? До Скандинавии, как и до Руси, христианство почему-то добиралось только через тысячу лет (!) после своего возникновения. Даже Болгарское царство, ближайший сосед Византии, приняло христианство только в IX в.! (Сравните все это с картиной очень быстрого распространения ислама на огромной территории от Испании до Китая, и нелепость такой истории станет очевидной).

Затем, в 1054 г., происходит раскол Церкви (только через 1000 лет после ее возникновения!), константинопольский патриарх и римский папа предают друг друга анафеме, а через четыре десятилетия европейское рыцарство, вдохновляемое духовенством, устремляется в Крестовые походы, чтобы наказать людей, которые распяли Христа (по уверениям академистов, эти рыцари не знали, что со времен Иисуса прошло уже 11 веков, т. е. были невероятно тупыми людьми)! И длятся эти походы 400 лет (включая сюда войны французов, испанцев и португальцев с турками-османами за господство над Северной Африкой).

Проходит еще три века, и в Европе начинают твориться форменные чудеса. Вдруг вся элита общества (через 1000 лет после падения Рима, и **сразу же после падения Константинополя, когда греки массами эмигрируют на Запад**) срочно начинает интересоваться языческой культурой эллинов и римлян. Откапывают из земли статуи (которые до той поры почему-то были невидимы), отыскивают рукописи «античных» писателей-язычников, якобы пролежавшие нетленными не одну сотню лет в сырых подвалах отдаленных монастырей (где они находились до этого, никто не знает). Итальянцы нарекают себя римскими и эллинскими именами, возрождают «античные» должности и звания (трибуны, консулы и пр.), вспоминают классическую латынь, умершую за тысячу лет до появления гуманистов. Географы и путешественники именуют реки, моря и страны древними названиями, которые в реальности давным-давно были бы забыты – одним словом, «возрождают античность». Сколько нашлось бы ныне охотников говорить и писать на языке, забытом тысячу лет назад?

Многие еще и творили сами, часто приписывая авторство древним: изготовление и продажа древностей, в том числе и рукописей, стали в ту эпоху выгодным занятием. Не замедлили появиться и умельцы, мастеровившие стилизованные под древность «исторические труды» и документы (благо, что вскоре появилось и книгопечатание), как и предметы, которые ныне безоговорочно считаются подлинными произведениями «античного искусства». Иногда их разоблачали, но спрос оставался, оставались и изготовители. Вывод один: не было в истории человечества ничем не объясняемых многовековых провалов в развитии культуры, экономики, техники, общества - история совершалась вполне последовательно, что и было прекрасно показано в работах сторонников Новой Хронологии. Ренессанс – это период преобразования и одухотворения культуры народов Европы под ярчайшим светом учения Иисуса Христа (жившего, скорее всего, в XI или в XII в.), а не «возрождение» культуры периода античного язычества, якобы скончавшейся тысячелетие назад. Ничто не возрождалось, шло дальнейшее

развитие того, что уже было, но в эпоху духовной зрелости народов, признаком чего являлось принятие ими одной из мировых религий – буддизма, христианства, ислама.

Перечислим теперь самые общие моменты, которые, на наш взгляд, вытекают из опровержений хронологии Скалигера:

1. Никакой античности никогда не было. Это лишь опрокинутая в далекое прошлое эпоха, которую принято называть ранним Средневековьем. Древние этруски, греки, римляне и прочие являлись «жителями» VIII-XIII вв. нашей эры. Тогда же появилась и письменность.

2. Иисус Христос жил в XI-XII вв. н. э. и был похоронен, скорее всего, не в далекой деревушке Эль-Кудс (теперешний Иерусалим), а на горе Бейкос, в столице мира - Царьграде, Константинополе (ныне Стамбул), который на многих древних картах так и назван – Иерусалим («город мира», «мировой город», «город, владеющий миром»).

3. Более или менее верными можно считать датировки событий, произошедших, начиная с XVII в. Не было и эпохи внезапного одичания Европы, когда варвары, завоевав владения Рима и Эллады и уничтожив их культуру, несколько столетий якобы продолжали вести «варварский» образ жизни.

4. Не было в истории и никакого «монгольского» нашествия. «Монголо-татарские завоевания» - это отражение походов и завоеваний Чингисхана, Батыя и др., на время возродивших распавшийся из-за внутренних неурядиц Великий Тюркский каганат. Создателями новой империи под названием *Менгу эль* «Вечный эль» (со столицей на Урале), были не монголы, а предки казахов, ногайцев, башкир и др.

РЕВОЛЮЦИЯ

Случайно ли то обстоятельство, что и социальные утопии (Мор, Кампанелла и др.), и научно-фантастическая литература (Сирано де Бержерак), и позитивистская наука, и хронология Скалигера-Петавиуса появились приблизительно в одно и то же время? Судя по всему – нет. До XV-XVI вв. разные страны и народы существовали как бы в разных временах, со своими календарями и эрами, при господстве социально-экономических отношений, сложившихся стихийно. Население жило в ритме природных процессов, ориентируясь во времени по движению солнца и луны; главными ценностями в обществе признавались ценности духовные (отсюда и аскетизм). Но когда власть стала постепенно переходить в руки буржуазии, сословия, склонного к материализму и рассматривающего человека как механизм, средство производства, все стало меняться. Буржуа, заинтересованный прежде всего в получении доходов и все большем количестве производимого продукта, не желает, чтобы народ трудился в неспешном ритме природы, он вводит новое расписание – по часам, сам диктуя распорядок жизни. И само мироздание стало представляться в виде гигантского часового механизма.

Возникновение механистической картины мира и философии механицизма неизбежно привело к появлению проектов идеального общества – т. е. общества, функционирующего, как хорошая фабрика. Началась эпоха экспериментов в медицине, в искусстве, в технике, и т. л. Появились и проекты переустройства общества - социальные утопии, согласно которым не общественный строй должен соответствовать человеку, а он – общественному строю, каким этот строй видится очередным утопистам. Не идея для человека, а человек для идеи (причем выдуманной таким же существом, как и все прочие). То же самое, что и в научно-фантастической литературе: не из характеров героев творится их судьба и создаются ситуации, а, наоборот, в готовую ситуацию вставляются герои. Хронология Скалигера, принеся неопишуемый вред знанию человека о мире

появилась в результате применения такого же метода: не из логики и последовательности событий вывели шкалу времени, а события расположили на готовой шкале.

Неохронологи выявили в канонической версии истории громадное количество нелепостей, несообразностей и противоречий, за что и были преданы официальной наукой (превратившейся в некое подобие Церкви) анафеме. В ортодоксальных научных кругах говорить о Новой Хронологии стало считаться дурным тоном, поэтому в глазах «широкой научной общественности», привыкшей бездумно воспринимать все в свете писаний академистов, любой автор, отвергающий традиционную хронологию, обязательно предстает фольк-историком, деятелем паранауки и пр. Даже об академике-математике А. Т. Фоменко реестровые историки пишут так, словно речь идет о человеке, изгнанном из средней школы за неуспешность (понимая при этом, что вопросы хронологии имеют не меньшее отношение к математике и астрономии, чем к истории). Нетрудно заметить, что этим авторам он представляется кем-то вроде матроса Железняка, громогласно заявившего в Академии наук: «Которые тут временные? Слазь! Кончилось ваше время!». (На мой взгляд, если придерживаться аналогии истории церкви и истории науки, Анатолий Фоменко скорее напоминает Мартина Лютера).

Следует добавить, что, к сожалению, неохронологи совершили гигантскую ошибку: вместо того, чтобы ограничиться ниспровержением хронологии Скалигера, они сразу же, на скорую руку, занялись созданием новых версий мировой истории, при этом не всегда опираясь на здравый смысл и логику фактов (чем и пользуются их оппоненты). Например, по мнению А. Т. Фоменко и Г. В. Носовского, в средние века была создана великая русско-тюркская империя, подчинившая себе весь мир (за исключением Австралии и большей части Африки), со столицей в Ярославле; это все тот же миф о Монгольской империи, созданной войнолюбивыми тюрками во главе с идеологами-монголами, только место последних в построениях А. Т. Фоменко заняли русские. С помощью математики, астрономии и статистических методов можно опровергнуть хронологию Скалигера-Петавиуса, но построить убедительную версию мировой истории нельзя. В принципе, гуманитарные науки имеют очень мало общего с науками естественными – слишком разнятся объекты и методы исследования; в одном случае человек, живое существо, субъективное и подверженное разнообразным влияниям, с бессмертной душой, которую ни взвесить, ни измерить, ни исчислить невозможно; в другом – косная материя, подчиняющаяся законам, имеющая меру, вес и число.

Разумеется, неохронологи часто не сходятся во мнениях, впадают в противоречия, спорят о приоритетах и пр. Но академисты, поймав их на таких противоречиях или выявив у неохронологов ошибку в вычислениях, тут же начинают представлять дело так, будто эти просчеты доказывают правоту хронологии Скалигера. Забавно, что одни «скалигеровцы» считают неохронологов лютыми врагами русской истории и даже христианства (словно факт рождения Христа не в I веке, а в XI-м принижает значение его миссии), а другие видят в них русских националистов и шовинистов. Но, как бы там ни было, разгром скалигеровской хронологии – свершившийся факт. Это не бунт, а революция, абсолютно неизбежное следствие серьезнейшего кризиса гуманитарных наук, который является частью мирового идеологического кризиса.

«НОВЫЕ ХРОНОЛОГИ» - О ТЮРКАХ

Но что думают противники хронологии Скалигера о ранней истории тюрков? В качестве примера возьмем книгу С. И. Валянского и Д. В. Калюжного, авторов остроумных и дотошных – «Другая история Руси» (М., 2001). Если академисты писали о мелких кочевых племенах, мчавшихся из Центральной Азии на Запад, по пути

превращаясь в «полчища» и непременно побеждая всех, кто ни встретится, то эти авторы мыслят гораздо конкретнее. Они отлично понимают, что переселение на большое расстояние даже одного народа, имеющего немалое количество скота, сопряжено с огромными трудностями и что такие переселения случались редко; признают и невозможность долгого противостояния отсталых племен сильным и развитым государствам: «Никак не могли быть печенеги кочевниками-скотоводами. Кочующие народы по самому характеру своей жизни бродят отдельными патриархальными группами, неспособны они к общему дисциплинированному действию, требующему экономической централизации, прежде всего налога, который позволил бы содержать войско взрослых холостых людей».

Из этого здравого рассуждения авторы делают, однако, совершенно оригинальные выводы: средневековые тюрки – это непременно кочевники; в Восточной Европе кочевников не было, они обитали где-то далеко в Азии; стало быть, в Восточной Европе не было ни кочевников, ни тюрков. Потом, правда, они допускают существование по эту сторону Волги и тех, и других, но считают их чрезвычайно малочисленными. О ком же пишется в немалом количестве древних источников (не все же эти книги были подделками)? Поскольку авторы не сильны в этимологии, ответ они находят сразу, вослед за одним из отцов-основателей Новой Хронологии Н. А. Морозовым.

Толкования тюркских этнонимов в книге «новохронологов» – полная хлестаковщина: кипчаки – от русского «купчики» (уменьшительно-ласкательное название европейских купцов), печенеги – печники-венгры: они доставляли руду с Карпат, плавили железо в районе города Пешт, и развозили его по Дунаю (почему бы не делать это на месте?). Хазары – род войск, гусары; аланы – легкая кавалерия, уланы. Половцы – ясное дело, вовсе не тюрки, а генуэзцы-колонисты, заселявшие берега Черного моря. Сплавливали по Днепру, Дону и Кубани свои товары в Южную Россию, за что и получили прозвание «пловцы», которое превратилось в «половцы». «Кроме того, – пишут авторы-ясновидцы, – они могли нанимать к себе на работу и действительных тюрков-кочевников, которые тоже могли получить прозвание «половцы», по имени хозяев своих».

Описывая дружеские и родственные отношения половцев с русскими, Валянский и Калюжный делают вывод: «Ясно, что родственные отношения русских X-XI вв. с половцами были как с народом культурным. Ничего подобного, однако, не могло быть, если б эти половцы были полудикие степные кочевники, убежавшие от русской колонизации все далее и далее на восток» (Валянский, Калюжный, с. 117-137). Исключительно свежо и оригинально. Итальянцы-генуэзцы, люди культурные и торговые – вот кто такие эти половцы! Вот с кем сражались на Каяле воины князя Игоря, с кем иногда воевали, иногда дружили русские князья! Логика у авторов железная: половцы – народ культурный, следовательно, тюрками быть не могут. Потому что средневековые тюрки оседлыми не бывали – только кочевниками.

Доказывая, что все эти народы, которые доселе считались тюркоязычными, а на самом деле были генуэзцами, венграми, славянами, немцами и пр., Валянский и Калюжный не обращают внимания на их весьма странные для европейцев имена, встречающиеся, например, при упоминаниях браков русских князей с половчанками (по их мнению, дочерьми генуэзцев): Аепа, Гиргень, Турк-хан, Беглюк, Кончак, Тегак, Башкирд, Котян, Кунтувды и другие кунаки и абреки. Нашим мудрецам не пришел в голову простой вопрос: зачем русские летописцы наделяли «итальянцев» тюркскими именами и почему хотя бы один из них не написал чего-то вроде: «Пришед бяше окаянный и треклятый агарянин хан Джованни Ромуальдыч под Переяславль, повоевал три города и ушел восвояси»?

Русские летописи, повествуют Валянский и Калюжный, могли также путать половцев с полянами, они же поляки, они же ляхи: «...теперь совершенно невозможно определить, какие набеги совершали на Русь половцы-итальянцы, а какие – половцы-поляки». Но тюрки жили далеко на востоке, были кочевниками, а чтобы верить, что они совершали набеги на всем протяжении границы от Рязани до Киева, «мы должны допустить их невероятную многочисленность». Разумеется, допустить такую ересь наши авторы не могут; но тогда непонятно, откуда взялись нынешние тюрки, коих насчитывается не менее 150-200 млн. чел., и как они сумели занять такую громадную территорию.

«Академическая» наука отбрасывала начало истории тюрков в Северный Китай, Монголию, Забайкалье, Алтай, откуда они неудержимо летели на запад, неведомо зачем (или, как вытекает из множества исторических трудов, для грабежа и разрушений – такая, мол, у них была психология). Согласно С. Валянскому и Д. Калюжному (и их предшественнику Н. А. Морозову), вначале густо была заселена только Западная Европа, далее на восток простирались безлюдные степи, в которых можно было обнаружить лишь редкие стойбища скотоводов. Потрясатели империй превращаются у них в малочисленных и полусонных пастырей овец, которые пребывали в мифическом до-временье и лишь изредка нанимались в охранники к европейским купцам из Крыма.

О тех, кого возглавлял Атила, кто разбил крестоносцев на Ближнем Востоке, кто сражался в войсках Тимура, почему в Венгрии и кем был создан Гунно-Аварский каганат и пр., Османскую империю, Крымское ханство, в работах многих неохронологов ничего не сказано. Им заранее известно, что тюрки ни создавать государства, ни разрушать их не могли. Тихо и мирно пасли овец – вот и вся их история, если верить нашим авторам. Но куда подевать историю гуннов, тюркютов, Волжской Булгарии, сельджуков или османов? Ответ у наших авторов готов: например, турки-османы, создатели мировой империи, и не тюрки вовсе, а отуреченные греки. Почему не случилось наоборот, если первых было так мало, и какие события отразились в великих героических эпосах тюркских народов, если они никогда не совершали масштабных завоеваний, походов и пр., авторы не объясняют.

Ордынского ига, по мнению Валянского и Калюжного, не было, поскольку не было и самой Золотой Орды. Эта Орда – не что иное, как народная память о рыцарском ордена Золотого Креста, насаждавшем католичество в Восточной Европе. Штаб-квартира ордена находилась в Татрах, отчего их и прозвали татровцами, татарами; оттуда рыцари и приходили на Русь. Далее, повествуя о противоборстве Тимура и Тохтамыша, авторы сумели привести такую цитату из книги Н. А. Морозова, от которой даже у закаленного читателя глаза ползут на лоб: «Прозвище Тохтамыш распадается на два слова, «Доктор» в смысле «ученый» и «муж», от немецкого «Менш» в смысле «воин». И получается «Ученый воин», по мнению Н. А. Морозова. Мог ли воин быть ученым? Конечно, если он теософ и руководитель крестоносного ордена».

И множество таких же перлов, в том же духе. При чтении этих разделов книги возникает ощущение, что авторы то ли посмеивались над ошеломленным читателем, то ли наслаждались произволом, с легкостью необыкновенной интерпретируя все, что попадется под руку, ничуть не утруждая себя доказательствами, и сочиняя вместо одной нелепой истории другую, не менее нелепую. Наивный читатель думает, что Дешти-Кипчак – это арабское название Половецкого поля. Нет, отвечают Валянский с Калюжным, это Германия, просто арабские авторы исказили смысл русско-германского названия *Дейч-купчик*, т. е. «немцы-купчики» (почему не «купчины»?). Замечательное название для страны – «немцы-купчики». Отчего бы славянам не называть Скандинавию в том же духе – «Варяги-разбойнички»?

Невежество (в отличие от произвола в обращении с фактами) имеет свой предел, в том числе и средневековое. Как могли восточные славяне перепутать всех и вся – полян,

поляков, немцев, венгров, половцев, генуэзцев и пр. и пр.? Или немецкий язык – с тюркским? Воинов-татар с крестоносцами? На последний вопрос Валянский и Калюжный дают сногшибательный ответ: «Привыкли называть своих врагов татарами (хуже которых только незванный гость), русские, в своем противостоянии с Казанским царством, перенесли на его жителей это прозвище (неужели других врагов не было? – М. Дж.). А вот почему сами казанцы приняли это прозвище и присвоили своему народу – задача для этнопсихологов» (таковой, скорее, должны бы стать этимологические «открытия» самих авторов. – М. Дж.). Но почему тогда русские не присвоили название этих крестоносцев («татары») шведам или хотя бы туркам? А рыцари Тевтонского и Ливонского Орденов – вот кого следовало назвать «татарами, татровцами»: тоже крестоносцы, да еще и немцы.

В этой же книге Валянского и Калюжного написано, что казаки были одичавшими низшими чинами крестоносцев, некогда сеявших зерна христианства и культуры на Руси и в других восточных странах, и что их имя происходит от латинского *каса* – «дом», откуда и «казарма». Но неужели обладание жилищем или проживание в казарме было отличительной чертой казаков? Хотелось бы спросить: интересовались ли авторы другими объяснениями? Почему бы им не обратить внимание хотя бы на полное сходство трех этнонимов – «касог - казак – казах» (в тюрк. яз., кстати, что русские казаки, что турки-казахи называются одинаково – *къзакъ* «воин»).

Согласно канонической версии истории культура и цивилизация распространялись по планете с Ближнего Востока, по мнению Валянского и Калюжного – из Европы, только в более сжатые сроки. Но, успешно громя хронологию Скалигера, эти неохронологи при попытках создать более реальную историю остаются на позиции своих противников., о чем свидетельствует их склонность к волевым решениям проблем, в частности, следующее рацпредложение: «Давайте отсечем от русской средневековой истории ее мифическую восточную часть, и сразу все несообразности исчезают: мастера Европы несли науку и технику на Русь; русские мастера уходили на работы и обучение» в Европу; «и такие же русские мастера уходили осваивать новые земли за Волгой». «Колесо культуры медленно катилось на восток. Обратного движения не было» (Валянский, Калюжный, с. 374).

Академисты доказывают, что Азия в лице тюрков веками шла в культурную Европу, неся с собой кочевую дикость и ничему не учась. Валянский и Калюжный утверждают обратное: кочевая Европа в лице крестоносцев и мастеров шла в Азию, неся с собой культуру и постепенно дичая. Результат один и тот же: кем бы ни были европейцы – кочевниками-крестоносцами или племенами земледельцев – они носители культуры и цивилизации; кем бы ни были турки – они ярые приверженцы дикости. Что европейские ученые старого закала, что российские и советские, что «новые хронологи» – для всех них тюркская история стала камнем преткновения. Почему именно она, надеюсь, читателю ясно: отбросив начало истории этой огромной общности далеко на Восток, академисты объявили ее историей «североиранцев», которые исчезли во мгновение ока, едва только гунны перешли Волгу. Валянский и Калюжный, которым над всеми возникающими сложностями думать не хотелось, поступили еще радикальнее: по их мнению, не было в европейских степях ни «североиранцев», ни тюрков, история началась на Западе, когда на всей планете царил безвременье. Официальщина и Скалигер сидят и в неохронологах, причем сидят очень глубоко.

ПРАРОДИНА

Вопрос о прародине тюрков и археологической культуре, созданной ими, поднимался в науке несколько раз, но путь к его успешному разрешению был намечен только в книге

И. М. Мизиева «История рядом» (разумеется, немедленно преданной анафеме), изданной в 1990 г.; тот же вопрос и достаточно детально проанализирован им в другой работе - «История Балкарии и Карачая с древнейших времен до походов Тимура» (1996). Ученый обратил внимание на древнюю культуру (о которой мы уже говорили выше), называемую ямной (по способу захоронения покойников в прямоугольных ямах). Ее подразделяют на несколько вариантов, занимавших обширную территорию в степной зоне Восточной Европы. Позже ямники распространились на восток к Уралу, Алтаю и в Казахстан, на юго-восток в Среднюю Азию, на запад к Днепру, и на юг - к Кавказу.

Их появление всюду сопровождалось возведением курганных насыпей над прямоугольными погребальными ямами. В местах стыков ямников с иноязычными племенами возникали локальные варианты этой культуры, например, майкопская. Инвентарь, обнаруженный в погребении какого-то вождя степняков, оказался ближневосточного происхождения, но сам вождь похоронен по обряду ямников; как считал исследователь, они совершали походы в страны Ближнего Востока, откуда и возвращались с богатой добычей, часть которой попала в могилу их предводителя. Возможно, часть ямников в конце концов осела в Месопотамии, чем и объясняется сходство тюркской и шумерской лексики, много раз отмечавшееся многими лингвистами. (Шумеры, как предположил Мизиев, - народ, возникший при смешении местного населения и пришлых ямников-пратюрков).

Поскольку создатели ямной культуры и ее ответвлений были европеоидами, то ученые автоматически причисляли их к индоевропейцам. В противовес им И.М. Мизиев выдвинул несколько сопоставлений, наглядно показывающих преимущество ямников и тюрков; подобные параллели в первом случае отсутствуют. Конечно, мы не можем пересказывать здесь все аргументы; полагаем, что принятие его выводов помогает прийти к разгадке всей последующей истории тюрков.

И. М. Мизиев дает сопоставительную таблицу признаков ямной и срубной культур:

1. Курганный насыпь
2. Могила, облицованная дерном, подстилка из коры, травы, камыша, бревенчатый накат
3. Жертвенная пища: в могилах кости лошади, овцы
4. Круглодонная, остродонная, яйцевидной формы керамика
5. Костяные и медные псалии
6. Кости лошади на поселениях
7. Захоронения лошади с человеком

Ни один из этих элементов для древних индоевропейцев (точнее сказать, индоиранцев) Передней Азии не характерен (Мизиев, 1990, с. 49).

Очень важно и другое наблюдение И. М. Мизиева: «Территориально локальные варианты древнеямной культуры почти полностью совпадают с территорией локальных вариантов салтово-маяцкой культуры Хазарского каганата и половецкой культуры восточноевропейских степей:

Древнеямн.	Хазарск.	Половецк.
Волжско-уральский	Средневолжский	Поволжский
Предкавказский	Дагестанский	Предкавказский
Приазовский	Приазовский	Приазовский
Крымский	Крымский	Крымский
Донской	Нижнедонской	Нижнедонской
Северско-донецкий	Верхнедонской	Донецкий
Северо-западный	Дунайский	Приднепровский

И. М. Мизиев, к сожалению, ознакомиться с трудами по новой хронологии не успел; но, понимая нелепость взгляда, согласно которому народы тысячелетиями жили, сохраняя один и тот же хозяйственный уклад и культуру, он вынужден был сделать вывод: «Как видно, степные просторы Восточной Европы с конца IV тыс. до н. э. по X-XII вв. н. э. занимали племена примерно с одинаковым хозяйственно-экономическим укладом, сформировавшие стойкое кочевое общество, удачно и прочно приспособленное к степному ландшафту» (Мизиев, 1990, с. 38). Конечно же, один и тот же хозяйственно-экономический уклад не мог сохраняться на этой территории в течение 4000 лет. Ямники, срубники и другие обитатели степей Восточной Европы были, на наш взгляд, **непосредственными предшественниками и предками средневековых тюрок**, и никакие тысячелетия их друг от друга не отделяли.

Еще более красноречива другая сводка, составленная И. М. Мизиевым, в которой перечислены признаки, характерные для катакомбных погребений:

1. Курганная насыпь
2. Погребальные повозки, срубы, колоды
3. Захоронения лошадей
4. Войлок в могилах и в быту
5. Употребление кумыса, конины
6. Способ доения кобылиц
7. Способ варки мяса
8. Гадание на прутьях
9. Бальзамирование трупов
10. Способ скальпирования

Ни один из этих элементов ни индоиранцам, ни индоевропейцам не присущ; но зато все это отмечалось у средневековых тюрок. Полностью правомерен и основной вывод исследователя: «Древнейшая история прототюркских или протоалтайских племен начинается с появлением курганной культуры со всем комплексом ее специфики. С этого времени мы можем говорить о полнокровном характере их хозяйства, культуры и языка» (Мизиев, 1990, с. 71; с. 42).

В конце 2005 года в Нальчике была издана книга Р. Р. Тилова «Сага о Кавказе». Автор, инженер-механик по образованию, работал над ней более 10 лет, анализируя огромный материал – от археологии до эзотерики, добравшись до самого нижнего временного пласта, до которого можно было дойти на основе данных науки. Он привел и объяснил массу терминов из разных областей лексики, возникавших в процессе контактов различных народов на основе меж-языковых скрещений, игры слов и калькирования. Интересны и плодотворны в книге Р. Р. Тилова объяснения чрезвычайно сложных выражений (кеннингов) из древнегерманского фольклора, считавшихся особенностью поэтики, возникших по прихоти народных певцов, но на самом деле представляющих собой кальки тюркских слов и выражений. Мы не можем останавливаться на всех постижениях автора и отсылаем читателя к его книге. Чтобы дать некоторое представление о ней, отметим только три примера.

«**Дуб топора**. Так именует «Эдда» своих воинов-героев. В кар.-балк. *аскер* «воин» присутствует древнегерман. слово *Ас* «дуб», а также часть кар.-балк. слова *керки* – «небольшой топор-кельт», поэтому воина и называли «дуб топора».

«**Пояс силы**. Волшебный пояс, дававший силу богу грозы Тору. Образ возник из созвучия тюрк. слов *куш* «сила» и *кушак* «пояс».

Но главным открытием автора явилось появление нового и вполне научного метода: Р. Р. Тилов неопровержимо доказал, что в долгом процессе развития способов фиксации и передачи информации был период, который можно назвать «предметно-ребусным». Древние мастера в определенную, не столь уж отдаленную эпоху, создавали вещи или изображения на них на основе народной этимологии; следовательно, во многих случаях, «читая» их, можно узнать о том, к какому роду-племени эти мастера (или их заказчики) принадлежали. Прежде немые археологические находки заговорили, причем достаточно внятно. Например, среди многочисленных изделий, принадлежавших кобанской культуре (эпоха бронзы), есть весьма странная подвеска – гусь, сидящий на человеческой ноге. Если «прочитать» ее по-тюркски, получается *къаз аякъ* «гусяная лапка». Но изображение гусяной лапки является знаком (тамгой) туркменского рода Игдыр, одно из подразделений которого именуется *къазаякълы* «гусеногий», а также и знаком племени *салыр*, в которое входит род Игдыр. «Родовой знак туркмен «гусяная лапка» встречается и в ранней культуре полей погребений раннежелезного века Европы в комплексе с дуговидными фибулами, аналогичными кобанским, а также в скифских погребениях Закавказья (в Армении есть и топоним Игдыр)», - пишет Р. Р. Тилов. Такие же подвески известны и из погребений срубной и андроновской культур.

Вывод исследователя полностью правомерен: «...поскольку эта деталь не имеет утилитарного значения, а является родовым знаком-тамгой, следует предположить, что она не могла экспортироваться как товарное изделие, а распространялась вместе с носителями этого знака». Сопоставительный анализ материалов кобанской культуры с материалами археологических культур Азии (карасукской и тагарской, сходных с кобанской, но более поздних по времени), а также с находками на территории Китая, позволяют уверенно говорить, что их создатели двигались с запада на восток, с Кавказа и Поволжья – в Сибирь.

ВЕЛИКАЯ ТАЙНА АРХЕОЛОГОВ

Выше мы говорили о том, какой видят историю тюрков некоторые неохронологи. К счастью, не все они рассуждают о ней так легковесно. Замечательно логичен, честен, а потому и убедителен, например, подход известного археолога А. О. Добролюбского, почти всю свою жизнь изучавшего древности скотоводческих племен Восточной Европы. Мы посвятим этот параграф изложению его статьи «Великое перерождение народов» (из Интернет), богатой сопоставлениями фактов, выводами и наблюдениями, благодаря чему, надеюсь, читателю многое станет гораздо яснее (курсивом даны наши примечания).

А. О. Добролюбский отмечает некоторые, имеющие очень важное значение факты в исследовании истории «кочевников» Восточной Европы: «Если «скифо-сарматская» эпоха (по «эталонным» образцам) представляется заполненной соответствующими памятниками довольно равномерно, то начиная с конца IV в. н. э. многочисленные погребения кочевников в Причерноморье внезапно исчезают. Затем, примерно с рубежа IX-X вв., они столь же внезапно появляются, причем тоже в большом количестве. Далее, ближе к нашему времени они продолжают во множестве существовать (с перерывом во второй половине XIII в.), вплоть до середины XIV в. А затем снова исчезают. Навсегда. Ногайские кочевые орды археологически выделяются лишь по крупным могильникам XVI-XVIII вв. - впрочем, такое выделение их совокупности кочевнических древностей было предложено нами лишь в последние годы». Следует отметить, что перерыв весьма велик – более четырех столетий! Куда же испарились «друзья степей»?

«Таким образом, - говорит археолог, - при формальном распределении «эталонных» кочевнических древностей по «эталонной» же хронологической схеме образуются два

немалых сменных разрыва. Один из них (V-IX вв. включительно) соотносится с эпохой Великого переселения народов, которая при этом обильно и обстоятельно освещена в письменных источниках. Последние в совокупности создают яркую историческую панораму - степь в эту эпоху была «переполнена» многочисленными кочевыми ордами. Между тем никакие классификационные ухищрения не позволяют нам убедительно выделить погребения гуннов, аваров, кочевых болгар или венгров и пр. - ничего не получается (ср. с утверждениями С. А. Плетневой, приведенными выше. – М. Дж.). Это факт - таких памятников в Северо-Западном Причерноморье нет».

Не странно ли: источники сообщают о многочисленных племенах и народах, их войнах и передвижениях – а реальных следов их существования нет (зато у историков есть непоколебимая вера в хронологию Скалигера, которая и повинна в такой несуразице). Выходит, все эти древние авторы писали о народах, которых никогда не было. Или, о тех, которые были, но потом куда-то исчезли, и появились снова на том же месте, через несколько столетий. Конечно, настоящий ученый не сможет смириться с таким положением и не станет скрывать обнаруженные противоречия - ни от других, ни от себя.

«Другой временной разрыв (с середины XIV-XVI вв. и далее) археологи объяснить даже не пытаются. Просто этим никто серьезно не занимается. К тому же «есть мнение», что компетенция археологии на этом времени вообще заканчивается. Достаточно заглянуть в любой учебник по археологии - изложение материала после XIV в. просто прекращается».

«Представим себе массив всех известных кочевнических погребений (исключая очевидные могильники) начиная с эпохи раннего железа (рубеж II-I тыс. до н. э.) до XVIII в. - на западе степного Причерноморья». «Если рассмотреть весь массив с точки зрения конструктивных особенностей могил, то легко можно видеть - выразительные («эталонно-атрибутивные») памятники киммерийского и скифского времени не образуют очевидных крупных сходных («дубликатных») серий-совокупностей. Это - явные индивидуальные инварианты. Зато их образуют **два типологических массива**, которые достаточно надежно датируются **I в. до н. э. - IV в. н. э. и X-XIV вв. н. э.** каждый. Первый соответствует «сармато-аланскому» времени, а второй принято относить к «поздним», «средневековым» кочевникам. Такие массивы являются «эталонными» - каждый для своей эпохи».

Отметим, что временной период очень велик – согласно традиционной хронологии он составляет более 2, 5 тысяч лет. И все это время злосчастные «кочевники» вели один и тот же образ жизни, «исчезнув» на полтысячелетия в V в. и на столько же – в XIV-ом.

«Можно видеть, что обе серии памятников - сармато-аланская и печенежско-половецкая - при их сопоставлении с точки зрения погребальных конструкций довольно сходны. Обе они также сопоставимы по продолжительности существования и имеют сходные внутренние подтипы: ранние этапы сарматского и печенежско-торческого времени характеризуются преимущественно впускными могилами в насыпи более ранних курганов».

Далее, перечислив ряд одинаковых признаков в обеих сериях, А. О. Добровольский делает вывод: «Оба типологических массива сравнительно равномерно и топографически сопоставимо распределены по степной территории Северо-Западного Причерноморья. Они сопоставимы и количественно - в каждом насчитывается до двух сотен погребений. Таким образом, наша выборка оказывается случайной и «репрезентативной».

Как же археологи отличают «ранние, скифо-сарматские» погребения от «поздних, печенежско-торческо-половецких»? А. О. Добровольский пишет: ««Позднекочевническая» (печенежско-торческо-половецкая) серия (X-XIII вв.) представлена почти исключительно

одиночными впускными погребениями мужчин-воинов, часто сопровождаемых остатками коня. Способы уложения лошади в могилы довольно разнообразны. Это - либо «чучела» (конечности и череп в «анатомическом» порядке), либо полные остовы коней в разных положениях, которые сопровождают умершего в общей или в отдельной ямах».

«Основной инвентарь в могилах - это остатки конской сбруи и оружия - кольца, удила, сабли, наконечники стрел, накладки на луки и колчаны, режы - остатки кольчуг. Если лошадь не уложена, а инвентарь немногочислен, то такие погребения считаются «бедными». Керамики нет вообще - в исключительных случаях отмечены невыразительные лепные горшки или их фрагменты. Женские погребения (определяемые по инвентарю) достоверно не выделяются. Богатые погребения (с золотом и другими признаками «исключительности») появляются лишь к XIV в. Тогда же появляются и женские захоронения с зеркалами и ножницами. Ни в одном случае не обнаружено компактных могильников, которые можно было бы уверенно связать с печенегами, торками или половцами».

«В погребениях мужчин-воинов сармато-аланского массива наборы оружия функционально сопоставимы с «позднекочевническими». Они также, помимо оружия, сопровождаются предметами конской сбруи. Ни один комплекс не представлен захоронением коней, очень редко - их отдельными костями». «Не мала доля женских погребений, определяемых по инвентарю, сравнительно высок процент богатых погребений кочевой знати». **«Если попытаться формально воссоздать печенежско-торческое и половецкое общество X-XIII вв. лишь по данным погребального обряда (т. е. по общепринятым в археологии правилам реконструкции), то мы обнаружим, что оно состояло исключительно лишь из воинов-всадников и не имело ни женщин, ни кочевой знати».**

«Получается, что это общество - всадники, сопровождаемые нищими толпами, - безостановочно передвигалось с места на место по причерноморским степям, не оставляя после себя никаких археологических следов, кроме одиночных могил. Число «бедных» захоронений очень велико, хорошо укомплектован и «средний» слой. Никакой посудой они не пользовались вообще. Таков, в общих чертах, инвариант «позднекочевнической» серии. Надо сказать, что он соответствует нашим обиходным представлениям о «диких» кочевых ордах, которые донесла до нас письменная традиция».

«Но им не соответствует «сармато-аланская» серия - не менее «дикая», в таких же представлениях. По тем же формальным признакам обрядности, сарматы и аланы лошадьми не пользовались, а лишь использовали их изредка, как жертвенную пищу. Зато у них было множество знати и женщин, в том числе и очень богатых. Все они ели и пили из богатой и разнообразной посуды. «Средний» слой также укомплектован неплохо. А вот «бедных» почти нет. Это, также в общих чертах, - инвариант сармато-аланской серии».

«Вряд ли нужно добавлять, что описанных типов обществ почти никогда не бывает. Это означает, что налицо выраженная археологическая «недокомплектность» обеих типологических серий-совокупностей (инвариантов). И если (абстрагируясь от датировок) их типологически совместить в единый массив и рассматривать как «максимальный инвариант», то мы увидим совершенно «нормальное» общество кочевников с вполне гармоничной половозрастной и вертикально-социальной организацией, бытом и культурой. Типы погребальных сооружений «поздних кочевников» остаются сходными с сармато-аланскими. Но при этом они заполняются многочисленными женщинами, конями, предметами быта, мелким и крупным рогатым скотом и т. п. и «дополняются» знатью, могильниками, а также оседлым окружением».

Ученый выдает здесь великую тайну археологов-академистов, рассудивших очень просто: богатые инвентарем погребения принадлежали скифо-сарматам, «ранним

кочевникам», а бедные – «кочевникам поздним», тюркам. Такой подход позволил поделить надвое археологический инвентарь, принадлежавший тюркским племенам, обитавшим в Восточной Европе, и приписать их богатые погребения мифическим «североиранцам». То, что во всех этих могилах похоронены представители одного и того же этноса, а отличия в инвентаре отражают имущественное и социальное неравенство погребенных, ученым и в голову не приходило. Вот и получилась очередная нелепость: все скифо-сарматы были богачами, имевшими жен, а все печенего-половцы – холостыми бедняками. Вывод археолога полностью правомерен: «Никакие классификационно-типологические археологические соображения не мешают полагать, что перед нами единый хронологический массив памятников. Конкретно это означает, что сармато-аланская серия может являться археологически «ущербным» дубликатом (или «фантомом» - в терминологии А. Фоменко) печенежско-половецкой серии. **А это, в свою очередь, может означать, что все памятники, воспринимаемые нами как сармато-аланские, относятся к X-XIII вв.**».

Это заключение ученый подкрепляет и анализом письменных источников, согласно которым контакты с причерноморскими «кочевниками» происходили на Нижнем Дунае по линии римского лимеса, защищавшего Империю от варваров. «Основная «историко-типологическая» характеристика этого контакта - постоянное давление кочевого мира на Дунай. Это считается общепризнанным фактом». Тогда же создается обобщенный образ соседей, и «самые нежные, пожалуй, эпитеты, которые античные и византийские авторы единодушно применяли к кочевникам – «свирепые», «дикие», «придунайские волки».

Очень важны и два других обстоятельства, указанных А. О. Добролюбским: **«С точки зрения историко-археологической типологии и сармато-аланская, и печенежско-половецкая эпохи начинались на западе степного Причерноморья** (выделено нами. – М. Дж.) довольно сходным образом. Впрочем, сходным образом они и заканчивались». Граница между скифо-сарматами и Римом проходила по Дунаю, но там же проходила граница между Византией и печенего-торко-половцами. Поначалу римляне пытаются разбивать вторгающихся варваров-скифов, сталкивать их друг с другом, подкупают вождей, затем начинают давать им земли для поселения, принимают на службу.

«Таковой, в самых общих чертах, представляется «типологическая» ситуация на Нижнем Дунае на протяжении I века. Попытаемся ее сравнить с ситуацией, в которую попала Византийская империя с печенегами, торками и половцами после появления их в причерноморских степях. И окажется, что в историко-типологическом отношении все имеющиеся сведения о кочевниках на Дунае ко времени появления здесь печенегов почти точно воспроизводят здесь же ситуацию рубежа эр». Иными словами, тех, кого в «древнеримских» источниках именовали скифами и сарматами, в «поздних» византийских называли печенегами и торками.

Вторжения тюрков в пределы Византийской империи иногда принимали неслыханные масштабы: «В 1048 году огромные массы «скифов» (читай: печенегов) пересекают Дунай. В 1064 г. еще большие массы «скифов» (читай: гузов-торков) следуют за ними. В 1069 г. за ними внезапно последовали другие бесчисленные «скифские» орды (печенеги) числом около 800 тысяч. Это вторжение - как «удар молнии» (Феофилакт Болгарский) - произвело на византийцев особенно сильное впечатление. После него и вплоть до начала 1090-х гг. «дунайская равнина оказалась во власти страшной орды». Лишь в 1091 г. императору Алексею Комнину (впрочем, как и Домициану) удастся справиться с ситуацией - уничтожить печенегов руками половцев Боняка и Тугоркана и спасти Империю».

«Иными словами, историко-типологический инвариант полностью «накрывает» такой же инвариант I века. При этом можно видеть, что в обоих случаях «римские» власти ведут

себя совершенно одинаково: они пытаются остановить кочевников силой, использовать одни их племена для защиты от последующих, селят «скифов» во Фракии-Паристрии на правах «федератов», умело используют противоречия между «скифскими» вожаками, ловко натравливают их друг на друга и т. п. Отметим, что во всех случаях прорывающиеся за Дунай кочевники именуются исключительно «скифами». Решительно все авторы характеризуют своих «скифов» совершенно одинаково. При описании сарматов и аланов римскими авторами (напр.: Амвросий, Секст Аврелий Виктор, Аммиан Марцеллин и др.) и при характеристике печенегов, торков и половцев византийскими авторами XII-XIII вв. возникает ощущение, что описываются одни и те же события в очень сходной терминологии».

Оно и понятно. Византийская история была старше Римской (вопреки канонической версии истории). Византийцы именовали себя «ромеями» - «римлянами». Когда началось возвышение и усиление Рима (на Тибре), понадобилась древняя, как можно более славная история. А где ее взять? Конечно, что-то сочинили сами, но в основном, вероятно, перевели на латынь византийские хроники, придав им «древнеримский» колорит; это было тем более легко, что в XV в. Византия перестала существовать. Вот ее и объявили возникшей позже Рима, якобы после раздела Римской империи на две части – западную и восточную. Помнится, в одном из средневековых источников встретился рассказ о Ганнибале, который воевал вовсе не в Италии, а очень далеко от нее – на юге Малой Азии.

Археолог продолжает: «...все византийские авторы XII-XIII вв. при любых упоминаниях о народах Причерноморья преимущественно используют их «античные» имена вперемежку со средневековыми. Античные - даже чаще. Причерноморский мир одновременно населяют киммерийцы, скифы, агафирсы, гелоны, меоты, иссидоны, узы, гунны, хазары, тавры, тавроскифы, гипербореи, галаты, куманы, влахи, росы, даки, геты, аримаспы, иссиды и др. На страницах византийских хроник повсеместно реактуализуется этнографическая картина мира Геродота, Посидония или Страбона».

«Равным образом повсеместна социально-политическая, географическая и бытовая терминология античной эпохи - герусии, гетерии, архонты, триеры, оболы, дарики, статеры, парасанги - реальные понятия Фукидида и Ксенофонта; августы, цезари, патриции, дуксы, магистры, преторы». «А еще надо подумать и о переводчиках – всегда ли они переводили «античные» источники буква в букву? Может быть, кто-то, в недоумении, не удерживался и исправлял «неправильные» сведения?».

По мнению «академической науки», Византия приняла христианство в IV в., следовательно, авторы византийских хроник были христианами, и после X в. восточному христианству как государственной религии исполнялось уже 7-8 столетий. Но эти авторы почему-то используют в своих сравнениях и уподоблениях имена не библейских персонажей, а имена героев древнегреческих мифов и эпосов времен самого лютого язычества.

«Не менее распространена и ассоциативность с героями античной мифологии - у Льва Диакона император Никифор Фока подобен Тидею, с Гераклом сравнивает своего отца - Алексея - Анна Комнина. Подобные сравнения во множестве находятся у Пселла и Никифора Вриенния, который свои исторические примеры черпает из историй Брасида, Александра Великого, Перикла. Изображение событий и героя по форме совпадает в деталях с античными историческими новеллами. Терминологически получается, что Аппиан, Дион Кассий, Аммиан Марцеллин, Феофилакт Симокатта, Константин Багрянородный, Кекавмен, Пселл и Киннам – современники».

«Сказанное иллюстрирует историческое «впечатление» об эпохе печенегов, торков и половцев в Причерноморье - все византийские авторы единодушно считали их

«скифами». Все это означает, что средневековые тюрки – это и есть «древние» скифы, сарматы, саки, массагеты и др. Наука жива, пока живы такие честно и ясно мыслящие ученые, как А. О. Добролюбский.

В заключение приведем цитату из статьи А. В. Подойницына «О кочевом феодализме, кочевых городах и кочевниках» (из Интернет): «Концепция кочевого мира Евразии времен античности и Средневековья, по всей видимости, неверна. Огромные территории от Черного моря и до границ Китая были заселены не кочевыми племенами скотоводов, а культурами, уровень развития которых качественно соответствовал классическим цивилизациям Древнего мира. Не исключено, что само понятие «кочевников» родилось, видимо, из термина «номады», который на самом деле может быть переведен и как «всадники». А это очень разные понятия. Поскольку в этом случае возникает неразрешимое противоречие, связанное с полным отсутствием идентифицированных с этими якобы кочевыми культурами письменных памятников, то остается предположить, что традиционная классификация древних и средневековых народов, а также принятая историческая хронология содержат в себе серьезные искажения».

«АВТОХТОНЫ»

По мнению официальной науки, на Кавказе с незапамятных времен существовала некая «иберийско-кавказская общность», говорившая на диалектах одного языка («языковой союз»). Затем сюда пришли «северные иранцы», скифо-аланы, и ассимилировали часть этого населения (древних кобанцев) на пространстве от Чечни до Абхазии. Позже пришли тюрки; в XIII в. произошла тюркизация западной части асов-алан, и появились карачаево-балкарцы, а на востоке, в результате ассимиляции части даргинцев - кумыки. Так ученые поделили население Северного Кавказа на автохтонов и пришельцев; к числу первых отнесли аварцев, даргинцев, табасаранцев, лезгин, лакцев и ряд других народов Дагестана, чеченцев, ингушей, абазин, абхазцев, кабардинцев, черкесов и адыгейцев (всего около 30 народов), к числу вторых – осетин, кумыков, ногайцев, карачаево-балкарцев. Но эти, ныне почти общепринятые представления, как и многое в академической науке, появились не в результате кропотливых исследований, а в итоге некоего соглашения ученых, конвенции.

Никто до сих пор не дал убедительного ответа на некоторые простейшие вопросы. Почему ни один «кавказско-иберийский» народ не понимает языка своих «родственников», даже ближайших, живущих буквально за речкой или за горой, в двух шагах? Например, адыгеец, которого лингвисты затолкали в «абхазо-адыгскую группу», поймет речь абхазца или абазина не лучше, чем речь вьетнамца, как и лакец речь ингуша, а табасаранец – даргинца или аварца. Объяснение обычно следующее: вначале все кавказцы говорили на одном языке, потом разошлись по разным ущельям и постепенно у них выработались свои диалекты, а из них возникли самостоятельные языки. Но Северный Кавказ - не архипелаг, а народы региона не состоят из отшельников. Да и на основе чего, по какому принципу могло происходить обособление и разграничение ареалов? Неужели на основе договора: пусть от сих пределов до сих говорят на одном языке, а от сих до сих – на другом?

На многие факты, опровергающие теорию генетического родства «иберийско-кавказских» языков, обратил внимание К. Е. Гагкаев. Приведем некоторые сведения из его статьи «Кавказский языковой союз и осетинский язык» (1984 год («Осетинская филология». Межвузовский сборник. Орджоникидзе, 1984, с. 3-14). Лингвист отмечает: «Как известно, свой тезис о языковых союзах Н. С. Трубецкой впервые обосновал именно на примере кавказских языков. Ниже мы выскажем ряд соображений, которые, хотя и

категорически не ставят под сомнение правильность выдвинутого более полувека тому назад тезиса, требуют, однако, дополнительной и весомой аргументации в пользу кавказского языкового союза». Позиция автора, как видим, была довольно осторожной; но данные, которые он приводит, наталкивают на более радикальный вывод.

Языки, включенные в иберийско-кавказскую семью, лингвисты поделили на три группы: нахско-дагестанскую, картвельскую и абхазо-адыгскую. Но... «Наличие пестрой, весьма смешанной по своему составу топонимии, этнонимии и антропонимии свидетельствуют о том, что неоднократные внутренние передвижения этнических единиц отразились на лексике народов Кавказа. У каждого кавказского народа формирование его ономастики происходило самостоятельным путем на основе лексических ресурсов собственного языка. Были широко привлечены нарицательные имена, прозвища, метафоры, названия профессий и т. д. Общекавказская ономастика могла возникнуть только путем контактов и, как результат этих процессов, - заимствований», - пишет К. Е. Гагкаев. Итак, у каждого из «кавказоязычных» народов ономастика формировалась самостоятельно (причем на таком небольшом пространстве), но влияли на нее и передвижения, контакты и заимствования.

Разумеется, по-иному быть не могло. Однако здесь К. Е. Гагкаев делает странную для такого строгого автора оговорку, ссылаясь на другого автора: «Но роль контактов была строго ограничена географическими условиями. «Контакты языков, - пишет А. С. Чикобава, - на Кавказе естественно затруднялись Кавказским хребтом и его отрогами». Как мы уже сказали, объяснением это не является, и на Кавказе не так уж много преград, затрудняющих контакты между народами. Считается, что кавказско-иберийские языки развивались на протяжении тысячелетий; неужто все это время народы, происходящие от одних предков, жили бы, не общаясь?

«Отсутствует материальное единство всех кавказских языков на основе общих лексических изоглосс, - продолжает К. Е. Гагкаев. - По мнению Г. А. Климова, существуют значительные расхождения материального порядка между абхазско-адыгскими и нахско-дагестанскими языками. Резко очерчена материальная специфика этих двух групп языков: из ста корневых сопоставлений Н. С. Трубецкого с целью доказательства родства этих двух групп ныне едва ли половина сохраняет свою силу. На базе методики М. Сводеша (сопоставления 207 слов, обозначающих базовые понятия. - М. Дж.) обнаружен весьма низкий процент схождений в основном словаре: до 7 % между грузинским и адыгскими, и до 12 - между адыгским и аварским. Термин «северокавказский» носит условный и неопределенный характер, пишет Г. А. Климов в другой статье, поскольку это понятие не оправдано ни в материальном, ни в структурно-типологическом, ни в генетическом плане».

Но, может быть, сохранилась близость этих языков в фонетике? Оказывается, тоже нет. «Значительные расхождения между абхазо-адыгскими, нахско-дагестанскими и картвельскими языками наблюдаются также в области фонетического строя. Так, в абхазо-адыгских языках наблюдается крайняя бедность вокализма; предполагается, что в абазинском и кабардинском языках этой группы состав гласных ограничивается одним звуком (моновикализмом), в адыгском (адыгейском? - М. Дж.) - двумя звуками». «В то же время в нахских и дагестанских языках количество гласных доходит до 15-20. А если принять во внимание фонологически существенные признаки назализации, умлаутирования и фарингализации, то общее число гласных, например, в чеченском языке доходит до 30». (Но картвельский вокализм состоит из пяти-семи гласных звуков). «Ср. пять фонем грузинского алфавита: А, Э, И, О, У, они соответствуют русской системе гласных, но не находят аналогии в других иберийско-кавказских языках».

Еще более красноречивы другие данные. «Общекавказской чертой является

исключительно богатый консонантизм. Наибольшее развитие он получил в абхазско-адыгских языках: в убыхском языке имеется 82 согласных, в абхазских диалектах – до 67 и в адыгском литературном языке – 57. Обилие согласных наблюдается также в дагестанских языках: хиналугском – 59, табасаранском – 55, ахвахском – 49 и т. д. Только в картвельских языках мы имеем всего 27-30 согласных».

Следовательно, и в ономастике, и в вокализме, и в консонантизме «иберийско-кавказских» языков мы наблюдаем огромные различия, которые никак не могут свидетельствовать об их генетическом родстве. Поэтому, на вопрос о том, достаточно ли фонетических признаков для постулирования кавказского языкового союза, К. Е. Гагкаев, имея на то все основания, дает отрицательный ответ: языки абхазо-адыгской группы – это типично консонантические языки, тогда как нахско-дагестанская группа тяготеет к языками вокалического разряда. (На наш взгляд, картвельские, в таком случае, никак нельзя считать занимающими промежуточное между ними положение – они слишком сильно отличаются и от тех, и от других, возможно, тяготея к языкам европейским). Точно так же обстоит дело и с другими данными. «...морфологическая структура кавказских языков сильно варьирует». «Иберийско-кавказские языки характеризуются различным количеством падежей. Так, в адыгейском два основных падежа, в кабардинском – четыре, в грузинском – семь, в чеченском и ингушском – до 10, а в бацбийском насчитывается до 22 падежей». И лингвисты уверяют при этом, что речь идет о языках и и народах, имеющих общее происхождение и сформировавшихся на одной территории!

Таким образом, количество резких, принципиальных различий между языками народов «иберийско-кавказской семьи» велико настолько, что говорить об их едином происхождении означает противоречить фактам. То немного, что в них имеется общего (эргативный падеж, грамматические классы), скорее всего, является следствием контактов и смешений отдельных групп населения на ранних стадиях формирования этих языков.

Кавказский хребет с давних времен был естественной границей между тремя мощными этническими массивами – иранским и семитским на юге, и тюркским на севере. Завоевать северные территории стремились и иранские шахи, и багдадские халифы, а тюрки стремились прорваться в Иран, Ирак и Малую Азию. И, конечно, каждая из сторон старалась укрепить эту границу, строя крепости у горных проходов или отправляя на Кавказ военных поселенцев. Сюда же владыки ближневосточных государств переселяли, в качестве наказания, отдельные племена, принимавшие участие в бунтах и восстаниях. Оказавшись в новых условиях, эти колонисты осваивали территорию, но, общаясь с соседями, не теряли и свои языки и культуру. Здесь могли оседать и небольшие группы, по тем или иным причинам отколовшиеся от своих этносов (преследуемые секты, например). История каждого из народов мира уникальна и любой исследователь должен учитывать это важнейшее обстоятельство.

«ПРИШЕЛЬЦЫ»

Никто из ученых-специалистов (русских или европейских), за последние полвека касавшихся проблем этногенеза карачаево-балкарцев, не сомневался в том, что их тюркоязычные предки (то ли болгары, то ли кипчаки) были кочевниками. Причем эти тюрки считались пришлыми априори; никто даже не пытался проверить, так ли это, или объяснить противоречащие такому мнению факты. Оно и понятно: объявляя тюрков автохтонами, т. е. пойдя против генеральной линии академической науки, лавров не наживешь. Возражения некоторых кар.-балк. ученых в расчет не принимались: что они ни скажи – все неправильно и антинаучно. Потому что «унд психопатологик»: борьба за

исконность, поиск «престижных предков («желание стать гишпанцем», как говаривал Козьма Прутков) и другие врожденные пороки, о наличии которых в себе эти ученые даже не подозревали – до тех пор, пока проницательные иранисты-фрейдисты не поставили им политико-психологический диагноз.

Слово-ярлык «кочевники» так часто повторяли в статьях, книгах и фильмах, что сами тюрки поверили в свое «кочевничество» и даже стали им гордиться. Но дело не в том, «хорошо» или «плохо» то, что твои предки вели такой образ жизни (что было, то и хорошо), а в том, правда ли это, подтверждается ли фактами. Например, карачаево-балкарцы – тюрки, и говорят на одном из тюрк. языков. Заимствований в нем относительно мало, в основном из арабского и персидского. Но, не один десяток лет занимаясь исследованием кар.-балк. мифологии и фольклора, я не мог не заметить, что концы с концами не сходятся. Не было ни в мифологии, ни в эпосе, ни в языке ничего «кочевнического». И в сказках тоже. И в историко-героических песнях. Может, это результат влияния фольклора соседних народов? Но вся духовная культура карачаево-балкарцев во многом и резко от них отличается, как и они – друг от друга. Это только на посторонний взгляд все мы – «лица кавказской национальности».

Мифы и мифологические гимны – древнейший пласт народной культуры. Но вот вопрос: зачем «кочевникам» и их потомкам почитание *Тохуна* – божества строителей? Если они не занимались добычей и обработкой металла, почему об этом так часто говорится в нартских песнях? Почему солярное божество, покровитель кузнецов Золотой Дебет (*дыпбет* «огненоликий»), рудознавец, плавящий и кующий железо, является еще и прародителем народа богатырей-нарттов – в отличие от того, что говорится в эпосах других народов Кавказа? Почему осетины, имея в своем пантеоне образ бога кузни – *Сафа*, заимствовали из кар.-балк. эпоса, в качестве второго покровителя кузнецов, образ сына и помощника Золотого Дебета – *Алаугана*, именуя его «Курд-Алагон» (*курд* – в осет. «кузнец»)? Почему абхазы, имея своего бога кузни – *Шашвы*, заимствовали из кар.-балк. мифологии второе, «солярное» имя Творца – *Къайнар* («живое солнце»), в форме «Айнар» (объяснения на почве абхаз. не имеет)? Почему в кабард. эпосе покровитель кузни Тлепш является учеником Дабеча (кар.-балк. Золотого Дебета)?

Зачем «кочевникам»-тюркам, предкам карачаево-балкарцев, нужен был бог-покровитель землепашцев *Даулет*? Или миф о двух братьях, *Ауале* и *Астале* (*Астане*), первых пахарях на земле? Есть богатейшая скотоводческая терминология, но ни в мифах, ни в нартском эпосе, ни в сказках карачаево-балкарцев не говорится ни о кибитках, ни о юртах и прочем кочевническом антураже – нет, всегда о стационарных жилищах – домах, крепостях, башнях, о всадниках и их конях, закованных в железо, о кузнях, о полевых работах нарттов, их посевах и табунах, их селениях и городах и пр. Если взять в целом, то это мифология и фольклор оседлого тюркского народа, чьи предки занимались земледелием, скотоводством и металлургией, чьи правители имели дружины профессиональных воинов (делившихся на семь разрядов, как и жрецы), в чьем языке сохранились соответствующие термины и т. д. – все это легко проверить по изданным (многое – еще до революции) материалам.

Насколько сильно проникло в умы ученых убеждение в позднем приходе предков карачаево-балкарцев на Кавказ, показывает один пример: «Я. А. Федоров и Г. С. Федоров в своей книге об истории ранних тюрков на Северном Кавказе обнаруживают, что название древнего плетеного дымара, распространенного в прошлом на Северо-Западном Кавказе, сходно у абхазов, кабардинцев, черкесов («уаджак»), и у карачаево-балкарцев («ожакъ»), как и самого отопительного устройства; у адыгов – «джагу», у карачаево-балкарцев – «от джагъа». Историки «знают», что тюрки пришли на Кавказ поздно, когда этот тип очага у «местных» народов Северо-Западного Кавказа уже существовал.

Допустить иное они не могут, поэтому делают такое умозаключение: «От джагъа» буквально означает «огневой воротник»; «оджакъ» с тюркского не переводится. Трудно отказаться от мысли, что и принцип устройства отопительной системы у карачаевцев и балкарцев, и название его главных частей заимствованы у адыгов. Совпадение адыгского «джагу» с тюркским «джагъа» не должно смущать, оно может быть случайным: заимствовав термин «джагу» у адыгов, карачаевцы могли его переосмыслить по-тюркски». Еще одним «доказательством» в пользу своего мнения историки посчитали отсутствие такого вида очага у осетин (Федоров, Федоров, с. 270).

С. Р. Керменчиев и М. Л. Големба вполне правы, иронически комментируя: «Вот вам образец интерпретации данных, когда заранее известно, что и как должно быть: не выводы следуют из факта, а, наоборот, факты подгоняются под мнение о «приходе» тюрков на Кавказ. Иначе придется признать, что адыги и абхазы почему-то дожидались их, чтобы дать название отопительному устройству. Или что они заимствовали его вместе с названием (таких фактов – десятки), но это никак не клеится с мнением науки о позднем пришествии тюрков из Центральной Азии. При этом историки почему-то ни слова не говорят о том, объясняются ли «джагу» и «уаджак» из адыгского или абхазского; карачаево-балкарское «от джагъа» они переводят буквально, зная только одно значение второго слова – «воротник», но не потрудились заглянуть в словарь, чтобы узнать другое – «берег»; есть и слово *джакъ* - «защита, ограждение; разводить (огонь)» - *от джакъ*; *от чакъ* - «вспышка огня, сполох». Следовало бы заглянуть и в словарь Фасмера, где сказано, что это устройство называется и у турок, и у азербайджанцев, и у крымских татар, и у татар казанских и таримских, и у кумыков точно так же (откуда и русское «очаг»); неужели все эти народы побывали в Абхазии, где и переняли термин?» (Керменчиев, Големба, с. 3-4).

Слова эти, конечно, тюркские: ср. кар.-балк. *от джагъа* «ограждение огня» (открытый очаг), и *оджакъ* (плетеный дымарь с укрепленной внутри очажной цепью). Но это еще не вся беда. Мы заглянули в ту же книгу Я. А. Федорова и Г. С. Федорова и обнаружили более поразительные вещи. Оказывается, объяснению происхождения этого отопительного устройства они посвятили две полные страницы и вывели целую гипотезу из своего, ни на чем не основанного, мнения о принадлежности названия очага и дымаря адыгам. «Достоинно внимания, что основная деталь жилища – очаг – совершенно одинакова по своей конструкции как на Западном Кавказе, так и в Приэльбрусье. А. А. Иессен показал с достаточной убедительностью, что вся эта часть Кавказа входила в пределы расселения племен – носителей Прикубанской культуры, далеких предков адыгов».

Доказать свое утверждение авторы не могут, поэтому просто повествуют: «Примечательно, что все особенности своего отопительного устройства адыги неизменно переносили туда, куда их забрасывала судьба. Поэтому «уаджак» применяется и черкесами, и кабардинцами. Используют «уаджак» также абазин; в прошлом он был известен в Абхазии, по крайней мере, в северо-западной. Ш. Д. Инал-Ипа обнаружил плетеный дымарь в селении Ллдзаа (на Пицундском мысу), где он был известен под тем же названием «уаджак». Можно утверждать, что и принцип устройства адыгского очага, и название его главных частей характерны для абхазо-адыгской строительной традиции. Именно здесь, на Северо-Западном Кавказе, нужно искать прародину открытого очага с дымарем. Это тем более вероятно, что далее на восток такой тип отопительного устройства неизвестен. Не знают его ни осетины, ни ингуши, ни чеченцы, ни дагестанцы».

До сих пор вроде бы все шло гладко. Встречается одно препятствие – такое устройство есть у кумыков; но Я. А. Федоров и Г. С. Федоров это препятствие изящно обходят: «У кумыков до самого последнего времени применялся пристенный очаг вроде камина – «от

баш». Характерно название очага, означающее «главный огонь»; очевидно, оно было связано с культом домашнего очага». Здесь, что ни утверждение, то перл. «От баш» - букв. «изголовье огня», имеет значение «почетное место», куда сажали гостей (кар.-балк. *от башы*), а вовсе не «камин» или «главный огонь». Во-вторых, если бы авторы заглянули в русско-кумыкский словарь, то прочитали бы там, что очаг называется *очакъ, ожакъ*.

Но авторы из одной ошибки продолжали творить другие: «Отсутствие подобных очагов у восточных соседей, а также данные о кумыкском очаге – «от баш» - исключают, по нашему мнению, возможность обратного заимствования адыгами и абхазами от тюрок как самого принципа устройства очага, так и названия его частей». Этот вывод - следствие непоколебимого убеждения в том, что предки кумыков и карачаево-балкарцев пришли на Кавказ поздно, а потому и название очага им принадлежать не может.

«О глубокой древности «оджака» и вероятности заимствования его карачаевцами от **предков адыгов** (выд. нами. – М. Дж.) можно судить по тому, что ближайшим соседям с востока – осетинам – такой вид очага был неизвестен». Логика железная: кому принадлежит название, неизвестно (авторы выяснить это даже не пытались); балкарцы и карачаевцы обязательно должны были такой тип очага заимствовать; у осетин такого очага не было, значит, карачаевцы заимствовали его у предков адыгов. А как же восточные соплеменники карачаевцев? И в этом случае нашим авторам все ясно и понятно: «Балкарцы же могли заимствовать очаг с дымарем у кабардинцев, когда кабардинцы заняли предгорья Центрального Кавказа и оттеснили предков балкарцев в ущелья притоков Терека» (Я. Федоров, Г. Федоров, с. 269-270).

Стало быть, карачаевцы заимствовали этот очаг еще у предков адыгов, а вот балкарцы почему-то дожидались прихода кабардинцев, и, вероятно, в отместку за вытеснение в горы, украли у них умение делать такие очаги, а потом еще и дали ему свое наименование (которое каким-то образом разошлось по всему тюркскому миру и попало даже в русский). Как и чем они обходились до той поры, авторы не сообщают. Чтобы позабавить читателей, которым могут прийти в голову вопросы, типа: «А почему алано-осетины не могли заимствовать какое-то отопительное устройство у карачаево-балкарцев?», приведем еще пару фактов.

«Древние алано-осетинские дома-крепости («ганах»), - пишут Я. А. Федоров и Г. С. Федоров, - имели совершенно другую отопительную систему, близкую к системам Восточного Кавказа» (с. 270). Все замечательно, но беда в том, что это слово не осет.: «гаенах» «дом-крепость, укрепленный дом». – Старое заимствование из тюрк. *къонакъ, гонаг* «большой дом»? Ср. идущее отсюда же чанское *къонаги* «дом», «дворец» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 1, с. 513). Чанское (мингрельское) слово, скорее, от кар.-балк. *къонакъ юй* «дом для гостей» (у знатных людей; у простолюдинов – *къонакъ отоу* «комната для гостей»).

Нехорошо, получается, ненаучно как-то – и адыг., и абхаз., и абаз. отопительные устройства, и осет. дома-крепости, и мингрел. дома называются по-карачаево-балкарски. Но читаем у В. И. Абаева, далее: «*Къона* «очаг». – Ср. в перс.-курд. наречиях *къуане, къуонек* «очаг». Не связаны ли эти слова с тюрк. *къонакъ* «дом», «ночлег» и пр.? Или с иран. *къана* (согд. *къанакъ (къ-н-къ)* «жилище», «дом»? (ИЭСОЯ, т. 1, с. 637). Добавим сюда еще и кар.-балк. *къон* «оседать, обживаться», *хуна* «кладка, забор», *къонуш* «стоянка» и т. д.

Книга Я. А. Федорова и Г. С. Федорова появилась в 1984 г., а первый том ИЭСОЯ В. И. Абаева, из которого мы цитировали его объяснения – в 1958-м.

Народов, в языках которых не имелось бы десятков или даже сотен тюркизмов, на Кавказе практически нет. К сожалению, никто не попытался рассмотреть, к каким областям лексики эти заимствования относятся, и сколько их в каждой (исключением является монография Н. С. Джигалова о тюркизмах в языках народов Дагестана). Но и

отдельные краткие сведения весьма красноречивы. «На территории Чечено-Ингушетии, - пишет Р. К. Чокаев, - как горной, так и равнинной, в разные периоды обитали многие тюркоязычные народы. Вот далеко не полный перечень их: печенеги, половцы, гунны, кипчаки, хазары, турки, ногайцы, кумыки. Каждый из этих народов оставил на территории Чечено-Ингушетии своеобразный след – топонимы и гидронимы, а чеченский и ингушский языки, как и другие нахские языки Кавказа обогатились огромным количеством тюркских слов» (Ономастика Кавказа, с. 158).

Другие кавказоведы также пишут о былом присутствии доброго десятка тюркских народов и на территории других республик Северного Кавказа. Но ни один из этих авторов не потрудился объяснить, чего ради все эти племена толпились там и откуда известно, что тюркизмы в языках народов региона заимствованы у разных тюркских этносов. Может быть, они из двух-трех языков или даже одного? Но факт остается фактом: каким-то образом огромное количество тюркизмов присутствует в языках всех народов Кавказа, как и в топонимии.

Простой пример, даже не из словаря, а из фольклорного сборника «Сказания и сказки адыгов» (М., 1987), в котором приведен список отдельных адыг. слов и выражений (около 100), с объяснениями. Среди них - заимствования из кар.-балк. яз., употребляемые в тех же значениях (в скобках кар.-балк. эквиваленты).

Ай-анасын – восклицание (*ай, анасыны*).

Альп – сказочный конь (*алп, алф*).

Аталык – воспитатель (*аталыкъ*).

Байкул – распорядитель; прислужник князя (*байкъул, бегеул*).

Бахсыма – хмельной напиток из проса (*бахсым*).

Беджине – сладко-кислая каша из муки (*бегене*).

Дуней – мир, свет (дунья «мир, свет», от *дюн, тюн* «свет, явь»)

Индыл – Волга (*Эдиль*).

Курмен – жертвоприношение (*къурман*).

Кумган – металлический сосуд для воды (*къумгъан*).

Сулук – бурдюк для воды (*суулукъ*; также «фляжка»).

Тума – незаконнорожденный (*туума* – дитя от неравного брака).

И все это – в примечаниях к одному фольклорному сборнику. Интересно, что в 12-летнем животном цикле, имевшемся у адыгейцев, названия годов не ногайские или крымские, как ожидалось бы, а карачаево-балкарские.

Известный топонимист В. А. Никонов пишет: «На Кавказе 226 топонимов с компонентом *чай* («река, вода») и 195 топонимов с компонентом *су*, тоже тюркские» (Ономастика Кавказа, с. 185). Но эти 400 единиц - только небольшая часть огромного пласта тюрк. топонимии Кавказа; прибавьте сюда гидронимы с компонентами *кам* и *черек*, а также бесчисленное количество других названий – городов, сел, урочищ, гор, долин, ущелий и т. д.

Обычное «объяснение» подобных фактов таково: начиная с гуннов и особенно в золотоордынскую эпоху турки были в Восточной Европе и на Кавказе господствующим этносом, и вполне закономерно, что и влияние их языка было сильным. Но ведь задолго до прихода тюрков, если верить науке, здесь – и в горах, и на равнине – кто-то жил (например, «кавказцы» и «североиранцы»), наверняка, и названия всех этих природных объектов уже имелись. Так что же, «пришельцы» так и пылали желанием переименовать все – от степей до макушек заснеженных гор? Или владыки Золотой Орды регулярно издавали указы о переименованиях? И почему те, кто населял эти места после тюрков, не стали давать им свои названия?

Кроме того, когда историки пишут о приходе тюрков-пастухов на Кавказ в IV в., они

не думают и о другом выводе: получается, что они тут же начали создавать в Европе государства, причем весьма сильные (Гунния, Хазария, Великая Болгария, Аварский каганат, Дунайская Болгария, Волжская Булгария и пр.), придумывать терминологию и пр. Почему, например, в адыг. яз. слово «государство» - именно тюркское (*къэрал*, кар.-балк. *кърал*), а не грузинское, греческое, синдское или «североиранское»? И, другое. Нет причин удивляться тому, что у народов Кавказа распространены арабские имена собств. – большинство их исповедует ислам. Ни один из них никогда не принимал национальную религию тюрков – тенгрианство, но количество тюрк. имен в антропонимии народов Кавказа очень велико (как и прежде). Все то же самое: молчаливо подразумевается, что весь Кавказ в оны дни был затоплен тюркским половодьем, и послушливые «аборигены» якобы срочно стали менять топонимы и брать себе новые «модные» имена.

Стоит подумать и о том, почему языком общения и письма на Северном Кавказе долгое время был кумыкский, а не какой-либо другой, «местный, туземный, автохтонный». Профанический ответ гласит: потому что тюркские языки «очень легкие»; выходит, что все остальные – очень «тяжелые». На самом деле, тюркские языки – очень даже «нелегкие», с очень непростыми фонетикой, морфологией, и, особенно, синтаксисом. А если языком межнационального общения был и какой-то другой, то почему не обнаруживается следов его влияния?

В рамках канонической версии истории нет ответов и на целый ряд других простейших вопросов. Например, с эпохи раннего средневековья известны кавказские наборные пояса. Батчаев В. М. и Вайнштейн С. И. пишут: «Пояса служили тогда знаками воинского отличия или социального статуса; по мере продвижения их владельца по службе количество и форма бляшек постоянно менялась. Тем поразительнее сходство наборного пояса из Верхней Балкарии (конец XIX в.) с поясом из могильника Кара-Чога в Туве (VIII–IX вв.), - предметов, отделенных временем в одиннадцать столетий и расстоянием почти в 4 тыс. км. Причем, как и в средние века, количество бляшек на балкарских поясах, их форма и художественное оформление так или иначе были связаны с положением человека в обществе» (Батчаев, Вайнштейн, с. 157–158).

Казалось бы, строительные термины должны быть в кар.-балк. яз. заимствованиями из «иберийско-кавказских», или, на худой конец, из «алано-осетинского» - но этого нет. Более того, касаясь вопроса о генезисе многогранных усыпальниц, те же авторы пишут: «...мы склонны считать исходной формой многоугольных мавзолеев Кабардино-Балкарии половецкие усыпальницы («пирамиды, то есть остроконечные домики»), отмеченные Рубруком в степях Приазовья» (Батчаев, Вайнштейн, с. 160).

Еще раз спросим: почему такие древние «скифско-кавказские» термины, как названия очага, тамги, башлыка, кинжала, бешмета, штанов, чувяков, и пр., у народов Кавказа не «местно-аборигенные» и не «североиранские», а именно тюркские? Из целого ряда известных всем фактов приведем еще один. Простой предмет, называемый по-русски «утюг», вероятно, появился давно. По Фасмеру, слово происходит от тюрк. *ютюг*, в турецк. – *ютю*. В кар.-балк. – *ийту*, *итиу*; в основе слова *ютю* «опалить» + афф. *-юк* = «опалитель». Что об этом говорит В. И. Абаев и как сия вещь называется в осет. яз.? «*Иту* «утюг». – «Из тюрк. *ютю* «утюг»; вошло во многие языки; русск. *утюг*, перс. *оту*, арм. *уто*, груз. *уто*, лезг. *ютю*, дарг. *иту*, авар. *иту*, *ету*, чеч. *иту*, каб. *ету* и др. (ИЭСОЯ, т. 1, с. 553).

И все. Но разве не следовало автору историко-этимологического словаря попытаться выяснить, почему эта вещь, неотъемлемая часть современного обихода, у такого количества разных по происхождению народов называется «по-кочевнически»? Уверяю вас, если бы название утюга имело объяснение на основе любого из индоиранских языков, В. И. Абаев назвал бы его «важнейшим культурным словом, свидетельствующим» и т. д.,

и привел бы в статье все мыслимые и немыслимые сведения и предположения, а прогрессивная научная общественность цитировала бы его этимологию и выводы на каждом шагу.

Разумеется, вопрос о степени, характере, времени и причинах влияния тюркского языка на языки народов Кавказа требует проведения кропотливых исследований. Но количество уже известных фактов настолько велико, что можно смело утверждать: тюрки являются аборигенами Северного Кавказа, в глубокой древности пришедшими сюда с севера; скифо-алано-киммерийцы (гунно-алано-болгары) были предками карачаево-балкарцев, дигорцев, кумыков, туальцев, тагаурцев, куртатинцев; другие народы («кавказско-иберийские»), ныне населяющие этот край, продвинулись с юга (о чем и говорится в хронике Леонти Мровели, описывающем встречу хазар-скифов с вайнахами).

Но я подозреваю, что такой вывод мало кого устроит, поэтому следует считать его неправильным и ненаучным (иначе слишком многое придется пересматривать). Приведенные выше примеры можно прочесть и тут же позабыть; многие читатели, к сожалению, всегда вычитывают из текста только то, что им нравится и забывают то, что им неудобно. А на все эти вопросы есть ясный ответ: «По мнению всемирно известных и непогрешимых ученых имярек, прародина тюрков находится где-то на Алтае (Монголии, Китае, Забайкалье). Если они ни о чем подобном не говорили, значит, автор (к тому же не признающий хронологию Скалигера) неправ, а приведенные им ненаучные факты, как и поставленные им вопросы, являются несомненным свидетельством его злонамеренности и невежества». С чем, вероятно, и согласятся многие, причем весьма охотно.

ГЛАВА XIII. ОТ ДУНАЯ ДО КУБАНИ

КАСТЫ

Древнеиндийское общество, согласно «Законам Ману», делилось на четыре варны (мы будем пользоваться терминами «каста», «варна» (др.инд. «цвет») и «сословие» в их нестрогом смысле, в значении «одна из составных частей общества»): жрецы-*брахманы*, воины-*кшатрии*, собственники-*вайшьи* (крестьяне, торговцы, ремесленники), и *шудры*, которым поручалась самая грубая работа (о мелких группах внутри каждой из варн мы не говорим). Ниже всех, вне общества, находились отверженные, неприкасаемые (*чандала*), т. е. люди, изгнанные из общества за какие-то преступления (и потомки этих изгоев). В священных книгах индуизма говорится, что некогда все люди были брахманами, а разделение на варны произошло потом: белые брахманы стали жрецами, красные – воинами, желтые вайшьями, и черные – шудрами (что напоминает о делении современного человечества на четыре большие расы).

Рассматривать такую социальную организацию, как возникшую по воле завоевателей, правящей элиты и т. п., на наш взгляд, нельзя: никакое общество, построенное на навязанных извне основаниях, прочным быть не может, как и не сможет долго и успешно функционировать. Так же и ни один народ, обустроивая свое житье-бытье, не станет закладывать в его основание первую пришедшую в голову идею; традиционное общество, скорее всего, строилось естественно и постепенно. Деление на касты нельзя объяснить и стечением обстоятельств: все, что человек воплощает вовне, исходит из него самого. Сословное деление (аналог кастовой системы в Индии, сохранившейся до сих пор) было широко распространено во всех государствах Средневековья, в той или иной форме. Например, во многих странах Европы общество составляли духовенство, дворянство, буржуазия и наемные работники.

Система разделения общества на касты, исполнявшие различные функции, была, вероятно, почти изначально, и в основе ее лежал принцип разделения труда, специализация отдельных родов в какой-либо деятельности, в результате чего происходил отбор людей с определенными психофизическими данными, а также - быстрое накопление опыта и навыков, которые передавались из поколения в поколение; как и психофизические данные сохранялись и передавались генетически. Так создавался весьма прочный остов общества.

Конечно, никто сейчас не сможет сказать, когда появились касты. Но предполагать существование тех же четырех групп (вернее, их зародышей) можно уже в глухой первобытности. И, надо думать, очень важным «первобытным сословием» были люди, которые по каким-то причинам не могли ходить на охоту, рыбалку и пр. Им поневоле пришлось бы постараться быть полезными своему роду-племени поддержанием огня, заготовкой дров, а самое главное – научиться делать орудия труда и охоты лучше, чем остальные; основы цивилизации заложил умелец, рабочий. Вторыми были собиратели – те, кто бродя по лесам, собирал плоды, ягоды, грибы и пр. Третьими – охотники, и наконец, четвертыми – шаманы, занимавшиеся исполнением магических обрядов, лечением, пением, танцами (опять же магическими), «предки» нынешнего духовенства и интеллектуалов.

В самом грубом виде можно набросать следующую схему развития каст:

1. Умелец – ремесленник – подмастерье - рабочий
2. Собиратель – земледелец – купец - буржуа
3. Охотник – скотовод – дворянин - офицер
4. Шаман – жрец – священник - интеллектуал

Разумеется, здесь пропущены многие переходы, и не указано, что, скажем, купцы могли происходить не только от собирателей, но и от мастеров, владельцев цехов и прочее. Дело не в этом, а в намеченных линиях; речь идет о разделении людей по их способностям к исполнению различных функций.

Жорж Дюмезиль считал, что функциональный принцип деления общества был характерен только для индоевропейцев (три сословия). Это, конечно, не так. Кроме того, четырехфункциональное деление является, возможно, столь же древним, поскольку опирается на соответствие сословий четырем состояниям вещества, четырем временам года, четырем периодам суток и т. п.:

Жрецы – огонь, осень, вечер

Воины – воздух, лето, день

Богачи – вода, весна, утро

Рабочие – земля, зима, ночь

Переход из одной касты в другую после узаконения стратификации, вероятно, был невозможен. Интересно, что в традиционном кар.-балк. обществе переход из одного сословия в другое также не допускался; но домашний раб (*къзакъ*), с согласия владельца, мог стать крепостным крестьянином (*къул*) или вольноотпущенным (*азат*).

Деление на сословия (оно было и у прямых предков карачаево-балкарцев – причерноморских и кавказских скифов) имеет основания не только в принципе разделения труда, но и в самой психике человека, что уже давно нашло свое отражение в литературе и искусстве: вспомним, например, «Трех мушкетеров» Александра Дюма. Три его героя – дворяне, воины. Но и в них разный, по отношению друг к другу, в сопоставлении, дух. Портос - явно воин-буржуа, с его обжорством, дородностью, мечтами о богатстве и баронском титуле; Арамис – воин-жрец, к месту и не к месту цитирующий Библию, хитрый и скрытный; Атос – воин, так сказать, в чистом виде. Четвертое сословие представлено их слугами.

Вспомним и картину Виктора Васнецова «На богатырской заставе»: в центре богатырь-крестьянин (вайшья) Илья Муромец, справа от него Добрыня Никитич, воин-профессионал, дружинник, слева – Алеша Попович, с хитрой усмешкой, с более утонченной, чем у его сотоварищей, внешностью, воин-жрец, о чем говорит и его отчество. Или – великие русские поэты, творившие в эпоху революций: Александр Блок – ярко выраженный поэт-жрец, Владимир Маяковский – поэт-воин («...я к штыку приравнял бы перо...»), Сергей Есенин – поэт-вайшья (обладавшие «острым пролетарским чутьем» критики недаром называли его «кулацким поэтом»).

Деление на касты, но в неявной форме, сохраняется и сейчас: есть люди, склонные к философии, богословию, наукам, литературе, искусству и пр. (творческая интеллигенция), есть прирожденные лидеры, офицеры, чиновники (военные, служащие), есть собственники-производители материальных благ – землевладельцы-фермеры, торговцы, бизнесмены (буржуа), есть люди «чисто» физического труда – рабочие (четвертое сословие). (Мне уже приходилось писать об этом в работе «Душа Балкарии», 1996). Между тремя первыми сословиями и выражающими их интерес партиями постоянно шла и продолжается борьба за власть и влияние. Ср. у А. С. Пушкина о конфликте буржуа и воинов:

- Все мое, - сказала злато.
- Все мое, - сказал булат.
- Все куплю, - сказала злато.
- Все возьму, - сказал булат.

Конечно, внутри каждого из сословий будут находиться те же четыре группы (что мы и видели в примере с мушкетерами); праведники и уголовники находятся вне общества: первые выше его, вторые – ниже.

Даже современные «жрецы» одного народа, вероятно, будут чувствовать родство со «жрецами» другого, а не, скажем, со своими «буржуа» или «воинами», как и тем будут понятнее и ближе представители своих каст, жители своей душевной стихии (к ястребу с Альп ближе коршун с Тянь-Шаня, чем рыба в Рейне). Это, возможно, означает, что кастовые признаки первичнее национальных, сидят в человеке глубже, и когда-то человечество было одним обществом, поделившимся на четыре сословия раньше, чем на племена и народы. Или четырьмя народами, каждый из которых потом поделился на те же касты.

Располагая эти сословия иерархически, по вертикали, можно прийти к скоропалительному выводу о том, что выше всех стоят жрецы, потом воины, далее производители-собственники, и рабочие (пирамида). Или поставить в самом верху воинов или буржуа. Если, например, расположить их по вертикальному кругу, в самом верху будут воины, в самом низу – рабочие, справа и слева – жрецы и буржуа (или, если круг сдвинуть, вверху окажутся жрецы и воины, внизу – буржуа и рабочие). Многие, вероятно, поймут или понимают именно так – что жрецы всех умнее, что воины всех смелее и т. п. На самом деле, конечно, никто из них не выше и не ниже, не лучше или не хуже других.

Связывать обладание лучшими человеческими качествами со способностями к исполнению социальных функций нельзя в принципе. Буржуа-собственник не глупее жреца, а шудра не трусливее и не безвольнее воина – но каждый хорош в своей стихии. Воину будет не по себе в глубокой шахте, в которой шудра привычно трудится целую смену, а брахман не сумеет руководить заводом или торговой фирмой, или успешно сражаться с врагом. Каждая каста исполняет одну из функций, и представители каждой имеют лишь одну ярко выраженную способность (редко две или три), а потому неполны.

Конечно, в каждом человеке, как и в каждом народе есть способности к исполнению всех четырех функций, но определяющей, доминантной является только одна. Касты, как и народы, делятся на мужские и женские: жрецы и воины – «мужественны» (тянутся к идеальному, к небесам, т. е. к ценностям качественным), буржуа и рабочие – «женственны» (тяготеют к материальному, к земле, к деньгам – ценностям количественным). Жрецы и воины – две половины мужской души народа (теоретики и практики); буржуа и рабочие – две половины души женской.

Осваивая и познавая мир, человек не мог не ставить себя в его центре. Но направленность взгляда у представителей разных типов будет разной, как и воззрения на мир. Жрец (шаман) смотрит вверх, воин (охотник) – вперед и назад, собственник (владелец) – по обеим сторонам, шудра (умелец) – вниз. Жрецу, глядящему в небо, мыслящему в категориях и понятиях, близка будет мысль о сотворении мира из огня (Гераклит Эфесский) или даже из ничего. Представление о Боге у него абстрактное, о времени – как о чем-то гаснущем и вспыхивающем. Воину, организующему общество, близка метафизика жизни и смерти, порядка и беспорядка, живого и неживого. Поэтому он будет настаивать на том, что живое творится живым; мертвое для него – синоним неорганизованного, хаотического. То, что вообще не подлежит организации, – ничто, полное отсутствие. Бог для него – Царь, Герой, Творец, вносящий лад и строй в хаотическую материю. Время – то, что длится, движется вперед, линейное.

Вайшье, буржуа, собственнику, чье внимание направлено на предметно-вещественную сторону бытия, ближе всего понимание мира и человека, сотворенных из косной материи, как вещи, в которые Бог вкладывает душу. Господь, в представлении вайшьи – Творец и Вразумитель; время – нечто текучее (река времени), несущее с собой то хорошее, то плохое. Для шудры, «обитателя» самой плотной стихии, земли, все всегда есть и было, одно переходит в другое без разрывов. Бог – Творец и Хозяин, награждающий и наказывающий. Время для шудры особой роли не играет, оно ходит по кругу, все повторяется. (Конечно, это – только схема, поскольку все определения часто переплетаются).

Следует сказать и о четырех (основных) типах правления, выявленных еще Аристотелем – монархия, олигархия, демократия, охлократия (власть толпы). Но у каждой расы и народа (поскольку внутри них есть свои жрецы, воины, буржуа и рабочие) свои представления об этих 4 формах правления. Разумеется, речь идет об основных типах – есть еще и много переходов от одних к другим. Возможно, на заре истории существовало вполне гармоничное общество под властью святых царей, общество, устроенное на подобном разделении функций между сословиями, каждое из которых плодотворно трудилось, исполняя свои обязанности.

В эпоху расцвета кастового строя (еще до потопа и довольно долго после него) шудрам, вероятно, принадлежали орудия производства, собственникам – богатство, воинам – власть, жрецам – авторитет. Высшей и желанной ценностью признавалось духовное богатство, а не материальное (как в наше время). Власть над материальными средствами, или обществом, или умами людей рассматривались бы при таком устройстве общества как обязанность, ответственность, служение. Естественно, каждый выбирал бы то, к чему стремилась его душа, понимая, что нести чужую ношу слишком тяжело. Хочешь власти – становись воином, но знай, что будешь жить бедно, а если станешь жрецом, то еще беднее; и если, например, перед юношей-вайшьей (буржуа) стоял выбор, он, конечно же, предпочел бы то, что ему действительно ближе. В таких условиях антагонизма между сословиями быть не могло, как и пренебрежительного отношения друг к другу – с какой стати прирожденный воин, скажем, стал бы смотреть свысока на мастера-шудру, кующего для него замечательное оружие? Ныне общество перевернулось,

и каждый, кто имеет возможность, пытается приобрести, присвоить себе все: и богатство, и власть, и авторитет (славу), поскольку рассматривает обладание любой властью как возможность избежать любой ответственности, служения.

(Многие читатели наивно думают, что все русские дворяне, например, жили во дворцах и больших поместьях, разъезжая по балам; они принимают образ жизни поздней и деградирующей аристократии за образ жизни всего дворянства. Конечно, они получали образование и воспитание в духе своего сословия, обладали большими правами, чем остальное население – поскольку рисковали жизнью в войнах и походах. Но условия жизни большинства русских дворян в XVIII-XIX вв. немногим отличалась от тех, в которых жили зажиточные крестьяне. Именно благодаря самоотверженности таких прирожденных воинов (тип которого выведен А. С. Пушкиным в повести «Капитанская дочка» в образе старика Гринёва) и была создана великая Российская империя. Вспомним и роман Дюма: сравните лавочника Бонасье, живущего обеспеченно, и мушкетеров-дворян, которые смотрят на него свысока, фактически являясь бедняками, не вылезавшими из долгов; если к ним и попадают деньги, они легко с ними расстаются – это для них не главное).

Что же предопределило устойчивость сословного строя – причем на протяжении столетий? Он появился в результате естественного развития общественных отношений и в основе его идеологии лежало глубокое метафизическое представление о человеке (сохранившееся и в кар.-балк. тенгрианстве), как существе, в котором соединены две субстанции: высшая, вечная, бессмертная, деятельная искра Божья (дух) – и материальная, разнородная, инертная (плоть). Между ними – душа, отражение духа в плоти, временная и двойственная (поскольку есть явление маргинальное). Дух есть частица вечности (для него расстояний, а следовательно, и времени не существует), душа – частица времени (обречена на исчезновение), плоть – часть материи, которая без участия духа мертва (в ней нет движения).

Главная опора идеи сословного устройства общества – представление о социуме, как об одном организме, Большом Человеке. Созерцание, умственная деятельность – удел жрецов, интеллектуалов (голова); защита организма и руководство социальной сферой, поощрение и наказание – функция воинов (грудная клетка, сердце); обеспечение слаженной работы организма, его питание – обязанность буржуазии (брюшная полость). Адаптация к природным условиям и добывание средств для жизни, власть над природой – функция рабочих (руки и ноги).

Конечно, к таким аналогиям и схемам можно относиться по-разному, скажем, полностью отрицать их правомерность. Но никто и не утверждает, что жизнь можно уложить в какие-либо рамки, она всегда шире и сложнее; хорошая схема позволяет увидеть главное в историческом движении, в явлении, процессе и т. д.; точно так же мы говорим о четырех состояниях вещества – твердом, жидком, газообразном и плазме, хотя между ними множество состояний переходных.

НАРОДЫ И КАСТЫ

Рост населения и освоение окружающего пространства приводили бы к распаду первобытных народов на отдельные части, возможно, по кастам, которые постепенно превращались в зародыши этносов. Распадались бы и языки, и возникали новые, на основе профессиональных языков различных каст и под-каст. На мой взгляд, в менталитете и языках современных народов до сих пор сохраняются черты, указывающие на их происхождение; скажем, если ядро некоего этноса составляют потомки древней касты металлургов, то пристрастие к этому занятию он будет сохранять и сейчас, и в его

языке будет богатая терминология, связанная с добыванием и обработкой металлов. То же самое – с собирателями, земледельцами, и пр.

Конечно, все расы и народы равны перед Богом, и все вместе составляют человечество. Но следует говорить и о различиях. Расы отличаются друг от друга не только внешне (цвет кожи, разрез глаз и т. п.), и это, допустим, обусловлено климатом и средой обитания (что вряд ли очевидно), но почему у людей четыре группы крови? На наш взгляд, поскольку человек состоит из духа, души и плоти, есть существо не только духовное, но и плотское, и душевное, то в чем-то он повторяет природу, имеет разные способности и склонности (и только духовный человек обладает цельностью, единством, подлинным Я).

Стихиям, временам года и кастам соответствуют: белая раса – жреческая (огонь, осень); индейцы, красная раса – воинская (воздух, лето); желтая – буржуазная (вода, весна); черная – рабочая (земля, зима). Многие в культурах рас и народов будет объясняться через эти соответствия, например, популярность у китайцев символов воды, реки – дракона и рыбы, выращивание своей пищи (риса) в воде и т. п. Но внутри каждой из рас будет сохраняться деление на те же четыре касты: например, в белой расе, которая, как и другие, происходит, скорее всего, от одного древнего народа, европейцы являются потомками жрецов, тюрко-угро-финны – воинов, индоиранцы – вайшьев-собственников, семито-хамиты – рабочих-шудр.

Все четыре типа (жрецы, воины, буржуа, рабочие) присутствуют в любом народе. Но уже давно замечено, что разные этносы, занимаясь всем, что им нужно, имеют определенные склонности к одним занятиям, предрасположены к ним, и менее интересуются другими. Это еще раз говорит о том, что национальный характер есть действительность, а не плод воображения. В каждом народе, как и в расе, в которую он входит, есть доминирующий дух, в основном предопределяющий его характер и склонности. В тюркских народах уже с древности заметно преобладание воинского начала, что не раз отмечалось древними авторами. Л. Н. Гумилев цитирует, например, Ибн-Хассуля, перечислявшего «львиноподобные качества тюрков: смелость, преданность, выносливость, отсутствие лицемерия, нелюбовь к интригам, невосприимчивость к лести, страсть к грабежу и насилию, гордость, свободу от противоестественных пороков, отказ выполнять домашнюю ручную работу и стремление к командным высотам».

Персидский летописец ар-Раванди: «Аллах Всевышний распределил так, что каждый народ, каждое колено, каждое поколение, каждый род преуспевает в пределах своего совершенства: китайцы в ремеслах, греки в философии и литературе, арабы сильны в каллиграфии, письме и богословии, Сасаниды в государственном устройстве, тюрки в войнах». Или: «...главное их (тюрков. – М. Дж.) преимущество заключается в военном искусстве и изготовлении орудий войны. Они искусней всех в верховой езде и самые ловкие в нанесении колющих и рубящих ударов и стрельбе из лука». Из таких высказываний древних авторов можно составить большую книгу. Вряд ли случайно, что в любых государствах, с которыми тюрки граничили, были их наемные дружины (Русь, Византия, Арабский халифат, Иран, Индия).

По выражению Джавахарлала Неру, который изучал всемирную историю по трудам европейских ученых, тюрки, не создав своей цивилизации, «олицетворяли собой военную доблесть Азии». Это, разумеется, ошибка: цивилизация ими была создана, а их военная доблесть родилась не в Азии, а в Восточной Европе. И расцвет тюркских государств и пик их могущества приходится как раз на период «века кшатриев» (когда во многих странах власть от жрецов перешла в руки воинов). В устном эпическом творчестве, например, им нет равных, тюркские героические эпосы – это целая библиотека: песенно-поэтическое слово – дитя воздушной (воинской) стихии.

В кар.-балк. нартском эпосе остались отголоски представлений, согласно которым вождь должен получать санкцию на власть от святого: пророк Дебет вручает народному вождю Ёрюзмеку меч (символ власти), но не обычный, а выкованный им из чистого небесного металла кометы, в которой герой сошел на землю. Он же изготовил золотую нартскую чашу (*нарт аякъ*), символ жречества. В сказаниях говорится, что вождь нартов Ёрюзмек не посещал заседания Тёре (народное собрание; выборный судебнo-законодательный орган), «брезговал им»; это можно понять как стремление к единоличной власти, но можно и по-иному: поскольку Ёрюзмек является сошедшим с небес представителем божественной власти, то и отрицает мнение людей, избранных людьми же. Потому он сам и вводит новые обычаи и законы.

Отзвуком далекого прошлого является доживший до нашего времени у карачаево-балкарцев обряд, когда перед ребенком клали четыре предмета, символизирующих четыре функции - например, книгу, кинжал, плетъ и молоток. Если ребенок тянулся к книге – будет муллой, к кинжалу – воином, к плети – владельцем табуна, стада, к молотку – каменотесом или кузнецом.

Предки карачаево-балкарцев (скифо-алано-киммерийцы) были жреческим сословием воинов-пратюрков, хранителями их великого святилища *Ая-къала, Шамбалыкъ* «Священный город» (нынешний Пятигорск; об этом – наша книга «Шам Алан»), поэтому в кар.-балк. национальном характере определяющим, доминантным, является воинско-жреческий дух. Его воплощением и мыслился идеальный витязь-узденъ; нарты в их эпосе – не просто богатыри, но Божье воинство, которому поручена защита человечности, правды и веры. По той же причине (воинско-жреческому происхождению) карачаево-балкарцы никогда не проявляли каких-либо особых склонностей к посреднической деятельности (например, к торговле).

ПОТОП

Внимательно и долго изучая историю человечества в ее созданной в последние 2-3 столетия канонической версии и продираясь сквозь броуновское движение-мельтешение дат, событий, имен, топонимов, гипотез, теорий и просто предположений, любой человек непременно придет к выводу, что она (история) полностью абсурдна, или, говоря словами Шекспира, «шумна и яростна, но не имеет смысла». Но так не должно быть, так не может быть – ведь мы говорим об истории существ разумных, наделенных бессмертным духом; в ней должны присутствовать смысл и логика. И разве не поиск смысла и логики исторических событий является одной из главных задач ученых (по призванию, а не только по профессии)? Поэтому, если из канонической версии истории вытекает, что все прошлое рода человеческого и его деятельность представляют собой абсурд (т. е. скопище случайностей), то ее нужно расценивать как заблуждение или предательство (клевету).

Наука не знает, где, когда и как появился человек – в Южной Африке, Европе, Китае, Европе, на Северном полюсе; то ли это случилось в одном месте, то ли в нескольких сразу; то ли он произошел от каких-то обезьян (неуклонно умнеющие стада которых впоследствии превратились в племена и народы), то ли нет; то ли это существо появилось 2-3 сотни тысяч, то ли миллионы лет назад; не знает, как, где, когда и почему человечество разделилось на большие расы; не знает, почему у человека четыре группы крови и как возникла речь, где впервые появилось государство и пр. (Согласно выводам неохронологов, самые древние исторические документы относятся ко времени не ранее X в. н. э.). Поэтому, в поисках смысла и логики истории, думая о ее бесписьменном периоде, исследователи могут только пытаться свести концы с концами, двигаясь от известного к

неизвестному, восстанавливая прошлое на основе настоящего, без особой надежды на быстрый успех. В принципе, о древнейшем прошлом человечества свидетельств немало – есть мифы, легенды, предания, язык, памятники архитектуры и пр.; анализируя их, мы должны пытаться дать варианты ответа на вопрос о том, что и как могло быть. Вопрос в другом: насколько ответ окажется логичным и убедительным и насколько логично предложенная кем-то версия объясняет то, что известно о событиях последующих столетий.

Изложенное ниже представляет собой попытку дать конспект связной версии истории только одной из больших рас человечества, стараясь не вступать в противоречие с логикой фактов и реальности. К сожалению, нам пришлось сократить эту часть книги и снять две большие главы, посвященные рассмотрению и толкованию некоторых узловых проблем истории Средневековья; о многих важных вопросах мы можем упомянуть только вскользь. Впрочем, основная идея будет ясна и из этого краткого изложения. Кроме того, автору этой книги следует еще раз оправдать высокое звание фольк-историка, которого он непременно будет удостоен.

Множество фактов говорит о том, что нынешней человеческой цивилизации предшествовала другая, погибшая в гигантском катаклизме, и что она была не менее развитой, чем наша. Всем известен библейский рассказ о праведном Ное (Нухе), которого Бог предупредил о близящейся катастрофе и подсказал, как можно спастись; в Ное и его семействе мы видим людей, переживших глобальную катастрофу. Они не были одиноки, многие регионы планеты вода не затопила, например, в китайских мифах говорится, что она поднялась только до верхушек деревьев. Может быть, где-то и у кого-то хранятся какие-то до-потопные книги и документы, вроде известной карты, принадлежавшей турецкому адмиралу Пири Реису (XV в.), на которой нанесены очертания берегов Антарктиды, Южной Америки, и т. п. (есть и другие). Турки, в свою очередь, отняли ее у пленного испанца. Возможно, Колумб плыл на запад, пользуясь одной из таких карт.

Эге, скажет себе иной скептический и шибко проницательный читатель, отлично знающий (трудно понять, откуда), что никаких мировых катаклизмов не было и не будет (словно кто-то дал людям такие гарантии). Конечно, случаются землетрясения, извержения вулканов, цунами, падения метеоритов и пр., но вот глобальной катастрофы не было. Потому что непорядок это, беспокоило как-то. И потому что «мировая академическая наука» считает рассказы о потопе небылицами. А кто верит, что многие мифы повествуют о событиях, имевших место в реальности, тот паранаучный деятель, а мы не такие, мы гораздо умнее и просвещеннее. Эге, скажет такой читатель, никак автор верит в потоп?

Конечно, верю, и не только потому, что об этом говорится в Ветхом Завете, в Св. Евангелии, в Св. Коране, в мифах множества народов мира. Тот, кто думает, что все эти сообщения являются плодами фантазии древних, пусть попробует объяснить себе, зачем народы, ничуть не глупее нас с вами, разделенные громадными пространствами, веками держали эти мифы в памяти, я уж не говорю о свидетельствах пророков. Но самое главное, от допотопной цивилизации остались зримые доказательства – великие пирамиды в Гизе, в Мексике, циклопические постройки и статуи на островах Тихого океана, древние шахты в Южной Африке, странные предметы, которые находят там и тут, и пр., и пр. Но академическая наука о них либо не думает, либо дает им невероятно глупые объяснения.

Вот ближайший пример. Официальные ученые, вслед за лукавым Геродотом, распространяют побасенки о том, что великие пирамиды в Египте построили 20 000 рабов за два десятка лет. И все для того, чтобы похоронить там трех правителей. Если верить

академической науке, древние египтяне были круглыми, законченными идиотами – пускали всю государственную казну на строительство гробниц сумасшедших царей. Но, построив три великие пирамиды, гигантские храмы, дворцы и совершенно бесполезного (в представлении наших современников) огромного Сфинкса, они вдруг опомнились и больше таких глупостей не делали. При этом, как нагло вещают научные работники, эти то ли рабы, то ли чудо-богатыри, неведомо как тесали, втаскивали на огромную высоту (Большая Пирамида – 142 метра) и укладывали миллионы тяжелых (от двух до шести тонн) блоков. Но Великие пирамиды в Египте – это не просто груды камней, блоки уложены не как попало (иначе пирамиды давно уже разрушились бы), да еще в них имеется немало коридоров, переходов, шахт, и пр. и пр. – это сложнейшие инженерные сооружения. Правда, сейчас появилась теория, согласно которой пирамиды возводили из бетона. Но следует подумать – это сколько же цемента нужно было изготовить, сколько средств, пищи, сил, досок для опалубки потратить, сколько времени – и зачем? Последний вопрос и есть самый главный. Потому что никто не знает, зачем их построили. И почему в великих пирамидах ни одной мумии найдено не было.

Кто и как привозил из каменоломни, за несколько десятков километров, громадные тесаные плиты (в Баальбеке и в Иерусалиме), в несколько сот тонн весом? Добавим, что когда строили гидроэлектростанцию в Ассуане, понадобилось переместить статую, вытесанную из огромного монолита. Вся современная техника сделать этого не смогла, пришлось распилить ее на три части. Но специалисты рассказывают читателям, что эту махину привезли за несколько десятков километров (по реке!), вытесали из нее статую и установили обыкновенные рабы. Почему же эти дурни-египтяне опомнились только после строительства множества гигантских зданий и монументов? И куда потом сгинули необходимые для этого огромное мастерство, архитекторы, строители, чертежи, техника?

То же самое – гигантские пирамиды, изваяния, тоннели и здания в Южной Америке, огромные рисунки в пустыне Наска, видимые только с большой высоты, и др. Или, кому и зачем понадобилось поставить на одном из склонов горы на острове Пасхи сотни гигантских и совершенно однотипных статуй из очень твердого камня (нынешние островитяне об этих скульпторах ничего не знают)? Кто и зачем оставил в Центральной Америке огромные каменные головы, изображающие негроидов? Каким образом и кто возвел на вершинах заоблачных гор целые города из гигантских и фигурно вырезанных порфировых блоков, и даже порт; зачем порт нужен на вершинах гор? Как и зачем эти блоки доставлялись туда? Но историки преспокойно говорят, что это сделали индейцы (не зная железа и даже колесного транспорта!). Это, по-вашему, наука?

Конечно, все слышали и читали о всемирном потопе. Дж. Фрэзер собрал более 150 рассказов об этом катаклизме, известных в самых разных регионах. Индейцы, китайцы, индийцы и другие рассказывают о потопе, как о катастрофе, случившейся с их предками, на тех же территориях, а не где-то за тридевять земель. Но гос.ученые, являясь чиновниками на службе, и мыслят, как чиновники: если нет письменных свидетельств очевидцев катаклизма, то, стало быть, никакого всемирного потопа не было; иных аргументов у них нет; а если он и был, пусть начальство издаст приказ, тогда и начнем думать о нем. Или говорят, что имело место локальное наводнение, которое и стало изображаться в мифах, как всемирное. Но если какой-то придворный летописец, возможно, блюдолиз и прохвост, оставил записки, в которых вещает о великих победах и достижениях своего владыки (которых могло и не быть), то ему ученые верят сразу и вовеки веков (если, конечно, его не опровергают другие летописцы).

В Священных Писаниях потоп описан в таких выражениях, которые не оставляют сомнения в грандиозности катаклизма. Но ученые не верят ни этим свидетельствам, переданным великими пророками, честнейшими и мудрейшими из всех обитателей

планеты, ни рассказам, сохранившимся у множества народов мира: это же устная история! И что из того? Почему письменные документы должны считаться более честными и убедительными – разве их авторы не были такими же людьми, как и их современники, и предшественники? Может быть, имеется в виду, что сведения, передаваемые устно, подвергаются в процессе передачи на протяжении веков сильным искажениям? Но разве летописи не редактировались, причем по нескольку раз, в том духе, который был угоден очередным владыкам? К тому же потоп – это такой катаклизм, память о котором могла сохраниться только в фольклоре.

Катаклизм был всемирным, но вода не покрыла всю землю, во многих местах народы и племена сохранились, хотя и пережили шок. Уровень развития допотопных народов, вероятно, был очень разным, как и сейчас – одни запускают космические корабли, другие нагишом бродят по джунглям и пустыням. Библейский Ной, скорее всего, был спасшимся представителем какой-то древней и мощной цивилизации, большая часть достижений которой, конечно, утратилась. Оглушенное катаклизмом, человечество стало деградировать, но не до нуля, не до уровня пещерных людей. Люди, пережившие катастрофу, должны были сохранить хоть какие-то древние верования, легенды, научные знания. Спасшиеся представители працивилизации – ученые, священники, мастера, инженеры, поэты и т. д., – попадая к отсталым народам, вероятно, пытались передать им свои знания и умения, религию, искусство и т. д.

Отсюда и многочисленные мифы о так называемых «культурных героях», великих благодетелях и учителях, появлявшихся неведомо откуда, часто на кораблях, но чаще всего с моря («люди-рыбы», например, шумерский *Уан*, *Оаннес*). Мы видим зримые следы существования предшествующей цивилизации, разбросанные по всей планете, но ничего не знаем о том, что происходило на земле до катаклизма и можем только предполагать, что отголоски допотопной истории до сих пор звучат в древних мифах. Можно думать также, что допотопное общество было кастовым; вряд ли разделение труда и, соответственно, социума, произошло только после катастрофы.

ПЕРВОИМПЕРИЯ

Основные положения этого параграфа были опубликованы в предисловии к изданию этического кодекса «Ёзден Адет» (2009 г.); некоторые из них ныне представляются неточными или ошибочными, а потому подверглись пересмотру. Следует уточнить, что до сих пор мы пользовались и в дальнейшем изложении будем пользоваться традиционной хронологией, поскольку Новая еще не выработала приемлемую и конкретную шкалу времени, которой можно было бы придерживаться. Ясно одно: никакой «античности», в традиционном понимании, не было; античность – это неопределенный период накануне огромного бедствия, поразившего Европу в 1348-1350 гг., эпидемии «черной смерти».

**

Наука занималась поисками прародины индоевропейских народов более столетия, но так и не смогла прийти к единому мнению. Называли в качестве таковой Северную Индию, Балканы, южнорусские степи, Среднюю Азию, междуречье Волги и Урала, теперь говорят о Закавказье и Восточной Анатолии. Предпринимаются и попытки объединить некоторые или даже все эти гипотезы. Признать их удачными трудно, хотя бы по той причине, что в результате вся древнейшая история Европы и доброй половины Азии оказывается историей одних только индоевропейских племен, якобы расселившихся от Атлантики до Байкала и Ганга, и от Скандинавии до Персидского залива. Где же, в таком случае, размещались в древности предки урало-алтайцев и семито-хамитов? Видимо,

подразумевается, что первые сидели где-то за Уралом и за Байкалом, а вторые «родились» не то в Междуречье, не то на Аравийском полуострове.

Всемирный потоп - вследствие резкого изменения угла наклона земной оси или столкновения с каким-то небесным телом - произошел относительно недавно. Мы не знаем, сумело ли допотопное человечество заселить всю планету и какие государства и народы существовали накануне катаклизма, но, вероятно, уже тогда разные расы достаточно компактно обитали в разных регионах планеты. Столица первогосударства белой расы до потопа находилась на каком-то большом острове (скорее всего, в Средиземном море) и погибла во время катаклизма, как и большая часть населения.

Народы, которые ныне составляют большую европеоидную расу, делятся на четыре языковые группы: европейскую, урало-алтайскую, индоиранскую и семито-хамитскую. Но если мысленно двигаться в обратном направлении, эта раса предстанет в виде одного, относительно небольшого этноса. Где была его прародина, сказать трудно; возможно, он является создателем древней археологической культуры, называемой чатал-хююкской (в Малой Азии). Можно предположить также, что пустившись в странствие после всемирного катаклизма, он занял небольшую территорию на западе Малой Азии и на Балканах (ряд исследователей считает, что Черное и Средиземное моря во времена не столь отдаленные еще не соединялись Мраморным морем и проливами Босфор и Дарданеллы). Или жил здесь изначально и говорил на диалектах одного и того же языка; пережив ужасающий шок, он все же должен был кое-что сохранить от цивилизации допотопной.

Еще до катастрофы этот пратнос делился на 4 касты, позже превратившиеся в четыре племени. Государство возглавлялось, вероятно, святыми царями-первосвященниками; отсюда убеждение, которое существовало у многих народов вплоть до XX в. – о том, что цари могут излечивать больных простым прикосновением руки, повелевать погодой и т. п. (тюркский титул этих царей долго сохранялся, например, у кумыков, чьи правители назывались *шамхал*, от *шам хан* «святой царь»; не исключено, что вся высшая знать Северного Кавказа происходила из их рода, восходившему к династии каганов Хазарии). Царям подчинялись князья, правители 4 частей праимперии, а им, в свою очередь, те, кто помнил учение, обряды и догматы древней единобожной религии и владел научными знаниями, хранил и передавал их, умел управлять, читать и писать, т. е. отдельные группы людей не из одного племени, а из всех. Население Земли было небольшим, и войны происходили, наверное, редко – в такой ситуации выгоднее сотрудничать, имея общий центр. Вероятно и существование рабства, в которое могли обращать преступников, используя их для самого опасного – работы в рудниках, добычи металлов.

Все население, как и до потопа, делилось на четыре категории: тех, кто молился, учился, совершал обряды и управлял; тех, кто воевал и охранял; тех, кто торговал и мастерил; тех, кто работал на полях, пас скот, ловил рыбу и т. п. Иными словами, сохранялась, насколько это было возможно, и кастовая специализация, и обусловленный ею строй в небольших городах-государствах, подчинявшихся центру. Храмы представляли собой административный, духовный, военный, торговый и производственный центры одновременно, они же обеспечивали единство разраставшегося государства. За населением пра-империи утвердилось название *арамеи* или *ромей* «римляне» (после Троянской войны предки европейцев перенесли название *Рома* «Рим» на Аппенинский полуостров). Столицей первогосударства европеоидов, уже делившихся на племена и занимавших достаточно обширную территорию, вероятно, стал город Троя (археологи пишут, что ему предшествовал какой-то богатый город или даже несколько). Возможно, здесь же располагалось великое святилище, сакральный центр всех 4 племен.

С той далекой поры и на долгие времена в сознании многих народов Европы утвердилось мнение, что в мире существует только один император (а затем и султан) сидящий в Царьграде. Отсюда же упоминание в «Слове о полку Игореве» «веков троянских» («вечи Трояни») – вероятно, точкой отсчета времени для многих народов долго оставалась дата основания города. Отсюда же – убеждение средневековых европейских летописцев (англичан, французов, скандинавов) о происхождении их народов из Трои или основании многих государств Европы троянцами (ср. топоним *Труа* во Франции). Ярослав Кеслер, один из «новых хронологов», считает, что единство народов белой расы – языковое и административное – сохранялось очень долго, и цитирует запись 1508-1519 гг. из дневника Леонардо да Винчи: «Человеческий род дойдет до того, что один не будет понимать речи другого – т. е. *немец турка*». Значит, по крайней мере, при Леонардо они *речь* друг друга понимали?». И, далее: «Именно распад Единой Византийской (по-славянски *Боснийской*) Империи в XV в. на три основные части – православную Восточную Европу, католическую Западную Европу (Священная Римская Империя) и мусульманскую Южную Европу (Османская Империя) и стал причиной разделения *общего* европейского языка. В течение всего XVI в. в Европе продолжался дележ византийского наследства, который закончился падением к началу XVII в. монархов старой имперской династии». Нам же представляется, что распад праимперии произошел не в XV веке, а на пять-шесть столетий раньше; Византия возникла позже и была поначалу общим государством уже не всей белой расы, а только народов, ныне входящих в европейскую языковую семью.

Власть святых царей, возможно, закончилась из-за нового, но уже не всемирного, а локального потопа, который греки называли *Дардановым*, когда Средиземное море соединилось с Черным. Тогда же столица, оказавшаяся у проливов («морских ворот») получила у семито-хамитов название *Вавилон* (*Баб Илу*, *Бабилион* «божьи врата»), у греков – *Илион* (странно, что по-тюркски «морские врата», «небесные врата» и «божьи врата» переводятся одними и теми же словами – *тенгир* (*тенгиз*) *эшик*). Еще одно семитское название города – *Иерусалим*, впоследствии перенесенное на город в Палестине. (В «Откровении Иоанна Богослова» говорится о великом городе, «который духовно называется Содом и Египет, где и Господь наш распят»; автор книги, судя по всему, ортодоксальный иудей, не мог иметь в виду Иерусалим в Палестине; речь, скорее всего, идет о Константинополе, столице Византийской империи, как и считают А. Т. Фоменко и Г. Н. Носовский; в своей работе «Потерянные Евангелия» они говорят и о развалинах крепости возле Стамбула, которая называлась *Ерос*).

Воды моря разделили единый народ – на северо-западе (на Балканах) остались предки европейцев и угро-финно-тюрков, на юго-востоке (в Малой Азии) – предки семито-хамитов и индоиранцев. Образовались четыре крупных праэтнических массива и между ними началась борьба за власть и преобладание. На Балканах европейцы вытеснили тюрко-угро-финнов за Дунай. В Малой Азии, скорее всего, победили индоиранцы, и семито-хамитам пришлось уходить на юг, а оттуда в Междуречье, на Аравийский полуостров и в Египет. Таким образом, индоиранцы и европейцы, оставшись по обе стороны Мраморного моря, долго контактировали друг с другом, легко пересекая неширокие проливы (отсюда общие черты индоиранских и европейских языков, из-за которых филологи объединили их в «индоевропейскую» языковую семью).

Обособляясь и расселяясь в разных направлениях, каждый из 4 праэтносов строил свои города и великие святилища; вполне возможно, что новые столицы и сакральные центры возникали не на пустом месте, а возводились там, где находились руины или уцелевшие постройки до-потопной цивилизации. На новых местах возникли новые империи: Троянское (европейцы); условно говоря, Персидское (индоиранцы, на западе Малой

Азии); Вавилонское (семито-хамиты, в Междуречье); и Скифское (тюрко-угро-финны, между Дунаем и Днестром). Усиливаясь, эти государства предпринимали попытки захватить прежнюю столицу (Илион, Трою) и восстановить единство империи, но сделать это ни одному из них не удалось.

Продолжалось и расселение растущих праттносов. Тюрко-финно-угры движутся на северо-восток и восток. Индо-иранцы из Малой Азии распространяются в Иране, в Индии, в Средней Азии. Подались на юго-восток и основали свою столицу (Вавилон) семиты; хамиты, пройдя по восточному берегу Средиземного моря, где возникли Тир, Сидон и другие города, добрались до Гибралтара. Большую часть Балкан, Центральную Европу и Прибалтику заняли славяне, германцы и предки литовцев и латышей (фракийцы), на Пиренеи, в Галлию и на Британские острова продвигались кельты. В новых государствах, со временем неизбежно разраставшихся, также возникали внутренние разрывы; стремясь к расширению своих пределов и возможности пресекать сепаратизм, они распадались на новые государства и общности: (индийцы, иранцы, кельты, романцы, германцы, славяне, семиты, хамиты, тюрки, угры, финны). Распад продолжался и далее, приводя к возникновению отдельных этносов.

Следует заметить, что в Европе и на Ближнем Востоке оставалось и население, обитавшее там еще до потопа и о котором мало что известно; например, кельты, заселяя Британские острова, застали там племена автохтонов – пиктов, каледонцев, атекоттов, а на Пиренеях встретились с иберийцами, возможно, и с предками басков. До нашествия кельтов и латинян запад Европы (Галлию, Испанию, Британию) населяли также племена лигуров, «которые оставили нам следы своего существования: они не имеют ничего общего с племенами биттуригов, атребатов или арвернов» (Шарпантье, с. 45) – т. е. с галлами, среди которых лигуры и растворились впоследствии.

СКИФИЯ

Итак, мы пришли к выводу, что территорией, на которой складывались два пра-этноса – угро-финны и тюрки – являлись земли между Дунаем и Прутом. Авторы древних

Изначальное расселение белой расы

скандинавских хроник, например, считали прародиной тюрков страну *Свитьод* (Скифию), расположенную в низовьях Дуная. Вот что, например, написано в сочинении «Какие земли лежат в мире» (XI-XII вв.): «Данубием называется река. Она стекает с гор Альпия». «(Местность) за этой рекой называется Тракия». «В Тракии сначала жил Фирас, сын Яфета, сына Ноя. От него произошел тот народ, который называется тюрками».

Еще в одном сочинении говорится то же самое: «В Европе самая восточная (часть) – Скифия, которую мы называем Великая Свитьод» «Огромная река Данубий течет между Саксландом и Грикландом. Тракия – это то же, что и Грикланд. Там жил сначала Фирас, сын Яфета, сына Ноя. От него произошел тот народ, который называется тюрки». Автор четвертого трактата пишет не «Скифия», а «Сифия»: «Первая область в Европе – Нижняя Сифия, которая начинается у тех больших болот, которые называются Меотидой, и лежит она между реками Данубий, который мы называем Дуной, и северным морем у Германии. Первая часть Сифии называется Аланией, а рядом с ней Дакия и Готия». В одном из этих сочинений указано, что Скифия находится в Африке; переписчик, вероятно, перепутал ее с Фракией.

В более поздние времена пратюрки, вероятно, попытались занять и земли, которыми владели предки германцев. Древнескандинавский автор пишет: «В начале всех достоверных рассказов на северном языке (общее название скандинавских наречий. – М. Дж.) говорится, что север заселили тюрки и люди из Азии (т. е. из Подонья. – М. Дж.)». «Главой этого народа был Один, сын Тора, у него было много сыновей. К Одину возводят свой род многие люди». И, далее: «Один и его сыновья были очень мудрыми и сведущими в колдовстве, красивыми лицом и могучими силой. Многие другие в их роду были замечательными людьми с различными совершенствами, и некоторым из них люди стали приносить жертвы, и верить в них, и называть своими богами» (Мельникова, с. 65; с. 96. с. 97; с. 147).

Геродот подробно повествует о походе персидского царя Дария в Скифию, в котором персы потерпели поражение и вынуждены были вернуться ни с чем. Геродот говорит о событии, происходившем в весьма отдаленные времена, задолго до него, но описывает этот маршрут, основываясь на современных ему данных и думая, что центр Персидской державы всегда находился далеко на востоке, в Иране. Не вызывает доверия и сообщаемое им число воинов Дария – 700 тысяч. С таким войском можно было завоевать не только Скифию, но и весь подлунный мир, если бы в те времена имелась возможность вооружить, кормить и контролировать такую массу людей на протяжении нескольких месяцев; цифру следует уменьшить в 10, а то и в сто раз. В канонической версии истории считается, что нашествие началось с территории нынешнего Ирана, и что затем персы перешли Босфор и двинулись на Скифию, перейдя еще и Дунай (Истр).

Обратим внимание на следующее важное обстоятельство. Если Скифия во времена Дария простиралась от Дуная до Кавказа (вряд ли это соответствует действительности), то зачем персидскому царю нужно было идти круглым путем, а не прямо через Кавказ? Двигаться через гористую Малую Азию по бездорожью, да еще и переправляться всем войском через проливы и огромный Дунай – весьма непростое дело. О чем же идет речь? Произошло усиление Персидского (индоиранского) государства; Дарий (или уже его предшественник), вероятно, сумел подчинить семито-хамитов и европейцев (во всяком случае, в его войске находились арабы и греки), но скифы (тюрки) еще сохраняли независимость. Иными словами, поход персов был предпринят во исполнение намерения Дария вновь соединить все части первоимперии, установив над ней свою власть; и начался этот поход не с территории Ирана, а с северо-запада Малой Азии, откуда в Скифию (за Дунаем) идти было гораздо ближе, чем через Кавказ.

Попытки объединить всю империю или какие-то ее части предпринимали, вероятно, и другие владыки, например, легендарный Нин, о котором в эпитоме (сокращении) сочинений Помпея Трога (I в. до н. э.) сказано: «Ассирийский царь Нин первый изменил старинный, как бы дедовский обычай народов небывалым стремлением к власти: он первый стал воевать с соседями и покорил неопытные еще в сопротивлении народы вплоть до пределов Ливии. Правда, раньше его жили египетский царь Везосис и скифский – Танай (тюркское «мудрый», от *таны* «знать, узнать».- М. Дж.), из которых первый доходил до Понта, а последний – до Египта. Но они вели войны с отдаленными народами, а не с соседями, и, довольствуясь победой, искали не власти себе, а славы своим народам».

Мы не знаем, как долго продолжалось владычество индоиранской империи, конец которому положили царь Филипп и его сын Александр Македонский. На Дунае произошло, согласно античным источникам, и сражение скифов под руководством царя Атея с македонцами. Завоевание Скифии, очевидно, было частью такого же плана Филиппа - собрать воедино все части первоимперии, восстановить ее целостность. Этими же причинами, на наш взгляд, объясняются походы его сына, Александра Македонского, и завоевание им территорий, на которых расселились народы белой расы. Возможно, он и заложил основу могущества Византийской империи, став основателем известной в ее истории Македонской династии.

Таким образом, тем регионом, где начинается история угро-финнов и тюрков (после распада пратноса) нужно считать междуречье Дуная и Прута (или Днестра), где и возникло их первое государство - Скифия; но давление европейских племен (вероятно, славян, фракийцев и германцев) привело к временной потере этой территории. Угро-финны двинулись на северо-восток, постепенно осваивая полосу лесов, вплоть до Урала. Пра-тюрки шли на юго-восток, заняв степи от лесов на севере до Кавказского хребта и от Дуная до Волги; это и есть их вторичная прародина. (Не исключено, что угро-финны ушли из Дунайско-Прутского междуречья раньше и продвигались на восток и по степям; возможно, часть их была ассимилирована тюрками, а часть вытеснена на северо-восток).

Тогда и появились на обширном пространстве несколько вариантов древнеямной культуры и ее ответвления – майкопская, кобанская, прикубанская. Тогда же, вероятно, возник и стал развиваться экономический и торговый центр Скифии в низовьях Днепра (г. Тмутаракань, ныне Каменское городище). Уже имея традиции государственности, скифы-пратюрки и на новых местах должны были организоваться в государство; в этих степях имелось все, что нужно для успешного и быстрого развития и не было преград для активного общения и обмена достижениями. Но процесс создания этого государства оказался нелегким.

КАТАКОМБНИКИ И КИММЕРИЙЦЫ

Расселение тюрков по обширной территории восточноевропейских степей неизбежно привело бы к постепенному обособлению отдельных групп населения, а в языке - к появлению диалектов. Территория от Приазовья до Терека в античных источниках носит название Киммерии. Ничто не мешает видеть в киммерийцах-тюрках создателей замечательной культуры эпохи бронзы – кобанской, что и было убедительно показано и доказано в монографии Р. Р. Тилова «Сага о Кавказе» (Нальчик, 2006). В этой ветви скифов, которая продвигалась с Балкан в юго-западном направлении, обогнув Азовское море, и находились, на наш взгляд, прямые предки тюркских народов Северного Кавказа.

Разумеется, локализовать территории расселения отдельных племен на громадной территории восточноевропейских степей не представляется возможным; возникали и

распадались союзы племен и родов, менялись их названия. Скорее всего, постепенно образовались три области: от Карпат до Дона, условно говоря, территория печенегов и куманов; между Волгой, Доном и Каспием – гунно-аваро-торко-хазаро-савилов; между Доном, Приазовьем и Кавказским хребтом – киммеро-алано-болгар (неслучайно у Геродота сказано, что Колаксай, младший сын Таргитая, разделил страну на три части). Неизвестный сказитель говорил П. Острякову, первому публикатору кар.-балк. сказаний о нартах, в которых народ видел своих предков: «Как только Творец создал Кавказ и лучший его перл, величественный Эльбрус, то и дозволил у подножья этой горы селиться людям; первыми поселенцами были Ной со своим семейством, ковчег которого, после всемирного потопа, остановился на Эльбрусе» (КБФДЗП, с. 48). Вряд ли такие представления могли появиться на пустом месте.

Вероятно, в те же времена в предгорьях Кавказа (район Кавминвод, Пятигорье) было создано и великое общетюркское святилище *Шамбалык* «священный город», хранителями и жрецами которого стали предки карачаево-балкарцев. По этой причине в их эпосе и говорится, что нартты всемерно охраняли страну *Къыркъ-суу* «Сорокаводье» или *Сибилти* «(страну) святости». Неслучайно балкарцы по сей день называют свою страну *Беш Татау Эль* «Пять союзных племен (обществ)». От этого именования Пятигорье и получило свое древнее название *Бештау* (в этом районе находится не пять гор, а больше десятка). Рассказы о *Шамбалыке*, городе мудрых жрецов, через ушедших впоследствии на восток тюрков разошлись по всей Азии, народы которой стали думать, что он находится где-то в горах Тяньшаня, Гималаев, Памира и т. п. (где его до сих пор ищут эзотерики и любители экзотики).

Подтверждаются наши выводы и сведениями из грузинской хроники XI в. «Жизнь картлийских царей» Леонти Мровели. Повествуя о расселении кавказских племен, именуемых им «сыновьями Таргамоса, внука Ноя», он говорит: «(Земли же) к северу от Кавказа не только не были уделом Таргамоса, но не было и жителей к северу от Кавказа. Были безлюдными пространства те от Кавказа до Великой реки (Волги. – М. Дж), что впадает в море Дарубандское». Территорию Дагестана (от Терека до Волги) Таргамос, тем не менее, даровал своему сыну *Лекану*, а Северный Кавказ (от Терека до «рубежей Кавказа на западе») – *Кавкасу* (Мровели, с. 22).

Но затем оказывается, что сюда же пришли хазары, по имени которых Мровели именует Северный Кавказ *Хазарети*. (По нашему мнению, о том же – приходе на Кавказ пратюрков - говорится и в скифской легенде, переданной Геродотом: «Первым жителем этой еще необитаемой тогда страны был человек по имени Таргитай»). Таким образом, столкнулись две волны мигрирующих народов: с севера на необитаемый еще Кавказ двигались скифы-тюрки, с юга, через хребет – «кавказы» (у Кавкаса был сын Дурдзук, а это, по мнению ученых, эпоним вайнахов, поэтому и Кавкас считается персонификацией вайнахских племен).

«В ту пору усилились хазары и начали войну с племенами леков и кавкасов». Те попросили помощи у южан. «И собрались все из племен Таргамосианов, преодолели горы Кавказа, покорили пределы Хазарети и, воздвигнув города на ее подступах, возвратились»; затем хазары объединились и избрали себе царя. Но и у Геродота мы видим почти то же самое – выборы царя, правда, описанные в форме мифа: с неба падают четыре золотых предмета (символы 4 сословий), которые смог взять и унести домой только младший сын Таргитая – Колаксай. «Поэтому старшие братья согласились отдать царство младшему».

О заселении Северного Кавказа Леонти Мровели говорит далее: «В первый же свой поход хазарский царь перевалил горы Кавказа и полонил народы». «Был у него сын по имени Уобос, которому дал пленников Сомхити и Картли. Дал ему часть страны Кавкаса,

к западу от реки Ломека (Терек. – М. Дж.) до западных пределов гор. И поселился Уобос. Потомками его являются овсы. Это и есть Овсети, что была частью (удела) Кавказа» (Мровели, с. 25). Этот Уобос (Кобос?), возможно, является персонификацией тюркского племени, заселившего северо-западные районы Кавказа (Прикубанье); или это второе имя скифского (хазарского) царя Колакся.

Но есть ли еще какие-либо данные, подтверждающие нашу точку зрения, например, археологические? Ведь если мы правы, отождествляя хазар Мровели с той частью скифских племен (киммерийцами), которая продвинулась с Балкан на юго-восток, а овсов с создателями кобанской культуры, то Кавказ уже в древности был связан с бассейном Дуная. Известный археолог В. Б. Техов пишет: «С середины II тыс. до н. э. с севера начинается миграция в предкавказские степи племен катакомбной культуры, носители которой могли вступать в контакты с племенами раннекобанской культуры, имевшими определенные связи с культурами Передней Азии и Карпато-Дунайского бассейна. Возможно, эти связи устанавливались в результате межплеменной торговли, благодаря чему элементы кавказской бронзовой культуры проникали в гальштатскую культуру, распространенную в Центральной Европе в конце II – начале I тыс. до н. э.» (История СО АССР, с. 28).

Согласно В. В. Техову, кобанская культура к тому времени уже существовала. Но способами точно датировать древности наука еще не располагает (радиоуглеродный анализ дает ошибки, измеряемые тысячелетиями). Что касается ранних (до прихода катакомбников) связей кобанцев с культурами Дунайско-Карпатского бассейна, то и о них ничего конкретного у В. Б. Техова не сказано; фактически археолог говорит, что кобанские предметы, передаваясь от племени к племени, могли попадать в Центральную Европу. Но тогда о связях говорить трудно; поэтому в катакомбниках, продвигавшихся на Кавказ с севера, мы видим пратюрков-скифов (хазар Мровели), расселявшихся с берегов Дуная, Прута и Днестра.

Далее археолог пишет: «Одновременно в памятниках кобанской культуры Северного Кавказа с XII в. до н. э. появляются некоторые вещи дунайских типов. Все это, очевидно, свидетельствует о многообразных встречах контактах между Кавказом и Карпато-Дунайским регионом. Характер этих контактов еще не ясен» (История СО АССР, с. 28). В академическом издании сообщается приблизительно то же самое: «Племена Северо-Западного Кавказа способствовали проникновению в горные районы, а также далеко в области Северо-Восточного Кавказа предметов из Восточной и Центральной Европы (наконечники копий и конской узды так называемого трансильванского типа, ножей, кельтов, кинжалов так называемого срубного типа)». Ответвлением кобанской культуры, судя по тому, что говорят о ней археологи, была прикубанская (ИНСКДВД, с. 64).

«Памятники кобанской культуры до недавних пор были известны в виде могильных комплексов (каменные ящики, грунтовые захоронения, курганы) и охватывали незначительную территорию. Сейчас, благодаря открытиям советских археологов, они представлены и поселениями, занимающими обширный регион на северном и южном склонах Главного Кавказского хребта. На Северном Кавказе ареал кобанской культуры включает территории Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Чечено-Ингушетии, Пятигорья – от верховьев Кубани до р. Аргун на востоке» (История СО АССР, с. 25). «Значение кобанской культуры состоит в том, что ее носители на позднем этапе явились субстратной основой, на которой формировались последующие культуры предков народов Центрального Кавказа, в том числе осетин» (История СО АССР, с. 35).

Рискуя ошибиться, предложу свое объяснение приведенным фактам. Нам представляется, что кобанская культура была создана киммерийцами, принесшими из Центральной Европы в горы Кавказа умение изготавливать бронзу (ими же были

принесены предметы, ныне считающиеся доказательствами связей Кавказа и Карпато-Дунайского бассейна). В результате их расселения получилась дуга, протянувшаяся от Карпат до Кавказа и заселенная тюркскими племенами, сохранявшими связи друг с другом, как и с другими сородичами на Дону и на Волге. Отсюда же, например, и присутствие кар.-балк. слова *доммак* «бронза» в итальянском и французском языках (см. выше), как и другие металлургические термины в языках народов Кавказа; пратюрки начали заниматься металлургией еще в период пребывания на Балканах.

ВОЙНА В КИММЕРИИ

Но какие факты говорят о том, что именно киммерийцы (в которых мы видим алано-болгар) населили Центральный Кавказ в кобанскую эпоху? Разумеется, этот вопрос нуждается в тщательном анализе; я хочу обратить внимание специалистов лишь на некоторые данные. В предании, дошедшем до нас в передаче Геродота, говорится о том, как скифы, которые «обитали в Азии» (т. е. за Танаисом-Доном, считавшимся границей Европы), оказались в местах, которые занимали их южные сородичи. Геродот пишет: «...страна, ныне населенная скифами, как говорят, издревле принадлежала киммерийцам». И, далее: «С приближением скифов киммерийцы стали держать совет, что им делать перед лицом многочисленного вражеского войска. И вот на совете мнения разделились. Хотя обе стороны упорно стояли на своем, но победило предложение царей. Народ был за отступление, полагая ненужным сражаться с таким множеством врагов. Цари же, напротив, считали необходимым упорно защищать родную землю от захватчиков. Итак, народ не внял совету царей, а цари не пожелали подчиниться народу. Народ решил покинуть родину и отдать захватчикам свою землю без боя; цари же, напротив, предпочли скорее лечь костями в родной земле, чем спастись бегством вместе с народом».

До сих пор все вроде бы ясно, но далее следует: «Приняв такое решение, киммерийцы разделились на две равные части и начали между собой борьбу. Всех павших в братоубийственной войне народ похоронил у реки Тираса (могилу царей там можно видеть еще и поныне). После этого киммерийцы покинули свою землю, а пришедшие сюда скифы завладели безлюдной страной». (Реку Тирас ученые отождествляют с Днестром). Получается, что из всех возможных решений (сражаться с захватчиками; отступить без боя; покориться скифам), киммерийцы выбрали самое абсурдное. Но такого быть не могло – народ или подчинился бы воле вождей, или, наоборот, вожди ушли бы вместе с народом в другую страну.

Важно найти ответ и на вопрос: где произошла междоусобная битва? Вроде бы сказано определенно – у реки Тирас (Днестр). Но из текста видно, что эти события происходили задолго до времен Геродота (потому он и говорит, что передает «сказание»). Кроме того, он делает важное добавление: «Спасаясь бегством от скифов в Азию, киммерийцы, как известно, заняли полуостров там, где ныне эллинский город Синопа. Известно также, что скифы в погоне за киммерийцами сбились с пути и вторглись в Мидийскую землю. Ведь киммерийцы постоянно двигались вдоль побережья Понта, скифы же во время преследования держались слева от Кавказа, пока не вторглись в землю мидян» (Геродот, с. 239).

Взгляд на карту сразу же позволяет понять, что такого долгого кружного бегства – от Днестра до города Синопы на южном берегу Черного моря – быть не могло. Речь явно идет о Северном Кавказе, откуда киммерийцам легко было уйти на юг через Клухорский перевал (в недалеком расстоянии от моря). Скифы (в которых мы видим тюрко-гунно-хазар) наступали с востока, потому и держались слева от Кавказского хребта; видимо, они

прошли в Мидию (приблизительно нынешний Азербайджан) через ближайшее к ним, в этом случае, Дарьяльское ущелье, почему Геродот и подумал, что они «сбились с пути».

Приведем три легенды, существующие в фольклоре трех соседствующих народов. Абазинский фольклорист В. Б. Тугов пишет: «*Кузанака* (из адыг., букв.: «ситомогила») – название местности. Мест с таким названием много в Карачаево-Черкесской автономной области. Иногда их называют «ногайские могилы». О возникновении этого топонима существует легенда, которая гласит, будто жители бывших здесь аулов передрались из-за сита, а курганы, которых много в Кузанаках, – это могилы погребенных здесь людей»; «...аналогичные легенды зарегистрированы и у адыгских народов» (Абазинские народные сказки, с. 387).

В кабардинском варианте сюжет несколько другой. «О происхождении названия Кузанока (букв. «кладбище сита») рассказывают следующее. Было время, когда адыги не знали, что такое сито, и пользовались продырявленными кусками сухой кожи. Из расположенных рядом двух сел в одном приобрели в Крыму сито. Жители второго села часто брали его в долг и в очередной раз отказались вернуть хозяину сито. Споры в конце концов привели к битве, где погибли все жители обоих сел. Место, где они погребены, с тех пор и зовется *кузанака* – «кладбище сита» (Ципинов, с. 86). Но такой несложный предмет, как сито, и тогда можно было изготовить в любых условиях и в любых количествах; не стали бы именовать и могилы, где были похоронены люди, «кладбищами сита».

Османов Х. Л., корр. балкарской республиканской газеты «Заман» заинтересовался древними каменными мавзолеями, некогда возвышавшимися у околицы селения *Кёнденен*, недалеко от реки Баксан, и опубликовал о них небольшую статью (в номере от 17 мая 2008 года). По рассказам старожилов, их было не менее полусотни. После выселения балкарцев в Среднюю Азию и Казахстан эти мавзолеи разобрали, а материал использовали для строительства колхозных ферм. К счастью, сохранились фотографии, сделанные еще до революции; по ним видно, что высота гробниц достигала 7-8 метров. Старожилы рассказали Х. Османову и о том, что некогда в этой долине разыгралось большое сражение между карачаево-балкарцами и войсками Тамерлана, в котором погибла девушка-воительница по имени *Атийма* из рода *Табыналары* (Табынаевых); ее могила сохранилась до наших дней в пещере *Жашырын дорбун* («потайная пещера») над Кёндененом. Битва осталась в памяти народа под названием *Элек уруш* (элек «сито, решето», уруш «война, битва»).

Объяснение, которое дали информаторы названию сражения, весьма странное: «Балкарцы и карачаевцы в древности наматывали на поверхность щитов арканы из

конского волоса. Прodelав на щитах отверстия, они прикрепляли эти арканы сафьяновыми шнурами. Говорят, что битва потому и получила такое название». Т. е., по той причине, что воины в этом сражении якобы пользовались просверленными щитами, напоминавшими сито. Разумеется, принять это народно-этимологическое объяснение мы не можем. И никакая битва из-за сита разгореться не могла, как не могли и «ногайские могилы» называться так странно - «ситомогилы». Но стоит задуматься: о каком междоусобном сражении говорится в фольклоре трех народов региона и почему оно во всех трех случаях связывается с ситом (решетом)? Нелепость этого названия заставляет подозревать, что мы вновь встретились с лингвистическим недоразумением.

Элик, производное от слова *эль* «село; страна; народ», можно понять в двух значениях - «всенародный» и «царство»; но абсолютно созвучное *элек* - «сито, решето». Неслучайно и число гробниц, некогда высившихся возле сел. Кёнделен – около полусотни; «пятьдесят» - *элли*. Другой, полностью созвучный архаизм - *алик*, *элик*, означает в тюрк. языках «царь, царский» (см. например, знаменитый караханидский кодекс XI в., написанный Юсуфом Баласагуни – «*Кутадгу билик*» «Благодатное знание»; отсюда же именование мощного рода в кар.-балк. нартском эпосе – *Алик-лары*, «Царевы»). Добавим, что существует поговорка, употребляемая по адресу людей, ссорящихся из-за пустяка: *Бир элекни хатасындан бир уллу эл тюр болганды* – «Из-за одного сита (*элек*) сгнуло большое село («страна», «народ» – *эль*)». Приводя ее, обычно добавляют: ...*элекни юлешалмай, уруш баилап* «...не могли поделить сито (*элек*, или «царство» – *элик*) и начали войну».

Если в объяснении кар.-балк. поговорки вместо *элек* «сито, решето» подставить *элик* «царь», ее смысл становится иным: «По вине одного царя большая страна погибла». Ясно, что во всех трех легендах речь идет о большой битве, а считать ее причиной бытовую ссору из-за сита стали по недоразумению. Кроме того, в нартском эпосе карачаево-балкарцев есть сказание о том, как нарты сражались с некими гигантскими пауками и сумели их уничтожить, но с большим трудом; спасаясь от них, нарты вынуждены были сидеть на вершинах гор, куда пауки взбираться почему-то не могли.

Самое интересное, что происходило это сражение (по словам сказителя) опять-таки возле сел. Кёнделен. И снова мы встречаемся с лингвистической путаницей. В эпосе упоминается могучий герой по имени *Кубу* (*Хубун*, *Губу*), кровник нарта Ачемеца; но кар.-балк. *губу* означает «паук». Сражение с войском царя *Кубу* по прошествии долгого времени могло быть забыто, а имя его предводителя стало причиной появления рассказа о битве с гигантскими пауками, из чьей блестящей паутины нарты потом изготовили себе доспехи (т. е. вероятно, победителям достались трофеи – блестящие и прочные латы).

Напомним о киммерийском (трерском) вожде по имени Коб (о котором упоминает Страбон); не о нем ли речь и не он ли явился виновником братоубийственной войны? Правда, античные авторы часто путали киммерийцев с кельтским племенем кимвров-треров. У Страбона можно отметить и другое противоречие: именуя Коба «трерским» и говоря о киммерийцах, «которых называют и трерами», он добавляет, что треры и Коб, как говорят, «были изгнаны киммерийским царем Мадием» (которого исследователи считают скифом). Но и в хронике Леонти Мровели говорится, что первым властителем Северо-Западного Кавказа был сын хазарского царя *Уобос* (*Кобос*), ср. *Коб* у Страбона. Вполне может оказаться, что это не имя царя, а старое кар.-балк. название Кубани – *Коб-суу*, *Кёб-суу* «многоводная», т. е. имелся в виду «кубанский царь». Все три этнонима в переводе с кар.-балк. означают «приречные люди»: *тир эр*, *кем эр*, *балыкь ар*. Память о своих тюркских предках-киммерийцах сохранили в эпосе и осетины (о чем ниже).

Есть и другие сведения, вполне возможно, относящиеся к тем же событиям. Из выступления М. М. Цораева на научной сессии 1959 года: «Самое раннее упоминание о

болгарах мы встречаем у сирийского автора III в. Мар-Абас-Котины, который сообщает, что «булгары, обитавшие первоначально к северу от Кавказских гор, к 148-127 гг. до н. э. вторглись в Армению». Моисей Хоренский в своей «Истории Армении» привел выдержки из того же источника Мар-Абас-Котины. Последний уже хорошо знал имя болгар и писал о проникновении отдельных групп болгарских переселенцев в Закавказье. Первое из этих переселений Мар-Абас-Котина относит ко времени царя Аршака, сына Вахаршака. Аршак, как известно, правил с 127 по 114 год до н. э. «В дни его (Аршака. – М. Ц.), – пишет Мар-Абас-Котина, – возникли большие смуты в цепи Великой Кавказской горы **в земле Булгаров, из которых многие, отделившись, пришли в нашу землю и на долгое время поселились на юге от Коха, в плодородных и хлеботородных местах**» (МНС, с. 267). Напомним, что, по рассказу Геродота, киммерийцы ушли в Закавказье, а оттуда в Малую Азию.

Речь идет о событиях, которые предшествовали созданию гунно-хазаро-скифами нового государства - Великого Тюркского каганата в Восточной Европе и на Северном Кавказе (а не на Алтае, как вещают академики) – о борьбе тюрков северо-восточных районов Черноморско-Каспийского междуморья с юго-западными за главенство в создающейся державе. Этим же объясняется и известное соперничество восточной династии Ашина и западной династии Дуло. После победы гунно-хазаро-тюрков над алано-киммерийцами, а затем и готами, никаких препятствий уже не оставалось и на карте средневековой Европы появился Великий Тюркский каганат, с которым стали налаживать тесные связи правители Византийской империи (но академическая история рассказывает нам небывлицы о посольствах, деловито сновавших между Босфором и Алтаем). Киммерия вошла в состав каганата после гражданской войны, о чем и говорит Мар-Абас-Котина – «большие смуты в цепи Великой Кавказской горы в земле Булгаров»; накал борьбы и решающей битвы у входа в Баксанское ущелье, видимо, был высок. Что могло стать причиной смут?

Ответ на этот вопрос находим в кар.-балк. нартских сказаниях об Ёрюзмеке и в осет. сказаниях о Батразе (см. выше). Часть нартвов во главе с Ёрюзмеком (воинский род Усхуртуковых) является приверженцами тенгрианства, древней единобожной религии тюрков (скифов); но другая часть, возглавляемая Аликовыми (родом жреческим) поклоняется божеству плодородия Кызыл-Фуку. Вражда двух мощных сил носит непримиримый характер и кончается победой Ёрюзмека, поразившего Кызыл-Фука в поединке. Очевидно, в нартских сказаниях в такой, художественно-мифологической форме, отразилась память о битве и победе единобожников (об этом же свидетельствует и осет. сказание о гибели Хамыца от руки Сайнаг-алдара (т. е. того же Ёрюзмека), сторонникам которого мстит сын Хамыца Батыраз.

Скорее всего, в среде киммерийцев произошел раскол: восточные (тюркские предки осетин) были сторонниками язычества, западные (предки карачаево-балкарцев) придерживались древнего единобожия (тенгрианства), как и наступавшие с северо-востока скифы (тюрко-гунно-хазары). Потомки победителей в этом сражении подчинились единоверцам-скифам и «смешались» с ними, в результате чего возник «новый» народ, последующие поколения которого забыли истинное значение названия битвы и нашли ему другое, народноэтимологическое объяснение. На предание об этой войне наложились и воспоминания о сражениях с войсками Тамерлана, одно из которых произошло именно в этом месте (песня сохранилась, к сожалению, только в отрывках). Неслучайно и место, в котором произошло сражение: сел. Кёнденен находится приблизительно в центре расселения киммерийцев-кобанцев – между Карачаем и нынешними Осетией и восточными ущельями Балкарии.

О причинах, по которым восточные киммерийцы склонились к язычеству, можно лишь предполагать. Но следует обратить внимание, что в осетинском эпосе на борьбу с Богом нартов подбивает ни кто иной, как пройдоха Сырдон, сам нартом не являющийся, т. е. пришелец. Когда не осталось никого, с кем бы им можно было сразиться, именно он подает им гибельный совет. *«Сырдон был несчастьем для нартов и сказал им: «Вам известна ваша сила, никто никогда вас не одолеет. Вы ведь богу молитесь, с ним и попробуйте помериться силой». Нарты сказали ему: «Мы не знаем, где он, как нам с ним биться?»». Тогда Сырдон велит им разгневать бога – тогда, мол, он сам явится к ним: «Перестаньте ему молиться, забудьте его имя. Поднимите повыше дверные косяки, чтобы не пригибать головы. Тогда, если есть где бог, он вас сам станет искать»* (Нарты, т. 2, с. 485).

Вполне возможно, что Сырдон (трансформация героя животного эпоса, имевшего облик крысы), является еще и собирательным образом маздакитов, выселенных на Кавказ шахом Хосровом Ануширваном. Оказавшись в среде местных тюрков-автохтонов, эти еретики-бунтари, вполне возможно, внесли в нее брожение и смуту. Не исключено, таким образом, что именно они были повинны в том, что тенгрианство среди тюркоязычных предков осетин стало деградировать к язычеству.

Часть побежденных, не желая подчиниться, вынуждена была покинуть родину (как и киммерийцы у Геродота), уйти на юг; заметим, что на востоке Малой Азии отмечены топонимы *Балкар, Балкара, Малкара*, а в горах семь топонимов *Алан-юрт* (Бадахов, с. 11). Победители похоронили погибших в построенных для этого мавзолеях возле сел. Кёндеден, а сражение осталось в памяти потомков под названием *Эллик (Эллек) уруш* «всенародная (междоусобная) битва». Геродот услышал сказание о ней много лет спустя, когда народ уже думал, что имела место не война двух частей населения, а разногласия между царями (*элик*) и народом (*эллик*), откуда возник рассказ о странном способе их разрешения.

Почему в легендах говорится о двух селах (аулах), понятно: кар.-балк. *эль* означает «село; народ; страна». Поскольку сел. Кёндеден, возле которого разыгралась междоусобная битва киммерийцев, находится довольно далеко от абазин, они привязали место действия к знакомой им местности (где находились ногайские могилы, и, возможно, склепы). Адыг. *кузанака* «ситомогилы» или «кладбище сита» - искаженный перевод кар.-балк. *эллик кешенеле* «могилы народа» (поскольку в гробницах похоронили, вероятно, всех участников битвы), понятого как *элек кешенеле* «ситогробницы». Крым в кабард. варианте легенды появился, вероятно, из тех же рассказов о битве: кар.-балк. *къырым* «уничтожение, истребление» кабардинцы поняли как название Крыма (основа *къыр* означает не только «степь», но и «истребить, уничтожить; стереть»).

ЧИНТЫ И СИНДЫ

Чынтае, чинты, часто упоминающийся в осет. и адыг. сказаниях народ, характеризуемый по разному: «для осетинских нартов чинты – прежде всего друзья и гораздо реже – враги, тогда как для адыгских нартов чинты являются заклятыми врагами». Но какой народ древности скрывается под этим именем? Ю. А. Дзищойты, сведениями из книги которого мы воспользуемся (с. 138-161), отвергает совершенно беспочвенное сопоставление чинтов с китайцами, выдвинутое Т. А. Гуриевым, как и этимологию М. А. Кумахова, возводившего этноним к названию малоазийских хаттов, указывая, между прочим, на его отсутствие у самого южного из всех носителей нартского эпоса – абхазов; следовательно, чинты должны локализоваться на севере Кавказа.

Л. Г. Лопатинский еще в XIX веке сопоставил эпическое *чинты* с этнонимом *синды*,

народом, жившим в древности на побережье Черного моря, а также связывал его с чечен. *кант* «молодец», грузин. *кинто* «удалец, рыцарь». Г. А. Дзагуров, «очевидно, исходя из упомянутого сопоставления Л. Г. Лопатинского», считал «осетинских «кантов» «древними предками вайнахов». Все эти версии Ю. А. Дзицкойты, и также правомерно, считает сомнительными.

В 1993 г. версию о том, что эпические чинты – это китайцы, поддержал В. А. Кузнецов (почему-то без ссылки на работу Т. А. Гуриева 1977 г.; более того, археолог упрекает нартоведов за то, что они не отвечают на вопрос: кто такие чинты?); правда, более убедительной версия от этого не стала. «Напомню, что в Европе Китай издавна носил название Сина, персы называли китайцев «чин», Китай – «Чинастан», армянские формы этих названий «Тчен» и «Тченастан», «Чин», «Тченк». «Исторически знакомство западных алан с китайцами вполне вероятно, ибо китайские купцы нередко проходили по трассам ВШП через Аланию и погребение китайского купца VIII из «Мощевой балки» это подтверждает. Возможно иное понимание, указанное К. П. Паткановым: речь может идти не о собственно Китае, а о китайских владениях, в том числе и в Средней Азии. В таком случае это скорее всего могли быть согдийцы – ираноязычный народ, действительно (в этом отношении) родственный ираноязычным осетинам, как это фиксировано в нартском эпосе» (Кузнецов, 1993, с. 69).

Все это очень интересно, но, к сожалению, неубедительно. Для знакомства западных алан с китайцами нужен, как минимум, факт обитания китайцев (якобы чинтов) на Кавказе и их боевое содружество с «ираноязычными» аланами (нартами). Погребение китайского купца в Мощевой балке аргументом служить не может (к тому же у купца паспорта с собой не было). Если же речь идет об аланах Средней Азии (Аланья-Яньцай), то и в этом случае нет данных об их нерушимой дружбе с великими соседями. Согдийцы, которые торговали шелком, и которых, по мнению В. А. Кузнецова, аланы (нарты) называли чинтами («китайцами») на роль дружественного аланам народа тоже не тянут, поскольку жили далеко от Кавказа. Если же автор говорит о согдийцах и аланах в Средней Азии, то и вовсе непонятно, зачем «алано-осетины» перенесли бы на согдийцев название китайцев, каким образом этноним попал на Кавказ и почему никто из нартоведов не говорит, что территорией зарождения нартского эпоса является Средняя Азия. Да и термины *заелдаг* и *цыллае*, означающие в осетинском «шелк» являются не китайскими или согдийскими, а неизвестно чьими (Абаев, ИЭСОЯ, т. 4, с. 294; т. 1, с. 320).

В осет. эпосе чинты живут среди нартов, но сохраняется неприязненное отношение к их представителю Бедзенагу (кар.-балк. *Бёдене*). «По свидетельству сказителя Г. Сланти, *Чынт* в осетинском эпосе – название села». В адыг. эпосе Сатаней указывает Шабатыныко путь из Чинта в страну нартов: «...поезжай на юг так, чтобы ночью Полярная звезда была слева и сзади». Следовательно, заключает Дзицкойты, «страна чинтов находилась севернее страны Нартов». (Это не совсем точно; следуя этим указаниям, всадник должен был ехать с северо-запада на юго-восток, т. е. двигаться приблизительно с побережья Черного моря к центру Северного Кавказа). В других адыг. сказаниях путь из Чинта в Нарту указан иной – двинувшись с Тена (Дона), переехать через Кубань. По этой причине Дзицкойты полагает, что страна чинтов находилась где-то между Доном и Кубанью. Сюда же Ю. А. Дзицкойты относит *Кинт*, *Кинте* – название крупного населенного пункта в кар.-балк. эпосе. В любом случае, речь идет о Северном Кавказе.

Причины разного отношения Нартов к чинтам в разных вариантах Нартиады Дзицкойты видит в особенностях формирования эпоса у каждого народа, обусловленного личным знакомством с этим исчезнувшим этносом. Адыгский Бадыноко, например, как бы запрограммирован на борьбу с чинтами, он рожден им на погибель, и выполняет эту

программу, истребив чинтов и обезглавив их вожда. Ю. А. Дзицойты предполагает, что Бадинок занял его (вождя чинтов) место, поэтому нарты говорят, что он живет в далеком краю и его отец Орземедж приезжает к нартам из Чирта; но, исходя из ошибочного толкования (кар.-балк. Бёдене – кинтский герой), он считает странным, что в адыг. сказаниях герой Бадинок является и нартом, и заклятым врагом чинтов. Но каким образом заклятый враг чинтов мог стать их князем, да еще и истребив самих чинтов?

В осет. эпосе Урузмаг назван предводителем нартов и чинтов, но не сказано, как ему удалось им стать; стоит заметить, что «чинты рисуются как особо близкий к нартам этнос», издавна знакомый, но небольшой и, возможно, нарты покорили их; «...первопредком нартов был Уархтанаг, вокруг которого поселились три нартовских рода и чинты». Оба племени были первыми людьми на земле и противопоставляются великанам, небожителям, злым духам и пр; на свой пир нарты пригласили все земные и неземные существа, но из рода людского там были только чинты. В осет. эпосе подчеркивается, что чинты были для Нартов своими (Дзицойты приводит целый ряд примеров); «и горе, и заботы, и радости у Нартов и чинтов были общими, как и в походы они ходили вместе». Более того: «Как начало, так и конец чинтов связаны с нартами: согласно некоторым сказаниям, они вместе погибли в голодный год». «Трем группам нартов» в точности соответствуют «три группы чинтов».

Соглашаясь с отождествлением эпических чинтов и причерноморского народа синдов (Л. Г. Лопатинский), Ю. А. Дзицойты считает невозможным решить вопрос об этнической принадлежности первых, так как язык синдов неизвестен. Если же они окажутся иранцами, нельзя причислять их к скифо-сарматам, поскольку нарты и чинты нередко противопоставляются, а в одном из осет. сказаний нарты воюют с чинтами и гунтами (в последних Дзицойты видит гуннов), но автор замечает, что преувеличивать эту противопоставленность не следует (воюют же друг с другом нарты Ахсартаговы и Бораевы). Вывод Дзицойты: «ничто не мешает отнести чинтов к нартовским родам, за исключением того, что чинты сами делились на три функциональных рода»; это два разных, но очень близких этноса, «проживающие на смежных территориях или даже в одном общем селении». Схожесть социальной структуры позволила «древнеосетинским (скифо-сарматским) сказителям включить чинтов в генеалогию нартов»; но у адыгов не было трехчастного деления общества, поэтому их сказители не причислили чинтов к нартам даже после их покорения нартом Бадинок, для адыгов они остались врагами.

«Следовательно, - заключает Дзицойты, - под чинтами следует видеть такой реально существовавший в прошлом народ, который в этническом плане был близок к осетинам, но отличался от адыгов, и в то же время граничил как с теми, так и с другими», причем «предки адыгов жили южнее чинтов, а чинты жили где-то в районе низовий Дона» (по адыг. эпосу). Логика рассуждений Дзицойты проста: под нартами подразумеваются «древние ираноязычные аланы»; в адыгских сказаниях нарты воюют с чинтами, но в осетинском эпосе чинты и нарты дружны; следовательно под чинтами подразумевается народ, «в этническом плане» близкий к осетинам. Таким народом могли быть, по мнению осетиноведа, только синды, народ индоевропейский, который легко мог ассимилироваться с пришлыми сарматами-иранцами (выше Дзицойты говорит, что этническая принадлежность синдов неясна; здесь автор ссылается на мнение ряда ученых, считавших синдов «индоарийским народом»). Дело за малым – доказать, что скифо-аланы были ираноязычными предками осетин.

Далее исследователь указывает, что элемент *тае* в слове *чынтае* в осет. эпосе не является показателем мн. числа, поскольку нигде не встречается слов *чын* (ед. число), есть только производное *чынтаг* «чинтский» (в осет. яз. нет и слова *нар*, но иранисты все равно считают элемент *т* в фольклорном этнониме *нарт* осет. формантом мн. числа; это

что-то вроде улыбки чеширского кота, которая существовала и в отсутствие самого кота). Поэтому в адыг. и другие варианты эпоса этноним *чынты*, по мнению Дзиццойты, проник из осет. яз. (больше неоткуда). Также достоверно Ю. А. Дзиццойты знает, что в районе между Доном и Кубанью соседнили три этноса – сармато-аланы, адыги и синды (чинты). «Заимствовав идею эпосотворчества и некоторые сюжеты о чинтах у предков осетин, адыги, узнав (? – М. Дж.) в них своих соседей-синдов, добавили к ним свои собственные представления и сказания об этом народе», прославляя героя, который их разбил. С этими синдами-чинтами Дзиццойты связывает и название замка *Сынты* в Карачае, города *Тынты калак* в осетинском эпосе и крепости *Дундукаль* в эпосе адыгском.

По осет. сказаниям, чинтов было немного; по адыгским, наоборот, чинтов было намного больше, чем нарттов. По мнению Ю. А. Дзиццойты, это противоречие объясняется тем, что, во-первых, предков осетин было больше, чем синдов, а тех – больше, чем предков адыгов; во-вторых, синды одно время входили в состав Боспорского царства и их название могло распространяться на всех боспорцев; кар.-балк. Бёдене и осет. Бедзенаг связаны с рыбной ловлей, и, следовательно, представления о чинтах-рыбаках восходят к представлениям о боспорских правителях, обладателях рыбных промыслов. У иранистов все, как всегда: вместо объяснений – цепь предположений.

Имен чинтских героев известно очень мало. В качестве их предводителей (в осет. эпосе) упоминаются некий *Чанты-хан* (кар.-балк. «истинный хан». – М. Дж.) или *Къоба*, не имеющий богатств, но обладающий двумя замечательными мечами, т. е. истинный воин. Это имя Дзиццойты почему-то считает возможным сопоставить с «осетинским названием Кубани – *Къобан*», считая его усеченной формы гидронима. Но *Къобан-суу* – это не осет. название (показательно, что в ОРС всего три слова, начинающихся на *къоб*), а кар.-балк. и происходит либо от *къуба*, *къоба* «большая, крупная», либо от *къопхан* «поднимающаяся, затопляющая». В кар.-балк. эпосе есть герой по имени *Къуба* (Кубу, Хубун), могучий и богатый (был убит нартом Ачезом) – от *къуба* «большой, крупный»; в осет. эпосе упоминается также некий Кобор, вождь гумцев (куманов). Вспомним и вождя киммерийцев, носившего сходное имя – *Коб*. Это же историческое лицо, возможно, упоминается в хронике Леонти Мровели под именем *Уобос* – так звали сына хазарского царя, первого правителя Северного Кавказа.

Дзиццойты называет и других чинтов: *Каелаедзых* (чечен. *Кали*), и *Беко*, Бек (адыг. *Бэуч*, *Бэуки*). Первое имя, *Беко*, Дзиццойты сопоставляет с тюрк. титулом *бек*; это слово в кар.-балк. яз. означает также «твердый, волевой, сильный».

Имя *Къаелаедзых* Дзиццойты не объясняет. Можно ли видеть в нем кар.-балк. *къалажюк*, *къалазюк* «соха» или *къалачы*, *къалацы* «житель крепости, горожанин», сказать трудно. Если добавить к этим именам названия городов *Тынты калак* в осет. эпосе и *Дундукаль* в адыг. сказаниях, не имеющие объяснений на почве осет. яз. (*къала* – тюрк. «крепость; башня»), картина складывается явно не в пользу мнения об «индоарийстве» чинтов.

И. М. Мизиев, на которого ссылается Дзиццойты, считал кар.-балк. слово *чынты* этнонимом. К сожалению, в карачаево-балкарско-русском словаре (М., 1989) указано только значение «самый», поскольку не учитывались формы употребления этого слова. Приведем несколько примеров: *чынты да ёзден кёре эдим ол* «оказывается, он истинный (исконный) уздень», *чынты чегемли* «исконный чегемец», *ол чынты бий тукъумданды* «он из истинно княжеского рода», *чынты да къарачайлыды* «он исконный карачаевец», *чынты холамлы* «исконный холамец» и пр. Таким образом, кар.-балк. *чынты* означает «исконный, истинный, коренной, самый». В эпосе (как и в речи) это слово встречается много раз: *чынты нартды* «он истинный нарт», *нартла ичинде чынты къарыулусуду* «среди нарттов он воистину мощный» и т. д. т. е. К кому могли относить такое

определение («исконные, коренные») тюрки-скифо-аланы, жители равнин Северного Кавказа, которые позже продвинулись к предгорьям? Скорее всего, к своим сородичам-киммерийцам, жившим южнее, в горах Центрального и Северо-Западного Кавказа (их же они, скорее всего, именовали *таулу* «горцы», *тау огул* «горное племя», осет. *туал*, *тагауур*).

В осет. эпосе чинты – ближайшие друзья и соседи нарттов, они живут с ними вперемешку, имеют с ними одинаковый социальный строй, сотворены в одно и то же время и пр., вплоть до того, что в походы они ходят вместе и даже совещаются и пируют. Отношения между чинтами и нарттами, как они обрисованы в осет. эпосе, это память об отношениях между тюрками-киммерийцами, древнейшими насельниками гор Кавказа (в частности, предками тагаурцев, куртатинцев и туалцев) и их степными родичами, скифо-аланами. Но в адыг. эпосе чинты – враги нарттов, живущие где-то в Причерноморье. Иными словами, речь идет о разных народах, чьи названия случайно совпали. Существует точка зрения, согласно которой Синдика была колонией, созданной великими мореплавателями древности – семитами-финикийцами, соперниками греков по колонизации Восточного Причерноморья; одним из их основных занятий, вероятно, была работорговля. Вряд ли является случайностью тот факт, что в этих местах до позднейших времен действовал невольничий рынок.

Чинты адыг. эпоса – это действительно синды, обитатели Причерноморья и создатели рабовладельческого государства Синдика. Стремясь избежать порабощения, предки адыгов, вероятно, сражались с соседними синдами, судя по эпосу, не на жизнь, а на смерть и имели свои сказания о героях, которые бились с поработителями. Переняв у карачаево-балкарцев нартский эпос, они включили в него и эти сказания. Но в кабардинском народе сохранялась глухая память и о других чинтах – тюрках. В 1936 г. М. Е. Талпа пишет: «Некоторые кабардинцы утверждают, что кынтами называлось одно из племен аваров (в VI-VII веках обративших кабардинцев в своих данников)» – (Кабардинский фольклор, с. 626).

Но почему в осет. эпосе сохранилась память о *чинтах* («исконных, местных»), а в кар.-балк. сказаниях, вопреки мнению Ю. А. Дзицойты, нет ни чинтов, ни «чинтского цикла»? На востоке, в нынешней Осетии, процесс слияния двух тюркских племен – аландигорцев и тагауро-туало-куртатинцев осложнился тем, что дигорцев было меньше, чем аборигенов. На территории Балкарии и Карачая слияние киммерийцев и скифо-алан в один этнос, вероятно, произошло быстро, поскольку последних было гораздо больше, чем и объясняется отсутствие упоминаний в фольклоре двух эпических племен, равных по силе. Кар.-балк. фольклор хранил память о приходе алано-болгар в горы. Согласно древней легенде (опубликованной М. К. Абаевым в 1911 г.), когда в Черекское ущелье (расположенное рядом с Дигорией) с плоскости пришел некий Малкар (эпоним черекских балкарцев), он застал там поселок, жители которого называли себя *таулу* «горец» (Азаматов, Хутуев, с. 92). Если бы эти аборигены не были тюрками, вряд ли они именовали бы себя по-карачаево-балкарски.

Связи между тюрками-аланами и тюрками-киммерийцами нашли отражение и в кар.-балк. эпосе. В сказании о приезде на пир нарттов витязя Рачикау, сына Бёдене, говорится, что Гиляхсыртан Злоязычный отказался принять от него черед в танце, в чем Дзицойты видит проявление пренебрежительного отношения нарттов «к презренному кинту». На самом деле, ничего подобного в вариантах этого сказания нет. Во-первых, Гиляхсыртан – не нарт, а знатный иноплеменник, обладатель замка и войска; во-вторых, презрительное отношение Гиляхсыртана к Рачикау объясняется тем, что этот герой является незаконнорожденным сыном Бёдене и рабыни. Сами нартты бранят Гиляхсыртана за оскорбление их гостя, и тот вынужден извиняться перед ним. Ошибочное толкование

кар.-балк. топонима и эпизода из эпоса привело Дзицойты к неверному пониманию образа богатыря-рыболова (но сына какого-то хана) *Сары Бёдене* «рыжего печенега» (*Бёденек, Шубадий, Шубадина, Чюмедий*), пришедшего к нартам откуда-то с севера и названного в дореволюционной записи сказания «русским» (возможно, в XIX в. север ассоциировался у карачаево-балкарцев с русскими); на самом деле, это этноним печенегов. Сын Бёдене, витязь *Рачикау* родился у нартов, а воспитывался в *Кинте*.

Одни ошибки Дзицойты повлекли за собой другие. Поскольку в адыг. эпосе Бадиноко назван знатным нартом и даже князем (*Пиши-Бадиноко*), а в кар.-балк. эпосе (якобы) считается «презренным кинтом», он думает, что цикл «чинтских сказаний» карачаево-балкарцы заимствовали у адыгов, и что кар.-балк. *Шубадий* (вариант имени *Бёдене*) есть искажение адыг. *Щэбатыныкъо* (*Пиши-Бадинокъо* «князь Бадиноко»). Но почему князь Бадиноко адыг. эпоса должен был при заимствовании превращаться у карачаево-балкарцев в «презренного кинта»? На самом деле, все было наоборот. Кар.-балк. *Шубадий, Шубадина* есть слегка искаженный тюрк. этноним *суу бёденек* «приречные печенеги» (потому богатырь и занимается рыбной ловлей); непонятное для адыгов *шу, суу* они превратили в *пиши* «князь», присоединив его к имени сына Бёдене – *Бадинокъо* («сын Бадына, Бадынович»).

Вряд ли случайно, что в одном из кар.-балк. сказаний нарт Бёдене (отец Рачикау, который воспитывался в Кинте), ловит рыбу в Тереке, и женится на местной женщине. (Но следует учитывать, что *кент* означает «поселение», «город»; ср. название селения в Балкарии – *Бабугент*, от *баба кент* «предков поселение»). Кроме того, в дореволюционной публикации говорится, что Рачикау жил в горах (это отмечается трижды), а Сосурук – на плоскости; еще до встречи друг с другом они клялись именами друг друга. Чтобы вернуть оскорбленного Гиляхсыртаном Злоязычным Рачикау на пир нартов, пустившийся за ним вдогонку Сосурук кричит ему: «Рожденный у нартов, воспитанный в Кинте, друг мой, Рачикау, куда ты скачешь так скоро?» (КБФДЗП, с. 79; с. 82). В оригинале: *Нартда тууб, Кентде ёсген* «родившийся в Нарте, выросший в Кенте». Возможен и другой перевод: «Родившийся в горах, (но) выросший в городе».

Кинт (Кент) является названием тюрков-горцев, которых аланы-степняки называли *чынты* (*кынты*; восходит к *кенти*, от *кена* «истина, истинный, воистину») или названием какого-то крупного населенного пункта, расположенного в горах, почему Сосурук и отличает его от страны нартов (живших на равнине). Стоить отметить, что *кынты, чынты* совершенно созвучно *гынты* «самомнение, гордыня, спесь» (ср. выражение *гынтыды кёкге сыйынмайды* «его спесь и в небеса не вмещается»). Но именно таким и изображается Рачикау в кар.-балк. эпосе; не сумев поразить своего врага Гиляхсыртана одним ударом, со словами: «Раз у меня нет такой же силы, как у молнии, жить мне незачем», он погибает – от гордыни.

Именование киммерийцев-кобанцев (*чынты* «коренные, исконные») попало в осет. эпос через иранизированных тюрков-дигорцев в качестве этнонима ближайших друзей нартов, почти их двойников-соплеменников, с которыми у них, вероятно, поначалу случались и стычки. Принятие такой точки зрения позволяет понять многое – например, присутствие огромного количества тюркских топонимов, оронимов и гидронимов на карте Северного Кавказа; если бы аборигенное население этого региона издревле не было тюркоязычным, вряд ли крупнейшие реки и высочайшие вершины назывались бы по-тюркски. Население средневековой Алании – результат «смешения» двух близкородственных групп тюрков - кобанцев-киммерийцев и скифо-алан. Именно осколки этого киммеро-скифо-аланского народа, говорившие на карачаево-дигоро-кумыко-балкарском языке, стали субстратом при сложении чеченцев, ингушей, осетин, абазин (после разгрома Алании Тамерланом). По этой причине многое из того общего, что есть в

языках и культурах народов Северного Кавказа, является тюркским, чего не могло быть, если бы киммерийцы, скифы и аланы говорили на иранском языке.

ТУЛОНЦЫ И КИБИТЫ

Где только не побывали, по воле ученых-иранистов, и с какими только экзотическими народами не являлись герои осетинского эпоса – с китайцами, с монголами, хорезмийцами, финно-уграми Урала, прибалтийскими племенами, боспорянами, древними армянами на Евфрате, хаттами Малой Азии, эллинами, синдами, римлянами и пр. Не было забыто и древнее племя, обитавшее в Крыму и часто упоминаемое «античными» авторами.

Тулоны заехх – в осет. эпосе название какой-то страны, разграбленной нартами. Ее владыка называется *Тулоны аелдар* или *Тулоны маеликк-аелдар* «владыка Тулона». Топоним *Тулоны захх* содержит этноним *тулон* в род. падеже, т. е. имеет собирательное значение; этноним в форме *тул* нигде не встречается, следовательно, второй слог не является аффиксом –он. Ю. А. Дзиццойты считает, что в варианте сказания о последнем походе Урузмага владетель Тулона заменяет *Кафтисара* (по мнению В. И. Абаева – «боспорского царя»), поскольку, возможно, страна Кафтисара и владения Тулонского царя были смежными, к тому же оба были врагами Нартов.

Упоминаются в эпосе также «Тулонский берег» и «Тулонская равнина», «народ тулон». Ю. А. Дзиццойты допускает также вариант *турон*, что позволяет ему, с присоединением древнеиран. флексии род. пад. мн. числа – *анам*, возможно, когда-то игравшей роль показателя множественности, восстановить (вернее сказать – придумать) этимон *таур(и)анам*, *тауранам*, считая его производными от основы *таура* (*таурия*). Далее из этой цепи произвольных изменений слова следует нужный вывод: «Эта основа заставляет вспомнить этноним «тавры» (греч. *таврои*). Во времена Геродота тавры жили в горах Крыма». Другое решение Ю. А. Дзиццойты столь же оригинально. А. Кристолю предположил, что название народа *торетаи* (в античных источниках) содержит «скифский» показатель множественности –*та* (осет. *тае*), а основу *торе* «восстановил» в *таур* (т. е. все то же *тавр*), предполагая в них восточную ветвь тавров. «В целом, форма *Торе*- могла быть иранизацией формы *Тауро*». Отсюда новое предположение – что могла существовать переходная форма: *торан*, *толан*.

Сюда же Дзиццойты относит этноним *Торетаи* (у Страбона); после столь основательной переделки этих наименований, у него, разумеется, не остается сомнений «в том, что в античные источники этот этноним проник из скифо-сарматских наречий», а также – «препятствий к тому, чтобы тулонцев осетинского эпоса связать с торетами», чем якобы подтверждается и связь между пресловутым Кафтисаром и боспорцами (Дзиццойты, с. 168-173). Полагаю, что пользуясь таким приемами, можно было доказать его связь с жителями Огненной Земли.

Но у Дзиццойты был хороший информатор, Униаты Заурбек (1901 г. р.), рассказ которого возвращает нас к реальности. Он поведал следующее: «Страна тулонцев находится вон (там) под горой Кариу (в Куртатинском ущелье. – прим. Дзиццойты). Это хорошая земля. Тулонцы держали там скот, косили сено. По виду они отличались (от нартов), язык у них тоже был другой. Впоследствии они научились говорить по-осетински, на языке нартов: нарты стали их теснить и у них не оставалось другого выхода». Далее информатор разъяснил, что границы страны тулонцев проходили от местности Кадат до местности Мыси. В подтверждение сказанного сам Дзиццойты приводит топонимы из указанного района Осетии: название реки, протекающей в овраге и название луга, оба именуемые *Тулон*, а также два топонима с компонентом *Тол* («Рытвины

Толи» и «Курган Тола»).

Казалось бы, все ясно, но видеть в тулонцах какое-то автохтонное племя, ассимилированное иронцами, ему не хочется; Дзицойты непременно требуется связать тулонцев с причерноморскими таврами, якобы переселившимися на Кавказ. Поэтому он говорит, что если сообщение З. Уаниаты подтвердится, «то можно будет говорить о доосетинском населении Северной Осетии, генетически связанном с торетами или таврами». «О культурной связи между таврами и племенами, носителями Кобанской культуры, пишут и археологи». А так как, по его мнению, «наиболее аргументированной на сегодняшний день является гипотеза об индоарийстве синдо-меотских племен», то и «доосетинское (донатовское) население Кавказа в таком случае оказывается индоевропейским». Следовательно, субстрат, на котором сложились осет. народ и его язык, «был по всей видимости, смешанным индоевропейско-кавказским». Т. е. в числе предполагаемых предков осетин, кроме «кавказцев» и скифо-алан, были еще и тавры-индоевропейцы.

Вот какие оригинальные выводы можно сделать на основе предполагаемого происхождения всего лишь одного слова! Но это еще не все. В адыг. эпосе нартты действуют в районе Дона, Кубани, Волги и Каспийского моря (*Хазаса*, Хазарского моря, до которого добирается один из героев); отсюда заключение: «промежуточную страну нарттов» (т. е. «алано-осетин») надо локализовать в Приазовье, о чем говорит знакомство нарттов с народами Таманского полуострова, откуда они и совершали походы к Каспию (Дзицойты, с. 175-178).

Ни одно из приведенных здесь предположений Дзицойты принять нельзя:

1. Нет ни одного факта или хотя бы одной убедительной этимологии, в силу которых можно было бы поверить в тождество эпических тулонцев, торетов и крымских тавров, как и в переселение их части на Кавказ.

2. Название *тавр* (букв. «бык» – это калькированный греками тюрк. этноним *огуз* («бык»); или это также тюрк. *тав эр* «горный человек, горец» (античные источники называли таврами именно горцев Крыма).

3. Связь создателей кобанской культуры с таврами Крыма объясняется тем, что и те, и другие были одноплеменниками, тюрками.

4. Присутствие в Осетии топонимов, в которых звучит этноним *тулон*, говорит о том, что это было название какого-то местного рода или племени.

Информатор Ю. А. Дзицойты говорил, что тулонцы жили в Осетии и, теснимые нартами, перешли на осетинский язык (З. Уаниаты, вероятно, отождествлял нарттов и иронцев). На наш взгляд, речь действительно идет о до-иранском (тюркском) населении нынешней Осетии. Этноним *тулон* – скорее всего, форма кар.-балк. *таулан*, из *тау алан* «горный алан», син. *таулас*, *тауас* (оба слова сохранились у карачаево-балкарцев в качестве имен собственных – *Тауас*, *Таулан*). Появление *о* вместо *а* в окончании этнонима в осетинском закономерно (пишут же осетиноведы, что фольклорное *аллон* – это *алан*). Т. е. речь идет о местных тюрках-горцах, которые уже «смешались» с тюрками-аланами и одно из племен уже именовало себя *тауалан*, т. е. «горные аланы».

Попутно Дзицойты легко разъяснил еще один вопрос. «В одном сказании рядом со страной тулонцев упоминается название загадочной страны *Кибиты заехх*; нарт Хамиц, отправившись из страны кибиток (кибитов? – М. Дж.), достигает страны тулонцев и похищает дочь владетеля страны тулонцев. Топоним *Кибиты заехх* образован от несохранившегося в самостоятельном употреблении этнонима *кибитае*. Не исключено, что корень *киби* (конечное *тае* – показатель множественности) связан с названием Кубани в античных и средневековых источниках: греч. *Гипанис* (Страбон), *Куфис*, арм. *Купи*, араб. *Куба*, карач. *Къобан*. Если так, то *кибитае* – это «кубанцы» (Дзицойты, с. 175).

А если не так? Во-первых, неясно, что это за «страна кибитов» и где она находилась. Во-вторых, в осет. яз. нет своего названия Кубани; на одной из страниц своей книги Дзиццойты говорит, что осетины именовали ее *Къобан*, но здесь об этом почему-то промолчал. Хотим напомнить о сообщении в «Географии» Анания Ширакаци (VII в.) о болгарх Северного Кавказа (в которых мы, следуя византийским авторам, видим киммерийцев-кобанцев), которые делились на следующие племена: *купи-булгар*, *дучи-булкар*, *оргхондор-блкар* – пришельцы, *чдар-болкар*; известный источниковед К. П. Патканов считал, что *купи-булгар* обозначают кубанских болгар (МНС, с. 18).

Загадочный этноним *кибитае* может иметь и более простое объяснение. Название известного народа – *къыпчакъ* – созвучно кар.-балк. слову *къапчыкъ* «кожаный мешок»; но *гыбыт* – «бурдюк». Тюрки-аланы могли, может быть, в насмешку, именовать кипчаков *гыбыт*, что и сохранилось в осет. эпосе в форме *къибит*. Не исключено и другое: осет. *кибиты заехх* «земля кибиев» – не что иное, как известный этноним *кипчакъ*, *къыпцах* (в устах носителей цокающего диалекта кар.-балк. языка); вторая часть *цахъ*, *цах*, понятая осетинами как свое *заехх* «земля», отделилось от первой, а первая, *кип*, *къып*, понятая в качестве этнонима, снабдилась окончанием мн. числа *-та*.

ГЛАВА XIV. ДРУГАЯ ИСТОРИЯ ТЮРКОВ

ЭТНОНИМЫ

Скифы-пратюрки, пришедшие из Придунавья в степи Восточной Европы и на Северный Кавказ, не могли заселить такие пространства полностью. Племена, расходясь по этой территории, именовались по-разному, а соседи могли называть их еще и по-своему, причем часто калькируя чужие этнонимы. Путаница в древних этнонимах, порожденная отсутствием научной фиксации, частой их сменой, различиями в диалектах, перестановками слогов – одна из многих причин, которые привели науку к созданию сказочной истории (и не только тюрков). Приведем один пример. Южным соседям тюрков (хорезмийцам, согдийцам и другим ираноязычным народам) были известны скифы-*хаумаварга*, т. е. «изготавливающие *хаому*», ритуальный опьяняющий напиток. Несомненно, это просто искажение тюркского этнонима – *гунневар*, *хунневар* (гунноавар). Иногда их называют «пьяными саками». Но в названии массагетов для иранцев звучало бы их слово *масья* «рыба», как и *мас* «пьяный». Но *кипчак* сходно с *кефчак*, *кефсак* «пьяный сак», а в этнониме *балгар*, *балкар* присутствует *балыкъ* «рыба («река, приречный»)). При калькированном переводе иранцы называли бы их *кефсак*, поскольку в иранских языках Средней Азии *кеф*, *каф* – «рыба». Отсюда ясно, насколько сложно определить, о каком народе или племени идет речь в том или ином нарративном источнике.

Глубокий след в духовной культуре кар.-балк. народа оставил тотемизм, ранняя форма языческой религии, возникшая из почитания предков-родоначальников, носивших животные имена (что впоследствии и привело к представлению о происхождении разных родов от тех или иных животных. – Устное замечание Р. Р. Тилова). Главную роль в этногенезе карачаево-балкарцев сыграло племя, упоминаемое в исторических источниках под именем *барсил* «народ барсов», *барсул* «сыны барса, леопарда». Слово *барс*, название священного зверя-предка, вероятно, попало под запрет, и в языке, а также в фольклоре, встречается редко. Вместо него появляется этноним *алан* – закономерное стяжение от *ала анг* «пятнистый зверь»; другое название барса (леопарда) – *къаплан* – от *къабы ала анг* («пятнистошкурый зверь»; по недоразумению, слово переводят как «тигр», но тигр, как и у всех тюрков, именуется *жолбарс* – «полосатый барс», в отличие от *алабарс*, *албарс* – пятнистого, собственно барса.

То же самое – в эпосе. Только герой Алауган носит барсовую шкуру – след его прежнего облика. В списке 19 сыновей патриарха Дебета-кузнеца, являющем собой перечень племен, входивших в древний союз, Алауган, видимо, представляет именно алан, признаваемых старшими, поскольку именно он является старшим сыном Дебета (тем более, что *ал* означает «перед, передний, начальный»). Интересно, что уже вслед за ним идет *Гуу* (от *гун*), то есть гунны. Есть в этом списке и *Гемиргеу* (киммерийцы?), и *Ауал* (*Ауар*, авары?) и др.

Ала имеет целый ряд значений: «пестрый, рябой, пятнистый, светлый, заря» и др. Слово *жалын*, *жалан* «пламя, пламенный; нагой» означало «солнце». Но в йокающих тюрк. яз. это слово будет звучать как *ялан*, *алан*. Еще одно его значение – «безлесная (голая) равнина, степь». То же самое значение («солнце, солнечный») имеет слово *гун*, *юн*, *кун*, *кюн* и т. д. – отсюда «гунн, гунны». Аланы и гунны – две части одного народа.

Известно, что многие племена древности именовали себя «настоящими людьми» (таково, например, значение самоназвания чукчей – *луораветлан*). Большое количество тюрко-монг. этнонимов происходит от *хакар*, *хагар* «истинные люди» (откуда более поздние *хазар*, *кьаджар*, *азар*, *агар*, *кавар*, *кабар*, *авар* и пр.).

Гуу (от *гун*) означает еще и «лебедь». Появляется в источниках страна Лебедия, славян. калька названия страны гуннов. Лебедь – «родич» гуся, который называется *къаз* - отсюда и *хазары* (*ар*, *эр* – «мужчина, человек»). Но лебедь в кар.-балк. яз. - еще и *къанкъаз*, вариант *къангар*. И путешествуют по монографиям и картам «племена печенегов», именуемые *къангар*, *кунгар*, *кунграт*, *кенгерес*, а на самом деле – часть гуннов-скифов-болгар-хазар-сарматов-алан-асов. Но из *къангар* получается *къаугъар* «воин», синонимичное термину *къазакъ*, в котором опять ложно присутствует *къаз* «гусь».

Название народа *авар* - это промежуточная стадия изменения древнего этнонима: *хагар* - *агъар* – *авар* – *ауар* (последняя форма зафиксирована в нартском эпосе; этноним восходит к названию гуннов-печенегов: *къагъар* - *къабар* – *кавар* – *савар* – *авар* - *сувар*; другая линия: *къаугъар* – *къангар* – *къанглы* – *къонграт* - *къунгерес*). У подножья Эльбруса находится местность *Ауар сырты* - «Аварское нагорье». И отсюда же название, этимологию которого никак не могут выяснить – *Кавказ* (от того же *Къанказ* – *Камказ* – *Капказ*) – *Къанкъаз таула* – «Печенежские горы» (или «Лебединые горы»; кстати говоря, если смотреть на гору Эльбрус с предгорий, например, из Пятигорска, ее контуры напоминают летящего лебедя). Часто упоминается в источниках народ *венеды*. Но в обратном (арабском) чтении получается араб. название лебедя – *денеб*, ср. с одним из названий печенегов - *бёдене* (было и германское племя – *вандалы*, и славянское - *венды*). То же самое с народом *саклаб*, *сакалиба* - это обратное (арабское) чтение этнонима *балкъас*, *балыкъ ас* «приречный род-племя», «балкъары».

Почему в русских летописях, написанных в ту эпоху, когда происхождение любого народа старались возвести к одному из библейских персонажей, тюрков часто именуют «агарянами» или «измаильтянами»? У библейского патриарха Авраама, праотца семитов, было две жены – Сарай (Сарра), и Агарь, египтянка. Агарь родила ему сына Измаил, а Сарра - Исаака. Первый считается предком арабов, второй – евреев. Подразумевается, что такое именование тюрков связано с тем, что они стали мусульманами, «перешли в веру арабов». Но оно встречается и тогда, когда ислам на юге Восточной Европы еще не распространился. Следовательно, дело в другом. В том, что имя жены Авраама в тюрк. яз. звучит как *Хажар*, в зокающих диалектах – *Хазар*. Совпадение имени народа с именем библейского персонажа привело летописцев к выводу, что хазары названы так по ее имени, и являются потомками ее сына, «измаильтянами». То, что русские граничили и взаимодействовали с носителями зокающего тюрк. диалекта, ясно из некоторых фактов,

например, из оронима «Зилантова гора», от *зилан, зылан (жилян, жылан)* «змея, змеиный», и *тау* – «гора»: «Змеева гора».

О происхождении этнонима «татар» ученые спорят уже долго, не приходя к единому мнению. На наш взгляд, в его появлении повинно опять же калькирование. Одно из названий гуннов-печенегов (тюрк. варианты – *баджанак, базанак, беденек* и т. п.), а скорее всего одного из их подразделений – *беденек, бедене*; вероятно, это вариант известного слова *будун* – «народ», у Геродота – *будины*. *Бёдене* означает в кар.-балк. яз. «перепелка, коростель», но есть и слово *тартар* – «коростель, дергач» (кстати говоря, кар.-балк. *тарт* означает «дергать; тянуть»). Какие-то соседи называли этих печенегов *бёдене*, другие – *тартар, татар*, поскольку значения совпадали. Второе стало более известным, но не было забыто и первое. Например, мордвины называют чувашей *вьедене*, а марийцы – *су-ас ламари* «речные асы по-марийски» (с марийской примесью).

О герое *Бёдене* и его сыне в кар.-балк. песне говорится:

Ой да, Рачикъау, къысыр бёдене!

Белинге окъ тий да, жети жёбеле!

Ой да, Рачикау, могучий бёдене (печенег)!

Угоди в твою поясницу стрела, и семь шагов просемени!

Цикл сказаний о Бёдене и его сыне Рачикау был популярен именно у балкарцев-безенгийцев, в названии которых звучит имя печенегов-базанак (бзынзы – от «базанак, базангу», как и предположил проф. М. А. Хабишев).

Возможна и другая этимология этнонима «татар». В период крестовых походов турки вступили в союз с византийцами (у которых крестоносцы в 1204 г. отняли Константинополь) и русскими сторонниками православия, совершив поход на Балканы (завоевания Бату-хана). «Союзный, союзник, дружественный» в кар.-балк. – *татах, татау*. Это слово и могло, изменив окончание на *Р*, превратиться в известный ныне этноним.

РОЖДЕНИЕ ТЮРКСКОГО КАГАНАТА

Мы уже говорили, что Великий Тюркский каганат был создан тюрко-гунно-хазарами в Восточной Европе и в него вошли, вероятно, все скифские племена, пришедшие из Дунайско-Прутского междуречья. Но академическая наука утверждает, что он возник далеко на востоке, в Монголии и на Алтае, в течение короткого времени подчинив себе громадную территорию до Ирана и Крыма. Следует остановиться на этом вопросе подробнее (напомним, что мы даем краткое изложение концепции, которая требует детального обсуждения и разработок).

История древних тюрков Алтая и Монголии (тюркютов, создателей каганата), по мнению всех академистов, начинается с появлением рода Ашина. Межплеменным языком в этом регионе в тот период был древнемонгольский. «С этим языком Ашина в 439 году перешли на северную окраину Гоби». «Предгорья Монгольского Алтая, куда попали беглецы, были населены племенами, происходившими от хуннов и говорившими на тюркских языках. С этими аборигенами слились дружинники князя Ашина и наделили их именем «тюрк» или «тюркют». «Какого бы происхождения ни были те «пятьсот семейств», которые объединились под именем Ашина, между собою они объяснялись по-монгольски до тех пор, пока перипетии военного успеха не выбросили их из Китая на Алтай. Однако столетнее пребывание в тюркоязычной среде, разумеется, должно было

способствовать быстрой перемене разговорной речи, тем более что «пятьсот семейств» монголов были каплей в тюркском море» (Гумилев, 1993, с. 24).

Но ни Л. Н. Гумилев, ни другие «кочевниковеды» не говорят, откуда на этой территории появилось «тюркское море» и почему сплочением этих племен должны были заниматься монголоязычные Ашина (а через несколько веков – монголоязычный Чингисхан). Если верить академистам, создание великой державы, основанной родом Ашина, происходило с фантастической скоростью; впечатление такое, что стоило тюркютам появиться в какой-либо стране, как она немедленно включалась в их каганат. Причем они откуда-то и очень хорошо знали, кто есть кто на западе от них и даже в далекой Европе. До середины VI в. тюркюты подчиняются жужаням, в 551 г. поднимают восстание и разбивают их. «554 год был годом, когда из княжества создалась империя». Не слишком ли быстро – всего за три года?

Чудеса продолжают: «...тюркюты за полтора года подчинили себе весь центральный Казахстан, Семиречье и Хорезм», и разбили племена хуни, вар и огор. В 563 году они отправляют посольство в Византию, в 568 г. – второе, возглавляемое согдийцем Маниахом. В обратный путь с ним отправился к хану Истемии византийский посол, полководец Земарх. Вскоре, разгромив эфталитов, тюркюты подчиняют Среднюю Азию. «Между 567 и 571 гг. тюркюты овладели всем Северным Кавказом и сомкнулись с владениями Византийской империи около Боспора». И все это – под руководством одного человека, Истемии-кагана «желанный» (ср. кар.-балк. *истем* «желание»). Но каким образом разноплеменное скопище, до 551 г. подчинявшееся жужаням, всего за 20 лет могло завоевать огромную территорию от Алтая до Памира и Крыма?

Еще одна цитата: «В 568 г. император Юстиниан направил посольство в Тюркский каганат, по Р. Хеннигу, находившийся в Алтае. Целью **этого и других посольств** (выд. нами. – М. Дж.) к тюркам был антииранский союз. Возглавлял византийское посольство комит Земарх. Посольство достигло ставки тюркского кагана Истемии, было торжественно принято и направилось обратно вместе с тюркскими послами. Но от подвластного тюркам племени угров стало известно, что около реки Кофин (Кубань. – В. К.) византийцев и тюрков ожидает четырехтысячный отряд персов, намеревавшийся захватить их в плен. С большими опасностями посольство Земарха достигло верховьев Кубани и вступило в Аланию, где было дружелюбно принято уже упоминавшимся выше царем Саросием». Аланы переправили послов в Апсилию (Абхазию), откуда они благополучно прибыли в Византию (Кузнецов, 1984, с. 59).

Оба выдающихся ученых, Л. Н. Гумилев и В. А. Кузнецов, не пожелали подумать вот о чем. Чтобы попасть в ставку Истемии-кагана, посольству Земарха надо было пересечь Северный Кавказ, переплыть Волгу и Урал, пройти через степи Казахстана и т. д. Византийцы встречались с повелителем тюркютов для заключения союза против Ирана. Сколько времени у Земарха ушло бы на такой долгий путь до Алтая и обратно? Полагаю, несколько месяцев. За этот период греки могли потерпеть полное поражение или победить в решающем сражении (не обещали же персы подождать, пока посольство не вернется домой). И где гарантия, что хан Истемии, в связи с изменившейся обстановкой, не отказался бы от заключения союза (император узнал бы об этом только спустя несколько месяцев)? И каким образом союзники могли бы координировать свои действия, если между ними тысячи километров пути?

Это еще не все. Идет война всех со всеми: иранцы воюют с греками и тюркютами, последние – с эфталитами; обстановка на всей этой территории нестабильная. Никто не гарантировал Земарху и его спутникам, что на них по дороге до Алтая не нападут разбойники и не продадут в рабство (большой охраны у Земарха не было). Спустя несколько веков посол арабского халифа Ахмед ибн-Фадлан, путешествуя в основном по

землям мусульман, с превеликим трудом добрался до столицы Волжской Булгарии. Десять веков спустя (после Земарха) корабль, плывший по Волге, был ограблен и сожжен; команду и пассажиров, среди которых находился Афанасий Никитин, продали на невольничьем рынке.

Приведем и другой пример. «В начале 30-х годов XIII в. венгерские доминиканцы отправили на поиски своих восточных соплеменников группу в составе четырех миссионеров. Трое из них погибли в трехлетнем путешествии, четвертый – брат Отто – вернулся и вскоре умер от истощения, успев рассказать о пути в «Великую Венгрию» По этим следам на восток в мае 1235 г. отправляется новая группа миссионеров из четырех человек, включающая и Юлиана. Завершилось путешествие в декабре 1236 г.». Заметим, что на путь от Буды до Константинополя у них ушел целый месяц. В целом весь путь до Камы (конечный пункт путешествия, по В. А. Кузнецову) и обратно занял, таким образом, полтора года. Причем из Алании до загадочной страны Вела монахи добрались «еле живые». Оставшись один, Юлиан нанялся слугой (не имея средств к существованию). Правда, В. А. Кузнецов замечает, что был и более короткий путь – через Карпаты-Киев, которым Юлиан вернулся домой (Кузнецов, 1993, с. 105-107).

Допустим, Юлиан добирался бы до Камы и обратно этим, коротким путем; все путешествие, тем не менее, заняло бы не менее 6-7 месяцев. И если неприспособленные монахи страдали от голода, то сколько пищи понадобилось бы византийским послам и сколько времени, чтобы дойти до отрогов Тяньшаня или до Алтая, – как и тюркским, чтобы достигать Константинополя? На обратном пути, уже находясь на Кавказе, посольство достигло побережья Черного моря, с трудом преодолев не слишком большой отрезок пути.

С. Г. Кляшторный пишет: «Каган принял Земарха в своей ставке близ «Золотой горы» на Тяньшане» (ВТДРС, с. 134). В комментариях: «В греческом тексте эта гора названа Эктаг (Актаг, т. е. Белая гора. – С. К.). Скорее всего речь идет о горах, именуемых в китайских источниках Ацзетань или Байшань, – Восточном Тянь-Шане, севернее Кучи» (ВТДРС, с. 564). На наш взгляд, речь идет о горе Эльбрус, имеющей в кар.-балк. языке множество названий, в том числе и «Золотая гора» (*Алтын тау*) и «Белая гора» (*Акь тау*).

Одним словом, путешествие византийского посольства на Алтай – одна из очередных небылиц академической науки (крайним восточным пунктом, которого оно достигло, скорее всего, было Поволжье). Как и создание Тюркского каганата в Монголии. На самом деле он находился в Восточной Европе, и встреча Земарха с Истеми-каганом произошла в какой-то местности, расположенной недалеко от Кавказа. Иначе посол, которого угры предупредили о засаде, не стал бы идти в Западную Аланию, а направился бы в Крым и оттуда отплыл в Византию.

Вот и Л. Н. Гумилев, рассказывая о возвращении посла (вместе с сыном Маниаха и послом кагана Тагма-Тарханом) в Константинополь, невольно свидетельствует о том, что речь идет о Тюркском каганате в Европе, одним из наследников которого стала впоследствии Хазария: «Сам Маниах в это время умер, но союз Византии и каганата пережил своего создателя и перешел по наследству к хазарским каганам, равно как и вражда с Ираном, которая продолжалась даже тогда, когда персидских царей сменили арабские халифы» (Гумилев, 1993, с. 46). Как и почему союз и вражда давно погибшего государства (правители которого якобы сидели в Монголии), перешли «по наследству» к правителям другой, далекой, страны, да и бывает ли такое, Л. Н. Гумилев не сказал.

Академисты в упор не замечали совершенно очевидные противоречия между сведениями письменных источников и теми интерпретациями, которые они им давали. Выше упоминалось о том, что во второй половине VI в. византийцы и тюрки уже несколько раз обменялись посольствами, т. е. знали друг о друге достаточно хорошо. Но все описание

того, что происходило в этот период в Восточной Европе (по Л. Н. Гумилеву), полно чудес. Вархониты (авары), сломя голову, бегут от тюркютов на Северный Кавказ, в 558 г. заключают союз с Византией, завоевывают степи от Савы до Дона, в 570 г. разбивают византийцев и утверждаются на Дунае. Это - разгромленные беглецы? Экономическая и военная база их преследователей-тюркютов находится где-то на Алтае, они сражаются в Средней Азии с эфталитами и персами, но между 567 и 571 гг. ухитряются овладеть еще и Северным Кавказом, а в 577 г. вторгаются в Крым.

Но это еще не все. Л. Н. Гумилев, ссылаясь на сведения арабских историков Табари и Саалиби, пишет: «В описании войн Хосроя Ануширвана они сообщают, что, вернувшись из похода против византийцев, Хосрой обратился против хазар (т. е. западных тюркютов. – Л. Г.) и расчитался с ними» (Гумилев, 1993, с. 49). Когда же тюркюты успели стать западными, если прибыли к Волге несколько лет назад - притом не народ, а войско, отправленное в поход - и откуда известно, что это войско стало называться хазарами? И как о таком переименовании узнали арабы?

В другой работе Л. Н. Гумилев освещает раннюю историю хазар иначе. В начале нашей эры они обитали где-то в Дагестане, распространившись до Волги. «Хазары в степях не жили и, следовательно, кочевниками не были» (Гумилев, 2001, с. 29). В «Истории Армении» Моисея Хоренского сказано, что «толпы хазар и баслов (барсиллов), соединившись, прошли через ворота Джора (Дербентский проход. – Л. Г.) и рассыпались на сю сторону». Происходило это между 193 и 213 гг. Следовательно, хазары уже в конце II в. способны на завоевания в Закавказье (не могли же они так усилиться во мгновение ока?), однако Гумилев тут же говорит, что до III в. хазары «еще ютились в низовьях Терека, но известны стали византийским и персидским авторам только в IV в.» (Гумилев, 2001, с. 27).

И что же произошло потом с этим сильным и воинственным народом? Начинаются завоевания тюркютов на западе, когда хан Истеми «был поставлен во главе войска, имевшего задачей подчинение западных степей»: «Истеми дошел до Дона и берегов Черного моря. Некоторые племена бежали от него, другие подчинились силе оружия, а третьи сочли за благо помочь завоевателю, дабы разделить с ним плоды победы. В числе последних оказались хазары и болгарское племя утургуров, жившее между Кубанью и Доном» (Гумилев, 2001, с. 30-31). Но ни один историк-академист не объяснил, зачем тюркютам Алтая нужно было завоевание «западных степей» и как они собирались их контролировать (в случае победы).

Нет объяснения и тому, каким образом и благодаря чему войско, в котором вряд ли могло быть более нескольких тысяч человек, сумело завоевать и Среднюю Азию, и Северный Кавказ. Приходится предполагать, что хазары и утургуры вдруг потеряли свою «пассионарность» и превратились в покорную массу, готовую подчиниться пришельцам из неведомых далей. Покорены аланы, на трон Грузии тюркюты сажают Гуарама Багратида; но зачем такие хлопоты полководцам, которые оказались за тридевять земель от родины, в окружении народов, которые вряд ли относились к завоевателям дружелюбно?. На самом деле речь идет о периоде создания в Восточной Европе Великого Тюркского каганата и его создателях-тюркютах, возглавляемых Истеми-каганом.

Чтобы абсолютно иррациональная и романтическая (в изложении академистов) история «кочевников» обрела хоть какой-то смысл и логику, Л. Н. Гумилеву и пришлось выдумать свою пресловутую «пассионарность». Если у его предшественников целые народы и племена веками и неизвестно почему носились по степям, то теперь их подвигала на это неведомо как и почему обретенная энергия из космоса. Правда, смысла истории кочевников это несколько не прибавило. Вот и угасающие хазары вновь воспламенились (по мнению Л. Н. Гумилева, в результате внебрачных связей тюркютских

воинов с хазарками у них рождались весьма пассионарные дети) и создали мощную державу, которая продержалась несколько веков.

Верить в подобные превращения мы не можем. Оторвав тюрков от скифо-сармато-саков, но не в силах вычеркнуть из истории деяния средневековых тюрков в Европе, которых пришлось срочно тащить обратно, наука сочинила такую историю, в которой нет ни ладу, ни складу, ни смысла: на Алтае, в Монголии и в Северном Китае обитали племена, которые сплошь состояли из пламенных витязей, а далее на запад, до самого Черного моря жили совершенно бессильные народишки. Это не история и даже не роман – это небылицы. Но их необыкновенная живучесть показывает, что они кому-то нужны.

ХАЗАРИЯ?

Часть этой и следующей глав написаны на основе известных работ В. В. Кожина («История Руси и русского слова», с. 142-265) и Л. Н. Гумилева («Древняя Русь и Великая степь», с. 100-104). К сожалению, из-за большого объема материала допущена досадная оплошность: приводя цитаты из их работ, или из трудов тех авторов, на которых они ссылались, мы забыли сделать все необходимые ссылки (за что и приносим читателям свои извинения). Впрочем, желающие легко могут сверить цитаты, встреченные в нашей книге, с соответствующими текстами, по страницам, указанным выше.

Творцы академической истории «кочевников» были по-своему последовательны. Вначале они объявили скифо-сармато-саков иранцами и назначили прародиной тюрков какой-то неведомый регион на Дальнем Востоке, откуда заставили их мчаться племя за племенем в Восточную Европу – надо же было хоть как-то объяснить, почему они толпились здесь в раннем средневековье (иные пошли и на Запад). Но в письменных источниках говорится, что тюркюты воевали в Средней Азии, на Северном Кавказе и в Крыму. Пришлось переносить на восток и государство, созданное ими; получилось, что Великий Тюркский каганат неожиданно появился на Алтае и в Монголии уже после ухода к Волге неведомо какой части тюрков. Его западной частью являлась будущая Хазария, возникшая после распада великого каганата; ей и передали многие события, происходивший в период становления Тюркского каганата, другие деяния приписали каганатам Восточно-Тюркскому и Западно-Тюркскому (те же завоевания Истемии). По этой причине историю Хазарской державы растянули на четыре века; вот и В. В. Кожин, говоря о ее начале, на самом деле описывает Тюркский каганат.

«Хазарский каганат являл собой многослойное, многоплановое явление евразийской истории VII-X вв., никак не сводимое к истории хазар как таковых. Но начинать, конечно, следует с самих хазар – тюркского народа, первые сведения о котором относятся к середине VI в. Хазары предстают в этих сведениях как активное воинственное племя, кочующее в прикаспийских степях. В новейшем исследовании востоковеда Т. М. Калининой (а в ее работах был выяснен целый ряд существенных исторических фактов) показано, что хазары до своего появления в Предкавказье обитали, по всей вероятности, в Средней Азии, в районе реки Сырдарья – у восточной границы древнейшего высокоразвитого государства Хорезм». «По-видимому, в VI в. хазары переселились отсюда на запад, в прикавказские степи. Здесь они оказались в зоне влияния двух соперничающих держав – Византии и Ирана».

«...фундаментальный археологический трактат С. А. Плетневой, изданный в 1967 году, завершался всецело обоснованным выводом, что Хазарский каганат был «могучей державой», которая сумела «на протяжении почти двух веков противостоять крупнейшим государствам того времени – Византийской империи и Арабскому халифату». «Изданный недавно труд А. П. Новосельцева открывается утверждением, что Хазарское государство

«играло доминирующую роль в регионе... Каганат господствовал на обширной территории Восточной Европы, где многие народы в разное время и по-разному от него зависели». Как подчеркнуто далее, каганат был «главной политической силой Восточной Европы».

Хазария в VI-VII вв. (Из книги С. А. Плетневой «Хазары», М., 1986).

«Первоначальная теснейшая связь каганата с Византией ясно выразилась в установленном не так давно факте широкого распространения христианства у хазар». Из работы А. В. Гадло: «...нельзя пройти мимо свидетельства Ал-Бекри (арабский географ XI в., опирающийся на более ранние сочинения. – В. К.) о том, что до принятия иудаизма (оно окончательно совершилось на рубеже VIII-IX вв. – В. К.) хазарский царь исповедовал христианство». (Далее В. В. Кожин упоминает о династических браках правителей Хазарии и Византии).

«В середине VIII в. византийский наместник (эристав) в Абхазии Константин II женился на дочери хазарского кагана (между прочим, родной сестре матери византийского императора Льва IV Хазара), а его сын, эристав Леон, как сообщено в «Летописи Картли», был, следовательно, «сыном дочери царя хазар и с его помощью отложился от греков, завладел Абхазией и Эгриси, назвал себя царем абхазов». В это же время, а говоря точно, в 787 году, хазары впервые пришли в столкновение с византийцами в Крыму» (как и тюркюты в 577 г., добавим мы).

«Исключительным, способным поразить воображение, деянием каганата было заселение степи и лесостепи, расположенных южнее Руси, человеческой массой из различных кочевых народов – алан, болгар, гузов и т. д. Поразительна здесь быстрота, с которой чисто кочевое население превращалось в оседлое». Конечно, поразительно: оно никогда и не было «кочевым», о чем говорил и Л. Н. Гумилев.

«Еще в начале VIII в., как показывает (? – М. Дж.) С. А. Плетнева, основное население Хазарского каганата находилось на стадии «таборного кочевания», а в IX в. оно предстает как перешедшее даже через третью стадию, - оседлое, занятое земледелием и ремеслами и обитающее в стабильных и нередко очень больших поселениях, состоящих из скопища полуземлянок и наземных жилищ из глины, дерева и камыша». (Эта схема, которую бездумно принял В. В. Кожин, иллюстрирующая «стремительный процесс массового оседания кочевников на землю» – просто популярный академический миф; см. выше).

«...ясно, что для создания из кочевых племен на территории от Дона до Днепра такого,

в сущности гигантского военно-хозяйственного лагеря, состоящего из сотен селений (только в регионе Подонья он занимал, по подсчету С. А. Плетневой, 100 000 квадратных километров), необходима была исключительно властная и конструктивная организаторская деятельность правительства каганата. Известнейший исследователь кочевых народов Руси Г. А. Федоров-Давыдов констатировал как бы даже не без удивления: «В то время как в салтовских (т. е. хазарских. – В. К.) поселениях представлены гончарное, железоделательное и другие ремесла, у печенегов, торков и половцев следов ремесла почти нет».

На самом деле все они давным-давно жили в Европе и все вместе занимались и указанными ремеслами (о том, как археологи отличали погребения одних «кочевников» от других, было прекрасно рассказано А. О. Добролюбским). Но у академистов получается, что другие близкие к Руси «кочевые народы», чья история разворачивалась позже, чем «салтовская», ни в коей мере не достигли того технического прогресса, который характерен для кочевников, оказавшихся под властью Хазарского каганата. Более того, уровень культурного, экономического и социального развития печенегов, торков и половцев, если судить по трудам «кочевниковедов», являлся регрессом даже по сравнению с уровнем не только хазар, но и скифо-сарматов, обитавших в этих же степях за целое тысячелетие до них. Иного вывода и быть не могло: историки построили эти племена в длинную шеренгу и приписали им шествие из Северного Китая за Волгу, где они два-три столетия выясняли, какой же здесь климат, а уже потом бросали кочевание.

«Громадный военный лагерь, расположенный у юго-восточной границы Руси, был «самообеспечивающим» себя продовольствием, предметами быта и, что особенно важно, оружием». В. К. Михеев пишет: «Качество металла было высоким. Микроисследования зубил и режущих концов ножниц для резки металла показали, что они подвергались термообработке на мартенсит (то есть изменениям микроструктуры металла. – В. К.). О высоком уровне металлообработки свидетельствует производство оружия: сабель, боевых топоров, наконечников копий и дротиков, наконечников стрел, боевых ножей и кинжалов, кистеней».

«... на юго-восточной границе Руси IX – первой половины X в. находились мощные крепости и огромные поселения Хазарского каганата; эта археологическая культура получила название салтово-маяцкой (по двум ее крупным памятникам)». С. А. Плетнева: «Несомненно, особый интерес возбуждают при первом же знакомстве городища: величественные развалины белокаменных замков, расположенные на высоких прибрежных меловых мысах... крепости располагаются там на расстоянии 10-20 км одна от другой и создают по существу целостную линию мощных укреплений». С. А. Плетнева: «... хазарское пограничье... было заселено семьями, все население которых несло воинскую службу... Военизация населения касалась... не только мужчин, но и женщин, многие из которых похоронены с оружием, воинскими поясами, сбруей и конями».

Около крепостей «располагались железоделательные предприятия и мастерские для производства оружия». «... трудно усомниться в том, что мощная «военная линия» Хазарского каганата, обращенная против Руси, уже полностью «открытая» в бассейнах Дона и Северского Донца, станет в конечном счете очевидной и в бассейне Днепра, - то есть вдоль всего пограничья Руси и каганата». «Маяцкое городище, - пишет С. А. Плетнева, - является уникальным архитектурным памятником IX в. Его белокаменные стены... производят и поныне впечатление мощи и красоты».

О САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЕ

С. А. Плетнева пишет: «...слово «богатырь», имеющее центральное значение в былинах – слово из *хазарских* времен». Далее В. В. Кожин приводит цитату из книги В. А. Кузнецова: «...известно, что некоторые хазарские каганы носили титул *багатур* (богатырь), связанный с военной системой. Как правило, им пользовались военные вожди. Тюрко-хазарский термин «багатур», «богатырь» получил распространение в Алании; в раннем Болгарском государстве военачальники назывались «багатур». О том, что «ираноязычные аланы» были неразлучны с двумя чуждыми им по языку, культуре и происхождению тюркскими народами – болгарами и гуннами – упоминают многие авторы; о причинах такой дружбы ученые молчат, как и том, что спасало алан от неизбежной, учитывая неистребимую склонность тюрков ассимилировать всех и вся, тюркизации.

Салтово-маяцкая культура, распространенная на территории Хазарского каганата, считается академиками совместным созданием алан и болгар; некоторые авторы подозревают и скромное участие хазар. Но такой взгляд устраивает не всех. В своей книге «Тайны Русского каганата», посвященной, в частности, этнической интерпретации салтово-маяцкой культуры (СМК), Е. С. Галкина пишет: «Проблема идентификации жителей верховьев Северского Донца, Оскола и Дона VIII-IX вв. с помощью аутентичных письменных источников всегда была одной из самых трудных в исследовании СМК. Материалы антропологии однозначно свидетельствовали об их сармато-аланской этнической принадлежности, а близость их археологической культуры к аланам Северного Кавказа была отмечена еще в начале XX в.».

Из списка создателей салтово-маяцкой культуры убрали хазар и болгар, и все стало на свои места. Но неужто антропологические данные и выводы, сделанные в результате обмеров нескольких десятков останков, дают основание для таких смелых утверждений? У покойников на лбу не написано, кем они были по национальности – а вдруг антропологам попались черепа угро-финнов, или – да Боже упаси! – тюрков? Или – а вдруг аланы от сотворения мира и сами были тюрками и остаются ими до наших дней (чего Е. С. Галкина никак, наверное, допустить не может). И разве археологи так уж сильно доверяют антропологам, по нескольким костям определяющим, к какому народу принадлежали погребенные?

И тут появляется затруднение: «Однако письменные источники времени существования салтовской культуры *не упоминают алан* среди народов, обитающих в степях и лесостепях между Доном и Днепром». Отдельные упоминания асов-ясов и алан в русских летописях и в трудах арабских географов и историков, по мнению Е. С. Галкиной, положения не спасают, поскольку «относятся к тому времени, когда поселения салтовцев в бассейнах этих рек пришли в запустение». Но убежденность остается: «Конечно, остатки аланского населения в этом районе сохранялись весьма долго». И другое противоречие: если восточные источники упоминают русов и асов вместе, между ними должна была быть тесная связь; но «из русских летописей о таких тесных и постоянных контактах, чтобы один народ стал ассоциироваться с другим, неизвестно ничего».

Решение предложила С. А. Плетнева: «Что же касается... аланского варианта СМК Подонья, то о нем не сохранилось никаких сведений в литературе того времени. Это наводит на мысль, что *имя аланов скрыто* в источниках под каким-то другим названием». С. А. Плетнева полагала, что они слились с болгарами, основным населением Хазарии, с чем Е. С. Галкина согласиться не может; по ее мнению, «лесостепной вариант СМК не имеет отношения к Хазарскому каганату». Ответ ее таков: аланы Подонья были ассимилированы славянами-русами. И, разумеется, она непоколебимо убеждена, что аланы разговаривали на языке, сходном с осетинским.

Но тут очередное противоречие: «В русском языке выделяются как иранизмы, объясняемые контактами праславян со скифо-сарматами еще в I тысячелетии до н. э., так и аланизмы, наблюдающиеся лишь в восточнославянских языках. Причем иранско-восточнославянские параллели – сравнительно поздние и односторонние, то есть у восточных славян видны заимствования из североиранских наречий, а, к примеру, в осетинском древнерусских слов нет. Это значит, что иранский этнос, с которым славяне Поднепровья контактировали, исчез с лица земли». Понять сказанное Е. С. Галкиной трудно. Если в русском языке есть иранизмы, оставшиеся с I тыс. до н. э., то почему они «поздние»? Не могли же они остаться со времен неандертальцев? Да и откуда вообще известно, что эти иранизмы относятся именно к I тысячелетию до н. э.?

А между тем С. А. Плетнева была отчасти права: аланы не были ассимилированы болгарами (так как сами являлись тюрками), но в русских летописях они действительно упоминаются под другим именем. Речь идет о половцах, которых почему-то отождествили с кипчаками, хотя этот этноним начинает упоминаться в летописях гораздо позже. Считается, что в XI в. половцы-кипчаки вольготно расположились в степях Восточной Европы, вытеснив печенегов. Но в «Повести временных лет» под 1096 годом значится: «...*кумани рекше половци*» – но не кипчаки. То есть, конечно же, кипчаки в то время тоже существовали, но находились где-то далеко от Руси, и половцами в летописях называют не их, а куманов, болгар и асов-алан. (Интересную этимологию этнонима *куман* дал венгерский лингвист Юри Немет: «...из тюрк. *кунман*, уйг., саг. *кюн* «народ» (Фасмер, т. 2, с. 414). Но *кюн*, *кун*, *гюн*, *гун* означает также «солнце, солнечный», как и *нар*. Считается, что часть кипчаков бежала от монголов в Венгрию; но и там их называли не кипчаками, а кунями (сходство с этнонимом *гунн* академики сочли «случайным»).

Мы не можем подробно останавливаться на этом интересном вопросе, скажем только самое главное. Половцы русских летописей – это не отдельный тюркский народ, как утверждается в бесчисленных трудах. Анализ различных источников показывает, что это общее название (в устах русских) одного большого этноса, занимавшего обширную территорию от Курска до Кавказа, с которым русские и воевали, и роднились, и торговали, словом, знали его отлично. Он состоял из нескольких больших племен – болгар, куманов, алан-асов и пр., говоривших на диалектах одного языка. Потому в одной из русских летописей и говорится о русском князе Ярополке Владимировиче, **который пошел в поход на половцев, взял три города и привел себе жену-ясыню «бе бо болгарка родом»**. Так с кем же он воевал?

Южный сосед Руси был оседлым народом, занимался скотоводством, земледелием и металлургией, строил крепости, имел города и села (о чем говорится и в русских летописях, и в византийских хрониках). Есть в кар.-балк. (аланском) языке и древние заимствования из русского. Назовем хотя бы *спас*, *ыспас* – «благодарность», *салам* «солома», *бараза* «борозда», *гыты* «лачуга» (из *гата*, ср. русск., укр. *хата*), *зар* «завистливый» (ср. «зариться») и др.

Одним из главных из племен, входивших в этот большой половецкий этнос, были аланы-асы (барсилы). Сам этноним *алан* восходит к табуированному названию главного тотема карачаево-балкарцев – барса. Другое значение слова «алан» в тюрк. языках – «поле, степь»; отсюда и русское «полевцы, половцы». Но русичам было известно и первое значение этнонима: в летописях встречается утверждение: *Куманин пардус есть* «Куманин – это гепард». Видя на знаменах половцев-алан изображение барса, или узнавая о значении этнонима *алан*, русские, вероятно, именовали его названием известного им гепарда. Отсюда и сравнение в «Слове о полку Игореве»: «*По Руской земли прострошася половци акы пардуже гнездо*».

Вильгельм де Рубрук (середина XIII в.), выехав из Крыма (которую он именует

Газарией), едет по степи: «В ней прежде пасли свои стада команы, именуемые капчат; немцы же называют их **валанами**, а область **Валанией**. Исидор же (Севильский. – М. Дж.) называет страну от реки Танаида (Дон) до Меотидских болот (устье Кубани) и Данубия (Дунай) Аланией, и эта страна тянется в длину от Данубия до Танаида, который служит границей Азии и Европы, на двухмесячный путь быстрой езды, как ездят татары. Она вся заселена была команам-капчат, ровно как и дальше, от Танаида до Этилии (Волги); между этими реками существует 10 больших дневных переходов». Куманов-алан (*кунманы, гунманы* «солнечные люди», гунны), Рубрук дополнительно именует и *капчат*; это, вероятно, упоминаемое в «Слове о полку Игореве» племя *топчак*.

Конструируя нелепую историю «кочевников», академики не обращали внимания на многие факты, противоречащие их концепциям. Например, на присутствие в Хазарском каганате множества тюркских племен и народов (о времени, причинах и обстоятельствах их «пришествия» в Европу ничего не известно) – гуннов, аваров, масаха-гуннов, савилов, болгар, печенегов и пр.; в этом списке не хватает только половцев (якобы кипчаков), так как историки позволили им появиться на берегах Дона только в более позднее время. Повторим еще раз: ранняя история Хазарии – это история Великого Тюркского каганата, возникшего не на Алтае и в Монголии, а в Скифии; населением этого каганата и была создана салтово-маяцкая культура.

ВЕЛИКОЕ РАССЕЛЕНИЕ ТЮРКОВ

Одно из радикальных отличий кар.-балк. эпоса от эпосов соседних народов – наличие у его героев-нарттов идеологии, в основе которой заложена высокая цель – защита и утверждение человечности. Сам Тейри велит им уничтожать на земле всякое зло, особенно людоедство и человеческие жертвоприношения, т. е. язычество в его крайних, изуверских формах – для этой цели нарты им и были сотворены. Более того, ипостась Тейри спускается на землю в железной комете в образе младенца Ёрюзмека, который впоследствии становится вождем и полководцем, вводит новые законы, объединяет народ. Эпос, создававшийся на протяжении веков, заканчивается тем, что нарты, осознающие себя в качестве Божьего воинства, выполняют свою задачу и уходят – одни в верхний мир, другие в нижний, чтобы очистить от зла и их. Но, конечно, высокая идеология, многие элементы которой сохранились в кар.-балк. духовной культуре – это только одна из причин усиления, консолидации этноса пратюрков, были и другие (экономика, политика и пр.). Место действия эпоса – от Волги до Крыма и от Кубани до Терека.

Ничто не мешает прийти к мысли о том, что в фольклоре каждого народа (народов) наиболее популярны те животные, которых когда-то одомашнили их предки. Возможно, у древних европейцев это были корова и свинья, у индоиранцев – буйвол и осел, у семитов – верблюд и коза, у тюрков – конь и баран. Первыми приручив коня, тюрки получили огромное преимущество перед всеми другими воинствами мира, запрягая лошадей – в хозяйственной деятельности. На своей прародине (степях Восточной Европы) они овладели целым комплексом занятий – земледелием, металлургией, скотоводством, строительством, создали совершенное по тому времени оружие – сложносоставные луки, сабли, панцири (в кар.-балк. эпосе сказано, что броней были защищены и кони нартов).

Успешное разведение скота и обилие мяса и молочных продуктов должны были привести к улучшению здоровья населения и резкому уменьшению детской смертности, т. е. к демографическому взрыву. Только вся совокупность этих причин позволяет понять, как средневековым тюркам удалось освоить такие необъятные пространства. Официальная история этот тяжелый вопрос обходит, молчаливо подразумевая, что подобное расселение удалось тюркам благодаря их необычайной свирепости и

невероятной численности, а также – неслыханным способностям к ассимиляции встречаемых народов. Историки не желают даже подумать о том, каким образом имперский центр Тюркского каганата, находившийся, по их мнению, где-то на Орхоне, мог знать, что происходит на Кавказе или в Крыму, и какие сумел бы принять меры, если строптивые местные властители стали бы проявлять склонность к сепаратизму. Да и что власти могли бы сделать, узнав об этом через несколько месяцев? Послать войско, которое плелось бы Бог знает сколько времени, не зная куда и как? Извините, это не история, это голые фантазии. Государство, даже самое «первобытное» - это, прежде всего, учет и контроль; если их нет, то незачем о нем и говорить.

Войны скифов с киммерийцами и гуннов с аланами - это разные описания одних и тех же событий: шла борьба за объединение тюрков Восточной Европы в единое государство и за власть в нем. И тюрко-гунно-хазарам это удалось: аланы были подчинены, как и часть болгар, оставшаяся на Кавказе. Великий каганат, вероятно, возглавленный скифским племенем тюркютов (*тюрагетов, торков*), наследник Скифии, был создан не в Монголии, а в Восточной Европе. Отсюда и продолжилось, после демографического взрыва, расселение великого народа.

Вначале, двигаясь на юг с территории каганата, тюрки поделились на северных и южных – по обе стороны Кавказского хребта; это их продвижение на юг и отсекло иранцев, живших в Малой Азии, от их основного массива на юго-востоке. Тогда и появляется Парфянское царство, по названию народа *барс, парс, пард* – тех же *барсильов* (алано-болгар), *барс улу* «сыны барса (леопарда)», по-греч. *партгенос*. (Греки, жившие вдалеке, на западе Малой Азии, слыша вести о появлении грозных всадников, перепутали *партгенос* с *партенос* «дева, девушка», откуда и появился популярный миф о невероятно воинственном племени девушек-всадниц). Тогда же продвинулись на юг и турки-сельджуки, а позже хазары и печенеги, отчего и возникло название *Азарбайджан* - от *хазар-баджанак*.

Обе части прежде единого скифского (пратюркского) народа вскоре начали самостоятельную экспансию на восток и на запад. Если посмотреть на карту и мысленно попытаться сгруппировать тюркские народы по принципу близости языков и культур, можно наметить две линии, тянущиеся от Босфора и Кавказа на восток, до Китая (юг) и Якутии (север). Используя наиболее популярные в их фольклоре тотемы, эти две линии можно назвать «народами Волка» (южную) и «народами Барса» (северную). Случайно ли, что на гербе Алма-Аты изображен барс, что белый барс – на гербе Татарстана, что барс - на национальном гербе карачаево-балкарцев (и в их самоназвании – *алан*)? По словам этнографа Геннадия Николаева, даже у якутов, самого северного из всех тюркских народов, первичным тотемом являлся, согласно его изысканиям, барс – да оно и понятно: якуты-*саха* – потомки казахстанских саков, ушедших на север, и смешавшихся с народами Сибири (эвенами, эвенками).

Северная линия (барс) представлена караимами, крымцами, карачаево-балкарцами, кумыками, ногайцами, волжскими татарами, чувашами, башкирами, казахами, каракалпаками, киргизами, алтайцами, хакасами, якутами, тувинцами. Южная (волк) – турками, гагаузами, азербайджанцами, кашкайцами, узбеками, туркменами, уйгурами. Разумеется, эти линии есть нечто условное, они часто пересекались в результате переселений, войн и т. п. Предки южных тюрков, перевалив через Кавказ, двинулись на покорение мира на юг и восток – в Иран, Индию, Среднюю Азию, вплоть до Кореи, другие пошли на запад – в Ирак и Малую Азию (сельджуки, аланы-албаны - парфяне).

Расселение тюрков из Восточной Европы

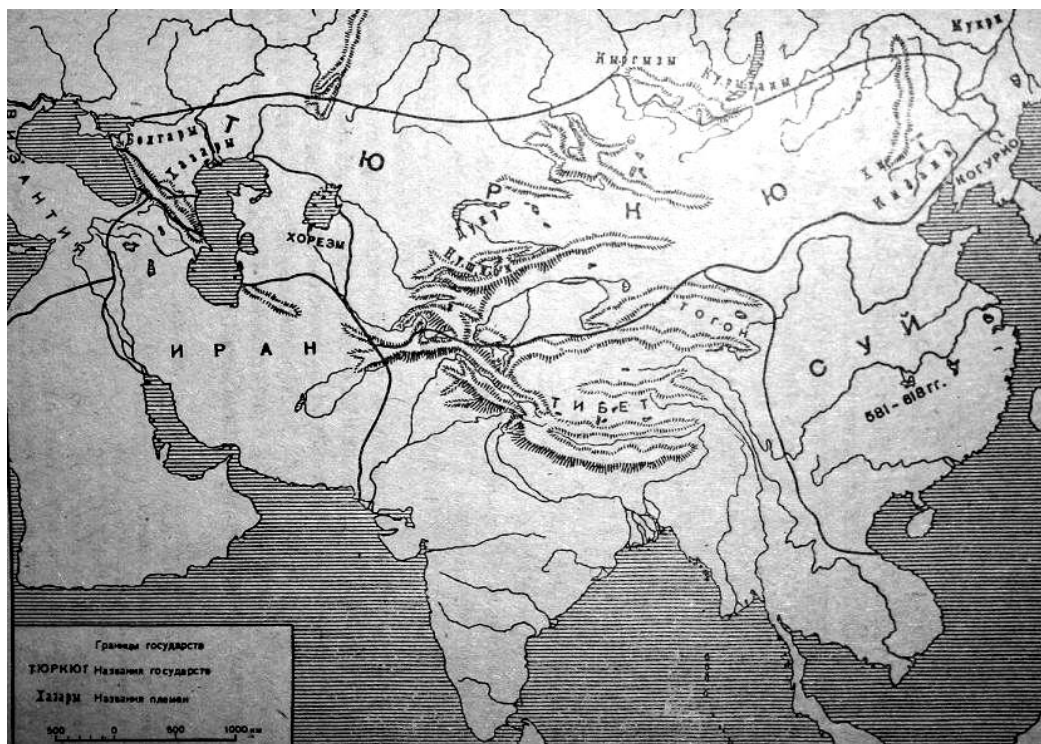
Две части северных тюрков (оставшихся на прародине) также ушли с территории метрополии: на завоевание Европы, на запад (*батыш*, *кюнбатыш* – «закат солнца»), и в Азию, через Волгу, на восток (*чыгыш*, *кюнчыгыш* – «восход солнца»; тем же путем через несколько веков двинулись русские). Но *батыш* означает еще и «погружение», а *чыгыш* – «восхождение». Поэтому не лишена оснований догадка поэта М. Х. Табакоева, что под уходом нартов в верхний и нижний мир (о чем говорится в кар.-балк. эпосе) вначале имелся в виду уход северных племен на восток и на запад, т. е. в Азию и Европу. Конечно, мы не можем рассмотреть вопрос о путях расселения тюрков из Восточной Европы так подробно, как хотелось бы; в нашем случае самое важное – дать общую и по возможности непротиворечивую картину начальной истории тюрков. Но привести некоторые данные необходимо.

НА ЮГ

Считается, что предки азербайджанцев и турков пришли на нынешние места из Средней Азии, которая веками была связана с Азербайджаном, Ираном и Малой Азией культурно, политически и религиозно, следовательно, в фольклоре турков и азербайджанцев память о прародине на востоке должна была сохраняться. Но вот что пишет об этом такой осведомленный и авторитетный автор, как Х. Г. Короглы: «То, что легенды и предания об огузской старине и Коркуте (вещем певце. - М. Дж.) первоначально складывались в Средней Азии, ныне ни у кого не вызывает сомнения (не совсем так. – М. Дж.). **Но ничего, кроме намеков и отрывочных сведений об эпической истории огузов в Средней Азии, не сохранилось** (выд. нами. – М. Дж.)». «В «Книге Коркута» с большим трудом, путем догадок и предположений можно восстановить кое-какие приметы среднеазиатской среды» (Короглы, с. 30).

Негусто. Если бы юго-западные тюрки действительно пришли в Азербайджан и Малую Азию из Средней Азии, результат поисков был бы иным. Случайно ли это? На наш взгляд – нет, приметы прародины огузов надо искать в другом месте. Азербайджанцы и турки-сельджуки прошли на юг из восточноевропейских равнин через Кавказ. Их сородичи-туркмены, в том числе и *кайыты* (по сведениям средневекового туркменского автора Абульгази, они стояли во главе огузов), также придя из Восточной Европы в Среднюю Азию, двинулись на запад уже оттуда. Немногие приметы «среднеазиатской среды» и были принесены ими, но что-либо изменить в эпосе турок и азербайджанцев не смогли.

Те же *кайы* (*кайыт*), по мнению турецкого историка Кырзыоглу, уже в середине IX в. жили в Передней Азии, вели войны с Грузией и Византией, а затем, под давлением империи, во главе с Сонгур-беком перекочевали в Дешти-Кипчак (как арабы называли Половецкую степь). Надо думать, в знакомые места. Х. Г. Короглы приводит также сведения автора средневековой истории племени *Ак-коюнлу* (написана в XV в.) Абубакра Техрани, в которой сказано, что племя *байындыр* прибыло на Кавказ (в Азербайджан) через Кипчакские степи.

Тюрккютская держава в конце VI в. (Л. Н. Гумилев, 1993).

Х. Г. Короглы заканчивает свою книгу цитатой из работы В. А. Гордлевского, который пишет, имея в виду певца Аланлы Мевлуда: «Прозвище певца от не отмеченного на карте Киперта местечка *Алан* само по себе характерно для определения направления, в котором турки двигались в Малую Азию. В окрестностях Хоя (в Азербайджане. – Х. К.) есть долина, известная под именем *Аландере*. По общему закону можно предположить, что в нашем *Алане* заключается отголосок старой географической номенклатуры, вынесенной турками на новую родину» (Короглы, с. 204). Т. е., по В. А. Гордлевскому, турки принесли некоторые топонимы из Азербайджана в Малую Азию; но откуда это и другие названия попали в Азербайджан (где находилось огромное аланское городище Мингечаур, ныне, кажется, затопленное)? Нет, не из Средней Азии, а с Северного Кавказа: отсюда, вместе с другими тюркскими племенами двинулась когда-то на юг и часть алан.

НА ВОСТОК

В Заволжье, на Южном Урале и в Приаралье приход тюрков основательно изменил этническую карту региона – медленно продвигаясь на восток, они вытесняли и

ассимилировали местные, вероятно, небольшие, угро-финские и прото-монгольские племена. Поэтому у средневековых тюркютов север считался левой стороной, а юг – правой; передней – восток; по той же причине современные казахи именуют север «левой стороной», а юг «правой». (Роль тюрков и угро-финнов в заселении Северо-Восточной и Центральной Азии можно сопоставить с ролью испанцев и португальцев в колонизации Америки, как и продвижение русских на восток напоминает процесс освоения Северной Америки англичанами; ср., например, русских ушкуйников и казаков с их «коллегами», корсарами Атлантики и пионерами Дикого Запада).

Распространение тюрков из Восточной Европы должно было остаться в памяти их потомков, живущих на Урале и Средней Азии. Л. С. Толстова, анализируя предания одного из каракалпакских племен (*мюйтенов*), повествующих о путях переселения их предков, пишет: «Исходным пунктом здесь называются Кап-тау (Кавказские горы), дальнейший же путь следования – минуя Каспийское море, через Едиль (Волгу), Жаик (Урал) и Туркестан (на нижнюю и среднюю Сырдарью)». В легендах каракалпакско-мюйтенов «постоянно фигурируют такие топонимы, как Кап-тау (Кавказ), Гуржистан (Грузия), Дагестан, Крым, Черное и Каспийское моря». Л. С. Толстова сообщает далее, что в материалах XIX в. есть упоминания «о том, что у башкир имеются предания о происхождении их с Кавказа»: «Так, П. Назаров отмечает: «Кроме преданий о происхождении башкир от болгар, встречаются еще предания, указывающие на происхождение их, с одной стороны, из Азии, а с другой – с Кавказа» (Толстова, с. 177). Все верно: из Азии происходят монголоидные племена, принявшие участие в этногенезе башкир, а с Кавказа – их европеоидные предки-тюрки.

На севере тюрки ассимилировали часть угрофиннов и прото-монголов, на юге – часть иранцев, продвигавшихся с юго-запада (создателей суярганской археологической культуры). На новых местах началась совсем другая история; о прежней жизни в Подунавье, Подонье, на западном берегу Волги и на Кавказе у восточных тюрков остались только смутные воспоминания (например, память о пророке и великом кузнеце Дебете, которого они стали отождествлять с библейским царем Давидом; под Самаркандом есть пещера, в которой, по легенде, спасаясь от язычников, скрылся кузнец и пророк *Даут*), о городе мудрецов - *Шамбалык*, о волшебной горе *Каф* – Эльбурсе; горой или горами *Каф* в кар.-балк. эпосе именуются и весь Кавказ, и гора Эльбрус.

Позже часть заволжских и приаральских тюрков вернулась с востока на прежние места, к Азовскому морю («античные» греки и средневековые европейцы называли его Майотийским), - ногайцы, великий народ. Они появились в результате смешения каких-то монголоидных племен, живших в Приуралье и Казахстане, и пришлых тюрково-европеоидов, помнивших государственные традиции Дунайской Скифии и Тюркского каганата. Фактически это западные казахи, и именно поэтому у казахов есть эпос о ногайских богатырях; «время ногаев» - название героического века (как у карачаево-балкарцев *нартла заманы* «время нартвов»). Казахи называют *нугаями* еще и волжских татар. Хазария, наследница древней империи тюрков, развалилась из-за внутренних неурядиц, войн с арабами и под ударами славян и гузов. Башкиры, казахи и ногайцы (которых средневековые европейские авторы часто именовали татарами) и восстановили ее, придя из Приуралья; это государство историки именуют «Золотой Ордой» (стоит заметить, очень странным, нехарактерным для тюрков, названием).

Но какое из тюркских (скифских) племен положило начало ногайскому народу? В древности звука Ы в тюркских языках не было, он появился позже, заменив в определенных позициях звуки А, О, У, Э. Не было кратких звуков Й и У – в некоторых позициях они заменили НГ, К, Г, КЪ, ГЪ. Напомним об одном из самых мощных

тюркских племен, из которого происходила правящая династия Золотой Орды – *мангыты*, правильно – *манготы*, по-тюркски – *манготлу*.

В Причерноморье и Приазовье с древнейших времен жил народ, к которому возводят происхождение нынешних адыгов – *меоты* (единственное основание – территориальная близость); правильное чтение – *маиты*, *майоты*, откуда и древнее название Азовского моря – Майотийское (в устах европейцев). Если мы подставим вместо Й звук НГ, все получает свое объяснение: греческое «майот, маит» – это тюркское *мангот*, позже *мангыт*. Ногайцы вернулись из-за Волги к своим сородичам, оставшимся на прародине, несколько изменив свой антропологический тип (в академической науке возвращение ногайцев-манготов преподносится как нашествие «татаро-монголов», именуемых, например, у первого русского историка Андрея Лызлова (XVII в.), *монгайлы*, ср. самоназвание ногайцев – *ногъайлы*).

Поэтому и говорится в русских летописях, что хан Батый возглавлял Заволжскую Орду, т. е. ногайцы жили сразу за великой рекой, а не у границ Китая, как монголы, и были осведомлены о том, что происходит в Восточной Европе. И следует также напомнить, что аварцы в Дагестане (самоназвание – *маар*, *мавар* «горцы») именуют *моголами*, *могулами* азербайджанцев. И что государство, созданное в Индии среднеазиатскими тюрками, называлось державой Великих Моголов. *Менгу эль* – «Вечный эль». Поскольку Азовское море именовалось греками, римлянами и другими европейскими авторами Майотийским, вполне возможно, что этноним *мангот* был названием самого сильного племени, которое и стало самоназванием и многих тюркских племен, обитавших в этом регионе. Могло бытовать и другое название того же народа – *готманы*, с перестановкой слогов. Но *готт* в языке соседних германцев означало «бог», как и *ас*. Замена первого слога дает название известного народа, создателя великой империи – *асманы*, *османы* (отманы, оттоманы) – «небесные»; ср. *кёк-тюрк*.

ЯПОНЦЫ И ТЮРКИ

Медленное, постепенное продвижение тюрков на восток и рост их численности привели к появлению археологических культур Великой степи – афанасьевской, андроновской, тагарской, карасукской и пр., а позже, после распада Великого Тюркского каганата – к созданию в Монголии нового государства (во главе с династией Ашина, выходцев из Европы), вначале подчинявшегося имперскому центру на западе. На востоке своего ареала обитания прото-монголы все же сохранили свой язык, вобравший в себя много тюркизмов. Отсюда – более тысячи кар.-балк.-монг. лексических параллелей, выявленных Х. И. Суюнчевым. На Дальнем Востоке появился и другой народ, возникший после смешения местных племен и пришлых с запада тюрок – корейцы.

Крайней точкой расселения тюрков стала Япония, откуда и несколько сот удивительно точных кар.-балк.-япон. лексических параллелей, выявленных моим односельчанином Н. М. Будаевым. Приведем несколько примеров:

Яп. *ёсу* внешность – кар.-балк. *юс*, *юсю* внешность.

Яп. *ура* середина – *ара* середина.

Яп. *гётё* грабитель, вор – *гуду* воровство, воровской.

Яп. *дзюкусуй* беспробудный сон – *жукъучу*, *зукъуцу* сонливый, соня.

Яп. *сэйтэн* ведро – *четен*, *цетен* корзина.

Яп. *кёрё* принимать во внимание – *кёре* принимать во внимание.

Яп. *кампай* выпить залпом – *къампайт* выпить залпом, опрокинуть.

Яп. *кёри* дальность – *кери* даль, отдаление.

Яп. *канай* жена – *къанау* женственный.

Яп. *катай* жесткий - *къаты* жесткий, твердый.
 Яп. *тэппен* макушка - *тёппе* макушка.
 Яп. *матау* клубок ниток - *матау* клубок ниток.
 Яп. *су* прозрачный, промокать - *суу* вода.
 Яп. *тора* соблюдать обычай - *тёре* обычай, закон.
 Яп. *санье* цифра - *сан* число, цифра.
 Яп. *тансюку* соскучиться - *тансыкъ* соскучиться.
 Яп. *киси* рыцарь, всадник - *киши* мужчина, воин.
 Яп. *хай* да - *хау* да.

Н. М. Будаев говорит, что многих из отмеченных им слов нет в языках тюрков, находящихся к Японии гораздо ближе, чем карачаево-балкарцы, и связывает их появление в японском с фактом завоевания островов каким-то конным народом (в литературе их иногда именуют «японскими скифами»), пришедшим с континента и возводившим курганы («ранние» и «поздние»), создателем культуры Ямато (Будаев, с. 158-198). Взгляните на карту – где Северный Кавказ, и где Япония, Корея или Монголия. Разумеется, мы не имеем в виду, что ушедшие на восток тюрки были карачаево-балкарцами (скифо-алано-болгарами) – просто и они, и нынешние народы Дальнего Востока сохранили общую древнюю лексику своих предков.

Добавим несколько других параллелей. У аланов (как, вероятно, и у всех тюрков), исповедовавших тенгрианство, солнце мыслилось как природный символ Единого Бога - Тенгри, который иногда именовался *Хайнар* (от *хакъ нар*) – «живое солнце» или «солнце жизни», «истинное солнце» или «солнце истины» (*хай*, от *хакъ*, имеет значения «жизнь; живой; истина», *хау* – «да», утверд. ответ; ср. русск. *есть* и *истина*, *естина*). В народе это именование получило другое осмысление: поскольку созвучное *къайнар* означает «кипящий», то *Къайнар тейри* стал считаться богом Солнца, имя которого якобы означает «кипящий бог». Но в сказании, образующем зачин эпоса, он все равно выступает в роли творца и владыки вселенной (см. Ёзден Адет). Отождествлением Единого Бога-Творца с солнцем, возможно, объясняется изображение светила на флаге Японии, «страны восходящего солнца». К тому же архаическое кар.-балк. *апон* означает «солнце»; потому и говорят улыбающемуся человеку, когда не знают причину его улыбки: *Не ачыласа, апон сурат кибик?* – «Что это ты сияешь, как изображение солнца?». Есть и мужское имя *Апон*.

По японским легендам, всадников-пришельцев с материка возглавляла некая вещая женщина-воительница по имени *Химикку* (*Хамикку*). Ср. ее имя с именем кар.-балк. богини-матери ветра, супруги бога ветра и войны *Эрея* (*Эрирея*) – *Химикки* (*Хамекки*), от *хим*, *хам* – «пустота, легкость, веяние воздуха»; она же фигурирует в чечен. мифологии в качестве «матери выюг» *Химиххи-наны*). Отсюда же именование японских воинов-смертников – *камика-дзе*, означающее «божественный ветер» (в зокающем диалекте кар.-балк. языка термин звучал бы как *химикки зель* - «ветер (богини) Химикки»).

В Японии есть знаменитый «сад камней» - небольшая площадка, на которой в кажущемся беспорядке расставлены 15 необработанных камней. Сюда, как рассказывают, приходят посидеть, поразмышлять в тишине, погружаясь в созерцание. Особенность сада в том, что с какой бы точки человек ни смотрел на камни, видны только четырнадцать, один всегда заслонен, скрыт. Я не знаю, как сами японцы объясняют символику этого сада, хочу лишь, ни на что не претендуя, предложить свой вариант разгадки. Есть странная не то считалка, не то потешка, в которой обыгрывается число 15, но о чем идет речь, неясно:

Онбеш, онбеш, онбеш!

*Мен санасам да – онбеш!
Сен санасанг да – онбеш!
Сюйсенг сана, сюйсенг кьой -
Онбешди да, онбеш!*

Пятнадцать, пятнадцать, пятнадцать!
Если посчитаю я – (будет) пятнадцать!
Если посчитаешь ты – пятнадцать!
Хочешь - считай, хочешь нет -
Пятнадцать (их), пятнадцать!

Как уже говорилось выше, согласно карачаево-балкарской метафизике, душа человека состоит из семи энергетических центров, из семи компонентов состоит и его тело; за всеми ними находится высшая, бессмертная и неделимая субстанция – *сюльдер* (дух). В сумме - как раз пятнадцать; количество слов в стихе, если считать их не согласно нормам орфографии, а «по-народному», как произносится, т. е. союз *да* слитно с предшествующими словами, также равно пятнадцати - количеству камней: созерцание камней вовне соответствовало созерцанию мира внутри. Кроме того, кар.-балк. *таш бахча* («сад камней», или «поле камней») созвучно *таша бахча* («тайный, скрытый сад», «скрытое поле»); *таш бах* означает «созерцание камней» (т. е. «тайны»; слово *бах* «созерцать, смотреть» стало архаизмом в кар.-балк. яз., но не во всех тюркских). Не исключено, что идея этого сада родилась в среде тех тюрков, которые пришли в Японию с материка, дав начало сословию воинов-самураев с его знаменитым кодексом «Буши-до».

Приложение

Следует ответить на вопрос: «Для чего византийцы и тюркюты обменялись несколькими посольствами? Только ли для противодействия Ирану?». На наш взгляд, дело обстояло сложнее. Великий Тюркский каганат был силой, которая оказывала большое влияние на военно-политическую ситуацию и расстановку сил в Европе, где продолжался период острого соперничества двух Римских империй – Восточной (православной) и Западной (католической). Первая вступила в союз с тюрками (гунно-торко-хазарами), для чего и произошел, вероятно, очередной обмен посольствами; вторую поддерживали франки, сильный германский народ, обратившийся в католичество. С берегов Азовского моря, Приднепровья и Придунавья тюрки двинулись в великий поход на завоевание Европы. И в авангарде этого движения на запад были аланы, прошедшие через многие европейские страны. Мы не можем оставлять на этой теме; как уже говорилось выше, анализ сведений из нарративных источников в нашу задачу не входит. Полагаю, что читателям будет интересно познакомиться с некоторыми результатами поисков моего односельчанина, чью статью (2004 г., в сокращении) мы даем в качестве приложения.

ХАСАН МАМАЕВ

АЛАНЫ НА ПИРЕНЕЯХ

Современная историческая наука покоится на трех китах: археология, письменные источники, сравнительное языкознание. Устойчивость этой трехсложной системы весьма условна, поскольку надежность каждого элемента вызывает серьезные сомнения, по

разным причинам. Для археологии это отсутствие надежного способа датировки; для письменных источников – возможность фальсификации; для сравнительного языкознания – отсутствие тождества между языком и этносом (к примеру, евреи разговаривают на многих языках). В таких условиях история превращается в собрание догадок, вероятность которых не поддается оценке; ситуацию возможно изменить лишь с привлечением новых методов исследования. Одним из них является «энергетический», он с успехом применяется в различных отраслях науки, поскольку наиболее точно отражает причины явлений и их целесообразность. Следуя «энергетическому» методу, мы должны ставить во главу угла причину.

Порой фундаментом некоторых научных сооружений являются не факты, а лишь имена прославленных ученых и устоявшиеся концепции и теории. Одной из таких «констант» современной истории является иранство аланов; на эту тему написаны десятки и сотни трудов исследователями разных стран, и высказывания их весьма категоричны. Для большей наглядности приведем несколько примеров:

«Не считаю я также нужным останавливаться на вопросе о доказательствах принадлежности алан к арийской расе и притом иранской ее ветви, считая этот вопрос окончательно порешенным в трудах языковедов и между ними - проф. Всев. Миллера в его «Осетинских этюдах» (Кулаковский Ю. А.).

«Трудами многих ученых твердо установлены ираноязычие алан и их прямые генетические связи с иранскими (по языку) племенами сарматов» (Кузнецов В. А.).

«Можно без преувеличения сказать, что, несмотря на отдельные сомнения, теория аланского происхождения осетин получила права гражданства и правильно определила путь дальнейших исследований» (Гаглойти Ю. С.).

- «Основные положения, касающиеся этногенеза осетин, стоят прочно и непоколебимо: наличие иранского элемента в их этнической культуре и их изначальное культурно-языковое родство с другими народами индоевропейского круга; северный путь их движения на Кавказ; преемственная связь их со скифами, сарматами и аланами» (Абаев В. И.).

Продолжать этот список нет никакой необходимости, поскольку цель упомянутых авторов вырисовывается отчетливо: не имея достаточного фактического материала, они пытались на своих твердых заверениях построить историческую концепцию. Эти и другие исследователи - не разрозненные одиночки, а представители целой отрасли исторической науки, некоего подобия секты. Благоклонность властей, и, как результат, отсутствие критики, превратило советскую сарматологию в некий сплав высокомерия и наивности, а привыкшие к вседозволенности академические ученые говорили и продолжают говорить с умным видом полную несурязицу. Приведем несколько цитат из трудов иранистов.

- «... в конце IV в. началась эпоха «великого переселения народов», открывшая новую страницу в истории Европы и оставившая в ней глубокий след. Одновременно кончилось время многовекового и безраздельного господства ираноязычных кочевников - киммерийцев, скифов, сарматов, алан – в степях Северного Причерноморья, на смену им пришли бесчисленные тюркские племена и народы, хлынувшие из глубин Азии» (В. А. Кузнецов).

Это один из самых растиражированных и вредоносных мифов в истории Евразии. Если читатель думает, что В. А. Кузнецов лишь обобщает богатый фактический материал о вытеснении ираноязычного населения тюркским, то он ошибается, поскольку свидетельства об этом глобальном процессе отсутствуют. Приняв этот миф, ученые всеми силами отрицают присутствие тюрков в Европе до IV в. В. Б. Ковалевская: «... самоназвание алан

на Северном Кавказе было «ир» (современное «ирон»)). Это, ничем не подкрепленное, высказывание весьма оригинально: сперва иранисты пытались закрепить имя «алан» за осетинами, теперь приписывают самоназвание осетин – «ирон» - средневековым аланам.

Сведения о пребывании аланов на Пиренеях скудны, даже в специальной литературе (Б. С. Бахрах «Аланы на Западе», В. Б. Ковалевская «Аланы в Западной Европе»). Ю. А. Кулаковский ограничивается простой констатацией факта: «В 409 году союзники (аланы и вандалы – Х. М.) перешли в Испанию, а в 411 разделили между собой эту страну; аланам досталась средняя часть: Лузитания и Картагена» («Избранные труды по истории алан и Сарматии», с. 113). Этот лаконизм выглядит весьма странно, поскольку аланы в значительном количестве осели на Иберийском полуострове, где до сих пор существует провинция Каталания, которая сохранила в своем названии имя этого народа; отсюда они прошли далее и высадились на севере Африки, где вместе с вандалами основали государство, впоследствии разгромленное византийским полководцем Велизарием.

Путь аланов через Европу и в Африке в конце IV-V вв. Из книги В. А. Кузнецова (1984).

Несколько больше информации по нашей теме дает Ганс-Иоахим Диснер в работе «Королевство вандалов»; но он пытается описать историю вандалов изолированно, поэтому нам следует сделать несколько замечаний. Еще задолго до появления в Иберии (начало IV в.) аланы и вандалы были объединены в межплеменной союз и в последующие несколько веков истории этих народов оказываются тесно переплетены. Причины такой консолидации до сих пор остаются неясными. Дадим слово Диснеру: «С 418 в. хасдинги, сининги (подразделения вандалов – Х. М.) и аланы были объединены на правах личной унии королем хасдингов. Имя «хасдинги», которое ранее обозначало целое племя, постепенно стало использоваться исключительно для названия династии. Наконец, вводится титул «rex Vandalorum et Alanorum» («король вандалов и аланов»). Таким образом, почти любое упоминание вандалов в Испании и на севере Африки можно воспринимать в связи с аланами.

В конце IV в., по причине увеличивающегося давления со стороны гуннов и готов, вандалы, аланы и некоторые части гепидов и сарматов, под предводительством короля

хасдингов Годигизела объединяются в некий переселенческий союз. В 401 г. Римская империя заключает с союзом федеративный договор, по которому алано-вандалы получают земли на территории современной Баварии. Однако к 406 г. они, в нарушение договора, проникают в Южную Галлию.

Некоторое время римским войскам удается удерживать Пиренейский хребет, но в 407 г. переселенцы прорываются в Испанию, а уже в 411 г. с империей был заключен новый договор, по которому хасдингам отходила восточная Испания, свевам – западная Галисия (северо-западная Испания), в то время как силинги получили Бетику (южная Испания), а аланы – Лузитанию (примерно соответствует Португалии) и область Нового Карфагена (восточная Испания).

Уже в 425 г. алано-вандалы на реквизированных римских кораблях грабят Балеарские острова и даже побережье Мавритании. В последующие годы флот был расширен и укомплектован одноплеменниками. Еще более значительными были их успехи на суше: к 428 г. в сферу влияния вандалов были включены все римские города Пиренеев, включая Гиспалис (Севилья) и Новый Карфаген (Картахена). Таким образом, политическое, военное и экономическое положение алано-вандалов на момент смерти короля Гундериха (428 г.) явно улучшилось по сравнению в первыми годами их пребывания в Испании. В 429 г. алано-вандалы, избегая осложнений со свевами и вестготами, переправляются в Африку, где высаживаются в Тингисе (Танжер)».

По существу, это все, что нам известно о пребывании аланов на Пиренейском полуострове, их дальнейшее существование на данной территории окутано тайной. Но в любом случае народ не может исчезнуть бесследно, даже в результате полной ассимиляции; в языке и культуре их потомков должны сохраниться некоторые оригинальные черты предков. Заметим и другое. Если мы возьмем любую другую область Европы, где побывали аланы, то окажется, что там же бывали и гунны, и савиры, и авары, и печенеги, поэтому сказать точно, кто именно оставил тюркские элементы, скажем, в топонимике и лексике, невозможно. Иберия - это единственная территория, где можно локализовать собственно алан, и наличие тюркизмов в Испании полностью дискредитирует алано-иранскую теорию. Если готы и вандалы, вторгшиеся на полуостров вместе с аланами, – германцы, то чем объяснить присутствие в Испании тюркских элементов, которых, как мы покажем, имеется немало? Предложим вашему вниманию ряд лексических параллелей.

Каталонский	Карачаево-балкарский
1. ala- алан	алан, ала – алан
2. ale - дух	ал – дух
3. агвос - арбуз	харбуз – арбуз
4. arca – грудная клетка	аркъа – спина
5. амв - вместе	эм – и (союз)
6. ans – иначе, но	анса – иначе
7. arribar – идти куда-то	ары бар – идти туда
8. arca - аркан	аркъан – аркан
9. be - очень	бек – очень
10. basar - базар	базар – базар
11. batan – валять, мять	батхан – вдавленный, погруженный
12. bei - бей	бий – князь, бей
14. babi - дедушка	баба – предок

15. bossa - кошелек 16. bou – крупный рогатый скот 17. bucle – завиток 18. ahir - вчера 19. basar - опираться 20. cabas - корзина 21. cafta - кафтан 22. cairar - отрывать 23. сама – стержень, рукоять 24. cas - тигель 25. baula - привязывать 26. arid - тощий 27. beat - умерший 28. carai! – неужели! (возглас удивления) 29. casc - голова 31. cert - настоящий 32. coll - овраг, ущелье 33. cos – глазок (тех.) 34. Edil - Волга 35. jac – ложе, постель 36. mal - зло 37. mallada – загон для скота 38. mas - двор 39. moc – сопли 40. мома - кабан 41. mur - стена 42. sa - здоровый 43. taca – клочок земли 44. tala – вырубка леса 45. talar - разрезать 46. cara – взгляд, лицо 47. ell – он, она 48. tac - вешать 49. gent - люди 50. mirar - прицеливаться 51. hajar - добыча 52. suau - кроткий 53. mora - коричневый 54. масо - нарядный 55. mel - мед 56. mora - ежевика 57. onze - одиннадцать 58. pa - хлеб 59. pas - шаг	бохца, бохча – кошелек бау – загон для кр. рогатого скота букле – сворачивать, свертывать ахыр – конец, конечный бас – опираться, наступить каба – оболочка къафтал – кафтан къайыр – отдирать къама – кинжал къашыкъ – ложка бау - веревка, байла – привязывать арыкъ – худой, тощий бит, битти – очокуриться къара! – неужели! (возглас удивления) сагъыш - дума керти – настоящий къол – овраг, ущелье кѣз – глаз; оконное стекло Эдил – Волга жастыкъ – подушка аман – злой; малгъун – злодей мал – скот; отоу - комната баз – подворье мушулда – сопеть мома – лесное чудовище (детск.) буруу – ограда сау – здоровый такъыр – малость, скудный тала – поляна; опустошать тала – грызть, разрушать къарам – взгляд ол – он, она такъ – вешать кент – поселение мара – прицеливаться хайыр – польза, прибыль зуаш, жуаш – кроткий, нежный мор – коричневый омакъ – нарядный бал – мед; мылы - влага марако – земляника он бир – одиннадцать баппу – хлеб (детск.) бас – ступать
---	--

60. sabana - степь	сабан – поле, нива
61. capa – слой, оболочка	къап – слой, оболочка
62. fet - делать	эт – делать
63. paga – плата, цена	багъа – цена
64. bata – передник, фартук	бота – передник, фартук
65. caganer - ребенок	къагъанакъ – грудной ребенок
66. cagar - проклинать	къаргъа – проклинать
67. caire – край, конец	къыйыр – край, конец
68. capoll – почка (раст.)	каппол – почка (раст.)
69. cessar – убывать, останавливаться	кесер – отрезать
70. cistell - корзина	кюштел – бочонок, кадушка
71. ciri – свеча	чиракъ – лучина, свеча, лампа

Испанский	Карачаево-балкарский
1. abatanar - мять, валять	батхан – вдавленный, погруженный
2. alcala - крепость, форт	къала – крепость
3. anda – потом, после	анда – там, тогда, потом
4. andar – шагать, ступать	атла – шагать
5. ansa – так или иначе	анса – иначе; тогда конечно
6. ana - кормилица	ана – мать
7. azar – несчастный случай	азал – рок, несчастливая судьба
8. bata - халат	бота – фартук, передник
9. bata - ребенок	бала – ребенок
10. bazo - коричневый	боз – серый
11. bucle - завиток	букле – сворачивать, свертывать
12. caftan - кафтан	къаптал – кафтан
13. caïque - судно	къайыкъ - лодка
14. cari - бурый	къара – черный
15. casar - соединять	къошар – соединять
16. cascar - раскалывать	кесер – разрезать
17. caula - хитрость	хыйла – хитрость
18. cazo – черпак, ковш, ложка	къазан – котел, кашыкъ – ложка
19. cera - свеча	циракъ, чиракъ – свеча, лампа
20. cesar – кончаться, прекращаться	кесер – отрезать, прекращать
21. comer - разъедать	кемир – грызть
22. copia – множество, обилие	кёп – много
23. cortar - прекращать	къорат – убрать, уничтожить
24. suma – короткий мачете	къама – кинжал
25. cura - лечение	къура – поправить, наладить
26. chagra - крестьянин, бедняк	чагар – крепостной крестьянин
27. chicha – мясо (детск.)	джичча – мясо (детск.)
28. china - фарфор	чын – фарфор
29. chis – делать пипи (детск.)	кис – делать пипи (детск.)
30. chocar - сталкиваться	сокъ – бить

31. decir – говорить, сказать	деци, дечи – говори, скажи
32. durar – сохраняться, держаться	турур – стоять, сохраняться
33. el - он	ол – он
34. ende – там, в том месте	анда – там, в том месте
35. estacar - привязывать	тагъар – привязывать
36. hablar - говорить	хапарла - рассказывать
37. hammam - баня	хамам – баня
38. hila – нить	халы – нить
39. hito - твердый	къаты – твердый
40. hozar – рыть, копать	къазар – рыть, копать
41. hura - нора	уру – яма
42. jada - мотыга	чага – мотыга
43. jasar - разрезать	жаз – писать; наносить узор (резцом)
44. mamau – бука, страшилище	мамай, бабай – бука, страшилище
45. mira - цель	мара – целиться; наблюдать, высматривать
46. mirar - наблюдать	мушулда – сопеть
47. moco - сопли	мугут – плесень
48. moco - плесень	нанна – бабушка
49. nana - бабушка	тала – разрушать; грызть
50. talar - разрушать	улургъа – выть
51. ulular - выть	аци, ачи – кислый
52. acido - кислый	кёп – много
53. acorio - увеличивать	къоратыр – сократить
54. acortar - сокращать	ал – душа
55. alma - душа	амма – бабушка
56. ama – хозяйка дома	къайыкъ – лодка
57. kayak - байдарка	къандыр – пресыщаться, надоесть
58. cansar - уставать	къап – слой, оболочка
59. сара – слой, оболочка	къарам – взгляд
60. сара – лицо, взгляд	къобар – выламывать, выворачивать
61. савар – рыть, копать	бар – иметь; бер - давать
62. ber - имущество	бил – знать, уметь
63. bil - ловкий	хазыр – готовый
64. hacer – делать, готовить	ургъан – веять, дуть (о ветре)
65. huracan - ураган	ур – бей, рази
66. hurra - ура	тала – поляна
67. tala - просека	тинтер – исследовать
68. tentar - ощупывать	малгъун – злодей
69. mal – злой, зло	масарт – скопище, толпа;
70. mas - больше	мара – прицеливаться; наблюдать, высматривать
71. mirar - смотреть	мюнгюр – мычать
72. mugir - мычать	элме – вяз
73. olmo - вяз	багъа – цена
74. paga - плата	

75. paso - шаг	бас – ступать
76. sabana – степь	сабан – поле, нива

Португальский	Карачаево-балкарский
1. ainda – еще	энтда – еще
2. alma - душа	ал – душа
3. alta - повышение	алда – вперед, впереди
4. alias – впрочем, кстати	алай эсе – если так, (произн. <i>алисе</i>)
5. alugar – брать, взять	алыргъа – брать, взять
6. ama - няня	амма – бабушка
7. artas – сзади, позади	артда – сзади, позади
8. azar – неудача, случайность	азал – рок, несчастная судьба
9. capa – плащ, оболочка	къап – оболочка
10. erguer - поднимать	ёрге – вверх
11. gago - заика	гыга - младенец
12. gente - люди	кент – поселение
13. jugo – ярмо, гнет	жюк – груз, жюген – узда
14. mira - прицел	мара – прицеливаться, высматривать
15. mugir - мычать	мюнгюр – мычать
16. murchar - сушить	мулхар – сухие остатки сена
17. muro - стена	буруу - ограда
18. onde - где	анда – там
19. onze - одиннадцать	он бир – одиннадцать
20. pagar - платить	багъа – цена
21. passo – шаг, след	бас – ступать
22. quem – кто?	ким – кто?
23. suar - взмокнуть	суу – вода
24. suave - нежный	зуаш, жуаш – кроткий, нежный
25. tentar - испытывать	тинтирге – исследовать
26. virar – переворачивать	бурур – переворачивать

Топонимия

В тех районах, где проживали тюркские племена, наибольшее распространение получили следующие термины: *юрт* (*журт, гурт, курт*) – родина, край, местность, село, сторона; *кала* (*къала*) – крепость, город, башня; *жер* (*зер, йер*) – земля, местность, место; *тау* (*таг, даг*) – гора; *коль* (*куль*) – озеро; *суу* (*су*) – вода, река; *эл* – страна, народ, общество, село, и некоторые другие. Кроме географических терминов, как правило, в топонимике запечатлеваются и этнонимы. Термин «кала» заимствован из тюрк. яз. некоторыми романскими в значении «порт», но пункты с «кала» встречаются и вдалеке от побережья.

В своей работе «Аланы в Западной Европе» В. Б. Ковалевская дает список из нескольких сот топонимов, отразивших пребывание алано-сармат в Западной Европе. Термину «court» она уделяет особое внимание, как наиболее распространенному: «...относительно слова «court», «courties», который у Варрона обозначал загон для скота, интересно то, что оно (*caert, courtis, court*) является ирано-германо-итало-кавказской

изоглоссой, одинаково понятной ираноязычному алану, германцу и римлянину (*Krt* – двор в осетинском, *Kert* с тем же смыслом в нахско-дагестанском, картвельском и армянском языках). В топонимии Франции Дж. Джонсон собрал 183 топонима с *court*» (с. 55).

Народы, конечно же, вправе называть свои поселения скотным двором, тем более такой скотоводческий народ, как аланы, но вряд ли они это делали. Нам же в слове «*court*» видится общетюрк. термин «курт» (*корт, гурт, журт, юрт*) в значении «родина, отчизна, край, сторона, поселение», что более соответствует смыслу. Так что все 183 топонима с «*court*» мы относим к тюркам. Нечто подобное случилось с тюрк. *сарай* «дворец», в русск. яз. ему придали другое значение - «помещение для скота».

Список Ковалевской интересен тем, что в нем встречаются названия, одна часть которых - этнонимы (алан, ас, сармат), а другая – прозрачные тюрк. слова. Даем список, не нарушая порядок автора.

- 31. Alanje (*алан-йер* аланская земля, место)
- 32. Alaniers (*алан-йер*)
- 44. Alahan (*алан-хан*)
- 59. Elemcurt (*ёлюм-курт* погибельное место)
- 74. Allenjoie (*алан-йол* аланская дорога)
- 87. Allonzier (*алан-зер* ровное место)
- 90. Ambazac (*Эм-базыкъ* «наидородный», собств. имя)
- 113. Assier (*ас-йер* асское место)
- 118. Aubazac (*Эм-базыкъ*)
- 167. Dangaul (*танг аул* большой аул)
- 168. Dangeul (*дангыл* равнина, ровное место)
- 210. Gohiere (*кок-йер* зеленая местность)
- 212. Gougre (*кук-йер* зеленая местность)
- 256. Osselle (*ос-эль, ёз эль* родное село)
- 322. Sermelle (*сырма-эль* селение знатных)

«Для Франции и Северной Италии, пишет В. Б. Ковалевская, - нами картографировано более 70 аланских этнотопонимов (из списка в 90 названий) – поражающе большое количество, если, например, учесть, что для Северной Осетии на Кавказе, где «алано-осы» живут до сегодняшнего дня, есть только один топоним, содержащий в качестве основы этноним «алан». Однако и этот топоним – *Аланбоз* - имеет прозрачное тюркское звучание. Но В. Б. Ковалевская стойко продолжает называть аланов ираноязычными.

Официальная наука рассказывает нам, что за всю человеческую историю на Земле было всего несколько цивилизаций, их можно пересчитать по пальцам, но среди них нет тюркской, хотя ее зримые следы протянулись от Северной Африки до Японии, и рядом с ней греко-римская цивилизация выглядит карликом. Не потому ли языки многих народов Евразии изобилуют тюркизмами (кому-то это может показаться преувеличением, но тюркизмы есть и в латыни, и в древнегреческом, и в древнееврейском, и в авестийском, и в санскрите, и в языках американских индейцев). Такое широкое распространение тюркских элементов доказывает существование некогда единой туранской этнической общности, об этом говорит и близость современных тюркских народов: карачаево-балкарец легко поймет речь киргиза, а крымский татарин – алтайца, хотя их разделяют тысячи километров и сотни лет.

Ныне в Евразии проживают десятки тюркских народов, многие из которых имеют свои государства и, соответственно, Академии наук, в рамках которых возможно углубленное изучение своей истории. Эта задача - одна из насущных, поскольку связь между древними

и нынешними тюрками в современной истории усилиями официальной науки оборвана. Ситуация доходит до смешного: мало кто из тюркских историков осмеливается предъявить права на наследство скифов, киммерийцев, сарматов, гуннов, алан, хазар, авар, кипчаков, печенегов, как будто у этих народов не осталось потомков. В таких условиях, конечно же, неудивительно, что скифы, сарматы, саки, аланы продолжают считаться иранцами. Да, надо признать, что академической науке удалось то, чего не могли сделать великие державы прошлого: стереть из истории тюркскую цивилизацию. К счастью, существует и неофициальная наука, которой занимаются не кандидаты и доктора, а просто увлеченные люди, по кирпичику восстанавливая здание прошлого. Но задача эта не из легких. Вспомним о книге Олжаса Сулейменова «АзиЯ» и о том, каково было негодование советских академистов, когда им только приоткрыли дверь в настоящую тюркскую историю.

ГУННЫ И РИМ

Согласно писаниям академистов, именующих события IV-V вв. «великим переселением народов», «кочевники» шли в Европу просто ради простого грабежа; но зачем же было аланам и гуннам ради этого отдавать столько времени и сил войне с готами хотя бы? Кроме того, если это был просто грабительский поход, почему ни гунны, ни аланы не вернулись домой со славой и богатой добычей, как и полагается в таких случаях? Нет, разгромив воинственных гот, аланы и гунны двинулись дальше, и в Паннонии появилось сильнейшее государство континента – Гунния (до поры до времени подчинявшееся общеимперскому центру). Возможно ли это было без крепкого тыла и стоящего за их спиной государства? Нет, невозможно. И такое государство существовало – Тюркский каганат, население которого, скорее всего, уже переходило от тенгрианства к христианству – несторианству и православию.

Поход аланов на запад не принес нужных союзникам (византийцам и тюркютам) результатов; поэтому в Европу направилось новое войско. Нашествие гуннов (вероятно участие угров и славян) и завоевание Европы тюрками-кшатриями было походом против католиков, а инициировало его правительство Византии, начав платить гуннам большую дань. Поэтому, находясь в Венгрии и обладая непобедимым войском, Атила двинулся в Галлию и Италию, а не постарался захватить более близкий и богатый Константинополь. И не для того ли приезжали в его ставку Приск Панийский и другие византийские послы, чтобы указать Атиле цель и направление, а главное – снабдить его нужными сведениями о маршруте движения и силах противника?

Но Западной Римской империей руководили талантливые политики и дипломаты. Они сумели договориться с алано-болгарами (авангардом тюрков) и готами; они осели в Галлии и Северной Италии, затем часть алан вместе с вандалами подалась через Пиренеи в Испанию, где и сейчас проживают их ассимилированные потомки (Каталания) и Португалию. Здесь они опять разделились, и часть алан ушла вместе с вандалами в Северную Африку, где возникло государство, впоследствии уничтоженное византийцами.

Осевшие в Галлии аланы и готы приняли участие в знаменитой битве на Каталаунских полях (близ города Шалон) на стороне римлян, которыми командовал воспитанник гуннов Аэций. Атила не был разбит, но и победу не одержал; через некоторое время он взял несколько городов и двинулся на Рим. Осталось загадкой, почему после встречи с римским первосвященником Львом он вдруг повернул обратно (это может оказаться и легендой, сочиненной католиками к вящей славе папства). Вскоре Атила умер во время своей свадьбы; возможно, был отравлен. Приск Панийский сообщает, что великий хан

опасался византийцев, которые готовили его убийство и плели заговоры, один из которых был раскрыт.

«Зная умение римлян и византийцев устраивать «несчастные случаи», - пишет А. А. Бушков, - начинаешь испытывать подозрения – тем более что прекрасно известно об организованных в Константинополе заговорах с покушением на жизнь Атиллы. Западный поход был крайне выгоден тому же Константинополю – поскольку, по сути, привел к краху Западную Римскую империю. После чего Атила византийцам был уже не только не нужен, но и опасен... Интересно, что в ночь смерти царя гуннов византийский император Маркиан увидел «вещий сон»: некое божество показало сломанный золотой лук. Утром, не откладывая, император рассказал приближенным о ночном видении, а еще через день пришли известия о смерти Атиллы. «Вещий сон» или точное знание? Ответа уже не доищешься...» (Бушков, 2007, с. 138).

Появление на Дунае аланов, гуннов, аваров и мадьяр, а позже печенегов и торков фактически являлось их возвращением на прародину угро-финских и тюркских народов. Конечно, все это происходило не в IV-V веках, как считает официальная история, руководствуясь нелепой хронологией Скалигера-Петавиуса, а гораздо позже. Потому Бернард С. Бахрах, автор книги «Аланы на Западе» и не может объяснить противоречие: аланы расселились во Франции в V в. (со столицей в Орлеане), а упоминаться их поселения и города в хрониках почему-то начинают с XI в., когда аланы давным-давно уже растворились среди окружающего населения. «...между временем существования аланских поселений в Орлеане и первым упоминанием в источниках связанной с ними топонимики существует определенный временной разрыв в 600 лет» (Бахрах, с. 155). Но это означает, что тюркское (тюрко-угро-славянское?) нашествие на Западную Европу как раз и состоялось в XI в., или, скорее всего, еще позже.

Так, постепенно, возникали ответвления общетюркской империи, позже превратившиеся в самостоятельные государства: на западе – Гунно-Аварский каганат, на юго-востоке (в Средней Азии и Казахстане) – Западно-Тюркский, в Монголии и на Алтае – Восточно-Тюркский, на юге – Парфянское (Сельджукское) царство, в Приазовье и на Кавказе – Великая Болгария; прежний центр, находившийся в Поднепровье или в Подонье еще до распада единой империи стал называться Хазарией. Мощь тюрков постепенно поглощалась пространством.

ГЛАВА XV. РАСПАД ВЕЛИКОГО КАГАНАТА

МАЗДАКИТЫ

Долгое время считалось, что хазары, в пик своего могущества (арабам и византийцам) приняли иудаизм, который и стал господствующей в стране религией. Позже историки пришли к мнению, что этого быть не могло и что иудаизм приняла только небольшая часть хазарской аристократии (см. ниже), после переворота, когда власть перешла в руки иудейской купеческой верхушки. Но откуда и когда иудеи пришли на берега Волги, Дона и в Крым? В. В. Кожин пишет: «В Иране к VII в. была огромная по тогдашним масштабам еврейская община – более 600 000 человек, и, как свидетельствует средневековая иудейская хроника «Емек ха-Бака», «спаслись бегством многочисленные евреи из страны Парас (Персия), как от меча, и двигались они от племени к племени, от государства к другому...». Речь идет о периоде завоевания Ирана арабами-мусульманами. Но миграции иранских евреев имели место и в более ранние времена.

Л. Н. Гумилев говорит: «В 491 году Иран постигла засуха, и голод, связанный с недородом и налетом саранчи. Шах Кавад открыл государственные амбары с зерном, но

это не предотвратило народных волнений. И тогда один из вельмож, Маздак, предложил шаху свою концепцию спасения государства» - «введением равенства, уравниванием благ (т. е. конфискацией имущества богатых и разделом его между маздакитами) и... казнями «сторонников зла», т. е. тех, кто был с Маздаком не согласен». «Маздакиты, взяв власть в свои руки, развернули массовый террор, а шах стал в их руках марионеткой. В 496 году Кавад бежал от своих министров к эфталитам, вернулся с войском и занял престол, но маздакиты продолжали занимать должности вокруг престола и расправляться с неугодными людьми, как с чужими, так и друг с другом».

«Только в 529 году царевич Хосрой собрал войско из людей, обиженных маздакитами, привлек на свою сторону саков и повесил Маздака, а его сторонников закапывал живыми в землю. Ожесточение партий было так велико, что уцелевшим маздакитам пришлось бежать на Кавказ, ибо ни эфталиты на востоке, ни византийцы на западе их не принимали. Могли ли многочисленные евреи Двуречья и Исфагана остаться равнодушными к событиям, происходившим вокруг них? Конечно, они приняли в них живое участие, но, как всегда, разделились. Ортодоксам-талмудистам маздакиты были омерзительны, вольнодумцам-каббалистам – любезны. Внутри еврейской общины Ирана шла борьба столь же напряженная и даже кровавая, как и в самой великой державе. Торжество маздакитов грозило евреям-ортодоксам гибелью, и они эмигрировали в Византию. Там их приняли кисло, но это было лучше, чем смерть».

«Когда же в 529 году в Иране пошла расправа с маздакитами, то и примкнувшим к ним евреям пришлось плохо. Экзарх еврейской общины Мар Зутра, сотрудничавший с маздакитами, был повешен, так же, как и все те, кто попал в руки Хосроя Нуширвана, принявшего власть еще при жизни своего отца Кавада. Уцелевшие маздакиты (иранцы. – М.Дж.) бежали на Кавказ, чтобы затеряться среди христианского населения Мидии-Атропатены (совр. Азербайджан). Это им удалось, так как христиане относились к огнепоклонникам-персам крайне отрицательно и укрыли беглецов из Ирана. Связанные с маздакитским движением евреи тоже удрали на Кавказ, но подальше от разъяренных персов. И очутились на широкой равнине между Терекон и Сулаком, стали пасти там скот, избегая конфликтов с соседями и не слишком строго соблюдая традиционные обряды. Однако они праздновали субботу и совершали обряд обрезания».

Была и вторая волна переселения, но в другом направлении, позже. Если V-VI вв. проходят в острой борьбе иудаизма и христианства, то в VII в. появляется новая мощная сила – арабы-мусульмане. Захват ими Ирана закончился для иудеев печально: персы приняли ислам, а евреи покинули страну, и как сообщает Кембриджский аноним, «двигались они от племени к племени к племени, от государства к другому народу и прибыли в страну Русию и землю Ашкеназ и Швецию и нашли там много евреев». Эти евреи пришли туда раньше; но откуда?

Л. Н. Гумилев комментирует: «Этот текст показывает многое. Страна Русия уже была в VII в.; в Германии (Ашкеназ) и Швеции, еще языческой, есть еврейские колонии, а вот Хазарии в списке нет». «Значит, путь еврейских эмигрантов из Ирана пролегал не через северокавказские степи, в те годы обгащенные болгарской и аланской кровью, а только через Малую Азию и Черное море к устью Днепра и в Русию, а оттуда – в земли, где уже были колонии западной ветви евреев, оставшихся в Европе после распада Римской империи». На наш взгляд, все было гораздо сложнее, чем представлялось Л. Н. Гумилеву.

ХОРЕЗМ

Отвечая на вопрос о том, откуда иудеи пришли в Хазарию, В. В. Кожин обращается к концепции археолога С. П. Толстова, «который еще в 1929 году приступил к изучению

одного из самых древних и наиболее высокоразвитых государств Средней Азии – Хорезма». «Государственность и культура Хорезма (на нижнем течении Амударьи, вблизи Аральского моря) складываются не позднее VII в. до Рождества Христова). Уже в ранний период истории Хорезма создаются величественные памятники архитектуры, вобравшие в себя изваяния и фрески, и технически совершенные системы орошения, возникает оригинальная письменность (не позднее IV в. до Р. Х.) и чеканка собственной монеты (II в. до Р. Х.)». Одним словом, Хорезм был одним из самых цивилизованных и сильных государств мира; о главной причине его успехов ученые не говорят. На наш взгляд, Хорезм поднялся на торговле шелком; в Хорезме (который и назывался Китаем) начинался Великий шелковый путь.

Далее, к сожалению, В. В. Кожин повторят небывлицы, сочиненные академиками-сказочниками: «На протяжении 1500 лет (! – М. Дж.), до VIII в. по Р. Х., Хорезм оставался суверенным государством, хотя и бывали периоды, когда он, сохраняя определенную автономию, входил в состав той или иной крупной державы, в частности Ирана; кстати сказать, Хорезм населяли тогда восточноиранские племена». Вот же какое это было долговечное государство! Впрочем, если Римская империя продержалась 1100 лет (как и Византийская), почему бы Хорезму не простоять 1500 лет (причем ни один историк ничего не сказал о том, какие изменения в экономическом, военном, политическом, культурном и социальном развитии этого государства произошли за такой неимоверно длительный период времени; по мнению науки, в Хорезме менялись только властители).

«К VIII в. Хорезм представлял собой государство с исключительно высокой цивилизацией и культурой». «...Хорезм был одним из узловых пунктов раннесредневековой Евразии. Хорошо известно, что в ту пору «Европу с Востоком связывала торговля, почти всецело находившаяся в руках еврейских купцов» и, как показывает виднейший швейцарский востоковед Адам Мец, до X века евреи господствовали в торговле Запада и Востока». Так В. В. Кожин приходит к выводу, что «едва ли возможно оспаривать существенную роль евреев и в ранней торговле Хорезма», и цитирует К. А. Иностранцева: «В среднеперсидском списке городов Ирана сообщается предание, по которому город Хорезм был основан «Нарсе, сыном еврейки» (которого ученый отождествил с сыном сасанидского царя Иездегерда и дочери «эксиларха», т. е. главы еврейской общины в Иране), наместником своего брата Бахрам-Гура в восточных провинциях. «Перед нами, заключает К. А. Иностранцев, «указание на существование в Хорезме еврейской общины». Понять это невозможно: о какой общине идет речь, если в предании говорится об основании города?

В самом начале VIII в. в Хорезме произошел государственный переворот, возглавленный неким Хурзадом, родственником хорезмшаха Чагана. В. В. Кожин считает весьма логичной мысль о связи событий в Иране и Средней Азии: «...по убеждению С. П. Толстова, переворот Хурзада в Хорезме был связан с идеологическим наследием знаменитого иранского движения конца V-VI вв., вошедшего в историю под названием маздакизма (от имени его вождя – Маздака). «После разгрома движения маздакитов, - пишет В. В. Кожин, - многие из них, в том числе и иудеи, бежали в Среднюю Азию и отчасти также на Кавказ». К этому моменту Арабский халифат не раз пытался подчинить Хорезм, но безуспешно. Свергнутый Чаган был вынужден обратиться к арабскому полководцу Кутейбе за помощью; произошло сражение, в котором бунтовщик Хурзад погиб. Арабы помогли Чагану расправиться и с людьми Хурзада; С. П. Толстов приводит сообщение великого ученого, хорезмийца Бируни: «И всеми способами рассеял и уничтожил Кутейба всех... ученых, что были среди них»; они, как отметил С. П. Толстов, «фигурируют под именем *хабр* (мнж. *ахбар*), а это имя и в древнем, и в современном арабском имеет только одно значение – «еврейский ученый, ученый

раввин». Археолог предположил, что существовал союз между мятежными общинами хорезмийцев и каким-то слоем местной интеллигенции, являвшейся идеологом движения Хурзада.

ЭМИГРАНТЫ

Не соглашаясь с Л. Н. Гумилевым, считавшим, что иудеи попали в Хазарию только через Кавказ, В. В. Кожинов говорит: «...не могло ли арабское завоевание привести к массовой эмиграции хорезмийских иудаистов в Хазарию?». Об этом и говорил С. П. Толстов: «Изгнанные из Хорезма, они, опираясь на хазар, создали «новый Хорезм» на Волге в виде Итиля, может быть, на месте какой-нибудь очень старой хорезмийской колонии или фактории». «Можно, конечно, предположить, - продолжает Кожинов, - что в числе иудеев, которые, в конце концов, возглавили Хазарский каганат, были и потомки участников маздакитского движения, оказавшихся на Кавказе; однако гораздо достовернее версия об их приходе к хазарам из Средней Азии, где последователи маздакизма проявили себя и раньше, и гораздо активнее, нежели в Кавказском регионе».

«Хазарско-еврейское предание Кембриджского документа, говорящего о воинственных иудеях-изгнанниках, делящих с хазарами боевые труды и, в конце концов, выдвигающих из своей среды царя-реформатора (утверждающего господство иудаизма в Хазарии. – В. Кожинов), гораздо более вяжется с нашей гипотезой о потерпевших поражение в борьбе с арабами иудаизированных хорезмийцах-повстанцах, чем с гипотезой о еврейских купцах и миссионерах из Причерноморья или Закавказья».

Следовательно, были две страны, в которые бежали маздакиты (персы и евреи). Взятых в плен Хосров Ануширван поселил на Северном Кавказе, у Дарьяльского прохода, для его охраны от вторжений северных «кочевников». Другая часть направилась на северо-восток – в Хорезм, где, окрепнув, они вновь попытались захватить власть, но были разгромлены арабами; тогда участники восстания Хурзада (хорезмийцы и евреи-хабры) ушли на Итиль. И первые, и вторые, таким образом, оказались на территории Хазарии (на самом деле – Тюркского каганата). Отмечая, что связи хазар и Хорезма существовали и раньше, В. В. Кожинов называет и причину, побудившую хазар принять «гостей»: «...хорезмийцы, во-первых, были, конечно же, приняты в каганате как союзники – враги арабов, а с другой стороны, принесли с собой опыт очень высокой цивилизации – в военном деле, в строительстве (воздвигнутые ими крепости говорят сами за себя), ремеслах, культуре в целом». «Вместе с тем как бы на плечах хорезмийцев в каганат пришли и иудеи (в том числе те *хабры*, которых, по сообщению ал-Бируни, «рассеял» Кутейба); характерно, что вначале они не выделялись из общей массы эмигрантов и даже будто бы отказались от иудаизма; лишь позднее иудеи открыто выдвинули на первый план свою религию и затем встали во главе каганата».

Как уже говорилось, иудеям-талмудистам Ирана после победы маздакитов пришлось бежать в Византию. Но несчастья преследовали их и там. «В 753 г. император Лев Исавр издал указ о насильственном крещении всех евреев, находящихся в пределах Византийской империи». «Считается, что этот указ вызвал эмиграцию евреев из Византии в Хазарию, но неизвестно, был ли он приведен в исполнение. Даже если так, то эмиграция шла в Хазарию (на самом деле – в Тюркский каганат. – М. Дж.), в то время союзницу Византии». В. В. Кожинов цитирует Масуди (X в.): «...византийский император Арманус (Роман. – М. Дж.) принуждал всех евреев своего царства к принятию христианства. Многие евреи удалились вследствие этого из Византийского царства в хазарскую землю...» - скорее всего, в Крым.

«Свидетельство о разрыве между Византией и еврейской диаспорой недвусмысленно, а

дата его примечательна – на фоне мировой истории оно особенно весомо», – говорит Л. Н. Гумилев о сведениях, сообщаемых, как считается, Ибн ал-Асиром: «Владелец Константинополя во времена Харуна ар-Рашида (786-809) изгнал из своих владений всех живущих там евреев, которые вследствие сего отправились в страну хазар, где они нашли людей разумных, но погруженных в заблуждение (язычников. – Л. Г.); посему евреи предложили им свою религию, которую хазары нашли лучшей, чем их прежняя, и приняли ее» (Гумилев, 2001, с. 100-107). Это, скорее всего, не так: хазары были не язычниками, а единобожниками-тенгрианцами и христианами; иудаизм приняла только столичная аристократия.

О том, что происходило после этого, можно только предполагать. Евреи, прибывшие в каганат из Ирана (через Кавказ) и Хорезма, были еретиками-каббалистами. Находясь в чужой и совершенно веротерпимой стране, их потомки (как и хорезмийцы-эмигранты, приверженцы зороастризма) хорошо вписались в ее быт, занимались торговлей, ремеслами, воевали, вступали в браки с иноверцами, одним словом, были обычными подданными; вряд ли многих из них особо волновали вероисповедные вопросы и проблемы. В. В. Кожин дает цитату из так называемого Кембриджского послания некоего хазарского иудея: «И бежали от них (врагов. – В. К.) наши предки... потому что не могли выносить ига идолопоклонников (в устах иудеев это вполне могли быть арабы-мусульмане. – В. К.). И приняли их к себе... хазарские... И они породнились с жителями той страны и... научились делам их. И они всегда выходили вместе с ними на войну и стали одним с ними народом. Только завета обрезания они держались, и некоторые из них соблюдали субботу... И оставались они в таком положении долгое время». В Кембриджском документе говорится также, что один из иудеев прославился в битве с арабами и стал хазарским военачальником; речь идет, вероятно, о Булане, ставшем вторым лицом в каганате и обратившем в иудаизм высшую хазарскую знать.

Но позже положение изменилось. Из Византии в каганат прибыли, вероятно, люди другого склада, суровые и ортодоксальные иудеи-талмудисты, у которых невежество местных соплеменников в вопросах религии должно было вызывать ужас и негодование. Вероятно, они рьяно занялись их просвещением, заодно запрещая им смешанные браки, ограничивая общение и т. д. К тому же среди этих «новых евреев» могло быть много людей, озлобленных притеснениями и унижениями, которые им пришлось испытать. Неудивительно, если им захотелось иметь страну, в которой можно было бы чувствовать себя в безопасности, быть самими собой.

ТЮРКЮТЫ И ХОРЕЗМ

Поверить в давнее присутствие тюрков в Европе и в их способности к социально-экономическому развитию историки-академисты не могут и не хотят; вот и приходится создавать удивительную картину жизни в одном и том же регионе: тюрки, живущие под властью Хазарского каганата, занимаются металлургией и строительством крепостей, но потом на его территории появляются племена, которые ничего этого делать не умели и не хотели – печенеги, половцы, торки. Согласно академической же науке, они когда-то входили в состав Великого Тюркского каганата, в котором все это было, причем еще до возникновения Хазарии – укрепления, города, металлургия, руническая письменность и пр. Почему же половцы, торки и печенеги пришли с востока такими дикарями?

Если мы учтем, что, по мнению самих же академистов, идея государственности была принесена на берега Волги именно с востока и что Хазария вначале была только частью Тюркского каганата, и что правила в ней тюркютская же династия Ашина, картина получается, мягко говоря, весьма странная. Впрочем, причины возникновения такой

картины понятны: «дикий» мир тюрков находился у границ двух мировых очагов цивилизации – китайского и иранского (Хорезм, Согдиана, Иран), следовательно, все хорошее тюрки заимствовали оттуда. Чему они научились у ассимилированных ими скифо-сармато-саков, застенчивые академисты не говорят. Наверное, изготовлению войлока и кумыса.

Обо всем этом (и многом другом) В. В. Кожин не знал и не думал, а потому, когда перед ним встал вопрос о причинах таких успехов вчерашних «таборных кочевников» в отдельно взятой стране, и не смог увидеть в них результат ее внутреннего развития: «Хазарский каганат был в IX-X вв. государством, обладающим громадными «цивилизаторскими» возможностями». «Естественно, встает вопрос о причинах «цивилизованности» Хазарского каганата в его иудаистскую эпоху. Следует отметить, что существует безосновательное мнение, согласно которому еще до возвышения иудаизма в Хазарском каганате имелись, скажем, крупные «цивилизованные» города».

Конечно, откуда им взяться? Вот у скифов, задолго до хазар, они были. Но то ведь иранцы! «Между тем один из виднейших современных «хазароведов» А. В. Гадло, исходя из достоверных источников, писал о крупнейшем хазарском «городе» (на Северном Кавказе) раннего периода: «Баланджар вовсе не был городом в обычном понимании этого термина. Это был большой лагерь, для защиты которого был применен традиционный в военной практике кочевников способ. Его территория была ограждена связанными повозками (3 тыс. штук), за которыми укрылись защитники). Но вместе с установлением господства иудаизма создается и охарактеризованная выше цивилизация каганата». Ну, если сам А. В. Гадло сказал, то, разумеется, так оно и есть: не было у хазар городов в доиудаистский период, только большие «военно-хозяйственные лагеря». И за этими «связанными повозками» хазары выдерживали, как говорят источники, несколько месяцев осады. Подумайте сами – а возможно ли это?

О влиянии, оказанном на хазар эмигрантами, ссылаясь на «Историю Хорезма» (изданную в Ташкенте), В. В. Кожин пишет, почему-то упоминая только хорезмийцев, когда евреев, вероятно, среди пришельцев было не меньше, а, может быть, и больше: «Как сказано в обобщающем труде, «по свидетельству источников, хорезмийцы... играли важную роль в политической и экономической жизни государства хазар... Хорезмийцы сосредоточивали в своих руках командование войсками хазар, 12-тысячная гвардия Хазарии состояла в основном из хорезмийцев. Среди них были люди различных профессий – ремесленники, торговцы, чиновники, военнослужащие, представители культуры и искусства».

Хорезмийцы повлияли и на архитектуру Хазарии. Археолог М. Г. Магомедов говорит: «... башни, отделенные от крепостных стен, находят широкое применение в крепостном строительстве Средней Азии, особенно в фортификации Хорезма... не только в общих приемах, но и в отдельных деталях строительства фортификация древней Хазарии тяготеет к среднеазиатским традициям». «Словом, объяснить тот факт, что в VIII в. хазары вдруг начинают строить «по-хорезмийски», можно именно и только в русле концепции С. П. Толстова о массовой миграции из Хорезма в Хазарию после низвержения арабами Хурзада и его сподвижников». Вот и найдены цивилизаторы, которые помогли неразумным хазарам отказаться от таборного кочевания и приступить к строительству феодализма. Прежде ученые академического образа мысли полагали, что цивилизация шла к диким кочевникам-тюркам Восточной Европы с запада (а идея государства - с востока); теперь выясняется, что нет, она шла к ним с юго-востока.

Но напомним о словах В. В. Кожина, приведенных выше: «в новейшем исследовании востоковеда Т. М. Калининой» «показано, что хазары до своего появления в Предкавказье обитали, по всей вероятности, в Средней Азии, в районе реки Сырдарья – у восточной

границы древнейшего высокоразвитого государства Хорезм». Почему же хазары не «научились цивилизации» там же и тогда же? Из природного упрямства? Или из врожденной ненависти к ее благам? (Точь-в-точь древние германцы, славяне и галлы: две тысячи лет жили рядом с эллинами и римлянами, а их культуру стали воспринимать только в VI в. н. э.).

Но что говорит академическая наука о взаимоотношениях хорезмийцев и тюркютов (якобы обитавших в Монголии)? Хорезм, расположенный в междуречье Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, с глубокой древности (ровесник Древнего Рима) являлся самым могучим и цивилизованным государством на территории от Дуная до Китая. Но, по каким-то неведомым причинам, за полтора тысячелетия своего существования он нисколько не расширил свои владения. Не в пример кротким хорезмийцам, тюркюты были страшно агрессивными; едва создав в Монголии свой каганат, они тут же обрушились на всех ближних и дальних соседей. О том, какую роль сыграла эта «кочевая империя» в исчезновении «ираноязычных скифо-сармато-саков», академики не говорят ни слова. Но получается, что тюркюты, которые до 552 г. плавил для жужаней железо, не поперхнувшись, проглотили не только саков: «Таким образом, тюркюты за полтора года подчинили себе весь центральный Казахстан, Семиречье и Хорезм» и к 555 г. вышли к Аральскому морю» (Гумилев, 1993, с 35).

Как это им удалось и почему храбрые хорезмийцы пали духом, как и не менее смелые «североиранцы-саки», никому не ведомо. «По-видимому, в VI в. хазары переселились отсюда на запад, в прикавказские степи». Чем занимались хазары, ютившиеся на задворках Хорезма, когда его мгновенно завоевали тюркюты, историки не говорят, как и о том, почему они вдруг оказались за Волгой, в Предкавказье – ведь тюркюты прогнали из Приаралья (или Прикаспия) только племена вар и хуни (см. ниже). Впрочем, это вопросы в пустоту.

Тюркюты под командованием Истеми-кагана бьются с эфталитами, совершенно не обращая внимания на присутствие Хорезма. Более того, Хорезм в книге Л. Н. Гумилева «Древние тюрки» (более 500 стр.) упоминается только два раза; взглянув на карту, можно увидеть, что мощный Хорезм составлял только малую часть Тюркского каганата. Но спустя столетие арабские армии, возглавляемые великими полководцами, не могли покорить тот же Хорезм, который признал их власть только в 712 году. (Наверное, благодаря смешению с «пассионарными тюркютами», в хорезмийцах проснулась их древняя доблесть). Согласно канонической версии истории, в 555 г. тюркюты выходят к Аральскому морю, не встретив на своем пути ни одного «североиранского» племени (везде сидят свои братья, тюрки). «Но дальше дела пошли труднее. На северных берегах Аральского моря тюркюты натолкнулись на сопротивление племен хуни (хионитов), вар и оговров. Только к 558 г. эти племена были разгромлены и тюркюты вышли к Волге, гоня перед собой тех, кто отказывался покориться. Это были осколки племен вар и хуни – около 20 тыс. человек, слившиеся затем в единый народ – авар» (Гумилев, 1993, с. 35).

Следовательно, до самого Приаралья тюркюты в своих завоеваниях никаких трудностей не встретили, всего за 4 года захватив громадную территорию. Три года два небольших племени бьются с захватчиками, но целое государство сдается им сразу же. Где же величие и мощь Хорезма, из которого в Хазарию якобы и проникла цивилизация, в том числе умение строить неприступные крепости?

Необходимо внести ясность в эту невообразимо путаную историю. Как уже говорилось выше, идея создания Великого каганата и ее воплощение достались на долю тех скифо-сарматских племен, которые обитали между Волгой и Доном – тюрко-гуннам (как и в кар.-балк. эпосе объединителем нартов и приверженцем тенгрианства выступает живущий у реки Эдиль род-племя Усхуртуковых). Для этого им пришлось преодолеть

сопротивление алано-болгар (киммерийцев) и сокрушить государство готов. Позже, вступив в союз с Византией, Тюркский каганат занял Паннонию, где и поселились гунны.

На востоке широко расселявшиеся европейские тюрки заняли всю азиатскую степь до Алтая и Монголии; их армия под командованием Истеми легко захватила Хорезм. Мы не знаем, сколько времени просуществовал Великий Тюркский каганат, но можно уверенно сказать, что успехи его были велики. Создавалась блестящая салтово-маяцкая культура, строились великолепные крепости, развивалась экономика. Империя имела сильное войско и успешно отражала натиск Ирана, стремившегося занять Дагестан. Тем не менее в этом огромном и процветающем государстве неуклонно назревал кризис.

ПЕРЕВОРОТ

Постепенно пришельцы иудеи прибрали к рукам экономику каганата, имея обширные международные связи и хорошо зная торговые пути; хорезмийцы, возможно, заняли многие командные посты в армии. Тогда же началось обращение хазарской верхушки в иудаизм, которое часть исследователей стала принимать за массовый переход всего хазарского народа в эту религию. Отвечая на вопрос: «Имело ли место массовое обращение хазар в иудейскую религию?», В. В. Кожинов приводит слова М. И. Артамонова: «Иудаизм – национальная религия; дух и буква иудейского закона не допускали прозелитизма (то есть принятия в свое лоно «иностранцев». – В. К.); хотя в древности и наблюдались факты обращения иноплеменников, но это противоречило принципу «избранного народа». В средние века обращение в иудаизм могло совершиться лишь в том случае, если неофит имел предка-еврея; не исключалась возможность того, что предок был вымышленным. И иудаистская религия «стала религией хазарского правительства и части хазарской знати, но она никогда не превращалась в религию хазарского народа, точнее, тех племен, которые входили в состав Хазарии. Иудейская религия не вытеснила ни старого язычества, ни христианства, ни мусульманства».

По этим (и по другим) причинам В. В. Кожинов считает совершенно бездоказательным мнение, высказанное Ж. Э. Ренаном. М. Гумпловичем, фон Кучерой, Б. Х. Фридманом и А. Кестлером о том, что население Хазарского каганата, якобы обращенное в иудаизм, передвинулось (после разгрома Хазарии князем Святославом) на запад и стало основным компонентом всего иудейства Европы; «из этого следует, что подавляющее большинство современных людей, считающихся евреями, на самом деле – потомки не древнего семитского народа, но тюрков-хазар, принявших иудаизм».

«Однако, - пишет Кожинов, - эта «концепция» совершенно не выдерживает сопоставления с реальностью и, в сущности, абсурдна. Дело уже хотя бы в том, что в многочисленных исторических хрониках (главным образом арабских), содержащих сведения о Хазарском каганате, его население характеризуется не по национальной, племенной, а *по религиозной принадлежности*, и все эти источники согласно свидетельствуют, что приверженцы иудаизма составляли весьма незначительное меньшинство населения каганата (и даже самой его столицы). И в действительности еврейское население Европы переселилось туда не из Хазарии, а из Ирана через какое-то время после его завоевания арабами (в VII в.)».

Л. Н. Гумилев считал, что это переселение началось немного раньше, после временной победы маздакитов (поддержанных евреями-каббалистами), когда многие ортодоксальные иудеи, которым идеология восставших не нравилась, вынуждены были бежать из Ирана в Византию, спасаясь от развязанного революционерами террора. Это мнение представляется нам более верным. Преследования византийских властей вынудили иудеев бежать в Тюркский каганат. Перевалочным пунктом, вероятно, был Крым, где и осела

часть эмигрантов.

ВОССТАНИЕ АВАРОВ

Разбогатеяв на торговле шелком, иудейские купцы пожелали обладать всей полнотой власти в государстве, и обстоятельства этому благоприятствовали. Власть в каганате была необходима им, чтобы контролировать торговлю шелком и обеспечивать безопасность караванов, идущих в Европу. Открытый переворот был неизбежен. Окончательно иудеи пришли к власти в Хазарии (на самом деле – в Великом Тюркском каганате) при внуке Булана – царе Обадии; тюркский каган превратился в его марионетку, священную особу, не имеющую никакой реальной силы. Тогда же столицу каганата, которая, вероятно, находилась в низовьях Днепра или на Дону, перенесли на Волгу, в город Итиль – перевалочный пункт на Великом шелковом пути.

Разумеется, мы не можем уверенно ответить на вопрос, почему стал возможен переворот, в результате которого огромная страна попала в руки иноземцев. Вряд ли все дело заключалось в корыстолюбии и властолюбии иудейских купцов и раввинов, к тому же немногочисленных; они взяли власть потому, что им позволили взять ее. Предпосылками переворота могли стать неудачи в войнах и экономические неурядицы, вызванные неурожаем, эпидемией (о чем можно только гадать), коррупция в органах власти и пр. Но главная причина, по которой стал возможен захват власти иноземцами, как нам кажется, заключается в другом.

После демографического взрыва в степях Восточной Европы и появления там сильного тюркского государства, началась эпоха завоеваний и расселения тюрков в Европе, на Ближнем Востоке и в Заволжье. Рассеяние великого народа (фактически – медленный распад) должно было привести к ослаблению Тюркского каганата; его дальнейшее усиление было возможно в случае концентрации населения и таком устройстве социума, который позволял бы ему развиваться свободно, используя имеющиеся природные ресурсы и человеческие резервы. Но этого не произошло: мощь тюрков поглощалась необъятными пространствами. И только там, где концентрация населения достигала необходимого уровня, начиналось развитие – социальное, экономическое, политическое, военное и пр.

Открытый захват власти новой иудейской верхушкой, ломая установленный порядок, который устраивал многих, не мог понравиться ни самим тюркютам, ни хорезмийцам, ни даже многим хорезмийским евреям. В Великом Тюркском каганате (по мнению академистов – в Хазарии) началась гражданская война. Л. Н. Гумилев пишет: «Переворот, жертвой которого стала родовая аристократия, всех этносов, входивших в Хазарский каганат и уживавшихся с тюркской династией, вызвал гражданскую войну, где на стороне повстанцев выступили мадьяры, а на стороне иудеев – нанятые за деньги печенеги».

Столичная знать, вероятно, развращалась и деградировала; получая большие доходы, многие аристократы перестали быть руководителями и защитниками народа, хранителями его традиций (что является прямым долгом и предназначением аристократии). Скорее всего, они легко нашли общий язык с новым режимом – перейдя в иудаизм, заключая браки (что, конечно, имело место и до переворота), благодаря связям и т. п. Поэтому следует полагать, что инициатором восстания стала провинциальная знать; она еще не оторвалась от родных корней и чувствовала себя ответственной за судьбу страны.

Главной силой, на которую смогли опереться вожди восстания, было одно из мощных тюркских племен – авары; обитали они, судя по всему, на северо-западе от Дагестана и на Центральном Кавказе. Достаточно сказать, что их помнят и кар.-балк., и осет. эпосы, а в кабард. фольклоре сохранилось и имя их великого хана Баяна (Байкана), что

неудивительно, поскольку кабардинская знать происходила от аваров (кабаров), оставшихся в Северном Причерноморье после ухода основной массы народа на Дунай (см. об этом: Керменчиев, Големба). Следовательно, на Балканы ушли не все авары; судя по всему, это был многочисленный и организованный народ (напомним и о тюркском княжестве на Тереке – *Баргун, Борган, Барагун, Борагъан* – от *авар-гун*).

Авары по очереди разгромили сабиров, утургуров, залов и антов (все они имели дружественные отношения с византийцами, которые, в свою очередь, дружили с властями каганата), но с печенегами справиться не смогли. Тем не менее это была сила, и греки не замедлили ею воспользоваться. Дело в том, что, борясь с западными христианами, византийцы в в 551 году заняли Италию, но успех оказался временным: католики сумели обратить в свою веру могучий германский народ – франков, а Гуннский каганат, который всегда служил для Византии заслоном от нападений с запада, к тому времени сильно ослабел. Большую угрозу для империи представляло и болгарское племя кутургуров; при хане Забергане, вступив союз со славянами, они едва не захватили Константинополь. Поэтому греки, при посредничестве аланов, охотно заключили союз с аварами и согласились предоставить им земли в Паннонии (где жили и гунны), а также – выплачивать большую сумму денег ежегодно.

Л. Н. Гумилев усматривает и другое обстоятельство, сыгравшее свою роль в развитии событий. По его мнению, в период ирано-византийских войн авары (вархоны) заключили союз с персами (в то время как власти каганата поддерживали Византию). Поэтому он считал переселение аваров на Дунай победой персидской дипломатии, которая создала для Византии нового сильного врага, «переправив опасных соседей на Балканы» (Гумилев, 1993, с. 38). Вряд ли это соответствует действительности. Аварам ради такой «переправы» пришлось не только изменить своему государству (пусть тогда в это понятие, вероятно, вкладывалось другое содержание, чем сейчас) и покинуть родину, но и преодолеть огромные трудности: выдержать битвы с сабирами, утургурами, сражаться с грозными печенегами, пройти огромное расстояние и осваиваться на новых местах в окружении не слишком миролюбивых соседей. И неужели все это – ради выполнения задания, внушенного хитрыми персидскими дипломатами?

Нет, подобные «путешествия» народ предпринимает только в тех случаях, когда вынужден это сделать. Великий ученый не учел и неблагоприятную для Византии обстановку на Западе, как и то, что никаких особо тяжелых последствий для существования Восточной империи появление рядом с ней Аварского каганата не повлекло; войны между аварами и греками начинались только тогда, когда Византия переставала выплачивать условленную дань. Со всеми принятыми на себя обязательствами авары справились блестяще, обезопасив Византию не только от набегов болгар и славян, но избавив ее и от угрозы с запада. «В 565 г. они уже громили Тюрингию и удачно воевали с франкским королем Сигибертом». Размолвки с греками случались и в тех случаях, когда речь шла о приобретении новых территорий. «В 567 г. авары в союзе с лангобардами уничтожили гепидов, которым оказывала помощь Византия, и овладели долиной Тиссы» (Гумилев, 1993, с. 38).

(Волгу авары перешли в 558 г. Не слишком ли велика скорость, с которой достигались эти успехи? Но все объясняется просто: перенеся начало истории тюрков на Дальний Восток, ученые никак иначе не могли согласовать события в Европе, в которые были вовлечены тюркские народы, с историей самой Европы).

Теплый прием, оказанный враждебно относившейся к евреям Византией восставшим кавказским аварам, иудейскому правительству Тюркского каганата понравиться не мог. Оно, вероятно, полагало, что укрепившись на Дунае, авары могут обратить оружие и против своих бывших владык. Кроме того, восстание и уход воинственного народа,

вероятно, сильно ослабили каганат. Во-первых, его граница на Северном Кавказе осталась сильно оголенной; во-вторых, авары оголили и западную границу, разгромив сабиров и утургуров; в-третьих, на Дунае появилось новое независимое государство, созданное бывшими подданными тюркской империи; фактически это было начало ее распада. В 576 г. византийцы направили к тюркютам посла Валентина, которого принял Турксанф, «один из восьми удельных князей (в это время тюркютская держава состояла из восьми уделов, подчиненных великому хану). Недовольный тем, что византийцы заключили мир с аварами, Турксанф, упрекая посла, говорил ему: «Зачем вы, римляне, отправляющихся в Византию посланников моих ведете через Кавказ, уверяя меня, что нет другой дороги, по которой бы им ехать? Вы для того это делаете, чтоб я по трудности этой дороги отказался от нападения на римские области. Однако мне в точности известно, где река Данапр, куда впадает Истр, где течет Эвр и какими путями мои рабы вархониты прошли в Римскую империю» (Гумилев, 1993, с. 49).

Разглядывая ранние европейские карты, можно убедиться в том, что их авторы весьма смутно представляли себе, что и где находится. Почему же тюркюты, едва появившись за Волгой (в нач. 70-х гг. VI в.) сразу же и все поняли распрекрасно? Могло ли так быть? Нет, речь Турксанфа – это речь человека, который живет и жил в Европе, а не пришел 5 лет назад с Алтая.

Вся реконструкция событий, происходивших в Великом Тюркском каганате, представленная выше, разумеется, имеет мало общего с тем, что говорит академическая наука. Считается, что авары (*вар* и *хуни*), преследуемые тюркютами, переправились через Волгу, и, особо не задерживаясь на Кавказе, тут же отправились на Дунай, по дороге громя подвернувшиеся под горячую руку племена. Потом последовало создание Хазарского каганата, отпочковавшегося от Тюркского (на Алтае), и иудейский переворот, после которого вспыхивает восстание народа кабаров (каваров). Этой же точки зрения придерживались и цитируемые здесь авторы.

В. В. Кожин пишет: «Но после того, как это ясно обнаружилось (захват власти иудеями. – М. Дж.), в каганате началось решительное и достаточно резкое сопротивление новому порядку, приведшее к жестокой гражданской войне». Об этом писал Константин Порфирородный. Восставшие получили название «кабаров» (повстанцев). Но победили правительственные войска. Уцелевшие кабары бежали на запад, к венграм, которые, «по всей вероятности, обитали тогда в причерноморской степи, в районе нижнего течения Днепра (потом – уже в самом конце IX в. – под давлением пришедших с Востока печенегов они перешли на территорию современной Венгрии)».

При анализе канонической версии истории неохронологами выявлено огромное количество повторов, когда одно и то же событие, описанное разными авторами, принимается за события, происходившие в разных местах и в разные времена. Здесь именно такой случай. Во-первых, почти тождественны этнонимы – *авар* и *кабар* (*кавар*; редукция начального согласного в тюрк. яз. не является редкостью); во-вторых, и авары, и кавары имеют союзниками венгров; в-третьих, и аваров, и каваров преследуют и разбивают печенеги; в-четвертых, и авары, и кавары уходят в Паннонию; в-пятых, разгром аваров (каваров) показывает, что самой грозной силой в регионе являлись в то время печенеги (поэтому Константин Багрянородный в своей книге «Об управлении империей» настоятельно, причем несколько раз, советует своему сыну держаться союза с ними); в-шестых, слово *къабар* означает не «повстанец», а «кусать, откусывать»; если же имеется в виду слово *къобар*, то и оно означает «подниматься; выворачивать (напр. камень из земли), отрывать, сдирать». И, конечно же, ни о каком приходе печенегов с Востока говорить незачем. Как и о приходе других «кочевников». Кроме того, вполне вероятно, что с аварами на запад, не поладив с новой властью, ушли и хорезмийцы,

приверженцы зороастризма. Возвращаться в Хорезм им было не с руки – там уже господствовали мусульмане. Именно поэтому они появились в Венгрии, а их место в Хазарии позже заняли наемники-хорезмийцы, которые уже исповедовали ислам.

ХАЗАРИЯ И РУСЬ

По мнению В. В. Кожина, повстанцы-кабары, «по-видимому, ушли из каганата не только в низовья Днепра, к венграм, но и в более северные земли – то есть на Русь». «И это имеет свое весьма существенное значение для истории Руси. В последнее время появился ряд работ, где исследуется «присутствие» хорезмийцев» в Киеве IX-X вв.». «Уместно здесь, забегаая вперед, сказать хотя бы совсем коротко об очень существенном значении «иранского компонента» в истории Руси (культура Ирана была воспринята русскими главным образом через посредство Хорезма и, конечно, Хазарского каганата). Так, из шести главных богов языческого пантеона Руси (они названы в летописи в следующем порядке: Перун, Хорс, Дажьбог, Стрибог, Симаргл, Мокошь) по меньшей мере два – Хорс и Симаргл – заведомо иранского «происхождения», притом Хорс, бог Солнца, был центральным объектом поклонения в домусульманском (то есть до середины VIII в.) Хорезме». (Имя этого божества, сопоставляя его с осет. *хуарз* «хороший», В. И. Абаев приводит как свидетельство контактов «алан-иранцев» с древними славянами).

В. В. Кожин пишет, со ссылкой на работу Л. А. Лелекова: «...Русь сумела «перетянуть на свою сторону ряд «составных частей» каганата, - например, многих хорезмийцев, внесших свой вклад в ее государственность и культуру. Так, договор Игоря с Византией в 944 году подписали, среди других знатных лиц, люди, носившие имена Сфаньдр, Фрастен, Фрутан, и, как утверждает специалист, это «явная передача иранских (то есть хорезмийских. – В. К.) имен Исфендиар, Ростем, Феридун».

Е. С. Галкина причисляет к иранским ряд и других имен, упоминаемых в этом договоре: Алвад, Мутур, Стир, Истр, Гунастр, Алдан, Туробид. Более того, исследовательница убедительно показывает, что названия днепровских порогов, перечисленные в сочинении Константина Багрянородного «Об управлении империей», имеют объяснение на основе иранского (Галкина, с. 370). Известно, что средневековые евреи часто именовались по месту проживания – *Барзилая* «барселонец», *Тудела* «толедец», отсюда и *Алани* – «аланец, аланский» и т. п. Несомненно их пребывание с давних пор и в Киеве на Днепре, в качестве купцов и ремесленников, занимавшихся торговлей с Крымом. Путь по Днепру являлся самым легким путем в Черное море, поэтому названия многих его порогов (приводимые Константином) объясняются на ирано-еврейском (или на хорезмийском). Судя по всему, ираноязычное население на Днепре, как и в Крыму, да и вообще на юге нынешней России было достаточно многочисленным и влиятельным.

Сошлемся на статью Я. А. Бромберга (1931 г.), который уже тогда и совершенно правильно подчеркивал, что расселение евреев (большая часть которых была ираноязычной) на юге России происходило с давних времен, и опиралось «как на исходный пункт на Крымский полуостров», этот «извечный плавильный котел народов». «Кипучая торговая деятельность еврейских общин Каффы и Херсонеса, от которых остался немой, но красноречивый памятник – некрополь Чуфут-Кале, - не раз соприкасалась на побережье «Русского моря» (Черного. – М. Дж.) с военно-стяжательской предприимчивостью варяго-славянских вольниц и с широким хозяйственным оборотом приднепровских князей. Что еврейская «черта оседлости» заходила довольно далеко на север уже при первых христианских князьях-рюриковичах, об этом свидетельствует весьма вероятное еврейское происхождение Никиты Затворника и новгородского

епископа Луки Жидяты, первого русского писателя и проповедника» (Основы евразийства, М., 2002, с. 434).

Я. А. Бромберг приводит и ряд других фактов, свидетельствующих о сильном влиянии еврейского населения на многие процессы, протекавшие на юге России в те времена, что говорит о многочисленности этого населения. На наш взгляд, именно недооценка той роли, которую сыграли в событиях на юге нынешней России, на Украине и на Балканах ираноязычные хорезмийцы, персы, согдийцы и евреи и не позволяла успешно решить многие вопросы истории народов Восточной Европы и Северного Кавказа. Иранская ономастика из Причерноморья, как и иранские топонимы и гидронимы юга России, оставлены не скифо-сармато-аланами, а выходцами из Согда, Хорезма, Ирана, Византии.

НОВЫЙ КАГАНАТ

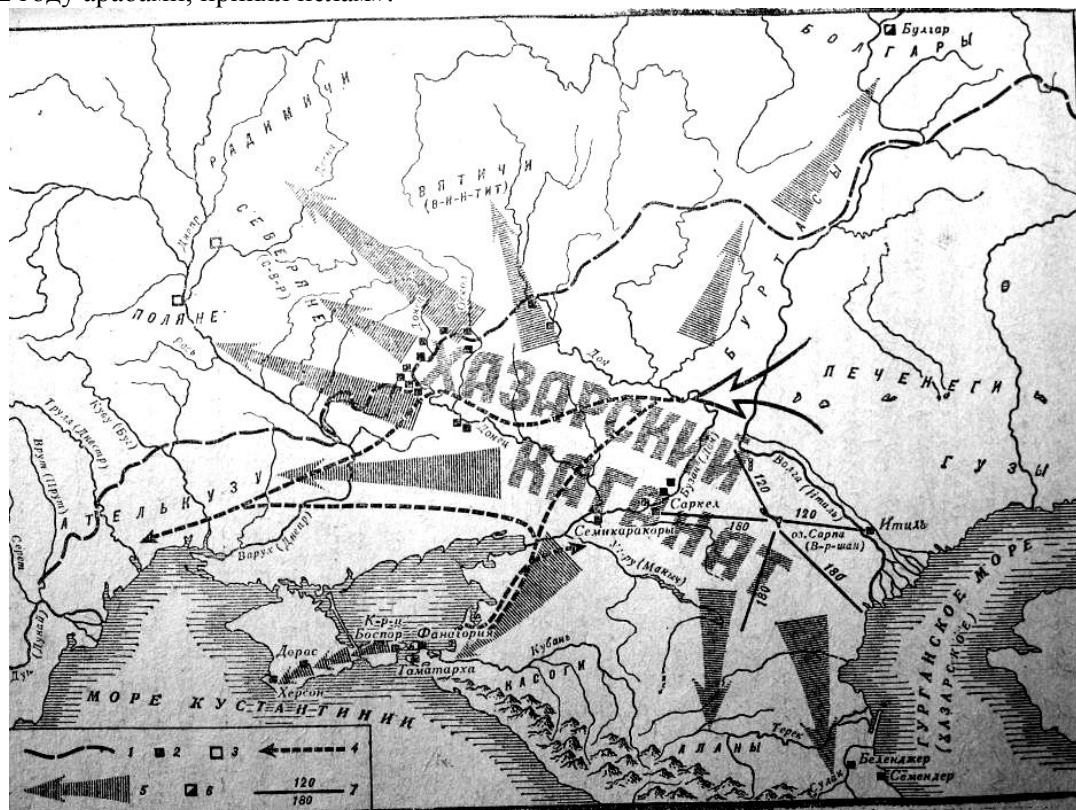
У хорезмийцев, которые поддержали восставших аваров, на то, вероятно, имелись причины. Они были важной частью системы, сложившейся в Тюркском каганате, составляли немалую часть войска, извлекали прибыль из торговли, возможно, пользовались какими-то привилегиями, т. е. считали это государство своим. Но приход к власти более многочисленных иудеев из Европы, чья верхушка сосредоточила ее в своих руках и ни с кем, вероятно, ни властью, ни доходами делиться не собиралась, лишил хорезмийских купцов уверенности в завтрашнем дне, а воинов превращал в простых наемников. Поражение аваров вынудило их уйти вместе с ними на Дунай.

«С. П. Толстов в своих, уже цитированных, работах, - пишет В. В. Кожин, - доказывает, что среди этих «беглецов» были и потомки *хорезмийцев*, которые сто лет назад эмигрировали вместе с евреями в каганат, однако после его полной иудаизации оказались в остром конфликте с новыми властителями и ушли на запад, к также ушедшим из каганата венграм». «С. П. Толстов исходил, в частности, из сообщения византийского хрониста XII в. Иоанна Киннама о том, что среди венгров даже и в это позднейшее время пребывала некая общность людей «одного вероисповедания с персами», что и присуще было хорезмийцам (до их обращения в течение VIII в. в мусульманство) – и как иранскому народу, и как восприимчикам культуры Ирана».

Чуть позже произошел исход и другого народа, о чем, на наш взгляд, говорит Феофан Исповедник (ок. 760-818). В «древней Великой Болгарии», простиравшейся от Меотийского озера (Азовского моря) до реки Куфис (Кубани), правил Кроват (Кубрат), имевший пятерых сыновей; этот властитель завещал им жить вместе. Но после его смерти сыновья удалились друг от друга. И, далее: «Первый же сын (Кровата), по имени Батбаян, храня завет отца своего, оставался на земле предков доныне. А второй его брат, по имени Котраг, перейдя реку Танаис, поселился напротив первого брата. Четвертый же и пятый, переправившись через реку Истр, называемую также Дунай, один – оставался в подчинении, вместе со своим войском, у хагана аваров в Паннонии Аварской, а другой, достигнув Пентаполя, что у Равенны, попал под власть империи христиан. Наконец, третий из них, по имени Аспарух, переправившись через Днепр и Днестр и дойдя до Огла – реки севернее Дуная, поселился между первым и последним». «Так вот, после того, как они разделились таким образом на пять частей и стали малочисленны, из глубин Берзилии, первой Сарматии, вышел великий народ хазар и стал господствовать на всей земле по ту сторону вплоть до Понтийского моря. (Этот народ), сделав данником первого брата, Батбаяна, властителя первой Булгарии, получает с него дань и поныне» (Чичуров, с. 61).

«Но уход хорезмийцев, - пишет В. В. Кожин, - которые, в частности, являлись первоклассными по тем временам воинами и, до утверждения окончательного господства

иудаизма, верными гражданами, был слишком большой потерей для каганата. И через какое-то время новая власть, опираясь, конечно, на давние связи с Хорезмом, сумела привлечь оттуда в каганат целое воинство, ставшее основой ее безопасности. Это была *наемная* гвардия, состоявшая, согласно разновременным источникам, из 7-12 тысяч отборных кавалеристов, которые жили в Итиле вместе с семьями. Важно знать, что это были уже иные хорезмийцы – *мусульмане*, ибо к середине VIII в. Хорезм, завоеванный в 712 году арабами, принял ислам».

Хазария в VIII-IX вв. (Из книги С. А. Плетневой «Хазары», М., 1986).

Эта гвардия обеспечивала безопасность самой столицы Хазарии – Итиля – от внешних врагов (она же подавляла восстания хазарского населения). «Военные операции против Руси осуществляло, очевидно, то алано-болгарское воинство, которое располагалось в подробно охарактеризованном выше огромном военно-хозяйственном лагере в междуречье Дона, Северского Донца и Днепра, т. е. на пограничье каганата и Руси. Узловыми точками этих военных поселений были описанные выше мощные крепости (их открыто к настоящему времени более десятка)». «Хазарский каганат был – особенно для своего времени – громадным и мощным государством, несмотря на присущие ему острые внутренние противоречия и нестроения».

В. В. Кожин считал, что историю Хазарии необходимо разграничивать на два совершенно различных периода – до переворота и после. Это мнение представляется верным, с одной, но очень существенной поправкой. До переворота существовал Великий Тюркский каганат, центр которого находился, м. б., на Дону. После переворота отдельные части общей империи тюрков превратились в независимые государства – держава Сельджукидов, Западно-Тюркский каганат, Восточно-Тюркский каганат, Хорезм, Волжская Булгария; Аварский каганат был независим с самого начала. Тогда же началась

история центральной (восточноевропейской) части империи - Хазарского каганата. Мы не знаем, когда и почему распалось и погибло это государство. Принято считать, что оно, ослабленное войнами с арабами, пало под ударами гузов и дружин Святослава Игоревича, но существующие сведения по этому вопросу весьма туманны и не дают возможности прийти к определенному заключению. После крушения Хазарии ушла на Балканы и хорезмийская гвардия, состоявшая из мусульман (об их присутствии в Венгрии сообщает Абу Хамид Ал-Гарнати), но причины этого ухода неясны. Там же находились хорезмийцы-зороастрийцы, пришедшие на Дунай раньше.

АВАРЫ И ОСМАНЫ

Приход аваров (кабаров) на Дунай усилил государство гуннов в Паннонии; обновленный каганат, отделившийся от Хазарии, стал известен под именем Аварского: народ изначально состоял из двух частей, как видно по одному из его именовании – *гунневары* (*вархони*, *вархониты*), т. е. «гунно-авары». При Карле Великом, вступив в союз с южными славянами и болгарам, после 20 лет кровопролитных войн франки уничтожили это сильное государство. Теперь у Византии заслона не было, авары стали вассалами франков и в 800 г. Карл Великий короновался императором Священной Римской империи. Это являлось открытым вызовом Византии, правители которой считали, что право титуловаться императорами имеют только они.

Но Восточная империя переживала не лучшие времена - при Ирине, вдове императора Льва Хазара, византийские войска терпели поражения от болгар и арабов. Католики пошли на хитрость, и Карл предложил императрице свою руку; то был шанс объединить обе державы – но под эгидой Ватикана. Чем закончилось бы дело, неясно, поскольку во время переговоров Ирина была низложена. Происходило все это, конечно, не в IX веке, а позже, накануне крестовых походов (которые якобы начались 300 лет спустя после смерти Карла Великого и продолжались в течении двух веков (!), как утверждает официальная история). Поздняя Византия оказалась между молотом и наковальней – с юго-востока наступали турки-сельджуки, на севере и северо-западе ему угрожали германцы, славяне, Рим.

Но куда и как исчезли создатели мощного каганата в Паннонии? Где их потомки? Академисты пишут, что гунны после смерти Атилы рассеялись, может быть, вернулись в Причерноморье; о судьбе авар они ничего не говорят, отделяясь классической цитатой из летописи: «Погибоша, аки обры». И другой вопрос. Согласно науке, после распада Сельджукской державы на ее территории образовалось несколько тюркских княжеств, одним из которых правил некий Осман. От него якобы и пошла династия, которая и создала огромную мировую империю – Османскую (Оттоманскую), а самих турков, опять же по имени этого князя, стали называть османами. Куда, притом сразу же, подевались сельджуки и их государственные традиции, неизвестно. Вероятно, подразумевается, что они срочно поменяли свое самоназвание – но зачем? И, третье. Считается, что турки (назвавшись османами), имея сильный флот и лучшую в мире артиллерию, сначала переправились из Малой Азии в Европу, долго воевали там с крестоносцами, сербами, австрийцами, венграми, неся потери, и лишь потом осадили Царьград. Не легче ли было им приступить к этому делу сразу, не теряя ни воинов, ни времени? И таких вопросов немало.

Не зная историю Турции детально, я рискую попасть впросак, но все же выскажу одно соображение. Тюркское население Балкан после падения Гунно-Аварского каганата, конечно, никуда не исчезло (кстати говоря, топоним *Балкан* – тюркизм). В какой-то период времени, может быть, еще до своего поражения, гунно-авары, в результате

пропаганды хорезмийцев (и в пику своим врагам-франкам) приняли ислам, и вновь создали мощную армию, скорее всего, благодаря приходу торков и печенегов. Позже все они сложились в северо-западную часть турецкого этноса - турков-османов; именно поэтому Константинополь был взят штурмом с европейской стороны, уже после падения Адрианополя (1361 г.), разгрома сербов в битве на Косовом поле (1389 г.), захвата столицы Дунайской Болгарии, города Тырнова (1393 г.) и победы над крестоносцами при Никополе на Дунае (1396 г.). Османская империя – прямая наследница и Гунно-Аварского каганата, и державы Сельджукидов.

Во многих тюрк. яз. *асман* означает «небо, небесный» (считается иранизмом). В кар.-балк. яз. оно стало архаизмом, но в мифологических текстах встречается в теониме *Асман Тейри* «небесный бог». Если мы примем во внимание эти факты, то поймем, почему создателей сильного государства в Центральной Азии (Восточно-Тюркского каганата) называли *кёк тюрк* «небесные тюрки»; это именование означает то же самое, что и *асман тюрк*. Часть этого могучего народа ушла через Волгу на восток (туда же, но через Среднюю Азию, продвинулась часть сельджуков), другая часть (вероятно, называемые *торки*) – на запад. Язык орхоно-енисейских надписей, оставленных кёк-тюрками, обнаруживает разительную близость именно с турецким языком. На Балканах могла остаться и часть мангытов (*мангатов*), *готманов*. Может быть, поэтому Турецкую империю именовали еще и Оттоманской, Отманской? Другая часть турков, живущая на востоке Малой Азии – потомки сельджуков, аланов и туркмен.

ЧИНГИСХАН

Ныне многие исследователи, приводя огромное количество аргументов, отвергают факт завоевания чуть ли не половины мира народом, находившимся на стадии родового строя, и вдруг, по мановению руки одного из вождей – Темучина-Чингисхана – превратившегося в создателя величайшей мировой империи, а затем также внезапно возвратившегося к прежнему состоянию и растерявшего не только все завоеванные земли, но и все достижения имперской культуры, и все награбленные богатства. Не откажу себе в удовольствии привести еще несколько цитат из книги А. А. Бушкова, автора, мыслящего трезво и здраво и нисколько не доверяющего глупостям, которые изрекает «академическая наука». В его книге, наверное, есть ошибочные утверждения, есть и поза, но нет того, что переполняет труды академистов-мифотворцев – романтических бредней и произвола в обращении со сведениями первоисточников.

А. А. Бушков исходит из того, что Чингисхан являлся реальной личностью; отвергает он и мнение акад. А. Т. Фоменко, полагающего, что это «псевдоним» одного из русских князей и что Великая Монгольская империя – это Русское (или Русско-Османское) государство. «Так что будем исходить из того, что Чингисхан был. Был именно что Чингисханом... А вот *монголом* он, безусловно, не был. Речь, конечно же, идет о *тюрке*. Настоящие, а не сказочные монголы к XIII в. имели еще меньше возможностей (чем русские. – М. Дж.) к тому, чтобы создать ту великую империю, которую им склонны приписывать. Потому что, глядя правде в глаза, представляли собой не более чем рыхлое скопище *племен* (степных кочевников и лесных охотников). Легко сочинять красивые сказки про то, как эти *классические* кочевники-скотоводы однажды, неведомо с какого перепугу, решили завоевать и ограбить весь окружающий мир до «последнего моря». Отыскивали «среди здесь» подходящего мужичка, провозгласили его главным предводителем и за считанные годы захватили полмира...».

«Чтобы совершить более-менее масштабные завоевания, нужна не просто «большая орда», а хорошо организованная армия с соответствующим вооружением. Поскольку у

монголов не было ровным счетом никаких традиций *государственности*, они оказались бы решительно неспособны в кратчайшие сроки эту армию создать. А убогие *экономические* возможности ни за что не позволили бы эту армию вооружить должным образом, ведь у средневековых монголов не замечено искусства обработки металлов». (Даже сейчас, при 3 млн. населения, вся армия Монголии насчитывает 15 000 солдат).

«Разбой и грабеж – идея, в общем, заманчивая. Но трудно представить себе разбросанные на огромной территории племена, которые внезапно, в едином порыве, воодушевились бы этой идеей и возопили, как один человек: айда, ребята, горожан потрошить! Реальные кочевые племена, например, современные пуштуны, ведут более скромный образ жизни. О каких-то единичных разбойничьих набегах кочевников, осуществленных небольшими силами какого-то конкретного рода, племени, колена, еще имеет смысл говорить, примеров в истории достаточно – но, повторяю, большую организованную армию может создать лишь предводитель, имеющий традиции государственности и обладающий неким *аппаратом*, способным воздействовать на население определенной территории».

«Одним словом, мы вплотную подошли к простому, чуть ли не примитивному вопросу: а *кто* у нас к XIII в. в Азии обладал опытом государственного строительства, создания профессиональной армии, управленческого аппарата, организации больших масс людей на военные или «народнохозяйственные» проекты? Ответ и искать не нужно, он лежит на поверхности. Конечно же, *тюрки*. Имевшие за плечами многовековой опыт каганатов, опыт государственности. Богатейший опыт! Насколько с точки зрения реальной экономики, военной истории, техники и политики самым что ни есть сомнительнейшим кандидатом на роль объединителей Великой степи предстают монголы, настолько же подходящим – тюрки. Не имеющие, напоминая, никакого отношения к монголоидной расе». «А меж тем древние источники рисуют Чингисхана высоким, длиннорым, с «рысьими» зелено-желтыми глазами! *Современник* Чингиса, персидский историк Рашид Ад-Дин писал, что в роду Чингисхана дети «рождались большей частью с серыми глазами и белокурые».

«Перед нами, таким образом, никакой не монгол, а обычный тюрк. Знатный представитель старинного рода, не гонявшего скот по степям, а имевшего тот самый многовековой опыт государственного строительства. Наследник *эль*, бывших каганатов. У такого человека, естественно, есть откуда взяться опыту создания армии, государства, писаных законов. И экономические возможности имеются – во всех каганатах были свои «промышленные центры». «Можно ли сказать о русских казаках, завоевывавших Сибирь, что они были кочевниками? Никоим образом. За спиной у них, вдалеке, имелась *держава*, которая их отправляла в походы. Точно так же обстояло и с Чингисханом» (Бушков, 2007, с. 158-161).

В самом деле, откуда у небольшого по численности народа, мирно жившего в Центральной Азии, взялись бы столь могучие армии и компетентные полководцы? Думать, что любой скотовод волевым решением хана превращается в профессионального воина, обладающего боевой выучкой, признающего строй и дисциплину, значит не понимать самой сути военного дела. Кроме того, привольно живущим мирным пастухам незачем было мчаться за тридевять земель от родины, даже не зная куда и почему, лишь потому, что это взбрело в голову какому-то взбалмошному хану. Причем покинув на произвол судьбы семьи и родителей, свое хозяйство, чтобы сложить голову в неведомых краях. Трудно поверить и в то, что всему причиной был поиск пастбищ; какими, например, пастбищами в Восточной Европе или на Ближнем Востоке разжились эти завоеватели-монголы и куда они потом делись? Никаких карт у монголов не было, но «мировая наука» утверждает, что они все равно зачем-то дошли до Тихого океана,

Средиземного моря и Адриатики. Да и контролировать все эти земли, не проживая на них, было невозможно.

Конечно, в рамках этой книги я не могу подробно останавливаться на этой теме, к тому же для многих читателей, которым долго и усердно вбивали в голову миф о всемирной «Монгольской империи», сказанное слишком неожиданно и непривычно; кто-то, наверное, уже думает: «Вот они, фольк-история с паранаукой во всей красе!». Допустим поэтому, что все так и было: пришли на Кавказ монголы, разбили алан и кипчаков, затем русских, болгар и кипчаков, потом ушли, затем снова вернулись и создали Золотую Орду. Но ведь вся официальная наука считает, что у Бату-хана, сына Джучи, было всего 4 тысячи монгольских воинов, да и те скоро растворились среди тюрок Подонья, Кавказа и Поволжья. Никаких документов на монгольском языке от этого государства не осталось.

Историки говорят, что монголы только возглавляли нашествия, а войска состояли из представителей других, покоренных народов, в основном из тюрок. Но если завоевателей было так мало, почему эти народы им подчинялись, да еще и сражались за них? И почему в русских летописях речь все время идет о татарах, но никаких монголов там нет? Этноним «монгол», возможно, происходит от названия древнего тюркского государства – *Менгу эль* «Вечный эль» (*эль, иль* – «государство, страна»); ср. сходное *мангот, мангыт* (в «античных» источниках – *маиты, майоты, меоты*), предки ногайцев.

«В Золотой Орде, кстати, никаких монголов нет. Нет, хоть ты тресни. Куда ни глянь – повсюду тюрки, тюрки и еще раз тюрки. И уже совершенно не убеждают ритуальные утверждения множества историков – были монголы, были, непременно были, только они, вот незадача, в кратчайшие сроки «растворились» среди тюрок... Вздор. Если монголы смогли буквально в течение пары десятков лет без следа «раствориться» в тюркском море, значит, они и с самого начала не играли в событиях особой роли – вполне возможно, что огромное войско Чингисхана мимоходом подхватило в свои ряды и какое-то небольшое монгольское племя – но не более того...» (Бушков, 2007, с. 267). «Термин «татаро-монгольское иго», означающий власть Великой Орды над Россией, в русских летописях не встречается. Наши предки об иге не догадывались». «У В. Н. Татищева в «Истории Российской с самых древних времен» нет никакого упоминания об иге. Термин же «татаро-монгольское иго» впервые употребил в 1817 году Христофор Крузе, чья книга была переведена и на русский язык». «Русские летописи не знают термина «монголы», но «татаровя» (Бычков, 2005, с. 148).

Проверить в реальность завоевания средневековыми монголами огромных пространств и создания великой империи можно было бы в том случае, если бы на этих землях ныне проживали потомки завоевателей. Не было монгольских нашествий, а потому не было ни расселения монголов, ни их всемирной империи. И, другое. У разных народов Европы и Азии есть сказания и легенды о сражениях с татарами, печенегами, ногайцами, половцами, калмыками, с войсками Тамерлана. О борьбе с монголами, т. е. с самыми мощными завоевателями – нет; если вам таковые известны, буду крайне благодарен за информацию. Совершить подобное завоевание-расселение мог только очень большой народ, имевший традиции государственности, профессиональную армию, людские и материальные ресурсы, идеологию и многое другое. «Монгольские» завоевания – это отраженная в кривом зеркале насквозь политизированной и лживой «академической науки» история завоеваний тюрок, которые так и продолжают населять территорию от Якутии до Босфора и от Камы до Евфрата, в виде больших или меньших массивов. О том, как произошло такое грандиозное расселение, и благодаря чему, если пратюрки, по решению «мировой науки», в начале своей истории теснились где-то на границе с Китаем, будучи небольшим племенем, наука предпочитает не говорить.

Считается, что Чингисхан похоронен в Монголии, и что туда же грозные завоеватели свозили всю добычу, захваченную в завоеванных странах. Но в Монголии больших кладов почему-то нигде не обнаружено. Могила Чингисхана усердно ищут японские и американские археологи, а вот их российские коллеги этим поиском не занимаются. В чем же дело? Напомним о сказочных богатствах уральских заводчиков Демидовых и Строгановых, которым их артели копателей («бугровщиков») сдавали найденное в курганах Урала золото, серебро и произведения искусства из драгоценных металлов и самоцветов не фунтами, а пудами (львиная доля этих сокровищ, вероятно, отправлялась в Петербург). На Южном Урале, скорее всего, и находилась столица великой империи (или была туда перенесена с запада), и там же, вероятно, и был похоронен Чингисхан (чьи останки, возможно, покоятся где-нибудь в спецхране).

Причины, следствия и ход событий, происходивших в ту эпоху, на наш взгляд, были совершенно иными. После гибели Хазарского каганата, в Великой степи, к тому времени уже полностью освоенной тюрками, наступил неопределенно долгий период существования отдельных княжеств. Гибель Хазарии оказалась на руку, например, русским князьям, которые превратились в самостоятельных государей. Но это привело к борьбе за власть и страшным междоусобицам, в которых активно участвовали не только русские дружины, но и наемные тюркские воины, целые племена, сделавшие войну своей профессией - берендеи, ковуи, черные клобуки, черкесы, касоги. Распри затянулись надолго и конца смуте не было видно (об этом периоде русской истории и говорится, на наш взгляд, в бессмертной поэме «Слово о полку Игореве»). Скорее всего, то же самое происходило и в тюркских ханствах.

Но государственные традиции трех каганатов (Великого Тюркского, Восточно-Тюркского и Хазарского) не могли быть забыты; была и аристократия, помнившая эти традиции, вероятно, и хранившая какие-то старинные хроники и летописи. В этих условиях и стало возможно появление той силы, которая желала возрождения великого государства, как и появление такого лидера, законодателя и полководца, как Чингисхан. Опорой движения, поставившего себе целью возрождение Великого Тюркского каганата (а не Хазарии), стали, вероятно, предки башкир, казахов и ногайцев, как и другие племена, жившие в Заволжье и на Южном Урале. Были вновь подчинены территории Средней Азии и Казахстана, а Бату-хан завоевал Кавказ, Крым и русские княжества, положив конец смутам. Скорее всего, тогда же начинается распространение в Золотой Орде православия. Позже тюрко-греко-русское войско расправилось с русскими сторонниками католичества (Рязань, Киев, Чернигов и др.), а затем помогло византийцам отвоевать у крестоносцев захваченный ими Константинополь и сокрушить Латинскую империю, созданную католиками на территории Греции.

Возрожденная Чингисханом империя просуществовала недолго, распавшись на несколько крупных государств; память о ней и ее создателе сохранялась не только в преданиях, но и в хрониках. Некоторые летописи попали и в Монголию; переведенные на монгольский язык, они оказались востребованными позже, в качестве идеологической опоры, когда началась борьба монголов против маньчжурско-китайской экспансии. История Чингисхана и деяния тюрков в этих условиях стали восприниматься как история и деяния предков монголов, как то, что происходило в самой Монголии. Тогда же одним из буддийских монахов было создано так называемое «Сокровенное сказание», представляющее собой собрание бытовых рассказов о малозначительных событиях; в этом плане оно не выдерживает никакого сравнения даже с «Огуз-намэ» (фольклорным произведением, повествующим о масштабных завоеваниях и походах тюрков), зато весьма пригодились ученым при построении канонической версии истории.

Ко временам Чингисхана относится начало такого явления, как казачество. Казаки на Дону и на Украине были потомками тех самых берендеев, ковуев, черных клобуков, черкесов, которые некогда несли военную службу в русских княжествах, как и остатков других тюркских народов – хазар и аланов. С воссозданием империи при Чингисхане и его преемниках, и концом смутного времени в Восточной Европе, эти профессиональные воины остались без «работодателей». Большая часть их ушла в Малую Азию и Египет, где и составила ядро знаменитого войска мамелюков, которое на два столетия захватило власть в государстве на Ниле. Оставшиеся на родине черкесы, объединившись с кабарями, захватили власть над адыгскими племенами, превратившись в их знать (см. об этом: Керменчиев, Големба). Другая часть вольных степных тюрков, оставшаяся в степях Восточной Европы, положила начало русскому казачеству. Происходит этноним *казак* от тюрк. *кѡзау*, *кѡжау*, более древняя форма – *кѡзакъ* «противостоящий (кому-либо)», «воин». Отсюда, с присоединением аффикса *-ат*, общеизвестное *газават*, *кѡзауат* – от *кѡзагъат* – «война, битва», букв. «противостояние, противоборство» (в араб. – *джихад*). В кар.-балк. языке слово *кѡзакъ* имеет три значения. Первое, «воин», сохранилось в качестве личного имени. Второе – «домашний бесправный раб, слуга», обычно из военнопленных (кого же еще обращать в рабов, как не пленных воинов?). Ср. русск. *казачок* «мальчик-слуга». Третье – в словосочетании *кѡзакъ бѣрю* «матерый волк, волк-одиночка». *Кѡзакъ эль* – «вольное селение» (без князя).

То, что этноним означал именно «воин», доказывается еще и тем, что казаков называли еще и «черкасами, черукасами, черкесами» (отсюда и старое именование украинцев – *черкас*; употреблялось даже в официальных документах вплоть до XIX в.). Черкесы – одно из подразделений современных казахов. Слово происходит от *чери*, *чериу*, *черик* – «дружина, войско», и *кас*, *кес* – «человек»: «военный человек, дружинник, воин». Оно идентично названию другого тюрк. народа, очень близкого к казахам – *киргиз*, *киркес*, *керкес*, *черкес*; ср. название казахов в дореволюционной литературе – *киргиз-кайсаки* (откуда и *сак* – название азиатских скифов-тюрков, и самоназвание якутов – *сах*). Заметим, что и название посредствующего звена между служилыми тюрками и казаками – бродники – возможно, есть перевод несколько искаженного этнонима «алан» – *айлан*, что как раз и означает «ходить, бродить».

БАРСИЛ КАРАЧАЙ

Вопреки ученым, осторожно-«научно» именующих алан нашими предками, автор этой книги неосторожно и «не-научно» утверждает, что карачаево-балкарцы и есть сами аланы. Кто может внятно сказать, в чем разница между ними и карачаево-балкарцами, кроме того, что в их состав влились потом некоторые представители других народов (но не другой народ или племя)? Разве грузины XIV в. не были грузинами, арабы – арабами, китайцы – китайцами и т. д.? Алания – это совсем недавнее время, она была разрушена нашествием войск Тамерлана в 1395 г. (но, скорее всего, позже). Геноцид, вызванный неизвестно чем, когда воины эмира прочесали, до самых верховьев, ущелья Дигории, Балкарии и Карачая, привел к исчезновению общих этнонимов *ас*, *алан*, сменившись названиями племен, но оставшихся в речи, в значении «человек, соплеменник, соплеменница», и наименованием карачаево-балкарцев в устах соседей. Но что было потом?

Немецкий дворянин Иоганн Шильтбергер (побывал на Северном Кавказе в 1427 г.) описывает «гористую страну Джулад, населенную большим числом христиан, которые имеют там епископство». Д. С. Кидирнязов, составитель сборника, из которого мы приводим эту цитату, делает следующее примечание: «Джулад (Татартуп, Верхний

Джулад) – средневековый город на территории Северной Осетии-Алании. Существует еще Нижний Джулат». Что же сообщает Шильтбергер о тамошних христианах, которые, согласно мировой науке, просто обязаны были быть «ираноязычными аланами»? «Их священники принадлежат к ордену кармелитов, которые не знают латыни, но молятся и поют по-татарски, для того, чтобы их прихожане были более тверды в своей вере. Причем многие язычники принимают святое крещение, так как они понимают то, что читают и поют священники». Иоганн Шильтбергер прожил в тюркской среде 30 лет и перепутать никак не мог. Он же пишет далее, описывая «страны Татарии», в которых он побывал: «Затем страна Бештамак, весьма гористая, с главным городом Джулад» (НИРЗВА, с. 73).

Бештамак «пять устьев» - кар.-балк., тюркское название местности в Кабардино-Балкарии, между городами Майским и Прохладным, где сливаются несколько рек (недалеко от Джулата). Свидетельство Шильтбергера ясно показывает, что и после нашествия войск Тамерлана жизнь в Алании шла своим чередом – есть страна, есть ее столица, причем Шильтбергер говорит о ней в одном ряду с Хорезмом, Астраханью, Кипчаком и др. Но эта страна уже в начале XV в. почему-то называется по-карачаево-балкарски, и живут в ней христиане, которые молятся, поют молитвы и говорят «по-татарски» (но, по мнению некоторых осетиноведов, процесс тюркизации «алан-осетин» не закончился в Балкарии даже к концу XVIII в.).

Из «Путешествия в Тану» современника Шильтбергера венецианца Джозефа Барбаро (жил в Тане (Азов) с 1436 по 1462 г.): «Если находиться в середине Татарской равнины, то на восточной стороне ее будет река Эрдил, иначе называемая Волгою, на западной и северо-западной – Полония, на северной – Россия, а на южной, обращенной к главному морю, - Алания, Кумания, Хазария. Все эти места граничат с Забакским (Азовским. – М. Дж.) морем, представляющим собой не что иное, как Меотийское болото; следовательно, оно находится между вышеназванными странами. Название (Алания) произошло от народа алан, которые на их языке называются ас». «Отправившись вдоль побережья названного моря, я достиг через три дня области, называемой Кремух, князь которой носил имя Биберди, что означает Богоданный. Земли за Кремухом населены племенами, хотя и разрозненными, но живущими в близком соседстве, это киппики, татаковцы, собаи, кевертеи и ас, или аланы, о которых говорилось выше. Эти земли занимают пространство на протяжении 12 дней пути и доходят до Мингрелии» (ОГРИП, с. 23).

Хазария, согласно вердикту науки, исчезла в X в. Кумания – в XIII в., Алания – в XIV в. Но у Барбаро эти страны благополучно существуют в XV в. и нигде исчезать не собираются. И если речь в этом сообщении идет об «аланах-иранцах», за 40 лет до той поры истребленных или загнанных в горы полчищами Тамерлана, но которые в XV в. называют себя асами, то, спрашивается, когда же они успели «перенести» этот этноним на балкарцев, и почему?

Обратимся к единственной, чудом дошедшей до нашего времени карачаево-балкарской хронике, случайно обнаруженной Н. И. Хасановым (1934-1988) у одного из своих родственников, Хасанова С. М. Написанная арабской вязью книга состояла из 23 *сорукъат* (коротких глав); из них Н. И. Хасанов переписал кириллицей (в сентябре 1969 г.), к сожалению, только 10. Начата была хроника крымским хазарином Ботаем и продолжена его сыном Барлыу; последние три абзаца написаны неким Бантау Чаушюгюром, приближенным князя Карчи, сына Темирболата. Опубликовать хронику в те годы возможности не было; бдительные партийные идеологи расценили бы это как несомненное проявление «пантюркизма». Только в 1994 г., когда вышел в свет сборник произведений Н. И. Хасанова, этот текст стал доступен читателю. И, разумеется, большая часть научных работников, дабы выглядеть осторожными и вдумчивыми людьми, отнеслись к ней скептически, а некоторые даже стали утверждать, что это подделка, не

утруждая себя анализом и не приводя никаких аргументов, кроме одного, но совершенно неопровержимого: откуда могла появиться хроника у недавних кочевников?

Комментировать хронику и доказывать ее подлинность не входит в нашу задачу, поэтому приведем лишь несколько аргументов. Дело в том, что Н. И. Хасанов на роль фальсификатора не подходит. Во-первых, ему пришлось сочинить особый тюркский язык (хазарский), на котором написаны первые семь глав; во-вторых, если он был озабочен возвышением своего этноса, ему незачем было приплетать сюда крымских хазар; в-третьих, отчетливо видна разница в стиле: первые семь глав, написанные отцом и сыном (Ботаем и Барлыу), принадлежат людям, достаточно уверенно владеющим пером, но последние три главки пишет Бантау (приближенный князя Карчи), вероятно, воин, а не грамотей, а потому и стиль становится «телеграфным» и преобладают короткие, рубленые фразы; в-четвертых, язык Бантау - архаичный карачаево-балкарский, а не хазарский.

В-пятых, фальсификатор постарался бы писать то, что имеет хоть какое-то подтверждение в других источниках, например, в фольклоре, но этого нет: скажем, в народной песне говорится, что Джантугана (сына князя Карчи) на охоте задрала медведица, но в хронике написано, что он погиб от руки подосланного князем Боташем убийцы; в-шестых, изготовители фальшивок принимаются за свои труды, озабоченные возвеличением своего этноса, или какой-либо династии, или чтобы выгодно продать свою писанину, или прославиться в качестве открывателя. Но в хронике никакого возвеличения карачаево-балкарцев нет; много места уделено жестоким нравам феодальной среды (того же Боташа убивает его родной сын, узнав о том, что убийцу к его побратиму Джантугану подослал он). Карча описан, как выдающийся по своим личным качествам человек (таким он остался и в народной памяти), но в тексте, написанном в крайне лапидарном стиле, никаких славословий нет (о смерти Карчи, например, сказано в одном предложении); продать кому-либо свою рукопись Н. И. Хасанов (умерший в 1984 г.) не мог, как не имел возможности и опубликовать ее (если бы горел желанием прославиться); более того, нет ни одного прижизненного издания его книг. Тогда какой смысл он мог узреть в том, чтобы корпеть над изготовлением фальшивки? Сказанного вполне достаточно.

Основное место в половине из опубликованных глав отведено описанию биографии и деятельности князя Карчи, сына Темирбулата. Воинскому искусству он учился в Крыму, затем вернулся на родину. Воевал с отрядами Тамерлана, попал в плен, был угнан вместе с другими пленниками в Бухару и продан в рабство некоему кипчаку по имени Аттай. После его смерти Карча вместе с несколькими сородичами вступил в войско Тамерлана, но бежал и сражался против него в рядах восставших противников эмира. С двенадцатью воинами, после долгих странствий, он оказался в Малой Азии, откуда сумел переправиться в Крым, где женился на дочери Барлыу (зачинателя хроники) и вернулся на Баксан во главе отряда.

По прошествии времени Карча стал инициатором создания государственного образования - *Бирсил Карачай*, в которое вошло население разоренных Тамерланом районов прежней Алании, и стал его первым правителем - *элмендером*. В последней главке (13 строк) кратко сообщается о набеге абазин-кызылбеков на Карачай, гибели элмена Аттуркая и ответном походе на них элмена Науруза (Хасанов, с. 332-354). Заметим, что при транслитерации в название княжества, возможно, вкралась ошибка, и в оригинале читалось не *бирсил*, а *барсил* (название древнего алано-болгарского племени).

Трудно сказать, сколько времени просуществовало это княжество. На этот же период (если не обращать внимания на хронологию Скалигера), скорее всего, и приходится выселение на Северный Кавказ разгромленных Хосроем Ануширваном маздакитов (персов и евреев-каббалистов), одна часть которых, видимо, растворилась среди аборигенного тюркского населения Северного Кавказа, а другая стала обживать

нынешнюю Южную Осетию. Судя по всему, спустя какое-то время алано-киммерийцы окрепли настолько, что смогли отстоять свою независимость от Крымского ханства (конец XVI в.).

В первой половине XVII в. ситуация осложнилась новыми обстоятельствами – миграцией юго-западных соседей: «Переселению абазин на северокавказские предгорья предшествовал отход кабардинцев на восток от бассейна Кубани. Это могло случиться в результате давления абазин на кабардинцев» (Лавров, с. 126). Кабардинцы ушли из Причерноморья на Кубань, а оттуда в равнинные районы нынешней Чечни и к устью Терека, но потом, под давлением кумыков и чеченцев, отошли на восток, в нынешнюю Кабарду. Тогда же владыки Ирана начинают предпринимать меры по противодействию продвижению России на юг, заселяя горы своими подданными и укрепляя охрану перевалов. В этот период карачаево-балкаро-дигорцам вновь удалось создать свое государство, почти в пределах прежней Алании, пусть и на короткое время; было ли оно прямым преемником *Барсил Карачая*, или между ними был период безвластия, пока неясно.

ТАУИСТАН

Из книги турецкого путешественника Эвлия Челеби, посетившего Северный Кавказ во второй половине XVII в. (из Интернет; курсивом - наши комментарии).

От переводчика. Книги, написанные современниками, проходя через века, становятся свидетелями времени, своеобразными окнами в тот мир, который был, существовал очень давно. Такова «Книга путешествия» турецкого путешественника Эвлия Челеби. Он родился 25 марта 1611 г. в Стамбуле. Получил хорошее образование, был хафизом (т. е. знал Коран наизусть), изучал философию и право, искусно резал по камню, знал музыку, грамматику и греческий язык, писал стихи. Был, как мы сейчас говорим, разносторонне развитой личностью. Во сне пришло к нему понимание смысла собственной жизни - быть путешественником, объездить и описать много стран, создать книгу путешествий. Путешественник Эвлия Челеби дал в ней описания многих земель и народов Ближнего Востока, Кавказа, Крыма, Поволжья и Подонья, берегов Каспийского и Черного морей. Готовя данный материал, я пользовался в основном турецким изданием «Книги путешествий» (Evliya Celebi Seyahatnameleri. Istanbul.1996. s.445-448). Хотелось бы подчеркнуть, что в русском переводе сочинений турецкого путешественника некоторые детали и подробности описания путешествия, представляющие для нас особенный интерес, были, к сожалению, опущены.

«10 октября мы вступили в земли Черкесов. Быстрым темпом ехали на восток 4 часа».

Крымский Хан Мехмет Гирей и Эвлия Челеби проезжают через земли адыгов и ногайцев. Погостив также и у кабардинцев, они приезжают к племени Биберды (абазинам). **«Биберды живут в междуречье Кубани и Джинджика»** (иногда он называет эту реку *Инджик* – это река Зеленчук). **«На север от Бибердов живут Калмыкские татары. Почти до реки Терек простирается земля Бибердов. Биберды состоят из 4 господ, каждый из которых имеет по сто кабаков. Два из них подчинены кабардинскому господину, а два Султану Тауистана. («Тауистаном» Эвлия Челеби именует государство алано-киммерийцев - карачаевцев, балкарцев, дигорцев, тагаурцев, куртатинцев, туалыцев – оно граничит с Дагестаном. – М. Дж.).**

Один из этих господ по тому, как живет рядом с калмыками, подчиняется калмыкскому Шаху Мусенджаку. В начале года дает калмыкам одного быка и много разных подарков. Таким образом, сохраняет себя от калмыцкого нападения».

«Вышеупомянутые 4 господина имеют каждый по 2 тыс. вооруженных воинов, но так как они не являются мусульманами, на них иногда нападает Падишах Дагестана (вероятно, владетель Кумыкии, шамхал Тарковский). Берет у них пленных, а также разные припасы. Им сложно, потому что в их землях нет скалистых гор, где можно было бы укрыться. Все живут на равнинных, лесистых местах. Это племя тоже дало Хану подарки, а также помогло своей сопроводительной армией.

Дальше мы пошли на восток и проехали 8 часов пути. Дошли до местности Беш Таг (Пятигорск). Это местность находится недалеко от кабардинских земель. Оттуда мы ехали на восток 5 часов, и, проехав кабардинские земли, дошли до реки Золька. Эта река течет с горы Эльбрус и впадает в Терек. Отсюда за этой рекой начинаются земли Тауистана» (Таким образом, река Золка, протекающая на северо-западе нынешней Кабардино-Балкарии, была границей между Кабардой и Тауистаном).

«Тауистан удивительно большая область. Одна сторона на севере граничит с Московским государством. Другая сторона на востоке граничит со страной Дагестан. Третья сторона на юге у Эльбруса граничит со Сванетией». «Отец всех гор - гора Барс (Эльбрус). На арабском языке его называют Эбуль-Джибаль (в переводе «отец всех гор»). Однако по той причине, что вокруг этой горы проживал народ под названием Барс (т. е. аланы-барсилы. – М. Дж.), иранцы прозвали эту большую гору горой Барсов.

(Скорее всего, речь идет об упоминающейся в древних источниках стране алан – Барсили, от тюркского «барс эль» - «страна барсов (алан)», барсилов. Кроме того, в кар.-балк. мифологических текстах встречается албарс, от алабарс «пятнистый барс», в отличие от джолбарс «полосатый барс» (тигр). Албарс тау «гора албарсов (алан)», отсюда, видимо, и современное название горы – Эльбрус. Поэтому Челеби правильно именует его «горой барсов» - т. е. алан. Интересно, что в русском фольклоре (сборник Кириши Данилова) в качестве названия какого-то далекого государства упоминается «Алыберское царство»; см. у Макса Фасмера. – М. Дж.).

На греческом языке ее называют «Петре Аджан». На монгольском языке - «Тилтав», на языке Кахтани – «Пеште-и-Дадыан», на лазском языке - «Зехунда», на языке кытак «Тавбан», на черкесском языке «Ритау», на татарском «Чылдыр Отак», на чагатайском гора «Миян». По-разному называют ее и другие историки, есть и название «Кюх-ель Барс». «Древние философы, ученые по хадисам и тафсирам говорили: «Создатель всех миров Аллах своим словом «Кюн» создал на Земле 140 больших гор. Если бы не было этих гор, то земля постоянно расшатывалась бы».

Про эти самые горы был ниспослан 63 аят суры Зуммер Священной книги Корана... По преданиям Батламуса (Птолемея), Бократа (Гипократа), Сократа и Пифагора, гора Барс является одной из этих 140 гор. Эта гора Барс находится близко к Железным воротам. Вышеупомянутые путешественники считают, что гора Барс находится в середине всех остальных гор, возможно и посередине всего мира. Исследователи так говорят... Арабы называли эту гору Абуль-Джибаль. Ибо все горы Китая, Мачин, Хыта, Хутен, Фагфур и Индии примыкают именно к этой горе...».

«На юго-востоке от горы Барс находятся земли Сванов. На юго-западе по побережью Черного моря расположены земли Абазов. На западе, по тем местам, где мы прошли, расположены земли Черкесов, их соседи Кабардинские Черкесы и Тауистанские Черкесы. Отсюда на запад в 47 днях находится Крым. На севере от горы Барс расположено Московское государство, у которого на границе находится Терская крепость». «Если сказать вкратце, вокруг этой горы расположены земли 11 падишахов, до такой степени большая гора (здесь имеется в виду весь Кавказский хребет). Такая большая гора, что и летом и зимой вершину не увидишь, все время

покрыта облаками. И даже в хорошую погоду невозможно увидеть ее вершину. Ближе к вершине и деревья отсутствуют, потому что большие ураганы рвут их с корнями».

«В июле чабаны народа Таустана выходят на пастбища у подножья этой горы Барс пасти свои стотысячные стада баранов. Эта местность относится к Султану Таустана. Проехав на восток 4 часа, а затем еще 9, дошли до реки Балык (Малки). Эта река берет свое начало у горы Барс, потом впадает в реку Терек, а затем и в Хазарское море (Каспийское море). А затем мы шли еще 5 часов на восток, а потом и еще 7 часов и дошли до селения Тауилистан. Здесь недалеко от реки Бахисан увидели развалины древнего города, от которого сохранилось около 1.000 покрытых бревнами домов, а остальные разрушил Тимурленк. Если дома черкесов покрыты тростником или камышом, то здесь дома покрыты деревянными бревнами. В этом селении растут фруктовые деревья. Тауилистан очень старый и ухоженный город. Тауилистан является таким же большим государством, как и Дагестан.

Нынешних господ того селения, в которое мы пришли, зовут Кючукбий Шакман и Джауханбий Шакман. Общее количество военной дружины этого селения составляет 12.000 азнауров и еще 2.000 оруженосцев. В основном все придерживаются шафийитского мазхаба. Большей частью дружат с грузинами. Торговцы и некоторые другие бывалые жители владеют и русским языком».

«Одежда жителей Тауистана. Одежда всех похожа на иранские покрывала, с дырочками и привязанная на подмышках, с высокими воротниками. На голову одевают белый баишык. На ногах иранские башмачки. Головы побриты, бороды подстрижены».

«Одежда женщин Тауистана. Все женщины и девушки одевают шапки из белой ткани и лисьей кожи. Волосы открыты, но не свисают. Одевают разные и разноцветные кафтаны, которые чуть затянуты. Одеты, как и остальные черкесские девушки».

«Красивые парни и отборные девушки, бесподобные люди. Здесь тоже, как и в остальных районах черкесов, нет рынков, денег, бань и садов. В этом поселении имеется 2 больших и 7 маленьких мечетей. Хутбы читают в начале на имя Дагестанского падишаха, а затем своего господина Кючюка Шакмана. Но настоящих мусульман мало».

«Здесь протекает река Баксан, которая идет из грузинской Сванетии и впадает в Терек. В Баксане есть рыба, которая называется аргъы балык (кар.-балк. «пестрая рыба», вероятно, форель. – М. Дж.). Она не похожа ни на одну речную рыбу. Шарообразная рыба. Кажется, будто украшена золотыми дорогими камешками. По своему вкусу похожа на английскую сарделью. В середине имеется одна косточка, подобная алифу, большие костей нет. Имеет очень приятный своеобразный запах. Эта рыба очень полезна и питательна».

«Климат Тауистана. Климат очень мягкий, совсем нет болеющих эпилепсией, прокаженных и шпигатом. Этот народ ни за что не потерпит обиды над собой. У людей крепкое здоровье и телосложение. В основном все живут по 100-150 лет».

«Оттуда, отдохнув три дня с ханом, приехали к реке Балык. Перешли ее на лошадях. Эта река тоже рождается из белоснежных гор Грузии и впадает в реку Терек. Оттуда мы шли в сторону юга 3 часа и дошли до большого разрушенного Тимуром города. Здесь некогда от Тимура укрывался Татарский Хан Тохтамыш. Этот город населяли очень воинственные и храбрые люди, которые не подчинились воле Тимура. Но Тимур в течении семи дней держал осаду этого города и, в

результате, взяв город, убил Баксанского султана. Это место тоже принадлежит Тауистану.

После того, как насмотрелись этого разрушенного города, мы шли в сторону востока еще 7 часов, дошли до реки Чегем, перешли ее на лошадях и шли еще 2 часа. Потом дошли до реки Лачин (Ладжбек). После перешли и эту реку и достигли «Яркай Кабака». Яркай Кабак тоже относится к Тауистану и очень благоустроен. Оттуда шли еще 4 часа и дошли до реки Черек (Чарук). Эта река тоже идет из Тауистана и впадает в Терек. И ее тоже перешли лошадьми и шли еще 4 часа. Дальше дошли до большой реки Терек... на восток шли еще 15 часов и дошли до реки Сунжи. Наконец-то наша нога вступила в мусульманскую землю Дагестана. Нас встретил дагестанский падишах Султан Махмут Шамхал Шах... Здесь в этих местах свои города называют не «кабак», а «кент»». (Здесь Эвлия Челеби вместе с ханом Мехмет-Гиреем покидают Тауистан и вступают в Дагестан).

Название страны у Челеби, вероятно, слегка искажено, должно быть *Тауасстан*, т. е. «страна тау-асов» (горных асов). Судя по тому, что Тауистан граничил с Дагестаном, его территория охватывала и Осетию, где в то время жили тюрки – дигорцы, туалыцы, куртатинцы, тагаурцы. Следовательно, по свидетельству Эвлия Челеби, аланы в XVII в. сумели восстановить свое государство, имевшее немалую территорию и 14 тысяч воинов, по тем временам это большая армия. Отметим, что население уже знакомо с исламом.

Но в самом конце XVII в. на Центральный Кавказ обрушилось страшное бедствие – эпидемия чумы, которую в народе называют *биринчи эмина* «первая чума» (в отличие от второй, разразившейся в самом начале XIX в.). Не исключено, что об одном из эпизодов гибели Тауистана повествуется и в народной песне «Уллу Хож» «Большой Хож», по названию селения, уничтоженного, как сказано в песне, войсками некоего *Карох улу* (*Карохова* или *сына Кароха*). По словам стариков, он учинял такие зверства, что его постигла кара небес: не найдя упокоения после смерти, он каждую ночь выходил из могилы в образе черного кабана и бегал по кладбищу, громко хрюкая.

Для освещения истории и причин гибели Тауистана требуется проведение кропотливых исследований и поисков в архивах. К сожалению, никаких документов, относящихся к этому периоду истории карачаево-балкарского народа, нам обнаружить не удалось. Странно, что об этом времени ничего не сказано и в академическом издании «История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.» (М., 1988). Еще более странно, что в двухтомном сборнике документов «Кабардино-русские отношения в XVI – XVIII вв.» (Нальчик, 1957 г.) именно этот и только этот период (с 1689 по 1711 год) полностью пропущен – ни одного документа за все 22 года! Чем это объясняется, мы не знаем.

КОНЕЦ ВЕКА ВОИНОВ

После создания Великого Тюркского каганата в Северной Евразии начался век тюрков (кшатриев белой расы), длившийся до XVIII в. Европейские жрецы под руководством Ватикана (присвоившего себе право руководить королями), стремились объединить европейские государства для организации отпора могущественным тюркам, перейдя в наступление – отсюда и крестовые походы. Однако после первых успехов (завоевание Палестины) начались неудачи; мамлюки Сирии и Египта и турки-сельджуки разбили крестоносцев и вытеснили их с Ближнего Востока; турецкие добровольцы-кардаши («братья»), возглавив мусульман, изгнали крестоносцев из Северной Африки.

После падения Константинополя в Европе наступил период разочарования в способности Ватикана эффективно руководить политической жизнью народов континента. К тому же изрядная часть католического духовенства погрязла в коррупции и аморализме, что всячески разоблачалось противниками католичества – протестантами; это начало подъема третьего сословия (вайшьев).

Зенита «век тюрок» достиг в период наивысшего могущества Османской державы, раскинувшейся на трех континентах. Ореол всемирно-имперской столицы долго сохранялся за Стамбулом, и в турецком султани видели владыку Европы, Ближнего Востока и Северной Африки, т. е. фактически главу народов белой расы. Тогда же начинается упорная борьба европейских королей, в союзе с городами, против своеволия аристократов и вмешательства Ватикана в мирские дела. Власть в отдельных странах и лидерство в борьбе за освобождение от диктата Османской империи постепенно переходит к самовластным государям, выразителям воли дворянства (кшатриев), и в Европе начинается век абсолютизма. Тогда же Никколо Маккиавелли пишет политический трактат «Государь», незамедлительно переведенный и в Турции. Европейским государям пришлось приложить немало усилий, чтобы завоевать независимость от Блистательной Порты, владевшей и Черным, и Средиземным морями; ее постепенное ослабление начинается с середины XVIII в., благодаря усилиям, в первую очередь, Англии и России.

После победы над папством пути дворянства и буржуазии расходятся; буржуазные революции начинаются (Голландия, Англия) еще в XVI-XVII в.; особенно большие последствия для судеб народов Европы имели Великая Французская революция и наполеоновские войны. Главная заслуга в победе над дворянством принадлежала протестантам и масонам, идеологам третьего сословия. «Век европейских вайшьев», сумевших добиться лидирующего положения своих стран во всем мире, ныне приходит к своему финалу, сменяясь «временем чандалы», наступление которого когда-то предрекали Фридрих Ницше, Дмитрий Мережковский и др.; начало триумфального шествия чандалы и возвестил залп «Авроры».

Бесконечные междоусобные войны крымцев, ногайцев, волжских и астраханских татар, донских и запорожских казаков, калмыков, религиозный раскол (на христиан и мусульман), давление Московского царства, позже – Российской империи, гибель Казанского, Астраханского и Крымского ханств привели к запустению второй прародины тюрок. В самом ее центре остались донские казаки, потомки тюрок-христиан (тех же хазар, алан-асов, казахов-касогов и др.); постепенно теряя свой язык, они долго считали себя отдельным, особым народом. Тюрки сохранились по периметру этой территории, на окраинах; с северо-запада на юг и северо-восток: караимы – крымцы – карачаево-балкарцы – кумыки – ногайцы – астраханские татары – волжские татары и чуваш.

После походов Тамерлана и гибели Алании (первый геноцид) начался новый период в истории аланского народа; тогда же начался и его распад. Среди приморских абхазов растворились оторванные от основной массы аланские рода, некогда несшие гарнизонную службу на берегу Черного моря; так появился новый народ – абазы; вполне возможно, что их часть долго сохраняла этноним своих тюркских предков (в дореволюционной литературе упоминаются аланеты-медовевцы). Много карачаево-балкарцев, переселившихся на южную сторону хребта, ассимилировалось среди сванов, мингрелов, рачинцев.

После крушения Тауистана вошли в состав чеченцев и ингушей аланы-карабулаки (*къара-булак* - «великореченец», синонимично *къарачай*, *къара малкъар*); вайнахи именуют их также нартами или нарт-орстхойцами; это слегка искаженное *ас-гурт* («асский народ»), в кар.-балк. эпосе - род Усхуртуковых, от того же этнонима, и

прибавленного имяобразующего аффикса –ук). Большая часть их ушла во время русско-кавказской войны в пределы Османской империи, меньшинство осталось в Чечне и Ингушетии. После гибели Тауистана не было никаких препятствий и к заселению ущелий Осетии военными поселенцами из Ирана. Другая половина карабулаков – дигорцы – сильно пострадавшая от эпидемии чумы, смешалась с этими поселенцами и ныне является частью осетинского народа, как и потомки других тюрков – куртатинцев, туалыцев, тагаурцев. К моменту начала этого смешения они частично (или даже полностью) уже исповедовали ислам (см. ниже).

ГЛАВА XVI. РЕЛИГИЯ ОСЕТИН

О КУЛЬТЕ СЕМИ БОГОВ

Решение проблемы происхождения осетинского народа, вконец запутанной двухсотлетними усилиями иранистов, в нашу задачу, разумеется, не входило. Но, как уже говорилось выше, этническая история карачаево-балкарцев, начиная с определенного периода, тесно связана с историей осетин. Читателю то и дело уже встречались в тексте некоторые замечания, на основании которых он сам мог сделать заключение; теперь следует привести ряд фактов и аргументов, раскрыв тему подробнее (конечно же, не претендуя на объяснение всех возникающих вопросов), без чего эта книга внутренне цельной и законченной не будет.

По всем данным, языческая религиозно-мифологическая система не стала у осетин реликтом седой старины, как у других горцев Кавказа, более того, большинство осетин донныне пребывает в лоне политеизма. Иранистам, однако, хотелось найти убедительные доказательства связи аланского христианства с верованиями осетин. Была и другая задача – выявление в религии осетин следов скифо-аланских культов, на что и обратил особое внимание В. И. Абаев. Но вот вам еще одна «странность». Сколько богов почитали скифы? Три женских и четыре мужских божества перечислены Геродотом в его «Истории»; он говорит: «Этих богов признают все скифы, а так называемые царские скифы приносят жертвы еще и Посейдону» (перевод Г. А. Стратановского). В переводе И. Мартынова (перераб. М. Гаспаровым): «Сих богов почитают все скифы; царские же скифы приносят жертвы еще и Посидону». Итак, во времена Геродота в пантеоне скифов было 8 божеств. Но В. И. Абаева такое число не устраивало: «Прежде всего обращает на себя внимание число скифских божеств. Если не считать Посейдона, который почитался не всеми скифами, а только частью, то скифских божеств оказывается семь» (Абаев, 1990, с. 89).

Но почему «Посейдона» надо отлучать от сонма его коллег? Разве, говоря о скифах, не «царских» следует иметь в виду, в первую очередь? Геродот пишет: «За Герром находятся так называемые Царские земли, где живут благороднейшие и **многочисленнейшие** скифы (которых Абаев считает «частью». – М. Дж.), почитающие прочих скифов своими рабами».

Утвердив в сознании читателя нужное число скифских божеств, Абаев приводит цитату из анонимного Перипла Понта Эвксинского (V в. н. э.), в котором сообщается, что город Феодосия в Крыму «называется на аланском или таврском языке Ардава, что значит Семибожий». И поясняет: «Название Ардава действительно означает «семь (осет. *авд*, др.-ир. *хафта*) богов» (осет. *ард*, др.-перс. *арта* «божество», авест. *аша*, *аша-вахишта* «божество»). Порядок частей (числительное после определяемого) соответствует обычной в скифском языке инверсии в сложных словах».

Разумеется, сообщение Перипла можно было бы считать сильным аргументом в пользу иранства алан. Но в ОРС написано: «*ард* – клятва, присяга». Почему же В. И. Абаев говорит, что у скифов это слово означало «бог, божество»? Он предположил, что термин означал некую магическую силу, которой часто клялись, и, что, возможно, это имя древнеиранского божества *Арта* (ИЭСОЯ, т. 1, с. 61). Пусть так. Но, во-первых, автор Перипла говорит о названии *Ардавада* неуверенно – «на аланском или таврском» (или еще на каком-то другом?). Во-вторых, топоним, чтобы быть «скифо-осетинским», должен был звучать как *Авдард* (в осет. яз. числительное ставится впереди определяемого), а возможность якобы «обычной в скифском языке» инверсии в сложных словах, как читатель мог видеть выше, «установлена» самим В. И. Абаевым – иначе он никак не мог объяснить многие скифские имена на основе иранских; т. е. это всего лишь предположение. В-третьих, речь-то шла о скифах, а не об аланах.

Но исследователь продолжает, делая смелый вывод, ни из чего не вытекающий: «Наименование города «Семибожным» говорит о том, что культ семи богов занимал центральное (! – М. Дж.) место в религии алан» (Абаев, 1990, с. 90) – и это утверждается на основе толкования одного топонима, не то аланского, не то таврского! К такому выводу можно было бы прийти в том случае, если бы в Феодосии жили аланы: их город назывался Семибожим, потому что они поклонялись семи божествам. Но в этом городе в V в. жили вовсе не аланы или тавры, а греки; напомним также, что Византия объявила христианство государственной религией еще в начале IV в. Поверив выводу ирановеда, мы должны будем признать, что именно христианский город Феодосия в Крыму был языческим сакральным центром алан, куда они (в V в. н. э.) приходили для поклонения своим семи богам. При этом сам же Абаев приводит свидетельство Фрика, армянского поэта уже XIII в., о том, что аланы чтят солнце, как и их предшественники-массагеты (по Геродоту). Где же здесь «центральное место» семибожия? Или к XIII в. аланы от семибожия перешли к почитанию одного только Солнца, вспомнив религию своих предков-массагетов?

В том же V в., как вещают иранисты, аланы уже познакомились с христианством, в X в. (или даже раньше) приняли его, а в XIII в. продолжают поклоняться солнцу, как и их предки-массагеты! Или Алания в XIII в. еще не была христианской страной? Или Фрик ничего не знал о ней? Но В. И. Абаев, занятый наведением моста между «семибожной» религией алан, и многобожной – современных осетин, о таких неправильных сведениях думать не желал: «Традиция культа «Семи богов» не обрывается на аланах. Она была продолжена потомками алан – осетинами. Впервые Всеволод Миллер отметил существование в Осетии близ селения Галиат святилища под названием *Авд дзуары* «т. е. «семь божеств».

В 1956 г. В. И. Абаев говорил, доказывая, что осетины не имели никакого понятия о зороастризме: «...даже слово *дэв* в значении «демон», «злой дух», широко распространенное не только у всех иранцев, но и среди соседей, в том числе народов Кавказа, у осетин отсутствует. Следы этого слова находят, и то без полной уверенности, лишь в слове *авдеу*, чрезвычайно редком, обозначающем какое-то мифическое существо. В нарттовском эпосе встречаем это существо под названием *Авдиуаг*. И здесь оно с несомненностью относится к разряду не демонов, а благих божеств, небожителей» (Абаев, 1990, с. 43).

Но в 1962 г. имя небожителя понадобилось В. И. Абаеву в качестве доказательства того, что традиция семибожия прослеживается от скифов (путем отлучения Посейдона) до современных осетин, причем оказалось, что это существо не совсем благое, зато известное: «В мифологических верованиях и фольклоре осетин известно мифическое существо под названием *Аевдиу* (иранск. диалект), *Аевдеу* (дигорск. диалект), иногда

Авдиуаг. Оно рисуется обычно как злой дух, демон, но иногда и как благое существо. В. Миллер возводил *Аевдеу* к др.-иран. *ап-дайва* «водный демон». Однако внимательное изучение всех текстов, где встречается *Аевдеу*, убеждает, что нигде, ни в одном случае, это существо не связывается с водной стихией». Поэтому слово это означает «семь богов» (или «демонов») – *авд-деу*. Впоследствии сложный термин стал мыслиться как именование божества, живущего на небе» (Абаев, 1990, с. 89-91).

К 1970 г. моральное падение «небожителя», видимо, пришло к своему завершению, потому что сам же В. И. Абаев вписал в РОС: «черт – *хаейраг, иблис, аевдиу*». Б. А. Калоев также уверенно сообщает в комментариях к эпосу: «*Авдиу (Авдйуаг)* – в осетинской мифологии – черт» (Сказания о нартах, 1981, с. 396). Но в монографии Л. А. Чибирова (1984 г.) этот черт опять преобразается, и весьма радикально: «В Нартовском эпосе осетин встречается божество *Авдиуаг*» (Чибиров, с. 193). Но кем и почему термин стал мыслиться как именование небесного божества, если в РОС, составленном В. И. Абаевым, слово «бог» переведено другим словом – *хуыцау*, а слова, означающего «божество», в нем нет вообще (но в ОРС – *дзуар*, от грузин. *джвари*)? Каким образом и когда семь богов (которым якобы поклонялись аланы) превратились в одного злого духа (черта!), иногда творящего и добро, а потом еще и в небесное божество, сохраняя при этом все свои ипостаси?

Семерица богов присутствовала и в зороастризме, и в ведической религии. Поэтому В. И. Абаеву нужно было оторвать осет. *Аевдеу* от общей индоиранской традиции. Подчеркнув различие в характере божеств зороастрийских («олицетворенные абстракции») от скифских (олицетворение сил природы и социальных категорий), он пишет: «...скифы одни среди иранских племен остались чужды зороастризму, сохраняя верность «естественной» религии древних арийцев» (Абаев, 1990, с. 91). Почему зороастризм не приняли только скифы и аланы, Абаев не говорит (в другой работе, правда, он винил в этом их «кочевой образ жизни»). И что, в таком случае, думать об аланах, которые чтили только солнце – от начала своей истории до XIII в., когда «монголы» razорили христианскую Аланию?

Развивая свое предположение о том, что аланы тоже чтили семь божеств («семибожный пантеон был древним общеарийским трафаретом»), Абаев говорил: «Из кого же состоял аланский семибожный пантеон (предполагаемый. – М. Дж.)? Об этом можно высказать некоторые догадки. Два источника, отделенные друг от друга промежутком в 17 столетий (! – М. Дж.), согласно говорят о первенствующей роли культа солнца. Я имею в виду, с одной стороны, свидетельство Геродота о массагетах («Из богов чтут только солнце, которому приносят в жертву лошадей»), с другой – армянского поэта XIII в. Фрика, для которого культ солнца был характернейшим признаком алан («...алан, что солнце чтит»)» – (Абаев, 1990, с. 108). Но где здесь следование «общеарийскому трафарету», если царские скифы (самые многочисленные) чтят восьмерицу божеств, а своенравные аланы – только солнце (причем и в XIII в., т. е. через три века после принятия христианства)?

В некоторых античных источниках аланы отождествляются с массагетами (кар.-балк. *машакъкес* «жреческие люди»). Почему тюрки-аланы «чтили солнце» и почему тюрки-массагеты приносили ему в жертву лошадей, якобы полагая, что «быстрейшему из светил прилично приносить в жертву быстрейшее из животных» (как думал Геродот)? Тенгрианство не было, как обычно думают, язычеством, это пра-монотеистическая, единобожная религия тюрков, в которой солнце считалось природной иконой Тенгри, его символом. Поэтому и говорится в нартском эпосе карачаево-балкарцев, что мир создан создан Богом по имени *Хайнар, Къайнар* «живое солнце» (в отличие от небесного светила, не-живого). *Тенгри, тейри, тенгир, тангра* и пр., в тюрк. яз. означает «небо, небесный»,

отсюда и именование Бога – *Тенгри-хан*, т. е. «Небесный Царь» (настоящее именование было табуировано). Разумеется, все тонкости и догмы древнего культа Единого Творца и научные истины были ведомы избранным, посвященным, а часть народа воспринимала именование Бога как разные теонимы, творя мифы, богов и богинь. Язычество не предшествовало монотеизму, наоборот, оно есть результат деградации прамонотеизма; коллективное сознание распадается на множество осколков, в которых вместо единого и огромного образа Единого Бога отражаются маленькие божки.

Лошадей в жертву солнцу аланы-массагеты приносили не потому, что солнце было быстрее на небе, а конь – на земле (есть луна, ветер, облака, сайгаки, олени и т. п.). Все дело в языке: попытки проникнуть в тайный смысл отдельных слов и выражений приводили к появлению все новых и новых мифов, обрядов и суеверий. Кар.-балк. *танг* – «свет, рассвет», еще ранее – и «солнце»; *танг атды* означает «солнце (рассвет) встало, поднялось», но при переносе ударения в *атды* на первый слог значение радикально меняется: «свет (солнце) – это конь». Потому-то и по сей день у карачаево-балкарцев строго запрещено бить коня по голове, говорят: *Атны башы – кюндю* «Голова коня – солнце». Скифским «Посейдоном» (богом моря, тюрк. *тенгиз*), которому поклонялись «царские скифы» – у Геродота мог, в данном случае, именоваться и тюркский *Тенгир* («небесный»), Тенгри.

ПРОПАВШИЕ БОГИНИ

В языческом пантеоне скифов были три богини – *Аргимпаса*, *Апи*, *Табити* (и это – только у Геродота; могли быть и другие). Более того, по Геродоту, во главе скифского пантеона стояло именно женское божество – *Табити* (сопоставленное им с Гестией, богиней домашнего очага у греков) – а это, как пишет Абаев, «несомненная матриархальная черта» (ср. кар.-балк. женскую божбу – *тобады*). Получалось противоречие – скифское общество было патриархальным, во главе племен и родов стояли мужчины, но пантеон возглавляла Табити. По Абаеву, матриархальная тенденция сохранялась у скифов, как пережиток: «Она отражала не сегодняшний, а вчерашний день скифского общества. Как обычно, идеологическая надстройка отставала в своем развитии от развития общества» (Абаев, 1990, с. 93). Возможно, и так. Но вопрос в другом: в достаточно хорошо и полно сохранившейся осет. мифологии **ни одной богини нет**; ни одного упоминания о женских божествах или о святилищах, посвященных им, я не нашел и в специальной литературе. Разумеется, почитание осетинами *Мады Майрам* («Матери Марии», Пресвятой Девы Марии), считавшейся покровительницей детей и деторождения (как и *Байрым-бийче* у карачаево-балкарцев), здесь не в счет.

Заполнить эту пустоту и пытался В. И. Абаев, снова и снова возвращаясь к теме. Он был по-своему последователен и сделал попытку обнаружить в осетинском язычестве хотя бы одну затаившуюся богиню: «Огонь в обычной речи зовется *арт*. Но осетинский язык сохранил и его культовое наименование *Аерт-хурон* «Огонь-солнцевич». Огонь в культе назывался сыном солнца». Но далее ему опять пришлось прибегнуть к предположению: «По аналогии со скифами, которые «выше всех прочих божеств чтут Гистию», можно думать, что и у алан важное место занимала богиня домашнего очага, которая, возможно, называлась *аефсин* «хозяйка». В христианский период ее место заняла богоматерь *Мад Майраем*, которая в посвященной ей песне зовется *нефсин* «наша хозяйка». Звание *аефсин* постоянно сопутствует также прославленной нартовской героине, бессмертной Шатане» (Абаев, 1990, с. 108-109).

Итак, возможно, что аланы на протяжении веков почитали только солнце. Возможно, после принятия христианства они опаматовались, но, по примеру малочисленных «не-

царских» скифов, возможно, следуя «общеарийскому трафарету», стали поклоняться не Саваофу, Иисусу Христу и Деве Марии, а, возможно, семи неизвестным божествам, которые, возможно, превратились в черта, чаще злого, но иногда доброго; возможно, этот черт превратился в небесное божество; возможно, аланы почитали огонь домашнего очага, именуя его «сыном Солнца»; возможно, в их пантеоне была и богиня, хозяйка огня; возможно, она напоминала скифскую Гестию – *Табити*; возможно, она занимала в религии алан такое же важное место, как и в религии скифов; возможно, ее именовали *Аефсин*; возможно, ее культ сохранялся до принятия аланами христианства; возможно, место языческой богини заняла *Мады Майрам*.

Возможно, мы поверили бы в такую длинную цепь предположений, но нам все равно непонятно, почему Мады Майрам должна была заместить именно (предполагаемую) «аланскую богиню Афсин»? Или она была единственной в аланском пантеоне, состоявшем исключительно из мужских богов? Но почему? И откуда это известно? Кстати говоря, В. И. Абаев пишет также: «*Мадае Майраем* «Мать Мария». Так зовется у осетин богоматерь. Культ ее имеет ясные черты культа богини плодородия», и далее приводит слова Вс. Ф. Миллера о том, что к камням-фетишам Мады Майрам приводили молодух, выпрашивая у нее детей (Абаев, 1990, с. 131). Следовательно, Дева Мария заняла у предполагаемой богини домашнего очага Афсин еще две функции (также предполагаемые) – плодородия и чадородия.

Обязаны ли мы верить в цепь таких предположений об имевших место неизвестно когда, где и почему превращениях, перерождениях и перенесениях? Мы-то нет, а вот иранисты поверили сразу и веки веков – из каких соображений, сказать не можем. Более того, предположения Абаева у его последователей тут же стали аксиомами: «Очень почитаемым духом (? – М. Дж.) была пришедшая на смену языческой богине домашнего очага Афсин – Мады Майрам». Дальше – больше, и через несколько десятков страниц этнограф преспокойно говорит: «По описанию Геродота, скифская богиня домашнего очага и животных – Табити, идентична (по функциям) греческой Гестии. У осетин владыки очажного огня и надочажной цепи – Афшин и Сафа не имели конкурентов по их значимости в религиозном быту» (Чибиров, с. 62; с. 141). Но примеров такой внеконкурентной значимости новоизобретенной и новоутвержденной «богини» этот автор почему-то не приводит; более того, в его книге о ней больше нет ни слова! Нет у него и ни одного упоминания о каких-либо других богинях.

Вопросы так и остались без ответа: почему в осет. яз. и мифологии не сохранились ни свои термины, означающие «божество; богиня», ни образы богинь – ни трех скифских, ни иных? В ОРС, правда, читаем: «*усхуыцау* – богиня» (т. е. «женщина-бог»), но В. И. Абаеву такое хитрое слово неизвестно, у него в РОС есть другое: «богиня – *заед*, *дауаег* (сылгоймаг)», слово в скобках означает «женщина». Но в ОРС сказано, что *заед* имеет только одно значение – «ангел», причем ни одного производного от этого термина в словаре нет; второе слово, *дауаег* – «дух, покровитель». Где же «божество» и «богиня»? Тогда мы заглядываем в ИЭСОЯ и запутываемся окончательно, потому что там (через 19 лет после выхода РОС) сам же В. И. Абаев пишет нечто противоположное: теперь оказывается, *зед* означает не «богиня» (пусть и с уточнением - «женщина»), а наоборот, «божество», каковое в составленном им же РОС (1970) вообще отсутствовало: «*заед/изаед* – в дохристианский период – «божество», в христианской традиции осетин (в свете имеющихся данных существование таковой нам представляется крайне сомнительным. – М. Дж.) в переводах церковных книг передает гр.(узинское) *аггелос* «ангел». «После христианизации это наименование стало применяться к христианским «святым» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 4, с. 290). Мудрено!

Но что говорил языковед по поводу другого слова, *дауаег*? То же самое:

«*дауаег/идауаег* – «божество»; в до-христианский период – общее наименование «небесных сил»; в христианскую эпоху перенесено на христианских святых; особенно употребительно было парное наименование «зэды и дауаги» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 1, с. 348). Остается только недоумевать: куда же подевалось значение «богиня»? У прочих народов, после христианизации, языческие духи (божества, по Абаеву) рассматривались как бесы, а здесь они, наоборот, стали «ангелами», как и христианские святые, а в ОРС говорится, что *дауаег* означает не «божество», а «дух, покровитель», вопреки Абаеву. Думаю, читателя все это уже не удивляет.

ХРИСТИАНСТВО?

В 1949 г. В. И. Абаев уверенно пишет: «Христианство у осетин имеет большую давность, не менее десяти столетий. Христианская пропаганда шла в Осетию с двух сторон, из Византии и из Грузии» (ОЯФ, с. 70). Отметим, что ученый говорит не «в Аланию», а «в Осетию», словно это одно и то же. Далее он утверждает, что христианство и мусульманство «в течение ряда веков оспаривали друг у друга господство в Осетии». «Христианство, пропаганда которого велась среди алан с V в., имело решительное преобладание, но и мусульманство укрепилось в некоторых частях Осетии» (ОЯФ, с. 92).

Каковы же оказались результаты этого пятнадцативекового знакомства с христианством, «оспаривания» и «решительного преобладания»? «И тем не менее христианизация осетин носила, повидимому, не очень глубокий характер. Религиозное состояние их, когда они попали в орбиту научного изучения (в XIX в. – М. Дж.), было отмечено чертами глубокого архаизма. На христианских святых: *Уастырджы* (св. Георгий), *Уаццлла* (св. Илья), *Тутыр* (св. Федор) и пр., были целиком перенесены образы древних языческих божеств» (ОЯФ, с. 70). Но разве не следовало, в таком случае, сделать другой вывод: имело место решительное преобладание язычества?

При чтении книг В. И. Абаева у меня не раз создавалось впечатление, что этот талантливый человек, буквально одержимый желанием утвердить мнение о происхождении осетин от скифо-алан, часто не слышал, что он говорит. Пропанганда христианства среди «алано-осетин» началась в V в., но официально Алания приняла христианство только через 500 лет (!), в X в. Пропанганда не была постоянной и временами, как нам доходчиво объясняют, затухала. Но велась-то она, причем с двух сторон, из Византии и Грузии, а затем еще и из России не год, не два, а на протяжении 1500 лет! На стр. 70 (ОЯФ) автор утверждал, что христианизация осетин носила не очень глубокий характер, что религиозное состояние их, когда они попали в орбиту научного изучения, «было отмечено чертами глубокого архаизма», т. е., попросту говоря, осетины в XIX в. были язычниками, а уже через двадцать страниц он же говорит о «решительном преобладании христианства» в его многовековом соперничестве с исламом, который все же кое-где успел утвердиться. О том, почему приверженцы этих великих мировых религий придавали столь важное значение маленькой Осетии, затерянной в горах Кавказа, и каких таких представителей направляли для борьбы за души осетин, ученый ничего не сказал.

Абсолютно не вдумываясь (или все же лукавил?) В. И. Абаев и в смысл того, что писал далее, мимоходом объясняя причину индифферентного отношения осетин к христианству и опровергая свое же (приведенное выше) суждение о «решительном преобладании» христианства: «Воинственный пастушеский народ, полностью не изживший родового строя (за 3 000 лет своей истории! – М. Дж.), приняв христианство под перекрестным влиянием Византии и Грузии, оставался весьма далек от его догматики и его нравственных принципов». В чем же тогда заключалось и выражалось принятие

христианства в X в.? Получается - ни в чем. Ссылка на воинственность пастушеского народа абсолютно ничего не объясняет. Во-первых, ни один, даже самый наивоинственный, супер-пастушеский и гипер-языческий народ не смог бы устоять ни против пятнадцативековой и «перекрестной» пропаганды христианства, ни против двенадцативековой агитации ислама, двух величайших вероучений мира. Во-вторых, остальные народы Северного Кавказа были не менее воинственны и не менее долго и усердно занимались скотоводством, чем осетины. Однако все они, раньше или позже, приняли ислам, в лоне которого и пребывают.

По словам иранистов, еще в X в. предки осетин создали Аланию, государственное образование с широкими международными связями и развитой экономикой, многочисленным населением и знатью, большим войском и пр. Это государство вполне сопоставимо, скажем, с Грузией. Грузины имели рядом более сильных и воинственных соседей (Иран, Арабский халифат, Турция) и претерпели немало бед, но почему-то до родового строя не опустились, как и армяне, оказавшиеся чуть ли не в полном окружении мусульманских государств, а потом и в их составе. Не потеряли эти народы и христианство, причем принятое ими давно и только единожды.

Но в Осетии (в Алании то бишь), в которой эта религия, пусть и с перерывами, проповедовалась греками и грузинами на протяжении 800 лет, вплоть до «пришествия монголов», а потом грузинами и русскими, произошло нечто совершенно необъяснимое: «Он (народ. - М. Дж.) удовольствовался тем, что своим старым богам дал имена христианских святых, а свои старые языческие праздники приспособил к христианским» (В. И. Абаев, ОЯФ, с. 70). Т. е. религия осталась языческой, только некоторые божества получили новые имена да праздники чуть-чуть изменились. Но тогда о каком христианстве идет речь, если, к тому же, народ «остался весьма далек от его догматики и его нравственных принципов»?

Аланы приняли христианство из Византии (указывают разные даты – от VIII в. до X) и долго были ее союзниками. Шесть веков, по мнению В. А. Кузнецова, существовала Аланская епархия, чья деятельность охватывала порой весьма обширную территорию. И нам внушают, что с тех пор, пусть и в ослабленном виде, осетины сохраняли христианство. Но в 1984 году, т. е. во времена уже не столь «якобинские» и «вольтерьянские», Л. А. Чибиров пишет: «Известно, что первые шаги христианизации алан-осетин начались еще в раннем средневековье и восходят к созданию Аланской епархии (X в.). С тех пор, в течение тысячелетия, стало фактом параллельное существование (! – М. Дж.) язычества и христианства. Между тем, высокий уровень развития самобытной религиозной идеологии осетин (и других горцев Кавказа) не позволил христианству оказать решающее влияние на изменение характера религиозно-мифологических систем местного населения» (Чибиров, с. 201). О каком параллельном существовании христианства и язычества, а потом еще и ислама (на протяжении тысячелетия!) в крохотной Осетии можно говорить, мы понять не в силах. И почему пропаганде монотеизма не смогли противостоять не менее «самобытные религиозные идеологии» всех других народов Северного Кавказа (адыгейцев, кабардинцев, карачаево-балкарцев, вайнахов и др.), иранисты не объясняют.

Проф. Л. А. Чибиров (как и А. Дз. Цагаева) говорит и о присутствии греков-миссионеров на территории нынешней Осетии: «Пишущему эти строки не раз приходилось слышать от старожилы Центральной (горной) Осетии о доосетинском, греческом населении края. Вероятно, это память о миссионерской деятельности Византии в горной Осетии, когда часть греческих монахов-миссионеров оставалась жить на неопределенное время среди местного населения» (ППКОО, вып. III, с. 419). Но итог их деятельности и пребывания в Осетии оказался плачевным, как и деятельности

миссионеров грузинских и русских: «На территории Северной и Южной Осетии нет ни одной действующей православной церкви, ни одной мечети, хотя поклонение дзуарам и местным святилищам все еще бытует среди части населения» (Чибиров, с. 201). Получается абсурд: 15 веков аланам-осетинам проповедовали христианство; южные соседи осетин (грузины) – христиане, на севере – тоже (русские), на западе и востоке – мусульмане (кабардинцы, балкарцы, ингуши, чеченцы), потом семь десятилетий продолжалось господство советского гос. атеизма, - а в результате всего этого в Осетии к концу XX в. часть населения поклоняется «местным святилищам»!

Так, может быть, никаких особых усилий по христианизации осетин-иронцев никто и не предпринимал? Вернее, предпринимал, но - в весьма недавние времена? Все иранисты единогласят в том, что христианство шло в Аланию двумя путями – из Византии (к западным аланам), и Грузии (к восточным). Это действительно так, об этом говорит характер христианской терминологии у карачаево-балкарцев - греческой, но у осетин, в основном, - грузинской (и вошедшей совсем недавно из русского языка). Парадокс в том, что арабо-мусульманские религиозные термины в осет. яз. полностью затмевают по своей значимости и количеству термины христианские и языческие, вместе взятые. И это не мои выкладки, а результат изысканий В. И. Абаева.

Рассматривая термины духовной культуры, отразившиеся в топонимии Северной Осетии, А. Дз. Цагаева пишет: «Из анализа географических названий, связанных с культовыми терминами, вытекает, что религия осетин представляет собой сплав дохристианского с христианским, затем дохристианского и христианского с местным кавказским субстратом. При изучении обрядов, связанных с различными культами, убеждаемся в том, что христианская религия служила оболочкой, формой, из которой выглядывают дохристианские боги алан (словно о них что-то известно. – М. Дж.) и субстратные кавказские культы. Наблюдается приспособление христианства в какой-то мере к своеобразным и самобытным верованиям осетин, что достаточно хорошо видно и на топонимии. В целом религиозный синкретизм, характерный для осетин, отражается и в их топонимии» (Цагаева, с. 216-217). Попросту говоря, это означает, что осетины по сей день исповедуют язычество: не оно приспособилось к христианству, а наоборот. Откуда такое упорство, при том, что никаких языческих писаний у осетин не было? Заметим, что А. Дз. Цагаева говорит о «субстратных кавказских культах» (когда о самом «кавказском субстрате» никто ровным счетом ничего не знает), но забыла сказать о влиянии ислама.

В. И. Абаев пишет (в 1949 г.): «Знают осетины также (! – М. Дж.) верховного бога *Хуьцау* и *Христа*, *Чиришти*, *Киристи*. Но, при сравнении с живыми фигурами языческих богов, их образы представляются туманными и лишенными красок» (ОЯФ, с. 93). Иными словами, за 1500 лет знакомства с христианством у «алано-осетин» так и не появилось никакого ясного представления даже о важнейшем в этой религии - образе Иисуса Христа: ведь он «туманный и лишенный красок». О каких тогда следах «аланского христианства» идет речь? И почему представление об этой величайшей личности и его миссии имеют окружающие народы, принявшие ислам, почтительно именуя его *Исса-пайгъамбар* (Исса-пророк) или *Исса-масих* (Исса-мессия, Исса-Спаситель) - ведь им-то никто не объяснял в течение хотя бы века азы христианского вероучения?

Можно возразить, что это представление кораническое. Но тогда получается, что на всем Северном Кавказе «безграмотные» (как пишут осетиноведы) мусульманские муллы за три столетия преуспели в освещении главного образа христианства больше, чем все христианские миссионеры в одной Осетии за 1500 лет. Правда, есть и другое мнение: «История распространения ислама уходит также в глубину веков (к XIII-XIV вв., а не к XVII-XVIII вв., как это принято считать до сих пор). Но и здесь осетины восприняли внешнюю форму (и то, главным образом, погребальные обряды) и не имеют ни

малейшего представления о догматической стороне ислама» (Магометов, 1968, с. 469). Положения такой взгляд никоим образом не спасает: если мусульмане за 600 лет пропаганды хотя бы сумели внедрить в осетинский язык изрядное количество своих терминов, то христиане за 1500 лет не добились ничего.

Абсурдная теория, утверждавшая ираноязычие скифов и алан, рассматривая осетин как их прямых потомков, вынуждает даже выдающихся ученых делать весьма странные заявления. Как считает Ф. Х. Гутнов, «идея единого бога вошла в духовный мир осетин довольно поздно – с распространением христианства у осетин» (Проблемы этнографии осетин, вып. 2, с. 161). Как же поздно, когда все осетиноведы утверждают, что «алано-осетины» были знакомы с этим вероучением с незапамятных времен, в любом случае – уже более тысячи лет? «В прошлом, – пишет А. Х. Магометов, – одни исследователи осетин называли христианами, другие – мусульманами, третьи – язычниками. И все они по-своему были правы (!? – М. Дж.). Дело в том, что к осетинам очень рано (в VI в., а по настоящему – в X-XI вв.) стало проникать христианство. Но оно не смогло подавить собою первобытную (языческую) религию осетин (почему? – М. Дж.); оно только окутало ее своей внешней обрядностью. Более того, христианский культ был приспособлен к нуждам осетинской «народной» религии» (Магометов, 1968, с. 469).

Но зачем же тогда говорить о том, что правы были, пусть и «по-своему», все эти исследователи прошлого времени? Нет, правы только те, кто считал осетин язычниками, как это утверждает и сам А. Х. Магометов. В его книге приводится и не менее странное мнение акад. Н. Ф. Дубровина; он пишет (в 1871 г.): «Из смеси различных верований и понятий в народе образовалась своя собственная религия, одинаково пригодная христианину, магометанину и язычнику» (Магометов, 1968, с. 470). Что касается смеси, то, как читатель сможет убедиться, спорить не приходится; но вероучения, «одинаково пригодного» христианину, магометанину и язычнику, никогда не было и быть не может: если монотеизм смешать с многобожием, это будет просто язычество.

Описав ряд мифологических покровителей и существ, А. Х. Магометов, подтверждая вывод Н. Ф. Дубровина, пишет: «Все перечисленные выше божества, духи, ангелы и святые по воззрениям древних осетин были подчинены одному верховному богу – «хуыцау». В обращениях к нему его еще называли «хуыцаутты хуыцау» («бог богов»)). «Эти многочисленные духи и святые – боги (? – М. Дж.) разных рангов – обитали на небесах около того же «хуыцаутты хуыцау». Последним они наделены властью согласно их функциям, присвоенным им же каждому из них». Обратите внимание, что этнограф говорит о «древних осетинах», и читатель вправе думать, что позже положение стало иным. Ничего подобного. «Это существо, – пишет Вс. Ф. Миллер о вере народа в *хуыцау*, – для него (осетина. – А. М.) слишком далеко, слишком недоступно, безлично и неуловимо: в повседневной жизни счастье и несчастье зависят, по его представлениям, от вмешательства других сил, заведующих разными областями природных явлений и подчиненных высшему богу». «Отсюда, – говорит Магометов, – далекий и недостижимый «хуыцау» не имел особого культа, не требовал специальных жертв. Осетины ограничивались только провозглашением в его честь первого тоста на пиршествах, да часто упоминали его имя в пожеланиях» (Магометов, 1968, с. 485). Как могла такая религия быть «пригодной» для христианина или мусульманина?

Но продолжим перечень чудес. По мнению этнографа, языческие святилища прежде назывались *кувандон*. Затем осетины почему-то стали называть их заимствованным грузинским названием церкви и креста – *дзуар*. «Судя по тому, как прочно вошло это слово в осетинскую речь, христианский культ с его многочисленными атрибутами (церковью и крестом) завоевал, очевидно, какое-то право на почитание у осетин-язычников. Об этом говорит и то, что развалины христианских церквей весьма охотно

превращались осетинами в языческие капища («дзуары»))» (Магометов, 1968, с. 486).

Языческие святилища осетины стали называть по-христиански – это, по Магометову, свидетельство того, что «христианский культ завоевал» «какое-то право на почитание у осетин-язычников»; чем тогда объяснить, что они не только допустили разрушение церквей, но и «весьма охотно» стали превращать их развалины в языческие капища? Неужели почитанием христианства? Если «ираноязычные аланы-осетины» жили здесь уже в глубокой древности, а в X в. стали христианами, то разве не должно было происходить обратное – превращение капищ в церкви?

К. Красницкий писал (в 60-е годы XIX в.): «Надо заметить, что осетины, исповедывающие православную религию, совершенно равнодушны к религии, следовательно весьма слабы в ней...» (Магометов, 1968, с. 486). Но некоторые современные иранисты с такими свидетельствами уже были несогласны. «Большинство осетин, - пишет Б. А. Калоев в 1994 году, – исповедовало православие, проникавшее в VI-VII вв. из Византии, позже из Грузии, с XVIII в. из России, меньшинство – ислам (воспринятый в XVIII вв. от кабардинцев); сохранялись языческие верования и обряды» (Народы России, с. 265). Но в другом труде опять читаем иное: «В XIV-XVII вв. у осетин существовал сложный языческий пантеон». «Все главнейшие божества осетинского пантеона связаны с хозяйственной деятельностью народа. Почти каждому божеству было посвящено специальное святилище, моления в котором совершал жрец (дзуарылаег)». «Наиболее почитаемыми святилищами были трансформировавшиеся в них бывшие христианские храмы (Дзивгис, Хаерисджын, Гули, Лац, Хозитыхъаеу, Тли, Нар, Регах, Фаераескъаеу, Лезгор, Гаелиат и др.)». «Особое место среди общесетинских святилищ занимает Реком (Цейское ущелье)». «Есть основание полагать, что Реком некогда был христианским храмом» (История СО АССР, с. 165).

Трудно сказать, почему ни один из авторов цитируемого труда не заметил в этих утверждениях никаких противоречий. Во-первых, откуда известно, что языческий пантеон у осетин сложился в XVI-XVII вв., если первый документ, в котором сообщается о них, относится к середине XVIII в. (см. ниже)? Во-вторых, этот пантеон начал бы создаваться гораздо раньше (сказано, что он был «сложным»), допустим, после нашествия войск Тамерлана в конце XIV в. Следовательно, разгромленные «алано-осетины» тут же позабыли о наследии 3-4 веков (!) аланского христианства и срочно начали создавать (или возрождать) языческий пантеон. Более того, они стали превращать христианские храмы в языческие капища, и это происходило по всей Осетии (список дзуаров-святилищ весьма пространен). Добавим, что упоминаемый в книге языческий термин *дзуарылаег* «жрец» не был известен ни В. И. Абаеву, ни составителям ОРС; почему авторы произвели его от заимствованного из грузинского *джвари* «крест», нам неизвестно и непонятно.

Ничто не помогло – ни многовековые старания византийских и грузинских миссионеров, ни русских, учредивших две комиссии (одну в сер. XVIII в., а другую в сер. XIX в.), ни подарки новокрещеным (деньги и куски холста), ни даже административные и полицейские меры. В чем же дело? К сожалению, объяснения причин превращения маленькой Осетии в неприступную твердыню язычества, которые усматривают осетиноведы, серьезными считать нельзя. «Воздействие христианства, распространившегося из Византии, Абхазии и Грузии, ощущалось аланами-осетинами испокон веков». Ср. это с тем, что тот же автор (В. Х. Тменов) пишет несколькими страницами ниже, после перечисления мер, предпринятых русскими властями по христианизации осетин – от учреждения в 1745 г. Осетинской духовной комиссии, открытия школ и перевода священных книг до учреждения в 1860 г. Общества по восстановлению православного христианства на Кавказе: «Язычество, в силу высокого своего уровня развития и прочного внедрения в повседневный быт осетин, оказалось

более устойчивым и жизнестойким, чем официальные религии, которые, как явствует из всего вышеизложенного, вынуждены были приспособливаться к его догматам (? – М. Дж.), сосуществовать с ним, а во многих случаях и уступать захваченные позиции, ибо в народном сознании слабо утверждались чуждые и отвлеченные концепции христианства и ислама» (Проблемы этнографии осетин, вып. 2, с. 183; с. 190). Почему же эти якобы «отвлеченные концепции» прочно утвердились в сознании других народов не столь уж обширного региона?

ПАНТЕОН

В. И. Абаеву, как и другим иранистам, не резон было говорить о том, что осетины оставались язычниками на протяжении всей своей (очень короткой) истории – получался огромный разрыв с историей алан, которые принимали христианство, причем очень давно. Вот и приходилось лавировать: факты говорили об одном, а хотелось доказать другое: «Так возникли полуязыческие, полухристианские персонажи осетинского пантеона», и далее идет их перечисление (ОЯФ, с. 93).

В осет. мифологии божество мертвых и подземного мира – *Барастыр*. В. И. Абаев дает этому имени весьма странное объяснение, сблизив вторую часть с именем бога нижнего мира в чечен. пантеоне – *Еиштр*, «а в дальнейшем с вавилонским *Иштар* – женское божество загробного мира». В первой части «может быть ос. *бар* «право», «власть», и все слово означает, стало быть, «наделенный властью *Астаер*», «властитель *Астаер*» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 1, с. 236). Но речь-то идет как раз о том, что такое *Аестаер*! И следует ли сказанное понимать так: имя вавилонской богини перешло к вайнахам, где стало означать уже не богиню, а божество мрака и мира мертвых; потом у чеченцев, не понимая семантики теонима, его заняли осетины и присовокупили к нему свое *бар* «право, власть»? А если по-другому, то что же сказано у Абаева? Извините – не верю. Кар.-балк. – *бар бастыр* «всех погребаящий» (*бар* «все», *бастыр* «закапывать, погребать»); или ср. *асыра* «хоронить; хранить, беречь, прятать», от архаичного *астыра*, производному от *аст* «низ»; *астырау*, *асырау* «похороны, погребение».

В 1958 году В. И. Абаев пишет: «*Бурхоралы/Борхуарали* «божество хлебных злаков и урожая»; по некоторым мифологическим песням – сын *Хуарелдара* «Владыки злаков». – «Инверсированное» сложное слово (вместо *Алы-Бурхор*, где *Алы* – родительный падеж от *Ал* «аланы», собирательное название), букв. «просо алан». Ср. элемент *Ал* в имени бога-кузнеца *Курд-Ал-Уаергон* «кузнец-аланский-Варгон» (ИЭСОЯ, т. 1, с. 273).

Нам кажется, что это имя не очень подходит в качестве именованного божества: сын *Хуарелдара* («Владыка злаков») именуется «желтый злак алов». Кроме того, никем и нигде не зафиксировано племя *ал* (якобы собирательное название аланов). Кроме того, неизвестно, зачем осетины инверсировали именно те теонимы, в которых упоминаются загадочные *алы*: вместо *Али-Бурхор* – *Бурхоралы*, вместо *Ала-Куырда-Уаргон* – *Куырдалагон*; неизвестно, почему это пристрастие к инверсии не затронуло, например, отца *Бурхорали* – тогда мы имели бы *Алдарихуар*, а не *Хуарелдар*. Но это еще не все.

В том же 1958 г. В. И. Абаев пишет: «*бурхор/борхуар* «просо». – Буквально «желтый злак» (ИЭСОЯ, т. 1, с. 273). На всякий случай мы заглянули в ОРС (1970), но там ни *бурхора*, ни *борхуара* не оказалось; кроме того, *хор* означает «хлеб (зерновой)», но не «злак» (стало быть, имя божества должно означать «желтый хлеб (зерно) аланов»). Что за чудеса? Но и в РОС, составленном самим Абаевым, этих слов тоже нет, а есть «просо – еу, дигор. *фагае*». Странно, мягко говоря: почему в 1958 году слово *бурхор* означало «просо», а к 1970 году вдруг исчезло? Как же тогда переводится в словарях слово «злак»? Составители ОРС пишут: «*зайаегхал* – злак; растение», «*хоры зайагхалы* – хлебный

злак». Но Абаев почему-то думал иначе, и в его РОС читаем, что «злак» называется не *хор*, как он сообщал в 1958 г., и не *заййаегахал*, как полагали составители ОРС в 1970 г., а совсем по-другому: «злак – *халсар*», и это же слово у него означает «овощи» (мн. ч.)! Но в ОРС *халсар* означает только «овощ» (ед. ч.).

Полагаю, что никаким злым деятелям паранауки, фальсификаторам и фольк-историкам такое даже и не снилось. После всего этого заключение В. И. Абаева звучит особенно убедительно: «То, что в названии хлебного божества мы находим именно просо, а не другой злак, говорит о том особом значении, какое имела для древних осетин культура проса, по сравнению с другими злаками» (ИЭСОЯ, т. 1, с. 273). Конечно, говорит.

Никкола = «св. Николай».

- В кар.-балк. пантеоне и календаре – имя божества и название месяца *Никкол ай*; вероятно, действительно восходит к имени св. Николая.

Башил, название новогоднего праздника = «св. Василий».

- К св. Василию отношения не имеет; *башил ай* в кар.-балк. календаре - название месяца января, от *баи* «голова; начальный».

Тутыр, Тотур бог волков = св. Федор.

- В кар.-балк. пантеоне – покровитель волков *Аи-Тотур*; *тотур* означает «равноденствие»; в календаре месяц март называется *Тотурну ал айы* «месяц, предвещающий равноденствие», апрель – *Тотурну арт айы* «месяц после равноденствия».

Донбеттыр водное божество = «св. Петр» (букв. «Петр воды»).

- К св. Петру это имя отношения не имеет, так как этих *донбеттыров* насчитывается бесчисленное количество; в кар.-балк. пантеоне *Дамметтир* – богиня, «мать вод» (*суу анасы*), от *там эттир* «влаготворительница»; также - название птицы, обитающей возле рек – оляпки.

Сафа бог металлургии и оружия «св. Савва» (?).

- Через 30 лет В. И. Абаев определяет функции этого божества иначе: «...в старой (? – М. Дж.) осетинской религии и мифологии – божество очага и надочажной цепи (*раехыс*). «В некоторых сказаниях и обрядах он выступает как бог-кузнец и как бы (? – М. Дж.) дублирует Курдалагона» (ИЭСОЯ, т. 3, с. 9-10). Но выдающийся осетинский просветитель и собиратель фольклора Гацыр Шанаев еще в 1876 г. указывал, что Сафа является в пантеоне богом оружия; в другом комментарии он пишет о нем: «Знаменитый у осетин небесный кузнец, бог и изобретатель оружия» (Нарты, кн. 3, с. 98; с. 100).

Объяснение В. И. Абаева поразительно: «Типологически весьма древнее божество. Прототипом его была скифская богиня Табити, которую Геродот отождествлял с греческой богиней домашнего очага Гестией. После христианизации алан в X в. многим древним языческим богам и календарным праздникам были присвоены имена популярных в восточной христианской церкви святых». «Не исключено, что и древний бог домашнего очага (интересно, когда и почему скифская богиня Табити поменяла пол? – М. Дж.) после христианизации стал называться *Сафа*, т. е. Савва, гр. *Саббас*, по имени святого Саввы Освященного (родом из Каппадокии, умер в Иерусалиме в 532 г.)» (ИЭСОЯ, т. 3, с. 9-10).

Отсюда ясно, что бог оружия и св. Савва превратились в божество очага на тех же основаниях, что и св. Петр - в скопище водяных, «водных Петров», т. е. просто потому, что В. И. Абаеву нужно было связать осетинский пантеон со скифским. Нам предлагают поверить в следующее. В скифском пантеоне во времена Геродота (V в. до н. э) была богиня домашнего очага по имени Табити, одна из самых почитаемых фигур. Неизвестно, поклонялись ей также и аланы, или у них была другая богиня, или покровителем очага у них было какое-то божество, или не было у алан ни той, ни другого. Образ этой богини, по предположению Абаева, сохранялся в пантеоне «алано-осетин» на протяжении 2500 лет, но почему-то и как-то постепенно обретая черты божества-мужчины (неужели

обрастая бородой? – М. Дж.), и дожил до X в. Затем аланы приняли христианство и это неизвестное по имени божество (бывшая Табити) получило имя св. Саввы Освященного из Каппадокии, в форме *Сафа*; почему именно его, никому не известно. Неясны и функции, при исполнении которых *Сафа* дожил до наших дней – то ли являлся покровителем металлургии и оружия, то ли очага и надочажной цепи. Нам же думается, что это имя происходит от еврейского именованья Бога – *Иегова Саваоф* (Цваот) «Господь воинств», ед. число – *цава*. Ср. также кар.-балк. термин *саут-саба* «снаряжение, оружие».

Фалвара бог домашнего скота = «св. Флор и Лавр».

- Через девять лет В. И. Абаев уточняет: «...бог-патрон мелкого рогатого скота». Объяснение: «Искаженное «*Флор – Лавр*»; «на старое языческое божество было перенесено название христианских святых». «Святые Флор и Лавр считались, как известно, покровителями домашнего скота». Но почему и в силу каких фонетических законов эти имена должны были в осет. речи принять именно такую форму, В. И. Абаев не говорит. «Неверно сближение *Фаелваера* с пехл. *Фравахр*, др.иран. *фраварти* «дух-покровитель», «ман» (Штакельберг). Во-первых, др.иран. *фра* дает в ос. *рае*, а не *фаел*; во-вторых, между функциями осет. *Фаелваера* и зороастр. «ферверов» нет ничего общего. К тому же предки осетин, скифы, были чужды зороастризму» (ИЭСОЯ, т. 1, с. 442).

Каким образом *Флор* превратилось в *Фаел*, а *Лавр* – в *ваера*? Неизвестно и то, благодаря кому (грузинам, грекам, армянам?) имена двух христианских святых стали так популярны у осетин, что заменили имя древнего покровителя скота. Который, вполне возможно, мог именоваться кар.-балк. словом *малбаракъ* «любитель скота» (как и положено покровителю домашних животных). Изменения могли происходить в такой последовательности: *Малбаракъ* – *Балбара* – *Фалвара*. Теоним, вероятно, достался осетинам от их тюрк. субстрата. Ср. кар.-балк. *атбаракъ* «лошадник, любитель коней», *тилбаракъ* «ябедник, доносчик» (*тил* «язык, речь»).

Аларди, Алаурди божество, насылающее оспу = «св. Иоанн Алавердский».

- «По мнению Р. Штакельберга, - пишет В. И. Абаев, - разделяемому и нами, оно (имя божества. – М. Дж.) происходит от названия местности *Алаверды* в Кахетии с древним и весьма почитавшимся в Восточной Грузии храмом Иоанна Крестителя». «У осетин и грузин-мохевцев Дарьяльского ущелья праздник *Аларды* совпадает с днем Иоанна Крестителя, что позволяет думать, что именно на последнего были перенесены черты древнего божества, одновременно и насылающего болезнь и исцеляющего от нее». «Название *Аларды*, как и названия большинства осетинских дзуаров, несравненно моложе связанного с ним культа» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 1, с. 43).

Объяснение это не кажется убедительным. Получается, что был некий туманный культ некоего божества, праздник которого совпадал с днем Иоанна Крестителя, поэтому осетины, сохранив древний культ, но позабыв имя языческого божка, «перенесли» на него не имя святого, которое носит христианский храм, а название местности (Алаверды), в которой он расположен – причем она находится в Кахетии. Ничего не сказано и о том, какие черты языческого покровителя были перенесены на Иоанна Крестителя (или наоборот) и почему именно он заменил божество оспы. Очень странно то, что пишет В. Х. Тменов: «Как отмечал Б. Гатиев, Аларды являлся самым злейшим из святых, от которого трудно уберечься человеческой природе» (Проблемы этнографии осетин, вып. 2, с. 177). Как святой может быть «злейшим»? В любом случае вряд ли *Аларды* можно считать причастным к аланскому христианству.

Кар.-балк. *ала урду* означает «покрыться пятнами», так говорят о высыпаниях на коже - при заболевании оспой это и происходит.

Мыкалгабырта, название святилища = «архангелы Михаил и Гавриил».

- В. И. Абаев, приводя грузин. *Микел-Габриели*, откуда, вероятно, и осет. именование, говорит, что *Мыкалгабырта* – название божества и святилища, но не указывает для него никаких функций. В приведенном им примере употребления теонима говорится о семи *мыкалгабырта*, т. е. это просто духи (ИЭСОЯ, т. 2, с. 139), о чем свидетельствует и окончание мн. числа – *тае*.

Таранджелос, название святилища = груз. *Мтаварангелози* «архангел».

Атынаг, название летнего праздника «св. Афиноген».

- Груз. *Атенгеноба*, *Атенагани* «Фомино воскресенье», ингуш. *Этинг* «название летнего месяца» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 1, с. 81).

Уацилла бог-громовержец = св. Илья. Позже, в 1989 году, В. И. Абаев характеризует его так: «*Уацилла/ Уацеля, Уацелла* название грозового божества в староосетинских верованиях; считался также покровителем урожая; в этой последней функции назывался *Хоры Уацилла* «Хлебный Уацилла». Наряду с *Уастырджы*, *Фаелваера*, *Тутыр*, *Аларди* был одним из популярных «дзуаров» (духов-покровителей) и имел несколько посвященных ему святилищ». «Праздник Уацилла отмечался в июне и сопровождался жертвоприношениями. Обычным жертвенным животным был козел». «В нартовских сказаниях отмечены случаи употребления имени этого божества во множественном числе» (ИЭСОЯ, т. 4, с. 31).

- Вряд ли это имя нужно считать христианским; в кар.-балк. мифологии божество именуется Аш-Элия, от *ачи элия* «сильная (резкая) молния»; или, если видеть в первой части *уас* – «святая молния»; *элия ай* – название летнего месяца. Полагаю, что речь идет о древнем кар.-балк. божестве грозы и плодородия. Но дело не только в этом. Хотелось бы знать, каким образом *Уацилла*, если его образ восходит к св. Илье, приобрел в осет. религии совсем иные функции, о чем пишет сам Абаев: «*Хаейраег* «черт», «дьявол», «бес». «*Х а е й р а е г* – популярный персонаж народных суеверий, преданий, сказок. В приписываемой самим чертям песне (*Хаейраеджыты зараег*) они называют своим хозяином бога-громовника Уацилла, а своим опаснейшим врагом – волка» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 4, с. 163). «Уацилла над нами повелитель», - говорят бесы в «Песне чертей» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 4, с. 31).

В 1869 г. Джантемир Шанаев, перечислив два десятка осетинских дзуаров (языческих покровителей), указывает: «*Тбауацилла* – в Какадуре (в горах). Самое почитаемое из всех божеств» (Сборник сведений о кавказских горцах, вып. 3, с. 40). В 1914 г. К. Гатуев, описывая обряд поклонения языческому божеству Вацилле, говорит: «Едим и пьем, пьем и едим. В конце концов весь праздник, кажется, заключается в этом. Разница от обычных праздников только в том, что в каждом тосте поминают Вациллу (т. е. повелителя чертей! – М. Дж.) и ни разу ни Христа, ни кого-либо из христианских святых» (ППКОО, вып. 3, с. 107). «Чертям, - пишет Л. А. Чибиров, - в календарном цикле осетин «посвящен» специальный праздник – **каейдаерты (хаейраеджы аехсаев)**. Одно из названий этого праздника **дзинкуыр** одновременно является именем черта» (Чибиров, с. 49). И это – после тысячи лет христианства!

О происхождении слова *хаейраег* «черт» В. И. Абаев говорит: «Ср. ав. *анхра* (*ахра*) «злой», «враг», *анхро майню* «злой дух», пехл. *Ахреман* «Ариман». И, конечно же, он и тут отрешивается от мысли о знакомстве осетин с зороастризмом, дабы никто не подумал, что иранские предки осетин пришли с юга: «Нет надобности видеть здесь какой-то отзвук маздеизма у осетин; слово относится к дозороастрийскому лексическому фонду» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 4, с. 163). Может быть и так; но ни Абаев, ни другие иранисты не объяснили, почему этому *хаейраегу* вплоть до XX века приносили ежегодные жертвы (см. ниже). Конечно, религиозные воззрения подвергаются в ходе времени различным трансформациям и деформациям; но не кажется ли вам, что превращение св. Ильи в главу

темных сил (с которыми борется языческий волк) – это уж слишком для народа, «знакомому с христианством вот уже 15 веков»?

СВ. ГЕОРГИЙ

Уастырджи (иронск. диал.), *Уаскерги* (дигор. диал.) «бог мужей» = св. Георгий. «С помощью сванского объясняется, возможно, осетинская форма имени св. Георгия *Керги* в *Уас-Герги*. Ни греко-визант. *Георгиос*, ни груз. *Гиорги* не могли дать в осет. *Керги*. Огласовка Е весьма характерна как раз для сванского (и для кар.-балк. – *Ашкерги*. - М. Дж.). И хотя св. Георгий зовется у них *Згыраг*, в названии праздника св. Георгия (груз. *георгоба*) мы находим нужную нам форму *Герги*. Этот праздник носит у сванов название *ли-гьерги*. Весьма вероятно, поэтому, что имя св. Георгия осетинский усвоил через сванское посредство» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 4, с. 56). В очередной раз приходится удивляться логике рассуждений В. И. Абаева. Св. Георгий зовется у сванов *Згыраг*, и этим объясняется осет. имя святого – *Герги*, *Керги*, *Уас-Герги*. Почему надо верить, что осетины взяли у сванов не имя святого, *Згыраг*, а название праздника, чтобы из него произвести имя *Герги*, совершенно непонятно.

Причем в представлениях осетин св. Георгий черты святого почему-то утерять, его моральный облик не то, что не высок, но и просто низок: как пишет В. Х. Тменов, «...судя по осетинским нартским сказаниям, Уастырджи не лишен и ряда отрицательных черт», «он завистлив (сказание о Маргудзе безносом), порою злопамятен и похотлив, в силу чего способен даже на осквернение могилы и надругательство над умершей женщиной (сказание о рождении Сатаны)» - (Проблемы этнографии осетин, вып. 2, с. 175). В одном из осетинских сказаний некий бог, обращаясь к Уастырджи, говорит ему: «Всякий раз ты бываешь на стороне похитителей, абреков и насильников» (Нарты, т. 2, с. 107). Но тогда в чем же заключалась его «святость»? Может быть, *Уаскерги* и *Уастырджи* – это разные персонажи? Св. Георгий присутствует и в кар.-балк. мифологии, его называют *Аш-Керги*, *Ас-Керги* («Следует упомянуть также балк. *Бий Ашкерги*, мифологическое имя», - пишет В. И. Абаев (ИЭСОЯ, т. 4, с. 56). И происходит оно, на первый взгляд, от *къач* (*къас*, *къаш*) «крест, распятие; образ, икона; честь», и *Герги*, *Керги* «Георгий».

Но здесь мы натываемся на одну загадку. Св. Георгий был чрезвычайно популярен во всем христианском мире и его культ чуть ли не соперничал с культом самого Христа; сохранилось бесчисленное множество икон и картин, на которых он изображен в доспехах, поражающим копьём дракона. Но почему св. Георгий изображен всадником-воителем, если его имя означает на греч. «земледелец»? Можно объяснить это тем, что его образ – переосмысление образа некоего древнего божества земледелия, который побеждал покровителя земли, древнее хтоническое чудовище. Но это путь неверный.

Кар.-балк. *къач-кергил*, *къаш-кергил* означает «распятый на кресте»; *къач* (с закономерным оглушением в *къаш*), - «крест, распятие», *кер* «распинать», -*гил* аффикс. Кроме того, на Западе это имя произносят по-другому – *Джордж*, *Жорж*, *Джорджо* и пр. Но кар.-балк. *жор*, *зор* тоже означает «крест» (ср. *чорт* поперечина, крест-накрест, *жоргъа* иноходь; ср. русск. «аллор три креста»). Неслучайно и кар.-балк. именование святого - *Бий (Къ)Аш-Керги* – означает «Божественный распятый на кресте», но абсолютно созвучное *Бий Аскерчи* означает «Божий воин» или «божественный воин».

Иными словами, чрезвычайная популярность св. Георгия объясняется тем, что так турки именовали в древности самого Иисуса Христа; впоследствии имя превратилось в имя и образ почитаемого святого. Явление такой колоссальной личности, как Иисус Христос, не могло не вызвать широкий резонанс уже с самого начала его проповеди. Но не было в ту пору ни книг, ни газет, ни радио, ни телевидения; население узнавало о

новостях из рассказов купцов и путешественников, домысливая и переосмысливая услышанное. Поэтому великого пророка именовали бы в разных странах по-разному, на основе слухов о его деятельности, учении и судьбе. Так в греч. мифологии появился и остался в ней еще один образ Христа - Прометея, страдальца, распятого на горе (греч. *tau* – название буквы Т, и креста, имеющего такую форму; ср. кар.-балк. *tau* - «гора»). Исследователи недоумевают, почему в честь такого великого деятеля и благодетеля человечества в Элладе не было построено ни одного святилища и не проводились какие-либо празднества – но их и не могло быть, так как христианство вскоре распространилось в Греции и там стали строиться христианские храмы. В Индии отголоски деятельности Иисуса и рассказы о нем вызвали появление образа Кришны и религиозного течения - кришнаизма.

В Малой Азии и в Закавказье Иисуса Христа вначале знали, скорее всего, под именем Георгия Победоносца. Но почему св. Георгий изображен воином-драконоборцем? Согласно Св. Евангелию, Иисус Христос является победителем сатаны, «князя мира сего», «древнего змия»; по апокрифам, он даже спускался в ад, чтобы выволочить из него души умерших. Т. е. Иисус мыслился именно героем-драконоборцем: этот образ, близкий и понятный народным массам, еще пребывающим в язычестве, не мог не стать популярным.

В кар.-балк.-дигор. (аланском) именовании св. Георгия - *Къаш-Кергил* - начальный *къ* и конечный звук *л*, находясь в слабой позиции, выпали: получилось *Аш-Керги*, *Ас-Керги*, что созвучно тюрк. слово *аскерчи* «воин». Близкое по звучанию *керек* - «доспех». Согласно Св. Евангелию, один из римских легионеров проткнул копьем бок распятому на кресте Иисусу, отсюда связь Христа с копьем (в народных легендах, сложившихся до кодификации Нового Завета), как и традиция изображать св. Георгия с копьем в руке. Кроме того, в кар.-балк. яз. *сюнгульчю* – «копейщик»; но созвучное *сююнчю* означает «добрая весть», ср. греч. *евангелие* «добрая весть».

Разумеется, автор этих строк прекрасно понимает, что здесь он не только отвлекается от темы, но и дает повод оппонентам для иронии («Эка хватил!»), но уверен, что сказанного вполне достаточно; читатели сами могут сопоставить и другие данные. Имеются и другие, гораздо более красноречивые свидетельства того, что в эпоху начального христианства часть алан, вместе с сельджуками, находилась на Ближнем Востоке, что и объясняет причины появления приведенных фактов. Возможно также, что грузины были одним из первых народов (или даже первым), принявших христианство, почему Грузию и именуют на Западе Джорджией, переняв это название у малоазиатских турков, которые, возможно, называли их не только *гюрджю*, но и *джорджжи*, *жорчу*, т. е. букв. «крестовниками», «людьми креста» (устное примечание Р. Р. Тилова) .

Популярность у осетин образа небожителя *Уастырджги* (*Уаскерги*), в котором видят Георгия Победоносца, вроде бы свидетельствует о том, что они имели понятие об Иисусе Христе, пусть и в переосмысленном виде. Но оказывается, что у них это именование не одного небожителя или святого, а целого сонмища духов (как и *уацилла*, *донбеттр*, и др.). В обширной словарной статье (1989 г.), посвященной анализу имени Уастырджги (диг. Уаскерги), В. И. Абаев именуется его «популярнейшим божеством староосетинской мифологии», но не говорит о том, что это название бесчисленных духов (Абаев, ИЭСОЯ, т. 4, с. 55-56).

Следуя примеру иранистов, которые очень любят ссылаться на именитых ученых-иностранцев (Бейли сказал, Дюмезиль указал, и пр.), приведем высказывание профессора-ирановеда Эмиля Бенвениста из его книги «Очерки по осетинскому языку» (1965 г.). Французский ученый отметил отсутствие у осетин следов национальной религии иранцев: «...ничто не дает права думать, что осетины следовали когда-нибудь религии маздеизма»

(с. 138). И, далее: «Самое любопытное в *уацилла* и *уасгерги* заключается в том, что они выступают одновременно именами святого Ильи и святого Георгия и родовыми именами духовных категорий. От этих имен форма множественного числа – *уациллатае*, *уастырджитае* – это духи вроде джиннов, которыми заполнен воздух (и которых нарты убивают в большом количестве, как они убивают *зедов* и *дауагов*); они не имеют видимых связей с высокочтимыми святыми, они имеют лишь похожие имена» (Бенвенист, с. 142). (Нарт Батраз, например, в одном сражении убивает миллион *уацилла*).

Эмиль Бенвенист отрицает и то, что имена христианских святых попали в осетинский язык через греков-миссионеров или даже грузин: «Использование русских христианских имен в осетинском фольклоре производит странное впечатление, будто духи, побеждаемые героями, называются «святые Ильи» и «святые Георгии» (добавим и «водных св. Петров». – М. Дж.) Этот факт остается необъясненным» (Бенвенист, с. 143). Против таких антинаучных и «анти-алано-иранских» высказываний французского ученого В. И. Абаев в своем предисловии к его книге не возразил ни слова. Поэтому мы склонны думать, что иронцы, пришедшие в Осетию с юга (в XVII в.), переняли имя *Уаскерги* у тюрков-автохтонов и оно стало у них именовани^{ем} сонма мифологических существ (возможно, добрых) и их главы, как и *Уацилла*, который стал пониматься как его антипод и глава чертей.

СВИДЕТЕЛЬСТВА

Некоторые народы Северного Кавказа, после принятия христианства, в силу разных обстоятельств, вероятно, снова впадали в язычество, на некоторое время; и все они, позже, приняли ислам. Но если мы станем думать, что «алано-осетины», которые раньше всех в регионе стали монотеистами, потом вернулись к язычеству (находясь в окружении народов, которые придерживаются монотеистических религий), то вынуждены будем признать, что это случай уникальный и парадоксальный. И ни один осетиновед (насколько нам известно) никогда не пытался ответить на вопрос: «Если «алано-осетины» долго были христианами, а потом снова стали язычниками, то для чего им понадобилось такое количество арабо-мусульманских культовых терминов?».

Якоб Рейнегтс пишет (в 1796 г.): «Часть оссов является магометанами, часть язычниками, и только небольшое количество исповедует христианство» (ОГРИП, с. 92). Но и это христианство было привито очень поздно, в XVIII в., усилиями грузинских и русских миссионеров, и заключалось только в соблюдении обрядов, смахивающих на языческие. Через полвека после Рейнегтса, другой путешественник, Мориц Вагнер, сообщает: «Я лично не наблюдал у осетин никаких обычаев, свойственных христианской религии, кроме того, что они давали при крещении своим детям соответствующие имена и умели креститься» (ОГРИП, с. 277).

Приведем некоторые высказывания наблюдателей о религии осетин из многотомного издания «Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах» (ППКОО, Выпуск III и IV (Цхинвали, 1987, 1989). Отдельные строки или слова выделены нами.

1868 г. Статья Г.: «Осетины, часть которых исповедывает христианство, а другая мусульманство, до сих пор безразлично чествуют мифологические свои божества, христианских святых и Магомета» (вып III, с. 129).

1892 г. Алм. Кануков в статье «Годовые праздники осетин» пишет: «Весь религиозный культ осетин представляет такое смешение учений и догматов разных религий, что разобраться в нем возможно только специалисту». «Едва ли есть другая **первобытная религия** (это говорится в конце XIX в. – М. Дж.), столь богатая фантазией, создавшая такое поразительное многобожие, столько духов, святых и т. п.»; «осетины, усвоив

внешнюю обрядовую сторону той или другой религии, остались в душе теми же язычниками». «Он (осетин. – М.Дж.) еще с детства сжился с представлениями о том, что есть бог богов, что после него существует множество мелких божков, духов, нечистых сил, и что все радости и горе, вся жизнь человека зависит от них». «Где бы ни был осетин (верующий), он всегда старается вести себя так, чтобы не прогневать **ни добрых, ни злых духов**» (ППКОО, вып. 3, с. 66).

1870 г. Из статьи анонимного автора: «Религиозные воззрения осетин вообще мало изменились. В старину осетины веровали в своих дзуаров (**безличных** духов или покровителей) и, перед началом всякого дела, обращались к ним с молитвою о помощи. То же самое видим мы и в настоящее время с тою лишь разницей, что каждому дзуару дано особое имя». И, далее: «Вообще осетины, **как христиане, так и магометане**, всем упомянутым богам приносят разного рода жертвы: режут скот, пекут пироги, приносят душистые травы, плетут венки, зажигают тоненькие восковые свечи и т. п.» (ППКОО, вып. 4, с. 26-27).

1900 г. Из статьи Г. В. Вертепова: «Нравственный склад осетина, показывает он себя христианином или мусульманином, сложился из понятий, выработавшихся веками в родовом быту, и в этот плотно замкнутый круг **христианство еще не успело пробить себе входа**. Христианская мораль мало известна осетинам, противоречит во многом его понятиям, а христианская догматика ему совершенно не понятна. Принимая христианство, осетин исполняет некоторые обряды, крестится, соблюдает посты и праздники, иногда ходит в церковь, упоминает имя Христа и некоторых святых, но вместе с тем **отправляет и прежние языческие обряды, совершает моления языческим святым, приносит кровавые жертвы – баранов, козлов, быков – по известным дням и при этом не думает, чтобы его прежние обряды были несогласимы с новыми** (выделено нами. – М. Дж.), которые ему указывает духовенство. Академик Дубровин говорит: «Все правила и церковные обряды у осетин перемешаны и перепутаны; христиане исполняют многие языческие обряды, бреют голову и совершают омовение, магометане принадлежат к суннитской секте, едят свинину, пьют вино и смеются над своими обрядами» (ППКОО, вып. 4, с. 175).

Выходит, осетинский народ, чьи предки якобы познакомились с христианским вероучением раньше многих народов Европы, невзирая ни на какие старания миссионеров, единственный из народов Кавказа почему-то предпочел веками пребывать в язычестве, когда все остальные, на сотни верст вокруг, уже находились в лоне монотеистических религий. Но за 15 столетий, благодаря усилиям Византии, Грузии и России, можно было обратить в христианство не только малочисленный этнос, но и марсиан. Такое нелепое представление об осетинах возникло по вине тех многомудрых авторов, которые всеми силами старались и стараются навязать этому народу чужую историю. Не было ни 1500-летней пропаганды, ни преобладания христианства, и не являются осетины прямыми потомками скифов и алан. У них была совсем другая история.

ЯЗЫЧЕСТВО

Приведем другие цитаты из работ авторов XIX в., наблюдавших религиозную ситуацию в Осетии (ППКОО, вып. III).

1897 г. В своей статье Кесаев с горечью говорит о недостаточном усердии попов: «Спросите любого крестьянина – знает ли он что-нибудь о коране, и вы, несомненно, услышите не только утвердительный ответ, но и много любопытных сведений о целебных свойствах этой книги. А много ли найдете среди деревенских жителей людей, не говорим уже о знакомых, но даже знающих **о существовании св. Евангелия?**» (ППКОО, вып. 3, с.

235). И при этом наука уверяет нас, что «древние алано-осетины» познакомились с христианством в Vв.!

А. Гатуев, размышляя о причинах «забвения» христианства, виновных находит сразу: «Дигория, оставленная духовенством, под гнетом кабардинцев и их покровителей ханов (крымских. – М. Дж.), прежде других совратилась в магометанство. Тагаурия и Куртатия от набегов татарской орды совратились также в магометанство. Осетины Алагирского ущелья и Туалетия, хотя и остались христианами, но, не имея духовенства и церквей, впали в религиозное заблуждение – безразличие религии. В это же время в Осетии церковные документы были уничтожены; из исторических памятников ничего не уцелело; храмы христианские до основания разрушались врагами ее» (ППКОО, вып. 3, с. 271).

Все это, конечно же, только домыслы благочестивого А. Гатуева. «Злые татаровья» никогда не вторгались в ущелья ни Северной, ни, тем более, Южной Осетии, потому и не могли уничтожить документы и храмы, даже если бы они там были – уцелели же церкви и монастыри в самом Крыму (некоторые, кстати, пользовались особым покровительством ханов); эти агрессивные татары и кабардинцы почему-то и пальцем не тронули аланские церкви в Западном Карачае, расположенные в легко доступных, открытых местностях. И неужели превращать разрушенные церкви в языческие капища осетинам тоже повелели татары? Если бы осетины исповедовали христианство с давних времен, никакие мусульмане не смогли бы искоренить его, не исчезли бы в языке и христианские термины.

«Богослужение христианское, - продолжает А. Гатуев, - не оставило никаких следов в жизни осетин, впрочем, понятие о Троице продолжали выражать тем, что при жертвоприношениях возносили три хлеба во имя св. Троицы» (ППКОО, вып. 3, с. 271). Может быть, и так, но самого названия св. Троицы в осет. яз. нет.

Религия большинства осетин, по всем данным, даже в XIX-XX вв. представляла собой не ислам и не христианство, а самую невообразимую смесь из дуальной религии иранцев, йезидизма, язычества и отголосков монотеистических религий. Но виновными в том, что осетины «забыли» все основы христианства, у А. Гатуева далее оказываются не только татары, но и другие злыдни: «Татарские ханы с севера, грузины с юга (неужели они тоже были мусульманами? - М. Дж.), чеченцы с востока, а кабардинцы и балкарцы с запада заключили Осетию в самые тесные границы и держали ее в этом положении в течение четырех веков». Из этой толпы супостатов, плотно осадивших Осетию, которая, по мнению Гатуева, некогда была бастионом христианства на Кавказе, он выделяет затем самых ретивых. «При подстрекательстве турок, кабардинцы, силою оружия, огнем и всеми мерами старались сделать христиан-осетин магометанами, для этого брали детей их к себе на воспитание и расположенным к ним оказывалось полное покровительство».

Странный метод использовали эти неслыханно дальновидные кабардинцы: брать детей (в каком таком количестве?) и воспитывать их (сколько лет?), чтобы они распространили свет ислама в Осетии. Но сами кабардинцы, судя по всем данным, приняли ислам только в конце XVII в., принужденные крымскими татарами; карачаево-балкарцы и чеченцы чуть позже; почему в эту нехорошую компанию попали и грузины, которые, наоборот, должны были защищать очаг христианства в Осетии, совершенно непонятно. Что касается подстрекательства турок, думаем, что им не было никакого дела до маленькой Осетии и религии ее жителей; в самой Османской империи проживало огромное количество христиан и никто их мусульманами не сделал, даже тех, кто жил среди самих турок, в Малой Азии (армяне, грузины, сербы, греки, поляки, русские и др.). Как и в Крыму, где вплоть до присоединения полуострова к России свободно действовало несколько православных монастырей.

Но какие еще, по мнению Гатуева, методы использовали хитроумные мусульмане? «Кабардинское воспитание заключалось в сообщении осетину понятий об этике

кабардинской, и в знании правил верховой езды (? – М. Дж.), в научении смело совершать похищения, участвовать в набегах на христиан и т. д. Все молодое поколение осетин стремилось в Кабарду для изучения языка и кабардинского этикета и окончательно подорвало авторитет христианской религии в Осетии. Приняв от кабардинцев их нравы и обычаи, осетины скоро забыли о христианстве (но совершать моления в святынях почему-то продолжали, даже в годы Советской власти. – М. Дж.), рожденных детей стали называть кабардинскими именами или татарскими вроде, например, Татаркана, Магомета, Ельмурзы, Джены, Хадзимуссы, Керим-хана, Насып-хана и проч.» (ППКОО, вып. 3, с. 273).

Тут возникает целый ворох вопросов. Если осетины являются потомками скифов и алан, очень древних и сильных народов, почему они не имели своих этики и этикета, а если имели, то чем их превосходили этика и этикет кабардинские? Почему в Кабарду стремилась только осетинская молодежь, а не юноши всех народов Кавказа? Почему потомков древнейших коневодов мира нужно было заново обучать «правилам верховой езды»? Почему осетины перенимали нравы и обычаи кабардинцев – свои были хуже? И чего же, в конце концов, добились эти злокозненные мусульмане своей изощренной пропагандой? Разве принятия осетинами ислама? Нет, они (за исключением относительно небольшой части) как были, так и остались язычниками, о чем свидетельствует огромное количество материалов.

Повторим: это только домыслы А. Гатуева; поверив тому, что тогдашняя наука говорила о многовековой истории «алан-осетин» и принятии ими христианской религии во времена весьма отдаленные, он пытался найти объяснение полному отсутствию следов этого принятия. И вопросы мы задаем, разумеется, не с целью «обличить» его, а по другой причине – чтобы читатель самолично мог убедиться в том, как трудно понять что-либо, когда народ, поддавшись массированному давлению, принимает чужую историю за свою.

Но что думала о происках кабардинских миссионеров другая сторона, образованные осетины-мусульмане? Весьма любопытна статья Туганова (из дигорских баделят), посвященная защите прав алдаров на дворянство от нападок некоего Бутаева (1903 г.). «Неправ Бутаев и в том, что он принятие магометанства частью осетин приписывает их низкопоклонству; нет, христианство удержалось у тех осетин, которые были в крепостной зависимости у грузинских князей; магометанство же приняли те, которые находились под влиянием Кабарды. Я говорю «под влиянием» для того, чтобы оттенить ту разницу, какая существует между грузинским и кабардинским владычеством. Тогда как осетины-христиане несли чисто рабское ярмо, подвергаясь нравственному вырождению, обусловленному неуловимыми законами этого состояния, осетины, соприкасавшиеся с Кабардой, пользовались полной автономией, доказательством чему служит то обстоятельство, что эти осетины издревле входили в родственные связи с кабардинцами. Так, Бадели (родоначальник баделят) был женат на дочери одного из кабардинских владетелей – Куденетова, а потомки Бадели до настоящего времени непрерывно находились в родстве с высшими кабардинскими фамилиями. Все это могут подтвердить и кабардинцы».

«Следовательно, - продолжает Туганов, - «плеть кабардинская» не играла никакой роли в деле принятия осетинами мусульманства. А вот грузинская палка сумела собственной властью удержать нечто вроде христианства у другой ветви осетинского племени. Но это было именно нечто вроде христианства, так как настоящей, единой религии Осетия никогда не исповедовала; **религия осетин – это смесь язычества с христианством, магометанством и еврейством, причем языческие суеверия составляют главный, так сказать, остов религии, а христианство и другие – орнаменты этого остова**» (выд. нами. – М. Дж.).

Заметим, Туганов не говорит, что хоть какие-то осетины стали мусульманами или христианами; нет, он считает, что они остались язычниками, несмотря на все усилия грузин и кабардинцев. «Вот почему осетины до сих пор не относятся серьезно ни к одной религии; а не дальше чем в прошлом году они одним своим поступком доказали, что на христианство они смотрят просто как на средство для достижения своекорыстных целей и для приобретения расположения правительства. Поступок этот состоит в следующем: вся христианская Осетия прислала к его преосвященству епископу владикавказскому своих представителей (среди которых были и лица с высшим образованием), которые и объявили его преосвященству, что все осетины-христиане перейдут в магометанство, если алдарам и баделятам (которые исповедуют мусульманство) будут даны дворянские привилегии» (ППКОО, вып. 4, с. 347). Думаю, комментарии здесь излишни.

1898 г. Некто А. Бирюлькин, услышав в «православном» осет. сел. Ольгинском жалобу женщины на мужа, который привел себе вторую жену, спросил ее односельчан, «как они могут допускать у себя такие безобразия и такие случаи; но они прехладнокровно и с двусмысленной улыбкой ответили, что у них двоеженство встречается часто и редко кого возмущает» (с. 25).

1902 г. Начало надгробной речи, которую произносил старец: «О бог богов, создатель мой!» (ППКОО, вып. 3, с. 35). Очень по-христиански.

1903 г. Е. Вашакидзе, говоря о частых случаях самоубийства среди женщин-осетинок Часавальского общества, пишет: «Светлый взгляд христианства на женщин у здешних осетин совершенно отсутствует. Осетины не признают таинств христианства. У них и ныне существует многоженство, которое, как и у мусульман, обусловливается имущественным состоянием. Вообще здесь сильно сказываются остатки бывшего исламизма». Это вполне возможно; но, читая то, что пишут об осетинах авторы XIX-XX вв., мы почему-то везде встречаем не «остатки исламизма», а самое настоящее язычество в его полной силе: «Клятва осетина перед Евангелием никогда не удовлетворяет заинтересованного этой клятвой другого осетина. Но зато перед связанной кошкой, козлом и ослом осетины благоговейно, и произнесенная в присутствии этих животных клятва имеет большое значение».

Приводит автор и другие странные обычаи, добавляя: «Клятва же, произнесенная перед Евангелием, не имеет никакого значения, и к ней совершенно напрасно прибегают на суде». При этом он делает заключение: «...осетины скорее мусульмане, чем христиане по складу духовной жизни» (с. 45-48). Это совершенно произвольный вывод: какой мусульманин будет «благоговеть» перед кошкой, козлом или ослом, связанными или несвязанными? Нет, речь идет о язычниках.

1892 г. Некий Н. С. пишет о тщетных попытках христиан искоренить язычество среди осетин, в частности, обряд поклонения в святилище Реком: «Грузинское же духовенство построило на этом месте храм во имя св. Троицы (Цминда Самеба – по-грузински) в надежде, что этим способом оно заставит народ забыть своего языческого бога. К сожалению, эти надежды не оправдались, так как народ и теперь продолжает молиться здесь не святой Троице, а какому-то божеству, управляющему атмосферными явлениями, не терпящему свинины, грозному и мстительному» (ППКОО, вып. 3, с. 74).

1917 г. Из статьи С. Фарфоровского: «Иногда св. Георгия называют «сыном солнца», такое же название носит и Магомет, часто фигурирующий под видом христианского святого. Признавая посты христианские, осетины справляют и уразу. И христиане, и мусульмане молятся Уацилла, соответствующему св. Илье, с которым они его смешивают, и Афсати, покровителю охоты, Барастыру, властителю мертвых» (ППКОО, выпуск V, с. 180).

Разумеется, мы не ставили своей целью привести все высказывания наблюдателей о религиозном состоянии большей части осетинского народа; это огромный, исключительно интересный и ценный материал, ясно показывающий, что речь должна идти о язычестве, с отдельными вкраплениями элементов христианства и ислама. Но что думают специалисты, которым эти данные были известны давно? «Современный уровень этнографического осетиноведения позволяет говорить о глубоких истоках религиозного мышления осетин, дать утвердительный ответ на вопрос о наличии в дореволюционном быту осетин реликтовых пережитков, связанных с древнейшими пластами духовной культуры народа» (Чибиров, с. 5). Как же о «реликтовых», если в Осетии и по сей день встречаются святые рощи, камни, пещеры, святилища, справляются массовые языческие празднества и есть люди, не знающие, в лоне какой религии находятся?

А теперь сравните это с тем, что пишет этот же автор в заключении своей книги: «На территории Северной и Южной Осетии давно нет ни одной действующей православной церкви, ни одной мечети, хотя поклонение дзуарам и местным святилищам все еще бытует среди части населения» (Чибиров, с. 201). Книга Л. А. Чибирова вышла в 1984 году, поэтому можно списать отсутствие в Осетии христианских и мусульманских храмов на политику Советской власти, боровшейся с религией. Но говорит же автор, что поклонение языческим богам в святилищах продолжается!

Виднейший осетинский этнограф Б. А. Калоев пишет: «Всякое святилище, как и божество, называется у осетин дзуаром, от грузинского «джвари» (крест)». Эти дзуары делятся, по мнению Калоева, на общеосетинские, ущельные, сельские и родовые. «Наибольшее распространение среди осетин получили древние религиозные верования, культы и связанные с ними празднества и обряды» Калоев, 1971, с. 240-241). Что в этих сведениях свидетельствует о христианстве?

«Дохристианские религиозные верования после монгольского нашествия и оттеснения осетин в горы получили еще более широкое распространение. Этот период характеризуется появлением в горах Осетии множества родовых, общинных, и ущельных культов, а также окончательным сложением общеосетинского пантеона». Откуда Б. А. Калоеву стало известно, что эти культы распространились в Осетии именно после монгольского нашествия, понять трудно. Крайне интересны и причины такого «возрождения» язычества, усмотренные этнографом: «Укрепление дохристианских верований осетин в горах после монгольского нашествия и упадка христианства объясняется не только экономическими и социальными факторами, но и во многом – географическими условиями жизни народа, что не раз отмечалось еще дореволюционными авторами. «Исполинские горы, – писал Н. Жданов, – своими снежными вершинами уходящие в небеса, грозные тучи с громами и молниями, бури и вихри и обвалы – все это наводило на осетин страх и ужас. Они пытались умиловить эти грозные явления своими мольбами и жертвами, резали в честь неодушевленной природы быков и баранов...» (Калоев, 1971, с. 236).

Получается, что «алано-осетины», первыми на Северном Кавказе приняв христианство (на государственном уровне!), сразу же после всеобъясняющего пришествия «монголов» почему-то напрочь от него отказались и снова впали в язычество. Как ни уламывали их грузинские, крымские, кабардинские и русские миссионеры, они несколько не поддались пропаганде единобожия и в своем большинстве до наших дней пребывают в лоне политеизма. Б. А. Калоев не подумал о том, почему не испугались громов, обвалов, бурь и вихрей и начали молиться Единому Богу народы Дагестана, чеченцы, ингуши, карачаево-балкарцы, жившие точно в таких же природных условиях, как и осетины.

Далее автор цитирует акад. А. М. Шегрена: «У всех есть свои языческие угодники и священные места. Их очень много, и большею частью в подчинении только у одного племени, даже у одного аула, а другими не уважаются». И весьма удивительно читать после этого следующее заключение Б. А. Калоева: «Осетины относятся к числу тех немногочисленных народов Кавказа, которые имели две официальные религии – христианство и ислам; последний был распространен только среди сравнительно небольшой части населения, преимущественно феодальной верхушки Северной Осетии. Однако ни христианство, ни ислам не утвердились в народе, тем не менее (? – М. Дж.) эти религии, главным образом христианство, оказали немалое влияние на мировоззрение осетин» (Калоев, 1971, с. 283). Попробуйте понять, что тут сказано: имели две официальные религии, но ни одна из них не утвердилась, но они оказали немалое влияние!

Говоря о немалых усилиях Российского государства по «возрождению» христианства в Осетии, Б. А. Калоев пишет: «Характерной чертой насаждения (именно. – М. Дж.) христианства в Осетии являлось лояльное отношение миссионеров к языческим верованиям и культам». Но тогда зачем эти миссионеры приходили в Осетию? Чтобы похвалить язычников за усердие? «Христианство сосуществовало вместе с язычеством, а во многих случаях уступало ему. Меньше всего христианство распространилось в горах, где господствовала языческая религия» (Калоев, 1971, с. 289). Поиски хоть какого-то смысла в утверждениях этнографа оказываются тщетными и в этом случае: не проще ли было ему сказать, что христианство вообще не добилося никаких успехов – ни на плоскости, ни в горах? И что речь идет о народе, который до прихода этих миссионеров не имел никакого понятия о христианстве? Но в таком случае получалось, что осетины не имеют отношения к аланам, поэтому Б. А. Калоев говорит, что, по народным преданиям, при царице Тамаре в горах Осетии было построено большое количество церквей и монастырей, от которых остались только развалины.

Допустим, после нашествия монголов осетины отвернулись от христианства, но неужели это произошло мгновенно и единогласно, по решению партии и правительства? Какие-то люди обязательно продолжали бы ходить в эти церкви, слушали бы проповеди и пр. (Это происходило в СССР даже в период господства гос.атеизма; но разве кто-то подвергал христиан Осетии каким-либо репрессиям?). Рядом была Грузия, которая, несомненно, оказала бы поддержку группам единоверцев. Кроме того, Б. А. Калоев утверждал, что христианство слабее всего было в горах; но ведь именно там и находятся развалины церквей и монастырей. Почему же эти строения превратились в руины? И это еще пол-беды. «Многие из них, как отмечалось, стали языческими святилищами» (Калоев, 1971, с. 286).

Триста лет аланского христианства, получается, не дали никакого результата. Не потому ли, что ираноязычные предки осетин не имели к нему никакого отношения – поскольку их на Кавказе еще не было? В книге Б. А. Калоева помещена фотография Шоанинской церкви (Карачай), одного из древнейших аланских храмов, возведенного в седловине горы. Ее кар.-балк. название - *Чууана къала* «башня Чуана» (от *чууана* «святилище; высота; возвышенность»; отсюда, видимо, и русское «чваниться»), - показывает, что в церковь была перестроена древняя башня (следы перестройки заметны до сих пор). Почему же тамошние «ираноязычные аланы», якобы ассимилированные «язычниками-кипчаками», не превратили в капища и святилища ни этот, ни другие христианские храмы на территории Балкарии и Карачая?

Современные осетиноведы повторяли и несостоятельные аргументы А. Гатуева. Например, по мнению Б. А. Калоева, мусульманство было усвоено «дигорскими и тагаурскими феодалами от кабардинских князей, от которых они находились в

зависимости», еще в XVII в. «Под влиянием мусульманских священников осетинские феодалы отдавали своих детей на воспитание в Кабарду, где они обучались исламу и княжескому этикету. Под воздействием тех же священников в Осетии все более распространялись мусульманские имена». «По рассказам стариков, все одиннадцать тагаурских феодальных фамилий» «строго придерживались ислама, принятого ими в том же XVII в.». Определенное влияние оказали на тагаурцев и муллы, направлявшиеся имамом Шамилем. В 1831 году «из 658 человек самого крупного селения куртатинцев Даллагкау треть приняла мусульманство». Чтобы остановить процесс исламизации, царская администрация сочла необходимым (в 1856 г.) создать для осетин-мусульман 12 отдельных селений. Гораздо слабее были позиции ислама в Алагирском ущелье, по причине его «значительной географической изолированности», а также «в отсутствии феодальных отношений». (Интересно тогда, какие отношения могли бы способствовать христианизации?).

Кто же были эти великие проповедники, за один век достигшие больших результатов, чем византийские и грузинские за тринадцать столетий, и даже русские миссионеры и имперские власти за два века? Отмечая, что в середине XIX в. «рост числа мечетей опережал рост числа осетинских мусульманских священников», Б. А. Калоев пишет: «Это увеличивало приток в Осетию малограмотных кабардинских и дагестанских мулл, которые проводили богослужение в осетинских мечетях, не владея языком этого народа». «Вот что писал Коста Хетагуров об этих проповедниках ислама в Осетии: «Не умея говорить по-осетински, мулла-кумык или татарин объясняются с народами с помощью переводчика» (Калоев, 1971, с. 289-293).

Принять подобные объяснения мы не можем. Во-первых, арабо-мусульманские имена встречаются уже в самых первых документах, где упоминаются осет. феодалы (см. ниже). Во-вторых, они никак не могли быть переняты у кабардинцев, поскольку те сами приняли ислам только в конце XVII в., на Лабе. В-третьих, получается, что осетины готовы были принять любую религию, лишь бы не христианство: власть делала им подарки, строила школы и церкви, миссионеры переводили Евангелие на осет. яз. и пр., и пр., но упрямые феодалы и крестьяне принимали ислам, который им проповедовали «неграмотные муллы», да еще и не зная осет. яз. Как же они достигали таких успехов?

Список противоречий и неувязок в трудах иранистов, анализирующих религиозную ситуацию в Осетии, бесконечен. Единственный вывод, к которому можно прийти после их прочтения, гласит, что осетины были настолько привержены своему многобожию, что даже 15-вековое знакомство с монотеизмом ничего в их сознании не изменило, и даже в эпоху гос.атеизма они предпочли отказаться от наследия христианства и ислама, но не от своих капищ и святилищ. В отличие от иранистов, поверить в пятнадцативековое идейное сопротивление «алано-осетин» христианству и исламу мы не можем (если только местные язычники не были объединены в мощную организацию под главенством коллегии жрецов); предпочтительнее думать, что они (иронцы) познакомились и с христианством, и с исламом очень поздно, по каковой причине мировые религии не успели оказать на них ощутимо сильного влияния.

ДУАЛИЗМ

Чтобы показать своеобразие политеистических культов в Осетии, приведем любопытные сведения об одном из праздников, опубликованные в дореволюционной периодической печати (а также и в современной научной литературе), показывающие, что говорить о знакомстве осетин-иронцев с христианством или исламом в отдаленные времена, а тем более о принятии ими этой религии (раннем или позднем), нельзя в

принципе. Сведений этих много, мы ограничимся несколькими.

1868 г. Известный просветитель Инал Тхостов пишет: «Праздник *цыппурс*, чисто христианский, празднуется в честь рождения Иисуса Христа, около 25-го декабря. Дня через два или три после *цыппурса* (ср. название еврейского новогоднего праздника - *йом-киппур*. – М. Дж.) осетины празднуют ночь в честь злой силы – шайтана. Вечером известного дня каждое семейство убивает козленка, - непременно козленка – и печет пышки. Мясо и пышки съедаются в один присест и только одними настоящими членами семейства; работники и даже гости, которые так уважаются осетинами, не могут прикоснуться к жертве шайтана и даже в таком случае, если бы в доме хозяина не было ничего, кроме одного чурека. Кровь козленка, кости и крошки собираются вместе и зарываются в нарочно вырытую для этого глубокую яму, чтобы собаки и кошки не могли попробовать святыни» (! – М. Дж.). Составитель тома, Л. А. Чибиров, дополняет: «Согласно анимистическим воззрениям осетин, существовала возможность обрастания костей мясом и оживления животного» (ППКОО, вып. 3, с. 416).

Совершенно поразительно и другое: «Что особенно достойно внимания в этом празднике, - продолжает Инал Тхостов, - это то, что в молитве перед жертвоприношением умоляется только шайтан, и боже избави, если произносящий молитву как-нибудь обмолвится и упомянет имя бога или какого-нибудь святого, тогда всему семейству не сдобровать: шайтан целый год будет преследовать его за оскорбление» (ППКОО, вып. 3, с. 58). То же самое говорит Б. Гатиев (выпускник Казанской духовной семинарии): «Под среду, которая приходится между Рождеством и Новым годом, осетины справляют суверенный праздник, *дуаи астау*, - среди двух – ибо он посвящен не Богу и не Его святым, а гневному демону, по пословице: «Богу молись, а черта не гневи»! Осетинское семейство с полудня начинает суетиться. Пиво, арака и брага приготовлены еще за день и стоят в кабице (погребе. – М. Дж.). С наступлением вечера хозяин тащит откормленного ягненка к яме, вырытой у овечьего порога, и над нею закалывает его молча. Спустив кровь в яму, он несет жертву в комнату и, входя в двери, восклицает: «Благословение святого на вас!» (о «гневном демоне»! – М. Дж.). Семейство отвечает: «Да поможет он тебе!».

Б. Гатиев делает примечание: «В этот вечер осетины не призывают имени Бога, боясь, чтобы за это демон, как враг Бога, не разгневался на дом». Он приводит и текст молитвы демону, именуя его *Бынаты хицау*, т. е. «бог помещения, дома»! Примечание составителя книги, Чибирова Л. А.: «В праздник Бынаты хицау в жертву предпочитался козленок» (ППКОО, вып. 3, с. 171) – как и «шайтану», о чем и говорит И. Тхостов.

Трудно поверить, что речь идет о народе, которого свет христианства коснулся 15 столетий тому назад, если он, начиная Бог знает с каких времен, ежегодно приносил жертвы нечистому духу, именуя его «святым». И в РОС, и в ОРС слово «рождество» переведено именно как *цыппурс*; но чем объяснить жертвоприношение демону именно через день-два после Рождества Иисуса Христа? Вряд ли скифы, сарматы и аланы могли передать осетинам этот диковинный, и, видимо, весьма древний обычай. Ни Тхостов, ни Гатиев о происхождении праздника не говорят ни слова.

Л. А. Чибиров, сообщая, что *Бынаты хицау* часто перевоплощался в змею (ужа), говорит, что этот дух соответствует русскому домовому. Но если так, то почему перед праздником, посвященном «домовому», нельзя было произносить имя Бога и даже имена святых? А вот и его описание: «Обычно он предстает в образах мужчины (мальчика) и женщины. «Везет» тому, у кого **Бынаты хицау** – мужчина, ибо он добрый, сильный и спокойный. **Бынаты хицау** – женщине (чаще уродливая, с клыками) присущи капризы, слабость и суетливость. **Бынаты хицау** может обернуться и в барашка, в метлу, лягушку». «Наряду с собственно **Бынаты хицау**, среди части северных осетин был

известен и другой аналогичный дух – **Бындур (Бундор)**, с конкретной функцией покровительства домашнему очагу. Его представляли в образе черного мохнатого человекообразного существа, жившего над домашним очагом» (Чибиров, с. 125; с. 60-61).

Каковы бы ни были функции этого «домового», на светлого духа ни «гневный демон», ни «аналогичный» Бындур, ни «женщина с клыками» явно не похожи. В. И. Абаев уверял, что в пантеоне осетин была покровительница домашнего очага Афсин, функции которой якобы «перенесли» на пресв. Деву Марию; получается, что эта Афсин мыслилась супругой «черного мохнатого существа» и вряд ли представлялась красавицей.

О поклонении *Бынаты хицау* говорит и А. Х. Магометов, и так же считая, что «он соответствует домовому у других народов». И он же пишет, что *Бынаты хицау* «имел свой особый культ, ему поклонялись, совершали различные обряды». Казалось бы, простое правило: чтобы сделать вывод по какому-то вопросу, следует рассмотреть максимальное количество имеющихся данных. Но А. Х. Магометов почему-то привел только сведения Миллера (не анализируя их) и сделал заключение: «... в образе «Бынаты хицау» («Бундор») древние осетины воплотили черты предка, духу которого (в лице первого) каждая семья поклонялась отдельно и устраивала почести, и он покровительствовал ей». Этнограф приводит следующие аргументы:

1. «... жертвенную пищу, «освященную» предком, «делила» с ним именно данная семья, и никто другой». 2. «В формуле молитвословия в честь этого святого» при отдаче ему жертвы употребляется слово *фаелдыст* «посвященный (мертвым)». Миллер писал: «Термин *фаелдыст* употребляется только относительно мертвых». 3. Женщины не произносят имен патриархальных богов – Уастырджи, Уацилла и др., но свободно называют *Бынаты хицау* по имени. (Почему так, если это духи предков их мужей?). 4. *Бынаты хицау* «даже местом своего «пребывания» избирает «къабиц» - кладовую, владение женщины». По мнению А. Х. Магометова, в культе *Бынаты хицау* (то ли домового, то ли «святого», то ли духа предка) отразился переходный от матриархата к патриархату период, «компромисс между ними».

Даже из этих сведений (приведенных Милером) видно, что ни о каком «духе предка» говорить не приходится. Ср. также: «... с наступлением вечера, у иронов хозяин закалывает откормленного ягненка над ямой, вырытой у овечьего порога». «У дигорцев режут ягненка или черную курицу над ямой, вырытой в земляном полу около порога сакли, ибо здесь, как полагают, имеет свое пребывание Бундор». Хозяин, стоя со стаканом араки, просил у «домового»: «Не искушай нас и не делай нам никакого зла, не тронь ни головы, ни лошадей, ни скота нашего, ни всего, что нам принадлежит и т. д.» (Магометов, 1974, с. 317).

Жертвоприношение «святому» совершалось вечером, в темное время суток. Общеизвестно, что у множества народов мира порог считался очень опасным местом; полагали, что под ним гнездится нечистая сила – но именно там и приносили жертву *бынаты хицау*. Или мыслили его местопребывание в земляном полу возле порога. И если *бынаты хицау* – это все же образ духа предка, то надо полагать, очень злобного; иначе зачем умолять его не трогать домочадцев, не искушать их, не губить скот и т. п.? Почему «домовой» гневался, если кто-то произносил в тот день имя Бога? И почему Л. А. Чибиров называет этого «предка» «уродливой женщиной с клыками», «челообразным», «черным» и «мохматым»? Объяснение А. Х. Магометова, таким образом, неосновательно.

Дореволюционные авторы были, как мы видим, гораздо прямодушнее. В 1870 году еще один из них говорит не о «духе предка» и не о «домовом», а именно о злом духе, именуемом *хайраг* (согласно ОРС, РОС и ИЭСОЯ это слово означает «черт, дьявол, бес»): «Интересно, между прочим, жертвоприношение злему духу, или хайрагу. Чтобы

задобрить его, между первым днем Рождества Христова и новым днем, в день Дуаистав (Дыуаейы астаеу), т. е. срединный день, осетины, секретно от соседей, в полночь режут козла» (ППКОО, вып. IV, с. 27). Напомним, что бесы считали своим покровителем божество Уацилла (якобы трансформацию св. Ильи), которому осетины приносили в жертву козла.

1880 г. «Осетины-христиане и магометане все верят в существование злых духов и до сих пор чтят их, принося им жертву в ночь под Новый год, в последнюю среду последнего месяца в году. Жертвою этого служит какое-либо убитое и зажаренное животное из скота или птицы. Угощение этим кушаньем чужого влечет за собой какую-либо беду, чаще всего болезнь либо одного из членов семьи, либо того, кто, будучи гостем, вкусил чужой жертвы. Обычай этот свято (!? – М. Дж.) соблюдается до сих пор и между осетинами-христианами, не исключая самого последнего бедняка» (ППКОО, вып. IV, с. 104).

1889 г. Существование у осетин праздника жертвоприношения бесу отмечается и другим анонимным автором; он даже называет его «совершенно исключительным»: «Рождество Христово, или Цыппурс по-осетински, празднуется как чисто христианское торжество, но через 2-3 дня после него наступает праздничная (! - М. Дж.) ночь в честь шайтана, - злого духа, дьявола. Вечером, под праздник, торжественно приносится жертва, вокруг которой шайтан умоляется не делать зла всему дому; при этом строго соблюдается, чтобы имя Божье или какого-либо святого не было произнесено. В таком случае всему дому грозят неисчислимы бедствия от шайтана. Из мяса принесенного в жертву (козленка) готовятся кушанья и особого вида пышки». И, далее: «Затем часть мяса, пива и водка ставятся в пустую комнату и предназначаются исключительно для шайтана. Считается за особое счастье, если пища эта оказывается съеденной». «Этот оригинальный праздник, может быть, служит отчасти указанием, что в глубокую старину открытый известным путешественником Елисеевым культ дьявола в Малой Азии, вероятно, имел более широкое распространение» (ППКОО, вып. 3, с. 63).

Анонимный автор, вероятно, имел в виду курдов-йезидов, которых соседи-мусульмане считают дьяволопоклонниками. Но почему этот культ, если он имел более широкое распространение, сохранился именно у ираноязычных народов – курдов и осетин? У первых его еще можно считать наследием древнеиранской дуальной религии; но почему жертвы злему духу приносили осетины, не имеющие, по мнению науки, никакого отношения к истории и религиям Ирана? Почему этот праздник (явно не скифо-сарматский) отмечался народом, который, если верить историкам-иранистам, первым на Северном Кавказе познакомился с учением христианства и первым его принял, причем на государственном уровне, еще в X в. (или даже раньше)? И если, как пишут осетиноведы, христианство в Осетии заглохло благодаря неистовым усилиям крымцев и кабардинцев, почему они не искоренили обряд поклонения бесу, что, как мусульмане, обязаны были сделать непременно и в первую очередь?

Все эти сведения, вне всякого сомнения, были известны осетиноведам давным-давно, в том числе, разумеется, и В. И. Абаеву, который родился в самом начале XX в. Почему же ученые, многие из которых являются высокочлассными специалистами, усердно выискивая любую мелочь, которая могла бы свидетельствовать в пользу мнения о скифо-аланском происхождении осетин, обходили полным молчанием вопрос о происхождении общесетинского праздника? Может быть, приведенные выше сведения и вытекающие из них выводы казались им антинаучными? Или есть другой ответ?

Приведу две версии происхождения этого обряда. Возможно, он является отголоском древнееврейского обряда - жертвоприношения злему духу Азазелу, когда первосвященник возлагал на «козла отпущения» грехи народа, совершенные в прошедшем году, а потом его изгоняли в пустыню. Или какие-то сектанты пробрались,

неизвестно в какое время, в горы Осетии и добились того, что один из их праздников, неслучайно отмечавшийся в дни зимнего солнцестояния (когда длительность ночи достигает максимума) стал отмечаться всем населением. Но следует сказать, что есть некоторые обстоятельства, которые мешают принять эти объяснения.

Правоверный иранист В. А. Кузнецов пишет о сильном политическом влиянии арабов на Кавказе еще в период их войн с хазарами (в VIII в.), о широком использовании ими перевальных путей в центре Кавказа и даже о том, что они взимали налоги с местного населения, по каковой причине название сел. Нузал, расположенного в самом центре Осетии, якобы является арабским (см. ниже). Иными словами, это означает, что ислам и христианство стали известны «алано-осетинам» в одно и то же время. Но почему-то ни арабские воины за веру, ни мусульмане-проповедники, ни грузинские, византийские и русские священники-миссионеры не смогли искоренить языческий праздник поклонения бесу, отмечавшийся всем населением и доживший до XX в. Такого, на наш взгляд, быть не могло.

Отсутствие в языке осетин своих (иранских) слов, означающих «бог, божество, богиня» (как и многое другое) заставляет думать, что религиозные представления их предков в момент их прихода из Ирана находились на стадии анимизма, почитания духов-покровителей, независимо от того, представителями каких сил они мыслились – светлых или темных. С другой стороны, бытование подобного праздника до наших дней показывает, что ираноязычные предки осетин пришли на Кавказ и познакомились и с христианством, и с исламом очень поздно, так как мусульмане, будь они самими мягкими людьми среди своих единоверцев, не стали бы терпеть его ни минуты. На наш взгляд, языческая религия и мифология осетинского народа давно нуждаются в объективном и детальном анализе; подобное исследование, несомненно, дало бы интересные и неожиданные результаты. И, конечно, крайне любопытно было бы узнать, каковы различия в верованиях дигорцев, кударцев, туальцев, куртатинцев, тагаурцев, алагирцев.

ГЛАВА XVII. АВТОХТОНЫ

НАРОД

За 60 лет, прошедших со времени выхода в свет ОЯФ, ни у кого из единомышленников иранистов не вызвали изумления следующие, и опять лукавые строки В. И. Абаева: «В древнем слое языка нет слова, обозначающего «народ». Современное *адаем* представляет относительно позднее арабско-персидское заимствование. Подобное положение отражает древнюю родоплеменную дробность, когда народ не дошел еще до отчетливого сознания своего этнического единства» (Абаев, ОЯФ, с. 63). Это очередная странность непотопляемой, как пробка, и неколебимой, как утес, гипотезы иранства скифов и алан. Если слова «народ» не было «в древнем слое языка», по причине многовековой «родоплеменной дробности» (в которой якобы пребывали осетины), то почему в «новом слое» оно оказалось «арабско-персидским»? И почему осетинский народ так и не дошел до «отчетливого сознания своего этнического единства» за всю долгую историю, которой его наградили иранисты? Почему же это слово есть у карачаево-балкарцев (*халкъ*; *эль*), у кумыков (*халкъ*), у лакцев (*халкъ*, *ил*, *агъали*) и др.?

Понятия «народ, народность, нация, национальность, население, люди» обозначаются в осет. яз. только одним словом – *адаем*. Об этом В. И. Абаев пишет, позже: «Из **араб., перс., тюрк., адам** «человек»». «В осетинском неоформленное *адаем* имеет значение не индивида, а коллектива: «люди», «народ», и уже отсюда, с помощью *-аг*, образовано понятие «человек» (*адаеймаг*. – М. Дж.)»; объясняется это, несомненно, тем, что в

осознании людей той эпохи, которую отражает в данном случае осетинский язык, понятие коллектива было первичным, а понятие индивида – вторичным»; аналогичную картину мы находим в племенных названиях: *таетаер* «татары» - *таетаейраг* «татарин», *гурдзы* «грузины» - *гурдзиаг* «грузин» и т. п.» (ИЭСОЯ, т. 1, с. 29).

Разговор одним росчерком пера переводится в другую плоскости – чтобы не отвечать на вопрос, почему в осет. яз. нет такого важного термина. Если верить Абаеву, предки осетин, едва явившись на свет и осознав себя в качестве коллектива, сразу же решили назвать его чужим, «араб.-перс.-тюрк.» словом *аедам*, а потом, видимо, по инерции, стали производить от него термин, означающий «человек», как и прочие. Сам же Абаев пишет в РОС: «нация – *наци*, *аедам*», но добрый десяток производных в том же словаре не от второго слова, а как раз от русского, например, «национальный – *нациалон*, *национ*». Почему же в осет. яз., «одном из самых древних в мире», нет своих терминов для обозначения понятий «народ, нация, люди», и даже «человек», а есть только *адаеймаг*, производное от заимствованного не то из араб., не то из перс. или тюрк. *адаем*? Но, вместо того, чтобы ответить на этот вопрос, этимолог говорит об «аналогичной картине».

Если в «осознании людей той эпохи, которую отражает в данном случае осетинский язык», коллектив был первичен (как хотелось думать Абаеву), почему осетины не произвели слово «человек» от сугубо североиранских терминов, означавших, скажем, «народ, общество, клан, племя»? И как обходились без этих крайне нужных терминов «ираноязычные» скифо-сарматы до знакомства с арабами, персами или тюрками? Или, при другом подходе: пусть «североиранцы» переняли у них слово *адам* «человек», но почему-то обозначили им коллектив, народ; зачем же им надо было обозначать этим словом все остальные понятия? Не дают ответа.

Если верить академистам, история осетинского народа и его языка прослеживается на протяжении не менее 2700 лет. И нас пытаются уверить, что за такой громадный период времени масса нормальных, разумных людей, имея общую культуру, образ жизни, язык, обычаи, территорию, государства, царей и пр., не смогла выработать (или хотя бы позаимствовать у ближайших соседей) важнейшее понятие, подразумевающее их самих, как этническую общность! Извините, я этого не принимаю, потому что отношусь к осетинскому народу, чрезвычайно талантливому, выдвинувшему из своей среды целую плеяду выдающихся людей, имеющему наибольший научный потенциал среди всех этносов Северного Кавказа (это не реверанс, а простая констатация факта), с гораздо большим уважением, чем иранисты-лысенковцы, вот уже два столетия морочащие ему голову (если называть вещи своими именами).

Точно так же заслуживают всеобщего уважения и скифо-аланы, у которых не могло не иметься термина, означающего «народ». Было государство Скифия, была Алания. Кто же их создавал? Зачем они, эти древние люди, именовали себя, скажем, аланами-асами? Что они имели в виду (как и их соседи), на протяжении веков называя себя этим именем? Неужели только «родоплеменную дробность»? Мог ли этнос, который создал два государства, чеканил монету, управлялся царями, ходил в походы, имел разнообразные связи с государствами и народами, отстаивал свою независимость и пр., тысячелетиями «жить родовым строем»?

Отсутствие в осет. яз. слова, означающего «народ» (как и многих других важных терминов), объясняется не тем, что осетины на 27 веков застыли в своем языковом и социальном развитии на изобретенной Абаевым стадии «родоплеменной дробности», а тем, что они являются очень молодым этносом, формирование которого на основе смешения иранцев, тюрков и евреев (а также – отдельных выходцев из вайнахской и грузинской среды) началось совсем недавно, и закончилось уже в XIX в., после ассимиляции тюрков-дигорцев. Этим же (молодостью этноса), как и неразвитостью

классовых отношений, объясняется бедность общественно-социальной терминологии.

Об отсутствии исконного слова «народ» в осет. языке Абаев говорил в 1949 году. Но через двадцать лет оно вдруг появилось, в РОС (сост. В. И. Абаев): «народ *в разн. знач.* адаем, дзыллае» (с. 269); в ОРС: «*дзыллае* 1. масса, множество (о людях); человечество, мир, люди, народ» (с. 220). Весьма искусственное дополнение. Из шести указанных смыслов значение «народ» стоит последним. Это слово есть и в грузин., и в кабард. яз. Что же говорил о его происхождении В. И. Абаев? «Дзылла «мир», «общество», «народ», «масса». «Из каб. *жилля*, черк. *джилля* «общество», «мир», «народ». Относится ли сюда агул. *жалла* «все»?» (ИЭСОЯ, т. 1, с. 405).

Согласно ОРС, понятия «род», «племя», «фамилия», «семья», «порода» обозначаются одним и тем же словом – *мыггаг*. Есть еще «*знаем* – род, племя». Но осетины встретились с кабардинцами в XVIII в., когда последние, стремясь освободиться от гнета Крыма, переселились из Закубанья на равнины Центрального Кавказа. Так что же, до той поры у «алано-осетин» своего термина не было? Но у самих кабардинцев до 90-х годов XX в. слова, означающего «народ», тоже не имелось, они использовали русский термин. И осет. *дзыллае*, и кабард. *жилля* – явное заимствование из кар.-балк. яз: *жый*, *зый* «собирать», *жыйыл*, *зыйыл* «собираться», *жыйылыу*, *зыйылыу* «собрание, сход», и др.

Хотелось бы сказать невнимательным и нелюбознательным иранистам слегка перефразированными строками А. С. Пушкина: «О, сколько **вам** открытий чудных // Готовит просвещения дух...». Может быть, хотя бы теперь они начнут изучать словари, составленные их же учителями, коллегами и единомышленниками. А если они изучили их давным-давно, то почему молчали об этих данных?

ГОСУДАРСТВО

По мнению этнографа А. Х. Магометова (как и и других осетиноведов), расцвет Алании падает на X-XII вв., «когда она приобрела черты государственного устройства». И, далее: «В «Аланском царстве» (неясно, почему автор поставил кавычки. – М. Дж.) в то время уже существовало классовое деление: в нем имелись «цари», «вожди», «военачальники», «знатные» (князья и вельможи) и подвластное население («простые», бедные и др.)). «О классовой дифференциации в аланском обществе в указанный период свидетельствует и осетинский фольклор. Одновременно с укреплением феодальных отношений, происходивших на основе развития земледелия, скотоводства, торговли и ремесла, шел процесс консолидации отдельных аланских племен и образования единой народности».

Заключение А. Х. Магометова гласит: «Одним словом, с Аланией считаются не только соседние государства и племена на Кавказе, но и Византия, Хазария, Персия, Тмутараканское княжество. С нею завязываются не только торговые связи и военно-политические союзы, но и заключаются династические браки между представителями царствующих домов перечисленных государств и Алании, что, впрочем, являлось одним из средств укрепления политических связей» (Магометов, 1968, с. 14-15).

В. А. Кузнецов пишет: «Господствующая феодальная верхушка была наиболее заметна средневековым авторам, писавшим об Алании и аланах. Наиболее ранние упоминания «царей овсов» (алан. – В. К.) содержатся в хронике грузинского историка XI в. Леонти Мровели» (Кузнецов, 1984, с. 157). Но в этой хронике написано, что первым из них был Уобос, сын хазарского царя: «И поселился Уобос. Потомками его являются овсы» (Мровели, с. 25). Разумеется, В. А. Кузнецов, как и все академики, думает, что хазарами грузинский летописец «анахронистически» именует «ираноязычных» скифов. Но ведь эти овсы и хазары, в отличие от давно исчезнувших скифов, были современниками Мровели.

Почему же, так хорошо зная историю скифов (например, Мровели пишет, что территорию Дагестана хазарский царь отдал своему двоюродному брату), он не говорит, что у овсов язык иной, чем у хазар? Можно придумать и другой ловкий ход, например, сказать, что хазары взяли да и тюркизировали несчастных ираноязычных скифо-сарматов, потому, мол, Мровели и путает их (такое объяснение было бы вполне в духе иранистов). Но тогда грузинского летописца следует считать таким путаником, ссылаться на хронику которого нельзя ни в коем случае и ни по какому поводу.

Эти события с участием «царей овсов» относятся к первым векам нашей эры, но, как считает Кузнецов, «реальное существование института царской власти в Алании в это время весьма сомнительно», цари первых веков нашей эры «скорее всего были в действительности крупными племенными вождями» (Кузнецов, 1984, с. 157). Пусть так. Отметим, что историки считают возможным приурочить начало становления царской власти в Алании к первым векам нашей эры. Не будем считать царями и других вождей, вплоть до X в., на протяжении тысячелетия. Но тысяча лет – это гигантский период, и народ, который имел крупных вождей уже в начале нашей эры, сложился бы в государство гораздо раньше (наверное, опять помешали злые гунны или иные «таборные кочевники»). И если скифы, имевшие древние традиции государственности, также присутствовали на Кавказе в лице дигорцев (первой волны иранцев на Кавказе, как считают иранисты, в том числе и Кузнецов), они, наверное, помнили бы эти традиции.

Но допустим, что все происходило именно так, как это представляется Кузнецову, т. е. необъяснимо и чудовищно медленно. «Десятый век стал «золотым веком» в истории Алании, временем ее военно-политического могущества, четко зафиксированного в исторических сочинениях». Аланский царь выступал в походы с 30 тысячами всадников, вел, по словам Масуди, «твердую политику среди царей», «их царство крепче всех окружающих народов» (Кембриджский аноним), алан боялись даже хазары, аланскому царю из Византии посылались грамоты с золотой печатью достоинством в два солида (как и Руси, Болгарии и Абхазии), он именовался «духовным сыном императора», «в списке государств Алания занимает почетное место вслед за Арменией и Иверией и выше Абхазии, Хазарии и Руси» (Константин Багрянородный).

Далее В. А. Кузнецов цитирует Ю. А. Кулаковского: владетели кавказских народов получали от императора «приказы», «и только властитель Алании трактуется как самостоятельный государь». Современный историк М. В. Бибиков, «ссылаясь на употребление термина «вассилисса» применительно к Ирине Аланской, пишет: «Речь идет о самостоятельном государстве, равноправном с Империей ромеев: византийскому василевсу (императору. – В. К.) соответствует аланская вассилисса»; именно к этому времени сложились все предпосылки для возникновения государственности «с институтом царской власти во главе» (Кузнецов, 1984, с. 158-159).

Приводит археолог и слова Масуди из описания этого региона: «Затем следует царство Алан (Ал-Лан), царь которого называется К.рк.ндадж, что является общим именем для всех их царей, подобно тому как Филаншах – имя всех царей Сарира. Столица Алана называется Магас, что означает «Муха». Помимо этого города царь владеет замками и местами отдохновения и (время от времени) переезжает туда на жительство». Как видим, аланский царь носит наследственный (общий для всех царей) титул *керкундедж* – вероятно, хазарского происхождения – имеет свою столицу Магас и владеет загородными резиденциями – замками и «местами отдохновения». Нет никакого сомнения в том, что перед нами – крупнейший аланский феодал» (Кузнецов, 1984, с. 159-160).

«По В. Ф. Минорскому, К.рк.ндадж – возможно, турецкий почетный титул *кэркундедж*. Первый элемент часто встречается в турецких словах и именах». «Учитывая оживленные алано-хазарские связи, заимствование социального термина «*кэркундедж*»

аланскими верхами, подражавшими хазарскому двору во внешнем оформлении власти, выглядит закономерным» (Гутнов, с. 41).

Согласно сообщению Ибн-Русте, «царь аланов называется Б. гайр, каковое (имя) прилагается к каждому из их царей, т. е., как считает Кузнецов, «и в этом случае речь идет о постоянном, наследственном титуле, как одной из инсигний царской власти. И. Маркварт и В. Ф. Минорский убедительно исправляют Б.гайр на Багатар (в значении «богатырь»), что зафиксировано также в грузинской хронике «Картлис Цховреба» в форме Ос-Багатар». Сосуществование двух титулов В. А. Кузнецов объясняет тем, что, возможно, «владелец западной Алании носил один титул, владелец восточной – другой; возможно иное понимание этого дуализма – титул керкундедж мог носить верховный политический руководитель Алании, титул багатар – военный вождь, полководец, средневековыми авторами принимаемый за царя» (Кузнецов, 1984, с. 160).

Следовательно, в Алании уже в X в. были цари, полководцы, города и столица. Но *керкундедж* с осет. вообще не имеет объяснения, *Б. гайр* – тоже; это, скорее всего, слегка искаженное *бурьгъур* «повелитель», от кар.-балк. *бур* «повелевать»; но если даже исправить его на *Багатар*, картина выглядит еще более странно: за плечами «скифо-аланосетин» к тому времени было 20 веков истории, но их цари имели два тюркских титула и ни одного «североиранского».

Загадочный титул *к.рк.ндадж* легко объясняется с кар.-балк. яз. Последний слог – это аффикс *-даш* (синон. русск. *со-*), обозначающий совместность, сопричастность: *карын-даш* «брат» (букв. «со-утробник»), *замандаш* «со-временник», *жолдаш* «спутник, товарищ» и пр. *Къара* имеет много значений, в том числе и «большой, сильный, великий»; *къара-хан-даш* означает букв. «совместный с великим ханом», «соправитель великого хана». Может быть, имелось в виду подчиненное (пусть и номинально) положение аланского царя по отношению к хазарскому кагану (императору); одна из глав в книге В. А. Кузнецова об аланах так и называется – «Союзники и данники хазар».

Далее В. А. Кузнецов говорит о царе Дургугеле Великом, одном из крупнейших политических деятелей Алании, династических браках аланских царей и принцесс, походах алан на Ближний Восток, их участии в византийских делах и торговых контактах и пр. В то же время Кузнецов характеризует Аланию так: «Это было племенное объединение с чертами государственности. Отсутствие разветвленного государственного аппарата, регулярного войска (при наличии феодальных дружин), своей монетной системы и общегосударственной письменности свидетельствует о «варварском» характере этого непрочного политического образования» (Кузнецов, 1984, с. 164).

Но если в Алании не было ни разветвленного государственного аппарата, ни монетной системы, ни регулярного войска (а только феодальные дружины), ни общей письменности, то чем это племенное объединение отличалось от других и почему союза с Аланией добивались и Иран, и Хазария, и Византия, и Грузия? По каким причинам были возможны династические браки аланских владык? И о каких признаках могущества Алании еще в X в. говорит сам Кузнецов?

В первой половине XIII в., как пишет археолог, феодальная раздробленность Алании стала настолько типичным явлением, что прямо или косвенно отмечалась современниками. «Ко времени татаро-монгольского нашествия Алания распалась на ряд более или менее крупных феодальных владений, враждующих между собой». Алания была монголами разгромлена и разорена, население осталось только в горных теснинах (Кузнецов, 1984, с. 167). Через несколько лет автор вновь вернулся к вопросу об общественном строе Алании; оговаривая, что воссоздание его полной картины сейчас вряд ли осуществимо, он, тем не менее, приходит к вполне определенным выводам.

Утверждая, что в Алании (X-XIII вв.) уже были мелкие феодалы, владельцы земли, В.

А. Кузнецов пишет: «Несомненно, существовали и более крупные феодальные владельцы – сюзерены, властвовавшие не над отдельным населенным пунктом, а над целыми районами Алании». «Верхний этаж феодально-иерархической лестницы занимали правящие династии». «Весьма показательно, что, тогда как авазги, иверийцы, албанцы и другие народы получают из Константинополя приказы, властитель Алании в X в. трактуется в византийской дипломатической переписке как самостоятельный государь». Приводя и другие факты, В. А. Кузнецов заключает, что они «свидетельствуют о победе феодальных отношений в Алании X-XIII вв. и о ее вовлечении в рамки феодальной формации» (Кузнецов, 1990, с. 107-108).

Впрочем, считать ли Аланию просто одним из раннефеодальных государств или государством вполне развитым, в данном случае для нашего анализа особого значения не имеет. Есть сам факт ее существования как страны, населенной зажиточными, воинственными и предприимчивыми людьми, с городами, феодалами и царями, что признается всеми исследователями. Следовательно, в языке народа, который является наследником алан (и скифов впридачу) должна иметься терминология, отражающая достаточно развитые социальные отношения. Но в осетинском ее нет – и это тоже факт, причем упрямый, как шлагбаум.

НУЗАЛ

В. И. Абаев писал в 1949 году: «В старом фонде языка нет никаких указаний на феодальные отношения или царскую власть» (ОЯФ, с. 269). Это, конечно, очень странно, если считать осетин потомками скифов и алан. Но позже он и другие осетиноведы сумели отыскать и указания на феодальные отношения, и две фамилии, «самые знатные» и даже «царственные» – *Цаеразонтае* и *Аегхузатае*. В. А. Кузнецов пишет: «Подвергнув тонкому филологическому анализу осетинские фамильные имена «Царазонта» и «Агузата», В. И. Абаев пришел к выводу, что фамильное имя «Царазон» этимологически восходит к латинскому титулу цезарь, а фамильное имя «Агуз» – к римскому титулу август. «Мы теперь можем сказать, что в период консолидации аланского государства их правящая верхушка присвоила себе наименование Царазонта и Агузата, т. е. «наследников Цезарей и Августов» (ссылка на статью В. И. Абаева была нужна Кузнецову для объяснения двойственного именования аланских царей). В. И. Абаев, кроме того, писал, в той же работе: «Встает вопрос, как соотносились между собой эти две фамилии? Были ли они двумя ветвями какого-то одного древнего знатного рода? Или это были две соперничающие между собой самостоятельные династии, присвоившие себе в своей честолюбивой амбиции одна – наименование «Цезаревичей», другая – «Августовичей»? Для ответа на эти вопросы нет точек опоры» (Кузнецов, 1984, с. 160).

Крайне замечательно – для ответа на три самых важных вопроса нет точек опоры; неизвестно, когда появились эти фамилии; терминология, отражающая стратификацию общества, в осет. яз. практически отсутствует, зато можно этимологизировать «царские фамилии» и непременно с латинского – на основе весьма сомнительных созвучий. Тем не менее, позже В. А. Кузнецов еще раз выразил свое согласие с выводом Абаева, «вытекающим из чисто филологического анализа», «потому, что он вполне согласуется с нашим пониманием аланской социально-политической организации как дуальной и расчлененной на две близкородственные территориальные и культурные области – западную Аланию и восточную Аланию». «Естественно полагать, что в каждой из них должна была править своя династия» (Кузнецов, 1990, с. 111-112).

Допустим. На востоке, по мнению иранистов, правил род Царазоновых; по осетинским преданиям, их владения находились в Алагирском ущелье, в местности Нузал; здесь же,

согласно сказанию, в крепости у сел. Нузал жил легендарный Ос-Багатар, этнарх осетин (Кузнецов, 1990, с. 136). Здесь же находится один из памятников христианской архитектуры – Нузальская церковь. Иными словами, эта местность представлялась народу той первичной территорией, откуда шло расселение осетин, и этимология ее названия приобретает важное значение. «Нам известно, - пишет В. А. Кузнецов, - две этимологии названия Нузал, опубликованные в научной литературе. А. Д. Цагаева считает, что «название его, очевидно, монгольское», и приводит монгольский термин «нузал» или «нузул», т. е. «постой» (повинность). Согласно Л. И. Лаврову, название с. Нузал происходит от араб. «нузул» - «налог для содержания проезжающих феодалов и их чиновников». Отсюда В. А. Кузнецов, не задаваясь закономерным вопросом, почему название такой важной в народном сознании местности не является своим, осетинским, делает вывод: «этимология у обоих авторов, по существу, одинакова как фонетически, так и семантически».

Далее археолог говорит: «С исторической точки зрения более приемлемой нам кажется версия Л. И. Лаврова, ибо арабское влияние на Кавказе было глубже и активнее монгольского, а монголы сами термин «нузул» могли заимствовать у арабов. Имеет значение и то, что нам не известны факты пребывания монголов в горных ущельях Северной Осетии, тогда как арабы в период арабо-хазарских войн VIII в. и позже в горах Кавказа и особенно в районах перевальных путей проводили активную политику, направленную на удержание контроля над этими путями. Именно в это время – в VIII-IX вв. – могло закрепиться арабское название «Нузал», как место сбора налогов».

Следовательно, в список множества народов, которые расписались на карте Осетии (согласно А. Дз. Цагаевой – от эллинов и римлян до ногайцев, см. ниже), а потом куда-то исчезли, Л. И. Лавровым и В. А. Кузнецовым добавлены еще и арабы. Утверждение Кузнецова о том, что «арабское влияние на Кавказе было глубже и активнее монгольского» представляется верным, поскольку монголы на Кавказ никогда не приходили. Но, к сожалению, объяснение названия *Нузал* с арабского можно считать убедительным, только если не видеть, что все оно построено на предположениях.

Неизвестно, жили там арабы или нет. И откуда Кузнецову стало ведомо, что влияние арабов распространялось и на верхнюю часть Алагирского ущелья? И почему арабы, столь укрепившиеся в самом центре Осетии, не обратили ее население в мусульманство? Мнение В. А. Кузнецова о том, что последние «проводили активную политику на перевальных путях», ни о чем не говорит, поскольку перевальных путей на Кавказе много. Неизвестно, собирали арабы с жителей Алагирского ущелья налоги или нет. Другие арабские топонимы, гидронимы, оронимы и т. п., в Осетии неизвестны. Зато есть обширный тюркский пласт, который А. Дз. Цагаева именует «тюрко-монгольским»; есть, согласно В. И. Абаеву, и целый ряд героев нартского эпоса, носящих «тюрко-монгольские» имена.

И в этой же книге В. А. Кузнецова на 5 страницах повествуется о разнообразных связях «алано-осетин» именно с монголами. Судите сами: «...аланское общество, потрясенное нашествием, еще в ходе этого нашествия, оказалось разделенным на два противоположных лагеря – промонгольский и антимонгольский»; часть феодалов переметнулась на сторону захватчиков, часть боролась с ними; затем аланские феодалы поддержали Хулагидов в их борьбе с Джучидами; археолог не исключает, что аланы приняли участие в большой битве, разыгравшейся в 1263 году между Кумой и Терекон; после поражения эти аланы бежали в Грузию, под опеку ильханов, которые приняли их благосклонно; они стали служить в войске ильханов; благодаря помощи монголов, осетины дважды заняли Гори; когда грузины осадили город, на помощь осетинам пришли монголы и «примирили грузин с овсами»; мтавар Осетии Ос-Багатар выступает в роли

«путеводителя» монголов, с которыми сражался грузинский царь Давид VIII; овсы «в составе монгольского войска» участвуют в походе Мухаммада Худабанда в Гилян, в 1307 г. (Кузнецов, 1990, с. 131-135). Никаких фактов, свидетельствующих о существовании «арабо-алано-осетинских» связей, автор не сообщает. Но без них не могло быть и арабского влияния, более глубокого и активного, чем монгольское.

По этим причинам считать арабскую этимологию топонима *Нузал* убедительной нет никаких оснований. Вначале мы предположили, что это кар.-балк. *назылы* «ельник». Но, учитывая, что местность находится в высокогорье, мы предположили и другое: что *нузал* - это слегка трансформированное кар.-балк. *буз аллы* «перед льдом (ледником)», «предледниковье» (ср. известный археологам кар.-балк. топоним *Кешене-алы* «перед склепом»), закономерно изменившееся по линии: *бузал* – *нузал*. Но не имелось никакого реального подтверждения этому объяснению, поскольку нам неизвестен был характер местности. Оно нашлось как раз в книге В. А. Кузнецова: «Нузальская котловина, вытянутая в меридиональном направлении, геоморфологически представляет собой ледниковый трог, прорезанный бушующим Ардоном» (Кузнецов, 1990, с. 50).

О «ЦАРСКИХ ФАМИЛИЯХ»

Согласно преданиям, все осетины делились в древности на пять родов, к которым восходят их современные фамилии – упомянутые Царазонта, Агузата, и три другие :

Сидамонтае – по мнению В. И. Абаева, восходит к древнеиран. патронимическому имени *Спитамен* (к этому роду принадлежал и пророк Заратуштра).

Къусаегонтае – по народной этимологии, от слова *къус* «чаша» (но в ОРС указано, что это слово означает «чашка, миска»).

Цаехилтае – на иран. почве не этимологизируется.

Рассмотрим подробно, что говорил В. И. Абаев о «царственных фамилиях» Осетии позже. Вначале он пишет о неразвитости классовых отношений у осетин: «По общему мнению всех наблюдателей, в Осетии в новое время (XVIII, XIX, начало XX в.) не было среди населения четкого классового расслоения (в отличие, скажем, от Кабарды или Грузии). Только в Дигорском и Тагаурском обществах распознавались черты феодальных отношений. В остальных обществах преобладал родовой строй на разных ступенях его разложения. Но вот что любопытно. Даже в этих «демократических» обществах были фамилии, которые претендовали на особое, даже «царственное» происхождение». З. В. Ванеев пишет: «Осетинским аристократическим фамилиям было свойственно производить свое происхождение от какого-нибудь царя или владетеля».

«Коста Хетагуров в этнографическом очерке, озаглавленном им грузинским словом «Особа», сообщает, что некоторые фамилии Туальского общества «настаивали на том, что они происходят от разных инородных султанов, беков, ханов, принцев, князей и т. п.». Особенно упорно и настойчиво заявляли о своем «царственном» происхождении представители тех фамилий, которые относили себя к кланам Царазоновых и Агузовых. К сожалению, ни З. Н. Ванеев, ни Коста Хетагуров не сообщают, от каких именно царей или принцев вели свою генеалогию осетинские «аристократы» (Абаев, 1990, с. 408-409).

Поскольку письменные свидетельства таких притязаний отсутствуют, в поисках подтверждения царской генеалогии этих двух кланов (Царазоновых и Агузовых) Абаев обращается к написанной на грузин. яз. поэме осетинского деятеля Ивана Ялгузидзе (1775-1830) «Алгузиани», и находит в ней «ясное указание»: «Говоря о происхождении своего героя, осетинского царя Алгузона, он (Ялгузидзе. – М. Дж.) пишет: «Тогда от одного великого царя Августа-Кесаря, грека, произошли прекрасные сыновья...», имя одного (из них) – Алгузон. Имя *Алхузон* образовано от *Алхуз* с помощью

патронимического форманта —он». Автор, создавая свою поэму, пользовался, по мнению грузинского акад. К. Кекелидзе и самого Абаева, народными легендами и сведениями из грузинских летописей.

В. И. Абаев предположил, что отдав дань грузинским источникам и введя царя Давида в генеалогию осетинских царей, Ялгузидзе обратился затем к народным преданиям и здесь нашел иную генеалогию, возводящую их к Августу Кесарю. «Иными словами, предания о царственном происхождении некоторых осетинских фамилий (к ним же, судя по всему, относил свой род и Ялгузидзе. — М. Дж.), которые во времена Коста Хетагурова и З. Н. Ванеева носили уже крайне смутный характер, во времена Ялгузидзе (конец XVIII в.) были еще в памяти народа вполне конкретными и недвусмысленно приписывали осетинским «знатым» фамилиям происхождение от византийских или римских императоров». Такая генеалогия не могла возникнуть в новое время и являлась реминисценцией того далекого прошлого, когда аланское объединение было «самой значительной политической силой на Северном Кавказе, а его правители чувствовали себя на равной ноге с киевскими князьями, хазарскими каганами, византийскими императорами и грузинскими царями» (Абаев, 1990, с. 410).

Вот так, и очень просто, абсолютно голые предположения превращаются в основание для утверждения о существовании в Осетии царских фамилий. Но анализ самой поэмы показывает, что не все обстоит так гладко, как хотелось бы думать В. И. Абаеву. Вначале Ялгузидзе говорит:

*Что в Осетии был царь сильный, (о том) говорили пранги (европейцы),
Хазары и валахи;
Его называли Багатаром, мы не могли найти равного ему.*

(Нельзя ли было назвать этого древнего правителя как-нибудь по-другому, не «по-тюрко-монгольски»?). Затем Ялгузидзе переходит к израильскому Давиду-царю, от которого произошел впоследствии царь, исповедующий «веру греческую», и «по слову сильного Бога» почему-то «Давидом-царем усыновленный». И только потом «от одного великого царя Августа-Кесаря, грека, произошли прекрасные сыновья», одним из которых был рекомый Алгуз, которого отец лишил наследства из-за его желания жениться на Эстерь, дочери царя, который жил в Шаме (Сирия; этого «безверного» правителя Ялгузидзе именует весьма странно, по латинско-тюркски — *Кесарь-хан*). Тогда решительный Алгуз похитил девицу, подался с ней на Кавказ, завоевал Черкесию и побил калмыков (пришедших из-за Волги в XVII в.), а заодно и чеченцев. Жену чеченского царя Кайрана почему-то зовут по еврейско-греческо-тюркски — Мария-Хатун. У калмыцких красавиц, встретивших Алгуза с дарами, кстати, были весьма экзотические имена — *Элион, Элирония и Лестания*.

В довершение своих подвигов великий Алгуз завоевал еще и далекую Монголию, назначив там царем своего сподвижника Улдана. После его смерти надпись на памятнике гласила, что он был повелителем «Великой Осетии, черкесов, чеченцев, кистин, нонского (по мнению Абаева - калмыцкого. — М. Дж.) двора». В заключении Ялгузидзе вновь возвращается к библейскому царю Давиду, потомком которого оказывается Алгуз, и, поскольку сам Яхве пообещал царю Давиду, что его царский род не пресечется, то у Алгуза остался сын Чархил.

Сочинить такую генеалогию своего героя, как считает Абаев, Ялгузидзе не мог. Почему? Потому что в другом месте он же произвел его от библейского царя Давида: «В этом случае он просто повторяет грузинскую традицию, согласно которой династия Багратидов вела начало от царя Давида. Ялгузидзе мог бы этим ограничиться:

происхождение от царя Давида было достаточно почетным». Но затем сам же Абаев пишет: «Здесь ясно чувствуется тенденция противопоставить традиционной грузинской царской генеалогии, ориентированной на Библию, осетинскую, ориентированную на «Августа», т. е. на Рим» (Абаев, 1990, с. 410-411). По каким причинам могла появиться именно такая «тенденция», Абаев не сказал.

Следует ли верить, что произведение Ялгузидзе (которому явно не давали покоя лавры Шота Руставели) написано на основе народных преданий? На наш взгляд – нет, не следует. Где находится оригинал поэмы, написанной на грузин. яз. – неизвестно. Еще Вс. Миллер, вскрыв множество противоречий и нелепостей в поэме и именуя ее «странный», пишет, в 1897 году (т. е. через 12 лет после ее опубликования): «Быть может, мы ошибаемся, но на нас она производит впечатление какого-то искусственного и как будто тенденциозного сочинения, в котором книжный элемент сильно подавляет кое-какие народные предания» («Поэма об Алгузе», с. 95).

Кроме того, все построения Абаева, выдвинутые в подтверждение мнения о реальной основе поэмы Ялгузидзе, зиждутся на допущениях, выдаваемых за факты: что в конце XVIII в. предания о царственном происхождении Царазоновых и Алгузовых были еще свежи в памяти народа (но через несколько десятков лет «носили уже крайне смутный характер»), что Ялгузидзе пользовался именно этими преданиями, что он был исключительно честен при создании своей поэмы и пр. На наш взгляд, все объясняется просто. Ялгузидзе, придворный грузинского царя, сначала возвел происхождение своего героя к царю Давиду, потомками которого считали себя грузинские Багратиды. Затем, поняв, что грузинская царская фамилия не пожелает признать выдуманную им осетинскую ветвь рода, он, в пику грузинам, произвел своего героя Алгузона от Августа-кесаря, что В. И. Абаев посчитал ориентацией на латинский Рим.

Уверив читателя в существовании царских династий в Осетии и легенд об их то ли греческо-византийском, то ли римско-латинском происхождении, Абаев приступает к этимологическим выкладкам, и, конечно, доказывает как дважды два, что осет. *Цаеразон* («царазович») происходит от *Цезарь*, а *Агузон* («агузович») – от *Августус*. Доказывает лишь на том основании, что на осет. почве эти имена не этимологизируются; вернее, загвоздка в том, что по-осетински имя *Агуз* означает «бесцветный», а его вариант, *Алгуз* – «разноцветный». Стало быть, по Абаеву, не остается ничего другого, как обратиться к латинскому. Спору нет, решение оригинальное. Не больше того.

Без труда определяет Абаев и время появления претензий «осетинских царей» на происхождение от владык Рима: «Несомненно, это могло иметь место только в домонгольскую эпоху, когда аланское государство настолько консолидировалось, что его правители уже не могли довольствоваться титулом *аелдар* «князь» (алдаров было много). Чтобы поставить себя выше других местных алдаров, правители объединенной Алании нуждались в более престижном, более громком титуле, и они называли себя *Цаезарон* «наследниками Цезарей». Абаев допускает, что присвоение аланскими царями этого титула произошло в X в. «Во всяком случае, в XII в. это наименование уже существовало. Живший в это время осетинский царевич Давид Сослан в стойкой народной традиции неизменно именуется *Цаеразон*» (Абаев, 1990, с. 412-413).

Но, во-первых, напомним о тюрк. титулах аланских царей, удостоверенных в документах – *багатар* и *къарахандаш*. Во-вторых, ни один средневековый автор ничего не говорит о существовании у них титулов *алдар*, *цаеразон*, *аелгуз*. В-третьих, нам ничего неизвестно о существовании имени *Давид* в осет. ономастике. В-четвертых, Абаев почему-то забыл, что он сам объяснил нартское имя *Сослан* как ногайско-кипчакское (см. в ИЭСОЯ). В-пятых, очень сходное с библейским *Давид* имя носит прародитель нарт в кар.-балк. эпосе, кузнец и пророк *Дебет* (от *дыббет* «огненноликий»). В-шестых, анализ

лексики осет. яз. показывает, что государства у осетин-иронцев никогда не было.

«Когда аланское государство было уничтожено монголами, и народ вернулся в догосударственное состояние, эти «царственные» фамилии утратили всякие привилегии и растворились в общей массе народа. Но в их памяти продолжало стойко держаться убеждение, что у них особое, «царское» происхождение»; причем ирановед говорит, что все они «превратились в рядовых горцев-крестьян» (Абаев, 1990, с. 415, 419).

Вряд ли можно поверить в то, что народ, имевший свое царство, оставаясь на своей территории, может вернуться к родовому строю (при этом начисто позабыв слова, означающие «народ», «царь», «столица», «город», «дружина» и «государство»). Скорее всего, территория и население в таких случаях разбиваются на отдельные княжества. Почему же хоть одна из ветвей этих «царских» фамилий не стала хотя бы княжеской? Но Абаев этими вопросами не задавался и уверенно заключил: «Анализ фамильных имен *Цаеразонтае* и *Аегхузатае* подтвердил свидетельство Ялгузидзе, что осетинские правители вели свою, разумеется, легендарную, родословную от римских императоров (со времен Октавиана Августа все римские императоры принимали титул «Цезарь» и «Август»)» – (Абаев, 1990, с. 414). Полагаю, что иранисты, при желании, могли провести такой же этимологический анализ, который подтвердил бы с такой же несомненностью, что эти «царственные правители» вели свое происхождение от китайских богдыханов (если, конечно, других доказательств не требуется).

Широкое распространение грамотности и книжной культуры, связанное с налаженным производством бумаги и работой печатного станка, вызвало в XVIII в. появление произведений, их авторами (или заказчиками) выдаваемые за исключительно древние. Самый известный пример – сочиненные Макферсоном поэмы, которые он выдавал за творения легендарного барда Оссиана (а в начале следующего века Проспер Мериме издал книгу «Гюэла», представив его как сборник старинных песен южных славян). Коснулось это поветрие и Кавказа. Не стоит думать, что Иван Ялгузидзе, придворный богослов грузинского царя Ираклия Второго, был одинок в своем устремлении. Его современник, кабардинский просветитель Шора Ногмов в своей книге «История адыгейского народа» запросто объяснил имя героя адыгского эпоса – *Сосрукъо* – как слегка деформированное *Цезарукъо*, т. е. то же самое «цезаревич».

ТРИ РОДА

Вопрос о происхождении «царских» и прочих знатных фамилий волновал осетиноведов и позже, но, за неимением лучшего, им пришлось обращаться к генеалогическим преданиям. В одном из них говорится: «Родоначальником осетин является Ос-Багатар. У него было пять сыновей: Сидамон, Царазон, Кусагон, Агуз и Цахил. От них произошли роды Сидамоновых, Царазоновых, Кусагоновых, Агузовых и Цахиловых... сохранилась следующая характеристика трех из этих родов: многочисленность Сидамоновых, воинственность Агузовых, слава Кусагоновых... Род Сидамоновых распространился по всей стране».

Это предание, приведенное З. Н. Ванеевым, дополняет В. И. Абаев: «Сидамон, Кусаг и Агуза были братья. Много прожили и надумали разделиться. Дележу подлежали золотой меч, золотая ткань и золотой шар (мяч). Разделились, и ткань досталась Сидамону, меч достался Агузу, шар Кусагу. И вот как длинна была ткань, так распространился («удлинился») род Сидамона и занял всю страну. Агуза достался мяч, и военная доблесть осталась за его родом. Шар достался Кусагу, и слава осталась за его родом» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 3, с. 103). Разумеется, любому исследователю это предание напомнит скифскую легенду о четырех золотых предметах, упавших с неба. Нехорошо, конечно, что

три родоначальника происходят от этнарха с нечестивым «тюрко-монгольским» именем-титлом Ос-Багатар; ну да, ничего, иранисты и не такие препятствия обходили.

В. И. Абаев, объясняя это предание, пишет: «Легко видеть, что распределение сокровищ между тремя братьями отвечает трем социальным функциям в понимании Дюмезиля: шар («держава») символизирует верховную власть, меч - военную активность, ткань - богатство. Сидамон, стало быть, представляет третью функцию». То, что легенда основана на представлении о трехчленном разделении функций (жрецов, воинов и простых общинников-тружеников), несомненно. Стало быть, Сидамоновы - крестьяне, Агузовы - воины, а Кусаговы - жрецы.

Но вот далее начинаются накладки. В. И. Абаев сообщает, со ссылкой на Миллера и Броссе, грузинское предание о том, что во времена императора Юстиниана с Северного Кавказа в Грузию переселились три царевича по фамилии Сидамон. В другом фольклорном произведении говорится: «...отважные, храбрые люди были Сидамоновы». Это вряд ли можно расценивать как указание на принадлежность Сидамоновых к третьему (крестьянскому) сословию, скорее, ко второму, воинскому. Разумеется, нельзя ожидать, что в фольклоре все функции будут намертво прикреплены к трем соответствующим фамилиям; путаница, в силу понятных причин, неизбежна - один сказитель мог думать так, другой иначе. Но, к сожалению, этимологии Абаева только усугубили эту путаницу.

Имя *Сидамон* исследователь возвел к древнеиран. *Спитаман* (пехлеви. *Спитаман*, авест. *Спитама*), патронимическому имени пророка Заратустры. Сюда же он отнес имя зятя мидийского царя Астиага, предводителя согдийской конницы в войне против Александра Македонского (у Арриана). Но все это указывало на юг и восток, Иран и Согдиану, а В. И. Абаеву отрываться от «скифской почвы» не хотелось, поэтому он привел эпиграфическое имя *Спитамес*, якобы сарматское: «Ос. *Сидамон* (в отличие от пехл. *Спитаман*) никак не связано с авестийской традицией; скифо-сарматские племена остались чужды зороастризму».

Но как отделить авестийское имя *Спитаман* от иранского юга или востока? Разумеется, Абаев не говорит о том, что оно могло принадлежать согдийцу, хорезмийцу или персу, жившего в Крыму. Причина его появления в Причерноморье, по мнению ирановеда, совершенно иная: оно происходило не из Ирана, а принадлежало «североиранцам», среднеазиатским «ираноязычным скифам» - сакам, которых персы именовали *тур*, а их страну - *Туран*. Поэтому оно могло иметься и у их причерноморских сородичей. «Другой такой изоглоссой (скифо-авестийской. - М. Дж.) является скиф. *Флианос* (Ольвия) // авест. *Фриана*-. Фриана принадлежал, по Авесте, к «турскому», т. е. скифскому роду, и наличие этого же имени в далекой Ольвии, но тоже на скифской почве вполне понятно».

Пусть так. Но как быть с тем, что пророк Заратустра проповедовал именно в Иране? Пришлось отрывать от этой территории и его, продолжая нанизывать цепь предположений: «Не говорит ли совпадение имен ав. *Спитама* // скиф. *Спитамес* // ос. *Сидамон* об этнической близости рода Зороастра к скифо-сакским племенам?». И, далее: «Из какого иранского племени происходил Спитамида Зороастр, мы не знаем. Известный в истории Александра Македонского Спитамен, хотя и возглавлял согдийцев, сам **мог быть** саком, так как сакеи вместе с согдийцами воевали против Александра». Что касается досадной детали - зятя мидийского царя Астиага тоже звали *Спитама* - то Абаев опять предполагает: «...этот рассказ **мог быть** сочинен самим Ктесием, а имя Спитама он **мог** взять из инвентаря «зороастрийских» имен, употребительных в его время среди персов и мидийцев» (выделено нами. -М. Дж.); и добавляет, что, **если** даже рассказ Ктесия достоверен, то этот Спитама не обязательно должен был являться мидийцем, поскольку в

это время в Мидии хозяйничали вторгшиеся туда скифы, т. е. он **мог** являться каким-нибудь знатным скифом, женившимся на дочери царя.

Разумеется, вывод Абаева, вытекающий из очередной вереницы его предположений, однозначен: «Как бы то ни было (? – М. Дж.), говоря об этнической принадлежности рода Спитама, из которого происходил Зороастр, следует иметь в поле зрения осетинский эпоним *Сидаемон* и сарм. *Спитамес* как два случая, этническая отнесенность которых не вызывает сомнений». И, чтобы совсем уж убедить читателя, Абаев говорит (в примечании) что в области *Ракъ* (*Аракъ*), из которой присходил род Спитама (к которому и принадлежал пророк Зороастр), следут видеть птолемеевское *Pa*, которое, «скорее всего, является названием Волги, а не мидийской области *Рага*, что «является ошибкой или сознательной фальсификацией мидийских зороастрийских «ученых».

По доброте душевной мы готовы всему этому поверить: возможно, Спитамид Зороастр происходил из какого-то сакского племени, которое, возможно, обитало на берегу Волги; возможно, получив откровение, он ушел в Иран, где и стал основателем религии маздаизма (зороастризма); возможно, хитрые мидийские жрецы, дабы возвысить свое племя, впоследствии распространили мнение о том, что пророк происходил из мидийской области Рага, а не с далекой реки *Pa* (Волги). Но что, если эти жрецы приписали пророку еще и происхождение из рода Спитама?

Пытаясь объяснить, почему осетины называют асами и Асией карачаево-балкарцев и их территорию, а не себя и свою страну, осетиноведы, как один, утверждают, что первые перенесли эти свои именованья на новых насельников - тюрок. Турами и Тураном средневековые авторы (в том числе и персидские) именовали тюрок и их страну в Средней Азии - и опять иранисты утверждают, что южные иранцы перенесли название своих кочевых собратьев (саков-туров) на «новое» население края - тюрок. Поистине, что в Иране и Таджикистане, что в Осетии иранцы отличались неслыханной страстью к перенесению названий, ни за что не желая узнавать, как же называли себя их новые соседи.

В кар.-балк. мифологии огромная река, протекающая через центр мира и отделяющая живых от мертвых, называется *Ара-суу* (восходит к *арак-суу*, поскольку тюркские слова прежде оканчивались закрытыми слогами) – «Срединная река» (см. Джуртубаев, 1991). Не напоминает ли *Ара* название Волги у Птолемея - *Pa* (без второй части)? Другие античные авторы именуют Волгу сходно - *Аракс*.

Религиоведы никак не могут решить вопрос об отношении зороастризма к митраизму, некогда весьма распространенному и на Востоке, и в Европе вероучению, в котором главным божеством - примирителем, покровителем договоров и клятв, признавался *Митра* (солярный теоним). Имени пророка *Заратуштра*, этимологизируя его с иранского, неуверенно приписывают весьма странное значение - «хозяин старого верблюда». Но если иранистам дозволено делать неограниченное количество предположений, чтобы затем их выдавать за аксиомы, почему бы и нам хоть разок не последовать их примеру? *Заратуштра* - это иранское искажение тюрк. *зараиштыр*, *жараиштыр* «примирять», *зараиштыргъан* – «примиряющий», а *мидир* - «примиритель, посредник в переговорах». Сохранилось множество изображений Митры, приносящего в жертву быка. Почему именно это животное? Тюрк. *кър* «жертва», *кърман* «жертвоприношение»; если видеть в *ман* аффикс деятеля, слово *кърман*, *кърман* народноэтимологически можно понять и как «строитель» (поскольку *кър*, *кър*а означает «строить, организовывать»), и как «приносящий жертву» (отсюда и обычай приносить жертву при начале строительства нового здания). Но в осет. яз. (как, возможно, и в древнеиранском) *куыр* означает «бык». Следовательно, иранцы поняли тюрк. *кър* «жертва» в значении «бык», а потому и бога-примирителя стали изображать приносящим

в жертву именно быка.

Таким образом, мы приходим к выводу, что *Митра* (Михра, Мифра) - это второе (иранское) имя обожествленного пророка Заратустры («примирителя»), отделившееся от его носителя и превратившееся в отдельный теоним. Вывод: он был тюрком (саком, туром) и носил тюркское имя. Родился и вырос на берегах Волги (*Арак-суу*), где, согласно Авесте, жил народ *асар*, название которого, по мнению иранистов, означает «безголовые», а на самом деле это хазары. Свои его не приняли, и он ушел в Иран, где и стал основателем новой религии, в которой важнейшее значение придавалось неукоснительному соблюдению договоров и клятв, а самым страшным демоном признавалось олицетворение лжи и обмана - *Друг, Друдж*, ср. тюрк. *отурук, ётюрюк* «ложь, обман», возможно, от *ёлтюрюк* «смертоносное, убивающее» (о других тюркизмах в зороастрийской терминологии см.: Р. З. Тилов. «Сага о Кавказе»).

ТРИ ЗОЛОТЫХ ПРЕДМЕТА

Вернемся к теме – вопросу о пяти осетинских патронимических именах. Путаница в сообщениях сказителей вполне понятна и простительна. Но в семантике таких значимых имен должны были содержаться указания на функцию каждого из родов - а такого объяснения им осетиноведы дать не могут. Сидамоновы в осет. фольклоре в одних случаях выглядели крестьянами, в других – воинами, и даже царевичами. В. И. Абаев, отождествив осет. *Сидамон* и авест. *Спитаман*, вынужден был приписать им еще и третью функцию - жреческую, возводя эти имена к иран. *спита* «свет; белый» (поскольку понятия белизны и света связаны со жреческой кастой). З. Н. Ванеев считал, что древние аристократические фамилии осетин существовали еще до монгольского нашествия и видел в Сидамоновых аристократический клан X-XIII вв. Но Ф. Х. Гутнов, нарушая конвенцию, задает сторонникам этого мнения весьма неприятные вопросы:

1. «...почему в основном ареале распространения фольклорного памятника - Уалладжире, Туалгоме и Южной Осетии - от Сиды (а не от Сидамона-«Спитамана», как утверждал Абаев. – М. Дж.) ведут происхождение множество непривилегированных фамилий?».

2. «...по какой причине за пределами территории бытования предания о Багатаре имелись феодальные группы, связывавшие себя с Сидой?».

Считая, что генеалогическое предание об Ос-Багатаре сложилось не раньше XIV в., Ф. Х. Гутнов приводит и другие интересные данные, заключая: «Сидамонта - понятие не социальное; оно обнимает различные сословия алан-овсов. Поэтому к ним относили себя и феодалы, и крестьяне. Далеко не случайно термином «сидамонта» устная традиция иногда обозначала «племя», т. е. большую группу алан (непрерменно алан. - М. Дж.). В этой связи интересно сообщение Ю. Клапрота (1808 г.) о населении аулов Балта, Ларс, Чми: «Все жители этого района принадлежат к большому осетинскому племени Сидамони» (Гутнов, 1989, с. 48).

Название «царственного клана» *Агуз* или *Алгуз*, по В. И. Абаеву - от «античного» *Аугустос, Аугустус*; он боролся за власть с другим сильным родом, *Царазон* (якобы от *Цезарь*). Такое мнение Ф. Х. Гутнову представляется «вероятным, но не бесспорным», по следующим соображениям:

1. Нет данных о наличии таких кланов в аланском государстве, столица которого находилась далеко от Алагира (где и распространено слово *царазон*). 2. В XII в., когда в грузин. летописях упоминаются «цари овсов» (во мн. числе), они не выглядели так внушительно, как веком раньше. 3. Связи с Византией к тому времени значительно ослабли и верхи Алании переориентировались на союз с Грузией. 4. После нашествия

монголо-татар аланы хлынули в горы и уходили в другие места, не задерживаясь в Алагирском ущелье. «При таких условиях становится непонятным, почему царский двор после разгрома Алании должен был осесть в Алагирском ущелье, а не в Грузии у родственников-союзников».

Ф. Х. Гутнов предлагает другую этимологию наименования воинского рода, причем наименее подходящую для обозначения его функции: «И, наконец, имя Агуз может происходить от агузаг – «беспомощный». По поводу этимологии этого слова В. И. Абаев пишет: «Очевидно, из а+куз-аг, букв. «бессобашный», «не имеющий собаки», «hundlos». Неимение собаки, как синоним крайней степени нищеты, беспомощности и несостоятельности»; выпадение звука Л он не объяснил. Ф. Х. Гутнов добавляет: «...узданлагами Алагирского общества эксплуатировалась особая категория крестьян - агузы. Так именовались пришельцы из других обществ» (Гутнов, 1989, с. 44-45). На каком основании «бессобашные» (или «беспомощные») крестьяне могли претендовать на царское происхождение, нам не понять.

Но что же с третьим в этом ряду именем? Ф. Х. Гутнов пишет: «Многие фамилии Северной и Южной Осетии свои родословные начинали с Кусага. З. Н. Ванеев это имя выводил от *къус* – «чаша». Как считает В. И. Абаев, этногенетическое предание в данном случае оказалось, по-видимому, на правильном пути: *чаша* в фольклоре индоевропейских народов, в частности, в легенде о происхождении скифов (Геродот), служит символом важной функции - культовой. Следовательно, резюмирует В. И. Абаев, Кусагоновы - фамилия, из которой в далеком прошлом выходили жрецы». Но Ф. Х. Гутнов оказался читателем дотошным: «Однако, во-первых, *къус* переводится как «миска, чашка, пиала». Во-вторых, что более важно, имя фольклорного героя восходит не к *къус*, а по одним вариантам предания к *кусаег* – «работник», по другим же - к *хъусаег* «слушающий, внимающий», иными словами – общинник» (Гутнов, 1989, с. 44-45).

Что ж, опять заглянем в словари. У В. И. Абаев в его РОС «чаша - *къус*, *нузаен*», но также есть и другое: «чашка - *пиала*, *къус*», «миска – *къус*». Очень интересно: одно и то же слово означает «чаша; чашка; миска». Но составители ОРС, как и Ф. Х. Гутнов, думают иначе, у них *къус* означает только «чашка, миска». К тому же и второе слово, означающее, по Абаеву, «чаша», в ОРС опять имеет иную семантику: «*нузаен* - бокал, кубок; стакан». Снова смотрим в РОС: «бокал – *нузаен*», «кубок - *нузаен*, *хъалац*», но «стакан – *агуывзае*», как и в ОРС, но никакого *хъалац* там не отмечено. Так и не смогли мы выяснить, имеется ли в осет. яз. слово, означающее «чаша» или нет. Но пусть так, согласимся, что чаша называлась именно *къус*. Остается небольшая проблема: происхождение термина неизвестно; слова со сходным значением имеются в тюрк., угро-фин., горно-грузин., балтск., иран. яз. (Абаев, ИЭСОЯ, т. 1, с. 642). Но пусть так.

Далее выясняется, что трифункциональность, вопреки уверениям Абаева, в семантике имен родоначальников отражается искаженно, как и в других сведениях легенды. Сидамоновы оказываются то воинами, то жрецами, то целым племенем. Фамилию «Алгузовы», вроде бы обозначение рода воинов и обладателей меча (и даже царей), объясняют как «беспомощные», «не имеющие даже собаки», фамилия «жрецов» Кусаговых означает «работники», «слушающие, внимающие» или ее производят от слова *къус* «чаша, чашка, миска», неизвестного происхождения. (Г. Шанаев в 1876 г. пишет: «Кусаег – раб, тот же крестьянин, холоп. Досл. «работающий» (Нарты, т. 3, с. 112). Но все эти имена, если убрать осет. патронимическое окончание –*он*, легко переводятся с кар.-балк., причем их значения соответствуют именно трем функциям, чем и устраняется всякая путаница. *Сидам* (*шидам*) это кар.-балк. *чыдам* «терпение, выносливость» (*чыдам-лы* «выносливый, терпеливый»), т. е. речь идет о простых тружениках. *Кусаг*, *Кушаг* - от *куш*, *кус*, *куч*, *кюч*, *кюш* «сила» - это родоначальник воинов. *Алгуз* (испорченное в *Агуз*) –

кар.-балк. термин *алгыш* «благословение» (восходит к *алгыш*, *алгыс*), *алгышчы* «благословляющий»; разумеется, так могли называть родоначальника жрецов.

Теперь о золотых предметах. При переводе тюрк. легенды на осет. (иронский) без путаницы и лингвистических недоразумений не обошлось. Меч - символ воинского сословия, но почему в предании упоминаются шар и ткань? Жертвоприношение было прерогативой жрецов; кар.-балк. *кър* означает «жертва» (ср. обычное выражение *жанынга кър болайым* – «да буду я жертвой за твою душу»). Большая чаша - *гонпан*; чаша, которую употребляли при жертвоприношениях, называлась бы *кър гонпан* «чаша для жертвоприношений». Перенимая легенду, ираноязычные предки осетин перевели только первое слово, *кър*, поняв его как свое слово *кори* «шар». К тому же и детское слово *гонпа* (созвучное кар.-балк. *гонпан* «чаша») означает в осет. «голова», т. е. нечто круглое, шарообразное.

Вряд ли золотая ткань могла у кого-либо ассоциироваться с функцией простых общинников. В осет. тексте легенды стоит слово *тын*, означающее, согласно ОРС, «кусок, штука ткани; шерстяная ткань; тюк». Осетины-иронцы приняли кар.-балк. *алтын готон* «золотой плуг» за *алтын гетен* «золотое полотно». Следовательно, в оригинальной кар.-балк.-дигор. легенде (внятном отголоске скифской, см. выше), заимствованной осетинами-иронцами, говорилось о жрецах Алгузовых (чаша), воинах Кусаговых (меч), и тружениках Сидамоновых (плуг). Разумеется, чем ниже стояло сословие на социальной лестнице, тем оно было многочисленнее; поэтому о Сидамоновых говорилось еще и как о племени.

Мы должны заметить, что в осет. легенде не упоминается четвертый предмет, символ еще одного сословия – собственников земли, что вступает в противоречие со скифской (тюркской) легендой, в которой говорится именно о 4 предметах (иранисты, чтобы подогнать их число под индоевропейское представление о трехсословном разделении общества, объединяют в одно целое плуг и ярмо; но ярмо применяется не только при вспашке полей). В осет. легенде перечислены пять фамилий – указанные выше, плюс Царазоновы и Цахиловы. Если бы скифо-тюркская легенда бытовала в Осетии без искажений, то труженикам Сидамоновым («терпеливым, выносливым») досталось бы ярмо, а плуг считался бы символом богачей Цахиловых; как они именовались в тюркском оригинале, сказать трудно.

Пятая фамилия, Царазоновы, на наш взгляд, – это наименование аристократии, мыслившейся в центре народа (тюркам представлявшегося в виде круга (ср. *халк* «народ», арх. *хал* «круг», *къалкъан* «щит», и пр.), разделенного на четыре сектора-сословия) и над ним. И здесь следует обратить внимание на этимологию, предложенную в 1887 г. Р. Эркертом, «полагавшим, что термин «Царазон» происходит от «Zar-ason», т. е. «Сар-асон» - глава асов». С таким простым и точным решением, однако, не согласился В. И. Абаев, сообщив об этом в письме археологу В. А. Кузнецову. «Но этимология Р. Эркерта, - пишет он, - не обоснована филологически: более того, по заключению В. И. Абаева, она неприемлема, ибо «нет основания допускать превращение слова «сар» (голова) в «цар», а «ас» в «аз». Таких произвольных звуковых переходов в языке не бывает» (Кузнецов, 1990, с. 111).

Пусть читатель решит, насколько филологически обоснована этимология самого Абаева, возводящая фамильное имя *Царазонта* к *Цезарю*, а имя *Алгуз* к *Августу* на основании голого предположения о чрезвычайном честолюбии древних представителей этих родов. Он же допускал возможность гораздо более произвольных и чудесных «превращений» и «переходов», например, термина *ариана* в *аллон*, *ирон* и *ацагаллон*. Почему *сар асон* не имело права перейти в *царазон*, думаю, понятно: получалось нехорошее значение – «глава балкарцев».

Царазон – это, возможно, перевод на иронский язык именованья некогда правившего в одном из ущелий знатного тюркского рода – *бий ас* «господствующий (княжеский) род»: первая часть – *сари ас* «главный род» + патронимическое окончание –*он* (*сарассон* – *царасон* – *царазон*). Неслучайно осетины именовали балкарскую аристократию именно *Биаслановыми* (что и отмечено В. И. Абаевым в ИЭСОЯ), неправильно поняв *бий асла* «княжеские рода», как имя их предка – *Биаслан* (см. выше).

СОСЛОВИЯ

В 1949 году Абаев (в ОЯФ) говорил об отсутствии указаний на феодальные отношения и царскую власть «в старом слое языка». И еще: «Нет никаких признаков, чтобы у осетин жречество, если оно вообще существовало как обособленная группа, играло сколько-нибудь значительную роль в прошлом. Нет также указаний на обособление военного сословия: каждый, способный носить оружие, был воином». «Авеста, священная книга иранцев-зороастрийцев, дает картину более сложных и продвинувшихся социально-классовых отношений. Там различаются уже три сословия: воинов (*радаштар*), жрецов (*атраван*) и крестьян (*уастроу-фсиант*)» (Абаев, ОЯФ, с. 65). Но тогда мы придем к выводу, что либо осетины вовсе не так древни, как доказывали академики, либо, что вот уже 20 столетий (или, скажем, 5, после всеобъясняющих нашествий «монголов» и Тамерлана) их социальный строй неуклонно упрощался, а социальные термины так же неуклонно забывались.

Автор очерка о языке Авесты, С. Н. Соколов, конечно же, считает доказанным существование и «распространение иранских племен на огромной по тем временам (? – М. Дж.) территории от Дуная до Алтая и от Прикаспийских степей до Персидского залива» (при этом никто не обвиняет ни Соколова, ни других исследователей в «паниранизме» или в стремлении приукрасить историю иранцев). «Что касается времени возникновения и фиксации текстов Авесты, то определить его, если не невозможно вообще, то, во всяком случае, никому пока не удалось сделать это с полной достоверностью». Авеста – памятник неоднородный, в нем сохранились наслоения разных эпох, о чем автор говорит подробно. И далее: «Кодификация Авесты еще не означала полного прекращения ее развития. Древнейшие дошедшие до нас рукописи относятся к XIII-XIV вв. (старейшая известная рукопись датируется 1278 г.), т. е. созданы почти через тысячу лет после кодификации (!? – М. Дж.). Известно, какие изменения претерпевает любой памятник, подвергаясь переписке в течение такого значительного срока» (Древнеиранские языки. М., 1979, с. 133).

Для нас, в данном случае, дата кодификации Авесты совершенно неважна – произошло это в III в. или позже. Выходит, что уже в те времена в «авестийском» обществе были «более сложные и продвинувшиеся социально-классовые отношения» (Абаев), чем в осетинском обществе XIX века. Что же получается – осетинский народ на протяжении 16 столетий неуклонно деградировал? Но то, скажет иной оппонент, картина общественной жизни Ирана, страны могучей и развитой. Северные иранцы-кочевники и их потомки («аланы-осетины») жили попроще, не спешили поделиться на классы и сословия. Тогда обратимся к другому памятнику, не менее, на наш взгляд, древнему, чем Авеста – нартскому эпосу; но и там мы уже находим три сословия, изображенные в качестве трех сильных родов: Алагата (жрецы), Ахсартаката (воины) и Бората (собственники, производители материальных благ).

О каком времени и о каком обществе идет речь? Все ирановеды уверены в том, что это отражение памяти об устройстве социума скифов и алан. Следовательно, много столетий тому назад у «предков» осетин уже были три страты, а согласно академической науке

истории, в конце IV в. до Р. Хр. у скифов существовало и государство. Но тогда приходится признать, что осетинское общество XIX в. являлось регрессом и по сравнению со скифским. Возможно ли такое? Разумеется, нет. Ни один народ, тем более живущий не в джунглях Амазонии и не в Австралии, а на таком оживленном перекрестке, как Кавказ, не мог находиться в состоянии деградации ни 20, ни 10, ни 5 веков.

Поэтому чуть позже Абаев передумал оставлять алан на стадии «родоплеменной дробности», и поведал, что «древнеосетинское» общество не было таким уж отсталым и имело социальную иерархию: *алдары* (князья), *хумаэтаег* (простой народ), *уацайраг* (рабы); есть и термины *афсад* «войско», *ныхас* «народное собрание», *аехсин* «госпожа, жена алдара» (все эти термины – иранские). Далее, однако, идет разъяснение, которое снова ставит читателя в тупик: **«Вся остальная социально-сословная терминология осетин** (выделено нами. – М. Дж.), как то: *баделята* (название высшего сословия в Дигории), *уаздан* («благородный»), *фаерсаглаег*, *адаемихатт* («свободный»), *кавдаесард*, *гумайаг* («ограниченные в правах крестьяне»), *цагъар* («раб») и др., все это – позднейшего происхождения, отчасти результат трансплантации на осетинскую почву кабардинских феодальных порядков» (Абаев, ОЯФ, с. 65).

Но Алания, как феодальное государство, существовала задолго до расселения кабардинцев на Центральном Кавказе; к тому же редкие феодальные термины в осет. яз. почему-то являются тюркскими (*алдар*, *багатар*, *уаздан*, *хан*, *тауби* и др.), как и собств. имена первых феодалов (см. ниже), а не кабардинскими, грузинскими или иными. Некоторые современные исследователи, между прочим, полностью отрицают наличие сословий в традиционном осетинском обществе. Из примечания Л. А. Чибирова к сборнику материалов (1989 г.): «...никакими историческими документами не подтверждается существование привилегированных сословий у осетин (о чем довольно убедительно свидетельствует полемический материал, опубликованный во второй и третьей книгах), тем более его инородное происхождение» (ППКОО, вып. 4, с. 391).

М. И. Исаев считает, что после монголо-татарского нашествия на Кавказ начался регресс: «Это относится прежде всего к аланам-осетинам, которые не смогли уже воспользоваться плодами всестороннего расцвета в эпоху Аланской империи (? – М. Дж.) и вынуждены были вести в труднейших условиях гор тяжелую борьбу за выживание» («Поэма об Алгузе», с. 9). Иной читатель может подумать, что несчастные аланы прежде жили в райских обителях, а потом попали в какую-то Богом проклятую местность, где не было ни кустика, ни травинки. Но ни один народ, насколько я знаю, не считает свою родину гиблым местом; уверен, что и осетинскому народу его Иристон таким не кажется (живут же люди в пустыне Сахара, на Северной Аляске, Ямале и пр.).

Нельзя считать объяснением и ссылку на тяжелые обстоятельства – погромы, учиненные в Алании «монголо-татарами» и полчищами Тамерлана. Судьбы других народов Кавказа (давно вступивших в стадию феодализма) были не менее тяжелыми и драматичными, однако социальная стратификация у них сохранялась. Такими же горами, как и осетины, являлись, например, аварцы в Дагестане, но у них, наряду с вольными обществами, было и Хунзахское ханство. Не потеряли социальную иерархию и терминологию карачаево-балкарцы (якобы потомки беглецов-кипчаков и западных алан-осетин; но никаких «алано-иранских» социальных терминов у них тоже почему-то нет – все тюркские). Если ираноязычные предки осетин имели свои государства (Скифия, Алания), не могло быть так, чтобы в них не существовало аристократии, как и других сословий: возникновение государства – процесс долгий и трудный, и без усилий активной и руководящей части общества (сословия, касты) успешно завершиться он не может, как и не сможет оно существовать, не опираясь на одно из сословий. Гибель государства не означает, что вместе с ним должны были исчезнуть и стратификация общества, и

отражающая ее терминология.

СОСЛОВНЫЙ ВОПРОС

В середине XIX в. в осетинском обществе вдруг разгорелась нешуточная полемика по сословному вопросу, перекинувшаяся на страницы периодической печати; одни яростно доказывали, что некоторые фамилии (в том числе и та, к которой принадлежали они сами) являются княжескими и дворянскими, а другие, не менее яростно, это отрицали. Что интересно, эти споры кипели только в Осетии, (т. е., по утверждениям иранистов - в среде самого древнего государственного народа на Северном Кавказе), но не у соседей. Н. Тульчинский пишет: «Вопросы поземельные и посословные на Северном Кавказе тесно связаны между собой. Земельные отношения почти разрешены. Что касается сословного вопроса, то он ограничивается одной Осетией; здесь продолжаются споры и претензии. Другие народы – кумыки, кабардинцы и сопредельные им горские общества (балкарцы. – М. Дж.) – совершенно равнодушны к сословному вопросу» (ППКОО, вып. 4, с. 346). Нельзя даже и помыслить о том, что кто-то вдруг стал бы доказывать, что шамхалы Тарковские не были владельцами Кумыкии, или что Атажукины и Докшукины не являются кабардинскими князьями, Крымшаухаловы, Абаевы, Суююнчевы, Карабашевы и др. – князьями карачаево-балкарскими, а Кызылбековы и Заурумовы - абазинскими; найдись такие авторы, на них смотрели бы, как на сумасшедших.

Но приведем цитаты из публикаций участников полемики. В 1869 году М. Баев, упомянув о тагаурцах и претензиях рода Тагиата на княжеское достоинство (*тагиата* считали себя потомками некоего армянского царя), пишет, что подобное объяснение претензий «не подтверждается ни народным преданием, ни какими-либо другими памятниками и придумано, надо полагать, самими алдарами с целью придать своему роду большее значение, чем было в действительности, и тем подняться в мнении как правительства, так и народа, над которыми лица, получившие названия алдар, домогались приобрести владельческие права, хотя в сущности они никогда никакими правами не пользовались кроме почета, оказываемого им народом как людям сильным и более состоятельным» (ППКОО, вып. 4, с. 197).

Отсюда вроде бы вытекает, что в XIX в. осетины находились на стадии расслоения общества и перехода от родового строя к феодальному. Кстати говоря, Коста Хетагуров, описывая туалыцев Нарской котловины, вообще не упоминает алдаров, а говорит именно о «сильных фамилиях» (*стыр мыггаг*): «Члены такой фамилии, будучи более обеспечены материально, одевались чище и богаче, располагали лучшим вооружением, пользовались в народе почетом» (ППКОО, вып. 4, с. 131). «Если бы, - продолжает М. Баев, - Тагиата или алдары действительно происходили от царствовавших особ, то трудно допустить, чтобы об этом не упоминалось в преданиях не только того народа, в среде которого они живут, но и их соседей, подобно тому, как сохранились предания о происхождении кабардинских и кумыкских князей и других владельцев» (ППКОО, вып. 4, с. 197).

Письменный ответ на подобные отрицания претензий кандидатов на дворянское достоинство почему-то появился только в 1889 году, когда Б. Тулатов опубликовал статью, в которой излагал легенду о происхождении тагаурских алдаров (считая ее народной), доказывая их происхождение от армянского царя и их права на княжеское достоинство. Автор полагал, что «аборигенами осетинского народа было фарсаглагское сословие, ибо как мы выше видели, что тагаурцы пришли из Армении, а кавдасардское и гурзиакское сословия образовались после прихода тагаурцев». Мнение о том, что кавдасарды («букв. «рожденные в яслях») являлись побочными сыновьями алдаров, Б. Тулатов отвергал. Описывая почетное положение алдаров в горной Осетии и власть их

над остальным населением, автор говорит: «Алдары, выселяясь на плоскость, продали все свои земли в горах оставшимся там осетинам, а сами получили на плоскости по сорок десятин на семейство, то есть наравне с фарсаглами, кавдасардами и гурзиаками»; «...алдары надеются на утверждение за ними потомственного дворянского достоинства, ибо десять поколений тагаурцев пользовались этой привилегией, что и видно из вышеизложенного» (ППКОО, вып. 4, с. 323-329).

Очевидно, русские власти не поверили ни в происхождение алдаров от армянского царя, ни в то, что они властвовали над населением Тагаурии, поскольку выделяли им на плоскости столько же земли, сколько и остальным. Скептически отозвалась об их претензиях и редакция газеты «Терские ведомости». Тогда Б. Тулатов написал новую статью, в которой, между прочим, справедливо указывал, что нельзя требовать от тагаурцев более убедительных доказательств их высокого происхождения, чем народные предания, поскольку «даже всемирная история основана на догадках и устных преданиях». Что касается именования алдаров старшинами, то это случилось потому, что в то время среди алдар не было людей, знавших русский язык настолько, чтобы понимать разницу слов «старшина» и «алдар» (ППКОО, вып. 4, с. 327). Это возражение также следует признать верным.

Статья Б. Тулатова вызвала резкую отповедь со стороны ротмистра М. Газданова: «Станным мне кажется поведение Б. З. Тулатова: каким образом он теперь предложил гласному и публичному обсуждению тот вопрос, который заинтересованные в алдарстве вели тайно и держали в секрете от народа с тех пор, как они на этих доводах в комитете 1851, 1852, 1853 годов потерпели полную неудачу». Действительно, странно: если на этих комитетах сословные притязания алдаров были отвергнуты, то почему Б. Тулатов спустя 36 лет снова поднял тот же вопрос? «Я полагаю, – продолжает Газданов, – что Б. З. Тулатов мог решиться на такую смелость не иначе, как заручившись общим согласием претендентов на привилегию в Осетии». Далее автор изложил историю сословного вопроса, который был поставлен только с появлением Муссы Кундухова, первого образованного офицера из осетин. Тогда (в середине века) 11 претендентов на алдарство представили свои доводы выборным депутатам (31 человек, в это число входили и они сами), в течение трех лет занимавшимся сословными и поземельными правами осетин. «Все эти доводы двадцатью другими депутатами были фактически отвергнуты. Таким образом, претензии Муссы Кундухова на привилегию остались без последствий и депутаты были распущены по домам».

Отвергнув попытки Б. Тулатова опереться на неопределенные сведения грузинских и армянских летописей, М. Газданов говорит: «Нет и каких бы то ни было других юридических доказательств существования сословного различия в Осетии, кроме разве произвольных названий «алдар», «фарсаглаг» и «кавдасард», будто бы означающих высшее, среднее и низшее сословие. Но нужно знать, что никто собственно из осетин не назывался алдаром, а алдарами у нас называли только кабардинских князей». И, далее: «Вообще до водворения у нас власти русского правительства не существовало подразделения на алдар, фарсаглаг и кавдасард, а осетины под названием «хаххон адам» (горцев) жили в своих горских имениях независимо друг от друга, что подтверждено, с одной стороны, осмотром горских имений осетин в 1853 г. председателем г. Граматиным, а с другой – показанием под присягой депутатов из числа именующих себя алдарами в комитете 1852 г., а именно: «Фарсаглаги нам не оказывали услуг и ни в какой зависимости от нас не находились».

Выявляя противоречия в предании о происхождении тагаурских алдаров от армянского царя, М. Газданов считает, что оно «просто измышлено с предвзятою целью», и что предки алдарских фамилий переселились в Тагаурию из Алагира. «По уверению стариков,

между этими фамилиями не было никакого родства и они не назывались ни тагаурцами, ни тагиата, как они впоследствии стали себя называть: даже по преданию они находились в зависимости от царзонцев, сидамонцев и кусагцев – потомков Оса-Богатыря, которые считаются самыми чистокровными осетинами». Затем М. Газданов вновь говорит о человеке, который и поднял сословный вопрос в Осетии. «Все перечисленные Б. З. Тулатовым порядки существовали, - пишет Газданов, - и отчасти и ныне существуют в Кабарде. Во время могущества Мусса Кундухова (русского генерала. – М. Дж.), основателя алдарства, думали их ввести и в Осетии, но такие попытки оканчивались каждый раз полной неудачей». Что касается браков, то они «существовали между всеми жителями Тагаурского общества без различия, потому что этого различия не существовало».

Есть в статье Газданова и конкретные примеры, показывающие, что алдары ничем не отличались от прочих крестьян: например, наравне со всеми они отбывали подворную повинность, а двоюродного брата генерала Кундухова за то, что он не успел вовремя пригнать своего быка, даже запрягли самого в ярмо, вместо быка. «Кроме того, Алхаст Кундухов – отец генерала Мусса Кундухова – сряду несколько лет состоял пастухом у жителей Гизельского аула, Дзыбирт Тхостов – пастухом у жителей Владикавказского осетинского аула». И, окончательный вывод Газданова: «...в Осетии выдающихся фамилий не было, а бывали выдающиеся личности, которые во время своего могущества сообщали силу и могущество всем членам своей фамилии»: стал Кундухов генералом – стала сильна вся его фамилия, а с переселением его в Турцию она стала незаметна; возвысился Беслан Тулатов – возвысились и Тулатовы, но после его смерти Тулатовых не видно, и т. д. Что касается их холопов, то они были приобретены уже после присоединения Осетии к России, и большей частью куплены ими (на деньги, полученные за службу) в Грузии и в Кабарде. Кроме того, все молодые осетины поступали в военно-учебные заведения и в гражданскую службу наравне с алдарами» (ППКОО, вып. 4, с. 330-338).

В ответ на брошюру А. Ардасенова и А. Есиева «Высшее сословие у осетин Куртатинского общества» появилась (в 1892 году) рецензия анонимного автора, который писал: «Первоначально права на привилегию предъявлялись только тагаурскими алдарами, затем за ними следом пошли дигорские баделята, саргасаты и др., а теперь того же желают и куртатинцы. После этого никого не удивить, если все осетины поголовно заявят себя привилегированным сословием, так как они, несомненно, были всегда равны между собой». Ссылки на статьи русских ученых автор считает несостоятельными: «Эти ученые действительно указывали, что осетины имели своих царей (имея в виду алан. – М. Дж.), что Грузия неудачно (для Северной Осетии) навязала им феодальный строй. «Следовательно, - говорят авторы вышеуказанной брошюры, - осетины имели и князей и другие высшие сословия». Вывод этот совсем произвольный и никто из упомянутых ученых не высказывал его. Напротив, Миллер, например, склоняется к мнению, по которому феодализм не привился в Северной Осетии и сословности в ней никакой не было» (ППКОО, вып. 4, с. 338). «Если бы среди осетинского народа действительно находились лица, возвышающиеся по своему рождению, то русские давно бы называли их князьями, подобно тому, как это было в Грузии, а также в Кабарде и у кумыков. Но среди осетин не оказалось пока никого, кому были бы присвоены какие-либо титулы».

Желание некоторых фамилий приобрести привилегии, даруемые дворянам по русскому законодательству, привело к курьезной ситуации, о которой пишет другой анонимный автор: «Число подобных претендентов у нас очень много и даже слишком велико. Так, в некоторых осетинских аулах оно превысило уже половину всех жителей, а при постоянном возрастании претендующих в недалеком будущем легко может

достигнуть половины всего населения Осетии» (ППКОО, вып. 4, с. 339-340). Ф. Х. Гутнов говорит, что «существование привилегированных сословий в средневековом Алагирском обществе является предметом дискуссии на протяжении двух веков» (!) и, что считая себя потомками Ос-Багатара, все алагирцы претендовали на дворянское звание. «Из 3701 куртатинца мужского пола (главы семей) заявления в сословные комитеты подали 3602, а в Алагирском обществе - все взрослое мужское население - 2714 человек. Некоторые исследователи, иронизируя по этому поводу, писали: «...на Кавказе князей и дворян разных степеней такое множество, что в этом отношении с Кавказом не сможет сравниться ни одна страна в мире...» (Гутнов, 1989, с. 49).

В статье Андрея Медоева сообщается о сословных претензиях дигорских фамилий (*баделят*), подавших в 1899 году прошение о даровании им дворянского достоинства. Узнав об этом, доверенные от трех сельских обществ Дигории подали встречное прошение, указывая, что никаких дворян среди дигорцев не было, что претенденты на дворянство в Дигории являются потомками Бадели – пришельца, не имевшего никакой собственности. «Если же потомки его впоследствии разбогатели случайно и, благодаря богатству, приобрели посредством купли холопов, то это им не дает никаких исключительных прав на дворянство, так как холопов имел и каждый состоятельный дигорец». Еще один автор клеймит претендентов на дворянство, называя их «внутренними врагами» (ППКОО, вып. 4, с. 346).

ПОТОМКИ ТАУБИЕВ

Спор о сословиях продолжался в Осетии почти до революции. В 1916 г. в газете «Терек» появилась статья, подписанная «Куртатинский тау-бий»: «Что из себя представляют куртатинские тау-бий? А вот что. В одном из ущелий, которые поперек прорезывают Кавказский хребет в пределах Владикавказского округа, и который носит название «Куртатинское ущелье», живут осетины-горцы, носящие титул «Куртатинский тау-бий». Еще в средние века в этом ущелье властителем его был князь Хан, у него был единственный сын, после его смерти женатый на княгине Дадиани, от которой у него родилось три сына: Найфон, Табол и Уаласых, потомство которых в настоящее время именуется куртатинским народом».

Не странно ли, что люди, претендующие на звание владельцев ущелья, расположенного не рядом с Балкарией, а далеко на востоке от нее, именуют себя почему-то не по-грузински, не по-кабардински или по-кумыкски, а именно кар.-балк. титулом *таубий* («горский князь») и считают, что происходят от предка, которого звали Хан?

«Среди других жителей ущелья, - говорит этот неизвестный автор, - выходящих из Грузии, Кабарды и из плоскостной полосы Осетии, они (куртатинские таубии. –М. Дж.) пользовались большим почетом и уважением, как уаздан (уаздан, узденъ – дворянин), так как они были самыми честными, храбрыми и, одним словом, обладали всеми теми хорошими качествами, которые были присущи лучшим кавказцам того времени. Почет их еще более увеличился тем, что столица древней Осетии была как раз на том месте, где сейчас расположено одно из куртатинских селений – Даллаг-кау. При дворе древнеосетинских царей они занимали видные должности». Всего куртатинских таубиев было, как сообщает автор, 18 фамилий, которые расселились по всей Осетии, сохраняя свою сословную гордость. Но ныне, сетует он, за них повсюду стали выдавать себя некоторые осетины, особенно цимитинцы, отчего авторитет подлинных таубиев сильно пошатнулся (ППКОО, вып. 4, с. 355).

В ответ появились заметки Х. Уруймагова, в которых он высмеивал претензии «куртатинских таубиев» на ханское происхождение и превосходство куртатинцев над

прочими осетинами (ППКОО, вып. 4, с. 356). Но и Ф. И. Гребенец писал в 1913 году о жителях одного из куртатинских селений: «Далакауские женщины называют себя «горными княгинями» и работу для себя считают чем-то позорным, а мужчины называют себя «таубиями» и гордятся этим почетным званием» (ППКОО, вып. 4, с. 284). Очевидно, женщины Даллагкау называли себя тоже по карачаево-балкарски - *таубийче* («горская княгиня»).

Иранистам не мешало бы ответить на некоторые вопросы: если в Балкарии и Карачае когда-то произошла ассимиляция «алано-иранцев» некими тюрками, то почему в кар.-балк. яз. нет никаких осетинских социальных терминов, почему аланы с V по XIV в. именовали своих вождей «багатарами», а куртатинцы до XX века сохраняли титул «таубий» (не станем же мы думать, что они зачем-то переняли его у балкарцев?). Но ни в одной осетиноведческой работе я не нашел ни попыток объяснения этих фактов, ни даже их упоминания. В ОРС (1970) читаем: «**тауби** арх. класс дворян, феодалов; представитель знатного, богатого сословия». В. И. Абаев, между прочим, этот термин из составленного им РОС (1970) исключил (как и слово «балкарец»), но через 9 лет почему-то передумал и написал: «*тауби* «человек высшего сословия», «князь»; общее название знатных фамилий в горах». Далее он приводит примеры употребления термина, цитируя двух классиков осетинской литературы – Коста Хетагурова (дважды) и Сека Гадиева; во всех трех примерах Абаев переводит слово *таубий* как «князь». Далее: «Из балк. *таубий* буквально «горский (*тау*) князь (*бий*)». – (ИЭСОЯ, т. 3, с. 238).

И все. Никаких попыток объяснить причину и обстоятельства заимствования, никакого «историко-этимологического» красноречия. Коста Хетагуров – туалец, Сека Гадиев – кударец (южанин), Васо Абаев – куртатинец, но все трое понимают слово *таубий* одинаково – «князь, аристократ». Можно ли думать, что это простое заимствование у западных соседей? Нет, потому что на это должны быть какие-то причины, и, кроме того, балкарцы и куртатинцы не соседят – между ними находятся дигорцы и алагирцы. Поэтому думаем, что термин, нравится это иранистам или нет, перенят осетинами не от балкарцев, а является наследием тюркского субстрата, который говорил на кар.-балк. языке.

Полагаем, что приведенных материалов вполне достаточно для подтверждения вывода, сделанного нами выше: в момент вхождения Осетии в состав Российской империи (1774 г.) переход к феодализму в ней только наметился и происходило расслоение вольных обществ на «сильные» и «слабые» фамилии; насколько сильно влияли на этот процесс соседи (Кумыкия, Грузия, Кабарда, Балкария) мы сказать не можем.

Читаем в первом томе «Истории СОАССР» (1987 год): «В XVIII в. в Осетии господствовали раннефеодальные отношения, тесно переплетавшиеся с патриархально-родовыми». Авторам этих строк не приходит в голову простой вопрос: «Почему же спустя целый век многие осетины не признают алдаров, бадилат и таубиев ни князьями, ни даже дворянами?». Но через 80 страниц в той же книге написано: «В XVIII-первой половине XIX вв. между осетинскими родами углублялись социальные и имущественные различия, выражавшиеся в возвышении мощных родов», «которые вместе с тем были и наиболее многочисленными и превосходили другие роды по числу мужчин-воинов. Такие роды подчиняли себе слабые» (История СОАССР, с. 173; с. 251).

Это и есть то, о чем говорилось выше – в XVIII-XIX вв. выделялись сильные фамилии, но лишь на время; феодалов, имевших наследственные привилегии, в Осетии (за исключением Дигории) не было. Но должны ли мы думать, что правы те авторы, которые отрицают отсутствие князей и дворян в Осетии и в период, предшествовавший событиям XVII-XVIII вв. (когда началось водворение на этой территории иранцев, пришедших с юга?). На наш взгляд – нет. Не видим мы и никаких оснований не верить людям, которые

утверждали, что принадлежат к княжеским или дворянским фамилиям. Иначе совершенно непонятно, почему, например, претенденты-куртатинцы (а не живущие рядом с Балкарией дигорцы) именовали себя не по-осетински или по-грузински, а по-карачаево-балкарски – *таубиями*, титулом, который, кроме них, ни у одного народа в мире не существует и который куртатинцам в признании их претензий ничем помочь не мог.

Следует обратить внимание на одно, очень важное обстоятельство. Один из участников полемики по сословному вопросу в Осетии нишет: «...**стремление попасть в число привилегированных замечается только среди магометан и нет ни одного осетина-христианина, на которого указывали бы, как на принадлежащего к высшему сословию**» (ППКОО, вып. 4, с. 339-340). Очевидно, это объясняется не тем, что все мусульмане, стремившиеся попасть в число дворян, были тщеславными жуликами, а все христиане отличались скромностью. К XVIII в. тюрки Центрального Кавказа (дигорцы, тагаурцы, туалыцы, куртатинцы), уже исповедовали ислам, проникавший из Дагестана через соплеменников-кумыков и управлялись своими князьями и дворянами. Но в этот период на Северном Кавказе хребта прошла эпидемия чумы, истребив большую часть этого, автохтонного, населения, а его остатки постепенно стали поглощаться массой переселявшихся на северные склоны Кавказского хребта иронцев, которые исповедовали анимистические культы.

Среди уцелевших от чумы автохтонов, вероятно, было много представителей знати (жили чище, имели возможность бежать из зачумленной местности и пр.). Они нарекали своих детей тюркскими именами и продолжали считать себя мусульманами, равно как и представителями знатных фамилий, несмотря на то, что гибель основной части населения привела прежнюю элиту к обнищанию. У новых поселенцев привилегированных сословий, скорее всего, не было, а признать своими владельцами местную тюркскую знать, чуждую им и по языку, и по религии, иронцы не хотели. Применить силу эти князья и дворяне не могли, поскольку уже не имели ее. Но память о тюркских предках, прежнем населении Осетии, в народе сохранялась в виде их культурного наследия (например, нартский эпос). Сохранялись и некоторые древние легенды; анализ одной из них мы дали выше.

Дольше других обществ сопротивлялись иранизации дигорцы, еще в начале XIX в. (как свидетельствуют документы) считавшие своим родным языком карачаево-балкарский и вошедшие в состав России вместе с балкарцами (но, вероятно, уже в XVIII в. в Дигории имело место двуязычие). И в Дигории действительно было семь княжеских родов, которые, судя по фольклору, признавались таковыми, например, карачаево-балкарскими феодалами; по легенде, дигорские владельцы и князья Черекского ущелья происходили от двух братьев, Бадината и Басията. Протест дигорских крестьян, не желавших признать баделят высшим сословием (согласно их прошению от 1898 г.), объясняется, видимо, тем, что значительную часть населения Дигории к тому периоду составляли выходцы из других обществ (см. об этом в монографии Б. А. Калоева «Осетины»), поселившиеся в ней после второй эпидемии в начале XIX в., когда численность коренных дигорцев-тюрков резко сократилась. Пришлые свободные крестьяне-иронцы, расселяясь в Дигории, за баделятами никаких привилегий признавать, естественно, не желали, а реальной силы эти князья уже не имели.

АТАЛЫЧЕСТВО

У элиты многих народов Кавказа бытовал древний обычай – отдавать сыновей на воспитание, обычно людям рангом ниже их родителей. Почему-то и воспитатель, и воспитанник антинаучно назывались у них по-тюркски – *аталыкъ*, *эмчек* (*къан*).

«Практика аталычества, - пишет В. И. Абаев, объясняя слово *аемцек* в осетинском, - отмечена у следующих народов Кавказа: абхазов, абазин, черкес, кабардинцев, карачаевцев, балкарцев, сванов, осетин, ингушей, чеченцев. Ос. *аемцек* обозначает, в широком смысле, родство, возникающее на основе аталычества между двумя семьями, отдающей и берущей ребенка на воспитание».

«...в более узком смысле *аемцек* может значить «молочный брат», или «воспитатель», или (в дигорском) «воспитанник». Для воспитанника есть и другое слово *хъан*). Отмечая, что слово *аемцек* это тюркизм, означающий «материнская грудь, сосок», Абаев добавляет: «Кроме балкарцев, карачаевцев и осетин, термин *эмчек* в данном значении употребляется у чеченцев и ингушей: чеч. *эмчег*, инг. *эмчаег* «молочный брат», «эмчег». Но другое слово (*къан*), в осет. яз. означающее «воспитанник» – тоже тюркское (Абаев, ИЭСОЯ, т. 1, с. 142). В. И. Абаев, конечно же, понимал, что этот обычай весьма древен; к тому же народ, у которого и аталычество, и связанные с ним термины заимствовал почти весь Северный Кавказ, должен был пользоваться большим влиянием в регионе. Но говорить об этом великому ирановеду совсем не хотелось, и он кратко заключил: «О существовании аталычества на иранской почве ничего не известно, и все говорит за то, что этот институт был усвоен осетинами на Кавказе от соседних народов» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 1, с. 142).

О каких таких «соседних народах» идет речь, ученый не говорит, прекрасно зная, что эти термины – карачаево-балкарские. Если же он имеет в виду, что осетины заняли слово *аемцек* через чеченцев, ингушей или кабардинцев, встают неприятные вопросы: «Почему нельзя было занять его непосредственно у тюрков? Или осетины усвоили его самими последними (т. е. эти неведомые соседи познакомились с тюрками раньше)?».

Но неудобный термин *аемцек* присутствовал в осет. яз. (по Абаеву) только до 1958 г.; позже он подверг его опале. Сравните то, что написано в двух словарях – в ОРС и в РОС (В. И. Абаев):

ОРС: *аемцег* 1) шеф; 2) кормилец; *уст.* 3) воспитатель

РОС: шеф – 1. (*начальник*) шеф; 2. (*оказывающий помощь*) шеф, армдараег

РОС: кормилец – *дараег*

РОС: воспитатель – *хъомылгаенаег* (т. е. «воспитывающий мужчина»)

Но в ОРС никакого *армдараег* нет; это, видимо, изобретение Абаева, срочно удалившего из осет. яз. крамольное *аемцек* (как и некоторые другие неугодные ему слова - *ассон*, *асыйаг* «балкарец», *айран* «кислое молоко», и др.).

Касаясь аталычества, Б. А. Калоев пишет: «Этот институт, несомненно существовавший у многих народов на определенной стадии их социального развития, бытовал и у предков осетин – алан. Подтверждением этого может служить нартский эпос (если доказать, что его создателями были именно ираноязычные предки осетин. – М. Дж.). «Однако после оттеснения алан-осетин в горы аталычество почти исчезло (почему? – М. Дж.), и лишь после переселения осетин на равнину оно вновь получило широкое распространение, главным образом среди господствующего класса» (Калоев, 1971, с. 199). И, далее: «Возникает вопрос, почему термины, относящиеся к этому обычаю, имеют тюркское происхождение? Нельзя ли связать их с аналогичным среднеазиатским обычаем аталычества, который был распространен среди узбекской феодальной знати вплоть до XVI-XVII вв.? В пользу последнего предположения говорит тюркское происхождение самого слова «аталык», а также и тюркские термины «хъан» (кровь), у осетин-дигорцев – «емцег» (сосок)». И маститый этнограф находит хитроумный выход: «Нам кажется возможным предположить следующее: заглохший в связи с событиями монгольского времени этот институт с появлением здесь тюркоязычных предков балкарцев и карачаевцев, пришедших с востока, вновь получил свое распространение среди кабардинцев, осетин и других горцев Северного Кавказа» (Калоев, 1971, с. 199).

Мы охотно согласились бы с очередной цепью предположений (выстраивание которых является любимым занятием иранистов), если бы нашли ответы на три вопроса: почему «алано-осетинские» термины, связанные с аталычеством, по вине монголов исчезли у всех народов Кавказа, кроме кипчаков (предполагаемых тюркоязычных предков карачаево-балкарцев), как раз подвергшихся самому страшному разгрому? каким образом эти беглецы ухитрились не только воскресить забытый обычай, но и навязать его всем соседям? почему бытование обычая и в Средней Азии, и на Кавказе непременно связано с тюрками? По Калоеву получается, что памятливые тюрки чего только не «воскрешали» на Кавказе: и название мишени (*хабахъ*), и башлыка *басылыхъхъ*), и аталычество, и пр. Но почему в осет. яз, согласно данным трех словарей, в значении «мамка, няня, кормилица, воспитательница» опять используется тюркизм *дыджызае*; ср. кар.-балк. *дигиза*, в кабард. *дыжыза* (Абаев, ИЭСОЯ, т. 1, с. 380)? Не дают ответа.

ИМЕННИК ОСЕТИНСКИХ ФЕОДАЛОВ (XVII-XVIII вв.)

(Этот именник приведен в книге Ф. Х. Гутнова, с. 138-144; оговариваясь, что, не обладая специальной подготовкой и необходимыми познаниями, он не может заниматься лингвистическим анализом имен, Ф. Х. Гутнов дает краткие объяснения имен (в скобках - кар.-балк. эквиваленты).

Говоря о неудачной попытке аланских феодалов закрепиться в Туальском ущелье, осетиноведы пишут: «Но в XIV в. источники отмечают в Двалетии владельцев Сунгу и Амсаджана. Более подробных сведений нет. Но можно отметить, что с именем Сунгу созвучно название реки и ущелья в Дигории – Сонгу(ти). Антропоним Амсаджан состоит из двух элементов. Длительный период составные имена выражали привилегированность социальной верхушки. Очевидно, за именами Амсаджан и Сунгу скрываются осевшие в Туалгомфе феодалы, тем более что «Памятник эриставов» ставит их в один ряд с «овскими царевичами» Фареджаном и Багатаром. Сунгу и Амсаджан, вероятно, генетически связаны с аристократией равнинных алан» («История СО АССР», с. 144). Что ж, возможно и так, спорить не будем, в данном случае нас больше интересует значение имен; будем считать их первыми именами осет. феодалов, зафиксированными в документах.

XIV век (туальцы)

Амсаджан – кар.-балк. *асан (эсен) джан* «здоровая (невредимая) душа».

Сунгу – от кар.-балк. *сонг* «покой, отдых» и означает «находящийся в покое, мире» или это обычное у тюрков имя *Сунгур, Сонкур, Сунгар* и т. д. – «сокол, кречет» (ср. кар.-балк. фамилию *Шунгар-лары*). Никакой необходимости увязывать имя с названием реки *Сунгути* в Дигории нет.

Фареджан (Пареджан), царевич – возможно, от тюрк. *бори джан* «волчья душа»; или *пара джан* «сияющая душа».

Багатар, царевич – ср. кар.-балк. фамилию *Багъатыр-лары*, или *батыр* «витязь, батыр; смелый». Если иранистам так нравится больше, будем считать имя *Багатар* монгольским, правда, это имя (титул) встречается в документах, относимых ко временам, когда о монголах на Кавказе не может быть и речи. Далее приведем имена феодалов по списку Ф. Х. Гутнова.

XVII в.

ДИГОРЦЫ

Айдарук – возможно, от перс. *айдар* – «дракон», либо от *хайдар* – «лев».

- Не исключено, как и от тюрк. *хайдар* «впередсмотрящий, скачущий впереди» (для разведки), в пользу чего говорит кар.-балк. имяобразующий аффикс *-укъ*. (*Айдарукъ*).

Байсагур – объяснения нет.

- Это тюрк. *байсонгур*, *байсонкур* и т. д., - «божий сокол». (Байсонкур, Байсангур).
Девлет - восходит к араб. доулат – «богатство», «власть», «вечное счастье». (Даулет).
Дзаниук – этимология неясна, назван в честь кабардинского тестя.

- Имя это кар.-балк. – от *джаны окъ*, *заны окъ* «чья душа – стрела». Ср. фамилию *Заниюкъ-лары*. (Джаниюкъ, Заниюкъ).

Елкан - восходит к эль – «страна, поселение» + кан – «воспитанник».

- Автор забыл упомянуть, что это тюрк. слова; кроме того, значение переведено неправильно: не «сельский воспитанник», а «правитель страны» (или «селения»). (Элькъан).

Элькон – Эль + кон см.

- Т. е. Ф. Х. Гутнов считает его вариантом предыдущего имени. Но это неверно, так как не объясняется появление звука О во второй части. Это сокращенное тюрк. имя *Элькъондур* «основатель села (или страны)».

Заурбек - Заур восходит к сарматскому имени Саурмаг – «чернорукий» + бек «господин, предводитель». (Заурбек).

- Интересно, чем так полюбилось осетиноведам это странное именование – «чернорукий» (так В. И. Абаев переводил этноним «савромат»)? И с какой стати средневековый феодал стал бы давать своему сыну иран.-тюрк. имя, означающее «чернорукий господин»? На самом деле, это искажение тюрк. *азнаурбек* – «глава азнауров», т. е. «предводитель дружины», состоявшей из профессиональных воинов, в которой азнауры составляли второй (после *батыров*) разряд; имя изменилось в *Заурбек*). Или это легкая трансформация кар.-балк. *сарубек* «дракон».

Иналук - кабардинская форма тюрк. Инал. В словаре Махмуда Кашгарского термин *инал* приводится со значением «сын знатной женщины и простолюдина». Этот же термин в кирг. обозначает «царь, хан». (Иналукъ).

- Никакого отношения к кабард. форме тюрк. *Инал* это имя не имеет, оно оформлено кар.-балк. аффиксом *-укъ*, с помощью которого образуется множество имен; основа – *инал* - восходит к тюркскому же *гинар/гиназ* – «князь», от *гюн ас* «солнечный род» (через ряд «*гиназ – гинар – гинал – инал*»). Имена *Инал*, *Гиназ*, *Иналукъ* у карачаево-балкарцев являются обычными, есть и фамилия *Гиназлары* «Князевы»; *гинадрукъ* (из *гиназ урукъ*) «княжич».

Зураб - распространенное среди грузин имя; заимствовано из перс.

- Грузин. имя *Зураб*, вероятно, от перс. *Сохраб*.

Каммарза – возможно, восходит к араб. «луна» (*къамар*. – М. Дж.). (Ханмырза).

- Неверно; это тюрк. имя *Ханмурза*, *Хаммырза* (*хан* + *мурза* = «властительный мурза»).

Келемет – возможно, от араб. келим – «собеседник».

- Но, возможно, это вариант тюрк.-араб. имени *Кельмамед*. (Келемет).

Кеме – у Ф. Х. Гутнова объяснения нет.

- Кар.-балк. *кеме* – «корабль».

Кургок – объяснения нет. (Гюргёкъ).

- Ср. кар.-балк. фамилию *Гюргёкъ-лары*). Возможно, от греч. *Георгий*: кар.-балк. *Гюрге* + афф. *окъ*.

Левансар – возможно, искаженное груз. Леварсан, или Леван + осет. саер – «голова». (Лиуан, Леуан).

Санби (*Сант*) – Сан (?) + бий.

- Кар.-балк. *сан* «тело, статья» + *бий*; *саны бий* букв. «статью – князь». (Санбий).

Сафарали – араб. Сафар «родившийся в месяц сафар (месяц мусульманского лунного года)» + араб. али – «возвышенный». (Сафарали).

Смайли – восходит к араб. Исмаил – «подаренный (богом)». Так звали мусульманского

пророка, который считался родоначальником арабов.

- В кар.-балк. имя произносится сходно - *Смаил*.

Солтанбек – Солтан + бек. Солтан восходит к араб. *султан* – «власть», «правитель», «государь».

- Имя тюркское (в тюрк. оформлении). (*Солтанбек*).

Сота - этимология неясна; в узбек. Соти – «купленный». (*Сотта*).

- Кар.-балк. арх. *сотта* означает «ясный, чистый, красивый»; есть и фам. *Соттаевы*.

Тази - 1) перс. таза – «новая, свежая»; 2) таджи «венец» - встречается в произведениях на классическом перс. яз. (*Тазий*).

- Обе этимологии вполне правомерны. Возможно также, что имя происходит от кар.-балк. *таза* «чистый; истинный».

Тазарет – от араб. Тазрет.

- У карачаево-балкарцев – *Тазрет*.

Тенгиз / *Тенгизби*, *Денгиз* – тюрк. денгиз «море». (*Тенгиз*).

Урузмаг - осет. «подобный дикому кабану». (*Ёрюзмек*).

- Очень сомнительно, чтобы это имя имело такое значение, во всяком случае, В. И. Абаев ни о каком подобии не говорит: «*Вараза* – «кабан», авест. *вараза*-, перс. *гураз*, в осет. яз. сохранилось только в собственных именах» (ОИЯДЗ, с. 307). В недавнем прошлом это имя было у карачаево-балкарцев обычным, оно от *ёрюз* «счастливый, удачливый» + *бек* «князь»; ср. другое имя - *Ёрюзбий*, от которого и фамилия князей *Ёрюзбий-лары* (Урусбиевы); у тюрков Средней Азии - *Уразбай*.

Хацыр – объяснения нет.

- Это кар.-балк. имя *Хачир*, *Хацир* «жеребец» (ср. фамилию *Хачир-лары*).

Шаулох - высоко ценимая порода коней; название производно от фамилии князей Шаулоховых.

- Этимология неверна. Карачаево-балкарцам, как и другим народам Северного Кавказа, также известна порода коней «шаулох»; они же, судя по всему, дали ей название. Слово *шау* означает «черный, вороной», *лох* «рысь», «*лохбар*, *лохпар* «рысак», букв. «рысью (*лох*) идущий (*бар*)». С *лохпарами*, которые отличались силой и выносливостью, сравнивали в фольклоре богатырей (*лохпар санлы* – «с телом, как у рысака»). Название породы - сокращение от *шау лох(пар)* – «вороной рысак». Ср. название другой кар.-балк. породы верхово-вьючных коней - *къаспар* (*къасбар*); в слове *жоргъа* «иноходь; иноходец» присутствует слово *жор* «крест», поэтому в *къаспар* можно видеть вариант того же слова, но с употреблением другого названия креста - *къач*: *къачбар*, *къаспар* «идущий крестом», т. е. иноходью.

ТАГАУРЦЫ

Алик - вероятно, от тюрк. Аликул – «раб возвышенного (т. е. Аллаха)». Помимо осетинской знати, это имя в форме Аликай носили адыгские феодалы. (*Алик*).

- К арабскому данное имя никакого отношения не имеет, это тюрк. *алик*, *элик* «царь» + уменьш. афф. *ай*; есть и кар.-балк. фамилия *Аликаевы*.

Батырбий - Батыр восходит к монг. багатар – «богатырь, герой» + бий от феодального титула бий в странах Ближнего и Среднего Востока. Термин бий усвоен различными народами Северного Кавказа. (*Батырбий*).

- Очень застенчивый комментарий. Но имя *Батыр* не от спасительного монг. *багатар*, а от тюрк. воинского титула *батыр* «витязь, богатырь»; также «храбрец, отважный». Слово *бат* – фонетический вариант *баз* «мощный, сильный, уверенный, крепкий» + *эр*, *ар*, *ир* «мужчина». *Бий* – тюрк. князь.

Беслан - от тюрк. *бий-аслан* «князь-лев». По преданиям адыгов, сын первого кабардинского князя Инала. (Бияслан).

- И «Инал», и «Беслан (Бияслан)», как и подавляющее большинство имен представителей адыг. аристократии, являются тюркскими, поскольку она была по своему происхождению тюркской (черкесской и кабарской; см. Керменчиев, Големба. «Черкесы и Кабарда»).

Дзор – этимология неясна. Б. А. Алборов считал это имя арабским заимствованием.

- Обращение к арабскому излишне. Это тюрк. (или перс.) *джор, зор* «сила», также – кар.-балк. «крест»; или сокращение от *джора, зора, чора, цора* «дружинник определенного разряда, воин».

Дудар – у Ф. Х. Гутнова объяснения нет.

- Вероятно, это вариант кар.-балк. имени *Тутар* «ловец». (Тутар).

Знаур - восходит к груз. *азнаур*. По В. А. Абаеву, может быть из иран. *азна* – «родовитый», от *зана* – «род». (Азнаур, Азнор).

- Неверно. На самом деле, от тюрк. *хас нагур* «присяжный воин»; ср. обычное кар.-балк. имя *Нагъурбий* «господин нагуров (нукеров, нёгеров)».

Казихан - араб. *кази* – «судья» + тюрк. *хан* – «правитель». (Къазийхан).

- Этимология более чем странная, если учесть, что объяснение лежит на поверхности; тюрк. *къазий хан* означает «повелитель казиев (газиев)», воинов за веру, которые вели *къазауат* (газават).

Кумык – от этнонима кумык. (Къумукъ).

Лян – объяснения у Ф. Х. Гутнова нет; возможно, тюрк. *илян* «змея».

Рувас – осет. «лиса».

Сахук - осет. *цах* + *ук* – «серый сын».

- Вполне возможно. Или от кар.-балк. *сакъ* «осторожный» + афф. – *укъ*.

Смаил – ср. кар.-балк. произношение араб. имени *Исмаил* – *Смаил*. (Смайыл).

Тотик – объяснения нет.

- Ср. тюрк. титул *тотук, тутук* «наместник», букв. «держитель».

Цопах – объяснения нет.

- Возможно, от кар.-балк. арх. *сопах* «схватка, избивание», откуда и *сопахла* «избивать, побивать».

XVIII в.

ДИГОРЦЫ

(имена, встречающиеся и у дигорцев, и у тагаурцев, отмечены в скобках буквами Д, Т).

Азамат – араб. «величие».

- Тюрк. *азамат* – «удалец». (Азамат).

Азнаур - груз. социальный термин «дворянин» из иран. *азна* – «родовитый».

- См. выше.

Али - араб. «возвышенный». (Алий).

Амурхан - осет. *Амур* «плотный» + *хан*.

- Возможно; однако более приемлемым кажется кар.-балк. *амыр* «желание; желанный» + *хан*; или это *омур, ёмюр* «вечный» + *хан*. Или это соединение араб. титула *амр, амир, эмир* с тюрк. *хан*. (Амырхан).

Асламурза – араб. *аслам* «самый здоровый, невредимый» + *мурза* от перс. *мирза* «царевич».

- Скорее, здесь тюрк. *аслан* «лев» + *мурза*. (Асланмурза).

Ахмат - от араб. *ахмад* – «прославленный». (Ахмат).

Ахпол (Д, Т) - возможно, восходит к перс. *Ак* + *пулад* – «белая сталь». (Акъболат).

- Ф. Х. Гутнов не указал, что *акъ* «белая» – это тюрк., а не перс. слово. Первоисточник

термина «болат, булат», как пишет В. И. Абаев, не установлен. «Осетинское слово, как и русское, усвоено скорее всего из тюркского» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 1, с. 265). *Ахпол* - сокращение от кар.-балк. имени *Акьболат* «белый булат» или от *ахы болат* «стальная душа» (откуда и кар.-балк. фамилия *Акьболат-лары*).

Бакул - возможно, восходит к тюрк. *бахул* – «скупой, скряга». (Байкьул).

- Вряд ли какой-либо феодал, даже самый прижимистый, стал бы давать сыну такое имя. Скорее всего, это обычное тюрк. имя *Байкьул* «божий раб». Или *багьыл* «упитанный; ухоженный».

Бахта - скиф., «удел, счастье».

- Зачем же уходить так далеко, да еще и опираясь на сомнительную этимологию? Кар.-балк. *махта* «хвалить, славить», *махтау* «хвала, слава». Чередование начальных б/м в кар.-балк. языке известно хорошо.

Бенбузар – объяснения нет.

- Скорее всего, это слегка измененное тюрк. *бекбузар* «всесокрушающий».

Бибо – вероятно, от Бимболат. (Бийболат, Бимболат, Иммолат).

- Предположение верное. В кар.-балк. яз. сокращенный вариант того же имени произносится как *Бийбо*, от *бийболат* «божья сталь» (поскольку первоначальное значение слова *бий* было не «господин; князь», а «бог, всевышний»; ср. *бийик* «высокий», *бийче* «богиня»).

Борисбий – тюрк. *барс* – «пантера» + *бий*. (Барисбий).

Бона – этимология неясна; в тадж. *бони* – «охрана, уход».

Ботас – тюрк. *бота* – «верблюжонок» + суффикс уменьш.-ласк. формы – с. Интересно, что в казахском *бота* означает «дитя». (Боташ).

Бурнац – этимология неясна. А. М. Семенищев русскую фамилию Бурнашев выводил из татарск. *бурнаш* «задира, холостяк разгульной жизни». Я. Шинкевич польскую фамилию Бурнак разлагает на *бурун* «нос» + аг «белый», т. е. возводит к сочетанию *бурну-аг*, *бурнаг*. *Бурнац*, возможно из *бурун* + прилагательное *ац* «с тонким носом».

- Вряд ли можно поверить в значения типа «тонконосый» или «белоносый», поэтому, скорее всего, следует понимать тюрк. имя, как «задира, задиристый».

Гавиш – объяснения нет.

- М. б., это кар.-балк. *дабиш* «ягненок до 6 мес.» (детское имя).

Генардуко – формант **ко** указывает на адыгское происхождение данного имени. (Гинадрукъ).

- Отнесение к числу адыгских любого имени, оканчивающегося этим формантом, стало в кавказоведении общим правилом; при этом не обращают внимания на присутствие такого же аффикса (иногда уменьш.-ласк., иногда гиперболизир.) *-ка*, *-кьа* в тюрк., как и на семантику имен. В основе имени – титул *гинар*, *гиназ*, *гинал*, *инал*, имеющий в тюрк. яз. значения «князь, принц» и т. п.; *генардукъа* – уменьш. форма кар.-балк. *гинадрукъ* – «княжич», от *гиназ урукъ* «княжеский потомок (семья)». Есть и фамилия *Гинадрукълары*.

Гетагаз (Д, Т) - Гатаг - владыка рек в осетинской мифологии. В форме Гетагаш встречается у кабардинцев.

- Слишком краткое объяснение, к тому же значение имени не указано. Кар.-балк. *кетагъац*, *кетагъач* «приклад (ружья, винтовки)».

Дзангери – вероятно, от перс. *джан* «душа» + *гирей*. (Зангерий, Джангерий).

- Все верно, за исключением того, что *джан* не перс., а тюрк. слово, означающее, кроме того, еще и «гореть, пылать» (душа мыслилась, как невидимое пламя).

Дзабо – объяснения у Ф. Х. Гутнова нет.

- *Жабо*, *Забо* - сокращение от тюрк. *Джанболат*, *Занболат*, от *заны болат* «чья душа из стали»; ср. кар.-балк. фамилию *Жаболары*. (Джабо).

Дзато – объяснения нет. (Джатто, Джаттай).

- Есть и кар.-балк. фамилия *Джатто-лары*. Значение неясно.

Долатико – заимствовано у адыгов.

- Возможно, восходит к кар.-балк. уменьш. *Даулетукъа* (из араб. *Даулет*); но более вероятно, что имя *Долатико* пришло к осетинам через грузин.

Зураб – см. выше.

Ислам – араб. «предание себя Аллаху». (Ислам).

Казы - араб. судья.

- Тюрк. *къазий, газий* «воин за веру» («судья» - *къадий*). (Къазий).

Касай - тюрк. происхождения, имеет две этимологии:

1) араб. хас – «чистый, настоящий». 2) возможным этимологом имени Касай является основа араб. каис – «созвездие Стрельца» (соответствует месяцу ноябрь) + звательная частица ай. У тюрков названия созвездий ранее использовались в качестве собственных имен. (Къасай).

- *Къасай* - кар.-балк. имя, означает «обетованный» (есть и фамилия Касаевы), от *къаст, къас, уас* «обет, обетованный, святой». Араб. *каис* в «къасай» измениться не могло.

Карихан - араб. карим – «великодушный, благодушный» + хан.

- Вполне возможно; но обратим внимание, что имя оформлено по-тюркски, с прибавлением *-хан*. Ср. также тюрк. имя *Къарахан* «великий хан».

Келемет – см. выше.

Кургок – см. выше.

Магомед – от араб. *Мухаммед* – «прославленный». (*Магомед, Мухаммат, Махаммет*).

Мисирби - вероятно, основа восходит к араб. Миср – «Египет». В каз. и кирг. мисир – «благодатный край». (Мисир, Мисирбий, Мисирхан; фамилия *Мисировы*).

- *Мисир* в кар.-балк. яз. означает не только «Египет», но и «щеголеватый, нарядный», производное *мисирлик* – «мода», поэтому вполне возможно, что имя феодала означало не «египетский князь», а «нарядный князь».

Мусса - араб. из древнеперс. мешу – «дитя» (библ. Моисей).

- Насколько нам известно, имя пророка производят от древнеегипетского *месу* «вытащенный из воды». (Мусса).

Сангар - тадж. сангар – «камень»; тюрк. санджар - «крепость» (?).

- Вполне вероятно; ср. также тюрк. *сонкар, санкар, сонкур* (кар.-балк. *шунгар*) – «сокол, кречет»; или *зынгыр* (от *зангар*) «горный хрусталь», букв. «звонкий».

Седий – восходит к араб. Саид «счастливый».

- Маловероятно, если учесть трудности фонетического характера, возникающие при таком предположении. Своего объяснения у нас нет.

Силат – возможно, искаженное Салат от араб. салат «молиться».

- Не исключено; кар.-балк. *сыйлы ат* «почитаемое имя»; «почитаемый род».

Туган - восходит к тухан – «сокол» (*туугъан*).

- Ср. южнотюрк. *тоган, доган* «сокол». Или это обычное тюрк. имя, означающее «родившийся, рожденный»; употреблялось и самостоятельно, но чаще входило в состав сложных имен; ср. например, кар.-балк. *Эртуугъан* «мужем (героем) родившийся». (сокр. *Эртуу; Туугъан*).

Тембулат - восходит к темир – «железо» + пулад «сталь».

- Сокращение тюрк. имени *Темир-Болат*, образованного механическим соединением слов *темир* «железо, железный» и *болат* «булат». (Темболат).

Умархан - этимология неясна; умар – «жизненный» + хан. Умар - имя второго мусульманского халифа.

- Как же неясна, если к араб. имени присоединен тюрк. титул *хан*? Имя полностью

является тюркским, если в первой части видеть *омур*, *ёмюр* «век, вечный». (Омархан, Умархан).

Хотахиуко - кабард. «маленький Хетаг».

Фацбай - осет., от названия религиозного праздника Фацбаданта.

ТАГАУРЦЫ

Ада – осет. ада – «вкус».

- Тюрк. имя *Ата*, *Атта* «отец, батюшка».

Азгирей - из ас-гирей «асский (аланский) князь»; основа – гирей, с XVI в. приставка имени крымских ханов. Одни исследователи выводят его от монг. «достойный», «обладатель прав». Но А. Гафуров считает возможным выводить его от греч. герайос – «почтенный, старый». (Хазгерий).

- Весьма неубедительная этимология. *Азгирей*, *Казгирей*, *Хазгирей*, *Хазгерий* - распространенное на Северном Кавказе имя; возводить его к монголам или к грекам никаких оснований нет. *Хаз*, *хас* восходит к кар.-балк. *къаст* «присяга, клятва, присяжный; обет, обетованный; святой» + титул *гирей*.

Алхарт - осет. «всеядный».

- Неубедительно. Кар.-балк. *алгъарт* «движущий вперед».

Асланбек – аслан – «лев» + бек.

- Ф. Х. Гутнов забыл добавить, что имя тюрк. (Асланбек).

Бата – этимология неясна; в это же время встречается и у кабардинцев. (Бата, Батокъ).

- Кар.-балк. *бата*, *батия* «благословение», от арх. *бат* «сила, сильный» (благословение рассматривалось как передача силы).

Батурко - каб. форма монг. багатур – «герой». Личные имена с элементом ко («сын») в прошлом имели большое распространение среди адыгов. Из адыгских имен, зафиксированных русскими источниками XVI-XVIII вв., почти 30% образованы посредством *къо*, *къуэ*. (Батырко).

- Если верить Гутнову, мы имеем экзотическое монгольско-кабардинское имя тагаурского феодала: кабардинцы неведомо когда заняли у монголов термин *багатур*, сократили в *батур*, добавили к нему формант *къо*, а тагаурцы заимствовали его, даже не пытаясь адаптировать к фонетическим нормам своего языка. К тому же по-кабард. имя звучало бы как *Батырикъуэ*. Все гораздо проще: *батыр* (*бат ар*, *эр* – «мощный муж») - кар.-балк. воинский титул «витязь», также «храбрый, отважный» + уменьш. афф. –*ко* – *батырко*; ср. например, *жаиш* «юноша, молодец» - имя собств. *Жаишко*.

Беслан – см. выше.

Бикан - от бий + кан.

- Тюрк. имя, означающее «княжеская кровь». (Бийкъан).

Бола - восходит к перс. пулат – «сталь». (Бола, Болай).

- Не отрицая правомерности объяснения Ф. Х. Гутнова, можно предположить также, что это кар.-балк. *бола* «могущий, действующий», от *бол* «быть; мочь, успевать» и т. д.

Вианхот – объяснения у Ф. Х. Гутнова нет.

- Это, возможно, соединение тюрк. *бий* «князь» и имени *Янхот*, *Жанхот* (от *яны/жаны* *къот/къут* = «чья душа благодатна») - *Бийянхот*.

Галаг - осет. «бычий». (Галак, Гала).

- К сожалению, автор не уточнил, что могли иметь в виду, нарекая младенца таким странным именем. В кар.-балк. ономастике есть имя *Галак*, арх. форма слова *галау* «хлебец»; *гола* «утес»; ср. также имя *Гала* «большой».

Дако – объяснения нет.

Дари - осет. «шелковая ткань». (Женские имена *Дарий*, *Дарийхан*, *Дарико*).

- Странное объяснение. Это же перс. (а не осет.) слово в том же значении присутствует во многих языках Кавказа (в кар.-балк., например, *дарий* «сорт шелка»). Бытует ли это слово у иран. народов в качестве имени, нам неизвестно.

Даут - от араб. дауд – «любимый». (Кар.-балк. *Даут*).

Дахиуко – заимствовано у адыгов.

- Скорее всего, это верно. Само слово, возможно, восходит к кар.-балк. уменьш.-ласк. имени *токъчукъ*, *тохчукъ*, *тохчука* «кругленький, полненький, бутуз» (от им. собств. *Токъ*).

Едик – возможно, от адыг. Эдыг. Интересно, что отец Едика – А. Дударов был женат на Залихан, дочери кабардинского узденя Хаджи Окоева.

- Тюрк. *адуг*, *эдык*, *адыг* «медведь»; у карачаево-балкарцев оно трансформировалось через промежуточное *адуу* (есть и кар.-балк. имя *Адуу*) в *аю*, *айыу* «медведь», *аюка* «медведище». (Эдик).

Знаур – см. выше. (Азнаур).

Кабтуко – адыг. заимствование.

Казигирей – кази + гирей. (Хазгерий).

Кайсын – объяснения нет. (Къайсын).

- Кар.-балк. *Къайсын* – от *хай*, *къай* «жизнь, живой» + афф. *сын* «пусть живет». Ср. именование бога Бога-Творца в кар.-балк. тенгрианстве – *Къайнар*, *Хайнар* «живое солнце» (дневное светило рассматривалось как природный образ, икона Единого Бога).

Карац - возможно, от карачи – «верный слуга, наблюдатель». Как указывал Л. Будагов, звание карачи в Крыму принадлежало бекам главнейших дворянских родов. (Къараш).

- Вполне вероятно. Ср. кар.-балк. имя *Къараш* «смуглый, чернявый».

Кари – осет. «куча».

- Скорее, кар.-балк. *къарыу* «сила»; *къары* «локоть», *кариш* «приятель».

Кунду – объяснения у автора списка нет. (Кундур).

- Вероятно, от *кюн тур* «восход солнца».

Асман – от Усман, этимология неясна – «медлительный». (Осман).

- Автор, вероятно, имеет в виду араб. имя Усман, Осман. Это, разумеется, не исключено; ср. также тюрк. *асман* «небо, небесный» (в кар.-балк. метафизике – название одного из семи небес).

Рувас – см. выше.

Савджинико - основа осет. «священник».

- Автор имеет в виду осет. *сауыджын* «священник», букв. «носящий черное». Сюда же кабард. *шоджен*, в том же значении. Имя *Сауджинико* представляется адыгским, означая «сын священника».

Сирхау - осет. «красноватый». (Сурхай).

- В то, что некий феодал (или его чудаковатые родичи) мог назвать сына «красноватый», нам не верится. Кар.-балк. имя *Сурхай* озн. «молниеносный», от *сурх* «молния, молнийный»; или от *сыры хакъ* – *сырхакъ* - *сырхау* «имеющий истинную честь».

Тарас – от греч. Тарасо – «приводить в смятение, тревожить».

- Нет необходимости тревожить далеких греков; тюрк. *тора ас*, *тура ас* – «высокого рода, родовитый».

Урузмаг – см. выше. (Ёрюзмек).

Фат - осет. «стрела».

Хаджи – араб. «паломник» (приставка в мужских именах). (Хаджи).

Халцир - от осет. халсар «овощ» (?).

- По нашему мнению, такое имя не стал бы носить не только феодал, но даже и

последний раб; это искаженное тюрк. имя *Хачир*, *Хацир* «жеребец».

Шахук - возможно, от осет. Цахук – «серый сыч». (Шахуу, женск. имя).

- Кар.-балк. женское имя *Шахуу* - от *Шахук*; аффикс *-окъ*, *-укъ*, часто встречающийся в тюрк. именах, означает «род». Поэтому *Шахук* можно перевести, как «из большого рода» – *шах окъ* (*шах* синонимично *къара* «черный; большой; великий»).

Шох – объяснения у Ф. Х. Гутнова нет.

- Кар.-балк. *шох*, *шуёх* - «друг, дружественный».

Первая половина XIX в.

ДИГОРЦЫ

Абисал – объяснения у Ф. Х. Гутнова нет. (Абусалам).

- Скорее всего, это сокр. араб. имени *Абу-салам* «отец мира».

Адилгирей (Д, Т) - араб. адил – «справедливый» + гирей. (Адилгерий).

- Этимология верна; опять же отметим тюрк. оформление.

Айдаруко - от араб. айдар, хайдар – «лев». (Айдарукъ).

- Оформление имени явно кар.-балк. (*Айдарукъа*) или кабард. (*Айдарукъо*).

Алимурза – Али + мурза см. выше. (Алимырза).

Асланбек (Д, Т) – Аслан + бек см. выше. (Асланбек).

Аслангирей – Аслан + гирей см. выше. (Аслангерий).

Беслан (Д, Т) – см. выше. (Бияслан).

Джанбулат (Д, Т) - перс. джан - «душа» + булат, пулад – «сталь».

- Тюрк. имя, от *джаны-болат* «чья душа из стали». (Джамболат).

Заурбек – см. выше. (Заурбек).

Ильяс – объяснения нет.

- Скорее всего, имя арабское. (Ильяс).

Инал (Д, Т) – см. выше. (Инал).

Ислам (Д, Т) – см. выше. (Ислам).

Каспулат (Д, Т) - от перс. хаспулад – «отличная сталь».

- Арабское *хас булат* – «чистая сталь», кар.-балк. *къас болат* «заклятая (заговоренная) сталь». (Къасполат, сокр. Къаспот, Къаспо).

Кальчук – объяснения нет.

Кудайнат – объяснения нет.

- От кар.-балк. *къудай нарт* «божий богатырь»? Ср. *Къудайнат* - название местности в Балкарии.

Крымгери – Крым + гирей см. (Кърымгерий).

Кубади – этимология неясна, встречается у адыгов. (Къубадий).

- У карачаево-балкарцев от этого имени образована и фамилия *Къубадий-лары*. *Къуба* – «рослый, крупный».

Кургок – см. (Гюргёкъ).

Магомет (Д, Т) – см. выше. (Магомет).

Магометмирза – Магомет + мирза. (Магометмырза).

Мусса (Д, Т) – см. (Мусса).

Сафарали – см. (Сафаралий).

Татархан (Д, Т) - основа Тархан скиф. «судья»; более общее значение – «лицо, принадлежащее к группе или категории свободных от налогов и повинностей».

- Если это имя, абсолютно прозрачное, восходит к якобы «скифо-иранскому» термину, то зачем нужно было прибавлять к «тархану» первый слог (*-та*), и что оно, в таком

случае, означает? Термин *тура, тора, тѐре* и пр. в разных тюрк. яз. имеет значения «закон, обычай, суд, традиция, господин, высокородный». На самом деле, и скифское *тархан*, происходя от *тора* + *хан* и означая «владыка закона», является тюрк. титулом, и *Татархан* (кар.-балк. имя *Татаркъан*) означает «татарский хан».

Туган – см. (Туугъан).

Хазби (Д, Т) - из тюрк. хаз «чистый, настоящий» + бий.

Ханбий – хан + бий, см. (Ханбий).

*Хотахчи*ко – см. (Хатахшоко).

Эльмурза – эль + мурза, см. (Эльмырза).

ТАГАУРЦЫ

Ахмед - от араб. ахмад – «прославленный».

Афак - восходит к араб. Афак – «горизонты». (*Ампока; Анпакъ*).

- Значение «горизонты» для личного имени все-таки кажется странным (м. б., подразумевалось «большое будущее» или «широкое поприще»?). Кар.-балк. уменьш. *Ампока* происходит, вероятно, от *ампа* «оканчивать (дело)», «быстро разбираться». Имя *Амфако* бытует и у грузин. Ср. также кар.-балк. имя *Анпакъ* «белый-белый».

Бимболат - бий + болат, пулад «сталь». см. (Бийболат, Бимболат, Иммолат).

Габис – неясно.

Гваде – неясно.

Гуцури – этимология неясна; антропонимы с суффиксом – ур/ури, который указывает на принадлежность человека к какому-либо племени, роду и т. п., особенно широко распространены в горных районах Восточной Грузии.

- Кар.-балк. *къужур, къузур* «затейливый, причудливый, странный»?

Дуда – объяснения нет. (Дуда, Дауда).

- Ср. кар.-балк. фамилию *Дуда-лары*. М. б., от *дудакъ* «дрофа»?

Дудар – см. (Тутар).

Жанакайт – объяснения нет.

- В кар.-балк. яз. – *Жанакъайит*, букв. «чья душа вернулась» (*жаны къайит*); такое имя давали ребенку, пережившему опасную болезнь.

Ибрагим - араб. Ибрахим – «отец народов» (из древнеевр. Абрахам). (Ибрахим).

Идрис - араб. «обучающийся». (Идрис).

Кази – см. выше. (Къазий).

Кази-Магомет – см. выше. (Къазий-Магомет).

Казибекир - араб. Кази + бекир от бакр – «молодой верблюд». (Бекир, Хаджи-Бекир).

- Если верить Гутнову, это имя состоит из араб. слов, означающих «судья» + «молодой верблюд». Какой смысл тогда вкладывался в него, я понять не в силах, поэтому предпочитаю видеть здесь тюрк. имя, состоящее из араб. *хаджи* «паломник» (обычная приставка к имени) + тюрк. *бекир* «сильный (волевой, стойкий) муж» (*бек эр*).

Крымсултан – Крым + султан см. (Кърымсолтан).

Куго – объяснения нет.

Кудаберд - основа: тюрк. *къудай берди* – «богом данный». (Къудайберди, син. Тейриберди, Аллахберди).

- Этимология верна.

Мимбулат - тюрк. мим – «родинка» + булат. (*Мимболат, Иммолат*).

- Этимология неверна; что означало бы такое имя? На самом деле, в первой части - *минги* (тюрк. *минги, менгу, менги*) «вечный» + *болат*.

Османмирза – Осман + мирза см. (Османмырза).

Пришимахо – каб. «счастливый князь».

Темирхан – темир + хан см. (Темиркѡан).

Хаджи-Мурат – хаджи – «паломник» + мурат, мурад «желанный». (Хаджи-Мурат).

- В тюрк. яз. *мурат* означает «мечта».

Хамурза – хан (?) + мурза «царевич». (Ханмурза).

- В кар.-балк. яз. *хан* – не только титул правителя, но и имеет значения «властительный, господствующий» и т. п.; например, *Ханбий* «властительный князь». Сказанное относится и к следующему имени.

Ханджер – сочетание двух титулов хан + гирей; по мнению Дж. Н. Кокова, первый осмысливается как имя, второй – как титул. (Хангерий).

К сожалению, Ф. Х. Гутнов не привел в своей книге весь имеющийся у него список. Чтобы материал был полнее, я выписал из уже цитированного сборника (ОГРИП) имена старшин (которых Карл Кох, например, называет *элдарами*) и князей (баделят), упоминаемых в записках русских и иностранных путешественников (в скобках – кар.-балк. эквиваленты).

XVIII век

Канишов – старшина Дергипша. Кар.-балк. имя *Кѡаншау*, от *кѡаны шау* «чья кровь сильна», букв. «черна» (есть и имя *Кѡаншаубий*).

Сурхав-илик – старшина Кобана; кар.-балк. *сурхай элик* «молниеносный царь».

Соломон Гуриев – старшина селения Барсикау; от еврейского имени *Шломо*.

Татта – старшина селения. У кар.-балк. есть имя *Татта*, возможно, уменьш. от *Татау* (восходит к *татах* «союзник, дружественный») (ср. другие имена – *Атта*, *Гатта*, *Жатто*, *Жаттай* и др.).

Эйдек – бадилат из семьи «Таговер» (в записках Штедера) – кар.-балк. имя *Айтек* «горячий, вспыльчивый».

Мисост – молодой бадилат; распространенное на Кавказе имя, в кар.-балк. – *Мусос*. Возможно, от арм. *Мовсес* Моисей.

Темир-Султан – старейшина сел. Чим; кар.-балк. имя, «железный султан». (Темир-Солтан).

Ахмет – старейшина сел. Чим, имя арабское. (Ахмат).

Темир Тево – владелец сел. Балта. Имя владельца – от тюрк. *темир*, *темир* «железный» + *тева*, *теуа* «верблюд». Название села – от кар.-балк. *балта* «топор»? (Темир, Тебо).

XIX век

Илальд (так у Клапрота) – родоначальник феодальной фамилии *Слонате* (Дударовых?). Неясно.

Багир – сын Илальда. Кар.-балк. *багъыр* «медь, медный».

Дударукъ – внук Илальда. Вероятно, от кар.-балк. имени *Тутар* «ловец» («охотник») + обычный афф. –укъ. Или это *тутарыкъ* «держитель». (Дударукъ).

Максим Слонате – владелец Даллакгкау. Из русск. или грузин.; или это популярное у тюрков араб. имя *Максум*.

Девлет-Мурза – владелец Балгаша. (Даулет-мурза). Имя тюрк., как и следующие.

Темир - (Темир).

Арслан-Хасан – (Арслан-Хасан).

Мерука – возможно, кар.-балк. *бѣрюка* «волчище, волчара».

Кайтух – кар.-балк. имя *Кѡайтукъ*, от *кѡайт* «опоминающийся (вовремя)», «умеющий исправить ошибку».

Арсланбег – шимитские (т. е. из сел *Чми*) старейшины. (Арсланбек, Асланбек).

Беслан Шанаев – тагаурский вождь; кар.-балк. *бий аслан* «князь-лев».

Гегор – старшина; неясно, возможно, имя грузинское.
Касай Кубанчиев (Кубатиев) – см. выше. (Къасай).

О ЧЕМ ПОВЕДАЛИ ЦИФРЫ

Теперь, по нашему бухгалтерскому обыкновению (обрести которое меня заставили иррациональные построения иранистов), можно подвести итог. Отметим слишком малое количество имен для такого большого периода времени (не менее двух веков); никакого сравнения с ногайцами, кумыками или кабардинцами, документы о которых буквально пестрят сотнями имен, принадлежавших ханам, мурзам, князьям, узденям и даже крепостным. Это еще одно свидетельство того, что до середины XVIII в. осетины не представляли для русских властей никакого интереса, поскольку были еще слишком малочисленны, слабы и разобщенны; процесс их этногенеза завершился только к середине XIX столетия, после ассимиляции тюрков-дигорцев.

XVII век:

имен дигорских феодалов: тюрк. 17, араб. 6, грузин. 2.

у тагаурцев: тюрк. 11, осет. 2.

Итого: 28 тюрк., 6 араб., 2 грузин. и 2 осет. имени.

XVIII век:

у дигорцев: тюрк. 23, араб. 7, груз. 1, неясно 7, осет. 1.

У тагаурцев – тюрк. 26, араб. 2, каб. 2, осет. 3, неясно 1.

Итого, в XVIII в. у дигорских и тагаурских феодалов **49** тюркских имен, **9** арабских, **2** кабардинских, **1** грузинское, неясных и спорных – **8**, и только **4** осетинских.

Первая половина XIX века:

У дигорцев: тюрк. 18, араб. 6, каб. 1, неясно 2.

У тагаурцев: тюрк. 23, араб. 7, груз. 1, каб. 1, неясно 4.

Итого, у дигорских и тагаурских феодалов: тюрк. имен – **41**; араб. - **13**, кабард. - **3**, грузин. - **2**, неясных или спорных – **6**.

Общий итог:

Всего **194** имени;

Тюрк.: $112 + 16 = 128$; плюс еще 4 туал. имени из XIV в. (см. выше) = **132**;

Араб. – $28 + 2 = 30$;

осетинских – **8**;

кабардинских – **6**;

грузинских – **5**;

неясно – **13**.

Имена, которые отнесены здесь в разряд арабских, таковыми можно считать лишь условно: среди них нет ни одного, которое не бытовало бы точно в такой же форме у карачаево-балкарцев; многие имеют тюрк. оформление (мы считаем их наследием тюркского субстрата осетин). Результат, тем не менее, весьма показателен: количество тюрк. имен в два раза превышает количество всех других, вместе взятых. Допустим, я ошибся в десяти или даже в двадцати случаях; но и тогда результат будет таким же, а количество иронских имен не увеличится ни на единицу.

Очень интересно и другое: осет. имен только на три единицы больше, чем грузинских и на две – кабард.; уже в XVII в. их в 14 раз меньше, чем тюрк. – 2 против 28. Если же брать в целом весь перечень, тюрк. имен в нем в 22 раз больше, чем ирано-осет., и в 2 раза

больше, чем всех других, вместе взятых. Где же «североиранская» антропонимия? Или «алано-осетинские» алдары от первых дней феодализма поклялись нарекать своих детей только тюркскими именами?

Ф. Х. Гутнов, однако, такое «парадоксальное» положение никак не объясняет, а только отмечает: «Всего в родословных содержится 204 имен, этимологическое значение или происхождение 27 из них неясно. Обращает на себя внимание преобладание имен тюрко-монгольского, персидского, и арабского происхождения. Прослеживается постепенное увеличение их доли в именнике осетинских феодалов» (Гутнов, с. 144). В том, что в XVII-XIX вв. осетины поддерживали тесные отношения с некими загадочными «тюрко-монголами», может сомневаться только худший из всех фольклористов (чем еще объяснить полное преобладание их имен в феодальной среде?). Но нам все равно непонятно, о каком «постепенном увеличении» может идти речь, если уже в XVII в. иных имен у дигорских и тагаурских феодалов почти не было? И по какой такой причине эта «тенденция к увеличению» могла появиться в XVIII-XIX вв.? Почему в этот список вошли только дигорцы и тагаурцы, но нет имен других феодалов? Правда, отмечая существование уже в XVII – нач. XVIII в. фамилий дигорских владетелей (явно и несомненно тюркских – Карабугаевы, Караджаевы, Тугановы и др.), Ф. Х. Гутнов пишет: «В Алагирском и Куртатинском обществах в XVIII в. фамилии еще не утвердились», это произошло только в конце того же века (Гутнов, с. 151).

Вряд ли эти общества так уж сильно отличались от других. Дело, видимо, в том, что в Алагирском и Куртатинском ущельях местная тюркская аристократия после прихода иранцев с юга рано утратила свой статус, но, тем не менее, к простонародью себя не причисляла. Скорее всего, представители поздних пришельцев-иранцев долго не могли внедриться в среду обедневшей и потерявшей подданных (но не сословную гордость) дигорско-тагаурско-гуальско-куртатинской знати, традиционно заключавшей браки внутри своего сословия. Естественно, что и имена баделят, таубиев и алдаров (к тому же мусульман) оставались, в подавляющем большинстве, тюркскими и арабскими даже и в XIX в. Следовательно, можно думать, что иранских имен было много в крестьянской среде, в основной массе пришельцев.

А. Дз. Цагаева, упомянув о мнении историка русской церкви Макария, «который начало христианства у прикавказских алан возводит к IV в.», добавляет: «Об этом также пишет В. И. Абаев: «Неудивительно, что у алан мы находим также и грекохристианские имена: Илья, Николай, Дмитрий, Стефан, Андрей, Мария, Ирина. Уже с V в. у них велась широкая миссионерская пропаганда, шедшая из Византии и Греции (разве Греция тогда не находилась в составе Византии? – М. Дж.), завершившаяся в X в. христианизацией алан и созданием аланской епархии» (Цагаева, с. 206). Но объяснил ли кто-нибудь из осетиноведов, почему в XVII в. мы не находим у осетинских феодалов ни одного христианского имени – ни греческого, ни латинского, ни даже грузинского, а вот арабских – целых 30 штук? Выходит, уже в XVII-XVIII вв. от многовекового «алано-осетинского» христианства не осталось даже такого следа, даже в среде знати.

Но составитель именника пытается уверить нас в другом: «В Дигории доля мусульманских имен претерпела гораздо меньше изменений (чем в Тагаурии. – М. Дж.). Видимо, это связано с тем, что баделята раньше установили контакты с уорками Кабарды, и связи эти были более прочными, чем у алдаров. Ислам из Кабарды распространялся сначала среди феодалов Западной Осетии, а затем – Восточной. Асинхронность утверждения мусульманской религии наложила отпечаток на именник алдаров и баделят» (Гутнов, с. 146). Это, может быть, весьма научно, но, к сожалению, служить объяснением не может. Почему же мы не находим в именнике подобного «отпечатка» христианской религии (с которой предки осетин якобы познакомились чуть ли в V в.?).

Кроме того, известно, что кабардинцы приняли мусульманство во второй половине XVII в., под давлением Крыма, и вряд ли сразу же рьяно принялись нарекать своих детей арабскими именами (а заодно и осетинских алдаров). Приведем некоторые факты.

С. Р. Керменчиев и М. Л. Големба, подвергнув анализу несколько сот имен кабардинских мурз, князей и узденей, встречающихся в 500 документах, вошедших в двухтомник «Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв.», приводят следующие данные:

Из 417 имен (с середины XVI в. до конца века XVII-го):

Тюрк. – **299**, адыг. – **76**, из др. яз. Кавказа – **24**, неясно – **18**.

Ни одного арабского имени у представителей кабардинской знати вплоть до XVIII в. в документах нет; каким же образом кабардинцы передали бы осетинам то, чего не было у них самих (но у осетин уже в XVII в. сам же Ф. Х. Гутнов отметил 6 арабских имен)? Курьезность ситуации еще и в том, что и в XVIII в. арабо-мусульманских имен у кабардинской знати очень мало: из 301 антропонимов, отмеченных в документах этого периода: тюрк. – **220**, адыг. – **29**, араб. – **39**, прочих – **33** (Керменчиев, Големба, с. 132).

И это – за целый век, прошедший после принятия ислама! Нет ответа и на другой вопрос: если самыми активными «насаждателями» ислама в среде осетинской знати были кабардинцы, почему в списке имен осетинских феодалов всего **6** адыгских имен? Или осетинские князья и старшины предпочитали перенимать у мусульман только тюркские и арабские имена? Если бы осетины тогда же, в XVII или в начале XVIII в. приняли ислам, причем обязательно через тюрков, еще как-то можно было бы объяснить приведенные выше факты; но ведь и этого не случилось. Кто из самых закоснелых в академизме иранистов сумеет объяснить такой, ужасно «парадоксальный» (а на самом деле – закономерный), итог: вместо «древних североиранских» и «греко-грузино-христианских» имен – сплошные ханы, султаны, беки, бии, мурзы и прочие «кочевники», которые никак не должны были, согласно вердикту «мировой науки», в такой огромной степени повлиять на антропонию народа, большая часть которого, если верить иранистам, уже с первых веков нашей эры (или даже раньше) жила в самом сердце Кавказа, в горных теснинах, куда «тюрко-монголам» забираться никакой нужды не было?

Если верить в ту версию этногенеза осетин, которую им навязали иранисты, и сопоставить ее с теми фактами, что мы привели выше, неизбежен целый ряд и других вопросов. Что за тюркская напасть и когда обрушилась на Осетию? Неужели неугомонные и неведомые по имени тюрки, успешно завершив планомерно проведенную по всем ущельям Балкарии и Карачая ассимиляцию западных «алан-осетин», впали в неистовство и принялись еще и за их уцелевших в ущельях Осетии соплеменников? Или эти тюрки еще в XIII в. приняли в своем штабе государственную программу по искоренению иранской ономастики и скифо-аланской терминологии в осетинском языке? Или бесчисленные карачаево-балкарцы, собравшиеся из всех обществ, буквально заполонили Осетию, но затем почему-то потеряли свой язык и ассимилировались в осетинской среде, сохранив при этом свои фамилии? Но такого этнического половодья с запада история не знает. Тюркские и арабские антропонимы и термины (более 1000 единиц; прибавьте сюда и тюркизмы в дигорском диалекте), являются наследием тюркского субстрата, дигоро-тагауро-туало-куртатинцев, принявших ислам еще до прихода иронцев в XVII в. но не из Кабарды, а из Кумыкии, еще в те времена, когда иронцев на Кавказе еще не было.

ГЛАВА X. ПАМЯТЬ ЗЕМЛИ

СУБСТРАТ

Выяснив, что в осет. яз. имеется несколько сот тюркизмов (карачаево-балкаризмов), В. И. Абаев (а вслед за ним и другие осетиноведы), уже в середине прошлого века стал всячески выпячивать влияние субстрата на язык и культуру осетин (но в эпосе - влияние монголов), подразумевая под ним какой-то неведомый аборигенный народ, населявший горы Кавказа до прихода «алан-иранцев». «...среди всех не-индо-европейских элементов, которые мы находили в осетинском языке, кавказский элемент занимает особое место, не столько по количеству – понятие количества бывает здесь трудно применимо (отчего же? – М. Дж.) – сколько по интимности и глубине вскрывающихся связей». «Кавказский элемент вошел в осетинский не просто как внешнее влияние – подобно тюркскому, арабскому и др., а как самостоятельный структурный фактор, как своего рода вторая его природа» (Абаев, ОЯФ, с. 76).

Мы себе даже и представить не можем, как удалось Абаеву измерить «глубину и интимность вскрывающихся связей» скифо-алан с «кавказским элементом», если и по сей день ни одному лингвисту не известно, что это был за народ и на каком языке он разговаривал. Кроме того, когда речь идет о массе заимствованных терминов, отговориться невнятной фразой, что «понятие количества бывает здесь трудно применимо», нельзя. Количество и характер заимствований из того или иного языка ясно показывают степень влияния его носителей, как и интенсивность контактов. В осет. языке, согласно ИЭСОЯ В. И. Абаева, имеется множество терминов, находящихся объяснение на почве тюркских, арабских, кабардинских, персидских, грузинских. Причем тюркизмов больше, чем заимствований из языков народов Кавказа, вместе взятых (по выкладкам самого же Абаева). У каких тюрков, почему и когда они были заняты, ни один иранист не говорит, подразумевая, что это следствие контактов с печенегам, куманам, гуннам, монголам и др., не сообщая, разумеется, как они сумели это выяснить.

Если согласиться с Абаевым, получается, что язык «кавказязычного субстрата» повлиял только на структуру осет. языка, почти не отразившись в лексике (в которой велико влияние карачаево-балкарского, грузинского и арабского). Но ни один иранист не представил хотя бы краткого списка «субстратных» слов, сохранившихся в осетинском. Или эти аборигены были ассимилированы пришлыми «аланами-иранцами», соблюдая обет молчания? Или они открыли в Осетии курсы, на которых перед своей ассимиляцией обучали пришлых алан только азам морфологии и фонетики своего языка, а лексику перенимать запретили? Или в формировании осетинского народа субстратом послужили не гипотетические «пракавказцы», а либо тюрки, либо грузины? Разве не такой вывод мы должны сделать из этих фактов?

Так как никому не удалось обнаружить ни следов «глубоких и интимных связей», ни «элементов» неведомого языка (кроме десятка терминов, которые Абаев определяет, как «субстратные» - когда не может выяснить их происхождение), ему пришлось признать: «Что это были за народы и языки, которые бытовали на территории Осетии до иранизации и послужили субстратом при образовании кавказского осетинского народа? На этот вопрос мы не можем ответить, так как на этих субстратных языках не осталось никаких памятников. Можно только предполагать, что они были близки по типу к ныне соседящим с осетинами кавказским языкам: грузинскому, черкесскому и др.» (Абаев, ОЯФ, с. 80).

Предполагать, конечно, можно. Но ни один ирановед ничего конкретного о «структурной близости» осет. языка грузинскому, кабардинскому или иному соседнему языку не говорит. Что означает «и др.», неизвестно; или язык этого субстрата был похож на языки всех народов Кавказа сразу? Тогда он являлся бы самым настоящим чудом-юдом, поскольку они имеют между собой очень мало общего, точнее, ничего общего не имеют; поэтому языком межнационального общения (и письма) на Северном Кавказе

долго являлся кумыкский, как ныне русский.

Остается в силе и замечание Е. А. Гагкаева, прозвучавшее на научной сессии 1966 года (см. выше): если 200 лексических схождений (из которых, допустим, половина является «алано-осетинской») дали В. И. Абаеву право говорить об «алано-осетинском» субстрате в сложении карачаево-балкарцев, то почему заимствованную лексику в осетинском нужно заносить в разряд «внешних влияний», не имеющих никакого значения для выяснения языка, на котором разговаривал субстрат? Почему никаких «самостоятельных структурных факторов», вызванных влиянием осет. яз. на кар.-балк., никем не выявлено? И что заставило осетин позабыть слова, означающие «зубр, лев, море, степь, равнина, кумыс, князь, царь, тавро» и др. - как «местно-кавказские», так и «скифо-алано-иранские», и занять именно тюркские термины? Разве осетиноведы не обязаны были глубоко задуматься над этими простейшими вопросами, причем давным-давно?

О САМОНАЗВАНИЯХ ОСЕТИН

Протопоп И. Болгарский в 1780 году в своем донесении епископу Антонию пишет: «Что касается до самых сих народов, которых мы называем осетинцами, откуда они или от кого именно начало свое приняли, о том ни прежде, ни ныне совершенно узнать не можно по причине той, что как у них грамматы никакой нет и записей о себе письменных не имеют, а называют себя иронами или людьми произшедшими от Ира, а от какого так же подлинно не знают. Сказывают многие из них, что весьма немалое число прежде в их места переселилось посторонних и разного рода людей, как то грузин и славян, укрывающихся в то время от притеснений и гонений, чинимых им первым от персидского Аббас-шаха, а последним от ординских татар, с которыми смежное жителство имели по разным местам, как то некоторые на Можарах, а другие на Татартупе, лежащем от Моздока по тракту к Кавказским горам, где и поныне значутся некоторые развалившиеся христианския церкви, о названии же их осетинцами уверяют так, что они подвластны были прежде за несколько времени бывшим в свое время грузинским царям, при которых и наименование себе приняли осетинцов, по имени одного из определенных к ним владельца или князя, называемого Иозефа, и что де после того, как Грузия начала приходить в упадок, то они, оторвавшись от нее, прежнюю получили вольность с обычайною прежнею бедностью, в каковой и поныне находятся».

Составитель сборника документов, М. М. Блиев, конечно же, делает примечание: «Грузины называют осетин «оси», «ос». И. Болгарский неправ, утверждая, что население в Осетии, сохранившее собственное название «ироны», «наименование себе приняли «осетинцы» (РОО, т. 2, с. 384; с. 426). Странное, мягко говоря, положение с осетинскими этнонимами. Но иранисты всегда умели легко находить выход из любых положений. «В числе вопросов, которые могут возникнуть у читателя, мы предвидим такой: если от алан к современным осетинам идет тесная и непрерывная преемственность, то почему у осетин не сохранилось старое название «алан»? Название осетин идет из грузинского *оси* «осетин», *Осети* «Осетия» - пишет В. И. Абаев (ОЯФ, с. 79). Но, приведя десяток примеров, показывающих, что *ас* было вторым названием алан (например, высказывание Иосафата Барбаро, XV в.: «Аланы заимствовали свое имя от народа аланского, называвшего себя на своем языке Ас»), В. И. Абаев пишет: «Происхождение самого термина *ас* не ясно». «Нельзя также связывать *ас* с абх. *уафс*, груз. *ос*, так как последнее восходит к *овс*» (ИЭСОЯ, т. 1, с. 80).

Следовательно, осетины перенесли на балкарцев «свое» название *ас*, значение которого им самим неизвестно, и тем же непонятым для осетин именем называли их грузины, которым оно тоже непонятно. Это уже не «этническая инверсия», а самая

настоящая этнонимическая чехарда. Но осетиноведы по сей день утверждают, что грузин. *овс*, *ос* – это осет. *ас*.

«Нельзя пройти также мимо того факта, что племенные самоназвания различных ветвей осетинского народа: *ир*, *дигор*, *туал* и др., не могут быть объяснены из иранского. Они восходят, повидимому, к этническим самоназваниям до-осетинского населения, удержавшихся и после иранизации» (Абаев, ОЯФ, с. 79). Но если «кавказский элемент» рассматривать, следуя Абаеву, как «вторую природу» осет. языка, это означает, что осетины едва ли являются иранцами хотя бы наполовину, так как роль субстрата в их этногенезе была огромна – до такой степени, что они позабыли все свои «североиранские» этнонимы. «Племенное название осетин восточной и южной ветви *ир*, *ирон*, привлекается обычно всеми исследователями как одно из наиболее ярких доказательств иранского происхождения этого народа. Предполагается, что *ир* восходит к др. ир. *арья* (с эпентезой). *Ирон* – к *арийана*, подобно тому как в перс. *Иран* восходит к др. перс. *Арианам*». В. И. Абаев считает, что такая этимология «явно ошибочна и основана на случайном звуковом сходстве» (ОЯФ, с. 245).

Сославшись на законы исторической фонетики, он делает вывод: «Название крупнейшей ветви осетинского народа *ир*, *ирон* некоторые исследователи связывали с Ираном. Это – грубая ошибка, основанная на недостаточном знакомстве с исторической фонетикой осетинского языка» (ОЯФ, с. 79). «Откуда же идет термин *ир*? Априори естественно думать, что он идет оттуда же, откуда идут и другие осетинские этнические термины: *дигор*, *туал* и др. – из кавказского мира. Реальные связи указаны Н. Я. Марром: название осетин в устах чеченцев и андийцев: *хири*, *хири-ол*, грузинский географический термин *Хер-ет-и* и др».

Но все это мало кого могло убедить, поэтому В. И. Абаеву, как всегда, пришлось прибегнуть к предположениям и ясновидению: «...такая картина: в числе яфетических («кавказоязычных». – М. Дж.) племен, передвигавшихся в доисторические времена с юга на север Кавказа, был народ *хер* (*хир*); смешавшись с северными пришельцами иранцами-аланами (аллонами), он дал свое название самому многочисленному из образовавшихся, в результате такого смешения, осетинских племен, иронскому. Разумеется, пока что это утверждение может быть принято лишь как рабочая гипотеза (каковой она и останется навеки. – М. Дж.)». И, далее: «В таких терминах, как *ир*, *дигор*, *туал* и пр., бесполезно было бы искать каких-нибудь иранских реминисценций» (ОЯФ, с. 245-247).

Что касается двух последних этнонимов, это действительно так, но *ир*, *ирон* оторвать от Ирана вряд ли возможно, несмотря ни на какие (гибко толкуемые) законы исторической фонетики; *ир*, *ирон* – это общее (за исключением дигорцев) самоназвание осетин (в отличие от названий конкретных племен – *туал*, *курттаты*, *тагаур*). Но то же самое В. И. Абаев утверждал и позже. «*Ир/ирае* «осетины», «осетинский народ» (точнее «иронское племя»). «Очевидно, что *ир* к *арья*- никакого отношения не имеет, и для него надо искать другое объяснение. Поскольку другие осетинские племенные названия – *дигор*, *туал* – связаны с кавказской этнонимикой (с какой, никто не знает по сей день. – М. Дж.), естественно обратиться туда и для объяснения термина *ир*. Ср. грузинский географический термин *Хер-ет-и*, а также название осетин в устах чеченцев, аварцев и андийцев: *хири*» (ИЭСОЯ, т. 1, с. 546).

Очень все это странно: почему все осет. этнонимы были обязаны являться «кавказскими»? Почему хотя бы одному из них не быть иранским, тем более что и язык осетин является иранским? В Грузии, через территорию которой продвинулся на север загадочный народ *херы*, *хиры*, есть область *Херети* (Эрети), но осетин *херами*, *хирами* грузины почему-то не называют; так их именуют чеченцы, аварцы, андийцы; получается, что никто из соседей не заметил ни прихода алан-асов на территорию Осетии, ни их

проживания в этих местах. На самом деле, конечно же, соседи, вероятно, как-то именовали тюрков-автохтонов; когда произошла их иранизация пришлыми с юга поселенцами, чеченцы и аварцы и стали именовать их *хири*, *хириол* – по самоназванию пришельцев, *ир*, *ирон*.

«Чисто иранским названием осетин было не *ирон*, а *аллон* (из *аллан*), сохранившееся в сказках» (ОЯФ, с. 79). «Таким образом, если искать на кавказской почве отражений древнего названия иранцев, то они даны нам в названии народа аланов и в осетинском сказочном термине *аллон*. Что касается термина *ир*, то он бесспорно не имеет сюда никакого отношения» (ОЯФ, с. 247). Но беда в том, что «алано-осетины», забыв свои «североиранские» этнонимы, т. е. сменив их на «местно-кавказские», тут же забыли и свое новое самоназвание – *ир*, *ирон*: оно известно только с конца XVIII в.; следовательно, до этого времени общего именования у них не было. Б. А. Калоев пишет: «В связи с этим возникает вопрос: почему термин «ирон» не упоминается в источниках, в том числе грузинских, и существовал ли он вообще у алан-осетин в средние века или же его появление относится к послемонгольскому периоду? Все эти вопросы пока остаются без ответа» (Калоев, 1971, с. 43). Но неужели «послемонгольский период» длился до XIX в.? Или осетины на протяжении нескольких столетий тщательно прятали свой главный этноним? Зачем?

Не кажется ли читателю, что положение крайне курьезное: «аланы-иранцы», смешиваясь с аборигенами, почему-то забыли свое основное самоназвание «алан», якобы некогда означавшее «ариец», как и название своей страны, которое по-осетински звучало бы как *Алистон* (пишет же Абаев, что собирательное название алан было *ал*; ср. *ир* «осетины», *Иристон* «Осетия», *ирон* «осетин»); второе, непонятное им самим «ас», перенесли на балкарцев, поэтому снова пришлось занимать его у памятливых грузин, в форме «овси»; вместо этнонима «алан» взять название продвинувшегося с юга в незапамятные времена «яфетического племени» *херов-хиров*, в форме *ир*, а жителям отдельных ущелий усвоить названия местных субстратных племен (*туал*, *куртат*, *дигор*, *тагаур*, *кудар*)? При этом ни один из этих этнонимов на почве ирано-осет. яз. не объясняется; единственное исключение – *ир*, *ирон*, но и от него иранисты отрываются всеми силами!

«С XVIII в. термин *дигор* часто встречается у путешественников и в официальных документах, нередко в форме *дугор*. Хорошо известен нынешним и прежним соседям осетин» - сванам, грузинам, карачаево-балкарцам (Абаев, ИЭСОЯ, т. 1, с. 380). А что же с иронцами? «В фирмане Фетх-Али-шаха 1804 г. к кабардинцам, чеченцам и осетинам последние зовутся *хири*» (ИЭСОЯ, т. 1, с. 546). Спрашивается, у кого иранский шах мог узнать об иронцах? Скорее всего, у грузин. Но ведь грузины, как утверждают иранисты, с незапамятных времен называют осетин *овс*, *ос*. Почему же Фетх-Али-шах называет их по-другому, этнонимом, который до конца XVIII в. в документах не упоминается? Почему малочисленных дигорцев (которые ныне составляют пятую часть осетин) соседи знали лучше и с более ранних времен, чем многочисленных иронцев?

РИМЛЯНЕ В ОСЕТИИ

Рассмотрение топонимии очень важно для определения этнической принадлежности этноса, который на территории Осетии предшествовал иранцам: чтобы дать название местности, горе, селению или реке, нужно там жить, причем на протяжении долгого времени. Если наш вывод, гласящий, что осет. народ сформировался на тюрк. субстрате и только на своей нынешней территории, в Осетии должен был остаться достаточно большой слой тюрк. названий. Обратимся к замечательной книге А. Дз. Цагаевой

«Топонимия Северной Осетии» (1971); нас интересуют, в первую очередь, те конкретные топонимы и цифры, которые она приводит. Ценно в ее монографии и то, что она указала, к каким районам и какие необъясняемые топонимы относятся. Больше всего таковых обнаружилось в самом центре Осетии, в Двалетии, чуть меньше – в Дигории, Алагирском и Куртатинском ущельях). В топонимии Северной Осетии А. Дз. Цагаева насчитала 8326 названий, поделив их на шесть языковых пластов:

1. Необъясненные названия и древнейший топонимический слой (принадлежащий, по ее мнению, некоему субстратному народу, предположительно говорившему на «кавказском» языке) – 721 название.

2. Кавказский слой: грузин. из них – 76, адыг. (кабард.) – 20, вайнах. – 16 = всего, как говорит автор, более 120 единиц.

3. Осет. слой – 7012.

4. Визант.-римский слой – 9.

5. Тюрко-монг. слой – более 150.

6. Славян. слой (Цагаева, с. 169).

«Славянским» пласт топонимов назван по недоразумению, поскольку все приводимые названия являются просто русскими, появившимися на карте Осетии после ее присоединения к России. Странно включение в список 9 топонимов, якобы византийско-римских, появление которых, как думала Цагаева, было связано с распространением христианства:

Узи дзиуарае Узи святилище

Узунаг принадлежащий Узуну (святилище)

Бузуни/Узуни хумае Бузуна/Узуна пашня (кладбище)

Узи маесуг Уза башня

Уырымаен принадлежащий римлянину

Язи баерзонд Язи высота

Айгомуги дон Священного ущелья река

Аерджы нараг Аргов теснина

Аерджы бынтае «Ниже аргов»

Объяснения, которые дает топонимист этим названиям, оставляют чувство неловкости: «В топониме *Узи дзиуарае* «Уза церковь, святилище» (это небольшое каменное сооружение с христианским знаком возле с. Галиат) еще в прошлом веке увидел Б. В. Пфафф измененное имя императора Юстиниана. Только трудно согласиться с Пфаффом в том, что сооружение Галиатской церкви он приписывает Юстиниану. Историей не засвидетельствованы походы Юстиниана в тех районах Центрального Кавказа (так у автора. – М. Дж.), которые занимают осетины. Но что в топониме *Узи дзиуарае* в слове *Уз* (*Узи* – форма род. п. ед. ч.) следует видеть имя Юстиниана, это не вызывает возражение (так в тексте. – М. Дж.). Причем, Юстиниан сам непосредственно мог не принимать участие (а мог и принимать? – М. Дж.) в сооружении этой церкви. Ее соорудила, очевидно, та часть западных алан, которая некогда соседствовала с абхазами», – поскольку, как считает Цагаева, распространение христианства у алан связывалось с именем этого императора (Цагаева, с. 142). Но вслед за этим она перечисляет археологов, по мнению которых это сооружение (как и ряд других) было построено в XII-XIII вв., в эпоху грузинской царицы Тамары.

Узун (в кар.-балк. *узун* озн. «длинный») Цагаева, без тени смущения, объясняет следующим образом: «...трансформация имени Юстиниана на осетинской (аланской) почве». Как это могло получиться, никому неизвестно. Относит она к «византийско-римским вкраплениям в топонимии Северной Осетии» и топоним *Айгомуг*: «ай тюркизованная форма греч. *агиос* «святое» + осет. *ком* «ущелье» и суф. *-уэ*), букв.

«Священноущельский», *Айгомуги дон* «Священного ущелья река» (Цагаева, с. 144).

Кто, когда и зачем «тюркизовал» греч. слово, разумеется, неизвестно, как и то, почему оно – греческое. На самом деле, это лишь легкое искажение кар.-балк. слов *ай* «луна, лунная» (восходящее к *акъ* «белая»), и *камук* «речка, ручей» = «белый ручей» (ср. гидроним *Камук* в Баксанском ущелье Балкарии); к непонятному гидрониму иронцы добавили дон «вода, река». Если же нужно, чтобы гидроним непременно означал «священная», то и тогда к греч. яз. обращаться незачем; тюрк. *ая*, *айя*, *айы* – «святая, священная, хранимая».

О топониме *Язи баерзонд* «Язи высота» А. Дз. Цагаева пишет: «В последнем слово *Йази* - форма род. п. ед. ч. личного имени *Йаз* «Яз», восходящего, видимо, к греческому ономастикону. Не исключено, что в топониме *Йази баерзонд* слово *йази* восходит к самоназванию осетин – *ас*, *яс*» (Цагаева, с. 144). Но на следующей странице ее же книги сказано: «Потомки скифо-сармато-алан – осетины до наших дней также живут в близком соседстве с тюркоязычными балкарами, называя последних своим собственным этнонимом – *асси*». О том, что этноним *ас* в иранских языках ничего не означает, А. Дз. Цагаева не сказала.

Еще одно «византийско-римское вкрапление» она видит в названии пашни – *Уырыман*, якобы означающем «принадлежащая римлянам». Что делали в Алагирском ущелье древние пластические римляне и почему именно эту пашню осетины назвали их именем, топонимист не говорит; о том, что там мог расти густой лес, по-кар.-балк. *орман*, *урман*, автору в голову не пришло. Затем она сообщает еще о двух топонимах, в которых отложилось *аерг* - имя фольклорного народа: *Аерджы бынтае* «Ниже аргов» и *Аерги унгае* «Аргов теснина». Согласно осет. поговоркам, эти арги занимались коневодством. Этот же элемент *арг* Цагаева находит и в названии реки *Аргунь* в Чечне и в названии реки и селения в Кабардино-Балкарии – *Аргудан*, и, разумеется (вслед за И. Собиевым), уверенно возводит его ...«к названию греческого города-государства – Аргоса» (хорошо, что не к аргонавтам).

О том, что название коневодческого народа может восходить к известному тюрк. этнониму *аргун*, *аргын*, означающему «смешанные, помесь», иранисты не подумали. Полагаю, что имеется гораздо больше оснований видеть в аргах-коневодах северокавказских тюрков, чем жителей древнегреческого города Аргос, неведомо как и зачем пробравшихся в горы Кавказа. Весьма вероятно также, что *аерджы* и *аерги* – это просто кар.-балк. слово *аргъы* «отдаленный; находящийся поодаль». Есть и третье объяснение – от этнонима *баргун* (*брагун*, *бораган*, *борган* - остаток аваров, авар-гуннов) – названия средневекового тюрк. племени, жившего на Тереке; позже баргуны вошли в состав кумыков и чеченцев. В осет. топонимах начальное согласное Б, находясь в слабой позиции, выпало. Впечатление от подобного выискивания «византизмов», прямо скажем, не самое лучшее. Что удивительно, книгу Цагаевой (в целом очень ценную), перед выпуском прочитали и одобрили несколько выдающихся ученых – Г. С. Ахвледиани, В. И. Абаев, Э. М. Мурзаев, М. И. Исаев, Б. А. Алборов.

МОНГОЛЫ В ОСЕТИИ

Возвратимся к подсчетам А. Дж. Цагаевой. И здесь мы видим ту же картину, что и с терминологией: число тюрк. топонимов (причем разбросанных по всей территории Осетии) больше числа грузин., кабард. и вайнах., вместе взятых (более 150 против 120). Но количество иранских (или похожих на иранские) топонимов на территории Балкарии и Карачая во много раз меньше числа тюркских на территории Осетии; а должно было иметь место обратное, если, как нам говорят иранисты, до прихода тюрков в Балкарию и

Карачае на протяжении 13 веков жило осетиноязычное население. И мы можем заявить, с гораздо большим основанием, что до прихода иранцев с юга на всей территории Алании жили тюрки. Иначе откуда взяться «тюрко-монгольским» топонимам в таком высокогорье?

Более того, у нас нет сомнения, что тюрк. топонимов в Осетии гораздо больше, чем считает А. Дз. Цагаева, - нельзя же исключать, что она могла отнести многие из них к «субстратному слою». К сожалению, она не сказала, названиями каких природных объектов или частей ландшафта являются те или иные «субстратные топонимы», а этимологизировать их наугад представляется нам делом недопустимым. Например, к их числу она относит название гор в Алагирском и Дигорском ущельях – *Скъаендаег*. В кар.-балк. *скындык*, *ыскындык* означает «ограда, ограждение». Но утверждать идентичность этих слов мы не можем, так как не знаем, насколько точно это название отвечает расположению самих гор.

А. Дз. Цагаева считает, что с известной оговоркой можно отнести «к древнейшему топонимическому пласту Осетии и те названия, в составе которых обнаруживаются элементы, восходящие к тюрк. или кавказ. яз., например, *Тмидагъ* из *Тми (?)* + тюрк. *дагъ* «гора», или *Чиуалтас* из *Чиуал (?)* + тюрк. *тас* «камень» (*чауул таш* означает в кар.-балк. яз. «груда камней»). Действительно, если считать эти тюркизмы поздними, непонятно, какие тюрки и когда пришли в Осетию, почему расселились по всей ее территории и что делали в это время местные жители – «субстратные кавказцы» и «алано-осетины». Следовательно, все эти тюрк. топонимы оставлены древнейшим населением Осетии. Но как раз такого вывода осетиноведы делать не хотят – ведь это означает, что автохтоны Северного Кавказа, создатели кобанской культуры, были тюрками. Приходится лавировать и изобретать – одним словом, творить науку.

«Топонимы в какой-то мере расскажут нам о том, с какими народами встречался (!? – М. Дж.) осетинский народ в процессе своего длительного исторического развития, какие племена и народы сменяли на территории Северной Осетии друг друга и участвовали в формировании не только топонимии, но и осетинского этноса», - пишет А. Дз. Цагаева. Чудно, конечно (откровенно говоря, я уже устал повторять вежливое словечко «странно») читать этот образец механического письма. О каких встречах с народами могут «рассказать» топонимы (да еще и «в какой-то мере»? Неужто повстречавшись когда-то, скажем, где-то в Подонье с неким племенем, а потом прийдя на Кавказ, «аланы-иранцы» спешили увековечить его имя или занятый термин на карте своей страны? Что касается сменявших друг друга племен и народов, можно подумать, что горные теснины Осетии были чем-то вроде санатория, куда эти этносы приезжали на отдых, а иные даже принимали участие в этногенезе осетин.

Как и все иранисты, А. Дз. Цагаева подходила к делу с разбором. Указывая на присутствие здесь нескольких безобидных «римско-византийских» названий, она смело утверждает, что их возникновение относится к периоду влияния римлян и греков на народы Кавказа. Но далее она пишет: «Наличие же значительного тюрко-монгольского слоя (пласта) в нашей топонимии говорит о тесных и длительных контактах осетин с тюркскими и монгольскими народами», приводя ряд примеров – названия озера *Заманхъул*, селения *Нузал*, прежнее название реки *Урсдон* – *Аксу*, реки *Табылдон* и пр.

Итак, все дело в контактах. Но далее она, наткнувшись на весьма заметное противоречие, пишет: «Если эти длительные контакты с «тюрко-монголами» имели место где-то далеко от Осетии, каким таким чудесным образом все эти названия перелетели в горы Кавказа? Или сами осетины природным объектам старались давать тюркские названия?» (Цагаева, с. 20). Справедливо. Но попытаться ответить на свои же, причем весьма резонные вопросы А. Дз. Цагаева почему-то не пожелала. Не в силах прийти к

мысли о тюрк. субстрате в сложении осетин, она задает другой вопрос: «Не могли же тюркские и монгольские народы (! – М. Дж.) прийти специально на территорию современной Осетии для того, чтобы предложить свои названия для закрепления за какими-то географическими объектами, а затем удалиться?» (Цагаева, с. 20). А римляне и греки, получается, могли! И как быть с тем, что она же говорила выше – о народах и племенах, которые сменяли друг друга на территории Осетии?

Таинственные «монгольские народы» к осет. топонимии никакого отношения, конечно же, не имеют, так как никогда ни на равнинах, ни, тем более, в горах Кавказа не жили, а мимоходом дать название географическому объекту невозможно. Однако Т. А. Гуриев посвятил три статьи этому вопросу, одна из них так и называлась – «Монгольско-тюркские элементы в топонимике Осетии», и даже локализовал район наибольшего распространения этих элементов! Но А. Дз. Цагаева, отмечая, что Т. А. Гуриев не располагал всеми данными для такого определения, говорит: «А данные как раз свидетельствуют о том, что монгольско-тюркские элементы не в меньшей мере имеются в топонимике Дигории, или Алагирского ущелья, чем в районе с. Заманкул и западнее от него, где локализует их Т. А. Гуриев» (Цагаева, с. 42). И еще: «В топонимии Осетии насчитывается более ста пятидесяти географических названий, объясняемых из тюркских и монгольских языков. Они приблизительно равномерно распределяются в нагорной и плоскостной частях территории республики» (Цагаева, с. 145).

Итак, выяснилось, что «тюрко-монг.» названия не сосредоточены в одном из районов Северной Осетии (северо-западе), а рассыпаны по всей ее территории. Это означает, что оно оставлено древним доиранским населением края; или придется сказать, что вся Осетия была завоевана какими-то тюрками (когда и как?), которые зачем-то поселились среди «алано-осетин», а потом исчезли. Давать объяснения этим фактам никто из иранистов не пытался.

А. Дз. Цагаевой почему-то не нравилось, что В. И. Абаев возводит именование эпических богатырей к монгольскому «нар», как и названия двух селений в Двалетии (*Нар*) и Дигории (*Нары-хъаеу*): «Но имеющиеся исследования по древней истории Осетии не оставляют сомнения, что предки осетин, скифо-сармато-аланские племена появились и осели в районе Центрального Кавказа задолго до I-х веков н. э. Об этом говорят и памятники христианства старшей поры в нагорной полосе Осетии. Стало быть, задолго до монголов предки осетин жили в ущельях Центрального Кавказа и как-то называли свои населенные пункты. Не было у них никакой необходимости переименовывать существующие названия населенных пунктов и давать им монгольские названия» (Цагаева, с. 185).

Кажется, логика безупречная и позиция твердая. Но пятнадцатью страницами выше сама же А. Дз. Цагаева пишет о «тюрко-монгольском» слое топонимии Осетии, почему-то полагая, например, что *Нузал* есть монг. *нузл* или *нузул* «место и форма повинности крестьян монгольским ханам». Если *Нузул* является монголизмом, то почему им не может оказаться *Нар*? Вывод ее, однако, снова противоречит тому, что она же говорила: «Наконец, наличие различных языковых пластов в топонимии Северной Осетии есть еще одно свидетельство тому, что на этой территории сменялись народы. И каждый из них оставлял свою подпись в виде топонимических названий на рассматриваемой территории» (Цагаева, с. 20).

Понять это утверждение невозможно. Не могли ни «монголы», ни тюрки, ни грузины просто так дать наименование местности, озеру или реке, сообщить его глазеющим на них осетинам, а затем удалиться, сделав на скале запись типа «Здесь были Киса и Ося»; не могло такое количество тюрк. названий появиться и в результате контактов (о чем говорила и сама А. Дз. Цагаева). Не объясняет она и другое: зачем все эти «народы»

приходили в Осетию и почему покидали обжитую территорию?

Конечно же, после всего сказанного о пребывании монголов в Осетии читателю будет интересно прочитать следующее сообщение Б. А. Калоева. Утверждая, что Алагирское ущелье «являлось одним из важных центров политической и экономической жизни Восточной Алании», о чем свидетельствует и большое количество памятников средневековья, этнограф пишет: «До монгольского нашествия центром Алагирского ущелья, по-видимому, было сел. Нузал». «В преданиях Нузал считается родиной основателей пяти древних осетинских родов. Ими были сыновья легендарного Ос-Багатара, жившего якобы в Нузальской крепости» (Калоев, 1971, с. 122-123).

Далее Б. А. Калоев говорит об Алагире: «В отличие от Дигорского ущелья здесь нет пришлых фамилий». Почему? Разумеется, этнограф выдает предположение, которое полностью противоречит его же утверждению: «Вполне допустимо, что хлынувшие сюда под давлением монголов массы алан, живших на равнине, не задерживались здесь долго и не смешивались с местным аланским населением (что им мешало? – М. Дж.), а уходили в глубь страны – в центральные и южные районы Осетии».

Но если эти массы алан ушли вглубь страны, не смешиваясь с аборигенами, почему их «потомки» ни в центре Осетии, ни на юге, ни на севере не называют себя ни аланами, ни асами? Чувствуя шаткость своей позиции, Б. А. Калоев продолжает: «И в то же время миграции алан, происходившие в течение веков (! – М. Дж.) не могли не затронуть и не увлечь с собой хотя бы некоторую часть коренных обитателей Алагирского ущелья. Иначе чем, например, можно объяснить, что многие памятники материальной культуры (башни, склепы) современные жители считают оставшимися от прежних древних обитателей?» (Калоев, 1971, с. 123).

Хорошо, пусть часть алагирцев ушла в неведомые земли, увлекаемая непоседливыми аланами – но ведь другие оставались, и, следовательно, смены населения не произошло (Б. А. Калоев сам же утверждает, что в этом ущелье пришлых фамилий нет). Тогда о каких «древних обитателях» края говорят сами же алагирцы? Следуя тому, что вещают иранисты, речь, несомненно, должна идти о «тюрко-монголах». Судите сами: название села, в котором жил этнарх осетин, монгольское; сам этнарх носил «тюрко-монгольское» имя; имена Ос-Багатара и его сыновей (Сидамон, Царазон, Цахил, Агуз, Кусаг) на почве осет. яз. объяснения не имеют (см. выше); нынешние жители ущелья считают, что многие памятники старины оставлены не их предками. Заметить все эти странности и сделать надлежащие выводы маститый этнограф почему-то не пожелал. Как, впрочем, и другие осетиноведы.

ТЮРКИ В ОСЕТИИ

Что касается «кавказского» пласта топонимии Осетии (около 120 единиц), А. Дз. Цагаева отмечает, что значительная доля его приходится на картвельские языки; объясняется это, по мнению Г. Ахвледиани, тем, что взаимоотношения осет. и грузин. языков «можно назвать скорее взаимопроникновением, граничащим с двуязычием, нежели взаимовлиянием». После этого, учитывая еще и обилие грузинизмов в осет. яз., ожидаешь логического заключения, что субстратом в сложении осетинского народа послужили какие-то грузинские племена, но А. Дз. Цагаева пишет иное: «...здесь подтверждается еще раз тезис В. И. Абаева о том, что осетинский язык, являющийся иранским по происхождению, сформировался на кавказском субстрате» (Цагаева, с. 127).

Мы охотно согласились бы с этими заключениями, но не знаем, как тогда назвать взимотношения осет. языка с кар.-балк., если тюрк. топонимов в Осетии гораздо больше, чем всех «кавказских», вместе взятых (по подсчетам самой же Цагаевой), как и число

тюрк. заимствований в осет. языке (по результатам исследований В. И. Абаева), причем оно в полтора раза превышает и число картвелизмов; добавим к этим цифрам несколько сот осет. и кар.-балк. фамильных имен, совершенно идентичных.

Казалось бы, обилие тюрк. элементов в осет. яз. должно было вызвать повышенный интерес специалистов; требовало объяснения и присутствие множества тюрк. топонимов. Но нет. А. Дз. Цагаева перечисляет наиболее известных ученых, занимавшихся поисками общих элементов в осет. и в других языках народов Кавказа – Г. Гюбшман, Вс. Ф. Миллер, В. И. Абаев, Г. С. Ахвледиани, Б. Х. Балкаров, М. К. Андроникашвили (Цагаева, с. 125), этот список неполон. Со времени выхода в свет монографии А. Дз. Цагаевой прошло почти сорок лет – но никакие исследования правдолюбивых осетиноведов, посвященные осет.-тюрк. языковым связям, нам неизвестны.

Но хоть какое-то объяснение присутствию 150 «тюрко-монгольских» топонимов на карте Осетии дать следовало. События, в результате которых, по мнению А. Дз. Цагаевой, эти названия появились, видятся ей так, что становится ясно, каких успехов добилась академическая наука в освещении истории средневековых тюрков и навязывании стереотипных представлений о них не только рядовым читателям, но и всей прогрессивной научной общественности: «Проникнув в район Центрального Кавказа, ираноязычные предки осетин стали здесь оседать, ассимилируясь и смешиваясь с аборигенными племенами. Но вот в IV в. в Предкавказье и на Северном Кавказе появились грабительские орды гуннов, основное ядро которых составляли тюркские и монгольские (? – М. Дж.) племена. Они разгромили аланские поселения Придонья и Северо-Кавказских степей, истребив их население. Остатки же населения этих мест вынуждены были частично укрыться от грабителей в районе Терека и восточнее него, частично же смешались, очевидно (? – М. Дж.), с покорителями. Следы пребывания отдельных гуннских племен в районе Центрального Кавказа сохранились до наших дней в топонимии Северной Осетии» (Цагаева, с. 145). Далее автор приводит ряд тюрк. топонимов, правда, не говорит о том, связаны ли они с предполагаемым ею расселением «гуннов-грабителей» на необъятных просторах диких теснин Осетии.

Вот еще один образчик механического письма. Гунны, по мнению А. Дз. Цагаевой, конечно же, пришли на Кавказ не в качестве просто пастушеского народа, а профессиональной банды – в рассуждении кого бы пограбить. Но тогда, во-первых, как удалось бы мирному населению Придонья убежать от конной «грабительской орды» на Терек – на поезде? Во-вторых, если следы пребывания гуннов сохранились в топонимии Северной Осетии (скажем, *Сафири ком* «савиров ущелье»), то как можно говорить о том, что аланы «частично укрылись» в районе Терека? Или гунны перелетели в горы на самолете? И чем занимались притаившиеся аланы, когда гуннские топонимисты давали названия местностям Осетии? И кто их сохранил до наших дней и почему? И куда подевались эти «грабительские орды»? Или они поселились в Осетии, чтобы дать названия ее местностям, рекам, горам и ущельям, а потом ушли? Не дают ответа.

Затем на Кавказ обрушились татаро-монголы, и вновь загнанные в ущелья аланы «в течение трех столетий испытывали на себе влияние татаро-монгольских завоевателей» (в эпосе и топонимии; сюда же она относит и предания об Аксак-Темуре). Вывод: «Начиная с IV в. н. э. предки осетин неоднократно соприкасались с различными тюркскими и монгольскими народностями – от гуннов до ногайцев»; «осетины до наших дней также живут в близком соседстве с тюркоязычными балкарами, называя последних своим собственным этнонимом – асси». «Таким образом, мы видим, что наличие значительного тюрко-монгольского пласта в топонимии Осетии объясняется длительным пребыванием на данной территории тюркских и монгольских народов, а также соседством, имеющим не менее почтенный возраст, осетин с последними»; «тюрко-монгольский слой в

топонимии Осетии разновременен и разноязычен (? – М. Дж.) по происхождению».

Понять, что привело А. Дз. Цагаеву к этим путаным выводам, нам, увы, не дано, как и постигнуть неуказываемые иранистами причины, по которым всех пришлых тюрков (и даже монголов), от гуннов до ногайцев (а также – эллинов, византийцев и римлян), неудержимо влекли к себе (на протяжении 1500 лет!) ущелья Осетии – говорит же она об их «длительном пребывании на данной территории». Непонятно, зачем они в эти ущелья приходили и зачем их покидали, и почему все они старались держать взаперти несчастных «алан-иранцев». Непонятно, как и каким образом Цагаева выяснила, что «тюрко-монгольские» топонимы на территории Осетии «разноязычны по происхождению», т. е. оставлены племенами, говорившими на разных языках (даже не диалектах)?

Не пыталась А. Дз. Цагаева дать и более или менее приемлемое объяснение некоторым красноречивым фактам, весьма странным в свете теории иранства скифо-сармато-аланов. Например, на плане, составленном горным инженером Степаном Ванявиным в 1768 году, река Урсдон обозначена как *Аксу*, о чем она пишет: «Название это тюркское и означает букв. «Белая река», что совпадает полностью по значению с современным ее осетинским названием. Возможно, осетинское *Урсдон* является калькой тюркского *Аксу*» (Цагаева, с. 26). Но кто и когда назвал реку, протекающую по Западной Дигории (где, как считается, «алано-осетины» жили уже не менее 1700 лет), по-тюркски – *Аксу* и кто потом (уже в конце XVIII в.) переименовал ее в *Урсдон*? Считая, что Вс. Ф. Миллер «убедительно доказал» наличие осет. топонимов в Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии, А. Дз. Цагаева говорит то, что говорят все иранисты: «...в прошлом указанную территорию занимали предки осетин, а тюркоязычные балкарцы и карачаевцы пришли сюда позднее», а далее упоминает о преданиях, согласно которым ногайцы некогда «занимали территорию Дигории» (Цагаева, с. 34).

Где же тогда находились сами дигорцы? Одно из двух: либо какие-то тюрки пришли в Дигорию в XVIII в., пожили там, дали название реке (разве она до тех пор никак не называлась?) и чинно удалились, сообщив гидроним дигорцам, которые потом реку все равно переименовали; либо это название принадлежало тюрк. населению, которое обитало здесь давно и было в XVIII в. ассимилировано иранцами, которые и калькировали тюрк. гидроним. Но, допустим, в Дигории так и было: пришли ногайцы, на некоторое изгнали дигорцев (неведомо куда), пожили там, а потом удалились. Откуда же взялись тюрк. названия в самой глубине гор, в Двалетии, на границе с Южной Осетией, например, озеро *Заманкул*? Или ногайцы побывали и там? Но зачем было владыкам бескрайних степей забираться так высоко в горы? А если и забрались, и жили там, то куда они запропастились потом? Кроме того, название озера по-ногайски звучало бы как *Яманкул*, но на черекском диалекте кар.-балк. яз. – *Заман коль*. И почему река, протекающая на другом краю Северной Осетии, в Тагаурии, тоже носит тюрк. название – *Гизельдон* (как и селение – *Гизель*)? И т. д., и т. п.

Причину появления тюрк. названия другой реки (в Тагаурии) попытался выяснить А. Х. Магометов, увеличив список «тюрко-монгольских народов», обитавших в Осетии неизвестно сколько времени и когда; к савирам, гуннам, монголам и ногайцам добавились и татары: «Например, известная осетинская река Гизель свое название получила от татар. У осетин существует предание, в котором рассказывается, что на берегу реки Гизель (осетинское название неизвестно) произошло кровопролитное сражение между войсками Тимура и осетинами и что в результате этой битвы река окрасилась кровью, почему и потерпевшие в ней поражение монголы называли реку «красной» - «Кизил» - «Хъызыл» (у осетин слово это получилось «Джызаел», в русском же через осетинское посредство – «Гизель») – (Магометов, 1974, с. 71).

Каким образом тюрк. *къызыл* «красная» могло перейти в осет. *джызаел*, этнограф не сказал, и это, во-первых. Во-вторых, вряд ли реке, возле которой случилась битва, тут же дали новое название. В-третьих, картина выглядит весьма странно: неведомо откуда взявшиеся в войске Тамерлана монголы (которые до этого были названы татарами), потерпев поражение от осетин, сняли шляпы и обратились к ним с просьбой впредь называть эту реку не по-монгольски, а именно «по-татарски». Или их остатки поселились здесь же? Но с какой стати «аланы-осетины» стали бы давать новое название реке, на которой жили веками, да еще и на чужом языке? В-четвертых, этот гидроним происходит не от *къызыл* «красная», а от другого тюрк. слова – *гюзель*, *гёзаль* «красивая». И дали ей название не татары и монголы, а тюркоязычные аборигены-тагаурцы.

Но А. Х. Магометов приписал воинственным среднеазиатским топонимистам еще одно название: «Недалеко от селения Кора-Урсдон имеется местность «Хъаераегъаес» (Карагач), что на тюркском языке означает «Черный лес» - названная так потому, что некогда здесь был дремучий лес, в котором Тамерлан приказал рубить просеки» (Магометов, 1974, с. 71). Но неужели Тамерлан еще издал и указ, чтобы эту местность вовеки веков называли именно по-тюркски, а осетины так и начали именовать ее, не осмеливаясь нарушить волю эмира, жившего за тридевять земель от Осетии? (Если бы местность назвали «Тамерлановым лесом», еще куда ни шло). На самом деле, кар.-балк. *Къара агъач* означает не «черный лес», а «глухой лес, бор», и название дано, конечно же, тюрками-аборигенами.

Как видим, объяснения тюркским топонимам и гидронимам иранисты дают, мягко говоря, весьма причудливые. Или вообще обходятся без них. «Тенгирцау (тюрк. тенгри + тау) «Тенгирцау», букв. «Небесная гора» (Цагаева, с. 151). Кто, когда и зачем назвал гору в Осетии по-карачаево-балкарски? Неизвестно. В духе писаний иранистов можно сочинить такое объяснение: некий завоеватель (Аттила, Бату-хан, Тамерлан, Сулейман Великолепный, Махмуд Газневи) совершил на эту гору восхождение и приказал местным жителям до скончания веков именовать эту гору «Небесной» или «Божьей», а те послушно исполнили его волю.

Но тюркская топонимия в Осетии присутствует гораздо более широко. А. Дз. Цагаева пишет: «Названия, относимые к тюрко-монгольскому топонимическому пласту, закреплены за большими и малыми географическими объектами. Они восходят к различным разделам апеллятивной лексики и личным именам тюркских и монгольских языков. **Здесь мы находим слова, выражающие понятия общественной жизни, личные имена, ботанические, географические и прочие термины**» (Цагаева, с. 145-147). Добавим, что эти прочие являются этнонимами, космонимами, личными именами и зоологическими терминами. Причем тут мы имеем огромное разнообразие объектов – вершины, долины, луга, реки, ручьи, селения, крепости, курганы, кладбища, озера, минеральные источники, ущелья, камни, гребни, поляны, леса, святилища, отдельные участки – все эти объекты перечисляет сама же А. Дз. Цагаева. Но и это еще не все: «Множество осетинских топонимов образуются от тюрк. географических терминов *тубе*, *тюбе*, *тупе* «холм», «возвышение», «верхний» и *кол*, *гёль* «озеро» (Цагаева, с. 151). Или: «Наряду с *хох/хонх* используется и тюркский географический термин *дагъ* «гора», «складка», «складка горы» в нашей топонимии. Например, мы имеем на территории Осетии топонимы *Дагъ* «Гора», *Дагътае* «Горы», *Далдагъ* «Ниже горь», *Уалдагъ* «выше горы», *Дагъы каерон* «Конец горы» и др. (Цагаева, с. 217). Напомним, что это слово присутствует и в осет. названии Эльбруса, открытым Ю. А. Дзиццойты в 1992 году (*Дываердагъ*; см. выше).

Если карачаево-балкарцы сформировались на «алано-осетинском» субстрате, то в их топонимической номенклатуре должно иметься немало иранских географических

терминов; но все обстоит как раз наоборот (то же самое, как помнит читатель, Дж. Н. Коков отмечал в топонимии Кабарды; см. выше). Так кто же и на каком субстрате формировался? А. Дз. Цагаева, однако, заметить это обстоятельство не желает (как и все другие иранисты): «...предки осетин, скифо-сармато-аланские племена появились и осели в районе Центрального Кавказа задолго до I-х веков н. э.»; «...задолго до монголов предки осетин жили в ущельях Центрального Кавказа и как-то называли свои населенные пункты». «Не было у них никакой необходимости переименовывать существующие названия населенных пунктов и давать им монгольские названия» (Цагаева, с. 185).

Но как совместить эти утверждения с тем, что Цагаева пишет двумя страницами ниже: «наличие различных языковых пластов в топонимии Северной Осетии есть еще одно свидетельство тому, что на этой территории сменялись народы»? Так что же, проживали «тюрко-монгольские народы» на территории Осетии или не проживали? А если да, то чем занимались в это время «алано-осетины»? Но если нет, то откуда и как появился «тюрко-монгольский» пласт в осет. топонимии? Чтобы название закрепилось за каким-либо географическим объектом, нужно достаточно долго жить на этом месте; издали приказать чужому народу называть реку, гору или долину так-то или так-то – невозможно (да и зачем?). А если согласиться с тем, что все эти названия были даны разными племенами и в разное время, то нет ответов на вопросы: «Что привлекало эти тюркские и монгольские племена именно в Осетию? Зачем они по очереди селились на этой территории и зачем ее покидали? Зачем «алано-осетины» заняли у тюрков не только термин *быдыр* «равнина, степь», но еще и *дагъ* «гора», и *денджыз* «море», и пр., и пр.?».

Никто из исследователей никогда не говорил о том, что тюркские народы (грабители, покорители, ассимиляторы и пр.), вместе с «монголами», которые отличались такими же брутальными наклонностями, когда-либо населяли нынешнюю Осетию. А если населяли, то почему язык осетин не сменился на «тюрко-монгольский» язык победителей (смогла же, как нам вещают иранисты, кучка беглецов-кипчаков ассимилировать «алан-осетин» на гораздо большей территории)? Или восточные аланы отличались от западных сородичей повышенным чувством патриотизма? И почему тогда в антропологическом типе осетин нет монголоидных черт? Кто вытеснил отсюда загадочных «тюрко-монголов» и куда? Зачем победителям и истребителям всего и вся нужно было сидеть в теснинах Кавказа (равномерно распределяя тюрко-монг. топонимы по всей территории Осетии), когда они безраздельно властвовали над огромными просторами Восточной Европы?

Не в силах прийти к логически неизбежной, но невыносимо антинаучной мысли о тюрк. субстрате в этногенезе осетин, приводя все новые и новые факты, А. Дз. Цагаева вновь и вновь говорит о длительных контактах осетин с «тюрко-монгольскими народами» (причем в высокогорье!): «О давности бытования топонимов тюрко-монгольского происхождения в составе географических названий Осетии говорит и наличие названий – гибридных образований, затем производных названий, представляющих собой сращения тюркских основ с осетинскими словообразовательными и словоизменительными аффиксами и т. д.». «Многие топоосновы тюрко-монгольского происхождения стали настолько своими в осетинской среде, что язык с ними обращается как со своим материалом и образует от них названия по нормам своего словообразования, снабжает их излюбленным топоформантом – показателем множественности *-m*, присоединяет к ним характерные для осетинской топонимии падежные флексии (в составных топонимах и топонимах в форме им. п. мн. ч.). Такое освоение чужого, несомненно, является результатом длительных и тесных контактов осетинского и тюрко-монгольских народностей и влияния их языков друг на друга» (Цагаева, с. 155).

Все это очень важно и интересно, еще раз свидетельствуя, с одной стороны, о добросовестном и внимательном отношении А. Дз. Цагаевой к собранному материалу; а с

другой стороны, показывает, что местное население, послужившее в этногенезе осетин субстратом, говорило на тюрк. языке. Но «тюрко-монгольские языки», испытавшие влияние осет. яз. (или «североиран.») нам неизвестны; думается, что таковых нет вообще. Появление огромного количества тюрк. и полу-тюрк. топонимов на всей территории Осетии в результате длительных контактов также представляется невероятным (нельзя же по-соседски зайти в гости к чужому народу и оставить там сотню-другую названий). Если бы в топонимии использовались заимствованные тюркизмы, это одно дело; но вся беда в том, что эти названия осетинам непонятны, как и множество географических терминов. Неведомые «тюрко-монголы» - это предки дигорцев, куртатинцев, тагаурцев и туалыцев, которые жили в нынешней Осетии задолго до прихода иранцев с юга.

Выполнив огромный объем работы и внося неоценимый вклад в осетиноведение, А. Дз. Цагаева не осмелилась сказать, что автохтонное доиранское население Осетии было тюркским. Но никаких иных выводов из собранного ею материала не следовало, вот и приходилось задавать вопросы, которые оставались без ответа. В принципе, объективного и детального рассмотрения топонимии было вполне достаточно для того, чтобы понять, на каком языке разговаривал субстрат. В. И. Абаеву, когда он, вслед за Миллером, вкривь и вкось объясняя некоторые топонимы с территории Балкарии и Карачая, пытался на основе своих этимологий доказать, что там до тюрков жили «алано-осетины», это было предельно ясно. Полагаю, что именно по этой причине он и не интересовался топонимией Осетии на предмет выявления следов загадочных «кавказцев», которые, по его же утверждениям, жили на ее территории задолго до прихода «североиранцев».

ИРОНО-ТЮРКСКИЕ ФАМИЛИИ

Наши выводы о процессе формирования осет. народа на тюркском субстрате подтверждаются и анализом перечня современных иронских фамилий, в котором количество совпадений с кар.-балк. (или образованных от тюрк. имен и терминов) непомерно велико. Думаю, что их выявилось бы еще больше, если бы я знал осет. язык (понятно, что без этого часто приходилось сомневаться). В некоторых случаях (но не во всех) я даю краткие объяснения; полный анализ потребовал бы слишком много места и времени.

А

Аготае – Агоевы; *Ажойлары* – *Ажоевы*, *Агалары* – *Агаевы*

Адзитае / Аджитае; Адзиевы, Аджиевы; *Аджилары* – Аджиевы, от *аджи*, *ачы* «сильный».

Азджеритае – Азджериевы; *Ажигерийлары* – *Ажигериевы*, *ажы*, *аджи* + *герий*, *гирей*.

Адтутае – Адтуевы; *Аттолары* – *Аттоевы*; мужск. имя собств. *Аттуу*.

Адырхатае – Адырхаевы; *Адурхайлары* – *Адурхаевы* (клан в Карачае).

Азаутае – Азаовы, Азовы; от кар.-балк. *азау* «клык»?

Азаемаеттае – Азаматовы; *Азаматлары* – *Азаматовы*, тюрк. *азамат* «удалец».

Айдаболтае – Айдаболовы; *Айдаболлары* – *Айдаболовы*, вероятно, от пожелательного имени *алда бол* «будь впереди».

Айлазтае – Айлазовы; *Айбазлары* – *Айбазовы*?

Айсынтае – Айсиновы; от кар.-балк. имени *Къайсын* «пусть живет»? Или от *акъсан* «белотелый»?

Айтегтае – Айтеговы; *Айтеклары* – *Айтековы*, от *айтек* - «вспыльчивый, горячий» (восходит к *ахы тек* – букв. «с быстрой душой»).

Аккалтае, Аккаелатае – Аккаловы, Аккалаевы; от кар.-балк. *акъ къала* «белая башня» или *акъкъалай* «полуда, олово».

Акытае / Ахытае – Акиевы; *Аккылары* – *Акиевы*.

Алаеджихъотает – Аладжикоевы; от кар.-балк. *алачыкъ* «шалаш»?

Алибектае – Алибековы; араб. *Али* + тюрк. *бек*.

Алихантае – Алихановы; араб. *Али* + тюрк. *хан*.

Алыккатае – Аликовы; *Аликалары* – *Аликаевы*, от тюрк. *алик* «царь» + афф. –*кай*.

Алчагъатае – Алцаговы; *Алчагълары* – *Алчаковы*, сокр. от *алчагъыр* «поединщик, единоборец» (*ал чыгъар* «выходящий (на бой) первым»).

Амырхантае – Амирхановы; *Амырханлары* – *Амирхановы*; тюрк. *амыр* «желанный» + *хан*.

Анатае – Анаевы; *Аналары* – *Анаевы*, от *ана* – «мать» (или от тюрк. мужск. имени *Анна*).

Ансаутае – Ансаовы; от кар.-балк. *ангы сау* «здрaвоумный, здравомыслящий».

Апатае – Апаевы; *Апайлары* – *Апаевы*, *Аппалары* – *Аппаевы*, от кар.-балк. *аппа* «дед».

Арысхантае – Арисхановы, Арусхановы – от кар.-балк. *ёрюз, ораз* «счастливый» + *хан*.

Асатае / Ашатае – Асаевы, Ашаевы; *Айшалары* – *Айшаевы*.

Аскертае – Аскеровы; от тюрк. *аскер* «воин; воинство, армия».

Асламурзатае – Асламурзаевы; тюрк. *аслан, арслан* «лев, львиный» + *мурза*.

Аслантае – Аслановы; *Арсланлары* – *Арслановы*.

Асланбектае – Асланбековы; *Аслан* «лев, львиный» + *бек* «князь».

Аслаеныхъатае – Асланукоевы; кар.-балк. *Асланукъа* – гипербол. от *аслан*, «львище».

Астатае – Астаевы; кар.-балк. *аста* «осторожный», ср. произв. *асталыкъ* «осторожность».

Атабитае – Атабиевы; *Атабийлары* – *Атабиевы*, от *атабий* «старший князь»; «воспитатель княжича или принца» (син. – *атабек*); или титулование *аты бой* «высокоименный».

Атаратае – Атаровы; *Отарлары* – *Отаровы*, от *утар, отар* «отнимающий (добычу); выигрывающий (в азартной игре)».

Атцетае – Атцеевы; *Этцелары* – *Этцеевы* (Этчеевы).

Аулохтае – Авлоховы; от кар.-балк. *аулакъ* «поле, равнина»? Или от *аула* «охотиться, добывать (дичь)»?

Ахбердтае – Ахбердовы; от кар.-балк. *ах берди* «воодушевляющий», букв. «душу дающий».

Ахболаттае / Ахболаеттае – Ахболатовы, Ахполовы; *Акъболатлары* – *Акъболатовы*, от *акъ болат* «белая сталь».

Ахлаеутае – Ахлаовы; от кар.-балк. имени *Ахлау*, букв. «воодушевление, вдохновение»; или от *ахлан* «быть воодушевленным».

Ацаемаезтае – Ацамазовы; от кар.-балк. имени *Ацемез, Ачемез*, слегка видоизмененное *ацымаз, ачимаз* «неуязвимый».

Аццетае – Аццеевы, Ачетае – Ачеевы; от кар.-балк. имени *Ацей, Ачей* «сильный» (образовано от *ацы, ачы*); *Этцелары* – *Этчеевы*.

АЕ

АЕгайтае – Агаевы; *Агалары* – *Агаевы*, от тюрк. *ага* «старейшина».

АЕгъуызатае – Агузовы; от тюрк. *огуз* «бык»? Или от *огъур, огуз* «племя»? Или от *алгъус* (совр. *алгыши*) «благословение»?

АЕзнауртае, Азнауртае – Азнауровы; кар.-балк. *азнаур* «дружинник, воин».

АЕнзортае – Анзоровы; имя *Анзор, Азнор* представляет собой разновидность предыдущего. Или от *ангы зор* «имеющий сильный ум».

АЕлбегатае – Албеговы, АЕлбегтае – Албеговы; от тюрк. *ал бек* «первый среди беков».

АЕлбортае / АЕлборатае – Алборовы; кар.-балк. *ал бур* «стремящийся вперед, глядящий вперед».

АЕлхаестает – Алхасовы; кар.-балк. имя *Алхаз* «первоклятвенный», «первый среди присягающих» - от *алкъаст*.

АЕлцагъартае – Алцагаровы; *Алчагъырлары* – *Алчагировы*, от *алчагъыр* (*алчыгъар* –

«выходящий первым») – «поединщик, единоборец».

АЕмбалтае – Амбаловы; осет. *аембал* – «товарищ»; кар.-балк. *амбал, хамбал* «грузчик, носильщик».

АЕрчъынатае - Арчиновы, Аркинаевы; от кар.-балк. *эркин* «свободный, вольный»?

АЕссонтае – Ассоновы; от дигор. *ассон* (ирон. *ассиаг*) – «ас, балкарец».

АЕфсаентае - Афсаовы, Авсановы; *Айсанлары* – *Айсанлары* (*айсан* букв. «луноотелый», от *акъсан* «белотелый»).

Б

Бабатае / Бабиатае - Бабаевы, Бабиановы; *Бабалары* - *Бабаевы, Баболары* - *Бабоевы*, от тюрк. *баба* «дед; предок».

Бабочитае - Бабочиевы, Бабоциевы; *Баппучулары* – *Баппучиевы*, от *баппучу* - детское слово *баппу* «хлебушек» + афф. –чу = «хлебод, любитель хлеба», возможно – «пекарь».

Баелогтае – Балоаговы; от кар.-балк. *балыкъ* (*балукъ*) «рыба»?

Баераезгатае – Баразговы; *Баразлары* – *Баразовы*, от кар.-балк. *бараза* «борозда»?

Баэтагатае – Батаговы; *Бадахлары* - *Бадаховы*

Бдайцайтае – Бдайцаевы; от тюрк. *будайчи, будайцы* «сеющий пшеницу»?

Бдататае – Бдатаевы; *Баттылары* – *Баттыевы*?

Бегитае – Бегиевы; *Бегилары* – *Бегиевы*, от тюрк. *беги* «герой, удалец».

Беккуызартае – Бекузаровы; от кар.-балк. *бек озар* «намного (всех) опережающий»?

Бектае – Бековы; от тюрк. титула *бек*, или от кар.-балк. *бек* «сильный, волевой».

Белегкатае - Белегкаевы, Беликовы; от кар.-балк. *билек* «рука», перен. «опора, поддержка, помощь»?

Бердитае / Бердиатае – Бердиевы; *Бердилары* – *Бердиевы*, сокр. от *Тейриберди, Аллахберди* «Богом данный», «Богдан».

Беркъатае – Беркаевы; возможно, от кар.-балк. *бёрюка* «волчара»:

Беруатае / Беройтае; Беруаевы, Бероевы; возможно, от кар.-балк. *бёрю* «волк».

Бесылотае – Бесилковы; *Бисиллары* – *Бисилковы*.

Бестантае – Бестановы; *Бостанлары* – *Бостановы* (от перс. *бустан* «сад»).

Бестаутае – Бестаевы; от кар.-балк. *Бештау* «Пятигорье»?

Бзотае – Бзоевы; ср. кар.-балк. *бузоу* «теленки».

Биастае - Биасовы, Бясовы; от кар.-балк. *бий ас* «княжеского рода».

Бигантае / Бигаенатае – Бигановы; от кар.-балк. *бийкъан* «княжеская кровь»?

Бигитае – Бигиевы; см. Бегиевы.

Бигъатае – Бигаевы; ср. кар.-балк. женское имя *Бийгъа* «подобная княгине».

Бигъуылатае / Бигъуылтае – Бигулаевы; от кар.-балк. *бий къулу* «божий слуга»?

Бидыхтае – Бидиховы; от кар.-балк. *битик* «письмо, надпись»?

Биджелатае / Биджелтае – Биджеловы; *Бечеллары* – *Бечеловы*, от *бечел* «слабый» (такие имена давали детям, чтобы отвратить злых духов).

Бимболтае – Бимболовы; от кар.-балк. *бийбол* «будущий князь» или сокр. от имени *Бийболат* (*Бимболат*) «князь» + «болат».

Бинтемыртае – Бинтемировы; кар.-балк. *бий + темир* «железо»; или это *мингтемир* «вечное железо».

Бираегътае – Бираговы; от осет. *бираг* «волк», из тюрк. *бёрю, бёрюк*.

Битантае – Битановы; от кар.-балк. *бий танг* «божье утро»?

Битаекатае - Битакаевы, Битаковы; от кар.-балк. *бий тах* «княжеский престол» или *бети акъ* «белолицый»?

Биттатае – Биттаевы; *Бытталары* - *Быттаевы*

Битъутае – Битуевы; *Биттуулары* – *Биттуевы*, от *бийтуу* «князем рожденный».

Бицъитае – Бициевы; *Бицилары* – *Бициевы* (Бичиевы).

Богазтае – Богазовы; кар.-балк. *богъаз* «пролив».
 Бугатае – Бугаевы; кар.-балк. *бугъа* «бык», как, вероятно, и следующая фамилия: Богъатае – Боговы (почему не *Богаеты*?)
 Болиатае – Болиевы; *Баллилары* – *Баллиевы*, от *балли* «слива» или *баллы* «медовый».
 Болотае – Боллоевы; *Боллулары* – *Боллуевы*, от *боллу* «деятельный, могущий».
 Бораентае – Борановы; от кар.-балк. *боран* «буран, буря».
 Бораентае – Бораевы; кар.-балк. арх. *бора* «лес», ср. топоним *Нарт-бора* в Балкарии – «нартский лес».
 Борыхъуатае – Борукаевы; кар.-балк. *бёрюка* «волчара».
 Ботазтае – Ботазовы; *Ботаиллары* – *Боташевы*, тюрк. *ботаиш* «верблюжонок».
 Бугултае / Быгъуылтае – Бугуловы; кар.-балк. *бугъул* «прятаться, прячущийся»?
 Бугъултае – Бугулиевы; (кар.-балк. *бугъул* «прятаться, скрываться»?).
 Бугъойтае – Бугоевы; кар.-балк. *бугъой*, *бугъей* «трещина в леднике, расщелина».
 Быдзытае – Биджиевы; *Биджиллары* – *Биджиевы*.
 Бышкатае – Бишкаевы; *Баскалары* – *Баскаевы*.

Г

Гадцитае – Гатчиевы; *Катчиллары* – *Катчиевы*; от *хатчи* «писарь, каллиграф» (из *хат* «почерк»);
 Газитае – Газиевы; *Къазийлары* – *Казиевы*, от тюрк. *газий*, *къазий* «воин за веру».
 Гайтае – Гайтовы; *Гаиллары* – *Гаевы* (учитывая, что в осет. –тае является показателем мн. числа), или *Къаыйтлары* – *Каитовы*, *Къайталлары* – *Кайтаевы*.
 Ганаттае – Ганаевы; *Ганаллары* – *Ганаевы*.
 Гуыбыратае – Губуровы; от кар.-балк. *гуптур* «сутулый; горбатый»?
 Гаппуатае – Гаппоевы; *Гапполлары* – *Гаппоевы*.
 Гасантае – Гасановы; *Хасанлары* – *Хасановы*.
 Гатайтае – Гатаевы; *Гаталлары* – *Гатаевы*.
 Гатентае – Гатеновы; от кар.-балк. *гетен* «холст, полотно»?
 Гаджетае / Гадзетае – Гаджеевы, Гадзеевы; *Гаджаллары* – *Гаджаевы*.
 Гелдытае – Гелдиевы, Гелдиашвили; от кар.-балк. *келди* «пришел, явился» – «явленный»?
 Гергатае – Гергаевы; *Геграллары* – *Геграевы*.
 Геритае – Гериевы; *Герийлары* – *Гериевы*.
 Джериатае – Джериевы, Гериевы.
 Гуаездеартае – Гуаздаровы, Газдаровы; от кар.-балк. *гуздар*, *гуждар* «тур-вожак»?
 Гулитае – Гулиевы, Гулишвили; *Гюлийлары* – *Гулиевы*.
 Гулчетае – Гулчиевы, Гулчиевы; от кар.-балк. *гюлче* «букет»?
 Гуратае – Гураевы; от кар.-балк. *гура* «индюк»?
 Гутцатае – Гутцовы; от кар.-балк. детского слова *гутча*, *гутца* «собака»?
 Гутъынатае – Гутновы; *Гуданаллары* – *Гуданаевы*.
 Гутъонотае – Гутоновы; ср. кар.-балк. и осет. *готон*, *гутон* «плуг».
 Гуыдиатае / Гудитае – Гудиевы; *Гудулары* – *Гудуевы*, *Гудинлары* – *Гудиновы*.
 Гуыцмаезтае – Гучмазовы; *Кючмезлары* – *Кучмезовы*, от *кёчмез* «не переезжающий, живущий на одном месте»; или от *кючю маз* «великосильный»?.
 Гъуъунатае – Гуцунаевы; *Хуциналлары* – *Хуцинаевы*.

Д

Дабантае – Дабановы; от кар.-балк. *табан* «пятка, пятка; нижний»?
 Дауыратае – Дауровы; от кар.-балк. *дауур* «шум, шумный»?
 Деметае – Демеевы; *Дебеллары* – *Дебеевы*.
 Демыратае – Демировы, Демуровы; *Темирлары* – *Темировы*.
 Денджыстае – Денгизовы; *Тенгизлары* – *Тенгизовы*, от кар.-балк. *тенгиз* «море, морской»,

обычное тюркское имя.

Дидинтае – Дидиновы; от кар.-балк. *дидин* «оса»?

Добатае – Добаевы; от кар.-балк. имени *Добай* (из *добар* «упитанный, крупный»)?

Додотае – Додоевы; *Додулары* – *Додуевы*.

Додтуатае – Додтуевы; *Доттулары* – *Доттуевы*.

Доттотае – Доттоевы; *Доттайлары* – *Доттаевы*.

Дудайтае – Дудаевы; *Дудалары* – *Дудаевы*, *Дудовы*.

Дуритае – Дуриевы; *Дуралары* – *Дураевы*?

Дыратае – Дираевы, Драевы.

ДЖ

Джаджитае /Жажитае, Дзадзитае – Джаджиевы, Жажиевы, Дзадзиевы, Зазиевы;

Жазийлары – *Жазиевы*, *Жазалары* – *Жазаеты*.

Джамбудтае – Джамбатовы; (*Джамбутовы*?); от кар.-балк. имени *Джамбот* (*Джаныбот*) – «сильная душа».

Джангатае – Джангаевы; от кар.-балк. *джангы ай* «новолуние»?

Джангобектае / Дзаттотае – Джангобековы, Джангубековы; *Джаныбеклары* – *Джанибековы*, от *джаны бек* «чья душа крепка»;

Дженыкьтатае – Дженикаевы; *Жаникалары* – *Жаникаевы*, от *Жан* + афф. –*кай*.

ДЗ

Дзабелатае – Дзабеловы, Дзаблаевы; *Жабеллары* – *Жабеловы*.

Дзаботтае / Гобетае – Дзабоевы, Гобеевы; *Жаболары* – *Жабоевы*.

Дзабратае – Дзабраевы; от кар.-балк. сокр. араб. имени *Жабраил* – *Забра*, *Жабра*.

Дзаматае – Дзамаевы; *Заммалары* – *Заммаевы*.

Дзандаритае / Зандартае – Дзандаровы, Зандаровы; *Джандарлары* – *Джандаровы*; вероятно, от кар.-балк. имени *Джандар*, сокр. от *джан дару* «эликсир бессмертия», букв. «снадобье жизни».

Дзанзактае – Дзанзаковы; от кар.-балк. *джаны сакъ*, *заны сакъ* «обереженная душа»?

Дзансохтае – Дзансоховы; кар.-балк. имя *Джансох*, от *джаны сокъ* «чья душа играет».

Дзантемыратае – Дзантемировы; *Джантемирлары* – *Джантемировы*, от *джаны темир* «чья душа из железа».

Дзанхоттае – Дзанхотовы; *Жанхотлары* – *Жанхотовы*; *Жан* + *хот* «благодать, жизненная сила» (то же, что и иран. *фарн*): «чья душа полна благодати».

Дзаппойтае / Заппойтае – Дзаппоевы, Заппоевы; *Джаппулары* – *Джаппуевы*; *джапку*, *запку*, *япгу*, *ябгу* – древнетюрк. титул «наместник».

Дзаттетае – Дзатеевы; *Жеттелары* – *Жеттеевы*.

Зеттатае – Зеттаевы.

Дзаттотае – Дзаттоевы; *Джаттолары* – *Джаттоевы*.

Е

Елдартае – Елдаровы; от тюрк. имени *Эльдар*, восходит к *алдар* «предводитель», букв. «тот, кто впереди, передний».

Ерыстаутае – Еристовы; *Эристаулары* – *Эристаевы*; обе фамилии грузин., от *Эристави*.

Есенатае – Есеновы; от кар.-балк. *эсен* «здоровый, невредимый».

Есерыхьотае – Есерикоевы; кар.-балк. *эсирик* «опьяневший», в перен. смысле «пресыщенный».

З

Зантатае – Зантаевы; *Жанатайлары* – *Жанатаевы*, от *жаны тай* (*тау*) «чья душа подобна горе». Или от *занатакъ* «устремленный душой (ко благу)».

Заурбектае – Заурбековы; от тюрк. имени, *заур* (сокр.от *азнаур*) + *бек*.

Знауыртае – Знауровы; от *Азнаур*; см. выше.

Зауртае – Зауровы.

Зачиатае - Зачиевы, Закиевы; кар.-балк. *закый* «гений, гениальный» (слово, вероятно, араб.).

Заслукъатае – Залукаевы; *Залукъа* – кар.-балк. название местности на западе КБР (бывшие Зольские пастбища).

Зайтгатае – Зайтовы; *Зайдлары* – *Заидовы*.

Заенджиата – Зангиевы; от кар.-балк. *зангы, джангы* «новый»? Или от тюрк. *занг, жанг* «военный, воин»?

Заераебегтае - Зарабеговы, Зарабековы; скорее всего, от кар.-балк. *жора, зора, чора* «воинский разряд» + *бек* «князь» = «предводитель (отряда) воинов».

Зоратае – Зораевы; от кар.-балк. *зора, жора, чора* «воин, дружинник»?

Зортатае – Зортовы; кар.-балк. *зорт, жорт* «скакать, мчаться на коне».

Зупантае – Зупановы; кар.-балк. *зубан, жубан* «забавляться, играть».

К

Кадыртае – Кадировы; *Къадырлары* – *Кадыровы*, есть имя *Къадыр*; слово означает «мул», зоофорное имя, в перен. смысле озн. «сильный, выносливый» (но и «упрямый, своенравный»).

Каесаебитае – Касабиевы; м.б. от кар.-балк. *къасаб, хасаб* «жертва, жертвоприношение»; или от *къаза* «наказывать, карать» + *бий*.

Каечылатае – Качилаевы; *Хаджилалары* – *Хаджилаевы*?

Кеметае – Кемеевы; от кар.-балк. *кеме* «корабль, судно».

Кендзетае – Кендзеевы; тюрк. *генже, кенже* «юный, молодой».

Керментае – Керменовы; кар.-балк. *кермен* «цитадель».

Кертибастае – Кертибасовы; кар.-балк. *кертибас* «верно ступающий»; или «режущий правду-матку, откровенный».

Кличетае – Кличевы; от кар.-балк. *къылыч, кълыч* «сабля, меч».

Кодзыртае / Козыртае – Козыревы; от кар.-балк. *кѣзюр* «мерцание, сверкание»?

Коцкионтае / Кочкионтае - Кочкионовы, Кацкионовы; от кар.-балк. *кѣчген, кѣцген* «переселенец»?

Куцуктае – Куцуковы; *Кюцюклары, Кючюклары* – *Кучуковы*, от *кючюк* «щенок; маленький, дитя».

Куыдатае – Кудаевы; *Къудайлары* – *Кудаевы*, от *къудай* «божество, божественный».

Куыдзаегтае – Кудзаговы; *Къоджакълары* – *Кожак*овы.

КЪ

Къаматае – Камаевы; от кар.-балк. *къама* «кинжал»?

Къацитае – Кациевы; *Кацилары* – *Кациевы*.

Къаебыртае – Кабиловы; от кар.-балк. *къабыр* «могила»?

Къаендзаегтае / Заенгиатае – Кандзаговы; кар.-балк. *къанчакъ, къанцакъ* «высекающий кровь»? Или от *къаны чакъ* «с бурлящей кровью»?

Къибиртае – Кибировы; кар.-балк. *кюбюр* «сундук»?

Къизилтае – Кизилоры; кар.-балк. *къызыл* «красный; румяный».

Къназатае – Кназовы; *Гиназлары* – *Князевы*, от *гиназ, гинар, гинал* «князь», букв. «солнечного рода» или «солнечный человек».

Кънататае - Кнатовы, Канатовы; от кар.-балк. *къанат* «крыло»?

Къозонтае – Козоновы; *Кузонлары* – *Кузоновы*

Къуманатае – Кумановы; *Къобанлары* – *Кубановы*, от *къобан* «большая река; Кубань».

Къуылыхтае – Кулуховы; от кар.-балк. *къуллукъ* «чин, должность»?

Къуымаеллагатае – Кумаллаговы; и в кар.-балк., и в осет. *хумаллак* - «хмель» (бот.).

М

Майраемтае – Майрамовы; вполне вероятно, что фамилия не от осет. женск. имени *Майрам*, а от кар.-балк. мужск. *Байрам* «праздник».

Майраемыхъутае - Майрамукаевы, Майрамуковы; *Байрамукълары* – *Байрамуковы*, от кар.-балк. имени *Байрам*+афф. –укъ.

Малхъартае – Малкаровы; *Малкъарлары*- *Малкаровы*, от кар.-балк. названия Черекского ущелья – *Малкъар*.

Мамедатае – Мамедовы; от азерб. имени *Мамед*.

Маерзагантае – Марзагановы; от тюрк. имени *Мырзакъан* «княжеская кровь»?

Маехаемаеттае / Хористае – Магометовы; *Магометлары* – *Магометовы*.

Миликатае - Миликаевы, Миликовы; *Мелюхалары* – *Мелюхаевы*.

Мирзабегтае – Мирзабеговы; *Мырзабеклары* – *Мирзабековы*.

Мисиртае – Мисировы, Мысыритае - Мисировы; *Мисирлары* – *Мисировы*, от *мисир* «щеголь, фронт», *мисирлик* «мода».

Мысырбитае – Мисирбиевы; от кар.-балк. имени *Мисирбий* «нарядный князь».

Муртазтае – Муртазовы; *Мыртазлары* – *Муртазовы*; имя *Муртаз* считается арабским; ср. кар.-балк. *мыртазакъ* «стражник, полицейский».

Мустахатае - Мустагеевы, Мустаховы, Мустагаевы; *Мустафалары* – *Мустафаевы*.

Мызыгътае – Мизиговы; кар.-балк. *мызыкъ*, *мыжыкъ* – «плебей, мужик», *мыжыкъ ат* «рабочая лошадь»; кумык. *мишик* «кот».

Мысыккатае – Мисиковы; *Мусукалары* – *Мусакаевы*, *Мусуклары* – *Мусуковы*, *Мусакайлары* – *Мусакаевы*.

Мытгылатае – Митиловы; кар.-балк. *мытыл* «теплый».

Мычелтае – Мичеловы; см. *Бечеловы*.

Н

Надгеритае – Надгериевы; от тюрк. имени *Натгерий*, *Матгерий*.

Нарыкъатае – Нарикаевы; от тюрк. имени *Нарик*, *Нарыкъ*, в основе *нар* «солнце, солнечный» (ср. имя татарского батыра *Нарик* улу *Чора* «Чора, сын Нарика»).

Наурузтае - Наурузовы, Наврузовы; *Наурузлары* – *Наурузовы*.

Ногъайтае – Ногаевы; *Ногайлылары* – *Ногайлиевы*, *Ногъайлары* – *Ногаевы*, от этнонима *ногъай*.

О

Отдатае – Ортаевы, Оттатае - Оттаевы; ср. кар.-балк. *от* «огонь; яд, отравя; порох; трава; бык» (в последнем значении уже не употр.), *отта* «в огне» - «огненный»? Или от кар.-балк. арх. *сотта* «ясный, чистый, красивый»? Ср. фам. *Сотталары* - Соттаевы.

Орсантае – Орсановы; кар.-балк. *ёрсан* «прямой, стоящий прямо»?

Осмаентае – Османовы; *Османлары* – *Османовы*.

Отартае - Отараевы, Отаровы; *Отарлары* – *Отаровы*.

П

Приатае / Притае – Приевы; *Фрийлары* – Фриевы.

С

Сайлаунтае – Сайлановы; кар.-балк. *сайлагъан* «выбирающий, избирающий, разборчивый», *сайлан* «быть избираемым, предпочитаемым», *сыйлан* «пользоваться почетом, уважением».

Саламтае – Саламовы; кар.-балк. *салам* «мир; приветствие», «солома».

Салатае – Салаевы; *Селялары* – *Селяевы*?

Салаеттае – Салатовы; кар.-балк. *салат* «солод».

Сариатае – Сариевы; *Сарылары* - *Сарыевы*, от *сары* «светловолосый; рыжий».

Саууойтае - Савоевы, Саввоевы; ср. кар.-балк. *шауай* «торговец лошадьми».

Саухалтае – Саухаловы; *Шаухаллары* – *Шаухаловы*, *Шаухал* – личное имя, от титула

кумыкских (Тарковских) правителей – *шамхал* (восходит к *шамхан* «святой царь»; так именовали властителей из древнейших династий).

Сахъмантае – Сакмановы; *Шакъманлары* – *Шакъмановы*.

Саебаехъотае – Сабаткоевы; *Шабатуклары* – *Шабатуковы*.

Саегъуызатае – Сагузовы; от кар.-балк. *сагъыз* «жевательная смола» (приготовлялась из сосновой смолы, с добавлением фруктовых соков); или от *сегиз* «восемь» (восьмой ребенок в семье?)?

Сидахътае – Сидаковы; *Шидакълары* – *Шидаковы*.

Сокатае – Сокаевы; *Согалары* – *Согаевы*; см. след.:

Сугъатае – Сугаевы.

Солтантае – Солтановы; *Солтанлары* – *Султановы*; от имени *Солтан*, восх. к тюрк. титулу «солтан, султан».

Сослантае – Сослановы; от кар.-балк. имени *Сослан*, закономерная трансформация табуированного названия змея – *созулгъан* «тянущийся, вытягивающийся».

Сотатае – Шотаевы; *Сотталары* – *Соттаевы*, от имени *Сотта* «ясный, чистый, красивый»; *Шауталары* – *Шаутаевы*.

Сохъуыртае – Сокуровы; *Сокъурлары* – *Сокуровы*, от кар.-балк. *сокъур* «одноглазый»; не исключено, однако, что фамилия происходит от тюрк. *сонкъур* «кречет».

Суантае – Суановы; *Шуанлары* – *Шуановы*, от этнонима *суан*, *шуан* «сван».

Сугъаратае – Сугаровы; ср. кар.-балк. *сугъар* «орошать, поливать»

Сырхаутае / Сурхаутае – Сурхаевы; от кар.-балк. *сурх* «молния, молниеносный», *сурхай* «молниеносный».

Т

Таегаелатае – Тагалаевы.

Танхъалтае / Танхъилтае – Танкалаевы, Танкиловы; ср. кар.-балк. *танг ала* «утренняя заря».

Тагитае – Тагиевы; ср. кар.-балк. *тагы* «нить; исток, начало реки».

Тадтатае – Тадтаевы, Татаевы; *Татталары* – *Таттаевы*.

Таджитае – Таджиевы, Таджитае / Тауджитае – Таджиевы, Тауджиевы; *Таджилары* – *Таджиевы*, от *таджи*, *тажи* «очевидец», или от *таж* «корона», или от *таза* «чистый, беспримесный, истинный».

Тайбаехътае – Тайбековы; от кар.-балк. имени *Таубек* (*Тайбек*): тюрк. *тау*, *тай* «гора, горный» + *бек*. Или от *тайбакъ* «растящий жеребят».

Тамантае – Тамановы; кар.-балк. *тамал* «основательный, надежный»?

Тамбитае – Тамбиевы; *Тамбийлары* – *Тамбиевы*; от *танг бий* «большой князь», *таны бий* «мудрый князь»?

Тандутае – Тандуевы; кар.-балк. *танг* «свет, рассвет; крупный» + афф. -ды, -ду; имя *Тангду*, *Тангды* озн. «утренний, рассветный».

Тархантае – Тархановы; от тюрк. титула *тархан*: *тёр*, *тор*, *тур* «возвышение, возвышенный; почетное место» + *хан*; но, скорее, от *тора хан* «господин закона», т. е. «судья».

Таугазтае – Тавгазовы, Таугазовы, Тауазтае – Тауазовы; форма имени *Тауас*.

Таухъазахтае – Тавказаховы; от кар.-балк. *тау къазакъ* «воин-горец».

Таучелатае – Таучеловы; *Таукенлары* – *Таукеновы* (сонорный звук Л, находясь в слабой позиции, перешел в сонорный же Н); *таукел* – «уверенный, твердый».

Таебаехсаутае – Тхапсаевы; *Табакъсойлары*, *Табакъсоулары* – *Табаксоевы*; странно, что в русск. произношении осет. фамилия приняла вид *Тхапсаев*, когда ясно читается иное.

Фамилия объясняется легко: *табакъ*, *табыкъ* – арх. слово «поклоняющийся» (зафиксировано в древнетюрк.) + *сой* «род»; родоначальник, вероятно, происходил из

жреческой среды (ср. кар.-балк. *табын* «поклоняться»).

Таетаератае – Татаровы; ср. кар.-балк. имя *Татар*, сокр. от *Татаркъан* «Татарская кровь» (*къан*) или «Татархан» (*хан*).

Таетаербитае – Татарбиевы; кар.-балк. *татарбий* «татарский князь».

Таетаонтае – Татаоновы, Татоновы; ср. кар.-балк. имя *Татау* «союзник» (от *татах*).

Теботтае – Тебетовы; от кар.-балк. имени *Тембот*?

Теботтае – Тебоевы; *Тебулары* – *Тебуевы*.

Тегкатае / Текъатае – Тегкаевы, Текаевы; *Текалары* – *Текаевы*.

Телитае – Телиевы; кар.-балк. *тели* «глупый; сумасшедший», в перен. смысле – «отчаянный, бедовый».

Телекъуртае – Телекуровы, Телакуровы; от кар.-балк. *тёлю къур* «плодовитый, имеющий большое потомство»?

Темезтае – Темезовы; от кар.-балк. *тепмез* «медлительный, спокойный»? Или арх. *темиз* «чистый» (ср. турецк. *темиз*, в том же зн.).

Темырхъантае – Темиркановы; *Темиркъанлары* – *Темиркановы*, «железная кровь» или «железный хан».

Тенгизтае – Тенгизовы; *Тенгизлары* – *Тенгизовы*, от *Тенгиз* «море, морской».

Тенькъатае – Теникаевы; от кар.-балк. *тиним* «душа моя» + афф. –*кай*.

Тепсиатае / Фидаратае – Тепсиевы; ср. кар.-балк. *тепси* «столик-трехножка».

Теттырмазтае – Тетырмазовы; от кар.-балк. *тутдурмаз* «неуловимый, стремительный»?

Толастае – Толасовы; от кар.-балк. *таулас*, *таулу* + *ас* = «горец-ас»? Или от *толу ас* «из полного (большого) рода»?

Толпартае – Толпаровы; *Тулпарлары* – *Тулпаровы*, от тюрк. *тулпар* «богатырь, витязь».

Толхантае – Толхановы; от кар.-балк. *толу* «полный» + *хан* = «полновластный хан».

Тометтае – Тометовы, Томеевы; ср. кар.-балк. имя *Тёмей*.

Тохунтае – Тохуновы; ср. имя кар.-балк. божества, покровителя строителей – *Тохун* (*хуна* «стена, кладка, каменный забор»).

Тумантае – Тумановы; ср. кар.-балк. *туман*, *тубан* «туман» (от *тум*, *дум* «сплошной»).

Тумехатае – Тумеховы; от кар.-балк. *тёммек* «туловище, тело»?

У

Улубатае – Улубаевы; кар.-балк. *улуу бай* «очень богатый», букв. «большой богач».

Улубиитае – Улубиевы; кар.-балк. *улуу бий* «великий князь», «главный князь».

Уллутае – Уллуевы; *улуу* «великий, большой; старший».

Урумтае – Урумовы, Уырымтае – Урумовы; кар.-балк. *Урум* «Византия, Греция»; *урум* «удар, натиск».

Урухтае – Уруховы; ср. кар.-балк. *урлукъ* «семя; потомок, потомство».

Уыртатае / Уртатае – Уртаевы; ср. кар.-балк. *орта* «середина, центр, срединный, центральный».

Уырыстае – Урусовы; *Оруслары* – *Урусовы*; от тюрк. *орус* «русский»; или *уруш*, *урус* «война, битва»; ср. кар.-балк. имя *Къазауат* «война»; такие имена давали мальчикам, родившимся во время войны.

Ф

Файзултае – Файзуловы; *Байзуллалары* – *Байзуллаевы*.

Х

Хабаатае – Хабаевы; *Хапалары* – *Хапаевы*.

Хамурзитае – Хамурзиевы; от кар.-балк. имени *Ханмурза*.

Ханчеритае – Ханчериёвы, Ханчиреевы; от кар.-балк. имени *Хангерий*.

Ханитае – Ханиевы; ср. кар.-балк. женское имя *Ханий*.

Хатутае – Хатуевы; *Хатуулары* – *Хатуевы*.

Хлойтае – Хлоеы; *Глоулары – Глоевы*.
Хобитае – Хобиевы; *Хубийлары – Хубиевы*.
Ходтае / Ходы – Ходовы; *Хотлары – Хотовы*.
Хозатае – Хозаевы; *Хозалары – Хозаевы*.
Хуысантае – Хусановы; *Хусайналары – Хусайнаевы?*

Ч

Черкасатае – Черкасовы, Черчесте – Черчесовы; *Черкеслары – Черкесовы*, от тюрк. *чери, черик, чериу* «войско» + *кас, кес* «человек» = «рядовой воин» (син. – *къазакъ*); употреблялось у карачаево-балкарцев в качестве личного имени, как и другие наименования воинов и или различные титулы.
Чериатае – Чериевы, Черуатае – Черуаевы; от кар.-балк. *чери, чериу* «войско, отряд»; есть и мужское имя *Чериу, Чарыу, Чаруай*.
Чибайтае – Чибаеты, Чматае – Чмаевы; *Чимайлары – Чимаевы*.
Чибилтае – Чибилы; от кар.-балк. *чибин* «муха»?
Чсиатае – Чшиевы, Кисиевы; ср. кар.-балк. *киши* «мужчина, человек».

Ш

Шаурдатае – Шавердовы; *Шауэрденлары-Шевердиновы*, от сван. *шауэрден* «сокол».
Шауталтае – Шавталовы; от кар.-балк. *шантал* «абрикос»?
Шаутатае – Шавтатовы; *Шауталары – Шаутаевы*, возможно, от варианта *сауда* «коммерция», или от *шау тай* «вороной жеребенок».

Итак, всего около 310 иронских фамильных имен, идентичных карачаево-балкарским или находящим объяснение на почве кар.-балк. языка. Полагаю, что эта цифра внятно говорит о том, на каком языке говорило местное население, послужившее субстратом в процессе сложения осетинского народа.

ГЛАВА XIX. ВСТРЕЧА НА ГРЕБНЕ ГОР

СТРАННАЯ ИСТОРИЯ ДИГОРЦЕВ

В 1949 году В. И. Абает пишет о дигорском диалекте: «Расхождения его с иронским значительны» (ОЯФ, с. 359). Более определенно высказался по этому вопросу Б. А. Калоев, говоря о «сильном расхождении» между ними: **«Иронцы, попадающие в отдаленные дигорские селения, где дигорский диалект сохраняется в наиболее чистом виде, часто вынуждены прибегать к помощи переводчиков** (выделено нами. – М. Дж.)». И, далее: «Имея богатый словарный фонд и свою письменность, возникшую еще в середине XIX в., дигорский диалект значительно обогащает осетинский литературный язык, способствует его развитию. Свидетельством этого является издание большого количества дигорских фольклорных текстов, в том числе вариантов нартских сказаний, отличающихся своеобразием и глубоким архаизмом, героических песен, музыкальных мелодий, а также произведений дигорских писателей, печатавшихся часто и на иронском наречии» (Калоев, 1971, с. 336-337).

Приведем обширную цитату из фундаментального труда А. Х. Магомедова, в которой отражается точка зрения иранистов на процесс сложения осетинского народа и развитие его языка: «В этногенезе осетин участвовали два основных компонента – скифо-сармато-аланский и кавказский». Появление ираноязычных предков осетин на Северном Кавказе, как считают иранисты, не было единовременным актом. «Оно происходило, как показывают выводы ряда ученых» «двумя волнами – скифской и алано-сарматской». Этим, в частности, объясняют некоторые ученые наличие в осетинском языке двух

диалектов – иронского и дигорского, при этом дигорцы, как обладающие более архаичной формой осетинского языка, связываются с первой волной. В. И. Абаев об этом пишет так: «условия жизни в замкнутых ущельях Центрального Кавказа в огромной степени способствовали языковой консервации, и «дигорцы», раньше изолировавшиеся и попавшие в эти условия, сохранили более архаичный облик языка, чем «иронцы», находившиеся еще известный период времени в интенсивном междуплеменном общении и движении в условиях открытой равнины» (Магомедов, 1968, с. 8-9).

Тогда как быть с тем, что у дигорцев есть песни и легенды о нашествии Тамерлана, а у иронцев их нет? Или монголы, а затем и Тамерлан сражались только с дигорцами, жившими высоко в горах, а иронцев, жителей «открытой равнины», почему-то не трогали? Или иронцев даже в конце XIV в. на Северном Кавказе еще не было? Но, допустим, все происходило так и тогда, как это представляется иранистам; хотелось бы, в таком случае получить ответы на некоторые, вполне резонные, вопросы. Если скифы-дигорцы с древнейших времен забились в тущобы Северного Кавказа и с другими народами не контактировали, а тюрков в то время здесь еще не было, почему дигорский диалект насыщен тюркизмами в большей степени, чем иронский (в котором их тоже очень много) – ведь контакты «алан-иронцев» с тюрками должны были быть более активными и долговременными, поскольку они дольше жили на равнине?

Б. А. Калоев пишет об осетинах-дигорцах, якобы населявших нынешние Балкарию и Карачай: «Они значительно больше пострадали от монгольского нашествия, чем население Восточной Алании – осетины-иронцы, которые, живя близ будущей трассы Военно-Грузинской и Военно-Осетинской дорог, могли спастись от разгрома уходом в горы. Во всяком случае, после монгольского нашествия иронцев было намного больше, чем дигорцев» (Калоев, 1971, с. 31). Утверждения известного этнографа удивительны. Разве в Балкарии, Карачае и Дигории нет гор, где можно было спастись от злых степняков? Да сколько угодно, причем таких, куда никакие монголы пробраться не смогли бы. К тому же Б. А. Калоев снова противоречит себе, когда пишет: «В центральной части Кавказа, как предполагает В. И. Абаев, аланы-иронцы появились позже, чем аланы (асы)-дигорцы. Живя «в интенсивном межплеменном общении и движении в условиях открытой равнины», они потеряли многие архаические черты своего языка, чего нельзя сказать о дигорцах» (Калоев, 1971, с. 42).

Но тремя страницами он же говорит: «Сохранение архаичности дигорского наречия объясняется, по-видимому, компактным поселением дигорцев в труднодоступных ущельях Западного Кавказа как до монгольского нашествия, так и после него». Получается, что дигорцы, если это нужно этнографу, жили в труднодоступных местах, которые, в случае надобности, тут же оказывались легкодоступными. Может быть, легко было пробраться в саму Дигорию? Нет, это не так: «Почти до второй половины XIX в. Дигорское ущелье не имело колесного сообщения с равниной и соседними районами Осетии. Связь с внешним миром осуществлялась только по выючным тропам, проходившим через скалистые, покрытые ледником перевалы» (Калоев, 1971, с. 34). Каким образом тогда в Дигорию прорывались воины Тамерлана и зачем?

Если скифы и аланы смешивались с аборигенами «предположительно кавказского круга», почему в осет. яз. множество тюрк., грузин. и араб. слов, а не «кавказско-субстратных»? Следует учесть, что пришедшие из степей «североиранцы» должны были заимствовать термины горной зоны у местных горцев, а не у грузин и карачаево-балкарцев. Если иронцы начали смешиваться с «аборигенами», а также, конечно, и с дигорцами, еще с I века н. э., то почему «субстратные языки» исчезли, а два диалекта одного языка на такой маленькой территории, как Осетия, так и остались разделенными? До такой степени, что иронцу для беседы с носителем чистого дигорского диалекта

требуется переводчик (см. ниже)? Почему осетины, обитающие в самой глубине гор, т. е. жители Двалетии и Южной Осетии, говорят на иронском диалекте, а не на языке древних жителей «замкнутых ущелий», т. е. на дигорском? Не потому ли, что иранизация шла с юга и началась очень поздно?

Рассматривая расхождения в двух диалектах осет. яз., В. И. Абаев приходит к выводу: «Что же означает, что в отношении субстратных элементов (словно они были выявлены. – М. Дж.) диалекты расходятся, в то время как в иранской части они сходятся? Очевидно, что субстратная среда была **многоязычна, лингвистически раздроблена** (выделено нами. – М. Дж.), в то время как иранская, будучи более единообразной и цельной, наложилась на первую, как некое сближающее, унифицирующее начало, как *лингва франка*, т. е. как язык межплеменного общения» (Абаев, ОЯФ, с. 121). Странное это предположение: если «ирано-аланская» среда и ее язык (в отличие от раздробленных субстратных) были такими цельными и унифицирующими (что якобы и предопределило иранство осет. яз.), то почему не удержались в качестве самоназвания осетин их унифицирующие этнонимы – *ас* или *алан*? И разве диалекты отличаются друг от друга только заимствованной лексикой?

В ирон. диалекте много тюркизмов, картвелизмов и арабизмов; но и в дигорском мы видим то же самое. Что касается расхождений между двумя диалектами осет. яз. в отношении заимствований из «кавказских» языков, то и это неудивительно: иронцы соседнили с одними народами, дигорцы – с другими. Но самое главное даже не это. Если, как уверял Абаев, иронский и дигорский расходятся «в отношении субстратных элементов», то за чем же дело стало? Почему осетиноведы никак не могут решить, на каком языке говорил «субстрат»? Следует выявить расхождения между диалектами, сравнить их – и все станет ясно. Сам В. И. Абаев опубликовал список дигорско-иронских лексических расхождений давным-давно, но сделать какие-либо выводы о субстрате почему-то не пожелал.

ДИГОРЦЫ И ИРОНЦЫ

Северная Осетия – одна из самых небольших по территории автономий на Северном Кавказе; и, допустим, различия в фонетике между двумя диалектами осет. яз. могли сохраняться долго. Но не в лексике – не сидели же дигорцы и иронцы взаперти, не общаясь. Однако В. И. Абаев еще в 30-е годы писал, что в составленном им «Словаре дигорско-иронских расхождений» «приводится свыше 900 лексических расхождений между двумя диалектами и значительная часть их приходится на неиранские элементы» (Абаев, с. 121). Заметим, что немалую часть этих расхождений составляют тюркизмы в кар.-балк. огласовке. Множество дигорских и кар.-балк. фамилий совершенно идентичны. (Обратный пример: между черекскими балкарцами и зеленчукскими карачаевцами несколько сот километров, но различий в их лексике – не более 50 слов). Каким же образом и почему сохранялись различия между иронским и дигорским и в фонетике, и в заимствованиях, и в иранской лексике, если иронцы и дигорцы живут вместе вот уже 2000 лет, как заверяют иранисты?

Как известно из документов, семейных преданий и рассказов старожил, разнообразные связи балкарцев и дигорцев никогда не прерывались, люди свободно общались и переезжали в пределах общей этнической территории. Конечно, дигорцы чаще всего переселялись в ближайшие ущелья Балкарии – Черекское и Хуламо-Безенгийское, или, наоборот, тамошние балкарцы – в Дигорию. Поэтому основную часть осет. топонимов мы находим в Черекском ущелье (да и то в небольшом количестве); несомненно, эти несколько названий даны поздними выходцами из Дигории,

двуязычными или уже перешедшими на иранскую речь.

Но осетиноведы объясняют обилие тюркизмов в дигорском по-другому: «Данные этнографии показывают, что переселение дигорцев с территории современных Балкарии и Карачая в Дигорское ущелье совершалось в течение многих веков (разве там просторнее? – М. Дж.). Позже других ушло в Дигорию основное население Балкарского (Черекского) ущелья. Ушедшие сохраняли с оставшимися здесь и ассимилировавшимися балкарскими семьями родственные связи. Многие дигорские фамилии считают родиной своих предков соседнее Балкарское ущелье, где живет много их однофамильцев (Базиевы, Темукаевы, Эдакаевы и др.). Выходцами из Балкарии считают себя также Гациевы, Нафиевы, Гулдиевы из Стыр-Дигора, Джераевы, Базиевы из сел. Донифарс, Гацалаевы из сел. Ногкау, Мистуловы из сел. Галиат, Асоновы, Баевы, Цалаевы из сел. Вакац» (Калоев, 1971, с. 34).

Крайне оригинальная точка зрения. Получается, что «алано-ирано-дигорцы», спасаясь от неизбежной (почему-то) ассимиляции злыми тюрками-степняками, в «течение многих веков» переселялись в Дигорское ущелье. Наверное, тюркизация шла с запада: ведь последними, согласно Калоеву, ушли дигорцы-аланы, населявшие соседнее с Дигорией Черекское ущелье (видимо, когда упорные «ассимиляторы» добрались и до этих мест; но в другой работе сам же Б. А. Калоев утверждал, что тюркизация началась именно с Черекского ущелья; см. выше). Следовательно, западные аланы тюркизировались только частично – большинство убежало. Почему же переселенцы не унесли с собой на восток хоть какие-то отголоски византийского христианства или термины абхазского или мингрельского происхождения? И какой такой программой неуклонно руководствовались ассимиляторы-тюрки, изгоняя, надо полагать, тех «алан-иранцев», которые этой фатальной тюркизации сопротивлялись? Нет, в такой расклад не верится, что бы ни говорили по этому поводу премудрые иранисты.

И совершенно необъяснимо для нас утверждение, которое следует в книге Б. А. Калоева ниже: «В период монгольского нашествия в Дигорском ущелье укрывались не только аланы-дигорцы, но и некоторые другие этнические группы. В частности, сюда, вероятно, отступали ближайшие соседи дигорцев – кыпчаки» (Калоев, 1971, с. 34). Не справились, значит, эти кыпчаки, не сумели, в отличие от своих сородичей в Балкарии и Карачае, поглотить несчастных алан и здесь. И куда же они ушли потом и почему? И почему не ушли их соплеменники, западные беглецы-кыпчаки?

Но почему стала возможна, как мы утверждаем, иранизация дигорцев? «Переход иронцев на поселение в Дигорское ущелье был особенно интенсивным в начале XIX в., после переселения горцев на равнину, а также в середине этого столетия в связи с переселением части дигорских феодалов в Турцию. Освободившиеся земли продавались их прежними хозяевами не только дигорским безземельным крестьянам, но и иронским поселенцам». «Так, в сел. Махческе коренными считаются всего несколько фамилий (Гецоевы, Баюловы, Дзгоевы). Остальные фамилии считаются пришлыми» (Калоев, 1971, с. 37). Была и другая, более важная причина малочисленности дигорцев, предопределившей их ассимиляцию иронцами – две опустошительные эпидемии чумы, постигшие население Кавказа в конце XVII в. и в начале XIX в. Иронцы переселялись из внутренних, горных районов в дигорские деревни, почти опустевшие после эпидемии.

ДИГОРЦЫ И ТЮРКИ

Что говорил об этнониме *дигор* В. И. Абаев? «*Дыгур/дигор* «дигорцы» (западное племя осетин); *дыгурон/ дигорон* «дигорец», «дигорский». – Старое местное (кавказское) племенное название. Засвидетельствовано еще у псевдо-Моисея Хоренского в его

«Географии» (VII в.) в форме *тикор* и в сложном этническом термине *Ашитикор*. Любопытно, что дигорцы в этом тексте противопоставляются аланам: «За Тикор живут аланы в местности Ардоз». Этим подтверждается, что название *дигор* было связано по происхождению с каким-то племенем, отличным от иранцев-алан. Весьма вероятно, что корень *диг-* тождествен с *дыг* в *а-дыг-е* «черкесы». В этом случае *-ур/-ор* могло быть показателем множественности». «Хорошо известно нынешним и прежним соседям осетин» - сванам, рачинцам, кар.-балк., кабардинцам» (ИЭСОЯ, т. 1, с. 380).

В. И. Абаев намекает на то, что самоназвание дигорцев родственно самоназванию адыгов, следовательно, до прихода «алан-иранцев» первые говорили на языке, родственном адыгскому. Но в дигорском диалекте нет ничего даже отдаленно напоминающего, скажем, кабардинский; да и адыгизмов в нем немного, как нет и адыгских топонимов в горах Осетии.

В дигорской легенде (запись 1849 г.) сказано: «За 900 лет до настоящего времени выходец из нынешней Венгрии по имени **Бадиль из племени аваров** (выделено нами. – М. Дж.) вместе с братом, оставив свое отечество, пришел на Кавказ. Брат Бадыли поселился в Балкарии, а сам он пошел вверх по Уруху и водворился в Дигории». И, далее: «По водворении женился он, избрав себе жену из племени карачаевского, фамилии Крым-Шомхалова. От этого брака было у него семь сыновей: Туган, Кубат, Каражай, Абисал, Кабан, Чегем, Бетуй»; они стали основателями феодальных фамилий (Мизиев, 1986, с. 92). Шестеро из них носили кар.-балк. имена.

То же самое и в другой ветви дигорских князей, владетелей Стур-Дигории. По легенде, некий *Царгас*, выходец из Туальского общества Осетии, был женат на кабард. княжне Таусултановой. Но три их сына, родоначальники стур-дигорских феодалов, почему-то именовались по-кар.-балк. - *Къарабугъа*, *Къантемир* и *Таймаз*. Премудрые иранисты, наверное, объяснят это засильем неизбытной «моды на тюркские имена», якобы много веков довлевшей над Кавказом. Но Б. А. Калоев прямо пишет: «Из Балкарии вышли предки дигорских феодалов Царгаса и Бадила» (Калоев, 1971, с. 34).

Дигорцев осетины-иронцы именуют *дыгурон*; семантика этнонима, по мнению ирановедов, неясна. Зато в языке южных сородичей осетин, персов-иранцев, *дигаран* означает «чужой» (замеч. Р. Р. Тилова). И то же самое – в другом иранском языке, таджикском (*дигар* – «чужой, иной»; например, *халки дигари* – «иноплеменный»). Напомним, что в осет. яз. *ацаггаллон* (т. е. *ассиаг-аллон*, *ас-алан*) тоже означает «чужой, чужак, посторонний» и применяется в отношении иноплеменника, иноземца.

Народа или племени с таким названием мы среди иранцев не находим. Зато у персидского историка XIV в. Рашид-Ад-дина *дигоры* упоминаются в числе 24 племен огузов, как часть *караболоков*. Но и на Северном Кавказе дигорцы жили рядом с племенем *карабулаков*, впоследствии ассимилированным ингушами и чеченцами. Тюрк. племя *дюкер*, *тюкер*, *дукер* фигурирует в огузском эпосе «Книга моего деда Коркута». В словаре Махмуда Кашгарского (XI в.) они названы восемнадцатым племенем огузов, говорится о дюгерах и в «Родословной туркмен» Абулгази-хана (XVII в.).

В конце XVIII в. немецкий врач Якоб Рейнеггс в своей книге упоминает на Кавказе племя *уйтигур*, которых соседи называют также *тигур*, и добавляет: «Уйтигуры говорят на самом старом известном татарском наречии». Рейнеггс хорошо знал несколько восточных языков и ошибиться не мог. В Шамхорском районе Азербайджана имеется селение Дюгерли, а в турецкой провинции Кютахья – деревня *Тюгер* (Бабаев, с. 86). А. И. Алиев пишет: «В Кельбаджарском районе (Азербайджана. – М. Дж.) и в настоящее время живут представители рода дюгер»; «Дюгеры и сейчас живут в Турции и Туркменистане» (Ономастика Кавказа, с. 59). Очередная «странность»: родственники «ираноязычных скифов-дигорцев» о них не знают, более того, их название означает в иранских «чужой», а

вот для тюрков они свои.

Представители разных колен одного народа часто дают друг другу клички. Иногда случайные, или по поводу каких-то событий, иногда это старые племенные названия. Так, малкарцев (жителей Черекского ущелья) называли *зеппай* «переселенцы» (см. выше, о Зеленчукской надписи); холамцев именовали *дондур* (неясно), безенгиевцев – *кьонгур* «бурые», *гангуй*, *гонгуй* (вероятно, от названия печенегов-базанаков – *кангар*, *кунгар*, *кьангуй*), чегемцев – *хыйнычыла* «колдуны», а баксанцев (возникших при «смешении» холамцев, безенгиевцев и карачаевцев) – *тюкаякьла* «лохматоногие». То же самое было и у других народов (ср. русск. «рязань косопузая» - из-за привычки рязанцев носить ремень косо).

Осетины-иронцы кличут дигорцев «черноухими» (*шаухушт*). Никакого объяснения такого странного именованья нам найти не удалось. Скорее всего, дигорцев-карабулаков сородичи-балкарцы поддразнивали, рифмуя их второе название со словом «черноухий»: *кьарабулакь* – *кьаракьулакь* («черноухий»). Позже осетины-иронцы перевели дразнилку на свой язык, но без этнонима и рифмы (*кьара булак* означает «черная река», в значении «большая» - «великореченец», карачаево-балкарцы произносят *кьара балыкь*; синонимично *кьара чай*). Этноним *дюгер* (*дукер*, *тюкер*), вероятно, есть слегка искаженное *тюрк эр* «тюркский человек», синоним другого известного этнонима – *тюркмен*, *туркмен*. Или это слегка искаженное *даг эр*, *дагер* «горный человек, горец».

Официально Осетия в состав России вошла в 1774 г., но без Дигории. По мнению осетиноведов, против этого шага выступали дигорские князья, боясь потерять свои привилегии, и уступили только после крестьянского восстания, в 1781 г. Согласиться с таким мнением трудно. Во-первых, никакого государственного акта тогда подписано не было. Во-вторых, Дигория вошла в состав России вместе с Балкарией, в 1827 г., спустя пол-века; документ был опубликован в журнале «Живая старина» (№ 2, Нальчик) еще в 1992 году. Кстати говоря, в тексте совместного прошения о принятии в подданство подписи дигорских князей стоят первыми. Вот их имена: Касай Кубатиев, Давлетука Абисалов, Бинагер Карабугоков, Созо Саватов, Татархан Туганов. Специалист, конечно, может сказать - мало ли что бывает, может быть, дигорцы вступали в подданство России дважды. Тогда подумайте над следующим фактом.

Заглядываем в книгу, **изданную в Осетии в 1967 г.** - «Осетины глазами русских и иностранных путешественников». Венгерский ученый Жан де Бесс, находясь в 1830 году в Нальчике, встретился с двумя дигорскими князьями (он именует их вождами). «Старший из вождей, по имени Касай Кубанчеев (тот самый Касай Кубатиев, подпись которого значится в тексте прошения первой. – М. Дж.) взял слово и сказал, в присутствии коменданта Нальчика и всего остального общества, что **пять племен - дигорцы, балкары, хуламы, бизинги и орусний** являются истинными потомками мадьяр (правильно – *маджар*, по названию древнего города *Маджар*, столицы Алании, возле нынешнего города Георгиевска. – М. Дж.). Он добавил, что его соотечественники не знают, какой был их первоначальный язык, но все 5 племен пользуются одинаковым наречием, значительно отличающимся от языка других жителей Кавказа» (ОГРИП, с. 222).

Почему же дигорцы, ныне говорящие на диалекте осет. языка, в начале XIX в. вступили в подданство России вместе с балкарцами, а потом еще и заявляли, что их речь совершенно одинакова с балкарской? А если это было не так, зачем дигорский князь стал бы обманывать почтенных гостей - ведь его немедленно разоблачили бы присутствующие! Или дигорцы были ираноязычными, потом, все до единого, перешли под гнетом беглых кипчаков на тюркский, а уже в XIX в. часть отюреченных дигорцев передумала и вернулась к своему «скифо-иранскому» диалекту? Вот и выходит, что на

самом деле не средневековые тюрки ассимилировали «ирано-дигорцев» в Балкарии и Карачае, а как раз наоборот – пришедшие с юга иронцы ассимилировали в Осетии тюрков-дигорцев, которых к середине XIX в., после эпидемий чумы и ухода части населения в Турцию осталось мало; случилось это совсем недавно.

Никаких объяснений или комментариев ирановедов по поводу этих фактов, вопиющих к разуму и совести историков, мне читать не привелось. Спросим еще раз: кто же лукавит и наводит тень на ясный день? Кто скрывает исторические сведения от читателей, и, в первую очередь, от осетинских? Разве они кем-то придуманы? И если напоминание об этих фактах в статьях и книгах карачаево-балкарских ученых следует считать прегрешением против науки, разрушением дружбы народов и спекуляцией, то чем прикажете считать их сокрытие?

КАРАЧАЕВО-БАЛКАРО-ДИГОРСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ СХОЖДЕНИЯ

В известном труде В. И. Абаева (ОЯФ) помещена очень ценная работа, в которой содержится список выявленных им расхождений между двумя диалектами осет. яз. – 1736. Это очень много, а если учесть, что территория Осетии невелика, то и очень странно; объяснить подобную странность в рамках «установленной» иранистами истории осетинского народа невозможно. Из всего списка этих расхождений мы выбрали дигоризмы, которым есть соответствия в кар.-балк. яз.

Дигорские слова, неупотребительные или мало распространенные в иронском – 954 единицы.

Дигор. *адаестае* куриная дужка, игра в куриную дужку, пари» – **кар.-балк.** *къандес* «куриная дужка; игра в куриную дужку, пари»

азатхана нужник - *жахтана, захтана*

асонгай целый день - *сау кюн* (из *сан кюн*)

айуан шутка, глумление - *ауан* обман, издевка

ал (при игре в шашки, в альчики) ход, рассчитанный на определенный ответ партнера - *ал алацаг* шалаш (охотн. яз.) – *алачыкъ, алачыкъ*

ар(ае) оглобля - *ариш, ара агъач*

асес порывистый, горячий – *эссиз* безрассудный, беспамятный

похси борона с зубьями – *бахса* грабли

аскъот тайна, секрет – *тасха* секрет, тайна (в дигор. – обратное звучание)

астъонае гнездо – *хастан* сеновал

ауае, йауае влага, сок, содержимое, сущность, качество - *жау* масло; дождить (в йокающих тюрк. яз. ближе – *йау*)

аул (поколение внутри одного рода) – *атауул* ветвь рода

ахил поколение – *ахлу* родственник, близкий

азмаец шут, клоун – *азмыч, азмыц* вундеркинд; вещий; насмешливый дух (мифол. существо)

азалгон (в бедственном положении находящийся) – *ажаллы, азаллы* обреченный, смертный

тифтирикъуа (норовистый – о лошади) – *тыпырдауукъ* трепыхающийся, бьющийся, дрыгающий ногами

югъзери, аезгери (старые, разошедшиеся дрова) – *юзгеле* щепка

аемезагае (задержание мочи – болезнь; страдающий им) – *эмизик* сосун, слабый, анемичный

аемидолае полный до краев – *эм толу* самый полный

аембугъула водоворот, вихрь, смятение – *эмеуол* омут, водоворот; *бугъей, бугъой* трещина

в леднике

аенхаел расхождение, разлад – *жангыл* ошибаться, заблуждаться; *ынхыл* нахальный, наглый

аепхае морковь – *быхы* (ср. кар.-балк. *быкъы* «сук, сучок, суковатый»)

аергъа глина – *ырхы* грязевой поток, сель

аерна предел, ирон. *араен* граница – *ара* середина, промежутки, интервал

аевзаекъес (назв. травы) – *зыка* кресс-салат

аехсин сизый – *ахсыл* белесый, сизый

къахын, къахун (ирон.: копать, ковырять) – *беккяхын* штыковая лопата (диал.)

аездирхун тереть, натирать (кожу) – *ездирген* раздавленный (напр., палец)

багъаербаз (название породы жука) – *багъырбаи* медянка (букв. «медноголовая»)

бала (ягненок – детское слово) – *бала* дитя; детеныш

балата гуща из солода и муки для дубления кожи – *балата*

басма ситец – *басма*

баелдо большой молот, ирон. *баелдо* – *балта* топор

баелгъур насупившийся, мрачный, недовольный – *малгъун* тупой, идиот, скотина

баелтаернае горчичное растение – *балдыргъан* анис

баекъа кол, столб – *быкъы* суковатый столб для разделки туш животных; *багъана* «опорный столб»

баетман мера зерна; улей – *батман*

бегени кисель; ирон. *баегаены*, диг. *баегаени* пиво) – *бегене* кисель; солод (синоним. *салат*)

бергелли определенно, наверняка, в высшей степени – *белгили* известный, определенный, заметный, наверняка

богъурдакъ гортань – *богъурдакъ* глотка

бойау растение, из которого получают краску – *бояу* краска

бротти, бурутти каприз – *буруч, буруи* упрямый, строптивый, неуживчивый

будуркъае (лохмотья, чучело в лохмотьях, огородное пугало; ирон. *быдыргъ*) – *бодуркъу*

бугъойнае место, куда выбрасывают мусор – *бокъ орун* место для навоза

бузгъур тряпье, лохмотья – *бусхул, бузгъур*

булгъакъ неприязнь, распря – *булгъашыу* возня, свара, давка, смешение

булгъур пестрый, мешанный – *булгъа* перемешивать, помешивать

булла, буллатае баюшки – *бёлляу, бёллятай* баюшки (*бёле* пеленать)

булур; булур бае желтая с пятнами лошадь – *бууурул* чалый

бурцита каенун разрушать, разносить – *муру-чуру, муру-цуру*

бурдаен выюга, буран – *бурдум* выюга, пурга

цагана облепиха – *чыгъана, цыгъана* колючий кустарник

цаенгарийнае (локоть – мера длины) – *жингирик, зингирик*

цокал волна – *чайкъал, цайкъал* волноваться, плескаться, полоскаться, раскачиваться

цетенае корзина для женского рукоделия – *четен, цетен* корзина

цигон чугунок, ирон. *цуайнаг* – *чоюн, цоюн*

чилпае (густой – про бурьян и и т. п.); взлохмаченный (про бороду, волосы), кудрявый – *чырна, цырна* кудрявый, взлохмаченный; *чырпы, цырпы* куст

циуан чугун – *чоюн, цоюн*

цолакъ (челнок ткацкий), челнок (судно) – *чоллакъ, цоллакъ* челнок ткацкий

цъапо (кисть на башлыке, бурке и т. п., ирон. *цупал*) – *чопал, цопал* кисть; бахрома

зулакъуы (ирон., дикий лук) – *жууала, зууала*

цъумур грязный – *шимир* грязь, грязный, загрязненный

дангъа (насечка, орнамент); ср. ирон. *дамгъа*, диг. *дамыгъа* (тавро, тамга) – *тамгъа* тавро,

клеймо; пятно

данка собачка мелкой породы - дамке

даегъарна грохот – тыхырдау, дынгырдау, дыгъар-мугъур

даелаезакъ каенун принижать, унижать, третировать – тала грызть (о хищном звере, собаке), подмывать (берег реки); талашыу грызня, свара

дерт скорбь – дерт мечь; обида

дордонае зоб у птиц - дёрден

дордун здоровяк – дёрденли самоуверенный, заносчивый

зансакъ каенун кричать, спорить – жанишакъ, занишакъ болтун, болтливый

затма балкон, крыльцо – жатма, затма навес

захана ад – жаханым, заханим

зафку шум голосов, говор – жабу, забу отвлекающий разговор, шум

заегелае повисший, висящий – жыгъыл, зыгъыл падать, падающий

закъолон подснежник – жанкъоз, занкъоз

зеген циновка – жёген, зёген

зилагъа поколение – бир жылгъы, бир зылгъы («одногодки»)

зилкъи земляная груша – чирко, цирко

зоргъа иноходь – жоргъа, зоргъа иноходь, иноходец

зубанди разговор, беседа – жубаныу, зубаныу препровождение времени, развлечение

зугар крюк для очистки ячменя и пшеницы от сорных трав – жугар, зугар лопата

зугъур мучнистый, рассыпчатый – жузгъур, зугъур пестрый, рябой; жохар, зохар шершавый

зукка сосок у животных – жукка, зукка грудь, сосок

зумард щедрый – чомарт, цомарт

зумарг горная индейка – жумарукъ, зумарукъ

зуркъа узорная обшивка чувяков или бурки – сыргъан

факъара немощный, неспособный, неуклюжий – факъыр несчастный, убогий

фаерзеу пища, пропитание, угощение – мирзеу, фирзеу зерно

гайа (кит?) – гая пасть, зев

гаебаат бурдюк - гыбыт

гаелаеу крыса – гылдыу, гылыу, галдуу

гаелаехха (бедняга?) – калак ит бродячий пес

гаетан тампон – гетен полотно, холст

гебена старая черкесска; короткая шуба – гебенек войлочная накидка, плащ

гебетъа пузатый – гыбытлы (гыбыт бурдюк)

гедиукъи назв. травы – гедигин портулак

гоцъеф силач – гёжеф, гёзеф борец, силач (от кюч, гюч сила, мощь?)

гонцарыкъ лапоть – гёнцарыкъ, гонцарыкъ чувяк

гауиз ковер – кийиз шерстяной ковер, кюйюз войлочный ковер

горен ограда – гюрен, гурен круг; ограда; сотня (войсковое подразделение)

гулзук продолговато-округлый, цилиндрический с округлыми краями, без выступов – зугул овальный, эллипсоидный, продолговато-округлый

гулу безрогий, с обломанными рогами – гылжа; гыл кривизна, искривленный, кривой

гурумук грубый, невежда - гурмук

гуттуз непослушный – къутсуз неприятный, противный, несносный; несговорчивый; неприглядный, невзрачный

йерисха судьба, счастье, талант, предназначение – ырысхы богатство, удача, везение

йесап счет, расчет - эсеп

кает открытая пристройка при хлеве – гыты лачуга, хижина

келар, керта циркуль – *керил* промежуток, раствор (напр. циркуля), размахнуться, расшириться
келбет состояние, качество, достоинство – *келбет* цветущий, обаятельный
кем настроение, состояние здоровья – *кеф*
кенгес каенын быть в затруднении, колебаться в выборе, с тревогой думать о чем-то, и пр.
– *кенгеш* совет, совещание
кесе белая бязь – *кисей*
кезу очередь – *кезю* очередь, черед
кирсае иней – *кириши* морось, морозящий
кѳабеллаг тощая, негодная скотина – *кѳабыллыкѳ*
хумпѳур кобура – *хомпур*
кѳаебур выступ скалы – *кѳабыргѳа* склон (горы); стена; *кѳабыр* могила
кѳабуци щенок – *кѳабуучу, кѳабууцу* кусака
кѳадаруа сухие ветки, щепки для растопки – *кѳаура, кѳаруа* сухой бурьян
кѳабет (морда (?)) – *кѳапбет* закрытый маской; перен. «бесстыжий»
кѳаелдаер домишко, хата – *халѳжар, халзар* навес для скота, хлев
кѳаелмаег перевязь у снопа – *гѳырмык* перевязло, жгут из травы или соломы
кѳаеибодта морда – *хамхот, гемхот*
кѳаераезае окно – *кѳараза* смотровая щель (башни); *терезе* окно
кѳаезма веревка, ремень, которым привязывают вьюк – *кѳысма; кѳыс* – привязывать
кѳера, хера отсыревший, размякший (напр., хлеб) – *хѳира, хѳире* мягкий, рыхлый, отсыревший
кѳерах револьвер – *керох, герох*
кѳубус бугор, шишка, выступ – *губус* бородавка
ляцин сокол – *илячин, лячин, ляцин*
лаесаег порода рыбы, лосось(?) – *ылышыкѳ* лосось
лаептаер охалка сена – *лыптыр* небольшая копна, копешка
ливза влажный, скользкий, грязный; омоним: *ливзае, ливзае* «рагу мясное – илибиѳжирет
размять, раздавить, размочить; *либѳжа* соус
маегурбаелгаелаес имеющий подавленный, печальный вид – *мугур бол* иметь печальный
(подавленный, безрадостный) вид
маелзойуг еле живой – *мылѳжыук, мылѳзук*
маестхалукѳ горьковатый – *мыстыракѳ* кисловатый
могойнае столб, подпирающий потолочную балку – *багѳана*
ѳаегинзае столб – *чигинѳи, цигинѳи*
мургѳуз, музгѳур мрачный, злобный – *бузгѳур, бузукѳ* порченный, неуживчивый
нинаег малина – *наныкѳ*
Ойнони ѳалх чудесное колесо в нарттовском эпосе – *оюн ѳарх* игровое колесо; *ѳарх оюн,*
ѳарх оюн игра с колесом (в нарттовском эпосе)
пахса грабли – *бахса*
ук сова – *уку*
хѳабола череп; утолщение кости в суставе – *гаппол, каппол* почка (ботан.)
хаѳѳа плешь, парша – *кѳапбаиш* лысый (букв. «тыквоголовый»)
кѳалае станица – *кѳала* возводить, строить; крепость; башня; *кѳалау* куча, груда
хаун род, поколение – *кѳауум* группа, категория, клан
хаебуза жук – *кѳамыѳжакѳ, кѳамыѳзакѳ*
сохуран, сонхура подсолнечник – *сапран* желтуха; *сохуран* желудочный сок
хаппал, хаппалта одежда – *кѳапла* накидывать (что-либо на себя), *кѳаптал* кафтан
хаерае кривой, одноглазый, слепой – *кѳрау* слепой; *кѳара* смотреть, *кѳаракѳ* зрачок,

къарам взгляд
хаесхаер отрубил ячменя и кукурузы - *къышхыр*
хеллау (качание?) – *гыллыу* ритм; раскачивание, шатание
химиш (крестец. анат.) – *къуймуч*, *къуймуц* копчик, тазовая кость
хаебаел вялый, вислый, ненатянутый – *хыбыл* вялый, пухлый, мягкий
хор; *хор каенын* мешать, беспокоить – *хорла* побеждать: *зор-хор* принуждать, подавлять, *хорлам* победа
хуата толк, польза – *къууат* обаяние, привлекательность; великолепие; *хата* вред
хулай ладный, идущий на лад – *къолай* хороший; сила; достаток, возможность
хулфа, *хулфад* впадина, вмятина, углубление; глубокий – *къулфакъ* впадина, углубление
хум водоворот, омут – *кум*, *кем*, *кам* и др. река, речка; *кёмюл* погружаться, утонуть
хуррой журавль – *круу* журавль (диал.)
сабай каенун (*цъопп*) взбивать шерсть – *сопала*, *сопахла* отколотить, дать взбучку, избить
самур-гуй лягавая собака, ищейка – *самыр ит*, *ызчы-самыр*
сандаракъ назв. какой-то птицы; старинный танец (?) – *сандыракъ* старинный танец членов мужских братств (имеет два варианта - экстатический и шуточный); *сандыра* бредить; *сант* бред, бредовый; придурковатый
сари сваны – *шари*, *сона*, *эбзе*
сауаесхалае пищевод – *ихолла* внутренности, кишки (черек. диал.)
сах пристально, напряженно, сильно; сильный *сах къаевда* проливной дождь - *сакъ* осторожно, бдительно, чутко; *сакъ жауун* проливной дождь, *саркъ* литься, течь, стекать
секк сомнение, подозрение – *шек*, *сек*
серф косой, наклонный – *шерф*
сиуагъа выкуп, контрибуция – *саугъа* дар, подарок
скъелди брусника – *ишхилди*, *ихилди*
сотур густой, в противоположность жидкому – *сотур* струп, корка на ране
сум звук, шум – *шум* безмолвие
сындакъа шерстяная нить - *шинтагы*
талгъаер бурая с полосами корова – *талгъыр* полосатая (о змее), *каурый* (конь), *бурый* (медведь)
тапка навес – *тапка* полка, *тапкыр* ступенька
татха грядка – *тахта*
таус слух, молва, рассказ – *таууш* звук; слух, молва
заеккуаел обрывок, лоскут – *зыккыл* рванье, лохмотья, тряпье
такъузгае рябина - *тукъузгю*
талан стремление – *талан* удача, везение, *таланнган* счастливец, *талтын* стремиться, желать
таемаг (?) – *тамакъ* глотка; устье реки
таемаес чудо, чудеса – *тамаша* чудо, диво, зрелище
таеппаезта саегъдун биться в агонии – *тыпырда* биться, дрыгать ногами, трепыхаться
таеух, *таух* назв. медоносного растения – *тауукътыюк* ковыль (букв. «куриное перо»)
тахсын жгуче болеть – *тахсын* недомогать, приболеть; *тыхсын* ныть, сетовать
тефсег тарелка – *тепшек* блюдец, тарелочка
тергади (внимание), *тергади каенын* относиться со вниманием, примечать, наблюдать, держать в поле зрения – *терге* подсчитывать, учитывать, принимать во внимание, считаться (кем, с кем); *тергеди* «он учел; он подсчитал»
тикис кот, кошка – *кишитик* (в диг. - с перестановкой слогов)
тингун возбужденный – *итинген* стремящийся к чему-либо, увлеченный
толакъ развод - *талакъ*

тонау (от *тонун* рвать) вырванное, добыча (ир. *тона*) – *тона* грабить, *тонау* ограбление, грабеж, *тоноу* добыча
тугулдор (дор камень) речная галька – *тугул* комок
тылфает пар, дыхание – *тылпуу*, *тылфуу*
тасха (разведка; разведанное, потайное место, известное только одному) – *тас* исчезнувший (из виду), потеряться, потерянный; *тасха* тайна, секрет; *таша* скрытно, незаметно, укрытие, скрытое место
уаз наставление, проповедь (в ирон. нет) – *ууаз* проповедь; *ауаз* голос
кѳумал брага жидкая – *гумул* квас
уаеркѳин крыжовник - *юркюн*
узал отдаленный, неопределенный шум; только о живых существах: жужжание, щебетание и т. п. – *узай* отдаляться; *узаѳ* отдаленный, дальний, даль, далекий, долгий
уогѳулли счастливый, удачный – *огѳурлу* добрый, человечный, счастливый
урундуѳ кровать – *орундуѳ*, *ундуруѳ*
хабае-сабае взлохмаченный – *хапа-сапа* беспорядок
хабур-ѳубур пожитки – *хабур-ѳубур*, *хабур-ѳубур*
халлек беспорядок, хаос – *халек* вред, пагуба, развал, разруха
халхос дрянь, свалка, беспорядок (?) – *халахоста* хаос, беспорядок, разгром
хандирагѳаей непродуманно, несогласованно, бестолково – *кѳандыргѳан* надоевший, наскучивший, утомивший
ханс (непроходимая заросль – травы, кустарника, леса); название последнего весеннего месяца – *ханс* трава; высокий травяной покров
харакет (любвеобильный, добрый, щедрый) – *харакет* имущество, вещи; *харакетли* состоятельный, имущий
хауаелли бродяга – *хауле* гуляка, гулящий, непутевый
хаебурд трещины в земле, при жаре – *хыбыр* сухой, высохший; *хыбырт* печенье
хаептил волдырь - *хыптил*
хаеппола вздувшийся, приподнятый – *каппол*, *гаппол* почка (ботан.)
хаерае мгла, мрак, мрачный; печаль, тоска – *кѳара* черный, чернота, мрачный, тоскливый и пр. (несколько десятков знач.), *кѳарангы* тьма, мрак
хаерае земляной обвал, завал – *хуру* каменная грудa, завал
заегаендор («говорящий камень») эхо – *зангырдауѳѳ* эхо; звон, звенящий; *сагѳын* сказать, упомянуть
заелдае дерн, молодая трава – *зылды* дерн
маентаеѳ лопух – *мант* репейник (*одал* – лопух)
заеран убыток, ущерб - *заран*
заетхае овес - *зынтхы*
зира тмин – *жыѳра*, *зыѳра*
зуѳул продолговатой формы хлеб – *зуѳул* овал, продолговатый, овальный
зукѳи на вид невзрачный, но хитрый, зловредный – *зукѳу* косой, косоглазый; надоедливый, *зукѳу* *ѳибин* осенняя муха.

Дигорские слова, различающиеся от иронских по форме, причем различия эти выходят за рамки обычных звуковых соответствий. - 248 единиц.

Абаераеѳ абрек – кар.-балк. *абрек*
Аѳаеѳ рассудок – *аѳыл* рассудок, ум
Арази согласный – *разы*, *ѳразы*
Аема союз И - *эм*
Аемаенае вот!, ирон. *маенае* – *майна* вон, вон там
Аендаеѳгай снаружи – *андаѳы* то (тот, те), что там

Аердиги со стороны – *арлагъы* то, что поодаль, *артдагъы* то, что сзади, позади
Аерхотуг пепел - *урходук*

Аескъетун приходит в сознание, очнуться – *эси кетиу* потеря сознания

Дигорские слова, различающиеся от иронских по употреблению (семантике) – 140 единиц.

Биттир летучая мышь, ир. *хаелынбыттыр* – *биттир*, *биттиркоч*

Бураеу ограда, вал ирон. *быру* - *буруу*

Цухцурна жолоб ирон. *цухцур* – *чучхур*, *цухцур* водопад

Заелгъауинза сковородка с ручкой, ир. *алгъац* – *жалгъауч*, *залгъауц*

Зиргъаег нож плуга, ирон. *зыргъа* – *жыргъыч*, *зыргъыц* (*жыр*, *зыр* раздирать, разрезать, *жырт*, *зырт* рвать)

Зугу, *зиги* щекотка, ир. *къузу* – *къозут* дразнить, поддразнивать; *дыгъыл* щекотка

Гетен холст, грубое полотно, ир. *четаен* - *гетен*

Йемиллаг, *йемиллек* - порода коней (?), неук, ир. *емыллык* неук – *эмили* неук

Къаелдае валежник, ир. *къаелдым* - *кылды*

Кокойна (*цинзае*) – репейник, ир. *какон* (*сынз* «колючий»; но в РОС почему-то указано другое слово - *ичъи*) - *кёкен* терн, терновник

Цинза, *сынз* колючка (раст.) – *шинжи*, *синзи*

Курдбазае кузница, ир. *куырдабаз* – *гюрбежи*, *гюрбези*

Къаелос согнутый, дугообразный, ир. *къаелаес* – *къылыч* дуга; сабля; дверной запор; *гулоч*, *гулос* клюка; клюшка (для игры в хоккей на траве)

Монт лопух съедобный - *мант*

Пурса, *пуруса* крапива, ир. *пысыра* - *мурса*

Пъура гнилое, дуплистое дерево - *пура*

Къаурае, *къарае*, *къаруае* способности, энергия, ир. *къару* – *къарыу* сила, способность, энергия

Тъатхи кушетка, тахта - *тахта*

Уаздон благородный, высшего сословия, ир. *уаездан* – *ёзден* представитель второго после князей (*бий*, *таубий*) сословия

Уони, *уонаен* и т. д. «их», «им» и т. д. – *аны*, *андан* его, от него, оттуда

Закъае подбородок – *сакъал* борода; нижняя челюсть

Зар песня, ир. *зараег* – *жыр*, *зыр*

Дигорские слова, различающиеся от иронских по употреблению (семантике); 294 единицы

Аерхае земляные завалы, лавины после ливней – *ырхы* грязевой поток, сель

Аетдор (из *аерт-дор* «огонь-камень») «кремень», образование, понятное и иронцу, но неупотребительное; ср. ир. *схон* кремень – *отлукъ таи* кремень («камень для огня»)

Бундор основной камень; домовый – миф. существо, (ир. *бындур*) – *мурдор* фундамент, основание здания

Цох каенун исключаться, уменьшаться, удаляться – *жокъ болуу*, *зокъ болуу* уничтожаться, исчезать

Цулукъ сапог; кожаный сосуд; ир. *цурукъ* сапог – *чурукъ*, *цурукъ* сапог, башмак, туфли; *суулукъ* кожаная или металлическая фляжка для воды (фонетическая близость кар.-балк. слов привела к их неразличимости в дигорском).

Заерна, *заерма* икра – *жылмы*, *зылмы*

Зорун говорить, понукать, погонять – *зор бла* с применением силы, насилием

Зугъур зернистый, покрытый пупырышками – *жугъур*, *зугъур* пестрый, рябой

Къарз (крепкий – о напитках); строгий, суровый, жестокий, а также «крутой» (подъем) – *къариши* близкий; *къаришчы* против, наперекор, противник; *къырс* скупой, прижимистый

Къала жечь, ир. *къала* олово – *къалай* олово

Мадал(тае) общинные пастбищные земли, собств. «матери» – *мадул* целина, целинные земли

Къабакъ мишень; деревня, ир. *къабахъ* мишень – *къабакъ* укрепленное селение; ворота; *къаб* тыква (служила мишенью)

Къалон дань, доля – *къалын* калым, выкуп за невесту

Къазах (казак, «совершенно одинокий»), ир. *къазахъ* – *къазакъ* рядовой воин; бесправный домашний раб; одинокий, одиночка; «матерый» (напр. волк – *къазакъ бёрю*); «вольный» – *къазакъ эль* «село, не имеющее князя»

Хоппаег альпийская лилия; пузырь на воде, мыльный пузырь – *хоппак* альпийская лилия

Гур горло, голос – *гыргыр* болтовня, ворчание; *гургур* кваканье

Сагъадаг (лук – оружие), ир. *сагъадакъ* колчан (?) – *садакъ* лук (простой)

Сос, сосаей тайно, тайный, молча – *шош* тихо, смирно; *шошай* утихнуть, притихнуть, успокоиться

Суг слеза, капля, струя – *суу* (восходит к *сук*) вода; река; сок

Туппур холм, курган – *дуппур, туппур* холм, бугор, курган

Обай (склеп), ир. *обау* (курган) – *оба* большая могила под курганом; груда камней

Халае нитки – *халы*

В. И. Абаев выявил также ряд слов в иронском диалекте, которые отсутствуют в дигорском; вероятно, он знал, что они есть и в кар.-балк. яз.

Ирон. *бламукъ, къалуа* кушанье из поджаренной муки с водой – **кар.-балк.** *биямукъ* болтушка; *халуа* халва

мерка (мера зерна – 1 пуд 17 ф.) – *мерке* (а также сосуд для измерения чего-либо, мерка)

аергъай лосось – *ыргъай* осетр

маст горький – *мысты* кислый

хыбыл поросенок – *хубол* медвежонок

саегуут козуля – *шугут жилиян* змея, живущая во дворе

къуыртт наседка – *гурт тауукъ*

табагъ тарелка – *табакъ*

топп ружье – *топ* пушка

туппур выпуклый, полный (щека, грудь) – *дуппур* холм, бугор

сынтаег кровать – *шинтик* стул, табуретка, лавка

уаерыкъ барашек – *ирик* валух

заерна каша из вареных зерен пшеницы, кукурузы – *жырна, зырна* (другие значения – «сечка»; «пестринка на ткани»)

Из 954-х дигоризмов, отсутствующих в иронском диалекте, 240 слов, т. е. четвертая часть, имеют полные соответствия в кар.-балк. яз.; из прочих расхождений такие соответствия находятся в 56 случаях – всего около 300. Итого, более шестой части всех лексических расхождений между дигор. и ирон. диалектами имеет параллели в кар.-балк. яз.; в подавляющем большинстве это тюркизмы. Сложив обе цифры, получим внушительную цифру: в осет. яз. около 700 карачаево-балкаризмов (прибавьте сюда еще и 150 «тюрко-монгольских» топонимов, а также топонимы полу-осетинские (с использованием кар.-балк. географических терминов), а также – огромное количество одинаковых фамильных имен. Кроме того, С. К. Бабаевым опубликован список слов (около 900 единиц), общих для осетинского и карачаево-балкарского (включая сюда грузинские, арабские и пр.). Ничего подобного никто из лингвистов, занимающихся связями осетинского с языками других народов, не выявил. Как сказал мудрец, трудно

поймать черную кошку в темной комнате, особенно если ее там нет. Но иранисты, возможно, зная об этих фактах (после выхода ИЭСОЯ В. И. Абаева), все равно продолжают искать несуществующие следы «кавказского субстрата».

ДИГОРО-ТЮРКСКИЕ ФАМИЛИИ

Не менее интересен для нас и другой материал. Если дигорцы изначально являлись частью аланского народа и говорили на кар.-балк. языке, то многие из их фамильных имен должны иметь объяснение на основе тюркского. В нашем сопоставлении вполне вероятны и даже неизбежны ошибки (из-за незнания автором осет. языка), но, надеюсь, их будет немного. Вначале указаны дигор. фамилии (по списку 1899 г.), затем кар.-балк. (-лары окончание мн. числа). Осет. *ГК* соответствует кар.-балк. *КК*, как и *ХЪ* соответствует *КЪ*.

А

1. Абаегатае *Абагаевы*. От тюрк. *абакай* «бабушка»?
2. Абетае *Абеевы* - Абей-лары *Абеевы* (от тюрк. *абек*, *эбек* «умелец»)?
3. Агкатае *Агкаевы* - Акка-лары *Аккаевы* (от *акка* «дед»; или это уменьш.-ласк. «беленький»).
4. Агкатае *Агкаевы* - Аккачи-лары *Акачиевы* (от уменьш.-ласк. *аккаца*, *аккача* «дедуля»?). Или от *акъкъаиш* «белобровый»?
5. Агънатае *Агнаевы*. (От названия кар.-балк. *эрлик аякъ* почетной «чаши мужества» - *Агуна*)?
6. Айдартае *Айдаровы* - Айта-лары *Айтаевы*, Айдарукъ-лары *Айдаруковы* (*Айдар*, *хайдар* – тюрк. «впередсмотрящий», всадник, скачущий впереди войска) + имяобразующий аффикс - *укъ*. Или от араб. *хайдар* «лев»? По легенде, вначале дигорцами правил герой Айдарук, которого сменил Бадил).
7. Айлартае *Айларовы*. (Вероятно, от того же *айдар*, *хайдар*; или от кар.-балк. *ойлар* «обдумывающий, мыслящий»).
8. Акъотае *Акоевы* - Акко-лары *Аккоевы*.
9. Алийтае *Алиевы* - Алийлары *Алиевы*.
10. Амилахуантае *Амилахановы*. (Первая часть неясна, во второй тюрк. титул *хан*?).
11. Андретае *Андреевы* - Эндрей-лары *Эндреевы*. (Вероятно, от имени апостола Андрея; ср. название месяца в кар.-балк. календаре – *Эндреюкъ ай* «месяц (св.) Андрея»).
12. Аркъаутае *Аркаевы*. (От кар.-балк. *аркъау* «балка, перекладина, коньковый брус»; нарекая таким именем, желали, чтобы он играл в жизни семьи такую же важную роль, как и перекладина в каркасе дома).
13. Астантае *Астановы*. (В кар.-балк. нартском эпосе – *Астал*, *Астан*, первый земледелец; скорее всего, от *аста* (*н*) «осторожный»).
14. Атайтае *Атаевы* - Атай-лары *Атаевы* (от *атай* «дед, батюшка»).
15. АЕбатае *Абаевы* - Абайлары *Абаевы*. (Тюрк. *абай* – «молодец, удалец»).
26. АЕнгъаедатае *Ангадаевы*. (От кар.-балк. *ангы тау*, букв. «гора ума»; ср. синон. *акъыл тебе* «холм ума» = «многоумный»)?

Б

1. Багъаератае *Баграевы*. (От кар.-балк. *багъыр* «медь, медный» + афф. -*ай*)?
2. Баделиатае *Баделиаевы* - Бадал-лары *Бадаловы*. (И у дигорцев, и у балкарцев Черекского ущелья существует предание о происхождении их княжеских фамилий от двух братьев, прибывших из города Маджар – Бадила и Басила (у дигорцев), Бадината и Басията (у балкарцев). Возможно, это одна из эпонимических легенд, в которых народ возводит свое (или своих правителей) происхождение к некоей легендарной личности, чье имя представляет собой название какого-либо племени. Не исключено, что речь идет о

бадинах, будинах (печенегях) и *басилах-барсилах*.

3. Базийтае *Базиевы* - *Базы-лары Базиевы* (от кар.-балк. *база, базы* «сильный, уверенный»).

4. Байсонгуртае *Байсонгуровы*. (От кар.-балк. *бай* «бог, божий» и *сонкур, шунгар* «кречет»).

5. Байтае *Баевы* – *Бай-лары Баевы*. (Кар.-балк. *бай* «богач, богатый»).

6. Байхьултае *Байкуловы* - *Байхьул-лары Байкуловы*. (Кар.-балк. *байхьул* «божий раб»).

7. Байцатае *Байцаевы* - *Байсы-лары Байсиевы*. (От кар.-балк. *байцы, байца* (*байчы, байча*) - название разряда тенгрианских служителей культа, исполнителей религиозных песнопений).

8. Басилтае *Басиловы* - *Бисил-лары Бисиловы*. (Вероятно, от тюрк. этнонима *баши* иль - названия аланского племени; ср. топоним *Башиль* в Балкарии).

9. Басийтае *Басиевы* - *Баший-лары Башиевы*. (Произв. от *баши* «голова» - «головастый, сообразительный». Возможно, впрочем, что фамилия происходит от этнонима *басил* (восходящему к *барсил*), и звучала как *Башил-лары*; произошла замена *лл* на *й*).

10. Батаертае *Батыровы* - *Батыр-лары Батыровы*. (От кар.-балк. титула *батыр* «витязь»; в качестве приставки к своему имени титул имели право носить только исключительно подготовленные и отважные воины).

11. Батойтае *Батоевы* - *Батты-лары Баттыевы*, *Ботта-лары Боттаевы*, *Баттуу-лары Батуевы*. (Возможно, от ум.-ласк. *бутта, ботта* «волчонок», *бут, бот, боз* «серый, волк»).

12. Баелаеутае *Балаовы*. (От кар.-балк. *балакъ* «стопа» (с закономерным переходом конечного *КЪ* в *У*)?

13. Баелотае *Балоевы* - *Бала-лары Балаевы*. (От кар.-балк. *бала* «дитя, малыш»; бытовало и личное имя Бала).

14. Баетмантае *Батмановы*. (От кар.-балк. имени *Батман* «улей»); также *батман* - мера веса (20 кг).

15. Бебилтае *Бебиловы*. (От кар.-балк. *бийбил* «знающий бога, верующий»)?

16. Бегкатае *Бегкаевы* - *Бекка-лары Беккаевы*. (От кар.-балк. *бек* феодальный титул; также - «сильный, прочный, волевой» + аффикс *-ка*).

17. Бегкийтае *Бегкиевы* - *Бекки-лары Беккиевы*. (От той же основы, но с другим аффиксом).

18. Бекмаерзтае *Бекмурзовы*. (Тюрк. имя, образ. механическим соединением двух феодальных титулов: *бек+мурза*).

19. Бекхуртае *Бекуровы*. (От кар.-балк. *бек ур* «сильно ударяющий, разящий»)?

20. Беппийтае *Бептыевы* - *Беппа-лары Беппаевы*. (Возможно, от кар.-балк. *бек-бий* «сильный князь»; но если балк. фамилию произнести по-другому (*Беппай-лары*), можно думать, что имя основателя рода было *Бекбай* «очень богатый». Феодальные титулы *хан, солтан, мурза* и пр. играли роль имяобраз. элемента часто (но не всегда).

21. Берийтае *Бериевы*. (Возм., от кар.-балк. *бёрю* «волк»; ср. кар.-балк. фамилию *Бёрюка-лары Бёрюкаевы*, в котором основа означает «волчара»).

22. Бизаертае *Бязровы* - *Биязир-лары Биязировы*. (От кар.-балк. имени *Биязир*; *бий ас эр* «муж из княжеского рода»).

23. Битутае *Битуевы* - *Биттуу-лары Биттуевы*. (Кар.-балк. *бийтуу* «рожденный князем»).

24. Битаеае *Битиевы* - *Бытта-лары Быттаевы*.

25. Бицентае *Биценовы*. (Легче всего было бы произвести фамилию от кар.-балк. *бицен* (бичен) «сено, сенный», но это, скорее всего, ложный путь. В тюрк. мифологии *бицен, пицен* – некие лесные существа, маленького роста, но обладающие большой силой и сметкой (нечто вроде гномов).

26. Бичегкутае *Бичегкуевы* - Бийчёкку-лары *Бичеккуевы*. (От кар.-балк. имени *бий* «бог, божий; князь, княжеский» + *чёкку, чокка*, усеченное *чёкан, чакан, чаккай, шахан* «сокол»).
27. Бичилтае *Бичиловы* - Бечел—лары *Бичеловы*. (Кар.-балк. *бечел* «неумелый; бездеятельный»; имена с такой семантикой давались детям, чтобы отвадить от них злых духов. Выше приводилась кар.-балк. фамилия Бисил-лары *Бисиловы*).
28. Бозуртае *Бозровы*. (Возможно, от кар.-балк. *буз ур* «градобой» - если мальчик родился во время градобития).
29. Болаеттае *Болатовы* - Болат-лары *Болатовы*. (От кар.-балк. имени *Болат* «булат, булатный»).
30. Боллотае *Боллоевы* - Боллу-лары *Боллуевы*. (От кар.-балк. имени *Боллу* «обладающий возможностью, пруспевающий, деятельный»; *бол* - «быть в силах, мочь»).
31. Будаитае *Будаевы* - Будай-лары *Будаевы*. (От кар.-балк. *будай* «пшеница, пшеничный». Или от *бутахъ, будагъ* «ветвь, отрасль». Или от *буд* «волк»).
32. Бузарттае *Бузаровы*. (От кар.-балк. *бузар* «сокрушающий, сокрушитель»).
33. Бузойтае *Бузовы*. (Кар.-балк. *буз* сокрушать, ломать, *ой* разрушать; но это, скорее всего, ложное объяснение. Более вероятно от *боз, буз, буд* «серый» (табуированное название волка) + *окъ* «род» (как уже говорилось, появление *Й* в тюрк. яз. – явление позднее) = «волчий род»).
34. Биасттае *Бясовы*. (Кар.-балк. *бий ас* – «княжеский (властвующий) род»).

Г

1. Габеттае *Габеевы* - Габа-лары *Габаетовы*, Габо-лары *Габоевы*. (Значение личного имени *Габа, Габо* неясно).
2. Гаппайтае *Гаппаевы* - Гаппо-лары *Гаппоевы*, Гуппо-лары *Гуппоевы*. (Значение имен *Гаппо, Гуппо* неясно).
3. Гагкайтае *Гагкаевы* - Гапкай-лары *Гапкаевы*. (Неясно; от *гокка* «цветок»? Ср. также кумык. название Владикавказа – *Капкай*).
4. Гагкойтае *Гагкоевы*. (От кар.-балк. *гокка* «цветок»?).
5. Гагозтае *Гагозовы*. (От кар.-балк. *Кёккёз*, в черек. диал. *Коккоз* «синеглазый»?).
6. Гагуатае *Гагуаевы* - Гагу-лары *Гагуевы* (*гагу* «ягода», детское слово).
7. Гадатае *Гадаевы* - Гата-лары *Гатаевы*. (Кар.-балк. *гыты* восходит к *гата*: «кладовая; хижина, лачуга»).
8. Галеуттае *Галеовы*. (От кар.-балк. *гелеу* «типчак»?).
9. Гаебаейрайтае *Габайраевы* - Габара-лары *Габараевы*. (Кар.-балк. *габара* «куртка»?).
10. Гаебуйтае *Габуевы* - Габу-лары *Габуевы* (*габу* «мох»).
11. Гаевдунтае *Гавдиновы* - Гудин-лары *Гудиновы*. Неясно.
17. Гаедзауттае *Гадзаовы* - Гежау-лары *Гежаевы*, Гаджа-лары *Гаджаевы*. Неясно.
12. Гаезаеута *Газаовы* - Газа-лары *Газаевы*. Неясно.
13. Гаезаенттае *Газановы* - Газон-лары (Гажон-лары) *Газановы* (*Гажоновы*). Неясно.
14. Галаеуттае *Галаовы* - Гала-лары *Галаевы* (*галау* «калач, хлебец»).
15. Гаематае *Гамаевы* - Гамма-лары *Гаммаевы* (*гамма, гымма* «горный удавчик»; ср. поговорку *гамма галдыуну буугъанлай* «задушил, как удавчик крысу»).
16. Гаетагтае *Гатаговы* - Гатау-лары *Гатаевы*. Неясно.
17. Гаетдзитае *Гатдзиевы* - Гаджи-лары *Гаджиевы* (от личного имени *Гаджи*, распространенного в Дагестане, от *хаджи* «паломник»).
18. Гаетийтае *Гатиевы* - Гадий-лары *Гадиевы* (*гадий* – вид тополя).
19. Гегатае *Гегаевы* - Гегра-лары *Геграевы* (с выпадением *Р*)? Неясно.
20. Гегкийтае *Гегкиевы* - Гекки-лары *Геккиевы* (от имени собств. *Гекки*; в кар.-балк. фольклоре есть и песня о Гекки Аттоеве. Значение имени неясно).
21. Гетойтае *Гетоевы* - Геду-лары *Гедуевы*, Гыттуу-лары *Геттуевы*. Неясно.

22. Глазтае *Глазовы (Галазовы)* - Глаш-лары *Глашевы*. Неясно.
23. Гобайтае *Гобаевы* - Гобак-лары *Гобаковы*.
24. Гобетае *Гобеевы* - Гобу-лары *Гобуевы*.
25. Гогатае *Гогавы* - Гогуй-лары *Гогуевы*. (От тюрк. *гогун* «рослый, крупный»).
26. Годзойтае *Годзоевы* - Гузой-лары *Гузоевы*.
27. Гурдзибетае *Гурдзибеевы*. (Дигор.-тюрк. *гурдзи* «грузин, грузинский» + *бий* «князь»).
28. Гъаергинте *Каргиновы* - Гарга-лары *Гаргаевы*.

Д

1. Дадтетае *Дадтеевы* - Татта-лары *Таттаевы*.
2. Дамбегтае *Дамбеговы*. (Кар.-балк. *дам* «подношение, угощение», *бек* «сильный, прочный; очень»; имя *Дамыбек* означает «щедро угощающий, хлебосол»).
3. Дашитае *Дашиевы* - Дачи-лары *Дачиевы*, Датчи-лары *Датчиевы*.
6. Диготае *Дигоевы* - Дуго-лары *Дугоевы*.

Дз

(соответствует начальным ДЖ, Ж, З в кар.-балк. фам. именах)

1. Дзайтае *Дзабаевы* - Джаба-лары *Джабаевы*, Джауба-лары *Джаубаевы*, Жабо-лары *Жабоевы*.
3. Дзалатае *Дзалаевы* - Жола-лары *Жолаевы*.
4. Дзанкъиста *Дзанкисовы*. (Занкиши-лары – *Занкишиевы*; *зан-киши (жанг-киши)* – разряд воинов-дружинников, букв. «военный мужчина», синоним *джёнгер, джангар, нёгер, нукер*).
5. Дзансолтае *Дзансоловы*. (От тюрк. имени *Джансолут* «дающий душе покой»).
6. Дзарастае *Дзарасовы* - Зараш-лары *Зарашевы*. (От кар.-балк. имени *жараши, зараши* «примиряющийся, мирный»).
7. Дзарасутае *Дзарасуевы* - Жарашуу-лары *Жарашуевы* (*жарашуу, жарашуу* «примирение»).
8. Дзаегойтае *Дзагоевы*. (Ср. кар.-балк. имена *Джаго* или *Джагъа* «берег, береговой»).
9. Дзаеукъатае *Дзаукаевы*. (От кар.-балк. *чаука* «галка?»).
10. Дзодзатае *Дзодзаевы* - Чотча-лары *Чотчаевы*?
11. Дзугутае *Дзугуевы* - Зугул-лары *Зугуловы*.

Е

1. Етдзатае *Етдзаевы* - Этце-лары *Этцеевы*?
2. Езетае *Езеевы* Юзе-лары *Узеевы*, от имени собств. *Юзе* (сокр. араб. *Узайр, Узеир*; ср. также *Эзи-лары Эзиевы*).
3. Елетае *Елеевы*. (М. б., родственно кар.-балк. *Эней-лары Энеевы*).
4. Елбийтае *Елбиевы* - Элбай-лары *Элбаевы*; от кар.-балк. *эль* «селение; народ», и *бий* «господин, правитель, князь» = «правитель селения (или народа)»; *бай* «богатый, богач»).
5. Елджартае *Эльджаровы*. (От *эль* и *джар*, букв. «свет народа», означает «обращающий на себя внимание народа»).

З

1. Заегаелтае *Загаловы*. (От кар.-балк. имени *Загъа, Жагъа* «берег, береговой?»).
2. Зехъетае *Зекеевы*. (От кар.-балк. имени *Зеке*, сокр. араб. *Зекерия*).
3. Зохъотае *Зокоевы* - Зока-лары *Зокаевы*.

К

1. Кертибийтае *Кертибиевы*. (От кар.-балк. имени *Кертибий* «истинный князь»).
2. Кобегкатае *Кобегкаевы* - Кёбек-лары *Кубековы* (от кар.-балк. *кюбе(к)* – «панцырь, латы»; или от тюрк. *кёбек, кобяк* «собака»).

Къ

1. Къодотае *Кодоевы* - Къудай-лары *Кудавы*. (Тюрк. *къудай* – «бог, божество,

божественный»).

2. Къолотае *Колоевы* - Голой-лары *Голоевы*, Глоу-лары *Глоевы*.

3. Къостантае *Костановы*. (От кар.-балк. *кошит*, *коштан* «поросенок?»).

4. Къобалтае *Кубаловы* - Къоба-лары *Кобаевы*, Къобан-лары *Кубановы* (от *Къобан* «большая река; Кубань»).

5. Къулитаете *Кулиевы* - Къулий-лары *Кулиевы*.

Л

1. Лагкутае *Лагкуевы* - Локия-лары *Локияевы*.

2. Легкойтае *Легкоевы* – Элекку-лары *Элеккуевы*.

М

1. Магатае *Магаевы* - Магая-лары *Магаевы*.

2. Магкатае *Магкаевы* - Макка-лары *Маккаевы*.

3. Магкитае *Магкиевы* - Махий-лары *Махиевы*.

4. Малитае *Малиевы* - Мания-лары *Манияевы*?

5. Маматае *Мамаевы* - Мамай-лары *Мамаевы*.

6. Мамукъатае *Мамукаевы* - Мамуко-лары *Мамукоевы* (от кар.-балк. ум.-ласк. *мамука* «волчишка»).

7. Махъотае *Макоевы* - Мокъа-лары *Мокаевы*.

8. Маерзатае *Марзаевы* - Мырза-лары *Мирзаевы*.

9. Маерзойтае *Марзоевы* - Мырзо-лары *Мирзоевы*, Мурза-лары *Мурзаевы*.

10. Маерзахъултае *Марзакуловы*. (От кар.-балк. имени *Мырза+къул* «слуга мурзы», «служащий мурзе»).

11. Миндзайтае *Миндзаевы*. (Возможно, от кар.-балк. *минзал*, *минжал* «хвоя, хвойный». Ср. также *Мыза-лары Мызаевы*).

12. Мистултае *Мистуловы*. (От кар.-балк. *мыстылы* «имеющий вкус», в переносном смысле «имеющий суть, значительный?»).

13. Митцитаете *Митчиевы* – Мечи-лары *Мечиевы*.

14. Мулдзугкатае *Мулдзугкаевы*. (Осет. «мылдзыг» «муравей». Это усечение кар.-балк. *гумулжук* «муравей», от *къумур*, *къумурсха* «насекомое» + уменьш. аффикс –*чук*, *жук*).

15. Мулукатае *Мулукаевы* - Мелекай-лары *Мелекаевы*, Мелюха-лары *Мелюхаевы*.

Н

1. Нафитае *Нафиевы* - Непе-лары *Непеевы*?

О

1. Озитае *Озиевы* - Эзи-лары *Эзиевы* (Кар.-балк. *ёз* «сам, свой»)..

2. Олиатае *Олиевы*. (От кар.-балк. титула *олий* «старший князь», употребляется и в качестве личного имени. Или от *элия* «молния?»).

3. Ортабайтае *Ортабаевы* - Ортабай-лары *Ортабаевы*, от *орта* «срединный, средний, центр, центральный» + *бай*).

С

1. Сабайтае *Сабаеты*. (От кар.-балк. *субай* «стройный?»).

2. Сагетае *Сегеевы* - Сога-лары *Согаевы*.

3. Салаегатае *Салагаевы*. (От кар.-балк. *солакъай* «левша?»).

4. Салхъазантае *Салказановы*. (От кар.-балк. *сау* «полный, целый» и *къазан* «котел», т. е. «живущий в достатке»).

5. Сарахъатае *Саракаевы* - Сарака-лары *Саракаевы*. (От кар.-балк. *сарыкай* «белобрысый, светловолосый». Ср. также Саракку-лары *Сараккуевы*).

8. Сабантае *Сабановы*. (От кар.-балк. *сабан* «пашня, нива»).

9. Саукуйтае *Савкуевы* - Сауку-лары *Савкуевы* (от кар.-балк. *сау* «живой, целый, невредимый» + аффикс –*ку*?).

10. Синайтае *Синаевы*. (От кар.-балк. *сынау* «испытание?»).
11. Синдиртае *Синдиловы*. (От кар.-балк. *сингдир* «заставляющий впитывать», в перен. смысле – «умеющий внушать, убеждать»; но *сындыр* «ломающий, сокрушающий»; ср. также *сингир* «жила, жилистый»).
12. Созайтае *Созаевы* - Созай-лары *Созаевы* (от *созай* «долговязый, высокий»).
13. Сосрантае *Сосрановы* - Сосуран-лары *Сосрановы* (от кар.-балк. имени *Сосуран*, из суыз «приречный» + *уран* (*ургъан*) «жалящий» - табуированное название змеи (змея)).

Т

1. Тагъатае *Тагаевы* - Тогъай-лары *Тогаевы* (от *тогъай* «кольцо, круг»).
2. Таймазтае *Таймазовы* - Таймаз-лары *Таймазовы* (от кар.-балк. *таймаз* «не сворачивающий (с пути), непоколебимый»).
3. Таматае *Тамаевы* - Тама-лары *Тамаевы*.
4. Тауаситае *Тавасиевы*. (От кар.-балк. имени *Тауас* «горный ас», ср. другое имя, *Таулан*, от *тауалан* «горный алан»).
5. Тауиттае *Тавитовы*. (От кар.-балк. *тау ит* «горская собака», кавказская овчарка?).
6. Тегатае *Тегаеты* - Тека-лары *Текаевы*, Тика-лары *Тикаевы*.
7. Тедтойтае *Тедтоевы* - Тетуу-лары *Тетуевы*.
8. Текъятае *Текиевы* - Теке-лары *Текеевы* (от имени собств. *Теке* «козел»).
9. Текъойтае *Текоевы* - Теку-лары *Текуевы*.
10. Темиратае *Темираевы*.
11. Темуртае *Темировы* - Темир-лары *Темировы*. (Как и предыдущая фамилия, от кар.-балк. имени *Темир* «железо, железный»).
12. Тепсихъотае *Тепсикоевы*. (Возможно, от кар.-балк. термина *тепси* «столик-трехножка». Или от *тепсукъ* «приплясывать» - о коне).
13. Тинатае *Тинаевы* - Дина-лары *Динаевы*. (От кар.-балк. *тын*, *тына* «спокойный, уравновешенный?»).
14. Тобойтае *Тобоевы* - Тебу-лары *Тебуевы*?
15. Тогойтае *Тогоевы* - Токай-лары *Токаевы*.
16. Тохъайтае *Токаевы* - Тоха-лары *Тохаевы*, Токай-лары *Токаевы* (*тохай* «валушок»).
17. Туатае *Туаевы*. (От кар.-балк. *туай* «близкий родич»).
18. Туаллаегтае *Туаллаговы* - Таулу-лары *Таулуевы* (от кар.-балк. *таулу* «горец»).
19. Тубетае *Тубеевы* - Тюбе-лары *Тюбеевы*.
20. Туйгъантае *Тугановы*. (От кар.-балк. *тойгъан* «сытый, насытившийся» или *туугъан* «родившийся», обычно составляющем вторую часть имени; или огузское *доган* «сокол»).
30. Тургийтае *Тургиевы*. (От кар.-балк. *тюргю* «долото?»).

У

1. Узагтае *Вазаговы* - Узек-лары *Узиковы*.
2. Ужегтае *Ужеговы*. (От кар.-балк. *ожакъ* «очаг?»).

Х

1. Хатъатае *Хатаевы* - Хатыу-лары *Хатуевы*?
2. Хаматае *Хамаевы* - Хамма-лары *Хаммаевы*.
3. Хачиртае *Хачиловы* - Хачир-лары *Хачиловы* (от *хачир*, *ачир*, *ажир* «жеребец»).
4. Хацъатае *Хацаевы* - Хаца-лары *Хацаевы* (*Хачаевы*).
5. Хаемицатае *Хамицаевы* - Хабыча-лары *Хапчаевы*, Хабицлары *Хабичевы*.
6. Хортитае *Хортиевы* - Курта-лары *Куртаевы*, Хурталары *Хуртаевы*.
7. Хубатае *Хубаевы* - Къуба-лары *Кубаевы* (от кар.-балк. *къуба* «большой, крупный»).
8. Хутаета *Хутаевы* - Гута-лары *Гутаевы*, Хуту-лары *Хутуевы*.
9. Хъабантае *Кабановы*. (От кар.-балк. *къабан* «кабан»).
10. Хъаиртае *Каиловы* - Къайыр-лары *Каиловы*. (От кар.-балк. *къайыр* «ограждать,

защищать»; ср. *къайырбек* «телохранитель»).

11. Хъзахтае *Казаховы* - Къзакъ-лары *Казаковы*. (От кар.-балк. имени собств. *Къзакъ* «рядовой воин; матерый (о волке)»).

12. Хъзбектае *Казбековы*. (От тюрк. *къазийбек* «глава (отряда) газиев», воинов за веру).

13. Хъалабектае *Калабековы* - Къалабек-лары *Калабековы* (кар.-балк. *къалабек* «страж крепости», «воин, служащий в гарнизоне»).

14. Хъантемуртае *Кантемировы* - Къантемир-лары *Кантемировы*. (От кар.-балк. *къаны темир* «имеющий железную кровь»).

15. Хъанухътае *Кануковы*. (От кар.-балк. *хан окъ* «ханского рода»).

16. Хъарабугътае *Карабугаевы*. (От кар.-балк. *къара бугъа* «черный (могучий) бык»).

17. Хъарадзаутае *Караджаевы*. (От кар.-балк. *къара джан* «черная (могучая) душа». Имя *Къараджау* в недавнем прошлом являлось у карачаево-балкарцев обычным).

18. Хъарцатае *Карцаевы* - Къарца-лары (Къарчалары) *Къарцаевы* (Карчаевы). (От имени *Къарча* «ястреб», арх. вариант совр. слова *къартчыгъа*, *къыртчыгъа*).

19. Хъаерагъаестеае *Карагасовы*. (От тюрк. *къаракъаиш* «чернобровый»; или от *къарагъач* «карагач, вяз»).

20. Хъозитае *Кожиевы* - Хоза-лары *Хозаевы*?

21. Хъодзастае *Кодзасовы* - Коджаш-лары Коджашевы.

22. Хъойбайтае *Койбаевы* - Къойбай-лары *Койбаевы* (от кар.-балк. *къоюбай* «богатый овцами»).

23. Хъубадтае *Кубатиевы* Къубадий-лары *Кубадиевы* (имя *Къубадий* – от *къуба* «крупный, рослый»).

24. Хъулатае *Кулаевы* - Хола-лары *Холаевы* (*гола, хола* «утес»).

25. Хъулчитае *Кульчиевы* - Къулча-лары *Кульчаевы*, Къулчу-лары. (Первая фамилия от *къулча* «бутуз»).

Ц

1. Цагътае *Цагаевы*. (От кар.-балк. *цага, чага* «тяпка, мотыга?»).

2. Цакъотае *Цакоевы* - Цако-лары *Цакоевы*.

3. Цагаератае *Цагараевы* - Чагъар-лары *Чагаровы* (от кар.-балк. *чагъар* (*цагъар*) «расцветающий»; или *чыгъар ай* «восходящий месяц»).

4. Цаеллатае *Цаллаевы*. (От кар.-балк. *цал, чал* «седой?»).

5. Цаератае *Цараевы* - Цора-лары Цораевы, Чора-лары *Чораевы* (*цора, чора* – один из 7 воинских разрядов у средневековых карачаево-балкарцев).

6. Цаеукътае *Цавкаевы*. (От кар.-балк. *цаука, чаука* «галка»).

7. Цомартатае *Цомартовы* - Чомарт-лары *Чомартовы* (от *чомарт* «щедрый, щедрец»).

8. Цопантае *Цопановы* - Цофан-лары (Чофан-лары) *Цофановы* (Чофановы). (Тюрк. *чопан, чофан, чабан* – «овчар»).

Ч

1. Чегатае Чегаеты - Чекка-лары *Чеккаевы*, Чекку-лары *Чеккуевы*.

2. Чегемтае *Чегемовы*. (Вероятно, от названия реки и ущелья в Балкарии – *Чегем*: *чек кем* «пограничная река, межевая река»).

3. Чибитае *Чибиевы*. (Возможно, от кар.-балк. *чибий* «козленок»; слово имеет и другое значение – «вороватый, нечистый на руку»).

Всего в списке приведено 340 дигорских фамильных имен, из них с карачаево-балкарскими идентичны или имеют объяснение на основе карачаево-балкарского 225, т. е. две трети. Автор не думает, что все его сближения и объяснения верны, но все же полагает, что подавляющее большинство их вполне правомерно.

Наибольшее число дигорских фамильных имен начинается на следующие буквы: Г

(48), Б (43), Т (32), Хъ, Х (50), С (22), А (21), М (21), Дз (21), Ц (21). Примерно такая же картина и в списке кар.-балк. фамилий. С другой стороны, в дигорском списке начинаются на В, И, Р – 1, на П – 2, на Ф – 3, на Л – 4, на У – 6. Ср. в списке кар.-балк. фамилий, соответственно: на В – 0, на И – 5, на П – 1, на Р – 4, на Ф – 2, на Л – 4, на У – 8. Звук Ф в осет. яз. в начале слова встречается очень часто, в литературном кар.-балк. – только в заимствованиях из совр. русск. Но в перечнях фамилий – что дигорских, что всех осетинских – фамилий на Ф почему-то очень мало.

Дигорцы граничат с Черекским ущельем Балкарии и можно было ожидать, что большое число идентичных фамильных имен объясняется тесными контактами между жителями этих районов. Но совпадения достаточно равномерно распределяются по всей территории расселения балкарцев и карачаевцев. Нам, к сожалению, неизвестно общее число всех осет. фамилий, наверное, их насчитывается не более 2 тысяч. Следует вспомнить, что исконных фамилий в Дигории после эпидемии чумы в первом десятилетии XIX в. оставалось мало; ее территория заселялась выходцами из других обществ Осетии, говоривших на иронском диалекте, и вряд ли они меняли свои фамилии. В таком случае, наш анализ дает поразительный результат: 310 иронских и 225 дигорских фамилий идентичны кар.-балк. (тюркским) или находят объяснение на почве кар.-балк. языка (**535 единиц**, т. е. более четверти).

ТАГАУРЦЫ

По легенде, основателем Тагаурского общества считается некий *Таг*; поссорившись со своим братом *Курта*, он, с двумя сыновьями, которых звали *Камбий* и *Тотик*, ушел на новые места. От Камбия произошли три колена тагаурцев – *Тулат*, *Алдат*, *Знаур*. Феодалных фамилий, возводивших свое происхождение к Тагу, насчитывалось 11; их называли *уаздан тагиата* (*уаздан*, от кар.-балк. *ёзден* – «самостоятельный»); *тагиата* «потомки Тага». В. И. Абаев пишет: «*Тагиатае* – название высшего сословия в Кобанском и прилегающих ущельях Осетии, «тагаурцы». И, далее: «Образовано по типу фамильных названий на *-а-тае* (ср. *Дудар-а-тае*, *Мамсыр-а-тае* и т. п.) от имени легендарного родоначальника *Таега*: *Таегиатае* – стяжение из *Таегайатае*, как *фалиау* из *фалагау* и т. п. Балкарцы называют всех осетин-иронцев *тегей*, *тегейли* «тагаурцами» в отличие от *дюгер* «дигорцев». «Сюда же груз. *тагаури* «тагаурский», «тагаурец» (с формантом *-ур*, как *оссури* «осетинский», *сомхури* «армянский» и т. п.). Из грузинского – русск. *тагаурцы*; неоднократно упоминаются в русских исторических документах первой половины XIX в.» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 3, с. 253).

Здесь допущен целый ряд ошибок и умолчаний. Вопреки мнению В. И. Абаева, балкарцы не именуют осетин *тегей*, такое название до недавнего времени им вообще не было известно. *Тегейли* – так называют осетин не балкарцы, их ближайшие соседи, а как раз карачаевцы, живущие далеко на западе; при этом карачаевцы знают и отличают дигорцев от остальных осетин (например, в народной песне об абреке Канамате упоминается его друг, дигорец Азнор). По сей день, когда карачаевцы в разговоре упоминают этноним «тегейли», многие балкарцы удивляются: «А это кто такие?»; для балкарцев вся Осетия – *Дюгер* «Дигория», а все осетины – *дюгерлиле* «дигорцы». Непонятно и то, с какой стати нужно возводить карач. *тегей* к *тагиата*, осет. названию высших сословий лишь «Кобанского и прилегающих ущелий Осетии». Если бы данный этноним был заимствованием из осет., он принял бы в кар.-балк. яз. форму *тагият*, мн. ч. *тагиятла*, но не *тегей* (ср. *Басият* «предок князей Черекского ущелья» – мн. ч. *басиятла* «князья»).

Удовлетворительного объяснения этнониму *тагаур* осетиноведы так и не нашли;

возведение его к груз. форме *тагаури* неубедительно, поскольку неясна основа *таг*. Может последовать возражение: грузины выделили именно это колено осетин, поскольку оно было знатным. Тогда нет ответа на три других вопроса. Почему в грузинских источниках (Вахушти Багратиони) Балкарию называют *Басиани* (очевидно, от названия племени барсилов-басилов), а не *Басианури*? Но так (*басианури*) назывался у грузин танец (в переводе – «балкарский танец», «по-балкарски»), а не народ или территория. К тому же *тагаури* в грузинском означает «тагаурский», точнее, «*тагский*» или «тагайский», что мало подходит этнониму. Неясно и то, почему русские чиновники и ученые, а также и иностранные путешественники, не зная грузин. яз., должны были записать осет. *тагиата* как грузин. *тагаур*. Г.-Ю. Клапрот писал: «Осетины племени тагате, которых грузины называют тагаури, а черкесы тегеи, живут в верховьях Кизил и Гиналдон» (ОГРИП, с. 308).

Приведем данные из сборника «Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII – XIX вв.)». Нужно сказать, что временные рамки в названии книги обозначены неверно, поскольку впервые этноним *осс* встречается только в дневнике путешествия дворянина Шардена (издан в 1711 г.), а затем, 70 лет спустя – у русского полковника Штедера (1781 год). «Я продолжил свой путь на юг к Казибеку. Дорога шла по левому берегу Терека и через 6 верст привела к Ларсу. Жители находятся под властью Ларса; они подчиняются Ахмету и называются тагаурцы» (ОГРИП, с. 27). Но почему Штедер именует это племя по-грузински, если до этого он объездил изрядную часть Осетии и везде приводит топонимы в осет. транскрипции? Он же пишет, далее: «Селение Дур-Дур в полуверсте от предгорий считается за бадилатской фамилией Таговер, которая состоит сейчас из семи братьев» (ОГРИП, с. 51).

Примечание В. И. Абаева: «Шегрен, а вслед за ним Хюбшман и Залеман также применяли термин *тагаурский* в значении «иронский». Все это маловероятно, и некоторые языковеды пытались найти иное решение, о чем В. И. Абаев говорит: «Грузинская форма *тагаур*- соблазнила некоторых авторов на сближение с арм. *тагавор* «венценосец», что, разумеется, лишено всякого основания» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 3, с. 253). Первым из «соблазнившихся», вероятно, был Якоб Рейнеггс (1796 г.): «Племя такаур, или «владельческие» - это название взято от армянского слова «такаур» - разделилось на три главных ветви, именно Айрак, Тарс и Ахмед».

Удивляет то, что названия двух ветвей племени «армянского происхождения» произведены от араб. и тюрк. имен: *айракъ*, *айрах* – кар.-балк. «дознавать, исследовать, анализировать», откуда и *айрахчи* «доказчик, следователь» (в традиционном судопроизводстве карачаево-балкарцев). Отметим, что уже Рейнеггс фиксирует отсутствие у осетин своего названия для Терека, на котором «осетино-аланы» живут 2000 лет, но почему-то «называемого здесь Тирки» - у тагаурцев-ахмедовцев (ОГРИП, с. 95).

Непомерно большое количество тюркизмов в осет. языке (в том числе и в ономастике, и в топонимике) заставляет подозревать, что и здесь мы наткнулись на тюркский след. Вполне возможно, что *тагаур* - это почти не изменившееся *таг авар* – «горные авары», часть гунно-аваров, создателей каганата в Центральной Европе. Их долгое присутствие на Северном Кавказе не вызывает сомнения; к сожалению, на этом вопросе мы останавливаться не можем, укажем только на топонимы в Приэльбрусье – *Ауар сырт* «Аварское нагорье», есть там и местность *Хунгурту*, от *хун гурту* «гуннское поселение»; авары упоминаются и в осет. эпосе, и в кар.-балк. – на дочери аварского хана (*ауар хан*) женится богатырь Хмыч (она стала матерью нарта Батыраза). По дигорской легенде, родоначальник дигорских князей *Бадыл* являлся выходцем из народа аваров (см. выше).

Древние этнонимы обычно превращаются в сознании народа в имена легендарных родоначальников, при этом часто деформируясь или расчлняясь. У Тага, по легенде, был

брат Курта (или Курт); тюрк. *кърт*, *кьорт*, наряду с *къаскъыр*, *бори*, *бури*, *бёрю*, *боз*, *бод*, *буд*, является одним из названий волка. Это наводит на мысль о присутствии на нынешней территории Осетии и части племени печенегов – *буджигин*, *бозжигин*, *боржигин* «волчья стая» (варианты: *будин*, *буджене*, *биджене*, *бажанак*, *бёдене*, *ведене* и пр.); синонимом этого названия могло быть *кърт огур* «волчье племя», «племя волка» - отсюда, вероятно, и известный из византийских источников народ *кутургуры*, *кутаргары*, колено печенегов (что напоминает имена братьев из легенды – *Курта* и *Таг*; этот же этноним, вероятно, искажился в осет. яз. в *куртаг*, *куырттат*, название жителей одного из ущелий).

Не менее убедительным нам представляется и другое объяснение. Территория расселения тагаурцев – горы; имя родоначальника – Таг. Общетюрк. слово *таг* «гора» имеет несколько вариантов – *даг*, *тав*, *тау*, *тай*. Отсюда нетрудно прийти к заключению, что *тагаур* – тюрк. *тав огур* «горное племя», «горный народ» (*таг огур* закономерно изменилось бы в *тавагур* – *тагавур* - *тагаур*). Иными словами, оно примыкает к одному из самоназваний карачаево-балкарцев – *таулу* «горец», как, возможно, и другое племенное название – *дыгур*, *дигор*, *дюгер*: тюрк. *даг эр*, *дагер* «горский человек, горец» изменилось в осет. в *дыгур*, в кар.-балк. – в *дугер*, *дюгер*.

Добавим и другое. Жили тагаурцы на реке, именуемой *Кизил* (по Гюльденштедту), совр. *Гизельдон*, от тюрк. *гюзель*, *гёзель* «красивая». Или, читаем у классика ирановедения: «*илци*, *елци* «плата, которую получали тагаурцы за охрану пути по Военно-Грузинской дороге в начале XIX столетия. – Из тюрк. *ялчи* «правитель», «уполномоченный», «посланник», собственно «правительственная (плата)» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 1, с. 543). Рядом с Военно-Грузинской дорогой никаких тюрков, которые могли бы навязать очередной термин жившим на гребне Кавказа тагаурцам, не было. Откуда же он взялся? Оттуда же, откуда и остальные факты того же рода: тагаурцы изначально были тюрками, соплеменниками карачаево-балкарцев. В стародавние времена они, вероятно, господствовали на определенной территории, почему и считались коленом аристократическим, сумев сохранить свой статус и после прихода ираноязычных осетин-иронцев.

К цитате из старинной песни: «...идут тагаурцы, идут Биаслановы (в количестве) дважды двенадцати», В. И. Абаев сделал примечание: «Биаслановыми осетины называли высшее сословие у своих западных соседей, балкарцев» (Абаев, ИЭСОЯ, т. 3, с. 253). Поскольку родоначальник балкарских князей по имени *Бияслан* неизвестен, то, скорее всего, речь идет о кар.-балк. *бий асла* «княжеские рода», осмысленном осетинами как популярное имя *Бийаслан* «князь-лев». Разумеется, балкарские аристократы могли выступать в походы и набеги вместе с тагаурцами, но более вероятно, что в этой песне (текст которой, к сожалению, нам недоступен) говорится о самих тагаурцах, относившихся к сословию *бий ас* «княжеский род»; т. е. строку следует понимать так: «...идут тагаурцы, идут (представители) княжеских родов».

Если наши выводы верны, то им должны найтись подтверждения. Рассмотрим тагаурские имена и фамилии, упоминаемые в легенде.

Камбий – вероятно, обычное тюрк. имя *Ханбий* «властительный князь» (ср. частое в мифологических текстах именование Бога-Творца – *Хан Тейри* «властительный Тейри»); или это *Къан(ы)бий* «княжеская кровь».

Тотик – от средневекового тюрк. титула *тутук*, *тотук* «наместник»?

Тулат – неясно.

Знаур – вероятно, от кар.-балк. *азнаур* «воин второго разряда, принесший присягу», «профессиональный воин»; в первой части – *къаст*, *къас*, *хас* «присяга, присяжный; обет, обещанный», во второй – *ногар*, *нугар*, *нукер*, *нёгер*, *нагур* «дружинник»: *къаст нагур* закономерно изменилось в *хаснагур* – *хазнагур* - *азнаур*. Заимствовано в грузин. яз., в

котором означает «дворянин». Обычное имя у карачаево-балкарцев, как и другие наименования воинских разрядов – *Байчора*, *Бийнӕгер*, *Къазакъ*, *Батыр* и др.

Курта – возможно, от тюрк. *кӱрт* «волк».

Алдазовы – неясно. Кар.-балк. *алдагъы* «передний, находящийся впереди».

Мамсуровы – такая же фамилия есть и у карачаево-балкарцев – *Мамусурлары* «Мамусуровы». Возможно, от распространенного имени *Мансур*; с другой стороны, у осетин есть фамилия *Мансуруковы*. Можно допустить и другой вариант: от кар.-балк. *мамусюр* «преследующий волков», ср. син. *мамучар* «охотник на волков».

Тхостовы – неясно.

Есеновы – от кар.-балк. *эсен* «здоровый, невредимый».

Кундуховы – от тюрк. *кун* «солнце, солнечное» и *дуу* (восходит к *дух*) «сияние, блеск». К роду Кундуховых возводят свое происхождение балкарцы Бабаевы из Холамского общества.

Кануковы – тюрк. *хан окъ* «ханского рода».

Тугановы – кар.-балк. имя *Туугъан* «рожденный»; также употребляется в составе сложных имен: *Джантуугъан*, *Эртуугъан* и пр.; тюрк. *тогъан*, *доган* «сокол».

Шанаевы – возможно, от кар.-балк. *ышан* «надежда»; ср. также кар.-балк. фамилию *Чаналары*, от *чана* «сани». Или от *шуна*, *шона*, *шуа* «луч».

Дударовы – вариант имени *Тутар* «ловец»?

Джантиевы – кар.-балк. фамилия *Джантуевы*, сокр. от *Джантуугъан*, букв. «душа родилась».

Таким образом, из 19 имен, упоминаемых в легенде, 15 объясняются на основе кар.-балк. языка; если даже допустить, что половина объяснений неверна, остающихся вполне достаточно, чтобы сделать определенные выводы.

ТУАЛЬЦЫ

«**Туал** обычно мн.ч. *туалтае* название той части осетин, которая населяет верховья реки Ардон на северных склонах Центрального Кавказа, «туальцы». «От *туалтае* следует отличать *урс-туалтае* «белых туальцев»; последние населяют южные склоны Центрального Кавказа в верховьях реки Лиахвы». О происхождении этнонима В. И. Абаев пишет: «– Из груз. *двали* с оглушением начального *Д*». «Нет сомнения, что *двал* (груз. *двали*, арм. *двал-к*) в древности было наименованием одной из местных, кавказских этнических групп, известных в Географии Птолемея как *Дуалои*, у Плиния как *Валли*, на Табула Певтингериана как *Дивали*» (со ссылкой на В. Н. Гамрекели). И, далее: «Гамрекели совершенно прав, когда он считает *двал* коренным кавказским, а не импортированным этнонимом. Но явно несостоятельно его утверждение, что двалы существовали как особое племя до XV в. н. э. Грузинская летопись не упоминает народа двалов и знает только область *Двалети* (Картлис Цховреба)». (Очередная странность «беспамятных» народов Кавказа, в данном случае грузин: знали область Эрети (Херети), но не знали народ *хир*, *хер*; знали *Двалети*, но не знали народ *двал*).

Бог с ней, с этой хронологией; но должны заметить, что грузинских летописцев никто не обязывал писать именно историю двалов и регулярно докладывать о том, здравствуют они или их уже нет. Интереснее другое – то, как В. И. Абаев объясняет необъяснимость имени этого племени на почве осет. яз.: «С приходом алан в Центральный Кавказ название, как это часто бывает, перешло к той их ветви, которая расселилась на территории древних двалов и смешалась с ними, так же как, скажем, название литовского племени прусов перешло на восточных немцев, а название кельтского бриттов – на завоевателей англосаксов. См. другие локальные этнонимы осетин: *ир*, *дыгуыр/дигора*»

(Абаев, ИЭСОЯ, т. 3, с. 326).

Конечно, все бывает на белом свете, могло случиться и так. Пришли «алано-иранцы» на Центральный Кавказ компактной массой, чтобы навеки поселиться, но оказалось, что там уже проживают некие *иры, дыгуры, тагауры, куртаты, туалы*. В результате смешения победил аланский язык, но все аланские этнонимы почему-то исчезли (одно из них подарено балкарцам) и потомкам остались только «субстратные». Следов этого субстратного языка не обнаружено; получается, что уцелели от него одни лишь этнонимы, которые почему-то находят объяснение на почве кар.-балк. яз. и ни на каком другом. Никаких «кавказско-субстратных» фамилий тоже почему-то не обнаружено, зато тюркских – хоть отбавляй. «На рубеже двух эр на Кавказе появляются аланы. К середине первого тысячелетия они установили связи с местным населением (через 500 лет после своего прихода! – М. Дж.) и стали продвигаться и расселяться в горных районах» (Гутнов, с. 25). Каким образом пришлые аланы могли продвигаться в давно обжитые теснины и расселяться там, иранисты нам не сообщают – то ли аланы договорились полюбовно (что, при малоземелье в горах, маловероятно), то ли припугнули аборигенов (в это тоже верится слабо), то ли перебили их, то ли вытеснили. Но в таком случае неясно, зачем победители приняли **все самоназвания побежденных**, не оставив ни одного своего.

Все это никакого доверия вызвать не может. По всему Иристонку разбросаны сотни кар.-балк. и гибридных топонимов, а загадочное осет. *туал*, объявленное осетиноведами неким грузинским названием, скорее всего, как и полагал А. М. Байрамкулов, является искажением одного из самоназваний карачаево-балкарцев – *таулу* «горец». Вполне возможно также, что этноним представляет собой усечение от *тав алан, тау алан* «горный алан» - *тавал - тауал – туал*.

К сожалению, у нас нет полного списка туалских фамилий, а в случайно найденном перечне их только 59. Но нет худа без добра: тем удивительней результат их сопоставления с кар.-балк. фамилиями (мы даем объяснения только некоторых).

1. Айларовы – кар.-балк. *ойлар* «обдумывающий, расчетливый».
2. Касаевы – Къасайлары (Касаевы).
3. Мециевы – Мечилары (Мечиевы).
4. Къайтмазовы – кар.-балк. *къайтмаз* «верный слову», букв. «невозвращающийся».
5. Магкаевы – Маккалары (Маккаевы).
6. Кадзаевы – Гаджалары (Гаджаевы).
7. Суановы – Шуанлары (Шуановы), от одного из кар.-балк. названий сванов.
9. Хозиевы – Хозалары (Хозаевы), от тюрк. *ходжа, хожа, хоза* «наставник; хозяин».
10. Хурумовы – от кар.-балк. *къурум* «сажа, копать», в перен. смысле «чернявый»?
11. Джанаевы, Дзанаевы – Джаналары (Джанаевы).
12. Мамиевы – кар.-балк. имя *Мамия*; ср. название башни в Карачае – *Мамия-къала*.
13. Гагиевы – Гагулары (Гагуевы).
14. Губаевы – Гумалары (Гумаевы).
15. Еналдиевы – тюрк. (кумык.?) *йан алды* означает «отдал (Богу) душу»; так могли назвать ребенка, чтобы отвратить от него злых духов.
16. Цуциевы – Чочулары (Чочуевы).
17. Атаровы – Отарлары (Отаровы).
18. Балаевы – Балалары (Балаевы).
19. Дзукаевы – Зокалары (Зокаевы).
20. Джикгаевы - Джуккалары (Джуккаевы).
21. Демеевы – Дебелары (Дебеевы).
22. Абаевы – Абайлары (Абаевы).
23. Джатиевы – Джаттолары (Джаттоевы).

24. Томаевы – Томалары (Томаевы).
25. Савлоховы – Шаулохлары (Шаулохлары); *шаулох(пар)* – «вороной рысак».
26. Тотровы – Тотуруклары (от кар.-балк. *тотур* «равноденствие»).
27. Габуаевы – Габулары (Габуевы).
28. Албеговы – от тюрк. *албек* «первый среди беков, князей».
29. Бациевы – Бачилары (Бачиевы).
30. Салбиевы – от тюрк. *сал* «бить, разить» + *бий*.
31. Самбеговы – кар.-балк. *шам* «родной; священный, святой» + титул *бек*. Или от *саны бек*, *санбек* «крепкотелый».
32. Гадиевы – Гадийлары (Гадиевы). *Гадий* – вид тополя (слово, вероятно, осет., от *гаед* «кошка»; тополь мог называться «кошачьим деревом»).
33. Такаевы – Токалары (Токаевы). От кар.-балк. *такай* «остроконечный шлем»?; ср. кличку *такайбаш* «остроголовый».
34. Тогузаевы – Тогузалары (Тогузаевы); от *тогъузай* «девятый (ребенок в семье)».
35. Слановы – от кар.-балк. *аслан* «лев»?
36. Кожаяевы – Хозалары (Хозаевы).

Из 59 перечисленных в случайном списке туальских фамилий с кар.-балк. совпало или объясняется на тюрк. основе 36; согласитесь, это очень много. Большое количество совпадений в ономастике между дигорцами и карачаево-балкарцами еще можно хоть как-то объяснить их соседством. Но откуда кар.-балк. (тюркские) фамилии и топонимы у туальцев, живущих в глубине гор, если тюрков в Двалетии никогда не было?

О ТОПОНИМАХ ЮЖНОЙ ОСЕТИИ

В 1949 г. В. И. Абаев пишет: «О времени поселения осетин в Юго-Осетии не имеется точных сведений. Оно происходило, надо думать, одновременно». «Топонимика в низменных районах имеет обычно грузинский облик. В высокогорных районах она не объяснима ни из грузинского, ни из осетинского и является, повидимому, наследием какого-то доисторического населения» (Абаев, ОЯФ, с. 494).

В одной из работ Ю. С. Гаглойти, который, очевидно, придерживается другого мнения, дается анализ топонимов, сохранившихся в хронике ксанских владетелей «Памятник эриставов» (далее в тексте - ПЭ; написана на рубеже XIV-XV вв). Ниже мы приведем их, как и объяснения автора, с нашими комментариями. Примечание: *ни* – грузин. показатель множественности, *тае* – осет.

ПЭ: *Брутасивили* – совр. осет. селение *Брытат*, от названия патронимии *Брытатае* – Бритаевы (груз. *швили* - «сын»). Что означает фамильное имя, автор не говорит.

Келкуркабушурни – по мнению Гаглойти, парное название, соединение названий двух осет. сел – *Челиат*, от патронимии *Челита* «Челиевы» (значение антропонима автор не раскрывает), и *Кабузта*, в основе которого «*къабуз* «отростник» или возможно, *къабаз* с близким значением – «конечность; ветвь; ответвление». Но неясно, почему *келкур* должно было передавать осет. *Челита*, а *кабушур* – *къабузта*, и почему хронист записал их вместе.

ПЭ: *ходжалтцаелни* – по мнению Гаглойти, второе парное название осетинских сел *Ходзь* и *Тцаей* «Тцаейта». Название *Ходзь*, как считает Гаглойти, не этимологизируется ни с осет., ни из соседних языков; *Тцаей* – от патронимии *Тцаейта* «Чиаевы»; *тцаей* по-осетински означает «сукровица». Но В. И. Абаев это слово (*цаей*) иран. не считает и сближает его с грузин. *цала*, сван. *цал*, абхаз. *аца*, вейнах. *ци*, с другой стороны – с манси *сйя*, лопарским *сйяа*, мордовским *сий* «гной» (ИЭСОЯ, т. 1, с. 331). Вряд ли приведенное в хронике слово является соединением двух указанных Гаглойти названий.

ПЭ: *сосхоел-тиубенисхевелни*, т. е., по мнению Гаглойти, «жители *Сосх* и *Тиубенского* ущелья». Вершину под названием *Сохс*, к западу от Рокского перевала упоминал В. Б. Пфафф. «Этимология затемнена». Возможно, «Сосхо является усеченной формой от осет. *Сос-хох* «гора Сос»; но на современных картах такая гора не отмечена. Что такое *Сос*, как пишет Гаглойти, тоже неясно.

Тиубен в настоящее время такое название носит родовое селение фамилии *Хацырта* (Хачировы), но находится оно «сравнительно далеко от Урстуалта». «Этимология затемнена». Возможно, от осет. *тиуппын* «под вершиной».

ПЭ: *кошкел-иосебурни*. В первой части, как полагает автор, распознается ойконим *Къусджытае*, название родового села фамилии Гаглойтае; название переводится с осет. - «ниши», ед. ч. – *къускъ*, что было передано автором хроники, как *кошки* «башни», хотя никаких башен там нет. «Иосебурни отождествлению не поддается».

«В тлевцах и згубиро-рокцах», пишет Гаглойти, «легко просматриваются названия современных Тли, Згубир и Рук, расположенных недалеко друг от друга». Правда, этимологий этих ойконимов он не дает, поэтому неизвестно, являются они иранскими или нет. «Что касается мугисвельцев, то, это название по видимому, является источником усеченной формой от груз. *мугутисвели*, т. е. «жители Мугутской долины». Недалеко от упомянутого выше *Кусджытае* есть село Мугут, которое, возможно, названо так по патронимии Мугуевых (*Мугутае*); сейчас в Южной Осетии такой фамилии нет, но она есть в Дигории. Что означает *мугут*, автор не сказал. (Кар.-балк. *мугут* «прель, плесень, заплесневелый», *мукъур* «фирновый лед»).

ПЭ: *Цергъуе* – ойконим в Нижней Двалетии. В рассматриваемом регионе существуют три святилища *Цыргъы-дзуар*, что, по мнению Гаглойти, означает «святилище клинка». Разумеется, он не забывает упомянуть при этом о поклонении скифов и алан богу войны в образе меча, воткнутого на вершине кургана, но при этом забывает, что слово *дзуар* в осет. яз. является заимствованием из грузинского, как и о том, что у В. И. Абаева (в РОС) «клинок – *аефсаейнаг, ком*», а согласно ОРС *цыргъ* означает «острый»; правда, ближе *цыргъагъ* «холодное оружие».

В заключении Ю. С. Гаглойти пишет: «Таким образом, из шестнадцати топонимических названий «верхних» и «нижних» двалов, упоминаемых ПЭ, более половины этимологизируются по-осетински. Одного этого факта вполне достаточно, чтобы сделать вывод о наличии в XIII-XIV вв. в данном регионе осетинского населения и о принадлежности двалов к осетинам» (Гаглойти, 1996, с. 45-49).

На наш взгляд, с большой долей уверенности думать, что объяснения Ю. С. Гаглойти верны, можно лишь в двух-трех случаях. Давать свои этимологии приведенных топонимов мы не можем, поскольку не знаем особенностей ландшафта, но, не исключено, что многие из этих названий объясняются на почве кар.-балк. яз. Два примера: в кар.-балк. яз. *цирги,цирги* означает «большой, крупный»: *чирги бай* «большой богач», *чирги ийне* «большая игла» и пр. Может быть, и ойконим *Цергъуе* (в хронике) был названием крупного населенного пункта. Одно из ущелий, которое населяют туалыцы, называется *Тырсы-гом*; мне неизвестно, как этимологизируют топоним осетинские языковеды, поэтому рискну высказать предположение, что он состоит из кар.-балк. *тырса* «вулканический пепел» + осет. *гом* «ущелье».

О СКЛЕПАХ

По мнению К. Харадзе, в Южной Осетии ничто не указывает на присутствие осетин южнее Главного Кавказского хребта вплоть до XVII в. (это верно в отношении иранских предков осетин, но не тюркских). Возражая ему, Ю. С. Гаглойти задает, в частности,

такой вопрос: «...а кому принадлежат десятки и сотни типичных осетинских погребальных склепов – «заппадзов», для обозначения которых в грузинском языке не существует даже их оригинального названия, и средневековых башен горной и предгорной зоны Южной Осетии?»).

Вопрос, конечно, вполне правомерный. Но заметим, что, во-первых, если перечислять все, для чего в осет. (иранском) яз. нет своих оригинальных названий, список получится очень длинным, что ничуть не мешает иранистам выдвигать фантастические объяснения простейших фактов; во-вторых, Ю. С. Гаглойти, вероятно, забыл о словарной статье В. И. Абаева, в которой сказано, что *заппадз*, *заппаз* означает «надземный или полуподземный каменный могильник», а далее сообщается: «Датируются з а п п а д з ы XVII-XIX вв.». О происхождении термина В. И. Абаев пишет: «Сближается с перс. *сабад* «корзина», пехл. *сапат*, арм. (из иран.) *сапат* «корзина», «сундук», «короб». Прямо скажем, не убеждает. В. И. Абаев поясняет: «Неточность звуковых соответствий (z-|| s-) объясняется, вероятно, тем, что мы имеем дело с идеофонами («нечто выпуклое»), допускающими широкое звуковое варьирование. Ср. д.(игорское) *зобат* «куча»; но дигорцы такие склепы называют *обай* (Абаев, ИЭСОЯ, т. 4, с. 298). (Это, как читатель понимает, один из самых неудобных тюркизмов в осет. яз., в котором и «курган», весьма скифское сооружение, называется так же, по-тюркиски – *обай*, *обау* (кар.-балк. *оба* «большая могила»)).

Отметим несоответствие осет. термина *заппадз* с приведенными примерами из других языков не только в фонетическом, но и в семантическом плане. Если бы термин *заппадз*, *заппаз* означал «каменный короб», или хотя бы «каменная корзина», это одно, но поверить, что иран. «корзина» («нечто плетеное») стало в осетинском названием каменного склепа, мы не можем. Поэтому поищем другое объяснение. Покойников в отдаленные времена, вероятно, хоронили в простых ямах, и только потом, с началом выделения привилегированных сословий, стали изнутри обкладывать эти ямы камнем, возводить над ними крыши, а затем и небольшие строения, которые со временем приобрели внушительные размеры.

Скорее всего, могилы назывались «ямами» или «стенами» (ср. кар.-балк. *къабыр* «могила» - *къабыргъа* «стена; склон горы; бок»). В тюрк. языках «яма, погреб» называется *баз* (например, в кар.-балк., татарском, караимском и др.); восходит к *бат*, от которого образуются слова со значением «углубление, впадина, тонуть, погружаться» (чередование *З-Т* закономерно). Первая часть термина – *зап*, *жап* - в кар.-балк. яз. означает «покрывать, накрывать, крытый»: *зап баз*, *заппаз* «крытая яма (могила)». Древние склепы действительно являются свидетельством давнего присутствия предков осетин в Южной Осетии, но не ираноязычных, а тюркоязычных.

Теперь о втором доказательстве давнего пребывания иранцев-осетин южнее Главного Кавказского хребта – боевых башнях. Согласно РОС, они называются *маесыг* и *гаенах*; второе слово – тюркизм, о чем говорил В. И. Абаев (см. выше); о первом же он пишет: «сближается с гр. *мосин* «деревянная башня»; «современными специалистами считается чуждым греческому языку». Но оно и не иранское: «...кроме ос. *маесыг* на иранской почве ничего подходящего не видно». «Остается, стало быть, думать, что и в греческий и в осетинский слово вошло из какой-то третьей этнической среды»; и далее идет гадание, из какой: фракийской, фригийской, грузинской? (Абаев, ИЭСОЯ, т. 2, с. 106).

ЮГООСЕТИНСКИЕ ФАМИЛИИ

«Несомненно, что Южная Осетия представляет осколок Северной. В пользу этого говорит, между прочим, совпадение многих фамилий в Северной и Южной Осетии» (Абаев, ОЯФ, с. 494).

Обратимся к небольшому списку юго-осетинских фамилий (в русской форме), сопоставляя их с карачаево-балкарскими.

1. Алборовы – Алботлары? От кар.-балк. выражения *ал бур* «глядящий вперед», «стремящийся вперед»? Или от *ал бёрю* (синон. *албурд*) «вожак (стаи) волков», букв. «передний волк»?

2. Базаевы – База-лары (Базаевы), Базо-лары (Базоевы), Базы-лары (Базиевы). От кар.-балк. *база* «сильный, уверенный».

3. Жажиевы – Жазий-лары (Жажиевы). От кар.-балк. *жаз* «писать, записывать», вероятно, «писарь»; но *жаз* также «весна» - «весенний»?

4. Засеевы – Джаше-лары (Джашеевы); *джаша* «жить, процветать».

4. Качмазовы – от кар.-балк. *къачмаз* «неубегающий, неотступающий».

6. Наниевы – Нана-лары (Нанаевы); кар.-балк. *наны* «милый»; имя собств. *Наны* (мужское).

7. Бестаевы – от кар.-балк. *Бештау* «Пятигорье»?

8. Габараевы – Габаралары (Габараевы); *габара* «куртка».

9. Кулумбежовы - от тюрк. имени *Кулумбек*; возможно, от *кёлю бек* «сильный духом», с протетическим *М*.

10. Санакоевы – Занико-лары (Заникоевы), Жаника-лары (Жаникаевы); *занико*, *жаника* – уменьш. от *зан*, *жан* «душа».

11. Цхурбаевы – первая часть неясна, во второй тюрк. *бай*?

12. Чочиевы – Чочу-лары (Чочуевы); возм., от тюрк. *чочой* «чашка».

13. Бигановы – от кар.-балк. *бийкъан* «княжеская кровь»?

14. Дзевисовы – Цепиш-лары (Цепишевы)? Кар.-балк. *земиш*, *джемиш* «плод, фрукт»?

15. Догузовы – Тогъуза-лары (Тогузаевы), от кар.-балк. *тогъузай* «девятый».

16. Дудаевы – Дуда-лары (Дудаевы).

17. Музаевы – Мыза-лары (Мызаевы).

18. Тогоевы – Дуголары (Дугоевы).

19. Хачиловы – *Хачир-лары* (Хачиловы), от *хачир* «жеребец».

20. Хубаевы – Хубий-лары (Хубиевы).

21. Хубуловы – Хубол-лары (Хуболовы), от кар.-балк. *хубол* «медвежонок».

22. Багаевы – от кар.-балк. *багъа* «дорогой, высоко ценимый»?

23. Козаевы – Хоза-лары (Хозаевы). Тюрк. *хоза*, *хозя*, *ходжа* озн. «хозяин, господин», «наставник, учитель» (откуда и русск. «хозяин», по Фасмеру).

Из случайного списка, содержавшего 45 югоосет. фамилий, 23 совпадает с кар.-балк., или находит объяснение на основе кар.-балк. языка. Повторим: мы не настаиваем на том, что все эти антропонимы объяснили правильно; более верные выводы может сделать только исследователь, владеющий обоими языками, но и у него результат вряд ли окажется радикально иным.

РУССКО-ОСЕТИНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

В монографии В. А. Кузнецова «Очерки истории алан» (кажется, до сих пор остающейся самым полным и связным изложением истории этого народа) хронологические рамки повествования ограничиваются временем создания Золотой Орды. Мнение некоторых историков о том, что Алания была разгромлена Тимуром, он считает ошибочным. «Как было показано выше, - пишет автор, - Алания как политическая система рухнула в 1238-1240 гг. в ходе нашествия татаро-монголов и вторгшийся на Северный Кавказ в 1395 г. Тамерлан нашел здесь лишь ее обломки – с остатками алан-асов он столкнулся не на равнинах, а в глубине горных ущелий» (Кузнецов, 1984, с. 273).

В данном случае нас интересует другой вопрос. Допустим, Алания окончательно была сокрушена в 1395 г. Но что происходило в Осетии потом, на протяжении почти 350 лет, прошедших от нашествия Тамерлана до появления первого документа, отмечающего начало русско-осетинских отношений (1742 г.)? Если верить иранистам, разрыва истории алан с историей осетин не было, первая перетекла во вторую. Но, заглянув в «Историю СО АССР», мы обнаруживаем, что в XV-XVII вв. в Осетии вообще ничего не происходило, **этот период полностью пропущен**. В главе «Северная Осетия в XVI-XVII вв.» читаем: «По всей вероятности, именно в это время оформляются основные различия общественного строя «аристократических» и «демократических» племен», в том числе, по мнению авторов книги, и у осетин. (Правда, какие из колен осетинского народа относились к первым, а какие ко вторым, в книге не сказано). В 1651 году два дигорца встретились в Кабарде с посланцем русского царя в Грузию и уверили его, что дигорцы готовы стать «государевыми холопями». И все.

Далее на нескольких страницах излагаются события, но почему-то не в жизни осетин, а кабардинцев и гребенских казаков. Не лучше обстоит дело и с освещением осетино-грузинских отношений: царь Георгий и кабардинский князь Айтек-Мурза просят русские власти оставить отряд стрельцов, чтобы обезопасить дорогу в Грузию от осетин; осетины участвуют в борьбе Грузии с турками и иранцами (в чем заключалось их участие, не сказано), укрывают беглого царевича Арчила. Далее, ни приводя ни одного документа, авторы строят предположения о том, чему народы Кавказы научились или переняли друг у друга (якобы именно в это время).

Нисколько не полнее и сведения, относящиеся к более позднему периоду. Показательна, например, такая фраза (речь идет о XVI-XVII вв.): «Экономическая зависимость от Кабарды привела к установлению вассальной зависимости части осетинских феодалов-алдаров и баделят (Тугановых, Дударовых, Кубатиевых и др.) от кабардинских князей» (с. 160). Но откуда, спрашивается, известно, что вассальные отношения и именно «части осетинских феодалов» установились именно в это время? И если эти феодальные фамилии были уже тогда, почему их не упоминают в документах? А если такие документы есть, почему авторы их не цитируют?

Часть долгой и оживленной переписки русского правительства с кабардинскими феодалами собрана в двухтомном издании «Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв.» (750 стр., около 500 документов). Первый том охватывает период с 1552 по 1689 гг. и в нем встречаются названия чуть ли не всех народов и племен (многие – очень часто) Северного Кавказа, Дагестана и Закавказья, и даже отдельных подразделений абазин, адыгейцев, ногайцев, крымцев, калмыков, чеченцев, кумыков, ингушей, балкарцев, грузин, их селений, крепостей, городов и пр.; огромно и количество топонимов, гидронимов, оронимов и т. д.

Со страниц этого замечательного двухтомника так и веет дыханием живой жизни – гораздо более внятно, чем со страниц любого исторического романа. Кого здесь только нет – ханы, цари, короли, султаны, тайши, мурзы, князья, послы, короли, толмачи, холопы, стрельцы, воеводы, казаки, княжны и княгини, уздени, старшины... Люди самых разных национальностей и званий ездят по всему Кавказу, Крыму, Закавказью, едут в Москву, в Стамбул, Терки, Варшаву, Бахчисарай, в Иран, встречаются, заключают союзы, воюют, торгуют, ссорятся, мирятся, пишут доносы, интригуют – одним словом, живут в сверх-активном режиме. Более тысячи имен, самых разных. Но странное дело - в первом томе нет ни одного упоминания об осетинах или их территории (не считая топонима *Годыр*, под которым неуверенно предполагают Дигорию, да и то он встречается только один раз).

Во втором томе «Осетия» и «Дегория» встречаются впервые только в документе 1746

года (КРО, т. 2, с. 133-134). Упоминаются также два дигорских князя и один узденъ, да и то лишь в списке кабардинских князей и узденей, представленных к награде за участие в русско-турецкой войне 1787-1791 гг. (этим документом и заканчивается двухтомник). Зовут этих дигорцев почему-то не по-осетински, а по-карачаево-балкарски – *Кирман Кибатиев* (*Курман Кубатиев*), *Айтек Туганов* и *Кайтук Байгириев* (КРО, т. 2, с. 377-378). Мода на «тюрко-монгольские имена», начавшаяся, по уверениям осетиноведов, не то в V, не то в XIII в., видать, не прошла даже в конце XVIII столетия.

Иранисты могут сказать: осетины, мол, ушли далеко и глубоко в горы, спасаясь от «монголо-татар», а затем и от Тамерлана, их осталось мало, и пр. Разумеется, поверить в это трудно. Во-первых, войска Тамерлана обрушились не только на осетин, но и на все народы Северного Кавказа. Во-вторых, после нашествия войск Аксак-Тимура до указанного периода прошло очень много времени (три столетия), в-третьих, осетиноведы повествуют об активном и эффективном участии южных осетин (т. е. небольшой части народа) в борьбе грузинского государства с иранцами и турками, причем на протяжении всего XVII в. (см. «История ЮО АССР», 1985); где же в это время находилась основная масса народа, жившая в Северной Осетии и чем она занималась?

Авторы «Истории СО АССР» дают сведения 1742 года, с полным доверием к ним: «Грузинский архиепископ Иосиф и архимандрит Николай сообщали русской императрице Елизавете Петровне, что осетин «по исчислению обоих полов более 200 тысяч человек», называя Осетию «многолюдным краем» (с. 169). Извините, не верю. Население всей Российской империи тогда вряд ли превышало 10 млн. чел. Для Северного Кавказа 200 тыс. чел. – это не так уж мало и по нынешним временам, а по тогдашним (середина XVIII в.) это был бы крупный этнос, с большими связями, военными силами и влиянием. Никакого сравнения, например, с кабардинцами, которых в тот период было не более 40-50 тысяч чел., но упоминающихся в сотнях документов.

Точно так же все выглядит и в двухтомном издании «Русско-осетинские отношения в XVIII в.» (РОО, Орджоникидзе, 1976, 1984), первый документ в котором датируется только 1742 г. В комментариях сказано: «Документ является первым письменным памятником, свидетельствующим о начале русско-осетинских отношений» (т. 1, с. 466). Затем следует признание: **«До середины XVIII в. письменных источников по истории Осетии почти нет, если не считать отрывочных сведений о ней»** (Блиев, с. 7). Ни в одной работе осетинских авторов объяснения этому странному факту я не нашел. Тогда откуда, из каких сокровенных источников авторы упомянутого выше издания узнали, что в XV в. в Осетии происходило разделение племен на «аристократические» и «демократические» и что в XVI-XVII вв. установилась вассальная зависимость части осетинских феодалов от кабардинских князей?

Но, может быть, иностранцы были внимательнее? Вот сборник «Осетины глазами русских и иностранных путешественников» (Орджоникидзе, 1967). После кратких выдержек из работ Арканджело Ламберти (1654 г.), Я. Рейтенфельса (1680 г.), Иоанна Мариньола (изд. в 1768 г.), упоминающих алан, далее, в нарушение хронологического порядка, почему-то следуют (приведенные выше) сведения об аланах из «Путешествия в Тану» Барбаро (жил в Азове с 1436 по 1462 г.). Затем возникает ничем не объясняемый разрыв во времени, и даются отрывки из описания путешествия дворянина Шардена (издание 1735 года): «Жители Кавказа составляют воинственную нацию, прославившуюся под именем гуннов, которая в настоящее время разделена на различные маленькие племена; те, которые граничат с Колхидой, являются аланами». О последних Шарден пишет (в издании 1711 года): «Я полагаю, что предки аланов были частью той огромной нации, которая называлась скифами (современные татары)». И, далее, говоря о соседях Имеретии, он называет неких оссов и карасиолов (ОГРИП, с 26). Следует ли отсюда, что

речь идет об осетинах? Думаю, что нет – это балкарцы (*ас*) и карачаевцы (*къарачайлы*). (В комментариях приводятся примечания Шардена, с упоминанием Осетии и осетин, но не сказано, в каком издании).

Т. е. вплоть до Якоба Рейтенфельса (1680) речь идет об аланах; в 1711 году у Шардена мелькают «оссы» - и все; об осетинах из иностранцев упоминает, но очень поздно, только полковник Штедер, в своем дневнике (1781 год). Так в чем же дело? Почему «аланы-осетины» (иронцы) не принимают никакого участия в общекавказской жизни XV-нач. XVIII вв. – т. е. целых три века? Почему в ранних документах нет имен осетинских феодалов, располагавших таким количеством подвластных (200 тыс. чел. никак не могли появиться к середине XVIII в. разом, в одночасье)? Почему потомков этих феодалов в XIX в. сами же осетины отказывались считать князьями и дворянами?

В работах осетиноведов таких вопросов нет, им все ясно и понятно. Вот что, например, говорит М. И. Исаев, автор предисловия к книге американского историка: «Существование Алании как могущественного государства было прервано в момент самого высшего его расцвета нашествием монголо-татарских орд». «Лишенные могущества и славы своих предков-аланов осетинские племена на долгих пять столетий (! – М. Дж.) сошли с арены истории. О них в течение всего этого периода как бы забыли все – ни в каких трактатах о них никто уже не вспоминает» (Бахрах, с. 8-9). По мнению осетиноведов, Алания в эпоху своего расцвета была не менее сильным государством, чем Грузия. Эта страна претерпела никак не меньше бедствий (а, пожалуй, гораздо больше) чем Алания, но никто о грузинах не забыл – ни на столетие, а, тем более, на пять. Допустим, «алано-осетин» после нашествия «монголов» и Тамерлана осталось мало, несколько десятков тысяч. Но за 400 лет их численность возросла бы в несколько раз. Почему же тогда осетин никто не замечал?

Думается, дело в другом. В начале XVIII в. процесс этногенеза осетинского народа, на основе слияния остатков автохтонных тюркских племен (дигорцев, куртатинцев, тагаурцев и туалъцев) с пришлыми иранцами вступил в свою первую фазу. Населения в Осетии, после эпидемии, было мало, а старая тюркская знать, которую иронцы признавать таковой не желали, не имела никакого влияния и на соседей. Разрозненное, разноречное население, запертое в глухих ущельях, не представляло интереса ни для России, ни для других стран, потому в документах и нет упоминаний об осетинах. Внимание на них имперские власти обратили уже в середине XVIII в., усмотрев возможность обратить обитателей гор в христианство; большинство документов, помещенных в двухтомнике «Русско-осетинские отношения», отражает именно и только деятельность русских миссионеров. Империя желала иметь у прохода в Грузию лояльное население, а гарантию его лояльности видела в насаждении христианства.

ИСХОД ИЗ ИРАНА

Иран с давних пор пытался взять под контроль перевалы, ведущие в Закавказье, чтобы обезопасить себя от нашествий тюрков. Вот что пишет, например, Леонти Мровели в хронике «Жизнь картлийских царей» (XI в.): «Как только внял (персидский. – М. Дж.) царь Касре упованиям картлийцев, женил он своего сына Мириана на дочери картлийского царя, дал картлийцам в цари сына своего и посадил во Мцхете. И дал ему Картли, Армению, Ран, Мовакан и Эрети».

«Оставил (Мириану) сорок тысяч отборных всадников и, выполняя данную картлийцам клятву, не расставил он у рубежей Картли персов, но расположил их в Эрети, Мовакане и Армении. И повелел Мирванозу держать в каждом городе по семи тысяч отборных персидских всадников в качестве защитников своего сына (Мириана). Да

заключил договор с картлийцами о том, чтобы все ворота, крепости и города были бы под властью персидских отрядов...». И, далее: «Царь двинулся и забрал все ущелья кавказианов (горцев Северного Кавказа. – М. Дж.), учредил всюду (своих) мтаваров и повелел им повиноваться сыну его Мириану, и повелел Мириану, сыну своему, и воспитателю Мирванозу, дабы воевали против хазар» (Мровели, с. 37).

Г. В. Цулая пишет (в комментариях): «В различных пунктах страны были расположены персидские гарнизоны во главе с шахскими наместниками. Им поручалась «защита городов и ворот». Под последними надо понимать северокавказские перевальные пути» (Мровели, с. 74) – в первую очередь, Дарьяльское ущелье. Происходило это, по мнению комментаторов, в IV в. н. э. (на самом деле, конечно же, намного позже). «Строительство мощных крепостей и фортов, переселение на север обитателей глубинных районов страны и превращение их в полувоенное сословие, включение местной аристократии в иерархическую структуру Иранского государства – все это было проявлением одной политической линии» (Гадло, с. 123). Воинов, состоявших в этих гарнизонах, возможно, сменяли другие, но вряд ли все военные поселенцы возвращались в Персию; многие, вероятно, оседали, обзаводились семьями.

Ираноязычные предки осетин действительно пришли на Северный Кавказ двумя волнами, как и утверждают иранисты, но не с севера, а с юга. В начале VI в. в Иране разразилась революция под руководством одного из жрецов – Маздака (о чем мы уже говорили выше). Хосров Ануширван сумел разгромить движение, в котором приняла активное участие и не-ортодоксальная часть (каббалисты) еврейской общины Ирана. Считается, что часть уцелевших маздакитов (иранцы и евреи) бежала на Кавказ (Л. Н. Гумилев). Но спастись от войска, вероятно, было не так просто. Поэтому, скорее всего, произошло иное: шах поселил арестованных участников разгромленного движения у горных проходов Кавказа (другая часть маздакитов ушла в Хорезм), вместе с какими-то воинами из разных племен, для охраны от вторжений северных народов.

Встретиться на новом месте поселенцы должны были, в первую очередь, с тюрками – аланами-асами. (Разумеется, вопреки хронологии Скалигера, восстание и выселение маздакитов на Кавказ происходили не в VI в., а намного позже). Часть евреев на какое-то время забыла в новых условиях свою религию, но затем, под влиянием усилившейся в Хазарии еврейской общины, вернулась к иудаизму (предки ираноязычных горских евреев). Другая, вероятно, небольшая часть ассимилировалась среди иранцев, выселенных на Кавказ; в ярком южном облике осетин действительно зримы семитские черты, а в обрядности и антропонимике – семитские элементы (что и отмечалось исследователями уже в XIX в). Маздакиты, среди которых идейных сторонников этого движения вряд ли было много (поэтому данное именование является чисто условным), ассимилировать тюрков-аборигенов на северных склонах хребта не смогли, скорее, наоборот, часть переселившихся иранцев (первая волна) растворилась среди дигорцев, туальцев, куртатинцев, тагаурцев, карачаево-балкарцев.

Поселение своих воинов на Кавказе, у проходов на юг, практиковалось владыками Ирана и в более поздние времена, что вызывалось необходимостью укрепления границ и защиты своих владений от походов тюрков. Так, в 1510 г., шах Исмаил переселил из Тавриза в разоренный им Дербент 500 семейств и назначил правителем города Мансурбека (ИНСКДВ, с. 312). Три государства, чьи интересы столкнулись на Кавказе (Иран, Османская империя, Московия), старались принять все возможные меры для усиления своего влияния. Иран опасался угрозы не только со стороны русских, но и со стороны Турции, вассал которой, Крымское ханство, тогда представлял собой мощное государство. Известно, например, что в 1615 и в 1634 годах крымцы готовили походы в Персию (оба так и не состоялись). В силу изложенных причин (а также и других)

положение народов Северного Кавказа было очень сложным.

В продвижении на юг русское правительство опиралось на своих наемников – калмыков и кабардинцев, оказывая им помощь деньгами, оружием, продовольствием, войсками; но если первые сохраняли верность ему, то часть кабардинских князей держалась крымской ориентации. И не только. В 1615 году терский воевода П. П. Головин доносил в Посольский приказ о контактах кабардинского мурзы Мудара Алкасова с иранскими властями: *«Сего де лета ездил он, Мундар-мурза, ис кабаков своих к шах-Басу, а того де, государь, ему не ведамо, для чего он к шах-Басу ездил. И от шах-Баса де он в кабаки свои приехал пожалован. А с ним де приехали кизылбаишских шах-Басовых людей человек с 30 и живут у него в кабаках»*; весной 1653 года кизылбаши вместе с дагестанцами взяли и разорили Сунженский острог (КРО, т. 1, с. 88; с. 312).

Об активности иранцев в тот период говорят и другие их действия в Дагестане и на Северном Кавказе. «Грузинский историк XVII в. Парсадан Горгиджанидзе пишет: «Шах вошел в Никози. Послал оттуда войска и разорил Осетию». По осетинским народным преданиям, шахские войска достигли с. Зарамага, но перед Зарамагской крепостью вынуждены были отступить. Таким образом, эта кровавая экспедиция шаха охватила часть территории нынешней Юго-Осетинской автономной области – верховья р. Большой Лиахви. Оттуда шахские войска перешли в Наро-Мамисонский район и опустошили Двалетию» (История ЮО АССР, с. 101).

«В XVII в. иранские шахи неоднократно пытались закрепиться на Северном Кавказе. Шах Аббас I, понимая, что укрепление связей между Россией и Кавказом приведет в конечном счете к освобождению Грузии и Армении от иранской зависимости, всячески противодействовал проникновению России в Закавказье и Дагестан» (История СО АССР, с. 155). В конце третьего десятилетия XVII в. на Грузию обрушилось многоплеменное войско Аббаса Великого, набранное со всех территорий Ирана (выделено нами. – М. Дж.). Оно не только захватило всю Грузию, но отдельные отряды перевалили и в Осетию (о чем сохранилась память и в народе).

П. Ницик пишет (в 1886 г.): «Тут же есть развалины древнего здания, входить в которое считают грехом: возле здания находится громадная насыпь камней, точно обрушившиеся горы, о чем рассказывают, что персы, некогда разоряя Грузию, прислали в Осетию свои отряды, дабы испытать храбрость ее жителей; из числа таких отрядов один явился в Дигорию и расположился возле этого священного здания. Дигорцы, видя такую дерзость персов, не обнажили на них даже своих мечей, а гора сама свалилась, и персы до единого остались под ней, до сих пор никем не откапываемые. Событие это относится к царствованию знаменитой Тамары» (ППКОО, вып. 4, с. 229). Эта «датировка», вероятно, является просто фольклорным стереотипом – связывать все важные события с именем какой-либо известной исторической личности.

Ф. И. Гребенец, побывав в 1912 году в Куртатинском ущелье, пишет: «Воспоминания о персидском владычестве сохранились в местных названиях селений, а все те горные тропинки, что идут по недоступным горным склонам, до сих пор известны под именем «шахских дорог». Гнет персидского владычества до некоторой степени сказался и на духовном мире, домашнем строе и бытовом укладе жителей. Так, очевидно, велико было влияние шахов Персии, которые немало веков владычествовали над этими местами, тяготели над ними, приходя, как говорят предания, не с севера, с плоскости, а с юга – из Грузии» (ППКОО, вып. 4, с. 268).

Мориц Вагнер пишет (в 1850 г., побывав в Осетии на несколько лет раньше): «Мне не удалось узнать ничего другого от осетин, кроме воспоминаний о времени, когда их предки переселились из какой-то другой земли в Кавказские горы» (ОГРИП, с. 277). Это очередная «странность»: почему осетины не сказали Вагнеру о том, что их предки

пришли из предкавказских степей или из Западной Алании, с Кубани? Или хотя бы с равнины, лежащей прямо перед горами Осетии? Не потому ли, что их прародина, название которой они забыли, находилась весьма далеко от Кавказа? Вполне возможно, что иронцы в XIX в. еще помнили о приходе своих предков из Ирана. Так, Б. Тулатов пишет, в 1899 г.: «По всей вероятности, аборигены-фарсаглагы пришли на Кавказ из Персии, ибо осетины называют себя иронами, что тождественно с названием персидской провинции Иран». И, далее: «Что же касается знаменитых парсийских легенд, например, об известном Рустаме, то у нас в Осетии ее знает каждый мальчик» (ППКОО, вып. 4, с. 327).

Во второй половине того же XVII в. на Северо-Западный Кавказ обрушилась эпидемия чумы и большая часть многочисленного (судя по описанию Эвлия Челеби) населения тюркского государства *Тауасстан*, занимавшего горы и предгорья от Кубани до Терека, вымерла. Если бы иранские поселенцы во время «первой чумы» находились в Северной Осетии, их постигла бы та же судьба. Можно предполагать, что предки иронцев находились в то время южнее и передвинулись на север уже после того, как эпидемия миновала. Трудно сказать, посылали к ним подкрепления и другие иранские владыки, позже, но никаких оснований отрицать такую возможность нет; персы какое-то время еще помнили о своих соплеменниках в глубине гор Кавказа.

Известный историк М. М. Блиев, говоря о попытках грузинских царей установить свою власть над осетинскими обществами, пишет, что в 1723-1735 гг., «в имениях Мачабели осетины платили повинности туркам». И, далее: «Несколько позже эти осетины несли повинности в пользу Ирана. Об этом свидетельствует и «Жалованная грамота, данная Отару Амилахвару», относящаяся к началу XVIII в. В ней Сефи-хан (из персидской династии Сефидов) предлагал грузинскому князю Амилахвару произвести в Южной Осетии перепись дворов. В своей грамоте, скрепленной печатью, он обещал: «Когда мы взыщем с остальных осетин повинности, тогда окажем содействие вам в таком же размере взыскать с них повинности» (Блиев, с. 71). Следовательно, власти Ирана в начале XVIII в. еще рассматривали жителей Южной Осетии как своих подданных.

Нашему выводу о том, что основная масса иранцев поселилась в Осетии в конце XVII – начале XVIII вв., вроде бы противоречит то, что к этому времени Иран уже давно был мусульманской страной, но основная масса осетин-иронцев по сей день остается в лоне политеизма. Противоречие это кажущееся, поскольку даже в современных странах Востока с преобладающим мусульманским населением живет множество сторонников самых различных древних культов; исламизация средневекового Ирана не была сплошной и на его территории в тот период было много племен, еще не принявших ислам.

В отличие от первой волны иранцев (условно говоря, «маздакитов»), иронцы пришли на территорию с малочисленным и сильно ослабленным после чумы населением, разрушенными связями и управлением, и имели все возможности для быстрого численного роста, постепенно ассимилируя остатки тюрков (алано-киммерийцев) – тагаурцев, туалыцев, куртатинцев, дигорцев (не исключено, что часть их погибла и в боях с шахскими войсками). Тогда, вероятно, и появился в осет. (ирон.) яз. термин *ацаг-аллон* «ас-алан», в значении «чужой, чужак, чужеземец».

Затяжные войны с Турцией отвлекли внимание владык Ирана от Северного Кавказа – в середине XVIII в. им было уже не до него. Оставшимся в глубине гор переселенцам надо было кормить свои семьи, осваиваться, укреплять связи с соседями. На какое-то время автохтоны стали двуязычными, но к середине XVIII в. остатки тюрков в Осетии, чья речь и так была насыщена иранизмами (оставленных «маздакитами»), полностью ассимилировались, за исключением двуязычных же дигорцев, еще долго помнивших родной, тюркский. Разумеется, вошли в состав осетин и отдельные представители

соседних народов – чеченцев, ингушей, грузин, аварцев, кумыков. Именно в это время Россия завязывает отношения с осетинами, а уже в 1774 г. Осетия входит в состав империи (за исключением Дигории). Но в самом начале XIX в. на Центральном Кавказе вспыхнула новая эпидемия чумы; Дигория вновь сильно обезлюдела, и на ее территории стали расселяться иронцы, выходцы из других ущелий. К середине XIX в. произошла полная ассимиляция и дигорцев.

Возникновение «двуприродных» или даже «трехприродных» народов на стыках больших этнических общностей закономерно. Таковы, например, современные узбеки, в этногенезе которых большую роль сыграли хорезмийцы и согдийцы. Тюркский мир соприкасался с иранским и на Кавказе, а потому вполне понятно появление осетин, ирано-тюркского по происхождению народа, именно у Дарьяльского ущелья, главного прохода на юг. Такой взгляд на этническую историю осетин снимает как приведенные выше противоречия, так и другие, например, наличие у карачаево-балкарцев иранского парного счета, который осетины называют «балкарским», и присутствие в кар.-балк. яз. иранизмов, которых нет в осет. яз. – они заимствованы от первой волны иранцев. Их ассимиляция среди дигорцев (в основном) привела к появлению в дигорском массы иранизмов и создала предпосылки для появления в осет. яз. второго диалекта, более, как считается, архаичного. Здесь же лежит объяснение странного факта: у дигорцев есть сказания и песня («Задалеская мать») о борьбе с нашествием войск Тамерлана, а у иронцев их нет: предки иронцев тогда находились далеко от Осетии.

Вряд ли кто-то сейчас сможет ответить на вопрос: что за племя были эти «первоиронцы» и каков был основной род их занятий до прихода на Кавказ? Не исключено, однако, что в архивах Ирана сохранились какие-то документы, могущие помочь в разрешении этой проблемы. Другим источником такой информации, в данном случае, мог бы стать сам осет. яз. – если выяснить, к какому иранскому языку или диалекту он наиболее близок. Правда, помехой в этом деле может стать бедность осетинской терминологии, которая, на наш взгляд, объясняется следующими причинами. Во-первых, на Кавказ пришла, вероятно, только часть какого-то (возможно, большого) племени, которая не обладала всем богатством лексики его языка. Во-вторых, прежняя среда обитания поселенцев, видимо, была совершенно иной, а потому и терминология, отражавшая прежний род занятий, для которого на Кавказе не было условий, постепенно утратилась. Этим же (несходством климата и ландшафта) объясняется отсутствие в осет. яз. названий многих животных, насекомых, птиц, явлений природы и т. п. (поэтому лексикографам пришлось изобретать и вписывать в словари неологизмы, постоянно противореча друг другу).

В-третьих, не исключено, что эти поселенцы попали на Кавказ не сразу, а через какие-то промежуточные территории, на которых они жили более или менее продолжительное время, что не способствовало сохранению родной речи. Можно предположить также, что это были выходцы из нескольких племен, говорившие на разных диалектах иранского языка, может быть, довольно далеко разошедшихся; в таком случае, оказавшись на одной территории, диалекты как бы гасили друг друга, пока из них не образовался один язык – но за счет утраты своеобразных черт этих диалектов, как и многих терминов, что привело и к обеднению лексики.

Рискуно предположить также, что в конце XVII в. в Южной Осетии были поселены люди из каких-то горных ираноязычных племен (с учетом условий Северного Кавказа), выходцы из какой-то отдаленной местности, по одной простой причине – чтобы лишить их возможности самовольно вернуться домой; это могли быть памирские горцы. Ирановедами отмечается близость осетинского языка именно к ягнобскому; В. И. Абаев, например, говоря о близком языковом родстве скифо-саков и населения Хорезма и

Согдианы, пишет: «...осетинский язык на Кавказе и ягнобский язык в Средней Азии продолжают традицию скифского и согдийского языков» (ОИЯ, с. 359-360).

Известен и город *Сугдабил* на восточном берегу Куры напротив Тбилиси, упоминаемый несколькими средневековыми авторами. «По Йакуту, был построен Ану-Ширваном одновременно с Баб ал-Абвабом (Дербентом. – М. Дж.); для укрепления северных рубежей империи сюда **из Согда** были переселены персы, которые составили пограничный гарнизон Сасанидов» (Ибн-Хордадбех, с. 300). Не их ли впоследствии переселили в Осетию владыки Ирана и не они ли стали второй волной иранцев на этой территории? В период пребывания в Грузии в их язык и могло проникнуть большинство картвелизмов, обнаруженных в осетинском.

Почему же поселенцы не позаимствовали терминологию из тюркского языка субстрата, дигоро-туало-тагауро-куртатинцев? Но занять все термины из другого языка невозможно, это процесс стихийный; к тому же народ не состоит из поэтов и лингвистов. Предкам иронцев надо было, в первую очередь, приспособиться к новым условиям - обеспечивать свои семьи продовольствием, строить жилье, отбиваться от нападений удалых соседей и самим ходить в набеги, пахать и сеять, пасти скот, косить сено и пр., и пр. Кроме того, автохтонов, скорее всего, было не так много.

Но мы уже знаем, что в осет. яз. более 200 грузинских, и не менее 700 тюркских и арабских терминов, велико и количество тюркских географических терминов и топонимов; прибавим сюда еще и эпос о нартских богатырях, который иронцам надо было усвоить (пусть и в прозаической форме); были сложены и новые песни, легенды, сказки, притчи и пр., и пр. Учитывая все это, как и многое другое, следует признать, что предки осетин в новых, непривычных условиях проявили не просто большую, но исключительную активность в области культуротворчества, сумев за короткий срок добиться впечатляющих результатов. Нисколько не преувеличивая, можно определить это как подвиг, совершить который в столь трудных условиях было под силу только очень талантливому и энергичному народу.

Осетия – небольшая по площади республика (8 тыс. кв. км), невелика и численность самих осетин (около 600 тыс. чел); но среди множества народов России (да и Советского Союза) они являлись и являются одним из самых заметных, ярких. Очень велико среди осетин число героев, прославившихся во всех войнах России – начиная с русско-турецких (в XIX в.) и кончая Великой Отечественной, генералов и офицеров, государственных деятелей, известных художников, крупных ученых, писателей, актеров, музыкантов (напомним о Веронике Дударовой и Валерии Гергиеве), не говоря уже о спортсменах - чемпионах СССР, России, мира, Олимпийских игр. Некоторые мои собеседники давали этим фактам следующее простое объяснение: мол, центр региона до революции долгое время находился во Владикавказе, здесь было много образованных русских офицеров, к тому же русские власти благоволили осетинам, считая их христианами; для них открывали церкви и школы, охотно брали в армию и пр.; благодаря всем этим обстоятельствам, у них рано зародилась национальная интеллигенция и т. д. Да, все сказанное имело место, но считать это полным и основательным объяснением нельзя. На наш взгляд, указанные условия являются только внешними факторами; главное заключается в характере и степени одаренности народа (т. е. в том, каков был основной психофизический тип, унаследованный им от предков). Ни в какой области деятельности нация (как и отдельный человек) не добьется больших успехов, если в ней нет внутренней предрасположенности к тем или иным занятиям. Как мы уже говорили, национальный характер не миф, а реальность, в которой есть свои константы, сохраняющиеся, пока народ остается народом.

Вряд ли такое ответственное и опасное дело, как охрана горных перевалов, шахское

правительство могло поручить, кому попало. Иранские поселенцы, скорее всего, являлись потомками племени, относившегося к военной касте, т. е. были прирожденными воинами, сохраняя сложившийся в древности психофизический тип кшатрия. Занявшись крестьянским трудом, поселенцы постепенно освоились на новых местах и увеличились в числе. Успешно отбиваясь от попыток грузинских князей закабалить их, они стали переваливать на северную сторону хребта, где началось их смешение с уцелевшими от чумы автохтонами, в основном, потомками элиты тюрков-алан (князья, дворяне и свободные общинники), принадлежавшими опять-таки к касте воинов.

Смешение двух народов, которые говорили на разных языках, но в которых преобладал один психофизический тип (кшатрийский), привело к появлению ярко одаренного этноса, в котором этот тип стал основным, проявляясь во всем. Поскольку воины - это люди, призванные к служению, они являются не разрушителями, а защитниками, хранителями и организаторами и склонны к созиданию и творчеству. (Маленькая деталь: мой друг, известный хореограф М. Ч. Кудаев, всю свою жизнь посвятивший хореографии, говоря об ансамблях народного танца Северного Кавказа, несколько раз говорил, что осетинские танцоры всегда выделялись своей великолепной осанкой и подчеркнутым аристократизмом исполнения).

Полагаю, мы привели такое количество данных, которое позволяет сделать определенные выводы и дать схему этногенеза осетин, в наибольшей степени отвечающую фактам и логике. Вначале мы дали полный список схождений осет. и кар.-балк. фамилий, затем дигор. и кар.-балк., и привели такие же схождения на основе неполных списков фамилий туальцев, тагаурцев и кударцев (добавим перечень имен дигорских, туальских и тагаурских феодалов). Итог: в этом пласте антропонимов не менее 600 единиц или совпадают с кар.-балк., или имеют в основе кар.-балк. слова. Добавим 350 тюрк. терминов в иронском, выявленные В. И. Абаевым, и 300 в дигорском, а также 160 тюркских топонимов, массу географических терминов, приведенных в книге А. Дз. Цагаевой, и множество тюркских элементов в эпосе. Осетинский народ и язык действительно «двуприродны», но эта «двуприродность» обусловлена участием в этногенезе осетин автохтонного тюркского населения Иристана, а не мифических «пракавказцев», от которых никаких следов не осталось ни в языке, ни в фольклоре. Можно уверенно утверждать, что осетины и карачаево-балкарцы являются братьями не только по культуре, но и по крови.

1. Наибольшее количество заимствований в осет. яз. – из кар.-балк. (тюркизмы и арабизмы в кар.-балк. огласовке); тюркизмы имеются практически во всех разделах лексики.

2. Четверть осет. фамильных имен идентична кар.-балк. или имеет в основе кар.-балк. имена собственные.

3. Подавляющее большинство сохранившихся в письменных документах имен осетинских старшин и князей – тюркские.

4. Огромное количество имен собственных, сюжетов и эпизодов в нартском эпосе осетин находят объяснение на почве кар.-балк. языка.

5. Подавляющее большинство упоминаемых в осет. нартских сказаниях этнонимов, топонимов и гидронимов – тюркские. В осет. эпосе описан мир средневековых тюркских племен, но не «североиранских».

6. Топонимия Осетии включает в себя не менее 160 тюрк. названий, встречающихся на всей ее территории.

7. Об этнической природе субстрата, на котором сложился осетинский народ, свидетельствует и тюрк. именование грузин в речи осетин (*гурдзи*), как и присутствие в

осет. яз. кар.-балк. княжеского титула *таубий*, у куртатинцев означающего «князь», а у остальных осетин – «благородный, аристократ».

8. На основе кар.-балк. яз. находят объяснение и некоторые осет. теонимы.

Анализ приведенных материалов показывает, что:

А) Северный Кавказ заселялся с севера (тюрками, и, возможно, небольшой частью угро-финнов) и юга (предки вайнахов, народов Дагестана и др.). Многие этносы, населяющие регион, сложились на тюркском субстрате, о чем свидетельствует то общее, что имеется в их культуре, как и в языках, насыщенных тюркизмами; об этом же свидетельствует огромное количество тюркских географических названий;

Б) кумыкский, карачаево-балкарский и осетинский народы являются автохтонным населением Северного Кавказа;

В) карачаево-балкарцы - потомки западной ветви тюркских племен, продвинувшихся на Кавказ из Придунавья, скифо-алано-болгар (скифо-алано-киммерийцев);

Г) осетины сформировались, как этнос, на Северном Кавказе, в результате смешения автохтонных тюркских племен, потомков создателей кобанской культуры (тагаурцев, туальцев, куртатинцев, дигорцев) и поселенцев, пришедших из Ирана в XVII–XVIII вв.

В характере карачаево-балкарцев хорошо заметны такие черты, как беспечность (сродни русскому «авось») и простодушие. Присущи они были и тем кар.-балк. ученым, которые не считали скифо-сармато-саков иранцами, но сами ничего не предпринимали для решения давно назревшей проблемы, рассуждая: авось, иранисты в конце концов поймут, что неправы, и признают это; авось, кто-то из светил этнологии напишет фундаментальный труд, в котором докажет как дважды два, что скифо-сарматы были тюркоязычны (это же так очевидно!) и вся академическая наука в тот же день воспоет ему осанну, и т. п. Других карачаево-балкарских исследователей непримиримая позиция, занятая осетиноведами, заставляла искать новые аргументы, факты, источники и пр. Иранистам эти годы не дали ничего – наоборот, они продолжали все дальше загонять себя в тупик. Но все могло пойти по-другому.

Исследователям, увлеченным поиском решения трудной проблемы, атмосфера творческого содружества придает огромные силы. Можно было добиться впечатляющих результатов в исследовании этнической истории и традиционной культуры наших народов, если бы осетиноведы в свое время (хотя бы в 80-е годы XX в.) вступили в диалог со своими малочисленными оппонентами, большей частью принадлежавшими к первому и второму поколению ученых своего народа. В Осетии трудилась в то время целая плеяда выдающихся исследователей – Ю. С. Гаглойти, Б. А. Калоев, В. А. Кузнецов, Ф. Х. Гутнов, Т. А. Гуриев, А. Дз. Цагаева, М. М. Блиев, М. И. Исаев, А. Х. Магометов, Л. А. Чибиров, Б. В. Техов и другие. Общение с такими первоклассными специалистами, вне всякого сомнения, многое могло дать карачаево-балкарским ученым, а осетиноведам позволило бы, по крайней мере, взглянуть на свои труды со стороны, критически оценить их – а значит, добиваться более точных результатов. Но, к великому сожалению, вместо творческого содружества получилась скучная, вялая перепалка, растянувшаяся на пять десятков лет; не думаю, что ей положит конец и наша невеселая книга.

ТАБЛИЦА

Автор этой книги убежден, что в научном исследовании нет и не может быть мелочей и что изложение анализируемого материала должно быть максимально ясным и

последовательным. О многих важных вещах нам пришлось, однако, говорить очень кратко, вследствие чего не исключены возможность возникновения разрывов и риск быть понятым неправильно. Поэтому мы сочли нужным дать небольшую таблицу. Поскольку полная несостоятельность нумерологической хронологии Скалигера-Петавиуса (как и крушение основанной на ней канонической версии истории) вполне очевидна, но других датировок пока нет, нам пришлось обойтись без них. Разумеется, эта таблица дает только самое общее и краткое представление о последовательности событий на протяжении примерно 15 столетий, и, учитывая сложность задачи, нуждается в существенных уточнениях и дополнениях. Или в полном опровержении.

- Всемирный потоп и гибель центра цивилизации белой (европеоидной) расы, находившейся в Средиземном море. Население сохранилось в виде отдельных островков на большем или меньшем удалении от этого центра.

- Праевропеоидный этнос на Балканах и на западной оконечности Малой Азии. Народ состоит из четырех племен; строй кастовый – жрецы, воины, собственники и рабочие. Мраморного моря, Босфора и Дарданелл еще не существует, Черное море представляет собой большое озеро.

- Основание города Трои (Илиона, Иерусалима) и возникновение Троянского (Ромейского) государства под властью царей-первосвященников. Храмовые хозяйства. Рост населения, обособление прежних каст и начало их превращения в отдельные этносы, предков нынешних народов: европейских, угро-финно-тюркских, индоиранских, семито-хамитских.

- Новый катаклизм – «Дарданов потоп», после которого Черное море соединилось со Средиземным. Теперь столица, находящаяся на малоазийском берегу, называется *Баб-Илион* («врата Божьи»). Часть пра-европейцев, предки индоиранцев и семито-хамитов оказываются в Малой Азии, большинство европейцев и угро-финно-тюрки – на Балканах. Распад праимперии.

- Возникновение четырех царств: индоиранского на северо-западе Малой Азии, семито-хамитского – на юге полуострова, европейского – на северо-западе Балкан, угро-финно-тюркского – в междуречье Дуная и Прута. Продолжается расселение четырех народов в разных направлениях.

- Попытка индоиранцев восстановить единую империю (царь Дарий) и поход на Скифию. Ассимиляция европейцев, оказавшихся в Малой Азии после Дарданова потопа, индоиранцами.

- Натиск славян-моравов (отсюда и назв. блаженной страны *Муравии* в русском фольклоре), германцев и фракийцев (балтов) на восток. Уход угро-финнов на северо-восток, в полосу лесов, и скифов (пратюрков) на восток, в степи.

- Переход столицы праимперии под власть европейского жреческого племени. Постепенное вытеснение индоиранцев и семито-хамитов из Малой Азии: первые движутся на юго-восток, а вторые на юго-запад. Восстание европейцев-кшатриев и падение Трои (Троянская война). Бегство уцелевших троянцев (Эней и его отец Анхиз) в Италию и основание Рима на Тибре.

- Начало Византийской империи (племя тевкров; поэтому в «Огуз-намэ» византийский император именуется «тевкурским царем»).

- Ачей, царь Скифии. Поражение скифов в битве с македонцами.

- Продвижение пратюрков (скифов) к Дону и Волге, к Северному Кавказу. Столкновение скифов (гунно-хазар) с «кавказианами», переселявшимися на Северный Кавказ с юга. Походы скифов в Закавказье. Царь Уобос (Кобос, Коб).

- Строительство столицы Скифии Тмутаракани в низовьях Днепра (Каменское городище). Возведение великого тенгрианского святилища тюрков (*Шамбалыкъ, Аякъала*) в Пятигорье, в священной местности *Сибилти (Къыркъ-суу)*. Страна Киммерия (юго-западная часть Скифии – от Приазовья до верховьев Терека). Кобанская археологическая культура.

- Гражданская война в Киммерии. Междоусобная битва в долине Баксана.

- Победа савроматов (савиро-тюрко-хазаро-гуннов) над скифами (киммеро-болгаро-аланами). Война тюрков (гуннов и алан) с готами. Возникновение Великого Тюркского каганата в Восточной Европе. Выселение маздакитов на Терек.

- Начало великого расселения тюрков. Войны каганата с Ираном. Союз с Византией. Уход сельджуков и алан на юг и создание тюрко-иранского государства - Парфии. Заселение тюрками Средней Азии, Казахстана, Алтая.

- Эмиграция хорезмийцев и евреев на территорию Великого Тюркского каганата. Поход аланов и гуннов на Западную Европу. Гуннский каганат в Паннонии.

- Иудейский переворот в Великом Тюркском каганате. Восстание кабаров (абаров, аваров) и венгров; их переселение на Дунай (в Гуннию-Хунгарию). Независимый Аварский каганат в Паннонии.

- Распад Тюркской державы на несколько государств – Западно-Тюркское, Хазарское, Сельджукское, Восточно-Тюркское (в Монголии и на Алтае). Продвижение тюрков в Северный Китай, на Корейский полуостров и в Японию. Великая Болгария в Приазовье и на Северном Кавказе.

- Смерть хана Кубрата и распад Великой Болгарии. Уход орды Аспаруха на Дунай.

- Война хазар с болгарами. Восточная Европа под властью Хазарии.

- Волжская Булгария.

- Войны хазар с арабами. Принятие ислама кумыками и волжскими булгарами.

- Распад Хазарского каганата. Алания на Кавказе. Принятие христианства аланами.

- Поражение Аварского каганата в войнах с франками и болгарами. Приход торков и печенегов на Балканы. Начало этногенеза турков-османов.

- Период смут и междоусобиц на Руси. Тюркские племена на военной службе в русских княжествах.

- Начало создания новой империи в Заволжье и на Урале – *Менгу эль* («вечный эль»), со столицей на Урале.

- Чингисхан. Захват Средней Азии и конец державы хорезмшахов.

- Вторжение в Восточную Европу татар, башкир, казахов и ногайцев (*ногъайлы*, у Андрея Лызлова - *монгайлы*) под командованием Бату-хана.

- Создание нового государства тюрков – «Золотой Орды».

- Захват Греции и Константинополя крестоносцами и создание Латинской империи. Отступление греков в Малую Азию (Никейская империя). Усиление позиций католичества на Северном Кавказе, в Крыму и Западной Руси.

- Поход греко-сельджукско-половецкого войска под командованием Иоанна Дуки Ватаца на Северный Кавказ. Заключение союза византийцев с властителями «Золотой Орды», направленного против Латинской империи.

- Поддержка тюрко-византийского союза русскими князьями, сторонниками православия (Александр Невский). Разгром сторонников католичества (Киев, Рязань, Чернигов) греко-тюрко-русскими войсками Ватаца, «татарами» (гипотеза А. М. Жабинского).

- Заключение тайного союза Ватаца с Фридрихом II Гогенштауфеном, направленного против папства. Поход «татар» на Польшу и к Адриатике.

- Разгром крестоносцев греко-тюрко-русским («татарским») войском. Отвоение Константинополя и восстановление Византийской империи.

- Хорезмийцы в Венгрии. Принятие ислама балканскими тюрками (гунно-аварами, печенегами и торками). Появление народа османов.

- Нашествие войск Тамерлана на Северный Кавказ. Джулатская битва и разгром Тохтамыша. Первый геноцид аланского народа.

- Взятие Константинополя турками-османами. Признание европейскими государствами вассальной зависимости от Османской империи. Начало борьбы западноевропейских государей за независимость (под руководством Ватикана).

- Начало распространения ислама в Алании. Битва карачаево-балкарцев с крымцами в долине Баксана.

- Ассимиляция абхазами причерноморских алан. Появление нового этноса – абазин и вытеснение ими кабардинцев на восток.

- Создание княжества Барсил Карачай.

Нач. XVII в. - Захват Грузии войсками шаха Аббаса Великого и походы персов на Северный Кавказ.

Середина XVII в. - Заселение Южной Осетии предками осетин-иронцев. Столкновения абазин с карачаевцами. Уход баксанских карачаевцев на запад.

Вторая треть XVII в. - Возникновение аланского государства Тауасстан (Тауистан).

Конец XVII в. - Война (?) и эпидемия чумы. Гибель Тауасстана.

Начало XVIII в. - Приход кабардинцев на их нынешнюю территорию. Переселение иронцев на северную сторону Кавказского хребта и начало иранизации тагаурцев, туальцев и куртатинцев.

Середина XVIII в. – начало периода ироно-тюркского двуязычия в Дигории.

1774 г. - Присоединение Осетии к России.

1827 г. – Присоединение Балкарии и Дигории к России.

1828 г. – Присоединение Карачая к России.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В молодости, читая произведения, относящиеся к жанру, который называется «научная фантастика», я заметил, что им присуще нечто общее. Если в классической реалистической литературе сюжет развивался благодаря поступкам, которые определялись личными качествами, характерами героев, то в научно-фантастической главным и определяющим фактором является ситуация, в которую писатель помещает героев своего произведения: не их поведение порождает ситуацию, а наоборот, она диктует характер и поведение персонажей.

После путешествия Магеллана, великих географических открытий, изобретения книгопечатания, появления гелиоцентрической теории Коперника, с развитием техники, естественных наук и пр., началась борьба за мировое господство. В Новое время (когда и зародилась наука, в современном понимании), открывая все новые и новые закономерности в природе, восторгаясь мощью и возможностями познающего человеческого разума, борясь с влиянием Церкви и отвергнув метафизику и религию как обман и тупик, естествознание и философия пришли к выводу, что вся и Вселенная есть некий гигантский механизм, наподобие часов. Отсюда следующий шаг к пониманию и самого человека, как биологического механизма, только устроенного наиболее хитроумно и который следовало понять, разумеется, разобрав на части и уяснив закономерности его функционирования. (В наиболее законченной форме подобный взгляд был выражен в

книге французского философа Ламетри, название которой говорит само за себя – «Человек-машина»). Теперь, полагая, что он постиг суть и устройство мироздания, человек пожелал взять судьбу в свои руки, переделать его. Наступила эпоха экспериментов (в медицине, в искусстве, в технике и т. д.), объектом которых становится все на свете; отчего же было не попытаться найти наилучшую, «научно выверенную», форму человеческого общества, функционирующего, как хорошая фабрика?

Социальные утопии, проекты устройства и переустройства общества, опиравшиеся не на извечные свойства и качества самого человека, а просто на воззрения и представления отдельных личностей, дали страшные плоды (конечно, первые утописты этого предвидеть не могли). Те же идеи двигали Оливером Кромвелем; Петр I, фанатик переустройства общества, с недюжинной энергией переделывал Россию, не жалея ни ее, ни себя (неслучайно А. С. Пушкин говорит о нем в «Медном всаднике», возможно, не без иронии: «О мощный властелин судьбы!»); при нем же был построен Санкт-Петербург, самый, по выражению Ф. М. Достоевского, «умышленный город в мире».

Но человек смертен, смертны и утописты; расхлебывать кашу, которую они заварили, приходится другим. Говорят, Отто фон Бисмарк, прочитав труд («Капитал») одного из «улучшателей мира», Карла Маркса, выразился предельно ясно и точно: «Мы еще заплачемся с этим бухгалтером». Такими же «передельщиками» были якобинцы, большевики, маоисты, полпотовцы и пр. Везде и всегда одно и то же: не общественный строй должен соответствовать человеку, а он – общественному строю, предложенному очередными изобретателями. Не идея для человека, а человек для идеи (причем выдуманной таким же существом, как и все прочие).

Очень точно и убедительно вопрос о влиянии естественнонаучных воззрений на сознание общества и понимание им сущности человека был проанализирован в работах А. Г. Дугина, например, в книге «Философия традиционализма». Мы отметим из нее некоторые моменты. «Человек изучает общество, физические и химические явления, гуманитарные предметы. Но чем бы он ни занимался, ему необходимо иметь определенное представление, определенную концепцию о том, кто является субъектом и действующей силой, то есть, собственно человеком. Причем, речь идет не только об антропологии как об отдельно взятой науке, но и о некоторых антропологических предпосылках современного мира», - пишет А. Г. Дугин. И, далее: «Современное определение человека или объекта антропологического исследования современной науки, - это человек минус душа». «От зверя эта реальность отличается компьютерно-рациональными способностями, от механизма – наличием биологической стороны».

Таким образом, современная наука понимает человека или как аппарат, или как зверя (с атеистической точки зрения машиной же является и зверь), т. е. как биоробота, причем сама себе в этом не признаваясь (в отличие от Ламетри). Но она не в силах дать внятный ответ на вопрос, откуда взялось это чудо-юдо: «В современной антропологии мы почти нигде не найдем эти версии (человек – аппарат и человек – зверь) в чистом виде. Чаще всего мы имеем дело со смешанными концепциями. Однако именно к этим двум основным моделям тяготеют все магистральные представления о человеке в современном мире. Самые, так сказать, аутентичные ученые боятся высказать любое резкое суждение, даже в рамках современной антропологии. Поэтому в современных научных средах принято считать, что во всем необходимо искать золотую середину. По тысяче страниц исписывают – и ничего понять невозможно: зверь или аппарат? «Нечто сложное», - говорят. Подобная овечья робость у них – хороший тон. Чем менее радикальный вывод делается, тем лучше для карьеры...», - говорит А. Г. Дугин.

С этой точной и четкой констатацией трудно не согласиться. Причем последний вывод справедлив для огромного количества работ в области гуманитарных наук, написанных в

XX веке; «овечья робость» якобы свидетельствует о похвальной осторожности и осмотрительности их авторов, но на самом деле и гораздо чаще – о том, что они нисколько не старались прояснить проблему, а просто переписывали уже известное и поощряемое. Направление и выводы исследования в гуманитарных науках во многом зависят от понимания сущности человека. Но спросите любого автора академического учебника: «Кто есть человек?» - и он вам не ответит.

Ответов на этот вопрос только два: 1) творение Всевышнего, бессмертный дух, заключенный во временной оболочке плоти; 2) машина, неизвестно как и зачем «сотворенная природой» и обреченная на полное уничтожение. Первый ответ для ученого-позитивиста не подходит, а сказать, что человек это механизм (биоробот), он постесняется. Потому что ему зададут другой вопрос: «Тогда о какой истории (философии, науке и пр.) могут говорить одни машины всем другим, да и зачем?». Тем не менее этот абсурд ежечасно внушается миллионам людей, и бессознательный взгляд на человека, как на машину, внедрился во все поры общества; например, в медицину - у пациента удаляют больной орган и вставляют «запчасть», взятую у другой «машины».

Существует огромная разница между объектами изучения естественных и гуманитарных наук: с одной стороны, материя (живая и неживая) и происходящие в ней процессы, а с другой – человек (душа), общество и их деяния. Основываясь на глубоко ошибочной (а фактически – преступной, предательской) концепции человека как чисто материального существа, а не бессмертного духа, современные гуманитарные науки и не могут прийти ни к каким убедительным выводам и результатам, плетясь в хвосте у наук естественных и применяя к изучению человека и общества методы исследования неорганической материи.

В каждом обществе и в каждую эпоху существуют только две системы ценностей (если говорить обобщенно) – качественная и количественная, одна из которых является определяющей; ради соответствия им между людьми идет состязание. При чтении работ о жизни средневековой Западной Европы, например, создается впечатление, что там и тогда на первом плане было совершение подвигов веры, аскетизма, героизм в битвах и т. д. Разумеется, были состоятельные люди, владевшие немалыми средствами, имуществом, землями и пр., но богатство в ту эпоху признавалось чем-то второстепенным, низменным, тленным. Но затем к власти пришла буржуазия, по самой своей сути склонная к материализму, и герои прежних времен стали казаться наивными и смешными (что гениально было показано в «Дон Кихоте» Сервантеса), а на первый план вышли ловкие люди типа Фигаро.

Два-три века назад нечто подобное наблюдалось, наверное, и на Северном Кавказе (нисколько при этом никого не идеализирую). Говорили о тех и славили тех, кто совершил подвиг, или проявил щедрость и благородство, высказал мудрую мысль, сложил красивую и правдивую песню и пр.; такие люди становились примером для подражания и приобретали известность не только у себя, но и во всем регионе, вызывая желание превзойти их или стать с ними на один уровень. Это не разъединяло людей, ведь речь шла о ценностях качественных – уважении и славе, которых мог добиться каждый.

Ныне главной ценностью признали богатство, и люди борются именно за обладание деньгами (или властью, но опять-таки нужной для приобретения богатства); говорят о миллионах, миллиардерах и завидуют им. Но материальные ценности имеют лишь количественное измерение, они есть нечто осязаемое, а потому их на всех не хватает и стремление обладать ими обязательно ведет к разладу и вражде. И если совершение подвигов героизма, веры, творчества требует от человека проявления самых высоких его качеств, то для быстрого обретения больших состояний и влияния, как и для устранения

конкурентов - наоборот, самых низменных (хитрости, подлости, способности обмануть, своровать и т. д.).

Мы живем в перевернутом мире, которым правят отнюдь не самые высоконравственные люди. Дух времени диктует многим, слишком многим, активное участие в «Большой Жратве» (название фильма Эриха фон Штрогейма), фактически - в животной грызне вокруг денежной кормушки. Покупать и продавать, для того, чтобы снова покупать. И предавать – себя и других. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять: любое общество, в котором продается и покупается абсолютно все, а степень влияния человека зависит от толщины его кошелька или высоты купленного кресла, обречено на разложение и гибель, распад (или на установление жесточайшей диктатуры).

В 1991 году закончилась Третья мировая война (холодная), со всеми полагающимися последствиями (аннексиями, контрибуциями, развалом побежденной страны и пр.), и в России, как и после Первой мировой войны, грянула «Великая криминальная революция» (название фильма С. Говорухина). У людей было ощущение, что огромные жертвы, принесенные народами СССР на алтарь строительства социализма, труды, тяготы, – все впустую. Оказалось, что «строительство социализма» было только первой частью программы, предельно четко сформулированной Шариковым, героем повести Михаила Булгакова «Собачье сердце»: «Взять все, да и поделить». В 1917 году взяли, а в 1991 году начался дележ, который привел к полной криминализации общества.

В тот год мне было уже за сорок, и я, как и многие, понимал, что распад Советской империи неизбежен, в силу многих причин – экономических, политических, геополитических, социальных, национальных и пр., и в том числе - из-за неимоверного лицемерия и нескончаемого потока лжи, изрыгаемой из всех рупоров и со всех трибун. «Лагерь социализма» развалился, и начался «беспредел», когда народ несколько не верит государству (т. е. правящему сословию), а оно – народу; мы уже давно вступили в «эру подозрения» (Натали Саррот) и дышим отравленным воздухом провокации. Известно, что все общественные катаклизмы в государстве начинаются с утраты доверия: сначала рушится государственная идеология, а затем начинается череда и других кризисов – экономический, политический, военный. Отличие нашего времени в том, что все они принимают глобальный характер.

Академическая наука история оказалась в глубоком кризисе по многим причинам; но главной из них являлась ее внебрачная связь с гос. идеологией и политикой: менялась политика – и государственные историки тут же начинали освещать события по-другому (или выбывали из строя). Поэтому честного обращения с фактами и объективности от всех, кто занимался исследованием истории и культуры по долгу службы, ожидать не приходилось. Было много и тех, кто часто (или даже всегда) руководствовались иными стремлениями и соображениями – личными, «патриотическими», государственными и пр. Насколько опасно ученым поддаваться таким пристрастиям, показывает один пример.

Выдающемуся лингвисту Н. С. Трубецкому принадлежит статья «О туранском элементе в русской культуре», в которой он пишет о тюрках (их языке, истории, фольклоре, музыке, характере) с большой симпатией и пониманием. И он же, находясь в эмиграции и несколько не сочувствуя большевикам, в 1925 году пишет для них же целую инструкцию по национальной политике («О народах Кавказа»), в которой, в частности, говорит следующее: «Кумыкский язык является «международным» языком почти всего Северного Кавказа (от Каспийского моря до Кабарды включительно), азербайджанский господствует в большей части Закавказья (кроме Черноморского побережья) и, кроме того, в Турецкой Армении, Курдистане и в Северной Персии. Оба эти языка – тюркские. Надо иметь в виду, что при интенсификации экономической жизни пользование

«международными» языками приобретает такое значение, что вытесняет туземные языки: многие аулы южных округов Дагестана уже совершенно «обазербайджанились». Вряд ли в интересах России допускать такую тюркизацию Дагестана. Ведь если Дагестан тюркизируется, то получится сплошная масса тюрков от Казани до Анатолии и Северной Персии, что создаст самые благоприятные условия для развития пантуранских идей с сепаратистским, русофобским уклоном».

И какие же, по мнению Н. С. Трубецкого, меры на уровне государства следует принять, чтобы помешать распространению этих воображаемых идей? «Дагестан должен быть использован как естественный барьер на пути тюркизации этой части Евразии. В северных и западных округах Дагестана дело обстоит сравнительно просто. Здесь следует признать официальным языком аварский, являющийся и без того родным языком для населения Гунибского и Хунзахского округов и международным языком для Андийского, Казикумухского, частью Даргинского и частью Закатальского округов. Следует поощрять развитие аварской литературы, прессы, ввести этот язык во все низшие школы перечисленных округов, а также в соответствующие средние училища как обязательный предмет». Для южных областей Дагестана Н. С. Трубецкой предлагает сделать официальным языком кюринский (лезгинский), чтобы этот регион оказался «поделенным между двумя туземными языками» (Трубецкой, с. 572-573).

Это пишет один из лучших представителей высокой русской интеллигенции, один из отцов-основателей евразийства, озабоченный сохранением целостности Российской империи, переименованной в СССР; народы, их языки и их развитие важны не сами по себе, а в той мере, в какой они полезны для создания барьера на пути предполагаемого распространения «пантуранских» идей. Кумыкский язык стал языком межнационального общения (и не одного Дагестана) не по произволу какого-либо властного лица, а по вполне естественным причинам. Он красив, богат и звучен; он являлся родным для экономически самой развитой части региона к северу от Кавказского хребта – Кумыкского шамхальства; на нем существовала литература. Но великий ученый, которому такое положение кажется опасным, предлагает изменить его, нарушить естественный ход вещей. Фактически лингвист-эмигрант в чем-то был близок к большевикам, которым хотелось построить «новый мир», разрушив до основания старый.

Конечно, мы учитываем, что современная политика и нравственность не имеют между собой ничего общего и что Н. С. Трубецкой в данном случае рассуждал сугубо прагматично, «с государственно-патриотической точки зрения». Но даже если понять и принять такую позицию, слепота великого ученого поразительна: на его глазах от Российской империи уже откололись Финляндия, Польша, Западная Белорусия, Западная Украина, Молдова, Латвия, Эстония, Литва, а он пугал себя и своих читателей жупелом пантюркизма!

Насколько высоко советские идеологи оценили рекомендации Н. С. Трубецкого и постарались ли они претворить их в жизнь, мы сказать не можем. В качестве противовеса мнимо-опасной идее «пантюркизма» были приняты меры по поддержке осетин и кабардинцев (но не родственных им адыгейцев, когда-то державшихся, в большинстве, крымско-турецкой ориентации, как и абазины). Вторых – потому что их князья и дворяне в течение двух веков (середина XVI - середина XVIII вв.) были наемниками России, получая немалые дотации (см. двухтомник «Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв.») как, впрочем, и от Османской империи, умело ведя двойную игру. Но впоследствии, когда Россия, укрепившись на юге, показала, что больше не нуждается в их услугах и лишила привилегий, кабардинская знать (кабарско-черкесская, тюркская по происхождению) вступила в отчаянную схватку с могучим противником и большей

частью погибла в боях или эмигрировала в страны Ближнего Востока; остатки этой знати были репрессированы при большевиках (см. об этом: С. Р. Керменчиев, М. Л. Големба).

Осетины, с которыми российские власти наладила связи в середине XVIII в., понадобились империи в другом качестве – для создания опоры в самом центре Северного Кавказа, у главного прохода на юг – Дарьяльского ущелья. Для этой цели их попытались обратить в христианство, правда, безуспешно. Осетинский язык, фольклор и традиции, как уже говорилось, были использованы имперскими идеологами в качестве живого доказательства ираноязычия скифо-сарматских племен, дабы лишить тюркские народы опоры на их древнюю и богатую историю, из-за которой они якобы могли совратиться в «пантюркизм».

В XIX-XX вв. в тех же душеспасительных целях (или уже совершенно бездумно, по инерции) усилиями науки, литературы, живописи, кино тиражировался стереотипный образ «средневековых тюрков-кочевников», маленьких всадников с кривыми саблями в зубах, агрессоров и баскаков, каких свет не видывал. Дело, впрочем, обычное – так поступают все пропагандисты. Когда началось противостояние Запада с Россией, о последней тоже, как говорят, было создано немало мифов и стереотипов, вроде медведей, разгуливающих по улицам Москвы. Помнится, лет тридцать тому назад показывали серьезный фильм, снятый серьезным режиссером Ивом Чампи «Кто вы, доктор Зорге?». В самом конце фильма, где-то в Средиземном море, под горячее южное солнце из подлодки вылезают советские моряки, одетые в ватные фуфайки и шапки-ушанки.

Еще одна ирония истории заключается в том, что в 1991 году все тюркские республики, как и их руководители, выступали за сохранение СССР, а «сепаратистами» оказались Россия, Украина и Белоруссия. В нешироко распахнутые объятия НАТО, организации, которая вряд ли пылает любовью к России, сразу же после крушения «лагеря социализма» кинулись опять-таки славянские государства Европы (Чехия, Польша, Болгария). Но даже сейчас, стоит кому-либо заикнуться о том, что древняя история тюрков не была такой примитивно-кочевнической, какой ее преподносят официальные историки, тут же раздается обращенный к высокому начальству вопль: «Это пантюркизм!».

В отличие от государства, народ, слава Богу, обходится и без идеологии, которая меняется после каждого поворота в политике или смены режима. Иное дело история, и, в первую очередь, история этническая. Потому что она помогает ответить на очень непростые вопросы: «Кто мы? Что с нами было? Кто я?». Благодаря ей и традиционной культуре можно почувствовать себя звеном в неразрывной цепи поколений, ощутить связь со своими предками и потомками и обрести свое место во времени – чтобы не смотреть на себя как на случайного гостя в случайном мире. Народ – понятие историческое и охватывает не только представителей того или иного этноса, живущих в одно определенное время, но и их предков, и их потомков.

Балкария вошла в состав России в 1852 г., Карачай – в 1855-м (процесс их вхождения начался в 1827-1828 гг.), и с тех пор они никогда не изменяли своим обязательствам перед государством. Тем не менее, карачаево-балкарцам в годы сталинщины пришлось испытать, как и некоторым другим народам СССР, самое тяжкое испытание, какое можно было придумать – геноцид и 14 лет жизни на чужбине. На их долю досталось все, что испытали и другие репрессированные народы, у которых отобрали самое главное – родину. Но имелось одно отличие, и не такое незначительное, как может показаться.

Если историческое прошлое калмыков, чеченцев, ингушей и крымских татар до их депортации извращали, а потом и просто запрещали знать и говорить о нем, то у карачаево-балкарского народа историю отняли задолго до выселения, т. е. их лишили всего, чего только можно было лишить – сначала места во времени, а потом и в

пространстве; фактически его отправили в небытие. После возвращения на родину (царство небесное и вечная память Н. С. Хрущеву) карачаево-балкарскому народу выдали некую моральную компенсацию, в виде решения научной сессии 1959 г. (Нальчике). Но эта компенсация оказалась суррогатом, поскольку являлась частью Большой Лжи, именуемой «Каноническая Версия Истории».

Трудным и долгим было возвращение карачаево-балкарцев на родную землю, трудным и долгим оказалось и его возвращение в свою историю. Нерешенность проблем этногенеза является тормозом, который мешает многим исследователям выяснять и анализировать корни тех или иных явлений, находить верные объяснения мотивов и сюжетов фольклора, этимологическим изысканиям и т. д. И это вполне понятно: история - наука базовая (несмотря на то, что она с этой ролью пока справляется плохо). За последние полвека в области исследований карачаево-балкарского языка, фольклора, языка, народного искусства и традиций было сделано многое, но, по сравнению с тем, что еще предстоит сделать, все достигнутое представляется каплей в море. Достаточно сказать, что одно лишь собрание материалов по традиционной культуре (духовной и материальной) заняло бы не менее 50 полновесных томов. Сумеет ли мы справиться с такими задачами, покажет время.

Автор книги, которую читатель только что прочитал (надеюсь, не без интереса и пользы), корпел над ней два года; появившись эта работа лет тридцать назад, он наивно думал бы, что ученый мир прислушается к тому, что в ней сказано. Но, к сожалению, автор уже немолод и смотрит на мир достаточно трезво. Для адекватного понимания трудов, посвященных исследованию истории, даже написанных таким простым языком, как эта, требуется определенная подготовка – но людей, обладающих ею, мало. Поэтому большинство рядовых читателей будет ждать, что скажут специалисты. Самые дисциплинированные из карачаево-балкарских ученых (филологов, историков, фольклористов и пр.) читать ее не станут, занятые исключительно добытием хлеба насущного. Другие, сойдясь в кружок, придут к мнению, что она «ненаучна»: автор не верит Скалигеру, но верит, что всемирный потоп был – стало быть, все сказанное им неправильно, и все приведенные им факты - не факты. Третьи станут дожидаться, появятся ли рецензии, кто ее поругает или похвалит (или никто книгу не заметит). Обыкновенная история обыкновенной болезни – провинциализма.

Что же касается тюркских стран и республик, то их официальные историки (за исключением отдельных ученых), вероятно, еще долго будут повторять успешно навязанные им академическо-романтические небылицы об «алтайско-китайско-монгольско-забайкальской» прародине тюрков, их тысячелетнем исходе из нее, о «могучих кочевых империях», которые «управлялись из седла» и т. п. Отсюда несколько неожиданный вывод: самыми хорошими (т. е. внимательными и квалифицированными) читателями нашего исследования могут оказаться те, с кем автор полемизировал – иранисты (если, конечно, удосужатся ее прочесть; как выяснилось, они плохо читали даже В. И. Абаева). К сожалению, позиция, которую они занимали до сих пор, умалчивая о неприятных для них фактах или придумывая им совершенно фантастические объяснения, свидетельствует, что обсуждению и спокойной полемике иранисты предпочитают обвинения оппонентов в разных предосудительных стремлениях и намерениях.

Я внимательно просмотрел свою монографию и еще раз обдумал все, что в ней сказано. Можно ли, не погрешив против истины, опровергнуть приведенные в ней факты, аргументы, выводы? Нет, нельзя. Потому что их слишком много (есть еще и немалое количество других). И потому, что они слишком явны и однозначны: можно давать уклончивые ответы на прямые вопросы или уходить от них, но опровергнуть такую массу

фактов и объяснить сотни противоречий невозможно. Следует учитывать также, что все больше становится исследователей, ясно понимающих абсурдность теории, утверждающей иранство «кочевников Восточной Европы», что будут появляться все новые и новые факты и научные работы. Да и много ли надо ума, чтобы разглядеть типичных средневековых тюрок в скифах и аланах, конных стрелках, набрасывающих арканы на врагов, коневодах-конейдах, возводящих курганы и т. д.?

Впрочем, многие сведущие ученые давным-давно и прекрасно знали, что скифы, саки, сарматы, массагеты, аланы – это тюрки и что широко распространенное мнение об их ираноязычии – не более, чем результат конвенции и рекламы. Но говорить об этом не хотели – по разным причинам. Помнится, однажды в Нальчике, в кулуарах научной конференции, проходившей в середине 80-х годов, археолог И. М. Мизиев задал выдающемуся тюркологу Б., осторожный, но прямой вопрос: «Как вы думаете, были некоторые скифо-сарматские племена тюркоязычными или нет?». Тот ответил, не задумываясь: «Конечно, были». Пораженный И. М. Мизиев снова спросил: «Почему же вы об этом не пишете?». Объяснение языковеда, который как бы даже удивился наивности археолога, оказалось очень простым: «Ну, дорогой Исмаил, это же вотчина Василия Ивановича Абаева!». Такой вот научный феодализм, наследие времен раннего культа личности (биология – вотчина Лысенко, языкознание – вотчина Марра и т. д.).

Иранистам, живущим не в нашем трудном регионе, людям со стороны, гораздо легче вносить коррективы в свои взгляды. Иное дело – осетинские ученые, которых «мировая наука» ввела в заблуждение и обрекла заниматься распространением ложной теории. Я прекрасно понимаю всю сложность ситуации, в которой они скоро окажутся, но та позиция, которую они занимают сейчас, в моих глазах все равно является чем-то совершенно непостижимым. Зачем, придумывая немыслимые интерпретации и «недостающие» термины и умалчивая о бесчисленных фактах, держать свой народ, живущий по чужому паспорту, в республике с чужим (а потому и двойным, двойственным) названием, в неведении о его подлинных предках и в полном отрыве от истории родственных ему иранских народов, напялив на него костюм «северного кочевника» и отняв у его земли родное и звучное название - Иристон?

Конечно, никто не вправе запретить осетиноведам, если это им нравится, и дальше считать себя и своих соплеменников прямыми потомками «ираноязычных» скифов и алан – пусть и вопреки всему. Но никто и не вправе требовать от карачаево-балкарских ученых признать эту «теорию», как и выдвигать против них абсурдные обвинения в поиске великих предков, желании разрушить дружбу народов, присвоить себе чужую историю и пр. Наилучшим (честным и мужественным) для осетиноведов выходом из положения было бы следующее: открыто признать, что никакого «североиранского мира» никогда не было и что скифо-сармато-саки – это предки современных тюркских народов. Означало бы это, что труды иранистов, среди которых немало талантливых и даже выдающихся специалистов, оказались напрасной затратой времени, сил и средств? Ни в коем случае. Во-первых, осетины являются потомками алано-киммерийцев, пусть и не прямыми. Во-вторых, осетиноведами многое сделано для привлечения интереса к истории скифо-сармато-саков, их стараниями издано немало ценных исследований, сборники сведений из нарративных источников и т. д. Все это было не под силу кумыкам, карачаево-балкарцам, крымцам, чьи возможности, по разным причинам, слишком ограничены и сейчас.

Научная литература, посвященная истории и культуре «северных кочевников-иранцев» огромна; ежегодно выходят новые книги, альбомы и статьи, проводятся конференции и симпозиумы. Но рано или поздно ученый мир будет вынужден признать, что скифо-сармато-саки являлись предками тюрок; это только дело времени. Нет сомнения и в другом: уразумев, что спасти возлюбленную теорию невозможно, «мировая

академическая наука» сразу же потеряет всякий интерес к скифо-сармато-сакам, объяснив это тем, что их роль в истории гораздо, намного меньше, чем думали в XX в. Впрочем, это не имеет никакого значения. Историки могут заблуждаться, делать ошибки, даже говорить глупости, но не имеют права лгать или умалчивать о фактах, которые им не нравятся. Каждому человеку, кем бы он ни был по профессии, стоит помнить о том, что пророк Исса называл «отцом лжи» врага рода человеческого. Наш долг – любить, искать и говорить правду.

2008-2010 гг., сел. Хасанья

БИБЛИОГРАФИЯ

- АБКИЕА – Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII – XIX вв. – Нальчик, 1974.
- АВДИКБ – Археология и вопросы древней истории Кабардино-Балкарии. Выпуск 1. – Нальчик, 1980.
- АВЭИСК – Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. – Грозный, 1979.
- АИК – Аланы: история и культура. – Владикавказ, 1995.
- АИСК – Античные источники о Северном Кавказе. – Нальчик, 1990.
- АПКБНЯ – Актуальные проблемы карачаево-балкарского и ногайского языков. – Ставрополь, 1981.
- ВИКССК – Вопросы историко-культурных связей на Северном Кавказе. – Орджоникидзе, 1985.
- ВТДРС – Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М., 1992.
- ДГТС – 1982. - Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1982 год. – М., 1984.
- ДГТС – 1987. - Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1987 год. – М., 1991.
- ИККНАЯО – Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности. – М., 1986.
- ИНСКДВ – История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. – М., 1988.
- ИЮОНИИ – Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института.
- ИЭЖНСК – История, этнография и культура народов Северного Кавказа. – Орджоникидзе, 1981.
- КБФДЗП - Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях. – Нальчик, 1983.
- КДПАА – Кавказ и Дон в произведениях античных авторов. – Ростов-на-Дону, 1990.
- КЭС – Кавказский этнографический сборник, IX. – М., 1989.
- МИКНК – Материалы по истории кочевых народов в Китае III – V вв. Выпуск 1. Сюнну. – М., 1989.
- МИС – Материалы по истории СССР. 1 выпуск. – М., 1985.
- ОК – Ономастика Кавказа (Межвузовский сборник статей). – Орджоникидзе, 1980.
- ПБК – О происхождении балкарцев и карачаевцев. Материалы научной сессии по происхождению балкарского и карачаевского народов. – Нальчик, 1960.
- ПИКБНЯ – Проблемы истории карачаево-балкарского и ногайского языков. – Черкесск, 1989.
- ПОН - Происхождение осетинского народа. Материалы научной сессии, посвященной

проблеме этногенеза осетин. – Орджоникидзе, 1967.

ППКОО - Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Книги 3 и 5. Цхинвали, 1987, 1991.

ПЭО – Проблемы этнографии осетин. – Орджоникидзе,

ПИЭО – Проблемы исторической этнографии осетин. – Орджоникидзе, 1988

ПСК – Проблемы скифской археологии. – М., 1971.

РБФУВЕ - Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. – Казань, 1990.

СЕЧССВ – Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. – М., 1989.

СЕЭС – Степи Евразии в эпоху средневековья. – М., 1981.

ТДСКССА – Тезисы докладов и сообщений на конференции по вопросам скифо-сарматской археологии. – М., 1986.

ЭКБ – Этногенез карачаевцев и балкарцев. Материалы «Круглого стола» (сентябрь 1994 г., г. Карачаевск). – Карачаевск, 1997.

Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949.

Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка, в 4 т. (ИЭСОЯ). - М., 1958-1989.

Абаев В. И. Скифо-сарматские наречия. // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. - М., 1979.

Абаев В. И. AVESTICA. // Проблемы осетинского языкознания, выпуск 2. – Орджоникидзе, 1982.

Абаев В. И. Нартовский эпос осетин. – Цхинвали, 1982.

Абаев В. И. Избранные труды. Религия. Фольклор. Литература. – Владикавказ, 1990.

Абазинские народные сказки. – М., 1985.

Авдусин Д. А. Основы археологии. М., 1989.

Азаматов К. Г., Хутуев Х. И. Мисост Абаев. – Нальчик, 1980.

Алексеева Е. П. Карачаевцы и балкарцы – древний народ Кавказа. – Черкесск, 1963.

Алиев К. Г. Античные источники по истории Азербайджана. – Баку, 1986.

Аталиков В. М. Страницы истории. – Нальчик, 1987.

Ахметьянов Р. Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. – М., 1981.

Бабаев С. К. К вопросам истории, языка и религии балкарского и карачаевского народов. – Нальчик, 2000.

Бадахов Ш. С. По следам тюрок Северного Кавказа. Карачаевск, 2004.

Байрамкулов А. М. Правда об аланах. – Ставрополь, 1999.

Байчоров С. Я. Аланский язык (часть 2). – Карачаевск, 2009.

Балкария – страна гор и ущелий. Этнос, экскурс, орография в текстах и фотодокументах, в двух томах. – Нальчик, 2009.

Балкаров Б. Х. Адыгские элементы в осетинском языке. – Нальчик, 1991.

Батчаев В. М. Предкавказские половцы и вопросы тюркизации средневековой Балкарии. - //АВДИКБ. – Нальчик, 1980.

Батчаев В. М., Вайнштейн С. И. К проблеме кочевнического комплекса в традиционной культуре горцев Кавказа (балкарцев и карачаевцев). //Этнография и современность. – Нальчик, 1984.

Бахрах Б. С. Аланы на Западе. – М., 1993.

Бзаров Р. С. История в осетинском предании. – Вдидикавказ, 1993.

Берозов Б. П. Переселение осетин с гор на плоскость. – Орджоникидзе, 1980.

Биджиев Х. Х. Тюрки Северного Кавказа. – Черкесск, 1993.

Блиев М. М. Русско-осетинские отношения (40-е гг. XVIII- 30-е гг. XIX в.). –

Орджоникидзе, 1970.

Будаев Н. М. «Западные тюрки в странах Востока», Нальчик, 2002.

Бушков, Александр. Россия, которой не было. – М., 1997.

Бушков, Александр. Чингисхан. Неизвестная Азия. – М., 2007.

Бычков А. А. Московия. Легенды и мифы. – М., 2005.

Бычков А. А. Киевская Русь. – М., 2009.

Бязыров А. Х. Мифические предания и поверья о происхождении осетин. // ИЮОНИИ, вып. XXV. – Тбилиси, 1980.

Вагапов Я. С. Вайнахи и сарматы. – Грозный, 1990.

Валянский Сергей, Калужный Дмитрий. Другая история Руси. – М, 2001.

Валянский Сергей, Калужный Дмитрий. Другая история Средневековья. – М., 2001.

Ванеев З. Н. Средневековая Алания. – Сталинир, 1959.

Вернадский Г. В. Древняя Русь. М., 2000.

Виноградов В. Б., Деппиева А. Б. Старинные монеты – свидетели прошлого. – Нальчик, 1990.

Габуев Т. А. Ранняя история алан. – Владикавказ, 1999.

Гагкаев К. Е. Кавказский языковой союз и осетинский язык. // Осетинская филология, вып. 3. – Орджоникидзе, 1984.

Гаглойти Ю. С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. – Тбилиси, 1966

Гаглойти Ю. С. Действительность и домыслы (по поводу книги И. М. Мизиева «Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа»). // ИЮОНИИ, вып. XXXI. Тбилиси, 1987.

Гаглойти Ю. С. Проблемы этнической истории южных осетин. – Цхинвал, 1996.

Гаглойти Ю. С. Южная Осетия. – Цхинвал, 1993.

Гадло А. В. Страна Ихран (Ирхан) дагестанской хроники «Дербенд-наме». // Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии. – Орджоникидзе, 1984.

Галкина Е. С. Тайны Русского каганата. – М., 2002.

Герберштейн С. Записки о Московии. – М. 1988.

Геродот. История. – М., 2006.

Гумилев Л. Н. Древние тюрки. – М., 1993.

Гумилев, Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. – М., 2001.

Гуриев Т. А. К проблеме генезиса осетинского нартовского эпоса. – Орджоникидзе, 1971.

Гуриев Т. А. Антропонимия осетинского нартовского эпоса. – Орджоникидзе, 1981.

Гуриев Т. А. Проблемы Нартиады. – Орджоникидзе, 1982.

Гуриев Т. А., Тулатова Е. А. К этимологиям проф. Г. Бейли. // Проблемы осетинского языкознания, вып. 2. – Орджоникидзе, 1987.

Гуриев Т. А. Наследие скифов и алан. – Владикавказ, 1991.

Гуриев Т. А. Памятник особого рода: язык. – Владикавказ, 1995.

Гутнов Ф. Х. Генеалогические предания осетин как исторический источник. – Орджоникидзе, 1989.

Гутнов Ф. Х. Ранние аланы. Проблемы социальной истории. – Владикавказ, 2001.

Догузов К. Г. О месте алан в связях Византии с Китаем. // ИЮОНИИ, вып. XXXI. – Тбилиси, 1987.

Дугин А. Г. Эволюция парадигмальных оснований науки. – М., 2002.

Дюмезиль Ж. Скифы и нарты. – М., 1990.

Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. – М., 1977.

Еникеев Г. Р. Корона ордынской империи. – М., 2007.

Джиоев М. К. О нашествии Тимура на Северный Кавказ в 1395 году. // ИЮОНИИ, вып.

XXXI. – Тбилиси, 1987.

- Джуртубаев М. Ч. Древние верования балкарцев и карачаевцев. – Нальчик, 1991.
- Джуртубаев М. Ч. Карачаево-балкарский героический эпос. – М., 2004.
- Джуртубаев М. Ч. Другая повесть о походе Игоря. – Нальчик, 2004.
- Дзаттиаты Г. П. К вопросу о царциатах. // ИЮОНИИ, вып. XXV. – Тбилиси, 1980.
- Дзиццойты Ю. А. Нарты и их соседи. – Владикавказ, 1992.
- Заборов М. А. История Крестовых походов в документах и материалах. – М., 1977.
- Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. – Ленинград, 1974.
- Закиев М. З. Проблемы языка и происхождения волжских татар. – Казань, 1986.
- Закиев М. З., Кузьмин-Юманади Я. Ф. Волжские булгары и их потомки. – Казань, 1993.
- Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. – Баку, 1986.
- Ибрагимов Н. Ибн Баттута и его путешествия по Средней Азии. – М., 1988.
- Иванов Н. А. Османское завоевание арабских стран 1516-1574. – М., 2001.
- История Северо-Осетинской АССР, т. 1. – Орджоникидзе, 1987.
- История Средних веков, том 1. – М., 1952.
- История СССР с древнейших времен до наших дней, в двух сериях, в двенадцати томах. Тома I – IV. – М., 1966.
- Кабардинский фольклор. Нальчик, 2000.
- Как была крещена Русь. – М., 1989.
- Калоев Б. А. Осетины (историко-этнографическое исследование). – М., 1971.
- Калоев Б. А. М. М. Ковалевский и его исследования горских народов Кавказа. – М., 1979.
- Калоев Б. А. Земледелие народов Северного Кавказа. – М., 1981.
- Калоев Б. А. Снова в стране венгерских ясов. // ИЮОНИИ, вып. XXXII. – Тбилиси, 1988.
- Калоев Б. А. Скотоводство народов Северного Кавказа. – М., 1993.
- Керменчиев С. Р., Големба М. Л. Черкесы и Кабарда. – Пятигорск, 2008.
- Кёстлер А. Тринадцатое колено. – СПб, 2001.
- Кидирниязов Д. С. Ногайцы в известиях русских, западноевропейских и восточных авторов XV – XVIII вв. – Махачкала, 1999.
- Ковалевская В. Б. Кавказ и аланы. – М., 1984.
- Кожин, Вадим. История Руси и русского слова. – М., 2001.
- Козаев П. К. Нартовский эпос как исторический источник. // Проблемы хронологии археологических памятников Северного Кавказа. – Орджоникидзе, 1985.
- Коков Дж. Н. Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик, 1974.
- Константин Багрянородный. Об управлении империей. М, 1991.
- Короглы Х. Огузский героический эпос. – М., 1976.
- Кубанов А. Х. Ассия и Асгард на Кавказе. – Москва – Ставрополь, 2004.
- Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа. – М., 1962.
- Кузнецов В. А. Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа. – Орджоникидзе, 1980.
- Кузнецов В. А. Тюркские изваяния из Пятигорья. // АВДИКБ. – Нальчик, 1980.
- Кузнецов В. А. Очерки истории Алании. – Орджоникидзе, 1984.
- Кузнецов В. А. Национальное согласие и современная историография Северного Кавказа. // Ж-л «Тарих», № 4. – Махачкала, 1997.
- Кузнецов В. А. Реком, Нузал и Царазонта. – Владикавказ, 1990.
- Кулаковский Ю. А. Избранные труды по истории аланов и Сарматии. – СПб, 2000.
- Лавров Л. И. Избранные труды по культуре абазин, адыгов, карачаевцев, балкарцев. – Нальчик, 2009.

- Лайпанов К. Т., Мизиев И. М. О происхождении тюркских народов. – Черкесск, 1993.
- Лайпанов К. Т. Тюркский мир: истоки и связи. – Черкесск, 2007.
- Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. // Вестник древней истории, 1947 – 1952.
- Лайпанов К. Т., Хатуев Р. Т., Шаманов И. М. Карачай с древнейших времен до 1917 года. – М., Черкесск, 2009.
- Магомедов М. Г. Образование Хазарского каганата. – М., 1983.
- Магометов А. Х. Культура и быт осетинского народа. – Орджоникидзе, 1968.
- Магометов А. Х. Общественный строй и быт осетин (XVII-XIX вв.). – Орджоникидзе, 1974.
- Матузова В. И. Английские средневековые источники IX – XIII вв. – М., 1979.
- Мельникова Е. А. Древнескандинавские географические сочинения. – М., 1986.
- Мизиев И. М. Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. – Нальчик, 1986.
- Мизиев И. М. История рядом. – Нальчик, 1990.
- Мизиев И. М. Очерки истории и культуры Балкарии и Карачая XIII – XVIII вв. – Нальчик, 1991.
- Мизиев И. М. Народы Кабарды и Балкарии в XIII – XVIII вв. – Нальчик, 1995.
- Мизиев И. М. История Балкарии и Карачая с древнейших времен до походов Тимура. – Нальчик, 1996.
- Мизиев И. М. Средневековая Балкария. Нальчик, 2009.
- Миллер Вс. Эпиграфические следы иранства на юге России. // Журнал министерства народного просвещения, часть 247. – СПб, 1886.
- Миняев С. С. Исчезнувшие народы. – М., 1984.
- Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана. – М., 1979.
- Мэн Дж. Аттила. М., 2007.
- Народы России. Энциклопедия. – М., 1994.
- Нарты. Осетинский героический эпос, в трех книгах. – М., 1989-1991.
- Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. – М. 1994.
- Нартла. Нальчик, 1995.
- Немет Ю. Список слов на языке ясов, венгерских алан. – Орджоникидзе, 1960.
- Ньоли Г. Название алан в сасанидских надписях. – Владикавказ, 2001.
- Осетинско-русский словарь (ОРС). – Орджоникидзе, 1970.
- Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII- XIX вв.). Орджоникидзе, 1967.
- Основы евразийства. – М., 2002.
- Очерки истории Юго-Осетинской автономной области, том 1. – Тбилиси, 1985.
- Пензев К. А. Великая Татария. История земли Русской. – М., 2006.
- Пензев К. А. Хан Рюрик: начальная история Руси. – М., с. 2007.
- Поэма об Алгузе. – М., 1993.
- Першиц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П. История первобытного общества. М., 1982.
- Плетнева С. А. Хазары. – М., 1986.
- Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье. – М., 1989.
- Поло М. Книга о разнообразии мира. – М., 2005.
- Подосинов А. В. Произведения Овидия как источник по истории Восточной Европы и Закавказья. – М., 1985.
- Пропп В. Я. Морфология сказки. – М., 1969.

Путешествие Абу Хамида Ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131-1153). – М., 1971.

Пчелина Е. Г. Аертаекъахыг – осетинский мифологический конь (бронзовые фигурки VI – VII вв. н. э.). // Новые материалы по археологии Центрального Кавказа. – Орджоникидзе, 1986.

Равдоникас Т. Д. Очерки по истории одежды населения Северо-Западного Кавказа (V в до н. э. – конец XVII в.). – Ленинград, 1990.

Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. – М., 1977.

Рашид-ад-дин. Сборник летописей. – М., 1952, 1960.

Рашид-ад-Дин. Огуз-наме. – Баку, 1987.

Руденко С. И. и Н. М. – Искусство скифов Алтая. – М., 1949.

Русско-осетинский словарь (РОС). – Орджоникидзе, 1970.

Русско-осетинские отношения в XVIII веке. Сборник документов в 2-х томах. – Орджоникидзе, 1976, 1984.

Сборник сведений о кавказских горцах. М., 1992.

Сибэгатуллин Ф. С. От Аттилы до Президента. Казань, 2008.

Сказания о нартах. Осетинский эпос. – Цхинвали, 1981.

Сланов А. Х. Железный век на территории Южной Осетии. – Цхинвали, 1989.

Созаев К. Г. Кто мы родом: осетины или аланы? – Владикавказ, 2000.

Тамерлан. Автобиография. Уложение. – М., 2006.

Тебугев Р. С., Хатуев Р. Т. Очерки истории карачаево-балкарцев. – Москва-Ставрополь, 2002.

Текеев К. М. Карачаевцы и балкарцы. – М., 1999.

Техов Ф. Д. Происхождение имен «Сослан» и «Созырыхъо» в нартском эпосе и осетинском языке. // ИЮОНИИ, вып. XXXI. Тбилиси, 1987.

Тилов Р. Р. Сага о Кавказе. Ранняя история алано-балгар. – Нальчик, 2005.

Тойнби А. Дж. Постигание истории. – М., 1991.

Тогошвили Г. Д. Сослан-Давид. – Владикавказ, 1990.

Толстова Л. С. Исторические предания Южного Приаралья. – М., 1984.

Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. – М., 2007.

Уарзиати В. С. Культура осетин: связи с народами Кавказа. – Орджоникидзе, 1990.

Федоров-Давыдов Г. А. Четверть века изучения средневековых городов Нижнего Поволжья. // Советская археология, 1984, № 3.

Федоров Я. А., Федоров Г. С. Ранние тюрки на Северном Кавказе. – М., 1978.

Фрай Р. Наследие Ирана. – М., 1972.

Халиков А. Х. Татарский народ и его предки. – Казань, 1989.

Хасанланы Назир. Къарча. – Черкесск, 1994.

Хейзинга, Йохан. Осень Средневековья. – М., 1995.

Хетагуров, Коста. Собрание сочинений, в трех томах. М., 1974.

Цагаева А. Дз. Топонимия Северной Осетии. – Орджоникидзе, 1971.

Ципинов А. А. Народная историческая проза адыгов. – Нальчик, 2000.

Черненко Е. В. Скифский доспех. – Киева, 1968.

Четиты Р. Д. Народные истоки осетинского театра. – Цхинвали, 1989.

Чибиров Л. А. Древнейшие пласты духовной культуры осетин. – Цхинвали, 1984.

Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения. М., 1980.

Шарпантье Л. Гиганты и тайна их происхождения. М. 1998.

Шнирельман В. А. Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. – М., 2006.

Эрдели И. Путешествия Мора Дечи по Кавказу. // Вопросы осетинской археологии и

этнографии, вып. XXXVI. – Орджоникидзе, 1980.
Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М., 1991.

Изданные работы М. Ч. Джуртубаева

Древние верования балкарцев и карачаевцев. (Краткий очерк).- Нальчик, 1991, 256 стр.

Духовная культура карачаево-балкарского народа.- Нальчик, 1994; 1997; М. , ж-л «Ас-Алан», 2000, № 1, 110 стр.

Душа Балкарии.- Сборник статей.- Нальчик, 1997, 225 стр.

Карачаево-балкарский героический эпос.- М., 2004, 287 стр.

Другая повесть о походе Игоря. Нальчик, 2004, 263 стр.

Тенгрианство и тюрки (237 стр.). В книге: Ёзден Адет. **Этический кодекс карачаево-балкарского народа.** (Составление, комментарии и перевод на русский язык). Нальчик, 2005, 576 стр.

Тенгрианство и тюрки (307 стр.). В книге: Ёзден Адет. **Этический кодекс карачаево-балкарского (аланского) народа.** Издание второе, дополненное. Нальчик, 2009, 637 стр.

Дышать Родиной. Сборник статей (в печати). 500 стр.

Сборники

Билляча («Всезнайка»). Сборник народных детских песенок (на кар.-балк. яз.). – Нальчик, 1986, 124 стр.

Нартские песни и сказания (на кар.-балк. яз.). – Нальчик, 1992, 150 стр.

Нарты. Карачаево-балкарский героический эпос (на кар.-балк. яз.). – Нальчик, 380 стр.

Ёзден Адет (Узденьская Традиция).- Этический кодекс аланского (карачаево-балкарского) народа. Составление, предисловие и перевод на русский язык. Нальчик, 2001, 280 стр.

Къарачай-малкъар мифле. Нальчик, 2007, 494 стр.

Карачаево-балкарские мифы. Нальчик, 2007, 484 стр.